„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

8.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

АВРААМІЙ ПАЛИЦЫНЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

I.

Печатныя изданія Сказанія Палицына.—Обзоръ нѣкоторыхъ рукописныхъ экземпляровъ процессъ писанія Сказанія; редактированіе его въ 1620 году.—Сличеніе черноваго текста первыхъ шести главъ съ бѣловымъ.—Вѣроятныя причины, побудившія Палицына написать Сказаніе.—Побужденіе къ исправленію.—Редакція 61-й главы.

До нашего времени сохранилось составленное Авраамiемъ Палицынымъ описаніе событій эпохи смутнаго времени и преимущественно осады Троице-Сергіева монастыря, извѣстное вообще въ исторической литературѣ подъ названіемъ: *Сказаніе келаря Авраамія Палицына.* Оно имѣетъ большое значеніе прежде всего въ смыслѣ автобіографическаго очерка Палицына: о дѣятельности его въ эпоху смутнаго времени никто почти изъ современниковъ не говоритъ; Палицынъ самъ о себѣ разсказываетъ. Помимо этого, Сказаніе Палицына даетъ обильный матеріалъ для изученія событій смутнаго времени, одной изъ величайшихъ эпохъ Русской исторической жизни. Въ литературномъ отношеніи оно представляетъ собою любопытный памятникъ исторической письменности начала XVII-го вѣка.

Сказаніе Палицына имѣетъ два печатныхъ изданія: одно 1784 г., другое 1822 г. Въ обоихъ печатныхъ изданіяхъ на заглавныхъ листахъ Сказаніе носитъ слѣдующее полное надписаніе: «Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ». Но это заглавіе неподлинное, потому что книга заключаетъ въ себѣ, кромѣ повѣствованія объ осадѣ и бывшихъ потомъ мятежахъ до Деулинскаго мира включительно, краткій разсказъ о царствованіи Ѳеодора Ивановича, Бориса, Растриги и Шуйскаго. Вѣроятно это заглавіе сочинено изда-

телемъ, но не самимъ авторомъ. Въ рукописныхъ экземплярахъ и въ началѣ текста печатныхъ изданій Сказаніе Палицына оглавляется такъ: «Исторія въ память впредъидущимъ родомъ, да незабвенна будутъ благодѣянія Божія, иже [1]) показа намъ Мати Слова Божія отъ всей твари [2]), благословенная приснодѣвая Марія, и како соверши обѣщаніе свое къ преподобному Сергію «еже» [3]) яко неотступна буду отъ обители твоея. Писано же бысть [4]), тоя же великія обители Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря келаремъ старцемъ Авраамiемъ Палицынымъ». Это заглавіе и принадлежитъ самому автору. Палицынъ называетъ свою книгу *исторiею* и въ послѣсловіи къ своему сказанію, которое сохранилось только въ нѣкоторыхъ рукописныхъ экземплярахъ. «Послѣдоважеся», говоритъ Палицынъ, «и исправися книга сія, глаголемая *исторія* вкратцѣ» и проч. Исторіею называли Сказаніе Палицына и переписчики его Сказанія. Напримѣръ въ рукописи Троице-Сергіевой лаврской библіотеки № 733, читаемъ: «книга, глаголемая *исторія* Троецкая, а въ ней 79-ть главъ». Въ рукописи Казанской Духовной Академіи (куда перешла библіотека Соловецкаго монастыря, гдѣ подъ конецъ своей жизни находился Палицынъ), № 627 на листахъ съ 1—12, внизу сдѣлана слѣдующая приписка: «книга *исторія* о Московскомъ государствѣ и собраніе изъ иныхъ книгъ, келейная, Соловецкаго монастыря соборнаго старца Иринарха Торбѣева». Исторіею называли Сказаніе Палицына и его современники. Въ житіи преподобнаго Діонисія Иванъ Насѣдка говоритъ Симону келарю: «О чемъ (т.-е. смотри о бѣдствіяхъ смутнаго времени) пространно въ *исторіи* большой, писанной у Живоначальныя Троицы» [5]). Новый Лѣтописецъ замѣчаетъ: «о чудесахъ же чудотворцевъ Сергія и Никона, еже учиниша во время осады, зри въ особой *исторіи*» [6]). Что во свидѣтельствахъ Ивана Насѣдки и Новаго Лѣтописца слѣдуетъ разумѣть Сказаніе Палицына, это подтверждаетъ и прямой смыслъ этихъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе намѣреніе автора и взглядъ современниковъ на его трудъ, Сказаніе Палицына справедливѣе было бы назвать исторіею; но такъ какъ въ исторической терминологіи уже упрочено за нимъ названіе

---

[1]) Въ нѣкотор. рукоп. „еже“.

[2]) Въ друг. рукоп.: „всегда отъ всей твари“.

[3]) Въ нѣкотор. рукоп. приб.—рече.

[4]) Въ др. рукоп. „списано же“.

[5]) Житіе препод. Діонисія, стр. 72.

[6]) Новый лѣтописецъ, стр. 95.

«Сказаніе», то этому названію естественнѣе сохраниться и на будущее время.

Оба печатныхъ изданія Сказанія представляютъ собою текстъ довольно неисправный. Первыя шесть главъ напечатаны въ сокращенномъ изложеніи, съ бѣловаго текста Сказанія. Глава 61-я, въ которой идетъ разсказъ о взятіи Шуйскимъ Троицкой казны, напечатана наоборотъ съ черноваго списка. Послѣсловія, или такъ-называемой авторской исповѣди Палицына, вовсе не напечатано. Не только текстъ, но даже заглавія встрѣчаются въ печати искаженными. Напр. глава 54-я называется «О помощи Чудотворца и надежныхъ выласкахъ». Слѣдуетъ читать «въ ненадежныхъ», что подтверждается содержаніемъ 54-й главы. Глава 65-я имѣетъ заглавіе: «О обманѣ надъ Москвичи лжеанти-христовыхъ правитель». Слѣдуетъ читать: «лжехристовыхъ». Текстъ нѣкоторыхъ главъ нераздѣленъ. Напр. 34-я глава называется: «О измѣнѣ казначея Іосифа Дѣвочкина и о смерти его»; въ рукописныхъ экземплярахъ эта глава раздѣляется оглавленіемъ на двѣ части: первая идетъ до словъ: «ровъ же рыя незлобивымъ»; вторая предъ этими словами имѣетъ оглавленіе: «О смерти Іосифовѣ», каковое раздѣленіе даетъ возможность лучше выяснить смыслъ содержанія и др. Въ самомъ текстѣ встрѣчается много погрѣшностей и довольно крупныхъ, которыя дали поводъ историкамъ обвинять автора Сказанія въ большой недобросовѣстности. Напр. въ извѣстномъ разсказѣ Палицына о томъ, какъ онъ въ Ярославлѣ убѣждалъ Пожарскаго поспѣшить немедленнымъ походомъ къ Москвѣ, сказано, что Палицынъ «пойде въ Ярославль Іюля въ 28-й день». А 29-го Іюля Пожарскій уже вышелъ изъ Ярославля. На этомъ основаніи заподозрили Палицына въ томъ, что въ Ярославлѣ онъ вовсе не былъ. Между тѣмъ въ печатномъ стоитъ описка: слѣдуетъ вмѣсто Іюля читать Іюня. Вообще ошибокъ въ текстѣ встрѣчается очень много. Напр. въ одной главѣ 48-й встрѣчаются слѣдующія описки: «по престаніи же ранъ праведныхъ наказанія отъ Бога». Слѣдуетъ читать: «по престаніи же брани праведнаго наказанія отъ Бога» и т. д. Разсказывается о томъ, какъ Поляки застращивали осажденныхъ въ монастырѣ сдаться: «таковѣми бо змѣиными лестьми многія грады прельстивше» и т. д.; слѣдуетъ читать: «таковѣми бо боязньми и иными лестьми» и пр. Или еще, въ печати читается: «бысть же сей приступъ третій великій Іюля въ 31-й день, канонъ госпожинскаго заговѣнья, во обители Чудотворца болѣ двою сотъ человѣкъ не бяше»; слѣдуетъ вставить: «тогда здравыхъ отнюдь», т.-е. вообще съ слабыми и больными оставалось гораздо больше двухъ сотъ человѣкъ. Въ печати читаемъ: «и егда хотѣхомъ бѣжати и внезапу мы убо, аки связани и гоними, идохомъ къ

смерти»; слѣдуетъ читать: «и егда хотѣхомъ бѣжати, и внезапу поидоша со всѣхъ странъ къ приступу и мы убо» и пр. Въ концѣ главы: «азъ же Андрей всегда плакахомся»; слѣдуетъ читать «азъ же Андрей съ ними (осаждавшими, а не одинъ) всегда плакахомся». Помимо погрѣшностей въ искаженіи текста печатныя изданія неисправны и ороографически. Знаки препинанія разставлены большею частію невѣрно, вслѣдствіе чего искажается смыслъ рѣчи, и требуется слишкомъ внимательное чтеніе для того, чтобы понять смыслъ читаемаго. Тѣмъ не менѣе значительнаго и систематическаго искаженія текста не представляютъ печатныя изданія. При сравненіи ихъ съ рукописными экземплярами во многихъ случаяхъ печатный текстъ не хуже рукописнаго. Въ виду того, что печатныя изданія Сказанія составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, и что Сказаніе во всякомъ случаѣ является въ высшей степени любопытнымъ памятникомъ нашей древней исторіографіи, было бы не лишне сдѣлать сводный текстъ Сказанія и отпечатать его хотя въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, еслибы представилась къ тому счастливая возможность.

Кромѣ двухъ печатныхъ изданій, Сказаніе Палицына существуетъ во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ и вездѣ имѣетъ несходства, по мѣстамъ значительныя. Намъ извѣстны слѣдующіе рукописные экземпляры:

1) Троице-Сергіевой лаврской библіотеки № 733, въ 4° листа. Скоропись начала первой половины XVII-го вѣка. Рукопись оканчивается, какъ и печатное изданіе 1784 г., имѣетъ оглавленіе, въ концѣ котораго помѣщено: «во 117 г. Сентября въ 23-й день пріиде подъ Троицкій монастырь Сапѣга и Лисовскій, а отступи въ 118 г. Генваря въ 12-й день; и всего монастырь бысть въ осадѣ годъ и три мѣсяца и двадцать дней». На 10 листѣ написано: «къ сей книгѣ исторіи повелѣніемъ отъ княжны Прасковьи Ивановны Левка Шапкинъ руку приложилъ». Въ концѣ 2-й главы прибавлено: «къ сему же приписано съ Московской», т.-е. третья глава печатнаго изданія и слѣдующія. Чтеніе рукописи неисправно. Съ стр. 37—40 печатнаго изданія въ рукописи пропускъ.

2) Библіотека Московской Духовной Академіи № 218, въ 4° л. Скоропись XVII-го вѣка, главъ 78; безъ конца: онъ утраченъ. Оканчивается рукопись на стр. 279 печатнаго изданія 1784 г., строка первая сверху, словомъ: «Мезецкой». Страницы 274—275 печатнаго изданія 1784 г. написаны другою рукою. Въ концѣ рукописи помѣщено оглавленіе, которое начинается: «исторія вкратцѣ отъ начала царства блаженнаго царя Ѳеодора Ивановича». Оглавленіе неполное

и притомъ перепутано съ обозначеніемъ главъ въ текстѣ. Листовъ 189: чтеніе сходно съ лаврскимъ экземпляромъ № 733.

3) Библіотеки Московской Духовной Академіи № 202, начинается съ 7-й главы печатнаго изданія 1784 г., оканчивается 61-ю. Четкая скоропись XVII-го вѣка, приближающаяся къ полууставу, въ 4° л.; чтеніе исправнѣйшее, лучше печатнаго. Варіантовъ, по сравненію съ печатнымъ изданіемъ, мало. На поляхъ рукописи сдѣланы поправки позднѣйшею рукою, впрочемъ незначительныя. Напр. на листѣ 56 въ текстѣ: Чудотворца; на полѣ прибавлено «великаго», въ текстѣ «слугъ», на полѣ прибавлено «Троицкихъ» и под.

4) Библіотеки Московской Духовной Академіи въ рукописномъ Сборникѣ № 175 л. 323—366 л. Здѣсь содержатся только первыя шесть главъ печатнаго изданія. Въ заглавіи: «списано же бысть тояже великія обители Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря келаремъ старцемъ Авраамiемъ Палицынымъ» нѣтъ. Судя по письму—древнѣйшій экземпляръ и *несомнѣнно списанный съ черновой рукописи*. Варіантовъ, не смотря на то, что экземпляръ содержитъ въ себѣ только первыя шесть главъ печатнаго изданія, очень много и значительныхъ. Эти варіанты имѣютъ нѣкоторое значеніе для характеристики царствованія Бориса, Отрепьева, Шуйскаго, нравовъ Русскаго общества конца XVI-го и начала XVII-го вѣковъ, состоянія церкви и духовнаго просвѣщенія этого времени. Но главнѣйше они уясняютъ намъ личные взгляды самого Палицына, какъ писателя. Въ печатныхъ изданіяхъ и въ другихъ рукописныхъ экземплярахъ эти первыя шесть главъ содержатся въ значительно сокращенномъ видѣ.

5) Библіотеки Румянцевскаго музея № 299, въ 4° л.; 237 листовъ, включая сюда и 6 листовъ оглавленія. Четкій полууставъ XVII в. Варіантовъ, сравнительно съ печатнымъ, мало; но чтеніе немногимъ лучше печатнаго. Послѣдней главы печатнаго изданія нѣтъ. На поляхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя другою рукою, но незначительныя. По внѣшнему виду этотъ экземпляръ представляетъ собою какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, изъ коихъ каждое начинается заглавіемъ, разрисованнымъ позолотою и узорами. Такихъ заглавій—три; въ началѣ 1-й главы, 7-й и 71-й печ. изданія.

6) Библіотеки Казанской Духовн. Академіи № 627-й, въ 4° л. Скоропись XVII в. Чтеніе одно изъ лучшихъ. Главъ содержитъ 78. Въ концѣ рукописи находится послѣсловіе—авторская исповѣдь Палицына. Послѣдняя 79 глава заключаетъ въ себѣ житіе архимандрита Діонисія, за которымъ помѣщено утѣшительное письмо къ нему. Въ концѣ рукописи помѣщенъ списокъ архимандритовъ и игуменовъ

Троицкой Лавры, кончающійся арх. Θеодосіемъ, четвертымъ преемникомъ препод, Діонисія (Θеодосій II-й умеръ въ 1674 г.).

7) Библіотеки Казанской Духовн. Академіи № 628, въ 8" листа. Этотъ экземпляръ одинъ изъ древнихъ. Первыя шесть главъ печатнаго изданія здѣсь не помѣщены, потому что утрачены, такъ какъ въ рукописи нѣтъ и первыхъ строкъ 7-й главы печ. изданія. Эта послѣдняя въ рукописи начинается такъ: «Творцевъ (т. е. Чудотворцевъ). глаголю же сего преподобнаго отца нашего Сергія и ученика его» и т. д. какъ въ печ. изданіи 1784 г. на стр. 51-й. Почеркъ письма, отсутствіе дѣленія на главы и обозначенія страницъ и знаковъ препинанія—все это говоритъ о древности описываемаго экземпляра.

Кромѣ этихъ, просмотрѣнныхъ и сличенныхъ нами рукописей, въ каталогахъ библіотекъ встрѣчаются указанія на цѣлую массу рукоп. экземпляровъ Сказанія. Отдѣльными отрывками въ рукописныхъ сборникахъ XVII в. Сказаніе встрѣчается очень часто. Такъ называемый третій разрядъ третьей редакціи хронографовъ, по мнѣнію г. Попова, составленъ между прочимъ и по Сказанію Палицына послѣ того, какъ оно въ исправленномъ видѣ (какъ объ этомъ говоритъ послѣсловіе) вышло въ свѣтъ [1]). Компиляціи подвергались главнымъ образомъ первыя шесть главъ печатнаго изданія, и послѣднія съ 62 по 86. Главы съ 62 по 85-ю до словъ: «мы же отцы и братія толико видяще»... стр. 270 Сказанія, помѣщены и въ «иномъ сказаніи о Самозванцахъ». Кромѣ того здѣсь же помѣщены: глава 51-я до словъ: «и конечнѣ хотяще разорити домъ пресв. Троицы», стр. 171 печ. изданія; глава 6-я до словъ: «въ таже времена»... до конца глава—и начало 6-й главы, со словъ: «по убіеніи Ростригинѣ... жилища» [2]). Что касается главъ 7—61 Сказанія, въ которыхъ содержится разсказъ объ осадѣ Троице-Сергіева монастыря, то лѣтописцы обыкновенно только цитировали ихъ, не приводя буквально содержанія, какъ напр. это сдѣлалъ Новый Лѣтописецъ; или напр. въ одномъ хронографѣ составитель его прямо замѣчаетъ: «Здѣ повѣствуется объ Арсеніѣ Голасунскомъ, и о явленіи препод. Сергія, что Авраамія Палицына, въ Троицкомъ сидѣніи» [3]).

Основываясь на дословномъ сличеніи рукописей №№ 733, 218, 202, 175, 299, 627 и 628 мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы относительно Сказанія Палицына.

---

[1]) Обзоръ хронографовъ Русской редакціи А. Попова. Выпускъ 2-й, стр. 118, пр. 1, стр. 207—214.

[2]) См. Временникъ, кн. XVI-я.

[3]) Архивъ Истор. Юрид. свѣдѣніи Калачова. 1850 г. Кн. 1, стр. 38.

Надо думать, что оно писалось и выходило въ свѣтъ по частямъ, почему и представляетъ изъ себя какъ-бы три отдѣльныхъ сочиненія. Способъ, которымъ руководились сочинители древней Руси при процессѣ писанія и составленія своихъ сочиненій, состоялъ въ томъ, что первоначально авторы на отдѣльныхъ столбцахъ или листахъ писали свои замѣчанія, а потомъ эти листки отдавали переписчикамъ для того, чтобы составилась цѣлая книга [1]). Поэтому-то и легко могло случиться, что переписчикъ Лаврской рукописи № 733, кромѣ двухъ листковъ или столбцовъ Сказанія, другихъ не имѣлъ, почему и сказалъ въ концѣ второй главы:, «къ сему же приписано съ Московской» т. е. книги, которой, за исключеніемъ первыхъ двухъ главъ, онъ не имѣлъ въ рукахъ. А что и Палицынъ писалъ на такихъ же столбцахъ и потомъ отдавалъ переписывать въ книгу,—это подтверждаютъ приписки, сдѣланныя имъ въ Сказаніи: «азъ-же и сіе повелѣхъ здѣ вписати», т. е. въ книгу—писцу [2]). Такъ какъ Сказаніе писалось Палицынымъ постепенно, то и Иванъ Насѣдка въ письмѣ къ Симону Келарю имѣлъ основаніе сказать: «Смотри исторію, писанную у Живоначальныя Троицы», т. е. въ теченіи времени. Но эти слова Насѣдки совсѣмъ не указывали на то, чтобы и исторія Палицына была писана многими лицами, а Палицынъ былъ ея только редакторомъ [3]).

Въ 1620 г. Палицынъ, какъ видно изъ послѣсловія, кончилъ и исправилъ свою книгу. При этомъ самъ же Палицынъ вычеркнулъ очень многое изъ написаннаго, раздѣлилъ матеріалъ Сказанія на главы и обозначилъ ихъ цифрами. Послѣднее подтверждается слѣдующими приписками: «о семъ убо впереди изъявлено будетъ въ 58 главѣ»; или: «о семъ убо паки, глаголю, впреди слово изъявитъ въ главѣ 60-й;» или: «о семъ-же явленіи Чудотворца ищи въ главѣ 50-й». Эти приписки всего естественнѣе могли быть сдѣланы только по написаніи всего труда, при обозначеніи отдѣльныхъ главъ цифрами, такъ какъ только въ такомъ случаѣ Палицынъ могъ хорошо знать, что̀

---

[1]) Обзоръ хронографовъ... А. Попова выпускъ 2-й. стр. 236—237-я.

[2]) Эти приписки вовсе не означаютъ того, что Палицынъ будто бы только редактировалъ Сказаніе, предоставивъ другимъ трудъ сочиненія. (см. Замѣчанія объ осадѣ Лавры... стр. 63—64). Что дѣйствительно существовали отдѣльныя записи событій, случившихся во время осады, это видно изъ разсказа Палицына о казначеѣ, который „небреже во время осады преславнаго славити (Сергія), *ниже писанію предати*“... Но Палицынъ пользовался этими записями какъ матеріаломъ при написаніи Сказанія, какой матеріалъ онъ и цитируетъ. См. печ. изд. Сказ. 1784 г. Стр. 94, 99, 108.

[3]) Несостоятельность этого мнѣнія доказана А. В. Горскимъ. См. „Москвитянинъ“ 1842 г. Часть IX.

будетъ въ 60-й главѣ, когда перечитывалъ 50-ю. Такихъ главъ въ печатномъ изданіи находится 86; въ рукописныхъ экземплярахъ встрѣчается 77; въ иныхъ 79; въ другихъ 83 и т. д. Причина такой разности въ цифраціи главъ произошла отъ того, что въ иныхъ экземплярахъ двѣ и три главы Сказанія совмѣщаются въ одну; въ иныхъ одна глава раздѣляется на двѣ и т. д. Цифрація въ 77 главъ въ рукописномъ экземплярѣ Казанской Духовной Академіи № 627 вѣрнѣе, чѣмъ печатная и сходная съ нею въ другихъ рукописяхъ *).

Утвердительно можно сказать, что передѣлкѣ-исправленію въ 1620 г. подвергались первыя шесть главъ Сказанія. Объ этомъ можно судить по черновому тексту Сказанія, заключающемуся въ рукоп. Сборникѣ Моск. Дух. Академіи № 175. Что этотъ экземпляръ чернякъ Сказанія Палицына—несомнѣнно: стоитъ только сравнить его съ другими рукописями и печатнымъ изданіемъ, чтобы убѣдиться. Экземпляръ этотъ чрезвычайно любопытенъ. По содержанію онъ обширнѣе первыхъ шести главъ другихъ экземпляровъ. По немъ мы можемъ судить, какъ исправлялъ Палицынъ свое Сказаніе въ 1620 г. Изъ черняка видно, что Палицынъ первоначально задался цѣлію опредѣленнѣе изложить: «*кіихъ ради грѣховъ* попусти Господь... праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Россіи». При исправленіи своего Сказанія Палицынъ оставилъ намѣреніе указаніемъ на опредѣленные грѣхи Русскаго царства уяснить читателю причины смуты и высказался общѣе: «како грѣхъ ради нашихъ... вся мѣста по Россіи огнемъ и мечемъ поядени быша». Поэтому сущность исправленій въ 1620 г. состояла въ томъ, что Палицынъ смягчалъ слишкомъ рѣзкіе отзывы о современномъ обществѣ и современникахъ, или и вовсе ихъ выпускалъ.

Вотъ существенныя изъ этихъ исправленій.

Разсказавши объ убіеніи царевича Димитрія, Палицынъ говоритъ въ черновомъ текстѣ Сказанія въ 1-й главѣ: «Память же его великою кровью неповинною во всей Россіи торжествовася. Се первый грѣхъ да разумѣется. Тоже по семъ и другій—ни во что же положиша его кровь неповинную вся Россія! Но се всякъ гласъ просторѣчія: кто

---

*) Такъ въ печатномъ изданіи и др. рукописяхъ въ главѣ 50-й сказано: „о семъ убо (т. е. о явленіи чудотворца Сергія и о посланіи къ Москвѣ трехъ учениковъ его) впреди изъявлено будетъ въ 58 главѣ". Но въ этой главѣ говорится совсѣмъ о другомъ; надо было сказать: ищи въ 60 главѣ. Какъ въ этомъ отношеніи переписчики путали цифры, видно изъ слѣдующаго: переписчикъ рукописи № 783 говоритъ въ 57-й главѣ: „о семъ (т. е. явленіи) и т. д. ищи въ главѣ 52-й", тогда какъ ему надо было сказать: ищи въ 50-й главѣ, что переписчику, когда онъ писалъ 50-ю главу, было хорошо извѣстно.

убо въ дѣлѣ, той и въ отвѣтѣ; уже тому Богъ судилъ быти». Эти слова Палицынъ исправилъ такъ: «Память же его (Дмитрія) крови ради неповинныя во всей Россіи торжествовася и великимъ даромъ чудесъ отъ Бога обогащенъ бысть»... и т. д.

Описавъ несогласіе Бориса занять Московскій престолъ послѣ смерти Ѳеодора, Палицынъ въ черновомъ текстѣ говоритъ: «тутъ и вси церковницы *повелѣніемъ патріаршимъ пріемлютъ икону* Матери всѣхъ Бога... на умоленіе Бориса (Владимирскую). И къ нему же царіе со страхомъ многимъ прибѣгающе милость получаху, симъ же образомъ тлѣнна человѣка увѣщеваху; и нескверныя, и неблазныя, и нетлѣнныя Пречистыя Царицы воображеніе всѣхъ съ Богомъ— предъ тлѣннымъ человѣкомъ стоитъ на умоленіе. И похвально церковници и вся вельможіе глаголютъ: се сій образъ Матери Божіи тебѣ ради изнесохомъ, и тебѣ ради толикъ путь шествова Царица! Здѣ убо всякъ да стани и не протецы тунѣ, по разсуди: кто есть болій, просяй или просимый, молимый-ли или молящій? Оле, оле! Бѣды великія! Выше на небесѣхъ херувими и серафими Той уступаютъ и пань и невѣдомая намъ взирать не смѣютъ. Сего объемши молятъ; долу же образъ сей, отъ неразсужденія, кому предстоитъ? Горѣ убо царіе и пророцы со апостолы, со архангелы и ангелы припадаютъ поюще; низу же неразумници на мольбу образъ Тоя износятъ! Но и си убо вси ни во что же вмѣниша, но глаголюще безумно: Богу такъ годно! Намъ же что до сего? И никто же да не буди гордостію дмяся и да не речетъ здѣ, яко и прежде сего царямъ такову честь воздаваху. Воздаваху бо царемъ честь, но той образъ Пречистыя Богоматери не изношаху никому же на умоленіе, развѣ къ чудотворнымъ иконамъ и великимъ святымъ цѣльбоноснымъ мощемъ на срѣтеніе. Помяни же всякъ, что отъ гордости пострада ради креста Господня Хозрой Перскій, и какъ Греческій царь Ираклій возбраненъ бысть во вратѣхъ Іерусалима. Достойно убо бяше самому тому Борису пріити въ домъ Матери всѣхъ Бога и отъ Тоя пречистаго образа милости просити, къ себѣ же возбранить подобаше приносити. Какъ той двинути образъ, иже всякое естественное движеніе на небеси и на земли и въ преисподнихъ содержащаго велѣніемъ? Двинутъ бысть той образъ нелѣпо, двинута же быть и Россія нелѣпо!» Въ исправленномъ текстѣ Сказанія Палицына это обличеніе Бориса въ высокомѣріи передается иначе и притомъ въ значительно сокращенной формѣ. «Патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ, говоритъ Палицынъ въ исправленномъ Сказаніи, пріемлютъ... на умоленіе Бориса. Онъ же, яко усрамився пришествія образа Богоматери, и абіе воспріемлетъ скипетръ Россійскія державы въ лѣто 7107».

Послѣ рѣчи объ опалѣ Романовыхъ Палицынъ говоритъ: «*и за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю* (*Борису*) *не смѣяше глаголати о неповинныхъ погибели (т.-е. Романовыхъ*), омрачи Господь небо облаки, и толико дождя проліяся»... Въ бѣловомъ поправлено это мѣсто такъ: «*И яко сихъ ради Никитичевъ*, паче же всего міра за премногіе и тмочисленные грѣхи наша и беззаконія и неправды... омрачи Господь»... и т. д.

Сказавъ о томъ, какимъ образомъ мнози въ неволю порабощали «кого мощно», Палицынъ прибавляетъ: «инѣхъ же винца токмо испити взывающи,—и по трехъ или по четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ». Этихъ словъ въ исправленномъ текстѣ Сказанія нѣтъ.

Идетъ рѣчь о томъ, какъ господа обращались съ холопами. «Въ сицевыхъ же озлобленіяхъ разлучахуся мужи отъ женъ и братъ отъ брата, отецъ отъ чадъ и другъ отъ друга. Еще же зло на зло прилагаху: мнози не только у рабовъ своихъ, но у поселянъ, данныхъ имъ въ помѣстіяхъ, емлюще у нихъ жены, дщери и сестры на постели скверныя; и тіи токмо воздыхающе, плакати же не смѣюще, вѣщати жъ и не помышляюще: смерть бо предъ очима лежаше». Вмѣсто этихъ словъ въ бѣловомъ текстѣ читаемъ: «велико зло сотворися во всякихъ мѣстѣхъ, ихъ же нѣсть возможно и списати».

Царь Борисъ съ почетомъ принималъ иностранныхъ пословъ. Палицынъ по этому поводу дѣлаетъ замѣчаніе: «Коли же се мерзко предъ Господемъ, еже врагомъ Его, отъ окольнихъ странъ проходящимъ, всѣмъ паче погребъ излишествоваше, и ногами тѣхъ скверныхъ попираеми бываху драгоцѣнная брашна и крупитчатая! Се же творяше царь Борисъ, боясь враговъ окольныхъ, Держащаго же языки словомъ велѣнія своего не бояся, и почитая и любя иноязычниковъ паче священноначальствующихъ. Вельможи же его отъ иноземцевъ посмѣваеми бываху». Этого замѣчанія въ бѣловомъ текстѣ нѣтъ.

Описывая грѣхи Россіи при Борисѣ, Палицынъ говоритъ: «Прежде же великаго того глада мнози многа несвойственная начаша чинити отъ палатъ царскихъ и отъ инѣхъ градовъ всея Россіи, умнѣніи честію и имѣньми, но хотяще широцѣ и пространнѣ величатися въ суетѣ міра сего, и во всемъ подобящеся первымъ вельможемъ и сродичемъ царевымъ украшеніемъ злата и сребра и одеждей и коней и яздилъ и рабовъ множествомъ; не токмо же таковіи, но и отъ купцовъ сущіи и отъ земледѣлецъ. И толико гордѣніе бысть, яко не познати во украшеніяхъ женъ и чадъ, чьи суть въ блещаніяхъ злата и сребра и въ бисирѣхъ ходяще: вси бо боярствоваху! Въ чревоутѣшительныхъ же трапезѣхъ, аще не отъ многихъ драгихъ брашенъ состроена, то мерзяху отъ таковыхъ не токмо могущіи, но и нищіи». Теперь читаемъ:

«надъ всѣми же сими въ объяденіе и піянство велико и во блудъ впадохомъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во вся злая дѣла» *).

Идетъ разсказъ о порокахъ Русскаго общества, которыми отличались «не токмо простіи, но и чинъ священствующихъ». Послѣднія слова явились въ исправленномъ текстѣ на мѣстѣ слѣдующихъ, стоявшихъ въ черновкѣ: «Чинъ убо церковный, иже разумъ имущій, не восхотѣша по отцѣхъ служити алтарю Господню, но бывающіи судіи и князи земстіи; невѣжди же и не наученіи—тіи церковное правленіе воспріимаху. Увы, увы мнѣ! Иже не вѣмъ ни десна, ни шуія, ни сладка, ни горка, не могій разсудити! Такоже и святители: не ищуще правоворазсудительны, но токмо бы мало мало по книзѣ псаломстѣй текъ рѣчью; такова же и честь бѣяше таковымъ: въ самѣхъ-бо безчестнѣйшихъ рабѣхъ мѣсто даяху тѣмъ. Коль же злѣ объятъ неразсужденіе многихъ строящихъ святыя церкви: за малъ-бо сваръ въ сосѣдствующихъ не хотя подъ игомъ церкви быти, и свой домъ составляетъ, а не Божій молебный, но гордостный развратъ, и не въ честь Господу, но въ честь человѣкомъ. Трапеза бъ таковыхъ скаредная отъ лихоимѣній златыми сребряными сосуды покрыта бѣяше, престолъ же Божій нищетнѣйшими крашенинъ, Россійскихъ тканей, облеченъ; со блудницами и съ тимпанницы, паче же и съ аѳедронопочитательми съ сими довольнѣ напитающеся отъ златокованныхъ и сребряныхъ сосудъ, въ созданныхъ же церквахъ отъ нихъ іереи отъ осиновыхъ и березовыхъ сосудъ душа освящаху. Раби же тѣхъ гордыхъ строителей аѳедронъ покрываху отъ драгихъ багръ по морю корабльми приходящихъ, служители же Божію престолу въ церковныя въ ризы отъ таковыхъ честнѣйшихъ изъ дальнихъ странъ на плещи себѣ не получаху. Измѣри всякъ разумомъ своимъ, и имать ли кто слезы, да рыдаетъ!.. Во всемъ бо языкомъ послѣдствуемъ; яко же еретицы, тако и мы держимъ: утварь бо, конь паче святыхъ иконъ... Елико бо мало возможно, той и строяше (храмъ) зѣло худшѣе своихъ жительствъ. Мало же время постоявъ, и вскорѣ запустѣетъ; о семъ же въ Россіи никто же не брежетъ, но до конца безумнымъ величатися попущаетъ».

О царѣ Василіѣ Палицынъ говоритъ: «И якоже звѣрь гонимый хапля обоюду не вѣдая что, такожде и царю Василію случися многажды убивающу повинныхъ, съ ними же не согрѣшшихъ смертну суду предаваше». Первую половину этой рѣчи Палицынъ вычеркнулъ. И въ другомъ мѣстѣ: «люди тогда дѣюще и глаголаху (о царѣ Василіѣ) неподобная: хотя бы намъ ч—ъ, толькобы намъ не тотъ! И ему же бы

*) Эти выраженія напоминаютъ собою благодарственныя молитвы за избавленіе Россіи отъ Французовъ, сочиненныя митрополитомъ Филаретомъ и читаемыя въ день Рождества Христова (въ нынѣшнее царствованіе уже безъ постыдныхъ урѣзокъ. Сл. Р. Архивъ 1872, стр. 2435). П. Б.

прежде креста подобаше не цѣловати, но безъ крови отказати». Эти слова въ бѣловомъ текстѣ замѣнены слѣдующими: «мнози бо тогда окаянніи о царѣ Василіѣ дѣюще и глаголаху злая, ихъ же нѣсть возможно описати или глаголати».

Слѣдующаго отрывка вовсе нѣтъ въ бѣловомъ текстѣ Сказанія: «Въ судилищѣхъ и на путѣхъ и у вратъ нашихъ всегда по образу Божію созданіи со хранители нашими ангелы Божіими плачуще рыдаютъ, дабы на милосердіе и на правосудіе преклонилися; но никакоже тѣхъ гласа не послушаемъ, и въ лице и въ перси тѣхъ бити повелѣваемъ, и батоги—иже злы злѣ—кости ихъ сокрушаемъ, и во язы и въ темницы и въ смыки и въ хомуты тѣхъ присуждаемъ. И аще кто отъ таковыхъ премудръ, или хитръ, или старъ, или и святъ,—то ни имяни его не вѣмы; врагаже суща Божія, растлѣвающаго храмъ Божій святой, того вси на языцѣ обносимъ, и безъ таковыхъ трапезы не представимъ, но долго ждемъ ко обѣду; и клячащаго же бѣднаго и померзающаго со студѣнія предъ враты гласа не слышимъ: не десяти златницъ въ чрево свое просяцу втиснути, но токмо отъ хлѣба единаго насытитися и отъ чаши студены воды желая жажду утолити. Но не сихъ ради готовлена трапеза наша бѣяше, но тѣхъ для, иже имутъ дары великіе принести: злато и сребро, камки и бархаты, и жемчугъ и каменіе драгое, и вина заморскія, и птицы и звѣри и скоты, и всяко тканіе и различная брашна. Имъ же входящимъ въ домъ давно уже стрегомымъ и изъ оконъ назираемымъ почасту, отъ коихъ стогнъ кто придетъ и кто что несетъ; и иже маловѣчнаго томленія приносящаго—худѣйшими рабы срѣтаютъ; а иже больши—того первыми; иного же и сынове. Въ новѣ же кто въ честь вшедъ, или въ судіи, или въ болярство, и хотяще въ мірѣ семъ добрымъименемъ ославитися и дабы честну быти отъ всѣхъ, паче же бы наполнити лицемѣрнымъ обычаемъ всякаго блага тлѣннаго—и той и самъ и скачетъ, яко орелъ, легко. И иже немогій ока къ нищему возвести, сей на послѣднихъ степеняхъ стоитъ; инъ же и во вратѣхъ радостными руками подъ пазусѣ пріемлемъ; меньшій же братъ Господень тогда аще позритъ за входомъ тѣхъ, или и Бога ради воскликнетъ, то нѣсть отвѣта къ нему, но врата вскорѣ повелѣваются заключати; аще ли поглумитъ кто отъ тѣхъ нищихъ и помедлитъ прося, то и біенъ бываетъ. Чтоже въ томъ пиршествѣ лукавомъ содѣвается? Много злата и сребра въ калъ обращенъ премѣнится. Но глаголютъ вси: благодобрые люди собралися! А ею же бы по мѣрѣ ко здравію, мощно-бы и мѣсяцъ домъ свой пропитати безгрѣшными пищами; аще ли бы и нищихъ, то такоже. Но что̀ глаголетъ мысль лукавая: въ мірѣ еси—мірская и твори! Се сидиши чада чужая отъ багръ украшены заморскихъ, такоже и жены златомъ и сребромъ и жемчугомъ шумяща! И

таковаго ради прельщенія и къ женамъ и ко дщерямъ таковыхъ мздоприносцевъ вводятъ и здравствовати къ нимъ съ питіемъ повелѣваютъ, непрямымъ сердцемъ тѣхъ любяще, но еже-бы отъ руку сихъ что еще пріобрѣсти; и аще есть, то къ чему се, господине, приносиши? Отвѣчаютъ; аще-ли же ни, той же обѣщевается принести во утрешній день,—тіи же къ нему прорѣкутъ: ни, никакоже! не надобнѣ, господине! Итакъ много твоего милосерднаго жалованья! Не для того мы къ тобѣ челомъ бьемъ, но ищемъ любви твоея и жалованья! И аще кто по обѣщанію справится, ой! добри—добрѣ той нарицаемь и всѣми хвалимь, и всѣми почитаемь, и высшее мѣсто тому дарують. Аще-ли поманетъ кто и солжетъ, той внимай себѣ! И по мнозѣ времени и безъ вины вину тому пригонятъ. Аще ли же кто остроуменъ сый, на тогоже, яко на Даніила Персяне, или на Науѳея, или якоже и Давидъ на Урію Хетѳея, и хвалящe возносятъ, дабы таковыхъ не слышати, ниже видѣть; но и святъ кто, и той дай! И того паки, якоже на Даніила и на Златоуста, или якоже на Филиппа митрополита Колычева—въ законѣхъ ищутъ, сами беззаконницы суще, и отъ престола и отъ правленія праваго измещутъ, и вси на того клевещутъ злѣ; совѣсть-же, еже ангела внутрь хранителя слово, тѣхъ обличаетъ: того бо ради ненавидимъ, яко отлучается отъ путей нашихъ, яко отъ нечистотъ, и поноситъ намъ паденія и беззаконія наша. И како убо праведнымъ Божіимъ движимымъ духомъ святымъ не обличати насъ!... Мнози бо церкви строятъ отъ неправдъ... Якоже церкви, такоже и колокола великіе сливающе». Этой рѣчи о неправедномъ прибыткѣ вовсе нѣтъ въ бѣловомъ текстѣ Сказанія.

Нижеслѣдующіе отзывы объ Иванѣ Грозномъ, Борисѣ и Василіи Шуйскомъ измѣнены въ бѣловомъ текстѣ. «Якоже Каинъ, или якоже и царь Иванъ Васильевичъ пострада за разгромъ великаго Новгорода и инѣхъ,—иже по единомъ лѣтѣ не бысть помощи ему отъ плѣна св. иконъ, и книгъ, и колоколовъ,—и якоже и Валтассару бысть сосудовъ ради дома Господня, и якоже Москвѣ тогда седмицею злѣйши Новгорода растлѣніе бысть: и за Волховъ-рѣку на сажень до верха и Москва наполнися сѣченныхъ во всѣхъ улицахъ отъ конца до конца. Томуже подобно и царю Борису и Василію случися отмщеніе отъ Бога. Царь убо Борисъ, мысля храмъ новъ воздвигнути во имя Воскресенія Господа и Бога Спаса нашего Іисуса Христа, и по образцу сдѣланному смѣтилъ, готовяще множество къ созиданію праведнаго, а неправеднаго собранія, и хотя Юстиніану уподобится, но Маврикіеву честь получи. Такожде и Василій пострада: мысляше бо одолѣти враговъ и безчисленно повинныхъ и неповинныхъ грабя животъ и наипаче же св. монастыри и церкви Божія. Но не избысть глагола Гос-

подня! И не преданъ же еще и своима очима узрѣ палату (како) сгорѣ неправдою наполненную, и ащебы не молитвъ ради Богородицы и великихъ чудотворцевъ..., то и святѣйшаго отца домъ отъ огня погиблъ-бы. Но ни во что же сіе наказаніе бысть!» Эта рѣчь въ бѣловомъ текстѣ читается такъ: «И не явлено ли бысть намъ всѣмъ праведное гнѣвобыстрое наказаніе отъ Бога за вся тоя сотворенная отъ насъ злая; надъ сими же и за крестное цѣлованіе первѣе Борису, потомъже и безумное крестное цѣлованіе Ростригѣ и Сендомирскому, и потомъ благочестивому царю Василію Ивановичу Шуйскому? И сія преступихомъ и ни во что же вмѣнихомъ» и т. д. какъ въ бѣловомъ текстѣ въ 6-й главѣ печатнаго изданія 1784 года.

Кромѣ этихъ главныхъ и существенныхъ исправленій, другія касались поясненія словъ и выраженій. Напр., разсказавъ о плѣнѣ митрополита Филарета, Палицынъ говоритъ: «покрыша (враги) главу его Татарскою шапкою и нозѣ обувше въ несвойственны сапоги»... Въ бѣловомъ текстѣ: «во своя сандалія». Еще: «и ратнымъ обычаемъ отъ правовѣрныхъ взято бысть тѣло его (Тверскаго епископа Өеоктиста), отончены кости оружіи и въ знаменіяхъ животныхъ кровоядныхъ начертано». Въ бѣловомъ «и обнажены кости оружіи и знаменіи (т.-е. зубы, когти) животныхъ кровоядныхъ начертаны» (т.-е. на тѣлѣ). Царь Василій подъ Тулою плѣнилъ Ивана Болотникова, холопа князь Андрея Андреевича; въ бѣловомъ прибавлено «Телятевскаго». Или: «а иже на конѣхъ играющіи—сіи къ великому грѣху уклоняхуся...», въ бѣловомъ поясняется: «а иже на конѣхъ обыкше и воинскому дѣлу искусни—сіи къ великому грѣху» и т. д. Иногда встрѣчаются исправленія, касающіяся вѣрности сообщаемаго факта; напр. воевода Сендомирскій съ Мариною Мнишекъ, пріѣхавши въ Москву, «приведъ съ собою 6000 избраннаго воинства (т.-е. Поляковъ), иже никогда же таковы гости въ Москвѣ прежде сего не слышашася»; послѣднихъ словъ въ бѣловомъ текстѣ Сказанія нѣтъ. Еще: «въ таже времена царь Василій множество крѣпкихъ вой подъ Калугой положилъ»...; «въ таже времена», читается въ бѣловомъ», посланніи отъ царя Василія боляре и воеводы множество крѣпкихъ вой» и т. д. Описывая бѣдствія смутной эпохи, Палицынъ говоритъ: «И тако во всей Россіи изыде съ мечемъ другъ на друга, и не бысть такова бѣда, и потомъ не будетъ». Послѣднихъ словъ въ бѣловомъ текстѣ нѣтъ. «Псовъ во алтарѣхъ держаху (т.-е. Поляки); въ бѣловомъ читаемъ: «питаху». «Уже бо окаянный еретикъ (Лжедимитрій 1-й) въ руку всѣхъ свою объять—яко яйцо»... Послѣднихъ словъ въ бѣловомъ текстѣ тоже нѣтъ. Не приводимъ образцовъ другаго рода исправленій, касающихся отдѣлки слога и языка.

За исключеніемъ первыхъ шести главъ Сказанія, подвергшихся исправленію въ 1620 г., насколько исправлялись остальныя, судить трудно на основаніи только извѣстныхъ намъ рукописныхъ экземпляровъ. Имѣя въ виду тотъ методъ исправленія, какой обнаруживается при чтеніи первыхъ шести главъ Сказанія, именно, что при исправленіи въ 1620 г. Палицынъ главнымъ образомъ смягчалъ или и вовсе оставлялъ рѣзкіе отзывы о современномъ ему обществѣ и современникахъ, можно только сказать, что главы, съ 7-й и до конца, едва ли подвергались значительнымъ измѣненіямъ, за исключеніемъ 61-й. Это потому, что матеріалъ этихъ главъ исключаетъ мысль объ исправленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются въ первыхъ главахъ. Что касается незначительныхъ измѣненій текста главъ 7 й и до конца Сказанія, то опять трудно опредѣлить, что̀ въ этихъ измѣненіяхъ принадлежитъ Палицыну и что̀ читателямъ и переписчикамъ его Сказанія. Признаки, на основаніи которыхъ можно бы было опредѣлить первоначальный текстъ главъ Сказанія съ 7-й и до конца, вытекающіе изъ подробнаго анализа варіантовъ этаго текста, слишкомъ неустойчивы и неопредѣленны.

Разсуждая объ исправленіяхъ и измѣненіяхъ текста Сказанія, чрезвычайно важно рѣшить вопросъ, какими мотивами руководился Палицынъ при этихъ исправленіяхъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ опредѣленіе того, какъ смотрѣть на Сказаніе Палицына, какое мѣсто отвести ему въ ряду лѣтописной литературы смутнаго времени и характеризовать Палицына, какъ писателя. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ, нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему Палицынъ взялъ на себя самый трудъ написать Сказаніе.

Оффиціально и самъ Палицынъ указываетъ нѣсколько разъ причину, побудившую его написать Сказаніе. Онъ говоритъ въ заглавіи: «Исторія въ память впредыдущимъ родомъ, да незабвенны будутъ благодѣянія Божія». Въ предисловіи къ 7-й главѣ Палицынъ говоритъ: «Сіе же изъяснихъ писаніемъ на память намъ и предыдущимъ по насъ родомъ, да незабвенна будутъ чудеса великихъ свѣтилъ» и т. д., и въ другомъ мѣстѣ: «аще велѣнія Божія человѣцы умолчатъ—каменіе вопити понудятся». А что необходимо было написать исторію на память грядущимъ поколѣніямъ съ указаніемъ, что̀ сдѣлано было обителью съ смутное время, это подтверждаетъ и Иванъ Насѣдка, который пишетъ Симону Келарю: «Да и нынѣ бы у васъ (т.-е. въ 1640—50 гг.) въ монастырѣ грядущихъ ради лѣтъ такія грамоты (т.-е. разсылавшіяся въ смутное время) добрѣ бы нужны были, чтобы въ казнѣ было на утвержденіе таковому преславному и великому мѣсту. А

мнится мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди, на *гордость вельможъ лукавыхъ*, какъ надъ царствующемъ градомъ учинилась отъ нихъ погибель, какъ царю Борису Ѳеодоровичу, какъ царю Василію Іоанновичу, и что о сихъ глаголати? Но паче возопить: охъ, охъ! увы, увы! Аще ради молитвъ всѣхъ святыхъ... и отдохнули господіе наши, но нынѣ все то забыли, и что за четыредесять лѣтъ дѣялося, то-де и вчерась дѣялося, нечего-де того и памятовать. А вамъ, что въ дому Божіи дѣялося у васъ, то и по васъ сущимъ, кто будутъ въ роды дальніе жители, тѣмъ надобно, чѣмъ боронитися отъ *вертящихся гордынь*!» [1]) Эти послѣдніе иногда «ругалися въ гордости своей и келаря Палицына «королемъ» нарѣкали [2]). Неудивительно поэтому, что Палицынъ взялъ на себя трудъ написать Сказаніе, да незабвенна будутъ благодѣянія Божія и заслуги старца. Справедливость требовала передать памяти потомства все то, что было сдѣлано Лаврою и ея властями въ смутное время. Этимъ объясняется рѣзкій, какъ бы апологетическій тонъ Сказанія, пробивающійся по мѣстамъ въ рѣчи лѣтописца.

Другіе думаютъ иначе. Полагаютъ, что «прозорливый старецъ» писалъ свое Сказаніе съ цѣлью, что иное здѣсь можно выставить со славою, другое должно было осторожно утаить, ибо предвидѣлъ, что современные свидѣтели скоро исчезнутъ съ лица земли, изустныя преданія чрезъ нѣсколько поколѣній истребятся, а исторія, на память предыдущимъ родомъ писанная, переживетъ и современниковъ, и преданія» [3]).

Подобное сужденіе, повидимому, подтверждаютъ и исправленія Сказанія, произведенныя искусною рукою. Но вглядываясь пристальнѣе въ передѣлки текста Сказанія, мы замѣчаемъ, что они произведены не по дурнымъ побужденіямъ. Безспорно то, что многаго, что случилось въ смутное время нельзя было открыто и высказать.

Помимо этого, изъ сличенія черноваго текста Сказанія съ бѣловымъ открывается, что рукою редактора, исправлявшаго текстъ, руководитъ какой-то страхъ или боязнь открыто высказать подлинную правду. Какъ будто бы редакторъ хотѣлъ заявить вѣрноподданническія чувства обители, въ которой нѣтъ мѣста протесту, претензіи! Обратимъ вниманіе на редакцію 61-й главы Сказанія, въ однихъ рукописяхъ представляющей изъ себя черновой текстъ, въ другихъ—

---

[1]) Житіе препод. Діонисія, стр. 84, 85.

[2]) Авраамій Палицынъ. Москва 1880 г., стр. 61.

[3]) Голохвостовъ. Замѣчанія объ осадѣ, 66—67.

бѣловой. Въ этой главѣ идетъ разсказъ о томъ, какъ по приказанію Шуйскаго дьякъ Семейка Самсоновъ ограбилъ Троице-Сергіевъ монастырь, вслѣдствіе чего произошло «оскудѣніе денежныя казны въ дому Чудотворца». Событіе это надо относить къ тому времени, когда Скопинъ-Шуйскій вмѣстѣ съ Делагарди пришелъ съ Нѣмецкими людьми въ Москву (12 Марта 1610 г.). Царь Василій, радуясь ихъ прибытію, роздалъ большіе подарки Нѣмецкимъ людямъ и старался доставить имъ въ Москвѣ большое удобство, такъ чтобъ они ни въ чемъ не нуждались» *). Щедрость, какую оказалъ при этомъ этомъ Шуйскій, совершенно истощила государственную казну, такъ что, когда послѣ смерти Скопина (23 Апрѣля) Шуйскій послалъ Делагарди съ братомъ своимъ Дмитріемъ въ походъ противъ Сигизмунда, стоявшаго подъ Смоленскомъ, то оказалось, что нечѣмъ было заплатить наемному войску, требовавшему уплаты. Въ это-то время Шуйскій и послалъ Семейку къ Троицѣ взять и послѣднюю казну. Объ этомъ событіи такъ разсказывается въ черновомъ и бѣловомъ текстахъ Сказанія:

«По отбѣжаніи отъ Троице-Сергіева монастыря гетмана Петра Сапѣги съ Польскими и Литовскими людьми и Александра Лисовскаго съ Русскими измѣнники и граду отворившуся, въ обители же Чудотворца оставшія иноцы и мірстіи людіи благодарственныя хвалы и пѣсни Богови и чудотворцемъ возсылающе».

Чтеніе по черновому тексту:	*Чтеніе по бѣловому тексту*:
За терпѣніежъ свое (въ др. рукоп. чит: о заступленіи же своей великія скорби, бывшія въ осадѣ) и великія скорби бывшіе во осадѣ отъ царствующаго чающе милость и жалованіе воспріяти, но не сбыстся (въ др. рукописи чит: сегожъ ради чаяху—не воспріимаху), мнози же и своего лишишася, и вмѣсто великія почести и даровъ сами обнажени быша. О семъ убо нынѣ намъ слово предлежитъ. Царь же Василій, слышавъ о отбѣжаніи Литвы отъ Троицкаго Сергіева монастыря, зѣло	.... Словъ: „за терпѣніе же свое и великія скорби...

*) См. Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, т. I, стр. 166 — 167, ср. Петрея. Чт. въ О. И. и Др. Россійскихъ 1866, т. II, стр. 322, и Голикова Дополн. къ Дѣян. П. Великаго, т. I, стр. 415.

возвеселися сердцемъ, благодаривъ Бога. Но аще и благочестивъ сый царь и благовѣренъ, но обаче подстрекаемъ нѣкіими небоящимися Бога, глаголю же Григорья Елизарова, Василья Янова, и поползеся яко человѣкъ, не воспомянувъ суда неумытнаго Судіи и не умилися о разореніи обители во обстояніи ратныхъ. И что сотвори царь Василій дому Чудотворца? И воздаетъ злая за благая, напаяетъ вмѣсто меда пелынью, и забываетъ помощь и молитвы Чудотворца и оставшееся чѣмъ строити домъ Чудотворца по велицѣмъ разореніи та вся расхищаетъ. Присылаетъ бо во обитель Живоначальныя Троицы дьяка Семейку Самсонова. Архимандритъ же Іоасафъ со братіею, вину пришествія его увѣдавше, ужасошася воздаянію сему зазрѣвше, и абіе посылаютъ кь державному молебное писаніе и восписуютъ о семъ къ келарю старцу Авраамію, тогда ему бывшу на Москвѣ у Богоявленія. Авраамій же восходитъ ко царю, и мнози слезы о семъ предъ нимъ пролія, возражая его отъ толика совѣта, и предлагаетъ предъ нимъ молебное писаніе о разореніи обители во обстояніи ратныхъ: яко отъ подкоповъ и отъ слуховъ и отъ пушечнаго бою башни и стѣны гродныя разсѣдошася, а въ иныхъ мѣстѣхъ мало не падоша и строенія; во обители же службы и келии братскія безъ покрова быша, и многія келіи и службы въ монастырѣ погорѣли и купно рещи: внутрь обители и внѣ мельницы и всякія службы растлѣшася и раскопаны, и волости и села со всѣмъ людскимъ сонмомъ огнемъ и мечемъ потреблены быша, и яко во всѣхъ мона-

Намъ слово предлежитъ" —нѣтъ въ бѣловомъ текстѣ Сказанія. Царь же Василій, слышавъ о отбѣжаніи Литвы отъ Троицкаго Сергіева монастыря, зѣло возвеселися сердцемъ, бладаривъ Бога.

Но аще и благочестивый царь и благовѣренъ, но обаче подстрѣкаемь нѣкіими небоящимися Бога, глаголю же Григорія Елизарова и Василья Якова (въ др. рукописи Яковлева), и поползшеся яко человѣцы, не воспомянувше суда неумытнаго Судіи и неумилившеся о разореніи обители во обстояніи ратныхъ. И что сотвориша дому Чудотворца? Воздающе за благая злая, и напаяютъ вмѣсто меда пелынью и забываютъ помощь и молитвы Чудотворца и оставшееся чѣмъ стоитидомъ Чудотворца по велицѣмъ разореніи — та вся присуждаютъ (въ др. р. приб. царя) похитити. Присылаемъ бываетъ во обитель Живоначальныя Троицы о семъ дьякъ Семейка Самсоновъ. Архимандритъ же Іоасафъ съ братіею, вину пришествія его увѣдавше, и абіе посылаетъ молебное писаніе къ державному, воспоминаетъ ему о оскудѣніи денежныя казны и колико взято бысть, якоже преди писася. По семъ же показуя ему писаніе о разорѣніи обители во обстояніи ратныхъ, яко отъ подкоповъ и отъ слуховъ и отъ пушечнаго бою, башни и стѣны градныя разсѣдошася, а въ инѣхъ мѣстѣхъ мало не падоша и строенія; во обители и внѣ мельницы и всякія службы растлѣшася и раскопаны, и волости и села со всѣмъ людскимъ сонмомъ огнемъ и мечемъ потреблены быша, и яко во всѣхъ монастырскихъ селѣхъ остася ржи всея токмо пять четвертей. Царь же

стырскихъ селѣхъ на заводъ остася ржи всея токмо пять четвертей. Царь же, воздыханми и плачевнымъ образомъ показуясь зѣло сѣтуя, дѣломъ же не тако. И паки воспісуетъ во обитель къ Семейку Самсонову. Семейка же, по повелѣнію самодержавнаго, достальныхъ осадныхъ сидѣльцевъ повелѣ всѣхъ грабити неповинно, нетокмо мірскую чадь и вдовъ, но и иноковъ и освященный чинъ и останцы монастырстіи и до послѣдняго плата, имъ же горькія слезы утираху. Образъ же сея лютости и безчеловѣчія не невѣдомъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ. По семъ же взято послѣднюю казну издавна старое сокровище дачи государей (въ рук. Оболенскаго здѣсь обозначена сумма—947,600 руб. с.) и великихъ князей и царей и болярь и прочихъ христолюбцевъ, сосуды златые и серебрянные позлащени, иже велицѣй цѣнѣ достойни: оставляетъ же во обители отъ сосудовъ серебряныхъ малая нѣкая и худѣйшая, и отъ сего до конца оскудѣ казна во обители Чудотворца. И якоже царь Василій небрегъ святыхъ почитати, того ради и Св. Святый Господь самаго пренебреже его, якоже конецъ о немъ являетъ *).

воздыханми и плачевнымъ образомъ сѣтуя и воздая благодарныя пѣсни всещедрому Богу и того Рождшей нашей христіанской заступницѣ и великому чудотворцу Сергію,—еще же и просяше—избавы ради христіанскія казны на раздачу Нѣмецкимъ (въ др. рукоп. немощнымъ) ратнымъ людемъ, понеже убо царская сокровища великая тогда зѣлно оскудѣша; на долзѣ бо царствующій градъ во осадѣ бысть, и многочисленіи людіе, не токмо ратоборники, но и просто рещи всякаго возраста и чина людіе питаеми бываху отъ царскихъ сокровищъ. Зане не пощади державный не токмо казны своея златыя, или сребряныя и бисера многоцѣннаго, но и свои царскія багряницы, златомъ и каменіемъ преиспещренныя,—всё разсыпавъ отдаде воиникомъ и простцѣмъ, нимало о семъ не поболѣ, но промышляше, еже отъ погибели избавити христіанство, еже бысть. И обѣщеваетъ по отшествіи иноплеменныхъ вся та сугубо возвратити въ домъ Божій и вел. чуд. Сергія. И совѣтомъ благимъ, а ненуждою пострекателей, паки воспісается во обитель къ Семейкѣ Самсонову. Семейка же по повѣленію державнаго и по благословенію архимандрита, взявъ и послѣднюю казну, издавна старое сокровище дачи государей великихъ, и князей, и царей, и болярь и прочихъ христолюбцевъ, сосуды златые и сребряные позлащены, иже велицѣй цѣлѣ достойны; и оставляетъ же во обители сосудовъ сребряныхъ малая нѣкая и худѣйшая; и отъ сего до конца оскудѣша казна во обители Чудотворца. И таковаго ради терпѣнія и Св. Святый Господь и самый остатокъ въ великъ плодъ возрасте благодѣянія, якоже конецъ о немъ являетъ.

---

*) Григорій Елизаровъ сидѣлъ въ Новгородской четверти, завѣдывалъ государевою казною. *Василій Осиповъ*, сынъ Яновъ „Шуйскому по женѣ племя“, сидѣлъ въ Московскомъ разрядѣ. Послѣ сверженія Шуйскаго—сторонникъ Сигизмунда III. См. А. И. т. II, стр. 367, 368, 369. Здѣсь Елизаровъ и Яновъ считаются лицами, особенно приближенными къ Шуйскому: „злые шептуны“.

Сравнивая оба текста 61-й главы, мы находимъ, что Палицынъ при исправленіи вычеркнулъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ иноки представляются ропщущими на царя Шуйскаго и оставилъ всѣ тѣ, въ которыхъ говорится о благовѣріи и благочестіи его. Слова: «по отбѣжаніи отъ Троицкаго... и чудотворцемъ возсылающе» Палицынъ оставилъ; но дальнѣйшія: «за терпѣніе свое и великія скорби. . слово предлежитъ» — вычеркнуты. Какъ будто *иноки* за терпѣніе и скорби, бывшія во осадѣ, не чаяли отъ царствующаго милость получити! Далѣе Палицынъ оставилъ слова, говорящія о благочестіи и благовѣріи царя: «царь же Василій благовѣренъ». Увлекаясь желаніемъ развить мысль о благочестіи царя, Палицынъ и съ послѣднею рѣчью, со словъ: «но обаче подстрокаемь... Самсонова» распорядился такимъ образомъ, что отнесъ ея содержаніе не *къ царю*, но къ Григорію Елизарову и Василію Янову, которые «поползшеся, яко человѣцы... принужають царя похитити». Присылается такимъ образомъ въ обитель дьякъ Самсоновъ. Слова «архимандритъ Іоасафъ съ братіею, вину пришествія его увѣдавши»—оставлены; но вычеркнуты: «ужасошася воздаянію сему зазрѣвше». Вычеркнуты и дальнѣйшія за тѣмъ слова, говорящія о протестѣ *инока* Авраамія распоряженію Шуйскаго. Изъ послѣдующей рѣчи выкинуты слова: «во обители же службы и келіи... внутрь обители»; здѣсь *иноки* являются ропщущими на то, что имъ жить было негдѣ, хотя безспорно вѣрно, что монастырь былъ разоренъ во время осады, о чемъ Палицынъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ своего Сказанія. Слова: «царь же воздыханми и плачевнымъ образомъ сѣтуя» оставлены, хотя смыслъ этихъ словъ послѣ того, какъ вычеркнута рѣчь о ходатайствѣ Палицына предъ Шуйскимъ, и непонятенъ: воздыханія и плачъ Шуйскаго могъ замѣтить только очевидецъ. Заключеніе главы совершенно передѣлано, но неискусно. «И совѣтомъ благимъ, а не нуждою подстрекателей» посылаетъ Шуйскій взять казну Троицкую, говорится въ концѣ бѣловаго текста 61-й главы. Но эта мысль противорѣчитъ тому, что выше было сказано въ бѣловомъ текстѣ: «но обаче подстрекаемь нѣкіими небоящимися Бога»... *) и т. д. Семейка же по повелѣнію державнаго и *благословенію архимандрита* взялъ и послѣднюю казну. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ объяснить то, что архимандритъ раньше послалъ «молебное писаніе»? «И таковаго ради

---

*) О сочувствіи Шуйскаго къ подстрекателямъ ср. Изборникъ стр. 314, см. также П. С. Р. Лѣт. т. V, стр. 57, объ отобраніи Шуйскимъ монастырскихъ имуществъ, ср Акты З. Рос. т. IV, стр. 372. Поляки говорили: „а Святую Троицу съ предѣлы пограбили ваши же доброхоты, еретики Нѣмцы, которыхъ есте привели будто на избавленіе государству, а не Поляки и Литва", Акты З. Р. т. IV стр. 486.

терпѣнія» въ концѣ концовъ Троицкая обитель разбогатѣла. Но это *терпѣніе* понятно только въ черновомъ текстѣ.

Изъ анализа текста 61-й главы видно, что передѣлка его не имѣла въ виду возстановить истину, какъ бы искаженную въ чернякѣ. Естественно было монастырю надѣяться на благодарность со стороны Шуйскаго; естественно было съ другой стороны и инокамъ роптать на то, что жить было негдѣ. Слѣдовательно и передѣлка была произведена съ цѣлью скрыть возмутительныя дѣйствія Семейки, посланнаго Шуйскимъ, и тотъ ропотъ, какой существовалъ въ монастырѣ по поводу царскихъ распоряженій. Отзывы о Шуйскомъ, подобные вышеприведенному, Палицынъ выпускалъ и въ другихъ мѣстахъ Сказанія. Если мы припомнимъ время, когда происходили исправленія текста, то понятны будутъ и цѣли редактора. Это было вскорѣ послѣ освобожденія Троицкаго архим. Діонисія изъ заточенія (Апрѣль 1619 г.). Лавра Сергія была напугана разразившеюся надъ нею бурею по поводу исправленія Потребника. Боязно было въ книгѣ, выходившей въ свѣтъ изъ Троицкаго монастыря, дѣлать рѣзкіе отзывы о власти, о ея распоряженіяхъ, о чинѣ священствующихъ и о современномъ обществѣ... Лучше было высказаться прикровенно, притомъ такъ, чтобы не было мѣста сомнѣнію въ вѣрноподданическихъ чувствахъ обители. Другихъ объясненій побужденіямъ, руководившимъ Палицына при исправленіи текста, трудно представить *).

II.

Личность автора Сказанія.—Мнѣніе г. Забѣлина о настоящихъ и измышленныхъ дѣяніяхъ келаря Палицына.—Разборъ этихъ мнѣній. — Отъѣздъ Палицына изъ-подъ Смоленска.—Троицкія грамоты; связь ихъ съ грамотою отъ Смольянъ къ Московскому государству.—Троицкая грамота въ Нижнемъ.—Личность Минина и объясненіе мотивовъ его дѣятельности.—Политика казацкая, Нижегородская и Троицкихъ властей въ движеніи Нижегородскаго ополченія къ Москвѣ, въ битвѣ съ Хоткѣвичемъ и въ очищеніи Москвы отъ Поляковъ.—Избраніе Михаила.—Общее заключеніе о личности автора Сказанія.

Извѣстно, что авторы нашихъ лѣтописей большею частью не любили подписывать именъ подъ своими литературными трудами и чужды были авторской притязательности. Въ крайнемъ случаѣ они прибѣ-

---

*) Въ рукописяхъ съ послѣсловіемъ, слѣдовател. списанныхъ съ бѣловаго текста Сказанія, 61 глава встрѣчается неисправленною. Это можетъ повести къ заключенію, что 61 глава исправлена не самимъ Палицынымъ. Но 1) могло быть, что переписчики списывали съ различныхъ текстовъ; 2) предположеніе объ исправленіи 61-й главы Палицынымъ основывается на томъ, что подобный по содержанію въ 61-й главѣ отзывъ о Шуйскомъ Палицынъ вычеркнулъ и въ 6-й главѣ.

гали къ тайнописи и свои имена скрывали подъ такими мудреными формулами загадокъ, что разъясненіе ихъ составляетъ принадлежность завзятыхъ палеографовъ. Не такъ относится Палицынъ къ своему труду. Въ предисловіи, послѣсловіи, при заглавіи отдѣльныхъ частей своего Сказанія онъ старается заявить читателю, что именно онъ написалъ Сказаніе, а не кто другой. Равнымъ образомъ при изложеніи описанія осады Троице-Сергіева монастыря и событій послѣдовавшихъ за симъ, всюду, гдѣ только Палицынъ являлся дѣйствующимъ лицомъ, онъ выставляетъ на видъ читателю, что *онъ* это сдѣлалъ, что другіе такъ-то разсуждали и поступали, а *онъ* иначе и болѣе благоразумно, чѣмъ остальные. Поэтому, читая Сказаніе Палицына, невольно задаешься вопросомъ: чѣмъ же объяснить эту авторскую притязательность Палицына, не слѣдовавшаго общепринятымъ взглядамъ древнихъ на свой трудъ? Есть ли это одно тщеславіе келаря, или быть можетъ на Сказаніе мы должны смотрѣть какъ на справедливую автобіографію келаря? Отсюда, разбирая историческій матеріалъ Сказанія, необходимо опредѣлить: кто былъ его авторъ, прямой или кривой дѣятель смутнаго времени?

Думаютъ, что Палицынъ дѣйствительно руководился при написаніи своего труда тщеславнымъ чувствомъ авторскаго самолюбія. Онъ хотѣлъ выставить предъ благочестивымъ читателемъ, что все хорошее въ смутное время имѣло своимъ источникомъ Сергіеву Лавру и ея мудраго руководителя келаря... что не будь келаря, пожалуй бы ничего хорошаго въ смутное время и не случилось. Такъ именно думаетъ авторитетный дѣятель науки Русской исторіи г. Забѣлинъ. Въ своемъ сочиненіи «Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время. Москва. 1883 г.» *), разбирая отчасти наше изслѣдованіе «Авраамій Палицынъ. Москва. 1880 г.», г. Забѣлинъ *рѣшительно* утверждаетъ, что Сказаніе Палицына-легенда, панегирикъ, написанный Палицынымъ въ похвалу монастырю и особенно самому себѣ. При этомъ г. Забѣлинъ подвергаетъ обстоятельному разбору особенно тѣ мѣста Сказанія Палицына, которыя говорятъ о событіяхъ, совершившихся послѣ разоренія Москвы Поляками (1611 г. Марта 19) до избранія на престолъ Михаила Θеодоровича включительно. Сущность мнѣній г. Забѣлина состоитъ въ слѣдующемъ.

Авраамій Палицынъ принадлежалъ къ Польской партіи бояръ, желавшихъ возвести на Русскій престолъ Сигизмунда III.

Настоящія дѣянія знаменитаго спасателя отечества состояли въ томъ, что онъ измѣнилъ Русскому дѣлу подъ Смоленскомъ, присягнувши Сигизмунду. Въ то время, когда отправленные подъ Смо-

---

*) Перепечатанномъ изъ „Русскаго Архива" 1872. П. Б.

ленскъ послы бить челомъ Сигизмунду о пожалованіи на царство Владислава находились въ безвыходныхъ обстоятельствахъ и полномъ отчаяніи, препрославленный представитель знаменитѣйшаго и богатѣйшаго монастыря, всегдашняго заступника и поборателя государству и всей землѣ въ политическихъ напастяхъ, отложился отъ пословъ и слѣдовательно отъ всей пославшей ихъ земли, и ходитъ по переднимъ, у кого же? У католиковъ, у гетмана и короля, выпрашивая себѣ тарханы и льготы наряду, «плечо о плечо, съ кривымъ Салтыковымъ, Ѳедькою Андроновымъ... и со всякими предателями отечества». Благодаря всему этому, «монастырь по милости своего келаря сдѣлался богомольцемъ короля Сигизмунда.... о чемъ безъ оскорбленія не могъ подумать ни одинъ истинно-Русскій человѣкъ». «Съ Русской точки зрѣнія Польскія грамоты Палицына составляли и теперь составляютъ неизгладимое пятно въ исторіи монастыря на той страницѣ, гдѣ говорится о дѣяніяхъ келаря Авраамія Палицына. Они возводятъ недостойную клевету на все поведеніе монастыря при архимандритѣ, препод. Діонисіѣ, который въ бѣдственныя эти времена строго и неуклонно держалъ и исполнялъ святые монастырскіе завѣты первоначальника Лавры»... и под. «Можемъ съ вѣроятностію думать», говоритъ г. Забѣлинъ, «что, какъ духовный и немаловажный чинъ, Палицынъ стирался выставиться предъ королемъ.... на всякій случай, для всякихъ будущихъ милостей, въ числѣ которыхъ могъ представиться даже и патріаршій престолъ» (?) Какъ приверженецъ Польской партіи, Палицынъ, вмѣстѣ съ другими «измѣнными Русскими людьми», по возвращеніи изъ-подъ Смоленска, дѣйствовалъ въ пользу Поляковъ; даже, когда уже «собралось Нижегородское ополченіе и стояло въ Ярославлѣ, то Польская партія, несомнѣнно, до послѣднихъ дней употребляла всякія усилія, чтобы поворотить дѣло въ свою сторону», т. е. погубить, при помощи казаковъ, Нижегородское ополченіе. «Не даромъ уже при царѣ Михаилѣ старца называли *королемъ* вмѣсто *келаря*».

Исторія *измышленныхъ* дѣяній старца Палицына заключается въ томъ, что будто бы первое Ляпуновское ополченіе, поднятое прямо и непосредственно грамотами патріарха Гермогена, было поднято грамотами Троицкаго монастыря. «Этою баснею Палицынъ начинаетъ свои подвиги по возвращеніи отъ посольства въ Москву». Дальнѣйшее баснословіе Палицына состоитъ въ томъ, что будто бы *только* грамоты Троицкаго монастыря возбуждали Русскій народъ идти на освобожденіе Москвы отъ Поляковъ. Эти грамоты не могли имѣть того значенія, какое имъ приписываютъ историки. Хотя нѣкоторые изъ этихъ грамотъ и сохранились, но они никого возбудить не могли;

ибо все «дѣловое содержаніе ихъ принадлежитъ казацкимъ воеводамъ, а во всѣхъ городахъ только и говорили о казацкихъ злодѣйствахъ». Еще меньше эти грамоты могли возбудить Нижегородское ополченіе. Среди Нижегородцевъ, раньше присылки Троицкихъ грамотъ, происходили движенія съ цѣлью освобожденія земли отъ Поляковъ; «только въ воображеніи старца Авраамія по его старческому слову могъ подняться Нижній Новгородъ». Нижегородцы поднялись по слову Минина, заболѣвшаго душою по отечеству какъ Израильскій Зоровавель. «Баснословіе Палицына не выдерживаетъ критики и со стороны дневныхъ чиселъ, въ которыя Троицкая грамота могла послужить первою причиною и исходнымъ началомъ къ собранію Нижегородскаго ополченія. Производили и Троицкія грамоты должное впечатлѣніе и дѣйствіе, но не такое, о которомъ говоритъ старецъ Авраамій, указывающій при томъ на грамоты, какихъ и совсѣмъ не было». Вообще г. Забѣлинъ почти совсѣмъ отрицаетъ историческое значеніе Троицкой Лавры въ послѣднихъ событіяхъ смутнаго времени. Дѣло представляется такимъ образомъ, что Нижегородское ополченіе, поднявшееся собственнымъ разумомъ и руководимое предусмотрительнымъ кунктаторомъ Пожарскимъ, двигалось въ Москву постепенно, всюду на пути очищая землю отъ смуты; самостоятельно, безъ всякой указки совершило оно подвигъ спасенія Руси. «Это было дѣло великое, величайшее изъ всѣхъ нашихъ историческихъ дѣлъ... Въ этотъ моментъ нашей исторіи спокойный, вѣчно страждущій и бѣдствующій сирота-народъ двинулся собраннымъ на свои послѣднія деньги ополченіемъ усмирять буйство своего правительства». Мининъ, первый начавшій это достохвальное дѣло, послѣднимъ его и окончилъ, въ рѣшительный моментъ разбивъ Польскія войска въ послѣдній приходъ Хоткѣвича. О значеніи во всемъ этомъ дѣлѣ Троицкой Лавры написалъ «самохвальный Троицкій келарь Палицынъ, баснословію котораго, къ сожалѣнію, доселѣ вѣрятъ историки предпочитательно предъ всѣми другими источниками. Выхваляясь предъ легковѣрнымъ читателемъ, старецъ очень многое въ своей памяти перепуталъ и забылъ, когда писалъ Сказаніе. Темный, если не лукавый способъ изложенія Сказанія, внимательнаго читателя, изслѣдующаго исторію смуты, ставитъ въ крайнее недоумѣніе». Словомъ, г. Забѣлинъ утверждаетъ, что Палицынъ былъ кривой сынъ отечества, измѣнникъ, пустой самохвалъ, написавшій похвальное слово монастырю и себѣ самому. Поэтому и Сказаніе его не имѣетъ исторической цѣны (стр. 11, 12, 13, 74—118, 224—270).

Такимъ образомъ г. Забѣлинъ, разбирая свидѣтельства Палицына и желая подорвать ихъ компетенцію, какъ историческаго матеріала, нападаетъ прежде всего на самое *больное* мѣсто личной дѣятельности

Палицына—на измѣну его подъ Смоленскомъ, за что, какъ извѣстно, доставалось старцу еще отъ современниковъ. Замѣтимъ прежде всего, что *никакихъ другихъ фактовъ*, уличающихъ Палицына въ кривдѣ, мы не имѣемъ. Все то, что раньше ставилось въ вину Палицыну и его охужденіе, всѣ факты его личной недоброкачественности существовали поистинѣ только въ воображеніи біографовъ Палицына, а не въ дѣйствительности. Вообще историческая критика раннѣйшаго времени ставила спеціальною своею задачею осуждать Палицына и для этого пользовалась всякими неясными, темными и неопредѣленными отрывками лѣтописныхъ извѣстій, сплошь и рядомъ имѣющими отношеніе къ другимъ лицамъ и событіямъ, систематизируя эти извѣстія въ вышеуказанныхъ цѣляхъ, вслѣдствіе чего дѣйствительно получалась непривлядная фигура старца Авраамія. Взявшему на себя трудъ провѣрки собранныхъ на главу келаря нарѣканій, какъ ни скучна антикварная работа подобнаго рода, естественно приходится стать на сторону защитниковъ Палицына, если не вводить субъективныхъ предположеній.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ, т.-е. относительно измѣны Палицына подъ Смоленскомъ, взглядъ г. Забѣлина стоитъ подъ вліяніемъ критики 40-хъ годовъ [1]). Правда ли, что Палицынъ измѣнилъ Русской землѣ подъ Смоленскомъ? Если сообразить факты предыдущей и послѣдующей дѣятельности Палицына, если вчитаться въ его Сказаніе, гдѣ каждая строка, каждое слово дышатъ непримиримымъ чувствомъ ненависти къ Полякамъ, то естественно возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣть на эту измѣну?

Перелиставъ матеріалы, трактующіе о посольствѣ подъ Смоленскъ, мы не встрѣчаемъ извѣстій, свидѣтельствующихъ *о положительной* измѣнѣ Палицына. Всѣ эти матеріалы говорятъ только о *самовольномъ* отъѣздѣ Палицына изъ-подъ Смоленска, а не объ измѣнѣ. Серьезное доказательство измѣны Палицына представляетъ только одинъ хронографъ, въ которомъ говорится: «И исподъ Смоленска *откупяся* у конслѣра Лва Сапеги, князь Данило Ивановичъ Мезецкой, да думной дворенинъ Василій Сукинъ и дьякъ Сыдавной Васильевъ и *Троицкій келарь Авраамій Палицынъ* и иные черныя власти отъѣхали къ Москвѣ, а съ ними дворяне изъ городовъ, а пословъ, Филарета Никитича Ростовскаго и боярина князя Вас. Вас. Голицына, оставили [2])»... Чтобы понять выраженіе *откупяся*, нужно снести указанное мѣсто съ другимъ выраженіемъ того же хронографа. Рѣчь идетъ о судьбѣ ополченія

[1]) См. Авр. Палицынъ 1880 г., стр. 1—6.

[2]) Г. Поповъ. Изборникъ, стр. 348—349.

Прокопія Ляпунова: «и послѣ Прокоѳьевы смерти стольники и дворяне и дѣти боярскіе и городовые исподъ Москвы разъѣхались по городамъ и по домамъ своимъ, боясь отъ Заруцкаго и отъ казаковъ убойства; иные у Заруцкаго *купя* поѣхали по городамъ, по воеводствамъ и по приказамъ» [1]). Ясный смыслъ приведеннаго отрывка тотъ, что *купившіе* у Заруцкаго должности воеводъ и начальниковъ приказовъ, очевидно были его сообщники, его стороны. Стало быть, и откупившіеся послы подъ Смоленскомъ были стороны Сигизмунда, его сообщники. Но уже не говоря о томъ, что выраженіе *откупяся* указываетъ скорѣе на вынужденное дѣйствіе, чѣмъ на добровольное, и на самомъ дѣлѣ особенной цѣны этому выраженію придавать нельзя. Хронографъ *всѣхъ* отъѣхавшихъ пословъ считаетъ откупившимися. Но обвинять огуломъ всѣхъ пословъ въ измѣнѣ нельзя: есть прямыя историческія извѣстія, подтверждающія, что многіе изъ посланныхъ измѣнили не отъ «желаннаго сердца». Въ самой Польской партіи, сидѣвшей въ Кремлѣ, были лица, не отстававшія отъ нея нужды ради [2]). Многіе измѣняли посламъ и уѣзжали изъ-подъ Смоленска съ *прямымъ намѣреніемъ* возбуждать Русскій народъ противъ Поляковъ [3]). Самъ Сигизмундъ говорилъ, что «*многіе люди* Московскіе, цѣловавъ крестъ... и взявъ наше господарское многое жалованье, намъ *измѣнили* и пошли въ воровство» [4]). Въ числѣ откупившихся былъ думный дворянинъ Василій Сукинъ. О немъ извѣстно, что онъ, получивши отъ короля въ путь Коломну, воровалъ въ ней [5]); но уже въ Августѣ 1611 г. (восемь мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда Сукина изъ-подъ Смоленска) Сигизмундъ отдалъ вотчины Сукина князю Борису Михайловичу Лыкову, называя Сукина *измѣнникомъ* [6]). Это указываетъ на то, что даже и измѣна Сукина была по всей вѣроятности неискренняя, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что извѣстіе о воровствѣ Сукина идетъ со стороны лицъ, слишкомъ строго судившихъ отъѣхавшихъ пословъ изъ-подъ Смоленска. Если же такъ можно разсуждать о Сукинѣ, то тѣмъ болѣе мы должны быть внимательны (оцѣнивая ихъ поведеніе) къ тѣмъ посламъ, служеніе которыхъ Сигизмунду ничѣмъ не доказывается. Такимъ образомъ выраженіе:

---

[1]) Тамъ же стр. 352.

[2]) Авр. Палицынъ 1880 г. стр. 63, прим. 1.

[3]) Записки Жолкѣвскаго стр. 179.

[4]) Акты Запад. Россіи т. IV стр. 407.

[5]) А. Арх. Э. II, 302.

[6]) Собраніе Гос. Грамотъ и Договоровъ т. II, стр. 569.

откупяся—еще не доказываетъ, что Палицынъ непремѣнно былъ сторонникомъ; онъ могъ принадлежать къ категоріи тѣхъ пословъ, которые уѣхали изъ-подъ Смоленска «нужды ради».

Съ другой стороны, очевидно, что авторъ хронографа, обвиняющій Палицына въ «откупѣ», основывался на жалованныхъ грамотахъ Сигизмунда монастырю. Но грамоты *не доказываютъ* измѣны Палицына подъ Смоленскомъ. Такихъ грамотъ было три. По первой изъ нихъ братіи Троицкаго *монастыря* дозволялось брать въ Москвѣ на конской площадкѣ пошлину съ продавца лошади, съ шерсти, пятеннаго двѣ деньги, а въ казну откупа 100 р. имъ давати не велѣно. Вторая грамота подтверждала старинныя отчины Троицкаго *монастыря*, пожалованныя ему великими прирожденными господарями Московскими. По третьей грамотѣ уменьшался съ Троицкаго *монастыря* налогъ на ратныхъ людей, ради его раззоренія. На основаніи всѣхъ этихъ грамотъ мы можемъ вывести только то заключеніе, что Палицынъ дѣйствовалъ предъ Сигизмундомъ какъ *разсмотрительный экономъ*, келарь Троицкаго *монастыря*, по роду своей службы обязанный охранять экономическіе интересы послѣдняго. Когда у Сигизмунда стали получать грамоты на вотчины, и онъ щедрою рукою началъ раздавать Русскія земли чуть ли не всякому, кто у него ни просилъ, то естественно могли явиться претенденты и на вотчины Лавры. Оградить эти вотчины жалованными грамотами отъ того же Сигизмунда на всякій случай не мѣшало, чтобы «Троецкими селами хто вклепався напрасно не завладѣлъ». Какъ широко шла раздача Русскихъ земель подъ Смоленскомъ, видно уже изъ того, что въ одномъ собраніи актовъ Западной Россіи (т. IV) жалованныхъ грамотъ, данныхъ королемъ на вотчины, находится до 800! Сигизмундъ раздавалъ вотчины безъ всякихъ справокъ, не вѣдая кому онѣ принадлежатъ, часто даже не помня того, кому онъ прежде отдалъ вотчину. Такъ князю Бѣлосельскому во Ржевѣ-Владимировѣ дано было село Новый Торгъ, но съ условіемъ... «ино будетъ ли то село Новый Торгъ никому отъ насъ не отдано [1])». Нѣкто Тимоѳей Грязновъ упросилъ у Сигизмунда помѣстье П. Дашкова, назвавши своею вотчиною; Дашковъ билъ челомъ о возвратѣ имѣнія [2]). А и Палицынъ просилъ не новыхъ какихъ-либо грамотъ монастырю, а подтвержденія старыхъ владѣльческихъ правъ Лавры. Третья грамота объ уменьшеніи налога на ратныхъ людей по случаю раззоренія монастыря вовсе не говоритъ о томъ, чтобы Палицынъ на основаніи этой грамоты уже служилъ

[1]) А. З. Р. т. IV, стр. 338.
[2]) Тамъ же, стр. 373, ср. 398—399, 407—408 и др.

королю наравнѣ съ кривымъ Салтыковымъ [1]). Монастырь обыкновенно платилъ на ратныхъ людей и кормилъ ихъ. Эта войсковая пошлина сбиралась только съ живущихъ, а не съ пустыхъ вытей, по грамотѣ царя Ивана Васильевича отъ 1579 г., данной архимандриту Ѳеодосію [2]); и грамотою Сигизмунда дозволялось брать только съ живущихъ или наличныхъ данниковъ ради монастырскаго раззоренія. Въ какіе же полки? Очень можетъ быть, что и въ Польскіе. Палицынъ говоритъ въ Сказаніи, въ главѣ о послѣхъ: «Потомъ же (послѣ занятія Москвы) Поляки все державство Московское начаша правити и вездѣ свои воеводы и судья поставляти, по всей же Русской землѣ начатъ посылать дани великія и оброки имати. И кто ту бѣду изглаголетъ, каковы быша правежа по всѣмъ градомъ православнымъ христіаномъ?» [3]) Если таковъ былъ порядокъ вещей, то естественно было и монастырю обезопасить свои вотчины отъ насилій Поляковъ грамотою Польскаго короля. Буквальный смыслъ грамоты [4]) не тотъ, что Сигизмундъ приказалъ взять въ полки налогъ 200 р., а тотъ, что сами Троицкія власти, въ томъ числѣ и архимандритъ, просили объ уменьшеніи налога на ратныхъ людей. Отъ этихъ насилій Поляковъ и ихъ произвола не обезпечивалъ Троицкія вотчины и Московскій договоръ, гдѣ говорилось: «а што дано церквамъ Божіимъ и въ монастыри, не отнимати; быти всему по прежнему, не нарушаючи». Для Сигизмунда этотъ договоръ былъ не обязателенъ. Онъ и вообще не соглашался на исполненіе договора, а считая себя полновластнымъ распорядителемъ въ Русской землѣ, не только раздавалъ вотчины направо и налѣво, но даже вторгался въ сферу чисто-церковнаго управленія, приказывая напр. «протопопу Терентію быти по прежнему у Благовѣщенія, а Благовѣщенскому протопопу велѣно быти у Спаса на дворцѣ» [5]). Само собою разумѣется, говоритъ г. Забѣлинъ, что получить королевскую милость и жалованную грамоту на желаемую вотчину иначе было невозможно, какъ согласившись присягнуть въ вѣрной службѣ королю, противъ чего такъ твердо и неуклонно стояли главные послы [6]). Но на полученіе вотчины присяги не требовалось. *Вѣрные сыны отечества*, послы подъ Смоленскомъ, *дворяне*: Борисъ Иван. Пушкинъ, Иванъ Гавр. Короблинъ, Антонъ Павловичъ Загоскинъ,

[1]) Г. Забѣлинъ въ указанномъ сочиненіи, стр. 236—237.

[2]) Сборникъ Хилкова стр. 160—161.

[3]) Ср. А. А. Э. II, стр. 305, Поляки правили нещадно.

[4]) Чит. А. З. Р. т. IV, стр. 394.

[5]) А. З. Р. т. IV, стр. 389.

[6]) Стр. 231.

раздѣлявшіе съ митрополитомъ Филаретомъ всякую тѣсноту и плѣнъ, очевидно не присягали Сигизмунду, но вотчины по челобитью получали отъ него [1]). Тоже доказываетъ и форма грамоты, данная Палицыну. О томъ, кто присягая получалъ вотчины, какъ Михаилъ Салтыковъ, прямо говорилось въ жалованной грамотѣ: «мы господарь за его къ намъ вѣрную службу, ижъ онъ до насъ господаря службою своею удался и *хрестъ на томъ цѣловалъ*—пожаловали» [2]) и т. д. Ничего такого нѣтъ въ грамотѣ, данной Палицыну. Словомъ, тарханныя грамоты, выданныя келарю Сигизмундомъ, нисколько не говорятъ о приверженности перваго къ послѣднему. Еслибы мы на основаніи этихъ грамотъ хотя и немного заподозрили Палицына въ ополяченіи, то и тогда онъ имѣлъ бы оправданіе; ибо весь Русскій народъ, присягая королевичу Владиславу, говорилъ: «а покуль намъ его господаря Богъ дастъ на Московское господарство, и намъ служить и прямить и во всемъ добра хотѣть отцови его, господарю нашему нынѣшнему королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу» [3]). По смыслу этой присягательной формулы всѣ Русскіе люди служили королю; въ этомъ смыслѣ служилъ ему и Палицынъ. При всемъ томъ, нужно замѣтить, что, разсуждая о дѣятельности Палицына, слѣдуетъ различать его личные поступки и тѣ, которые вызывались обязанностями келаря. Поэтому и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя говорятъ о Палицынѣ какъ о келарѣ Лавры, не должны быть поставляемы ему въ личную отвѣтственность. Изъ того напр., что Авраамій получалъ отъ Трубецкаго и Заруцкаго утвердительную грамоту на завѣщанную монастырю вотчину отъ вдовы Шапкиной на 2 сельца да 8 деревень съ пустошьми и со всѣмъ хозяйствомъ, въ то время, когда патріархъ Гермогенъ въ душевномъ волненіи писалъ призывныя грамоты къ городамъ—вовсе не слѣдуетъ, чтобы и Палицынъ въ это время не писалъ патріотическихъ воззваній или находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ казацкимъ воеводамъ [4]).

---

[1]) А. З. Р. т. IV, 368, 384—385, 392, 395, 398—399, 402, ср. Изборникъ, стр. 366.

[2]) А. З. Р. т. IV, стр. 325—326; ср. стр. 393.

[3]) Тамъ же, стр. 317. И Поляки говорили, что Сигизмундъ давалъ жалованныя грамоты на имя Владислава. Стр. 494.

[4]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 192, ср. г. Забѣлинъ, стр. 254. Если припомнимъ вышеприведенное свидѣтельство хронографа о томъ, какъ многіе, *купя* у Заруцкаго грамоты на воеводства, разъѣхались и пр. и сопоставимъ съ этимъ свидѣтельствомъ настоящій случай о полученіи Палицынымъ отъ казацкихъ воеводъ грамоты на вотчину, то, повидимому, можно предположить, что Палицынъ былъ сторонникъ Заруцкаго, присягавшаго Псковскому Самозванцу, желавшаго возвести на Московскій престолъ сына Марины отъ втораго Лжедимитрія и пр. т. под. Но какой смыслъ во всѣхъ этихъ предположеніяхъ?

Подобныя грамоты доказываютъ только то, что Палицынъ всюду поспѣвалъ, какъ *истовый* келарь.

Указываютъ, обвиняя Палицына въ измѣнѣ, на то, что, при представленіи пословъ Сигизмунду, Палицынъ поднесъ ему самые лучшіе дары: кубокъ серебряный золоченый, двойчатый (или два кубка, накрывавшіеся другъ на друга), золотой атласъ и сорокъ соболей. Ясно, говорятъ, отсюда, что Палицынъ хотѣлъ выслужиться предъ королемъ; въ перспективѣ прозорливому старцу открывалось патріаршество. Но Палицынъ подносилъ дары не свои, а монастырскіе. Лично Палицынъ не имѣлъ имущества; послѣ него осталось только книжное наслѣдіе [1]).

Говорятъ далѣе, что и самъ Палицынъ сознавалъ свою измѣну, ибо въ своемъ Сказаніи, въ главѣ «о послѣхъ» онъ утаилъ о своемъ отъѣздѣ изъ-подъ Смоленска, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ можно похвалиться, Палицынъ всюду выставляетъ свою личность въ блестящемъ свѣтѣ. Но и на самомъ дѣлѣ, что̀ было замѣчательнаго въ томъ, что Палицынъ отъѣхалъ изъ-подъ Смоленска? Къ чему ему было упоминать въ Сказаніи объ этомъ фактѣ? Съ намѣреніемъ оправдаться предъ современниками и потомствомъ? Но если Палицынъ не измѣнялъ, то въ чемъ было оправдываться? Оправдываться съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы разсѣять на свой счетъ подозрѣнія со стороны общества не было никакой нужды человѣку, фактами своей послѣдующей дѣятельности доказавшему несостоятельность взводимыхъ на него подозрѣній. Кому нужно, кто могъ понять поступокъ Палицына, какъ напр. архимандритъ Лавры Діонисій, Палицынъ объяснилъ свое поведеніе. Намекъ на это объясненіе мы находимъ въ утѣшительномъ письмѣ, писанномъ изъ Троицкаго монастыря Діонисію, когда послѣдній находился въ заточеніи въ Новоспасскомъ монастырѣ по поводу исправленія Потребника. «А и самъ, господине мой честный, вѣси, какъ разоренъ и погубленъ *отъ напрасныя тоя бѣды и напасти*», писалъ Палицынъ. Никакой другой напасти на келаря Палицына мы не знаемъ кромѣ той, что приближенные государевы люди, заносчивые въ гордости своей, попрекали Палицына королемъ [2]). Но предъ такими люд-

---

[1]) См. Авраамій Палицынъ. 1880 г. Прилож. А.

[2]) Г. Забѣлинъ въ своей книгѣ (стр. 325, пр. 95) не соглашается съ нашимъ мнѣніемъ (Авр. Палицынъ, стр. 172—175 и прилож. Б), что утѣшительное къ архим. Діонисію письмо писано Палицынымъ. „Содержаніе и самый слогъ посланія, замѣчаетъ нѣсколько г. Забѣлинъ, обнаруживаютъ, что вѣроятнѣе всего оно писано Иваномъ Насѣдкою“. При этомъ г. Забѣлинъ *вовсе* игнорируетъ наши доказательства и не приводитъ основаній для своего предположенія. Между тѣмъ для того, чтобы признать авторомъ письма Ивана Насѣдку, слѣдовало бы доказать, что простой *священникъ*, какимъ былъ Иванъ На-

ми какой бы смыслъ имѣло оправданіе? Наконецъ, обвиняя Палицына въ измѣнѣ, указываютъ на то, что онъ не явился на объясненіе съ Филаретомъ и Голицынымъ, когда послѣдніе звали его, узнавъ объ отъѣздѣ въ Москву, а сказался больнымъ. Могли быть различныя побужденія, заставлявшія Палицына уклониться отъ этого объясненія. Вѣрнѣе всего Палицынъ не явился на зовъ Филарета потому, что сознавалъ вину самовольнаго отъѣзда (а не измѣны), желалъ избѣгнуть тяжелой сцены свиданія съ митрополитомъ, который конечно сталъ бы уговаривать Палицына остаться, какъ то дѣлалъ Филаретъ по отношенію къ другимъ посламъ. Остаться же Палицыну не хотѣлось, ибо «посольство бездѣльно бысть».

Итакъ, разобравъ историческія свидѣтельства о такъ называемой измѣнѣ Палицына, мы придемъ къ тому только выводу, что *Палицынъ уѣхалъ въ Москву, оставивъ посольство.* Всѣ свѣдѣнія, говорящія объ этомъ фактѣ, вовсе не означаютъ того, что Палицынъ былъ «предатель отечества», «измѣнникъ», «продавшій знаменитый монастырь католическому королю, цѣловавшій ему крестъ, мечтавшій о санѣ патріарха». Гдѣ эти факты, говорящіе объ особенныхъ симпатіяхъ Авраамія къ Сигизмунду? Истинное положеніе дѣлъ подъ Смоленскомъ въ минуту отъѣзда Палицына (конецъ Ноября и начало Декабря 1611 г.) было такое: Москва и нѣкоторые другіе города были заняты Поляками. Кремлевскіе правящіе бояре готовы были признать царемъ Сигизмунда, «королю доброхотствующе». Къ посламъ приходили изъ Москвы вѣсти, что она прямитъ королю; въ этомъ убѣждалъ ихъ и Сапѣга. Съ другой стороны Сигизмундъ отказался дать Владислава, согласно договору заключенному въ Москвѣ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы послы согласились признать его царемъ и заставили Шеина сдать Смоленскъ. Чѣмъ тверже были послы, тѣмъ строже ихъ держали, тѣмъ больше утѣсняли... «въ безчестіи быша посланніи». Въ дальнѣйшемъ открывался плѣнъ и заточеніе въ Польшѣ. Это издѣвательство Поляковъ надъ первоименитыми представителями Русской земли не всякая душа могла вынести. Прѣдстояло посламъ рѣшать вопросъ, что̀ лучше: плѣнъ, дальнѣйшее униженіе, или отъѣздъ въ Москву?

сѣдка, былъ *начальникомъ* монастыря въ отсутствіе Діонисія и во время осады монастыря Владиславомъ. Вѣдь въ высшей степени ясно, что письмо писано было изъ *осиротѣлаго* монастыря, въ которомъ Діонисій имѣлъ *постоянное* пребываніе *начальникомъ*, хозяиномъ монастыря. А такимъ монастыремъ былъ *Троицкій*, въ которомъ начальствовалъ *келарь Палицынъ*, а не Иванъ Насѣдка. Стало быть и письмо принадлежитъ Палицыну. Тоже подтверждаетъ и *слогъ* письма; чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ внимательно прочитать Сказаніе и письмо.

Было видимо, съ какой бы точки зрѣнія Польской или Русской мы ни смотрѣли на дѣло, что *миссія пословъ была кончена*, что «посольство бездѣльно бысть». Послы могли считать это посольство бездѣльнымъ какъ потому, что Москва и бояре сдались королю, такъ и потому, что король вовсе не хотѣлъ дать Владислава на царство, а самъ желалъ занять Московскій престолъ. Поставленные событіями въ такое размышленіе, послы «не вѣдуще, что̀ сотворити... нѣцыи же отъ нихъ къ царствующему граду возвратишася», въ томъ числѣ и Палицынъ. Въ Москвѣ можно было по крайней мѣрѣ оглядѣться, узнать истинное положеніе дѣлъ и дѣйствовать согласно обстоятельствамъ. Мы утверждаемъ только то, что никакихъ данныхъ нѣтъ въ этомъ (хотя бы и самовольномъ) отъѣздѣ Палицына подозрѣвать измѣну, намѣреніе Палицына по возвращеніи изъ посольства въ Москву служить здѣсь королю. Дѣло было проще: сознавая, что «посольство бездѣльно бысть» и «не терпя великія скорби и тѣсноты», Палицынъ отъѣхалъ въ Москву. Это было разсудительно. Здѣсь сказался практическій смыслъ келаря, бросившаго дѣло, изъ котораго ничего порядочнаго не выходило. Очень вѣроятно что послѣдующее въ высшей степени до героизма патріотическое служеніе Троицкой Лавры Русской землѣ ничѣмъ инымъ и не объясняется, какъ возбуждающею дѣятельностью Палицына, на своихъ плечахъ вынесшаго всю тяготу надменной Польши. Этому направленію Палицынской мысли какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали убѣжденія архимандрита Діонисія, человѣка новаго въ монастырѣ, только что предъ временемъ общерусской борьбы съ Поляками занявшаго мѣсто настоятеля Лавры. Единствомъ мысли обоихъ, архимандрита и келаря, только и можно объяснить тотъ подвигъ служенія Лавры Русской землѣ, какой она обнаружила въ послѣднихъ событіяхъ смутнаго времени.

Но въ томъ-то и дѣло, говорятъ, что подвиги-то эти баснословные. О нихъ пишутъ только монастырскіе, лаврскіе лѣтописцы. Троицкимъ монахамъ съ своей точки зрѣнія естественно было говорить: мы спасли Русь! Другія лѣтописи этихъ подвиговъ не знаютъ. Участіе Троицкихъ богомольцевъ, можетъ быть, и было, но ординарное... Однако такъ ли? Можно утверждать, что рядовое значеніе Троицкая Лавра имѣла только въ собраніи Ляпуновскаго ополченія. Въ разсказѣ объ этомъ событіи несомнѣнно Палицынъ держался монастырской точки зрѣнія на предметъ, давая неправильное освѣщеніе факту, дѣйствительно существовавшему.

Когда коронный гетманъ короля Польскаго Станиславъ Жолкѣвскій, по занятіи Москвы Поляками (въ концѣ Октября 1610 г.), поѣхалъ отсюда съ плѣненнымъ царемъ Шуйскимъ въ Смоленскъ, то на

пути своемъ онъ встрѣчалъ многихъ недовольныхъ, возвращавшихся изъ посольства, «раздраженныхъ какъ по недостатку продовольствія, такъ и произведенною совершенно противъ чаянія ихъ неожиданностію» (т.-е. относительно намѣреній Сигизмунда). Тогда же, говоритъ Жолкѣвскій, стали они разсѣевать по всему государству слышанную ими *волю и декларацію* его величества короля подъ Смоленскомъ, и *поэтому вопервыхъ случаю Москвичи начали возмущаться и бунтовать* [1]). Итакъ, первымъ поводомъ къ возстанію Москвичей на Поляковъ были возвратившіеся изъ-подъ Смоленска послы, разсказавшіе о намѣреніяхъ Польши. Въ этомъ обстоятельствѣ лежалъ *первый зародышъ* всеобщаго ополченія, а не въ послѣдующихъ событіяхъ [2]). Вотъ почему и патріархъ Ге́рмогенъ, а съ нимъ и всѣ Московскіе люди (посадъ), несмотря на заявленія Сигизмунда о томъ, что онъ дастъ королевича Владислава на царство, знали очень хорошо, что этого не будетъ, что король самъ желаетъ занять Московскій престолъ. При этомъ, отношенія Московскихъ правящихъ бояръ къ патріарху только подтверждали сообщенія пословъ. Зная хорошо намѣренія Поляковъ, патріархъ и Москвичи только ожидали благопріятнаго момента, чтобы ополчиться на Поляковъ. Такимъ благопріятнымъ моментомъ была смерть вора Калужскаго (убитъ въ Калугѣ 12-го Декабря). Вскорѣ послѣ того, патріархъ, разрѣшивъ Москвичей отъ присяги Владиславу, разослалъ грамоты по городамъ съ призывомъ ополчаться на Поляковъ. Отмѣтимъ на всякій случай, что воззваніе Гермогена къ городамъ относится какъ разъ къ тому времени (конецъ Декабря), когда Палицынъ выѣхалъ изъ-подъ Смоленска (12-го Декабря) и пріѣхалъ въ Москву.

По призыву Гермогена первый сталъ ополчаться Прокопій Ляпуновъ съ Рязанцами; заволновались и другіе города; всюду затѣмъ стали разсылаться грамоты и повѣстки съ приглашеніемъ стать обще за дѣло изгнанія Поляковъ. Объ этихъ событіяхъ такъ разсказываетъ Палицынъ, правда кратко, но непротиворѣча другимъ источникамъ. «Рязанскіе же земли жители, дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе воинскіе люди, видяще толико насильство Поляковъ, въ нихъ же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопій Петровичъ Ляпуновъ—и сослашася съ Володимерцы и Ярославцы и съ Костромичи и Нижегородцы и съ государствомъ Казанскимъ и съ Волскими городами и со всѣми Татары. Потомъ же того врага Заруцкаго увѣщаша многими дарми

---

[1]) Жолкѣвскій, стр. 179.

[2]) Г. Забѣлинъ, стр. 246.

и посланми; съ ними же многіе казаки и Сѣверскіе городы изволеніемъ Божіимъ обратишася, и тако изъ всѣхъ градовъ Литву начаша изгоняти». Разумѣется здѣсь та Литва, которая собирала дани и оброки великія, разбойничала по городамъ вмѣстѣ съ Русскими измѣнниками [1]). Ополченіе, въ составъ котораго по свидѣтельству Польскихъ источниковъ входило до 80,000 [2]), собиралось въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, съ половины Генваря до конца Марта 1611 г. Поляки, сидѣвшіе тогда въ Москвѣ, вооружились, сожгли столицу, заперлись въ Кремлѣ и Китай-городѣ, а патріарха Гермогена стали держать подъ крѣпкимъ карауломъ. Это раззореніе Москвы случилось 19 Марта, въ ту пору, когда передовые отряды Ляпуновскаго ополченія подходили уже къ Москвѣ. (Иванъ Плещеевъ съ своимъ отрядомъ, отбитый Польскимъ полковникомъ Струсемъ, 20 Марта). Тѣмъ неменѣе ополченію не удалось спасти столицы. Все оно собралось въ Москву уже въ ту пору (1 Апрѣля), когда Поляки свезли пушечный нарядъ и запасы за стѣны Кремля и Китай-города и крѣпко заперлись здѣсь, поджидая новыхъ войскъ изъ Польши. Послѣ пожара, «Московскіе всякіе люди, видя, что имъ отъ враговъ быть всѣмъ побитымъ и пожженнымъ, изъ Москвы побѣжали по всѣмъ городамъ къ Троицѣ, и въ Володимеръ, и на Коломну, гдѣ кому сручно, у кого лошади на лошадѣхъ, а черные люди пошли съ женами и дѣтми пѣши» [3]). Отъ этихъ бѣглецовъ ополченіе, конечно, прежде всего узнало о погибели столицы. Одинъ изъ такихъ-то бѣглецовъ боярскій сынъ Яковъ Алехановъ 19 Марта прибѣжалъ къ Троицѣ и разсказалъ архимандриту Діонисію и келарю Палицыну о сожженіи столицы. Первымъ дѣломъ послѣднихъ, повѣствуетъ Палицынъ, было то, что они тотчасъ же послали къ Москвѣ на помощь жителямъ столицы родственника Авраамія Палицына, Андрея Θеодоровича Палицына *(измѣнившаго подъ Смоленскомъ)*, а съ нимъ Троицкихъ слугъ 50 человѣкъ, князя Василія Туменскаго съ товарищи, да двухъ сотниковъ стрѣлецкихъ съ 200 стрѣльцовъ, такъ что по всему вѣроятію, эта первая помощь отъ Троицы Москвѣ составляла отрядъ приблизительно до 300 человѣкъ [4]). Несомнѣнно, что *Троицкія власти,* дѣйствуя подобнымъ образомъ, *не стояли на сторонѣ Поляковъ.* Дальнѣйшимъ дѣйствіемъ властей было то, что они отправили въ Переяславль Залѣсскій къ воеводамъ Ивану Волынскому и Θ. Волконскому слугу Острецова съ

---

[1]) Ср. г. Забѣлинъ стр. 250—251.

[2]) Акты З. Р. т. IV, 209.

[3]) Изборникъ, 350 стр.

[4]) Г. Костомаровъ. Смутное время т. III, стр. 142.

просьбою о помощи. Эти воеводы шли съ Костромскими и Ярославскими полками и стояли во время Московскаго пожара въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, какъ ближайшемъ городѣ отъ Троицы [1]). Видно опять, что Троицкія власти распоряжаются разумно, отправляютъ гонца именно къ тѣмъ воеводамъ, которые были ближе къ Троицѣ. Ничего неправдоподобнаго въ этомъ разсказѣ Палицына нѣтъ; онъ подтверждается и другими источниками того времени. Сдѣлавши эти распоряженія, разсказываетъ дальше Палицынъ, «разослаша грамоты во вся грады Россійскія державы, къ *боярамъ и воеводамъ*, пишуще къ нимъ о *многоплачевномъ конечномъ раззореніи Московскаго государства*» и съ просьбою «*поспѣшить идти къ царствующему граду* на отомщеніе крови христіанскія» [2]). Ясно, что Троицкія власти обвѣщаютъ города о Московскомъ разореніи. Вѣсть объ этомъ событіи, поданная авторитетнымъ Троицкимъ монастыремъ, съ одной стороны естественно должна была усилить то возбужденіе, какое началось въ городахъ по призывнымъ грамотамъ Гермогена, съ другой—заставить Ляпуновское ополченіе поспѣшить походомъ къ Москвѣ. Все это было такъ естественно, такъ скажемъ, логически-необходимо, что сомнѣваться въ такомъ значеніи первыхъ Троицкихъ грамотъ можетъ только предъубѣжденный человѣкъ. Поэтому Палицынъ говоритъ: «сицевымъ же грамотамъ отъ обители Живоначальныя Троицы во вся Россійскіе городы достигающимъ, и слуху сему (о раззореніи Москвы) во ушеса всѣхъ распространяющуся, и милостію пребезначальныя Троицы по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ *помалѣ разгорающеся духомъ ратнымъ*, и *вскорѣ* сославшеся, *сподвигошася* отъ всѣхъ градовъ на отмщеніе крови христіанскія».

Само-собою разумѣется, что такою рѣчью Палицынъ, разсказавъ раньше о собраніи ополченія Ляпунова и о приближеніи его къ Москвѣ, не отрицаетъ значенія призывныхъ грамотъ патріарха Гермогена. Тѣмъ не менѣе въ этой заключительной рѣчи Палицына слѣдуетъ обвинить его прежде всего за конспективное изложеніе факта. Но такая метода изложенія была общею для всѣхъ лѣтописцевъ тогдашняго времени. Одинъ изъ нихъ (Сергѣй Кубасовъ) такъ разсказываетъ въ своемъ хронографѣ о событіяхъ послѣ раззоренія Москвы: «И тако разрушена быша превеликая Москва и пограблену всѣму сокровищу и сѣдоша Поляцы во внутреннемъ градѣ превысокомъ Кремлѣ... Воево-

---

[1]) А. А. Э. II, 324.

[2]) Въ печатномъ изданіи здѣсь испорченъ текстъ. См. А. Палицынъ 1880 г. стр. 79.

да же и властель Резанскіе страны Прокоѳей Ляпуновъ отъ града своего возстаетъ и множество воинъ собираетъ и разжегся гнѣвомъ веліимъ и разъярися зѣло о разореніи Московскомъ, многія слезы пролія, втайнѣ уповая отмстити наносимыя отъ нихъ тяжкія обиды, и поидоша на неправедныхъ Римлянъ, и тамо имъ жестоко и немилостиво отомщеніе покушаяся воздати. Другіе же воинскіе людіе возстаютъ отъ града Калуги» [1]) и т. д. Изъ этого разсказа видно, что Прокопій Ляпуновъ и другіе воеводы возстали и собрались походомъ на Москву только послѣ разрушенія Москвы Поляками, т.-е. послѣ 19 Марта. Лѣтописецъ какъ-будто не помнитъ, что Рязань и другіе города стали собираться на защиту Москвы еще за два мѣсяца до ея сожженія. Но неужели мы на основаніи вышеприведеннаго отрывка лѣтописи обличимъ ея составителя въ неправдоподобіи? Для лѣтописца, умалчивающаго о детальныхъ частностяхъ, было слишкомъ ясно, что Ляпуновъ собрался и пришелъ къ Москвѣ дѣйствительно только послѣ Московскаго пожара. Такъ же разсказываетъ и Палицынъ, излагая событія «вся поряду», согласно литературнымъ пріемамъ тогдашняго времени. Съ другой стороны изъ разсказа Палицына о дѣйствіи первыхъ Троицкихъ грамотъ усматривается не намѣренное искаженіе истины, но своеобразное толкованіе факта, освѣщеніе его съ монастырской точки зрѣнія. Для лѣтописца, жившаго въ монастырѣ, было ясно, что Ляпуновское ополченіе дѣйствительно пришло только послѣ разсылки первыхъ грамотъ. Но, конечно, снося свидѣтельство Палицына съ другими источниками, нѣтъ надобности намъ соглашаться съ неправильнымъ его толкованіемъ. Вотъ почему мы и говоримъ, что Троицкая Лавра имѣла рядовое значеніе въ собраніи ополченія Ляпунова.

Хотя эти первыя Троицкія грамоты еще доселѣ и не открыты исторіей, но отсюда еще нельзя дѣлать вывода, что ихъ вовсе не существовало [2]). Конечно и безъ нихъ ополченіе Ляпунова пришло бы къ Москвѣ; тѣмъ не менѣе Палицынъ, разсуждая объ нихъ, имѣлъ полное право отмѣтить, что печально-возбуждающую вѣсть о разореніи столицы подали Троицкія власти. На этотъ разъ Польская партія, сидѣвшая у Троицы, оказалась преемницею *идей* патріарха Гермогена, и это случилось спустя только три мѣсяца послѣ возвращенія Палицына изъ-подъ Смоленска. Анализируя содержаніе этихъ первыхъ Троицкихъ грамотъ, какъ оно передается во вторыхъ (а вторыя

---

[1]) Изборникъ. 307—308 стр.

[2]) См. объ этомъ Авр. Палицынъ 1880 г. стр. 71—83.

писаны были *по прежеписанному*), мы приходимъ къ одному любопытному сближенію, котораго нельзя обойти молчаніемъ. Въ 1615 году Поляки, на съѣздѣ подъ Смоленскомъ, говорили Московскимъ посламъ, что митрополитъ Филаретъ Ростовскій «ѣдучи съ Москвы (подъ Смоленскъ) положилъ на словѣ съ патріархомъ (Гермогеномъ), чтобы господарю королевичу на Московскомъ государствѣ не быть, а патріархъ ему имѣлся всѣхъ людей къ тому приводить, чтобы сына его Михаила на царство посадити. И *Филаретъ* съ подъ Смоленска *смутныя грамоты въ Ярославль и иные городы писалъ*, будто король королевича на Московское господарство дати не хочетъ, и они жъ бы отъ Москвы на время отложилися и стали за одно противъ насъ людей королевскихъ» [1]). Изъ этого видно, что Филаретъ ссылался изъ-подъ Смоленска посредствомъ грамотъ съ Москвичами и остальною Русью. Дѣйствительно, въ числѣ актовъ смутнаго времени мы находимъ грамоту изъ-подъ Смоленска [2]), содержаніе *которой говоритъ о принадлежности ея Филарету*. Даже и Прокопій Ляпуновъ говорилъ, что эту грамоту писали изъ-подъ Смоленска *Московскіе люди* къ Москвѣ [3]). Съ другой стороны видно, что грамоту изъ-подъ Смоленска привезли къ Москвѣ *товарищи пословъ*: «и послали есмя къ вамъ товарищевъ своихъ, а имянъ ихъ не написали страха ради смертнаго» [4]). Какъ разъ эта грамота пришла въ Москву въ то время, когда возвратился Палицынъ изъ-подъ Смоленска (въ концѣ Декабря). Соображая все это, естественно сдѣлать предположеніе: не былъ ли Палицынъ тайнымъ агентомъ Филарета? Предположеніе это подтверждается и сличеніемъ извѣстныхъ Троицкихъ грамотъ съ грамотою изъ-подъ Смоленска. И та и другая изображаютъ общее бѣдствіе Россіи *чертами сходными до буквальности*. Вотъ это сходство:

Грамота изъ Смоленска.	*Троицкая грамота къ Казанцамъ.*
„Господамъ, братіямъ и пр... Братія есмы и сродницы, понеже отъ святыя купели, святымъ крещеніемъ. породихомся и обѣщахомся вѣровати во Святую Единосущную Троицу, Богу живу, истинну, вси православніи крестьяне: вѣдома вамъ смерт-	„...И вамъ бы..., помня истинную православную вѣру, яко вси родихомся отъ крестьянскихъ родителей и знаменахомся печатію св. крещеніемъ и обѣщахомся вѣровати во Святую Живоначальную и Нераздѣльную Троицу, Богу живу, истин-

[1]) Акты З. Р. т. IV., стр. 483.
[2]) Акты А. Э. II, стр. 299—300.
[3]) Тамъ же, стр. 297.
[4]) Тамъ же, стр. 300.

ная наша погибель... Во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, гдѣ завладѣли Литовскіе люди, не поругана ли наша крестьянская вѣра и не разорены ли Божіи церкви? Не сокрушены ли и поруганы злымъ поруганіемъ и укоризною божественныя иконы и Божіе образы? Все то зрятъ очи наши! Гдѣ наши головы, гдѣ жены, и дѣти, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались ли есмя отъ тысячи десятой, или ото ста единъ, токмо единою душою и единымъ тѣломъ? И та вся нашедшася намъ смертная наша погибель невѣдома вамъ... Никто... надъ православными крестьяны не смилуется, и вси порабощены смертною работою и въ латинство отдашеся. Возплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ, аще отвратитъ отъ насъ Свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду и пр...

ну... порадѣть... Сами видите близъ всѣхъ крестьянъ конечную погибель. въ которыхъ городѣхъ они завладѣли: гдѣ святыя Божіи церкви и Божіе образы?... Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не вcѣ ли лютыми и горькими смертьми скончашася? Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и селѣхъ работные чади христіанства; не вcѣ ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены? Непощадиша бо престарѣвшихся возрастомъ, не устрашишася... ссавщихъ млеко младенцевъ; вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія. Помяните и смилуйтеся надъ видимою общею смертною погибелью... и пр. (Акты А. Э. II, стр. 239).

Указанное сближеніе важно во всякомъ случаѣ въ томъ отношеніи, что оно говоритъ *о солидарности идей* Филарета, Гермогена и Троицкихъ властей. При этомъ было бы странно предположить, что Авраамій Палицынъ дѣйствовалъ въ монастырѣ послѣ возвращенія изъ-подъ Смоленска отдѣльно. Въ сущности его дѣятельность *нельзя* отличать отъ дѣятельности монастыря. Это потому, что всякій актъ монастырской администраціи былъ дѣломъ коллективнымъ, соборнымъ. При соборномъ монастырскомъ управленіи голосъ келаря, особенно Троицкаго, судя по тѣмъ полномочіямъ, какія предоставлены были власти келаря *) имѣлъ, значеніе равнозначущее голосу архимандрита, если не большее, и особенно въ дѣлахъ, опредѣляющихъ отношеніе монастыря къ внѣ-монастырской сферѣ. И во всякомъ случаѣ несогласіе келаря могло тормозить всякія начинанія монастырскаго собора и въ частности архимандрита. Изъ житія Діонисія мы узнаемъ, какъ трудно было архимандриту управлять обширнымъ монастыремъ при «совладѣющихъ» послѣ Палицына. А за все время келарства Пали-

*) Чит. о келарѣ: Авр. Палицынъ. 1880 г., стр. 18—27 и прим.

цына въ монастырѣ мы встрѣчаемся только съ фактами единодушія Троицкихъ властей. Правда, Иванъ Насѣдка, человѣкъ увертливый и лукавый по отзывамъ современниковъ, хорошо впрочемъ знакомый съ Сказаніемъ Палицына, одному изъ преемниковъ его по должности Симону-келарю писалъ, что когда въ смутное время изъ Лавры устроенъ былъ страннопріимный домъ съ больницею для всѣхъ страждущихъ и изнемогающихъ, то вина сему и промышленникъ бысть архимандритъ Діонисій, а не *келарь Авраамій Палицынъ*. Но о *своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ и самъ Палицынъ ничего не говоритъ въ своемъ Сказаніи*; стало быть и обвиненіе Насѣдки вызывалось общимъ мнѣніемъ монастыря о замѣчательной дѣятельности Палицына. Приведенными словами Насѣдка только хочетъ *отдѣлить* дѣятельность Діонисія отъ дѣла Палицына, что̀ все смѣшивали современники. Иначе трудно объяснить, почему Насѣдка знакомый съ Сказаніемъ Палицына, не обвинилъ его во лжи, еслибы дѣйствительно Палицынъ лгалъ, разсказывая о себѣ? Насѣдка не отрицаетъ того, что Палицынъ много дѣлалъ; онъ хочетъ только сказать, что устройство странноправимницъ *было личнымъ дѣломъ Діонисія*, а не Авраамія Палицына. Конечно и въ этомъ дѣлѣ участвовалъ келарь, но не какъ главное лицо, а какъ содѣйствующее; ибо безъ согласія келаря соборъ не могъ создать ни одного важнаго постановленія. И можно смѣло утверждать, что при предположеніи сочувствія Палицына къ Полякамъ, въ смутное, безгосударное и безпатріаршее время, *онъ могъ монастырь*, находившійся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государя, *сдѣлать важнымъ орудіемъ Польской партіи, еслибы хотѣлъ.*

Между тѣмъ вся послѣдующая исторія монастыря говоритъ совсѣмъ за противоположное. Факты участія Троицкихъ властей въ собраніи Нижегородскаго ополченія, въ примиреніи его съ казачествомъ и въ борьбѣ Русскихъ съ Поляками въ послѣдній приходъ Ходкѣвича, ярко освѣщая личность Палицына, даютъ намъ прекрасный матеріалъ для ея оцѣнки и Сказанія Авраамія.

Извѣстно, что за смертію Прокопія Ляпунова его ополченіе разошлось розно. Въ Москвѣ сидѣли Поляки, держа въ плѣну настроенное по-польски *правительство* и поджидая со дня на день подкрѣпленій изъ Польши. Сѣверо-Западный край воевали Шведы; западный—Поляки, отряды которыхъ вмѣстѣ съ разбойническими шайками Русскихъ измѣнниковъ гуляли и внутри Россіи. Подъ Москвою остались казаки и ихъ стороны, осаждая сидѣвшихъ въ Кремлѣ Поляковъ и въ тоже время измышляя *свое* правительство, казацкихъ царей... Настоящаго *правительства* въ существѣ дѣла не было. Это было *тягчайшее*

время нашей исторіи, анархія въ буквальномъ смыслѣ слова, предъ которой блѣднѣютъ всѣ ужасы Пугачевщины...

При помощи какихъ же средствъ Русская земля вышла изъ своего анархическаго состоянія и спаслась отъ Польскаго и казацкаго правительствъ?

Источники (за исключеніемъ Палицына) скудно говорятъ о томъ, чтобы движеніе, поднятое грамотами Гермогена и организованное Ляпуновымъ, за смертью его, развивалось само собою, безъ всякой возбуждающей дѣятельности со стороны. Но едва ли сомнительно, что это движеніе могло остановиться и послѣ Ляпунова. Это потому, что города, заключая между собою союзы для общей борьбы по призыву Ляпунова, цѣловали крестъ на томъ, «чтобы за Московское государство стояти и отъ Московскаго государства не отстати, а королю Польскому и Литовскому креста не цѣловати и не служити, и не прямити ни въ чемъ ни которыми дѣлы, и съ городы за Московское государство на Польскихъ и Литовскихъ людей стояти за одинъ и, прося у Бога милости, Московское государство... очищати, битися со врагами неослабно... и до смерти» *). Съ другой стороны, неуспѣхъ ополченія Ляпунова могъ возбудить жажду мести и усилить рвеніе на защиту земли. Расходившаяся изъ-подъ Москвы рать Ляпунова (настоящая, а не тѣ, которые разъѣхались «временныя ради сладости»), конечно всюду разносила вѣсть о печальномъ состояніи разрушенной Москвы и о казацкихъ злодѣйствахъ; и эти разсказы не могли не оказывать вліянія на возбужденіе народа. И совершенно справедливо то, что въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1611 г. и въ началѣ 1612 года Русская земля не спала; что возбужденіе патріотической всенародной мысли доходило до крайняго напряженія, выражаясь въ разсказахъ о видѣніяхъ и чудесахъ, посредствомъ которыхъ самъ Богъ призывалъ Русскихъ людей на защиту вѣры и отечества. То было время, о которомъ нельзя судить съ точки зрѣнія мирной эпохи. На почвѣ этого возбужденія легко могло организоваться новое ополченіе. Но какъ?

Нужно помнить, что, при общей анархической безъурядицѣ въ движеніи происходившемъ въ городахъ, въ крайнемъ подъемѣ національнаго духа, скорѣе сказывался *хаотическій* безпорядокъ, чѣмъ трезвое и здравое направленіе мысли. Разбирая всю тогдашнюю немногосложную переписку городовъ между собою и снося ее съ показаніемъ лѣтописей, мы не встрѣчаемъ опредѣленныхъ указаній на то, чтобы въ городахъ прямо говорилось, что надо собирать *новое* опол-

---

*) Акты А. Э. II, 307—308.

ченіе, надо жертвовать и идти спасать столицу. Общій смыслъ переписки тотъ, что города, и то не всѣ, просили не оставлять другъ друга вѣстями, помогать въ случаѣ нападенія непріятеля, самозваннымъ царямъ и королямъ не присягать, жить въ любви и согласіи и держаться старыхъ порядковъ до тѣхъ мѣстъ, пока не выберутъ царя всею землею [1]). Города непрочь были стоять за Московское государство и очищать землю отъ Польскихъ людей; но какъ это дѣло устроить—города не знали. Словомъ, переписка свидѣтельствуетъ только о желаніи городовъ выдти изъ хаотической неустроенности, обнаруживаетъ готовность населенія уничтожить смуту. Естественно, что для того, чтобы придать этому общему броженію опредѣленную форму, нуженъ былъ сильный и авторитетный голосъ со стороны, непременно авторитетный, не меньшій по значенію проповѣди патріарха. Это потому, что всякій *рядовой* голосъ не имѣлъ смысла и важности въ глазахъ народа, являлся самозваннымъ, а по сему и непрочнымъ. Исторія смуты полна извѣстіями, что въ ту пору немало было демагоговъ, высокихъ по роду и общественному положенію, — вождей искренне-преданныхъ дѣлу спасенія отечества; да имъ плохо вѣрили. Явится такой вождь, возбудитъ народъ, кое-что сдѣлаетъ, да и сгаснетъ, а дѣло его разстроится. Особенный голосъ требовался и потому, что нужны были *особенныя жертвы*. Теперь нужны были необычайныя затраты, ибо ранѣе Русскіе люди истощились. По меньшей мѣрѣ надо было затрачивать третью часть своего имущества. Вотъ почему одно сказаніе говоритъ, что *старѣйшіе*, опытнѣйшіе къ сему дѣлу были мало внимательны: они понимали цѣну нажитаго добра. Иное дѣло *юнѣйшіе* [2])!

Кто же могъ среди такихъ обстоятельствъ собрать новыя силы на очищеніе земли? Лѣтописи, которымъ будтобы слѣдуетъ довѣрять больше всего, указываютъ на Минина въ такихъ выраженіяхъ: Бысть въ то время «человѣкъ нѣкій въ Нижнемъ Новгородѣ убогою куплею питаяся, сирѣчь продавецъ мясу и рыбѣ въ требованіе людемъ, имя ему Козма. Той же Козма, отложше своей вещи дѣло, и воспріемлетъ велемудрое разумѣніе и смыслъ иной, во всѣхъ людѣхъ страны тоя силу и власть воспріемлетъ и уроки многіе собираетъ, изыскуетъ во градѣ людей воинскихъ, которые избыша отъ посѣченія иноплеменныхъ, и сихъ изыскуетъ и жаждущая сердца ихъ утоляетъ и наготу ихъ прикрываетъ и сими дѣлы собираетъ воинство немало» [3]).

---

[1]) Собр. Г. Г. и Д. II, 567 и Доп. къ А. А. Э. II. №№ 191, 194, 197, 200, А. И. т. II № 333.

[2]) Книга о новоявленныхъ чудесахъ пр. Сергія, Симона-келаря въ рук. М. Д. Ак.

[3]) Изборникъ, стр. 310.

Или еще: ...«И бысть тогда великое уныніе и мятежъ во всей землѣ Рустѣй... Тогда Богъ воздвизаетъ нѣкоего отъ христіанскаго народа мужа отъ рода неславна, по смысломъ мудра, его же прозваніемъ нарицаху Козма Мининъ, художествомъ же бяше прежде говядарь. Сей по случаю чина чреды своея бысть начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ въ братіи своей, рекше посадскихъ людей, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Видѣ бо тогда насильствуемы мнози, и зѣло оскорбися и поболѣ зоровавельски душою за люди Господни, Всемогущаго Бога на помощь призва и молву безчисленныхъ печалей на ся пріятъ, и тако ношашеся всегда бурями различныхъ попеченій, аще и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ. Собравъ убо отъ народа многая сокровища сребра и одари люди ратные оброки довольными; и сице собра полки многія... Самъ же, никогда же отлучаяся, аки древній Гедеонъ, всѣхъ сердца на супротивныя укрѣпляя» и др.

Итакъ, вотъ кто собралъ *послѣднее* чрезвычайное ополченіе: *одинъ изъ многихъ* посадскихъ старостъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, продавецъ мяса и рыбы, человѣкъ *разумный*, какъ древній *Зоровавель* заболѣвшій сердцемъ за гибнувшее отечество [1]). И ему Нижегородцы повѣрили: отдали животы своя, добровольно подчинились его власти; да не только Нижегородцы, а вся собравшаяся рать разныхъ городовъ сдѣлала его своимъ казнохранителемъ... Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Мининъ вовсе не былъ такимъ лицомъ, которому бы вѣрили всѣ безусловно.

Не только позволительно, но *необходимо* сомнѣваться во всѣхъ этихъ сужденіяхъ лѣтописей о сборѣ Мининымъ ополченія. Очевидно, какъ Божій день, что дѣло вовсе не было такъ *просто*, какъ его представляютъ «идеальные» лѣтописцы. Такихъ, какъ Мининъ, тогда было много. Почему не поднялъ новаго ополченія Пермскій воевода Иванъ Чемодановъ, дьякъ Пятой Филатовъ? Почему не казацкій воевода бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ? Вычегодскій Степанъ Степановичъ [2]) и пр.? Много людей болѣло душою за отечество позоровавельски. Почемуже Мининъ возмнилъ себя исключительно Зоровавелемъ? Почему же Минину повѣрили Нижегородцы? Почему *онъ* воспріялъ силу и власть въ странѣ той? Вѣдь *популярность* его была *обычная*; а о какихъ либо *выдающихся* его нравственныхъ качествахъ до времени собранія ополченія мы не знаемъ. Положимъ, что онъ много трактовалъ о спасеніи отечества; да тогда только объ этомъ и гово-

---

[1]) Изборникъ, стр. 202 Соловьевъ, т. VIII, стр. 405.

[2]) А. А. Э. II, № 203 и др.

рили *всѣ* и прямые, и кривые Русскіе люди: это была обычная тема всяческихъ сужденій. Нельзя подвигъ Минина объяснить и простою случайностью, тѣмъ предположеніемъ, что тогда въ Нижнемъ и на Руси до того было ясно сознаніе мысли спасти отечество, что Нижегородцы повѣрили бы *всякому* демагогу, лишь бы только избавиться отъ тяжелой смуты. Какъ ни затуманены были головы Русскихъ людей смутнаго времени, тѣмъ не менѣе могъ же народъ различать людей искусныхъ и способныхъ на дѣло воинское отъ простыхъ купцовъ. При всемъ томъ нужно замѣтить, что хотя Нижегородская область была *по преимуществу патріотическая*, тѣмъ не менѣе въ этомъ обстоятельствѣ лежало и ея особенное состояніе сравнительно съ другими областями Русской земли. Рядомъ предыдущихъ жертвованій на пользу отечества Нижегородцы уже достаточно поплатились и деньгами и людьми; теперь при новыхъ пожертвованіяхъ требовалось отдавать почти *послѣднее*. Стало быть, нужно было возбудить на этой почвѣ особенный, *высокій* патріотизмъ; а для этаго и человѣкъ требовался по преимуществу авторитетный, особенный. А принести чрезвычайныя жертвы, конечно, не всякому хотѣлось; вотъ что значатъ слова лѣтописи, что Мининъ «молву безчисленныхъ печалей на ся пріятъ». И изъ другихъ лѣтописей извѣстно, что въ Нижнемъ во время собранія *послѣдняго* ополченія вовсе не было того прекраснаго единодушія, о которомъ разсуждаютъ лѣтописи. Были тогда и сомнѣвающіеся; были и крамольники; были увлекающіеся минутнымъ впечатлѣніемъ, что̀ доказывается поручною записью Минину. И это опять указываетъ на то, что Мининъ долженъ быть особенный человѣкъ. Изъ всего этаго явствуетъ, что невозможно допустить, будто бы Мининъ поднялся *самъ собою*, безъ всякаго возбужденія со стороны и только *своею личностью* «въ незначительномъ чинѣ» создалъ величайшее изъ дѣлъ нашей исторической жизни.

Другіе источники объясняютъ намъ секретъ личности Минина. Оказывается, что Мининъ созналъ себя Зоровавелемъ въ силу видѣнія ему преподобнаго Сергія. Онъ сознавалъ себя Божіимъ посланникомъ, уполномоченнымъ на святое дѣло избавленія призваніемъ свыше. Объ этомъ онъ всенародно заявлялъ на мірскомъ сходѣ. Думать, что извѣстное повѣствованіе хронографа о видѣніи Минину Преподобнаго Сергія—легенда не представляется достаточныхъ основаній. Это повѣствованіе 1) не противорѣчитъ дѣйствительности, 2) подтверждается послѣдующими фактами, указывающими тѣже самыя отношенія лицъ, на какія ссылается и повѣствованіе, и 3) согласно съ общимъ состояніемъ среды, въ которой дѣйствовали лица повѣсти. Тогда видѣнія были обычны, и именно въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ кромѣ Минина

говорили о видѣніи какому-то Григорію. Правда, повѣствованіе встрѣчается въ спискѣ XVIII в., но это не доказываетъ, что оно именно въ ту пору и возникло. Наконецъ, историки невѣрно указываютъ на Троицкія сказанія Симона-келаря, записавшаго въ книгѣ о новоявленныхъ чудесахъ Преподобнаго Сергія со словъ Преподобнаго Діонисія разсказъ Минина о бывшемъ ему видѣніи. Сказанія Симона-келаря не имѣли широкой распространенности: имъ не довѣряли и современники. Съ другой стороны, еслибы предположеніе объ образованіи повѣствованія хронографа изъ сказаній Симона было вѣрно, тогда естественно бы было встрѣтить въ обоихъ одинаковыя черты. Между тѣмъ общее между обоими только то, что Минину было видѣніе; все же остальное въ обоихъ сказаніяхъ ново и оригинально. По всему видно, что эти двѣ повѣсти не знаютъ одна другую. Стало быть, обѣ онѣ передаютъ *историческій фактъ*, достовѣрность котораго подтверждается, наконецъ, и тѣмъ предположеніемъ, что Симону-келарю незачѣмъ было *врать*, притомъ такъ мудрено и подробно, какъ у него записано. Что онъ немного пріукрасилъ, разсказывая о видѣніи, это вѣрно; но на эти пріукрашенія мы должны смотрѣть какъ на тогдашніе литературные пріемы—не больше.

Да и въ существѣ дѣла, чтó удивительнаго въ томъ, что въ душѣ Минина сложилось постепенно (именно постепенно) убѣжденіе въ томъ, что *онъ* призывается на подвигъ спасенія отечества даже силами небесными? Здѣсь къ естественному чувству патріотизма присоединилось еще особенное религіозное сознаніе, одобрявшее и побуждавшее принять на себя дѣло освобожденія родины; а разъ Мининъ объявлялся народу какъ человѣкъ уполномоченный призваніемъ свыше, тогда естественно и въ глазахъ Нижегородцевъ онъ пріобрѣталъ особенный авторитетъ. Нужно замѣтить, что тогдашняя эпоха была временемъ цѣльности религіозныхъ убѣжденій, искренней сердечной вѣры, глубочайшаго уваженія религіи и ея символовъ. То время по преимуществу характеризуется преобладаніемъ религіознаго чувства, особенно развивавшагося подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій смуты. При этой общей религіозной настроенности народа реальный смыслъ и значеніе имѣли факты вѣры; вотъ почему и носители божественныхъ полномочій, какимъ бы путемъ они ни пріобрѣтались, являлись въ глазахъ народа людьми по преимуществу авторитетными. Вотъ почему, мы думаемъ, и Мининъ, выступавшій подъ знаменемъ Преподобнаго Сергія, имѣлъ и силу убѣдительности рѣчи, и энергію провести свое дѣло до конца, обаяніе среди толпы. Иначе, чѣмъ другимъ можно объяснить этотъ *высокій*, энтузіастическій патріотизмъ Нижегородцевъ, беззавѣтно приносившихъ *послѣднія* жертвы «на алтарь отечества?» Силою земскаго чувства?

А гдѣ же оно было во весь періодъ смуты? Еслибы это чувство было дѣйствительно *достаточно* развито въ народѣ, то какъ могло случиться, что самъ же этотъ народъ бунтовалъ, стоя подъ знаменами царя-народа—Тушинскаго Самозванца? И какъ бы тогда бояре и казаки и Поляки могли смѣло дѣйствовать въ народѣ, когда бы сила земщины была грозною силою, гарантіею порядка, защитою всяческихъ правъ? И почему эта сила проявилась въ одномъ только Нижнемъ Новгородѣ, когда почти всѣ остальные города участвовали въ смутѣ, когда Нижній входилъ въ общую семью Русскихъ городовъ и ничѣмъ этнографически и юридически отъ нихъ не отличался? Были, конечно, и земское чувство въ народѣ, и преданность гражданскому порядку— только все это было недостаточно интенсивно. Инокиня Марѳа, когда посольство въ Костромѣ просило у нея Михаила на царство, замѣтила, что дать своего юнаго сына она боится и потому, что Русскіе люди *измалодушествовались*, т.-е. во время смуты утратили чувство чести, законности, порядка.. Стало быть, непрочно тогда было сознаніе важности гражданскихъ связей и ихъ значенія въ житейскомъ обиходѣ; неясно представлялась общему сознанію мысль о необходимости политическихъ формъ для жизни. И Нижегородцы, конечно, шли спасать не столько правительство, котораго, къ слову сказать, тогда не было, а вѣру и свое племенное единство, которому грозило латинство.

Первый указалъ эту цѣль защиты патріархъ Гермогенъ; его *идею* развивали въ національныхъ грамотахъ Троицкія власти. Одной изъ такихъ грамотъ въ Нижнемъ удалось подѣйствовать на Минина (паче же въ Нижнемъ Новгородѣ крѣпцѣ яшася за сіе писаніе), который живымъ словомъ патріотической рѣчи и создалъ новое ополченіе. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно утверждать, что именно одна Троицкая грамота, или дѣйствіе однихъ религіозныхъ причинъ могло создать массовое движеніе въ Нижнемъ. Оно явилось результатомъ совокупности цѣлой суммы условій, въ числѣ которыхъ имѣла значеніе личность Минина, необходимость выхода изъ тяжелаго состоянія смуты, естественный патріотизмъ Русскаго народа вообще, и по преимуществу въ Нижнемъ, сознаніе важности гражданскаго порядка, и пр. Утверждая, что Мининъ поднялся и воодушевилъ Нижегородцевъ подъ вліяніемъ особенной религіозной настроенности, мы хотимъ только сказать, что эта настроенность была первостепенною причиною въ общей суммѣ остальныхъ. Такимъ путемъ мы думаемъ только и можно объяснить и тотъ психологическій фактъ, что Мининъ возмнилъ себя преимущественно Зоровавелемъ, и силу вліянія его личности на народъ.

Указываютъ, что Троицкая грамота не могла имѣть значенія въ Нижнемъ потому, что будто бы она явилась въ Нижнемъ уже въ самый разгаръ Нижегородскаго ополченія, въ половинѣ Октября 1611 г., а въ послѣднихъ числахъ Октября (не позднѣе 30) ополченіе въ Нижнемъ уже составилось. Но это возраженіе легко устраняется соображеніемъ, что въ сущности неизвѣстно, *какая* изъ окружныхъ Троицкихъ грамотъ послужила первою причиною и исходнымъ началомъ къ собранію Нижегородскаго ополченія. Различаютъ три окружныя Троицкія грамоты: *первая* написана и разослана была вскорѣ послѣ разоренія Москвы, послѣ 19 Марта 1611 г.; *вторая* въ концѣ Іюня или началѣ Іюля того же года, и третья 6 Октября. Всѣ эти грамоты посланы были въ Нижній *), а изъ Сказанія Палицына неясно видно, какая именно грамота читалась въ Нижнемъ Новгородѣ. Всего вѣроятнѣе думать, что *третья* дѣйствительно уже получена была въ ту пору, когда Нижегородцамъ было извѣстно содержаніе двухъ первыхъ. Эта третья только усилила возбужденіе, произведенное двумя первыми. Наконецъ, ничего баснословнаго нѣтъ и въ томъ, что именно третья грамота возбудила ополченіе въ Нижнемъ. Окончательно это ополченіе сформировалось къ Февралю 1612 года, когда Пожарскій выступилъ изъ Нижняго, принимая на пути шедшіе на соединеніе съ Нижегородцами отряды **). А въ теченіе почти *четырехъ мѣсяцевъ* могло случиться, что пришла Троицкая грамота въ Нижній, была здѣсь читана *многажды*, говорилъ къ народу Мининъ, посылали къ Пожарскому и т. д. А что и дѣйствительно Нижегородцамъ извѣстны были эти Троицкія грамоты, объ этомъ кромѣ Палицына, Симона-келаря и хронографовъ, ясно свидѣтельствуетъ посланіе Троицкихъ властей отъ 1612 г. Апрѣля мѣсяца къ князю Пожарскому о присягѣ Трубецкаго Псковскому вору. Здѣсь Троицкія власти послѣ привѣтствія говорятъ: «прежде, государи, *сего писали мы къ вамъ* и во всѣ окрестные города Россійскаго государства съ моленіемъ» и пр. Отсюда ясно, что Троицкія власти смотрѣли на Нижегородское ополченіе, какъ на собранное ихъ грамотами. Тоже подтверждается и дальнѣйшимъ горячимъ участіемъ Троицкихъ властей въ судьбахъ этого ополченія во время его похода къ Москвѣ и стоянки здѣсь. Любопытно и то, что грамоты Пожарскаго, разсылавшіяся имъ изъ Нижняго и во время пути къ Москвѣ, своимъ изложеніемъ напоминаютъ грамоты Троицкія: знакъ, что послѣднія были небезъизвѣстны Нижегородцамъ.

**) Палицынъ. Главы 71 и 72.

*) Въ „великій постъ". Лобковскій хронографъ. Москвитян. 1850 г. т. VI, отд. III, стр. 12.

Возражаютъ далѣе, объясняя значеніе Троицкихъ грамотъ въ Нижнемъ, что они не могли возбудить ополченія потому, что призывали на соединеніе съ казаками, и въ этомъ смыслѣ были грамоты казацкія; между тѣмъ по всему Поволжью тогда разносились вѣсти о злодѣйствахъ казацкихъ. Города, узнавъ о смерти Ляпунова и замыслѣ казаковъ посадить на престолъ сына Марины Мнишекъ, только и говорили о томъ, чтобы не соединяться съ казаками и не слѣдовать ихъ воровскимъ затѣямъ. «Будетъ, господа, вы опасаетесь казаковъ», писалъ Пожарскій къ Вологжанамъ, когда рать Нижегородская уже выходила изъ Нижняго въ началѣ Ноября 1611 года, и вамъ бы не опасаться: *мы дурна никакова воромъ дѣлати не дадимъ.* Только бы намъ быти въ совѣтѣ и соединеніи, чтобы казаки по прежнему *низовой рати* своимъ воровствомъ *не разгонили»* [1]). Пермь, Казань и другіе понизовые города еще за три недѣли до написанія грамоты знали истину о подмосковныхъ казакахъ. Но Троицкая грамота о нихъ умалчиваетъ. Она, напротивъ, съ достоинствомъ упоминаетъ, что бояре, воеводы и люди ратные (т.-е. все Ляпуновское ополченіе, никакъ не одни казаки) стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно въ большомъ каменномъ царевѣ городѣ, а измѣнниковъ и Поляковъ осадили въ Китаѣ-городѣ и въ Кремлѣ, надъ ними промышляютъ, тѣсноту имъ чинятъ великую, въ Китаѣ-городѣ дворы выжгли и ожидаютъ на враговъ побѣды; что пришелъ съ 2000 войска Хоткѣвичъ, который сталъ по дорогамъ, откуда идутъ запасы; что къ Москвѣ пришли Каширяне, Туляне, Калужане, что въ Переяславлѣ Залѣсскомъ собираются всякіе служилые люди и хотятъ идти въ ходъ къ Москвѣ-жъ. «И Пермичамъ (и всѣмъ, куда доходила грамота) безо всякаго мѣшканія поспѣшить бы подъ Москву въ сходъ ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и всему множеству народа всего православнаго крестьянства» и т. д. О собраніи ратныхъ, шедшихъ будто бы подъ Москву помогать казакамъ, о множествѣ у нихъ народа писалось для того, чтобы отвести далекимъ людямъ глаза и скрыть важнѣйшую истину, что ратные люди уже разбѣжались отъ казацкихъ злодѣйствъ [2]). Какимъ же образомъ эта казацкая грамота могла возбудить Нижегородцевъ, когда они отлично знали, что Троицкія власти врутъ, что подъ Москвой дѣло обстояло иначе, чѣмъ какъ писали Троицкія власти?

На подобное возраженіе слѣдуетъ прежде всего замѣтить то, что въ содержаніи Троицкой грамоты *лжи* нѣтъ. Упоминая о Бѣломъ

---

[1]) Акты А. Э. т. II, № 201.

[2]) Г. Забѣлинъ, стр. 256—257.

городѣ, Діонисій и Палицынъ очевидно разумѣютъ Августовскія события въ подмосковномъ станѣ, когда пришелъ Хоткѣвичъ съ 2000 войска и когда осажденнымъ удалось отвоевать *часть* Бѣлаго города (*остальная* оставалась въ рукахъ подмосковнаго ополченія). Что до выраженія «множество народа», то здѣсь слѣдуетъ разумѣть тѣхъ партизановъ, которые носили у Поляковъ названіе шишей и отряды которыхъ дѣйствительно наносили значительный вредъ Полякамъ *). Грамота дѣйствительно скрываетъ истину о злодѣйствахъ казаковъ; но какъ же было иначе? Какой бы смыслъ *имѣла призывная* Троицкая грамота, еслибы она, призывая Русскихъ людей въ Москву, въ тоже время предостерегала ихъ указаніемъ на опасность со стороны казаковъ? Еслибы Троицкія власти написали: «господа, идите спасать отечество; только опасное это дѣло, ибо казаки...» и пр., тогда и вовсе никто бы не пошелъ. Этого желали казаки; суть казацкой политики состояла въ томъ, что казаки *не хотѣли* соединиться съ Нижегородцами. И они достигли своей цѣли. Извѣстно, что въ Казани (на которую ссылаются въ доказательство мысли, что тогда во всей землѣ зарождалось самостоятельное дѣло) вѣсть о казацкихъ злодѣйствахъ создала желаніе не ополчаться и идти подъ Москву, а жить по своему до тѣхъ мѣстъ, пока государя не выберутъ всею землею. Да и въ высшей степени понятно, что призваніе тогда бы только и имѣло значеніе, когда бы указывалось на обстоятельства̀ благопріятствующія къ собранію ополченія, а не препятствующія. Умно и дальновидно поступали Троицкія власти, умалчивая въ минуту опасности о фактахъ раздора среди самихъ же Русскихъ. И въ этомъ случаѣ они дѣйствовали не согласно съ *казацкой* политикой, а по собственному разуму, по своей *политикѣ Троицкой.* Эта политика сломила упорно-медлительную политику *Нижегородскую,* которая первоначально была согласна съ политикою казацкою. Остановимся на разборѣ этихъ трехъ политикъ, чтобы судить по достоинству о каждой изъ нихъ.

1) Направленіе казацкой политики опредѣляется составомъ и характеромъ казацкаго ополченія. Въ составъ казачества входили «холопы, всякіе воры, ерыжные и зернщики, все безъименное и гулящее». Они собрались подъ знаменами Трубецкаго и Заруцкаго затѣмъ, чтобы грабить, жечь и добивать все, что осталось неразореннымъ отъ Поляковъ и Тушинцевъ. Стонъ стоялъ отъ этой рати по округамъ. «Князь Д. Трубецкой, да Иванъ Заруцкій», писали Московскіе бояре въ Генварѣ 1612 г. въ Ярославль и Кострому, «стоятъ

---

*) Соловьевъ, VIII, 403—404; Акты А. Э. II № 202.

подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разореніе. Ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насильствомъ мучительскимъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать. И то многимъ изъ васъ извѣстно, какъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сидѣли ратные люди отъ насъ изъ Москвы, то они церковь Божію соблюдали, какъ свое око; а когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили и черницъ, на которыхъ прежде взглянуть не смѣли, ограбили до-нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ ограбили....; и какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли. Это ли христіанство? Хуже они Жидовъ: сами своихъ казнятъ и ругаютъ; васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши холопи, грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впредъ всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ, что̀ сами вы лучше насъ знаете. А теперь вновь тѣже воры Ивашка Заруцкій съ товарищами государей выбираютъ себѣ такихъ же воровъ казаковъ, называя государскими дѣтьми. И такими воровскими государями крѣпко-ли Московское государство будетъ, и кровь христіанская литься и Московское государство пустошиться впредъ перестанетъ ли? А такими правительми, княземъ Димитріемъ Трубецкимъ, да Ивашкою Заруцкимъ, Московскому государству можно ли состояться? Они никогда въ своемъ домѣ не умѣли ничего расправить, а теперь такимъ великимъ и преславнымъ государствомъ и вами всѣми владѣютъ и указываютъ не для чего другаго, какъ только для своихъ бездѣльныхъ корыстей, воровства и Содомскаго грѣха, а Московскому государству на конечное разореніе... Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, и всѣмъ пограничнымъ государямъ въ посмѣхъ мы, и въ позоръ, и въ укоризну стали» [1]). «У атамановъ и казаковъ такое умышленіе, чтобы Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанію все дѣлать, государство разорять и православныхъ христіанъ побивать» [2]). Изъ этихъ словъ видно, что̀ такое было казачество, стоявшее подъ Москвою. Читая тогдашніе отзывы о казачествѣ, приходишь къ мысли, что они составляли шайку разбойниковъ въ букваль-

[1]) Соловьевъ, т. VIII, стр. 410—412.

[2]) Тамъ же, стр. 435.

номъ смыслѣ слова. По всему было видно, что эта шайка, по смерти Ляпунова, считала себя правительствомъ, не желала раздѣлять своей власти съ остальною землею и *своего казацкаго* хотѣла имѣть *царя* [1]). Вотъ чѣмъ объясняется то, что казаки всѣхъ, послѣ смерти Ляпунова приходившихъ къ нимъ на помощь, разгоняли разбоемъ и насиліями (Казанская рать). Когда собралось Нижегородское ополченіе, то Заруцкій *хотѣлъ* оное ополченіе *разсыпать*. Съ этою цѣлію онъ затѣялъ присягу въ Москвѣ Маринину сыну; съ этою цѣлію послалъ отрядъ Просовецкаго въ Ярославль, чтобъ не допускать сюда Пожарскаго; съ этою цѣлію онъ затѣялъ присягу Псковскому Самозванцу; съ этою цѣлью онъ подсылалъ убійцъ къ воеводѣ Пожарскому-Лопатѣ; съ этою же, наконецъ, цѣлью онъ послалъ въ Ярославль своихъ совѣтниковъ, которые вкрались въ расположеніе Пожарскаго, опутали его своими тенетами, не допускали къ Москвѣ, говоря: не ходи, князь, въ Москву; тамъ тебя убьютъ какъ и Прокопія Ляпунова. Здѣсь своя же братія клеветала на своихъ же казаковъ. Наконецъ, когда Пожарскій всетаки выступилъ изъ Ярославля, пріятель Заруцкаго и Пожарскаго Сенька произвелъ публичное покушеніе на жизнь Пожарскаго... но неудачно. Тогда Заруцкій, видя, что его замыслы нарушились, убѣжалъ въ Коломну, а отсюда въ Астрахань. Тѣмъ не менѣе подъ общимъ вліяніемъ направленія политики Заруцкаго дѣйствовали казаки и позднѣе, въ послѣднемъ приходѣ Хоткѣвича, не желая помогать Нижегородцамъ въ борьбѣ съ Поляками. Трудно опредѣлить, какую роль въ этой политикѣ Заруцкаго игралъ другой вождь казаковъ Трубецкой. Троицкія власти говорили о немъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Заруцкаго *неволею*. Источники неопредѣленно высказываются о Трубецкомъ. Впрочемъ для дѣла безразлично, сознательно или неволею дѣйствовалъ Трубецкой въ казачьихъ затѣяхъ; *важно то*, что казаки такъ или иначе *хотѣли оное ополченіе разсыпать*. Въ этомъ была суть казацкой политики [2]). Она вовсе не въ томъ состояла, чтобы звать къ Москвѣ ополченіе, какъ думаютъ, а чтобы разсыпать оное на дорогѣ.

2) Нижегородская политика первоначально состояла въ томъ, чтобы какъ можно *скорѣе идти* въ Москву на очищеніе ея отъ непріятелей. «И вамъ бы господамъ Вологодскимъ дворянамъ», писалъ Пожарскій изъ Нижняго, «идти на Литовскихъ людей всѣмъ *вскорѣ*, чтобы Литовскіе люди Московскому государству конечныя погибели не на-

---

[1]) Чит. г. Забѣлина „Мининъ и Пожарскій". 1883 г. Прилож. №№ II, III, IV, VI.
[2]) Нов. Лѣтоп., 150.

вели; а токмо надъ воровскими людьми поискъ чинити не учнемъ, и *вскоръ* на нихъ не пойдемъ, а нашимъ будетъ нерадѣніемъ учинится конечное разореніе Московскому государству, какой отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова? А казаковъ бы не опасались» [1]). Но потомъ эта политика сдѣлалась *упорно-медлительной* и стала *согласоваться* съ политикою казацкою. Вотъ чѣмъ объясняется непонятная загадка медленности Пожарскаго [2]): посредствомъ разнаго рода демонстрацій Заруцкій добился того, что задержалъ войска Пожарскаго на пути къ Москвѣ. «И собрався азъ князь Димитрій со всѣми ратными людьми пришелъ въ Ярославль. Изъ Ярославля хотѣли идти со всѣми ратными людьми подъ Москву, и писали къ намъ изъ-подъ Москвы бояре князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій и атаманы и казаки, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе и умысля воровствомъ, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ, именуя его Дмитріемъ... Мы же, видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ, *подъ Москву не пошли»* [3]). А этого только и добивался Заруцкій. Самая присяга Псковскому Самозванцу выдумана была Заруцкимъ для того, чтобы отклонить отъ участія въ ополченіи города̀ согласные съ Пожарскимъ. Въ эти города Заруцкій разсылалъ свои отряды. Почему лѣтописецъ и говоритъ: «Хотяху князь Димитрій и Кузма идти подъ Москву вскорѣ, но учинися имъ мѣшкота затѣмъ, что многіе Черкасы (Малороссійскіе казаки) пришедъ сташа въ Антоніевѣ монастырѣ (около Бѣжецка), а казаки стояху иніи въ Угличѣ, а иніи изъ-подъ Москвы пришедъ сташа въ Пошехоньѣ и чиняху многія пакости и многихъ дворянъ побиша... и бояхуся отъ нихъ споны» [4]). Вслѣдствіе этого Пожарскій разослалъ часть своихъ отрядовъ изъ Ярославля для защиты мѣстъ, гдѣ бунтовали казаки. Въ это же самое время партія Заруцкаго, разнаго рода интригами вкравшись въ довѣріе къ Пожарскому, ложными и преувеличенными разсказами о казацкихъ злодѣяніяхъ старалась повліять въ самомъ Ярославлѣ на Пожарскаго. Отъ этого происходило то, что Пожарскій простоялъ въ Ярославлѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, съ конца Марта [5]) до начала Августа. Не говоримъ о другихъ обстоятельствахъ, задержавшихъ будто бы походъ Пожарскаго: уговорѣ со Шведами и Нѣмцами... Это были причины второстепенныя.

---

[1]) Акты А. Э. II, № 201.

[2]) Берхъ, цар. Мих. Θеодоров. 78.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Догов. т. II, № 281.

[4]) Лѣтоп. о мятежахъ, 256; Собр. Гос. Гр. и Д. II, 281.

[5]) Изборникъ, 354.

3) Діаметрально противоположна казацкой была политика Троицкая. Въ общемъ эта была *политика умиротворенія и примиренія* обоихъ ополченій Нижегородскаго и казацкаго. Казаки хотѣли разсыпать ополченіе Пожарскаго до прихода его къ Москвѣ, почему и задерживали его на пути, а Троицкія власти соединить и скорѣе привести къ Москвѣ. Живя по близости къ Москвѣ, Троицкія власти лучше Пожарскаго могли знать, на сколько была велика опасность отъ казаковъ. Особенно Авраамій Палицынъ былъ свой человѣкъ въ кругу казаковъ; по всему видно, что популярность его здѣсь стояла высоко. По всей вѣроятности онъ ладилъ съ казаками затѣмъ, чтобы защитить Троицу, которая для гулящаго казачества и бродившихъ Поляковъ представлялась лакомымъ сокровищемъ для наживы. Видно, что Троицкія власти, во время стоянки Пожарскаго въ Ярославлѣ, береглись [1]). Самъ Пожарскій посылалъ отряды въ Лавру для защиты ея отъ казаковъ [2]). Но предполагать, чтобы Палицынъ ладилъ съ казаками потому, что раздѣлялъ *ихъ* политику, по меньшей мѣрѣ странно. Тогда бы Палицынъ не звалъ Пожарскаго въ Москву, но *отговаривалъ*, какъ это дѣлали казаки. Между тѣмъ Троицкія власти съ великимъ опасеніемъ и душевною тревогою взирали на медленныя движенія Пожарскаго. Вскорѣ послѣ прихода Пожарскаго въ Ярославль они шлютъ къ нему гонцовъ съ грамотами, въ которыхъ пишутъ, чтобы онъ шелъ къ Москвѣ не мѣшкая. «Бога ради, государи», пишутъ власти, «положите подвигъ свой воедино избранное мѣсто, на благоизбранной земской совѣтъ; сами вѣсте, что ко всякому дѣлу едино время належитъ, безвременное же всякому дѣлу начинанье суетно и бездѣльно бываетъ. Хотя будетъ и есть у васъ которые недовольны, Бога ради, отложите то время, чтобы намъ всѣмъ положити о государѣ, кого намъ дастъ въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, покамѣста въ междоусобіи и несовѣтѣ злые доводцы и ругатели достальнымъ намъ православнымъ христіанамъ порухи не учинили. Пишемъ вамъ о подвигѣ на спѣхъ потому, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, *рознью* своею не потеряли большаго Каменнаго города и остроговъ его и наряду» [3]); разумѣется *рознь* между Трубецкимъ и Заруцкимъ по поводу присяги Псковскому Самозванцу. «Князь же Дмитрій писаніе отъ обители въ презрѣніе положи, пребысть въ Ярославлѣ многое время», говоритъ Палицынъ. Но не менѣе настойчиво дѣйствовали и Троицкія власти. Извѣстившись о намѣреніяхъ Пожар-

[1]) Хилковъ, 122 стр. Авр. Палицынъ, въ Сказаніи.

[2]) Собр. Гос. гр. и Д. 281.

[3]) Акты А. Экспед. II, № 202.

скаго, они отправляютъ къ нему *вторую* посылку, соборныхъ старцевъ Воейкова и Ощерина съ молебнымъ писаніемъ, «много моляще Пожарскаго вскорѣ пріити къ Москвѣ и помощь учинити, ово пишуще ему съ моленіемъ, иноже и съ запрещеніемъ; понеже наченше дѣло добро и о томъ нерадящимъ и мнящимъ сладкое горько, а горькое сладко, и сладость мнящимъ вседневное насыщеніе и протчая отъ Божественныхъ писаній довольно писавше и сіе прорекше: аще *прежде вашего пришествія къ Москвѣ гетманъ Хоткѣвичъ придетъ, то уже всуе трудъ вашъ будетъ и тще ваше собраніе*». На этотъ разъ Пожарскій вѣроятно обѣщалъ старцамъ скорымъ прибытіемъ и съ этимъ отпустилъ ихъ къ Троицѣ... Но самъ, «косно и медленно о шествіи помышляше смутныхъ ради нѣкіихъ междоусобныхъ словесъ», т.-е. предостереженій со стороны партіи Заруцкаго. Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ Троицкія власти рукъ не опустили... Теперь въ *третій* разъ отправился *самъ* келарь *Іюня 28-го*, о томъ только моляся Богу, да «трудъ пути его не безплоденъ будетъ!» Здѣсь въ Ярославлѣ Палицынъ разгадалъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло Пожарскій и, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ подъ Москвою, могъ разубѣдить предусмотрительнаго воеводу. Разсмотрительный старецъ-келарь, «князя Дмитрія и Кузму Минина и все воинство довольно поучивъ отъ Божественныхъ писаній, и много моливъ ихъ поспѣшити подъ царствующій градъ Москву и къ тому таковымъ мятежникамъ не внимати». Видѣлъ ли благодушнѣйшій воевода, сладкопитательными трапезами угощавшій совѣтниковъ Заруцкаго въ Ярославлѣ и тѣмъ желавшій привязать къ себѣ и успокоить недовольныхъ, сѣти казацкой политики? Мы думаемъ, что нѣтъ. Это доказывается *сходствомъ* направленія дѣятельности Пожарскаго съ направленіемъ политики Заруцкаго. Слѣдствія такой политики Нижегородскаго ополченія были очевидны. 1) Полагая всю заботу на устройство рати Нижегородской, Пожарскій тѣмъ самымъ раздражалъ рать подмосковную, которая отъ глада «изнемогала». Безспорно, что въ числѣ этой рати были люди искренне радѣвшіе соединенію съ Пожарскимъ, о чемъ заявляли Троицкія власти. Эта рать стояла все-таки подъ православною хоругвію и билась съ врагами отечества. Между тѣмъ для нея не было возможности даже купить хлѣба *). 2) Замедли Пожарскій въ Ярославлѣ дня два, всуе было бы собраніе Нижегородскаго ополченія: Хоткѣвичъ съ войскомъ шелъ къ Москвѣ! А займи онъ столицу раньше Пожарскаго, и дѣлу конецъ. Наоборотъ, приди По-

*) Акты А. Э. II, 253.

жарскій въ Москву мѣсяцемъ раньше и выбей изъ Кремля Поляковъ, тогда бы и Хоткѣвичъ не осмѣлился подойти къ Москвѣ. Это доказывается тѣмъ, что когда дѣйствительно Нижегородцы и казаки очистили Кремль отъ Поляковъ, то Сигизмундъ, шедшій съ Польскимъ войскомъ къ Москвѣ, отъ Вязьмы поворотилъ назадъ. Наконецъ, 3) долгая стоянка въ Ярославлѣ истощила казну и провіантскіе запасы, что̀ въ будущемъ грозило успѣхамъ ополченія. Какъ бы то ни было, но въ величайшую заслугу Троицкой политикѣ слѣдуетъ поставить то, что она сломила упорную политику Пожарскаго, и онъ, 28-го Іюля вышедъ изъ Ярославля, пришелъ 14-го Августа къ Троицѣ. Страхъ, навѣянный на войско Пожарскаго демонстраціями Заруцкаго, до того былъ силенъ (и были Нижегородцы въ великой ужасти), что Пожарскій въ Лаврѣ хотѣлъ снова остановиться, чтобы сдѣлать уговоръ съ казаками, «дабы другъ на друга никакого зла не умышляли». Но Хоткѣвичъ съ войскомъ былъ уже недалеко отъ столицы: не до уговора было. 18-го Августа Пожарскій вышелъ изъ Лавры, захвативъ съ *собою Палицына*, а 20-го вступилъ въ Москву.

Любопытное зрѣлище столкновеній очерченныхъ нами политикъ, Нижегородской, Казацкой и Троицкой, открывается собственно послѣ того какъ Пожарскій пришелъ къ Москвѣ, во время борьбы съ Хоткѣвичемъ (пришедшимъ 21 Августа въ Москву) и во время осады Кремлевскихъ Поляковъ.

Осторожный Пожарскій по прежнему косо посматривалъ на казаковъ. Начальникомъ казатчины былъ теперь, за бѣгствомъ Заруцкаго, Трубецкой. Еще наканунѣ прихода Нижегородцевъ въ Москву, когда ополченіе стояло на берегахъ Яузы въ Ростокинѣ, Трубецкой ночью присылалъ звать Пожарскаго въ свой станъ за Яузой; но *Пожарскій отказался*. Утромъ, 20, гордый бояринъ князь Трубецкой выѣхалъ на встрѣчу къ стольнику Пожарскому, вступавшему съ войскомъ въ столицу, и снова повторилъ просьбу остановиться въ одномъ станѣ; но Пожарскій далъ *рѣшительный отказъ*, расположился у Арбатскихъ воротъ, сдѣлалъ здѣсь острогъ и окопался рвомъ *съ великою тщательностью*. Неизвѣстно, зачѣмъ звалъ Трубецкой Пожарскаго въ свой станъ: за тѣмъ ли, чтобъ разсыпать его ополченіе, или затѣмъ, чтобы соединенными силами дѣйствовать на Поляковъ изъ одного центра; а можетъ-быть и за тѣмъ, чтобы дать казакамъ поѣсть Нижегородскаго хлѣба. Какъ бы то ни было, но «казаки и князь Трубецкой начаша на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и на Козму, и на ратныхъ людей нелюбовь держать за то, что къ нимъ въ таборы не пошли» *). Такъ подъ Москвою образовалось *два лагеря*, враж-

*) Лѣтопись о мятежахъ.

довавшіе между собою, хотя и имѣвшіе одну цѣль: очищеніе Москвы отъ Поляковъ. Одинъ лагерь Нижегородскій, обутый, одѣтый, сытый, довольный; другой казацкій, оборванный, грязный, голодный, разбойническій.

Начался знаменитый бой съ Хоткѣвичемъ, который хотѣлъ пройти въ Кремль или по крайней мѣрѣ снабдить запасами голодныхъ Поляковъ. На разсвѣтѣ 22-го Хоткѣвичъ пошелъ съ Поклонной горы и перелѣзъ Москву-рѣку около Новодѣвичьяго монастыря. Хоткѣвичъ шелъ прямо на войска Нижегородскія по *лѣвой* сторонѣ Москвы-рѣки. Войска Трубецкаго обѣщались помогать Пожарскому, который для усиленія казаковъ послалъ Трубецкому 500 человѣкъ конницы. Онъ стоялъ у Крымскаго брода на *правомъ* берегу рѣки. Конечно лагери занимали отдѣльныя позиціи и дѣйствовали самостоятельно. *Лѣвобережный* лагерь былъ смятъ Хоткѣвичемъ, придвинувшимъ свои войска къ Чартольскимъ воротамъ (Пречистенскимъ), которыми онъ намѣревался провести свои запасы въ Кремль. Пожарскому грозило полное пораженіе. Между тѣмъ лукавый *правобережный лагерь* и не думалъ помогать Пожарскому. Трубецкой и казаки спокойно посматривали на бой Нижегородцевъ. «Богати пришли изъ Ярославля, и одни отстоятся отъ гетмана», съ эхидной насмѣшкой говорили казаки. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это дѣло вражды обоихъ лагерей, еслибы 500 человѣкъ изъ лагеря Пожарскаго, посланныхъ ранѣе къ Трубецкому, не бросились на выручку *своихъ*. «Что жъ, изъ вашей вражды развѣ гибнуть Московскому государству?» сказали они Трубецкому и ударили на Хоткѣвича. Свѣжая помощь со стороны перевернула ходъ борьбы въ пользу Пожарскаго. Хоткѣвичъ былъ отбитъ и удалился въ свой лагерь на Поклонную гору. Впрочемъ, ночью на 23 Августа 600 гайдуковъ Польскихъ все-таки провезли запасы (400 возовъ) въ Кремль и тѣмъ спасли отъ голодной смерти единоземцевъ. На слѣдующій день была незначительная вылазка осаждаемыхъ изъ Китай-города. Кромѣ нея 23-е Августа прошло безъ боя. Хоткѣвичъ употребилъ этотъ день на передвижку войскъ и обоза на правый берегъ, на сторону Трубецкаго, въ надеждѣ Замоскворѣчьемъ провести запасы въ Кремль.

На разсвѣтѣ, 24 числа, бой въ 6 часовъ утра возобновился. Теперь главныя силы Поляковъ напирали на *правобережный лагерь* Трубецкаго. А чтобы не мѣшалъ *лѣвобережный*, Хоткѣвичъ *лѣвымъ флангомъ* сдерживалъ войска Пожарскаго, стопталъ ихъ въ рѣку, и только полкъ самого Пожарскаго устоялъ за рѣкою. Хоткѣвичъ напиралъ на казаковъ по улицамъ Ордынкѣ и Пятницкой. Нападеніе Поляковъ сосредоточено было на главномъ казацкомъ пунктѣ — Климентьевскомъ

острожкѣ, гдѣ сидѣли казаки. Съ помощью вышедшихъ изъ Кремля Поляковъ подъ начальствомъ Зборовскаго казаки выбиты были изъ Климентьевскаго острожка, а Поляки ввезли сюда часть своихъ запасовъ и выкинули по своему обычаю на стѣнахъ острожка Литовское знамя. *Учуя хлѣбъ*, казаки не выдержали; сурово и жестоко бросились они снова на острожекъ и вырвали запасы, причемъ однихъ Венгровъ побито было здѣсь казаками 700 человѣкъ [1]). Разбитые у церкви Св. Климента, Поляки раздѣлились: одни ушли въ Кремль, другіе къ гетману. Казаки бросились ихъ преслѣдовать... но «позавидѣ діаволъ славѣ Божіей, яко змій мечтаяся, вложи мысль лукаву тѣмъ казакамъ», которые преслѣдовали Поляковъ: оглянулись они на *лѣвобережный лагерь*—и... остановились. Оказывается, что Нижегородцы, удалившись за рѣку, стояли въ бездѣйствіи, опустя руки, и смотрѣли, скоро ли гетманъ ввезетъ въ крѣпость продовольствіе [2]), какъ свидѣтельствуетъ Польскій источникъ единогласно съ Палицынымъ. И совершенно естественно утверждать, что среди Нижегородцевъ были лица враждебно настроенныя къ казачеству. Вѣдь каждый лагерь дѣйствовалъ самостоятельно! Надо полагать, что на лѣвомъ флангѣ, дѣйствовавшемъ противъ Пожарскаго, въ это время былъ роздыхъ. Это доказывается тѣмъ, что обозъ свой Хоткѣвичъ поставилъ на Ордынкѣ, въ сторонѣ лѣваго фланга. Теперь и казаки, видя, «непомогающихъ» имъ Нижегородцевъ, стали ругаться. «Что жъ это—говорили казаки,—они только стоятъ да смотрятъ, а намъ не помогаютъ. Они богатятся имѣніями, а мы босы, наги и голодны. Когда такъ, пойдемте въ свои таборы, не станемъ биться за нихъ; пусть ихъ одни сражаются, а мы никогда не выйдемъ больше».

Увидавъ отступленіе казаковъ, Хоткѣвичъ снова двинулъ свои войска къ Кремлю и поставилъ свой обозъ у церкви Великомученицы Екатерины (на Ордынкѣ, не доходя полверсты до Климентьевскаго острожка). Теперь бы легко было Хоткѣвичу провести свой обозъ въ Кремль; но этому мѣшали подѣланные Русскими частые рвы, ямы и печи. Поэтому Хоткѣвичъ велѣлъ пока отдохнуть войскамъ, приказавъ купцамъ равнять рвы [3]).

Чтò мѣшало Пожарскому въ это время вывести всѣ свои войска изъ-за рѣки на позицію, оставленную *правобережнымъ лагеремъ*, мы не знаемъ. Что ему не было нужды сохранить *свою* позицію—не под-

---

[1]) Русская Истор. Библіот. I, 323.

[2]) Р. И. Б. 322.

[3]) Р. И. Б. 323.

лежитъ сомнѣнію. Вся сила гетмана, весь обозъ лежалъ теперь на правомъ берегу рѣки, на позиціи Трубецкаго, и здѣсь нужны были войска. Всего вѣроятнѣе то, что Пожарскій опасался казаковъ, станъ которыхъ, куда они удалились, лежалъ у Яузскихъ воротъ. Тогда могло случиться, что Нижегородцы, занявъ позицію Трубецкаго, очутились бы между двухъ огней: отъ церкви Екатерины на нихъ напирали бы Поляки, а отъ Яузскихъ воротъ—казаки. Какъ бы то ни было, но Нижегородцы не вышли изъ своего лагеря. Минута была критическая... Если бы не рвы, подѣланные Русскими, гетманъ *птицей* перелетѣлъ бы въ Кремль, гласитъ Польскій источникъ. Пожарскій пріунылъ; гонецъ за гонцемъ летали отъ него въ казачьи станы съ цѣлью упросить казаковъ снова идти на битву. Но казаки не шли. *Тогда Пожарскій* рѣшилъ прибѣгнуть къ посредству *Троицкой политики* и именно къ Авраамію Палицыну. Къ нему Пожарскій обращался какъ потому, что Палицынъ былъ свой человѣкъ среди казаковъ, такъ и потому, что теперь самое дѣло показывало несостоятельность предыдущихъ ручательствъ Троицкихъ властей за казаковъ. Кто же и говорилъ Пожарскому какъ не Троицкія власти, что казаки не опасны? Если это такъ, то пусть же теперь на дѣлѣ докажутъ Троицкія власти свою правду о казакахъ Судя по тону разсказа Палицына объ обращеніи къ нему Пожарскаго, можно заключить, что порученіе Пожарскаго Палицыну было непріятно. Съ другой стороны и отказаться отъ порученія было невозможно: слѣдовало доказать свою состоятельность. Авраамій тогда находился въ центрѣ обоза Пожарскаго, у Ильи Обыденнаго, и вмѣстѣ съ прочими служилъ молебенъ о побѣжденіи на врага. Пожарскій послалъ за нимъ князя Дмитрія Петровича Пожарскаго и велѣлъ позвать келаря въ свои полки. Палицынъ пришелъ къ Пожарскому и увидалъ смущенными и плачущими его и Минина. «Мы», сказали они ему, «не можемъ биться безъ казаковъ». (Ты насъ звалъ для соединенія съ ними, такъ иди же теперь, выручай). Палицынъ пошелъ и выручилъ, чѣмъ оправдалъ состоятельность своихъ намѣреній, когда звалъ Пожарскаго изъ Ярославля.

Взявши съ собой нѣсколько дворянъ изъ лагеря Пожарскаго (такъ какъ не безопасно было идти безъ охраны) и «забывъ старость», онъ отправился прежде всего въ Замоскворѣчье къ главному центру военныхъ дѣйствій,—Климентьевскому острогу. Здѣсь онъ увидалъ множество Литовскихъ людей побитыхъ и толпу казаковъ, къ которымъ и обратился съ искусною рѣчью. «Отъ васъ», сказалъ онъ, «друзья, началось доброе дѣло. Вы первые крѣпко стали за вѣру и отечество, многія раны приняли, голодъ и нищету претерпѣли. Слава о вашей храбрости и о вашемъ мужествѣ какъ громъ гремитъ въ

ближнихъ и дальнихъ государствахъ. Что же? Неужели то доброе дѣло, которое отъ васъ началось и вами продолжалось, вы теперь одною минутою погубить захотите? Неужели ваши раны и ваши труды должны пропасть теперь даромъ? Идите, сражайтесь, Богъ поможетъ вамъ!» Многое и другое говорилъ Палицынъ казакамъ, утѣшая и понуждая ихъ идти на враговъ, но жаль только, что не записалъ. Впрочемъ, достаточно и записаннаго, чтобы судить о смыслѣ рѣчи Палицына къ казакамъ. По всему видно, что казаки отлично знали Палицына; не даромъ онъ посылалъ имъ порохъ, зеліе или свинецъ изъ монастыря. Другой келарь Симонъ говоритъ, что Троицкія власти «многія сотницы казацкія питіемъ и брашномъ угощали». Вотъ почему казаки и встрѣтили Палицына привѣтливо. Съ другой стороны видно, что Палицынъ зналъ настроеніе казаковъ, умѣлъ затронуть ихъ сердце... Какъ бы такъ говорилъ онъ: «Конечно, не Нижегородцы, а вы первые начали доброе дѣло очищенія Москвы. Ваши подвиги извѣстны не только намъ, но и дальнимъ государствамъ... Мы знаемъ ваши раны, ваши труды, ваше терпѣніе... Нижегородцы и сравняться съ вами не могутъ... А тогда на что̀ вамъ Нижегородцы? Вы первые начали доброе дѣло—вы одни его и кончите. Не губите одною минутою своихъ трудовъ» и т. д.

Искусная рѣчь старца подѣйствовала на казаковъ. Они внезапно обратились на путь истины. «Хотимъ», кричали казаки, «умереть за православную вѣру! Иди», сказали они старцу, «въ наши таборы, проси и моли товарищей, чтобы и они шли. Мы пойдемъ: или умремъ, или побѣдимъ, а до тѣхъ поръ не воротимся!»—«Дерзайте», отвѣчалъ Палицынъ, «кричите—Сергіевъ! Сергіевъ! и узрите славу Божію».

Отъ острожка старецъ поворотилъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Здѣсь, противъ церкви святаго мученика Никиты, онъ увидалъ у рѣки множество казаковъ, возвращающихся въ свои станы, но «медлящихъ перехода рѣки ради». Келарь со слезами на глазахъ произнесъ и предъ ними рѣчь пуще прежняго. И эти тронутые горячимъ словомъ устремились съ пути въ бой. «Поспѣшимъ, братья», говорили они, «пострадать за имя Божіе и за истинную православную христіанскую вѣру». А тутъ и тѣ казаки, которые уже перешли на другую сторону рѣки и стояли у церкви Никиты мученика, увидавъ, что ихъ товарищи ринулись къ бою, не дожидаясь идущаго къ нимъ келаря, поспѣшили за первыми, переходя рѣку одни по лавамъ, а другіе въ бродъ. Старецъ и этихъ на пути молилъ поспѣшить къ бою: «Зовите», кричалъ онъ имъ: «Сергіевъ, Сергіевъ! Чудотворецъ поможетъ вамъ».

Палицынъ перешелъ рѣку, достигъ казацкаго табора и увидалъ здѣсь остальныхъ казаковъ. Эти, захвативши запасы въ Климентьев-

скомъ острожкѣ, пили на радостяхъ и проигрывали добычу другъ другу въ карты. Много пришлось здѣсь старцу говорить съ казаками. Другая лѣтопись передаетъ, что Палицынъ обѣщалъ даже казакамъ отдать всю Сергіеву казну. И тутъ слово его не прошло безслѣдно. Казаки бросили свои запасы, схватились за оружіе, велѣли ударить въ Московскіе колокола и разомъ двинулись къ бою, крича вслѣдъ за старцемъ: «Сергіевъ! Сергіевъ!» [1]) Могучее слово Палицына должно было на этотъ разъ спасти Русское дѣло. При колокольномъ звонѣ, при крикѣ: «Сергіевъ, Сергіевъ»! неслись со всѣхъ сторонъ казаки на войско Литовское. Босые, нагіе, оборванные, въ однихъ сорочкахъ, только съ одною пищалью, да у пояса съ мечемъ и пороховницей [2]), сурово и жестоко нападали они на гетманскій обозъ у Великомученицы Екатерины. Восторженными криками ихъ заглушались ружейные выстрѣлы. Темное облако дыма и пыли покрывало борцовъ. Казаки разорвали гетманскій обозъ и отняли запасы. Между тѣмъ и Нижегородцы съ своей стороны подоспѣли къ казакамъ и ударили на полки Хоткѣвича. Они выгнали изо рва Литовскихъ людей и погнали ихъ съ приспѣвшими воеводами и самимъ Мининымъ и начали дорубать непріятеля. Хоткѣвичъ понялъ, что все пропало, бросилъ свой станъ и убѣжалъ къ Воробьевымъ горамъ, а отсюда къ Волоколамску [3]). По побѣдѣ Палицынъ пришелъ къ Пожарскому и вмѣстѣ съ нимъ и остальными чинами и множествомъ народа отслужилъ молебенъ у образа Пресвятыя Троицы въ станѣ Пожарскаго, гдѣ былъ храмъ Пророка Иліи [4]).

Такимъ образомъ *Троицкая* политика взяла и на этотъ разъ верхъ надъ политикою вождей ополченія. Впрочемъ, говорятъ, что подвиги Палицына, описанные выше, существовали только въ его воображеніи и его біографовъ; слава и честь побѣды надъ Хоткѣвичемъ принадлежитъ будто бы Минину, который съ 300 конницы разбилъ почти 20,000 войска Хоткѣвича.

О фактѣ соединенія Палицынымъ обоихъ ополченій въ рѣшительную минуту такъ или иначе разсказываютъ *всѣ* лѣтописи. А этотъ фактъ явился слѣдствіемъ предыдущей дѣятельности Троицкихъ властей, составлялъ неизбѣжное слѣдствіе суммы предыдущихъ отношеній. Правда, въ разсказѣ о битвѣ съ Хоткѣвичемъ Палицынъ слишкомъ

---

[1]) Палиц. 238—240. Рукопись Филар. 61.

[2]) Рукоп. Филар. 61. Палиц. 241.

[3]) Палиц. 241 Р. Филар. 60—61, Р. И. Библ. 324.

[4]) Палиц. 242.

рельефно выставилъ казачество. Оно *одно* у него выиграло сраженіе. Нижегородцы—здѣсь рать второстепенная. Тѣмъ не менѣе разсказъ Палицына относительно общаго хода битвы *подтверждается* Польскими источниками и болѣе согласенъ съ условіями событій, чѣмъ разсказъ другихъ лѣтописей. Кромѣ того, подтвержденіе рѣчей Палицына мы встрѣчаемъ у Симона-келаря, въ книгѣ о новоявленныхъ чудесахъ Преподобнаго Сергія. Правда, Симонъ могъ заимствовать свои описанія изъ Сказанія Палицына; тѣмъ не менѣе онъ ссылается на свидѣтелей и очевидцевъ описываемыхъ событій въ доказательство истинности своихъ сужденій. «Явственно же», говоритъ онъ, «вси мы тогда видихомъ» и пр. [1]). Молва о замѣчательной дѣятельности Палицына въ соединеніи обоихъ ополченій въ рѣшительную минуту отражается и въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Въ одномъ искаженномъ сказаніи послѣдней половины XVII-го вѣка такъ описывается соединеніе Палицынымъ обоихъ ополченій: «И пойде Мининъ къ царствующему граду. А въ то время стоялъ съ войскомъ князь Димитрій Тимофѣевичъ Трубецкой; и послыша, что идетъ съ войскомъ Козма Мининъ и отступилъ прочь съ войскомъ своимъ, а говоря такъ: уже мужикъ нашу честь хощетъ взять на себя, а наша служба и радѣніе ни во что̀ будетъ. И свѣдалъ келарь Троицкій Авраамій Палицынъ, что Димитрій Трубецкой съ товарищемъ своимъ Прокопьемъ Ляпуновымъ (?) прочь отступилъ отъ Кремля-города, и пріѣхалъ келарь въ полки князь Дмитрія Трубецкова, нача его молити, что тотъ мужикъ пришелъ къ тебѣ на помощь, а не честь вашу похищать. И едва умоли князь Дмитрія. А въ то время Козма Мининъ съ своимъ войскомъ облегъ городъ-Кремль, и нача Трубецкой говорить: азъ стою подъ городомъ Москвою немалое время, а взялъ Бѣлый городъ и Китай; что̀ будетъ у мужика того, увижу его промыселъ. И поѣха келарь въ полки Нижегородскіе къ Козмѣ Минину и говорилъ: язъ едва умолихъ князь Димитрія Тимофѣевича, а ты Козма Мининъ не прекословь ему ни въ чемъ, ополчайся, какъ тебя Богъ наставитъ, и отъѣхалъ въ свой монастырь» [2]). Правда, черезъ-чуръ требовательная критика, настроенная отрицательно, не можетъ придать особеннаго значенія показаніямъ Симона-келаря и вышеприведеннаго хронографа, подтверждающихъ разсказъ Палицына; она ищетъ прямыхъ, положительныхъ и несомнѣнныхъ подтвержденій. Мы имѣемъ и такія. Главный вождь

---

[1]) Временникъ кн. X. Смѣсь, стр. 2—13.

[2]) Рукоп. хронографъ кн. М. А. Оболенскаго. Выдержка помѣщ. въ Арх. Истор. Юрид. Свѣд. Калачева. I, 1850 г., стр. 36.

Нижегородскаго ополченія и выразитель его пониманія, Пожарскій, въ грамотахъ разосланныхъ по городамъ послѣ битвы съ Хоткѣвичемъ успѣхъ побѣды надъ послѣднимъ приписываетъ заступничеству *Сергія*. «По благословенію великаго господина преосвященнаго Кирилла митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собора, по совѣту и приговору всей земли, пришли мы въ Москву, и въ гетманскій приходъ съ Польскими и Литовскими людьми съ Черкасами и Венграми бились мы четыре дня и четыре ночи. Божіею милостію и Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и *Русской земли заступника Великаго Чудотворца Сергія* и всѣхъ святыхъ молитвами, всемірныхъ враговъ нашихъ, гетмана отъ острожковъ отбили, въ городъ ихъ съ запасомъ не пустили, и гетманъ со всѣми людьми пошелъ къ Можайску *). Любопытно, что ни раньше, ни послѣ того имя Сергія въ грамотахъ Пожарскаго не встрѣчается. Не встрѣчается оно вообще въ грамотахъ правительственныхъ, шедшихъ изъ Москвы. Только въ мѣстныхъ Троицкихъ упоминается Сергій и Никонъ, какъ патроны Лавры. Стало-быть, и въ приведенной грамотѣ Пожарскаго имя Сергія упоминается не какъ слѣдствіе общепринятой формы изложенія грамотъ, а какъ слѣдствіе сознанія помощи, оказанной его заступничествомъ, какъ слѣдствіе вліянія Троицкой политики.

Указанное значеніе дѣятельности Троицкихъ властей во время битвы ополченій съ Хоткѣвичемъ, разсказанное Палицынымъ, подтверждается и дальнѣйшимъ ходомъ событій, происшедшихъ въ Москвѣ послѣ изгнанія Хоткѣвича.

Какъ и слѣдовало ожидать, битва съ Поляками не примирила враждебныхъ лагерей. По прежнему они дѣйствовали самостоятельно и не хотѣли соединиться.

Трубецкой съ своими *казаками* гордились теперь своею побѣдою надъ Хоткѣвичемъ и свысока смотрѣли на Нижегородцевъ. Трубецкой хотѣлъ считать себя *главнокомандующимъ* всѣхъ воинскихъ силъ, стоявшихъ подъ Москвою и требовалъ подчиненія отъ Пожарскаго и Нижегородцевъ. Казаки по прежнему на себя смотрѣли какъ на главное *правительство*, распоряженіямъ котораго должна была подчиняться *вся земля*. Вотъ почему лѣтопись и замѣчаетъ, что Трубецкой требовалъ, чтобы Пожарскій ѣздилъ къ нему на совѣтъ, въ Яузскій лагерь, «яко къ честнѣйшему». Казаки опять укоряли Нижегородцевъ въ томъ, что они всякими имѣніями богатятся, что они сыты и довольны, а ка-

---

*) Соловьевъ, т. VIII, стр. 434—435.

заки голодны и наги. Вѣроятно большой пріятель Трубецкаго, Костромской воевода Иванъ Шереметевъ «съ заводчиками всякаго зла» старались внушить казакамъ, чтобы они не слушались Нижегородцевъ, а по своему поступали. «И по Иванову Шереметева наученью атаманы и казаки учинили въ полкахъ и по дорогамъ грабежи и убійства великіе и собрались уже идти въ Ярославль и на Вологду и въ иные города ихъ разсѣять и православныхъ христіанъ разорять». Мало этого, «заводчики» научали атамановъ и казаковъ, чтобы «князя Пожарскаго убить, какъ и Прокопія Ляпунова убили, а ратныхъ людей перегробить и отъ Москвы отогнать».

Понятно, *рать Нижегородская* не могла стать заодно съ казаками, или подчиниться ихъ распоряженіямъ. Она держалась *своей политики*, думая, что казаки злой народъ, котораго надо сторониться. Пожарскій не хотѣлъ ѣхать въ Яузскій лагерь, «нечести бо ради, но бояхуся убійства». Конечно и земское продовольствіе, собранное съ городовъ, рать Нижегородская расходовала на себя, отстраняя казаковъ отъ общественной казны.

Такъ подъ Москвою по прежнему продолжалась вражда между лагерями; и притомъ настолько сильная, что едва «кровопролитію междоусобному не бысть»; а между тѣмъ носились слухи, что гетманъ Хоткѣвичъ опять идетъ къ Москвѣ съ запасами для осажденныхъ, что къ Москвѣ приближается самъ Польскій король Сигизмундъ съ войсками. Рознь лагерей грозила величайшею опасностью для столицы... Но тутъ опять выступила на сцену *Троицкая политика умиротворенія.*

«Высокопрестольныя Россійскія державы Богоспасаемыя матери чадомъ, князю Дм. Трубецкому и князю Дм. Пожарскому, бѣжавшія въ пустыню... нищіи Троицкія власти смиреннѣ кланялись, прося обоихъ воеводъ помириться, оставить всякую злобу и вражду другъ на друга, отринуть клеветниковъ и смутителей отъ умъ своихъ, возлюбить другъ друга нелицемѣрно, не словомъ, но дѣломъ, отъ права сердца» *). Троицкія власти отправили теперь посланіе къ обоимъ воеводамъ «о соединеніи и любви»... И проповѣдь ихъ была не безъуспѣшна. Теперь къ Троицкой политикѣ примкнули и всѣ тѣ, кто искалъ умиротворенія ополченій. Составилось челобитье всѣхъ чиновъ людей къ обоимъ воеводамъ о мирѣ и согласіи. Вотъ почему на Бѣло-озеро, воеводѣ Стефану Никифоровичу Чепчюгову да дьяку Богдану Ильину бояре и воеводы Дм. Трубецкой и Дм. Пожарскій пи-

*) Акты А. Э. II, № 219.

сали, что они помирились, стали «во единочествѣ». Прежде у нихъ были «розряды разные», а теперь вожди обоихъ ополченій устроили одинъ «розрядъ» на Неглинной, который долженъ былъ вѣдать всякія дѣла. Воеводы рѣшились доступать Московское государство безъ всякія хитрости, единодушно. Мало этого, «единство» такъ теперь было установлено, что всякая грамота, выходившая изъ розряда должна была непремѣнно быть писанною отъ обоихъ воеводъ, «а которыя грамоты учнутъ приходить отъ кого нибудь одного, тѣмъ грамотамъ не вѣрить» [1]). Это упроченіе единства «богосоюзнаго совѣта» (чит. Мининъ и Пожарскій. 1883 г. № 1-й. Приложеніе) было дѣломъ не Нижегородскаго ополченія, какъ думаютъ (г. Забѣлинъ, стр. 113), а Троицкихъ властей; они же, вѣроятно, настояли и на томъ, чтобы казаки получали продовольствіе изъ общей казны, наравнѣ съ Нижегородцами, муку, сухари, мясо, соль и пр. [2]). Невѣроятно, конечно, предположеніе, что Нижегородская рать и теперь удерживала жалованье казакамъ; тѣмъ не менѣе казаки жаловались именно на это и хотѣли побить дворянъ не платившихъ имъ должнаго [3]). Они хотѣли уйти изъ-подъ Москвы, не выручивши Кремля и Китай-города. Къ этому времени относится разсказъ Палицына и Симона-келаря о томъ, какими средствами старались Троицкія власти успокоить казаковъ. Изъ запасовъ монастырскихъ въ Москвѣ они давали содержаніе казакамъ. А чтобы успокоить казаковъ на счетъ жалованья, Троицкія власти, за неимѣніемъ денегъ, отправили въ Москву изъ Лавры монастырскую ризницу: сосуды служебные, золотые и серебряные, ризы, стихари, поручи, орари, пелены саженыя жемчугомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями. Троицкія власти отправили все это въ залогъ въ тысячу рублей, обѣщаясь выкупить въ скоромъ времени. Отправляя ризницу, архим. Діонисій и Палицынъ въ особой грамотѣ умѣло успокоивали казаковъ, расхваливая ихъ храбрость и мужество и прося до конца пострадать за вѣру и государство Московское. Возы съ Троицкою ризницею пріѣхали въ станъ казачій. Узнавъ объ этомъ, казаки бросились на добычу. Но хотя они и «желательни были и сурови на похищеніе, но едва узрѣвши таковая и между собою взирающеся глаголаху: вся, рече, сія многими лѣты собирана и возложена въ даръ Господеви на службу... устыдѣшася!» А когда прочитана была въ

[1]) Акты А. Э. т. II, №№ 214, 215; ср. Мининъ и Пожарскій, 1883 г. Приложенія, №№ VIII, X, XIV.

[2]) Москвит. 1851 г., № 22, стр. 300.

[3]) Палицынъ, 242—243; Нов. Лѣтоп. 157—159.

казацкомъ кругу грамота Троицкихъ властей, то казаки, услыхавши похвальное слово о своей службѣ и о терпѣніи, до того были тронуты Троицкимъ челобитьемъ, что тутъ же избрали изъ среды своей «первоименитѣйшихъ» двухъ атамановъ, которыхъ и отправили съ ризницей въ монастырь и съ грамотами къ Діонисію и Палицыну, въ которыхъ обѣщали, не взявши Москвы и не отомстивши врагамъ христіанской вѣры, не отходить изъ ополченія» [1]). Вотъ какъ умѣли Троицкія власти ладить съ казаками. Симонъ-келарь говоритъ, что въ это время вражды въ лагеряхъ Троицкія власти и сами находились въ Москвѣ, конечно, затѣмъ, чтобы своимъ личнымъ участіемъ содѣйствовать примиренію.

Правда, уже и послѣ того, какъ Москва была очищена отъ Поляковъ, казаки бунтовали; тѣмъ не менѣе, благодаря вліянію Троицкихъ властей въ критическое время осады Кремля и Китай-города, рознь въ ополченіяхъ улеглась. Соединенными силами обоихъ лагерей Москва была очищена отъ Поляковъ. Но и здѣсь еще не кончилось вліяніе Троицкой политики.

Послѣ очищенія Москвы, разсказываетъ Палицынъ, «небысть совѣта блага между воеводъ, но вражда и мятежъ». «Бояре и воеводы не могуще (въ др. рукоп. невѣдуще), что̀ сотворити: зане множество ихъ зѣло и въ самовластіи блудяху». Тоже подтверждаютъ и другія лѣтописи, говорящія, что не было единодушія между властями и послѣ очищенія Москвы отъ Поляковъ. Рознь особенно сказалась, когда приступлено было къ вопросу объ избраніи царя. «И много избирающи, искаху; невозмогоша вси на единаго согласиться; овіи глаголаху того, иніи же иного, и вси разно искаху, *и всякій хотящи по своей мысли учинити*, и тако препроводиша немалые дни» [2]).

Одинъ хронографъ говоритъ, что когда составился соборъ по поводу избранія царя, то на предварительномъ совѣщаніи предсѣдательствующій князь Д. М. Пожарскій предложилъ «на искусъ» (т.-е. желая вывѣдать мысли выборныхъ) руководствоваться въ избраніи царя близостью родства избираемаго къ прежде царствовавшей династіи [3]). Выборные просили подумать до слѣдующаго дня созванія собора. Палицынъ говоритъ, что во время этаго раздумья «каждый ближнему своему говорилъ, что достойно воистину быть царемъ Ми-

---

[1]) Книга С. келаря „О новоявл. чуд. Преп. Сергія“. Рукоп. Моск. Дух. Академіи, № 203, л. 61.

[2]) Нов. лѣтоп. 160—161 ср. Рукоп. Филарета, стр. 67.

[3]) Мининъ и Пожарскій 1883 г. 310—312.

хаилу, сыну Θедора Никитича, братаничу блаженнаго государя царя и великаго князя Θедора Іоанновича всея Россіи». Въ этомъ смыслѣ различные чины составляли выписи, въ которыхъ доказывалось ближайшее родство Михаила съ прежде царствовавшею династіею; здѣсь говорилось, что на основаніи этого родства Михаилъ прежде другихъ имѣетъ *право* быть царемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеприведенный хронографъ, объясняющій слова Палицына: «написавше койждо своему чину писаніе». Но въ виду того, что «многіе отъ вельможъ, желающіи царемъ быти подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары» [1]), въ виду той розни, какая господствовала среди «державствующихъ» бояръ—средніе и низшіе чины выборныхъ, естественно, не могли надѣяться, что голосъ ихъ будетъ услышанъ на соборѣ. Это ясно подтверждаетъ вышеприведенный хронографъ, гдѣ говорится, что когда «снидошася вси предсѣдатели собора, и нѣкто дворянска чина Галича - града предложи на томъ соборѣ выпись о сродствѣ царевѣ» насчетъ Михаила, то «предсѣдатели» грозно закричали: «кто то писаніе принесъ, кто и откуда»? Въ виду такого отношенія главныхъ вожаковъ собора къ заявленіямъ остальныхъ выборныхъ, немудрено, что послѣдніе искали *протекціи* на соборѣ, посредничества. На этотъ разъ посредничество опять сосредоточилось въ рукахъ *Троицкихъ* властей, популярность которыхъ, упроченная послѣдними событіями, конечно, была громадна. Выборные обратились къ Палицыну, который тогда находился на подворьи Богоявленскаго Троицкаго монастыря въ Кремлѣ. Они открыли ему свой совѣтъ и свое желаніе о избраніи въ цари Михаила. При этомъ они показали писанія (выписи) и просили Палицына заявить на соборѣ, сказать державствующимъ свои мысли. Такая степень довѣрія народа къ Палицыну обрадовала его. Онъ заплакалъ, выслушавши дворянъ, дѣтей боярскихъ и воеводъ казачихъ. Похваливъ ихъ за благое намѣреніе, Палицынъ возвѣстилъ «державствующимъ» о желаніи выборныхъ имѣть царемъ Михаила [2]). Этотъ разсказъ Палицына слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что келарь Авраамій, заявивъ на соборѣ, или быть можетъ предварительно оффиціальной подачи голосовъ на засѣданіи, о желаніи большинства имѣть царемъ Михаила—тѣмъ самымъ *парализовалъ* заявленіе партій въ пользу другихъ кандидатовъ. Разъ было извѣстно, что большинство негласно стоитъ на сторонѣ Михаила, не могла бы состояться и пода-

---

[1]) Нов. лѣтоп. стр. 160 и слѣд.

[2]) Палиц. 252—253, сравн. Авр. Палиц. 1880 г. стр. 156. прим. 1.

ча голосовъ за кандидатовъ партій, не могло быть и *давленія* «столповъ» на остальныхъ выборныхъ. Любопытно, что цитированный нами хронографъ, разсуждая объ избраніи Михаила, замѣчаетъ, что когда «предсѣдатели» грозно закричали на Галичанина, подавшаго голосъ за Михаила «ускори *славнаго Дону атаманъ*» и тоже предложилъ «о природномъ государѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ». А нужно помнить, что между *казаками* Палицынъ былъ свой человѣкъ.

Итакъ, выборы Михаила прошли чрезъ руки Палицына, состоялись благодаря его посредничеству. Объ этомъ разсказываетъ самъ Палицынъ; но его разсказъ, по снесеніи его съ другими лѣтописями, не только не противорѣчитъ общему ходу событій, но разъясняетъ и дополняетъ намъ процессъ избранія Михаила. Безъ этого разсказа Палицына, читая другія лѣтописи, непонятнымъ становится, какъ могло случиться, что избранъ былъ Михаилъ, неимѣвшій за себя вліятельныхъ представителей на соборѣ? Вѣдь въ существѣ дѣла Михаилъ кандидатъ нисшихъ чиновъ; а какъ бы его кандидатура прошла на соборѣ, когда извѣстно, что крупные бояре хотѣли избрать Голицына Василія, Воротынскаго, Пожарскаго и др., когда о Михаилѣ они думали небольше какъ о *рядовомъ* претендентѣ. На основаніи показаній Палицына и другихъ лѣтописей, понятно, что Михаилъ избранъ былъ потому, что онъ былъ ближайшій родственникъ прежде царствовавшей династіи, что̀ очень хорошо понимали низшіе чины выборныхъ; потому что кандидатура его поддержана была вліяніемъ на соборѣ Троицкихъ властей.

Съ избраніемъ Михаила вліяніе Троицкой политики на ходъ событій смутнаго времени прекращается (хотя смута, какъ извѣстно, въ формѣ самозванства и не прекратилась этимъ избраніемъ, но вспыхивала въ XVII и даже въ XVIII вв.). Оцѣнка ея значенія основывается преимущественно на свидѣтельствахъ Палицына; но эти свидѣтельства, какъ мы видѣли, не одиноки. Кромѣ Сказанія Палицына сохранились грамоты, посланія Троицкихъ властей, отрывочныя извѣстія актовъ, лѣтописей, хронографовъ и пр., которыя не только не противорѣчатъ показаніямъ Палицына, но объясняютъ ихъ и дополняютъ. Помимо всего этого разсказъ Палицына согласенъ съ общимъ ходомъ событій смутной эпохи, какъ они излагаются въ коренной лѣтописи этого времени, въ такъ называемой «Лѣтописи о многихъ мятежахъ», и со всею тогдашнею перепиской оффиціальною и частною. Мало этого, самая эта лѣтопись, коротко излагающая факты, большею частью безъ объясненія причинъ, нуждается въ показаніяхъ Палицына для своего освѣщенія и разумѣнія. Въ виду всего этого было бы не научно утверждать, что Сказаніе Палицына слѣдуетъ вы-

кинуть изъ ряда матеріаловъ, какъ негодный балластъ, написанный авторомъ съ тщеславною цѣлію восхваленія обители и главнымъ образомъ себя. Вѣрнѣе смотрѣть на это Сказаніе, какъ на *автобіографію* келаря, гонимаго современниками.—Сохранилось одно случайное извѣстіе, что тогдашніе вельможи, «вертящіяся гордыни», какъ ихъ называетъ Иванъ Насѣдка, дали прозвище Палицыну «король»—вмѣсто келаря, за самовольный отъѣздъ его изъ-подъ Смоленска. Съ другой стороны, въ ту пору, когда писалось Сказаніе, упрочилась власть Романовыхъ и было ясно будущее господство Филарета. Мы не знаемъ съ вѣдома или нѣтъ послѣдняго уѣхалъ Палицынъ изъ-подъ Смоленска; во всякомъ случаѣ самовольный его отъѣздъ набрасывалъ густыя тѣни на Палицына; этотъ отъѣздъ давалъ основаніе видѣть въ немъ измѣнника. Между тѣмъ фактически Палицынъ былъ патріотъ; своимъ участіемъ въ послѣднихъ событіяхъ смуты онъ всего болѣе доказалъ разницу своихъ убѣжденій и дѣлъ отъ дѣятельности Польской партіи бояръ. Тогда какъ правящіе бояре «королю доброхотствующе», Палицынъ

Во *первыхъ*: по возвращеніи изъ-подъ Смоленска становится подъ знамя патріарха Гермогена и является ревностнымъ проводникомъ его идей, сочиняя и разсылая грамоты къ городамъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Лавры, преподобнымъ Діонисіемъ, возбуждающія Русскую землю къ возстанію на Поляковъ.

Вовторыхъ: когда одной изъ этихъ грамотъ удалось повліять на Минина и возбудить ополченіе Нижегородцевъ, Палицынъ, опять въ союзѣ со всѣмъ священнымъ соборомъ Лавры, своими убѣжденіями, соединялъ и примирялъ ополченія казацкое и Нижегородское, сломилъ упорно-медлительную политику послѣдняго и побудилъ Пожарскаго въ Ярославлѣ къ скорѣйшему приходу къ Москвѣ, къ которой спѣшили Поляки.

Въ третьихъ: въ рѣшительный моментъ битвы съ Хоткѣвичемъ, Палицынъ соединилъ враждебные лагеря казаковъ и Нижегородцевъ и, живымъ словомъ воинской рѣчи въ духѣ казацкомъ, возбудилъ послѣднихъ ударить на Хоткѣвича и разбить его.

Въ четвертыхъ: купно съ Діонисіемъ Палицынъ успокоилъ разнаго рода обѣщаніями и подарками волнующійся и безшабашный (если не больше) казацкій лагерь, съумѣлъ хотя на важное время удержать его въ Москвѣ, примирилъ вождей ополченій, благодаря чему и была очищена Москва отъ Поляковъ; наконецъ, въ *пятыхъ*—своимъ заявленіемъ на соборѣ, что Михаила желаетъ имѣть царемъ народъ—Палицынъ парализовалъ заботы разнаго рода боярскихъ партій, желавшихъ представить народу своихъ кандидатовъ на царство, чѣмъ и склонилъ выборы въ пользу Михаила.

Въ ряду этихъ дѣлъ Палицына особенно рѣзко выступаетъ фактъ соединенія ополченій, о которомъ говорятъ *всѣ* лѣтописи. Это дѣло соединенія свидѣтельствуетъ объ умѣ, энергіи и высокомъ патріотическомъ чувствѣ келаря. Чтобы судить о достоинствѣ этого подвига, надо знать, что такое было казачество. Никто или не хотѣлъ, или не умѣлъ успокоить этотъ лагерь; а между тѣмъ онъ былъ едва ли не опаснѣе Поляковъ. Только мудрая политика Троицкихъ властей соединила разрозненныя силы Русской земли наканунѣ окончательной гибели отечества.

Все это Палицынъ и записалъ въ своемъ Сказаніи на память современникамъ и предыдущимъ по нихъ родамъ, «да незабвенны будутъ заслуги келаря». Такъ какъ нѣтъ основаній отрицать эти записи, такъ какъ показанія вѣрны, то остается предположить, что свидѣтельства Палицына о самомъ себѣ вызваны были отрицаніемъ его заслугъ, необходимостью оправдать себя предъ современниками и потомствомъ, какая необходимость дѣйствительно была. Поэтому и на Сказаніе Палицына надо смотрѣть какъ на оправдательный документъ личнаго поведенія автора, какъ на автобіографію, а не какъ на «исторію измышленныхъ дѣяній», написанную по тщеславію. «Да не зазрите ми о семъ, Господіе и братіе», говоритъ Палицынъ, объясняя мотивы своего труда, «глаголюще, яко тщеславіемъ и гордостію превознесохся... не подобаетъ убо на истину лгати»... (гл. VIII).

III.

Вліяніе личныхъ взглядовъ автора на историческій матеріалъ Сказанія.—Взглядъ на такъ называемый „эпическій“ элементъ Сказанія.—Провѣрка показаній Палицына другими источниками.—Описаніе осады монастыря.—Изложеніе.—Значеніе Сказанія при изученіи смутнаго періода Русской исторіи.

Нѣтъ спора въ томъ, что, увлекаемый желаніемъ оправдать себя предъ современниками и потомствомъ указаніемъ на свои заслуги, съ другой стороны какъ непосредственный очевидецъ и участникъ описываемыхъ событій, Палицынъ въ своемъ Сказаніи смотритъ на предметы съ субъективной точки зрѣнія и иногда даетъ описываемымъ событіямъ освѣщеніе, котораго бы другой, менѣе заинтересованный авторъ и не сдѣлалъ. Вліяніемъ этой субъективности объясняется прежде всего умолчаніе Палицынымъ о дѣятельности лицъ, болѣе или менѣе его трудившихся въ прекращеніи смуты. Личность преподобнаго Діонисія оставлена Палицынымъ совсѣмъ въ тѣни; не будь извѣстій о Діонисіи Симона-келаря и Ивана Насѣдки, дѣйствительныя заслуги гуманнѣйшаго и высокопросвѣщеннаго настоятеля Лавры совсѣмъ исчезли

бы изъ памяти потомства. Это умолчаніе о Діонисіѣ тѣмъ болѣе странно, что бытописатель дѣяній *Лавры* въ смутное время, оказывается, не занесъ въ свое Сказаніе фактовъ, которые относились къ личной инициативѣ Діонисія и которыми обитель должна бы гордиться. Думали объяснить подобное отношеніе Палицына къ Діонисію предположеніемъ острыхъ отношеній настоятеля и келаря, властолюбіемъ послѣдняго. Но противъ того говоритъ единство Троицкой политики и утѣшительное письмо Палицына къ невинно-угнетенному архимандриту, когда послѣдній находился въ заточеніи въ Новоспасскомъ монастырѣ по поводу исправленія Потребника. Письмо свидѣтельствуетъ о единствѣ взглядовъ Троицкихъ властей, о томъ, что архимандритъ и келарь были какъ бы два родные брата-патріота начала XVII в. *). Объясняя причины этого умолчанія, можно предполагать, что во время написанія Сказанія неумѣстно было въ немъ разсуждать о дѣятельности преступника Діонисія, какимъ тогда оффиціально признавался Діонисій. Но и не вдаваясь въ излишнія предположенія, умолчаніе Палицына о Діонисіѣ понятно, какъ скоро мы будемъ смотрѣть на его трудъ, какъ на автобіографію. Поэтому же, конечно, Палицынъ стушевалъ личность Гермогена, упомянувъ о ней вскользь, при описаніи собранія Ляпуновскаго ополченія и заявивъ коротко о смерти патріарха. Между тѣмъ фактъ удержанія *однимъ* Гермогеномъ народнаго *знамени* въ моментъ, когда правительство сдалось на сторону католической Польши, до того былъ *поразителенъ*, что о твердомъ *адамантѣ* разсуждаютъ рѣшительно всѣ тогдашніе лѣтописцы и болѣе подробно, чѣмъ Палицынъ. Точно также Пожарскій и Мининъ, особенно Мининъ, слабо очерчены. О Mининѣ сказано, что когда въ Нижнемъ Новгородѣ собралось ополченіе и сдѣланъ былъ начальникомъ его Пожарскій, то «къ нему же избравше для земскія казны сбору изъ посадскихъ людей Козму Минина». И только!

Съ другой стороны, вліяніемъ личныхъ взглядовъ автора слѣдуетъ объяснить его рѣзкіе отзывы о современникахъ. Въ сужденіяхъ этого рода видѣнъ авторъ оскорбленный, обиженный свѣтскими властями и обществомъ, гнѣвно настроенный. Такъ Борисъ Годуновъ осуждается даже и въ томъ случаѣ, когда бы слѣдовало его похвалить. Разсказывая о коронаціи Годунова, Палицынъ замѣчаетъ: «вѣнчаемому же Борису рукою святѣйшаго патріарха Іова и во время святыя литургіи стоя подъ тою рукою, не вѣмы, чего ради испусти сицевъ гласъ зѣло высокъ и богомерзостенъ: се отче, высокій патріархъ Іовъ, Богъ

---

*) См. объ отношеніяхъ Палицына къ Діонисію подробно. Авр. Палицынъ 1880 г. стр. 167—186.

свидѣтель сему, никто же убо будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ. И тряся верхъ срачицы, глаголя: и сію, послѣднюю, раздѣлю со всѣми». Борисъ осуждается за милосердіе къ бѣднымъ! Шуйскій изображается въ Сказаніи, какъ «лютый и безчеловѣчный тиранъ», во многомъ довѣрявшій своимъ невѣжественнымъ и грубымъ льстецамъ, какъ царь слабохарактерный, представлявшій игрушку въ рукахъ хитрыхъ бояръ, «грабитель повинныхъ и неповинныхъ». Князь Пожарскій подвергается осужденію за щедрое устроеніе Нижегородской рати и за свои отношенія къ Трубецкому. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій обвиняется за медлительность на пути къ Троицѣ, послѣ битвы подъ Колязинымъ монастыремъ (въ гл. 56). Всѣ вообще *бояре* осуждаются за свой образъ мыслей, за свои интриги, за свое отношеніе къ слугамъ и церкви. Отзывы этого рода напоминаютъ сказанія иностранцевъ о томъ же предметѣ, изображавшихъ большею частью одни дурныя стороны Русской жизни. Подвергается рѣзкому осужденію и тогдашній церковный клиръ, его устройство и слабое вліяніе на народъ. Первыя шесть главъ Сказанія, предшествующія описанію осады монастыря, изображаютъ исключительно глубокій упадокъ политическаго, общественнаго и частнаго быта въ Русской землѣ наканунѣ смуты. Выясняя ея причины, авторъ рисуетъ до того мрачную картину народной жизни, что на темномъ фонѣ ея не встрѣчаешь ни одной свѣтлой черты, ни одного симпатичнаго штриха. Правда, и другіе лѣтописцы тогдашняго времени не скупились на мрачныя краски при изложеніи событій, предшествовавшихъ смутѣ; по ихъ описаніе касается лицъ, а не быта; правителей, а не народа. Лѣтопись Палицына шире: она затрогиваетъ всѣ стороны Русской жизни, выясняетъ почву смуты рѣзкимъ изображеніемъ грѣховъ современниковъ. Нельзя отрицать этихъ «грѣховъ»; но нельзя не предполагать и добродѣтелей, жившихъ тогда въ народѣ, о которыхъ не преминулъ бы упомянуть авторъ менѣе гнѣвно настроенный, чѣмъ Палицынъ. Онъ задавался спеціально цѣлью изображать одни недостатки, какъ самъ говоритъ въ предисловіи: «И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ и всякъ да приложитъ ухо слышати, кіихъ ради грѣховъ попусти Господь Богъ нашъ праведное Свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Россіи, и како весь Словенскій языкъ возмутися и вся мѣста по Россіи огнемъ и мечемъ поядены быша». Изслѣдователю смутной эпохи, еслибъ онъ захотѣлъ пользоваться Сказаніемъ, какъ источникомъ, нужно имѣть въ виду *эту* именно *точку зрѣнія* автора Сказанія на свой трудъ для того, чтобы не обвинять Палицына въ завѣдомомъ искаженіи передаваемыхъ имъ свѣдѣній.

Само собою разумѣется, что какъ келарь Троицкой Лавры, искренне преданный интересамъ своего монастыря, созидавшій и охранявшій монастырь всевозможными способами въ смутное время, Палицынъ особенно симпатизируетъ всему монастырскому и всякое *свѣтлое явленіе* монастырской жизни старается обрисовать особенно рельефно. Въ Сказаніи автора Лавра—солнце въ Россіи. «Къ дому бо великаго Чудотворца вся Россія, яко къ солнцу зряще и на его молитвы концы Россійстіи надѣющеся, противу врагомъ крѣпляхуся». Таково, по убѣжденію Палицына, было значеніе монастыря въ смутное время. Мы видѣли раньше, какъ эта монастырская точка зрѣнія заставила его приписать собраніе Ляпуновскаго ополченія преимущественно дѣйствію Троицкихъ грамотъ. Она же просвѣчиваетъ при изложеніи и другихъ событій. Напр. разсказавъ о храброй защитѣ Лавры Троицкими сидѣльцами, Палицынъ говоритъ о приходѣ въ монастырь Давида Жеребцова съ 900 войска, посланнаго княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ для оказанія помощи осажденнымъ. Гордый побѣдами подъ Колязинымъ монастыремъ, гдѣ Скопинъ-Шуйскій бился съ войсками Тушинскаго Самозванца, воевода Жеребцовъ, придя въ монастырь, прежде всего самовластно распорядился монастырскимъ хлѣбомъ. Онъ забралъ оставшуюся отъ осады рожь, овесъ, сухари, не обращая вниманія на нужды сидѣльцевъ. Самовольныя дѣйствія Жеребцова произвели ропотъ въ монастырѣ. Видя «ратныхъ насилованіе», «мучившіеся въ бѣдахъ», т.-е. сидѣвшіе въ осадѣ, «приходили къ начальнику монастыря архимандриту Іосафу—и въ лице тому свараху-ся». «Сей Іосафъ простъ сый: ни пророкъ, ни знаменосецъ, но уповавъ вѣрою и не посрамися». Онъ успокоилъ ропщущихъ. Устроивъ «себѣ полезная», Жеребцовъ, затѣмъ, надменно отнесся къ военной тактикѣ осажденныхъ. Объ этомъ иронически разсказываетъ Палицынъ въ главѣ «о помощи Чудотворца въ надежныхъ вылазкахъ». Какъ видно изъ разсказа, Троицкіе сидѣльцы не подчинялись дисциплинѣ, устроенной осадными воеводами. Сплошь и рядомъ осажденные выходили изъ стѣнъ монастыря, обманывая воеводъ различными придуманными нуждами: одни говорили, что надо травы нарвать; другіе шли за водою, третьи за дровами и т. д., а въ дѣйствительности за тѣмъ, чтобы сразиться въ одиночку съ бродившими около стѣнъ монастыря солдатами Сапѣги. Воеводы сдерживали воинскій пылъ храбрецовъ, не пускали ихъ за стѣну, чтобы не погибали напрасно; но эти не слушались. «И дива слышанія достойно», восклицаетъ Палицынъ, «егда убо устроятся людіе и уготовятся съ великимъ опасеніемъ, то не всегда на добро изшествіе бываше; похвально же что̀ содѣяся, и то неурядствомъ, но послѣднею простотою». Когда пришелъ Жереб-

цовъ и увидѣлъ «Троицкую простоту», то «много безчестивъ» отослалъ прочь простыхъ воиновъ. Въ надеждѣ на «избранное воинство», «добрѣ урядився», выходилъ онъ на вылазки... но былъ побиваемъ и съ «срамотою одолѣваемь; вмѣсто пота побѣдительства слезами обливаяся, урядный—неурядно утече!» Троицкіе воины смѣялись надъ искуствомъ Жеребцова; но Давидъ, «вѣжди съ гнѣвомъ возводя на пререкающихъ, исхождаше ко врагомъ на бой». Словомъ, весь разсказъ Палицына объ этомъ предметѣ имѣетъ въ виду выяснить читателю, что Троицкіе простые воины, ратному дѣлу неискусные, охраняемые помощью Чудотворца, выше стояли храбрыхъ и дисциплинированныхъ войскъ Жеребцова. Увлекаемый желаніемъ развить эту идею, Палицынъ доходитъ до того, что ставитъ въ заслугу Троицкимъ сидѣльцамъ отсутствіе въ нихъ дисциплины и неповиновеніе вождямъ, чего бы, конечно, не сдѣлалъ лѣтописецъ внѣ-монастырскій. Ревнивый приверженецъ Лавры и ея интересовъ, Палицынъ по томуже самому съ строгими обличеніями нападаетъ на всѣхъ, кто такъ или иначе подрывалъ ея авторитетъ и значеніе. Казначей Іосифъ Дѣвочкинъ, замыслившій измѣну во время осады, рѣзко осуждается съ своими приверженцами. Эта измѣна даетъ Палицыну поводъ восторженно хвалить мучительную пытку и болѣзнь, которымъ подвергался казначей. Особенно гнѣвно уличается Палицынымъ царь Шуйскій, не наградившій иноковъ за терпѣніе во время осады, но разорившій монастырь захватомъ всей монастырской казны, копившейся долгими вѣками.

Къ указаннымъ особенностямъ личнаго склада автора Сказанія слѣдуетъ отнести и тѣ недостатки его труда, въ которыхъ высказываетъ Палицынъ на лица и событія взгляды, общіе современникамъ. Такъ, описывая «всенародныя строенія» царя Бориса, съ похвалою отзываясь о его гражданскомъ разумѣ, Палицынъ въ тоже время осуждаетъ его международную политику. Почетные и богатые пріемы иностранныхъ пословъ, желаніе Бориса выдать дочь за Дацкаго принца и женить сына на Персидской царевнѣ, чтобы съ Востока и Запада имѣть дружественныхъ сосѣдей, радушныя отношенія къ Ногайскому и Касимовскому ханамъ, богатые дары, получаемые Борисомъ отъ иностранцевъ—даютъ Палицыну поводъ сказать, что царь любилъ больше иностранцевъ, чѣмъ Русскую землю, укорить его въ гордости и высокомѣрной заносчивости. А близкое общеніе Бориса съ иновѣрцами, исповѣдывавшими Армянскую и Латинскую ереси, равнодушное отношеніе къ перемѣнѣ Русскихъ обычаевъ, напр. къ бритью бороды и усовъ, и другія «нововводимыя дѣла» Бориса выставляются Палицынымъ какъ свидѣтельство духовной скудости царя: «аще и разуменъ бысть въ царскихъ правленіяхъ Борисъ, но Божествен-

наго писанія не навыкъ». Въ этомъ отношеніи благочестивый царь Ѳеодоръ пользуется большею симпатіею автора, чѣмъ умный и дѣятельный Годуновъ. Любопытенъ взглядъ автора на Римскаго папу: это антихристъ, всепагубный апокалипсическій змій, «возгнѣздившійся въ костелѣ Италійскомъ», который не только Европу, четвертую часть вселенной, омрачилъ своею лестію, но «и на Востокѣ и Сѣверѣ и Югѣ не почивая—гонитъ» православныхъ. Но къ счастію для Россіи еще «время временъ и по времени» не исполнилось по откровенію Іоанна Богослова: всѣ попытки папы привлечь Россію къ «стрыеви (строю) антихристову», начиная отъ лѣтъ Св. Владимира и до перваго Самозванца включительно—кончились неудачею.

Авторъ, какъ духовный писатель, смотритъ на гражданскій строй и явленія свѣтской жизни, конечно, съ церковной точки зрѣнія. Отсюда при изложеніи событій смуты Палицынъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы высказать свое сужденіе, свой, если можно такъ сказать, богословскій взглядъ на вещи. Человѣкъ вѣрующій, благочестивый, благоговѣйно относящійся къ церкви и святынѣ, удостоивается авторской похвалы, хотя бы такой въ другихъ случаяхъ и порицался. Напр. Борисъ укоряется за то, что любилъ иностранцевъ больше, чѣмъ «священноначальствующихъ чинъ». Но этотъ же Борисъ извѣстенъ былъ своими благодѣяніями Троицкой Лаврѣ. Если такъ, то богословская точка зрѣнія автора требовала оправдать Годунова; благочестивыя щедроты этого царя должны были отразиться на его жизни относительнымъ счастіемъ. Но Богъ все-таки покаралъ Бориса. Такое противорѣчіе въ жизни царя ставитъ автора въ недоумѣніе. Онъ восклицаетъ: «той (Годуновъ) велію вѣру стяжа къ дому Пресвятыя Троицы, и не вѣмъ, что́ бысть ему!» Какъ духовный писатель, авторъ сплошь и рядомъ впадаетъ въ проповѣдническій тонъ и при этомъ обнаруживаетъ обстоятельное знакомство съ Св. Писаніемъ, твореніями отцовъ и учителей церкви и вообще съ церковною исторіею. Замѣченныя Палицынымъ отступленія жизни современниковъ отъ правилъ откровенія и церкви даютъ ему случай примѣнить подходящій текстъ, церковное изреченіе и такимъ путемъ или сильнѣе обличить порочнаго современника, или поучить благочестиваго читателя. Къ чести автора Сказанія слѣдуетъ впрочемъ отнести то, что религіозные примѣры и изреченія примѣняются имъ къ обстоятельствамъ жизни почти всегда цѣлесообразно и съ глубокимъ пониманіемъ смысла Слова Божія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не приходилъ лѣтописцу на память прямой аналогическій фактъ или текстъ священной исторіи, онъ бралъ болѣе отдаленный, но всегда настолько общій, что обширная богословская идея текста дѣлала удобнымъ примѣненіе. Напр., разсуждая

о смерти Гришки Отрепьева, Палицынъ приводитъ текстъ изъ книги Іезекіиля (XXI, 32), гдѣ вдохновенный пророкъ предсказываетъ порочнымъ царямъ Іудеи насильственную смерть среди земли управляемой.

Богословская настроенность автора побуждала его отводить почтенное мѣсто въ Сказаніи описанію подвиговъ благочестія и фактовъ вѣры. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга Палицына есть книга Божіихъ чудотвореній, оказанныхъ монастырю (числомъ до двадцати) во время осады. Но желаніе автора Сказанія всякое естественное явленіе выводить изъ дѣйствія творческой стихіи, давать ему сверхъестественную подкладку, еще не говоритъ за то, чтобы такой лѣтописный методъ Палицына извращалъ собственно-историческій матеріалъ Сказанія. Еслибы мы и не хотѣли согласиться съ объясненіемъ факта, представляемымъ Палицынымъ, то и въ такомъ случаѣ историческая часть его Сказанія существовала бы какъ отдѣльная часть. Напр., описывая заключеніе мира въ Деулинѣ, Палицынъ говоритъ: «Декабря же въ 1-й день, помолившеся Святѣй и Живоначальнѣй Троицѣ и призвавше въ помощь великаго Чудотворца Преподобнаго Отца нашего Сергія, и отпѣвше молебенъ, и знаменавшеся вси Честнымъ и Животворящимъ Крестомъ, и покропившеся святою водою, и учредившеся по достоинству, но не такъ, якоже прежде, но боязнію, боящеся подсады, паки третій съѣздъ съ королевскими послы на томъ же мѣстѣ учиниша. Вскорѣ же тогда предваряетъ милость Господня *молитвъ ради Препод. Отца Сергія*: сами королевскіе послы со многою честію и кротостію предъ государевыми послы начаша о миру глаголати, и некротцыи—кротцы быша, и волцы яко агнцы явишася; и *милостію Св. Пребезначальныя Троицы*... послы учиниша миръ межъ обоихъ государствъ на четырнадцать лѣтъ». Здѣсь Палицынъ утверждаетъ, что послы заключили миръ съ Поляками, именно потому, что помолились Препод. Сергію. Но извѣстно, что «волцы яко агнцы явишася» потому, что ихъ гналъ изъ предѣловъ Россіи жестокій морозъ и недостатокъ продовольствій *). Очевидно, что объясненіе Палицынымъ причинъ заключенія Деулинскаго мира, какъ самое общее и отдаленное, не лишаетъ самый фактъ исторической достовѣрности. Какъ вѣрующій человѣкъ, въ естественныхъ явленіяхъ жизни Палицынъ усматриваетъ особенные пути устрояющей дѣятельности Божіей; оттого у него и является желаніе всякое естественное событіе объяснять сверхъестественнымъ. При всемъ томъ замѣтимъ, что самъ Палицынъ возможно скептически относится къ явленіямъ чудеснаго, что

*) Исторія Россіи Соловьева, IX т., стр. 145—147.

все передавали ему другіе. Онъ провѣряетъ сказанное: «азъ же провѣрихъ сія, повелѣ здѣ вписати». Къ читателямъ онъ обращается какъ бы съ такими словами: «хотите вѣрьте, хотите нѣтъ; но дѣло было такъ, какъ мнѣ сообщено». И понятно, вовсе нельзя думать, чтобы сверхъестественное въ Сказаніи Палицына было продуктомъ его воображенія. Это несогласно съ нравственнымъ характеромъ времени, въ которое жилъ лѣтописецъ: профанація чуда была тогда немыслима. Естественнѣе думать, что та нравственная сфера, въ которой вращался Палицынъ, питала его лѣтописное воззрѣніе. Преподобный Сергій, его монастырь—центральный религіозный пунктъ стараго времени. Это мѣсто Божіе, Божій домъ по преимуществу. Здѣсь все говорило объ особенномъ присутствіи Бога: церковная обстановка, мощи Угодника, традиція его чудотвореній. Надо думать, что могучему дѣйствію религіозной идеи Лавра обязана тѣмъ, что отстояла себя отъ полчищъ Сапѣги. Удивительно ли, что и лѣтописецъ осады Лавры носитъ на себѣ слѣды нравственнаго склада атмосферы, которою онъ дышалъ? Высшимъ выраженіемъ религіозной настроенности автора служитъ «благодарственное слово» Палицына Преподобному Сергію и Никону, въ которомъ высокоторжественно, поэтически восхваляются основатели и заступники Лавры.

Не смотря на указанныя особенности, Сказаніе Палицына провѣряется свидѣтельствами Русскихъ и Польскихъ источниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до мельчайшихъ подробностей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда самый историческій матеріалъ не дозволялъ Палицыну отнестись къ истинѣ объективно. Палицынъ и самъ говорилъ: «подобаетъ съ великимъ опасеніемъ истину соблюдати». И въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о смерти Скопина-Шуйскаго, Палицынъ говоритъ: «колико познаваемъ, сія о томъ и сплетаемъ». Большая часть показаній Палицына вѣрна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить дни вылазокъ, обозначаемыхъ Палицынымъ, съ выписью вылазкамъ изъ Троицкаго монастыря на враговъ, помѣщенною въ отпискѣ къ царю осадныхъ воеводъ Долгорукова .и Голохвастова отъ 1609 г. Марта 29-го. Безспорно то, что Палицынъ, какъ и всякій другой лѣтописецъ, легко могъ ошибаться; но нѣтъ основаній непремѣнно заключать, что эти ошибки свидѣтельствуютъ о намѣренномъ искаженіи истины. Онѣ могли происходить отъ незнанія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, что̀ было и естественно, такъ какъ самъ Палицынъ въ монастырѣ во время осады не былъ, а записывалъ только то что̀ ему говорили.

То обстоятельство, что Сказаніе Палицына написано восторженнымъ языкомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже книжно-стихотворнымъ складомъ, не говоритъ за то, чтобы Сказаніе было духовно-истори-

ческою эпопеею. Мнѣніе историка прошлаго вѣка Миллера, который находилъ «въ лѣтописи Палицына слогъ болѣе витіеватый, нежели чтобъ съ натуральною историческою простотою сходствовалъ» [1]), только отчасти справедливо. Палицыну приходилось описывать бѣдственныя и славныя событія смутнаго времени, въ которыхъ участвовалъ и самъ авторъ. Созерцающая мысль историка, естественно, подъ вліяніемъ этихъ событій, облекалась въ формы возвышеннаго слога, краснорѣчіе заступало мѣсто простаго лѣтописнаго изложенія. Далѣе: описать осаду монастыря, чудеса стойкости, геройства, храбрости, самопожертвованія—иначе и невозможно было, какъ восторженнымъ языкомъ лѣтописцу, жившему въ монастырѣ. Русская исторія не помнитъ защиты славнѣе защиты Лавры Троицкими сидѣльцами; обороны—знаменитѣе Троицкой. *Фактъ защиты Троицы рыцарями Сергія—изумителенъ.* И вотъ почему, Тушинскій Лжедимитрій не *партизанскими* отрядами хотѣлъ взять Троицу. Сапѣга пришелъ сюда *съ 15,000 одного* Польскаго *регулярнаго* войска; число Московскихъ измѣнниковъ было едвали меньше [2]). Сапѣга остановился подъ монастыремъ лагеремъ [3]), который былъ *операціоннымъ* пунктомъ дѣйствій Самозванца на Сѣверѣ [4]). Войско Сапѣги то убывало, то прибавлялось; но въ теченіи 16 мѣсяцевъ Сапѣга *не кидалъ* своего стана подъ Троицею. *Осада велась* по всѣмъ правиламъ *стратегическаго* искусства [5]). 63 пушки наведены были на *монастырь*, который такимъ образомъ *окруженъ* былъ какъ бы *огненною цѣпью* [6]). И явно и тайно Сапѣга употреблялъ *всѣ усилія* къ тому, чтобы взять монастырь: онъ велъ подкопы, хотѣлъ жаждою уморить осажденныхъ, засылалъ лазутчиковъ, обольщалъ сидѣльцевъ хитрою рѣчью [7]); но Троица не сдавалась.

---

[1]) Ежемѣсячн. Сочиненія 1755 г. Апр. стр. 295.

[2]) Историч. описаніе Лавры... 1879 г. стр. 96, прим. 13, число войска непріятельскаго простиралось до 30,000 ср. Сборникъ кн. Хилкова, стр. 117.

[3]) Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи... стр. 252.

[4]) Отсюда выходили войска склонять жителей Сѣвера на сторону Самозванца. А. И. II №№ 116, 122, 134, 136. Отсюда выходили указы къ сторонникамъ Самозванца. А. И. II. № 129. Приближенные Самозванца обращались сюда съ разнаго рода нуждами. А. И. II. №№ 122, 127, 128, 137 и др. Сапѣга, начальникъ Сѣверскаго лагеря Лжедимитрія подъ Троицею, былъ главнокомандующимъ, „гетманомъ царя" № 205, приближеннымъ лицомъ Лжедимитрія № 131, гетманомъ войска Московскаго. А. И. II, стр. 671.

[5]) Истор. описаніе Лавры, стр. 97.

[6]) Свидѣтельство Дзедушицкаго. Истор. описаніе Лавры... стр. 57.

[7]) Сказаніе Палицына. Ср. Сборникъ Хилкова стр. 82—83; 110—111; 113—114; 120—122 и др.

Эта «неприступная крѣпость» по мнѣнію однихъ [1]), «воронье гнѣздо», «*лукошко*»—какъ характерно назвалъ монастырь панъ Зборовской [2]), и на самомъ дѣлѣ не была неприступною твердынею. «Кирилловъ монастырь былъ больше Сергіева монастыря, и людей тамъ было больше Троицкихъ сидѣльцевъ», говорили казаки, нападавшіе на Троицу [3]). Предположимъ, что стѣны монастыря были необычайной крѣпости (но конечно, не желѣзныя...), что они были 4-хъ саженной вышины [4]); но кѣмъ они защищались? Всего войска защитниковъ было не болѣе *2,300* [5]); это войско постепенно уменьшалось, такъ что къ концу осады осталось не болѣе 200. Положеніе осажденныхъ во все время осады было самое *безотрадное*: «внѣ уду мечъ, внутрь уду смерть». Цынга, отъ которой умирало въ день отъ 20—100 человѣкъ; «шатость и измѣна великая», ссоры между воеводами, ропотъ среди осажденныхъ, и къ довершенію бѣдствій, *страшный* голодъ, такъ что лошади, стоявшія въ конюшнѣ, *совершенно изгрызли и съѣли* деревянные косяки [6]): таковы были условія жизни защитниковъ монастыря. И эту стойкую оборону монастырь проявилъ въ то время, когда *вся* остальная Русь, за исключеніемъ Москвы, Новгорода и Смоленска, сдалась уже Тушинскому Лжедимитрію». *Какъ одинокій островъ сопротивлялась тогда Лавра бьющимъ ее отовсюду подобно разъяренному морю побѣдителямъ*, которые завоевали вокругъ нея всю Русь, говорили современники, изображая положеніе монастыря [7]). Эту изумительную защиту Лавры можно ли было иначе и описать, какъ не восторженною рѣчью удивленнаго лѣтописца?

Тѣмъ не менѣе изложеніе, рѣчь Сказанія, дѣйствительно по мѣстамъ темны и неопредѣленны. Часто кудреватая фраза можетъ быть понятна по снесеніи аналогическаго мѣста съ другими источниками. Это объясняется какъ общею манерою литературнаго изложенія тог-

---

[1]) Масса... стр. 251.

[2]) Дзедушицкій... Истор. опис. Лавры. Стр. 59.

[3]) Дополненія къ А. И. II, стр. 52.

[4]) Дзедушицкій... Истор. описаніе Лавры, стр. 56. У Палицына въ 24 гл. „градъ низкостѣненъ".

[5]) Истор. описаніе Лавры стр. 93 пр. 6, ср. Чт. въ О. И. и др. Рос. 1846 г. кн. 4. Число всѣхъ собравшихся въ монастырь слѣдуетъ опредѣлять на основаніи вычисленія, сколько могло помѣститься на тѣсной территоріи, имѣвшей видъ трапеціи, боковыя линіи которой взятыя вмѣстѣ равнялись 551½ сажени. Предъ осадою прошли въ монастырь крестьяне окрестныхъ Троицкихъ селъ съ пожитками и скотомъ.

[6]) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 311—312.

[7]) Дзедушицкій. Истор. описаніе Лавры. стр. 58.

дашняго времени, такъ особенно позднѣйшими исправленіями текста, сократившими его въ ущербъ точности и опредѣленности. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ историкомъ прошлаго вѣка, который замѣчаетъ, что Палицынъ писалъ лѣтопись о царствованіи царя Іоанна Васильевича, проименованіемъ Грознаго, кратко и не весьма порядочно *). Въ Сказаніи встрѣчаются выраженія замѣчательно лаконическія. Разсуждая о Тушинцахъ, Палицынъ говоритъ: «и бяша имъ стѣна тверда злокозньство измѣникъ...» т.-е. Русскіе измѣнники своимъ поведеніемъ, своею нравственною скудостію облегчали дѣло Тушинскаго царя и служили прекраснымъ оружіемъ для его цѣлей. «И уклоняющеся кривопутствомъ измѣнницы... наполняху... станица въ Тушинѣ...» т.-е. путемъ цѣлаго ряда безчестныхъ дѣйствій. «Велехвально же емлется за сіе (за осаду монастыря) тезоименитый гугнивому гетманъ Сапѣга... и всегорькій Александръ Лисовскій...» Такъ характеризуетъ Палицынъ Сапѣгу и Лисовскаго. Фактъ возведенія на престолъ царя Шуйскаго Палицынъ описываетъ коротко, но сильно: «По убіеніи Растригинѣ въ четвертый день малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ Василій Ивановичъ Шуйскій и возведенъ бысть въ царскій домъ, и никимъ же отъ вельможъ не прерѣкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ» и т. д. Краткость рѣчи замѣчается особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ не прямо говоритъ о лицѣ или событіи, но намеками. Такъ напр. казначей Дѣвочкинъ, замысливъ измѣну, былъ «надеженъ на подручныхъ, яко по забраломъ ходя высоко радовашеся...» Авторъ намекаетъ здѣсь на воеводу Голохвастова и другихъ Троицкихъ ратниковъ, замыслившихъ измѣну. Или еще: въ числѣ причинъ, побудившихъ Тушинскаго Самозванца дозволить осаду Троицы, было то, что Троицкія власти «печатлѣютъ всяко писаніе съ лестьми глаголюще: да сохранятъ убо васъ всегда молитвы великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона». Авторъ здѣсь высказываетъ мысль, что еще до осады монастыря Троицкія власти разсылали грамоты по городамъ и своимъ вотчинамъ, убѣждая жителей не покоряться Самозванцу, а служить и прямить царю Шуйскому. Указанная краткость рѣчи, равно подчиненность автора Сказанія общей манерѣ литературнаго писательства своего времени (фразеологіи) дѣлаютъ то, что для современнаго читателя языкъ и выраженія Палицына въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ непонятны. Описывая цынгу въ осадѣ, Палицынъ говоритъ о больныхъ, что въ тѣлѣ ихъ «черви велицы *гмызяху* (въ другой рукописи «мизя-

*) Опытъ Истор. Словаря о Рос. писателяхъ Н. Новикова. 158—159.

ху»), т. е. вили себѣ гнѣзда. Къ Москвѣ были отправлены изъ Лавры «три мниха: подъ двѣма лошади кари, а подъ третіимъ *стреката*». Около воротъ Троицкаго Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ собралась толпа съ цѣлью узнать отъ пріѣхавшихъ изъ Лавры, что̀ тамъ новаго. Слуги монастырскіе спрашивали собравшійся народъ: «что *гонку* много дѣете?» (въ другой рукописи: «что толку многу молвите?»), т. е. зачѣмъ попусту толпитесь и кричите? и т. д. Къ недостаткамъ слога Палицына слѣдуетъ отнести и тѣ мѣста, гдѣ авторъ не стѣсняется въ выраженіяхъ.

Отмѣченные недостатки изложенія Сказанія съ избыткомъ выкупаются положительными достоинствами языка этой книги. Въ большей части случаевъ слогъ Палицына силенъ и выразителенъ, простъ и конкретенъ, краснорѣчивъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и разнообразенъ, хотя и своеобыченъ. Нѣтъ надобности приводить доказательствъ въ подтвержденіе сказаннаго: читатель встрѣчается съ ними на каждой страницѣ Сказанія. Составители педагогической исторической хрестоматіи гг. Гуревичъ и Павловичъ, желая познакомить съ обстоятельствами, предшествовавшими осадѣ монастыря, сочли за лучшее помѣстить въ своей книгѣ въ Русскомъ переводѣ отрывки изъ Сказанія Палицына [1]). Историкъ г. Соловьевъ, излагая причины смуты, пользуется Сказаніемъ какъ главнымъ матеріаломъ не только при вопросѣ о значеніи казачества въ смутѣ, которое онъ описываетъ по лѣтописи Палицына, но и вообще при изложеніи нравственнаго состоянія общества; тоже дѣлаетъ г. Соловьевъ и при описаніи Тушинскаго лагеря, приводя буквально цѣлыя страницы изъ Сказанія въ Русскомъ переводѣ [2]). Все это указываетъ на то, что литературныя достоинства Сказанія Палицына не утратили своего значенія въ настоящее время. Что же касается до современниковъ и ближайшихъ потомковъ Палицына, то среди нихъ Сказаніе было широко распространено: это была любимая книга нашихъ предковъ, что̀ доказывается обиліемъ сохранившихся до нашего времени рукописныхъ экземпляровъ Сказанія какъ въ цѣломъ видѣ, такъ и въ сокращенной передачѣ хронографовъ.

И не одни только литературныя достоинства Сказанія завоевывали, конечно, симпатіи образованныхъ Русскихъ людей къ этой книгѣ. Въ общемъ она представляетъ изъ себя стройное и цѣлое изложеніе смутной эпохи отъ ея начала и до конца съ возможнымъ объясненіемъ причинъ и слѣдствій описываемыхъ фактовъ. Разсудительный авторъ,

---

[1]) Истор. хрестом. по Русск. Исторіи, т. II, стр. 251—254.

[2]) Солов. т. VIII, стр. 62—64; 73—74; 226—229 и др.

задавшись преимущественно цѣлію изобразить осаду монастыря, предпосылаетъ этому изображенію обширное введеніе, въ которомъ излагаетъ событія времени царствованія Ѳеодора, Бориса, Растриги и Шуйскаго. Здѣсь онъ ищетъ причинъ смуты; при этомъ указываетъ, съ одной стороны, согласно со всѣми тогдашними лѣтописцами, на насильственное прекращеніе законной династіи, на голодъ и моръ предшествовавшіе смутѣ, на самовольный захватъ царства Борисомъ, на появленіе Самозванца, на поддержку его Поляками и неправильное занятіе престола Шуйскимъ; съ другой—различно съ показаніями другихъ лѣтописей—Палицынъ говоритъ объ образованіи въ Сѣверной Украйнѣ казачества и его участіи въ смутѣ, о чрезвычайномъ развитіи рабства на Руси, о неправильномъ складѣ общественныхъ отношеній, о глубокомъ упадкѣ нравственности и искренняго благочестія въ населеніи. Даже и въ томъ случаѣ, гдѣ Палицынъ излагаетъ факты общіе согласно съ другими лѣтописями, его повѣствованіе отличается отъ послѣдующихъ болѣе тонкимъ анализомъ событія и, если не большею подробностью, но большею наблюдательностію автора и конкретностію изложенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать напр. разсказъ Палицына во II-й главѣ «о началѣ бѣды во всей Россіи», гдѣ идетъ рѣчь—«о гладѣ велицѣмъ и о мору на люди» и гдѣ изображается отношеніе Бориса къ несчастному населенію,—и сравнить этотъ разсказъ съ другими лѣтописями о томъ же предметѣ. Много новыхъ данныхъ вноситъ Палицынъ въ лѣтописный матеріалъ смутной эпохи, рисуя царствованіе Шуйскаго и бѣдствія, наносимыя Русской землѣ отъ Тушинцевъ (VI гл.). Только при чтеніи Палицына раскрывается предъ читателемъ страшная картина зла и бѣдъ междоусобной эпохи. «Кое зло не бысть надъ нами, кая бѣда? Кая напасть не покры насъ?» восклицаетъ Палицынъ, описывая царствованіе Шуйскаго. Настолько же послѣдовательно и оживленно ведется разсказъ, вслѣдъ за введеніемъ и объ осадѣ монастыря. Въ этой главной части своей книги Палицынъ выясняетъ причины осады, средства осаждавшихъ и обороны; сообщаетъ отдѣльные эпизоды битвъ и вылазокъ, происходившихъ подъ стѣнами монастыря; рисуетъ картину жизни осажденныхъ, ихъ надежды и отчаяніе, ихъ печали и радости, заботы и успѣхи; изображаетъ религіозно-нравственную настроенность обители; указываетъ на «преступныя козни врага», его замыслы и усилія, заканчивая свой разсказъ указаніемъ на помощь, поданную княземъ М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ, и на то возмездіе, которое послѣдовало со стороны царя. Изъ возможно полнаго описанія краснорѣчиваго автора Сказанія мы узнаемъ, что Троицкая осада была героическою

борьбою оборонявшихся, полною высокихъ доблестей, предъ которою блѣднѣютъ подвиги Севастопольцевъ.

Ярко и съ особенною силою убѣдительности описываетъ Палицынъ и послѣдній актъ кровавой драмы—время междуцарствія и освобожденія земли. Въ этой третьей части книги въ послѣдовательномъ разсказѣ проходятъ предъ читателемъ событія: сверженія Шуйскаго съ престола, посольства подъ Смоленскъ, разрушенія Москвы Поляками, разсылки Троицкихъ грамотъ, собранія Ляпуновскаго ополченія, возбужденія возстанія въ Нижнемъ, освобожденія Москвы отъ Поляковъ и избранія Михаила.

Но и этимъ еще не заканчиваетъ Палицынъ свой разсказъ о смутѣ. Идетъ далѣе рѣчь о нашествіи Владислава. Панъ-королевичъ, въ 5-й годъ царствованія Михаила, поздно хватился силою оружія воротить обѣщанныя боярами права на Московское царство. Потерпѣвъ неудачу подъ Москвою, Владиславъ пошелъ на зимнія квартиры къ Троицѣ, можетъ быть въ надеждѣ на ласковый пріемъ друга-келаря, какъ будтобы сторонника; но здѣсь, разсказываетъ Палицынъ, Владиславъ встрѣченъ былъ пушками со стѣнъ монастырскихъ, почему и отошелъ отъ Троицы. Неудача похода заставила Владислава искать мира, который и заключенъ былъ въ 4-хъ верстахъ отъ Лавры, въ деревнѣ Деулинѣ. На этомъ историческомъ мѣстѣ келарь Палицынъ съ полнымъ сознаніемъ значенія пережитой эпохи, «по обѣщанію своему» воздвигъ памятникъ избавленія отъ смуты—храмъ во имя заступника Русской земли Преподобнаго Сергія *).

Сказаніе заканчивается авторскою исповѣдью Палицына, въ которой онъ отдастъ на благосклонный судъ читателей свой трудъ, прося ихъ въ тоже время размыслить, внимательно подумать о смутѣ. «И нынѣ братія», заключаетъ Палицынъ, «отверземъ умныя зѣницы сердца своего и искусно разумѣемъ, чесо ради быша намъ вся сія наказанія отъ Бога».

Такъ Сказаніе Палицына своимъ цѣльнымъ изложеніемъ эпохи смуты уясняетъ намъ ея причины, ходъ и конецъ. Смута случилась отъ того, что убитъ былъ царевичъ Димитрій. «Се первый грѣхъ да разумѣется; тоже по семъ и другій», и третій, и четвертый и т. д. безъ конца. Иначе сказать, началась трагедія отъ того, что порвалась та хирургическая повязка, которая, по справедливому замѣчанію историка Соловьева (XIII т.) связывала разслабленные члены Рус-

*) Храмъ существовалъ до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія. Отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ церковь сгорѣла.

скаго организма. А другихъ связей не было: работа Московскихъ князей династіи Калиты создала только одно убѣжденіе въ населеніи, что царь—все въ гражданскомъ смыслѣ. Не стало законнаго царя, и началось ужасное кровоизліяніе. Произошелъ самый дикій, звѣрскій бунтъ, въ которомъ дѣйствовали одни разнузданныя животныя страсти. Палицынъ говоритъ, что въ тѣ дни было одно безсмысленное, безцѣльное избіеніе людей, Вандальское истребленіе имущества; люди обезумѣли отъ зла и крови; шатались какъ звѣри; власть правила незаконно и неумѣло, прибѣгая къ дикой тираніи; религія топталась въ грязь; чувства патріотизма исчезли; свои были хуже чужихъ; не было ни чести, ни правды, ни закона, ни порядка, ни совѣсти, ни разумѣнія, ниже другаго какого-нибудь добраго нравственнаго инстинкта, кромѣ племеннаго, который бы лежалъ въ основѣ связей общественныхъ и гражданскихъ. Вотъ почему, когда не стало законнаго царя, граждански-неразвитое общество не въ иной какой либо формѣ могло выявить свои соціальныя стремленія, какъ въ формѣ самозванныхъ соціальныхъ царей, кажется, казацкаго—Отрепьева, боярскаго—Шуйскаго, черни—Тушинскаго, спеціально-казацкаго—Псковскаго. Самозванство—болѣзнь Русской исторіи; это своеобразное заявленіе народомъ своихъ правъ. Вотъ почему, когда увлекаемое соціальною борьбою «седмочисленное» правительство бояръ готово было отдаться католическому Сигизмунду, энергично на защиту Православной вѣры въ родной землѣ возстала церковь, задачи служенія которой общеземскія. Вотъ почему, когда избранъ былъ всенародный царь, вѣроятно не безъ участія церкви, смута прекратилась, не оставивъ послѣ себя никакого другаго значенія, кромѣ страшнаго экономическаго потрясенія. И по времени смута, какъ глубокая язва на тѣлѣ народномъ, заживала, изрѣдка впрочемъ, вспыхивая, когда рану бередили.

«И гдѣ суть», восклицаетъ Палицынъ, заканчивая изображеніе картины смуты при царѣ Василіѣ, „и гдѣ суть, яже не оскверниша ся святыя церкви и Божія образы *)? Гдѣ иноцы многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе? Гдѣ инокини, невѣсты Христовы, добродѣтельми украшенныя? Гдѣ всякое благолѣпіе Россійское? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли горькими и лютыми смертьми скончаша ся? Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работныя чади Христовы? Не все

*) „Токмо иже въ вѣрѣ крѣпко стоящихъ и не давшихъ входу врагомъ Божіимъ и еретикомъ“—добавилъ Палицынъ въ бѣловомъ текстѣ Сказанія, искусно намекая на осаду Троице-Сергіевой Лавры.

ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведени быша? Не пощадѣша бо престарѣвшихся возрастомъ, не устрашишася сѣдинъ старецъ многолѣтныхъ и ссущіе млеко младенцы вси испиша чашу ярости гнѣва Божія! О, ненасытиміи имѣніемъ и въ протчихъ злыхъ возрастшіи? Помянемъ сія и перестанемъ отъ злыхъ, научимтеся добро творити! Видите общую погибель смертную и гонзит [1]) сихъ, да и насъ самихъ тояжде не постигнетъ лютая смерть».

Итакъ, отмѣчая одни выпуклыя, типическія черты Сказанія, слѣдуетъ придти къ выводу, что Сказаніе Палицына—исторія, а не эпопея; исторія, какой и естественно было явиться въ началѣ XVII св. при томъ состояніи историческаго самосознанія и условіяхъ просвѣщенія, какія господствовали въ то время. Сказаніе нельзя назвать и лѣтописью; въ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, такъ или иначе сцѣплявшихся между собою, Палицынъ старается подмѣтить основаніе послѣдующихъ и объяснить ихъ изъ предыдущихъ. Правдиво замѣчаетъ г. Кояловичъ, что Сказаніе Палицына есть самое выдающееся прагматическое произведеніе Русской исторической литературы XVII в. «Здѣсь мы видимъ», говоритъ г. Кояловичъ, «цѣльное изображеніе историческаго движенія Русской жизни отъ начала и до конца смутнаго времени; видимъ въ авторѣ ясное народное сознаніе и сознаніе значенія для будущаго времени его труда; наконецъ, видимъ твердые пріемы изложенія, давно вырабатывавшіеся на Руси, особенно въ житіяхъ XVI-го вѣка» [2]). Эта исторія достовѣрна на столько, на сколько безошибочны личные взгляды автора; преднамѣреннаго искаженія истины, завзятой лжи—въ ней нѣтъ. Языкъ этой исторіи большею частью конкретенъ, по мѣстамъ силенъ и выразителенъ, хотя для современнаго читателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непонятенъ. По своему цѣльному представленію событій описываемой эпохи, сравнительному глубокомыслію автора, оживленному и характеристичному изображенію эпизодовъ смутнаго времени, краснорѣчивому слогу и своеобразному языку — книга Палицына одна изъ лучшихъ начала XVII в. Въ ней видѣнъ авторъ начитанный, поэтически настроенный и восторженный, тонко понимавшій лица и обстоятельства своего времени, можетъ быть черезъ чуръ гнѣвный обличитель нравовъ описываемой эпохи, благоговѣйно созерцающій въ естественныхъ фактахъ пути промыслительной дѣятельности Божіей, хотя и нечуждый недостатковъ своего времени.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Сказаніе Палицына, при изученіи событій эпохи смутнаго времени, должно имѣть бóльшее значеніе,

---

[1]) Бѣгите, опасайтесь...

[2]) Исторія Русскаго самосознанія, стр. 83.

чѣмъ какое придаютъ ему. Обыкновенно Сказаніемъ пользуются только какъ лѣтописнымъ матеріаломъ и послѣ 1842 г., со времени критики его г. Голохвастовымъ въ «Замѣчаніяхъ объ осадѣ», съ большою осторожностію. «Тѣмъ не менѣе», говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ, «книга Палицына очень важна по многимъ своимъ показаніямъ и по умному, оживленному изображенію обстоятельствъ, способствовавшихъ успѣху Самозванца» *). Но значеніе Сказанія Палицына не исчерпывается только этимъ. Все дѣло въ томъ, что Палицынъ былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ людей своего времени, участникомъ и очевидцемъ событій описываемой имъ эпохи, лицомъ, стоявшимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ государями, и въ непосредственныхъ съ главными дѣятелями эпохи смутнаго времени. Отсюда естественно, что у Палицына мы встрѣчаемъ описаніе такихъ событій, которыхъ нѣтъ у другихъ лѣтописцевъ того времени; событій секретныхъ, домашнихъ, которыя доступны были знанію Палицына. Напримѣръ, изъ всѣхъ лѣтописцевъ Палицынъ одинъ только говоритъ, что убіеніе царевича Дмитрія совершилось не по причинѣ одного только властолюбія Бориса и не однимъ имъ. Тоже должно сказать относительно сужденій Палицына о Шуйскомъ, Пожарскомъ и пр. Одинъ онъ говоритъ, что «посольство къ королю Польскому бездѣльно бысть». Иногда и самъ Палицынъ, какъ видно, стѣснялся высказать сущую правду, хотя и жилъ, повидимому, во время безцензурное. На это указываютъ недомолвки, сдѣланныя имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сказанія. Напримѣръ о Шуйскомъ: «образъ сея лютости и безчеловѣчія не невѣдомъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Эти недомолвки могутъ послужить къ освѣщенію факта по снесеніи ихъ съ другими лѣтописными извѣстіями того времени. Это потому, что очень нерѣдко подъ кудреватой фразой Палицына скрывается больше мыслей, чѣмъ сколько въ ней можно находить при бѣгломъ прочтеніи его книги. По всему этому, Сказанію «разсмотрительнаго старца-келаря» слѣдуетъ больше довѣрять, чѣмъ сколько ему вѣрятъ на дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что и при изложеніи событій Палицынъ является возможно-правдивымъ и искреннимъ лѣтописцемъ. А на сколько опытный старецъ-келарь хотѣлъ скрыть отъ потомства подлинную правду, объ этомъ онъ и самъ говоритъ, замѣчая въ одномъ мѣстѣ Сказанія: «Много же и ина злая, еже въ насъ содѣяся, ихже немощно исписати, ни изглаголати продолженія ради слуха немощнымъ и забытія».

С. Кедровъ.

Саратовъ.
1885 г.

---

*) Русская Исторія, стр. 53.

ПРАВДА О ЛЖЕДИМИТРІИ. *)

Вопросъ о томъ, кто наслѣдуетъ Московскій престолъ послѣ бездѣтнаго Өеодора занималъ еще въ самое его царствованіе не только Русскихъ людей, но и сосѣднія государства. Польша, еще въ это время, выказывала съ своей стороны большую заинтересованность этимъ дѣломъ; Крымцы, сейчасъ по полученіи вѣсти о смерти Өеодора, заподымались на Москву походомъ. Ожидалось непремѣнныхъ смутъ въ Россіи по пресѣченіи многовѣковой, національной Рюриковой династіи.

Ко всеобщему удивленію, безъ всякихъ потрясеній въ государствѣ, избранъ на царство Борисъ. Въ извѣстіяхъ того времени намекается при этомъ, правда, на оппозицію со стороны бояръ; но порывъ народа былъ единодушный. Борисъ сдѣлался царемъ Россіи, такъ-какъ Богъ «въ немъ, въ царскомъ шуринѣ и его ближнемъ пріятелѣ, оставилъ единаго, истиннаго правителя Россійскому государству, а при государѣ князѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ онъ же правилъ», или, по выраженію князя Оболенскаго, въ рѣчи князю Пожарскому «послѣ Өеодора всѣ единомышленно всею землею изобрали на государство Бориса Өеодоровича Годунова, *по его въ Россійскомъ государствѣ правительству*».

---

*) Авторъ этой статьи, *Николай Михаиловичъ Павловъ*, помѣстилъ ее въ газетѣ И. С. Аксакова „*День*“ 1864 года подъ своимъ обыкновеннымъ псевдонимомъ *Н. Бицынъ*. Мы ее издаемъ теперь съ первоначальнаго текста, который, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, былъ нѣсколько переиначенъ; притомъ съ *Послѣсловіемъ* отъ автора, написаннымъ собственно для нашего изданія. Долгомъ считаемъ при этомъ исправить ошибку, вкравшуюся въ 12-й нумеръ *Историческаго Вѣстника* за 1885 г., гдѣ *Н. Бицынъ* отнесенъ къ числу умершихъ въ 1882-мъ году писателей. Тамъ справедливо обозначено только одно, что подъ псевдонимомъ *Н. Бицынъ* появились: „Слово о Полку Игоревѣ“ въ Русск. Вѣстникѣ и тамъ же: повѣсть „Конецъ впереди“, разсказъ „Умъ - ли это?“, историческая повѣсть „Царскій Сокольникъ“; „Смута“ народная быль, наконецъ въ Русскомъ Архивѣ „Замѣтка о Польскомъ катехизисѣ“. Все остальное и неполно, и невѣрно. Подъ тѣмъ же псевдонимомъ были напечатаны: „Годы въ . школѣ“ въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. и, вовсе опущенная въ перечнѣ, „Правда о Лжедимитріи“, издаваемая нами теперь. Само собою разумѣется, что и напечатанныя у насъ же, въ Русск. Архивѣ. „Воспоминанія о К. С. Аксаковѣ“ подъ тѣмъ-же псевдонимомъ *Н. Бицынъ*, вовсе не составляютъ посмертнаго произведенія. Ошибка произошла оттого, что библіографъ смѣшалъ *Н. М. Павлова*, сына Московскаго профессора Михаила Григорьевича Павлова († 1840) съ Ипполитомъ Павловымъ, дѣйствительно умершимъ въ 1882-мъ г., сыномъ писателя же Николая Филипповича. Притомъ оба были сотрудниками газеты „Русь“; но подписывавшійся псевдонимомъ *Н. Бицынъ*, сколько намъ извѣстно, и всѣ свои статьи въ „Руси“, согласно принятому псевдониму, обозначалъ иниціалами *Н. Б.*—подпись, постоянно встрѣчавшаяся въ газетѣ „День“, а послѣ ея прекращенія изрѣдка и въ другихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ въ семидесятыхъ годахъ подъ „*Письмами къ публикѣ*“ въ Московск. Вѣдомостяхъ“. П. Б.

Со стороны народа было просто и естественно предлагать корону изо всѣхъ бояръ никому другому, какъ Борису. А самому Борису рѣшиться принять ее было затруднительнѣе, чѣмъ всякому другому: первый человѣкъ тогдашней Руси, Годуновъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ и понималъ тогдашнюю Русь; высота именно Русскаго престола должна была ужасать... Русскій царь, ничуть не походя на короля, выкрикнутаго сеймомъ (юридическое лицо съ временнымъ юридическимъ значеніемъ) весь былъ, по національному представленію, лицо бытовое, апотеозъ страны и народа. Въ періодѣ ли самой крѣпкой національности, на смѣну-ли Васильевъ и Іоанновъ, могъ вчерашній *слуга*, наконецъ (въ виду Рюриковичей), потомокъ Татарина, принять престолъ также спокойно, какъ на поклонъ сосѣда отвѣтить поклономъ?

Бывъ притомъ въ постоянномъ антагонизмѣ съ боярами, чего долженъ былъ напередъ себѣ ожидать Годуновъ отъ этихъ «вѣрныхъ слугъ государевыхъ» какъ не того одного, что подставятъ поперекъ ногу? Прошлое его возвышеніе при Өеодорѣ, *бывъ по самой силѣ вещей оттѣсненіемъ всѣхъ ихъ на задній планъ*, давало ему не колеблясь угадывать, что ничье имя, увѣнчанное теперь царскимъ титуломъ, не раздражитъ столькихъ самолюбій и не расшевелитъ столько зависти, какъ его имя. Первый, самъ онъ не забылъ, конечно, и того, что ужъ и до сего времени довольно противъ него выказано злобы. Его щедрость и ласковость къ народу перетолкованы въ заискиванье популярности; всегдашняя, напротивъ, его враждебность къ инстинктамъ черни: его обычай брить бороду, его любовь къ иностранцамъ и къ западной наукѣ давно возведены въ «новшество» и въ желаніе искоренять духъ народный; наконецъ, вся его умная, блестящая дѣятельность и чудныя государственныя способности уже были не разъ обозваны злымъ властолюбіемъ и именно заблаговременными происками даже престола.

Въ добавокъ ко всему: видъ этого престола, стоявшаго празднымъ лишь за роковой кончиной, тому семь лѣтъ, Димитрія въ Угличѣ, царевичева смерть «отъ ножа», съ перваго же мига давшая и неизбѣжный поводъ къ глухому злорѣчію, притомъ исключительная полуцарская высота Бориса, естественно на него одного уже и притягивающая подозрѣнія, на него одного и наводящая удары молвы—вотъ трагизмъ Борисова положенія, и никто не понималъ того лучше самого Бориса, когда вся Россія предъ нимъ на колѣнахъ предлагала вѣнецъ и престолъ.

Однакожъ первые два года Борисова царствованія прошли славно и счастливо для Россіи. Не одинъ Крымскій ханъ, а какъ будто и всѣ ея «вороги», злорадостно ожидавшіе въ ней непремѣнныхъ смутъ по

кончинѣ Ѳеодора, были теперь изумлены благополучнымъ исходомъ кризиса и чего-то притаились. Сношенія съ иностранными землями, веденныя Борисомъ, составляютъ вообще блестящую страницу въ лѣтописяхъ Русской дипломатіи; а въ самомъ государствѣ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ современниковъ, въ эти первые два года Борисова царствованія, все стояло на высочайшей ступени благосостоянія и славы.

Съ 1600 года начинаются смуты.

Этотъ 1600 годъ имѣетъ важную, достойную изслѣдованія знаменательность въ исторіи Бориса. Событія, такъ страшно потомъ разыгравшіяся для него и цѣлой Россіи, едва примѣтными нитями уже связаны съ этимъ роковымъ годомъ; многія здѣсь таятъ свою необходимость. Что-то смутное и темное, чему еще сами современники не даютъ имени (но что̀ мы зовемъ интригой съ первымъ Джедмитріемъ), что̀ потомъ увеличено въ народѣ бѣдствіями незапамятно-голодныхъ годовъ 1602 и 1603, и другими обстоятельствами, содѣйствовавшими страшному броженію умовъ и всеобщей шаткости, начинается именно отсюда, и день ото-дня обнаруживается все ощутительнѣе.

Этимъ же 1600 годомъ помѣченъ въ хроникахъ и переворотъ въ Борисѣ.

Прежде о немъ всѣ единогласно свидѣтельствуютъ: отличался милостью, ласковостью, былъ доступенъ, никого не казнилъ смертью, искалъ искоренить взятки и водворить правду въ судахъ, заботился объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, правилъ съ удивительною мудростью, поставилъ Россію на такую ступень, что никогда еще она не была и такъ могущественна, и такъ облегчена въ податяхъ; онъ былъ мужъ чудный и сладкорѣчивый, свѣтлодушенъ, нищелюбивъ, онъ былъ всѣмъ любезенъ... И вдругъ по единогласнымъ же отзывамъ именно съ этого 1600 года, онъ-же, Борисъ становится непонятнымъ тираномъ. Вкрадывается подозрительность въ душу царя; онъ окружаетъ себя толпою тѣлохранителей, не оставляющихъ его даже при проходѣ въ церковь; онъ боится принимать пищу и во всемъ домашнемъ обиходѣ дѣлается осторожливъ; онъ силится проникнуть къ домашнему очагу своихъ подданныхъ, ищетъ вездѣ вызнать: какіе ходятъ слухи? о чемъ всѣ думаютъ, что̀ вездѣ говорятъ? наконецъ, всѣ дни занимается доносами, пытаетъ бояръ и ихъ слугъ, преслѣдуетъ и гонитъ. «Восхотѣвшу ему въ Московскомъ государствѣ все вѣдати, чтобы ничто у него утаено не было, и помышляше о семъ много: какъ бы, отъ кого бы вѣдати?» Этотъ поворотъ обыкновенно ставитъ въ тупикъ историковъ; для его объясненія съ самого начала присвоиваютъ Борису какой-то мелодраматическій характеръ. Разгадка очень проста.

Дѣло въ томъ, что именно съ этого, 1600 года, заслышиваясь то тамъ, то здѣсь, вдругъ начинаетъ всюду носиться въ воздухѣ вѣсть о Самозванцѣ, или—большая разница сказать это на тогдашнемъ языкѣ—громовая вѣсть о томъ, что *царевичъ Димитрій живъ.*

Главныя изъ событій этого 1600 года: дѣло Богдана Бѣльскаго, дѣло бояръ Романовыхъ и пріѣздъ въ Москву Литовскаго посольства съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгой. Разберемъ каждое, по одиночкѣ.

Бояре, враги Годунова, долго вели противъ него глухую, бездѣйственную борьбу; съ Бѣльскаго повелась она и явно. Ни въ чемъ не переча царю, вчерашнему своему равному, не выказываясь противъ него явнымъ враждебнымъ поступкомъ, бояре втихомолку подкапывались подъ самыя основы Борисова престола. Сѣянія подъ рукой злостныхъ слуховъ и вѣчно насмѣшливые намеки, кривыя перетолковыванья царскихъ стремленій, нелюбовь цѣлыми домами къ домамъ, бывшимъ у царя въ милости, полное нравственное разобщеніе и холодность съ преднамѣренной цѣлью—вотъ орудія тайнаго, нѣмаго боярскаго протеста, противъ котораго во всѣ времена правительство бываетъ безсильно бороться и не въ состояніи даже явно уличить его, именно за его, скорѣе фамильярный, чѣмъ оффиціальный характеръ. Съ Бѣльскаго эта борьба вышла наружу.

Обличеніе въ lèse-majesté застаетъ этого боярина уже въ Борисоградѣ; но еще и самая его ссылка въ эту степную мѣстность была началомъ опалы. За что̀ онъ былъ туда сосланъ, неизвѣстно для самихъ современниковъ. Полная неизвѣстность хорошо даетъ угадывать, что съ его стороны не было прямаго беззаконнаго поступка, гласность котораго для самого правосудія была бы выгодна. Это просто былъ безпокойный человѣкъ, и въ той глухой, скрытной борьбѣ, въ томъ постоянномъ нѣмомъ протестѣ, неухватимомъ для правосудія, которые велись противъ Бориса боярами, царь больше всего отъ него терпѣлъ выходокъ. Его сослали въ Борисовъ, но подъ предлогомъ постройки тамъ крѣпости, и слѣдовательно, прямой опалы тутъ не было, казни еще менѣе. Гордый бояринъ тѣмъ не унялся и самую свою ссылку обратилъ въ шумную демонстрацію. Онъ выѣзжалъ въ ссыльное мѣсто, какъ бы на почетнѣйшее назначеніе; множествомъ подводъ, всякаго запаса и великихъ богатствъ, отправлявшихся съ нимъ въ степь, многолюдными толпами слугъ, которыхъ онъ бралъ съ собою, помимо стрѣльцовъ и казаковъ, отправленныхъ туда для водворенія, всѣмъ своимъ великолѣпнымъ поѣздомъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на толпу. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ началъ сооружать укрѣпленія руками одной собственной дворни. Уже только выведя башню и городки, онъ призвалъ все войско къ работѣ и сталъ задавать ежедневные

пиры на весь міръ. Онъ кормилъ и поилъ отъ себя всѣхъ неимущихъ, раздавалъ еще деньги, платья и всякіе запасы. Слава о его пирахъ гуломъ домчалась до Москвы; сами ли по себѣ, поощряемые ли тѣми, кому это было нужно, только стрѣльцы и на Московскихъ улицахъ начали величать Бѣльскаго. Самъ ли онъ, какъ увѣряютъ иные, говорилъ о себѣ: Борисъ царь на Москвѣ, а я въ Борисоградѣ; прельщенный ли имъ народъ позволялъ себѣ такое величаніе, — только Бѣльскій истинно получилъ видъ какого-то самодѣльнаго, *самозваннаго* (какъ его называетъ Бэръ) царя. По крайней мѣрѣ, Бѣльскій точно будто поставилъ себѣ какою-то задачей льстить инстинктамъ черни, прельщать толпу, стяжать славу популярнѣйшаго человѣка въ государствѣ. Къ этому примѣшалъ онъ и свою великую силу для подѣйствованія на народъ, темную темь фанатизма... Если тогдашній Московскій государь брилъ бороду и ославилъ себя любителемъ Нѣмцевъ, то, напротивъ того, окладистая борода «царя Борисоградскаго» была въ славѣ; о ненависти же его къ Нѣмцамъ и крѣпкомъ стоятельствѣ «за Русскій духъ» также давно было протрублено всему міру. Борисъ вдругъ поражаетъ поступкомъ, очевидно вызваннымъ всей страстностью его взволнованной души: Бѣльскаго привезли въ Москву въ каторжномъ уборѣ; Борисъ призвалъ цирюльника Габріеля и велѣлъ этому Нѣмцу по волоску выщипать всю длинную густую бороду «царя Борисоградскаго». Въ выходкѣ боярина Борисъ, очевидно, узналъ черты самаго стариннаго и заклятаго своего врага.

Этотъ врагъ, котораго, безъ сомнѣнія, еще въ страшную для себя минуту избранія, Борисъ съ ногъ до головы долженъ былъ измѣривать очами, конечно не состоялъ лично изъ того или другаго боярина, изъ того или другаго жителя Сѣверской украйны или Алексина. Общее грубое невѣжество вѣка, дикое и темное, возводившее на Бориса тучу клеветъ, въ родѣ тѣхъ, что онъ напримѣръ «поджигалъ Москву» или «наводилъ Крымскаго хана»—вотъ съ чѣмъ постоянно приходилось ратовать Борису. Условія того времени, въ силу которыхъ любовь къ образованности дѣйствительно еще совпадала съ предпочтеніемъ иноземцевъ, а желаніе искоренять грубые нравы дѣйствительно почти соприкасалось съ ненавистью къ внѣшней сторонѣ Русской народности—дѣлали роковымъ положеніе Бориса.

Вспомнимъ, что самого Ивана Грознаго толпа величала Англичаниномъ, и посла, пріѣхавшаго изъ Англіи для сватовства, провожала во дворецъ чуть не свистками. Каково жъ могло быть положеніе на престолѣ выскочки-Годунова, этого отчаяннаго любителя Нѣмцевъ, и съ этимъ же его «новшествомъ», говоря языкомъ раскольниковъ! Въ чемъ бы, впрочемъ, ни заключалась крамола Бѣльскаго, ясно одно:

въ его смутномъ дѣлѣ проглянули несомнѣнныя черты потомъ разразившейся смуты, возбужденіе народныхъ страстей противъ Бориса, и какъ бы уже выкинуто знамя *національнаго царя.* Одно достовѣрно: Бѣльскій—другъ и сторонникъ Романовыхъ. Вслѣдъ за его дѣломъ открывается и ихъ дѣло, открывается цѣлый обширный ковъ въ самой столицѣ. Въ дѣлѣ бояръ Романовыхъ уже гораздо болѣе обнаруживается солидарности съ заготовляющимся явленіемъ Самозванца.

Эта родовитая семья изначала соперничала съ Годуновымъ; она собирала вокругъ себя многочисленныхъ родственниковъ, князей Черкаскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестуновыхъ и другихъ, одинаково не терпѣвшихъ Бориса. Не надо забывать, что именно старшій изъ Романовыхъ былъ и самъ претендентомъ въ цари, наравнѣ съ Борисомъ. Легенда, что ему Ѳеодоръ завѣщалъ свой престолъ при смерти, положеніе, которое занимаетъ его семья при Жолкѣвскомъ и множество другихъ обстоятельствъ доказываютъ это. Въ чемъ собственно заключалась вина Романовыхъ, чѣмъ именно такъ страшенъ показался Борису ихъ замыселъ—этого легко, можетъ быть, дò-пряма и не знали современники; но что на нихъ положена опала не безъ поводу, въ этомъ всего лучше убѣждаютъ сами Романовы, говоря, что они *погибли отъ своей же братьи бояръ*, и что *бояре*, *ихъ великіе недруги, наносили на нихъ государю.* Къ тому же, въ самомъ судѣ, рѣшавшемъ ихъ участь, присутствовали, какъ извѣстно, не одни только доброжелатели Годунова. Если же упрекъ ссыльныхъ чѣмъ-нибудь и справедливъ относительно всего безъ исключенія боярства, такъ тѣмъ развѣ, что, охотно раздѣляя ихъ тайные замыслы, многіе сейчасъ выдали ихъ головами, едва грянула буря. Эти многіе бояре, едва козни обнаружились, сейчасъ отступились отъ Романовыхъ, прикрывая шумомъ своего негодованія собственное съ ними сообщество.

Обильный свѣтъ проливаетъ на загадочное дѣло Романовыхъ разсмотрѣніе бумагъ, дошедшихъ до насъ, объ ихъ ссылкѣ и ихъ опальной жизни. Къ сожалѣнію, это дѣло допущено въ печать съ великими пропусками; во многихъ мѣстахъ поставлены многоточія съ лаконическою надписью: «за ветхостью не разобрано»; а между тѣмъ не безъизвѣстно, что особенныхъ ветхостей нигдѣ нѣтъ.

Изъ бумагъ очевидно, что, удаляя и разсѣвая по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ бояръ Романовыхъ, князей Черкаскихъ и другихъ съ ихъ женами и дѣтьми, вовсе не того хотѣлось правительству, чтобы ихъ мучили и пытали: вездѣ поразительная забота, чтобъ имъ не было худа. А правительство главнымъ образомъ боится какихъ-то слуховъ и толковъ, распространенія которыхъ непремѣнно ждетъ отъ своихъ подсудимыхъ; оно запугано, наконецъ, ихъ тайными сносами и ссылками

съ кѣмъ-то. Въ высшей степени знаменательны эти частыя предостереженія и опасенія о тайныхъ сносахъ, которыми сплошь переполнено все дѣло Романовыхъ и, собственно говоря, изъ нихъ однихъ и состоитъ оно. Не приводимъ доказательствъ; пришлось бы выписывать все дѣло.

Иногда даже царскія бумаги какъ бы прямо высказывали, что вся цѣль именно въ арестѣ, а не въ чемъ другомъ: «а ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ-Новгородѣ къ князю Ивану (Черкаскому) и къ Ивану (Романову) береженье держати великое, чтобъ одинаково имъ ни въ чемъ не было никакой нужды и жили бы они и ходили просты (безъ оковъ); а того-бъ берегли крѣпко, чтобъ къ князю Ивану и къ Ивану и къ сосѣдямъ ихъ никто не подходилъ и не разговаривалъ съ ними ни о чемъ, и письма̀-бъ никакого-бъ не поднесъ». Когда приставъ, донося о Ѳеодорѣ Никитичѣ, заключенномъ въ Сійскомъ монастырѣ, спрашивалъ: какъ быть при многолюдствѣ въ томъ монастырѣ всякихъ прохожихъ (иные изъ разныхъ городовъ приходятъ сюда на житье, другіе только помолиться чудотворцу) и для остереженія не запретить ли всѣмъ входъ въ монастырь? отвѣчено въ томъ же духѣ: еслибъ захотѣлъ даже заточникъ стоять на клиросѣ, и ты бъ ему на клиросѣ стояти позволилъ, только бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривалъ; а которые люди учнутъ въ монастырь приходить молиться, прихожіе или тутошніе крестьяне и закладчики, и ты-бъ въ монастырь молиться всякихъ людей въ церкви пущати велѣлъ, только того смотрѣлъ накрѣпко, чтобъ къ измѣннику къ келіѣ никто не подходилъ и съ нимъ ничего не говорилъ и письма ни отъ кого не подносилъ и съ нимъ не ссылался».

Въ заключеніе, приставамъ постоянно предписывалось доносить о всякомъ словѣ, которое проговорятъ заключенные; особенно же вмѣнялось въ обязанность стараться проникнуть въ ихъ тайныя бесѣды и вкрадываться въ ихъ мысли. Одинъ изъ приставовъ, бывъ самъ неграмотенъ, обращался по этому поводу къ государю, чтобъ выслали ему надежнаго таковскаго человѣка: безъ того онъ въ затрудненіи, какъ выполнить, что велѣно ему «къ тебѣ къ государю писати *про твои тайныя государевы дѣла*, что̀ проявятся отъ твоего государева злодѣя и измѣнника?»

Послѣдовавшія событія и пристальныя соображенія тогдашней минуты одни приподнимаютъ завѣсу съ этихъ *тайныхъ государевыхъ дѣлъ*. Прежде всего должно замѣтить, что имя Гришки Отрепьева—имя столь громкое отсюда черезъ два года—связано съ самаго начала съ именами подсудимыхъ. Гришка Отрепьевъ, прежде чѣмъ уйти въ монастырь, укрывался во дворѣ князя Черкаскаго и боярина Романова:

первое на него подозрѣніе Бориса именно и вызвано его укрывательствомъ на Варваркѣ въ палатахъ Романовыхъ. Драгоцѣнно въ связи съ этимъ свидѣтельство Маржерета, что пытки и доносы, къ которымъ Борисъ приступилъ будто по какому-то необъяснимому поводу, начались именно отъ «распространившихся въ народѣ слуховъ о живомъ Димитріи». Въ эту же пору, то-есть, когда судились Романовы—какъ онъ же свидѣтельствуетъ—Мареа, Димитріева мать, была удалена изъ Москвы верстъ за шесть сотъ. Наконецъ, самъ Θеодоръ Никитичъ, въ инокахъ Филаретъ, явно подтверждаетъ собственными словами личную заинтересованность дѣломъ имѣющаго возникнуть Самозванца. Невольный постриженикъ (о чемъ доносятъ изъ Сійскаго монастыря въ 1605 году, то-есть, когда дѣло Самозванца находится уже въ полномъ разгарѣ) вдругъ повеселѣлъ: живетъ не по монастырскому чину, заговариваетъ про мірское житье, всегда невѣдомо чему смѣется, бранится съ приставленными къ нему старцами, хочетъ ихъ бить и все приговариваетъ: «увидите, каковъ я скоро буду!» Извѣстно, наконецъ, что самъ Борисъ Годуновъ, когда Лжедмитрій пошелъ на него войною, собравъ бояръ, объявилъ имъ прямо въ лицо, что Самозванецъ ихъ дѣло!

И такъ, въ чемъ бы ни заключалась агитація Московскихъ бояръ, правительство, какъ видимъ, не только не считаетъ возможнымъ дѣйствовать открыто противъ ихъ агитаціи, а еще вынуждено утаивать самыя причины, возбудившія его подозрѣнія. Милостивымъ характеромъ ссылки правительство явно обнаруживаетъ замыслы подсудимыхъ болѣе ужасные именно единодушіемъ родственниковъ, уничтожимые только разобщеніемъ главныхъ заводчиковъ, наконецъ, замыслы, болѣе опасные будущими какими-то грозившими послѣдствіями, чѣмъ личнымъ, уже совершеннымъ кѣмъ нибудь злодѣяніемъ. Прибавить къ этому, что годъ цѣлый прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ стало ходить, неизвѣстно кѣмъ пущенное въ ходъ, слово о Димитріи-царевичѣ, и что сама по себѣ эта глухая и странная вѣсть, заразъ пущенная и на Москвѣ, и на Украйнѣ, была надежнѣйшею въ ту пору агитаціей—и въ существованіи полной солидарности боярской крамолы съ слухами о живомъ царевичѣ не останется никакого сомнѣнія. (Между прочимъ, какъ уже мы сказали, еще глядѣли на старшаго изъ Романовыхъ, на Θеодора Никитича, какъ на законнѣйшаго, въ сравненіи съ Годуновымъ, «скиптроносца» и даже въ самомъ этомъ дѣлѣ могли хлопотать лично о немъ: не даромъ онъ и постриженъ сейчасъ же Борисомъ въ монахи).

Третье изъ главныхъ событій смутнаго 1600 года, какъ мы сказали, пріѣздъ въ Москву канцлера Льва Сапѣги. Проглядываютъ и въ

этомъ посольствѣ не менѣе знаменательныя черты какой-то солидарности съ заготовляющейся интригой.

Сапѣга пробылъ въ Москвѣ съ Октября 1600 года до Августа слѣдующаго 1601 года: то самое время, когда судились и ссылались Романовы, когда, не опредѣляя сущности ни доносовъ, ни крамолы, всѣ однакожъ на перерывъ другъ передъ другомъ свидѣтельствуютъ, что настала какая-то непонятная тревога въ государствѣ, зачиналась великая смута. Доносили попы и монахи, пономари, просвирни другъ на друга, жены на мужей (и послѣдніе, ужасаясь, таились уже отъ женъ), дѣти на отцовъ; производились пытки, казни и заточенія. Искусный Литовскій дипломатъ имѣлъ полный досугъ кое-что высмотрѣть за это время. Былъ ли онъ дѣйствительно, какъ склонны полагать иные, прямымъ агентомъ Польскихъ тайныхъ заводчиковъ интриги съ Самозванцемъ, или же они только таинственно скрывались въ нѣдрахъ его посольства, но тò одно достовѣрно, что начинавшаяся шаткость Борисова престола при всеобщемъ волненіи умовъ, ненависть къ нему главныхъ бояръ, ихъ ропотъ противъ его жестокостей, всеобщее недоумѣніе въ людяхъ, порожденное страшною вѣстью о живомъ Димитріи и дальновидныя предположенія самихъ Русскихъ по этому поводу, зорко были высмотрѣны самимъ канцлеромъ и не безъ плода должны были представляться ему въ самомъ близкомъ будущемъ. Замѣчательно, что появившійся Самозванецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣдовавшихъ манифестовъ, именно ссылался на Сапѣгино посольство. Тайно находясь среди его, онъ будто бы тогда уже съ печалью взиралъ на родную Москву, свою столицу. Не меньше замѣчательна и внутренняя сторона посольскихъ, цѣлый годъ тянувшихся, переговоровъ. Польша предлагала черезъ Сапѣгу вѣчный миръ Московскому государству; въ сущности же, это былъ іезуитами придуманный планъ религіознаго и государственнаго соединенія Россіи съ Польшей, никогда еще столь явно не направленный къ этой цѣли и никогда еще столь нагло не предложенный. Конечно, миръ съ такимъ іезуитскимъ оттѣнкомъ былъ сполна отклоненъ Русскими; не состоялось никакихъ рѣшеній и на счетъ Ливоніи и другихъ, вѣчно спорныхъ мѣстъ между нами и ими. Все ограничилось тѣмъ, что заключили на 20 лѣтъ перемиріе.

Никогда еще не происходило столь лютой и безпрерывной борьбы между Россіей и Польшей, какъ все это перемирное двадцатилѣтіе!

Приблизилось страшное время Борисова царствованія. Наступившій 1602 годъ безнадежно заволочилъ весь политическій горизонтъ Россіи. Съ него пошелъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій, пока ростущій гулъ недовольства, всеобщая шаткость и новыя сгущавшіяся бѣды въ конецъ не пошатнули государства. Къ бѣдамъ отъ злыхъ людей присоединились естественныя бѣдствія: сталъ въ Русской землѣ неза-

памятный, небывалый, трехлѣтній голодъ; открылся моръ. Для народа все это злополучное трехлѣтіе смѣшалось въ одинъ черный періодъ глухаго отчаянія. Всеобщее броженіе, свалки въ многочисленныя толпы и переходы изъ одного мѣста въ другое, составили цѣлую эпопею бѣдствій.

Были нѣкоторыя причины, придавшія тогдашнему злу еще соціальный характеръ. Помѣщики и дворяне, по случаю дороговизны хлѣба, стали отпускать толпами крестьянъ и дворовыхъ на волю, изъ чего возникли многіе безпорядки. Въ виду ихъ, шаткій законъ Өеодорова царствованія объ отмѣнѣ Юрьева дня былъ два раза поколебленъ въ это самое время. Какъ прежде законъ, такъ его теперешнія видоизмѣненія, не удовлетворяя ни крестьянъ ни помѣщиковъ, только пуще озлобляли всѣхъ противъ правительства. Много тогда-же слонялось безъ дѣла бывшихъ рабовъ Романовыхъ и другихъ опальныхъ бояръ: послѣ наказанія ихъ господъ они никѣмъ не принимались въ услуженіе. Какое было ихъ огромное множество, можно судить изъ того, что въ смутное время послѣдующихъ самозванцевъ, въ одной Тулѣ и Калугѣ, кромѣ всѣхъ остальныхъ воровъ, однихъ этихъ было захвачено до двадцати тысячъ.

Народное волненіе достигало своихъ крайнихъ предѣловъ; всѣ общественныя связи порушились. Было бы ужасно воскрешать раздирающую картину тогдашняго зла во всѣхъ подробностяхъ; ограничимся только однимъ образчикомъ. Показываютъ за достовѣрное, что въ одной Москвѣ отъ мора и голода погибло въ это трехлѣтіе до полмилліона человѣкъ. Допустимъ (примѣръ высшей смертности), что умирало по одному на десять, и тогда поразитъ цифра перебывавшаго въ столицѣ люда. Борисъ, какъ извѣстно, отворилъ было даровыя житницы для народа и скоро пришелъ въ ужасъ: села, области пустѣли, и все стекалось въ Москву. Онъ прекратилъ даровую раздачу: страшная хула тогда поднялась на царя. Бориса возненавидѣли и стали ему посылать проклятія тѣ, для кого не щадилъ ничего онъ въ собственномъ злополучіи. Рѣки милосердія, которыя онъ излилъ на народъ, обратились ему-же на погибель; все было теперь заглушено хулой этого самаго народа. Злополучіе, какъ извѣстно, преслѣдовало тогда Бориса и въ семейныхъ дѣлахъ; было ли это только злополучіе, не было ли тутъ чего похуже — это еще вопросъ. Изо всѣхъ дѣлъ и посольствъ за это время народъ живо запомнилъ пріѣздъ въ Россію Датскаго королевича Ягана. Это былъ женихъ Ксеніи; его полюбили всѣ, и даже въ народѣ. Уже назначенъ былъ день свадьбы, дѣлались послѣднія къ ней приготовленія. Борисъ, казалось, не могъ довольно нарадоваться на своего нареченнаго зятя; вдругъ онъ умираетъ. «Богъ казнитъ!» стали разглашать въ народѣ Борисовы враги; «само Небо обличаетъ

преступника!» Даже былъ распущенъ слухъ, что это самъ Годуновъ велѣлъ «отравить» отрока. Вскорѣ умерла нѣжно имъ любимая Ирина; стали его называть виновникомъ и сестриной смерти. Словомъ сказать, темная Украинская и Алексинская молва о наводѣ имъ самимъ Крымскаго хана, о поджигательствахъ Москвы для укрытія царевичева дѣла, уже заглушалась теперь страшною путаницей новораспущенныхъ обвиненій. Даже за двадцать лѣтъ назадъ стали на него оборачивать всякія преступленія, и въ самой смерти Ивана Васильевича обвиняли Бориса: вотъ откуда онъ проискивалъ себѣ престола! Онъ-же умертвилъ Ѳеодора, онъ только притворствовалъ тогда надъ его могилой! Онъ-же у Ѳеодора подмѣнилъ новорожденнаго сына дѣвочкой, да и ее умертвилъ! Самую любовь къ нему покойнаго государя истолковывали теперь волшебствомъ и нечистою силой: онъ давно водился съ волхвами, онъ колдовствомъ доискался престола, онъ тогда только отвелъ глаза всему народу... Молва, разносимая смущенными умами, закутывалась шире и шире въ сказочно-таинственные покровы; воображеніе мѣшалось. Гулъ народнаго недовольства смѣшивался еще со стонами умиравшихъ отъ грабежей и разбоевъ, всюду теперь обнаружившихся несмѣтно. Становилось ясно, что кто-то еще и мутилъ: въ украйныхъ городахъ, въ Сѣверѣ, на всемъ пограничьи съ Польшей, чернь начинала собираться въ огромныя свалки, подымалась цѣлыми массами... Оттуда доносился зловѣщій гулъ. Тамъ уже кипѣло, кѣмъ-то организованное въ большихъ размѣрахъ, повальное и никогда еще небывалое возстаніе.

Въ Январѣ 1604 года (значитъ, сообщаемое происходило еще въ 1603 г.), Іоаннъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна-мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, *находится у казаковъ* и старается овладѣть престоломъ; въ Россіи же страшное волненіе. Это во всѣхъ отношеніяхъ подозрительное письмо попалось въ руки Рускаго правительства; гонца задержали въ Иванъ-городѣ и прислали въ Москву. Въ этомъ же году и того же мѣсяца (слѣдовательно, опять самое дѣло происходило въ 1603 г.) Степанъ Годуновъ былъ отправленъ царемъ съ тайнымъ порученіемъ въ Казань и Астрахань; онъ съѣхался въ дорогѣ *съ казацкими шайками* и вмѣсто того, чтобъ выполнить свое порученіе, вѣроятно и касавшееся *казацкихъ смутъ*, едва спасся бѣгствомъ: эти свирѣпые воины, какъ ихъ называетъ Бэръ, шли къ Бѣлоруссіи, т. е. къ тогдашней Польской границѣ, на помощь «*прирожденному царевичу*»; они избили спутниковъ Степана Годунова, многихъ захватили въ плѣнъ и нѣсколькихъ отправили въ Москву къ Борису сказать, что будутъ скоро и сами въ столицу съ *Димитріемъ*.

Въ лѣто, предшествовавшее войнѣ съ Самозванцемъ, явилась на небѣ въ самый полдень необычайная комета; на нее не могли безъ ужаса глядѣть даже тѣ, которые хвалились своимъ невѣріемъ въ знамения. Прошелъ разсказъ по Москвѣ, что царь по этому поводу призывалъ къ себѣ одного Нѣмецкаго астролога и тотъ будто бы предрекалъ важныя бѣдствія всему государству. Между Татарами, проживавшими въ столицѣ, носилось какое-то прорицаніе, что скоро овладѣютъ Москвой многіе народы; явился между ними еще одинъ пророкъ, который прямо предсказывалъ лютое междоусобіе. Впрочемъ, не надо было и пророковъ, чтобъ по тогдашнимъ дѣламъ предсказывать это.

Вѣрнѣе прочихъ знаменій указывали уже на всеобщее разложеніе повсемѣстные разбои и именно дикія возстанія черни. Гнѣздомъ, откуда выползали эти «зміи», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, была все таже Украйна, стяжавшая себѣ за эту скорбную годину смутъ выразительное проименованіе «*прежденогибшей*».

Сволочь эта, подъ геройскимъ предводительствомъ Хлопки Косолапа, въ 1604 г. уже разбойничала въ виду столицы, заслонивъ къ ней всѣ дороги. Оскорбленный царь имѣлъ по этому поводу цѣлое совѣщаніе съ боярами; бояре все какъ-то отнѣкивались вступать въ бой съ такими партіями, отговариваясь дескать безчестіемъ драться съ ними; такъ или иначе, битвы съ ними до сихъ поръ самымъ подозрительнымъ образомъ всегда проигрывались. Царь выслалъ, наконецъ, противъ нихъ цѣлое войско, приставивъ къ нему Ивана Ѳедоровича Басманова. Воевода, едва вышелъ въ поле, сейчасъ и завидѣлъ ихъ сѣрыя толпы. Хлопко, въ этотъ послѣдній для себя день, дрался отчаянно. Битва долго колебалась въ пользу то тѣхъ, то другихъ. Басмановъ палъ; тогда его воины, отомщая смерть воеводы, всѣхъ воровъ перебили. Никто изъ нихъ не давался живымъ въ руки, рѣзня была ужасная; самъ Хлопко достался въ плѣнъ полумертвый и израненный по всему тѣлу. Его и сообщниковъ казнили,—единственный примѣръ смертной казни въ Борисово время! прибавляетъ современникъ. Замѣчательно въ высшей степени, что правительство видѣло связь между этимъ волненіемъ черни и дѣломъ Самозванца. Сами Московскіе бояре обличились по этому поводу и, при допросѣ Хлопкиныхъ сообщниковъ, многіе и изъ бояръ призывались къ отвѣту.

Наконецъ, Димитрій объявился наличнымъ въ Польшѣ; отъ мала до велика скоро узнали всѣ, что онъ водится съ богатыми Польскими панами, представлялся самому королю.

Отсюда начинается удивительная исторія перваго Лжедимитрія. Если сведемъ въ одно цѣлое все, что̀ по этому поводу могло быть замѣчено еще изъ предыдущаго, то мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Появленіе Самозванца вовсе не было ни внезапно, ни случайно. Ничуть оно не зародилось въ головѣ смѣльчака, переувѣрившаго потомъ весь міръ по своему; возможность появиться Димитріемъ назрѣвала годами; смута, еще неопредѣлившаяся, уже давно носилась въ воздухѣ; если не положительный заговоръ, то злой говоръ давно уже глухо зашептывался во всѣхъ углахъ. Напослѣдокъ, вдругъ онъ оказывается раскинутъ огромною, чрезвычайно - спутанной сѣтью заразъ и въ боярскихъ кружкахъ, и въ темныхъ гнѣздахъ людей Алексинскихъ и Сѣверскихъ, и въ Литвѣ, ощутимъ даже во взаимныхъ сношеніяхъ Литовцевъ съ Московскими боярами и бояръ съ чернью. Это была, безъ всякаго преувеличенія, колоссальная политическая интрига.

Жребій Бориса Годунова прямо вытекъ изъ жребія Димитрія царевича; отсюда ихъ имена возстаютъ слитно въ народномъ представленіи: одно какъ бы ужъ наводитъ на другое, и оба другъ безъ друга не мыслятся. Димитрій царевичъ! Борисъ! эти два имени составляютъ насущный толкъ не только цѣлой Россіи, ошеломленной страшнымъ событіемъ 1591 и 1598 годовъ, прекращеніемъ на Московскомъ престолѣ многовѣковой династіи, но еще и враговъ ея, особливо сосѣднихъ. Еслибъ Димитрій не умеръ, Борису не быть бы царемъ! Будь въ живыхъ Димитрій, Борисъ не былъ бы царемъ! Ужъ не Борисъ ли умертвилъ царевича, точно ли умерщвленъ царевичъ? Вотъ то, что̀ зовутъ вѣяніемъ эпохи, о чемъ сами современники говорятъ: это носится въ воздухѣ, и этимъ сопровождалось, какъ бы непрерывнымъ гуломъ, непрерывное Борисово возвышеніе. Уже зароненные толки (при Московскихъ пожарахъ, и въ Сѣверѣ съ Алексинымъ) о темномъ злорадствѣ Годунова по поводу кончины Димитрія таятъ дремлющую возможность для появленія Самозванца... Тучно напитываясь смутными началами наступившихъ злополучныхъ годовъ, она шибко шла въ ростъ и зрѣла...

Три года къ ряду, начиная съ 1600 года, обнаруживается постепенное формированіе уже явнаго кова ради Димитрія; болѣе или менѣе въ каждомъ изъ тогдашнихъ событій и во всякой молвѣ, сопровождавшей то или другое событіе, проглядываютъ ощутительные слѣды этой интриги. Глухіе толки и слухи, ходившіе еще съ 1600 г. по̀ площадямъ, монастырямъ и по всякимъ сборищамъ, подталкивали заводчиковъ Самозванца начинать свое предпріятіе; но нѣтъ сомнѣнія, что и сами же они еще плодили тогда эти слухи и толки, всюду ихъ разсѣвали и раздували, придавая надлежащій строй.

Борисъ, задолго передъ тѣмъ подозрѣвавшій бояръ въ подобномъ ковѣ, когда Самозванецъ пошелъ на него войною, прямо сказалъ боярамъ въ лицо, что Самозванецъ ихъ дѣло. Бояре слагали теперь

всю вину на Литву. Дѣло, какъ для нихъ потомъ оказалось, дѣйствительно было взаимное, и даже съ перевѣсомъ Литвы и (чтò окончательно всѣхъ изумило) не Литвы даже, а *нѣкоторыхъ ея исключительныхъ, совершенно-особенныхъ агентовъ.*

Появленіе Димитрія въ Польскихъ владѣніяхъ замѣчательно съ самаго начала выборомъ лицъ и обстановкой, среди которыхъ онъ очутился: какъ будто чья-то искусная рука постоянно наводитъ безвѣстнаго пришельца на домà тѣхъ именно пановъ, отъ которыхъ всего скорѣе ждать удачи, и дѣйствительно чьими руками потомъ устроилось дѣло.

Домъ воеводы Сендомирскаго можно поставить въ образецъ тогдашняго вельможескаго дома, который разстроенъ милліонными долгами, обремененъ взрослыми дѣтьми, претендующими на богатыя фамильныя связи, и хозяинъ котораго, для поддержанія обязательнаго блеска, готовъ на всякія сдѣлки. Такіе паны особенно дружились съ іезуитами, и дружествомъ съ ними Мнишекъ славился болѣе всѣхъ. Сигизмундъ, не отличавшійся умомъ, самъ былъ игрушкой іезуитовъ, и они наводняли его дворъ. Неуважаемый лучшими изъ Польской знати, король былъ постоянно въ разладѣ со всѣмъ, чтò составляло цвѣтъ государственной Польши; напротивъ, люди ничтожные, подобные Мнишку, имѣли у короля большой вѣсъ. Въ родствѣ съ Сендомирскимъ былъ знатный же вельможа, князь Адамъ Вишневецкій. Также пользуясь благорасположеніемъ короля и также отличаясь больше своей пышной и веселой жизнью, чѣмъ государственными доблестями, князь Адамъ къ тому же былъ дѣтски-простаго ума: іезуитамъ въ его домѣ велось большое гостепріимство. У этого-то князя, въ 1603 году, среди лѣта, появился, въ числѣ служителей, одинъ молодой человѣкъ, никому неизвѣстный. Надобно повѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, что незнакомецъ рѣзко отличался отъ другихъ особенностію и своего поведенія, и своихъ манеръ: въ короткое время видимъ его уже приближеннѣйшимъ камердинеромъ князя. Какъ изобразить удивленіе простоватаго умомъ, но въ высшей степени тщеславнаго Вишневецкаго, когда вдругъ обнаружилась тайна этого загадочнаго лица! Слуга его былъ самъ Димитрій, сынъ Русскаго царя, мучителя Іоанна, тотъ младенецъ, котораго злые люди искали погубить въ Угличѣ, но котораго тогда спасли вѣрные люди, и Богъ его до сихъ поръ чудесно сохранялъ отъ враговъ. Это, наконецъ, тотъ самый претендентъ на Московскій престолъ, о которомъ въ это время всюду уже было слышно въ Польшѣ, и ради котораго дѣятельно волновалась въ эту самую минуту сосѣдняя Литовско-Русская Украйна. Слуга князя Адама мгновенно превратился въ его почетнѣйшаго гостя. Съ первой

же минуты князю вскружила голову мысль: какого чудеснаго, необычайнаго въ исторіи, жребія судьба поставила его быть первымъ свидѣтелемъ! Князь преобразилъ весь свой домъ, какъ бы для торжественнѣйшаго парада, обзавелъ для своего гостя цѣлое отдѣльное помѣщеніе съ особой прислугой, съ каретами, лошадьми, уборомъ и оружіемъ, поднесъ ему драгоцѣннѣйшее платье, самъ прислуживалъ «его величеству» и просилъ его принять все это отъ себя, какъ ничтожную бездѣлку, въ знакъ готовности служить еще всѣмъ, чѣмъ онъ можетъ.

Разсказывали, что тайна эта досталась князю такъ: слуга его будто отчаянно заболѣлъ и пожелалъ исповѣдаться, а духовникъ (случившійся въ домѣ князя іезуитъ) разболталъ пану исповѣдь больнаго. По другимъ ходившимъ слухамъ, самъ незнакомецъ не выдержалъ своего притворства. Разсердившись за какую-то его неловкость въ банѣ, князь далъ ему пощечину и выбранилъ; природа тогда взяла свое въ юношѣ и, залившись слезами, онъ высказалъ князю все. Достовѣрно одно: во всей этой Теренціевой комедіи, какъ ее называлъ Замойскій, съ самого начала обнаруживается дѣятельное участіе іезуитовъ, и лишь имъ она обязана, уже въ домѣ Вишневецкаго, блестящимъ успѣхомъ. Знаменіемъ своего происхожденія таинственный гость показалъ будто бы князю Адаму, на своей груди, осыпанный брилліантами, золотой крестикъ—еще крестильный, какъ говорилъ онъ, отъ крестнаго отца И. Θ. Мстиславскаго. Другимъ знаменіемъ, уже нравственнаго происхожденія, этого лица выступило на первыхъ же порахъ его явное полукатоличество. Устроенное потомъ сценически-торжественное его обращеніе Бернардинами, сдѣланное на показъ всему міру, само по себѣ; но уже, съ перваго выхода, въ немъ проглянуло явное и несомнѣнное уніатство.

Вѣсть о Московскомъ царевичѣ быстро распространилась между сосѣдними панами. Заискиваемый отовсюду богатѣйшими изъ нихъ, онъ переѣзжалъ съ роскошнѣйшею обстановкой изъ владѣній одного къ другому. Тотчасъ установилась прочная связь между нимъ и домомъ Сендомирскаго воеводы. Пышный замокъ Юрья Мнишка въ Самборѣ славился еще красотою его молодой паньи Маріанны или Марины. Гордая красавица, это была еще и истинная Полячка: пылкое, энергическое существо, соединявшее въ себѣ вмѣстѣ съ соблазнительно-утонченной свѣтскостью всю героическую рѣшимость. Младшая дочь Мнишка, Урсула, была за роднымъ братомъ Адама Вишневецкаго, за княземъ Константиномъ; теперь сразу устроилось какъ-то само собою, что старшая Марина стала глядѣть невѣстой молодаго и пылкаго Московскаго царевича. Нареченный Димитрій совсѣмъ по-

селился у нихъ въ домѣ и имѣлъ здѣсь все для дальнѣйшаго успѣха. Первыми изъ признавшихъ въ таинственномъ незнакомцѣ истиннаго Димитрія были двое Русскихъ: слуга канцлера Льва Сапѣги, Петровскій, бѣжавшій изъ Россіи отъ своего господина; другой самого Сендомирскаго, приведенный плѣнникомъ изъ-подъ Пскова. Оба, какъ очевидцы, свидѣтельствовали истинность Димитрія Слуга Сендомирскаго сказывалъ, что его видѣлъ еще въ Москвѣ при Іоаннѣ; Сапѣгинъ же увѣрялъ, что находился при немъ на службѣ въ Угличѣ и узналъ сходство даже по его примѣтамъ: бородавка на лицѣ подъ правымъ глазомъ и одна рука короче другой. Вѣра въ появившагося Димитрія усиливалась съ каждымъ днемъ по всему околодку, и онъ пріобрѣталъ все больше поклонниковъ.

Но дѣйствительнѣе всѣхъ усердствовали ему все тѣже іезуиты; укрѣпляя искателя Московской державы одновременно искать и руки Марины, они вмѣстѣ съ Мнишкомъ хлопотали уже доставить ему свиданіе съ самимъ королемъ; чрезъ ихъ руки шла объ этомъ дѣятельная переписка съ Рангони, папскимъ нунціемъ при королевскомъ посольствѣ. Сигизмундъ, до котораго доходили разными путями чрезвычайные слухи, видимо интересовался Димитріемъ. Рангони приказалъ, наконецъ, іезуитамъ устроить пріѣздъ Сендомирскаго въ Краковъ вмѣстѣ съ царевичемъ. Замѣчательно, что нунцій, хотя уже вся Польша вѣдала въ то время про народное волненіе Московской Украйны, счелъ нужнымъ (и имѣлъ возможность) тайно справиться въ самой Москвѣ: есть ли тамъ надежда на успѣхъ Димитрію? Только по полученіи оттуда благопріятнаго отвѣта, онъ послалъ свое приглашеніе, и вотъ въ Январѣ 1604 года, съ воеводою Сендомирскимъ и съ княземъ Вишневецкимъ, Димитрій уже въ Краковѣ, и состоялось его знаменитое свиданіе съ Сигизмундомъ.

Рангони принялъ царевича въ своемъ домѣ съ распростертыми объятіями. Онъ долго говорилъ съ нимъ и какъ бы выпытывалъ, на сколько могутъ быть надежны виды всего католичества въ Россіи по дѣлу этого Русскаго царевича, и настолько ли дѣйствительно онъ самъ (Греческій, какъ онъ полагалъ, шизматикъ) наклоненъ къ католичеству, какъ о томъ все время сообщали іезуиты? Лжедимитрій въ слѣдующее же Воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, читалъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола. Послѣ этого Рангони торжественно его причастилъ и мvропомазалъ по католическому обряду; исповѣдалъ же его опять одинъ іезуитъ. Честимый въ столицѣ Польскаго королевства уже всѣми, какъ истинный царевичъ, онъ былъ привезенъ во дворецъ и представленъ королю самимъ нунціемъ. Си-

гизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ стоя и съ ласковою улыбкой. Димитрій поцѣловалъ у него руку и увлекательно разсказывалъ въ самыхъ общихъ чертахъ свои приключенія. Онъ ссылался на классическій примѣръ Рема и Ромула, на судьбу младенца Кира, воспитанныхъ пастухами и сдѣлавшихся основателями великихъ монархій; онъ заключилъ примѣненіемъ, относившимся уже лично до короля. «Вспомните, ваше величество», сказалъ Сигизмунду Димитрій, «что сами вы родились плѣнникомъ въ темницѣ. Небесный Промыслъ спасъ васъ. Посудите же о людской превратности и помогите несчастному, угнетенному знакомымъ для васъ злополучіемъ». Отецъ Сигизмундовъ Іоаннъ (какъ это, оказывается, откуда-то хорошо зналъ Самозванецъ) былъ заключенъ въ темницу своимъ братомъ Ѳрикомъ; въ этомъ заточеніи родился у него Сигизмундъ отъ Екатерины, изъ дома Ягеллоновъ.

Поведеніе Сигизмунда въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала было двуличное. Онъ постарался всячески выгородить свою оффиціальную неприкосновенность къ этому дѣлу, а самъ обѣщалъ Лжедимитрію дѣятельную помощь, назначилъ ему денежное вспомоществованіе и пр.

Въ Краковѣ же, слѣдуя совѣту Рангони, Самозванецъ написалъ собственноручно къ папѣ Клименту VIII-му краснорѣчивое Латинское письмо, испрашивая его покровительства. Отъ папы пришелъ отвѣтъ въ самомъ благопріятномъ духѣ.

Старецъ Замойскій, Жолкѣвскій, Збoражскій и князь Острожскій не хотѣли пристать къ интригѣ. Напрасно король тайно сносился съ ними, доказывая, что это великое для всего католичества дѣло будетъ не безъ выгоды и въ политическомъ отношеніи для Рѣчи Посполитой: оно ей отворитъ дверь, чрезъ Московскую державу, на Мусульманскій Востокъ. Напрасно онъ ихъ уговаривалъ приступить къ предпріятію въ строгой тайнѣ, чтобы не дать времени Московскому государю изготовиться: вельможи, давая совѣтъ не спѣшить рисковать войною, оговаривали еще во всякомъ случаѣ необходимость на нее согласія сейма, ясно выражая притомъ и свое мнѣніе объ обманѣ во всемъ этомъ темномъ дѣлѣ.

Замѣчательна, будто кѣмъ нарочно устроенная, блистательная манифестація въ пользу Димитрія, въ эту пору. Еще когда Самозванецъ былъ у Сигизмунда въ Краковѣ, явились къ нему съ письмами и дарами депутаты Донскихъ казаковъ, два атамана. Признавъ его царевичемъ, они спѣшили обрадовать своихъ и вызывались первые придти на помощь; ненависть Донцовъ къ Годунову могла только поровняться съ ненавистью развѣ самого Годунова къ нимъ. Тѣмъ искреннѣе казалась теперь ихъ ревность къ «прирожденному царевич-

чу». Если съ одной стороны такая депутація должна была убѣдительно подѣйствовать на Сигизмунда, то еще и на самихъ козаковъ королевскій пріемъ Самозванцу произвелъ выгодное же дѣйствіе. Насчитывалось уже и безъ нихъ довольно Русскихъ въ сборной дружинѣ. На пограничьѣ жило множество Московскихъ бѣглецовъ, выжидавшихъ только случая безопасно и съ выгодой возвратиться въ отечество; многіе изъ нихъ пріѣхали и пали къ ногамъ будто ими узнаннаго царевича.

Самъ Самозванецъ, окрыленный неимовѣрнымъ успѣхомъ, твердо вошелъ въ ту пору не только для другихъ, а, какъ казалось, даже самъ для себя въ неимовѣрную роль. Никогда еще его не видали такъ безпечно веселымъ и такъ граціозно самоувѣреннымъ, какъ эти дни въ вельможномъ дому Сендомирскаго, у ногъ своей царицы-невѣсты, и наканунѣ похода за трономъ. Страстно влюбленный, онъ уже мечталъ о нарядахъ, бриллiантахъ, столовомъ серебрѣ и несмѣтныхъ драгоцѣнностяхъ, которыя онъ пришлетъ своей невѣстѣ изъ Кремлевской казны; даже не сомнѣваясь о коронаціи, онъ весь будущій походъ выставлялъ легкимъ дѣломъ. Города, говорилъ онъ, будутъ одинъ за другимъ сдаваться безъ выстрѣла; при преданности къ нему Россіи, все подымется на встрѣчу, и все пойдетъ съ нимъ заодно противъ общаго врага Годунова. Имени послѣдняго онъ не могъ произносить безъ волненія, и чуть заходила рѣчь о царствующемъ въ Россіи домѣ, всегда впадалъ въ какую-то страстность. Къ этому времени относятся его двѣ записи Мнишкову дому, выданныя въ Самборѣ. Сендомирскій позаботился придать имъ строго-актуальный видъ и закрѣпилъ торжественно всѣми, какія только существуютъ, формальностями государственныхъ договоровъ. Одна заключала въ себѣ брачный контрактъ съ Мариной, другая благодарственное обязательство самому воеводѣ. По первой онъ отдавалъ Маринѣ, *даже въ случаѣ ея неплодія*, Новгородъ и Псковъ; по второй уступалъ въ потомственное владѣніе самому Мнишку Смоленское и Сѣверское княжества.

Беззавѣтная щедрость составляла видную черту въ его характерѣ; ратники-ли, собиравшіеся подъ его знамена, другіе-ли поклонники изъ Русскихъ или Литовцевъ, приходившіе со всѣхъ сторонъ толпами, всѣ единогласно утверждали, что царевичъ добръ и радъ со всякимъ дѣлиться и послѣднимъ.

Современники, описывая его портретъ (тоже бываетъ съ портретами и всѣхъ историческихъ людей) больше передаютъ свое собственное, произведенное на нихъ впечатлѣніе, чѣмъ дѣйствительныя черты и лишь поэтому слегка разнорѣчатъ; вообще же его можно нарисовать, по ихъ отзывамъ, довольно живо. Средняго или почти низкаго роста, сухощавый, онъ былъ сложенъ атлетически; некрасивое, но

довольно моложавое лицо съ темно-голубыми глазами; зачесанъ по-студенчески, съ малыми по сторонамъ свѣтлорусыми кудрями. Онъ неточно произносилъ нѣкоторыя Русскія слова, то и дѣло вставлялъ въ рѣчь, какъ бы для прикрасы или оживленія, Польскія фразы, и въ немъ просвѣчивало знакомство съ высшимъ свѣтомъ. Его самоувѣренность и какая-то граціозная наглость, его пылкость и славолюбіе, не знавшія границъ, замѣняли въ немъ то неизъяснимое величіе, въ которомъ другіе, пожалуй, готовы были ему отказывать. Въ устройствѣ-ли эффектныхъ парадовъ, въ политическихъ-ли своихъ замыслахъ, онъ любилъ все дѣлать en grand и являлся истиннымъ артистомъ. Онъ былъ знатокомъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ и рѣдкихъ вещахъ и отличался вкусомъ; впрочемъ, какая-то беззавѣтность составляла отличительную и самую выдающуюся сторону его характера. Въ счастливыхъ обстоятельствахъ жадный къ роскоши, къ чувственнымъ удовольствіямъ, напоминавшій по безумію безумныхъ Римскихъ императоровъ, онъ, въ походѣ, лучше другаго казака подкладывалъ себѣ подъ голову сѣдло вмѣсто подушки и засыпалъ спокойно. Являясь въ царственной обстановкѣ горделивѣе и неприступнѣе всѣхъ другихъ монарховъ въ мірѣ, онъ при случаѣ и самъ обидѣвшему его сорванцу давалъ оплеуху и ссѣкалъ голову. Когда въ Тайнинскомъ выпустили медвѣдя, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не налетѣть на него съ рогатиной и убилъ на мѣстѣ. Эта-то беззавѣтная лихость кидается въ немъ въ глаза и со стороны нравственной. Трудно представить себѣ въ одномъ и томъ же лицѣ болѣе капризливое, какое-то исключающее всякій характеръ, сочетаніе и злыхъ и добрыхъ свойствъ: въ немъ поражаетъ легкомысліе разврата и почти безразличіе къ добру и злу. Отличаясь рѣдкой проницательностью въ людяхъ, онъ являлся сущимъ младенцемъ относительно самого себя; вмѣстѣ съ тѣмъ, часто видали на его лицѣ подолгу останавливавшееся какое-то угрюмое, глубоко-задумчивое выраженіе. Онъ былъ воинъ: когда подводили лошадь къ его крыльцу, онъ едва ухватывался за поводъ, и уже его видѣли мчавшимся.

Борисъ, какъ мы видѣли, уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ разыскивавшій слѣды какого-то, тогда еще неяснаго для самихъ современниковъ, таинственнаго кова между боярами, а въ 1603-мъ году знавшій уже положительно о народныхъ волненіяхъ, и на Дону, и всюду, въ пользу Димитрія—никакую вѣсть въ этомъ родѣ не долженъ бы принять за неожиданную. Но невѣроятная вѣсть, что въ Польшѣ явился такой человѣкъ, котораго самъ дворъ торжественно призналъ за Димитрія, необычайно смутила Бориса.

Получая отовсюду извѣстія о столь торжественныхъ манифестаціяхъ и о томъ, что Польша за *него* встаетъ войною, Борисъ при-

шелъ въ великое недоумѣніе и первыя минуты даже колебался: не точно ли это Димитрій? Въ столицу была возвращена Мареа, удаленная еще когда судили Романовыхъ, за шестьсотъ верстъ отъ Москвы; совѣщались съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, слѣдователемъ по дѣлу въ Угличѣ. Къ Димитріевой матери царь съ патріархомъ сами пріѣзжали въ монастырь Ново-Дѣвичій и долго бесѣдовали на единѣ; Шуйскій выходилъ на Красную площадь и съ Лобнаго мѣста заклиналъ народъ не вѣрить злобно - распространяемому обману. Дальнѣйшія справки изъ самой Литвы подтвердили злостный обманъ; никакого сомнѣнія не оставалось, что это лишь исполненіе давно задуманнаго кова и ничего больше, какъ преступная игра самозванцемъ. Правительство было за разъ вынуждено и готовиться къ позорной борьбѣ съ обманщикомъ, и вести о немъ постыдные переговоры съ сосѣднею державой, и соблюдать о немъ строгую тайну внутри, и дѣятельно же собирать справки въ народѣ для обличительной огласки. Втайнѣ стягивалось войско къ Югозападной границѣ подъ предлогомъ нападенія Крымцевъ (впрочемъ Польскій король дѣйствительно побуждалъ и хана противъ Россіи въ связи съ движеніемъ Самозванца); послали увѣщаніе къ Донскимъ казакамъ отстать отъ вора и прекратить волненія; велѣно было крѣпить заставы на Литовско-Русскомъ пограничьѣ... Изъ нѣсколькихъ заподозрѣнныхъ хватились Григорія Отрепьева, памятнаго царю своимъ укрывательствомъ въ дворахъ Романова съ Черкаскимъ. Потомъ онъ былъ осужденъ самимъ Государемъ къ ссылкѣ на Бѣлоозеро за неоднократные доносы со всѣхъ сторонъ объ его во всѣхъ отношеніяхъ подозрительномъ поведеніи, пуще же за вранье о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій и за подобные слухи, которые онъ вездѣ распространялъ. Оказалось, что такъ или иначе, но царское повелѣніе не было тогда приведено въ исполненіе: Гришка свободно слонялся съ тѣхъ поръ по разнымъ монастырямъ, разсѣвая всюду прежніе смутные толки, а къ этой порѣ его и слѣдъ простылъ: изъ Москвы, Кіевскою дорогою, онъ выбылъ въ Польшу. Немедленно тогда отправили изобличительные листы въ этомъ духѣ ко всѣмъ воеводамъ Литовскаго пограничья, предписывая распространить ихъ и въ Польскихъ владѣніяхъ.

Но эти спѣшныя и наскоро составленныя изобличенія надѣлали только пуще вреда, давъ возможность ихъ сбивчивостью и противорѣчіями уличать показанія Московскаго правительства. Такъ, въ грамотѣ, присланной отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго къ старостѣ Остерскому говорилось, что царевичъ Димитрій зарѣзался въ Угличѣ тому лѣтъ 16-ть, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ

1593-мъ году, называется царевичемъ. Преданные Самозванцу, Русскіе же, на это справедливо возражали, что соборной церкви Богородицы въ Угличѣ вовсе нѣтъ, а есть церковь Спаса; не въ 1588 году, прибавляли они, а въ 1591 году совершилось въ Угличѣ убійство ребенка, но то не былъ царевичъ; царевичъ же, говорили, вышелъ въ Польшу въ 1601-мъ году, а до 1593 нѣтъ дѣла. Потомъ, уже въ слѣдующемъ году, пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13; а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ. Горячѣе всего Литовскіе приверженцы Самозванца защищались противъ того довода, что будь ихъ Димитрій даже истинный, онъ все-таки незаконенъ, какъ сынъ седьмой жены Іоанна. Отстаивали, что законенъ во всякомъ случаѣ: мать была вѣнчана.

Въ Польшѣ, между прочимъ, иначе и не выставляли этого дѣла, какъ предпринимаемымъ въ интересѣ самихъ Русскихъ, какъ прежде всего желаемымъ и даже задуманнымъ ими самими. Приводились тому явныя доказательства. Къ явившемуся царевичу изъ Россіи постоянно приходили какія-то просьбы идти скорѣе, являлись прошенія отъ Русскихъ и къ Польскому королю—поторопить дѣло. Борисъ придумалъ было послать въ Польшу, отъ имени Московскихъ бояръ, роднаго дядю Гришки, Смирнаго-Отрепьева; что же случилось? Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не оказалось отъ бояръ ни одного слова о Самозванцѣ! Даже, вопреки всѣмъ обычаямъ, въ бумагахъ Григорья Смирнаго-Отрепьева, боярами не было означено имени гонца: страшной для нихъ фамиліи Отрепьева! Любопытно еще и другое извѣстіе: бояре отправили къ королю тайно Ляпунова, племянника знаменитаго впослѣдствіи Прокофья, который крѣпко обнадеживалъ Поляковъ и отъ имени бояръ просилъ еще короля, чтобы тотъ помогъ Самозванцу.

Только по выступленіи Лжедимитріевыхъ шаекъ въ походъ, во главѣ съ Польскими магнатами, Борисъ, преодолѣвъ свой стыдъ, формально обослался съ Сигизмундомъ. Постникъ-Огаревъ привезъ къ королю грамоту, исполненную царскаго негодованія. Въ вашемъ государствѣ, писалъ Борисъ, явился воръ-разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовомъ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ. Описывая всю біографію этого безпутнаго монаха и бѣгство его въ Польшу, Годуновъ требовалъ, чтобъ король велѣлъ тотчасъ казнить Отрепьева съ совѣтниками, и прямо бы объявилъ, чего онъ хочетъ: войны или мира?

Огареву отвѣчено: правительство не принимаетъ никакого участія въ мятежахъ, происшедшихъ въ Россіи и намѣрено вѣрно соблю-

дать договоръ. Тотъ, который зоветъ себя сыномъ Ивана Васильевича, обращался, правда, къ королю за помощью; но въ томъ ему отказано. Впрочемъ, нельзя-де запрещать въ вольной республикѣ свободному дворянству подавать помощь, кому оно хочетъ.

Подобное же обличительное посольство патріарха Іова въ Кіевъ къ князю Острожскому и къ Польскому духовенству просто было задержано въ Литвѣ и оставлено безъ всякаго отвѣта. На дѣлѣ, однакожъ, король тѣмъ рѣшительнѣе прилѣплялся къ этой интригѣ, что самъ папа благословлялъ и укрѣплялъ на это. Климентъ VIII-й, къ самому Самозванцу неоднократно посылая поздравительныя грамоты, увѣщевалъ и Сигизмунда усерднѣе поревновать его дѣлу. Самыя попытки Годунова потушить интригу въ зародышѣ подверглись въ Польшѣ іезуитскимъ толкованіямъ. «Значитъ», говорили, «Димитрій истинный, если Годуновъ тревожится такими важными опасеніями! Даже принимая противъ него великія мѣры, Годуновъ не пуще ли только всѣхъ убѣждаетъ въ истинности своего соперника?» и пр. и пр.

Въ Москвѣ, наконецъ, торжественно было обнародовано подробное изобличеніе рода и племени предполагаемаго Самозванца. Оффиціально признавая его за Отрепьева, обстоятельно описывали исторію этого бѣглаго дьякона, всю безпутную жизнь этого разстриги-монаха до бѣгства его изъ Москвы, самое бѣгство въ Кіевъ и оттуда пропажу въ Польшу. Замѣчательно, что подробное, обстоятельное изобличеніе похожденій Отрепьева, смутивъ Московскихъ бояръ, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на Литовскихъ заводчиковъ Самозванца. Какъ будто, произнося имя Отрепьева, Московское правительство открыло тайну и обезоружило первыхъ, порадовало промахомъ и ободрило вторыхъ. Когда очевидцы Литовскаго Самозванца вѣрить не хотѣли, чтобъ въ благообразныхъ чертахъ созерцаемаго ими Димитрія скрывался Русскій монахъ, бѣглый дьяконъ, и это считали чистѣйшею выдумкой,—увѣренность, напротивъ того, что показавшійся Самозванецъ никто другой, какъ Отрепьевъ, между Московскими боярами была во всеобщемъ ходу.

Въ Литвѣ даже пренебрегали указаніемъ въ Самозванцѣ Гришки. Въ Краковъ явился старецъ Варлаамъ, подлинный спутникъ подлиннаго Гришки въ его бѣгствѣ изъ Москвы и въ странствіяхъ до Кіева, тотъ самый попъ Варлаамъ, о которомъ упоминалось, между прочимъ, и въ грамотѣ къ королю съ Огаревымъ. Онъ, зная продѣлки за своимъ собратомъ, брался на очной ставкѣ уличить въ Самозванцѣ Отрепьева. Тогда же явился къ королю другой обличитель, изъ Русскихъ же, но проживавшій въ самой Литвѣ. Этого сейчасъ предали смерти; того только больно высѣкли и потомъ (въ началѣ Самозванецъ

подозрѣвалъ, что онъ подосланъ убить его) выпустили на всѣ четыре стороны. Другой еще болѣе замѣчательный случай разсказанъ современникомъ. Трое монаховъ изъ Москвы, подлинные же товарищи подлиннаго Гришки, явились изобличать въ Самозванцѣ своего бывшаго собрата. Ихъ подвергнулъ испытанію самъ Лжедимитрій. По его приказу шляхтичъ Иваницкій нарядился въ его цвѣтное платье и сѣлъ на его мѣстѣ; монаховъ ввели. Тогда, болѣе не утверждая, что это Отрепьевъ, монахи однакожъ стояли на своемъ, что это же и не царевичъ. Одного изъ нихъ, послѣ того, Лжедимитрій принялъ самъ лично. Что̀ же? Монахъ повалился въ ноги Самозванцу и въ смятеніи долго не находилъ словъ. «Подлинный Иванъ—Васильевичевъ сынъ! Истинный, прирожденный царевичъ!» восклицалъ онъ теперь въ недоумѣніи.

Изобличенія въ Самозванцѣ Отрепьева менѣе всего подѣйствовали, какъ это оказывается, на самого Самозванца. Увѣдомившій къ этому времени уже многіе дворы о своемъ чудесномъ жребіи, онъ, въ отвѣтъ на Московскія о себѣ вѣсти, самъ еще послалъ въ Москву письмо къ Борису. Письмо это, котораго мы здѣсь не приводимъ единственно за длиннотою, замѣчательно въ высшей степени. Оно, совмѣщая въ себѣ въ удивительномъ подборѣ всѣ слухи и полуслухи, когда либо пущенные въ ходъ противъ Бориса, переноситъ ко временамъ еще Ѳеодорова царствованія, а Димитріева малолѣтства, и явно обличаетъ чье-то подробное изученіе тогдашней эпохи, чью-то обдуманную зоркость и памятливость отнюдь не малолѣтнаго возраста. Тонъ письма, при іезуитски-обдуманной разсчитанности и сообразительности каждой отдѣльной строчки, сплошь поражаетъ отъ начала до конца еще полной, очевидной искренностью самого Самозванца.

Едва Лжедимитрій выступилъ въ походъ—и самое его выступленіе было ознаменовано примѣромъ блистательнѣйшаго признанія въ немъ царевича. Донскіе казаки, вызвавшіеся еще въ Краковѣ черезъ двухъ атамановъ первые придти къ нему на помощь, сдержали казацкое слово. Они нагнали его на первой стоянкѣ въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, объявляя, какъ прежде, что войско находится въ готовности и подданствѣ, и ведя еще съ собою знатнаго плѣнника. Это былъ скованный теперь въ цѣпяхъ дворянинъ Петръ Хрущовъ, посланный было Борисомъ изъ Москвы на Донъ именно для усмиренія тамошнихъ волненій. Самозванецъ захотѣлъ видѣть этого перваго, представленнаго къ нему, *знатнаго* Русскаго. Еще когда Польскіе ратники вели скованнаго Хрущова передъ лицо своего государя, тотъ не переставалъ выражать недовѣріе, сказывая, что царевичъ умеръ, а въ Самозванцѣ подозрѣвая Отрепьева. Когда же привели, Хрущовъ взглянулъ на него... вдругъ залился слезами и упалъ на

колѣни, воскликнувъ: «Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ, я твой слуга навѣки!» Онъ восторженно признавалъ въ немъ своего законнаго государя; онъ еще, какъ за себя, такъ и за всѣхъ бояръ, винился, что такъ долго всѣ они ходили въ потемкахъ: никто изъ нихъ даже и помыслить не могъ, чтобы воистину самъ прирожденный царевичъ уцѣлѣлъ отъ смерти.

Тронутый Лжедимитрій обласкалъ Хрущова и велѣлъ съ него снять желѣзы (хотя чья-то попечительность и держала его первое время подъ карауломъ). Потомъ онъ часто призывалъ его къ себѣ, распрашивалъ о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Бориса. Дошедшіе до насъ записанные отвѣты Хрущова со всею свѣжестью вчерашняго дня переносятъ въ тогдашнюю эпоху, и если въ нихъ быль перемѣшана съ небылицами, таково было состояніе умовъ. Отвѣты эти для исторіи Лжедимитрія, также какъ и то любопытное письмо, замѣчательны въ высшей степени.

Чрезвычайное признаніе и обращеніе Хрущова не только не было единственнымъ или исключительнымъ, а напротивъ лишь составило образецъ для всѣхъ послѣдующихъ признаній; даже по мѣрѣ того, какъ все высшіе и высшіе сановники подступали къ его лицезрѣнію, иллюзія поражала сильнѣе. Вѣримъ Борису: они, бояре, заводили Самозванца; но потомъ они сами не вѣрятъ своимъ глазамъ, когда на мѣсто знакомца-Отрепьева вдругъ сталкиваются лицомъ къ лицу съ креатурою Литовцевъ... этимъ incognito, подлиннымъ, съ виду, Иванъ-Васильевичевымъ сыномъ, не по ихъ милости, да и не въ шутку, а съ полной самоувѣренностью идущимъ за вѣнцомъ Мономаха.

Убѣжденіе, что это не Отрепьевъ, вскорѣ до того стало всеобщимъ, что само правительство нашло нужнымъ вовсе вычеркнуть это обличительное имя изъ своихъ листовъ. Оказалось, что оффиціальное признаніе въ Самозванцѣ Отрепьева, явною своею несообразностью, только вредило дѣлу, пуще совращая вѣру людей. Сейчасъ по смерти Бориса пришли въ войско присяжные листы на имя его сына, и въ нихъ вмѣсто прежняго увѣщанія «не вѣрить вору-разстригѣ Гришкѣ Отрепьеву» уже глухо говорилось: «не вѣрить тому, кто зоветъ себя Димитріемъ Углицкимъ». Русскіе того времени сами признавались Самозванцу, что эта съ виду ничтожная поправка смутила ихъ. Дѣло въ томъ, что, передаваясь явленному царевичу, прежде никто себя и не считалъ измѣнившимъ клятвѣ не вѣрить Отрепьеву; выходило иное при присягѣ: «не вѣрить тому, кто зоветъ себя Димитріемъ Углицкимъ». Отрепьевъ тогда уже проклинался во всѣхъ церквахъ.

Дѣло заключается въ томъ, что, по прекрасному изъясненію митрополита Платона (въ его Церковной Исторіи), сей первый Самозванецъ «не былъ... Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но

нѣкто подставной, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ, или можетъ-быть и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный, а не тотъ, каковаго наши лѣтописцы выдаютъ... Скоро по убіеніи царевича Димитрія, какъ многіе поражены были слухомъ о его неповинной смерти, и что чрезъ сіе царскій корень пресѣкся и, ненавидя царя Бориса, и потому почти общее было неудовольствіе и роптаніе. Сіе неудовольственное народа расположеніе слыша и видя, нѣкоторые враждебные конечно изъ Поляковъ, (яко всегдашнихъ Россіи враговъ), скоро по убіеніи царевича Димитрія, подхватили къ себѣ въ Польшу сходнаго съ лѣтами царевича, лѣтъ девяти или десяти и нѣсколько похожаго лицомъ; взявъ его къ себѣ, изучивъ его въ Польшѣ наукамъ, Латинскому и Польскому языку, и вложивъ въ него мысли, чтобъ ему себя назвать царевичемъ Димитріемъ, и показавъ ему всѣ тѣ способы и хитрости, какими ему сіе дѣло производить, отправили его въ Россію.. Или по крайней мѣрѣ не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ лѣтописи описываютъ, утверждая свое описаніе только по однимъ наружнымъ и открывшимся обстоятельствамъ, а не проницая въ глубину сего злохитраго и огромнаго замысла».

Еще одинъ шагъ впередъ въ этомъ замѣчательномъ объясненіи, и мы, наконецъ, получимъ истинное понятіе о Самозванцѣ, сразу разрѣшающее безъ того неразъяснимыя противорѣчія. Не отвергая Отрепьева, подлиннаго Самозванца, обличеннаго Годуновымъ и вѣрно охарактеризованнаго нашими лѣтописями, въ тоже время не надо съ нимъ смѣшивать этого, изъ Польши явившагося Лжедимитрія, т.-е. самозванца Литовскихъ заводчиковъ. Дѣло именно въ томъ, что, воспользовавшись смутнымъ состояніемъ умовъ въ тогдашней Россіи, Литовскіе злоумышленники замыслили столь злохитрый, по выраженію Платона, и огромный планъ, что въ глубину его не скоро вдумались сами бояре. Простодушно довѣрясь двуличнымъ пріятелямъ, враги Годунова какъ будто сообща съ ними заводили на Москвѣ свой боярскій ковъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ сверженія Бориса; боярами для этой цѣли изготовляемый Самозванецъ и былъ извѣстный Гришка Отрепьевъ. Литовскіе же заводчики, сами заинтересованные ихъ Гришкой и всюду имъ плодимой вѣрой въ Димитрія, съ виду во всемъ потакали имъ; а на самомъ дѣлѣ, до времени загребая жаръ чужими руками и тѣмъ еще ослѣпляя глаза и связывая языки мнимымъ сообщникамъ, они только прокладывали путь Лжедимитрію собственнаго издѣлія, давно изготовленному ими для цѣлей болѣе широкихъ. Его-то появленіемъ они и

готовили двойной обманъ, столько же неожиданный Годунову съ цѣлой Россіей, какъ еще и самимъ боярамъ. Когда приспѣло время, смѣнивъ одного другимъ, явить міру уже всѣмъ народомъ чаемаго Димитрія, они и привели гостя въ Россію: смѣшавшимся боярамъ, сбитымъ съ толку и уже болѣе ничего не понимавшимъ «въ этомъ колдовствѣ», оставалось только молча ему покоряться; а имъ, какъ понятно, и вовсе не предстояло повода для лишнихъ объясненій.

Болѣе простодушные изъ нашихъ увидали сейчасъ же въ такомъ превращеніи и во всемъ этомъ дѣлѣ волшебство и нечистую силу. Такіе не въ шутку повѣрили и другихъ старались увѣрить, что оборотень-Отрепьевъ-колдунъ и чернокнижникъ; этимъ для нихъ изъяснялось все. Другіе же сразу поняли въ чемъ дѣло; но спохватясь, что, въ этой съ двухъ сторонъ нечистой игрѣ, ихъ сообщники—Литва только не чище и только еще хитрѣе ихъ играли, они были принуждены волей-неволей или закончить всю игру молчанкой, или къ обоюдной выгодѣ громко весь грѣхъ потомъ свалить на злодѣя-Отрепьева, къ тому же и оффиціально признаннаго злодѣемъ. Въ этомъ хитромъ дѣлѣ всѣ концы, такимъ образомъ, были ловко спрятаны—и даже для самихъ современниковъ еще болѣе, чѣмъ для насъ потомковъ.

Именно такимъ пассивнымъ характеромъ признанія Самозванца отличалось его невольное признаніе хотя бы Романовыми, или Голицыными, Мосальскими, Салтыковымъ и имъ подобными; потомъ и со стороны Мстиславскаго, Шуйскаго и другихъ. Признавая Лжедимитрія, лжетъ ли Мароа, что это не Отрепьевъ, искренно ли вѣритъ, что это ея сынъ? Ни то, ни другое. Не видя въ немъ сына, не видитъ же и Отрепьева: вотъ все.

Не иначе какъ этимъ, и только однимъ этимъ, совершенно объясняется и внезапная, безъ того непостижимая, перемѣна Басманова. Изъ вѣрнаго слуги Бориса онъ вдругъ, измѣнивъ при Өеодорѣ Борисову дому, превращается въ вѣрнѣйшаго же слугу Самозванца, и не Гришкѣ же знакомцу онъ такъ служилъ! Онъ остается ему вѣренъ даже до послѣдней капли крови и еще, идя за него на вѣрную смерть, говоритъ: «Мятежъ! Я умру, а ты спасайся!» Выраженіе «признать въ Самозванцѣ *истиннаго царевича*» совпало по тогдашнимъ обстоятельствамъ съ другимъ правильнѣйшимъ выраженіемъ: «*не признавать въ немъ Отрепьева*». Тутъ оба понятія граничатъ, и вотъ откуда примѣры той непоколебимой, какой-то восторженно-пламенной вѣры въ Димитрія, которою способны удивить міръ, напр. Паэрле и Маржеретъ.

Согласятся или не согласятся съ такимъ объясненіемъ біографы Басманова, важность въ томъ, что самъ Басмановъ какъ нельзя болѣе съ нимъ согласенъ. Въ зенитѣ Лжедимитріевой славы, когда Петръ

Ѳедоровичъ находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, онъ былъ спрошенъ пасторомъ Бэромъ, по довѣренности: «Имѣетъ ли всемилостивѣйшій государь нашъ законное право на престолъ Россійскій?» Басмановъ отвѣчалъ такими уклончивыми словами, что въ нихъ слышится даже болѣе обычнаго тогда недоумѣнія, выражавшагося фразой: «кто бы онъ ни былъ». «Вы, Нѣмцы», отвѣчалъ Басмановъ Бэру, «имѣете въ немъ отца и брата; онъ васъ жалуетъ свыше всѣхъ прежнихъ государей; молитесь же вмѣстѣ со мною о его счастіи. Хотя и не истинный царевичъ, однакожъ нашъ государь; мы присягнули ему, да лучшаго царя и не найти бы намъ».

Другой подобный отзывъ приводитъ тотъ же пасторъ Бэръ. На его вопросъ о Лжедимитріи одному стопятилѣтнему старцу (послѣ Московской ночи, въ которую убитъ Самозванецъ), этотъ ему отвѣтилъ такъ: «Убитъ государь весьма храбрый; въ одинъ годъ онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдей; онъ былъ человѣкъ съ разумомъ, хотя не Ивана Васильевича сынъ». Таковы отзывы о Самозванцѣ самихъ тѣхъ, кто и не признавалъ въ немъ истиннаго Димитрія: никто изъ нихъ не признавалъ въ немъ однако и Отрепьева. Приводить ли еще увѣренія, что это не Отрепьевъ—всѣхъ тѣхъ, для кого Самозванецъ былъ прежде всего истиннымъ Іоанновымъ сыномъ?

Одинаково и все поведеніе Лжедимитрія обличаетъ въ немъ не сознательнаго обманщика, не завѣдомаго Самозванца, какимъ непремѣнно былъ бы Отрепьевъ, а человѣка безгранично самоувѣреннаго, полнаго невѣжду о самомъ себѣ.

Довольствуясь о своемъ, будто бы царственномъ, дѣтствѣ общими свѣдѣніями, которыя легко могли быть внушены посторонними, онъ не выдумываетъ о себѣ никакихъ подробностей: все такое ему самому легче представляется смутно-позабытымъ. Довѣренность къ Русскому народу, съ которой онъ вторгался въ Россію и шелъ навстрѣчу стотысячному Борисову войску, дивила самихъ очевидцевъ; рѣчи передъ битвой, въ которыхъ обыкновенно онъ призывалъ само Провидѣніе рѣшить: кто же, наконецъ, изъ двухъ правъ? эти его рѣчи поразительны. Къ матери Маѳѣ онъ выказываетъ неподдѣльную, какую-то мечтательную нѣжность. Къ Годунову одинаково же питаетъ какую-то неподдѣльную ненависть. Даже во время бунта на вопросъ: «Кто ты?» отвѣчаетъ боярамъ: «спросите у матери!» Во время же самаго бунта, врываясь въ толпу съ палашемъ въ рукѣ, кричитъ: «Я вамъ не Годуновъ!» На лицѣ его однакожъ замѣчали по временамъ какую-то странно-угрюмую задумчивость... Если кто изъ друзей осмѣливался приступить къ нему съ малѣйшимъ предостереженіемъ или самымъ незначущимъ намекомъ, онъ сейчасъ уже впадалъ въ какую-то страст-

ность, выказывалъ раздраженіе, будто тѣмъ еще задѣвали самый point d'honneur его; а между тѣмъ видимо для него самого постоянно оставалось что-то недоговореннымъ въ его необычайномъ жребіи, чего какъ будто и другимъ онъ избѣгалъ договаривать... Во время бунта, бояре, окруживъ его стѣною, долго выпытывали признаніе: кто онъ? Но не захотѣли же по его просьбѣ на людяхъ допрашивать Мареу. Пуще обступаемый и тѣснимый всѣми, неотступно преслѣдуемый грознымъ запросомъ: «да кто жъ ты, наконецъ, чортовъ сынъ, говори!» онъ вдругъ, напослѣдокъ, со слезами крикнулъ: «Пустите меня къ народу!.. Я хочу говорить съ площади!» И когда, быть можетъ, все досказалось бы до конца въ этой необыкновенной жизни, въ тотъ самый мигъ раздался пистолетный выстрѣлъ. Самозванецъ упалъ и затрясся смертельно раненый, и навѣки унесъ въ могилу свою недоговоренную тайну. Самый пепелъ «прелестника, колдовствомъ смутившаго міръ», развѣяли люди; всыпавъ въ заряженную пушку, навели ее въ ту сторону, откуда пришелъ онъ, и выпалили—«на Литву».

«Кто бы онъ ни былъ, а только и самъ воевода Сендомирскій не знаетъ его рода!» «коварный былъ плутъ!» «не Русскій, а на Поляка похожъ», «очевидный иноземецъ!» «самъ собою не могъ бы такое большое дѣло предпринять!» «всякій объ немъ свое толкуетъ; неизвѣстно никому, кто онъ!» вотъ подлинныя выраженія, которыя мы съ буквальною точностью выписываемъ изъ непосредственныхъ памятниковъ тогдашней эпохи. Вотъ отзывы, которые—и на площадяхъ, и на улицахъ, и въ лагерныхъ стоянкахъ, и въ явныхъ бесѣдахъ за пирами, и въ тайныхъ келейныхъ шептаніяхъ—сейчасъ же заслышиваются о Самозванцѣ. Оффиціально признанный Отрепьевымъ и такимъ именуемый во всѣхъ дѣлахъ оффиціальныхъ, онъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ, тѣми же самими лицами, то просто называется «хищникомъ не царской крови», то еще неопредѣленнѣе и глуше. Безусловнымъ Отрепьевымъ, послѣ того, Самозванецъ остается лишь для массы. Показанія Отрепьевыхъ-родственниковъ, Чудовскихъ монаховъ и самого патріарха, будто узнавшихъ въ немъ своего бѣглаго дьякона; непосѣщеніе, будто бы, имъ самимъ ни разу Чудовской обители, и многое въ этомъ родѣ оказывается изъ исторіи—существовавшимъ именно въ воображеніи той массы, а не въ дѣйствительности. Ближе замѣшанные въ это дѣло, какъ Русскіе, такъ и иностранцы, говорили другое. Подозрѣвая въ немъ то Трансильванца, то Волоха, то Поляка, то Иллирійца, даже побочнаго сына знаменитаго Стефана Баторія, дѣлали тысячи догадокъ по поводу Самозванца. И вотъ, изъ всѣхъ ходившихъ на этотъ счетъ мнѣній, тогда же утвердилось одно: что,

едва ли Русскій, хотя и Славянинъ по происхожденію, Самозванецъ былъ во всемъ этомъ темномъ дѣлѣ орудіе лишь чужой интриги, и осуществлялъ собою огромный замыселъ другихъ лицъ.

Всякое темное дѣло принимаетъ мѣры не къ тому, конечно, чтобъ для современниковъ и потомства ясно обнаружить тайну, а чтобы схоронить концы въ воду. Если въ самозванцево дѣло примѣшались іезуиты—а они непремѣнно примѣшались—то можно и напередъ знать, что это схороненіе концовъ въ воду произведено съ безподобною ловкостью. Укрывательство принадлежало съ самого начала «зловѣрной», т.-е. католической Литвѣ, разоблаченье—Борису. Укрыватели, для достиженія хитрой цѣли, могли еще сообразоваться съ духомъ Борисовыхъ изобличеній и по ихъ буквѣ только пуще запутывать дѣло. «Будемъ надѣяться», говорятъ иные, «что когда-нибудь изъ тайныхъ архивовъ іезуитовъ мы получимъ какія-нибудь объясненія этого удивительнаго явленія Русской исторіи». Нѣтъ. Если главный источникъ, откуда слѣдуетъ ожидать вѣрныхъ извѣстій объ не-Отрепьевѣ сводится къ архивамъ іезуитовъ, то предполагать, что много еще можетъ разъясниться этимъ путемъ, значитъ вовсе предаться отчаянію когда-либо разъяснить дѣло: братство давно ославлено укрывательствомъ историческихъ актовъ даже посредствомъ ихъ поддѣлки, выпускомъ документовъ мнимыхъ и редакціей разныхъ бумагъ съ характеромъ встрѣчныхъ исковъ. Извѣстно и по самозванцеву дѣлу нѣсколько свидѣтельствъ, обличающихъ именно подобный характеръ. Нельзя, притомъ, довольно надивиться и ходу послѣдующихъ обстоятельствъ: всѣ они сложились именно такъ, чтобы вовсе укрыть изъ виду главныхъ зачинщиковъ, а потомъ укрывателей самозванцева дѣла, и совершенно замели ихъ слѣдъ!...

Вопросъ не о простомъ участіи іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ; оно несомнѣнно. Исповѣдывавшій Самозванца, первый, сказавшій другимъ, что это истинный Димитрій—іезуитъ. Сводятъ Самозванца съ Вишневецкимъ и знакомятъ съ Сендомирскимъ—іезуиты; убѣждаютъ Польскаго короля дать ему помощь—іезуиты; Рангони торжественно помазуетъ мvромъ, исповѣдуетъ же опять—іезуитъ; изъ Кракова ему сопутствуютъ—іезуиты; въ походѣ его совѣтчики—іезуиты; въ Москвѣ, послѣ коронаціи, привѣтствуетъ его Латинскою рѣчью—іезуитъ; лучшій домъ въ Кремлѣ занимаютъ по самозванцеву приказу и тамъ служатъ Латинскую обѣдню—іезуиты, и т. д. Вопросъ заключается въ томъ, что самый фактъ Самозванца въ Россіи—изначала собственный ихъ іезуитскій умыселъ и таилъ въ себѣ по самой малой мѣрѣ колоссальнѣйшій планъ всемірнаго Римскаго католичества.

Въ самомъ дѣлѣ, присоединить Лжедимитріевыми руками Великую Россію къ Римской церкви (подобно тому, какъ это устроивалось около того же времени съ Русью Малой и Бѣлой), потомъ черезъ своего католическаго царя Россіи освободить отъ Турокъ Константинополь и, распространивъ путемъ Россіи унію въ самой Византійской имперіи, вести ее далѣе на Индійскій Востокъ—не есть ли же это именно та политическая система, которая одна, самыми ясными и несомнѣнными чертами, рѣзко заявила себя, въ краткое, еще ничѣмъ другимъ не ознаменованное, Лжедимитріево царствованіе? Вспомнимъ, что братство, прославленное изначала духомъ любоначалія и ревностью къ обращенію всѣхъ въ папежство, находилось тогда въ зенитѣ своей славы и простирало происки и вліяніе почти на всѣ государства обоихъ полушарій. Вспомнимъ, что съ особенною силой оно подвизалось тогда именно въ Польшѣ, что причиною чрезвычайнаго здѣсь авторитета іезуитовъ было именно православіе Русскихъ провинцій, тогда подвластныхъ Рѣчи Посполитой, которыя іезуиты и были призваны къ этому времени обратить въ латинство. Примемъ еще въ соображеніе, что по естественному ходу событій, для прочной однакоже побѣды надъ православіемъ въ Руси Малой, предвидилось необходимымъ нанести ему главнѣйшій ударъ именно въ Руси Великой; при томъ именно около времени казни Наливайки и вообще самой тогда ожесточенной пропаганды католицизма на Югѣ Руси, зачиналось и на ея Сѣверѣ великое національное движеніе отъ прекращенія династіи. Если къ тому прибавить, что съ самаго уже паденія Византійской имперіи, Русская церковь, какъ первенствующая изъ православныхъ, не переставала на себя навлекать жадные взоры Римскаго первосвященника, и унія во всѣ времена составляла тутъ неутолимѣйшее алканіе Рима, представляя какъ бы многовѣковой оселокъ и для геніальности усердныхъ слугъ папы,—то мы получимъ еще самыя первоначальныя комбинаціи, уловимъ тончайшія нити, которыми завязывалась и приводилась въ дѣйствіе великая интрига. Примѣры самозванцевъ уже существовали въ исторіи, и вотъ въ виду всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, тогда скопившихся въ Россіи, созрѣла, наконецъ, мысль, достойная ордена, который, можетъ быть, именно ею (по выраженію М. П. Погодина) показалъ nec plus ultra своей хитрости и предпріимчивости.

Вопросъ объ участіи іезуитовъ, заключаемъ, сводится къ тому, что, наряду съ подозрительными отводами ихъ же собственнаго, или ужъ во всякомъ случаѣ, католическаго издѣлія о томъ напр., что Самозванецъ былъ обращенъ въ католичество уже послѣ, Бернардинами и тому подобными, существуетъ въ томъ же вѣкѣ положитель-

ное свѣдѣніе совсѣмъ о другомъ. Въ Гофмановомъ Лексиконѣ, напечатанномъ въ Лейденѣ въ 1698 году, на который ссылается митрополитъ Платонъ, читаемъ: «Псевдо-Димитрій I-й, по кончинѣ Ѳеодоровой, Московское государство возмутилъ. Повѣствуютъ, что іезуиты въ Польшѣ сіе злодѣяніе предпріять дерзнули. Имѣли они въ нѣкоторой коллегіи своей младаго юношу (Отрепьева), котораго отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ будущей трагедіи изрядно приготовили, и правилами какъ государствовать такъ напоили, что онъ нѣсколько времени всю прельстилъ Россію. И такъ онъ, сими хитростями наставленный, а притомъ стараніемъ Литовскаго князя Адама Вишневецкаго и старосты Сендомирскаго вспомоществуемый, по смерти царя Ѳеодора, въ Россіи до того дѣла свои довелъ, что (какъ восхитившій престолъ Борисъ Годуновъ, между тѣмъ, умеръ) отъ всѣхъ за истиннаго Димитрія, за сына царя Ивана Васильевича и за наслѣдника имперіи принятъ и публично былъ коронованъ лѣта Господня 1605 г. Іюня 29 дня». Это же самое, лишь съ оговоркою, какъ мы знаемъ, что пріемышъ не былъ и Отрепьевъ, даже вовсе не Русскій, а иноземецъ, громко высказывалось и на Московскихъ улицахъ.

Названіе «езовитъ», которое по смерти Самозванца не перестаетъ повторяться въ изобличительныхъ актахъ правительства, было для Русскихъ самое страшное изъ всѣхъ подозрительныхъ названій въ мірѣ,—о томъ сами іезуиты знали первые. Если же всегда они не иначе могли появляться въ Россіи, какъ прилѣпляясь къ какому-нибудь католическому посольству, и всегда же ихъ окружали строжайшимъ надзоромъ: то какъ иначе, какъ не въ совершенной тайнѣ, должны были они являться къ намъ въ ту исключительную пору, когда ужъ въ головѣ у нихъ созрѣвалъ огромный замыселъ противъ цѣлаго государства? И вотъ отвѣтъ на возраженіе, напримѣръ Маржеретово, что іезуиты слишкомъ рѣдко бывали въ Россіи и слишкомъ же мало себя проявили при Лжедимитріи, чтобъ предполагать въ нихъ его заводчиковъ *). При томъ, сами іезуиты (въ своихъ совѣтахъ второму Самозванцу), по поводу уніи, по вопросу о числѣ католиковъ въ Москвѣ, объ употребленіи Латинскаго языка и всего, словомъ, что̀ ихъ обличаетъ, выражаются такъ: «Надо съ осторожностью выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило. Государю держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать,

*) Вспомнимъ еще, что вся нынѣшняя Югозападная и Сѣверозападная Россія находилась тогда подъ владычествомъ Польши и кишила іезуитами.

особенно изъ Рима и пр. и пр. Должно употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ Латинскій, особенно потому, что латинь считается у туземцевъ поганою, однако нужно» и пр.

Болѣе того. Внимательно изучая памятники тогдашней эпохи, какъ нарочно, видимъ (еще съ Ѳедорова и Борисова времени вплоть до Самозванца, съ 1595 г. по 1604) какой-то неслыханный и ежегодный наплывъ къ намъ Римскаго католичества, во всѣхъ его многообразныхъ видахъ. Соглядатайство, за этотъ періодъ, Россіи со стороны іезуитовъ могло быть непрерывное и самое дѣятельное, сколь ни тайно производилось оно, прикрытое въ благонадежныя формы то посольствъ отъ папы, то монашескихъ миссій для пропаганды на Востокъ, то будтобы исканія торговыхъ связей съ Персіею и проч, и проч. Можно бы составить цѣлый отдѣльный эпизодъ изъ длиннаго перечня этихъ замѣчательныхъ посольствъ и сношеній, и поимокъ Московскимъ правительствомъ какихъ-то подозрительныхъ католическихъ монаховъ, сновавшихъ тогда по Россіи. Если мы этого не дѣлаемъ въ настоящей статьѣ, такъ именно потому, что этотъ перечень вышелъ бы слишкомъ длиненъ.

Даже если допустить съ митрополитомъ Платономъ, что «Самозванецъ, на нѣкоторое время, до своего объявленія, тайно былъ отправленъ въ Москву,» то и самое мнѣніе, что «отправленъ не одинъ, а въ сопровожденіи одного или двухъ хитрѣйшихъ духовъ, кои бы его во всемъ наставляли и руководствовали, и кои хотя очень скрытно, но неотступно тамъ близко были, гдѣ онъ находился», получаетъ сильнѣйшую достовѣрность.

«Если же онъ воспитывался у іезуитовъ», возражаетъ католикъ Маржеретъ, «то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій!» Французъ берется доказать противное, и что же приводитъ? Въ подписи своего имени и титула Самозванецъ, видите ли, дѣлалъ ошибку: въ одномъ мѣстѣ пишетъ in Peralor, въ другомъ Демиустри. Но кто-же, послѣ всего, поручится намъ и за то, что не наводили глаза на подобнаго рода незнанье латини въ Самозванцѣ, даже еще Маржерету, первые сами же іезуиты? Замѣчаемъ, что этимъ грубымъ опискамъ постоянно придавали какой-то преувеличенный вѣсъ и на нихъ тыкали пальцемъ. Несмотря на то, что Самозванецъ хорошо научился латынѣ и даже могъ написать собственноручно довольно-складное письмо къ его святѣйшеству папѣ Клименту VIII, какъ свидѣтельствуетъ Де-Ту; несмотря на то, что, получивъ высшее свѣтское образованіе (конечно Польское), Самозванецъ тѣмъ самымъ, по свидѣтельству самаго же Маржерета, долженъ былъ знать и Латинскій языкъ, языкъ Польскаго свѣта; несмотря на то, что pater Черниковскій читаетъ напр. ему въ Успенскомъ соборѣ Латинскую проповѣдь не затѣмъ-же конечно,

чтобы въ ней Самозванецъ не понялъ ни слова; несмотря на все это, и на ряду-же съ этимъ, постоянно проглядываетъ какое-то отчаянное желаніе доказать, во что бы то ни стало, что Лжедимитрій плохо зналъ латинь. Такъ какъ о ненависти Русскихъ къ «поганой» латини сами іезуиты дали на себя обличительную, нами уже приведенную запись, то цѣль такого утаиванія вполнѣ понятна. Но если оказалась надобность отклонять отъ Самозванца подозрѣнія въ латини путемъ ореографіи, то именно ужъ въ выборѣ, для того, титула и имени окончательно проглядываетъ какая-то умышленность. Не эти ли два слова: Деметріусъ, императоръ, предвидилось ему наичаще подписывать? Этой ли же пары словъ ореографія такъ затруднительна, что Самозванцу приходилось ее въ Латинской подписи коверкать, во первыхъ, на зло Русскому выговору, во вторыхъ, даже совершенно вопреки нашему Русскому народному обычаю, замѣнять самое *н* буквою *м* въ словахъ, какъ Микола и пр.! Прибавить надо, что самозванцевъ императорскій титулъ, въ связи съ завоеваніемъ, для того, Константинополя—вотъ именно то, что̀, составляя въ Самозванцѣ главнѣйшее наущенье іезуитовъ, составляетъ и главнѣйшее же мѣсто въ проявленной имъ политикѣ.

Гдѣ и когда былъ похищенъ ребенокъ, гдѣ и какъ вдали отъ всѣхъ соблюдался пріемышъ? Какимъ постепеннымъ воспитаніемъ готовили его къ необычайной, долженствовавшей изумить міръ, роли? Какъ, воспитывая до времени въ слѣпотѣ, даже нарочно путая и напитывая таинственными о себѣ мнѣніями, вдругъ ему открыли глаза къ двойному обману?... Не даетъ на это отвѣта исторія Лжедимитріева царствованія. Только во всѣхъ легендахъ уцѣлѣвшій намекъ на какого-то «*злаго*» монаха, который какимъ-то образомъ «*открылъ ему все*», обязавъ для собственной его безопасности, можетъ быть, изо всего сказаннаго именно только одного этого «какимъ образомъ ему было открыто все» не договаривать по конецъ жизни, — да еще по временамъ долго останавливавшаяся на лицѣ Самозванца какая-то угрюмо-мечтательная задумчивость, даютъ поводъ ко множеству самыхъ романтическихъ догадокъ.

Этотъ-то самый «злой монахъ» для вѣрившихъ въ истинность Димитрія и былъ, указанный Борисомъ, Отрепьевъ, который, говорятъ они, лишь вывелъ царевича изъ Россіи; для другихъ Отрепьевъ же, но не Димитрію, а Самозванцу помогавшій своими волненіями въ Украйнѣ; еще другіе зовутъ его Леонидомъ; четвертые, допуская и Леонида, и Отрепьева, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не смѣшиваютъ однакожъ «злаго». И вообще, какъ замѣтно, въ легендахъ о Самозванцѣ поражаетъ въ одномъ мѣстѣ какая-то двойственность или даже тройствен-

ность одного и того же лица. Для настоящаго же Самозванца, для Лжедимитрія, какъ мы его понимаемъ, этотъ «злой монахъ», который, выведя ли его въ поле и заранѣ подготовивъ къ чему-то чудесному, другимъ ли какимъ образомъ одурманивъ его голову, «открылъ ему все»,—для Самозванца этотъ «злой монахъ» пропалъ навсегда. Наканунѣ, какъ ему появиться у Вишневецкаго, Самозванецъ могъ только по слухамъ угадывать своего благодѣтеля въ томъ инокѣ, который ради его тогда дѣятельно волновалъ Украйну; да еще могли ему напоминать того благодѣтеля... тѣ, неотступно возлѣ его трона сверкавшіе глаза іезуитовъ.

Самый выборъ ребенка, оказывается, былъ сдѣланъ не на обумъ Лжедимитрій имѣлъ нѣкоторое дѣйствительное сходство съ Углицкимъ младенцемъ. Сходство или несходство не могло тутъ много значить при пробѣлѣ въ 13 или 14 лѣтъ; но Литовскіе заводчики съ горячностью ссылались и на смуглоту юноши, напоминавшую царицу - Мареу, и на бородавку подъ правымъ глазомъ, и на одну руку будто короче другой. Когда Москвитяне, точно не помня этихъ примѣтъ и въ самомъ Углицкомъ младенцѣ, не придавали никакой имъ цѣны въ Самозванцѣ, сами Литовцы, напротивъ того, и постоянно на нихъ указывали, и непремѣнно ихъ всѣ вычисляли. Даже и атлетическое сложеніе ребенка, его сухощавая крѣпость, сулившая долгое здоровье, о чемъ всѣ свидѣтельствуютъ единогласно, не должны ускользнуть отъ внимательнаго взора, особливо въ виду той іезуитской предусмотрительности, которая выказана напр. въ записи Мнишку, отдававшей Маринѣ, на случай даже ея неплодія, Псковъ и Новгородъ, и въ подобныхъ обстоятельствахъ исторіи Самозванца всюду. Наконецъ, и личный Лжедимитріевъ характеръ, нѣкоторая избалованность и необузданность природы равнодушной къ добру и злу и въ тоже время съ явной способностью увлекаться, со всегда готовой рѣшимостью на великія дѣла, также изобличаютъ какой-то характеръ «сдѣланный», легко образуемый въ ребенкѣ его особеннымъ воспитаніемъ.

Остается послѣдній доводъ, которымъ защитники іезуитовъ пытались снять съ нихъ отвѣтственность за Самозванца. Лжедимитрій, говорятъ они, никогда особенно не благоволилъ іезуитамъ, а если цѣль его возведенія на престолъ—унія, то зачѣмъ онъ не ввелъ ея? Хотя краткость Лжедимитріева царствованія одна отстраняетъ такой запросъ; хотя сами же іезуиты дали по этому поводу на себя, нами уже приведенную обличительную запись «вести это дѣло осторожно»: но мы сами хотимъ какъ бы на мигъ принять сторону нашихъ противниковъ и еще усилимъ дѣло. Самозванецъ, точно, не потакалъ іезуитамъ. Мало того: возведенный ихъ содѣйствіемъ на тронъ при помощи короля

Польскаго, онъ вездѣ потомъ относится къ нимъ и къ ихъ уніи съ какою-то злою страстью. Онъ, какъ будто, постоянно за что-то мститъ окружающимъ его благодѣтелямъ, и вѣчно нахальнымъ обращеніемъ съ ними, когда принимаетъ за-просто, и своимъ же трицарственнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, когда допускаетъ до сіянія трона. Тѣ уже досадуютъ, благоразумно перешептываются между собою, что «царевичъ не оказываетъ знаковъ истиннаго благочестія», «что онъ видимо начинаетъ уклоняться отъ своихъ прежнихъ намѣреній», «что должно бы было ему, кажется, хранить почтеніе къ усердно ему помогавшимъ»..; тотъ, при всякомъ ему на то намекѣ съ ихъ стороны, и топаетъ ногою въ полъ, и грызетъ себѣ ногти, будто заразъ и хочетъ оттолкнуть, и роковыми связанъ нитями. Но эта-то самая страстность и составляетъ еще для насъ въ Самозванцѣ его знаменательнѣйшую, психологическую черту. Если когда нибудь и въ чемъ нибудь проглянула въ Самозванцѣ *честность*, такъ въ этихъ именно движеніяхъ его души, во дни царственнаго, въ Кремлѣ, величія, когда самовѣріе готово было парить на высоту зенита, а тутъ объ руку сверкали глаза его благодѣтелей-іезуитовъ.

Остается упомянуть, что между болѣе или менѣе правильными показаніями о Самозванцѣ, ищущими дознать объ немъ истину, существуютъ еще баснословія тѣхъ, для которыхъ тутъ вся цѣль сбить всѣхъ съ толку. Разсѣянныя по сочиненіямъ авторовъ, вѣрившихъ въ Самозванцѣ истинному Димитрію, они важны въ томъ именно отношеніи, что легковѣрные писали ихъ прямо со словъ интригановъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ желали, прежде всего, скрыть самихъ себя. Такимъ образомъ, вся эта подложная біографія, соображенная на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя проглядывали въ Самозванцѣ и ищущая вѣрно отвѣчать подробностямъ Лжедимитріева образа, на самомъ дѣлѣ служитъ только къ отводу вниманія отъ истинныхъ его заводчиковъ, уловкою не дать напасть на ихъ слѣдъ, а чрезъ это ихъ-то самихъ и выводитъ наружу.

Проглядывала въ Самозванцѣ не Русская, а какая-то смѣшанная Славянская національность. Иные его прямо называли Полякомъ, другіе и Трансильванцемъ, и Волохомъ, и Итальянцемъ, правильнѣе же Иллирійцемъ. Той біографіи, слѣдовательно, надо было отклонить о Самозванцѣ столь рѣзко всѣмъ въ глаза бросавшійся признакъ,—и вотъ она даетъ Димитрію въ спасители и въ наставники доктора, какого-то Волоха, заставляетъ нѣкоторое время и его самого скитаться по Влахіи. При его самостоятельности было выгодно запутывать дѣло нѣкоторыми сопоставленіями съ нимъ еще и самого (потомъ сгинувшаго) Отрепьева: вотъ та біографія и удерживаетъ предварительныя

странствованія Димитрія по разнымъ Русскимъ монастырямъ. Самозванецъ говорилъ по-польски; кромѣ того, прежде чѣмъ явиться къ Вишневецкому, надо же было ему таиться гдѣ-нибудь по близости; объ Отрепьевѣ полагали, что онъ Польскому языку учился въ Гощѣ: вотъ та біографія заставляетъ Димитрія быть домашнимъ учителемъ у дѣтей какого-то Польскаго пана. Надо было, наконецъ, главное, той біографіи отклонить подозрѣніе объ латини, сильно обличавшей въ ученикѣ уже прямо вліяніе іезуитовъ: вотъ въ той біографіи встрѣчается любопытнѣйшее въ своемъ родѣ извѣстіе о томъ, что Димитрій, спасшись изъ Углича, углубился далѣе на Сѣверъ, подходилъ даже къ морю. Зачѣмъ это нужно, сейчасъ объяснится. Онъ странствовалъ, такимъ образомъ выходитъ, еще и въ Ливоніи; а въ Ливоніи, еслибъ Димитрій Углицкій былъ въ ней, дѣйствительно уже немудрено бы ему было выучиться и латини. У Де-Ту это извѣстіе особенно выдается. «Сложивъ съ себя клобукъ», говоритъ знаменитый историкъ (почерпавшій о Лжедимитріи свѣдѣнія прямо изъ рукъ іезуитовъ), «Самозванецъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно Латинскому языку и даже могъ написать собственноручно довольно складное письмо къ папѣ Клименту VIII-му.» И такъ, если для Де-Ту самое знаніе Самозванцемъ латини не было опровергаемо указаніемъ на его описки in Perator и Демиустри, то по крайней мѣрѣ отводилось отъ него подозрѣніе на учителей-іезуитовъ понадобившейся для того Ливоніей. Важно такое свидѣтельство и въ другомъ отношеніи. Несомнѣнно извѣстно, что собственно Отрепьевъ никогда не былъ въ Ливоніи; еще несомнѣннѣе то̀, что явившійся подъ именемъ Димитрія былъ Самозванецъ; извѣстіе, такимъ образомъ, что Самозванецъ въ латини получилъ свѣдѣнія въ Ливоніи, только и можетъ значить одно: желаніе укрыть отъ міра его истинныхъ учителей-латинистовъ!

Заключаемъ.

Подробныя свѣдѣнія объ Отрепьевѣ, обнародованныя правительствомъ, и потомъ еще пополненныя свидѣтельствами многихъ современниковъ, по своей строгой вѣрности самимъ себѣ и опредѣлительности, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ подлинной характеристики этого подлиннаго же лица. Но эта біографія бѣглаго монаха, безпутствующаго по монастырямъ растриги, вполнѣ вѣрная сама себѣ, рѣшительно неприложима къ Самозванцу Литовскому, въ которомъ, кромѣ другихъ поразительныхъ свойствъ и признаковъ, кидалось еще въ глаза (его неотъемлемая черта) знакомство съ высшимъ свѣтомъ,— выраженіе о немъ Француза-Маржерета. Вся Лжедимитріева исторія постоянно же противорѣчитъ такому образу лѣтописнаго Отрепьева и идетъ съ нимъ врозь. Уже при самомъ появленьи у Вишневецкаго,

Мнишка и короля, становится невозможно слить Отрепьевскую біографію въ одно съ біографіею этого загадочнаго лица. Обѣ, не противорѣча себѣ порознь, взаимно уничтожаютъ одна другую. Это—особыя біографіи двухъ совершенно-особыхъ лицъ. Невозможно біографію бѣглаго дьякона Отрепьева, извѣстнаго Самозванца Гришку и того Самозванца, который появился предъ Польскимъ королемъ—невозможно, говоримъ, соединить въ одну, какъ бы въ біографію одного лица: сводная, она, кромѣ того, что распадется на двѣ непримиримыя половины, но въ двухъ мѣстахъ поразитъ еще рѣшительною нелѣпостью.

Отрепьевъ, по положительному и не одинъ разъ повторенному показанію лѣтописей, постригся 14-ти лѣтъ. Молодость его и дѣйствительно кидается въ глаза: во всѣхъ монастыряхъ онъ помѣченъ какъ «молодъ сый» и вездѣ же отдается старику подъ началъ; «чернецъ молодъ»—было первымъ впечатлѣніемъ и Варлаама, когда незнакомый Григорій нагналъ старца на Варварской улицѣ и склонялъ къ побѣгу. По несомнѣнному-же показанію, Отрепьевъ, *«распускавшій о Борисѣ злые толки вмѣстѣ съ другими крамольниками»*, принужденъ былъ постричься, избѣгая царскаго гнѣва въ то время, когда были заподозрѣны въ извѣстномъ ковѣ укрывавшіе его Романовы и Черкаскіе. И такъ, постригся онъ никакъ не раньше 1601 года. Значитъ, когда Самозванецъ объявился въ Польшѣ, Отрепьеву было 16 лѣтъ; когда Самозванецъ вступилъ въ Московское государство, 17 лѣтъ. Хотя въ описаніи самозванцева портрета мы сами удержали выраженіе «некрасивое, но довольно моложавое лицо», хотя тутъ мы слѣдовали только увѣренію очевидца Маржерета, что «царевичъ, вступивъ въ Москву, былъ 23-хлѣтнимъ или 24-хлѣтнимъ юношей»: должно однакожъ замѣтить, что Маржеретъ, приводя этотъ счетъ, хочетъ именно выгадать все доказательство объ его молодости; а въ тоже время другой очевидецъ, какъ напр. Петрей, даетъ, напротивъ того, Самозванцу «по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ»,—и сколько бы ни зависила такая сбивчивость показаній отъ лично-произвольнаго впечатлѣнія каждаго, ясно, однакожъ, что Литовскій Самозванецъ не могъ быть ни въ какомъ случаѣ 17-тилѣтній Отрепьевъ.

Кромѣ того, обстоятельно разсказанная біографія бѣглаго Чудовскаго монаха даетъ возможность, если не съ точностію дневника, однакожъ довольно точно, слѣдить за его переходами, особливо-же со дня бѣгства къ Сѣверу. Выбѣжавъ изъ Москвы въ Февралѣ 1602 года, онъ изъ остальныхъ 10-ти мѣсяцевъ его, семь провелъ въ странствіяхъ до Кіева, въ самомъ Кіевѣ и у князя Острожскаго. Около Октября онъ изъ Кіева пропадаетъ; зимніе мѣсяцы Ноябрь, Декабрь, и уже слѣдующаго 1603 года, Январь и Февраль (много если и Мартъ съ

Апрѣлемъ) проводитъ онъ частію въ мѣстечкѣ Гощѣ, частію же неизвѣстно гдѣ. Вскорѣ вновь показываютъ его мѣстопребываніе уже Самозванцемъ у Вишневецкаго. Но тутъ и невозможность. Самозванецъ у Вишневецкаго отличался порядочными манерами, былъ ловкій наѣздникъ, хорошо владѣлъ оружіемъ, говорилъ какъ Полякъ по-польски, писалъ и говорилъ по-латини, отличался образованіемъ даже классическимъ и пр. и пр.; а Отрепьеву, такимъ образомъ, если даже положить съ иными, что онъ ко всему этому приготовился именно въ Гощѣ да между Запорожскими козаками, достанется на все это 4 мѣсяца, или сколько бы мы ни старались преувеличивать, едва семь по самому точному счету мѣсяцевъ: въ концѣ еще 1603 года Самозванецъ вызванъ уже королемъ въ Краковъ, и до сюда отъ перваго помысла вступить въ слуги къ Вишневецкому прошло же сколько нибудь времени!

Притомъ, едва изъ Кіева Отрепьевъ ушелъ въ Гощу, показанія о немъ начинаютъ путаться и сбиваться; замѣчательно свидѣтельство, что тутъ, между прочимъ, онъ водился съ какими-то «католическими монахами»... Вслѣдъ за этимъ, послѣ Святой, онъ, по всеобщему показанію, сгинулъ. Вотъ этотъ-то знаменательный мигъ (по предварительномъ его окруженіи католическими монахами), совершенной пропажи Отрепьева въ Гощѣ не только не обязываетъ дальнѣйше видѣть въ немъ Литовскаго Самозванца, а еще служитъ убѣдительнѣйшею уликой того именно мига, когда одинъ Самозванецъ былъ украденъ изъ міра, а другой выпущенъ въ міръ. Самая пропажа Отрепьева становится еще подозрительнѣе отъ слѣдующаго обстоятельства. Наканунѣ Лжедимитріева появленія у Вишневецкаго, или почти одновременно съ тѣмъ, вдругъ распространяется прежде слухъ, а потомъ доходитъ и фактическое тому доказательство, что Отрепьевъ производитъ волненіе между козаками. Что-жъ сейчасъ оказывается? Это, во 1-хъ, уже кѣмъ-то подставленный Отрепьевъ, монахъ Леонидъ, или еще другой, уже третій. Во-2-хъ, само волненіе между козаками и по всей Литовско-Русской Украйнѣ оказывается организованнымъ слишкомъ въ большихъ размѣрахъ, изобличающихъ никакъ не одного монаха, а многочисленныхъ, какихъ-то могущественныхъ и всюду имѣющихъ связи агентовъ. Распространяютъ всюду несмѣтное множество подметныхъ грамотъ, перевозятъ ихъ и въ глубь Россіи въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда шелъ изъ Литвы по случаю дороговизны отъ голода; по всѣмъ странамъ Европы, при всѣхъ дворахъ единовременно начинаются агитаціи по поводу «Димитрія»; его собственная домашняя канцелярія сразу оказывается организованной для самыхъ широкихъ, сложныхъ и актуальнѣйшихъ сношеній, даже съ дворами, и пр. и пр.

Пусть на Литовской Украйнѣ тогда дѣйствовалъ монахъ Леонидъ, принявшій только, какъ говорятъ, на себя имя Гришки: это еще больше запутываетъ дѣло. Если и предполагать, что было кому нибудь можно и должно подмѣнить Отрепьева Леонидомъ, то не тогда ли именно подмѣнъ этотъ получаетъ свой наибольшій смыслъ, когда предположимъ, что именно на мѣсто Самозванца Отрепьева былъ выпущенъ Димитрій-*невѣдомо кто*, а истребившіе Отрепьева нуждались еще двойнымъ обманомъ прикрыть и самое это? Куда сгинулъ Отрепьевъ—неизвѣстно; неизвѣстно это тѣмъ больше, что разные свидѣтели сказываютъ его живымъ еще въ царствованіе Шуйскаго. Какой-то монахъ (разсказываетъ одинъ изъ нихъ), заключенный въ Ярославлѣ, въ домѣ Англійской компаніи, услыхавъ о Московской ночи, въ которую убитъ Самозванецъ и о восшествіи на престолъ Шуйскаго, божился и клялся про себя, что онъ Гришка Отрепьевъ и что этого у него никто не можетъ отнять, а что убитый въ мятежѣ былъ истинный царевичъ Димитрій, котораго самъ онъ своими руками и вывелъ изъ Россіи. Вообще, повторяемъ, замѣчательна въ исторіи Самозванца, какъ постоянная молва о какомъ-то «зломъ» монахѣ, который подучалъ его «и открылъ ему все», такъ во всѣхъ же легендахъ о немъ и показаніяхъ уцѣлѣвшая по одному и тому же поводу, постоянно проглядывающая, какая-то двойственность или даже тройственность, а иногда и вовсе сбивающая съ толку какая-то многократность—одного и того же лица.

Годуновъ въ первыя минуты появленія Литовскаго Самозванца думалъ: не настоящій ли это Димитрій. Онъ вызвалъ сейчасъ же Маѳу въ Москву и умолялъ, заклиналъ ее подтвердить истину. Охотно вѣримъ такому всеобщему свидѣтельству современниковъ. Ради всѣхъ основъ человѣческой души и вѣры въ человѣческое достоинство, онъ долженъ былъ полагать, что тутъ не скрывается столь святотатственнаго обмана и долженъ былъ для себя лично желать, чтобы то былъ настоящій Димитрій. Явленіе тогда истиннаго Димитрія только въ конецъ смыло бы съ его души самый даже незначущій полунамекъ на какую-то неискренность въ его отношеніяхъ къ святому младенцу; онъ могъ бы еще торжественно, передъ всѣмъ міромъ, съ престола шагнуть опять въ монастырь, и для него довольно было бы его бурной, чрезвычайной жизни. Смѣна законнаго законнѣйшимъ могла бы еще совершиться безкровно *), и міръ остался бы лишь свидѣтелемъ одного лишняго событія, которыя дивятъ міръ. Но подлогъ, но появ-

*) Намеки на то постоянно проглядываютъ въ исторіи за ту минуту.

леніе Самозванца—безповоротно осуждали Бориса. Когда же стало подлинно извѣстно, что во всей этой преступно-задуманной игрѣ имя Димитрія дѣйствительно только святотатственная кража, что это безсовѣстнѣйше-наглый обманъ—Борисъ всю Русь поднялъ на ноги противъ Самозванца, а самъ, парализованный душевно и тѣлесно, лишился силъ. Когда открылось, что будто еще само колдовство замѣшалось во все это дѣло, и неимовѣрная какая-то сила тутъ двигала всѣмъ, и недоумѣнье великое открылось въ людяхъ, и самъ царь, по выраженію одного современника, не переставалъ до конца раздумывать, чтобы это значило.... кровь хлынула носомъ у Годунова и, почти въ виду допущенныхъ къ аудіенціи пословъ, онъ упалъ какъ мертвый. Часъ, другой—онъ уже и былъ мертвъ. Между современниками ходили разные толки о его смерти: что онъ принялъ ядъ (легко угадать чувство, подсказавшее современникамъ такое подозрѣніе), что его отравилъ Отрепьевъ или преданные Самозванцу бояре. И съ него, и съ нихъ охотно снимаемъ эту лишнюю охулку. Что довольно было его душевныхъ мученій для того, чтобы пресѣчь его жизнь—это несомнѣнно.

Н. М. Павловъ.

*

Выше-напечатанная „Правда о Лжедимитріи“ первоначально была помѣщена въ 1864 году въ газетѣ „День“, издававшейся И. С. Аксаковымъ. Въ то время, какъ Иванъ Сергѣевичъ уже сдалъ рукопись для печати, получилъ онъ изъ Петербурга только что вышедшую брошюру: „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ Это была докторская диссертація Н. И. Костомарова. Почтенный профессоръ, такимъ образомъ, и авторъ „Правды о Лжедимитріи“ одновременно сошлись на одной и той же темѣ.

Какъ редактору „Дня“, такъ и самому автору казалось уже неловкимъ обойти молчаніемъ только что огласившееся мнѣніе такого выдающагося ученаго, какимъ былъ г. Костомаровъ. Поэтому, печатаніе „Правды о Лжедимитріи“ на нѣсколько нумеровъ тогда задержалось въ газетѣ, притомъ самая статья появилась въ ней съ соотвѣтственнымъ предисловіемъ на счетъ новой брошюры и съ нѣкоторыми подстрочными примѣчаніями, именно для г. Костомарова. Мы помѣстили статью, удержавъ первоначальную ея редакцію, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была прислана И. С. Аксакову, когда еще брошюра г. Костомарова не вышла въ свѣтъ. Въ №№ 51 и 52 газеты *День* 1864 года „Правда о Лжедимитріи“ начиналась, какъ слѣдуетъ ниже. П. Б.

Предлагаемая статья была уже сдана въ типографію газеты *День* и набиралась въ ближній нумеръ, какъ мы получили брошюру г-на Костомарова: „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ Наши мнѣнія на этотъ счетъ могли, вопервыхъ, совершенно сходиться; мнѣніе Петербуржскаго профессора, вовторыхъ, могло точно также предъявить данныя и для опроверженія нашей мысли. Но мы теперь прочитали брошюру г-на Костомарова и ни одного слова изъ собственнаго нашего разсужденія о Лжедимитріи не беремъ назадъ. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ мы дѣйствительно сходимся; но

именно послѣ софизма г-на Костомарова на счетъ Отрепьева, наше собственное мнѣніе о Самозванцѣ представляется намъ, сколько можемъ судить, вполнѣ умѣстнымъ и едва-ли не наиболѣе доказаннымъ.

Вопросъ о Лжедимитріи, можно сказать, имѣетъ у насъ цѣлую литературу, если не богатую, однакожъ довольно полную. Для незнакомыхъ со всѣми трудностями этого вопроса и съ ходомъ самой полемики по этому предмету, скажемъ кратко, въ чемъ тутъ дѣло. Лжедимитрій, вышедшій изъ Польскихъ владѣній и коронованный въ Москвѣ, съ одной стороны, какъ своей наружностью, манерами, всѣмъ поведеніемъ, такъ еще и политическими стремленіями, образованіемъ, наконецъ всѣмъ своимъ историческимъ характеромъ, постоянно наводитъ на мысль о себѣ, что онъ никакъ не сознательный обманщикъ, что онъ кто-то другой, *„нѣкто подставной“*, какъ выразился объ немъ митрополитъ Платонъ, а ничуть не Гришка. Съ другой стороны, существуютъ неопровержимыя свидѣтельства, что около того времени, какъ появиться Самозванцу, проживалъ въ Москвѣ мелкаго Галицкаго дворянина сынъ, Григорій Отрепьевъ; безпутный и подозрительный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ разглашалъ о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій, сулилъ себѣ скорое царствованіе и для достиженія такой карьеры, дѣйствительно, изъ Москвы побѣжалъ въ Польшу.

Вотъ двѣ стороны одного и того же дѣла. Ясно, вопервыхъ, что тутъ нѣтъ еще никакого логическаго основанія для окончательнаго вывода, что тотъ Самозванецъ, который царствовалъ на Москвѣ и этотъ, который только на Москвѣ заготовлялся, во что̀ бы то ни стало, одно и тоже лицо. Ясно, вовторыхъ, что нѣтъ же никакой надобности и отвергать біографію одного Самозванца непремѣнно на счетъ другаго, какъ будто это не могутъ быть двѣ особыя біографіи, одинаково достовѣрныя, двухъ совершенно разныхъ лицъ. Однакожъ, первую ошибку повторяютъ всѣ, безъ исключенія, наши историки, писавшіе о Лжедимитріи до г-на Костомарова; а вторую дѣлаетъ самъ г-нъ Костомаровъ въ своей брошюрѣ. Вопросъ о Лжедимитріи, такимъ образомъ, у насъ представляется колеблющимся у всякаго автора по своему. Никакъ не напавъ до сихъ поръ на истинный слѣдъ Самозванца, а постоянно только кружась возлѣ него, каждый изъ нихъ настолько вноситъ свѣта и новыхъ опредѣлительныхъ чертъ въ свое изображеніе Самозванца, насколько еще самъ тутъ же невольно и затемняетъ его, вслѣдствіе вѣчно одной и той же главной, нами сейчасъ указанной, ошибки. Развивая нашу собственную мысль о Самозванцѣ, мы не станемъ прерывать плавности разсказа ссылками и сносками на всѣ такія разнорѣчія. Все, что̀ представлялось намъ невѣрнымъ въ книжкѣ г-на Костомарова, укажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ выноскахъ. Что̀ касается до мнѣній остальныхъ писателей по этому предмету, отъ Карамзина до г-на Соловьева включительно, мы предполагаемъ ихъ извѣстными.

Вслѣдъ за тѣмъ начинался текстъ, и въ разныхъ его мѣстахъ сдѣланы были слѣдующія подстрочныя примѣчанія въ выноскахъ. Въ мѣстѣ, гдѣ говорится о крамолѣ Бѣльскаго, было вставлено:

Первое примѣчаніе: „Г-нъ Костомаровъ полагаетъ Бѣльскаго однимъ изъ главныхъ заводчиковъ Самозванца. Прямаго подтвержденія на это нѣтъ въ источникахъ. Довольно уже того, что въ его смутномъ дѣлѣ проглянули несомнѣнныя черты потомъ разразившейся боярской интриги; на нихъ мы и указываемъ“.

Второе примѣчаніе: „Что въ такъ называемомъ дѣлѣ *бояръ Романовыхъ* явно проглядываетъ солидарность съ заготовляющимся явленіемъ Самозванца—это-то, страннымъ образомъ, и проглядываетъ г-нъ Костомаровъ“.

Третье примѣчаніе: „Для г-на Костомарова, который не хочетъ вѣрить, что Гришка Отрепьевъ былъ обвиненъ въ самозванствѣ, и патріархомъ, и Борисомъ, не безъ достаточнаго основанія, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ отмѣтить подлинное выраженіе Бэра, что Гришка „наравнѣ съ другими крамольниками распространялъ злые толки о Борисѣ“.

Четвертое примѣчаніе по поводу посольства въ Польшу роднаго дяди Гришки, *Смирнаго Отрепьева*, чье имя бояре даже скрыли въ грамотахъ: „Г-нъ Костомаровъ самое *отсутствіе имени гонца* принимаетъ за достаточный поводъ отвергать это посольство, какъ изобличающее Григорья Отрепьева. Но при нашемъ объясненіи Самозванца, опущеніе имени Отрепьева боярами въ этомъ случаѣ получаетъ свой наибольшій смыслъ“.

Пятое примѣчаніе: „Еслибъ г-нъ Костомаровъ вообще отвергалъ письмо, будто писанное самимъ Самозванцемъ къ Борису, мы никакъ не согласились бы съ нимъ; но онъ опровергаетъ лишь эту „его Польскую редакцію“. При нашемъ объясненіи нѣтъ никакого основанія опровергать и самое это“.

*

Какъ только „Правда о Лжедимитріи“ появилась, г-нъ Костомаровъ далъ объ ней отзывъ въ 1865 г. въ газетѣ *Голосъ*, № 30, на что авторъ „Правды о Лжедимитріи“ возразилъ немедленно въ томъ же году въ газетѣ *День*, въ № 6. Г-нъ Костомаровъ вторично возразилъ въ *Голосѣ* въ № 56; на это послѣдовалъ ему новый отвѣтъ автора въ газетѣ *День* № 15; и на этомъ полемика окончилась. Перепечатавъ въ нашемъ изданіи статью, подавшую поводъ къ этой полемикѣ, мы прилагаемъ тутъ же самую эту полемику, какъ потому, что безъ того не доставало бы статьѣ ея естественнаго добавленія, такъ и въ силу изъявленнаго на то согласія самого г-на Костомарова, о чемъ ниже въ своемъ послѣсловіи упоминаетъ авторъ. П. Б.

СТАТЬЯ Н. И. КОСТОМАРОВА.

По вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева.

Въ ряду статей, появившихся въ послѣднее время по отечественной исторіи, не должна пройти безъ вниманія статья г. Павлова, напечатанная въ „Днѣ“: „Правда о первомъ Лжедимитріи“. Эта статья замѣчательна по таланту, который такъ и свѣтится отъ первой строчки до послѣдней—а талантъ въ нашей литературѣ, въ настоящее время, все равно, что̀ дождь въ засуху. Тѣмъ неменѣе, однако, надобно сознаться, что этотъ талантъ употребленъ на защиту произвольнаго мнѣнія, лишеннаго неоспоримыхъ научныхъ доказательствъ и, потому, невыдерживающаго критики. Г. Павловъ проводитъ о первомъ Лжедимитріи такую догадку. Враги Бориса хотѣли подстроить ему Самозванца подъ именемъ Димитрія, и нашли его въ Гришкѣ Отрепьевѣ; но когда его выпустили изъ Московскаго государства и ожидали, какъ онъ явится съ именемъ Димитрія ниспровергать тронъ Бориса—вдругъ, неожиданно для нихъ, является совсѣмъ другое лицо съ тѣмъ же именемъ; лицо это было твореніе хитрыхъ іезуитовъ, которые устроили такой ковъ для того, чтобъ, посредствомъ подготовленнаго и въ ихъ духѣ воспитаннаго лжецаревича, ввести католичество въ Россію. Вотъ смыслъ статьи г. Павлова. Затѣмъ, все, что̀ встрѣчается въ характерѣ Самозванца и другихъ прикосновенныхъ къ его исторіи лицъ такого, что̀ противорѣчить можетъ его іезуитству, г. Павловъ объясняетъ хитростію и притворствомъ. На какомъ же основаніи почтенный и талантливый авторъ хочетъ, во что бы то ни стало, сдѣлать іезуитовъ творцами нашего Самозванца? На томъ, что іезуиты способны были на такую продѣлку, и слѣдовательно это могло быть. Но если они были на то способны, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они непремѣнно и сдѣлали это, и эластическому *можетъ быть* всегда съ равною силою можно противопоставить *можетъ не быть*. Пусть бы г. Павловъ считалъ за своимъ мнѣніемъ нѣкоторую степень вѣроятія, нѣтъ! онъ увлекается до того, что считаетъ его несомнѣнною истиною. А мы увѣрены, что если г. Павловъ посмотритъ на свое мнѣніе хладнокровнѣе, то самъ скажетъ, что оно очень сомнительно. Самозванство въ Московскомъ государствѣ было подъ руку іезуитамъ—правда; іезуиты спѣшили воспользоваться явленіемъ Самозванца—и это правда. Но изъ этого слѣдуетъ только, что іезуиты умѣли употреблять въ свою пользу представлявшіеся имъ случаи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они непремѣнно должны быть устроителями и творцами всѣхъ случаевъ, которые имъ были полезны? Вѣдь іезуиты, ухватившись за Димитрія, которому нужно было содѣйствіе къ достиженію престола, точно также ухватились бы за десять другихъ случаевъ совсѣмъ иного рода, лишь бы проникнуть въ Московское государство. Таковъ ли фактъ явленія Самозванца, чтобъ его могли

создать одни іезуиты? Нѣтъ; самъ г. Павловъ говоритъ противное, полагая, что разомъ творилось двое фальшивыхъ Димитріевъ: одного готовили въ Москвѣ враги Годунова, другаго—іезуиты. Слѣдовательно, не одни іезуиты были способны работать Самозванцевъ. Былъ ли нашъ Самозванецъ первый въ своемъ родѣ? Нѣтъ; въ Молдавіи ихъ было до того времени, одинъ за другимъ, пять, и всѣ они находили себѣ помощь въ Украйнѣ, гдѣ нашелъ себѣ ее и нашъ Лжедимитрій; не іезуиты, однако, творили Молдавскихъ! Желательно знать, какъ бы отвѣтилъ намъ г. Павловъ, еслибъ мы ему сказали: положимъ, что приготовленный врагами Бориса Самозванецъ не имѣлъ успѣха, и вмѣсто его явился другой; но почему же вы знаете, что этотъ другой былъ подстроенъ іезуитами? Можетъ быть, онъ подготовленъ другимъ враждебнымъ Борису кружкомъ, не знавшимъ о подготовкѣ перваго? Вѣдь у Бориса было много враговъ; а такое дѣло, какъ подготовка Димитрія, было дѣло тонкое; его нужно было производить въ большой тайнѣ, объ этомъ знать могло нѣсколько лицъ; что же дивнаго, если въ одно и тоже время готовилось въ Москвѣ двое Димитріевъ, и творцы ихъ не знали взаимныхъ трудовъ для одной и той же цѣли? А вы, г. Павловъ, непремѣнно одного изъ нихъ хотите сдѣлать іезуитскимъ твореніемъ!

Г-нъ Павловъ, для подтвержденія своей любимой мысли, прибѣгаетъ къ самому некритическому способу пользованія источниками и готовъ опираться на всякое произвольное искаженіе фактовъ, какое ему попадается въ книгахъ, лишь бы это служило ему въ пользу. Вотъ онъ указываетъ на мнѣніе митрополита Платона, который упирался на Гофмановъ Лексиконъ, изданный почти чрезъ столѣтіе послѣ Самозванца—какъ будто это источникъ первой руки! Мысль о томъ, что Самозванецъ подстроенъ іезуитами существовала ранѣе и, по всей вѣроятности, явилась у протестантовъ, которые, изъ злобы къ іезуитамъ, готовы были клеймить ихъ всевозможнѣйшими способами, точно также какъ іезуиты протестантовъ. Подобную мысль мы встрѣчаемъ у Шведа Шаума, современника описываемой эпохи: онъ не считаетъ Самозванца воспитанникомъ іезуитовъ, онъ признаетъ его Гришкою Отрепьевымъ, но замыселъ назваться царевичемъ Димитріемъ приписываетъ іезуитамъ. Въ началѣ XVII вѣка, между прочими способами толкованія, кто была загадочная личность подъ именемъ Московскаго царевича, было въ ходу подозрѣніе, не воспитанъ ли и не подготовленъ ли онъ іезуитами. На существованіе этого подозрѣнія указываетъ и Маржеретъ, посвятившій нѣсколько страницъ опроверженію этого подозрѣнія. Намъ кажется, вмѣсто того, чтобъ подтверждать свои догадки примѣромъ митрополита Платона и Гофмана, г. Павлову слѣдовало бы прослѣдить всѣ раннія извѣстія, показывающія существованіе мнѣнія объ іезуитизмѣ Лжедимитрія, показать степень достовѣрности источниковъ, заключающихъ въ себѣ эти мнѣнія, и тогда уже приступить къ изложенію собственнаго мнѣнія по этому поводу.

Г-нъ Павловъ говоритъ, что исповѣдникъ Лжедимитрія, первый сказавшій другимъ, что онъ истинный царевичъ—былъ іезуитъ; г. Павловъ, конечно, разумѣетъ здѣсь священника, который исповѣдывалъ больнаго

или притворившагося больнымъ Самозванца въ домѣ Адама Вишневецкаго. Но пусть г. Павловъ переберетъ всѣ варіанты этого сказанія: онъ найдетъ, что во многихъ онъ называется священникомъ православной вѣры, а въ нѣкоторыхъ—Латинской, но, очевидно, по незнанію. Здравая критика заставляетъ признать этого священника православнымъ. Вѣдь князь Адамъ Вишневецкій былъ православной вѣры и даже заявилъ себя противодѣйствіемъ Уніи. Съ какой стати быть у него во дворѣ іезуиту? И съ какой стати претенденту на званіе Московскаго царевича, въ домѣ православнаго пана, призывать іезуита? Вѣдь если допустить, что онъ желалъ со временемъ ввести католичество въ Московскомъ государствѣ, то всетаки надобно признать, что онъ, до поры до времени, сохранялъ это намѣреніе втайнѣ отъ православныхъ, и заявить объ немъ съ самаго начала въ православномъ домѣ значило подвергать опасности собственный замыселъ: изъ православнаго двора вѣсть понеслась бы по Украйнѣ, зашла бы въ Московское государство и, вмѣстѣ съ слухомъ о спасеніи Димитрія, понесся бы слухъ о томъ, что этотъ Димитрій принялъ Латинскую вѣру. Безъ сомнѣнія, замѣнили православнаго священника въ домѣ Вишневецкаго Латинскимъ, да еще іезуитомъ, тѣ, которые не знали, что Вишневецкіе въ тѣ времена были паны православные.

Г-нъ Павловъ говоритъ, что іезуиты свели Самозванца съ Мнишкомъ. Откуда это? Сколько извѣстно, къ Мнишку привезъ Самозванца Константинъ Вишневецкій, также панъ православной вѣры, какъ и братъ его Адамъ. Откуда знаетъ г. Павловъ, что Мнишекъ славился дружествомъ съ іезуитами болѣе всѣхъ пановъ? Если у г. Павлова есть неизданныя біографическія свѣдѣнія о Мнишкѣ, то не дурно было бы подѣлиться ими со всѣми нами. А изъ тѣхъ данныхъ, которыя намъ извѣстны, и особенно изъ писемъ самого Мнишка, видно, что онъ, хотя былъ вѣрный сынъ римско-католической церкви, но меньше думалъ о какихъ либо всесвѣтныхъ замыслахъ іезуитовъ, чѣмъ объ устройствѣ своихъ семейныхъ, домашнихъ и финансовыхъ дѣлъ. Дочь свою Урсулу онъ выдалъ за православнаго и не обратилъ его чрезъ то въ католичество. Это не показываетъ въ немъ фанатика. Г-нъ Павловъ говоритъ, что Самозвенецъ написалъ первый письмо къ папѣ, и при томъ собственноручно. Въ томъ-то и дѣло, что не онъ обратился первый къ папѣ, а папа къ нему *).

Г-нъ Павловъ не хочетъ видѣть тѣхъ обстоятельствъ, которыя противорѣчатъ его любимой мысли объ іезуитствѣ Самозванца. Это, вопервыхъ —его медленность и равнодушіе ко введенію католичества, вовторыхъ — его незнаніе Латинскаго языка. Первое у г. Павлова объясняется осторожностію, второе – притворствомъ. Что касается перваго, то естественно было Самозванцу соблюдать осторожность съ своими подданными, но не было ему причины быть осторожнымъ по отношенію къ папѣ, нунцію въ Польшѣ и вообще по отношенію ко всѣмъ, желавшимъ введенія католичества въ Московщинѣ. А между тѣмъ и папа, и нунцій, и кардиналы обвиняли его

*) Это мы узнаёмъ изъ неизданныхъ писемъ, за сообщеніе которыхъ приносимъ благодарность почтенному библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки, г. Минцлову.

за медленность и неискренность въ этомъ дѣлѣ, и не довѣряли ему. Когда, вопреки ожиданіямъ католиковъ, полагавшихъ надежды на бракъ его съ Мариною, Лжедимитрій, напротивъ, потребовалъ, чтобъ папа дозволилъ Маринѣ исполнять обряды Греческой вѣры и соблюдать обычаи той земли, куда она вступила царицею, папа не дозволилъ ей этого, а кардиналъ Боргезе объяснялъ нунцію въ Польшѣ причину недозволенія: чтобъ не дать Димитрію повода оправдывать свое упорство. Ясно, что католическая церковь не довѣряла ему, и даже стала терять на него надежду. Папа укорялъ его за сообщество съ протестантами, что̀ и дѣйствительно было: его домашній секретарь Бучинскій былъ протестантъ; царь не только предоставлялъ протестантамъ отправлять свободно богослуженіе, но дозволилъ протестантскому пастору говорить проповѣди въ Кремлѣ. Его отзывы о религіи, возмущавшіе Московское благочестіе, скорѣе отзываются религіозною терпимостію и вообще вольнодумствомъ, чѣмъ исключительною преданностію папизму; онъ оказывалъ католикамъ благосклонность не потому, что предпочиталъ ихъ вѣру другимъ вѣрамъ, а потому, что принялъ принципъ равенства убѣжденій и свободы совѣсти. Этихъ идей онъ, конечно, набрался въ Польшѣ, почерпнувъ ихъ изъ духа старой Польши, которую тогда уже перевоспитывали на новый ладъ іезуиты. Еслибъ Димитрій былъ лицо, приготовленное съ дѣтства къ своей роли, для чего ему въ письмахъ къ папѣ ограничиваться общими выраженіями преданности, почему не высказать явно и рѣзко рѣшимости поступать по волѣ папы? Почему онъ не давалъ папѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и не представлялъ проектовъ объ удобнѣйшемъ введеніи католичества или Уніи? Г. Павловъ думаетъ, что Лжедимитрій зналъ по-латини и только притворялся незнающимъ. Странно! Притворялся! Предъ кѣмъ? Предъ Москвичами, для которыхъ все равно было, что̀ импираторъ, что̀ императоръ? Нѣтъ! его ошибочная подпись „in Perator“ находится въ писаніи къ Мнишку—передъ нимъ ему незачѣмъ было притворяться не знающимъ по-латини; да притомъ же есть въ другомъ письмѣ къ Мнишку его же подпись правильная: Demetrius intimus filius et amicus. Почему въ этой подписи онъ не притворился незнающимъ, когда она въ письмѣ къ тому же самому лицу, къ которому было писано то письмо, гдѣ онъ подписался неправильно? Не скорѣе ли ошибка его объясняется такимъ образомъ: Лжедимитрій мороковалъ кое-что по-латини, да не твердо; когда пришлось подписаться императоромъ, въ памяти его сбились правила Латинской орѳографіи; зналъ онъ, что много словъ начинаются съ предлога in; показалось ему въ то время, что титулъ императора составленъ съ этимъ предлогомъ, и подмахнулъ онъ in Perator, да еще предлогъ отставилъ, букву P написалъ прописной, воображая, что слово императоръ двойное и существуетъ безъ предлога in одно—Perator. Ошибка чисто школьника, не твердо выучившаго чужой языкъ. Что касается подписи *Демсустри*, то подпись эта очень неразборчива, и мы не беремся теперь объяснять ее. Но кто говоритъ о свѣдѣніяхъ Лжедимитрія въ Латинскомъ языкѣ? Г. Павловъ ссылается на Де-Ту. Да развѣ Де-Ту видалъ его, говорилъ съ нимъ? Вѣдь почтенный Французъ руководствовался только

тѣмъ, что другіе ему передавали, и часто просто молвою. Точно также Вассенбергъ, увѣряющій, что Димитрій зналъ хорошо по-латини и научился этому языку въ Ливоніи, не былъ лично знакомъ съ Самозванцемъ. Какъ не повѣрить скорѣе Маржерету, который былъ близокъ къ нему и который положительно увѣряетъ, что онъ былъ плохой знатокъ латини, или почти ничего не зналъ?

Что касается предположенія, будто враги Бориса подготовляли ему Димитрія и этотъ подготовляемый былъ—Гришка Отрепьевъ, то здѣсь представляются намъ слѣдующія несообразности. Вопервыхъ, лицо это было черезчуръ извѣстно въ Москвѣ. Онъ вѣдь былъ у патріарха Іова; иностранцы говорятъ, что онъ находился у него въ качествѣ домашняго секретаря. Русскія повѣствованія, согласно съ этимъ, говорятъ, что онъ, живя у Іова, *съ нимъ въ думу царскую хождаше*. Если враги Бориса задумали свергнуть его съ престола, подставивъ ему Димитрія, то, безъ сомнѣнія, могли найти для этой цѣли лицо, которое бы не стояло до такой степени на виду, какъ Гришка Отрепьевъ. Тысячи народа могли перебывать у патріарха во дворѣ, видѣть Гришку и признать его въ лицо. Притомъ, еслибъ Гришка, будучи въ Москвѣ, проявилъ свои самозванническія наклонности и бѣжалъ вслѣдствіе необходимости спасать себя отъ преслѣдованія властей, то объ этомъ было бы сказано въ патріаршей грамотѣ; а также и въ переговорахъ бояръ съ Польскими панами, они упомянули бы объ этомъ обстоятельствѣ. Гришка былъ подозрѣваемъ въ чернокнижествѣ, и оттого убѣжалъ.

Г. Павловъ укоряетъ меня: зачѣмъ я не предалъ важности извѣстію хроники Буссова, что Гришка распускалъ злые слухи о Борисѣ въ числѣ другихъ? Я отвѣчу на это: потому, что не считаю этого обстоятельства важнымъ по отношенію къ вопросу о личности перваго Самозванца, кѣмъ бы послѣдній ни былъ. Мало ли кто въ то время худо отзывался о Борисѣ, иногда поплачиваясь за неосторожность? Не за это хотѣли схватить Гришку, а за вѣдомое знакомство съ бѣсами. Хроника Буссова тутъ, можетъ-быть, ошиблась. На Гришку Отрепьева, какъ на козла отпущенія, взвалили грѣхъ Самозванца потому, что нужно было, во что бы то ни стало, назвать народу собственнымъ именемъ лицо, принявшее на себя имя Димитрія. Такіе люди, какъ Борисъ, Іовъ и ихъ клевреты, способны были выдумать на Гришку самозванство; но мы думаемъ, что они сами повѣрили, что Самозванецъ, явившійся подъ именемъ Димитрія и шедшій изъ Польской Украйны въ предѣлы Московскаго государства, былъ Гришка. Трое бродягъ, которымъ, ради собственной шкуры, полезно было наговорить что нибудь о явившемся Димитріи, объявили его Гришкою. Патріархъ и духовныя особы знали о Гришкѣ, что онъ чернокнижникъ, съ бѣсами за панибрата и убѣжалъ въ Польшу: какъ же не быть ему способнымъ на такую бѣсовскую продѣлку?

Неудачный выборъ имени способствовалъ гибели Годуновыхъ. Россія отступала отъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ обманъ исчезалъ, и оказывалось, что пришедшій подъ именемъ Димитрія вовсе не Гришка. Самозванецъ

сѣлъ на престолъ Московскаго государства и смѣло глядѣлъ въ лицо народу, безопасно ходилъ по улицамъ одинъ самъ-другъ, чего до него не дѣлалъ ни одинъ царь, довѣрчиво принималъ два раза въ недѣлю просьбы отъ Московскаго народа. Ему бояться было нечего: Гришка, за котораго его выдавали, былъ съ нимъ; онъ присталъ къ нему въ Польскихъ владѣніяхъ, какъ вообще приставали изгнанники, служилъ ему и былъ ему необходимѣе, чѣмъ кто-нибудь. Понятно, что когда этотъ Гришка находился на лицо въ Москвѣ, Самозванцу легко было отдать вопросъ о своей личности на сужденіе лицъ всѣхъ сословій; по дѣлу Василія Шуйскаго понятно, почему судьи должны были осудить Шуйскаго: Гришка былъ на лицо, и царь, очевидно, могъ доказать, что онъ не тотъ, за котораго его хотѣли выдать. Пьяное и безпутное поведеніе Гришки Отрепьева стало невыносимо: по свидѣтельству Маржерета, Самозванецъ сослалъ его въ Ярославль. Это была одна изъ важныхъ ошибокъ самозванцева легкомыслія. Ему слѣдовало, во что бы то ни стало, держать этого забулдыгу въ Москвѣ. Самозванца убили, и снова провозгласили его Гришкою. Настоящаго Гришку въ Ярославлѣ поспѣшили отправить туда, откуда онъ не могъ болѣе своимъ присутствіемъ заявлять, что царь, теперь уже убитый, былъ не Гришка. Но какъ же, спросятъ, Москвичи-то послѣ того повѣрили, что надъ ними царствовалъ Гришка, когда настоящаго показывали народу? Увѣрили народъ, что тутъ Гришка, усѣвшись на престолѣ, при помощи сатаны, подставилъ вмѣсто себя другаго... кого? Этого, кажется, хорошенько не выучили: кто говорилъ—Пимена, кто говорилъ—Леонида. Знавшіе Гришку прежде, когда онъ находился еще въ патріаршемъ дворѣ, конечно, должны были замѣтить сходство между тѣмъ, который нѣкогда занимался книжнымъ письмомъ и съ патріархомъ *въ думу царскую хождаше* и между тѣмъ, кого показывалъ народу царь, вошедшій въ Московское государство подъ именемъ Димитрія. Но вѣдь Гришка былъ чернокнижникъ, вѣдунъ, и поэтому легко могъ отвести глаза людямъ и навести на всѣхъ такой туманъ, что Леонидъ или Пименъ сталъ показываться Гришкою Отрепьевымъ. Такъ, вѣроятно, и утвердилось на Руси мнѣніе, будто царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ Гришка Отрепьевъ, а тотъ, котораго онъ показывалъ подъ именемъ Гришки Отрепьева—былъ иной.

Такъ мы понимаемъ значеніе Гришки Отрепьева на основаніи современныхъ указаній, и если Самозванецъ не былъ Гришка Отрепьевъ (въ чемъ мы сходимся съ г. Павловымъ), то мысль о томъ, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы съ внушеннымъ ему врагами Бориса намѣреніемъ—назваться Димитріемъ, столь же мало выдерживаетъ критику, какъ и то, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ предуготовленное заранѣе орудіе іезуитской пропаганды.

Отвѣтъ Н. М. Павлова Н. И. Костомарову.

Наша историческая замѣтка „Правда о Лжедимитріи" (напечатанная въ „Днѣ" №№ 51 и 52), обратила на себя вниманіе г-на Костомарова. Въ 30-мъ нумерѣ „Голоса" этотъ нашъ извѣстный ученый дѣлаетъ объ ней лестный отзывъ. Не отвѣчать Петербуржскому профессору, какъ согласится всякій, кто прочиталъ замѣтку г-на Костомарова, было бы съ нашей стороны не простительно уже въ смыслѣ простой учтивости. Но г-нъ Костомаровъ находитъ еще, что тѣмъ не менѣе талантъ, съ которымъ, по его словамъ, эта статья написана, „употребленъ на защиту произвольнаго мнѣнія, лишеннаго неоспоримыхъ научныхъ доказательствъ"; прямѣе говоря: г-нъ Костомаровъ предпочитаетъ свое собственное мнѣніе о Самозванцѣ и опять возвращается къ своему любимому софизму на счетъ Отрепьева. Отвѣчать уважаемому профессору послѣ того становится уже для насъ обязательно въ томъ смыслѣ, что иначе мы прямо бы уклонились отъ диспута.

Выписавъ наши слова о томъ, что Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, г-нъ Костомаровъ дивится и спрашиваетъ: „Откуда это?" Вотъ единственное съ его стороны возраженіе; другихъ возраженій, строго говоря, нѣтъ никакихъ въ замѣткѣ г-на Костомарова: читатель увидитъ, что все остальное, имъ приводимое противъ насъ, или не имѣетъ ровно никакого отношенія къ тому, что̀ мы сказали или даже служитъ тому подтвержденіемъ. Мы жалѣемъ только объ одномъ, жалѣемъ, что лишь однимъ этимъ спросомъ и ограничиваетъ г-нъ Костомаровъ всѣ свои возраженія. Спросовъ на цитаты мы ничуть не боимся; если мы въ своемъ дидактическомъ изложеніи событія избѣгали всякихъ ссылокъ и выносокъ, то никакъ не произвольность нашего о немъ мнѣнія была тому причиной. Со стороны тѣхъ, кто незнакомъ съ источниками и не изучалъ непосредственныхъ памятниковъ эпохи, мы лучше хотѣли подвергнуться обвиненію въ дилетантизмѣ, чѣмъ въ педантствѣ. Кто, напротивъ того, сотни разъ читалъ и перечитывалъ эти памятники, сличая и провѣряя ихъ другъ съ другомъ, тотъ, надѣялись мы, безъ всякихъ съ нашей стороны указаній, будетъ поминутно видѣть откуда что̀ мы брали. Въ каждой нашей строкѣ, думали мы, такой желанный цѣнитель будетъ только угадывать знакомыя и презнакомыя для себя строки самихъ памятниковъ, самихъ источниковъ. Если, наконецъ, въ чемъ нибудь и полагали мы видѣть какой-нибудь „талантъ" въ статьѣ „Правда о Лжедимитріи", такъ въ томъ именно, что въ этой статьѣ нѣтъ ни одного періода, который бы не былъ только простымъ перифразисомъ самихъ источниковъ, или не былъ бы, такъ сказать, кристализованъ изъ двухъ-трехъ подлинныхъ выраженій, тщательно между собою сличенныхъ. Это до такой степени справедливо, что даже тѣ мѣста или, по крайней мѣрѣ, тѣ отдѣльныя фразы, которыя оказывались по тщательномъ разборѣ вѣрными и у нашихъ новѣйшихъ историковъ, мы не

отказывались вносить въ свой трудъ почти безъ измѣненій, не находя нужнымъ передѣлывать того, что уже разъ было хорошо сдѣлано.

Наше мнѣніе о Самозванцѣ (г-нъ Костомаровъ передаетъ его не слишкомъ вѣрно) состоитъ вотъ чемъ. Дѣло съ первымъ Лжедимитріемъ, говоримъ мы, цѣлая интрига, интрига сложная и запутанная. Повидимому она заразъ завязывалась съ двухъ разныхъ сторонъ; заводится она на Москвѣ боярами, заводилась въ тоже время или еще и ранѣе, на Литвѣ иными заводчиками; какъ тѣ, такъ и другіе заводчики притомъ, повидимому, другъ съ другомъ солидарны; вся суть интриги однакожъ подъ конецъ всего въ томъ и оказывается, что Литовскіе заводчики тутъ перехитрили; въ этой съ двухъ сторонъ хитрой и нечистой игрѣ Литва съ самаго начала хитрѣй и нечище играла. Бояре, довѣрясь двуличнымъ пріятелямъ, заводили на Москвѣ своего Самозванца никакъ не для того, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ царствовалъ, а единственно, чтобъ пошатнуть престолъ Бориса; ясное дѣло, что при такой ограниченной цѣли имъ всякій „забулдыга“ былъ на руку, и запроса на героя, который былъ бы не въ шутку способенъ или достоинъ вѣнчаться вѣнцомъ Мономаха—тутъ нѣтъ и не было. Литва, напротивъ того, изготовляла своего собственнаго Самозванца для цѣлей болѣе широкихъ; ей нужно было именно то, чтобы ея Самозванецъ царствовалъ; она, пользуясь боярскимъ заводомъ Самозванца и плодимой имъ вѣрой въ Димитрія, до времени только загребала жаръ чужими руками. Когда приспѣло время, Литовскіе заводчики украли боярскаго Самозванца изъ міра, а своего выпустили въ міръ; они, на мѣсто ожидаемаго боярами Гришки Отрепьева, привели совсѣмъ инаго гостя въ Россію.

Таково наше мнѣніе. Мы доказали его сличеніемъ Отрепьевской біографіи съ біографіей того Самозванца, который царствовалъ; ограничились при этомъ только эпохой самого Лжедимитрія. Но мнѣніе это оправдывается еще всей послѣдующей исторіей; можно его доказать всѣмъ ходомъ переговоровъ бояръ съ Поляками, послѣ того, какъ Самозванецъ былъ убитъ; истинность токого объясненія, кромѣ того, поминутно оправдывается всѣмъ смутнымъ временемъ.

Мнѣніе, что Лжедимитрій изначала орудіе іезуитовъ, ничуть не ново. Мы остановились преимущественно на толкованіи митрополита Платона потому только, что онъ полнѣе другихъ развилъ это мнѣніе и привелъ блистательныя доказательства тому, что царствовавшій Самозванецъ не былъ на самомъ дѣлѣ такимъ, „каковымъ его наши лѣтописцы выдаютъ“. Чѣмъ же возражаетъ на это г-нъ Костомаровъ? „Мысль о томъ, что Самозванецъ подстроенъ іезуитами, существовала ранѣе“, говоритъ онъ. Развѣ мы въ этомъ сомнѣвались? „Въ началѣ XVII-го вѣка“, продолжаетъ онъ, оговоривъ, что упрекъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ пожалуй одна клевета на нихъ со стороны протестантовъ, „въ началѣ XVII-го вѣка между прочими способами толкованія, кто была загадочная личность подъ именемъ Московскаго царевича, было въ ходу подозрѣніе, не воспитанъ ли и не подготовленъ ли онъ іезуитами. На существованіе этого подозрѣнія указываетъ и Маржеретъ“. Тѣмъ лучше для насъ, что Маржеретъ указы-

ваетъ; но мы развѣ сомнѣвались въ томъ, что еще въ началѣ тысяча шестисотыхъ годовъ существуютъ на это указанія? Помнится, мы даже ссылались на то, что наше мнѣніе о Лжедимитріи, какъ о питомцѣ іезуитовъ, раздѣлялось самими современниками, и неужели-жъ намъ это принимать себѣ за возраженіе?

Кромѣ подробнаго исчисленія всѣхъ случаевъ видимаго участія іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ, мы въ своей статьѣ привели еще нѣсколько новыхъ соображеній, которыя невольно наводятъ подозрѣнія на нихъ же. „Наканунѣ Лжедимитріева появленія у Вишневецкаго, сказали мы, или почти одновременно съ тѣмъ, вдругъ распространяется прежде слухъ, а потомъ доходитъ тому и фактическое доказательство, что Отрепьевъ производитъ волненіе между казаками. Что-жъ сейчасъ оказывается? Это вопервыхъ, уже кѣмъ-то подставленный Отрепьевъ, монахъ Леонидъ, или еще другой, уже третій. Вовторыхъ, само волненіе между казаками и по всей Украйнѣ оказывается организованнымъ слишкомъ въ большихъ размѣрахъ, изобличающихъ никакъ не одного монаха, а многочисленныхъ, какихъ-то могущественныхъ и всюду имѣющихъ связи агентовъ. Распространяютъ всюду несмѣтное множество подметныхъ грамотъ, перевозятъ ихъ и въ глубь Россіи въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда шелъ изъ Литвы по случаю дороговизны отъ голода, по всѣмъ странамъ Европы, при всѣхъ дворахъ единовременно начинаются агитаціи по поводу „Димитрія“; его собственная домашняя канцелярія сразу оказывается организованной для самыхъ широкихъ, сложныхъ и актуальнѣйшихъ сношеній даже съ дворами и пр. и пр.“. Мы, притомъ, обращали вниманіе, что задолго еще до 1604 года уже по всей Русско-Литовской Украйнѣ кѣмъ-то плодились и распускались смутные толки, кѣмъ-то постоянно производились здѣсь агитаціи; еще въ концѣ 1602 года, еще въ 1603 году становилось уже ясно, помимо всѣхъ другихъ соціальныхъ бѣдствій за то время, что кто-то еще и мутилъ. Мы наконецъ сдѣлали весьма важную замѣтку, что во всѣхъ подложныхъ біографіяхъ Лжедимитрія, ищущихъ выдать его за истиннаго, постоянно просвѣчиваетъ желаніе отклонить подозрѣніе въ томъ, что Лжедимитрій зналъ по-латини или, по крайней мѣрѣ, отклонить подозрѣніе, что латини научили его іезуиты. Г-нъ Костомаровъ, повидимому, проглядываетъ все это въ нашей статьѣ, какъ и многое другое.

„Желательно знать“, говоритъ онъ, „какъ бы отвѣтилъ намъ г-нъ Павловъ, еслибъ мы ему сказали: положимъ, что приготовленный врагами Бориса Самозванецъ не имѣлъ успѣха, и вмѣсто его явился другой; но почему же вы знаете, что этотъ другой былъ подстроенъ іезуитами? Можетъ быть, онъ подготовленъ другимъ враждебнымъ Борису кружкомъ, не знавшимъ о подготовкѣ перваго?“ Отвѣтъ нашъ на это очень простъ: если г-нъ Костомаровъ знаетъ какой-нибудь другой кружокъ, который помимо іезуитовъ тутъ принималъ бы участіе, пусть онъ намъ и откроетъ его. А мы съ своей стороны, какъ въ этой агитаціи по всей Литовско-Русской Украйнѣ и при всѣхъ Европейскихъ дворахъ, также точно и въ

подмѣнѣ Отрепьева Леонидомъ, и въ самомъ отклоненіи, наконецъ, подозрѣній въ латини, кромѣ кружка іезуитовъ, никакого инаго кружка заподозрить, на основаніи историческихъ данныхъ, не можемъ.

„Вѣдь князь Адамъ Вишневецкій былъ православной вѣры!“ восклицаетъ г-нъ Костомаровъ. „Вишневецкіе въ тѣ времена были паны православные!..“ А мы развѣ утверждали, что въ тѣ времена іезуиты уже успѣли ихъ совратить въ католичество? Мы развѣ ставили какой нибудь вопросъ объ исповѣданіи Вишневецкаго? Больше того: слѣдуетъ ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи подобныхъ Вишневецкимъ, тогдашнихъ пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ, поутру уніатовъ—къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ? „Священникъ, исповѣдавшій Самозванца у Вишневецкаго, говоритъ г-нъ Костомаровъ, во многихъ варіантахъ сказанія называется священникомъ православной вѣры“. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что г-нъ Костомаровъ не отвергаетъ того, что „въ нѣкоторыхъ онъ дѣйствительно называется священникомъ Латинской вѣры“. Но послѣднее, говоритъ г-нъ Костомаровъ, произошло отъ незнанія. Нѣтъ, отвѣчаемъ ему съ большей основательностью, послѣднее вѣрно, а вотъ то̀ первое показаніе даже не отъ незнанія могло произойти, а очень и сознательно, и умышленно.

„Все, что̀ встрѣчается въ характерѣ Самозванца и другихъ прикосновенныхъ къ его исторіи лицъ такого, что̀ противорѣчить можетъ его іезуитству, говоритъ г-нъ Костомаровъ, г-нъ Павловъ объясняетъ хитростію и притворствомъ“. Объяснять все хитростью и притворствомъ, конечно, уже слишкомъ простодушно; но что же такое это все, что̀ мы объясняемъ такъ простодушно? „Г-нъ Павловъ не хочетъ видѣть, говоритъ г-нъ Костомаровъ, тѣхъ обстоятельствъ, которыя противорѣчатъ его любимой мысли объ іезуитствѣ Самозванца. Это, вопервыхъ, его медленность и даже равнодушіе по введенію католичества, вовторыхъ, его незнаніе Латинскаго языка. Первое у г-на Павлова объясняется осторожностью, второе притворствомъ“. И папа, и нунцій, и кардиналы, продолжаетъ г-нъ Костомаровъ, обвиняли Самозванца за медленность и неискренность въ этомъ дѣлѣ, и не довѣряли ему. Зачѣмъ намъ это доказываетъ г-нъ Костомаровъ? Развѣ, скажемъ опять, мы сомнѣвались когда-нибудь во всемъ этомъ? „Остается послѣдній доводъ, сказали мы въ своей статьѣ, которымъ защитники іезуитовъ пытались снять съ нихъ отвѣтственность за Самозванца. Лжедимитрій, говорятъ они, никогда особенно не благоволилъ іезуитамъ, а если цѣль его возведенія на престолъ Унія, то зачѣмъ онъ не ввелъ ея? Хотя краткость Лжедимитріева царствованія одна отстраняетъ такой запросъ, хотя сами же іезуиты дали по этому поводу на себя, нами уже приведенную обличительную запись „вести дѣло осторожно“; но мы сами хотимъ какъ бы на мигъ принять сторону нашихъ противниковъ и еще усилимъ дѣло. Самозванецъ точно не потакалъ іезуитамъ! Мало того, возведенный ихъ содѣйствіемъ на тронъ при помощи короля Польскаго, онъ вездѣ потомъ относится къ нимъ и къ

ихъ Уніи съ какою-то злою страстью. Онъ какъ будто постоянно за что-то мститъ окружающимъ его благодѣтелямъ и вѣчно-нахальнымъ обращеніемъ съ ними, когда принимаетъ за-просто, и своимъ же трицарственнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, когда допускаетъ до сіянія трона. Тѣ уже досадуютъ, благоразумно перешептываются между собою, что „царевичъ не оказываетъ знаковъ истиннаго благочестія", что „онъ видимо начинаетъ уклоняться отъ своихъ прежнихъ намѣреній", что „должно бы было ему, кажется, хранить почтеніе къ усердно ему помогавшимъ"..; тотъ, при всякомъ ему на то намекѣ съ ихъ стороны, и топаетъ ногою въ полъ, и грызетъ себѣ ногти, будто заразъ и хочетъ оттолкнуть, и роковыми связанъ нитями. Но эта-то самая страстность и составляетъ еще для насъ въ Самозванцѣ его знаменательнѣйшую, психологическую черту. Если когда-нибудь и въ чемъ-нибудь проглянула въ Самозванцѣ честность, такъ въ этихъ именно движеніяхъ его души, во дни царственнаго въ Кремлѣ величія, когда самовѣріе готово было парить на высоту зенита, а тутъ объ руку сверкали глаза его благодѣтелей-іезуитовъ!" Гдѣ-жъ тутъ съ нашей стороны объясненіе осторожностью всего того, что̀ противорѣчитъ въ Самозванцѣ его іезуитству? Не сами ли мы еще усиливаемъ въ Самозванцѣ эту неискренность въ дѣлѣ Уніи, и не при нашемъ ли именно объясненіи Лжедимитрія эта неискренность дѣлается, наконецъ, вполнѣ понятна? Одинаково и знаніе-ли незнаніе-ли латини объясняемъ мы въ Самозванцѣ ничуть не притворствомъ. Маржеретъ при всемъ томъ, что знаніе Латинскаго языка Лжедимитріемъ всѣмъ было хорошо извѣстно, берется доказать противное тѣми ошибками, которыя встрѣчались въ его подписяхъ. Мы, оговоривъ, что этимъ ошибкамъ постоянно придавали какой-то преувеличенный вѣсъ, предложили только догадку: не сами-ли еще іезуиты и Маржерету-то наводили глаза на эти ошибки и описки? Имъ, и только имъ однимъ, было особенно нужно отводить глаза отъ знанія латини въ ученикѣ ихъ Лжедимитріи; имъ, слѣдовательно, было въ радость и тыкать пальцемъ на эти ошибки.

Но ошибка въ подписи in Perator, говоритъ г-нъ Костомаровъ, встрѣчается въ письмѣ Самозванца къ его тестю; за то въ другомъ письмѣ есть его же подпись совершенно правильная: Demetrius intimus filius et amicus. Совершенно справедливо. Мы и не выдавали, что эту подпись in Perator приводитъ Маржеретъ въ своихъ указаніяхъ, ибо Маржеретъ, сколько намъ извѣстно, ни одной не приводитъ; но такъ какъ, напримѣръ, г-нъ Соловьевъ въ своей Исторіи ссылается именно на эту подпись, то мы и остановились на ней. Мы склонны подозрѣвать въ этой неправильной ороографіи титула умышленность; но развѣ правильность другой подписи amicus и пр. опровергаетъ сколько нибудь нашу догадку о томъ, что неправильность подписи титула здѣсь умышленная? Она только увеличиваетъ ее. Такъ-какъ мы еще оговаривали, что именно императорскій титулъ— вотъ что̀ въ Лжедимитріи составляло главнѣйшее наущеніе іезуитовъ, при томъ титулъ здѣсь исковерканъ на зло даже ороографіи Русской, то

ясно, кажется, что самую эту умышленность въ извращеніи ороографіи мы ставили никакъ не въ вину ученику іезуитовъ, т. е. Лжедимитрію, а его учителямъ—латинистамъ. „Въ Молдавіи было нѣсколько самозванцевъ, говоритъ г. Костомаровъ, не іезуиты же ихъ подстроивали!"—„Примѣры самозванцевъ", сказали и мы въ своей статьѣ, „уже существовали въ исторіи." Гдѣ-жъ опять тутъ возраженіе?

Читатель видитъ, послѣ всего, что всѣ возраженія г. Костомарова, и вправду сказать, мало къ намъ относятся; они даже подчасъ являются подтвержденіемъ нашихъ словъ, а не опроверженіемъ. Никакъ, точно также, за опроверженіе нашего мнѣнія мы не можемъ принять всего того, что разсказываетъ г. Костомаровъ о томъ, какъ самъ онъ понимаетъ Гришку Отрепьева. Съ одной стороны, все, что тутъ говорится объ увѣренности многихъ въ томъ, что явленный Димитрій--отнюдь не Гришка, говоримъ и мы; съ другой—все, что г. Костомаровъ говоритъ уже о собственной своей, личной увѣренности, въ томъ наприм., что Гришка никогда даже и не помышлялъ о самозванствѣ, а обвинили его въ томъ безъ всякаго основанія, или еще, что монахи, которые на него показывали, были просто на просто лгуны, или, наконецъ, что не подложный, а подлинный Гришка Отрепьевъ самъ находился въ Москвѣ на-лицо при коронованномъ Лжедимитріи... все это, говоримъ, какъ чисто-субъективное вѣрованіе г-на Костомарова, пусть при немъ и останется.

Одно только возраженіе, такимъ образомъ, и остается намъ теперь опровергнуть, возраженіе, которое мы уже и указали съ самаго начала. „Г-нъ Павловъ говоритъ, что іезуиты свели Самозванца съ Мнишкомъ. Откуда это?" спрашиваетъ г-нъ Костомаровъ. „Сколько извѣстно, къ Мнишку привезъ Самозванца Константинъ Вишневецкій. Откуда знаетъ г. Павловъ, что Мнишекъ славился дружествомъ съ іезуитами болѣе всѣхъ пановъ? Если у г. Павлова есть неизданныя біографическія свѣдѣнія о Мнишкѣ, то не дурно было бы подѣлиться ими со всѣми нами". Да, Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты; мы дѣйствительно это сказали. Но для того, чтобы знать откуда это, нѣтъ никакой надобности изнемогать въ тщетной погонѣ за новыми, неизданными источниками, а уже вполнѣ довольно не проглядывать однихъ старыхъ, вчитываться пристальнѣе въ тѣ источники, которые давно всѣмъ доступны и сію минуту у насъ подъ руками.

Начнемъ съ Дневника Марины, который въ этомъ случаѣ болѣе всѣхъ благопріятенъ г-ну Костомарову. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „Князь Константинъ представилъ Димитрія пану-воеводѣ, а панъ-воевода его королевскому величеству". Тутъ, правда, поименованъ Константинъ Вишневецкій, а іезуиты не поименованы; но такъ какъ не поименованы-же они и при представленіи самому королю, а между тѣмъ черезъ ихъ-то главное содѣйствіе Лжедимитрій и получилъ къ нему доступъ (чего, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать и г. Костомаровъ), то ясное дѣло, что эту цитату изъ Дневника Марины не иначе можно понимать, какъ лишь въ общемъ духѣ, а не буквально; въ ней прямаго противорѣчія нашимъ словамъ, какъ и доказательства словамъ г-на Костомарова, значитъ, еще нѣтъ.

У Петрея читаемъ уже вотъ что̀: „Воевода Сендомирскій, съ согласія іезуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и другихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе, далъ слово жениться на дочери воеводы Сендомирскаго. Іезуиты радовались отъ всей души и пр.“

Наконецъ, уже вотъ замѣчательнѣйшее свидѣтельство того историка, который о Самозванцѣ почерпалъ разныя свѣдѣнія прямо отъ іезуитовъ, отъ многихъ очевидцевъ и современниковъ Самозванца, отъ самого капитана Маржерета, наконецъ (если это такъ важно для г-на Костомарова), историка, который не былъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Маржеретъ или іезуиты, судьей пристрастнымъ. Вотъ что̀ говоритъ Де-Ту: „Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властью, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Юрьемъ Мнишкомъ, воеводой Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, вслѣдствіе коего царевичъ, по вступленіи на престолъ, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, плѣнившей его взоры“. Не ясно-ли послѣ всего, что и тѣ наши слова, которыя г-нъ Костомаровъ, единственно въ цѣломъ трудѣ, заподозрилъ въ произвольности—простой перифразисъ подлинныхъ выраженій, взятыхъ изъ источниковъ современныхъ?

Два слова о собственномъ г-на Костомарова мнѣніи насчетъ Отрепьева и Лжедимитрія, и мы кончаемъ. Если только читатель знакомъ съ идеями г-на Костомарова по этому вопросу, то онъ знаетъ еще и то, что г-нъ Костомаровъ мнѣнія своего не досказываетъ до конца: онъ только намекаетъ на него и даетъ его лишь угадывать, какъ бы въ предчувствіи. Мы находимъ, что г-ну Костомарову даже выгодно его не досказывать, а удерживать въ себѣ лишь на степени смутнаго предчувствія. Дѣло въ томъ, что если г-нъ Костомаровъ захочетъ быть строго-послѣдовательнымъ въ своемъ мнѣніи, то ему грозитъ опасность непремѣнно довести его до абсурда.

Мы сейчасъ разъяснимъ это читателю; но прежде, для незнакомыхъ со всѣми трудностями вопроса о Лжедимитріи, сдѣлаемъ необходимую оговорку. Когда о Самозванцѣ предполагаютъ, что онъ заводился на Москвѣ боярами (а кто же и отвергаетъ теперь это предположеніе, высказанное еще самимъ Годуновымъ?), тогда историку, въ числѣ другихъ обстоятельствъ, необходимо разъяснить, по крайней мѣрѣ, два слѣдующія. Первое, какимъ образомъ родовитые Московскіе бояре кланялись въ ноги Лжедимитрію, вѣнчали его Мономаховымъ вѣнцомъ въ Соборѣ и, видимо, недоумѣвали нѣкоторое время: полно, не настоящій ли это Димитрій?... Какимъ это образомъ, если Лжедимитрій былъ и въ самомъ дѣлѣ никто другой, какъ ихъ

собственнаго завода Самозванецъ, ими на Москвѣ приготовленный? Второе: какимъ образомъ случилось и то, что самъ царствовавшій Лжедимитрій — если опять онъ никто другой, какъ на Москвѣ боярами приготовленный Самозванецъ — является потомъ ничуть не сознательнымъ обманщикомъ, а очевидно лицомъ наиувѣреннѣйшимъ въ истинности своего званія: онъ даже считалъ за личное оскорбленіе, когда друзья приступали къ нему по этому поводу съ какимъ нибудь предостереженіемъ, будто тѣмъ еще — какъ это мы сказали въ своей статьѣ — задѣвали самую честь его; или: „онъ смѣло глядѣлъ въ лицо народу, безопасно ходилъ по улицѣ одинъ самъ-другъ", какъ говоритъ г-нъ Костомаровъ. При нашемъ объясненіи Лжедимитрія оба эти обстоятельства разрѣшаются вконецъ самымъ простымъ образомъ; наше объясненіе не только не противорѣчитъ всѣмъ существующимъ на этотъ счетъ указаніямъ источниковъ, а, напротивъ того, примиряетъ собою всѣ взаимныя противорѣчія еще самихъ источниковъ — безъ того необъяснимыя. Боярами заводимый на Москвѣ Самозванецъ былъ, повторяемъ, извѣстный Отрепьевъ. Когда мнимые сообщники простодушныхъ Московскихъ бояръ, т.-е. Литовскіе заводчики, укравъ изъ міра Самозванца-Отрепьева, привели въ Россію собственнаго своего Лжедимитрія — боярамъ оставалось только молча покоряться передъ этимъ *incognito*, а Лжедимитрій съ самаго уже начала не иными и былъ напитанъ о себѣ мнѣніями, какъ тѣми именно, что онъ истинный царевичъ. Кромѣ того, что такимъ простымъ объясненіемъ разгадывается тутъ все дѣло, это объясненіе еще, должно замѣтить, миритъ и всѣхъ нашихъ историковъ. Карамзинъ, напримѣръ, не можетъ, какъ это дѣлаетъ г-нъ Костомаровъ, отвергнуть несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о самозванствѣ Отрепьева, онъ прямо за него выдаетъ и самого Лжедимитрія, который былъ въ Москвѣ коронованъ; за то у Карамзина вся вторая половина исторіи Самозванца страдаетъ неточностями, грѣшитъ натяжками и невольно скрадываетъ всѣ тѣ черты, въ которыхъ сквозитъ неподдѣльная искренность и, такъ сказать, самовѣріе этого никому невѣдомаго. Г-нъ Соловьевъ не скрадываетъ этихъ чертъ; онъ прямо утверждаетъ, что Самозванецъ сознательнымъ обманщикомъ не былъ; но, оговоривъ, что „историческихъ свидѣтельствъ объ Отрепьевѣ нѣтъ возможности опровергнуть" и не замиривъ этихъ двухъ другъ другу противорѣчащихъ выводовъ, онъ не пошелъ далѣе Карамзина въ точности и въ опредѣлительности образа имъ понимаемаго Самозванца. Карамзинъ, притомъ, видитъ въ Самозванцѣ смѣльчака, въ головѣ у котораго мысль назваться Димитріемъ зародилась совершенно случайно; г-нъ Соловьевъ склоняется къ мнѣнію, что онъ былъ орудіемъ бояръ и подстановленъ ими. Г-нъ Погодинъ, не допуская такого мнѣнія, рѣшительно полагаетъ его орудіемъ іезуитовъ и т. д. Вопросъ о Лжедимитріи представляется колеблющимся у всякаго автора по своему. Наше собственное мнѣніе о Лжедимитріи, какъ легко можетъ теперь прослѣдить и самъ читатель, примиряетъ на самомъ дѣлѣ всѣ подобнаго рода противорѣчія нашихъ историковъ.

Почему же, однако, г-нъ Костомаровъ считаетъ это наше мнѣніе произвольнымъ? Почему—этого мы изъ статьи г-на Костомарова, по истинѣ сказать, не видимъ. А почему мы съ своей стороны, мнѣніе самого г-на Костомарова назвали софизмомъ—это, послѣ всего сказаннаго, съ двухъ словъ объяснится.

Тотъ, кто царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія (говоритъ онъ) правда заводился на Москвѣ, и заводился въ средѣ боярской; но неправда то̀, что будто бы это былъ Отрепьевъ, нѣтъ. Доказательства на это положеніе у г-на Костомарова двоякія; одни тѣже, что̀ и у насъ: царствовавшій на Москвѣ смѣло глядѣлъ въ лицо народу, даже во время бунта на вопросъ: кто ты? отвѣчаетъ: спросите у матери! и т. п. Другія доказательства уже совершенно-лично принадлежатъ г-ну Костомарову. Отрепьевъ, говоритъ онъ, никогда и не думалъ себѣ называться Димитріемъ; это объ немъ и патріархъ, и Годуновъ сказали на-обумъ; существуетъ документъ инока Варлаама, прямо утверждающій, что Гришка Отрепьевъ хвалился быть царемъ на Москвѣ; но Варлаамъ (говоритъ г-нъ Костомаровъ) былъ просто лжецъ, вотъ и все; существуютъ еще показанія множества другихъ лицъ въ этомъ же смыслѣ, но и они были лжецы; неужели это неясно? говоритъ г-нъ Костомаровъ,—всѣ рѣшительно, всѣ они были лжецы—и конецъ дѣлу. Спрашиваемъ по совѣсти самого г-на Костомарова: неужели доказательство такого рода и мнѣніе на немъ построенное, не говоримъ „выдерживаетъ“ критику, а неужели оно ея заслуживаетъ? При нашемъ объясненіи Лжедимитрія, бояре, понятно, только потому и кланяются ему въ ноги и ведутъ его на престолъ, что намѣсто своего знакомца-Отрепьева сталкиваются вдругъ лицомъ къ лицу съ какимъ-то *incognito*, и „признавать въ немъ истиннаго Димитрія“, „не признавать въ немъ Отрепьева“—тутъ уже оба эти понятія другъ съ другомъ граничатъ. Но пусть тотъ, кто царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Димитрія, былъ и тотъ самый, который заводился на Москвѣ боярами, и не-Отрепьевъ. Тогда кто же онъ? Подумалъ-ли о томъ г-нъ Костомаровъ? Тогда, для того, чтобы ему бояре кланялись въ ноги и вели его на престолъ, притомъ чтобы и самъ онъ еще вѣрилъ въ свою истинность—ему приходится, ни много ни мало, вдругъ превратиться изъ Самозванца въ не-Самозванца, изъ Лжедимитрія въ Димитрія истиннаго; ему придется, ни много ни мало, быть самимъ Димитріемъ настоящимъ, т.-е. тѣмъ царевичемъ, котораго (этого уже никакъ не вычеркнетъ изъ исторіи г-нъ Костомаровъ) весь Угличъ видѣлъ мертвымъ. Вотъ къ чему приводитъ софизмъ г-на Костомарова, если имѣть смѣлость развить его строго-логическую послѣдовательность. Но доказывать, что весь Угличъ бѣлымъ днемъ могъ не распознать трупа, такъ дорогаго ему и цѣлой Россіи, младенца... не абсурдъ-ли это?

Мы увѣрены, что если г. Костомаровъ посмотритъ на свое мнѣніе хладнокровнѣе, то самъ скажетъ, что оно больше чѣмъ сомнительно. Мы увѣрены даже, что, взглянувъ на собственное свое мнѣніе хладнокровнѣе,

г-нъ Костомаровъ не назоветъ и нашего произвольнымъ. Въ нашей исторической замѣткѣ много еще найдется доказательствъ непроизвольности этого мнѣнія, но не въ краткомъ, полемическомъ отвѣтѣ ихъ всѣ высчитывать.

*

Еще о первомъ Самозванцѣ.

Статья Н. И. Костомарова.

Г. Павловъ въ № 6 „Дня“ написалъ отвѣтъ на мое возраженіе противъ его статьи: „Правда о первомъ Лжедимитріи“. Считаю долгомъ отвѣчать вновь почтенному автору. Мы руководимся не желаніемъ, во что бы ни стало, поддержать наши субъективныя воззрѣнія, но стараемся уяснить историческую истину, будучи готовы отказаться отъ всего, что прежде почитали достовѣрнымъ, если только насъ убѣдятъ неоспоримыми доводами.

Во многомъ наши взгляды сходятся со взглядами г. Павлова, а рознимся мы въ слѣдующемъ: 1) Признавая, какъ и г. Павловъ, что іезуиты хотѣли и надѣялись, посредствомъ Лжедимитрія, провести свои стремленія ко введенію католичества въ Россіи, не видимъ достаточныхъ основаній предполагать, чтобъ это лицо было ими же подготовлено для этой цѣли. 2) Раздѣляя съ г. Павловымъ мнѣніе, что Самозванецъ, царствовавшій въ Москвѣ, не былъ Гришка Отрепьевъ, не видимъ доказательствъ, чтобъ послѣдняго подготовляли бояре быть Самозванцемъ.

Относительно перваго вопроса, г. Павловъ отвѣчалъ на мои возраженія слѣдующимъ образомъ.

„Выписавъ наши слова о томъ, что Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, г-нъ Костомаровъ дивится и спрашиваетъ, откуда это? Вотъ единственное возраженіе; другихъ возраженій, строго говоря, нѣтъ никакихъ въ замѣткѣ г-на Костомарова; читатель увидитъ, что все остальное, имъ приводимое противъ насъ, или не имѣетъ ровно никакого отношенія къ тому, что мы сказали, или даже служитъ тому подтвержденіемъ“.

Г-ну Павлову лучше насъ извѣстно, что можетъ изъ приведеннаго нами служить подтвержденіемъ его мнѣнію; но что многое изъ того, на что мы указывали, не относится къ нему, то это едва ли служитъ ему въ пользу. Мы укоряли его мнѣніе въ произвольности, въ недостаткѣ основаній; мы приводили черты событій, представляющихъ дѣло такъ, что оно совершалось внѣ всякаго соотношенія съ теоріею г. Павлова. Дѣйствительно, наши возраженія могутъ быть сведены къ одному вопросу: откуда это? На всякое историческое предположеніе приходится дѣлать такой вопросъ прежде всего. Г. Павловъ говоритъ: „Спросовъ на цитаты мы не боимся; если мы, въ своемъ дидактическомъ изложеніи событія, избѣгали всякихъ ссылокъ и выносокъ, то никакъ не произвольность нашего о немъ мнѣнія была тому причиной. Со стороны тѣхъ, кто незнакомъ съ источниками и не изучалъ непосредственныхъ памятниковъ эпохи—мы лучше хотѣли

подвергнуться обвиненію въ дилеттантизмѣ, чѣмъ въ педантствѣ. Кто, напротивъ того, сотни разъ читалъ и перечитывалъ эти памятники, сличая и провѣряя ихъ другъ съ другомъ, тотъ—надѣялись мы, безъ всякихъ съ нашей стороны указаній, будетъ поминутно видѣть, откуда что̀ мы брали? Въ каждой нашей строкѣ—думали мы—такой желанный цѣнитель будетъ только угадывать знакомыя и презнакомыя для себя строки самихъ памятниковъ, самихъ источниковъ".

Мы не станемъ хвастать, чтобъ сотни разъ перечитывали источники описываемаго г. Павловымъ событія, но читали и изучали ихъ по возможности, и, однако, не могли видѣть въ нихъ того, что̀ увидѣлъ тамъ г-нъ Павловъ; да и мудрено, когда г. Павловъ читаетъ въ источникахъ не однѣ строки, но даже между строками. Вотъ, напримѣръ, что̀ онъ говоритъ:

„Да, Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты; мы дѣйствительно это сказали. Но для того,чтобъ знать, откуда это, нѣтъ никакой надобности изнемогать въ тщетной погонѣ за новыми неизданными источниками, а уже вполнѣ довольно не проглядывать старыхъ, вчитываться пристальнѣе въ тѣ источники, которые давно всѣмъ доступны и сію минуту у насъ подъ руками. Начнемъ съ Дневника Марины, который, въ этомъ случаѣ, болѣе всѣхъ благопріятенъ г-ну Костомарову. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „Князь Константинъ представилъ Димитрія пану воеводѣ, а панъ воевода его королевскому величеству". Тутъ, правда, поименованъ Константинъ Вишневецкій а іезуиты не поименованы, но такъ какъ не поименованы же они и при представленіи самому королю, а между тѣмъ, чрезъ ихъ-то главное содѣйствіе, Лжедимитрій и получилъ къ нему доступъ (чего, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать и г. Костомаровъ), то ясное дѣло, что эту цитату изъ Дневника Марины не иначе можно понимать, какъ лишь въ общемъ духѣ, а не буквально: въ ней прямаго противорѣчія нашимъ словамъ, какъ и доказательства словамъ г. Костомарова, значитъ, еще нѣтъ".

Мы не видимъ никакого основанія принимать Дневникъ Марины не буквально, а въ какомъ-то общемъ духѣ, котораго, вдобавокъ, не понимаемъ.

Г-нъ Павловъ доказываетъ участіе іезуитовъ въ представленіи Самозванца Мнишку тѣмъ, что они оказали участіе при представленіи того же Самозванца королю, причемъ были также Мнишекъ и Вишневецкій. Спрашиваемъ всѣхъ, есть ли основаніе въ извѣстномъ мѣстѣ при однихъ лицахъ непремѣнно признавать участіе другихъ лицъ, потому единственно, что послѣднія участвовали въ иномъ мѣстѣ и при новыхъ еще лицахъ? Натяжка здѣсь очевидна съ перваго взгляда. Что̀ такое участіе іезуитовъ при представленіи Самозванца королю? Мы не отрицаемъ содѣйствія (какъ говоритъ г. Павловъ) іезуитовъ въ доставленіи доступа Самозванцу къ королю. Но какъ? Вовсе не такъ, чтобъ, по пріѣздѣ Мнишка въ Краковъ съ Самозванцемъ, іезуиты исходатайствовали у короля свиданіе съ нимъ, а вотъ какъ: Вишневецкій далъ знать королю, что явился человѣкъ, называющій себя Димитріемъ; король совѣтовался съ разными лицами, принять ли его, и въ

томъ числѣ съ іезуитами, и, безъ сомнѣнія, іезуиты совѣтовали принять, ибо разсчитывали, что такое лицо, по своему положенію, будетъ полезно для ихъ намѣреній. Король написалъ Вишневецкому, чтобъ онъ привозилъ къ нему претендента. Вишневецкій поѣхалъ съ Димитріемъ въ Краковъ и на дорогѣ заѣхалъ къ своему тестю, Мнишку, и тамъ замѣшкался, а потомъ уже вмѣстѣ съ Мнишкомъ повезъ его къ королю. Свиданіе Самозванца съ королемъ происходило въ концѣ Февраля или началѣ Марта 1604 г., а о томъ, что требовалъ его къ себѣ король, есть извѣстіе осенью 1603 г.; слѣдовательно, Самозванцу доставленъ былъ доступъ къ королевской особѣ прежде, чѣмъ Мнишекъ познакомился съ Самозванцемъ. Итакъ, если іезуиты доставили Самозванцу доступъ къ королю, то нѣтъ никакого указанія, чтобъ это сдѣлалось при участіи Мнишка. Пріѣздъ Мнишка въ Краковъ съ Самозванцемъ не показываетъ нераздѣльности его поступковъ съ іезуитскимъ въ этомъ случаѣ, и, такимъ образомъ, само собою уничтожается подобіе представленія Самозванца королю съ представленіемъ его Мнишку при посредствѣ Вишневецкаго. Но еслибъ даже Мнишекъ, вмѣстѣ съ іезуитами, доставилъ Самозванцу доступъ къ королю, и тогда не слѣдовало бы отнюдь, чтобъ Мнишку того же Самозванца представили іезуиты. Не значитъ ли такой способъ пониманія источниковъ читать между строками то, чего хочется, и чего въ источникѣ нѣтъ вовсе? Невольно припоминается при этомъ извѣстная сцена въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, гдѣ приставъ заставляетъ въ царскомъ указѣ читать: „изловить и повѣсить“ и когда ему замѣчаютъ, что тамъ сказано только: „изловить“, то блюститель порядка объясняетъ это такъ: „не всяко лыко въ строку пишется; читай: изловить и повѣсить!“

Далѣе г. Павловъ ссылается на Петрея и приводитъ изъ него мѣсто „Воевода Сандомирскій, съ согласія іезуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и прочихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе, далъ слово жениться на дочери воеводы Сандомирскаго; іезуиты радовались отъ всей души и пр.“

Дѣйствительно, такое мѣсто есть у Петрея. Но, вопервыхъ, изъ него не слѣдуетъ, чтобъ іезуиты познакомили Самозванца съ Мнишкомъ, а вовторыхъ, всякое мѣсто изъ историческаго писателя слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ въ связи съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ. Предъ тѣмъ Петрей высказалъ понудительную причину, по которой Вишневецкій привезъ Самозванца къ Мнишку: будто Борисъ посылалъ требовать его отъ Вишневецкаго дважды, и Вишневецкій боялся, чтобъ казаки его не застрѣлили, а потому и отправилъ Самозванца къ Мнишку на сбереженіе (derenthalben ist Wesniowecki verursachet worden, ihn zu groesserer Versicherung dem Woywoden zu Sandomir zu schicken). Правда ли это? Посылалъ ли Борисъ къ Вишневецкому? Еслибъ посылалъ, то объ этомъ не преминули бы упомянуть Московскіе бояре въ переговорахъ своихъ съ

Польскими панами. Взглянувши въ статейные списки № 26 и 27 Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, г. Павловъ увидитъ, съ какою мелочною точностью бояре выставляли Полякамъ всѣ обстоятельства, которыя показывали, что со стороны Московскаго правительства были употреблены всѣ средства, чтобъ убѣдить Поляковъ выдать вора, назвавшагося Димитріемъ. Они говорятъ же, что къ Острожскому былъ посланъ Аѳанасій Пасынковъ; еслибъ подобное посольство было къ Вишневецкому, то и объ этомъ было бы сказано. Петрей пользовался тѣми разсказами, какіе слышалъ въ Россіи, и, вѣроятно, ему говорили о посольствѣ къ Острожскому, а онъ отнесъ его къ Вишневецкому, по своей ли ошибкѣ, очень возможной для иностранца, или по винѣ тѣхъ, которые ему сообщали, это рѣшить, конечно, трудно. Если въ этомъ событіи у него допущенъ анахронизмъ, то почему же онъ не могъ быть допущенъ и въ повѣствованіи о слѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ? И дѣйствительно, тутъ не одинъ анахронизмъ. Петрей говоритъ, что Вишневецкій *отослалъ* Самозванца къ Мнишку, тогда какъ извѣстно, что Вишневецкій не отсылалъ его, а самъ привезъ, и вовсе не по той причинѣ, какая у Петрея выставлена, а потому, что ѣхалъ съ Самозванцемъ къ королю и заѣхалъ къ тестю по пути. Но далѣе еще важнѣе обстоятельство. Съ того мѣста, на которомъ остановился г. Павловъ въ своей выпискѣ, слѣдуетъ у Петрея вотъ что̀: verordneten (die Jesuiten) jhme alssbald zweene praeceptores, die jhn mit allem fleiss in der Paebstlichen Religion unterrichteten... т.-е. приставили къ нему тотчасъ двухъ наставниковъ, которые его очень прилежно поучали папской религіи. Это дѣйствительно было. Но когда? Послѣ свиданія Самозванца съ королемъ. Намъ (какъ и г. Павлову, конечно) извѣстно, что женихомъ Марины Самозванецъ сталъ уже по возвращеніи изъ Кракова, что̀ ясно доказывается и числами ея записи. Мнишекъ только тогда согласился на это, когда увидѣлъ, что называющій себя царевичемъ хорошо обставленъ и можетъ разсчитывать на сильную партію. Петрей говоритъ здѣсь о такихъ событіяхъ, которыя происходили уже послѣ свиданія Самозванца съ королемъ, и относитъ ихъ ошибочно къ раннему времени. Что іезуиты, послѣ поѣздки Димитрія въ Краковъ, руководили имъ и старались всѣми силами сдѣлать его орудіемъ католической пропаганды—это несомнѣнно; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ іезуиты произвели на свѣтъ это выгодное для нихъ явленіе. Равнымъ образомъ, мы не думаемъ утверждать, чтобъ Мнишекъ не желалъ, съ своей стороны, чтобъ его зять, воцарившись въ Москвѣ, сдѣлался тамъ распространителемъ той вѣры, которую самъ Мнишекъ исповѣдывалъ. Но это еще не побуждаетъ заключать, какъ дѣлаетъ г-нъ Павловъ, будто Мнишекъ отличался дружествомъ съ іезуитами болѣе другихъ пановъ, и, на этомъ основаніи, строить мнѣніе, будто Самозванецъ былъ предуготовленное орудіе іезуитовъ. Всякій католикъ, даже врагъ іезуитовъ, долженъ былъ радоваться, слыша о возможности распространить въ Россіи католическую вѣру. Замойскій ничуть не отличался дружествомъ съ іезуитами, не только не раздѣлялъ ихъ намѣреній окатоличить Русскій

народъ, но гласно не одобрялъ Брестъ-литовской церковной уніи; всегда, по принципу свободы совѣсти и убѣжденій, стоялъ за права некатолическихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и, однако, сказалъ, что отдалъ бы половину жизни, еслибъ некатолики въ Польшѣ и Литвѣ могли добровольно соединиться съ Римско-католическою вѣрою. Мы, по крайней мѣрѣ, чистосердечно сознаемся, что радовались бы болѣе, нежели чему бы то ни было на свѣтѣ, еслибъ услышали, что въ какой-нибудь сосѣдней намъ странѣ распространяется православіе; но это не даетъ никому права считать насъ въ дружествѣ со всѣми, которые о томъ стараются. Такъ и всякій католикъ, если онъ честно и искренно былъ преданъ своей вѣрѣ, долженъ былъ въ то время радоваться, что претендентъ на Русскій престолъ оказываетъ расположеніе къ католичеству, даже вовсе не будучи въ большой дружбѣ съ іезуитами. И о Мнишкѣ можно сказать, что если многія черты его жизни и показываютъ въ немъ католика, то нѣтъ основаній считать его состоявшимъ въ дружествѣ съ іезуитами болѣе другихъ пановъ. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно былъ ихъ другомъ (но ужъ никакъ не болѣе другихъ пановъ, ибо мы можемъ, если понадобится г. Павлову, назвать нѣсколько такихъ, о которыхъ дѣйствительно сохранились свѣдѣнія, показывающія ихъ дружбу съ іезуитами), но этого мы пока не знаемъ, по недостатку біографическихъ матеріаловъ.

Наконецъ, г-нъ Павловъ ссылается на Де-Ту. Этотъ писатель прямо говоритъ, что Самозванца познакомили съ Мнишкомъ іезуиты. Но что же? Мы спросимъ: Де-Ту есть-ли такой писатель, который заслуживаетъ того, чтобъ его извѣстіе принимать преимущественно предъ извѣстіями другихъ источниковъ? Почтенный собиратель историческихъ свѣдѣній о своемъ времени пользовался писанными сочиненіями и изустными разсказами, но, говоря о событіяхъ въ странахъ отдаленныхъ, не имѣлъ возможности ни повѣрить, ни обсудить справедливости того, что сообщали ему. Мѣсто, приводимое г. Павловымъ, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Петра Упсальскаго, который писалъ о нашемъ Самозванцѣ сообразно тому представленію, какое составилось объ этомъ лицѣ и объ относящихся къ нему событіяхъ вообще у его соотечественниковъ - Шведовъ; оттого у Де-Ту есть такія извѣстія, какія попадаются у Шведа Шаума: напримѣръ, о пожарѣ, который будто бы сдѣлали въ Угличѣ въ то время, какъ убили Димитрія, а также и объ участіи іезуитовъ при самомъ появленіи Самозванца. Но, чтобъ принять это извѣстіе Де-Ту предпочтительно предъ всѣми другими, надобно или все сочиненіе Де-Ту считать самымъ достовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ вообще источниковъ, какіе мы имѣемъ о Самозванцѣ, или же доказать справедливость этого мѣста другими свидѣтельствами. Но первое невозможно, вопервыхъ, потому, что самъ г. Павловъ, конечно, намъ укажетъ въ сочиненіи Де-Ту ошибки относительно Русской исторіи; а вовторыхъ потому, что объ эпохѣ Самозванца осталось довольное число актовъ, писемъ и записокъ такихъ лицъ, которыя ближе были къ событіямъ, чѣмъ почтенный Французъ, написавшій такую исторію, которая вообще гораздо

драгоцѣннѣе для науки по изложенію происшествій Французской исторіи конца XVI вѣка, чѣмъ по тѣмъ даннымъ, которыя относятся къ отдаленнымъ отъ Франціи землямъ. Второе сдѣлать, по нашему мнѣнію, еще менѣе возможно; потому что всѣ близкіе къ событіямъ источники, когда только говорятъ о появленіи Самозванца у Мнишка, приписываютъ Вишневецкому устройство знакомства претендента съ воеводою Сандомирскимъ, не говоря объ іезуитахъ. Г. Павловъ говоритъ, что его нельзя обвинять въ произвольности, потому что у него „простой перифразисъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ". Да не угодно-ли, г. Павловъ, мы наберемъ всевозможнѣйшихъ извѣстій изъ источниковъ современныхъ и составимъ такую исторію, въ которой только и будетъ, что простой перифразисъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ и не будетъ тѣни правды? Развѣ это не произвольность?

Мы замѣчали г. Павлову, что Вишневецкій былъ панъ православной вѣры и если о священникѣ, который исповѣдывалъ Самозванца и которому послѣдній открылся, большая часть говоритъ, что онъ былъ православный, а нѣкоторые называютъ его католикомъ, то, конечно, слѣдуетъ принимать справедливость перваго извѣстія. Г-нъ Павловъ на это говоритъ: „Слѣдуетъ ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи, подобныхъ Вишневецкимъ, тогдашнихъ пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ—къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ! Священникъ, исповѣдывавшій Самозванца у Вишневецкаго, говоритъ г-нъ Костомаровъ, во многихъ варіантахъ сказанія, называется священникомъ православной вѣры. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что г. Костомаровъ не отвергаетъ того, что въ нѣкоторыхъ онъ дѣйствительно называется священникомъ Латинской вѣры. Но послѣднее, говоритъ г. Костомаровъ, произошло отъ незнанія. Нѣтъ, отвѣчаемъ ему съ большею основательностью, послѣднее вѣрно, а вотъ первое-то показаніе даже не отъ незнанія могло произойти, а очень сознательно и умышленно".

Что касается до личности Константина Вишневецкаго, то гдѣ г-нъ Павловъ, спрашиваемъ мы, нашелъ, что онъ былъ уніатомъ, а потомъ католикомъ? Если г. Павловъ этими словами вообще хотѣлъ очертить только Польско-русскихъ пановъ того времени, то такая характеристика менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло. То было время, когда досада, возбужденная насильственнымъ введеніемъ Уніи и нарушеніемъ древняго права свободы совѣсти, искусственно возбуждала православную ревность въ тѣхъ (дѣйствительно многихъ) панахъ, которые безъ того были бы холодны къ своей вѣрѣ. Еще живъ былъ Острожскій, хотя престарѣлый и дряхлый, но бодрый духомъ настолько, что поддерживалъ упорство въ своихъ (по крайней мѣрѣ возмужалыхъ) единовѣрцахъ. О Вишневецкихъ мы знаемъ, что они умерли въ православной вѣрѣ. Что же касается священника, то хотя г. Павловъ и увѣряетъ, что отвѣчаетъ съ большею основательностью за вѣрность того, что этотъ священникъ былъ Латинской вѣры, но его одного увѣренія для насъ недостаточно, тѣмъ болѣе, что

нашихъ лѣтописей и хронографовъ, которые называютъ этого священника попомъ Греческой вѣры, нельзя заподозрить въ какой-то злонамѣренной умышленности, а о латинствѣ этого священника говорится только въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографовъ, и какъ? Приводится Варлаамово показаніе и снабжается разными вставками, а въ числѣ этихъ вставокъ и латинство попа, исповѣдывавшаго Самозванца.

Все это нами приведено только для того, чтобъ доказать безосновательность мнѣнія, будто бы іезуиты свели Самозванца съ Вишневецкимъ, а потомъ съ Мнишкомъ, отличавшимся, какъ говоритъ г. Павловъ, дружественомъ съ іезуитами болѣе всѣхъ пановъ. Мнѣніе это у г. Павлова приводится для подтвержденія другаго, болѣе главнаго, именно, что Самозванецъ подготовленъ заранѣе іезуитами и притомъ такъ, что самъ вѣрилъ искренно въ свое царственное происхожденіе. Другихъ доказательствъ у г. Павлова нѣтъ. Наше главное и важнѣйшее возраженіе противъ него—это неимѣніе достаточныхъ данныхъ, на которыхъ должно бы опираться его мнѣніе. Вопросъ нашъ стоитъ въ такомъ положеніи, что не намъ приходится опровергать г. Павлова, а ему предоставить доводы голословнаго своего предположенія, и недостатокъ этихъ доводовъ служитъ ему полнымъ опроверженіемъ. Что касается моего собственнаго мнѣнія о Гришкѣ, то оно совсѣмъ не субъективное мое воззрѣніе, а выводъ изъ источниковъ, и я считаю долгомъ повторить вкратцѣ то, что̀ говорилъ прежде, предоставляя г. Павлову опровергать меня, если угодно и сколько угодно.

Чтобъ Гришка подготовлялся боярами на Димитрія—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Поставимъ себя въ тѣ дни, когда только что появился Самозванецъ. Въ Москвѣ возникъ слухъ, что онъ Гришка Отрепьевъ. Источникъ этого слуха указанъ патріархомъ Іовомъ въ его окружной грамотѣ. Трое бродягъ-*воровъ* показали, что они знали Гришку на дорогѣ изъ Москвы въ Украйну и въ Кіевѣ; они прибавили, что онъ ушелъ изъ Кіева и у Вишневецкаго назвался Димитріемъ. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ, чтобъ видѣлъ его тогда, когда онъ уже назвался Димитріемъ; ни одинъ не объяснилъ: откуда онъ знаетъ, что тотъ, кто во дворѣ у Вишневецкаго назвался Димитріемъ, есть именно Гришка Отрепьевъ, а не кто-нибудь иной; никому изъ нихъ Гришка не объявлялъ прежде о своемъ намѣреніи сдѣлаться Димитріемъ. Слѣдовательно, то, что̀ говорили они о самозванствѣ Гришки, была только или ихъ догадка, или слухъ; вѣрнѣе первое, потому что, въ послѣднемъ случаѣ они, вѣроятно, указали бы, кто имъ сообщилъ объ этомъ. На какомъ же основаніи патріархъ и иже съ нимъ повѣрили голословному показанію бродягъ? Это объясняется патріаршею грамотою: Гришка Отрепьевъ былъ чернокнижникъ, знался съ бѣсами; за это угрожали ему казнью—онъ бѣжалъ. Этихъ качествъ, по тогдашнимъ понятіямъ, было достаточно, чтобъ принять на вѣру показаніе бродягъ; самозванство казалось преступленіемъ, наиболѣе сроднымъ такимъ лицамъ, которыя знакомы съ бѣсами: вѣдь и вообще успѣхъ Самозванца въ послѣдствіи объясняли именно содѣйствіемъ бѣсовъ, которымъ онъ продалъ

свою душу за царствованіе въ Москвѣ. Грянула патріаршая грамота, и стали проклинать Самозванца подъ именемъ Гришки Отрепьева. Вотъ все, сколько намъ извѣстно, на чемъ оперлось въ началѣ мнѣніе о томъ, что Гришка Отрепьевъ былъ Самозванецъ. Все прочее и въ томъ числѣ Варлаамова челобитная—произведеніе послѣдующаго времени, уже послѣ убіенія Самозванца. Не считаемъ нужнымъ вдаваться въ разборъ извѣстій о Гришкѣ Отрепьевѣ, составленныхъ въ послѣдствіи, чтобъ не навлечь со стороны г. Павлова укора о томъ, что мы говоримъ ему то, въ чемъ онъ и такъ съ нами согласенъ. Конечно, г. Павловъ не можетъ вѣрить ни Варлаамовой челобитной, потому что не считаетъ царствовавшаго подъ именемъ Димитрія Гришкой, ни лѣтописнымъ сказаніямъ о томъ, будто Гришка, еще до побѣга изъ Москвы, называлъ себя царевичемъ: потому что, еслибъ такъ было, то объ этомъ не преминули бы упомянуть патріархъ въ своей окружной грамотѣ и бояре въ своихъ переговорахъ съ Польскими панами; но патріархъ и бояре не знали за нимъ другихъ преступленій, кромѣ чернокнижества и знакомства съ бѣсами. Считаемъ лишнимъ теперь разсматривать подробно всѣ эти сказанія, потому что намъ пришлось бы повторять сказанное уже въ нашей брошюрѣ „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ Что Самозванецъ привелъ съ собою Гришку—это также не субъективное наше воззрѣніе: объ этомъ говоритъ очевидецъ-Маржеретъ, объ этомъ говорятъ и наши источники; но послѣдніе прибавляютъ, что тотъ, кого Самозванецъ показывалъ за Гришку, былъ иной. Послѣднему извѣстію мы не довѣряемъ, вопервыхъ потому, что тѣ, которые сообщаютъ его, не могутъ согласно показать, кто былъ тотъ, кого Самозванецъ показывалъ за Гришку; одни говорятъ, что то былъ—инокъ Пименъ, другіе—инокъ Леонидъ; вовторыхъ, потому что, признавъ Самозванца Гришкою (а г. Павловъ не считаетъ его Гришкою), уже необходимо приходилось объяснять явленіе дѣйствительнаго Гришки такимъ способомъ, что подъ именемъ Гришки подставленъ другой. Напротивъ, мы считаемъ болѣе сообразнымъ съ здравою критикою послѣдовать Маржерету и признавать лицо, которое Самозванецъ выдавалъ за Гришку—дѣйствительнымъ Гришкою. Самозванецъ дѣлалъ это, конечно, для того, чтобъ видѣли всѣ, что онъ не Гришка и не имѣли сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ настоящій царевичъ; а какъ Самозванецъ имѣлъ полный успѣхъ и былъ признанъ настоящимъ Димитріемъ, и признаваемъ былъ цѣлый годъ подъ этимъ именемъ, то не вытекаетъ ли изъ этого прямая необходимость принять, что мѣра, взятая имъ, была удовлетворительною, и всѣ видѣли въ показываемомъ Гришкѣ дѣйствительнаго Гришку, а объясненіе подставки, вмѣсто Гришки инаго монаха—возникло послѣ, когда надобно было сгладить противорѣчіе, мѣшавшее утвердиться мнѣнію, что царствовавшій и низверженный былъ Гришка?

Г-нъ Павловъ говоритъ, будто я признаю Самозванца твореніемъ боярской партіи въ Москвѣ и считаю его искренно увѣреннымъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Дѣйствительно, прежде мы такъ думали, раздѣляя отчасти взглядъ г. Соловьева; но отысканіе важнаго источника

въ автографахъ Императорской Публичной Библіотеки заставило насъ измѣнить такое воззрѣніе. Объ этомъ была уже напечатана довольно подробная статья въ „Голосѣ“; повторять сказанное нѣтъ нужды.

Г-нъ Павловъ говоритъ: „Г. Костомаровъ мнѣнія своего не доказываетъ до конца; онъ только намекаетъ на него и даетъ его лишь угадывать, какъ бы въ предчувствіи. Мы находимъ, что г. Костомарову даже выгодно его не досказывать, а удерживать въ себѣ лишь на степени смутнаго предчувствія. Дѣло въ томъ, что если г. Костомаровъ захочетъ быть строго послѣдовательнымъ въ своемъ мнѣніи, то ему грозитъ опасность непремѣнно довести его до абсурда“. Далѣе г. Павловъ поясняетъ, что этотъ абсурдъ— признаніе Самозванца настоящимъ Димитріемъ.

Я не встрѣчалъ и теперь не встрѣчаю научной необходимости, наводящей на результаты, которые выгодно было бы, въ какомъ бы то ни было отношеніи, не досказывать; а намеки и подозрѣнія г. Павлова вовсе неумѣстны въ ученомъ спорѣ, касаясь ошибочно предполагаемаго имъ въ моемъ черепѣ, а не высказаннаго моими словами, мнѣнія. Царствовавшій подъ именемъ Димитрія могъ быть просто отличнымъ актеромъ, по собственному убѣжденію, превосходно разыгравшимъ роль добраго государя, увѣреннаго въ своемъ царственномъ происхожденіи. Сценическое дарованіе, при сильномъ успѣхѣ, зависящемъ отъ совпаденія благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ, Богъ знаетъ до какой степени, поднять силы человѣка. Что́ удивительнаго, если, усвоивъ себѣ роль царевича Димитрія, онъ скоро сроднился съ нею до того, что она сдѣлалась его природою? Что́ удивительнаго, если этотъ великій актеръ при жизни сумѣлъ надуть и провести и Московское государство, и Польшу, и самихъ архиплутовъ іезуитовъ, а по смерти до сихъ поръ продолжаетъ надувать почтенныхъ историковъ, и въ томъ числѣ г. Павлова? Хорошо еще, что недолго царствовалъ, а то не такой еще пыли напустилъ бы въ глаза нашимъ изслѣдователямъ!

*

Отвѣтъ г-ну Костомарову на статью его „Еще о первомъ Самозванцѣ“.

Наша историческая замѣтка „Правда о Лжедимитріи“ удостоилась вторичнаго нападенія со стороны г-на Костомарова. На первое мы уже возразили въ свое время, въ шестомъ нумерѣ „Дня“; теперь вторичное нападеніе на статью „Правда о Лжедимитріи“ явилось въ 56-мъ нумерѣ „Голоса“, какъ отвѣтъ на то наше возраженіе. Замѣчательно, что въ этомъ второмъ разборѣ нашего мнѣнія о Самозванцѣ г-нъ Костомаровъ окончательно не говоритъ ничего такого, что́ служило бы къ его опроверженію. Замѣчательно также, что тутъ говорится многое, уже въ совершенное опроверженіе того, что́ такъ еще недавно развивалъ г-нъ Костомаровъ

въ своей докторской диссертаціи, въ извѣстной брошюрѣ: „Кто былъ первый Лжедимитрій“. Намъ весьма лестно, что наше мнѣніе о Самозванцѣ нашло себѣ строгаго цѣнителя въ такомъ знатокѣ Русской исторіи, какимъ мы привыкли считать г-на Костомарова. Но мы не можемъ не жалѣть, что собственныя историческія убѣжденія почтеннаго профессора по этому предмету оказываются такъ шатки.

Вотъ что̀ говорилъ г-нъ Костомаровъ въ своей докторской диссертаціи, что̀ поставлено даже въ числѣ семи тезисовъ, какъ окончательный выводъ изъ глубокихъ его изысканій: „Димитрій былъ орудіе враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи“. Въ мѣстѣ соотвѣтствующемъ этому тезису, на страницѣ 48-й самого изслѣдованія, читаемъ: „На основаніи всѣхъ упомянутыхъ здѣсь обстоятельствъ, мы признаемъ Самозванца твореніемъ боярской партіи, враждебной Борису. Борисъ былъ въ этомъ убѣжденъ и когда ожидаемый давно и не дававшій ему покоя призракъ царевича Димитрія отозвался въ Польшѣ и началъ существовать подъ этимъ именемъ, Борисъ не задумался сказать боярамъ: „Вотъ, наконецъ, что̀ вышло! Я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, это ваше, ваше дѣло; вы хотите погубить меня“. „Bussov, 27“.

Само по себѣ это вѣрно и оправдывается вполнѣ исторіей: бояре заводили Самозванца; имя заводимаго Самозванца мы даже знаемъ по имени: Григорій Отрепьевъ. Но такъ какъ г-нъ Костомаровъ отвергалъ, что боярами заводимый Самозванецъ былъ именно Отрепьевъ; такъ какъ онъ отвергалъ еще, что Польскіе заводчики, укравъ изъ міра Отрепьева, выпустили въ міръ потомъ иного Самозванца, никому невѣдомаго (заводъ іезуитовъ); такъ какъ, словомъ сказать, г-нъ Костомаровъ отвергалъ наше объясненіе Лжедимитрія: то мы, въ 6-мъ нумерѣ „Дня“ (если помнитъ читатель) и предложили г-ну Костомарову разрѣшить два вопроса. Эти два вопроса, повторимъ опять, такъ существенны въ исторіи Лжедимитрія, что ихъ обойти нельзя; но и таковы они еще, что если не принять именно нашего объясненія Самозванца, то и разрѣшить ихъ не будетъ возможности. Мы предложили г-ну Костомарову разъяснить два пункта. Первое: какимъ образомъ родовитые Московскіе бояре кланялись въ ноги Лжедимитрію, вѣнчали его Мономаховымъ вѣнцомъ въ Соборѣ и, видимо, недоумѣвали нѣкоторое время: полно, не настоящій-ли это Димитрій? Какимъ это образомъ, если Лжедимитрій былъ и въ самомъ дѣлѣ никто другой, какъ ихъ собственнаго завода Самозванецъ, ими на Москвѣ приготовленный? Второе: какимъ образомъ случилось и то, что самъ царствовавшій Лжедимитрій, если опять онъ никто другой, какъ на Москвѣ боярами приготовленный Самозванецъ, является потомъ ничуть не сознательнымъ обманщикомъ, а очевидно лицомъ наиувѣреннѣйшимъ въ истинности своего званія?

Какъ же теперь отвѣчаетъ на это г-нъ Костомаровъ? Выпишемъ съ буквальною точностью. „Г-нъ Павловъ говоритъ, будто я признаю Самозванца твореніемъ боярской партіи въ Москвѣ и считаю его искренно

увѣреннымъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Дѣйствительно, прежде мы такъ думали, раздѣляя отчасти взглядъ г-на Соловьева (выше, однако, мы видѣли, что это еще взглядъ и Бориса Годунова!); но отысканіе важнаго источника въ автографахъ Императорской Публичной Библіотеки заставило насъ измѣнить такое воззрѣніе. Объ этомъ была уже напечатана довольно подробная статья въ „Голосѣ"; повторять сказанное нѣтъ нужды". Вотъ отвѣтъ г-на Костомарова по первому пункту. Ну, что-жъ? Если отвергнуть несомнѣнную историческую истину, что бояре на Москвѣ заводили Самозванца, то и обстоятельство, что бояре потомъ охотно кланялись ему въ ноги, можно уже будетъ, пожалуй, объяснить самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ цѣлой массѣ источниковъ Лжедимитріева царствованія нѣтъ еще, можетъ быть, другаго, болѣе ничтожнаго и менѣе важнаго, чѣмъ этотъ „важный источникъ", напечатанный въ „Голосѣ" г-мъ Костомаровымъ; всѣ источники, касающіеся Лжедимитрія, разъ они идутъ со стороны Польско-іезуитской, вообще говоря, большой важности не представляютъ и никакого вѣроятія не заслуживаютъ; но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что если боярскій на Москвѣ заводъ Самозванца отвергнуть, то и въ самомъ дѣлѣ становится легко объяснить, почему бояре потомъ ему кланялись въ ноги. Что это легко, съ этимъ нельзя не согласиться! Такъ какъ бояре не готовили Самозванца, то и не знали его; а такъ какъ они его не знали, то почему бы имъ потомъ и въ самомъ дѣлѣ не принимать его за настоящаго царевича? Прежде, принимая Самозванца за орудіе бояръ и за „ихъ твореніе", г-нъ Костомаровъ стоялъ ближе къ исторической истинѣ; но, не принимая нашего объясненія, не умѣлъ ничѣмъ самъ объяснить, почему бояре потомъ вѣрятъ въ его истинность? Теперь, и безъ нашего объясненія, г-нъ Костомаровъ разъяснилъ это послѣднее обстоятельство: бояре, говоритъ онъ, вовсе и не думали заводить никакого Самозванца; значитъ, они должны были всякаго принять за истиннаго царевича. Такъ; но какою же дорогою цѣной купилъ себѣ г-нъ Костомаровъ этотъ дешевый способъ упразднить наше объясненіе и сдѣлать его ненужнымъ! Теперь, какъ мы видимъ, почтенный профессоръ вынужденъ отказываться отъ самаго вѣрнаго и наиболѣе историческими фактами оправданнаго тезиса своей докторской диссертаціи, т.-е. что „Самозванца заводили на Москвѣ бояре"; теперь, на перекоръ своему изслѣдованію, онъ долженъ утверждать противное, т.-е., что бояре никогда никокого Самозванца не заводили! Не то, впрочемъ, важно, что этотъ новый тезисъ г-на Костомарова находитъ противорѣчіе въ его собственной диссертаціи, а важно то, что новый тезисъ будетъ въ полномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ Бориса Годунова, которое засвидѣтельствовано Буссовымъ и оправдывается всею біографіей Гришки Отрепьева!

Но если такъ безцеремонно разрѣшаетъ свои историческія сомнѣнія г-нъ Костомаровъ по первому пункту вопроса о Лжедимитріи, то при второмъ пунктѣ безцеремонность эта превосходитъ уже всякое вѣроятіе. Пусть бояре смѣшивались въ мысляхъ, подступая къ Лжедимитрію, и при-

нимали его за истиннаго царевича оттого только, что сами никогда никакого Самозванца не заводили; но почему же самъ Лжедимитрій вѣрилъ въ свою истинность, самъ-то еще всѣхъ и магнетизировалъ, такъ сказать, своимъ собственнымъ самовѣріемъ? Онъ былъ „отличный актеръ“, отвѣчаетъ на это г-нъ Костомаровъ. „Сценическое дарованіе, при сильномъ успѣхѣ, зависящемъ отъ совпаденія благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ, Богъ знаетъ до какой степени, поднять силы человѣка. Что удивительнаго, если, усвоивъ себѣ роль царевича Димитрія, онъ скоро сроднился съ нею до того, что она сдѣлалась его природою? Что удивительнаго, если этотъ великій актеръ при жизни сумѣлъ надуть и провести и Московское государство и Польшу, и самихъ архиплутовъ-іезуитовъ, а по смерти до сихъ поръ продолжаетъ надувать почтенныхъ историковъ, и въ томъ числѣ г-на Павлова? Хорошо еще, что недолго царствовалъ, а то не такой еще пыли напустилъ бы въ глаза нашимъ изслѣдователямъ!“

Прелесть такого объясненія, кажется, понятна, безъ всякихъ коментаріевъ; возражать на это было бы излишне. Мы сдѣлаемъ еще только два, по возможности краткихъ, замѣчанія—и кончаемъ.

Единственное возраженіе, если помнитъ читатель, сдѣланное намъ г-мъ Костомаровымъ, касалось вопроса: точно-ли Самозванца съ Мнишкомъ свели іезуиты, и точно-ли Мнишекъ славился дружествомъ съ іезуитами? „Откуда это?“ спрашиваетъ насъ г-нъ Костомаровъ. Мы ему указали, откуда это. Хотя довольно было бы самыхъ простыхъ соображеній, что не такіе паны, какъ гетманъ Жолкѣвскій и прочіе, не пристававшіе къ темной интригѣ, паны высокаго личнаго характера, а именно паны въ родѣ Мнишка, мелкодушные и ничтожные интриганы, славившіеся охотою поправлять свои разстроенныя дѣла всякими позволенными и непозволенными средствами, такіе именно паны были по преимуществу на руку іезуитамъ, удивительнымъ мастерамъ достигать небесныхъ цѣлей земными путями... Но мы этимъ не удовольствовались. Мы привели подлинную выписку изъ Де-Ту: „Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властью, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами; между тѣмъ познакомили просителя съ Юрьемъ Мнишкомъ, воеводой Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ договоръ и пр.“. Ясно, такимъ образомъ, что слова наши представляли простой перифразъ подлинныхъ выраженій и что г-ну Костомарову поэтому-то и было совѣстно задаваться своимъ вопросомъ: откуда это? Но то теперь и за досаду стало г-ну Костомарову, что слова наши, передъ которыми онъ ставилъ вопросъ: откуда это, эти слова дѣйствительно оказываются перифразомъ. „Да не угодно-ли, г-нъ Павловъ,—разражается негодованіемъ почтенный профессоръ—не угодно-ли, мы наберемъ всевозможнѣйшихъ извѣстій изъ источниковъ современныхъ и составимъ такую исторію, въ которой только и будетъ

что простой перифразъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ и не будетъ тѣни правды?“ Такъ какъ вопросъ обращенъ къ намъ лично, то мы и вынуждены безъ отвѣта его не оставить. Итакъ, намъ этого вовсе не угодно; говоря, что статья наша „Правда о Лжедимитріи“ представляетъ въ цѣлыхъ періодахъ лишь кристаллизацію подлинныхъ выраженій, мы потому-то и прибавляли: „тщательно между собою сличенныхъ“, что знали всю ихъ относительную неважность безъ такой провѣрки, безъ такого тщательнаго сличенія. Къ сожалѣнію однако, самъ г-нъ Костомаровъ въ своемъ отвѣтѣ уже приводитъ въ исполненіе ту совершенно-лишнюю для насъ проблему, которою, думали мы, онъ такъ только похвалился. Когда г-нъ Костомаровъ утверждаетъ, что Гришку Отрепьева самъ Лжедимитрій привелъ съ собою въ Москву; когда онъ говоритъ, что монахъ, заключенный въ Ярославлѣ и величавшій себя Гришкой Отрепьевымъ, воистину былъ Отрепьевъ; когда, наконецъ, въ подтвержденіе этого онъ ссылается на слова Маржерета: тогда г-нъ Костомаровъ, дѣйствительно, уже не дѣлаетъ ничего другаго, кромѣ того что осуществляетъ на дѣлѣ свою любимую проблему. Онъ именно приводитъ наилучшій образецъ того, какимъ образомъ можно своему слушателю представить „простой перифразъ подлинныхъ выраженій изъ источниковъ современныхъ, и не будетъ тѣни правды“. Григорій Отрепьевъ въ подлинномъ видѣ существовалъ въ Москвѣ при царствовавшемъ Лжедимитріи!? Ярославскій монахъ и былъ тотъ подлинный Григорій Отрепьевъ!? Не говоримъ уже „тщательно всѣ источники, касающіеся Лжедимитріева царствованія“, но довольно было бы внимательно просмотрѣть XI-й томъ Карамзина и примѣчанія къ нему, чтобы не сдѣлать такой первоклассной ошибки.

Читатель, можетъ быть, помнитъ также, что невозможность допущенія іезуитовъ въ домъ къ князю Вишневецкому г-нъ Костомаровъ доказывалъ православіемъ этихъ князей; на догадкѣ объ ихъ чрезвычайно-ревностномъ православіи не допускалъ онъ, по крайней мѣрѣ, того, что священникъ, исповѣдывавшій больнаго Самозванца въ домѣ Вишневецкаго, былъ іезуитъ. Мы отвѣчали г-ну Костомарову, что о православіи или неправославіи Вишневецкаго у насъ и помину не было; а что священникъ, исповѣдывавшій Самозванца въ его домѣ, былъ Латынецъ—это несомнѣнно видно изъ многихъ источниковъ. Г-нъ Костомаровъ не отрицаетъ того, что священникъ, дѣйствительно, во многихъ сказаніяхъ показывается Латинскимъ; но почему-то теперь онъ еще сильнѣе настаиваетъ на своемъ, что Вишневецкіе были горячо и ревностно преданы православію. „О Вишневецкихъ мы знаемъ, что они и умерли въ православной вѣрѣ“, говоритъ г-нъ Костомаровъ. Зачѣмъ это нужно? Какъ мы не говорили, что Вишневецкіе при жизни исповѣдывали католичество, православіе или лютеранство, также точно ни разу не выражали сомнѣнія и на счетъ того, въ какой вѣрѣ они умерли? Помнится, мы ограничили наше возраженіе по этому поводу въ слѣдующихъ словахъ: „Слѣдуетъ-ли даже ставить вопросъ о православіи или неправославіи подобныхъ Вишневецкимъ тогдашнихъ

пановъ, сегодня еще православныхъ, завтра уніатовъ, поутру уніатовъ — къ вечеру того же дня усердныхъ католиковъ?“ Кажется, ясно.

Спрашивается только, имѣли-ли мы право на такую ясность въ выраженіи недовѣрія къ горячей будто бы ревности къ православію тогдашнихъ Польско-Русскихъ пановъ?

Г-ну Костомарову кажется, что не имѣли. „Если“, говоритъ онъ, „г-нъ Павловъ этими словами вообще хотѣлъ очертить только Польско-Русскихъ пановъ того времени (въ началѣ г-нъ Костомаровъ зачѣмъ-то полагаетъ, что лично на Константина Вишневецкаго мы тутъ посягали), то такая характеристика менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло; то было время, когда досада, возбужденная насильственнымъ введеніемъ Уніи и нарушеніемъ древняго права свободы совѣсти, искусственно возбуждала православную ревность въ тѣхъ панахъ, которые безъ того были бы холодны къ своей вѣрѣ. Еще живъ былъ Острожскій, хотя престарѣлый и дряхлый, но бодрый духомъ настолько, что поддерживалъ упорство въ своихъ (по крайней мѣрѣ возмужалыхъ) единовѣрцахъ“.

Мы сейчасъ объяснимъ читателю, что̀ значутъ эти таинственныя слова въ скобкахъ о возмужалости единовѣрцевъ, которыхъ Острожскій удерживалъ въ православіи. Но прежде всего дадимъ убѣдительный отвѣтъ г-ну Костомарову на то, что мы имѣли полное основаніе заподозрить преданность православію со стороны Польско-Русскихъ пановъ именно „той эпохи, о которой идетъ дѣло“, того времени, о которомъ г-нъ Костомаровъ такъ восторженно восклицаетъ: „то было время и пр.“. Сліяніе Западно-Русскаго шляхетства съ шляхетствомъ Польскимъ именно въ это-то время и происходило! Вотъ какъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви извѣстный Мелетій Смотрицкій погибель въ латинствѣ лучшихъ родовъ Западно-Русскихъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Ѳриносъ“, изданномъ въ 1610 году.

„Гдѣ теперь и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды Русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыжскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Солотерецкіе, Головчицкіе, Копирскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды, древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа Русскаго,—Ходкѣвичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостойскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитыни, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?...“. Это, повторяемъ, думано и писано Мелетіемъ Смотрицкимъ если не въ 1610 году, то еще ранѣе; но объ этой эпохѣ и говорили мы, когда совѣтовали г-ну Костомарову нѐ обращать большаго вниманія на православіе или неправославіе Польско-Русскихъ пановъ для доказательства того, что входъ въ ихъ дома былъ будто бы затруднителенъ іезуи-

тамъ. Къ крайнему своему огорченію, быть можетъ, замѣтитъ г-нъ Костомаровъ, что въ этомъ длинномъ перечнѣ именъ, отпавшихъ отъ православія, помянуты и Вишневецкіе; но, повторяемъ, сами мы, какъ прежде, такъ и теперь, не дѣлаемъ изъ этого никакого важнаго вопроса.

Читатель, думаемъ, вполнѣ видитъ теперь, много-ли правды въ словахъ г-на Костомарова, что наша общая характеристика Польско-Русскихъ пановъ „менѣе всего прилична именно той эпохѣ, о которой идетъ дѣло". Это видно будетъ и до конца, когда мы разъяснимъ еще, почему г-нъ Костомаровъ, говоря, что князь Острожскій удерживалъ въ православіи своихъ единовѣрцевъ, прибавляетъ въ скобкахъ: „по крайней мѣрѣ возмужалыхъ". Дѣло въ томъ, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, т.-е. въ то самое время, какъ явиться Лжедимитрію у Вишневецкаго, уже собственные сыновья князя Острожскаго не были православные, а перешли въ католичество. Когда въ Кіевѣ, въ 1604 году, жаловались князю Острожскому на Григорья Отрепьева (котораго самъ князь прежде знавалъ у себя въ Кіевѣ), что онъ, Григорій, сталъ водиться съ Латинскими монахами, скинулъ съ себя иноческое платье и „бысть отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры", тогда „и князь и всѣ его дворовые люди говорили: здѣся-де земля, какъ кто хочетъ, да тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ. Да князь же говорилъ: сынъ-де мой, князь Янышъ, родился во христіанской вѣрѣ, а держитъ Ляшскую вѣру, и мнѣ-де его не уняти". (Акт. II, № 64).

*

Послѣсловіе.

Позволивъ себѣ приложить къ «Правдѣ о Лжедимитріи» критическія замѣтки г-на Костомарова, мы считаемъ себя вдвойнѣ правыми передъ памятью покойнаго профессора. Слѣдовало, по правилу *audiatur et altera pars*, или вовсе умолчать объ этой полемикѣ или привести ее цѣликомъ. На первое мы не рѣшились по слишкомъ большой извѣстности г-на Костомарова; на второе по счастію испросили согласіе отъ него лично. Зимою 1877 года встрѣтились мы съ Николаемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, въ Училищѣ Живописи и Ваянія, на квартирѣ извѣстнаго секретаря Совѣта этого Училища (онъ состоитъ въ этой должности и сейчасъ, когда пишутся эти строки) Льва Михайловича Жемчужникова, гдѣ былъ тогда и третій землякъ ихъ обоихъ, г-нъ Кулишъ. Тутъ и заявилъ нашъ славный противникъ о «полнѣйшемъ» согласіи съ своей стороны на перепечатку его критическихъ замѣтокъ—о которыхъ шла тогда и идетъ теперь рѣчь—въ случаѣ изданія «Правды о Лжедимитріи» въ пополненномъ видѣ.

Намъ памятны два другіе отзыва по поводу нашего изслѣдованія о Самозванцѣ; жаль было бы умолчать о нихъ: оба принадлежатъ

хорошо-извѣстнымъ Русскимъ людямъ, одинъ Ю. Ѳ. Самарину, другой—М. П. Погодину.

Авторъ книги *объ іезуитахъ* и знатокъ ихъ неисчерпаемой литературы, Ю. Ѳ. Самаринъ, по поводу «Правды о Лжедимитріи», подтверждалъ съ своей стороны, что еще Поссевинъ, потерпѣвъ неудачу въ извѣстной попыткѣ склонить Ивана Грознаго къ папской вѣрѣ, уже тогда высказывалъ дальновидныя предположенія о возможности ввести Унію въ Россіи, подстроивъ для того Самозванца. Переспрошенный на этотъ счетъ И. С. Аксаковымъ, съ которымъ я подѣлился слышаннымъ, Ю. Ѳ. Самаринъ категорически подтвердилъ намъ обоимъ, что мысль о возможности ввести Унію въ Россіи, подстроивъ для того Самозванца, была дана іезуитамъ самимъ Поссевиномъ и что на это есть прямыя доказательства въ ихъ литературѣ.

Въ связи съ этимъ, нельзя не привести еще нѣсколько новыхъ выписокъ изъ Церковной Исторіи митрополита Платона, въ дополненіе къ тѣмъ, что̀ ужъ были приведены въ «Правдѣ о Лжедимитріи». Вотъ первая: «О семъ всемъ имѣется самаго іезуита Поссевина книга на Латинскомъ языкѣ, съ описаніемъ всего того, которая печатная книга и находится въ библіотекѣ Виѳанской Семинаріи. Любопытный можетъ оную прочесть, гдѣ описано нѣсколько іезуитомъ Россійское государство въ тогдашнемъ состояніи... Также не оставилъ іезуитъ предложить способы, какими можно папскую вѣру ввести въ Россію. А между прочими надежнѣйшимъ почитаетъ, чтобы молодыхъ людей изъ Россіянъ какимъ-нибудь образомъ привлекать въ Литву въ іезуитскія школы и, тамъ ихъ обучивъ и напоивъ своимъ духомъ, надежно чрезъ нихъ ученіе папское разсѣвать и укоренять... Іезуитамъ въ Польшѣ сія выдумка Поссевинова конечно была извѣстна». Вотъ другая выписка о томъ же: «Первый царь Іоаннъ Васильевичъ по несчастію открылъ папѣ и іезуитамъ свободный входъ въ Россію, вздумавъ его просить, чтобъ онъ склонилъ Польскаго короля Стефана Баторія съ нимъ примириться. Для чего начались съ папою переписки, и онъ прислалъ для сего іезуита Антонія Поссевина, который и учинилъ миръ, весьма невыгодный для Россіи, обманывая царя Іоанна Васильевича, а во всемъ хитро держа руку Польскаго короля. Сей іезуитъ покушался царя Іоанна привести къ принятію вѣры папской, но въ семъ не успѣлъ; однако испросилъ позволеніе іезуитамъ ѣздить въ Россію. Іезуитъ Поссевинъ выдалъ книгу и напечатанную, въ которой предлагаетъ разные способы, какъ въ Россію ввести Латинскую вѣру. Между прочими способами выхваляетъ и сей, чтобъ молодыхъ отроковъ Россійскихъ дворянъ, какимъ-либо образомъ, уловлять, дабы они у нихъ въ Польшѣ и

въ Вильнѣ обучались наукамъ, гдѣ ихъ наиболѣе расположить къ папской вѣрѣ, а чрезъ нихъ-де можно будетъ и въ Россіи успѣхи въ томъ учинить, да и уповаетъ, что сей способъ есть надежный и ожидаетъ недолговременнаго тому исполненія». И вотъ наконецъ третья выписка: «Сіи частыя изъ Рима посылки особливо начались отъ времени іезуита Антонія Поссевина, который и Швецію мутилъ, и въ Россіи злоковарный миръ составилъ, и что-то, яко нѣкіимъ духомъ, конечно нечистымъ, восторгнутый, о будущемъ Россіи превращеніи, которое скоро послѣдовало, предвѣщалъ, какъ-то изъ собственныхъ его словъ въ изданномъ отъ него печатномъ сочиненіи примѣчательно. Онъ въ сочиненіи томъ, описывая Россіи обыкновенія и обряды, разные выдумываетъ способы, какъ ввести въ Россію Латинскую вѣру, и, не знаю почему, обнадеживаетъ себя въ томъ успѣть; особливо надежду свою утверждаетъ на томъ, что склонился дворъ Россійскій принимать посольства отъ папы; а подъ симъ-де средствомъ удобно успѣть свои намѣренія въ дѣло произвесть. Да и былъ, видно, уже умыселъ; ибо іезуитъ такъ пишетъ (читай о семъ его сочиненіе по латыни, изданное въ Кельнѣ 1587 году): Non inutile aliquando foret, si vel superstite hoc principe, vel altero mitiore, aut fortassis Catholico succedente, id, de quo agitur inter quosdam Christianos reges, constitueretur».

Прибавить надо къ тому, что, упомянувъ о скоромъ исполненіи Поссевиновыхъ предсказаній и о томъ, что его выдумка въ Польшѣ, конечно, была извѣстна, митрополитъ Платонъ заключаетъ: «Да и самъ онъ Поссевинъ еще въ живыхъ былъ, да и жилъ въ самое сіе общее разгромности начало и произведеніе; ибо онъ уже умеръ 1611 года, какъ показываетъ Гофмановъ Лексиконъ».

Что касается М. П. Погодина, то онъ самъ извѣстными разсужденіями «Имѣлъ-ли Борисъ Годуновъ участіе въ убіеніи Димитрія» и «*Нѣчто объ Отрепьевѣ*», позволилъ себѣ противорѣчить Карамзину. Немудрено, поэтому что къ «Правдѣ о Лжедимитріи» онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ. Часто имѣвъ случай пользоваться его бесѣдами, я засталъ его одинъ разъ «*какъ нельзя болѣе кстати*», по его собственному выраженію. «Я повторяю зады», сказалъ онъ, «перебираю что̀ накопилось новаго за это время по Русской Исторіи и что̀ я давно отложилъ себѣ для провѣрки. Вы меня застали какъ разъ за статьей, которую пишу по поводу вашего изслѣдованія о Самозванцѣ». Разговоръ пошелъ не о томъ, о чемъ даже подцензурными строками сказано было довольно ясно въ «Правдѣ о Лжедимитріи»; а обо всемъ, о чемъ тогда по необходимости было умолчано и что̀ угадывалось развѣ между строкъ. Тема общеизвѣстна! Это трагически-роковая дилемма Бориса Годунова: быть ему обвинен-

нымъ заднимъ числомъ въ покушеніи на Димитрія—разъ появился Самозванецъ? Быть ему еще обвиненнымъ потомъ вдвойнѣ, въ виду дальнѣйшихъ обстоятельствъ, съ канонизаціей Углицкаго младенца и возведеніемъ на престолъ Романовыхъ включительно?

«И что̀ такое сдѣлалось съ Николаемъ Михайловичемъ? Словно попритчилось!... Рѣшительно не понимаю!...» неожиданно кликнулъ мой собесѣдникъ. Я даже растерялся отъ такого внезапнаго обращенія, не вдругъ понявъ, что дѣло идетъ о *незабвенномъ исторіографѣ*. И Погодинъ разсказалъ слѣдующее: «Пріѣзжаю я тогда въ Петербургъ. Это было какъ разъ наканунѣ выхода десятаго тома его исторіи. Разумѣется, былъ въ Петербургѣ—пошелъ съ поклономъ и къ Николаю Михайловичу. Такъ онъ самъ мнѣ говорилъ: Радуйтесь! Скоро теперь прочтете мой новый томъ, и Борисъ Годуновъ оправданъ! Пора наконецъ снять несправедливую охулку». Я, съ восхищеніемъ отъ всего слышаннаго, поѣхалъ назадъ въ Москву и, понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода книги. Когда наконецъ получилъ ее, со страхомъ и трепетомъ приступилъ къ чтенію. Подхожу къ страницамъ о происшествіи въ Угличѣ. Читаю и глазамъ не вѣрю. Все навыворотъ тому, о чемъ самъ онъ мнѣ говорилъ съ такимъ восхищеніемъ. Что̀ за перемѣна произошла съ нимъ послѣ того, не понимаю. И вотъ десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, а я всякій разъ, какъ перечитываю этотъ заколдованный томъ, слышу—какъ сейчасъ звучатъ они у меня въ ушахъ—слышу тогдашнія его слова. Не могу забыть, не могу и объяснить... Загадка для меня».

Я осмѣлился возразить на это, что особенной загадочности въ томъ нѣтъ: тутъ не Карамзинъ виноватъ, а виновата цѣлая эпоха. У тогдашнихъ, не то Русскихъ, не то космополитически-безнародныхъ, полурусскихъ людей, величавшихъ себя со лже-классическою жеманностью и псевдо-академической важностью «цивилизованными патріотами», не было да и не могло быть настоящей вѣры въ Святую Русь. Вчера еще это были, во дни Екатерины, отчаянные Волтерьянцы; они же подъ старость, на закатѣ Александровыхъ дней, становились ревностными учениками графа де-Местра; мораль чисто-іезуитская была тогда у насъ въ цвѣту. А когда нѣтъ живой свободной вѣры въ то̀, чего «стѣны адовы не одолѣютъ», тогда-то и охраняютъ съ удвоенной ревностью лишь внѣшнюю кажущуюся легитимность, соблюдаютъ только цѣлость герба и печати всякихъ казенныхъ формъ.

Я увѣренъ—сказалъ я въ заключеніе—что если Карамзинъ, въ своемъ десятомъ томѣ, прежде написалъ одно, а потомъ напечаталъ другое, тутъ некого винить: это имъ сдѣлано вполнѣ добровольно. Въ рѣшительный мигъ на него напала нерѣшительность, вотъ и

всё. А разгадку такой нерѣшительности даетъ онъ самъ, еще въ 1803-мъ году, въ своей извѣстной статьѣ: *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.* Упомянувъ о палаткѣ; «гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ» и обо всемъ что связано съ этимъ именемъ, онъ разсуждаетъ такъ: «Русскому патріоту хотѣлось-бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи... Что если мы клевещемъ на сей непелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?» И однакожъ на чемъ вдругъ останавливается Карамзинъ? Вотъ его слова: «Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею; и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи».

Мой собесѣдникъ не возражалъ, а ужъ малѣйшее посягательство на Карамзина обыкновенно приводило его въ волненіе, и онъ сейчасъ-же останавливалъ.

Именно такъ—продолжалъ я, ободренный его молчаніемъ—именно безъ критики писалъ Карамзинъ весь этотъ мелодраматическій разсказъ о «душевномъ гладѣ, коимъ томился Борисъ». У него въ исторіи—кто-жъ этого не знаетъ? обыкновенно къ каждой строкѣ цѣлые десятки ссылокъ въ примѣчаніяхъ, и непремѣнно всѣ цитаты сличены и провѣрены! А здѣсь, какъ нарочно, чуть началась мелодрама о душевномъ гладѣ, и пошли цѣлыя страницы безъ ссылокъ; если же кое-гдѣ и встрѣчаются примѣчанія - смотришь! именно, по его собственному выраженію, «историкъ безъ критики повторяетъ лѣтописи»! И какія лѣтописи! Напримѣръ Морозовскую, которую самъ тутъ же обзываетъ баснословною. Онъ вдругъ пишетъ: «Годуновъ высыпалъ золото, велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ... Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его Данило и племянникъ Никита Качаловъ». А между тѣмъ, какъ извѣстно, никто тогда нарочно *ad hoc* не ѣздилъ въ Угличъ; всѣ поминаемыя лица находились уже тамъ съ самаго начала. Они находились тамъ съ 1584-го года, то-есть съ самой кончины Грознаго, когда исполнили только царскую духовную объ отдачѣ Углича въ удѣлъ Димитрію и когда всѣми дѣлами распоряжались старшіе того времени бояре, и Борисъ Годуновъ еще ничего не значилъ. Справьтесь хоть въ «Повѣствованіи о Россіи»! Ужъ тамъ-то тщательно собраны и свѣрены всѣ цитаты подлинныхъ источниковъ. И нигдѣ тамъ не упоминается о позднѣйшемъ подсылѣ въ Угличъ поминаемыхъ лицъ. Покрайней мѣрѣ, собственно о Никитѣ Качаловѣ прямо и категорически заявлено, что онъ прибылъ въ Угличъ вмѣстѣ со всѣмъ домомъ Нагихъ, въ 1584-мъ году.

— «Ахъ что вы мнѣ напомнили!» прервалъ меня Погодинъ. «Когда Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издавало сводъ Арцыбашева, въ это самое время я и былъ секретаремъ; изданіе «Повѣствованія о Россіи» лежало на мнѣ. Помню, какую подняли тревогу изъ-за того мѣста, гдѣ описывалось 15-е Мая 1591-го года! Задержали было всю книгу. Пришлось перепечатывать листъ. Который листъ напечатанъ и вставленъ теперь—это ужъ другой. Настоящій, съ текстомъ самого Арцыбашева, былъ отобранъ и уничтоженъ. Я только сохранилъ себѣ на память одинъ экземпляръ и потомъ вклеилъ его у себя въ книгахъ. Любопытно сейчасъ же взглянуть на него, перечитаемъ вмѣстѣ съ вами» И маститый историкъ заковылялъ къ своимъ полкамъ и шкапамъ съ книгами, долго въ нихъ рылся и—какъ это почти всегда бываетъ, когда ищутъ спѣшно—не нашелъ.

Весь этотъ разговоръ по поводу «Правды о Лжедимитріи», главнымъ образомъ, вызванъ былъ слѣдующими строками: «Нельзя довольно надивиться и ходу послѣдующихъ обстоятельствъ; всѣ они сложились именно такъ, чтобы скрыть изъ виду прежде заводчиковъ, а потомъ укрывателей Самозванцева дѣла, и совершенно замели ихъ слѣдъ». Пора, наконецъ, дополнить неполноту этихъ строкъ.

Святъ Углицкій младенецъ въ памяти народа и пребудетъ истинно-свѣтлымъ торжествомъ самое освященіе его памяти, изъ рода въ родъ во вѣки вѣковъ, пока чтится Русское имя въ мірѣ. Іезуитамъ хотѣлось, чтобъ мы наругались надъ его памятью, и они намъ привели своего Самозванца. Каемся, мы поклонились ими приведенному Самозванцу и совершили угодное имъ поруганіе неповиннаго младенца. Но вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, и почувствовала на совѣсти тяжкій грѣхъ—всенародный Русскій грѣхъ, когда, поклонясь ихъ *лжому* Димитрію, тѣмъ самымъ мы богохульно осквернили ничѣмъ неповинную Углицкую могилу. И когда мы свергли ихъ «прелестника, смутившаго міръ», когда мы развѣяли самый пепелъ его «на Литву», откуда онъ пришелъ: тогда священною обязанностью стало для насъ, напротивъ того, поднять и цѣлыми соблюсти драгоцѣнные останки самогѣ того, чьё имя было воровски украдено на обманъ міру и—какъ расчитывали наши враги, да не удалось!—въ соблазнъ даже будущимъ вѣкамъ. Понятно послѣ того, какимъ новымъ блескомъ для очистившейся народной совѣсти засіяла оправданная Углицкая могила! Тогда Латыне вновь клеветали на насъ и на неё, приписывая тогдашнему Русскому царю и народу свой собственный, весьма для нихъ обычный, а у насъ даже немыслимый и несбыточный грѣхъ: propter rationes politicas canonisare homines profanos. Шуйскій, съ честью перенеся останки неповиннаго младенца изъ Углича на Москву, въ

одно и тоже время—не надо забывать этого—воздалъ честь и поруганной могилѣ Годуновыхъ. Народная совѣсть мерзила тогда всѣми неправдами, содѣянными отъ прихода лжаго Димитрія, вѣнчавшагося въ Успенскомъ соборѣ заразъ и короной, и съ Мариной. Если бы Французы, легкомысленный и хвалящійся подчасъ невѣріемъ народъ, тяготясь преступленіемъ противъ Людовика XVI, беатизировали и канонизировали его, то, конечно, такое ихъ національное движеніе было-бы всѣмъ понятно,—оно еще понятнѣе тутъ. Можно ли не понимать, какъ тяготилась и мучилась Русская народная совѣсть, какъ нуждалась она очиститься передъ поруганною и оклеветанной Углицкой могилой именно освященіемъ и осіяніемъ ея изъ роды въ роды на память—послѣ той позорной коронаціи Лжеца въ Успенскомъ соборѣ? Народная совѣсть и дѣйствительно очистилась съ тѣхъ поръ на всѣ же предбудущіе вѣка признаніемъ святости этой могилы и этихъ останковъ,—тѣмъ болѣе, что установленіе праздниковъ и канонизація (какъ ихъ понимаютъ Латинскіе монахи) и такое же повидимому празднованіе и освященіе въ народной памяти Русью чтимыхъ событій и людей, не совсѣмъ одно и тоже. Что касается до взводимаго на насъ грѣха, будто «Suiscius, propter suas rationes politicas, curavit canonisare et in martires inscribere Demetrium principem»: то это или простое непониманіе и незнаніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ именно и когда именно и ради чего именно Шуйскій воздалъ честь Углицкой могилѣ, или (если все это знаютъ) намѣренная на него клевета.

Свято и непорочно въ Русской исторіи и другое событіе, прекратившее, напослѣдокъ, всѣ смуты отъ Самозванцевъ и замирившее все государство: избраніе на престолъ Михаила Θеодоровича Романова. Если Александръ Македонскій, на вопросъ, кому послѣ него царствовать? умирая, далъ отвѣтъ *достойнѣйшему*, и историки всѣхъ вѣковъ восхищаются такимъ отвѣтомъ: то еще прекраснѣе отвѣтъ всего Русскаго народа въ 1612-мъ году. Вопросъ былъ тотъ же: кому царствовать? а отвѣтъ другой: *невиннѣйшему*. Дивятся иные, почему не избрали князя Пожарскаго, освободителя Москвы? Почему не кого-либо изъ Рюриковичей? Такіе запросы могутъ входить въ голову, когда опускаютъ изъ виду необходимость на первомъ планѣ нравственнаго запроса и выдвигаютъ такъ называемыя практическія соображенія на первый планъ. Но удивительнѣе было бы, еслибъ, въ связи съ нравственною правотою, еще даже и по практическимъ соображеніямъ, избрали тогда другаго, а не того, кого избрали. Всенародный голосъ указалъ на Михаила Θеодоровича Романова: это былъ, по первой женѣ Ивана Васильевича (тогда еще не Грознаго), памятной царицѣ Настасьѣ Романовнѣ, ближайшій родственникъ царя Θеодора Ива-

новича, кѣмъ пресѣклась Московская династія; это былъ еще и не вступавшій въ свѣтъ юноша, укрытый на все время смутъ въ монастырѣ. Отецъ его, Ѳедоръ Никитичъ, хвалившійся нѣкогда, еще при царѣ Борисѣ, наканунѣ появленія Самозванца: «увидите, каковъ я вскорѣ буду!» зналъ ли онъ, что Русскій народъ оцѣнитъ всего болѣе «*невинность*» въ его сынѣ?

Итакъ, оба упоминаемыя событія, и освященіе въ народной памяти Углицкаго младенца, и избраніе на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, совершены изъ самыхъ чистыхъ человѣческихъ побужденій, и въ обоихъ случаяхъ порывъ народа былъ единодушный. Но гдѣ людскія дѣла, тамъ и людскіе толки; а гдѣ они, тамъ и не безъ кривотолковъ. Какъ святость Углицкаго младенца, такъ еще и святость избранія на престолъ Романовыхъ, на первыхъ же порахъ, естественно, повели къ вящему осужденію памяти трагически-несчастнаго Бориса со всѣмъ его родомъ. Какъ прежде заводчикамъ, такъ теперь и укрывателямъ Самозванцева дѣла, было выгодно всячески клеветать на Бориса; всѣмъ имъ безъ исключенія это было на руку во всѣхъ отношеніяхъ, и своимъ, и чужимъ. И никому изъ нихъ не надо было даже дѣйствовать лично или покрайней мѣрѣ на свой собственный страхъ. Нѣтъ, довольно было для этого дать ходъ естественной человѣческой слабости валить грѣхъ на падшаго и величать побѣдившаго; стоило только предоставить свободу дѣйствія самымъ дурнымъ и низменнымъ инстинктамъ человѣческой природы, и дѣло дѣлалось само собою. Тогда-то и составилась, съ тѣхъ поръ и утвердилась, сказочная легенда о Смутномъ Времени.

Все смутное время, со всѣми его проклятыми подробностями, эту истинную Божью кару за множайшіе грѣхи множайшихъ поколѣній, мрачившихъ исторію Московскаго государства съ самаго начала, еще со временъ лютой татарщины до такой наконецъ эпохи, какова, была эпоха многолѣтняго владычества Ивана Грознаго—свести все это на простую легенду о честолюбцѣ.... показалось такъ просто. Зрите, говорятъ наивные лѣтописцы и исторіографы, *безъ критики повторяющіе лѣтописи*, зрите!... народился честолюбецъ, умертвилъ одного за другимъ всѣхъ наслѣдниковъ престола, воцарился самъ; сталъ тогда угнетать и невинныхъ бояръ, имѣвшихъ право на престолъ больше его,—а Богъ и наказалъ честолюбца со всѣмъ его родомъ. Даже сына его, виновнаго тѣмъ однимъ, что черезъ него честолюбецъ мечталъ имѣть потомство, явно наказалъ самъ Праведный; ибо Ѳедоръ Борисовичъ умеръ поносною смертью «удавленіемъ тайныхъ удовъ, кои суть вмѣстилище сѣмени къ продолженію рода». Честолюбецъ погибъ;

а всѣ тѣ, коихъ онъ гналъ, просіяли славою небесною и земною. Вотъ и разрѣшеніе смутнаго времени. Повидимому, на чтò проще?

Но не такъ просто совѣсти человѣка примириться съ безсовѣстностью своею, а кольми паче совѣсти цѣлаго народа. Чтò иное и церковь того или другаго народа, какъ—прежде всего—не его же передъ Богомъ всенародная совѣсть? Ничто другое, собственно говоря, сама исторія каждаго народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, повелось у насъ. Исторію своего государства и исторію своей церкви никогда одну отъ другой не отдѣлялъ и не отдѣляетъ Русскій народъ, даже не понимаетъ возможности ихъ отдѣленія. Можетъ быть, другіе народы и умудрились сложить свою исторію иначе, умудряются въ томъ и до сихъ поръ; намъ эта мудрость не дается.

Потому-то, можетъ быть, въ Русской Исторіи болѣе, чѣмъ во всякой другой, ни одна вкравшаяся завѣдомая ложь, ни одинъ нераскаянный грѣхъ, ни одно умышленное и сознательное отступленіе отъ правды не отпускаются даромъ, а мстятся въ цѣлыхъ вѣкахъ. Мстится намъ еще и до сихъ поръ, даже въ концѣ XIX-го вѣка, неправда Русская, содѣянная въ началѣ XVII-го вѣка; мстится тамъ, гдѣ имѣющіе очи чтобъ видѣть и уши чтобъ слышать не видятъ и не слышатъ, даже и не подозрѣваютъ, что это она самая, все она и «послушествуетъ свидѣтельство ложно». Она мстится даже до сегодня, и будетъ еще мстится, пока, напослѣдокъ, въ сознаніи хотя будущихъ поколѣній правда объ этой неправдѣ доищется сама себя.

Н. М. Павловъ.

ОТЗЫВЪ ПАТРІАРХА НИКОНА ОБЪ УЛОЖЕНІИ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Новые матеріалы для исторіи законодательства въ Россіи.

(Статья В. М. Ундольскаго *).

Законодательные памятники каждаго народа любопытны въ разныхъ отношеніяхъ не для одного юриста, но и для историка, наблюдателя за судьбою минувшаго. Юристъ слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ законодательства, вникая въ разныя его перемѣны и, переходя черезъ цѣлыя столѣтія къ современному юридическому быту, видитъ, что̀ изъ прежняго оставлено и давно предано забвенію, что̀ еще живетъ полною жизнію, и наконецъ, на многіе юридическіе запросы: почему въ современномъ законодательствѣ то или другое сложилось именно такъ, а не иначе, онъ можетъ найти отвѣтъ исключительно въ прежнихъ актахъ юридическихъ. Все это такъ ясно и непреложно, что нѣтъ надобности приводить ни примѣровъ, ни доказательствъ. Всѣ народы древніе и новые, сообразно своему гражданскому развитію, имѣютъ болѣе или менѣе юридическихъ памятниковъ. Разныя политическія и другія обстоятельства обусловливали утрату или сохраненіе ихъ; посему нельзя утверждать, что въ настоящее время имѣемъ мы всѣ законодательные памятники Греціи и Рима, какіе имѣла каждая эпоха въ свое время. Тоже должно сказать и о нашемъ отечествѣ. Сколько погибло разныхъ, въ томъ числѣ и юридическихъ, письменныхъ памятниковъ во время войнъ, междоусобій, въ погромъ Татарскій! Сколько утрачено ихъ въ пожары, замѣтками о которыхъ такъ обильны наши лѣтописи! Есть намеки, что Кипріанъ митрополитъ, этотъ великій возстановитель угасавшаго просвѣщенія на Руси, переводилъ Кормчую; но гдѣ она теперь находится? Но что̀ говорить о Кормчей Кипріановской, о временахъ отдаленныхъ; вспомнимъ о другомъ истинно-русскомъ и истинно-великомъ нашемъ Московскомъ

---

*) Объ этой статьѣ своей говоритъ Ундольскій въ одномъ изъ напечатанныхъ выше писемъ своихъ къ А. Н. Попову. Извлекаемъ ее изъ рукописей его, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Въ изданіи болѣе нашего спеціальномъ этотъ трудъ Ундольскаго долженъ будетъ появиться вполнѣ. П. Б.

архипастырѣ; я разумѣю Всероссійскаго митрополита Макарія. Какъ бы предвидя утрату многихъ письменныхъ памятниковъ, онъ собираетъ и (не щадя злата и сребра) переписываетъ въ свои Великія Четіи Минеи всѣ книги, яже въ Русской землѣ обрѣтаются. Извѣстенъ его подвигъ во время Московскаго пожара 21 Іюня 1547 г., когда всѣ Кремлевскія зданія и даже храмы Божіи объяло пламенемъ. Чтожъ дѣлаетъ первосвятитель святой Руси? Спасаетъ конечно казну государя малолѣтнаго, его царскія сокровища, или сохраняетъ отъ всепогубляющаго пламени утварь, иконы (какъ самъ иконописатель) и вообще святыню дома Успенія Богоматери? Вѣроятно онъ распорядился о томъ и о другомъ. Но тогда, какъ все было въ огнѣ, и въ самый храмъ соборный почти не было возможности войти, онъ съ самопожертвованіемъ проникаетъ туда и, обгорѣлый, отовсюду спасаетъ не сосуды и кресты золотокованные, не ризы жемчугами и драгими камнями унизанныя: онъ «несъ на себѣ Пречистую Петрова чудотворца письма̀, а протопопъ Гурій несъ за нимъ *правила*», т.-е. Софійскую пергаменную Кормчую 1280 годовъ, привезенную имъ въ 1542 году изъ Новагорода. Но пламя свирѣпствовало, выдти изъ Кремля обыкновеннымъ путемъ не было никакой возможности. И неустрашимаго святителя вмѣстѣ съ безцѣннымъ *Номоканономъ* спускаютъ внизъ по горѣ въ Тайницкіе ворота. Не будь такой рѣшимости, мы пожалуй лишились бы древнѣйшей нашей Кормчей, въ которой незабвенный исторіографъ нашъ Н. М. Карамзинъ открылъ «Ярославову Правду» и другія юридическія, историческія и казуистическія статьи, напечатанныя впослѣдствіи по сему списку Московскимъ Историческимъ Обществомъ въ 1-й части Русскихъ Достопамятностей, и на иждивеніе гр. Н. П. Румянцова Калайдовичемъ въ «Памятникахъ Рос. Словесн. XII в.». Сохранившій эту драгоцѣнность митроп. Макарій самъ первый поспѣшилъ ею воспользоваться: онъ составилъ *Сводную Кормчую*, опытъ (на первый разъ весьма удачный) Русскаго Номоканона, въ которомъ къ Греческимъ соборнымъ правиламъ присовокуплены постановленія Русской церкви. Послѣдующее за тѣмъ время, особливо безгосударное, еще менѣе было счастливо для Руси и для ея письменныхъ историко-юридическихъ памятниковъ, когда государственные акты (какъ напр. статейные списки) не только были растеряны или увезены въ Польшу, а что̀ всего хуже—погибли безвозвратно для науки и администраціи. Пожаръ въ Москвѣ и Московскомъ Кремлѣ 1626 года, болѣе чѣмъ самозванщина, испепелилъ нашей письменности. Всѣмъ этимъ еще не кончились несчастія и утраты: нашъ великій преобразователь въ 1718 году оплакивалъ утрату Кіевскаго книгохранилища. Его сотрудника и можно сказать выученика, В. Н. Татищева, знаме-

нитая библіотека Грибановская тоже сдѣлалась жертвою пламени. Текущее XIX столѣтіе тоже не обошлось безъ утратъ невознаградимыхъ для Русской письменности и просвѣщенія. Въ достопамятный 1812 годъ погибли въ Москвѣ библіотеки Бутурлина, гр. Мусина-Пушкина (вмѣстѣ съ единственною рукописью Слова о Полку Игоревѣ), собранія Калайдовича, исторіографа Карамзина и Историческаго Общества (вмѣстѣ съ пергаминной Троицкою лѣтописью). Въ эту несчастную годину и самый подлинникъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, выброшенный съ прочими архивными документами, перешелъ въ частныя руки, значитъ весьма недалекъ былъ отъ совершенной утраты...

XVII вѣкъ весьма интересенъ для наблюдателя, какъ въ историческомъ отношеніи, такъ и въ юридическомъ, потому что въ 1649 году напечатано Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, безспорно занимающее первое мѣсто между всѣми юридическими памятниками. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ другіе памятники нашей администраціи, начиная съ Ярославовой Правды, лишены были интереса, какъ памятники права недѣйствующаго. Напротивъ, всѣ они весьма любопытны столько же для юриста, сколько и для историка. Давно прошло время считать исторію голымъ перечнемъ фактовъ, разсказомъ о войнахъ, необыкнованныхъ событіяхъ, дивныхъ небесныхъ явленіяхъ, номенклатурою царей, князей, патріарховъ, военачальниковъ и т. д.; нынѣ требуютъ отъ историка (и весьма справедливо) живой и подробной картины развитія народнаго быта, государственнаго и домашняго, его вѣрованій, общежитія. Что̀ же больше представитъ данныхъ для этого: законы и разнородные юридическіе акты, или голый, почти всегда сухой разсказъ лѣтописца-инока, для котораго по самому его званію и обѣту чужды всѣ житейскіе интересы, и которому по самому его мѣсту невозможно знать подробностей того или другаго событія, и значитъ поставить его въ истинномъ свѣтѣ. Между тѣмъ таковы хроники не только наши, но и образцики Русскихъ—Византійскія. Не лучше ихъ и большая часть западныхъ. Нашъ первый лѣтописатель, преп. Несторъ заимствовалъ манеру̀ своей «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» у Византійца Георгія Амартола (саномъ архимандрита). Послѣдующіе Русскіе лѣтописатели приняли за образецъ Нестора, не отдѣливъ даже своего писанія отъ Несторова и тѣмъ надѣлали множество хлопотъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ. Писатели временъ послѣдующихъ держались того же образца; XVII вѣкъ не представляетъ исключенія. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ хронографахъ сего времени не встрѣтите вы живаго и подробнаго разсказа о Русскомъ общежитіи, о мнѣніяхъ и повѣрьяхъ; скорѣе встрѣтите ихъ въ отдѣльныхъ сказаніяхъ о Русскихъ подвижникахъ, святыхъ иконахъ, крестахъ, объ основаніи оби-

телей и въ тому подобныхъ повѣствованіяхъ. Многорѣчивыя историческія сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, Казанскомъ взятіи, объ осадѣ Сергіева монастыря Поляками, Пскова Баторіемъ, богаты краснорѣчіемъ и изысканною витіеватостію слога, бѣдны фактами объ исторіи народнаго быта. Участвовавшій въ составленіи Уложенія дьякъ Ѳедоръ Грибоѣдовъ тоже написалъ (около 1670 г.) *Исторію о царяхъ Россійскихъ* въ 41 главѣ; но и она не составляетъ исключенія. Между тѣмъ, подобно Степеннымъ Книгамъ, она была составлена по распоряженію правительства; сочинитель былъ разряднымъ дьякомъ, значитъ имѣлъ у себя матеріалы. Современники любили это велерѣчіе и многошумящую пустоту въ изложеніи. Вскорѣ по написаніи «книга взята къ великому государю въ верхъ», сочинитель награжденъ царскимъ жалованьемъ: 40 соболей, 50 рублей денегъ, атласъ, камка, да придачи къ помѣстному окладу 50 четей, 10 рублей». Такъ всегда наше правительство умѣло поощрять и награждать ученыя предпріятія, какъ бы они ни были неудовлетворительны.

Не таковы юридическіе памятники. Въ нихъ ясно изображается внутренняя жизнь народа. Почему и самая исторія народа, безъ изученія памятниковъ законодательства, не будетъ имѣть ни полноты, ни ясности. Изъ всѣхъ Русскихъ законодательныхъ памятниковъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, по справедливости, можетъ и должно быть названо краеугольнымъ камнемъ и первѣйшимъ источникомъ отечественнаго права. Но достигло ли оно своей цѣли и по крайней мѣрѣ такъ ли думали объ этомъ памятникѣ современники, близкіе къ кормилу Русскаго правленія, какъ судитъ о немъ безпристрастное потомство? Надобно думать, что такъ. Уложеніе, не смотря на свою видимую суровость, соотвѣтствовавшую понятіямъ и нуждамъ тогдашняго общества, соединяло все, что прежде разсѣяно было по разнымъ частямъ въ Кормчей, Судебникѣ, соборныхъ постановленіяхъ, судныхъ грамотахъ и тому подобныхъ актахъ, и кромѣ того въ немъ были нѣкоторые новые предметы дѣйствующаго законодательства.

Одинъ изъ сихъ предметовъ, находящихся въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, подвергся строгому сужденію патріарха Никона. Этотъ отзывъ стоитъ полнаго вниманія каждаго, уже по одной великой личности Никона.

Изъ всѣхъ десяти Всероссійскихъ патріарховъ, отъ Іова до Адріана, едва ли кто пользовался такимъ расположеніемъ царя, какъ патріархъ Никонъ. Рожденный въ низкой долѣ, въ Маѣ 1605 года, около Нижняго Новогорода, въ деревнѣ Вальдемановѣ, Никита вскорѣ лишился матери. Въ юныхъ годахъ жилъ онъ въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ; но по смерти родителя вступилъ въ бракъ.

Вскорѣ онъ причетникъ и священникъ сельскій, наконецъ Московскій; черезъ 10 лѣтъ супружества онъ монахъ Анзерскаго скита; основатель этой обители преп. Елеазаръ самъ постригъ его. Позднѣе, въ санѣ игумена Кожеозерской пустыни, бывши въ Москвѣ (1646 г.), сдѣлался онъ извѣстнымъ царю Алексѣю Михайловичу, почему и оставленъ былъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Царь поручаетъ ему принимать челобитныя и по докладу его рѣшаетъ милостиво. Въ 1648 году онъ уже митрополитъ Новгородскій, ему порученъ надзоръ и за гражданскими дѣлами. Государь съ нимъ въ частой перепискѣ. Въ 1650 году Никонъ укрощаетъ мятежъ въ Новѣгородѣ. Въ 1652 году 25 Іюля возведенъ онъ въ патріаршество. Въ 1653 и 1654 годахъ онъ охраняетъ царское семейство во время моровой язвы. Это не осталось безъ царской признательности. «Какъ великій государь (Алексѣй Михайловичъ) пришелъ изъ-подъ Смоленска въ Вязьму; а мы (говоритъ патр. Никонъ) пришли съ государынею царицею и съ государемъ царевичемъ и съ государынями царевнами въ Вязьму же, и онъ великій государь со многимъ моленіемъ говорилъ намъ о семъ, чтобъ писаться *великимъ государемъ*; а нашего изволенія на то не было». Такова была близость и согласіе царя съ патріархомъ. Онъ былъ даже воспріемникомъ царскихъ дѣтей. По отстройкѣ первой церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, самъ царь былъ на освященіи ея. Такъ объ этомъ разсказываетъ самъ Никонъ: «На освященіи первыя церкви Воскресенія Христова изволися великому государю князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, со всѣмъ сигклитомъ быти. Изволися же ему великому государю именемъ звати Новый Іерусалимъ и въ своихъ царскихъ грамотахъ написать своею рукою на утверженіе, еже и нынѣ таковая грамота его государева держится въ честнѣ мѣстѣ»... При семъ случаѣ царь пожаловалъ въ новопостроенный монастырь вотчины Коломенской епископіи. «И послѣ того государь пожаловалъ въ свое государево богомолье въ Воскресенскій монастырь, будучи на освященіи церковномъ, глаголя: святая святымъ достойна». Это происходило въ 1657 году и было едва ли не послѣднимъ знакомъ царской милости къ патріарху Никону. Частыя ли отлучки изъ столицы для наблюденія за постройками въ Новомъ Іерусалимѣ или козни враговъ были причиною царскаго охлажденія къ патріарху, но уже въ 1658 году оно дошло до совершеннаго разрыва. Патріархъ изъ Успенскаго собора удалился на подворье и черезъ трое сутокъ, оставивъ Москву, переселился въ свой Воскресенскій монастырь. Въ 1660 году созванный духовный соборъ отказался безъ сношенія съ восточными патрі-

архами судить Никона и избрать на его мѣсто другаго патріарха; дѣлами же патріаршими завѣдывалъ Крутицкій митрополитъ Питиримъ.

Къ этому-то времени относится отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Тогда прибылъ въ Москву извѣстный по своей учености и искательности (безъ всякаго сомнѣнія крипто-католикъ), Паисій Лигаридъ, бывшій митрополитъ Газскій. Всегда искавшій не правды, а личныхъ выгодъ, Лигаридъ прямо присталъ къ партіи враговъ Никона и былъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ его преслѣдователей. Отъ имени царскаго дяди, боярина Симеона Лукьяновича Стрѣшнева Паисій задалъ себѣ 30 вопросовъ и самъ же на нихъ составилъ отвѣты. Тѣ и другіе клонятся къ обвиненію патріарха Никона. Очевидно, какъ сильно подѣйствовали эти вопросы и отвѣты на пылкій и рьяный характеръ Никона. Вѣроятно полагая, что сіи вопросы съ отвѣтами будутъ однимъ изъ главныхъ орудій къ его осужденію, въ полномъ сознаніи своей правоты, Никонъ написалъ огромную книгу (945 листовъ въ 4-ку), назвавъ ее: «Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа Газскому митрополиту Паисію Лигаридіусу, и на отвѣты Паисьевы» *)....

Не смотря на великую личность патріарха Никона, его заслуги церкви и отечеству, должно сказать, что не всѣ пункты сего отзыва заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. По обширности его можно назвать разборомъ или разсмотрѣніемъ Уложенія; но, исключивъ изъ него вынужденное обстоятельствами, въ которыхъ писано *возраженіе*, останется не больше какъ отзывъ о нашемъ знаменитомъ законодательномъ памятникѣ. Какъ въ самомъ Уложеніи нѣкоторыя статьи доселѣ имѣютъ силу дѣйствующаго законодательства, другія, напротивъ, имѣютъ только историческое значеніе, такъ и въ отзывѣ патріарха Никона нѣкоторые пункты возраженія болѣе важны, другіе замѣчательны только какъ памятникъ вѣка, народа, нравовъ и обычаевъ современной эпохи и, наконецъ, взгляда на вещи самого возражателя. И по существу дѣла, и по самымъ предѣламъ статьи нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе напримѣръ того, что составители Уложенія, употребляя выраженіе «судъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича», вовсе не думали присвоивать ему судъ Божій, но разумѣли подъ симъ судъ гражданскій и желали симъ терминомъ отличить

---

*) Подлинникъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, списки въ Академіи Наукъ и въ рукописяхъ В. М. Ундольскаго № 417.

его отъ суда церковнаго или духовнаго, «а не то что якобы вознеистовилися и преобидѣли Божію власть и Божіе достояніе, и Божій судъ преписали на царское имя». Перечисляя дни, когда не слѣдуетъ суда судить и никакихъ дѣлъ въ приказахъ дѣлать, составитель назвалъ ихъ для краткости: днемъ Р. Х., Богоявленія и пр. Изъ сего нисколько не слѣдуетъ заключать объ его неуваженіи къ симъ праздникамъ, тѣмъ болѣе, что въ самой первой статьѣ Уложенія (приводимой и самимъ Никономъ) имя Божіе написано вполнѣ: «Будетъ кто... возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, или на Родшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію» и т. д. Болѣе значенія имѣютъ замѣчанія о томъ, какое съ кого брать безчестіе по суду за лица свѣтскія и духовныя. И здѣсь едва ли можно доказать, что правежъ съ лицъ духовныхъ установленъ для того, «дабы никто не смѣлъ тяжести ради Уложенья никому о правдѣ слова Божія проповѣдати». Еще болѣе имѣетъ важности разборъ тѣхъ статей XIII главы Уложенія, гдѣ говорится о крестномъ цѣлованіи: «еже съ суда крестъ цѣловати кому самому, или вмѣсто господина человѣку его». Сущая правда, что «рабъ, ему же повелитъ господинъ, все сотворитъ» и что господинъ мнитъ: «не толь тяжко и безгрѣшно ему, понеже рабъ вмѣсто его ротился и крестъ на ротѣ цѣловалъ; а рабъ мнитъ: безгрѣшно сотворилъ, господина своего послушавъ, таковую роту сотворилъ и крестъ цѣловалъ за господина своего душу»; но равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что это постановленіе не изобрѣтено составителями Уложенія, а существовало гораздо прежде, и помѣщено какъ принятый законъ. Обстоятельство довольно извѣстное изыскателямъ древности, почему и не считаемъ нужнымъ распространяться о немъ болѣе.

Всего сильнѣе патріархъ Никонъ въ своемъ возраженіи ополчается противъ учрежденія *Монастырскаго Приказа,* получившаго полную законную силу съ изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ 1649 году. (Хотя огорченный патріархъ Никонъ и называетъ все вообще Уложеніе законами *новыми,* но въ немъ едва ли не одна только XIII глава и была совершеннымъ нововведеніемъ). Въ своемъ отзывѣ онъ вообще не называетъ его *соборнымъ,* но трактуетъ его какъ составленіе уложенной коммиссіи и въ особенности перваго изъ ея членовъ князя Никиты Одоевскаго. Неизвѣстно, на чемъ основываясь патр. Никонъ сказалъ: «и то всѣмъ вѣдомо, что сборъ (для выслушанія и утвержденія Уложенія) былъ *не по воли,* боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради», и что Уложеніе вовсе не было вносимо къ Государю. Зная правдивость патр. Никона, мы не рѣшаемся и здѣсь отказать ему въ довѣріи:

какъ современникъ, близкій къ Царю, онъ конечно могъ знать многое, что̀ другимъ было неизвѣстно. Поэтому онъ не разъ обращается къ князю Одоевскому съ такими и подобными обличеніями. По правиламъ о святительскомъ судѣ, помѣщеннымъ въ Стоглавѣ (гл. 53—64) и напечатаннымъ въ Филаретовскомъ Требникѣ, Никонъ былъ правъ. «Разсмотри, богоборче, князю Никито, како глаголеши, яко *слободы* патріаршии, и митропольи, и владычни, и монастырскія не всѣ ли *суть Божія*? И мы Его есмы развѣ тебе; не Его вы есте. Не все ли отъ начала бысть по Божію велѣнію и по заповѣди, священническая часть Божія и достояніе? Почто, преминувъ большаго, еже есть Бога, къ меньшимъ нисходиши и называеши Божію часть и достояніе наше достояніе (4 Моис. 14), и все елико имѣ прежде на послуженіе мало слободъ на Москвѣ и по градомъ все усвоисте на свои потребы. Кто же нынѣ нужнѣйшее церкви и архіерею послужитъ, т.-е. стражбу и прочая потребы церкви?» Нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе: было ли и сколько именно было присвоено церковныхъ недвижимыхъ имѣній свѣтскими властями; нельзя однако же опустить безъ вниманія соборнаго опредѣленія 1667 года о вотчинахъ патріаршихъ и приписанныхъ къ новопостроеннымъ Никономъ монастырямъ. Возвращая патріаршему дому, разнымъ епархіямъ и монастырямъ разныя вотчины и угодья, соборъ опредѣлилъ: «А которыя отчины Великаго Государя жалованія даны Никону монаху и приписаны къ монастырямъ его строенія, тѣмъ *отчинамъ Великаго Государя жалованья быти неизмѣнно*». (Полн. Собр. Зак. т. I, стр. 713). Если по низложеніи патр. Никона царь Алексѣй Михайловичъ не захотѣлъ жалованныхъ имъ вотчинъ взять обратно, мудрено допустить, чтобы тотъ же царь при патріаршествѣ Никона принадлежавшія духовенству слободы на Москвѣ и по градомъ усвоилъ на свои потребы.... Какъ бы то ни было, но спустя столѣтіе, признано за благо не только патріаршія, но и вообще всѣ недвижимыя населенныя имущества перечислить изъ вѣдомства лицъ духовныхъ въ завѣдываніе свѣтское. За что̀ же святѣйшій называетъ князя Одоевскаго богоборцемъ? По современнымъ понятіямъ это будетъ не совсѣмъ справедливо, преувеличенно, нѣкоторымъ можетъ показаться даже забавно—именовать богоборцемъ человѣка, назвавшаго слободы патріаршими, митрополичими и т. д. Чтобы постигнуть всю истину словъ Никона, нужно возвыситься до уровня историческаго безпристрастія и войти въ понятія современниковъ половины XVII столѣтія. При этомъ нельзя оставлять безъ вниманія и того положенія, въ какомъ находился патр. Никонъ. Оправдывая учрежденіе Монастырскаго Приказа, самъ Лигаридъ сознается, что сего приказа *прежде не было*, но что царь Алексѣй Михайловичъ, любя лучшій порядокъ,

нашелъ необходимымъ, «чтобъ сидѣлъ судія на своемъ мѣстѣ и слушалъ бы челобитныя и разсмотрялъ бы, которы имѣетъ и чія правда и указъ бы чинилъ добрыхъ оправдать, а виновныхъ смирять». Никонъ (по словамъ Лигарида) будто бы никогда самъ не судилъ, а «держалъ мірскихъ, которые судили въ его приказѣхъ и челобитныя раздавалъ людемъ своего двора, и они нѣкогда прямое кривымъ чинили, а кривое прямымъ». Напротивъ, мы знаемъ, что Никонъ судилъ и даже иногда быть можетъ довольно строго. Въ другомъ мѣстѣ (вопросъ 23) Стрѣшневъ обвиняетъ патр. Никона, якобы онъ билъ (вѣроятно въ судѣ и за важныя преступленія), ударялъ и даже въ ссылку ссылалъ. Никонъ опровергаетъ это, не отрицаясь, что въ церкви иногда *верви-цею*, иногда *рукою* помалу смирялъ безстрашныхъ людей по образу Христову и по правилу св. Апостолъ и св. Отецъ. «А еже прямое кривымъ дѣлать, а кривое прямымъ, я того не видалъ (отвѣчаетъ Никонъ). Вижу нынѣ, что ты прямое кривишь, а кривое прямишь, божественные законы ни во что полагаешь, а новые свои несвѣдомые святой церкви объявляеши». Безпристрастіе и безкорыстіе Никона извѣстны даже врагамъ его и доказаны всею его жизнію, даже въ изгнаніи и заточеніи: не смотря на запросы по всей Россіи о несправедливостяхъ и притязаніяхъ Никона, уже удаленнаго отъ дѣлъ, ничего не сыскали въ его обвиненіе. За симъ снова обращеніе къ Лигариду: «И паки пишешь: для чего двоеглавый орелъ пишется? Что онъ расширяется достоинствомъ церковнымъ и мірскимъ. *Отвѣтъ*. Есть то правда, что царское величество расширился надъ церковію чрезъ вся божественные законы своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо Божіимъ. И не до сего точію ста, но и на самого Бога возгордѣ широтою орла, еже нынѣ издаде друкомъ листъ лѣта отъ воплощенія Сына Божія 1663, на немъ же есть написанъ орелъ двоеглавый; на орлѣ же царь въ гордости велицѣ зѣло, а свыше сего на таблицѣ написано, еже Соломонъ о Хрістѣ пророчествова, то царь на себя приписа. Писаніе же се, Пѣсни Пѣсней гл. 3: Дщери Сіони, изыдите и видите во царѣ Соломонѣ въ вѣнцѣ, въ немъ же вѣнча мати въ день женитвы его...»

Говоря объ изданіи орла двоеглаваго, патріархъ Никонъ (безъ всякаго сомнѣнія) разумѣетъ печатное изданіе Библіи 1663 года. На фронтисписѣ дѣйствительно изображенъ гербъ—орелъ двоеглавый и съ подписью вверху, приведенною Никономъ. Если здѣсь и не вполнѣ удачно приспособлены тексты надписаній или не совсѣмъ ловко на груди орла изображенъ портретъ царя Алексѣя Михайловича, то въ этомъ конечно виноватъ всего болѣе составлявшій фронтисписъ художникъ и одобрившее его ученое братство, занимавшееся изданіемъ Библіи.

По словамъ патріарха Никона царь Алексѣй Михайловичъ «самъ на ся чинъ святительскій и власть церковную воспріялъ чрезъ Божественные уставы и чрезъ свою клятву, еже трегубо клялся»... Конечно и въ семъ отзывѣ опять видно недовольство Монастырскимъ Приказомъ, а слѣдовательно есть и преувеличеніе. Замѣтно негодованіе на то, что исправленіе патріаршихъ дѣлъ царь поручилъ *Крутицкому* митрополиту Питириму. «А нынѣ архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и поповъ многихъ самъ Государь избираетъ, а Крутицкій митрополитъ ставитъ...» Очевидно, за отсутствіемъ патріарха Никона, надобно же было кому-либо поручить завѣдываніе патріаршими дѣлами; а какъ исправлявшій эту обязанность не былъ патріархомъ, то естественно и долженъ былъ во многомъ относиться къ Государю. Что здѣсь не было со стороны Царя самоуправства, противнаго церковнымъ законамъ, можно понять и изъ слѣдующаго. Сказавши, что постановленіе духовныхъ властей зависитъ исключительно отъ царской власти, патріархъ Никонъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Здѣ же въ Россіи не точію ко Царю приходити епископомъ, и архимандритомъ, и монахомъ, но ни на дворъ царскій прощено есть. Всѣмъ убо еретикомъ, Жидомъ, Махеметомъ, и Лютеромъ, и Кальвиномъ невозбранно приходити, единымъ точію епископомъ православнымъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и монахомъ приходъ на царскій дворъ возбраненъ есть»... По первому извѣстію Государь входилъ во всѣ духовныя дѣла, по послѣднему онъ не допускалъ даже къ себѣ на дворъ епископовъ и архимандритовъ и прочее духовенство; между тѣмъ всѣмъ иностранцамъ къ нему былъ свободный доступъ. Неужели же Государь повелѣлъ ставить извѣстныя лица въ митрополиты и епископы, нисколько не зная ихъ, и Питиримъ по царскому приказу рукополагалъ ихъ? Что царь Алексѣй Михайловичъ не такъ былъ строгъ и недоступенъ для духовенства, это ясно изъ словъ самого же Никона патріарха. «Бояринъ же (князь Никита Ивановичъ Одоевскій) говорилъ патріарху: даешь-де руку свою цѣловать всякимъ людемъ *по-царски*; и то-де худо ты дѣлаешь. И патріархъ говорилъ: Кто тебѣ про то велѣлъ говорить? Государь ли царь, или ты самъ о себѣ? И бояринъ сказалъ: мнѣ-де велѣлъ Государь говорить. И патріархъ: *да почто Царь самъ поповы руки цѣлуетъ*, которыя нами посвящены, и *ко благословенію приходяй самъ главу свою преклоняетъ?...*» Значитъ, по словамъ самого патр. Никона, царь Алексѣй Михайловичъ не былъ недоступенъ для духовнаго чина; но, не взирая на свое царское достоинство, какъ христіанинъ, весьма былъ уважителенъ къ духовнымъ лицамъ.

Не одинъ Монастырскій Приказъ не нравился патріарху Никону въ уложенной книгѣ. Главная тема или цѣль возраженія была показать

разореніе патріаршихъ дѣлъ. Почему, не упоминая объ Уложеніи, онъ не рѣдко ополчается противъ него. Извѣстно, что даже послѣ Уложенія патріархъ въ Россіи пользовался уваженіемъ почти безпредѣльнымъ; его власть почти равнялась власти царской. Уложеніемъ постановлено, чтобы ни патріархъ, ни все прочее духовенство не имѣли права пріобрѣтать *недвижимыхъ имѣній,* ни покупкою, ни закладомъ, ни по духовному завѣщанію.

Не смотря на постановленія Судебника царя Ивана Васильевича 1550 г. (ст. 122, 123, 128, 130, 131, 160), не взирая на опредѣленія знаменитаго Стоглаваго собора 1551 г. (послѣ котораго всѣ вотчинныя грамоты и акты были переписаны вновь), монастыри продолжали укрѣплять за собою недвижимыя имущества. Съ 1649 года, послѣ изданія приведенной статьи Уложенія, гдѣ такъ подробно, ясно и раздѣльно изложены и проницательно предусмотрѣны всѣ случаи, путь къ укрѣпленію недвижимыхъ имѣній прегражденъ....

Обычай дарить царя, царствующій домъ и царскій сигклитъ три раза въ годъ вѣроятно введенъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Онъ, какъ родитель царскій и Русскій первосвятитель, конечно располагалъ (не смотря на погромъ междуцарствія) бо́льшими средствами чѣмъ предшествовавшіе ему патріархи. По актамъ неизвѣстно, чтобы этотъ обычай былъ оставленъ со времени патріаршества Никона. Нельзя также утвердительно сказать и того, чтобы онъ такъ былъ обременителенъ для казны патріаршеской (хотя, какъ извѣстно, разрѣшенія пріобрѣтать недвижимыя имущества духовнымъ и не послѣдовало). Лучшимъ доказательствомъ, что финансовая система Всероссійской патріархіи не была въ разстройствѣ, служитъ Патріаршая Ризница: и доселѣ (не смотря на нѣкоторыя утраты) богатствомъ своимъ она удивляетъ и соотечественниковъ, и иностранцевъ.

Огорченіе патріарха Никона, усиленное происками враговъ, доходило до крайности. Этимъ конечно объясняются тѣ мѣста возраженія, гдѣ онъ доказываетъ на основаніи словъ Св. Писанія (*меньшее отъ большаго благословляется*), что «священство царства преболѣ есть, что царь не есть, ни можетъ быти глава церкви». Излагая это нѣсколько разъ въ своей книгѣ, въ одномъ мѣстѣ (какъ бы чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко), онъ оговаривается: «сія же глаголю, не царя укоряющи, но иже возношеніемъ и яростію піяны, да навыкнеши, яко священство царства болши есть.» Изъ любви къ правдѣ, мы не оставили безъ вниманія и этихъ мѣстъ, не въ обличеніе злосчастному патріарху, но въ доказательство, что и самыя высокія души иногда несвободны бываютъ отъ высокоумія, неприличнаго христіанину вообще, особливо же первосвятителю.

Какъ бы въ опроверженіе выходокъ озлобленнаго патріарха Всероссійскаго, въ Маѣ 1663 года вселенскіе патріархи прислали отвѣты на 25 вопросовъ, доказывая, что царская власть безпредѣльна (*царь есть господь всѣхъ*), а патріаршая ограниченна. Здѣсь всего приличнѣе повторить слова самого Никона: «*подобаетъ комуждо своя мѣра знати, а не совосхищатися на не сущая своя*».

Изо всего возраженія видно, что патріархъ Никонъ причину царскаго гнѣва приписывалъ совѣтующимъ на него злое. Нельзя не пожалѣть объ участи такого іерарха, каковъ былъ Никонъ, а вмѣстѣ и о томъ, что его замѣчанія на Уложенную Книгу писаны были не прежде его несчастія. Нѣтъ сомнѣнія, что они явились бы совершенно въ иномъ видѣ. Тогда его зоркій глазъ открылъ бы другія нужды народныя или несовсѣмъ понятыя, или вовсе опущенныя составителями Уложенія: какъ ни совершенно оно и какъ ни замѣчательно для перваго опыта, но подобно всякому дѣлу рукъ человѣческихъ не могло быть безъ недостатковъ. Вообще если что̀ можно не совсѣмъ одобрить въ Уложенной Книгѣ, такъ именно смѣшеніе гражданскихъ законовъ, на которое такъ строго возставалъ возражавшій Стрѣшневу и Лигариду. Послѣдній слыветъ у насъ за человѣка опытнаго въ казуистикѣ и церковномъ законовѣдѣніи; отвѣты Стрѣшневу и самые вопросы (конечно Лигаридомъ же писанные) обличаютъ въ немъ человѣка болѣе знакомаго съ свѣтскою, чѣмъ съ духо̀вною литературою Греческою, особенно съ миѳологіею, въ чемъ неоднократно упрекалъ его патріархъ Никонъ, и почти всегда справедливо.

Теперь любопытно знать: принятъ ли былъ къ соображенію царемъ-законодателемъ отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи? Еще въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые съ г. Бакмейстеромъ утверждали, что самымъ первымъ поводомъ и главною причиною неудовольствія между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ была XIII глава Уложенія, о Монастырскомъ Приказѣ, для сужденія всего духовенства, противъ коей Никонъ возставалъ, утверждая, что духовные должны быть и судимы только духовными. Но едва ли это можно признать за истину, какъ всякій легко убѣдится изъ слѣдующихъ соображеній.

Мы знаемъ, что вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида составлены 15 Августа 1661 года. Когда же писано возраженіе на нихъ патріархомъ Никономъ? Много спустя послѣ. Здѣсь уже упоминается (какъ мы видѣли) объ орлѣ двоеглавомъ, изданномъ на фронтисписѣ Московской Библіи въ 1663 году (Дек. 12 дня); но не прежде 13 Генваря 1665 года, такъ какъ здѣсь ни разу не упомянуто о пріѣздѣ Чудовскаго архимандрита Іоакима съ дьякомъ Дементьемъ Башмако-

вымъ для изысканія по дѣлу Зюзина. Такъ описываетъ Шушеринъ послѣдній въѣздъ патріарха Никона въ Москву: «По правиламъ же повелѣваетъ взяти съ собою книгъ къ Москвѣ: *Правила* Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ (т.-е. Кормчую), *Псалтырь* со возслѣдованіемъ и *книгу* на тридесять вопросовъ болярина Симеона Лукьяновича Стрѣшнева и на отвѣты Газскаго митрополита Паисія *о разореніи патріаршихъ дѣлъ*. Инаго же ничто же повелѣ, токмо единъ крестъ, еже бы предъ нимъ нести». Ни изъ житія Шушерина, ни изъ актовъ соборныхъ, ни изъ другихъ памятниковъ неизвѣстно, чтобы возраженіе патріарха Никона разсматриваемо было на соборѣ. Да и по самому содержанію возраженія и рѣзкому его тону замѣтно, что оно не было въ виду у обвинителей Никона: иначе нѣкоторыя вины, здѣсь основательно и документально опровергнутыя, не были бы поставлены ему въ обвиненіе; съ другой стороны, многія мѣста, гдѣ патріархъ Никонъ возстаетъ противъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, легко могли дать поводъ отцамъ собора къ новымъ обвиненіямъ, которыя они изыскивали съ такимъ стараніемъ. Но неужели же отзывъ такого человѣка, какъ патріархъ Никонъ, человѣка необыкновеннаго, бывшаго полнымъ выраженіемъ своего вѣка, и впослѣдствіи оставленъ безъ вниманія? Неужели Русскіе люди и само правительство такъ были равнодушны къ улучшенію своего законодательства?

На дѣлѣ видимъ совершенно противное. Съ первыхъ же мѣсяцевъ по изданіи Уложенія оно дополняемо было разными новыми узаконеніями, изъ коихъ нѣкоторыя тогда же были напечатаны. Замѣчательнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что тѣже самые патріархи, осудившіе Никона, не болѣе какъ черезъ полгода (Іюня 17 дня) на соборѣ между прочимъ постановили слѣдующее: «О духовномъ судіи. Совѣтовахомъ убо съ братомъ нашимъ святѣйшимъ киръ Іоасафомъ патріархомъ Московскимъ и всея Россіи и со всѣмъ освящ. соборомъ быти духовному человѣку, сирѣчь архимандриту, съ другими искусными мужи во патріаршѣ дому, въ духовныхъ дѣлахъ судити и разсуждати духовныя лица, сирѣчь священническаго и монашескаго чина, яко да не вовлачаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, нижѐ да не судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, яко же запрещаютъ Св. правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ четвертаго Св. Вселенскаго собора иже въ Халкидонѣ правило 9, и Св. помѣстнаго собора иже въ Кареагенѣ правило 15, и законы благочестивыхъ царей подобнѣ въ книгѣ законнѣй Іустиніана царя гл. 58, 74, 87 и царя Мануила Комнина гл. 62 и прочихъ». Значитъ, отцы собора, не упомянувъ о Никонѣ и нена-

вистномъ ему Монастырскомъ Приказѣ, ни объ уложенной книгѣ, подтвердили всѣ представленія патріарха Никона по сему предмету.

Черезъ два года по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и почти за четыре до кончины Никона, царь Өеодоръ Алексѣевичъ 11-го Декабря 1677 г. повелѣлъ «впредъ Монастырскому Приказу не быть»...

За совершеннымъ недостаткомъ письменнаго дѣлопроизводства по составленію Уложенія нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, кто изъ членовъ уложенной коммиссіи болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ скорѣйшему и возможно успѣшнѣйшему его окончанію. Ихъ было пятеро: бояре кн. Никита Ивановичъ Одоевскій и кн. Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, окольничій кн. Өедоръ Өедоровичъ Волконскій и дьяки Гаврило Леонтьевъ и Өедоръ Грибоѣдовъ. Не нами первыми поднятъ этотъ любопытный историко-юридическій вопросъ. Въ тридцатыхъ годахъ, вопреки гг. Булгарину и Дегаю, утверждавшимъ, что дьякъ Грибоѣдовъ былъ не Русскій, а Полякъ, вызванный для составленія Уложенія, какъ опытный законовѣдецъ, издатель «Телеграфа» Н. А. Полевой доказалъ неоспоримо, что Грибоѣдовъ за 10 лѣтъ до составленія служилъ въ Россіи, да и прозванье Грибоѣдовъ чисто Русское. (Телеграфъ 1831 г. № XIV, стр. 275). Но въ свою очередь и г. Полевой допустилъ, по нашему мнѣнію, не менѣе важную ошибку, утверждая, безъ всякихъ доказательствъ, что при составленіи Уложенія князья Одоевскій, Прозоровскій и Волконскій «только сидѣли и толковали, а все дѣлали и писали Леонтьевъ и Грибоѣдовъ». Еще г. Владиміръ Строевъ, въ своемъ историко-юридическомъ изслѣдованіи Уложенія, основываясь на отзывѣ объ Одоевскомъ современнаго Поляка, весьма строгаго къ другимъ боярамъ Русскимъ, равно и на томъ, что за труды по Уложенію кн. Волконскій пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре и, наконецъ, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что подлинный проектъ Уложенія (хранящійся въ Московской Оружейной Палатѣ) писанъ тремя разными почерками—доказывалъ, что нельзя отнимать чести составленія Уложенія у князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго только потому, что они князья. Это какъ нельзя лучше подтверждается отзывомъ патріарха Никона объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Современникъ весьма близкій къ Царю конечно лучше всякаго другаго могъ знать главныхъ дѣйствователей и составителей сего законодательнаго памятника. Одной изъ самыхъ непріятныхъ для патріарха Никона новостей въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, какъ мы видѣли, было учрежденіе Монастырскаго Приказа. Ополчась всею силою противъ ненавистнаго ему приказа, Никонъ обращается не къ Царю, не къ Стрѣшневу и Лигариду, но къ Одоевскому, называя его то суемудрымъ, то даже богоборцемъ. Значитъ, патріархъ Никонъ въ князѣ Одоевскомъ видѣлъ

главное орудіе и главную причину учрежденія Монастырскаго Приказа. Въ чемъ же было богоборство князя Никиты Одоевскаго? Въ томъ, что онъ осмѣлился называть недвижимыя имѣнія духовныхъ властей не прямо Божіими, а патріаршими, митрополичьими, владычними и монастырскими. «Почто преминувъ болшая (возражаетъ князю Одоевскому патріархъ Никонъ) къ меншимъ нисходиши и называеши Божію часть и достояніе наше достояніе?» Нужно ли оправдывать князя Одоевскаго? Конечно нѣтъ никакой надобности. Нельзя не замѣтить однако, что эти слова обращены не прямо къ Одоевскому. Разгнѣванный Никонъ мѣтитъ на 2 и 3 статьи XIII главы соборнаго Уложенія, особливо когда говоритъ: «Гдѣ ты, суемудре, таковое безчиніе изобрѣлъ, еже судити мірскому человѣку священнаго чину патріарха, или митрополитовъ и архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ, и дьяконовъ, и прочихъ причетниковъ и вмѣсто вѣры и жребья допрашивать патріарху или митрополиту, или архіепископу и епископу священнаго чину по священству, а иноковъ по иноческому обѣщанію? Неподобно овцѣ пастырю указывать, но паче слушать...» Если по словамъ патріарха Никона вѣрно, что князь Одоевскій *изобрѣлъ* «судити мірскому человѣку священнаго чина», то не менѣе вѣрно и то, что не однимъ же этимъ изобрѣтеніемъ ограничивалось участіе Одоевскаго при составленіи Уложенія. Неужели одну XIII главу онъ внимательнѣе прочихъ слушалъ, особенно ею былъ занятъ, оставя прочія, болѣе важныя безъ вниманія и *изобрѣтенія*? Одною враждою Никона противъ кн. Одоевскаго конечно нельзя объяснить такого обращенія къ нему именно, а не къ кому либо другому при такомъ строгомъ разборѣ уложенной книги. Значитъ, кн. Одоевскій былъ первымъ при составленіи Уложенія не по имени только, но первенствовалъ и на самомъ дѣлѣ.

Всѣхъ болѣе укорялъ патріархъ Никонъ Паисія Лигарида, и опытъ доказалъ на дѣлѣ, каковъ былъ этотъ папскій эмиссарій... Но и съ нимъ не желалъ враждовать патріархъ Никонъ. Прочитавъ его отвѣты на вопросы Стрѣшнева, Никонъ сначала думалъ, что большая часть неправды и явныхъ придирокъ писана Лигаридомъ по недоразумѣнію, какъ недавно прибывшимъ въ Москву и слѣдовательно незнакомымъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла. Поэтому, посылая ему милостивое благословеніе, патріархъ объяснялъ: «что̀ и каково отъ начала учинилося для познанія, что̀ въ терпѣніяхъ, безо всякихъ притчъ учиненныхъ тогда, отъ начала содѣялося». Изложивъ все подробно, патріархъ проситъ молить Бога о его здоровьѣ, «понеже есмы въ большей кручинѣ и болѣзни, которыхъ есть притча митрополита Крутицкаго нѣкоторой злой діакъ (по указу его), тайно нѣчто

смертнаго далъ намъ пить, чтобы мы умерли». Въ заключеніе изъявляетъ сожалѣніе о книгахъ, которыя «заперты лежатъ безпожиточно, для которыхъ набытія (пріобрѣтенія) не была царская воля, но наше радѣніе». Лигаридъ извѣщалъ царя Алексѣя Михайловича (собственноручнымъ письмомъ отъ 7 Іюня 1663 года) о распространившемся слухѣ, что хотятъ убить патріарха Никона и просилъ дозволенія пользоваться Греческими рукописями, но не только не ходатайствовалъ за патріарха, напротивъ скрытно и даже явно вредилъ ему. Видя, что враги его не престаютъ злобствовать и возмущать кроткаго царя и потерявъ всякую надежду на примиреніе (особливо послѣ вызова его въ Москву бояриномъ Зюзинымъ), патріархъ Никонъ 14 Января 1665 года послалъ къ царю Алексѣю Михайловичу отвѣтныя тетради съ Чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ и дьякомъ Дементьемъ Башмаковымъ. Въ этихъ тетрадяхъ онъ соглашался (безъ суда Вселенскихъ патріарховъ) «впредь на Москвѣ патріархомъ не быть и въ патріаршее ни во что не вступаться, и положилъ на волю Божію и на повелѣніе его Великаго Государя, и на освященный соборъ, кого они патріархомъ изберутъ и поставятъ. Московскимъ и всея Россіи патріархомъ не именоватися... и засѣдати подъ настоящимъ патріархомъ превыше митрополитовъ»... Всего замѣчательнѣе, что Никонъ всѣхъ разрѣшалъ отъ клятвы и преподавалъ благословеніе.

Въ короткое время своего патріаршества Никонъ оставилъ по себѣ незабвенную память исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Примѣрная ревность его къ просвѣщенію ознаменована примѣрнымъ памятникомъ: всѣми Греческими и большею частію Славянскихъ рукописей патріаршаго книгохранилища. *О книгахъ... не была царская воля, но наше радѣніе*, извѣщалъ онъ ученаго Лигарида. Станете ли вы разсматривать богатѣйшія вещи Патріаршей Ризницы, обратитесь ли къ памятникамъ зодчества, отъ патріаршаго дома до монастырей Иверскаго и Ново-Іерусалимскаго съ монументальнымъ (доселѣ единственнымъ, не смотря на скудость и разнохарактерность украшенія) храмомъ Воскресенія,—вездѣ увидите геній Никона. Самое возраженіе, писанное не въ спокойномъ расположеніи духа (огорчевaяся отъ великія кручины) не ясно ли доказываетъ, что Никонъ имѣлъ способности необыкновенныя, обладалъ обширнымъ знаніемъ Св. Писанія, соборныхъ правилъ, писаній святоотеческихъ, и ко всему этому, при отличной памяти, былъ находчивъ до невѣроятности?

ДИМИТРІЙ

САМОЗВАНЕЦЪ.

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mesler des Polonois, et qu'il eut espousé une dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encore qu'il eut été pire qu'un moine moinant, si est-ce, que la couronne luy fut bien demeurée sur la teste. Mais je pense que le Pape avec ses séminaires les Jésuites ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des princes en ont voulu faire trop vistement un Monarche, et se sont fourrés trop tost dedans les ruches à miel. C'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste, mais ils s'estoient trop bien transformés en habit séculier; «car tels Allans ne se preignent pas volontiers sans vert».

(La Légende de la vie et de la mort de Démétrius, dernier grand-duc de Moscovie, traduite nouvellement l'an 1606).

ДИМИТРІЙ

САМОЗВАНЕЦЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

А. С. Хомякова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Самозванецъ.
Марина, его невѣста а потомъ жена.
Роза Леская, ея наперсница.
Царица Маѳа.
Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ.
Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Михайла Скопинъ-Шуйскій.
Князь Мстиславскій.
Князь Иванъ Голицинъ.
Князь Андрей Куракинъ.
Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ.
Власьевъ.
Ляпуновъ.
Прокофій, **Захарій** — сыновья Ляпунова.
Туренинъ.
Антоній, слѣпой старикъ-отшельникъ.
Григорій Валуевъ.
Иванъ Воейковъ.
Дьякъ **Осиповъ.**
Микулинъ, стрѣлецкій голова.
Фирстенбергъ, **Маржеретъ** — начальники Нѣмецкой дружины.
Князь Вишневецкій.
Янъ Бучинскій, секретарь Царя.
Олесницкій, посолъ отъ короля Польскаго.
Рангони, Папскій посланникъ.
Патеръ Квицкій, іезуитъ.
Смага Чертенскій, Корела, казаки.
Дворецкій Шуйскаго.
Ефимъ, слуга Ляпунова.
Шутъ.
Истопникъ придворный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Сцена въ Кремлевскомъ дворцѣ, по утру).

Два стрѣльца и старый слуга придворный.

Первый стрѣлецъ.

Скажи-ка намъ, чтò видѣлъ ты, Ипатій?

Слуга.

Да, разскажи! Лентяи, не могли
Пойти глядѣть на царскую забаву?

Второй стрѣлецъ.

Мы на часахъ, куда же намъ идти?

Слуга.

Слышь, разскажи! Нашелся имъ разскащикъ,
Старикъ, болтунъ! Небось, мнѣ дѣла нѣтъ,
Такъ сказки сказывай. (*Молчатъ*). Чтò? Разсказать?

Стрѣльцы.

Не нужно:
Часокъ пройдетъ, мы смѣнимся, тогда
Услышимъ все.

Слуга.

А отъ кого?

Первый стрѣлецъ.

Отъ Гришки.

Слуга.

Отъ близорукаго? Отъ пьяницы? Стыдись!
Ему ли знать? Ему ли видѣть? Близко

Подпустятъ ли его къ Царю? Смотри!
Ему разскажетъ Гришка! Стыдно, братецъ!
На пьяницу ты свата промѣнялъ.

Первый стрѣлецъ.

Да самъ же ты молчалъ.

Слуга.

Молчалъ! Ну, что же?
Вѣдь я усталъ; вздохнуть хотѣлось. Что̀?
Аль разсказать?

Второй стрѣлецъ.

Да говори жъ скорѣй.

Слуга.

Ой молодежъ! Скорѣе да скорѣй!
Аль гонится? (*Стрѣльцы отходятъ съ досадою*) Ну, слушайте жъ!
Сначала
Косыхъ сажали пары съ двѣ.

Первый стрѣлецъ.

Не бось
Чубарая опять повеселила?

Слуга.

Вотъ то-то нѣтъ. Ее таки съ хвоста
Бучинскаго собака оскакала.

Первый стрѣлецъ.

Бучинскаго?

Второй стрѣлецъ.

Чтобъ чортъ его побралъ!
Все Ляхъ, да Ляхъ! У Ляховъ и собаки
Рѣзвѣе нашихъ. (*Ходитъ*). Тошно: мочи нѣтъ!
У нихъ все лучше: и нарядъ, и кони,
И мечъ острѣй, и глазъ свѣтлѣй. Бѣда!
Житья ужъ нѣтъ отъ этихъ птицъ залетныхъ;
Ну, къ чорту ихъ! Пора, пора!

Слуга.

Скажи,
Что̀ сдѣлалось съ Семеномъ?

Первый стрѣлецъ.

Видишь, братецъ:
У молодца красоточку отбилъ
Усатый панъ; отъ этого, знать, больно
На нихъ сердитъ онъ. Впрочемъ самому
Досадно мнѣ, что Ляхи побѣдили.

Слуга.

Послушай-ка: получше послѣ будетъ!
Вотъ Ляхи подняли веселый крикъ,
А мы со злости губы въ кровь кусали.
Тутъ Государь (храни его Господь!)
Сказалъ боярамъ: Знаю я навѣрно,
Что нѣтъ во всей Москвѣ, ни у бояръ,
Ни у дворянъ такой собаки дивной,
Какъ у Бучинскаго.

Второй стрѣлецъ

Не можетъ быть!
Не могъ нашъ Царь сказать такого слова,
Насъ передъ Ляхами срамить!

Слуга.

Не могъ?
Мнѣ каждое словечко слышно было,
Какъ пролито. И правду вамъ сказать,
Собака дивная: бѣла какъ снѣгъ,
Росла, статна, съ натужиной, ногаста,
Глаза какъ звѣзды, изъ породы той,
Что̀ за моремъ; совсѣмъ почти безъ шерсти.

Второй стрѣлецъ (*перебивая*).

Да будь она красивѣй во сто разъ,
Безъ шерсти вовсе, будь быстра, какъ птица,
Какъ соколъ на лету,—я все скажу,
Что здѣсь въ Москвѣ найду десятокъ цѣлый
Рѣзвѣй, статнѣй, красивѣе ея.

Первый стрѣлецъ.

Постой же, слушай!

Слуга.

Дай сказать порядкомъ.
Не вытерпѣлъ тогда нашъ добрый князь,

Нашъ свѣтъ Ивановичъ, Василій Шуйскій;
Отдалъ поклонъ Царю и говоритъ,
Что худшая въ его муругой сворѣ
Заморскаго красавца осрамитъ.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ славно!

Второй стрѣлецъ.

Здравье Шуйскому во вѣки!

Первый стрѣлецъ.

Вотъ истинный бояринъ, Русскій князь!

Второй стрѣлецъ.

Ну, что же Царь?

Слуга.

Димитрій усмѣхнулся.
Собаку привели: огромный звѣрь,
Весь въ псовинахъ, широкій и угрюмый,
Ну точный волкъ, а ноги какъ струна.
Русакъ лихой былъ посаженъ далеко,
И въ полѣ загорѣлся, какъ свѣча.
Собакъ сдержали и пустили разомъ;
У насъ сердца (ты вѣрь или не вѣрь)
Такъ бились, что смѣшно теперь подумать.

Второй стрѣлецъ.

Чтожъ псовой нашъ? Разсказывай скорѣй!

Слуга.

Да гдѣ заморской твой!

Второй стрѣлецъ.

Отсталъ?

Слуга

Ну точно
Какъ будто бы дворная

Второй стрѣлецъ.

Исполать!
Да здравствуетъ нашъ Шуйской! Что же Ляхи?

Слуга.

И голосъ притаили.

Второй стрѣлецъ.

Что же Царь?

Слуга,

Хвалилъ собаку будто бы съ досадой.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ то-то и бѣда: нашъ Русской Царь,
А какъ къ Полякамъ склоненъ!

Слуга.

Много слезъ
Отъ этихъ нехристей намъ будетъ.

Второй стрѣлецъ.

Слезъ?
Да не было бы крови!

Слуга.

Тсъ!

Второй стрѣлецъ.

Молчу,
Да знаю про себя.

Слуга.

Потомъ былъ пущенъ
Тотъ старшій братъ, что бѣса изломалъ.
Ты понимаешь, что ль?

Первый стрѣлецъ.

Медвѣдь, извѣстно.

Слуга.

Изъ Муромскихъ лѣсовъ, космачъ, глухарь.
Ужасно было поглядѣть. Охотникъ,
Извѣстный удалецъ, старикъ Валуй,
Съ рогатиной къ нему пошелъ на встрѣчу,
Ударилъ въ грудь: медвѣдь взревѣлъ, и вмигъ

Рогатины не стало, и охотникъ
Лежалъ ужь смятый подъ медвѣдемъ... Тутъ-то
Послушайте!... Какъ вскочитъ Царь, какъ схватитъ
Рогатину и мечъ!..

Первый стрѣлецъ.

Кто? Государь?

Слуга.

Да, Государь. Мы обмерли, и крикнуть
Никто не могъ. Очнулись,—ужъ космачъ
Лежалъ въ крови, съ отсѣченною лапой,
Съ разрубленною мордой, и надъ нимъ
Стоялъ нашъ Царь, веселый и спокойный.
Князья сбѣжались, что-то говорили
Про царство, про опасность; онъ въ отвѣтъ
Имъ показалъ охотника и молвилъ:
„Вы видите, что мой слуга спасенъ
Отъ смерти мною. Это день счастливый“.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ добрый Царь!

Второй стрѣлецъ

Вотъ смѣлый молодецъ!

Слуга.

И безъ Царя зарѣзали бъ медвѣдя.
А еслибъ грѣхъ случился?.. Нѣтъ, по мнѣ
Не царское то дѣло.

Первый стрѣлецъ.

Врешь, Ипатій:
Когда на звѣря онъ идетъ одинъ,
Чтобъ Русскаго спасти, то вѣрно любитъ
Своихъ онъ подданныхъ.

Второй стрѣлецъ.

Одинъ съ мечемъ
На дикаго медвѣдя? Ну, Игнатьевъ,
Не залежимся мы въ Москвѣ; не такъ,
Какъ при царѣ Θеодорѣ.

Слуга.

Потише!
То царь святой былъ.

Первый стрѣлецъ.

Святъ, да не по насъ.

Второй стрѣлецъ.

Теперь, теперь мы въ битвахъ запируемъ,
Перешагнемъ предѣлъ земли родной,
И съ нами Царь, и копья засверкаютъ,
И задымится мечь въ крови чужой.
Порукой мнѣ безстрашная забава,
Что далеко промчится Русскихъ слава.
Да здравствуетъ царь Дмитрій!

Слуга.

Сохрани
Его Господь!

Первый стрѣлецъ.

Отъ Ляховъ.

Второй стрѣлецъ.

Да, отъ Ляховъ.
О, этотъ другъ опаснѣе врага!

Стольникъ *входитъ.*

Къ мѣстамъ! За мною Царь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Самозванецъ.—Басмановъ (*всѣ уходятъ*).

Димитрій садится (*съ улыбкой*).

Скажи, Басмановъ,
Что̀ думалъ ты о подвигѣ моемъ?

Басмановъ.

Твой вѣренъ мечъ и духъ отваженъ: славно
Ударъ нанесъ ты, Государь.

Димитрій.

Не то!
Ты думалъ: Царь забылъ свой санъ высокій,
Забылъ народъ, лукавый взоръ бояръ
Изъ удальства пустаго. Такъ ли?

Басмановъ.

Думалъ.

Димитрій.

Скажи всю мысль свою. Мы здѣсь одни.

Басмановъ.

Послушай, Государь. Я смѣло душу
Передъ тобой раскрою. Больно мнѣ,
Прискорбно всѣмъ твоимъ слугамъ надежнымъ
Глядѣть на то, какъ Царь идетъ одинъ
Сражаться—съ кѣмъ? Съ безсмысленнымъ животнымъ!
Съ нимъ рѣжется въ борьбѣ на жизнь и смерть,
И голову, надежду всей Россіи,
Державную, кладетъ медвѣдю въ пасть.

Димитрій.

Не велика опасность—смѣлымъ слава!

Басмановъ.

Нѣтъ, эта честь не для тебя. Пусть ею
Гордится псарь, слуга чужихъ потѣхъ,
Хмѣльной стрѣлецъ, безпечный и хвастливый,
Иль юноша, не зрѣвшій бранныхъ сѣчъ,
Но алчущій кровавыхъ приключеній.
Имъ эта честь прилична, не тебѣ,
Правителю народовъ многихъ. Вспомни:
Слыхалъ ли ты, чтобъ прежніе цари,
Владыки мудрые....

Димитрій (*перебивая*).

Постой, Басмановъ!
Ихъ жизнь ты вспомни и мою: сравни!
Взлелѣяны отъ самой колыбели
Родителей заботливой рукой,
Они росли средь пышности и нѣги;

Толпы бояръ послушно стерегли
Всѣ прихоти балованныхъ младенцевъ
И отроковъ безпечные шаги:
Чтобъ конь не вздрогнулъ подъ драгою ношей,
Чтобъ рѣзкій вѣтръ въ ихъ лица не пахнулъ,
        Чтобъ мухи дерзко не жужжали
        Вкругъ почивальни золотой,
        Гдѣ сны роскошные летали
        Надъ полуцарской головой.
Смѣшно подумать!--Ахъ, не та наука
Досталась мнѣ! Димитрій бѣдный росъ
Въ изгнаніи, скитаясь по вертепамъ.
Дремучій лѣсъ, небесъ пустынныхъ кровъ
Жилищемъ были мнѣ, а ножъ защитой.
Тамъ я ходилъ съ медвѣдями на бой,
Я ихъ разилъ для жизни, для забавы,
Для утоленья чуднаго огня,
Отъ юныхъ лѣтъ томившаго меня
Надеждами могущества и славы.
Мнѣ весело то время вспоминать!
Тогда едва я видѣлъ, какъ въ туманѣ
Картины дѣтства, пышный дворъ. Едва
Я помнилъ, будто сонъ несвязный, странный,
Что кровь царей течетъ во мнѣ... Теперь
Все снова ясно стало.

Басмановъ (*съ усмѣшкой*).

Провидѣнье
Тебя вело.

Димитрій.

Благодарю судьбу!
Когда бъ она меня не научила
Съ младенчества отчаяннымъ борьбамъ,
Свершилъ ли бы я подвигъ свой тяжелый?
Медвѣдя взять въ берлогѣ снѣговой,
Его тащить рукою безоружной,
Все это шутка... Но возстать, какъ я,
Противъ царя Бориса—вздумать страшно!...
О, этотъ Годуновъ былъ исполинъ!
Лукавъ, хитеръ, своей высокой славой
Онъ полнилъ міръ, и я пошелъ на бой
Одинъ, одинъ,—лишь съ именемъ забытымъ,
Да съ совѣстью Бориса. Я позвалъ

Могущаго къ отвѣту за злодѣйство
И за престолъ похищенный.

Басмановъ.

Великъ
И страшенъ подвигъ твой.

Димитрій.

Еще другіе
Меня зовутъ. Благодарю судьбу!
Сыны дворцовъ, питомцы праздной нѣги,
Цари парчей и бархатовъ! Для васъ
Былъ радостенъ вашъ теремъ позлащенный;
Но для меня трубы призывный гласъ
И вѣрный мечъ, и конь, и станъ военный,
И въ вражеской землѣ кровавой битвы часъ...
Въ Россіи тѣсно, другъ Басмановъ, тѣсно!

Басмановъ.

Созрѣетъ ли высокой думы плодъ?
Исполнятся ль твои предначертанья?
Прелестны дворъ, и роскошь, и Москва!

Димитрій.

Ты за меня боишься ихъ? Увидишь!
Я въ праздности не падаю душой
И, прежнихъ дней суровый опытъ помня,
Еще люблю въ потѣхахъ удалыхъ
Обманывать живое нетерпѣнье,
Просящее опасностей другихъ...
Но впрочемъ ты, Басмановъ, правъ. Я знаю,
Что много глазъ коварныхъ вкругъ меня.
Притворствуютъ мои бояре. Трусы
Отважности смѣются.

Басмановъ.

А народъ?

Димитрій.

Народъ отвагу любитъ.

Басмановъ.

Царь Димитрій!
Не въ Польской ты странѣ, гдѣ панъ-король

Начальникъ пановъ, равный имъ. Россія
Возводитъ взоръ къ увѣнчанной главѣ,
Какъ къ дивному Творца изображенью,
Къ избранному любимцу горнихъ силъ.
Вокругъ него и свѣтъ, и страхъ глубокій,
И таинства невидимый покровъ.
Не часто, не безъ блеска, не въ одеждѣ
Едва приличной дворянину, любитъ
Народъ глядѣть на Русскаго царя.

Димитрій.

Какой монархъ съ такимъ великолѣпьемъ
Средь подданныхъ являлся? Вкругъ себя
Кто собиралъ столь пышный дворъ?

Басмановъ.

Тогда ли,
Когда одинъ по улицамъ Москвы
Въ нарядѣ Польскомъ ходишь ты, и нищій
Едва царю киваетъ головой?
Иль въ торжествахъ, при бубнахъ и литаврахъ,
Когда къ тебѣ тѣснится гордый Венгръ
И наглый Ляхъ, какъ стая птицъ зловѣщихъ,
Безчинные, противные глазамъ?

Димитрій (*съ улыбкой*).

Я зналъ, что ты про Ляховъ не забудешь.

Басмановъ.

Забыть про нихъ! О какъ бы я желалъ
Не видѣть ихъ, не помнить! О, скорѣе
Отъ нашихъ глазъ въ ихъ родину гони
Весь этотъ полкъ пришельцевъ ненасытныхъ,
Нахлынувшихъ на Русскую страну.
Намъ душно, Царь, намъ тѣсно, сердцу больно!

Димитрій.

Они отважно, вѣрно служатъ мнѣ,
А Русскіе колеблются, и шатки
Ихъ помыслы. Скажи, Басмановъ, самъ:
Забыты ли всѣ сказки Годунова?
Забыты ль всѣ сомнѣнья обо мнѣ?

Басмановъ.

Досель молчатъ, но тайно ходитъ ропотъ,
И многіе не вѣрятъ чудесамъ.

Димитрій.

Не вѣрятъ чудесамъ? А ты?

Басмановъ.

Димитрій,
Мою любовь ты знаешь; для чего жъ
Ее пытать вопросомъ безполезнымъ?

Димитрій.

Но тайныя сомнѣнья!...

Басмановъ.

Не страшись:
Еще любовь къ тебѣ не остываетъ,
Еще тверда присяга. Но Москва
Скорбитъ, глядя въ молчаніи суровомъ
На дерзкую недменность Поляковъ.
О, отгони ихъ! Въ часъ грозы народной
Безсильные престола не спасутъ.
Къ чему жъ они? Брось слабую защиту,
Противную всѣмъ подданнымъ твоимъ.
Стряхни съ порфиры прахъ чужаго края!
На славу предковъ смѣло опершись,
Стань средь бояръ, средь вѣрнаго народа
Съ могуществомъ всей Русской стороны,
Иноплеменныхъ ужасъ, бичъ строптивыхъ,
И милостивъ, и кротокъ, и правдивъ.

Димитрій.

О, ты не знаешь, Петръ, какіе узы
Незримыя опутали меня.
Но я теперь расторгну ихъ. Рангони
И Квицкій явятся ко мнѣ. Внимай,
Какъ будутъ сладки ихъ слова, какъ хитры,
Какъ будетъ твердъ Димитрія отвѣтъ!
Опасны этихъ ксендзовъ рѣчи: льются
Какъ медъ, а цѣпью вьются вкругъ души.
Но цѣпь расторгну и свободной грудью
Въ объятія Россіи брошусь я.

Бояринъ (*входитъ*).

Великій Государь! Тобой призванный,
Идетъ посолъ отъ Римскаго двора.

Димитрій.

Введи сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ **Рангони и патеръ Квицкій.**

Рангони.

Да здравствуетъ Димитрій,
Россіи Царь великій!

Патеръ Квицкій.

Да пошлетъ
Тебѣ Господь Свое благословенье!

Димитрій.

Благодарю, Рангони, патеръ Квицкій!
Уже давно желали вы предстать
Передъ меня и тайно весть бесѣду
О будущихъ намѣреньяхъ моихъ;
Но дни мои доселѣ были полны
Заботы тяжкой, и ближайшій трудъ
Не оставлялъ часовъ далекимъ думамъ.
Теперь могу внимать вамъ.

Рангони.

Государь!
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты подъялъ знамена,
Какъ крылія могущаго орла,
Свидѣтель міръ твоею славой полный,
Что жизнь твоя не въ праздности текла,
Что много дѣлъ мечемъ на ратномъ полѣ
И мудростью въ совѣтѣ ты свершилъ.
Твоей странѣ завидуютъ чужія;
Но радостью сіяетъ древній Римъ,
И, веселясь отрадою духовной,
Петрова стада пастырь, вѣрныхъ вождь,
Апостольской благословляетъ дланью
Тебя, младой, любимый церкви сынъ.

Патеръ Квицкій.

Прославилась Всевышняго десница.
Святой отецъ и мы, небесныхъ силъ
Смиренные служители, не даромъ
Всечасною и теплою мольбой
И благодать, и силу призывали
И торжество оружью твоему.

Димитрій.

Да: правда побѣдила!

Рангони.

Дѣлъ твоихъ
Заря горитъ надеждами и славой.
Но скоро ль день настанетъ?

Патеръ Квицкій.

Ты досель
Благословенъ. Очистилася нива,
И на межѣ стоитъ готовый плугъ.
Возстань, возстань, оратай неусыпный!
Начни съ утра Творцу угодный трудъ:
Открой бразды глубокія, да взыдетъ
Благая жатва въ Русской сторонѣ.

Рангони.

Въ Италію я возвращуся снова,
Передъ лице преемника Петра.
Сказать ли мнѣ, что Царь Россіи юный
Въ обѣтахъ твердъ и праведенъ въ дѣлахъ?
Сказать ли мнѣ, что ревностной рукою
Надъ Русію свѣтильникъ онъ зажжетъ
Спасительной, покорной Риму вѣры?

Димитрій.

Рангони! Богъ даетъ успѣхъ. Но я
Не позабылъ священныхъ обѣщаній.

Патеръ Квицкій.

Какой залогъ намѣреній своихъ
Димитрій дастъ?

Димитрій.

Сомнѣніе обидно!
Какихъ залоговъ проситъ ксендзъ?

Патеръ Квицкій.

Тяжелъ
Лишь первый шагъ. О, поспѣши скорѣй
Его ступить! Залогомъ будетъ онъ,
Порукою твоей державной воли.

Димитрій.

Чего ты просишь? Говори!

Патеръ Квицкій.

Того,
Чтобы слугамъ единой вѣры чистой
Дозволилъ ты вездѣ въ своихъ земляхъ
И церкви строить, и звучащей мѣдью
Всѣхъ христіанъ къ служенью собирать,
И дивныя Всевышняго щедроты
Торжественной молитвой призывать,
Чтобы въ Кремлѣ....

Басмановъ (*перебивая*).

Въ Кремлѣ!

Димитрій.

Твоихъ желаній
Я не могу исполнить. Вспыхнетъ бунтъ,
И рушится недавнее созданье.
Я обѣщанья помню; но повѣрь,
Теперь исполнить ихъ не въ силахъ. Послѣ,
Быть можетъ скоро...

Патеръ Квицкій.

О, не отлагай,
Не отлагай благаго дѣла. *Послѣ*
Обманщикъ злой, дѣяній славныхъ врагъ,
И праздности и лѣни другъ. О, вспомни,
Какъ дорогъ часъ, какъ время коротко!
Оратай ждетъ, оратай спитъ, а поле
Ужъ терніемъ упорнымъ поросло.

Димитрій.

Безуменъ тотъ, кто съ нетерпѣньемъ жаднымъ
Драгихъ плодовъ бросаетъ сѣмена,
Когда поля покрыты льдомъ весеннимъ.
Народъ упрямъ.

Рангони.

Московскій держитъ Царь
Сердца людей въ своей могучей волѣ.

Димитрій.

Рангони! Русскій любитъ горячо
Семью, отчизну и Царя; но болѣ,
Но пламеннѣй, сильнѣе любитъ онъ
Залогъ другой и лучшей жизни—вѣру.

Рангони.

Борьба трудна—награда велика.

Димитрій.

Престолъ мой новъ, зыбка моя держава;
И мнѣ-ль теперь съ повѣрьемъ вѣковымъ
Въ неравный бой вступать неосторожно?
О, дайте срокъ, съ моею доброй Русью
Сроднюся и трудами, и добромъ.
Чтобъ хитрые разсказы Годунова
Забылъ народъ, чтобъ твердо вѣрилъ онъ
Чудесному спасенію младенца,
Тогда...

Рангони.

Но скоро ль?

Димитрій.

Этотъ мечъ не чистъ:
Опрысканъ онъ моихъ же Русскихъ кровью,
Соотчичей, дѣтей О, дайте срокъ!
И я тебя, мой добрый мечъ, омою
Въ крови чужой, въ крови сосѣдей злыхъ,
И пламенную грудь я освѣжу борьбою
За нашу Русь, за край отцовъ моихъ.
И ропотъ тайнаго сомнѣнья,
И злобой хитрою въ сердцахъ разлитый ядъ,

Все унесетъ порывный вихрь сраженья,
Побѣдны крики заглушатъ;
И стану, съ силою свободной,
Законный Царь и Царь любви народной.—
Рангони, не сердись, отецъ святой,
Не воздыхай такъ тяжко. Первымъ дѣломъ
Обрадую весь Христіанскій міръ
Войною съ Турками.

Рангони.

Святое дѣло
И славный подвигъ предъ лицемъ Творца!

Патеръ Квицкій.

Но во сто кратъ еще благословеннѣй
Тогда бъ онъ былъ, когда бы Царь сперва
Разсѣялъ мракъ восточнаго ученья.

Димитрій.

Всему череда.

Патеръ Квицкій.

Тогда бы за тобой
Не Русь одна, но всей Европы сила
Помчалася, какъ пламенный потокъ.
Помазанный въ вожди Христовой рати
Святителя всемірнаго рукой...

Димитрій (*перебивая*).

Остановись! Отъ имени ль Владыки
Ты обѣщаешь мнѣ?

Рангони.

Я въ томъ клянусь.

Димитрій.

Какой мнѣ путь открытъ! Какая слава,
Какая цѣпь блистательныхъ побѣдъ!
При радостныхъ рукоплесканьяхъ міра,
Пойду къ боямъ за Божій крестъ святой,
И силу адскаго кумира
Попру могущею пятой.

Пойду къ боямъ! Народы вслѣдъ за мною
Стремятся какъ разливъ бушующихъ морей;
И Русь моя другихъ державъ главою,
И Русскій Царь главой другихъ Царей!
Передо мной во прахъ падутъ препоны,
И врагъ бѣжитъ какъ утренняя тѣнь....
О, южный вѣтръ, развѣй мои знамены!
Возстань скорѣй желанной битвы день!—
Да! Риму покорюсь. Опасно, трудно;
Но велика награда.

Басмановъ.

Напередъ
Ты подданнымъ скажи, что ихъ молитвы
Доселѣ грѣшны были, вѣра ихъ
Противна Богу, ихъ младыя дѣти
Не крещены, и предки не отпѣты,
Угодниковъ нетлѣнныя тѣла,
Источники чудесъ и исцѣленій—
Остатки злыхъ еретиковъ.

Димитрій.

Постой,
Мой строгій другъ: въ порывѣ думъ отважныхъ
Я невозможнаго желалъ.

Патеръ Квицкій.

О Царь!
Для смѣлыхъ душъ и для могучей воли
Возможно все. Гдѣ злато и булатъ,
И мудрый умъ, и твердая десница,
Тамъ чудныя свершаются дѣла:
Сокровища сзываютъ иноземцевъ
И воиновъ, и хитрыхъ воеводъ,
Булатъ казнитъ ослушниковъ, и цѣпи
Ведутъ къ добру безсмысленный народъ.

Димитрій.

Мой хитрый ксендзъ, твою я понялъ душу!
О! „будьте яко зміи"—глубоко
Начертано въ уставѣ Іезуитовъ,
И твердо, Квицкій, помнишь ты его.
Но ты ошибся, ксендзъ! Уроки ваши

От юности Димитрія вели;
И многому его вы научили,
И много тайн открыли перед ним.
Но Русской я, но въ этихъ льется жилахъ
Не западная кровь; но Русскій край
Мнѣ всѣхъ земель сто разъ дороже, краше,
Мнѣ ближе всѣхъ мой доблестный народъ.
И чтобы я рукою иноземцевъ
Его какъ звѣря дикаго сковалъ,
Грозой цѣпей, грозой мечей наемныхъ
Его главу предъ Римомъ преклонялъ!
Тому не быть.—Бояре ждутъ; Басмановъ,
Введи сюда.

Басмановъ (*въ дверяхъ*).

Васъ Государь зоветъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входятъ бояре и Поляки.

Димитрій.

Здоровы ли, бояре и дворяне,
Жильцы и вся Московская земля?

Князь Шуйскій.

Россійскій край цвѣтетъ твоей державой
И за тебя, великій Государь,
Всечасныя молитвы возсылаетъ.

Димитрій.

Благодарю. Я радуюсь душой
Спокойствію и тишинѣ глубокой
Всѣхъ подданныхъ и вѣрныхъ слугъ моихъ.
Да никогда на царствѣ православномъ
Не взыдетъ тѣнь лукавства и крамолъ,
Да будетъ Царь всемощенъ вашей силой,
Безъ помощи сомнительныхъ друзей!—
Князья Мстиславскій, Шуйскій, Лыковъ, съ вами
Мы нынѣ дѣло важное рѣшимъ
О просьбѣ слугъ церковныхъ. Патріарха
Я пригласилъ, чтобъ свѣтъ его ума
Намъ указалъ путь истины и правды.

Князь Мстиславскій.

Ты, Государь, свѣтильникъ Думы всей:
Тобою мы озарены.

Димитрій.

Сутуповъ
И Власьевъ! Завтра рано поутру
Явитеся: пора уже назначить
Кому изъ васъ отправиться въ Литву
За юною, прелестною невѣстой,
Съ которою престолъ свой раздѣлю.

Второй стрѣлецъ (*Стрѣльцы въ углу*).

Съ Полячкой, слышишь?

Первый стрѣлецъ.

Тише! Ты вздурился.

Димитрій.

А! Князь Скопинъ, великій мечникъ мой!
Здоровъ ли ты? Не радостенъ Литовцамъ
Твой родъ отважный. Псковъ и твой отецъ
Великаго Стефана сокрушили.
Мой юный князь, не забывай отца.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Великій Царь! Когда его уроки
Забуду я, не дай мнѣ жизни Богъ!

Димитрій.

Бояринъ Петръ! По взгляду виденъ соколъ;
Люблю его!—Хрущовъ и князь Рубецъ!
Отъ васъ былъ первый мнѣ привѣтъ въ Россіи;
Всегда вамъ радъ Димитрій. Въ грудь мою
Незлобную вложилъ Всевышній душу:
Обида въ ней какъ слѣдъ весла въ водѣ;
Глядишь, и нѣтъ! А каждая услуга
Врѣзается какъ въ мѣди вѣковой.—
Чтò Пушкинъ! Ожилъ ли мой бѣлый соколъ?

Пушкинъ.

Уже здоровъ и скоро, Государь,
Повеселитъ тебя своимъ полетомъ.

Димитрій.

Благодарю, Микулинъ! Всѣ стрѣльцы
Покорны, чинны и охотны къ службѣ.
Ихъ твердый строй мнѣ душу веселитъ.
Тебѣ и имъ двойной окладъ назначенъ.

Микулинъ.

О Государь! Дѣлами заслужить
Позволь свои безмѣрныя щедроты.

Димитрій.

На ратномъ полѣ? Скоро!—Ляпуновъ!
Твои Рязанцы буйны. Кто съ тобою?

Ляпуновъ.

Мои сыны, великій Государь,
Прибывшіе въ Москву для службы царской,
Прокофій и Захарій.

Димитрій.

Молодцы!
Но, Ляпуновъ, уйми своихъ Рязанцовъ,
Иль я уйму.—А! Яковъ Маржеретъ
И Вандеманъ, здѣсь, среди Русскихъ. Славно
Служили вы Борису. Для меня
Не надобно хранителей наемныхъ:
Защитой мнѣ любовь, а не булатъ.
Но помню васъ. Веселый Маржеретъ!
Въ походъ со мной пойдетъ твоя дружина,
И эта сталь къ ножнамъ не приростетъ.

Маржеретъ.

Мой сабли, сиръ, всегда къ твоимъ услюгамъ.

Стрѣлецъ (*въ углу*).

Вишь хрюкаетъ Французская свинья.

Димитрій.

Корела, Смага, храбрые Донцы,
Сподвижники надежные во брани!
Вамъ нравится ль престольная Москва?

Иль буйныя головушки тоскуютъ
По родинѣ и по Донскимъ степямъ?

Корела.

Здѣсь хорошо, и тамъ не дурно: сыты
Мы милостью твоею, Государь.

Смага.

Свѣтлѣйшій Царь! Всего въ Москвѣ довольно,
И славная хлѣбъ-соль для молодцовъ,
Но—

Димитрій.

Чтожъ еще? Досказывай смѣлѣе.

Смага.

Здѣсь, кромѣ рта, весь плеснью заростешь.

Димитрій.

Ты говоришь по мнѣ.

Басмановъ.

Вчера, я слышалъ
Онъ пѣсню пѣлъ, и былъ ея припѣвъ:
Поле да бой
Для ватаги лихой
Лучше дворцовъ и Москвы золотой.

Димитрій.

Ты, Смага, правъ.—А это кто, Басмановъ?
Какой-то нищій. Кто ты?

Дьякъ Осиповъ (*на колѣняхъ*).

Государь,
Услышь мое прошенье! Власть закона
И милости теперь въ твоей рукѣ,
Услышь меня!

Димитрій,

Твоей я просьбѣ внемлю.
Вѣсы и мечь ввѣряетъ Богъ царямъ,
Да никогда ни злато, ни крамола,
Ни хитрый умъ, ни сильная рука

Надъ правдою въ судахъ не торжествуютъ.
О чемъ ты просишь, старецъ?

Дьякъ Осиповъ.

Объ одномъ:
Будь справедливъ!

Димитрій.

Твои безумны рѣчи:
Какъ праведно сужу своихъ людей,
Такъ Богъ меня да судитъ въ день послѣдній.
(*Къ боярамъ*) А вы бояре думные, сюда!

Дьякъ Осиповъ (*вставая*).

Внимай же мнѣ, Григорій бѣглый инокъ!
Оставь престолъ и кайся! Не твое
Наслѣдіе потомковъ Мономаха.
Вѣнецъ златой и бармы не твои.
Оставь престолъ! Тобою совершились
Чудесныя Всевышняго судьбы,
Свершилась казнь надъ родомъ Годунова
Святоубійцы. Но оставь престолъ
И грѣшный духъ очисти покаяньемъ,
Григорій бѣглый инокъ!

Димитрій (*отбѣгая*).

Захватить!
Связать, пытать! А!... онъ безумный... только.

Басмановъ.

Подалѣе, бояре, отъ царя. (*Всѣ уходятъ въ глубь театра*).

Димитрій.

(*Громко*) Безумецъ! (*тихо*) А! что̀ скажешь ты, Басмановъ?
Борисъ воскресъ! Вновь началась борьба!
И это первый шумъ грядущей бури.

Басмановъ.

Спокойся, Царь!

Димитрій.

Мнѣ больно! Я хотѣлъ
Въ объятья къ нимъ отдаться; но безумно

Они меня отвергли. Какъ хотятъ,
Такъ будетъ имъ! Кровавыя опалы,
Злой Іоаннъ, коварный Годуновъ,
Постыдное насилье иноземцевъ,
Все имъ отдастся.

Басмановъ.

О, остановись!
Еще слова звучатъ безъ отголоска,
И Царь любимъ.

Димитрій.

Ты ихъ не знаешь, Петръ.
Народъ не твердъ, лукавствуютъ бояре...
Взгляни на нихъ. Они молчатъ. Глаза
Потупили, чтобъ взоръ неосторожный
Не обличилъ ихъ тайныхъ, злобныхъ думъ,
Чтобъ радости въ ихъ лицахъ не видалъ я.
Но... знаю ихъ.

Басмановъ.

Обманчивъ первый шагъ.
Подумай, Царь!

Димитрій.

Нѣтъ! Квицкаго уроки
Мнѣ памятны. Въ началѣ заговоръ
Я задушу; наемными руками
Я укрѣплю надъ буйными главами
Ярма тяжелаго позоръ.

Басмановъ.

Не торопись, не раздражай Россіи.

Димитрій.

Оставь меня, не трать напрасныхъ словъ.

Басмановъ.

Кто не спѣшитъ—не кается.

Димитрій.

Пустое!
Не слушаю... Сутуповъ, допроси

Преступника, скажи ему... Не нужно:
Самъ допрошу. Какого званья ты?

Дьякъ Осиповъ.

Я Осиповъ, въ крещеньи Тимоѳей,
Приказный дьякъ.

Димитрій.

Скажи, безстыдный лжецъ,
Ты зналъ ли то, что жизнію заплатишь
За клевету и дерзостную рѣчь?

Дьякъ Осиповъ.

Я зналъ и не боялся.

Димитрій.

Отведите
Его на казнь; чтобъ долго онъ страдалъ,
Чтобъ памятью его жестокой смерти
Безумная смирилася вражда.

Дьякъ Осиповъ.

О, обратись къ Творцу! Молитвой теплой
Проси Его, да твой простится грѣхъ!

Басмановъ.

Ведите!

Димитрій.

Стой! Я выдумаю муки
Ужаснѣе всѣхъ казней прежнихъ дней.
Но назови наставниковъ: прощенье
И милости, и царскіе дары
Я дамъ тебѣ.

Дьякъ Осиповъ.

Ихъ было двое.

Димитрій.

Двое! Ихъ имена?

Дьякъ Осиповъ.

Наставникъ первый—Богъ,
Котораго Григорій забываетъ.

Другой... онъ здѣсь, онъ входитъ въ твой чертогъ,
Онъ шепчетъ всѣмъ твоихъ обмановъ повѣсть.

Димитрій.

Онъ здѣсь! О, назови, и я тебя
Помилую, простить клянуся.

Дьякъ Осиповъ.

Совѣсть.

Димитрій.

Сообщникъ кто?

Дьякъ Осиповъ.

Они не нужны мнѣ.

Димитрій.

И ты одинъ пришелъ, обманщикъ дерзкій,
Въ моемъ дворцѣ, средь вѣрныхъ слугъ моихъ,
На голову свою призвать погибель?
Не вѣрю я.

Дьякъ Осиповъ.

О, недовѣдомъ путь,
Которымъ Богъ ведетъ Свои творенья!
И, правимый невидимой рукой,
Ты—Божій мечъ, каратель преступленья,
Лежащаго надъ Русскою страной.
Не посрами Его могущей длани;
Опомнися, Григорій, скинь вѣнецъ!
Святоубійцы нѣтъ, умолкли брани,
Земля чиста, трудамъ твоимъ конецъ.
О, за тебя какъ долго я молился,
Чтобъ, лживый Царь, ты Божьей волѣ внялъ!..
И трапезой небесной укрѣпился,
И предъ тобой, какъ совѣсть, я предсталъ!

Димитрій.

И только?

Дьякъ Осиповъ.

Нѣтъ; я думалъ, что бояре...

Димитрій (*къ Басманову*).

Ты слышишь ли? Я это зналъ.

Дьякъ Осиповъ.

Но нѣтъ:
Они молчатъ, они дрожатъ. За злато
Святую Русь и душу продаютъ.

Димитрій.

Безстыдный лжецъ! Ты видишь, здѣсь Мстиславскій!
Спроси его; вотъ крестъ его отца.
Князь Шуйскій здѣсь: спроси его, онъ видѣлъ,
Что въ Угличѣ убійцами сраженъ
Не царскій сынъ, наслѣдникъ Іоанна...
(*Къ Шуйскому*) Ты помнишь, князь?

Князь Шуйскій.

Я... помню.

Димитрій.

Слышишь самъ.
Возьми его, Микулинъ, и скорѣе
Вели казнить. (*Осипова уводятъ*). А ты, бояринъ Петръ,
Сбери опять дружину Маржерета,
Чтобы стрѣльцовъ на стражѣ замѣнить.

Второй стрѣлецъ.

Игнатьевъ! Слышь? Насъ гонятъ!

Димитрій.

Вѣрнымъ Нѣмцамъ
Католикамъ даю въ своемъ Кремлѣ
Священника, и церковь, и служенье.

Басмановъ.

О Государь!

Димитрій.

Исполнить! (*подходя къ Поляку*) Здравствуй, панъ,
И вы, мои товарищи! Сегодня
Я васъ зову на царскую хлѣбъ-соль.
А вы, бояре думные, за мною! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій (*Басманову*).

Бояринъ Петръ, прошу тебя, скажи
Державному Царю, что я... внезапно...
Такъ боленъ... видишь самъ.

Басмановъ.

Исполню, князь. (*Уходитъ*).

(*Въ толпѣ шопотъ*).

Первый.

Смотрите: князь Василій...

Второй.

Какъ онъ блѣденъ,
Какъ онъ ослабъ!

Третій.

Встревожилъ дерзкій дьякъ.

Первый.

Отъ страха я и самъ себя не помнилъ.

Четвертый.

А Поляковъ къ обѣду звалъ!

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Въ Кремлѣ,
Въ святомъ Кремлѣ Латинская обѣдня!
(*Къ Шуйскому*) Ты боленъ, дядя?

Князь Шуйскій.

Возвратись домой.
Я скоро буду самъ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ князя Шуйскаго и Прокофья Ляпунова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Князь Шуйскій.

Ты здѣсь, Прокофій?

Прокофій Ляпуновъ.

Князь Шуйскій! Что̀ съ тобой?

Князь Шуйскій.

Мнѣ тяжело;
Я нездоровъ.

Прокофій Ляпуновъ.

О, этотъ дьякъ безумный!

Князь Шуйскій.

Безумный? Почему же?

Прокофій Ляпуновъ.

Наглый лжецъ
И клеветникъ!

Князь Шуйскій.

Ты развѣ правду знаешь?

Прокофій Ляпуновъ.

Не мнѣ, но многимъ вѣдома она.
Я старшимъ вѣрю.

Князь Шуйскій.

Онъ теперь казненъ.
Мнѣ жаль его.

Прокофій Ляпуновъ.

Ты слишкомъ добродушенъ.
Приказному ли дьяку отдана
Отечества судьбина? За Россію
Ему ли дать отвѣтъ? И онъ пришелъ
Въ собраніе бояръ, дворянъ, народа,
Оклеветать законнаго Царя!
О, смерть одна преступнику такому
Мала.

Князь Шуйскій.

И онъ, какъ мученикъ, умретъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Нѣтъ: не Царя онъ обличалъ въ обманѣ,
Не на его главу проклятье звалъ;
Но всѣхъ бояръ безмолвныхъ и покорныхъ
Онъ уличалъ въ бездушіи. Смѣшно!

Повѣрятъ ли, что Рюрика потомки
Предъ самозванцемъ, воромъ, бѣглецомъ,
Смиренныя колѣна преклоняютъ,
Забывши долгъ, и санъ, и кровь отцевъ?

Князь Шуйскій.

Ты думаешь?..

Прокофій Ляпуновъ.

Въ моей Рязани дальной
Мнѣ говорилъ духовный мой отецъ:
„Идешь въ Москву, Прокофій. Тамъ крамола,
Тамъ клевета; не вѣрь имъ, взоръ впери
Въ высокій родъ Владимира Святаго.
Князь Шуйскій тамъ: онъ Руси не продастъ,
Онъ не продастъ Москвы съ ея святыней:
На мудрую и гордую главу
Не призоветъ анаѳемы церковной".
Такъ говорилъ святой отецъ,—и я
Ему клялся, что князь Василій будетъ
Моимъ вождемъ въ предбудущемъ пути,
Въ пути трудовъ за родину и правду.

Князь Шуйскій *(задумчиво)*,

Анаѳемы церковной на себя
Не призоветъ!..

Прокофій Ляпуновъ.

Но Шуйскій самъ свидѣтель
Димитрію, законному Царю.

Князь Шуйскій.

Онъ не продастъ Москвы съ ея святыней!...
Какъ ты хорошъ, престольный градъ Царей,
Богатствъ, и силъ, и благодати полный!
Какъ свѣтятся главы твоихъ церквей,
Какъ движутся народа шумны волны!
И этотъ славный Кремль!..

Прокофій Ляпуновъ.

Теперь въ Кремлѣ
Услышится Латинская обѣдня
Среди гробовъ угодниковъ святыхъ.

Князь Шуйскій.

О Боже мой!

Прокофій Ляпуновъ.

Пусть онъ творитъ, что́ хочетъ,
Нашъ юный Царь. Князей великихъ сынъ
И Суздальскихъ владѣтелей пото́мокъ,
Одинъ въ Руси вѣнца достойный князь,
Глава бояръ, народа вождь любимый,
Сказалъ намъ всѣмъ, что то законный Царь.

Князь Шуйскій.

Пойдемъ, пойдемъ: я обличу бродягу,
Анаѳемы на душу не возьму! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Стрѣльцы

Второй стрѣлецъ.

Какъ бѣдный боленъ!

Первый стрѣлецъ.

Какъ перемѣнился!
Едва бредетъ.

Второй стрѣлецъ.

Ошеломило, братъ.
Подумай самъ, святынѣ въ поруганье!

Первый стрѣлецъ.

Да наше ль это дѣло?

Второй стрѣлецъ.

А стрѣльцовъ
Съ двора долой!

Первый стрѣлецъ.

Да, признаюся, больно.

Второй стрѣлецъ.

Или его не можемъ охранить?
Иль эта грудь и эти руки слабы?

Иль чужды намъ пищали и бердышъ?...
Не вѣритъ намъ,—добро! Узнàетъ Нѣмцевъ,
Извѣдаетъ онъ вѣрность Поляковъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Входитъ **Шутъ** (*обвѣшанный листьями*).

Первый стрѣлецъ.

Идутъ сюда.

Второй стрѣлецъ.

А, это князь потѣшный,
Царя забавникъ, сирѣчь, шутъ.

Шутъ,

Молчи!
Достанется проклятымъ. Слушай пѣсню!
(*Поетъ*). Ой вы буйныя головушки,
Ой вы головы стрѣлецкія,
Руки, руки богатырскія,
Сила, слава всей Руси святой!

Первый стрѣлецъ.

Ну, пѣсня славная. Чтожъ дальше?

Шутъ.

Что?
(*Поетъ*). А послушайте дѣтинушки:
А изъ тѣхъ ли изъ головъ
Для Нѣмецкихъ сапоговъ
Дѣлаютъ ступенюшки.—
Вы подъ крыльцомъ, а Нѣмцы на крыльцѣ.

Второй стрѣлецъ.

Молчи, безумный: безъ тебя досадно.

Шутъ.

Эхъ, Нѣмцамъ ловко будетъ съ высока
Васъ за уши хватать!

Первый стрѣлецъ.

Нарядный змѣй!

Шутъ.

Чтò, весело?

Второй стрѣлецъ.

Молчи, вотъ я тебя!

(*Шутъ убѣгаетъ и встрѣчаетъ Басманова*).

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Басмановъ.

Чтò это здѣсь? Шута кто обижаетъ?
Я проучу!

Шутъ.

Ну, Петръ, благодарю.

Басмановъ.

Да для чего ты листьями обвѣшанъ?

Шутъ (*поетъ*).

Листья мы съ тобою, Петръ:
Унесетъ насъ буйный вѣтръ,
Буйный вѣтръ, чтò тихо дышетъ,
Будто травки не колышетъ;
А послушаешь—трава
Шепчетъ чудныя слова.

Басмановъ.

Ты бредишь, князь потѣшный: поешь одну пѣсню за другую.

Шутъ.

Э, э! Догадался: то-то и трава шепчетъ. А знаешь, кто это все травѣ надуваетъ? Вѣтеръ. А откуда будетъ вѣтеръ? Не знаешь, потому что ты человѣкъ темный. Вѣтеръ будетъ изъ Суздаля.

Басмановъ.

Изъ Суздаля? Князь Шуйскій! Понимаю.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Шутъ и Янъ Бучинскій.

Бучинскій.

Откуда ты, потѣшный князь?

Шутъ.

Изъ допросной палаты, изъ боярскаго собора.

Бучинскій.

Повинился ли Шуйскій?

Шутъ.

Нѣтъ, братъ: этого и не жди. Такой, право, смѣхъ! Наши праведные бояре стараго грѣшника и усовѣщеваютъ, и уламываютъ, а онъ все свое твердитъ.

Бучинскій

Чудное упрямство!

Шутъ.

Вотъ тебѣ выборъ: скажешь правду, побьютъ; промолчишь, побьютъ; солжешь, побьютъ. Чтò выберешь?

Бучинскій.

Скажу правду.

Шутъ.

Ну самъ разсуди. Если ты, бусурманинъ, даромъ не солжешь, то мы люди крещеные и подавно безъ прибыли души своей губить не станемъ. Вѣдь у насъ душа-то не ваша, а христіанская.

Бучинскій.

Ты не совсѣмъ дуракъ, я вижу.

Шутъ.

А сколько, братъ, дураковъ въ Москвѣ?

Бучинскій.

Тысячъ сто, я думаю.

Шутъ.

Столько было до твоего пріѣзда, а теперь однимъ прибыло. Прощай! (*Шутъ уходитъ*).

Бучинскій.

Какъ дерзокъ онъ! Но мнѣ смѣшно сердиться.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Входитъ **Димитрій**).

Димитрій.

Бучинскій, что? Преступникъ осужденъ?

Бучинскій.

Нѣтъ, Государь: идетъ допросъ послѣдній.

Димитрій.

Назвалъ ли онъ сообщниковъ?

Бучинскій.

Молчитъ.
Допросы всѣ и пытки безполезны.

Димитрій.

Достаточно пытали. Сейчасъ же
Судьямъ вели произнести рѣшенье
И принеси готовый приговоръ.
Мнѣ скучно ждать. (*Бучинскій уходитъ*).
А! Князь Василій Шуйскій,
Съ Димитріемъ тягаться ты хотѣлъ!
Бориса рабъ, поклонникъ Іоанна,
Дрожащій листъ, придворной грязи червь,
Ты вдругъ змѣей задумалъ обратиться
И голову поднять и зашипѣть?
Иль мыслилъ ты, что тотъ, кто сильной волей
И дерзкою рукой схватилъ престолъ,
Уже ослабъ, покоясь въ порфирѣ,
И подъ вѣнцомъ безпечно задремалъ?
Иль совѣстью терзаемый... Пустое!
Подъ старость въ немъ проснулася она,
А въ прежни дни услужливо молчала

И отрока окровавленный трупъ
Обманами и ложью прикрывала.
И какъ хитро, какъ осторожно въ немъ
Раскаянье теперь заговорило!
Онъ не возсталъ, чтобъ смѣло обличить
Отрепьева: нѣтъ, это было страшно!
Нѣтъ, памятны ему мой добрый мечъ
И злой налетъ, и пылъ отваги бурный;
Но тайною подземною войной
Онъ велъ подкопъ... То инокъ, то Тургеневъ,
То мѣщанинъ. И послѣ вѣрь льстецу!
Какъ ласковъ онъ, какъ униженно ходитъ,
Какъ подъ рукой могущею ползетъ,
Какъ стелется и тихо пѣснь заводитъ,
И гнетъ кольцомъ свой бархатный хребетъ;
А когти ужъ готовы!—Другъ Басмановъ,
Ты спасъ меня. Теперь, мой старый князь,
Разсчетъ съ тобой мы кончимъ, и безумцамъ
Другимъ я дамъ торжественный урокъ,
Такой урокъ, что въ гробѣ захохочетъ
Царь Іоаннъ, покойный мой отецъ.
Мнѣ скучно ждать. (*Входитъ Бучинскій*).
Ты здѣсь опять, Бучинскій?
Что̀, кончено?

Бучинскій.

Подписанъ приговоръ.

Димитрій.

Подай сюда... (*читаетъ*) „За дерзкую крамолу,
За клевету... За козни на Царя...
Законнаго, помазаннаго Богомъ...
Рѣшеніемъ всѣхъ выборныхъ людей
Отъ княжества Московскаго... Василій
Ивановичъ, князь Шуйскій, осужденъ
На смерть, въ примѣръ другимъ и въ наказанье“...
Вотъ подписи бояръ, людей духовныхъ,
Дворянъ, купцовъ.—Не спорили?

Бучинскій.

Никто.

Димитрій.

Что̀ жъ Шуйскій?

Бучинскій.

Твердъ. Ослабъ отъ тяжкой пытки,
Но духомъ бодръ и смѣло говорилъ.

Димитрій.

Чтò говорилъ?

Бучинскій.

Передъ лицемъ собора
Онъ клеветалъ, онъ умолялъ бояръ
Не измѣнять отечеству святому;
Просилъ дворянъ, духовныхъ и купцовъ
Не предавать души своей обману.

Димитрій.

И чтò жъ они?

Бучинскій.

Иные изъ дворянъ,
Церковники, въ молчаніи суровомъ
Внимали рѣчь; бояре и купцы
Завóпили и заглушили голосъ.

Димитрій.

Старикъ упрамъ. Я этого не ждалъ.
Поди, я подпишу. (*Бучинскій уходитъ*).
Зачѣмъ же медлю?
Я подпишу .. перо мое дрожитъ.
Какъ будто бы бездушному извѣстно,
Что кровь оно невиннаго прольетъ!
Въ глазахъ темно! – А, этотъ чудный старецъ!
До сей поры и правдой, и душой
Всѣмъ жертвовалъ передъ кумиромъ власти,
И вдругъ возсталъ и умирать готовъ,
И въ первый разъ какъ будто вспомнилъ совѣсть,
Высокій родъ и доблести отцовъ.
Простить? Нельзя. Казнить его? Мнѣ больно!
Твоей души, жестокій Іоаннъ,
Мнѣ не далъ Богъ. Рука дрожитъ невольно,
Душа скорбитъ... О, какъ тяжелъ обманъ!
Но для чего жъ судьбѣ не покорился,
Къ чему на бой, безумецъ, онъ возсталъ?
Или, слѣпой, уставовъ Провидѣнья
И Божіей онъ воли не узналъ?

Да, я не сынъ царей! Но предо мною
Кто путь открылъ, исполненный чудесъ,
Меня подъялъ, какъ бурною волною,
И на престолъ изъ праха вдругъ вознесъ?
Кто велъ меня подъ тьмою неприступной,
Туманами покрылъ народовъ взоръ,
И Годунова родъ преступной
Моей рукой съ лица земнаго стеръ?...
(*Задумчиво*). Но если путь уже свершенъ, и если
Досель меня ведущая рука
Сама теперь завѣсу раздираетъ?
Бороться съ ней? Не лучше ль уступить,
Стать предъ лицемъ народовъ удивленныхъ
И Божій судъ безстрашно возвѣстить?...
Но кто жъ читалъ въ грядущемъ? Кто извѣдалъ
Моей судьбы таинственный завѣтъ?
Паду ль въ борьбѣ? Иль небо испытуетъ
Всю глубину моихъ державныхъ силъ?...
Борьба съ судьбой, невинныхъ казнь! Мнѣ гнусенъ
Ихъ кровію опрысканный престолъ!...
Но царство, власть!... Но стыдъ, когда личину
Съ меня сорвутъ насильственной рукой!...
Но снова быть во прахѣ! Но Россія
Прекрасная, великая, отдастъ
Свои бразды десницѣ недостойной.
Подумать тяжело! И обо мнѣ ..
(О люди глупы! Блескъ, и власть, и сила,
Вотъ ихъ чему судьба поработила:
Они души не знаютъ, не цѣнятъ).
Да, обо мнѣ, быть-можетъ, скажутъ: „Мальчикъ,
Бродяга смѣлый, счастливый, пустой;
Вѣнецъ схватилъ и послѣ испугался!"
Да, скажутъ: „испугался". Никогда!
Отдамъ престолъ, но развѣ съ жизнью. Что же!
Кому обманъ мой вреденъ? Чей вѣнецъ?
Въ борьбѣ со мной падетъ князь Шуйскій. Жалко!
Но кровь всегда лилася... Искони,
Отъ перваго творенія земнаго,
Отъ Авеля до нашихъ грѣшныхъ дней (*подписываетъ*).
Рука опять тверда. Сюда, Бучинскій!
(*Входитъ Бучинскій*). Басмановъ гдѣ?

Бучинскій.

Онъ здѣсь.

Димитрій.

Зови его!
(*Входитъ Басмановъ*). Вотъ приговоръ. Вели его исполнить.

Басмановъ.

На смерть?

Димитрій.

Я жду, что много будетъ слезъ,
И частыя, докучныя прошенья,
Чтобъ Шуйскаго простилъ я.

Басмановъ.

Не внимай!
Мнѣ жалокъ князь. Онъ милостивъ, и ласковъ,
И добръ ко всѣмъ; но смерть его нужна,
И для тебя одинъ важнѣе Шуйскій,
Чѣмъ цѣлый городъ нищихъ и мѣщанъ.

Димитрій.

Я буду твердъ. Тургеневъ, Өедоръ Коневъ
Уже давно, какъ онъ, уличены.
И ихъ казнить сегодня же!

Басмановъ.

Исполню. (*Уходитъ*).

Бучинскій.

Ты знаешь, Царь, какъ я тебѣ служилъ,
Какъ вѣренъ былъ въ успѣхахъ и несчастьи.
Позволь просить о милости одной.

Димитрій.

Твои заслуги помню, панъ Бучинскій.

Бучинскій.

Перемѣни свой строгій приговоръ.

Димитрій.

Нельзя.

Бучинскій.

Ему судьба его извѣстна,
И смерти страхъ великъ. Прости его,

И никогда ужъ болѣ не возстанетъ,
И никогда ужъ дерзкой клеветой
На новый гнѣвъ тебя онъ не подвигнетъ.

Димитрій.

Лишь мертвыя уста не говорятъ:
Имъ вѣрю я; живыя не надежны...
Не ждетъ ли кто, Бучинскій, посмотри!

Бучинскій.

Здѣсь многіе: бояринъ князь Мстиславскій.
Вельможный панъ князь Вишневецкій.

Димитрій.

Всѣхъ
Введи сюда. (*Входятъ многіе*).
Князь Вишневецкій! Скучно
Мы эти дни въ заботахъ провели:
Волненія, и козни темной злобы,
И строгій судъ смутили нашъ покой.

Вишневецкій.

Свѣтлѣйшій Царь! Тяжелъ твой долгъ державный,
Но рушились всѣ замыслы враговъ.

Димитрій.

За правду Богъ. Мстиславскій! Я доволенъ
Преданностью твоей и всѣхъ бояръ.

Князь Мстиславскій.

О Государь! Съ законами согласно
Произнесли мы строгій приговоръ.

Димитрій.

И онъ исполненъ будетъ.

Князь Мстиславскій.

Но внемли
Моленію твоихъ рабовъ усердныхъ.
Не накажи немилостью своей
За дерзку рѣчь моей главы покорной.

Димитрій.

Какъ наказать? За что?

Князь Мстиславскій.

Мы дали судъ
По совѣсти и правдѣ безпристрастно,
И велика преступника вина.
Но обрати на милость духъ высокій,
О Государь! Заслуги многихъ лѣтъ
Не позабудь, казня вину едину;
Не позабудь, какъ вѣрно Шуйскій князь
Всегда служилъ и въ битвахъ и въ совѣтѣ
Родителю и брату твоему,
Незлобному Царю.

Шутъ.

И Годуновымъ.

Димитрій.

И вправду, князь, ты ихъ забылъ.

Князь Мстиславскій.

Мы всѣ
Служили имъ. Избрала ихъ Россія,
Не вѣдая, что живъ законный Царь.
О Государь! Ты милостивъ и кротокъ,
И какъ отецъ, ты благъ къ своимъ рабамъ:
Виновнаго избавь отъ смертной казни
И ссылкою единой накажи.

Шутъ.

Подалѣе, гдѣ холодъ и морозы!
Его языкъ ко рту прилипнетъ.

Димитрій.

Князь!
Противно мнѣ нескромное прошенье.

Князь Мстиславскій.

Прости, о Царь, усердью моему:
Я старъ и слабъ.

Шутъ.

Не накажи за это,
Отецъ родной! Онъ самъ тому не радъ.

Князь Мстиславскій.

О Государь, помилуй! Князь Василій
Усерденъ къ Богу, церковью любимъ.

Шутъ.

И вправду, Царь: по немъ ужъ всѣ монахи
Одѣлись въ черное.

Князь Мстиславскій.

Онъ утѣшалъ
Сиротъ, вдовицъ.

Шутъ.

Я про сиротъ не знаю,
А про вдовицъ я точно знаю самъ.

Князь Мстиславскій.

Его прельстили злые люди.

Димитрій.

Полно!
Я вижу то, что ты и старъ, и слабъ.

Шутъ.

Ужъ отъ него невѣсты отказались.

Димитрій.

Сегодня веселъ ты, потѣшный князь!
Не будешь ли просить меня о Шуйскомъ?

Шутъ.

Да что мнѣ въ немъ? Онъ вѣчно морщилъ лобъ
И никогда не улыбался шуту.
А смѣхъ теперь на площадь посмотрѣть:
Тамъ толкотня и визгъ, и пискъ, и слезы.
Всѣ женщины, мальчишки всѣ орутъ:
„Кормилецъ нашъ, и батюшка, и свѣтъ",
Какъ будто вся Москва ему съ родни.

А отъ чего? Ты знаешь ли? Бывало
Онъ на крыльцѣ стоитъ передъ дворцомъ:
Поклонъ Царю, поклонъ народу въ поясъ,
Потомъ Царю, потомъ народу вновь,
И цѣлый день какъ прутикъ въ вѣтрѣ гнется.

Димитрій.

И наконецъ переломился онъ.

Князь Вишневецкій.

Свѣтлѣйшій Царь, позволь мнѣ слово молвить!
Мнѣ чуждо все на здѣшней сторонѣ;
Нѣтъ ни родства, ни кровнаго союза
Межъ нашей вольной Польшей и Москвой,
Межъ Шуйскими и княземъ Вишневецкимъ.
Но Шуйскихъ родъ такъ благороденъ, древенъ!

Шутъ.

Все не древнѣй Адама.

Князь Вишневецкій.

Замолчи,
Безстыдный шутъ!—Потомокъ Корибута,
О Государь, дерзаетъ не краснѣя
Тебя просить за Рюрикова внука.

Димитрій.

Нѣтъ, не прощу.

Князь Вишневецкій.

Едина кровь течетъ
И въ князѣ Шуйскомъ, и въ Царѣ Россійскомъ.
Такую кровь пролить не то, что̀ казнь
Произнести надъ нищимъ непослушнымъ.

Димитрій.

Безкровенъ Богъ, безроденъ Царь. Предъ нимъ
Всѣ равные: и нищій, и вельможа.

Одинъ изъ Поляковъ.

Нѣтъ, въ нашей Польшѣ такъ не говорятъ:
Тамъ дворянинъ и панъ великородный
Не то, что̀...

Бучинскій (*унимая его*).

Полно, полно, господа!

Полякъ.

Языкъ мой воленъ, панъ.

Князь Вишневецкій.

Любовь народа
Сильнѣй чѣмъ страхъ, и милость, чѣмъ гроза.

Димитрій.

Вопросъ сей разрѣшитъ намъ патеръ Квицкій.
Что думаешь ты, патеръ?

Патеръ Квицкій.

Государь!
То знаютъ всѣ: твое незлобно сердце;
Доступенъ ты прошеньямъ и слезамъ,
И кровь и казнь душѣ противны кроткой.

Димитрій.

Да, это правда, мой незлобенъ духъ.

Патеръ Квицкій.

Чудесными лучами окружила
Десница Вышняго главу земныхъ царей,
И ярче звѣздъ ночныхъ блеститъ на ней
Духъ мудрости и строгій судъ, и сила.
Но выше всѣхъ лучей вѣнца
И краше всѣхъ сіяетъ благость:
Она святитъ его златую тягость,
Она царямъ есть лучшій даръ Творца.
Она свѣтла, какъ чистый Ангелъ рая,
Свѣжа, какъ вешняя роса,
Какъ ѳиміамъ святой благоухая,
На землю грѣшную низводитъ небеса.

Бояринъ.

Какъ сладко говоритъ!

Другой.

Ну, честь и слава!

Патеръ Квицкій.

И мнѣ ль, слугѣ Страдавшаго за насъ,
Смиренному отшельнику отъ міра,
Тебѣ сказать: „суди, казни людей!“
Но ты Монархъ, тебѣ судьбу народовъ
Вручилъ Господь; тебѣ Онъ повелѣлъ
Смирять вражду, обуздывать крамолу,
Да въ тишинѣ цвѣтетъ твоя земля.
Ты мудрый Царь и знаешь, что отъ казни
Безвременно избавленный злодѣй
Невинныхъ часто губитъ и, чѣмъ выше
Дотолѣ былъ, тѣмъ царству онъ страшнѣй.—
Но мнѣ ли знать, когда потребна строгость?
Я не судья.

Бояринъ.

Каковъ нашъ краснобай!

Шутъ.

Вотъ что̀ зовутъ Латинскою обѣдней?
Ого!

Димитрій.

Что̀, князь! Ты слышалъ сей отвѣтъ?

Князь Вишневецкій.

Не ксендзами воспитанъ Вишневецкій:
Ему до нихъ нѣтъ дѣла. Добрый мечъ
Знакомѣй мнѣ, чѣмъ хитрости ученыхъ,
И на прямикъ я стану говорить:
Волнуется Москва.

Димитрій.

Уйму безумцевъ!

Князь Вишневецкій.

Не любятъ насъ, сподвижниковъ твоихъ;
Народъ давно поглядываетъ косо.
За что̀? Не вѣдаю.

Шутъ.

А вотъ за что̀:
Мужья для васъ обмануты, а жены
За васъ прибиты.

Полякъ.

Слушай, дерзкій шутъ!
Перебивай Москалей сколько хочешь,
А въ Польску рѣчь мѣшаться не дерзай.
Что̀ мы, Москали, что̀ ль?

Валуевъ.

Ты Ляхъ безмозглый!

Димитрій.

Молчать, Валуевъ! Съ глазъ моихъ долой!
(*Къ Полякамъ*). А васъ прошу, товарищи, потише!
Что́ говорилъ ты, князь Адамъ?

Князь Вишневецкій.

Я говорю, что скрытые кинжалы
Давно на насъ острятся въ тишинѣ.
Народъ узна̀етъ, что его любимцу
Мы выпросили жизнь, и можетъ быть
Вражда замолкнетъ, и родится дружба
Межъ нашею дружиной и Москвой.

Димитрій.

Я не могу твоей исполнить просьбы
И вижу то, что этотъ хитрый князь
Твой мудрый умъ пронырствомъ отуманилъ.
Но онъ падетъ!—Москва шумитъ? Пускай!
Уйму ее! Все Шуйскаго клевреты
Раздоры сѣютъ. Раздавлю гнѣздо,
И стихнетъ все. Внимать безумной черни,
Ее ласкать Димитрій не рожденъ.
Пусть плачутъ о преступникѣ! Клянуся,
Его ничто отъ смерти не спасетъ.

Стольникъ (*входя*).

О Государь, отшельница-царица
Сюда идетъ.

Димитрій.

Царица, мать моя?
То рѣдкая и дорогая гостья.
Я къ ней иду на встрѣчу. Господа!
Останьтесь здѣсь (*уходитъ*).

Бояринъ (*Шуту*)

Чтò, братъ! Языкъ къ гортани
Прильпе?

Шутъ.

Ну, что жъ? Боюсь усовъ,
И вся Москва боится ихъ.

Бояринъ.

И вправду,
Отъ нихъ теперь ужъ вовсе нѣтъ житья.

Другой.

Перебивай Москалей, а предъ ними
Молчи какъ мертвый! Ждите, часъ придетъ:
Зажмемъ вамъ рты, незванные пришельцы.

Другой.

А Царь?

Другой.

Ну, чтó объ немъ и говорить!

Другой.

Подумаешь, да вспомнишь Годунова?

(*Входятъ*) **Димитрій, Царица Мароа.**

Димитрій.

О мать моя, благополученъ день,
Когда стопы твои благословляютъ
Сей домъ заботъ и царственныхъ трудовъ.

Царица Мароа.

Свидѣтелей здѣсь много. Я съ тобою
Бесѣдовать хочу на единѣ.

Димитрій.

Подите вонъ, бояре! Вишневецкій,
Товарищи, прошу, оставьте насъ! (*Уходятъ всѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мы здѣсь одни. Я жду твоихъ велѣній.

Царица Марѳа.

Свой монастырь и кельи тихій кровъ
Отшельница оставила не даромъ.
Я съ просьбою великой.

Димитрій.

Говори!

Царица Марѳа.

О, далеки отъ страждущаго сердца
Весь дольній міръ и громъ его суетъ.
Земная жизнь ужъ кончилась для Марѳы:
Печальная вдовица погребла
Всѣ радости, надежды и отрады
Въ могилѣ той, гдѣ спитъ кровавый трупъ,
Младенца трупъ. Димитрій мой!

Димитрій.

Царица!
Онъ живъ во мнѣ.

Царица Марѳа.

Оставь, мнѣ тяжело...
Тамъ, за стѣной, въ затворѣ молчаливомъ,
Гдѣ свѣта шумъ безвѣстенъ и забытъ,
Промчалась вѣсть ужасная, что Шуйскій
Насъ обличалъ въ обманѣ, что его
Приговорилъ ты къ смерти. Правда ль?

Динитрій.

Правда.

Царица Марѳа.

Прости его. Когда безчеловѣчный
Борисъ убилъ младенца моего,
(О, Боже мой, на душу Годунова
Излей весь гнѣвъ, все мщеніе Свое),—
Князь Шуйскій....

Димитрій.

Сокрылъ убійцу отъ законовъ.

Царица Марѳа.

Преступника не могъ онъ наказать.
Довѣріемъ и даже властью царской
Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей
Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣніемъ;
Но Шуйскій князь въ растерзанную грудь
Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній;
Со мной одинъ горячею слезой,
Отрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Прости его! О, будь великодушенъ!
Ты царствуешь, ты силенъ, ты счастливъ.

Димитрій.

Кто? Я счастливъ? Да, я одѣтъ въ порфиру,
Передо мной толпится пышный дворъ.
Ха, ха, счастливъ! А тамъ кругомъ волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи,
Остримые уликою безумной.
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надменную дружину иноземцевъ,
Ея мечемъ и цѣпью устрашать
Родную Русь!... Моя завидна участь!
Здѣсь, во дворцѣ, передъ лицемъ Царя,
Пришелецъ-Ляхъ осмѣлился... О Боже!
И онъ живетъ еще! Передо мной
Нахальный Ляхъ Москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь затрепеталъ,
Душа огнемъ и ядомъ наливалась!
Я могъ его убить, я могъ во прахъ
Его стоптать, спалить безумца громомъ,
И я стерпѣлъ, и долженъ былъ молчать!...
А кто виной?—Князь Шуйскій.—Кто народу
Съ его Царемъ борьбу готовить смѣлъ?
Кто?—Шуйскій твой.—Но... онъ умретъ.

Царица Марѳа.

Какъ страшенъ!

Димитрій.

Пусть всѣмъ другимъ я страшенъ; не тебѣ,
Царица-мать! Какъ сынъ, всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

Царица Мареа.

О, нѣтъ!
Не отдаетъ усопшаго могила:
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего.
Не воскресишь его. Нѣтъ! Онъ былъ кротокъ,
Какъ день весны, какъ Ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огнь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай... и этотъ рай исчезъ.
И, грѣшница, кого въ его порфиру
Я облекла? О Боже мой!

Димитрій.

Кого?
Да, я не царскій сынъ! Но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ
И крѣпко спятъ. Онъ мой! Я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій,
И долгихъ думъ, и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Царица Мареа.

О царствуй долго, счастливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ иль Шуйскаго простить —
Почти одно.

Царица Мареа.

Ахъ! Для меня преступной
То лучше бъ было. Вѣрь: и для тебя!
Обманъ тяжелъ, ужасенъ грѣхъ, и долго
Не процвѣтетъ неправда на землѣ.
Когдабъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно..

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ; престолъ—

Комъ золота и камней; а порфира...
Что говорить? Ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье
Все для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей
На Югѣ, далеко, есть волшебный край;
Тамъ благодать степей широкихъ
И рай земной въ ущельяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ.
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ;
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край, онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла ль?

Царица Мароа.

Быть можетъ, поняла.

Димитрій.

Гляди къ Литвѣ, гдѣ странъ Московскихъ грань.
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы;
Въ сердцахъ горитъ божественный огонь;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города, и села процвѣтаютъ,
И корабли чрезъ море пролетаютъ,
И дышетъ мѣдь, и краски говорятъ...
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, села,
Я вызову изъ мертвой сей земли;
И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
Я разолью,—и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій.

Царица Мароа.

Онъ безуменъ!

Димитрій.

И это все отбросить? Никогда!
Нѣтъ:—онъ умретъ, опасный властолюбецъ;
Умретъ твой Шуйскій!

Царица Мареа.

О, внемли, внемли!
Невиненъ онъ: мы грѣшны передъ Богомъ!

Димитрій.

Господь проститъ.

Царица Мареа.

Нѣтъ, не проститъ меня.
Безумная! Въ порывѣ мести жадной,
Паденію Борисовыхъ дѣтей
Я радоваться смѣла: предъ народомъ,
Передъ Творцомъ отъ сына отреклась.
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я страдаю,
Ты вѣдаешь единый, Царь сердецъ!
Бывало я съ слезами говорила
О мертвецѣ, — теперь молчать должна:
Мнѣ кликъ торжествъ гремитъ насмѣшкой злою.
Мнѣ говорятъ: „Ты счастливая мать"—
И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь, ужасна жизнь моя!
Отъ таинства святаго покаянья
Преступница навѣкъ удалена.
Хочу молиться — страшно! Между мною
И алтаремъ, какъ тѣнь, обманъ стоитъ;
Упрекъ звучитъ въ словахъ церковныхъ пѣсенъ,
И колоколъ анаѳему гласитъ.
И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
И я бѣгу. О ужасъ! Отъ кого?
Отъ Бога!... Ахъ, бывало я вступала
Съ веселіемъ въ Его пресвѣтлый храмъ:
Тамъ для меня отрадой все дышало,
Такъ сладостно курился ѳиміамъ,
Передъ иконой Чистой Дѣвы
Такъ ярко теплился елей,
И стройно въ хоръ сливалися напѣвы,
И неба гласъ звучалъ въ груди моей!
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася о сынѣ... и потомъ
Являлись мнѣ чудесныя видѣнья;
Являлся онъ, какъ Ангелъ, предо мной,
И лились токи исцѣленья
Для ранъ души моей больной.

Бывало... Но теперь! Подумать страшно!
И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
И звукъ молитвъ укоромъ безпрерывнымъ
Мой грѣшный духъ волнуютъ. Сны мои
Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
И слышу я: „Отъ сына отреклась,
И отъ тебя онъ въ небѣ отречется".

Димитрій.

Мечты, однѣ мечты!

Царица Марѳа (*на колѣнахъ*).

Прости, прости
Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невиннаго: я знаю—
Горящею рѣкой она течетъ
И духъ убійцъ уноситъ въ адъ! За гробомъ
Я сына не увижу; никогда
И въ небесахъ не встрѣчуся съ младенцемъ.
Прости, прости! (*Встаетъ*). Но ты неумолимъ.
Я плакала, и ты меня отвергнулъ;
Я унижалась, ты мнѣ не внималъ.
Теперь иду на площадь, и увидимъ:
Узнаетъ ли обманутый народъ
Стонъ матери и тяжкой скорби голосъ.
Прощай!

Димитрій.

Постой! Не начинай борьбы;
Она была бъ ужасна. Я исполню
Твои желанья. Близокъ казни часъ,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна ль ты произнести обѣтъ,
Что никогда ты тайнѣ не измѣнишь,
Что никогда страдающей души
Передъ другимъ не выскажешь?

Царица Марѳа.

Согласна.

Димитрій.

Что я твой сынъ отсель... Согласна ль ты?
Клянешься?

Царица Мароа.

Да.

Димитрій.

Пойдемъ передъ Икону!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Площадь. Вдали Лобное мѣсто).

Первый.

Поближе къ намъ, любезный сватъ: ты старъ,
И въ тѣснотѣ задавятъ. Здѣсь просторно;
Увидишь все: и выходъ изъ Кремля,
И мѣсто казни.

Второй.

Охъ, къ чему глядѣть?
Отъ ужаса все сердце замираетъ (*взбирается къ первому*).

Женщина.

Чтó, батюшки, вамъ видно? Изъ Кремля
Не идутъ ли?

Первый.

Нѣтъ, не видать. Постой-ка,
Вдали шумятъ, колышется народъ.
Вонъ пестрыя Варшавскія сороки.
Вонъ тянутся Нѣмецкіе волы!

Женщина.

Ахъ, окаянные мучители! Смотри-ка:
Слетаются, какъ воронья на кровь!

Второй.

Охъ, дѣтушки! Привелъ же Богъ подъ старость
Ужасныя вновь видѣть времена,
Какъ при Царѣ-мучителѣ Иванѣ.

Первый.

Да видишь ли: тотъ былъ благочестивъ,
И въ вѣрѣ твердъ, и ревностенъ къ святынѣ;
А этотъ чтò? Латынщикъ, бусурманъ!

Другой.

Да, царь Иванъ совсѣмъ иное дѣло:
Мы знали всѣ, что онъ законный царь,
Святая вѣтвь отъ корня Мономаха.
А это кто? Откуда онъ взялся?
Вишь, выдумалъ, что прежде былъ зарѣзанъ,
Да вдругъ воскресъ!

Другой.

И вправду, чудеса!

Второй.

Охъ, грѣшники! Святому патріарху
Не вѣрили. Теперь Господь казнитъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Смотри, Ефимъ, какъ князь Василій Шуйскій
Заговоритъ: ты тотчасъ подойди
Къ Басманову. Урока не забудешь?

Ефимъ.

Не позабуду, баринъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Ну смотри жъ,
Не прозѣвай!

Захарій Ляпуновъ.

Послушай, братъ Прокофій!
Басманова ты хочешь удалить?

Прокофій Ляпуновъ.

Хочу, чтобъ князь успѣлъ поговорить
Со всей толпой Московскихъ ротозѣевъ.

Захарій Ляпуновъ.

Да, а для чего жъ?

Прокофій Ляпуновъ.

Иль ты не знаешь, братъ,
Какъ рѣчь сильна, какъ многомощно слово,
Какъ движутся народныя сердца,

Когда звучитъ послѣдній гласъ страдальца?
Взгляни, Захаръ, на этихъ дураковъ:
Какъ широко раскрыли рты, какъ уши
Развѣсили. Теперь имъ каждый звукъ
Вопьется въ грудь, какъ искра въ пукъ соломы.
Къ тому же, знай: по милости моей,
За Шуйскаго вдовица Іоанна
Пошла молить Царя, и каждый мигъ
Дороже намъ, чѣмъ годъ въ иное время.

Захарій Ляпуновъ.

Ну, признаюсь, затѣялъ ты хитро!

Прокофій Ляпуновъ.

Пойдемъ въ толпу, чтобъ насъ не замѣчали.

(*Проходитъ Нѣмецкая дружина, и Поляки бьютъ народъ*).

Съ дороги! Прочь!

Голосъ.

Но что? Что, развѣ мы скоты?

Другой.

Чтобъ Сатана взялъ всѣхъ гостей незваныхъ!

Полякъ.

Кто тамъ шумитъ?

Второй.

Отецъ родной, не мы,
А задніе шумѣли.

Полякъ.

Вотъ я васъ! (*проходитъ*).

Голосъ.

Ты, Ванька, какъ сюда попалъ?

Ванька.

Да вотъ какъ! Пошелъ было для барскихъ покупокъ, анъ лавки всѣ заперты. Вижу—народъ валитъ на Лобное мѣсто, и подумалъ: куда всѣ, туда и я.—Разскажи-ка, Сидоръ, что тутъ будетъ? Или кого нибудь казнятъ?

Сидоръ.

Вѣстимо казнятъ. Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Ванька.

Ахъ, батюшки! Добраго-то князя, ласковаго Василья Ивановича? За что, слышно?

Сидоръ.

Да толкуютъ такъ, что будто онъ Царя уличалъ въ томъ, что онъ обманщикъ, не царскій сынъ, а бѣглый дьяконъ Гришка Отрепьевъ.

Ванька.

Вотъ диво-то! А какъ бы князю Шуйскому правды не знать?

Старикъ.

Эй, ребята, дѣла-то вы не знаете. Вотъ какъ оно было: Гришка окаянный-презлой колдунъ и надѣваетъ какую хочетъ личину. Отъ того-то онъ и сталъ похожъ на покойнаго царевича. А князь-то Василій настоящій праведникъ: какъ сотворилъ молитву, да осѣнилъ его крестомъ, всѣ вдругъ и узнали страшную харю Самозванца.

Женщина.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Сидоръ.

Да полно такъ ли, дѣдушка?

Старикъ.

Я знаю отъ вѣрныхъ людей.

Женщина.

Что̀, батюшки, вамъ видно?

Первый.

Вотъ стрѣльцы,
И впереди верхомъ бояринъ ближній
Петръ Ѳедровичъ Басмановъ.

Второй.

Богъ убьетъ
Тебя, злодѣй, предатель окаянный,
Начало злу, обманамъ всѣмъ глава!

Другой.

Кто вѣдаетъ? Вѣдь можетъ быть и вправду
Царевича отъ смерти спасъ Господь.

Первый.

Что жъ, Шуйской князь солгалъ?

Второй.

О горе, горе!
Вотъ праведникъ; его на смерть ведутъ.

Первый.

Молчи, не то Басмановъ насъ услышитъ.

(*Проходятъ Басмановъ, Шуйскій и стрѣльцы*).

Басмановъ.

Указъ Царя. Внимай, народъ Московскій!

Многіе.

Послушаемъ, что́ скажетъ онъ.

Басмановъ.

Молчать!
(*Читаетъ*), Да знаютъ всѣ, что князь Василій Шуйскій,
Бояринъ нашъ, дерзнулъ мнѣ измѣнить,
Мнѣ, своему законному владыкѣ,
И отъ отца, и́ отъ колѣна предковъ,
Наслѣдному царю Россійскихъ странъ.
Судомъ бояръ и выборныхъ людей
Приговоренъ онъ къ смерти за измѣну
И гнусную крамолу. Днесь умретъ
Преступникъ сей въ урокъ другимъ злодѣямъ.

Одинъ.

Вотъ видишь ли? Не Царь его казнитъ:
Бояре всѣ съ соборомъ присудили.

Второй.

Гляди на нихъ! Хорошъ боярскій судъ:
Отца казнишь, какъ самъ боишься петли!

Князь Шуйскій.

Петръ Ѳедорычъ! Позволь мнѣ въ смертный часъ
Покаяться народу.

Басмановъ.

Князь Василій!
Не должно бы; но я всегда любилъ
И уважалъ тебя: послѣдней просьбы
Мнѣ стыдно не исполнить. Говори!

Князь Шуйскій.

Внемлите мнѣ, Московскіе граждане!
Въ послѣдній разъ я съ вами говорю.

Ефимъ (*подходя къ Басманову*).

Петръ Өедорычъ! Нашъ голова стрѣлецкій
Прислалъ меня отъ Яузскихъ воротъ.
На Ляховъ тамъ граждане нападаютъ.
Ужъ началася драка, льется кровь:
Жильцы, народъ и многіе дворяне
Въ оружьи поднялися.

Басмановъ.

Хорошо.
Коня, скорѣй коня! (*уходитъ*).

Князь Шуйскій.

Я грѣшникъ передъ Богомъ
И передъ вами, граждане Москвы.
Я зналъ обманъ—не уличалъ обмана,
Я правду зналъ—и правду утаилъ.
Но Царь небесъ и милостивъ, и кротокъ.
Молитеся, молитесь за меня!
Да эта смерть на плахѣ беззаконной
Искупитъ грѣхъ молчанья моего!
Сограждане и братья, помолитесь—
И Богъ проститъ. О, тяжко я страдалъ!
Безсильные и старческіе члены
Измучены теперь отъ пытки злой.

Голоса.

О Господи!
Онъ мученикъ.
И въ гробѣ
Прощенія мучитель не найдетъ.

Князь Шуйскій.

Не плачьте, нѣтъ, о Шуйскомъ не рыдайте,
Но о себѣ, о Русской сторонѣ!
Вы видите, мои ліются слезы,
Но лишь о васъ душа моя скорбитъ.
О горе вамъ: уже нависли грозы,
Ужъ Божій гнѣвъ надъ Русію гремитъ.
Прекрасный градъ, моя Москва родная!
Осквернена ты властью Лже-царя.
О свѣтлый Кремль! Твои горятъ соборы,
Какъ свѣчи яркія надъ раками святыхъ,
И радостно почіютъ Русскихъ взоры
На золотѣ крестовъ, на башняхъ вѣковыхъ.
Но горе, горе! Ужъ близка година:
Ужъ ереси безбожной торжество
Ругается надъ чистою святыней,
И бѣглый инокъ Церковь продаетъ
Ея врагамъ. О, плачьте и рыдайте!

Голоса.

— О Господи! Пришли послѣдни дни!
— Я говорилъ: не вѣрьте Самозванцу.
— Ты слышишь ли? Онъ церкви продаетъ?

Князь Шуйскій.

За истину и за родную землю,
И за Москву святую, и за васъ,
Съ веселіемъ я смертну казнь пріемлю.
Благословите-жъ мой послѣдній часъ;
Простите мнѣ соблазны и обиды,
Невольные и вольные грѣхи.

Басмановъ (*входитъ*).

Гдѣ тотъ стрѣлецъ? Куда обманщикъ скрылся?

Голосъ въ толпѣ.

Ищи, найдешь.

Басмановъ.

Преступникъ не казненъ?
Скорѣй, скорѣй!

Второй.

Безбожный кровопійца!

Голосъ.

Я думаю, когда бъ онъ тамъ стоялъ
Гдѣ Шуйскій князь, такъ было бъ не до смѣха.

Прокофій Ляпуновъ.

Захарій братъ, я слышу дальній шумъ,
Тамъ отъ Кремля.

Захарій Ляпуновъ.

Не слышу.

Князь Шуйскій.

О, простите!
Но Шуйскаго не позабудьте.
(*Дальній крикъ*). Стой!

Прокофій Ляпуновъ.

Остановись!

Первый.

Чиновникъ царскій скачетъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Прощенъ, прощенъ!... Ну, сердце отлегло!
Я, признаюсь, терялъ ужъ всю надежду.

Чиновникъ (*Басманову*).

Великій Царь по милости своей
Преступника прощаетъ.

Крики въ толпѣ.

Многа лѣта!
Великому и доброму Царю!

Другіе.

Да здравствуетъ Димитрій, царь Московскій!

(*Народъ начинаетъ расходиться. Шуйскаго уводятъ Приводятъ двухъ преступниковъ*).

Одинъ голосъ.

А это кто?

Другой.

Вотъ этотъ, дворянинъ
Тургеневъ, а другой съ нимъ Өедоръ Коневъ,
Купецъ.

Первый.

За что̀ жъ они осуждены?

Другой.

За тожъ, за что̀ и Шуйскій.

Тургеневъ.

Помяните
Въ молитвахъ насъ! За васъ пріемлемъ казнь,
За истину и родину святую.
Въ часы молитвъ не позабудьте насъ!

Голоса.

А ваше ль было дѣло?

Другіе.

Васъ-то и просили!
— Что, развѣ вы бояре?
— Не садились бы въ чужія сани, такъ была бы шея цѣла.
— Ништо вамъ, дуракамъ; по дѣло̀мъ достается.
Помни, купецъ, свой аршинъ, а дворянинъ свою дворянскую службу, а выше не лѣзь!

Тургеневъ.

О, часъ придетъ, падутъ небесны кары!
Вы вспомните, безумные, объ насъ;
Услышите вы совѣсти упреки,
Съ рыданіемъ воспрянете отъ сна!

Голосъ.

Вонъ слышишь ли? Теперь пошли въ пророки!
(*Всеобщій хохотъ*).

Старикъ въ толпѣ,

Смерть праведныхъ предъ Господомъ красна!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Во дворцѣ.

Князь Голицынъ.

Не знаешь ли, за чѣмъ созвали насъ?

Князь Мстиславскій.

Сегодня Царь впервыя принимаетъ
Посланниковъ отъ Польскаго двора.

Князь Голицынъ.

Ты снова позабылъ:
Уже давно непобѣдимый Цезарь
Россіей владѣетъ, а не Царь.

Князь Мстиславскій.

Охъ! Къ старости и память-то слабѣетъ.
Того гляди, что попадешь въ бѣду.
Ба, посмотри! Вотъ князь Василій Шуйскій.
Давно ль опять явился ко двору?

Князь Голицынъ.

Не вѣдаю.

Князь Мстиславскій.

Идти-ль къ нему?

Князь Голицынъ.

Нѣтъ; лучше подождемъ.
Его вина быть можетъ не забыта;
Зачѣмъ же намъ привѣтомъ поспѣшать?

Князь Куракинъ.

Вотъ дивныя извѣстья изъ Казани!

Князь Мстиславскій.

Какія же?

Князь Куракинъ.

У Волжскихъ козаковъ
Явился сынъ Өеодора.

Князь Мстиславскій,

Помилуй!
Да у Царя когда-жъ родился сынъ?

Князь Куракинъ.

Вотъ видишь ли: отъ злобы Годунова
Онъ былъ сокрытъ, и въ колыбель его
Подложную царевну помѣстили.

Князь Мстиславскій.

Ты надо мной смѣешься.

Князь Куракинъ.

Право нѣтъ.

Шутъ.

Ахъ, батюшки, какъ мертвые плодятся!
Да и живымъ не всѣмъ такой талантъ.

Князь Мстиславскій.

Безстыдная, неслыханная дерзость!

Князь Куракинъ.

Одинъ въ цари, въ царевичи другой!
Одинъ успѣлъ—удастся и другому.

Князь Мстиславскій.

Молчи; а то услышитъ Салтыковъ;
Да и Хрущовъ, Мосальскій не далеко.
Все это вздоръ, я вѣрить не могу.

Князь Куракинъ.

Валуевъ! Князь моимъ словамъ не вѣритъ.

Валуевъ.

Съ сей вѣстію изъ низовыхъ сторонъ
Сегодня я поутру возвратился.
Тамъ плѣннаго изъ шайки той при мнѣ
Допрашивалъ Казанскій воевода.

Князь Мстиславскій.

А какъ зовутъ царевича?

Валуевъ.

Петромъ.

Князь Мстиславскій

И у него товарищей довольно?

Валуевъ.

Ихъ тысячъ пять иль болѣ.

Князь Мстиславскій.

Признаюсь,
Смѣшно глядѣть, какъ люди легковѣрны.

Князь Куракинъ.

Ты чудеса тамъ слышалъ; между тѣмъ
И мы въ Москвѣ потѣхи нагляделись.

Валуевъ.

Да что жъ у васъ?

Князь Куракинъ.

Недавно привезли
Изъ Кракова прелестную Марину.
Что праздниковъ, что было тутъ пировъ!
Какъ Поляки конями насъ топтали,
Какъ били всѣхъ и грабили народъ,
Не слыхано! Но вотъ послушай диво:
Нашъ умница, святѣйшій патріархъ
Вѣнчалъ ее короной Мономаха,
Какъ бы царя; и присягали ей,
И назвали царицей благовѣрной;
А между тѣмъ она не крещена.

(*Валуевъ пожимаетъ плечами*).

Святителей упрямыхъ, Ермогена,
Іосифа, сослали въ монастырь,
Да каются въ строптивости безумной:
И по дѣломъ! Вѣдь вздумали жъ они,
Что не крестивъ, нельзя вѣнчать царицу
И на престолъ раскольницу возвесть.

Валуевъ.

Да, по дѣломъ.

Князь Куракинъ.

Старикъ, отецъ Марины,
На насъ глядитъ какъ будто на рабовъ,
И ласки намъ, и милость обѣщаетъ.
Валуевъ, братъ, сходи да поклонись:
Вотъ мой совѣтъ.

Валуевъ.

Какъ? Нешто я Мосальскій
Или Хрущовъ?

Князь Куракинъ.

Ну, попадешь въ бѣду,
Вотъ такъ какъ я уже попалъ въ немилость.

Валуевъ.

Ну, диво ль то, что шайка казаковъ
Ругается надъ нашимъ легковѣрьемъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ **Димитрій**, **Басмановъ** и **Шутъ**; впереди **Стольникъ**.

Стольникъ.

Бояре, по мѣстамъ!

Димитрій (*садясь на тронъ*).

Бояринъ Петръ!
Зови пословъ предъ наши царски очи. (*Басмановъ уходитъ*).
Въ глуши степей, на Волжскихъ берегахъ,
Средь казаковъ несвѣдущихъ и буйныхъ,
Подъ именемъ царевича Петра,
Возсталъ на насъ безстыдный самозванецъ.
Межъ правдою и ложью судитъ Богъ:
Онъ не даетъ обману возвышаться
И истину вѣнчаетъ торжествомъ.
Я, тишины во всей Руси блюститель,
Безумное волненье усмирю;
А вы, бояре, стольный градъ спокойте,
Да тщетною тревогою сердца

Моихъ людей въ Москвѣ не возмутятся.
На подданныхъ меча не извлеку;
Едва дохну—и призракъ разлетится.
(*Къ князю Мстиславскому*).
Мстиславскій князь, казненъ ли дерзкій Ляхъ,
Который здѣсь, на площади Кремлевской,
Въ моихъ глазахъ зарѣзалъ Москвича?

Князь Мстиславскій.

Нѣтъ, Государь. Его вели на плаху:
Но Поляковъ нахлынула толпа
И палача убила, и злодѣя
Избавила отъ казни.

Димитрій.

При тебѣ
Преступника избавили насильно!
Что жъ ты глядѣлъ? Иди: ты слишкомъ старъ.
Но эти Ляхи! Ихъ несносна дерзость.
(*Къ Шуйскому*). Поди сюда, князь Шуйскій. На меня
Ты возставалъ, и слабою рукою
Хотѣлъ сорвать съ сей мощной головы
Златой вѣнецъ, отцовъ моихъ наслѣдье.
Не отвѣчай! Твой замыслъ вѣдалъ я
И осудилъ тебя на казнь; но, помня
Твои труды и службу прежнихъ лѣтъ,
Перемѣнилъ я смертну казнь на ссылку.

Князь Шуйскій.

О Государь, я милости твоей
Не заслужилъ.

Димитрій.

Да, Шуйскій, ты виновенъ.
Но слушай, князь: безсильной лишь душѣ
И полу-казнь, и полу-милость сродны.
Я не таковъ. Мой гнѣвъ, какъ Божій громъ,
Иль вмигъ сожжетъ, иль пролетитъ безвреденъ.
И ты прощенъ. Возвращены тебѣ
И вотчины, и санъ въ боярской думѣ,
И болѣе—довѣренность моя.
Я на тебя надѣюсь, князь Василій.

Князь Шуйскій.

О Царь! Позволь во прахъ передъ тобой
Склонить чело преступное.

Димитрій.

Не нужно:
Все прежнее теперь забыто мной.
(*Къ боярамъ*). Бояре всѣ! Прошу, любите князя.

Шутъ.

Царь-государь, сжалься надъ своими рабами.

Димитрій.

Чего ты просишь, мой потѣшный князь?

Шутъ.

У тебя въ Кремлѣ живетъ булочникъ, да такой добрый, такой милостивый, такой кормилецъ бѣднымъ ребятишкамъ! Бывало, когда проголодаешься, калачъ у него выпросишь или сказкой, или пѣсенкой, или именемъ Христовымъ; а теперь бѣда, взялъ онъ себѣ заморскаго подмастерья.

Димитрій.

Ну, что жъ?

Шутъ.

А вотъ что. Все что ни испечетъ булочникъ, тотчасъ Нѣмецъ или самъ съѣстъ, или своимъ братьямъ-Нѣмцамъ продастъ. А мы, твои православные, ни крохи не добьемся. Хоть пой, хоть въ голосъ вой! Царь-государь, вели прогнать Нѣмца.

Димитрій.

Знать, онъ дѣлу своему гораздъ?

Шутъ.

Э, родимый, и Русскій въ грязь лицемъ не ударится.

Димитрій.

Что жъ ты хозяина не попросишь?

Шутъ.

До него не доберешься! Вѣдь заморское чудо толсто: если разъ куда залѣзетъ, всѣ входы вдругъ заложетъ. Мимо него и мышенокъ тощій не пролѣзетъ. А бѣда-то вотъ въ чемъ: виноватъ Нѣмецъ-подмастерье, а мальчишки ругаютъ хозяина.

Димитрій.

Понятно мнѣ нескромное прошенье.
Послушай, другъ: мальчишкамъ скажешь ты,
Чтобы они отнынѣ не роптали.
Съ хозяиномъ я самъ поговорю.
(*Идетъ назадъ къ трону*).

Бояринъ.

Какъ шутъ хитеръ!

Другой бояринъ.

Его Басмановъ учитъ.
Но вотъ послы!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ **Послы**.

Димитрій.

Госѣвскій, Олесницкій!
Въ моей землѣ, въ престольномъ градѣ семъ,
Привѣтствую я васъ двойнымъ привѣтомъ,
Какъ въ бѣдствіи испытанныхъ друзей,
И какъ пословъ страны одноплеменной.
Иди же къ нимъ, великій секретарь,
И грамоту возьми изъ панскихъ рукъ.
Прочти ее.

Власьевъ.

Но, Государь, ты видишь:
(*показывая бумагу*) Великій Князь.

Димитрій.

Отдай ее назадъ.

Власьевъ.

Великій Царь, непобѣдимый Цесарь
Вамъ грамоту велѣлъ отдать, послы,

Зане забытъ его высокій титулъ.
Идите съ ней обратно къ королю,
Да вѣдаетъ, что здѣсь не Князь владѣетъ,
Но Царь и Цесарь всѣхъ полнощныхъ странъ.

Олесницкій.

Я грамоту беру благоговѣйно.
Но знаете ль, что̀ вы творите днесь?
Для короля несносная обида,
Для витязей, сподвижниковъ твоихъ,
Для Ляховъ всѣхъ и стыдъ, и оскорбленье,
Ругательство надъ мощною страной,
Гдѣ мы тебя еще недавно зрѣли
Изгнанникомъ, смиреннымъ бѣглецомъ;
Гдѣ ласкою пановъ ясновельможныхъ
Былъ воскрешенъ убитый скорбью духъ.
Опомнися, Великій Князь Московскій!
Не забывай, что сей блестящій тронъ,
На коемъ днесь сидишь съ такой гордыней,
Сей самый тронъ тебѣ недавно данъ
Небесной волей, силой Сигизмунда
И остріемъ шляхетскаго меча.

Бояре.

Царя бранитъ! Унять его безумца!
Прогнать его!

Димитрій.

Бояре, замолчать!
По всей землѣ священъ твой санъ высокій,
Но слушай, панъ: умѣрь нескромный жаръ.
Твоихъ рѣчей смѣшонъ порывъ хвастливый.
Король могучъ, и острый мечъ Литвы
Въ иныхъ странахъ престолы воздвигаетъ:
Возьмите же, возьмите Шведскій тронъ,
Законное наслѣдье Сигизмунда!
Вы, грозные судьи другихъ державъ,
Что̀ медлите свершить столь легкій подвигъ?
Не можете? Такъ знай же, гордый панъ,
Не королю порфирой Іоанна
Обязанъ я, но Божіей рукѣ,
Моимъ отцамъ и силѣ Русской воли.

Олесницкій.

Ты Польскую дружину позабылъ.

Димитрій.

Бѣжавшую съ Новогородской битвы?
Все помню я. О, только на словахъ
Такъ грозны вы! Не такова Россія,
Нѣтъ не таковъ полунощный орелъ:
Онъ крыльями полміра осѣняетъ,
И надъ гнѣздомъ его въ единый часъ
Нисходитъ ночь и утра лучъ сіяетъ.
И мнишь ли ты, что я, предъ кѣмъ князья,
Господари колѣна преклоняютъ,
Чью власть цари, салтаны признаютъ,
Я,—царскій сынъ и цесарей потомокъ,
Твоей Литвѣ смиренно уступлю
Моихъ отцовъ высокое названье?...
Тому не быть! Уже Европа вся
Мой цесарскій давно признала титулъ.
И я того же требую отъ васъ.

Олесницкій.

Намъ не законъ другихъ державъ примѣры.

Димитрій.

Я не грожу за то Литвѣ войной;
Но объяви ты брату Сигизмунду,
Что я, досель его вѣрнѣйшій другъ,
Теперь его врагомъ считаю тайнымъ.

Олесницкій.

Московскій Князь, просты мои слова:
Я не привыкъ къ рѣчамъ многоглагольнымъ
И говорю какъ смѣлый сынъ войны,
Какъ вольный мужъ и шляхтичъ благородный.
И днесь зову въ свидѣтели я васъ.
Бояре всѣ! Не Княземъ ли Великимъ
Звала Литва владыку Русскихъ странъ?
И Цесаря гремящее названье
Когда нибудь носилъ ли твой отецъ?
Ты новаго, неслыханнаго хочешь,
И, властію внезапно упоенъ,
Ругаешься тебя пріявшей Польшѣ.

Забыто все: и милость короля,
И нашъ пріемъ, и служба храброй шляхты.
Ты воленъ, Князь: что хочешь, то творишь:
Но не забудь судящаго потомства!
Его рука въ скрижаляхъ начертитъ
Надъ именемъ твоимъ: „неблагодарный“.

Димитрій.

Нѣтъ, ты не правъ. Люблю я вашъ народъ
И не забылъ пріязни Сигизмунда;
Но вѣдай, панъ, что ни ему, ни вамъ,
Ни всѣмъ царямъ (изъ страха иль любови)
Не уступлю ни пяди на землѣ,
Ни пня въ лѣсу, ни кочки въ Русскомъ полѣ.
Ниже пол-слова въ титулѣ моемъ

Олесницкій.

Нашъ конченъ споръ, Великій Князь Московскій!
Узнаешь ты, что гордаго ума
Не любитъ Богъ.

Димитрій.

Не сдобровать же Ляхамъ.

Олесницкій.

Да судитъ Онъ межъ нами и тобой.
Съ тебя, съ тебя да требуетъ отвѣта
За смерть людей, за кровь невинныхъ жертвъ.
Которыя падутъ въ борьбѣ упорной.
Межъ царствами рѣшаетъ споры мечъ.

Димитрій.

Не я его на Польшу извлекаю.
Но возвратись скорѣе къ королю,
Пусть онъ рѣшитъ. Союзъ—я радъ союзу;
Война—я радъ войнѣ.

Поляки.

Война, война!

Димитрій.

Да будетъ такъ. Иди же, Олесницкій.
Бояринъ Петръ, ты угости пословъ.
(*Уходятъ Царь и послы*).

Князь Куракинъ.

Что скажешь ты, Валуевъ?

Валуевъ.

Что Димитрій
Достойный Царь, и грудью за него
Готовъ я стать.
—и я,
— я,
— и всѣ мы!

(Уходятъ бояре).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь Шуйскій и Прокофій Ляпуновъ.

Стой, Ляпуновъ! Въ прошедшую недѣлю
Прибавилось сообщниковъ у насъ.
Голицыны, Куракинъ и Плещеевъ,
И Салтыковъ, Татищевъ и Нагой.
Достаточно.

Прокофій Ляпуновъ.

Да, было насъ довольно.

Князь Шуйскій.

Какъ было? А теперь?

Прокофій Ляпуновъ.

Всему конецъ!
Царь гонитъ прочь пришельцевъ намъ противныхъ.
Война съ Литвой! Да здравствуетъ же Царь!

Князь Шуйскій.

Одумайся! Обманщикъ, самозванецъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Законнаго Царя не воскресишь,
А *онъ* премудръ: всѣ царственныя тайны
Умомъ постигъ, высокой думы полнъ,
Въ бояхъ удалъ,—и каждое сраженье
Съ такимъ вождемъ побѣдой будетъ намъ.
И Кіевъ, градъ святой, и край Волынской,
Богатый край—все будетъ нашимъ вновь.

Князь Шуйскій.

Но вспомни же, что онъ ере́тикъ гнусный.

Прокофій Ляпуновъ.

Долой Литву, такъ Іезуитовъ прочь!
И всѣ грѣхи забудетъ духовенство
И за Царя жъ молитву сотворитъ.

Князь Шуйскій.

О Ляпуновъ, ужасно! Бѣглый инокъ,
Не изъ бояръ, едва ли дворянинъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Тѣмъ лучше, князь: не будетъ книгъ разрядныхъ!
И за него я лягу головой.
Повѣрь мнѣ, князь: забудемъ все былое.
Прощай, прощай! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій.

Меня онъ оставляетъ.
И вслѣдъ за нимъ отстанутъ всѣ. Бѣда!
Все рушилось, и мщенье, и надежда,
И сей вѣнецъ, къ которому я могъ
Ужъ простирать нетерпѣливы длани.
О Ляпуновъ! И я за нихъ страдалъ,
И голову я положилъ на плаху...
О Ляпуновъ! Вотъ дружба и друзья!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ покояхъ Марины.

Марина, Роза Лесская.

Роза (*поетъ*).

Онъ пригладилъ усъ широкой,
Что-то паннѣ черноокой
На ухо сказалъ,
И въ полуночи глубокой
Съ панной ускакалъ.

Не одинъ въ странѣ окрестной
Князь искалъ руки прелестной.
О любви молилъ;
Но лишь рыцарь неизвѣстный
Дѣвицу плѣнилъ.
Не также ли прекрасная Марина
Поклонниковъ видала предъ собой,
Вельможъ, князей и графовъ благородныхъ,
И презрѣла ихъ пылкую любовь.

Марина.

Да, Леская, и вдругъ явился витязь
Невѣдомый, изъ полунощныхъ странъ.
Не правда ли, какъ въ сказкѣ?

Роза.

Нѣтъ, Царица!
Тамъ бѣдный рыцарь, здѣсь же царскій сынъ!

Марина.

И сильный Царь. За то признайся, Роза,
Что не похожъ мой будущій супругъ
На рыцаря твоей веселой пѣсни.
Въ Димитріи едва ли красоту
Отыщетъ взоръ, любовью ослѣпленный?
Угрюмый видъ, и грубыя черты,
И волоса на головѣ, какъ пламя.

Роза.

Но ловокъ онъ!

Марина.

Да, ловкость козака.

Роза.

Краснорѣчивъ.

Марина.

Да, рѣчь семинариста.

Роза.

За то онъ Царь.

Марина.

И я его люблю.
Въ немъ быстрый умъ, отвага, жажда славы
И страстная, горячая душа.

Роза.

О, какъ легко прекрасная Марина
Обворожитъ супруга своего!
Здѣсь не найдешь соперницы опасной.

Марина.

Ты, Роза льстишь.

Роза.

Нѣтъ, правду говорю.

Марина.

Я слышала, какъ пышно расцвѣтаетъ
Московскихъ женъ и юныхъ дѣвъ краса.

Роза.

Пустое все; разскажутъ чудеса!
Я знаю ихъ: высоки и дебелы,
И щеки алыя, и лица круглы, бѣлы.
Подумаешь, куда какъ хороши!
А всмотришься,—нестройныя движенья,
И на лицѣ безъ выраженья
Какъ стекла, очи безъ души.—
Что̀ скажешь ты? Соперницы ужасны!

Марина.

Да правда ли?

Роза.

Ты видѣла бояръ:
По нимъ суди объ ихъ прекрасныхъ женахъ.
Какъ страненъ мнѣ весь твой Московскій дворъ!
Ей, ей, въ Литвѣ медвѣди наши лучше.

Марина.

Да, признаюсь: съ панами ихъ сравнить
Почти смѣшно.

Роза.

Смѣшно? Грѣшно̀, безбожно.

Марина.

Послушай-ка; тамъ, кажется, стучатъ.

Роза.

Ужъ вѣрно Царь.

Марина.

Какъ рано онъ приходитъ!...
Зови его (*передъ зеркаломъ*). Да: я должна владѣть
Его душой. Довѣрчивый и страстный,
Онъ любитъ самъ и вѣруетъ въ любовь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(*Входитъ*) **Димитрій.**

Димитрій.

Какъ хороша!

Марина.

А, это ты, Димитрій!
Какъ я ждала! Какъ медленно часы
Катилися въ несносномъ ожиданьи!

Димитрій.

Блаженный мигъ! Онъ въ цѣлый день одинъ
Меня даритъ отрадою свободной.
Я здѣсь живу, —а тамъ!...

Марина.

Какъ сладко льститъ!
Онъ скажетъ мнѣ, что чувство царской силы
Его души ничуть не веселитъ;
И я должна ему повѣрить.

Димтрій.

Полно!
Что̀ царство, власть, что̀ мой блестящій дворъ?
Труды, борьба, тяжелыя заботы,
Поклонниковъ бездушныя толпы,
И золото, и холодъ, и пустыня.
Какая жизнь! Я только здѣсь живу.
На сердца гласъ здѣсь сердце отвѣчаетъ;
Моей любви отвѣтствуетъ любовь:
Такъ вѣрю я, такъ мнѣ отрадно вѣрить.

Марина.

Какъ ты унылъ! Что сдѣлалось съ тобой?

Димитрій.

Я не унылъ, но только утомился.

Марина.

Нѣтъ, ты смущенъ. Кто оскорбилъ тебя?

Димитрій.

Какъ оскорбилъ? Ужъ ты, Марина, знаешь?

Марина.

О, взоръ любви яснѣй, чѣмъ взоръ орла.

Димитрій.

Ее пѣвцы слѣпою называютъ.

Марина.

Не вѣрь пѣвцамъ. Нѣтъ тайны для нея:
Во глубинѣ души она читаетъ.
Скажи же мнѣ, кто раздражилъ Царя?

Димитрій.

Не спрашивай! Узнаешь слишкомъ рано.

Марина.

Скажи теперь.

Димитрій.

О, лучше дай забыть
Тяжелую, несносную обиду!
Лишь вспомню я, вся кровь во мнѣ кипитъ.
Безумные—увидятъ!

Марина.

Ты не скажешь?
Чего же ждать супругѣ, если ты,
Еще женихъ, ужъ тайну сокрываешь?

Димитрій.

Вѣрь, для тебя скрываю я ее.

Марина.

Прекрасная, искусная уловка;
Но только жаль, что вѣрить не могу.

Димитрій.

Я не хотѣлъ, чтобъ роковая вѣсть
Твой свѣтлый взоръ слезою омрачила.

Марина.

Разсказывай! Не бойся: я тверда.

Димитрій.

Да, вѣрю я. Да, ты должна, Марина,
Любить Москву! Вѣнецъ Россійскій твой!
Сей славный край призналъ тебя Царицей.

Марина.

И я люблю, душой люблю его.
Но не вѣнцемъ, не именемъ Царицы
Мнѣ дорога Московская земля;
Однимъ мила: она твоя, Димитрій.

Димитрій.

Какъ сладостно звучатъ твои слова!
Сегодня я пословъ отъ Сигизмунда
Торжественно впервыя принималъ.
И что жъ? Они меня Великимъ Княземъ
Изволили спѣсиво величать,
Какъ будто бы моимъ названьемъ царскимъ
Подавится ясно-вельможный панъ.
Я грамоту велѣлъ отдать обратно;
И думаешь тѣмъ кончилося? Нѣтъ.
Тогда посолъ! (они меня узнаютъ,
Я усмирю ихъ буйную главу),
Тогда посолъ съ улыбкой величавой
Меня назвалъ смиреннымъ бѣглецомъ,
Нахлѣбникомъ, твореньемъ Сигизмунда.
И я стерпѣлъ—повѣришь ли? Стерпѣлъ;
Но отвѣчалъ презрѣньемъ на упреки,
И кончилось!—О будь теперь тверда.

Марина.

О горе мнѣ! Война съ моей отчизной?

Димитрій.

Не объявилъ, но принялъ я войну.

Марина.

Что мнѣ сказать? Несносно оскорбленье;
Неслыханно, достойно казни злой.

Димитрій.

Не правда ли?

Марина.

Твое законно мщенье,
И гнѣвъ твой правъ.

Димитрій.

Марина, доверши:
Скажи еще, что лишь мечемъ возможно
Изгладить стыдъ.

Марина.

Нѣтъ, не войной Литвы!

Димитрій.

Не воевать съ твоей надменной Польшей!
Не воевать! И вотъ твоя любовь!
Въ моемъ дворцѣ, передъ лицемъ Россіи
Уничижёнъ я, презрѣнъ, стоптанъ въ прахъ.
И мнѣ стерпѣть! Нѣтъ, ты меня не любишь.
Я былъ досель мечтою ослѣпленъ.
Но женщины обманчивы, коварны,
И вижу я, Димитрій нелюбимъ.

Марина.

Онъ нелюбимъ! О Боже!

Димитрій.

О Марина!

Марина.

Несчастная!

Димитрій.

Нѣтъ, я не справедливъ.
Нѣтъ, ты должна любить свою отчизну.
Забудь слова безумныя!

Марина.

Оставь,
Оставь меня!

Димитрій.

Да; я не правъ, Марина:
Въ безуміи я оскорбилъ тебя.
Но позабудь порывъ любви ревнивой;
Но дай мнѣ вновь услышать голосъ твой,
Отрадный звукъ твоихъ рѣчей волшебныхъ.

Марина.

Къ чему теперь притворство? Грудь мою
Ты поразилъ кинжаломъ ядовитымъ
И послѣ льешь безвременный елей.
Но поздно, Царь.

Димитрій.

Марина, предъ тобою
Виновенъ я; но я молю тебя
Прости, прости!

Марина.

Упрековъ не услышишь,
Не стану я былое поминать,
Моей любви безумное начало....
Тобою все забыто.

Димитрій.

Никогда!
Въ моей груди цвѣтетъ воспоминанье
О свѣтлыхъ дняхъ, о первыхъ дняхъ любви.
Мнѣ памятны садовъ зеленый сумракъ,
Алея липъ и плещущій фонтанъ,
И трепетъ мой, и робкое признанье,
И тихія, волшебныя слова.

Марина.

Ты нелюбимъ? Кого же я любила?
Царя? Ты былъ безъ силы, безъ друзей,
И Годуновъ владѣлъ твоимъ престоломъ.
Царевича? Пусть вѣрили другіе,
И правдою казался имъ обманъ.

Димитрій.

Какой обманъ?

Марина.

Не даромъ я сказала,
Что взоръ любви яснѣй, чѣмъ взоръ орла. Я знала все.

Димитрій.

Какъ, ты, Марина, знала?

Марина.

Не древній родъ любила я въ тебѣ,
Не мнимаго потомка Мономаха,
Но пламенный порывъ души твоей,
Но смѣлый духъ, стремящійся изъ праха
На высоту, на поприще царей.

Димитрій.

И я тебя могъ оскорбить упрекомъ?
Прости меня!

Марина.

Я вѣрила тебѣ;
Я думала: меня Димитрій любитъ.
О, для чего жъ я не могу забыть?

Димитрій.

Клянусь тебѣ, Марина.

Марина.

Не клянися!
Разсѣялась отрадная мечта.
Когда любовь въ мущинѣ остываетъ
(И долголь въ немъ горитъ огонь святой?)
Онъ ищетъ лжи, выдумываетъ ссоры,
И въ мигъ вспылитъ, и сыплются укоры.
Да, чувствую; забыта я тобой!

Димитрій.

Жестокая!

Марина.

Не возвращуся въ Польшу:
Ея врата закрыты для меня.
Въ твоей странѣ пустыня есть глухая
И монастырь: туда сокроюсь я.
Ты будь счастливъ! Красавица иная....

Димитрій.

Не мучь меня, Марина! Перестань!
Клянусь тебѣ: иной любви не будетъ
Въ моей душѣ; клянуся, для тебя
Надеждами и счастьемъ цѣлой жизни
И жизнію я жертвовать готовъ.

Марина.

Клянется онъ, а я безумно вѣрю!
Мнѣ сладостны обманы льстивыхъ словъ.

Димитрій.

Но честію, но славою Россіи
Я жертвовать не долженъ, ъне могу.

Марина.

Кто проситъ жертвъ? Къ чему онѣ, Димитрій?
Царица я: мнѣ дорогъ Русской тронъ
И честь вѣнца. Но слушай! Не постигнетъ
Твоей души безсмысленный народъ:
Лишь низкое коварство Годунова,
И Іоаннъ—кровавая гроза—
Понятны имъ; но рыцарскія чувства,
Высокій духъ и смѣлыхъ думъ полетъ
Все ново здѣсь, все чудно и неясно.
Лишь тамъ въ Литвѣ, въ моей странѣ родной
Всегда найдешь готовый отголосокъ.
Тамъ гордою и вольною душой
Тебя поймутъ и подвигъ твой оцѣнятъ.

Димитрій.

Да, можетъ быть ты правду говоришь;
Но Сигизмундъ меня обидѣлъ больно,
И царскій долгъ велитъ ему отмстить.

Марина.

Война съ Литвой опасна.

Димитрій.

Мы увидимъ.
Опасностей Димитрій не бѣжитъ.
Посмотримъ мы, кто въ битвѣ устоитъ,
Хвастливый Ляхъ, иль Русскихъ строй желѣзный?
Я знаю ихъ.... О живо помню я
Тотъ грозный часъ, когда съ дружиной конной
Въ сраженіе, какъ вихорь, я летѣлъ.
Все падало, и Нѣмцы побѣжали.
Лечу впередъ.... Стрѣлецкій полкъ стоитъ
Какъ вкопанный, какъ вылитый изъ стали.
Мечи блестятъ, сверкаютъ ихъ пищали.
Въ моей груди, какъ струны, задрожали
Всѣ жилы... О, то былъ веселый видъ!
Несусь впередъ, дружина вслѣдъ за мною;
Но вдругъ раздались выстрѣлы, и въ мигъ
Пропалъ и слѣдъ моихъ отважныхъ Ляховъ.
О счастіе такую рать вести
Въ кровавый бой! Я не боюсь Литовцевъ!...
Не всякой день дается имъ Баторій.
Увидимъ мы, хотя бъ и тотъ воскресъ!

Марина.

Ты словъ моихъ не выслушалъ, Димитрій.
О мой герой, любимый витязь мой,
Ты побѣдишь! Но этой мелкой славы
Тебѣ ль желать? Какъ мало знаетъ міръ
Про грозныя Славянъ междоусобья!
Вѣрь: ты рожденъ для подвиговъ иныхъ,
Тебя зоветъ иное битвы поле.
О если бы гордыню Музульманъ
Ты сокрушилъ и съ башенъ Цареграда
Низвергнулъ въ прахъ безбожную Луну,
Какая бы тебя ждала награда,
Какая честь!.... Далекіе вѣка
Благоговѣйно бъ обращали
Свой взоръ къ тебѣ сквозь мракъ временъ
И выше всѣхъ другихъ именъ
Твое бы имя начертали.
И славный подвигъ бы сіялъ
Въ бытописаньяхъ смутныхъ міра,

И о тебѣ гремѣла бъ сладко лира,
И Музы гласъ тебя бы воспѣвалъ!
Не правда ли?

Димитрій.

О, чудныя надежды,
Прелестный гласъ! Марина! Но стерплю ль
Безумную гордыню Сигизмунда?

Марина.

Тамъ гордое названье избирай,
Тамъ выдумай себя достойный титулъ.
Кто будетъ спорить? Весь крещеный міръ
Передъ тобой преклонится смиренно.

Димитрій.

Да, это правда; но теперь, теперь?

Марина.

Теперь съ Литвой начни переговоры.
Ты знаешь самъ, какъ глупо-гордъ король;
Скажи посламъ, что если титулъ царскій
Онъ дастъ тебѣ, ты Шведскій тронъ ему
Опять отдашь, но только.... (*смѣясь*) на бумагѣ.
Не правда ль, я разумно говорю?

Димитрій.

О продолжай! Къ твоимъ устамъ прикованъ
Мой жадный слухъ.

Марина.

Послушайся меня.
Не разрывай ты съ Западомъ союза!
Подумай самъ, какъ Ватиканъ хитеръ,
Какъ много тайнъ извѣстно Іезуитамъ!
О милый другъ, тебѣ нужна Литва,
Чтобъ усмирить народное волненье,
Чтобъ укрѣпить еще нетвердый тронъ,
Чтобъ освѣтить твой Сѣверъ полудикій
Чудесными лучами южныхъ странъ,
Но болѣе, чтобъ силою двойною
Попрать Луну......... О, я молю тебя:
Не огорчай души твоей Марины,
На вѣчну скорбь не осуждай меня,

Не дай пролить мнѣ горькихъ слезъ потоки
Надъ бѣдствіемъ моей страны родной,
Надъ гибелью моихъ единокровныхъ!
Молю тебя, не отвергай мольбы.

Димитрій.

Не должно бы, но отказать не въ силахъ.

Марина.

Не правда ли? Ты обѣщаешь мнѣ.
О знаю я, ты побѣдишь Султана.
Смотри! Вѣнецъ изъ лавровъ я сплела
Для твоего державнаго чела (*примѣряетъ на немъ вѣнецъ*).
Ты будешь въ немъ, какъ тотъ великій кесарь,
Безсмертный вождь и слава прежнихъ дней!
Ужъ вижу я, твой ликъ блеститъ побѣдой,
И торжество въ огнѣ твоихъ очей....
Но обѣщай, о мой любимый витязь,
Что на Литву меча не извлечешь.

Димитрій (*обнимая ее*).

Волшебница! За чѣмъ моей душою
Владѣешь ты? Зачѣмъ я слабый рабъ
Твоей красы, твоихъ рѣчей прелестныхъ?

Марина.

Но обѣщай!

Димитрій.

Да, обѣщаю я.

Марина.

Кто тамъ шумитъ?

Роза (*входя*).

Бояринъ Петръ Басмановъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Входитъ **Басмановъ**.

Димитрій.

Что̀ новаго?

Басмановъ.

От Терскихъ казаковъ
Сейчасъ гонецъ съ извѣстіемъ пріѣхалъ,
Что Кумыки съ отрядомъ Янычаръ
И съ конницей — всего двѣнадцать тысячъ —
Подъ знаменемъ Дербентскаго паши
Въ Россійскіе предѣлы ворвалися.

Димитрій.

А, нехристи, они хотятъ войны.
Въ Россійскіе предѣлы! Это болѣ,
Чѣмъ въ титулѣ мнѣ царскомъ отказать.
Что жъ казаки?

Басмановъ.

Ихъ атаманъ удалый
Пошелъ на встрѣчу съ горстью молодцовъ,
Пашу разбилъ, добычу, плѣнныхъ забралъ
И множество на мѣстѣ положилъ.

Димитрій.

Лихой народъ!

Басмановъ.

Въ гористомъ Дагестанѣ
Два княжества передалися намъ
И бьютъ челомъ тебѣ, ихъ Государю.

Марина.

Вотъ видишь ли, что въ грудь мою любовь
Вложила даръ пророчества. Я знала,
Что небеса Димитрія спасли
Для гибели народовъ Мусульманскихъ.

Басмановъ.

Сейчасъ гонца отправилъ я въ Елецъ,
Чтобы полки къ Чернигову тянулись.

Димитрій.

Перемѣни! Пусть ждутъ меня въ Ельцѣ.

Басмановъ.

Какъ, Государь?

Димитрій.

Войны не будетъ съ Польшей.

Басмановъ.

Ты королю за дерзость не отмстишь?

Димитрій.

И безъ войны управлюсь съ Сигизмундомъ.

Басмановъ.

Ты оскорбленъ передъ Россіей всей.
Когда смолчишь и стерпишь поруганье.
Я за Москву ручаться не могу.

Димитрій.

Ну что Москва! Мои стрѣльцы надежны,
Нѣмецкая дружина мнѣ вѣрна,
Да Поляковъ здѣсь тысячи четыре,
Да пушкари, да мѣдныхъ пушекъ сто.
Не мальчикъ я, не Годуновъ-ребенокъ:
Грозой уйму мятежъ и заговоръ.

Басмановъ.

Теперь уймешь, покуда не созрѣли;
Но ежели ты честь вѣнца отдашь
Въ добычу Ляхамъ, презришь гласъ народный
И гласъ бояръ, любящихъ твой престолъ:
Созрѣютъ замыслы.

Марина.

Чрезъ двѣ недѣли,
А много три, Царь двинется въ походъ,
И рушатся всѣ замыслы коварны.

Басмановъ.

Противна намъ надменность Поляковъ;
Война съ Литвой нужна тебѣ.

Марина.

Не слушай!
Пожалуста не слушай! Онъ сердитъ.

Басмановъ.

Повѣрь мнѣ, Царь...

Марина (*перебивая*).

Ты побѣдишь Тавриду,
Чудесный край роскошной красоты.
Тамъ много дѣвъ прекрасныхъ, черноокихъ;
Ихъ гибокъ станъ, привѣтливы уста,
Огонь любви подъ длинною рѣсницей.
Душа моя, ты не измѣнишь мнѣ?

Димитрій.

Нѣтъ, никогда! Нѣтъ, вѣренъ я до гроба.

Марина.

Послушай, Царь, покой мой веселѣй:
Пойдемъ туда!

Димитрій.

Басмановъ, чтобъ заутра
Послы опять явились предъ меня!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Входитъ **Шутъ** и бросается на колѣни.

Шутъ.

Великій Государь, защити! Я твой шутъ, твой князь потѣшный, а меня прибили!

Димитрій.

Тебя, тебя? Кто смѣлъ тебя ударить?

Шутъ.

Не ударили, а били, колотили въ кровь до полусмерти. Я провожалъ сегодняшнихъ гостей да пошучивалъ, да подразнивалъ ихъ по своему обычаю, по твоему царскому позволенью. Какъ обернется проклятый усачъ, да какъ примется меня тузить, да какъ пристанутъ къ нему другіе! Ай, ай, и спину, и голову всю разбили. Ай, ай! Накажи усача, Государь! Я твой потѣшникъ: безъ твоей воли никто не долженъ меня и пальцемъ тронуть.

Марина.

Какой несносный шутъ! Онъ дерзокъ, пьянъ,
Надъ витяземъ ругался благороднымъ,
И съ жалобой пришелъ. Оставь его.

Димитрій.

Мнѣ жалокъ ты, мой бѣдный князь потѣшный.
Вотъ золотой корабленикъ. Возьми
И вылечи свою больную спину.

Марина.

Пойдемъ же, Царь!

Басмановъ.

О, Государь, внемли!

Марина.

Гляди; вотъ мой вѣнокъ зеленый,
Вѣнокъ героя моего;
Въ немъ гордый лавръ и дубъ сплетенный,
И миртъ любви. Возьми его.
Пойдемъ же въ мой покой!

Димитрій,

Прощай, Басмановъ.
(*Димитрій и Марина уходятъ*).

Басмановъ.

Совѣтникъ новый здѣсь.

Шутъ.

И новый шутъ.

Басмановъ.

Намъ не къ чему здѣсь оставаться долѣ (*уходитъ*).

Шутъ (*одинъ*).

А, такъ вотъ что! Возьми корабленикъ, да вылечи свою спину. Вылечу, вылечу! Если змѣя укуситъ, убей змѣю, да приложи убитую къ ранѣ; если укуситъ бѣшеная собака, такъ ея же кровью рану умой. Я себя вылечу.

(*передразнивая Марину*).

Онъ дерзокъ, пьянъ!... Какой несносный шутъ! Погоди, пошучу, пошучу. Ай, ай! Какъ спина болитъ; это все за мои грѣхи, какъ говоритъ отецъ Иванъ. Кому служу я, прости Господи? Хуже пса: телятину жретъ, постовъ не знаетъ, въ баню не ходитъ. Я за него душу гублю; а какъ побьютъ, онъ и не думаетъ заступиться. Вотъ тебѣ корабленикъ, вылечи спину! Вылечу, вылечу кровью проклятою. Шутъ, шутъ! Пошучу, да не посмѣетеся (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марина, Роза (*входя опять*).

Марина.

Зови сюда двухъ музыкантовъ, Роза.
Они Царя игрой развеселятъ (*Роза уходитъ*).
(*одна*) Войну съ Литвой затѣялъ!... Нѣтъ, Димитрій!
На ней одной основанъ нашъ престолъ,
И въ мирѣ съ ней владычество Марины.
Безумцу волю дай! Прогонитъ онъ
Всѣхъ Поляковъ, моихъ единокровныхъ,
Потомъ глядишь и сѣти разорветъ.
Мечты любви поблекнутъ въ наслажденьи
Отъ времени потухнетъ пылкій жаръ.
Нѣтъ! На любовь надѣяться не стану;
Одна нужда надежна и тверда.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Домъ Шуйскаго.

Князь Шуйскій, старецъ слѣпой **Антоній.**

Антоній.

Ты ждешь гостей, князь Шуйскій?

Князь Шуйскій.

Да, Антоній.
Вчерашніе сберутся бѣглецы.

Антоній.

Вотъ видишь ли? А ты впадалъ въ унынье
И не хотѣлъ словамъ моимъ внимать.

Князь Шуйскій.

Какая жъ мнѣ надежда оставалась?
Подумай самъ! Отъ словъ: „война съ Литвой"
Всѣ головы, какъ отъ хмѣльнаго меда,
Вскружилися; всѣ бросили меня.
Была бѣда, да благо Царь поправилъ.

Антоній.

Какъ? Разскажи.

Князь Шуйскій.

Сегодня поутру
Мы собрались въ Кремлевскія палаты,
И ласково насъ встрѣтилъ Самозванецъ
И рѣчь умно объ дѣлѣ земскомъ велъ,

Антоній.

Князь вѣка далъ слугамъ своимъ премудрость
И сладку рѣчь для гибели людей.

Князь Шуйскій.

Опять послы Литовскіе явились
Еще смѣлѣй, надменнѣй чѣмъ вчера,
Грозилися, бранили, упрекали,
А Царь стерпѣлъ, и мягокъ былъ какъ воскъ;
И говорилъ, что не желаетъ ссоры,
Что дорожитъ пріязнью короля,
И Власьеву опять переговоры
Велѣлъ начать, и ласково пословъ
Онъ отпустилъ и угостилъ роскошно.
Тутъ хмѣль прошелъ у всѣхъ моихъ друзей,
И, какъ потокъ, сорвавшій всѣ преграды,
По всей Москвѣ, шумя, вскипѣлъ народъ.

Антоній.

Да кто же мысль его перемѣнилъ?

Князь Шуйскій.

Шутъ говоритъ, что Краковской красоткѣ
Угоденъ миръ, а нашъ веселый Царь
Для черныхъ глазъ готовъ отдать и душу,
И свой престолъ.

Антоній.

О маловѣрный князь!
Когда, когда откроешь взоръ духовный,
И Вышняго десницу узришь ты?
За грѣхъ Москвы, за наши беззаконья,
Преступника возвелъ Онъ на престолъ;
Но часъ придетъ и свергнетъ вновь злодѣя.
И недалекъ суда Господня день,
И грѣшною къ раскольницѣ любовью
Паденіе разстриги строитъ Онъ.

Князь Шуйскій.

Грядущее ты вѣдаешь, Антоній!

Антоній.

Ты видишь самъ, что я больной старикъ.
Мой взоръ закрытъ, меня мальчишка водитъ,
Да не споткнусь о камень; но повѣрь!
Духовный взоръ мой чистъ, и зорко око,
И въ далекѣ мнѣ видѣнъ Божій путь.
Единаго жилища Православья,
Страны святыхъ, не сокрушитъ Господь;
Но тяжело и долго испытуетъ
И чистую потомъ ее отдастъ
Невинной, чистой длани.

Князь Шуйскій.

Эхъ, Антоній,
Кто въ мірѣ чистъ? Постой-ка, Ляпуновъ
Сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Прокофій Ляпуновъ.

Князь Шуйскій, предъ тобою
Виновенъ я.

Князь Шуйскій.

Предъ Богомъ, можетъ быть,
Передъ Москвой и Русью православной,
Но предо мной! Не думаю.

Прокофій Ляпуновъ.

Вчера
Я, буйною надеждой ослѣпленный,
Довѣрчиво колѣна преклонялъ
Предъ Лже-царемъ, предъ гнуснымъ Самозванцемъ,
И думать могъ, что Богъ ему внушилъ
Благую мысль, что свой обманъ отважный
Онъ славными дѣлами освятитъ,
Что онъ отмститъ за насъ.

Антоній.

Что злое сѣмя
Дастъ плодъ благой? О грѣшникъ и слѣпецъ!

Прокофій Ляпуновъ.

Я не внималъ твоимъ совѣтамъ мудрымъ.

Князь Шуйскій.

Не ты одинъ: всѣ опьянѣли вдругъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Все кончено; разсѣялось мечтанье.
Поруганный послами короля,
Онъ замолчалъ, онъ жертвовалъ Россіей
Своей любви и дружбѣ къ Полякамъ;
И съ той поры онъ свой престолъ утратилъ.
И вся Москва уже съ утра полна
Нескладными и чудными вѣстями.
Я побывалъ у всѣхъ твоихъ друзей,
Они сюда не медля соберутся;
И многіе, безвѣстные досель
Купцы, жильцы и знатные дворяне,
И сотники градскіе, и стрѣльцы
Пристали къ намъ. Мы всѣ твои на вѣки!
Хоть явною, хоть тайною войной
Веди ты насъ! Я для святаго дѣла
Всѣмъ кланяюсь: и тѣломъ, и душой.

Князь Шуйскій.

Мнѣ васъ вести? Нѣтъ, полно, другъ Прокофій!
Вчерашній день извѣдалъ я людей
И вашихъ думъ непостоянну шаткость.
Что̀ мнѣ до васъ? Измѣнчивы, какъ вѣтръ,

Волнуетесь какъ море въ непогоду.
А я старикъ: вамъ нуженъ вождь иной.
Пойдемъ со мной, Антоній, въ образную
И сотворимъ молитву. (*уходятъ*).

Прокофій Ляпуновъ.

Это что?
Отъ замысловъ князь Шуйскій отказался!
Нѣтъ, нѣтъ, старикъ, ты проведешь другихъ,
А не меня: хитеръ и богомоленъ!

(*Входятъ князь Куракинъ, бояре*).

Князь Куракинъ.

Ты, Ляпуновъ, ужъ здѣсь! Да гдѣ же князь?

Прокофій Ляпуновъ.

Онъ молится.

Бояринъ.

Онъ мужъ боголюбивый,
И праведный, и многимъ лучше насъ.

Князь Куракинъ.

Мы подождемъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Чего вамъ ждать, бояре?

Князь Куракинъ.

Чтобъ вышелъ князь, чтобъ нашимъ былъ вождемъ,
Чтобъ намъ помогъ онъ свергнуть Самозванца.

Прокофій Ляпуновъ.

Прекрасныя надежды! Но увы,
Не сбудутся. Князь Шуйскій отказался.

Князь Куракинъ.

Не можетъ быть!

Прокофій Ляпуновъ.

Онъ добръ и простъ душой,
За подвигъ нашъ готовъ молиться тайно!
Но болѣе не можетъ.

Бояринъ.

Боже мой!
Да безъ него удача невозможна.

Князь Иванъ Голицынъ.

Что жъ? Выберемъ начальниковъ другихъ.
И безъ него низложимъ мы бродягу.

Князь Куракинъ.

Нѣтъ, князь Иванъ, безъ Шуйскаго бѣда!
Одинъ лишь онъ въ Москвѣ имѣетъ силу
И знатность...

Князь Голицынъ (*перебивая*).

А развѣ князь Нагой,
Иль ты, Куракинъ, иль хоть я, Голицынъ,
Мы выросли какъ лѣтніе грибы?

Князь Куракинъ.

А все-таки намъ далеко до Шуйскихъ.
Ни знатностью, ни саномъ, ни умомъ,
Ни доблестью, ни службой, ни богатствомъ
Съ Василіемъ тягаться намъ нельзя.

Бояринъ.

Сомнѣнья нѣтъ.

Князь Куракинъ.

Да только я не вѣрю,
Чтобъ не хотѣлъ онъ нашимъ быть вождемъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Увидите.

Князь Куракинъ.

Подумай, братъ Прокофій;
Ужъ Царь давно на мѣстничество злится,
Такъ Шуйскому отстать отъ насъ грѣшно.

Прокофій Ляпуновъ.

Я говорю, увидите.

Князь Куракинъ.

Пустое!
Не стерпитъ онъ, чтобъ съ нами наравнѣ
Съ боярами, съ природными князьями
Шелъ дворянинъ, стрѣлецъ или казакъ,
А впереди усатый панъ Литовскій
Иль Римскій попъ, заморскій скоморохъ.

Салтыковъ.

Какъ дерзокъ Царь, какъ онъ неблагодаренъ!
Подумайте, какъ я служилъ ему,
И кланялся, и билъ челомъ смиренно,
И съ Ляхами былъ друженъ. Что̀ жъ теперь?
На этихъ дняхъ уговорилъ я Мнишка,
Чтобъ онъ просилъ награды для меня;
И знаете ль, что̀ отвѣчалъ Разстрига?
„Не дамъ ему: въ немъ подлая душа“.
Душа, душа! Какъ видѣнъ бывшій дьяконъ!

Князь Куракинъ.

Ну, признаюсь, обиженъ Салтыковъ! (*Хохочутъ*).

Салтыковъ.

Да, смѣйтеся!

Князь Куракинъ.

И правду не до смѣху.

(*Входитъ князь Шуйскій*).

Князь Шуйскій.

Скажите мнѣ, какой счастливой часъ
Собралъ въ мой домъ такихъ гостей безцѣнныхъ?

Князь Куракинъ.

Что̀ за вопросъ? Ты самъ насъ призывалъ
Стать за Москву, начать святое дѣло
И нашу Русь спасти отъ Лже-царя.

Князь Шуйскій.

Когда жъ, когда?

Князь Куракинъ.

Помилуй, князь Василій,
Не ты ли къ намъ всечасно присылалъ
Изъ Галича, изъ мрака дальней ссылки
Своихъ друзей и преданныхъ дворянъ
И отъ людей святыхъ благословенье,
Чтобъ пробудить покорную Москву?

Князь Шуйскій.

Ты шутишь, князь!

Бояринъ.

Вотъ Ляпуновъ свидѣтель.

Князь Куракинъ.

Къ чему еще свидѣтели! Вчера
Ты насъ молилъ не вѣрить Самозванцу;
Его слова, внезапну брань съ Литвой
Ты называлъ порывомъ безразсуднымъ.

Князь Шуйскій.

И что̀ же вы сказали мнѣ въ отвѣтъ?

Князь Куракинъ.

Не вопрошай! Намъ совѣстно и вспомнить.

Салтыковъ.

Что̀ совѣстно? Какая совѣсть тутъ?
Мы думали, что онъ разладилъ съ Польшей,
Что вновь бояръ своихъ полюбитъ онъ,
Насъ наградитъ, пожалуетъ богато,
И прежнее намъ будетъ вновь житье!
Ты знаешь самъ, что къ меду липнутъ мухи,
А къ милостямъ и злату родъ людской.

Князь Куракинъ.

Стыдись!

Князь Шуйскій.

Вчера обманъ и самозванство
И ересь, все прощали вы ему:

Свершайте же свой подвигъ какъ хотите!
Не измѣню, не помогу я вамъ.

Князь Куракинъ.

Но безъ тебя кому жъ народъ повѣритъ?
Чей гласъ какъ твой подвигнетъ всю Москву?

Князь Шуйскій.

Вы знаете, что Царь великодушный
Простилъ мнѣ всѣ минувшія вины.

Князь Куракинъ.

Помиловалъ, какъ милуетъ разбойникъ.

Князь Шуйскій.

А вы вчера не все ль забыли вдругъ,
Свои слова и тайные обѣты,
И родины неслыханный позоръ?
Подите, нѣтъ: не любите Россіи,
Вы холодны къ призванію ея.
Берите же себѣ вождя любаго,
Но не меня.

Князь Куракинъ.

Винимся предъ тобою.

Князь Шуйскій.

Винитеся, а завтра къ вамъ улыбку
Вновь обратитъ непостоянный Царь,
И передъ нимъ преклоните колѣна,
И отъ меня отступитесь опять.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Имъ будетъ стыдъ. Тебѣ какое дѣло!
Ты вѣренъ будь своей странѣ родной.

Князь Шуйскій.

Оставь, племянникъ.

Прокофій Ляпуновъ.

Многіе граждане
Здѣсь ждутъ въ сѣняхъ; велишь ихъ отослать?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, Ляпуновъ: хочу проститься съ ними.
(*Входятъ граждане*). Зачѣмъ ко мнѣ собрались въ часъ ночной,
Друзья?

Граждане (*кланяются*).

Мы бьемъ челомъ тебѣ, князь Шуйскій.
Мы, граждане со всѣхъ концовъ Москвы,
Къ тебѣ пришли съ усердною молитвой,
Да сжалишься надъ Русскою страной.
Ты, праведный обмановъ обличитель,
Ты, мученикъ за истину и насъ,
Возстань, возстань! Разсторгни плѣнъ Россіи,
Сними позоръ съ страдающей земли!
Лишь отъ тебя мы чаемъ избавленья.
Такъ мыслитъ вся престольная Москва,
Такъ говорятъ служители святыни,
Такъ намъ рекли духовные отцы.

Князь Шуйскій.

Я не могу исполнить вашей просьбы.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

О Господи! Въ тебѣ застыла кровь.
Одумайся! Передъ тобой Россія;
Ея сыны, достойные сыны,
Тебя зовутъ на помощь. Ты не можешь?
Не смѣешь ты? И ты природный князь,
И Суздальскихъ властителей наслѣдникъ!
Какъ? Вся Москва и Русь тебя зоветъ,
И сей могущій гласъ, сей гласъ призывный
Не пробудилъ въ тебѣ высокихъ думъ,
И ты стоишь безмолвный, безпорывный;
Душа молчитъ, робѣетъ хладный умъ.
Одумайся!

Князь Шуйскій.

Племянникъ, успокойся!

Граждане.

О вспомни, князь! Разстрига, злой бѣглецъ,
Слуга Литвы, подручникъ Сигизмунда
Заполонилъ и церковь, и народъ.

Онъ тестю дастъ всю Сѣверскую землю
И Новоградъ отдастъ своей женѣ.
Мы вѣдаемъ, что грамота готова;
Не правда ли?

Князь Шуйскій.

Быть можетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій

Боже мой!
И бѣдствій сихъ ты будешь ждать спокойно?

Граждане.

Мы вѣдаемъ: онъ папу признаетъ,
Обители святыя уничтожитъ,
И инокинь и старцевъ изженетъ.

Князь Шуйскій.

Все можетъ быть.

Старецъ Антоній.

До страшной той годины
Не дай Господь мнѣ грѣшнику дожить.

Граждане.

О сжалься, князь, надъ скорбною Россіей!

Князь Шуйскій.

Вы знаете, что я страдалъ за васъ,
Что голову я положилъ на плаху;
Исполненъ долгъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Какъ! Долгъ исполненъ твой?
Нѣтъ: двадцать разъ иди на мѣсто казни
И двадцать разъ (коль можно) умирай:
Все родинѣ ты долга не уплатишь.

Князь Куракинъ.

Я думаю, онъ хочетъ измѣнить.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ты слышишь ли? Стыдись, стыдися, дядя!

Князь Шуйскій.

Ты молодъ, другъ, чтобъ старика учить.
Не измѣню, но я боюсь измѣны.

Князь Куракинъ.

Клянемся всѣ, и Богъ свидѣтель намъ,
Что мы тебѣ отнынѣ всѣ покорны,
Доколь въ конецъ не сокрушимъ мечемъ
И Лже-царя и Ляховъ ненавистныхъ.

Князь Шуйскій.

Клянетесь ли?

Всѣ.

Клянемся.

Князь Шуйскій.

Богъ великъ!
Его рукой свершится правый подвигъ.
Идите же, граждане, по домамъ,
Молитеся и тайну сокрывайте,
И къ роковому дню мечи приготовляйте.
Отсель, друзья, вождемъ я буду вамъ.

Граждане (*уходя*).

Господь свершитъ тобой спасенье намъ.

Князь Шуйскій (*къ боярамъ*).

Друзья мои! Надѣюся на васъ;
Увидимся для дальнихъ совѣщаній.

Бояре (*уходя*).

Увидимся. Прощай, почтенный князь!

Князь Шуйскій.

Другъ Ляпуновъ, съ надежными гонцами
Пошли приказъ по вотчинамъ моимъ,
Чтобъ выслали ко мнѣ въ Москву скорѣе
Отважнѣйшихъ и лучшихъ удальцевъ
Съ оружіемъ готовымъ для сраженья.
Въ соборы всѣ, во всѣ монастыри
Богатыя отправлю приношенья...
Прощай, мой другъ. Антоніи, мы пойдемъ
И совершимъ полнощное моленье.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность дворца.

Басмановъ и Шутъ.

Басмановъ.

Ну, что скажешь, князь потѣшный? Не слыхалъ ли чего? Не замѣтилъ ли? У тебя глаза остры, да и уши чутки: про Шуйскаго ты первый провѣдалъ. Не знаешь ли теперь чего?

Шутъ.

Нѣтъ, братъ Петръ, отъ Нѣмецкихъ винъ въ глазахъ темно, отъ Польской музыки въ ушахъ залегло. Ничего не знаю.

(*Басмановъ уходитъ*).

Вотъ я умная голова, ужъ разъ дураковъ выручилъ; а Полякъ побилъ, никто не заступился.—Вылечи спину, да и только!—Вылечу, вылечу!—А теперь опять: не знаешь ли чего, князь потѣшный? Да и знаю, а не скажу; да и могъ бы открыть, анъ промолчу. Могъ бы затушить порохъ, анъ самъ подожгу. (*Входятъ князь Шуйскій и князь Голицынъ*). Е, е! Князь Шуйскій! Послушай-ка пѣсню.

Собрались ребята
На богатый пиръ,
Въ царскія палаты
Пива, меду пить.

Напилися пива:
Пьяные легли,
И дороги съ пира
Гости не нашли.

Князь Шуйскій.

Что мнѣ до твоей пѣсни?

Шутъ.

Не любишь дудки, полюбишь палку; не хочешь сказки, услышишь быль. Ну хоть ты, князь Голицынъ, послушай сказочку. Жилъ-былъ царь, и далъ онъ своимъ боярамъ праздникъ за

заставою, и сказалъ царь своимъ боярамъ. Ой вы мои други, вѣрные слуги, на васъ платье старое шелковое, сошью новое сосновое, а головы умныя, разумныя прикрѣплю коломъ осиновымъ, чтобы вѣтеръ ихъ не снесъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Платья перешиты, головы пронизаны, а тѣло подъ землю упрятано, отъ вѣтра и солнца, отъ дождя и мороза. Не свѣтло, да тепло! А когда-то это было? За заставой въ воскресный день. Прощайте ребята, прощай Василій Шубникъ, Богъ съ тобою! Больно сердитъ ты, да не веселъ; повеселятъ старика. Пѣть не любишь, плакать будешь; плясать не хочешь, такъ спать уложатъ, да и всѣхъ бояръ: да и то въ Воскресенье. Что жъ ты, братъ, не смѣешься?

Князь Шуйскій.

Потѣшный князь! Поди къ другимъ боярамъ
Да разскажи. Имъ также будетъ смѣхъ. (*Къ Голицыну*).
Что скажешь ты?

Князь Голицынъ.

На быль похожа сказка.

Князь Шуйскій.

Мы ускоримъ ударъ.

Князь Голицынъ.

Ужъ поздно, князь;
Пойдемъ домой.

Князь Шуйскій.

Съ тобою, князь Голицынъ,
Какъ много слугъ?

Князь Голицынъ.

Десятокъ.

Князь Шуйскій.

А со мной
Полдюжины.

Князь Голицынъ.

И всѣ не бось съ оружьемъ?

Князь Шуйскій.

Вѣстимо, братъ! Теперь ночной порой
Того гляди, что Поляки ограбятъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ **Марина, патеръ Квицкій.**

Марина.

Ужъ пиръ къ концу. Какъ долго длился онъ,
Какъ праздники Московскіе докучны!
Я думаю, что скоро Царь придетъ.

Патеръ Квицкій.

Часъ важенъ сей. Рѣшительнымъ ударомъ
Ты утвердишь владычество свое:
Супруга тронъ и царство Римской вѣры.
Господень духъ внушитъ твои слова.

Марина.

Отецъ святой! Тутъ будетъ много крови.

Патеръ Квицкій.

Благая цѣль святитъ кровавый путь.
Ты знаешь ли, что твоему супругу
Спасенья нѣтъ, что бездна передъ нимъ?

Марина.

Все знаю я. Но кто же вырылъ бездну?
Кто подданныхъ отторгнулъ отъ Царя,
Его уча безумному презрѣнью
Къ обычаямъ Россійской старины?

Патеръ Квицкій.

Что жъ? Намъ стерпѣть, чтобъ онъ въ объятья Русскихъ,
Чувствительный, довѣрчивый, упалъ;
Чтобъ къ черни льстивъ и ласковый къ боярамъ,
И Поляковъ гордыню обуздавъ,
Онъ разорвалъ свободною рукою
И нашу сѣть, и Римской власти цѣпь?
Не для того трудились Іезуиты;
Не для того мы хитрою рукой
Въ его душѣ неопытной и юной
Посѣяли науки сѣмяна;
Не для того погибъ младой Ѳеодоръ,
Чтобъ эта кровь, старанья и труды
И хитрыхъ думъ разсчетливая смѣлость
Осталися безплодными для насъ.

Марина.

Ты, патеръ, правъ!

Патеръ Квицкій.

Вотще рвался Димитрій
И путь иной себѣ открыть хотѣлъ.
Мы путами незримо охватили
Его стопы и привели—куда?
Суди сама! Межъ имъ и Русскимъ царствомъ
Стоятъ теперь волшебною стѣной
Всѣ призраки преданій суевѣрныхъ,
Обычаевъ отверженныхъ ярмо
И тайныя, боярскія крамолы.
Назадъ нельзя—и бездна передъ нимъ.
Онъ долженъ пасть. Мы руку предлагаемъ,
Чрезъ глубину преносимъ, новый путь
Величія и славы открываемъ.
Онъ долженъ пасть иль нашимъ быть. Прощай!

Марина.

Остановись! На твой совѣтъ ужасный
Я не могу одна склонить его.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входитъ **Димитрій.**

Димитрій.

Мой конченъ пиръ, и гости разошлися.
Какъ радостно шумѣла ихъ толпа,
Какъ весело и дружно всѣ смѣшались,
Литва и Русь, въ единый братскій кругъ!

Марина.

Довѣрчивый и добрый мой Димитрій!

Димитрій.

Какъ ты грустна, Марина! Что съ тобой?

Марина.

Мнѣ жаль его. Какъ сонъ его пріятенъ!
Какъ тяжело проснуться долженъ онъ!

Димитрій.

Пророчество и горе. О, я вижу
Ужъ вѣрно ты, премудрый патеръ мой,
Разсказами смутилъ мою Марину.
Не вѣрь ему!

Марина.

Онъ хочетъ насъ спасти,
Внимай ему!

Патеръ Квицкій.

Позволь мнѣ удалиться,
О Государь! Царица знаетъ все.

Димитрій.

Постой, постой! Что̀ это за загадки?
Откроете ль мнѣ ихъ глубокій смыслъ?

Марина.

Ихъ смыслъ глубокъ и мраченъ такъ какъ бездна,
Надъ коей ты, безпечное дитя,
Блестящими пирами веселишься.

Димитрій.

Какъ, подъ дворцомъ есть пропасть?

Марина.

Не шути!
Какъ кормчему предъ близкою грозою,
Такъ дороги мгновенья для тебя.

Димитрій.

Въ твоихъ устахъ, прелестный мой наставникъ,
Мнѣ нравится заботливый укоръ.

Марина.

О перестань! Душа моя трепещетъ
Предъ глубиной правительственныхъ тайнъ.

Димитрій.

Не для тебя онѣ, моя Марина!
Твоя душа прекрасна и ясна,
Какъ тихихъ водъ лазурная равнина;
Ты нѣжныхъ чувствъ и кроткихъ думъ полна.

Нерадостны державы царской тайны:
Въ нихъ кровь и казнь, измѣна и мятежъ,
И строгій судъ, и гнѣва бурный пламень.
Оставь же ихъ!

Марина.

Да, ты Димитрій правъ.
Вся кровь моя оледенѣла въ жилахъ,
Когда святой отецъ передо мной
Сталъ развивать ужасную картину
Грядущихъ бѣдъ и нынѣшнихъ крамолъ.

Димитрій.

Зачѣмъ онъ такъ безвремянно заботливъ?

Марина.

О мой супругъ! Благодари его.
Небеснаго Царя святой служитель,
Исполненный усердія къ тебѣ
Явился онъ, предвѣстникъ непогоды,
Чтобъ пробудить заснувшаго Царя.
Внемли ему и бодрствуй. Часъ боренья
Ужъ не далекъ. Колеблется престолъ;
Огонь горитъ еще покрытый пепломъ,
Во тмѣ созрѣлъ ужасный заговоръ.

Димитрій.

Не вѣрь, не вѣрь! Я знаю Іезуитовъ.
Ихъ хитрый умъ наклоненъ къ мятежáмъ,
Ихъ радуютъ кровавыя волненья,
Имъ мирная противна тишина,
Какъ сонный вѣтръ въ пустыняхъ океана
Томителенъ для смѣлаго пловца.
И отъ того имъ снятся заговоры,
Какъ воину все снятся стукъ мечей,
И крѣпости, и врагъ звѣрообразный,
И сладкій звонъ гулящихъ ковшей.

Патеръ Квицкій.

О юный Царь! Какъ смѣло и поспѣшно
Ты произнесъ неправый приговоръ!
Намъ суждено служить неблагодарнымъ
И тяжкій трудъ всечасно начинать,
Наградъ не зря, плодовъ не собирая.
Да будетъ такъ, какъ ты, Господь, велишь!

Димитрій.

Я не хотѣлъ тебя обидѣть, патеръ;
Я вѣдаю, что опытъ долголѣтній
И хитрый умъ, испытанный въ дѣлахъ,
И знанія въ тебѣ соединились;
И въ трудностяхъ на поприщѣ моемъ
Меня не разъ ты направлялъ ко благу.

Патеръ Квицкій.

Не нужно мнѣ упрековъ, ни похвалъ.
Я не пришелъ минувшихъ дней заслуги
Напоминать, но днесь въ послѣдній разъ
Отъ гибели тебя спасти, Димитрій!
Вокругъ тебя лукавый сонмъ бояръ,
Предъ властію смиренно преклоняясь,
Но съ злобою, сокрытою въ душѣ,
Ужасный ковъ составили во мракѣ.
Но я открылъ ихъ гнусный заговоръ.

Димитрій.

Участниковъ ты знаешь?

Патеръ Квицкій.

Знаю многихъ.
По знатности, по сану, по уму,
Начальникъ всѣмъ князь Шуйскій.

Димитрій.

Быть не можетъ.
Подумай самъ: возможно ль? Шуйскій князь,
Избавленный отъ смертной казни мною!

Марина.

Всегда змѣей останется змѣя.
Признательность чужда для властолюбца,
И низкій духъ обиды помнитъ всѣ,
Въ единый мигъ забывъ благодѣянья.

Димитрій.

Другіе кто?

Патеръ Квицкій.

Всѣ Шуйскаго друзья:
Бутурлины, Татищевъ, Милославскій,
Да Салтыковъ.

Димитрій.

Бездушникъ и подлецъ!

Патеръ Квицкій.

Голицыны.

Димитрій.

Измѣнники двойные.
Да, вѣрю я, тутъ заговоръ сокрытъ.

Патеръ Квицкій.

Къ Куракину въ просторныя палаты
Сбираются полунощной порой.
И тихо все: закрыты плотно ставни,
И запертъ дворъ, чтобъ шумъ иль яркій свѣтъ
Не обличилъ ихъ тайныхъ совѣщаній.

Димитрій.

Не скроются, не скроются во мглѣ
Коварные и низкіе злодѣи.
Я отыщу подземное гнѣздо,
Я раздавлю шипящую эхидну.
Мой вѣрный другъ! Теперь понятны мнѣ
Ихъ рабскія колѣнопреклоненья
И льстивая покорность ихъ рѣчей.
Все медъ и макъ, чтобъ взоры льва младаго
Сомкнулись сномъ; но пробудился левъ.
Готовьтеся къ кровавому отчету,
Преступники! Мой другъ, ты спасъ меня.

Марина.

Ты видишь самъ, что милость безполезна,
Что въ строгости спасеніе царей;
Теперь внимать внушеньямъ кроткимъ сердца
Не долженъ ты. Губи, казни враговъ!

Димитрій.

О, знаешь ли, какъ больно, какъ жестоко
Крамольники мою терзаютъ грудь!
Ты знаешь ли, какъ я люблю Россію?
Ты знаешь ли, что ночію и днемъ,
И въ снахъ моихъ, и въ думахъ, и въ мечтаньяхъ
Все цѣль одна была передо мной —
Отчизны честь и счастье... О ужасно!
За милости, за мой незлобный духъ
Мнѣ заговоръ наградой!... Шуйскій! Шуйскій!
Ты мной прощенъ! И вотъ сердца людей.
А, кротости цѣнить вы не умѣли:
Такъ надъ собой увидите грозу
Свирѣпую, жесточе Іоанна.
Я чувствую, душа горитъ огнемъ.
Въ моей груди родится жажда крови.
Я ихъ казню, стопчу безумцевъ въ прахъ,
Мученьями и казнями упьюся,
Я истреблю злодѣевъ; видитъ Богъ,
Всѣхъ истреблю.

Марина.

Не говори о казняхъ.
Еще борьбы сомнителенъ успѣхъ,
Еще трудна и невѣрна побѣда.

Димитрій.

Чтò? Страшенъ бой? Трудна побѣда? Мнѣ
Противниковъ страшиться? Нѣтъ, Марина!
Пока я спалъ въ довѣріи слѣпомъ,
Во мглѣ вилась, питалася крамола
И выросла волшебною змѣей;
Но встану я, но голосъ мой раздастся,
Какъ зыкъ трубы гремящей, боевой,
Но мечь блеснетъ, и червемъ обратится
Чудовище, грозившее войной...
Бояться! Нѣтъ! Хитры они, лукавы,
Безсовѣстны, бездушны; но со мной
Начать борьбу не могутъ. Этотъ Шуйскій
Въ дѣлахъ смышленъ, искусный лицемѣръ,
Но не ему съ моей тягаться силой!
А прочіе ничтожнѣе еще...
То бой орла съ полнощною совою.

Патеръ Квицкій.

Но въ темный часъ, когда заснетъ орелъ,
Полнощницѣ нетяжела побѣда.

Димитрій.

Мой взоръ открытъ, и не сомкнется онъ,
Доколь въ конецъ не сокрушу измѣны.
Нестрашенъ мнѣ мятежный ковъ бояръ,
Пока народъ признателенъ и вѣренъ.

Марина.

Народъ, народъ! Да онъ твой первый врагъ
И жадно ждетъ боярскаго призыва,
Чтобы возстать и низложить тебя.

Димитрій.

Возстать? За что? За то ли, что поборы
Я уменьшилъ? За то ль, что власть бояръ
Я укротилъ правдивою рукою;
Что кротокъ я, доступенъ всѣмъ мольбамъ
И правый судъ даю нелицемѣрно?
За это ли?

Марина.

Не ослѣпляйся, Царь!
Для черни ты гнуснѣе Іоанна,
И Годуновъ передъ тобою святъ.
Свирѣпымъ будь: народъ замолкнетъ въ страхѣ:
Преступникомъ; и онъ тебя проститъ.
Ты хуже всѣхъ тирановъ—ты еретикъ.

Димитрій.

Еретикъ! А!

Марина.

И гдѣ жъ твои друзья.
Совѣтники, гдѣ вѣрный твой Басмановъ?
Они молчатъ.

Димитрій.

Не обвиняй Петра!
Онъ говорилъ.

Марина.

И ты ему не вѣрилъ,
И гибельно обманывалъ себя!
Иди жъ внимать, какъ эта чернь слѣпая
Раскольникомъ, безбожникомъ, волхвомъ,
Тебя вездѣ, всечасно называетъ
Въ своихъ церквахъ, и въ тишинѣ домовъ,
И на пирахъ, и на шумящихъ рынкахъ!
Поди внимать, какъ каждая черта,
Какъ каждое замѣчено движенье:
Что ихъ постовъ не соблюдаешь ты,
Не любишь бань, не дремлешь по трапезѣ...

Димитрій (*перебивая*).

Что̀ жъ? Быть слугой, у черни быть рабомъ,
Носить ярмо преданій суевѣрныхъ
И жертвовать привычкой долгихъ лѣтъ?

Патеръ Квицкій.

О, Государь, ты мыслишь благородно,
Храня въ душѣ высокій плодъ наукъ;
Но, оскорбивъ народа предразсудки,
Въ немъ не ищи подпоры и любви;
Жди мятежей и злобы ядовитой
И зрѣющей къ возстанію вражды!
Повѣрія ему дороже вѣры.

Марина.

Есть врагъ другой, лукавѣе бояръ,
Опаснѣе мятежнаго народа;
Онъ ополченъ молитвой и святыней
И совѣстью довѣрчивыхъ гражданъ;
Церковный судъ въ его могущей длани,
Анаѳема гремитъ въ его устахъ.
Онъ раздуваетъ пламя.

Димитрій.

Духовенство?
Я чувствую, что оскорбилъ его.

Марина.

Все на тебя. Одинъ раздастся голосъ
Рѣшительный, и мигомъ вспыхнетъ все:
И ты падешь, какъ жертва безъ защиты,
Безъ боя.

Димитрій.

Нѣтъ, безъ боя не паду!
Нѣтъ, эта длань не выдастъ безъ сраженья
Моей главы, и этотъ добрый мечъ
Притупится на ихъ костяхъ враждебныхъ!
Безъ боя? Нѣтъ, такъ гибнетъ въ бѣгствѣ лань,
Такъ подъ свинцомъ падетъ пугливый заяцъ;
А левъ и барсъ ложатся на тѣлахъ,
Сраженные, но чуждой кровью сыты.
Увидимъ мы! Едва взойдетъ заря,
Я завтра же съ Микулинымъ, съ стрѣльцами
Схвачу бояръ преступныхъ.

Марина.

Двухъ иль трехъ
Не болѣе, и завтра же погибнешь.
Ихъ кровные, ихъ вѣрные друзья
Подымутъ кличъ, и вся Москва возстанетъ
На мщеніе.

Димитрій.

Не знаешь ты Москвы!
Она руки преступной не подниметъ
На своего законнаго Царя.
Доколѣ гласъ вдовицы Іоанна
Обманщикомъ меня не назоветъ,
Я клятвою ужасною связалъ
Ея уста, и не боюсь измѣны.

Марина.

Такъ вотъ стѣна межъ бездной и тобой:
Слова жены измѣнчивой и слабой,
Измученный раскаяніемъ духъ!
Таковъ оплотъ Московскаго престола
И славный щитъ Россійскаго Царя!
Она клялась! Отъ новыхъ обольщеній,
Отъ совѣсти, отъ страха, отъ угрозъ

Безсильная своей измѣнить клятвѣ;
И что жъ тогда? (*Молчаніе*).

Патеръ Квицкій.

Предупреди враговъ
Рѣшительнымъ ударомъ—и спасешься,
И совершишь въ спокойномъ торжествѣ
Высокія души предначертанья.

Димитрій.

Какъ? Говори!

Патеръ Квицкій.

Рѣдѣетъ ежедневно
Обмана тѣнь: невѣрный мракъ удвой.
Мятежъ ростетъ стоглавою змѣею:
Всѣ головы снеси въ единый махъ.

Димитрій.

Яснѣй, яснѣй!

Патеръ Квицкій.

Съ родительницей мнимой
Заутра же на площади явись,
Да утвердитъ она признаньемъ новымъ
Твоихъ судебъ сомнительный разсказъ,
И патріархъ, твоей покорный волѣ,
Да освятитъ торжественный обрядъ.

Димитрій.

Что пользы въ томъ? Кто будетъ мнѣ порукой,
Что робкая не отречется вновь?
Когда обѣтъ и клятва ненадежны,
Чѣмъ на уста положишь ты печать
Глубокой, вѣчной тайны?

Патеръ Квицкій.

Чѣмъ? Землею. (*Молчаніе*).
Могилы дверь не выдастъ тайнъ своихъ.
Отъ поздняго раскаянья, отъ страха,
Отъ обольщенья власти и надеждъ
Порукой намъ заклепы гробовые.

Димитрій.

О патеръ!

Патеръ Квицкій.

Что̀ жъ? Единый путь открытъ:
Иди по немъ иль гибни! Этой смертью
Ты закалишь своихъ обмановъ цѣпь.
И матери послѣднее прощанье,
Передъ концомъ, раздавшися въ Москвѣ,
Твой царскій тронъ благословитъ на вѣки.

Димитрій.

О, ты ужасенъ!

Патеръ Квицкій.

Гордыя главы,
За коими,—чудовищное тѣло,—
Віется чернь въ волненіи слѣпомъ,
Ты сокрушить единымъ махомъ можешь.

Димитрій.

Бояръ, бояръ, не правда ль?

Патеръ Квицкій.

Всѣхъ зови
На пиршество или совѣтъ великій.

Димитрій.

А послѣ что̀?

Патеръ Квицкій.

Что̀ сдѣлалъ Боабдиль,
Иль Христіернъ. Ты помнишь ли, Царица?

Марина.

Я помню.

Димитрій.

Что̀ жъ?

Марина.

Въ Альгамбру, въ свой дворецъ,
Гренады царь созвалъ Абенсераговъ,
Готовившихъ паденіе его;
Всѣ собрались отъ мала до велика...

Патеръ Квицкій.

И ни одинъ не вышелъ изъ дворца.

Димитрій.

Зарѣзаны?

Патеръ Квицкій.

И ихъ увидя трупы,
Отъ ужаса безмолвствовалъ народъ,
И, предъ царемъ смиренно преклоняясь,
Покорствовалъ.

Димитрій.

И это твой совѣтъ?

Патеръ Квицкій.

Повѣрь мнѣ, Царь! Твои бояре хуже,
Опаснѣе Абенсераговъ.

Димитрій.

Всѣхъ?
Всѣхъ безъ суда—невинныхъ и виновныхъ?

Патеръ Квицкій.

Когда насталъ борьбы послѣдній день,
И дороги летучія мгновенья,
И каждый часъ грозы и бѣдствій полнъ:
Тогда и судъ, и жалость неумѣстны.

Димитрій.

Довольно, ксендзъ. И это человѣкъ!
И въ сей груди біется также сердце,
И въ жилахъ сихъліется также кровь?
О, Іезуитъ! И ты не призракъ ада?
Не сатана? Я видѣлъ смерть вблизи,
Гулялъ мечемъ въ сраженіи кровавомъ,
Топталъ конемъ дрожащія тѣла,

И радовался оптвѣ; но спокойно,
Не поблѣднѣвъ, не дрогнувъ, разсуждать
О выгодахъ гнуснѣйшаго злодѣйства;
По сотнямъ жертвъ смѣясь готовить казнь
Противно мнѣ. Словамъ твоимъ внимая,
Я чувствовалъ, моя застыла кровь,
На головѣ власы вставали дыбомъ,
И я дрожалъ. Ты страшенъ, Іезуитъ!

Патеръ Квицкій.

А! Ты хотѣлъ владѣть чужимъ престоломъ,
Держать вѣнецъ подъ именемъ чужимъ;
Ты дерзко лгалъ предъ небомъ и землею.
Въ свидѣтели безстыдно звалъ Творца,
И совѣстливъ, какъ отрокъ непорочный!
Смѣшно!

Димитрій.

Не съ тѣмъ я овладѣлъ вѣнцомъ,
Чтобы подъ нимъ злодѣйствовать по волѣ.
Для подвиговъ, для чести и похвалъ,
Для славныхъ дѣлъ, дарующихъ безсмертье,
Не для убійствъ, держу я царску власть.
Да, я хотѣлъ и днесь хочу Россіи
Величія и славы.

Патеръ Квицкій.

Доскажи!
Спасенья душъ и Царствія Христова.
И счастія всѣхъ подданныхъ своихъ.
Прекрасно все. Но, Царь мягкосердечный!
Судьба, безъ жертвъ, награды не даритъ,
И страшный путь благой святится цѣлью.

Димитрій.

О перестань!

Марина.

Ужасенъ этотъ путь:
Но для тебя спасенья нѣтъ инаго.
Мятежъ созрѣлъ: онъ вспыхнетъ, и огонь
Безбрежною рѣкою разольется,
И смертному не укротить его.
Предупреди!

Димитрій.

Чѣмъ? Гнусною измѣной
И казнію невинныхъ? Нѣтъ, Марина.

Марина.

О, этотъ міръ исполненъ многихъ золъ;
Невинныхъ кровь течетъ въ народныхъ буряхъ.
Она течетъ, чтобъ бури отвратить,
И сто падутъ, да тысячи спасутся.

Димитрій.

Въ моемъ дворцѣ убить моихъ гостей!
Въ монастырѣ печальную вдовицу,
Готовую чинъ ангельскій пріять...
Ужасно! Нѣтъ, я не могу.

Марина.

Иди же,
Сложи главу на плахѣ площадной!
При хохотѣ безумнаго народа
Окончи жизнь, какъ презрѣнный злодѣй,
Какъ низкій воръ! Конецъ тебя достойный,
Не правда ли? Возьми за всѣ труды,
(Димитрій въ волненіи закрываетъ глаза руками)
За подвиги, за битвы всѣ въ награду
Анаѳему, насмѣшки и топоръ!..
Гляди, гляди! Идетъ въ твоей порфирѣ
Князь Шуйскій.

Димитрій *(вскакивая).*

Кто? Безсовѣстный злодѣй.
Бездушникъ! Онъ Царемъ!

Марина.

Веселымъ крикомъ
Толпа льстецовъ привѣтствуетъ его.
А тамъ въ крови, во прахѣ кто поверженъ?
Внимай, внимай! Тамъ черни дикій вопль,
Слова: „Злодѣй, обманщикъ, злой разстрига“.
Тамъ ярый смѣхъ, и вотъ твоя судьба,
Вотъ имени великаго безсмертье!

Димитрій.

О, пощади!

Марина.

И снова вспыхнетъ бунтъ.
И новыхъ бѣдъ возстанетъ злая жатва,
И, разъ вкусивъ тревогъ и мятежей,
Народъ вскипитъ въ войнахъ междоусобныхъ.
И Русь твоя безъ силы, безъ царя,
Падетъ подъ власть враговъ иноплеменныхъ.

Димитрій.

Остановись! Еще не конченъ бой,
Еще бояръ сомнительна побѣда (*всплеснувъ руками*).
Но въ руки взять разбойничій кинжалъ,
Но сыпать ядъ въ сосудъ жены безсильной.
О ужасъ!... Петръ! Бояринъ Петръ Басмановъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ **Басмановъ**.

Димитрій.

Мой вѣрный другъ, спаси, спаси меня!
Ты видишь ли, вотъ женщина и старецъ;
Но это зміи. Чтò? Не вѣришь ты!
О, если бы ты ихъ услышалъ рѣчи,
Ты содрогнулся бъ (*послѣ молчанія*). Заговоръ открытъ,
Къ Куракину полнощные злодѣи
Сбираются.

Басмановъ.

Я этой вѣсти ждалъ:
Но тайна зла доселѣ сокрывалась
Отъ глазъ моихъ.

Димитрій.

И множество бояръ
Участниковъ въ опасномъ ковѣ.

Басмановъ.

Вѣрю.

Димитрій.

Къ возстанію Москва готова.

Басмановъ.

Царь,
Не тоже ли и Вандеманъ, и Фидлеръ,
И я тебѣ всечасно говорилъ?

Димитрій.

Бѣда близка. Что̀ думаешь, Басмановъ?

Басмановъ.

О если бы, услыша мой совѣтъ,
Ты дружбою нескромной къ Іезуитамъ
Не раздражалъ духовныхъ и Литвы
Гордыню стеръ могущею рукою,
И Шуйскаго казнилъ, или сославъ,
Не миловалъ, не возвращалъ изъ ссылки:
Тогда бъ легко ты обуздалъ мятежъ
И сокрушилъ боярскую крамолу.
Но нѣтъ, тогда, то гнѣва чудный пылъ,
То кроткій духъ, довѣрчивая благость,
То рѣчь любви мутила ясный умъ
И гибельной вели тебя стезею.

Димитрій.

То прошлое; но что̀ теперь?

Басмановъ.

Теперь
Лишь кровію, и лишь потокомъ крови,
Спасешься ты.

Димитрій.

Я понялъ мысль твою:
Не правда ли, казнить виновныхъ смертью?

Басмановъ.

Безъ жалости.

Димитрій.

Лазутчиковъ пошли
Ты завтра въ ночь, чтобъ стерегли палаты
Куракина; и если бы къ нему
Мятежные бояре собралися,
Всѣхъ захватить! Скажи царицѣ Мароѣ.
Чтобы она готовилась со мной
На площади явиться послѣ завтра.
Микулину вели, чтобы стрѣльцы
Во всякій часъ готовы были къ битвѣ,
Чтобъ первый звукъ и первый гласъ трубы
Созвалъ ихъ въ Кремль. Дружинѣ иноземной
Немедленно ты тотъ же дай приказъ.

Басмановъ.

Исполню все. Но лучше бы не медля.
Оставивши враждебную Москву,
Тебѣ спѣшить въ усердную Украйну:
Тамъ будешь ждать Елецкихъ ты полковъ
И козаковъ, и вольницы Литовской.

Димитрій.

Бѣжать, бѣжать! Нѣтъ, это стыдно, Петръ!
Дай здѣсь сперва управиться съ врагами
Потомъ въ походъ; но полночь ужъ близка.
Прощай, мой другъ, пойду искать покоя (*уходитъ*).

Басмановъ.

Погибнетъ онъ, но я его люблю:
Незлобный духъ и смѣлый, и достойный
Прекраснаго Россійскаго вѣнца (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марина и патеръ Квицкій.

Патеръ Квицкій.

Ты слышала: Царица послѣ завтра
На площади является съ Царемъ.

Марина.

А послѣ что жъ?

Патеръ Квицкій.

Тогда ужъ наше дѣло,
Чтобъ никогда не отреклась она.
На пиршество за Стрѣтенской заставой
Сбирается Московскій весь народъ,
И всѣ бояре. Польская дружина
Надежна ли?

Марина.

Надежна.

Патеръ Квицкій.

Мысль мою
Ты поняла?

Марина.

Супругъ мой малодушенъ.
Такъ безъ него мы дѣйствовать должны.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Домъ князя Шуйскаго).

Ляпуновъ (*одинъ у окна*).

Какъ ночь ясна! Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ,
Любуяся на спящую Москву!
Видалъ ли онъ, гуляя въ поднебесной,
Столь пышный градъ? Видалъ ли Кремль другой?
Какъ въ сумракѣ восходитъ величаво
Весь сонмъ палатъ, бойницъ и древнихъ стѣнъ,
И каждая изъ этихъ гордыхъ башенъ,
И каждый храмъ сіяніемъ луны
Украшенный какъ сребрянною ризой,
Увѣнчанный своимъ златымъ вѣнцомъ!
Ни зыби на рѣкѣ, ни облака въ лазури,
И воздухъ тихъ; а днемъ была гроза
И громъ гремѣлъ, но злымъ налетомъ бури
Очищены надолго небеса.
И будетъ тожъ съ святою нашей Русью,
Да будетъ ли? Не лжетъ ли Шуйскій князь?
Не тѣшитъ ли меня онъ земской думой,
И не себѣ ль готовитъ онъ престолъ?

Престолъ ему, ему, а власть боярамъ,
Какъ въ прежни дни страданій и стыда,
Когда рабомъ своихъ рабовъ надменныхъ
Сидѣлъ въ вѣнцѣ младенецъ Іоаннъ!
И это ли готовимъ для Россіи?
Для этого ль трудится Ляпуновъ?
Не лучше ли отважный Самозванецъ
Съ высокою и пылкою душой,
Чѣмъ низкіе, бездушные бояре,
Чѣмъ Шуйскій сей, холодный лицемѣръ?
Не лучше ли?... Какія это пѣсни?..
А, Поляки съ своихъ пировъ полнощныхъ
Бредутъ домой.

(*Музыка и голосъ на улицѣ*).

Если топну я ногою,
Если звякнетъ сталь,
Тотчасъ въ землю предо мною
Кланяйся Москаль.

А, пойте молодцы!
Какъ весело и въ время пропѣли
Свой приговоръ и гибель Лжецаря...
Сгублю его... А если князь Василій...
Что жъ? Часъ придетъ, сочтемся.

(*Входитъ князь Скопинъ-Шуйскій*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ляпуновъ,
Давно ль ты здѣсь?

Ляпуновъ.

Давно.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Да гдѣ жъ другіе?

Ляпуновъ.

Къ полуночи сберутся. Дядя твой
До сей поры домой не возвращался.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Знать у Царя запировался онъ.

Ляпуновъ.

Что жъ не былъ ты на праздникѣ веселомъ?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Нѣтъ, Ляпуновъ, души не удержу.
Я не могу смиряться лицемѣрно
Передъ врагомъ.

Ляпуновъ.

Поди, да поучись
У Шуйскаго.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Что говорить о дядѣ?
Онъ старъ: не кровь, а ледъ въ его груди;
Онъ можетъ льстить и думать объ убійствѣ,
И ласково отраву подавать,
И кланяться, и сладко улыбаться,
И между тѣмъ выглядывать, куда
Кинжалъ вѣрнѣй, смертельнѣе ударитъ.
Нѣтъ, Ляпуновъ, онъ не примѣромъ мнѣ.

Ляпуновъ.

Все хорошо; но если царь Димитрій...

Князь Скопинъ-Шуйскій (*перебивая*).

Не Царь и не Димитрій, просто лжецъ,
Отрепьевъ, Гришка. Слушай, это имя
Меня какъ ядомъ жжетъ; его лицо
Противно мнѣ, какъ адъ; противенъ голосъ,
Какъ рѣзкое шипѣніе змѣи.
Не говори объ немъ! Невольно рвется
Рука къ мечу, и мечъ какъ бы живой
Дрожитъ въ ножнахъ.

Ляпуновъ.

Ну, скоро часъ спасенья
Для насъ пробьетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Пора, давно пора!
О Господи, когда тотъ день настанетъ,
Когда мечемъ я въ схваткѣ роковой
Съ нимъ встрѣчуся, неумолимый мститель
За нашу Русь, за стыдъ и плѣнъ Москвы?
О, я готовъ, когда бы можно, кровью
Всей кровію, что̀ въ сердцѣ у меня,
Тотъ листъ омыть, въ которомъ вѣкъ грядущій
Съ насмѣшкою запишетъ нашъ позоръ!

Ляпуновъ.

Какой позоръ! Что вѣрили мы баснѣ,
Что, именемъ прельщенные святымъ,
Дались въ обманъ!

Князь Скопинъ-Шуйскій.

И я ему повѣрилъ,
Ему служилъ! Но слушай, Ляпуновъ,
Теперь конецъ. У всѣхъ открыты взоры,
Туманъ изчезъ, и всѣхъ бояръ сердца
Святымъ огнемъ мгновенно запылали,
Огнемъ любви къ своей странѣ родной.

Ляпуновъ.

Въ боярахъ, князь, такихъ сердецъ немного;
На перечетъ: Голицынъ князь Андрей,
Да стольникъ князь Пожарскій, да Волконской,
А прочіе!...

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ты всюду видишь зло.

Ляпуновъ.

Да гдѣ добро? Я молодъ, князь Михайло,
Но знаю свѣтъ; и этотъ свѣтъ лукавъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Князь Шуйскій.

Здѣсь Ляпуновъ и мой племянникъ. Поздно,
Друзья мои, я прихожу домой.

Ляпуновъ.

Что, съ пиру?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, я совѣщался долго
Съ Куракинымъ. Да будутъ ли сюда
Всѣ званые?

Ляпуновъ.

Когда настанетъ полночь,
Знатнѣйшіе дворяне и жильцы,
И сотники, и головы градскія
Придутъ сюда.

Князь Шуйскій.

Я звалъ еще къ себѣ
Начальниковъ дружинъ Новогородскихъ,
Дворянъ Тверскихъ, Смоленскихъ; ихъ полки
Вблизи стоятъ и царскихъ ждутъ приказовъ,
Чтобы въ походъ отправиться къ Ельцу.

Ляпуновъ.

Надежны ли?

Князь Шуйскій.

Ихъ нечего бояться:
Народъ честнóй, издавна врагъ Литвѣ,
И любитъ насъ, и помнитъ Годунова.

Ляпуновъ.

Да, помощь ихъ была бы кстати намъ.

Князь Шуйскій.

Пришла пора рѣшиться. Передъ нами
Готовится кровавая бѣда.
Предупредимъ ее.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Ну, слава Богу!
Намѣшкались, надумалися вы.

Ляпуновъ.

А послѣ, князь, не правда ль, земской думой
Избрать Царя?

Князь Шуйскій.

Конечно, Ляпуновъ,
Мы думу соберемъ... А вотъ ужъ полночь. (*Полночь бьетъ. Изъ другихъ комнатъ слышно пѣніе слѣпаго Антонія*).

Полнощный часъ, полнощный часъ!
Душа, проснися для моленья,
Псалтырь возставь для пѣснопѣнья,
Проснися гуслей сладкій гласъ!
Молись! Господень взоръ не дремлетъ,
Господень слухъ молитвамъ внемлетъ,
И ночи пасмурная тѣнь
Предъ Нимъ свѣтла, какъ ясный день.

Блаженъ, кто полный умиленья,
Поднявши очи къ небесамъ,
Благоуханнаго хваленья
Ночной сжигаетъ ѳиміамъ.
Настанетъ день, и съ новой силой
Онъ какъ орелъ ширококрылой
Помчится въ путь, и Божій щитъ
Его незримо осѣнитъ.

Но если именемъ святыни,
Какъ ризой покрываешь ты
Лукавства, злобы иль гордыни
Своекорыстныя мечты:
Тебя Господень судъ постигнетъ,
Народны бури Онъ подвигнетъ,
И домъ, и родъ преступный твой
Снесетъ кровавою волной.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Да будетъ такъ!

Ляпуновъ.

Какъ я люблю Россію,
Такъ всѣ труды и подвиги мои
Благослови Господь!

Князь Шуйскій (*послѣ молчанія*).

Гостей примите!
Съ Антоніемъ межъ тѣмъ поговорю. (*Уходитъ*).

Ляпуновъ.

Онъ промолчалъ: знать совѣсть нечиста!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Въ сѣняхъ шумятъ: не наши ль? Вотъ Татищевъ
Съ Валуевымъ, Засѣкинъ, Колычовъ.

Ляпуновъ.

Ихъ много тутъ, а въ задніе ворота
Такъ и валятъ. Пойдемъ ихъ принимать. (*Уходитъ*).

Князь Скопинъ-Шуйскій (*входящимъ гостямъ*)

Привѣтствую васъ, гости дорогіе.
Отъ имени хозяина.

Первый.

Да гдѣ жъ
Нашъ ласковый хозяинъ?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Онъ сейчасъ
Самъ явится.

Второй.

Едва пробила полночь,
И по дворамъ пропѣли пѣтухи.
Мы тутъ какъ тутъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

На васъ надежда наша
Крѣпка какъ сталь.

Третій.

Здорово, князь Скопинъ.
Повѣришь ли, что сердце такъ и пляшетъ,
Какъ на тебя взгляну? Ужъ какъ похожъ
Ты на отца и взглядомъ, и лицомъ,
И голосомъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Дай Богъ, чтобъ и дѣлами
Я былъ похожъ!

Третій.

Но только не концемъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Была бы жизнь возвышенна, прекрасна:
Смерть все одна, какая бъ ни пришла.

Тверской дворянинъ.

Зачѣмъ мы здѣсь?

Другой.

Ужъ вѣрно же не даромъ:
Князь Шуйскій звалъ, и въ этотъ поздній часъ
Сбираетъ всѣхъ не для пустой забавы.

Третій.

Гляди-ка, братъ, сановники, купцы,
Бояре и мѣщане.

Другой.

Сердце чуетъ,
Что кроются здѣсь важныя дѣла.

Третій.

Не на Литву ль? Она ужъ всѣмъ постыла.

Бояринъ.

Ужъ нынче Царь натѣшился довольно.

Валуевъ.

Вотъ, подожди, потѣшимъ плясуна.

Тверской бояринъ.

А! Слышишь ли?

Бояринъ.

Какъ шутъ въ нарядѣ Польскомъ,
Онъ такъ плясалъ съ Маринкою своей
Да съ Ляхами, что за него невольно
Я покраснѣлъ.

Валуевъ.

А между тѣмъ текла
Невинныхъ кровь, святая передъ Богомъ,
Кровь инока и десяти стрѣльцовъ,
Безбожника въ обманѣ обличавшихъ.

Купецъ.

Мы собрались. Да что же пользы въ томъ?
Вѣдь злой колдунъ, Разстрига-окаянный
И съ вѣдьмою Мариной, сквозь стѣны
Все видитъ, слышитъ: бѣсы переносятъ
Имъ каждое словечко.

Ляпуновъ.

Подожди!
Немного здѣсь услышишь: всѣ окошки,
Ворота, дверь, осѣнены крестомъ,
Окроплены святой водою.

Купецъ.

Такъ-то!
Догадливъ князь, ужъ нечего сказать:
(*Входятъ многіе*). Спасите, заступитесь!

Ляпуновъ.

Что̀ такое? (*окружаютъ ихъ*).

Первый.

Насъ Поляки...

Второй.

Постойте, я скажу.
Мы пятеро безъ шума пробирались
По улицѣ.

Первый.

Да изъ чего шумѣть?
Кажися, мы не хмѣльны.

Второй.

Не бродяги.
Я сотникъ городской.

Первый и третій.

А мы купцы
Не изъ послѣднихъ; торгъ ведемъ съ Ганзою.

Четвертый.

А я жилецъ.

Пятый.

Я царскій дворянинъ.

Бояринъ.

Мы знаемъ васъ. Да что жъ случилось съ вами?

Второй.

Вотъ встрѣтилась намъ шайка Поляковъ.

Первый.

Всѣ пьяные.

Второй.

Какъ крикнутъ: „прочь съ дороги
Московскія собаки!“

Первый.

А другой:
„Какія тутъ собаки, все бараны“.

Второй.

Нѣтъ: „зайцы“, онъ сказалъ.

Первый.

Ну, все равно:
И пьяные, какъ вдругъ поднимутъ хохотъ!

Второй.

Мы медлили. Тутъ принялись они
Бить и рубить, рубить и бить. Скорѣе
Мы въ переулокъ, а они за нами,
Мы въ лавку, вотъ къ нему.

Первый.

Что на углу
Мясницкой.

Второй.

Да едва, едва спаслись.

Первый.

А лавку-то разграбили злодѣи:
Все унесли, поставили вверхъ дномъ.

Тверской дворянинъ.

Ну, хорошо житье въ престольномъ градѣ!
У насъ въ Твери спокойно.

Ляпуновъ.

И до васъ
Не нынче-завтра гости доберутся.

Многіе.

Чего же ждать?
Да долго ли терпѣть?
Возстанемъ разомъ.

Ляпуновъ.

Вотъ идетъ хозяинъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Входитъ **Князь Шуйскій.**

Князь Шуйскій.

Отъ имени поруганной Москвы
Отъ имени страдающей Россіи,
Въ послѣдній разъ, товарищи-друзья,
Я васъ созвалъ для думы и совѣта.

Одинъ голосъ.

А послѣ ужъ за дѣло?

Князь Шуйскій.

О друзья,
Предъ нами путь высокій и прекрасный,
Предъ нами долгъ завидный и святой!
Насъ Богъ зоветъ на подвигъ: въ наши руки
Отечества грядущую судьбу

И древнее сокровище святыни,
Владимира Божественный завѣтъ,
Онъ отдаетъ. Мы будемъ ли достойны
Высокаго призванія сего?
Свершимъ ли трудъ завѣщанный отъ Бога?
Оставимъ ли потомству своему
Мы край родной, могущій, чистый, вольный,
Какъ отъ отцевъ его пріяли мы?
Отвѣтствуйте!

Голоса.

Вѣстимо не измѣнимъ.
Не выдадимъ.
За красную Москву,
За церковь и за вѣру мы готовы
И грудью стать, и головою лечь.

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, не въ конецъ за беззаконья наши
Прогнѣвался Господь. Нѣтъ, Онъ спасетъ
Отъ гибели народъ Свой православный.
Есть добрыя и смѣлыя сердца,
Горящія любовію къ Россіи;
Есть души сильныя, для коихъ смерть,
Пріятая за родину, краснѣе,
Чѣмъ долгій вѣкъ въ иноплеменныхъ узахъ.
И здѣсь онѣ... и наша Русь жива!
Минувшее вспомянемъ мы! Царевичъ
Былъ въ Угличѣ убійцами сраженъ,
И видѣли останки бездыханны,
И знали всѣ, кѣмъ онъ убитъ... Увы!
Мы тяжко согрѣшили: мы въ порфиру
Святоубійцу нагло облекли!
И посѣтилъ насъ Божій гнѣвъ правдивый:
Подъ именемъ царевича возсталъ
Разстрига злой, пріемышъ Іезуитовъ,
И съ помощью враждебной намъ Литвы
Онъ рать привелъ и взоры отуманилъ...
И передъ нимъ (знать такъ Господь велѣлъ)
Всѣ пали ницъ, и вѣрили безумно.
И нелюбимъ былъ строгій царь Борисъ.
И сладкими, волшебными рѣчами,
Отважныхъ дѣлъ высокою молвой
Невѣрящихъ прельстилъ злодѣй лукавый.

Голоса.

Да, онъ колдунъ и въ дѣлѣ, и въ словахъ.
Ужъ соловей
И словно звѣрь въ сраженьи.

Князь Шуйскій.

Но долго ли продлился сей обманъ,
И долго ль насъ надежда утѣшала?...
Вы знаете, что первый изъ бояръ
Я обличилъ злодѣя, что на плаху
Меня вели, что голова моя
Подъ топоромъ лежала.

Голоса.

Помнимъ, помнимъ!

Князь Шуйскій.

Я не хвалюсь: я долгъ исполнилъ свой,
Какъ Русскій князь и человѣкъ крещеный,
И всякій день на тоже вновь готовъ,
За истину, за васъ и за Россію;
Хоть завтра, нынче, хоть сейчасъ.

Голоса.

За то
Тебя Господь благословитъ во вѣки.

Князь Шуйскій.

Я шелъ на казнь; злодѣй въ своемъ вѣнцѣ
Торжествовалъ; Москва какъ въ снѣ глубокомъ
Не тронулась; но Божія рука
Меня спасла! Съ тѣхъ поръ завѣса пала:
И иноки святые, и стрѣльцы,
И ближніе, и мать его, и братья
Всечасными уликами будили
Нашъ спящій духъ—и болѣ! Небеса
Димитрія могилу освятили;
Тамъ частыя сіяли чудеса,
И свѣтлыя являлися видѣнья,
И лились благодать и исцѣленья,
Какъ благовонная роса.
И святъ былъ гробъ царевича; но что же
Мы зрѣли здѣсь? Безбожье и развратъ,

И стыдъ, и грѣхъ подъ именемъ святаго.
Въ самомъ Кремлѣ Латинскихъ пѣсенъ гласъ
Теперь звучитъ; Полякъ съ своими псами
Вступаетъ въ храмъ; Владимира вѣнецъ
На головѣ царицы некрещенной.
О тяжело! Невольно токи слезъ
Бѣгутъ изъ глазъ.

Голоса.

Смотри: онъ вправду плачетъ.
Что говорить? Онъ праведникъ прямой.

Князь Шуйскій.

Царевичъ спитъ въ своемъ кровавомъ гробѣ,
А здѣсь злодѣй даритъ врагамъ Москвы
Ея царей державное стяжанье.
Край Сѣверскій за Мнишкомъ укрѣпилъ,
А Новгородъ и древній городъ Ольгинъ
Своей женѣ.

Голоса.

Какъ! Онъ дерзнулъ отдать
Нашъ старый Псковъ?
И Новградъ? Быть не можетъ.

Бояринъ.

Мы грамоту читали.

Князь Шуйскій.

А Смоленскъ
Назначилъ онъ въ подарокъ Сигизмунду.

Голоса.

Смоленскъ, Смоленскъ!
Нѣтъ, этому не быть!
Нѣтъ, мы умремъ скорѣе.
Эту руку
Тогда я самъ зубами изгложу,
Когда враговъ она въ нашъ городъ пуститъ.

Князь Шуйскій.

Увидите! И здѣсь, въ самой Москвѣ
Мы плѣнники, а Ляхи господами...
Что тамъ за шумъ? Кто это весь въ крови
Съ мечемъ въ рукѣ? Ты, Колобовъ?

Колобовъ.

Отмстите,
Отмстите за меня! Въ мой мирный домъ
Съ оружіемъ вломилась шайка Ляховъ:
Мой сынъ убитъ, похищена жена,
И ранами покрытый самъ на силу...
Отмстите! (*падаетъ въ обморокъ*).

Князь Шуйскій.

А! Что̀ говорить еще?
Рѣшитеся! Намъ дороги мгновенья.
Хотите ль ждать грозящей намъ бѣды?
Хотите ль зрѣть, сложивъ спокойно руки,
На мѣстѣ томъ, гдѣ нынѣ Божій храмъ
Безбожіе Латинскаго костела?

Голоса.

Нѣтъ, никогда!

Князь Шуйскій.

Съ высокихъ стѣнъ Москвы
Хотите ль зрѣть Литовскую границу?
Хотите ли безъ ропота главу
Подъ тяжкій гнетъ, подъ иго иноземцевъ,
Подъ злую руку робко преклонить?

Голоса.

Нѣтъ, не хотимъ.
Нѣтъ, не потерпимъ срама!

Князь Шуйскій.

Внемлите мнѣ! Хотите ли со мной
Возстать за Русь, за Церковь пресвятую,
И Ляховъ цѣпь, и власть Разстриги злую
Избыть мечемъ и силой боевой?
Хотите ли? И воспрянемъ мы грозою
И, мстители обмановъ и обидъ,
Сотремъ могущею рукою
Россіи тяжкій плѣнъ, Москвы кровавый стыдъ.
Отвѣтствуйте!

Голоса.

Мы всѣ съ тобой!
Избудемъ,
Избудемъ Самозванца!
Чтобы слѣдъ
Его пропалъ! Чтобъ Ляхами не пахло
На Русской сторонѣ!
Мы всѣ съ тобой!
Веди насъ, князь, не выдадимъ Россіи!

Князь Шуйскій.

Какой же день назначимъ?

Голоса.

Чѣмъ скорѣй
Тѣмъ лучше.
Да, но многія оружья
Не добыли.
Пустое! Есть ножи
И топоры, рогатины, дреколья,
И въ правомъ дѣлѣ Богъ помощникъ намъ.

Бояринъ.

За Срѣтенской заставой послѣ завтра
Пиръ всей Москвѣ, и Ляхи, какъ всегда,
Напьются винъ и меда, и безпечно
Въ домахъ заснутъ. Ударимъ въ туже ночь
На Понедѣльникъ! Мудрые бояре,
Согласны ль вы?

Бояре.

Согласны.

Бояринъ.

Вы, друзья,
Чтò скажете?

Голоса.

Мы будемъ всѣ готовы.

Князь Голицынъ.

На Понедѣльникъ? Кто-то будетъ живъ?

Другой.

Да, во дворцѣ не даромъ говорили,
Что для бояръ кровавый пиръ дадутъ
На Срѣтенскомъ лугу.

Бояринъ.

Такъ завтра?

Голоса.

Завтра.
Бѣда близка, и дорогъ каждый мигъ.

Князь Шуйскій.

Такъ! Завтра въ ночь возстанемъ дружно, смѣло
И нападемъ на дремлющихъ враговъ,
Да перейдутъ отъ сновъ горячей нѣги
Въ холодный мракъ, въ подземный крѣпкій сонъ.
Передъ зарей раздастся звукъ набата
Со всѣхъ церквей; тогда стремитесь въ Кремль!
Не страшенъ бой, побѣда несомнѣнна;
Однихъ крестьянъ и вѣрныхъ слугъ моихъ
Здѣсь тысячъ шесть.

Князь Голицынъ.

Такъ много?

Князь Шуйскій.

Изъ помѣстьевъ
Я ихъ созвалъ. Другихъ боярскихъ слугъ
Не менѣе; всѣ съ ружьями, съ мечами.

Дворяне.

Дворяне всѣ возстанутъ.

Князь Шуйскій.

Вы, купцы
И сотники градскіе?

Купцы.

Князь Василій!
Насъ трудно счесть, насъ много, и никто
Не измѣнитъ.

Другой.

А развѣ кто отстанетъ,
Такъ мясники.

Другой.

Теперь имъ любо жить,
Пока постовъ не думаютъ и вспомнить
Ни Поляки, ни нашъ Отрепьевъ-воръ.

Князь Шуйскій.

Что̀ намъ до нихъ? Рогатки изготовьте,
Всѣ улицы заприте, чтобъ никто
Не могъ ни въ Кремль, ни изъ Кремля спастися.
А что̀ стрѣльцы?

Стрѣльцы.

Не тронутся они.
Хоть многіе къ намъ склонны, да боятся
Микулина; другіе же Царю
Привержены за то, что онъ отваженъ
И удальствомъ ихъ тѣшитъ, и окладъ
Двойной даетъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Безъ помощи стрѣлецкой
Все сдѣлаемъ.

Князь Шуйскій.

Вы, храбрые дворяне,
Начальники полунощныхъ дружинъ,
Какъ много васъ?

Дворянинъ.

У насъ осьмнадцать тысячъ
Отборныхъ войскъ.

Князь Шуйскій.

Когда потухнетъ день,
Захва̀тите ворота городскіе
И въ тишинѣ дождетесь вѣсти.

Дворянинъ.

Князь,
На бой, на смерть, на язвы мы готовы;
Да вотъ бѣда!

Князь Шуйскій.

Что̀ скажешь?

Дворянинъ.

Видишь, князь!
Мы люди всѣ нехитрые, простые,
И насъ легко ввести въ обманъ.

Князь Шуйскій.

Въ обманъ!
Въ какой обманъ?

Дворянинъ.

Послушай, князь Василій,
Боярамъ всѣмъ мы вѣримъ и тебѣ...

Князь Шуйскій.

Такъ что̀ жъ еще?

Дворянинъ.

Великъ отвѣтъ предъ Богомъ.
Ну, если онъ и вправду царскій сынъ?

Князь Шуйскій.

Онъ царскій сынъ? Онъ извергъ, бѣглый дьяконъ.
Всѣ знаютъ то.

Дворянинъ.

Когда царица Марѳа
Объявитъ намъ, что онъ не сынъ ея,
Тогда, тогда сгубить его клянемся,
И истребить, и даже слѣдъ его
Съ земли стереть.

Другой.

И вправду, пусть Царица
Благословитъ нашъ подвигъ.

Третій.

Для чего?
Всѣмъ истина извѣстна.

Другой.

Но сильнѣе
Свидѣтельствъ всѣхъ ея слова.

Четвертый.

Она,
Одна она неправды намъ не скажетъ.

Многіе.

Она рѣшитъ, и мы повѣримъ ей.

Салтыковъ.

Бѣда, бѣда! Вотъ къ совѣсти дворянской
Пристали вмигъ мѣщане и купцы.
О, эта совѣсть, совѣсть!

Князь Шуйскій (*Ляпунову*).

Мы погибли.

Ляпуновъ (*выходитъ впередъ*).

Иль мните вы, что мы на подвигъ сей
Созвали васъ безъ вѣдома Царицы?
Что не она, вручая намъ мечи,
Ко мщенію нашъ путь благословила?

Дворяне.

Пусть рѣчь твою намъ подтвердитъ сама.
И мы пойдемъ, и горе Самозванцу!
Но безъ того не извлечемъ меча.

Другой.

Вѣстимо такъ.

Ляпуновъ.

Такъ завтра къ темной ночи
Сберитесь вновь, и съ вами въ монастырь
Мы всѣ идемъ. Согласны ли, бояре?

Бояре.

Какъ Шуйскій князь?

Князь Шуйскій.

Онъ мысль мою сказалъ.

Ляпуновъ.

Сберетесь ли къ назначенному сроку?

Многіе.

Всѣ явимся до одного.

Князь Шуйскій.

Друзья!
Простите днесь. Но, помня обѣщанье,
Вновь жду я васъ, когда настанетъ ночь.
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Шуйскаго и Ляпунова*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ты обѣщалъ.

Ляпуновъ.

Да что же было дѣлать?
Молчать? Такъ въ мигъ всѣ измѣнили бъ намъ.

Князь Шуйскій.

Да какъ исполнимъ?

Ляпуновъ.

Выручитъ Антоній.
Онъ набоженъ, хитеръ, краснорѣчивъ,
Въ немъ духъ горитъ любовію къ святынѣ
И злобою на ересь лже-царя.
Иду къ нему: онъ насъ спасетъ! (*Уходитъ*).

Князь Шуйскій (*одинъ*).

Ужасно!
У пристани погибнетъ ли корабль?
Исчезнутъ ли опять мои надежды?....
Что? Ежели Царица.... Ляпуновъ
Насъ выручитъ.. Не вѣрю Ляпунову.
Тяжелый часъ! Тутъ гибель, тутъ вѣнецъ!
Когда она Димитрія признаетъ:
Тогда бѣда, тогда всему конецъ!
Глава горитъ, и сердце замираетъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Монастырская келья.

Царица Марѳа (*одна*).

Ужъ конченъ день, заря вечерня гаснетъ.
О не спѣши, румяная заря,
Не угасай! Часы не улетайте,
Помедли ночь! Заутра страшный день.
Заутра вновь, о ужасъ, предъ народомъ
Отъ сына отрекусь, заутра вновь
Обманщику дамъ царское названье.
И вся земля услышитъ, церковь вся
Во образѣ святаго патріарха
Благословитъ обрядъ. Нѣтъ, не пойду.
Я не хочу и не должна. Довольно
Мученія я на душу взяла,
Довольно тяжкихъ дней, ночей безсонныхъ
Я провела. И вновь теперь идти,
Вновь грѣшный духъ продать нечистымъ силамъ,
Въ виду земли и внемлющихъ небесъ,
Въ виду Творца, и Ангеловъ, и смертныхъ!
Я не могу!... Но, горе! Я клялась.
Безумная клялась передъ иконой
И крестъ святой въ свидѣтели звала,
И Божій громъ, когда нарушу клятву,
Меня сразитъ, и ада вѣчный огнь
Меня пожретъ. О пощади, Всевышній!
О Господи, услышь мою мольбу,
О укрѣпи слабѣющую душу,
Дай силы мнѣ.... Вновь смѣло согрѣшать.
Вновь предъ Его святыней лицемѣрить
И ложію обрадовать бѣсовъ!
О горе, горе! Грѣшницы молитвы
Ужаснѣе хулы; мои слова
Ругательство надъ Богомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ **Антоній.**

Антоній.

Миръ Господень
Обители и кельи сей.... Молчатъ:
Знать, нѣтъ Царицы.

Царица Мароа.

Ты ль, слѣпецъ Антоній.
Такъ поздно, ночью?

Антоній.

День-пора заботъ,
Суетъ, торжествъ, и шума, и обмановъ:
А ночь тиха, полна святыхъ молитвъ,
И истины, и совѣсти, и Бога.

Царица Мароа.

Нѣтъ, совѣсти, раскаянья и слезъ
Она полна.

Антоній.

О перестань, Царица!
Тому страшна безмолвной ночи тѣнь,
Кто власти тьмы и вѣчно лгущимъ силамъ
Свой продалъ духъ безсмертный. Ты должна
Спокойной быть.

Царица Мароа.

Да, я спокойна.

Антоній.

Вѣрю.
Ужъ царство лжи слабѣетъ и падетъ;
Послѣдній слѣдъ обмановъ исчезаетъ.
Ты знаешь вѣсть?

Царица Мароа.

Какую вѣсть?

Антоній.

Тотъ прахъ,
Тотъ низкій прахъ, который въ царскомъ гробѣ
Подъ именемъ Царевича сокрытъ.

Царица Мареа.

Гдѣ, въ Угличѣ?...

Антоній.

Онъ почестью и блескомъ
Былъ окруженъ; но нынѣ Царь велѣлъ
Сей низкій прахъ извергнуть изъ собора.

Царица Мареа.

Прахъ сына моего? Прости, прости.
О Господи!! Я измѣнила клятвѣ,
Я тайну обличила. Прочь, старикъ,
Прочь съ глазъ моихъ, обманщикъ!

Антоній.

Тайну, тайну,
Ты мнѣ открыла! Иль забыла ты,
Что не всегда мой взоръ былъ тьмой задернутъ,
Что въ Угличѣ нерѣдко я видалъ
Царевича, и послѣ трупъ кровавый
Въ соборѣ зрѣлъ я; да, тотъ самый трупъ,
Который днесь лишатъ могилы царской.

Царица Мареа.

Нѣтъ, не стерплю; нѣтъ, не позволю я!
Ничья рука враждебно не коснется
Могилы той, доколѣ я жива.

Антоній.

Доколь жива; но послѣ? И на долголь
Лукавый врагъ тебѣ оставитъ жизнь?
Кто сына прахъ спасетъ тогда? Послушай!
Погибнетъ злой любимецъ сатаны;
Обманъ открытъ, и мстители готовы.
Москва полна пищалей и мечей;
Иди со мной, скажи едино слово,

И онъ падетъ; бояре и Москва
Оружіемъ безмолвно ополчились,
Возстали всѣ ко мщенью; ждутъ тебя,
Тебя одной.

Царица Мароа.

Когда извѣстна правда,
Что жъ до меня?

Антоній.

Есть слабые умы,
Есть совѣстью болѣзненныя души:
И въ ясный день свѣтильникъ нуженъ имъ.
Имъ оправданье нужно въ дѣлѣ правды.
Они Творцу молиться не дерзнутъ
Безъ приказанья пастырей церковныхъ,
И не спасутъ отчизны и царя
Безъ земскаго указа. Много, много
Такихъ сердецъ, и ты нужна для нихъ.
Сомнѣніемъ окованы ихъ руки;
Но выйдешь къ нимъ и слово скажешь ты,
Всѣ двинутся, и горе Самозванцу.
И кровію похищенный престолъ
Омоетъ онъ.

Царица Мароа.

Какъ ты жестокъ, Антоній!

Антоній.

Иди за мной!

Царица Мароа.

Нѣтъ, старецъ, не пойду.
Я знаю все: онъ дерзкій самозванецъ;
Какъ ризою онъ именемъ чужимъ
Себя покрылъ и овладѣлъ порфирой.
Но смерть.... Но кровь... Повѣрь, незлобенъ онъ,
И любитъ Русь, и полонъ думъ высокихъ,
И казни сей не заслужилъ.

Антоній.

Кто? Онъ
Не заслужилъ? Нѣтъ, онъ достоинъ смерти
И временной, и вѣчной. О Господь,
Излей Свой гнѣвъ на голову злодѣя!

Да сгибнетъ онъ, да будетъ въ вѣкъ и вѣкъ
Проклятіемъ клейменъ неумолимымъ.
Проклятіемъ Іуды; прахъ его
Съ лица земли, земли благословенной.
Да свѣетъ вѣтръ! Ты скажешь, я жестокъ;
Но знаешь ли, что онъ Россію продалъ
Своей Литвѣ?

Царица Мареа.

Пустыя сказки! Нѣтъ.
Не вѣрю я.

Антоній.

И ты тому не вѣришь,
Что, вскормленный для будущихъ злодѣйствъ
Отравами коварныхъ Іезуитовъ,
Онъ обѣщалъ учителямъ благимъ
Смирить главу святой Христовой Церкви
И подъ пяту Латинскаго врага
Ее сложить. Ты этому не вѣришь?
Иди жъ внимать, въ часы его забавъ,
Какъ нагло онъ надъ вѣрою смѣется,
Какъ въ дни постовъ, порой святыхъ молитвъ.
Бѣснуется съ толпами скомороховъ
Средь пѣсенъ, винъ и смрада гнусныхъ яствъ;
Какъ, иноковъ торговой казнью муча,
Обителей завѣтную казну
Для праздниковъ безбожно расхищаетъ.
Гляди, какъ Ляхъ вступаетъ въ чистый храмъ
И за собой, хохоча, вводитъ стаю
Нечистыхъ псовъ... Иль нѣтъ, иди туда,
Гдѣ въ сумракѣ церквей неозаренныхъ
Едва блеститъ ночной лампады свѣтъ:
Тамъ слушай гласъ іереевъ, звукъ анаѳемъ,
Зовущихъ Божій громъ на лже-царя.
Внимай, внимай и послѣ сихъ проклятій
Тягчайшую, ужаснѣйшую часть
Возьми съ собой!

Царица Мареа.

О пощади, Антоній!
Ты грудь мою терзаешь; но увы!
Я, Шуйскаго отъ гибели спасая,
Присягою тяжелой сопрягла
Свою судьбу съ судьбой злодѣя.

Антоній.

Клятвой?
И этимъ ли окованъ робкій духъ?
Сильнѣе ли обѣтъ безумный, грѣшный,
Чѣмъ тотъ обѣтъ, что Богу ты дала
При таинствѣ спасительной купели?

Царица Мароа.

Нѣтъ, старецъ, нѣтъ; не знаешь ты тѣхъ словъ,
Тѣхъ грозныхъ словъ, которыми навѣки
Связала я свой трепетный языкъ.

Антоній.

Ты совершила страшный грѣхъ; но слушай!
Когда бъ клялась ты Руси измѣнить
Иль въ спящаго невиннаго младенца
Вонзить кинжалъ, иль, Бога позабывъ,
Поправъ Креста животворящу силу,
Безсмертный духъ продать бѣсамъ: скажи,
Должна ль бы ты тогда обѣтъ исполнить?
Все въ клятвѣ той соединила ты:
Обманъ и кровь, отечеству измѣну,
Предательство предъ вѣрой и Творцемъ,
И торжество нечистыхъ силъ, и болѣ
О, болѣе еще. Иди за мной,
Союзъ грѣха расторгни покаяньемъ,
Преступника оставь!

Царица Мароа.

Я не могу!
Не возражай, подумай. Я въ страданьяхъ,
Въ презрѣніи влачила дни свои;
Всѣ съ ужасомъ изгнанницы бѣжали:
Онъ жизнь мою мгновенно оживилъ,
Бездѣтную сыновнею любовью
Онъ окружилъ, и мщенье, мщенье далъ;
Да, мщеніе, котораго такъ долго
Алкала я; и дней моихъ закатъ
Озолотилъ торжественной зарею.
И онъ мой сынъ, и я Царицей вновь.
А гдѣ враги? Во прахѣ. О Антоній,
Забуду ль все и измѣню ль ему,
Чтобъ снова быть страдалицей презрѣнной?

Антоній.

Остановись! Такъ вотъ чему душой
Ты жертвуешь, и вѣрой, и Россіей?
А, вотъ чему! Безумной мишурѣ
Мгновенныхъ почестей, и злой гордынѣ,
И мщенію. Но вѣдай же, Царица,
Что безъ тебя судебъ Своихъ завѣтъ
Свершитъ Господь; что безъ тебя съ престола
Преступника Онъ свергнетъ, безъ тебя
Освободитъ Онъ вѣру православну.
Но ты, отвергшая Его призывъ святой.
Раба грѣха; отнынѣ надъ тобой
Клеймо суда, анаѳема призрѣнья
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
И казнь стыда и отверженья
Съ названіемъ твоимъ къ потомству перейдетъ.

Царица Марѳа.

Зачѣмъ, зачѣмъ столь грознымъ испытаньемъ
Безсильная жена посѣщена?
И робкому, волнуемому духу
Зачѣмъ людей тяжелая судьба
Поручена?

Антоній.

И ты ль на Бога ропщешь?
Ты, болѣ всѣхъ въ сей беззаконный вѣкъ
Избранная и взысканная свыше?
Ты ль на отвѣтъ Всевышняго зовешь,
Межъ тѣмъ какъ Онъ, сіяньемъ чудотворства
И святостью видѣній неземныхъ,
Царевича безгрѣшную могилу
Прославилъ дивно?

Царица Марѳа.

Чью могилу? Чью?
Димитрія?

Антоній.

И ты того не знала,
Не слышала! Ужель никто доселѣ
Преступницѣ повѣдать не дерзнулъ
Величіе отверженнаго сына?
Уже давно въ дали степей глухихъ,

Во тмѣ лѣсовъ, въ пустыняхъ полунощныхъ,
Вездѣ гремитъ хвалебныхъ ликовъ гласъ
Димитрію, а ты одна не знаешь!
Несчастная!

Царица Мароа.

О счастливая мать!
Мой сынъ, мой сынъ небесною любовью
Искупленъ!

Антоній.

Нѣтъ, отвергнетъ онъ тебя,
Какъ ты его отвергла.

Царица Мароа.

Боже, Боже!

Антоній.

Онъ чуждъ тебѣ; твой сынъ—Разстрига злой,
Избранникъ твой, любимецъ: съ нимъ прекрасный
Свой путь свершишь, съ нимъ мзду пріимешь ты.
И каждый лучь небесной благодати,
Сіяющій надъ отрокомъ твоимъ,
Надъ отрокомъ, отверженнымъ тобою,
И каждое Разстриги злое дѣло,
Какъ тяжкій гнетъ въ бездонной глубинѣ,
Тебя прижметъ, какъ мечъ вопьется въ душу,
Какъ огнь сожжетъ!

Царица Мароа.

И завтра я должна
Отъ сына вновь отречься, отъ святаго;
И патріархъ благословитъ обрядъ,
И вся земля узнаетъ.

Антоній.

Завтра, завтра?
Свою бѣду почуялъ хитрый врагъ.
Но съ нами Богъ! Въ послѣдній разъ, Царица,
Всевышняго ослушная раба,
Зову тебя; послѣдній мигъ спасенья
Даетъ Господь; расторгни плѣнъ грѣха,
Иди за мной, отвергни Самозванца.

Ты медлишь? А, возьми же приговоръ!
Внемли ему. Твое отнынѣ имя
Изгладится изъ Книги Живота,
И въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ,
Какъ ложь, какъ грѣхъ, забудется оно;
И отвратится ангелъ покаянья,
И въ безпредѣльной благости Творца
Тебѣ одной пощады не найдется. (*Беретъ ее за руку*).
Но ты дрожишь, ты стонешь, слезы льешь!...
О, знаю я, ты не отвергнешь сына.
Внемли, внемли; я слышу: онъ зоветъ!
Воззри горѣ, чело его сіяетъ;
Съ своихъ небесъ, съ блаженныхъ тѣхъ высотъ,
Онъ чистыя объятья простираетъ,
И грѣшницу вѣнцами осѣняетъ.
И въ Божій рай тебѣ отверзся входъ.
О не бѣги призванія роднаго,
Не отвергай младенца своего!
За мной, за мной; я именемъ его
Тебя зову.

Царица Мароа.

Антоній, я готова!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Домъ Шуйскаго.

Входятъ **Князь Куракинъ** и **Князь Шуйскій.**

Князь Куракинъ.

Ну, признаюсь, отъ сердца отлегло!
Была бѣда, и если бъ твой Антоній
Усовѣстить Царицу не съумѣлъ,
Пришлось бы намъ съ повинной головою
Отправиться къ Отрепьеву.

Князь Шуйскій.

А онъ,
По милости своей неизреченной,
Пустилъ бы насъ домой безъ головы.

Князь Куракинъ.

Да, кажется, что намъ съ тобою, Шуйскій,
Едва ли бы избѣгнуть топора.
Ты знаешь ли, что нынѣ передъ ночью,
Ужъ въ сумерки, вкругъ моего двора,
Кремлевскіе лазутчики вертѣлись;
Да къ счастію, дворецкой мой успѣлъ
Ихъ захватить.

Князь Шуйскій.

Тожъ самое случилось
Здѣсь у меня.

Князь Куракинъ.

Знать, чуетъ онъ бѣду.

Князь Шуйскій.

Но отвратить не можетъ: всѣ исходы
Захвачены, всѣ улицы къ Кремлю
Наполнены моими молодцами;
И граждане не спятъ въ тиши домовъ;
И областей полунощныхъ дружины
Безмолвно ждутъ, вблизи Тверскихъ воротъ,
Послѣдняго, рѣшительнаго зова.
Едва востокъ освѣтится зарей,
Всѣ церкви вдругъ заговорятъ набатомъ,
И съ нами Богъ!

Князь Куракинъ.

И сгибнетъ нашъ злодѣй.

Князь Шуйскій.

Все хорошо. Но это лишь начало.
Кому жъ потомъ наслѣдіе царей
Поручимъ мы?

Князь Куракинъ.

Повѣрь, народный голосъ
Уже избралъ властителя.

Князь Шуйскій.

Кого?

Князь Куракинъ.

Тебя.

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, другъ мой, тяжко это бремя.
О, во сто кратъ счастливѣй тихій кровъ,
Чѣмъ бурное волненіе чертоговъ;
Счастливѣй тотъ, кто можетъ безъ заботъ
Свой легкій трудъ вести въ смиренной долѣ,
Въ глуши полей, чѣмъ тотъ, кто на себя
Пріялъ вѣнца мученье золотое. (*Задумывается*).

Князь Куракинъ.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ,
Лишь ты одинъ достоинъ царской власти.

Князь Шуйскій.

Но въ дни грозы, въ годину общихъ смутъ,
Еще страшнѣй сіяніе престола.
Пусть изберутъ другаго.

Князь Куракинъ.

Но священъ
Отечества страдающаго голосъ.

Князь Шуйскій.

О, князь Андрей! Когда верховну власть
Поручитъ мнѣ избранье земской думы,
Я чувствую: священный долгъ велитъ
Ее принять; но страшно и подумать
О власти сей. Я видѣлъ трехъ владыкъ,
Крамолами взволнованные годы,
И вѣдаю, какъ тяжела она,
Правленія державная наука.
О князь Андрей! Одинъ безсиленъ умъ;
Одна глава, игралище обмановъ,
Невольная работница страстей,
Не усмиритъ, не осчастливитъ края
Обширнаго, величіемъ своимъ
Подобнаго вселенной. Вы, бояре,
Мнѣ будете наставниками. Вы
Прольете свѣтъ своихъ уроковъ мудрыхъ
На темный путь, которымъ я пойду.

Клянуся въ томъ, что, избранъ вашей волей,
Не прешагну боярскаго устава,
И будетъ святъ боярскій приговоръ,
Какъ въ прежни дни, до грозныхъ Іоанновъ.
Но поздно, другъ! Тебѣ и мнѣ заботъ
Осталося довольно.

Князь Куракинъ.

На разсвѣтѣ
Увидимся. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь Шуйскій (*Одинъ*).

Какъ много голосовъ
Ужъ я купилъ такой разумной клятвой!
Къ чему жъ терять благопріятный мигъ?
Къ чему мнѣ ждать невѣрной земской думы?
Все за меня: дворянство и народъ.
Теперь скорѣй проклятаго Разстригу
Съ земли долой! Онъ пощадилъ меня,
Но я не пощажу.... Сюда, Воейковъ,
Валуевъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Входятъ Воейковъ и Валуевъ).

Князь Шуйскій.

Слушай: предъ лицемъ Царя,
Ты Поляка вчера ударилъ óземь
За дерзкія слова о Москаляхъ?

Валуевъ.

Такъ точно, князь!

Князь Шуйскій.

И что жъ сказалъ Отрепьевъ?

Валуевъ.

Не спрашивай: мнѣ больно вспоминать,
Какъ онъ шутилъ, какъ горько издѣвался
Надъ бѣшенствомъ, надъ злобою моей;
Какъ онъ велѣлъ прогнать меня съ безчестьемъ,
Съ ругательствомъ.

Князь Шуйскій.

И выдать головой
Обиженному пану; но бояре
Тебя спасли.

Балуевъ.

Я расплачуся съ нимъ.

Князь Шуйскій.

Въ сраженіяхъ тебя видалъ я часто;
Твой мечъ остеръ, рука крѣпка, и духъ
Опасности кровавой веселится.
Скажи же мнѣ, ты хочешь ли отмстить,
Какъ смѣлый мужъ, за кровную обиду,
Иль, какъ жена, свой гнѣвъ излить въ словахъ;
Иль, какъ дитя, сложивши скромно руки,
Заплакать?

Валуевъ.

Нѣтъ, мнѣ въ томъ свидѣтель Богъ,
Что я отмщу. О только бы съ злодѣемъ
Мнѣ встрѣтиться такъ близко, чтобы мечъ
О мечъ его ударился, и если
Одинъ изъ насъ не ляжетъ головой,
То, Господи, прости грѣхи Разстриги,
А для меня сомкни врата небесъ!

Князь Шуйскій.

Я узнаю Валуева!

Валуевъ.

Послушай!
Клянуся въ томъ, что гдѣ бы ни былъ онъ,
Хотя бъ во храмѣ предъ святой иконой,
Хотя бъ въ слезахъ, безъ силъ, у ногъ моихъ,
Съ отчаяньемъ, молилъ меня о жизни:
Я и тогда не пощажу его.

Князь Шуйскій.

При строгомъ Годуновѣ, ты, Воейковъ,
Тому лѣтъ пять...

Воейковъ (*перебивая*).

Неловко, съ пьяныхъ глазъ,
Я кулакомъ убилъ Петрова, помню.

Князь Шуйскій.

Кто спасъ тебя?

Воейковъ.

Ты, милостивый князь.

Князь Шуйскій.

Заплатишь ли услугой за услугу?

Воейковъ.

Повелѣвай: я твой на жизнь и смерть.

Князь Шуйскій.

Внимайте мнѣ. Вы знаете, что демонъ
Злодѣю далъ волшебный даръ рѣчей,
Что сладкими словами онъ чаруетъ
Народный умъ.

Валуевъ.

Да, говоритъ красно!

Князь Шуйскій.

Что чернь всегда измѣнчива, безумна,
Обманамъ вѣритъ, къ истинѣ глуха;
Что у него друзей сокрытыхъ много.

Валуевъ.

Все правда, князь.

Князь Шуйскій.

Когда ворвемся мы
Съ оружіемъ въ Кремлевскія палаты,
И надъ собой увидитъ онъ грозу,
Въ послѣдній разъ, испытывая счастье,
Захочетъ онъ съ народомъ говорить:
Тогда погибли мы.

Валуевъ.

Зажму кинжаломъ
Обманщика болтливыя уста.

Князь Шуйскій (*къ Воейкову*).

Чтò жъ ты молчишь?

Воейковъ.

Чтò много говорить?
Убью, да только.

Князь Шуйскій.

Я на васъ надѣюсь.

Воейковъ.

О Господи! Да развѣ я вола
Не убивалъ вотъ этой пятернею,
Рогатиной медвѣдя не кололъ?
Такъ чтò жъ мнѣ вашъ Отрепьевъ?

Князь Шуйскій.

Нѣтъ, Воейковъ:
Онъ самъ гораздъ медвѣдя бить ножомъ.

Валуевъ.

А это что? Винтовка не измѣнитъ.

Воейковъ.

Хоть онъ колдунъ и драться молодецъ,
А отъ свинца едва ли увернется.

Князь Шуйскій.

Такъ рѣшено! Прощайте же, друзья. (*Валуевъ уходитъ*).
Чтò жъ ты, Воейковъ, медлишь? Ты въ раздумьи.

Воейковъ.

Свѣтлѣйшій князь, вотъ видишь. Прикажи:
И съ голыми руками на медвѣдя
Полѣзу я и задушу его.

Князь Шуйскій.

Такъ что жъ еще?

Воейковъ.

Вѣдь, можетъ быть, еретикъ
Заговоритъ?

Князь Шуйскій.

Съ тобою?

Воейковъ.

Нѣтъ: винтовку.
Иль, можетъ быть, волшебная броня
Проклятаго незримо покрываетъ?

Князь Шуйскій.

Вотъ бредни.... Да, ты правду говоришь:
Тебѣ нужна серебряная пуля.
Противъ нея безсиленъ заговоръ.
Возьми ее. (*Отрываетъ у себя пуговицу*).

Воейковъ.

Какой же я безумный!
Совсѣмъ забылъ; ты, благо, вразумилъ.
Прощай же, князь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Князь Шуйскій.

Дворецкій! Э! Дворецкій!

Дворецкій.

Я здѣсь.

Князь Шуйскій.

Скажи мнѣ, сколько молодцовъ
Собрали мы изъ Суздальскихъ помѣстій,
Изъ отчины, отъ братьевъ?

Дворецкій.

Тысячъ шесть;
Нѣтъ, болѣе: всего шесть тысячъ триста.

Князь Шуйскій.

Куда жъ ты ихъ поставилъ?

Дворецкій.

Вокругъ Кремля
Стоятъ они на стражѣ; да въ запасѣ
Оставлено шесть сотень лучшихъ рукъ,
Псарей, конюшихъ, ловчихъ и стремянныхъ,
Сокольничихъ....

Князь Шуйскій (*перебивая*).

Всѣмъ этимъ удальцамъ
Вели сѣдлать. Съ разсвѣтомъ мы ударимъ.

Дворецкій.

Уже готовы кони, а народъ
Ждетъ на дворѣ.

Князь Шуйскій.

А къ Ильѣ Пророку
Послалъ ли ты?

Дворецкій.

Тамъ ждетъ уже давно
Мой сынъ Иванъ и въ колоколъ ударитъ,
Когда прикажешь. И въ другихъ церквахъ
Сидятъ ребята наши.

Князь Шуйскій.

Дѣло, дѣло!
Ты думаешь, Морозовъ, что вѣстей
До времени Отрепьевъ не получитъ?

Дворецкій.

Кому теперь добраться до Кремля?
Всѣ улицы я занялъ, переулки
Всѣ захватилъ. Змѣя не проползетъ,
Безъ позволенья крыса не пролѣзетъ.

Князь Шуйскій.

А по водѣ?

Дворецкій.

Такъ лодки на рѣкѣ
На то стоятъ, все съ нашимъ же народомъ.

Князь Шуйскій.

Спасибо, братъ Морозовъ: хорошо
Все сладилъ ты.

Дворецкій.

Ужъ мнѣ ли догадаться?
Все Ляпуновъ устроилъ.

Князь Шуйскій.

Молодецъ!
Теперь еще послѣднее велѣнье,
Но важное и тайное. Внимай:
Спѣши открыть глубокіе подвалы
Во всѣхъ домахъ, у братьевъ, у родныхъ
И у меня. Когда ворвемся въ Кремль
И кончитъ жизнь проклятый Самозванецъ:
Поите чернь и пивомъ, и виномъ,
И крѣпкими завѣтными медами,
Чтобы вездѣ раздался общій крикъ:
„Да здравствуетъ Василій, царь Россіи!"

Дворецкій.

Исполню все.

Князь Шуйскій.

А нашимъ молодцамъ
Вели бѣжать по улицамъ Московскимъ
И величать великаго царя
Василія, избраннаго народомъ.
Ты понялъ ли?

Дворецкій.

Я понялъ.

Князь Шуйскій.

Но дотоль
Молчаніемъ сомкни свои уста,
Чтобы никто не вѣдалъ нашей тайны.
А менѣ всѣхъ Прокофій Ляпуновъ!
Теперь иди.

Дворецкій (*уходя*).

Какое разоренье!
Какой убытокъ будетъ въ погребахъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Князь Шуйскій (*одинъ*).

Осталося недолго до разсвѣта.
Ужъ часъ второй, а черезъ часъ еще
Войдутъ въ Москву Смоленскія дружины.
(*Съ жаромъ*) Тогда, тогда пусть ропщетъ Шаховской,
Пусть плачетъ Татевъ, злится Телятевскій:
Чрезъ нихъ шагну я твердою стопой,
Схвачу вѣнецъ могущею рукою.
Вѣнецъ, вѣнецъ! Какъ сладокъ этотъ звукъ!
Какъ много думъ въ семъ словѣ обитаетъ,
Какъ сердце веселитъ оно! Вѣнецъ!
Златая цѣль моихъ усопшихъ предковъ
Еще со дней Донскаго и Татаръ,
Златая цѣль, за коею такъ долго
Стремился я невидимымъ путемъ!
Ты мой теперь! О, для тебя какъ много
Я претерпѣлъ! Какъ много, много лѣтъ,
Я для тебя во прахѣ изгибался,
Какъ низкій червь, крамольствовалъ, страдалъ!
Ты мой теперь, и я расширю крылья
И полечу. Не медлите, часы!
Займись, заря! Благодарю судьбину:
Ужъ брегъ въ виду, и ясны небеса.
О, мой корабль, лети черезъ пучину!
Попутный вѣтръ, наполни паруса!
(*По нѣкоторомъ размышленіи*).
Но я забылъ, что передъ часомъ битвы
Не совершилъ ночной своей молитвы.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Дворецъ Кремлевскій).

Димитрій, Басмановъ.

Димитрій.

Тебѣ пора, Басмановъ, отдохнуть:
Уже давно за пблночь; до разсвѣта
Недалеко.

Басмановъ.

Чтò жъ ты не отдохнешь
Послѣ труда дневнаго?

Димитрій.

Мнѣ не спится.
Не вѣдаю, что̀ сдѣлалось со мной.
Но здѣсь и здѣсь то вдругъ горитъ, то стынетъ;
И въ жилахъ кровь то бурно потечетъ,
То станетъ вся.

Басмановъ.

Ты утомленъ, и бдѣнье
Волнуетъ кровь.

Димитрій.

Лазутчики твои
Еще не возвращались?

Басмановъ.

Доселѣ
Отвѣта нѣтъ.

Димитрій.

Знать, тихо все въ Москвѣ:
Не правда ли? Быть можетъ, патеръ Квицкій
Самъ выдумалъ тотъ гнусный заговоръ?

Басмановъ.

Не думаю; слѣдовъ открыто много,
И признаки такъ вѣрны, что едва ль
Сомнѣніе возможно.

Димитрій.

Но надеждой
Еще хочу я утѣшать себя.
Повѣрь, мнѣ, другъ, противны эти казни,
Противна кровь подъ топоромъ суда;
И отъ того мнѣ грустно здѣсь въ чертогахъ,
Въ моей Москвѣ мнѣ скучно. О, туда,
Туда скорѣй, гдѣ битвы, гдѣ раздолье,
Гдѣ звонкій пиръ гуляющихъ мечей;
Тамъ на конѣ, въ пылу тревоги бурной,
Подъ вольнымъ небомъ, въ ширинѣ полей,
Я оживу.

Басмановъ.

Ты хочешь послѣ завтра
Идти въ походъ?

Димитрій.

Да, послѣ завтра въ ночь.
Внезапностью враговъ предупреждая
И захвативъ сомнительныхъ бояръ,
Я выступлю съ отборными стрѣльцами,
Да съ Нѣмцами, да съ вольницей Литвы.
Теперь въ Ельцѣ ужъ собралося войска
Не менѣе какъ тысячъ пятьдесятъ.
Достаточно. Мы съ ними въ степь выходимъ;
Къ намъ на пути дружины козаковъ
Стекаются отъ Волги и отъ Дона
И отъ береговъ воинственныхъ Днѣпра;
И гордый Крымъ увидитъ насъ, и громомъ
Ударимъ мы на царство Мусульманъ.
Прекрасный край съ зелеными горами,
Съ долинами, гдѣ вѣчный блескъ весны,
И съ синими, какъ яхонтъ, небесами,
И съ зеркаломъ лазоревой волны!
Прекрасный край, наслѣдье нашихъ предковъ,
Владимира священная купель,
Ужъ какъ давно отторгнутъ отъ Россіи,
И какъ давно онъ Русскихъ не видалъ!

Басмановъ.

Нѣтъ, Государь, при Грозномъ Іоаннѣ
Бывали тамъ Московскіе полки,
И хищники въ скалахъ своихъ дрожали.

Димитрій.

Когда же? Да, Адашевъ Даніилъ
Ходилъ туда. Князь Курбскій, Воротынскій,
Адашевы!... Какія имена!
Какъ счастливъ былъ ты, Грозный Самодержецъ!
Какихъ мужей дала тебѣ судьба!
Зачѣмъ не мнѣ? Я встрѣтилъ бы любовью,
Схватилъ бы ихъ въ объятія свои,
Хранилъ бы ихъ такъ, какъ зѣницу ока,
Какъ красоту любовницы младой.
А онъ, увы! Съ красой своей Россіи,
Съ надеждами величья и побѣдъ,
Что̀ сдѣлалъ? Все желѣзною рукою
Сломилъ, сдавилъ. За то и родъ его
Погибъ... Скажи, что̀ болѣ: у живаго
Отнять ли жизнь, иль имя мертвеца?

Басмановъ.

Какой вопросъ? За гробовой доскою
Всѣмъ общее одно названье—трупъ.

Димитрій.

Что жъ мертвецу до имени? Не правда ль?
Не встанетъ онъ, чтобъ допрошать живыхъ
И требовать назадъ свое названье;
А если бы изъ гроба онъ возсталъ
И допросилъ, и смѣлый похититель
Сказалъ ему: „твое я имя взялъ,
Но я его прославилъ, и сіяньемъ
И яркими лучами увѣнчалъ;
Ты былъ забытъ въ своей могилѣ темной,
Я оживилъ и воскресилъ тебя
Для чуднаго безсмертія, для славы,
Для громкихъ пѣсенъ будущихъ вѣковъ“:
Я думаю, сердитый житель гроба
Смягчился бы и тихою рукою
Благословилъ преемника на подвигъ,
На трудный путь. Я все тебѣ открылъ,
Все высказалъ.

Басмановъ.

Твою я вѣдалъ тайну
Уже давно; но ты до сей поры
О ней молчалъ.

Димитрій.

Сегодня, что-то чудно
Волнуется въ встревоженной груди,
И прежни дни такъ ярко переходятъ
Передо мной, что я не могъ молчать.

Басмановъ.

Что въ имени или въ рожденьи царскомъ?
Димитрій ли, Григорій ли—равно
Люблю тебя; люблю твой духъ отважный,
И замысловъ возвышенный полетъ,
И будущую славу. Жизнью, кровью,
Всѣмъ жертвовать я для тебя готовъ.

Димитрій.

Я зналъ тебя и говорилъ безъ страха.
Но душно здѣсь, я подойду къ окну.
Прохлады нѣтъ: такъ вѣтеръ слабо вѣетъ,
Такъ воздухъ тихъ, и Майской ночи мгла,
Какъ лѣтній день, удушливо тепла.
На западѣ едва, едва яснѣетъ
Рогъ мѣсяца.

Басмановъ.

Но, въ этотъ годъ, его
Задернемъ мы завѣсою кровавой.
Не правда ли?

Димитрій.

Ты дѣльно говоришь,
И вѣрю я, что сею чистой славой
Вѣнчаемся мы скоро. Но смотри,
Какъ дремлетъ все, и лентой голубою
Бѣжитъ рѣка, спокойна, безъ зыбей,
И тонкій паръ не тронется надъ ней,
И шума нѣтъ. Лишь слышно, что порою
Надъ городомъ широкій всходитъ гулъ,
Какъ соннаго чудовища дыханье,
Или волны полнощное роптанье,
Когда съ зарей усталый вѣтръ заснулъ.
Помысли, другъ, какъ много сильныхъ душъ
Здѣсь грустно спятъ, какъ много думъ высокихъ,
Окованныхъ дремотой вѣковой!
Все пробудить, все вызвать къ полной жизни:
Вотъ подвигъ, да, вотъ подвигъ для Царя!
Поднять лишь кличъ высокій, благородный,
И загремятъ отвѣтны голоса,
Какъ звуки струнъ, когда струна родная
Заговоритъ; какъ клёктъ младыхъ орловъ
Когда зоветъ ихъ мощная орлица,
Давнишняя владычица степей.
Чтò скажешь ты?

Басмановъ.

Что велика Россія,
Что много въ ней возвышенныхъ сердецъ,
И гласъ Царя, зовущій ихъ ко благу,
Не пропадетъ, какъ звукъ въ степи глухой.

Димитрій.

Я разбужу всѣ дремлющія силы,
Я имъ открою путь сперва къ войнѣ,
И чувствую, Орелъ ширококрылый
Затмитъ Луну въ полуденной странѣ.
Тогда, тогда я буду вновь свободенъ.
Побѣдами сомкнувъ уста враговъ,
Стряхну Литву и Римской цѣпи тягость,
И новый трудъ начну я для вѣковъ.

Басмановъ.

О Государь! Гордыню книгъ разрядныхъ
Низложишь ли? Начало всѣмъ бѣдамъ
Хранится въ ней.

Димитрій.

Что̀ Іоаннъ провидѣлъ,
Что̀ началъ царь Борисъ—я довершу.
И вольный судъ, и строгіе законы,
И кроткая, но твердая рука,
Дадутъ покой и стройное стремленье,
И жаръ, и жизнь проснувшейся землѣ;
Небесный свѣтъ, познанья и науки
Намъ дастъ чужбина.

Басмановъ.

Старый Годуновъ
Того жъ хотѣлъ.

Димитрій.

Высокій умъ державный!
Онъ понималъ грядущую судьбу
Своей страны; онъ вѣдалъ, что не даромъ
Богатствомъ и избыткомъ силъ
Ее Господь благословилъ.
Безбрежна даль ея степей широкихъ,
И гладь озеръ, приволье кораблямъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
Моря, текущія къ морямъ...
И все не даромъ! Есть тебѣ, Россія,
Святой завѣтъ, и твердою рукой
Его свершу, и будутъ предъ тобой
Склоняться въ прахъ страны чужія,
Благоговѣть весь міръ земной!

Басмановъ.

О, для чего столь многимъ неизвѣстенъ
Твой замыселъ высокій и благой?
Трудовъ, препонъ ты встрѣтишь много.

Димитрій.

Много!
А жизнь кратка, и грустно, тяжко мнѣ.
Невольный страхъ въ душевной глубинѣ.
И я прошу, исполненный волненья,
Дней у судьбы и силъ у Провидѣнья...
Дней у судьбы! Но вотъ родится день
И на востокѣ пышно разсвѣтаетъ...

Басмановъ.

А! Это что? Ты слышишь ли? Набатъ
Со всѣхъ церквей!

Димитрій.

Знать, городъ загорѣлся
Но гдѣ жъ пожаръ?

Басмановъ.

Нѣтъ, это не пожаръ;
По площади вездѣ блеститъ оружье,
Народъ валитъ, бояре на коняхъ!

Димитрій.

Постельничій! Постельничій! Скорѣе! (*Входитъ постельничій*).
Зови стрѣльцовъ, бѣги на житный дворъ
(Ихъ тамъ пять сотъ). Веди ко мнѣ въ палаты;
Скорѣй, скорѣй: здѣсь дорогъ каждый мигъ! (*Уходитъ постельничій*).

Басмановъ.

О Государь!

Димитрій.

Басмановъ, будь спокоенъ:
Мы выдержимъ осаду. Между тѣмъ
На помощь намъ Микулинъ подоспѣетъ.
Да Маржеретъ съ дружиною своей.

Фирстенбергъ (*входитъ*).

Великій Царь! На площади волненье.

Димитрій.

Что жъ, Фирстенбергъ? Всѣ двери затворить
И укрѣпить. Какъ много здѣсь на стражѣ
Товарищей съ тобою?

Фирстенбергъ.

Пятьдесятъ.

Димитрій.

Не болѣе? — Ну, все равно, увидимъ.... (*Уходятъ всѣ*).

Разныя лица.

Э! Какой шумъ!—Сѣнныя двери отбиты.—Въ сѣняхъ дерутся, и Нѣмцы отступаютъ. — Такъ валомъ и валитъ сюда. — Убираться до поры до времени; наше дѣло невоенное: за столомъ прислуживаемъ, а драться не умѣемъ.—Руки плохи, за то ноги хороши — убираться! (*Уходятъ. Входятъ опять. Димитрій съ Нѣмцами отступаетъ сражаясь*).

Димитрій.

Нѣтъ, тщетно все: число превозмогаетъ.
Стой, Фирстенбергъ! Стой, затворяйте дверь!
Подержимся, подмога подоспѣетъ.
Постройтеся! Ну, Нѣмцы молодцы! (*Крикъ за дверью*).
Отрепьева! Давайте намъ Разстригу!

Басмановъ.

О Государь! Позволь, въ послѣдній разъ
Я выйду къ нимъ, усовѣщу безумцевъ.

Димитрій.

Нѣтъ, слишкомъ поздно.

Басмановъ.

Я молю тебя:
О Государь, позволь мнѣ.

Димитрій.

Нѣтъ, Басмановъ. (*Басмановъ уходитъ*).
Онъ вышелъ. А! Спасайте! Онъ погибъ.
Держите крѣпче дверь. Въ другомъ покоѣ
Я слышу шагъ моихъ стрѣльцовъ. Скорѣй,
Скорѣй ко мнѣ! (*Дверь выломана и выстрѣлъ*).
О Господи! Я раненъ.
Нѣтъ болѣ силъ, и мечъ падетъ изъ рукъ.
Я не могу за жизнь свою сражаться,
За свой престолъ! Все меркнетъ! (*Падаетъ въ обморокъ*).

Народъ,

А! Злодѣй!
Ты нашъ теперь, попался!

Стрѣльцы.

Подходите!
Ну, шубники Московскіе! Сюда!
Отвѣдайте стрѣлецкаго желѣза,
Дотроньтесь до Царя.

Народъ.

Возьмемъ его.

Голосъ.

Неладно, братъ: народъ вѣдь это бойкой.

Князь Куракинъ.

Отрепьева ль хотите вы въ Цари?

Стрѣльцы.

Онъ не Отрепьевъ.

Князь Куракинъ.

Мы кленемся Богомъ,
Могилой предковъ, жизнію дѣтей —
И не солжемъ. Царица объявила,
Что онъ злодѣй, не сынъ ея. Тотъ святъ,
Тотъ въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ,
И молится о страждущей Руси;
А это воръ, разстрига, чернокнижникъ!

Стрѣльцы.

Не вѣрьте имъ: они безбожно лгутъ.
Не выдадимъ.

Голосъ изъ народа.

О, храбрые стрѣльцы!
Одни ли вы измѣните Россіи
И Русской вѣрѣ? Мы клянемся вамъ,
Что онъ злодѣй. Стрѣльцы, побойтесь Бога!
За изверга мечей въ крови родной
Не обагряйте!

Стрѣлецъ.

Этому я вѣрю;
Онъ нашъ стрѣлецъ, и честенъ, и правдивъ,
И никогда во лжи не приметъ клятвы.

Другіе.

Товарищи, не вѣрьте!

Другіе.

Вся Москва
Противу насъ. Вѣдь мы одни не сладимъ:
Такъ изъ чего же биться?

Голосъ въ народѣ.

Э, друзья!
Что̀ медлимъ здѣсь? Зажжемъ посадъ стрѣлецкій,
Убьемъ ихъ женъ, раздавимъ ихъ дѣтей.

Стрѣлецъ.

За мной, за мной! Дома свои избавимъ
Отъ пламени! (*уходятъ*).

Одинъ.

Охъ, жалко молодца!
Какъ былъ удалъ! Я радъ бы головою
Лечь за него (*уходитъ*).

Димитрій (*опомнясь*).

Оставили меня,
Всему конецъ! Нѣтъ силы, нѣтъ защиты,
И нѣтъ меча, чтобъ грудь свою пронзить!

Князь Куракинъ.

Ну что жъ, Отрепьевъ? Говори, винишься ль?
Покаешься ль въ обманѣ ты своемъ?

Димитрій.

На площади, предъ внемлющимъ народомъ,
Я истину открою.

Валуевъ.

Ну, пора! (*Валуевъ и Воейковъ стрѣляютъ*).

Димитрій.

О Господи! Будь кроткимъ судіею
Моихъ грѣховъ (*падаетъ*).

Валуевъ (*продувая ружье*).

Я долгъ свой заплатилъ.
(*Вбѣгаютъ князь Скопинъ и Ляпуновъ*).

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Гдѣ Самозванецъ? (*видитъ трупъ*) Вы его убили?
Бѣгите прочь. О горе вамъ и стыдъ!
Вы правый судъ въ злодѣйство обратили (*народъ уходитъ*)

Ляпуновъ.

Безмолвенъ, мертвъ и хладенъ онъ лежитъ
У нашихъ ногъ. Какъ пылокъ былъ въ сраженьяхъ,
Какъ полонъ думъ, и пламени, и силъ!
Мнѣ жаль его.

Князя Скопинъ-Шуйскій.

Онъ былъ обманщикъ дерзкій,
И не его престолъ Россійскій былъ.
(*На улицѣ крикъ*).
Да здравствуетъ Василій, царь Московскій!

Ляпуновъ.

Что̀, князь Скопинъ, ты слышишь?

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Это что̀?
Безъ выбора, безъ земскаго собора?
Пойдемъ туда, Прокофій (*уходитъ*).

Ляпуновъ (*одинъ*).

Шуйскій князь!
Неправдою и ты достигъ престола.
И эту кровь я пролилъ для него?
О падшій вождь! Я каюсь предъ тобою.
Но день придетъ для мщенья твоего,
И злой старикъ падетъ передо мною:
Сгубили льва, такъ справимся съ лисою.

О трагедіи А. С. Хомякова „Дмитрій Самозванецъ“.

«Димитрій Самозванецъ», трагедія А. С. Хомякова, сдѣлался нынѣ книжною рѣдкостью. Онъ появился въ печати въ 1833 году въ Москвѣ; цензорская помѣта В. Семенона означена 20-го Апрѣля 1832. Тогдашняя цензура не пропустила нѣкоторыхъ сценъ и стиховъ, которые въ настоящемъ изданіи возстановлены по сохранившейся въ семействѣ Хомякова современной рукописи: сюда относится сцена Самозванца съ придворнымъ шутомъ во 2-мъ явленіи III-го дѣйствія; мѣсто въ 9-мъ явленіи IV-го дѣйствія о притѣсненіяхъ, которыя терпѣли Русскіе люди отъ иноземцевъ; послѣдній стихъ въ монологѣ Ляпунова въ самомъ концѣ трагедіи, и проч. Любопытно непропущенное цензурою окончаніе 3-го явленія въ III-мъ дѣйствіи, гдѣ выражено впечатлѣніе, произведенное на бояръ пріемомъ Польскихъ пословъ, при чемъ Самозванецъ выказалъ много достоинства. Наглое обращеніе Поляковъ съ Русскими встрѣтило твердый отпоръ со стороны Димитрія. На эту черту особенно напираетъ авторъ трагедіи, объясняя тѣмъ свое несомнѣнное сочувствіе къ личности Самозванца. Эта сцена пріема Польскихъ пословъ, намеки на стремленіе Димитрія привить къ Россіи Европейское просвѣщеніе, мысль о войнѣ съ Турками, заботы о поддержаніи свѣтлыхъ преданій царствованія Іоанна IV-го, всѣ эти подробности достаточно свидѣтельствуютъ объ отношеніи автора къ главному лицу его трагедіи. Народъ видѣлъ въ Годуновѣ зло прикрѣпленія къ землѣ, а Самозванецъ казался избавителемъ отъ этого зла. Этотъ народный взглядъ, на сколько онъ въ то время могъ опредѣлиться помощью историческихъ выводовъ, старался усвоить себѣ Хомяковъ въ своей трагедіи. Онъ желалъ убѣдить читателей въ правильности своего собственнаго представленія и искалъ документальныхъ подтвержденій той роли, которую онъ заставилъ играть Самозванца. Въ этихъ-то видахъ, какъ кажется, онъ и снабдилъ свое произведеніе тѣмъ эпиграфомъ, который онъ нашелъ въ одномъ современномъ сочиненіи, именно въ Легендѣ о Лжедимитріи, изданной въ годъ его кончины, въ Амстердамѣ:

«Я того мнѣнія, что веди онъ себя скромнѣе, не якшайся съ Поляками, женись на Русской, принаравливайся къ духу страны, то, еслибы и былъ онъ хуже всякаго монаха, корона удержалась бы на его головѣ. Но я думаю, что виновниками его паденія и совершенной гибели были папа и папскіе воспитанники іезуиты; ибо эти убійцы государей захотѣли сдѣлать изъ него слишкомъ скоро монарха и поспѣшили забраться въ медовые улья. Жаль, что плохо хлестнули ихъ по головамъ. Но они слишкомъ ловко переодѣлись въ свѣтское платье; ибо «такіе Аланы не любятъ, чтобы ихъ кто захватилъ въ расплохъ» *).

Этотъ эпиграфъ былъ нуженъ Хомякову, чтобъ оправдать его личное пристрастіе къ Самозванцу и обвинить въ его гибели католиковъ и іезуитовъ, т.-е. тѣхъ самыхъ враговъ, противъ которыхъ онъ впослѣдствіи съ такою силою выступалъ въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ.

*

Вотъ выдержки изъ писемъ Хомякова о «Димитріи Самозванцѣ» къ другу его А. В. Веневитинову, любезно сообщенныя въ «Русскій Архивъ» сыномъ сего послѣдняго, Михаиломъ Алексѣевичемъ.

23-го Августа 1831 года.

«Пожалуйста увѣдомь меня поскорѣе объ участи моего «Самозванца» и, если получишь назадъ манускриптъ подписанный, отправь поскорѣе ко мнѣ».

Хотя Хомяковъ еще въ Августѣ 1831 просилъ ускорить возвращеніе «Самозванца» изъ Цензурнаго Комитета, но трагедія ему была возвращена лишь весною 1832 г. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо его къ А. В. Веневитинову изъ Москвы отъ 11 М. (то есть Мая?), гдѣ онъ между прочимъ сообщаетъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ на дворянскіе выборы въ Тулу, а оттуда «можетъ быть» и на Кавказъ.

«Я тебѣ очень благодаренъ, любезный Алексѣй, за исполненіе моихъ порученій; да, благо стоитъ только начать, такъ потомъ отъ докучливаго пріятеля не отвяжешься. «Самозванца» моего ты изъ цензуры взялъ и, правду сказать, она очень ко мнѣ была милостива; только жаль, что сцену шута не пропустили и странно, что послѣдній стихъ ей показался вреднымъ». Далѣе Хомяковъ даетъ своему другу новыя порученія и между прочимъ проситъ его доставить цензору поправки къ тексту непропущенныхъ мѣстъ «Самозванца». «Отдай пожалуйста» — прибавляетъ онъ—«мое письмо (запечатавъ)

---

*) Очевидно, это старинная поговорка: она и въ подлинникѣ 1606 г. напечатана курзивомъ. П. Б.

Семенову и поправки при немъ находящіяся, и попроси его мнѣнія словеснаго или надписи, какъ хочешь».

Въ Іюнѣ или Іюлѣ 1832 года (письмо намѣчено І. 9-го дня, Москва), Хомяковъ намекаетъ на свое желаніе съѣздить въ Крымъ повеселиться, въ ожиданіи не совсѣмъ веселой зимы, «и занятій» своей новой трагедіей «Ляпуновымъ». Затѣмъ онъ пишетъ: «Можетъ быть тогда я у васъ побываю въ Петербургѣ, т.-е. весною, чтобъ съ вами побывать да поклониться цензурѣ. Между прочимъ, вотъ тебѣ мое порученіе, которыя ты, я надѣюсь, исполнишь отлично. Прилагаемый при семъ эпиграфъ для «Самозванца» отнеси къ Семенову, поклонись ему отъ меня и скажи, что стыдно-де было вамъ быть въ Москвѣ и не велѣть о томъ сказать Хомякову. Потомъ, чинно и смиренно, подай предполагаемый эпиграфъ и испроси утвержденія. Ты самъ чувствуешь, какъ этотъ эпиграфъ нуженъ. Какъ скоро его утвердятъ, то пришли къ Шевыреву, который въ моемъ отсутствіи взялся надсматривать за печатаніемъ».

Въ письмѣ отъ 19-го Февраля 1833 читаемъ. «Посылаю тебѣ пропасть экземпляровъ «Самозванца», которые ты бы давно получилъ, но я былъ въ деревнѣ, а пріѣхавъ сюда, опять заболѣлъ, теперь однакоже поправляюсь. Раздай экземпляры, кому слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ прибавь фразы. Напримѣръ, если увидишь кн. П. Вяземскаго, скажи ему, что я болѣе всѣхъ ему долженъ былъ прислать «Самозванца», потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности. Я назвалъ это фразой, но дѣйствительно это не фраза, а чистая истина. Его пріемъ много мнѣ тогда сердце отогрѣлъ». Въ послѣднихъ словахъ Хомяковъ вспоминаетъ про вечеръ у Карамзиныхъ, когда онъ читалъ свою трагедію въ присутствіи Пушкина и князя Вяземскаго. Мы не знаемъ навѣрное, былъ ли «Дмитрій Самозванецъ» игранъ на театрѣ. Кажется, что нѣтъ.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ)" по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву" за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА 1885 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ ВЪ 12-ти ВЫПУСКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Выпуски 1—4).

Разсказы про Петра Великаго.—Три новыя письма **Вольтера.**—Записки **М. И. Антоновскаго** (Московскій Университетъ при Екатеринѣ.—Графъ И. Г. Чернышовъ.—Первыя судьбы Императорской Публичной Библіотеки).—**Графиня Фоссъ** про Александра Павловича и про Русскій дворъ (1802—1814). Со снимкомъ.—Стихи **лорда Байрона** о пожарѣ Москвы 1812 года. — Баронесса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ.—Переписка великаго князя **Константина Павловича** съ графомъ Бенкендорфомъ.—Два письма графа **С. С. Уварова** къ графу А. Х. Бенкендорфу про Московскій и Дерптскій университеты.—**Графъ Бенкендорфъ** о мнимомъ сумасшествіи Чаадаева.—Автобіографія **А. О. Дюгамеля.** Съ портретомъ.- Воспоминанія **Леонида Өедоровича Львова.** 1837—1839.—Разсказы изъ недавней старины (преимущественно про Николая Павловича).—Николай Павловичъ и крестьянка-мать. **Архимандрита Леонида.**—Изъ путевыхъ замѣтокъ **В. А. Жуковскаго.**—Письма **В. А. Жуковскаго** къ императору **Александру Николаевичу.** 1848 и 1849.—Изъ записокъ стараго Преображенца. 1855—1856.—Кавказскія воспоминанія **А. Л. Зиссермана.** 1857. — Эпизоды изъ Польскаго возстанія 1861 — 1864. Воспоминанія современника-очевидца. — Славянскіе гости у Русскаго царя. (Изъ Записокъ **Миличевича).**—Воспоминаніе о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. **Н. Бицына.—Щепкинъ, Мочаловъ, Ленскій.** — Причины рановременной кончины Веневитинова. Статья **М. А. Веневитинова.**—Стихи **А. Н. Муравьева** про статую Аполлона Бельведерскаго.—Четверостишіе **Н. И. Греча.** — „Новая Свѣтлана". Породія, примѣненная къ Н. А. Полевому (1840).—Стихотвореніе барона **А. А. Дельвига.**—Два стиха **А. С. Пушкина.** — Русскія народныя пѣсни во Французскомъ переводѣ **А. С. Пушкина.**—Польская графиня про князя П. А. Вяземскаго.—Острословія **А. О. Армфельда.**—Орелъ съ его уѣздами. Стихи **С. А. Соболевскаго.**—Письма двухъ секундантовъ Лермонтова (**Глѣбова и князя Васильчикова)** къ Н. С. Мартынову.—Стихи **Н. Ф. Павлова** въ Московской долговой ямѣ.—Шуточная стихотворная хроника Московскаго университета.—Письмо **М. П. Погодина** къ издателю Русскаго Архива по поводу запрещенія Записки Карамзина о Древней и Новой Россіи.—Н. С. Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо. — Декабристъ баронъ Розенъ о Эстляндскихъ дѣлахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(Выпуски 4—8).

Разсказы про Петра Великаго.—Двойной вѣроотступникъ (1739) **Д. И. Сапожникова.**—Письма **Екатерины Великой** къ И. И. Козлову.— **А. Т. Князевъ,** трудолюбецъ прошлаго вѣка. Статья **Н. П. Барсукова.**—Историческая справка, по поводу празднованія Орловскимъ дворянствомъ столѣтія дворянской грамоты. **Н. А. Ратынскаго.**—Жалованная грамота **Государыни Императрицы Екатерины Второй** дворянству.—Предложеніе **І. Н. Шатилова** по случаю столѣтней годовщины дворянской грамоты.—Много лѣтъ назадъ. **И. С. Листовскаго.**—О декабристѣ Корниловичѣ.—Автобіографія **А. О. Дюгамеля.**—Дѣла давно минувшихъ дней. **Н. А. Рѣшетова.**—Воспоминанія сапера. **И. М. Старицкаго.**—Секретныя показанія **графа А. А. Закревскаго** о нѣкоторыхъ Москвичахъ.—Кавказскія воспоминанія **А. Л. Зиссермана.** — Достопамятныя минуты въ моей жизни. Записка **А. И. Левшина.** — Гарибальди про Русскій народъ. Замѣтка **Н. Х. Весселя.** Со снимкомъ.—Записки **графа Дмитрія Николаевича Толстаго.**—Четыре записки **графа М. Н. Муравьева** о сѣверо-западномъ краѣ.—Стихи **Некрасо-**

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

(выпуски 5, 6, 7 и 8-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886.

3.

Въ 1886 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

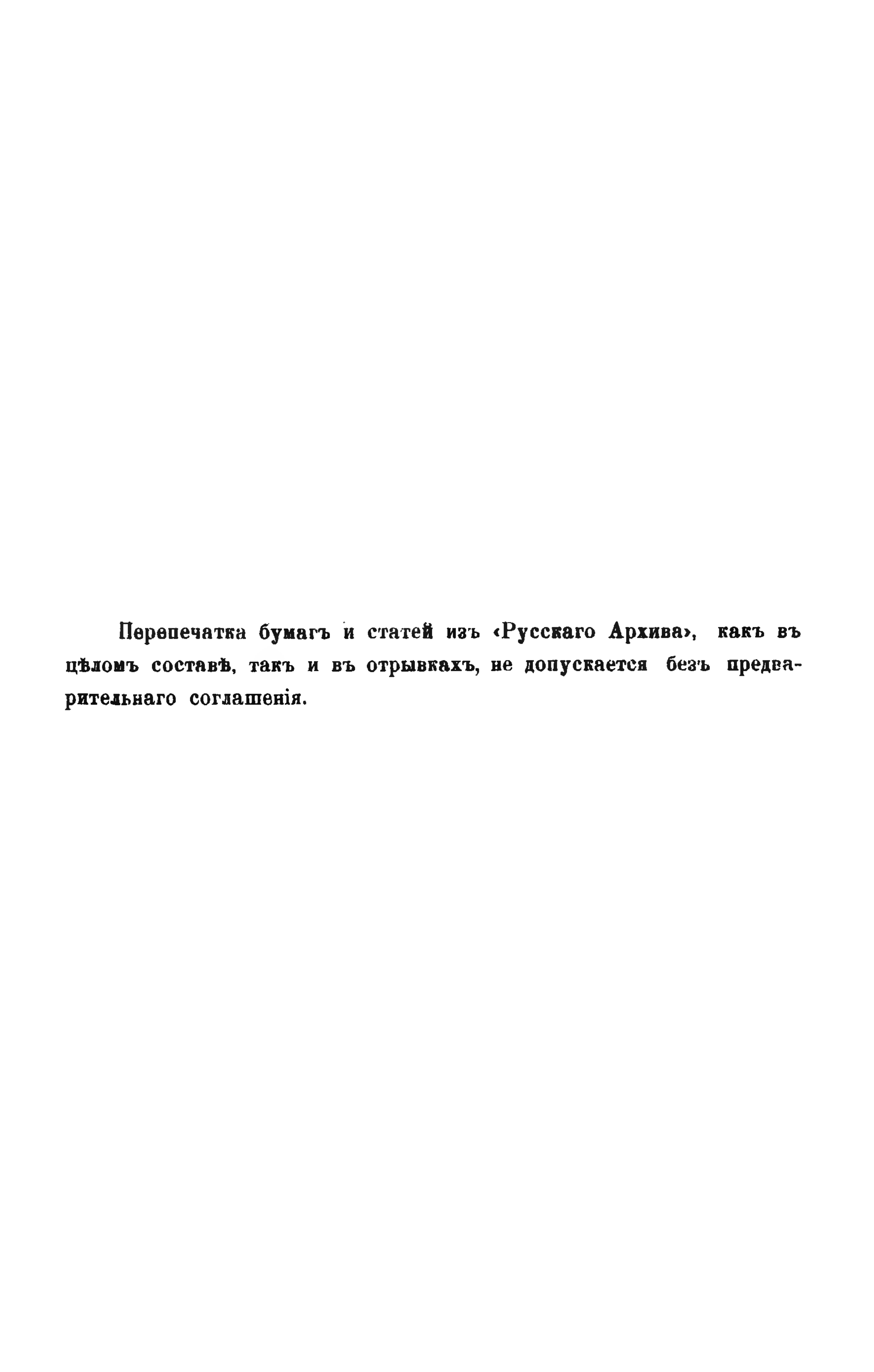
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1886.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ

ПЕТРУ СЕМЕНОВИЧУ САЛТЫКОВУ.

1762—1771.

Съ подлинниковъ хранящихся въ библіотекѣ Петра Ивановича Мятлева.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно....

Эти стихи вспомнились намъ по поводу толковъ, вызванныхъ Записками Вейкарта и письмами Екатерины Великой къ графу Валерьяну Зубову, появившихся въ „Русскомъ Архивѣ" нынѣшняго года. Они помѣщены у насъ въ виду важности Екатерининскихъ отношеній къ молодому герою и характерности показаній наблюдательнаго врача. Не наше дѣло утаивать живыя выдающіяся черты изучаемаго времени; но и не наша вина, коль скоро толпа, „рабыня суеты", охотнѣе читаетъ про „зеленыя канапе", чѣмъ про высокія государственныя свойства историческаго лица.

Нынѣ мы истинно счастливы возможностью представить читателямъ цѣлый рядъ писемъ Екатерины Великой къ побѣдителю Фридриха Великаго, графу Салтыкову. Это историческіе документы, полные важнаго значенія и вполнѣ изображающіе великую царицу. Сама Екатерина дорожила ими. По кончинѣ графа Салтыкова писала она въ Москву его преемнику, князю М. Н. Волконскому: „Я чаю, множество моихъ писемъ (къ нему) осталось по разнымъ дѣламъ чрезъ десять лѣтъ. Чтобъ собрали ихъ въ одно мѣсто; а вы ихъ своею печатью запечатайте. Я не спорю, не замай, останутся въ фамиліи; но еще рано, чтобъ иныя въ руки попались кому до нихъ дѣла

нѣту: я иногда очень откровенно ему писывала. И прикажите оныхъ писемъ послѣ графу Ивану Петровичу (Салтыкову) отдать съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ сохранялъ, и онѣ бъ не попались никому въ руки („Осмнадцатый Вѣкъ“ I, 86). Письма эти бережно сохранились у Петра Ивановича Мятлева, роднаго праправнука того лица, къ кому они писаны, и теперь не представляется никакого препятствія къ ихъ обнародованію.

Краткая біографія графа П. С. Салтыкова находится въ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли Бантыша-Каменскаго, появившемся въ 1836 году. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи полувѣка, набралось довольно извѣстій о немъ, разсѣянныхъ по разнымъ книгамъ. Онъ былъ человѣкъ достопамятный, и подробное описаніе жизни этого воина и правителя можетъ наполнить собою цѣлую книгу. Будучи гвардейскимъ солдатомъ, онъ посланъ былъ Петромъ Великимъ въ чужіе края учиться мореходству, и по этому поводу онъ прожилъ около двадцати лѣтъ во Франціи, но морякомъ не сдѣлался. Будущій Московскій генералъ-губернаторъ съ молодыхъ лѣтъ полюбилъ театральныя представленія, и въ его управленіе жители Москвы стали привыкать къ театру. Отецъ его Семенъ Андреевичъ, находясь въ дальнемъ родствѣ съ Анной Іоанновной, успѣлъ оказать ей услуги при ея воцареніи, сдѣлался графомъ и Московскимъ главнокомандующимъ. Въ 1741 году графъ Петръ Семеновичъ былъ уже генералъ-поручикомъ и отличился въ Шведской войнѣ. Его женитьбою на княжнѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ Трубецкой обезпечивалась ему милость императрицы Елисаветы Петровны, которая въ третій годъ нашего участія въ Семилѣтней войнѣ ввѣрила ему войска наши. Это было лѣтомъ 1759 года.

Находившійся въ то время въ Кенигсбергѣ Болотовъ пишетъ о графѣ Салтыковѣ: „Старичекъ сѣденькій, маленькій, простенькій, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ дальнихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпіямъ въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и по всему видимому ничего незначащему старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи, какова была наша и предводительствовать ею противъ такого короля, который удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, храбростью, проворствомъ и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущею курочкою“..... (Записки Болотова, I, 871). Наружность бываетъ обманчива: командованіе графа Салтыкова было наиболѣе славнымъ для Русскаго оружія во время этой войны. 12-го Іюля 1759 года при Пальцигѣ разбилъ онъ Прусскаго генерала Веделя, и вскорѣ при Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ, нанесъ такое пораженіе самому королю Фридриху, что тотъ считалъ себя окончательно погибшимъ и увѣрялъ потомъ, будто помышлялъ о самоубійствѣ. Пальцигскую баталію долго потомъ помнили наши предки, а за Кунерсдорфскую (или Франкфуртскую) Елисавета Петровна придумала особую награду побѣдителю: выбиты были серебряные рубли съ изображеніемъ графа Салтыкова и съ подписью 1-го Августа 1759, ко-

торые главнокомандующій раздавалъ отличившимся воинамъ. По словамъ историка Семилѣтней войны Аргенхольца, цѣлые возы этихъ рублей прибывали изъ Петербурга въ Восточную Пруссію. Тогда же графъ Салтыковъ пожалованъ чиномъ генерала-фельдмаршала. Солдаты чрезвычайно любили графа Петра Семеновича: „когда ядра мимо его со свистомъ летали, то онъ съ холодною кровью въ слѣдъ ихъ хлыстикомъ постегивалъ и шутилъ". (Порошинъ, новое изданіе, 62). Онъ удивлялъ и необыкновенною крѣпостью здоровья: „въ самые большіе вѣтры, въ громовую и дождливую погоду, ѣзжалъ за охотой" (тамъ же, 279). Находившійся подъ его начальствомъ молодой Суворовъ могъ кое-чему научиться отъ него.

Лично Екатерина должна была еще великою княгинею близко знать графа Петра Семеновича по его женѣ, двоюродной сестрѣ И. И. Бецкаго: въ Москвѣ въ домъ князей Трубецкихъ на Покровкѣ (нынѣ четвертая гимназія) привезена была Екатерина на 15-мъ году отъ рожденія. Трубецкіе и Салтыковы были первыя Русскія семейства, съ которыми она сблизилась. Въ ихъ многолюдномъ обществѣ начала она изучать Русскіе нравы и обычаи; тутъ зародилась ея любовь къ Россіи, возраставшая съ лѣтами и не ослабѣвшая въ ней до конца. Во всякомъ случаѣ она высоко цѣнила въ графѣ Салтыковѣ героя и славу Русскаго имени, какъ показываютъ нижеслѣдующія письма, и 15-го Мая 1763 назначила его генералъ-губернаторомъ въ Москву, гдѣ нѣкогда, при Аннѣ Іоанновнѣ, тоже мѣсто занималъ отецъ его. (Замѣчательно, что въ теченіи слишкомъ полувѣка три графа Салтыкова, отецъ, сынъ и внукъ, графъ Иванъ Петровичъ, правили Москвою, имѣя посреди ея огромную усадьбу, нынѣ принадлежащую потомку ихъ П. И. Мятлеву и занимающую почти цѣлый кварталъ между Тверскою и Большою Дмитровкой). Графъ Петръ Семеновичъ смѣнилъ въ этой должности другаго фельдмаршала, графа А. Б. Бутурлина, который извѣстенъ былъ слабостію умственныхъ способностей и, вѣроятно, не умѣлъ управиться съ тогдашнею Москвою, гдѣ на первыхъ порахъ Екатерининскаго царствованія много находилось недовольныхъ воцареніемъ Нѣмецкой принцессы, и устроивались заговоры къ ея сверженію съ престола.

29-го Сентября 1764 года Порошинъ отмѣтилъ, что съ десятилѣтнимъ тогда великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ „смотрѣлъ онъ планъ Франкфуртской баталіи, который присланъ вскорѣ послѣ оной баталіи къ его высочеству отъ фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова. Великій князь изволилъ высматривать ордеръ баталіи и который полкъ стоялъ подлѣ котораго". Пріѣзжая изъ Москвы, графъ Салтыковъ не рѣдко приходилъ къ наслѣднику престола. 16-го Іюня 1765 года у Порошина записано: „Въ концѣ обѣда пришелъ фельдмаршалъ Салтыковъ. Въ сапогахъ и въ шарфѣ, бодръ еще". (Его тогда пригласили къ Красносельскимъ большимъ маневрамъ; ему было 65-ть лѣтъ отъ роду). Но, кажется, къ нему могутъ относиться стихи Пушкина:

Бывало, важный генералъ
Служилъ и грамотѣ не зналъ.

По крайней мѣрѣ у Порошина (стр. 524) читаемъ, что однажды за обѣдомъ у великаго князя стали говорить о томъ, что адмиралъ С. И. Мордвиновъ и графъ Салтыковъ оба учились во Франціи. Его высочество спрашивалъ графа Ивана Григорьевича (Чернышова) на ухо: который же изъ нихъ лучше? Иванъ Григорьевичъ и Никита Ивановичъ (Панинъ) смѣялись много сему вопросу и говорили, что врядъ морской-атъ еще не лучше ли, потому что что-нибудь да выучилъ, а тотъ уже совсѣмъ ничего". Графъ Салтыковъ отличался и добродушіемъ. Говорятъ, что однажды Екатерина спросила его подробностей о томъ, какъ ему посчастливилось разбить Фридриха Великаго. „И, матушка, отвѣчалъ побѣдитель: развѣ это я? Это наши солдатики". Выборъ такого человѣка для управленія Москвою былъ удаченъ, и въ то время еще болѣе нежели во времена Пушкинскія „надменная Москва" могла быть довольна этимъ назначеніемъ.

По нижеслѣдующимъ письмамъ историкъ можетъ слѣдить за отношеніями Екатерины къ Русской первопрестольной столицѣ въ первое десятилѣтіе ея царствованія, какъ постоянною заботливостью о благѣ общественномъ, трезвостью государственной мысли, неуклонною взыскательностью въ необходимыхъ случаяхъ и въ тоже время человѣколюбіемъ, простотою, ласковой веселостью заставила она если не полюбить, то оцѣнить себя. Припомнимъ, что Москва въ то время была самымъ многолюднымъ городомъ въ Россіи и слишкомъ втрое превосходила Петербургъ числомъ жителей. П. Б.

1762.

1.

Господинъ фельдмаршалъ! Поздравленіе ваше съ благополучнымъ Его Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ восшествіемъ тѣмъ паче къ особливому нашему удовольствію служитъ, что не токмо довольно знаемъ мы усердную вашу къ службѣ Его Императорскаго Величества ревность и къ намъ благоговѣніе, но что и отличныя заслуги ваши и достоинства имѣемъ мы въ особливомъ уваженіи, о чемъ, равно какъ и о непремѣнной нашей къ вамъ милости, вы всегда совершенно благонадежны быть можете. «Екатерина» *).

Въ С.-Петербургѣ, въ 14 д. Генваря 1762.

Любопытно, что письмо это писано въ царствованіе Петра III-го, который на первыхъ порахъ отчасти слушался своей супруги, чему Екатерина, приписываетъ и то, что все обошлось благополучно при его восшествіи на престолъ (см. „Антидотъ“ въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“ IV, стр. 313). П. Б.

2.

«Господинъ генералъ фельдмаршалъ.

Все дѣло помочію Божіею окончилось благополучно, и мы вступили на престолъ Всероссійской съ воклицаніемъ всего народа, а бывшій Императоръ самъ добровольно отказался отъ престола своеручнымъ писменнымъ предъ всѣмъ свѣтомъ удостовѣреніемъ. Я для скорѣйшаго полученія сей пріятнѣйшей для васъ вѣдомости послала оную къ вамъ чрезъ сына вашего, которой, видя все, персонально можетъ вамъ изустно лутче и достовѣрнѣйше все разсказать. Екатерина.

29 Іюня 1762 года. На другой день восшествія нашего на престолъ.»

3.

«Господинъ генералъ фельдмаршалъ. Вы увидите изъ присланной при семъ депеши что̀ я для свѣта декларировала. Однакожъ будьте увѣрены, что и я и всѣ вѣрные сыны отечества весьма довольны вашимъ поступкомъ, что вы велѣли занимать королевство Пруское. Авось Богъ дастъ передѣлывать по своему несносный сей миръ. Не спѣшите, да

*) Здѣсь и во всѣхъ дальнѣйшихъ письмахъ писанное Екатериною своеручно обозначено вносными знаками „ “. П. Б.

будьте осторожны: естьли король Пруской графа Чернышова не отпустить, чтобы намъ плассъ-дармъ вѣрно въ рукахъ досталось. Истинно, всѣ вамъ говорятъ спасибо. Екатерина.

11 Іюля 1762".

4.

«Господинъ генералъ фельдмаршалъ.

Когда вы благополучно въ Россію повернете съ арміею, тогда приманите подъ рукою, не огорча Поляковъ, Россійскіе къ нимъ бѣглые и другіе единовѣрцы, дабы оные люди къ намъ опять перешли и прочимъ командирамъ о томъ дайте наставленіе. Впрочемъ будьте увѣрены, что нельзя довольнѣе быть какъ я есмь вашими поступками, и мало кто инова думаетъ какъ я.

Екатерина.

Іюля 18 ч. 1762".

5.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему генералу фельдмаршалу графу Салтыкову.

На полученныя чрезъ нарочную штафету реляціи ваши подъ № 17, 18 и 19 находимъ мы запотребно въ резолюцію вамъ объявить.

1-е. Всемилостивѣйше апробуемъ мы учиненныя вами по полученіи рескрипта нашего отъ 4 числа сего мѣсяца распоряженія, касающіяся до возвращенія нашихъ войскъ въ Россію; а что вы просите повелѣнія нашего гдѣ вамъ по прибытіи въ Россійскія границы квартеру свою взять, то мы всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ по прибытіи въ наши границы назначенные въ Курляндію, Лифляндію и Естляндію полки поручить въ главную команду нашему генералу аншефу и г-лу губернатору Броуну, а самимъ вамъ отправиться ко двору нашему въ Москву, куда мы вскорѣ путь воспріять намѣрены.

2-е. О находящихся въ Мемелѣ и Либавѣ галерахъ и другихъ судахъ писано уже въ нашу Адмиралтейскую Коллегію, чтобъ она опредѣленіе объ оныхъ учинила.

3-е. На представленіе генералъ-поручика Воейкова о продажѣ соли или объ отдачѣ въ Прусскую сторону по той цѣнѣ, по какой въ казну нашу обошлась, имѣете вы ему подтвердить, чтобъ онъ поступилъ въ томъ по насланному во время бывшаго правленія указу; а инако, буде того совсѣмъ отъ Прускихъ управителей обдержать не можно, то старался бы по меньшей мѣрѣ хотя нѣкоторой возвратъ денегъ въ казну нашу получить. Тожъ разумѣется и о взятыхъ въ казну нашу,

а нынѣ Прускимъ правительствомъ обратно требуемыхъ, десяти тысячахъ талеровъ почтовыхъ сборовъ, кои стараться также удержать въ казнѣ нашей. И пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ. Августа 29 дня 1762 года.

«Екатерина».

«Пожалуй, пріѣзжайте скорѣе къ Москвѣ; а я Воскресеніе отселѣ отъѣзжаю».

6.

«Господинъ фельдмаршалъ. Я намѣрена учредить военную комисію для разсмотрѣнія и опредѣленія всего того чтò до арміи касаться только можетъ дабы мы разомъ могли выитить изъ непорядковъ и уменьшить крючки. Прошу васъ, дабы вы написали, въ какой силѣ вы думуете оной комисіи инструкцію дать, не собщась о томъ ни съ кѣмъ, а только для единственнаго моего вѣдомства, къ славѣ и благоденствію мнѣ отъ Бога врученной Имперіи. Отсутствіе ваше не дозволило о семъ съ вами словесно говорить, и того для къ вамъ сіе пишу.

Екатерина.

Октября 9 ч. 1762".

1763

7.

Секретнѣйше.

Указъ нашему генералу фельдмаршалу графу Салтыкову.

Съ какимъ наставленіемъ мы отъ сего числа повелѣли выступить дивизіи вашей четыремъ полкамъ, а именно тремъ инфантерскимъ и одному кавалерійскому, изъ Лифляндіи въ Польшу, о томъ вамъ объявлено будетъ отъ Военной Коллегіи; а чрезъ сіе вамъ повелѣваемъ дать отъ себя увѣдомленіе, яко отъ главнокомандующаго вашею дивизіею, гетману Литовскому Масальскому, что сіи четыре полка единственное только намѣреніе имѣютъ для сокращенія пути перейти изъ Лифляндіи въ Кіевъ и стараться вамъ, чтобъ ваше увѣдомленіе онъ Масальской въ свое время могъ получить. «Екатерина».

1763 года, Маія дня.

8.

Указъ нашему генералу фельдмаршалу графу Салтыкову.

Кого мы определили въ Московской Сенатской Конторѣ изъ нашихъ сенаторовъ, о томъ мы уже дали знать нашему Сенату. Но чрезъ сіе вамъ еще повелѣваемъ, яко старшему, въ тойже Сенатской Конторѣ по важнѣйшимъ дѣламъ присутствовать и препоручаемъ сверхъ того главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ семъ столичномъ нашемъ городѣ, всевысочайше при томъ повелѣвая вамъ въ свою команду принять дивизію Московскую, которою до сихъ поръ командовалъ нашъ генералъ фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ и чтобъ вы о всѣхъ оставшихся въ Москвѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ репорты, командирамъ ихъ на всякія незапныя приключенія и происшествія давали свои наставленія. Почему вы, кромѣ обыкновенныхъ конторскихъ репортовъ, можете доносить прямо на имя наше реляціями, какъ о состояніи города и въ немъ тишины, такъ и о добромъ во всѣхъ околичныхъ и другихъ мѣстахъ порядкѣ. Но чтобъ вы, оставаяся главнымъ въ городѣ командиромъ, не имѣли недостатка по характеру вашему въ содержаніи благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней, то повелѣваемъ вамъ получать изъ нашей Статсъ-Конторы на столъ вашъ по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ, пока вы у сей должности пробудете. Впрочемъ мы уповаемъ, что вы, по ревности и усердію къ службѣ нашей, во всемъ соотвѣтствовать желаніямъ нашимъ, къ благосостоянію всѣхъ намъ вѣрноподданныхъ склоняющимся, не оставите, и что благоденствіе въ семъ столичномъ городѣ и тишина непоколебимы всегда пребудутъ. «Екатерина».

1763 года Маія 15 дня.
Москва.

9.

«Секретнѣйше.

Графъ Петръ Семеновичъ. Извольте ѣхать въ городъ и имѣть на нынѣшнее время особое недреманное око на безопасность толь великаго города, къ чему претекстомъ вамъ служить могутъ часто бываемые пожары, а въ нужное время Василій Ивановичъ Суворовъ болѣе вамъ имѣетъ открывать.

Екатерина.

24 Маія 1763 г.“ [1])

---

[1]) Относится къ заговору Хрущова, имѣвшему цѣлью помѣшать браку Екатерины съ графомъ Орловымъ. Сличить письмо Екатерины къ В. И. Суворову отъ того же числа, изъ Ростова (Сборникъ Р. Ист. Общ. I, 289). П. Б.

10.

Указъ нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Повелѣваемъ вамъ, получа сіе, чрезъ двадцать четыре часа отправить нашего камеръ-гера и нашей лейбъ-гвардіи капитана Александра Рославлева для нѣкоторой секретной и весьма нужной коммиссіи въ крѣпость Св. Дмитрія, гдѣ ему исполнить по особо данному отъ нашей Иностранной Коллегіи предписанію тамошней крѣпости главному командиру; и для того упомянутому Рославлеву дать потребное число почтовыхъ подводъ и на нихъ прогонныя деньги.

«Екатерина.

Іюня дня 763 году.

Сей указъ исполнить три дни по отъѣздѣ моемъ».

11.

Указъ нашему генералъ фельдмаршалу графу Салтыкову.

Повелѣваемъ вамъ по полученіи сего на другой день отправить нашей лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полку премьеръ-маіора Николая Рославлева въ Украйну къ генералу поручику Мельгунову для нѣкоторой порученной отъ насъ особливой коммиссіи, давъ упомянутому Рославлеву потребное число почтовыхъ подводъ и на нихъ прогоны.

(Безъ подписи).

Іюня дня 763 года.

«По выѣздѣ брата его изъ Москвы вручить ему сей указъ» [1]).

12.

«Графъ Петръ Семеновичъ Я думаю, между тѣхъ указовъ, которыхъ я вамъ оставила запечатанны, есть одинъ или два, у которыхъ надпись *въ Сенатъ*; но оное ошибкой сдѣлалось: надобно, чтобъ они имѣли исполненіе въ Сенатской Конторѣ.

Екатерина».

13.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Зная, что вы желаете вѣдать о продолженіи моего пути, чрезъ сіе увѣдомляю васъ, что я сего утра, т.-е. Воскресенье, въ четвертомъ часу поутру, сюда въ Клинъ въ добромъ здоровьѣ пріѣхала. Послѣ обѣдни поѣдемъ далѣе. Дорога посредственна. Желаю вамъ здравствовать.

Екатерина» [2]).

---

[1]) Оба Рославлевы подверглись благовидной ссылкѣ за участіе въ заговорѣ противъ графовъ Орловыхъ (Сборн. Р. Ист. Общ. I, 294 и XLVIII, 527). П. Б.

[2]) Письма 12-е и 13-е безъ чиселъ, но могутъ относиться къ Іюню 1763 года. П. Б.

14.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Понеже гренадеръ Власьевъ человѣкъ худова состоянія и съ тестемъ и съ тещею не въ ссорѣ, а они оба на него доказываютъ, то надлежитъ его признавать за обличеннаго въ произношеніи дерзкихъ и ложныхъ словъ и сослать его подъ карауломъ въ дальной Сибирской гарнизонъ въ солдаты съ тѣмъ приказаніемъ, чтобъ изъ того полку ни подъ какимъ видомъ сюда опять не присланъ былъ *).

Естьли Рогожинъ состоянія худова, то, выписавъ его изъ гвардіи, послать въ отдаленные напольные полки, а естьли онъ хорошаго состоянія, то оставить въ гвардіи; и станется, что Власьеву въ пьянствѣ его имя первое пришло въ память, и онъ его назвалъ, и не болѣе вѣру въ томъ имѣть можно, какъ и о томъ, что Власьевъ на Петра Воейкова всклепалъ.

Московскаго баталіона сержанту Караваеву прикажите выдать пятьдесятъ рублей.

Я сіе сама пишу по той причинѣ, что писать некому. Я изъ Царскаго Села сюда въ Ораніенбаумъ на однѣ сутки пріѣхала съ самой малой свитой. Я получила репортъ вашъ о исполненіи запечатанныхъ и вамъ врученныхъ мною указовъ. Я надѣюсь, что уже всѣ выѣхали. Желаю вамъ здравствовать и остаюсь къ вамъ всегда доброжелательная.

Екатерина.

Іюня 25 дня 1763".

15.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ памяти моей вышло: при вступленіи генералъ-маіора Салтыкова съ четырьми полками въ Польшу писали ли вы къ гетману Масальскому о проходѣ оныхъ полковъ? Естьли еще отъ васъ не писано (понеже вы въ самое то время обмѣнились дивизіями), то сего послѣдняго по полученіи вашего отвѣта заставлю писать къ гетману. Завтру къ вечеру поѣду въ городъ, а здѣсь, благодаря Богу, все благополучно.

Екатерина.

27 Іюня ч. 1763".

---

*) Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ, Екатерина издала, 4 Іюня 1763, такъ называемый манифестъ о молчаніи, которымъ запрещались толки и разсужденія о правительствѣ. Манифестъ объявляли съ барабаннымъ боемъ. П. Б.

16.

Графъ Петръ Семеновичъ. Не могу я не сказать вамъ, что доходятъ до меня непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной картошной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренныя игры ни къ чему болѣ не служатъ, какъ только къ единственному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ и другихъ людей не рожденныхъ дворянами: ибо промотавшійся дворянинъ найдется обязаннымъ продавать свои деревни, которыхъ другіе дворяне, не имѣя достаточнаго числа къ покупкѣ денегъ, купить не въ состояніи; а въ такомъ случаѣ и останется покупать однимъ фабрикантамъ, кои, чтобъ только имѣть деревни за собою, всегда лишнее передать могутъ, отъ чего и запрещеніе о непокупкѣ имъ деревень въ неисполненіе приходить можетъ. Того ради прикажите на крѣпко смотрѣть, чтобъ ни въ какія большія и азартныя игры не играли, и подтвердите въ полицію, чтобъ публикованные о томъ указы точно наблюдаемы были. Впротчемъ я, за поздравленіе ваше съ восшествіемъ моимъ на престолъ тѣмъ паче васъ благодарю, чѣмъ больше о вашемъ ко мнѣ усердіи будучи увѣрена, пребываю вамъ доброжелательною. «Екатерина».

Іюля 7 день 1763.

«Желаю вамъ веселиться, а у насъ все слава Богу благополучно».

17.

Указъ нашему фельдмаршалу графу Салтыкову.

Въ Главномъ Магистратѣ рѣшено дѣло Донскаго войска казаковъ Андрея Смѣлаго съ товарищи, и конфисковано у нихъ вывозное ими виноградное вино за производимую, въ противность указовъ, розничную продажу. Мы о поступленіи въ продажу всего того вина по законамъ нашему генералу рекетмейстеру Козлову повелѣли объявить Главному Магистрату нашъ имянной указъ, и хотя они казаки за то преступленіе и заслуживали себѣ въ штрафъ, чтобъ то вино конфискованное продано и половина денегъ взять въ нашу казну, а другую отдать доносителямъ; но какъ изъ дѣла видно, что оное ими учинено въ первый разъ и отъ невѣдѣнія законовъ, въ разсужденіе чего, «не меньше жъ и по бѣдности», изъ матерняго нашего къ нимъ милосердія всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ Главному Магистрату дать знать, дабы оное вино все, сколько его конфисковано, продать и какъ скоро продадутъ, то всѣ жъ взятыя за него деньги, взявъ изъ того Магистрата, отдать имъ казакамъ Смѣлому съ товарищи.

«Екатерина».

Іюля 11 дня 1763.
Санктпетербурхъ.

18.

Секретно.

Указъ нашему генералу фельдмаршалу графу Салтыкову.

По причинѣ уничтоженія Тайной Канцеляріи принадлежащія до оной дѣла вступають въ Сенатъ и въ Контору онаго, какъ и вамъ о томъ извѣстно. Но естьли бы ихъ всѣмъ собраніемъ производить, то была бы въ томъ крайняя неудобность и затрудненіе, а иногда и такія между тѣмъ скаредныя и вымышленныя обстоятельства выходятъ, что къ свѣдѣнію многимъ персонамъ неблагопристойны: то мы вамъ высочайше повелѣваемъ, по отсутствіи нашемъ изъ Москвы, по всѣмъ поступающимъ изъ разныхъ мѣстъ важнымъ дѣламъ въ Сенатскую Контору, кои до сего принадлежали до Тайной Канцеляріи, имѣть единственно вамъ производство, не дѣлая на то общихъ Сенатской Конторы опредѣленіевъ, а что̀ по слѣдствіямъ оказываться будетъ, писать къ намъ съ приложеніемъ своего мнѣнія и, не чиня экзекуціи, ожидать отъ насъ конфирмаціи.

«Екатерина».

Іюля 13 день 1763 года.

19.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Поздравляю васъ съ новорожденнымъ внукомъ; желаю, чтобъ вы радовались его внуками. Я разучилась на одномъ мѣстѣ сидѣть: съ 14 Маія [1]) я нигдѣ двѣ недѣли сряду не оставалась. Нынѣ сюда переѣхала водою, а въ Пятницу поѣду въ Кронштадтъ, оттудова въ Понедѣльникъ возвращусь сюда, а къ 6-му Августа въ городъ отправлюсь. Les mauvais plaisants disent [2]), будто мы нигдѣ не живемъ, а только кочуемъ какъ Калмыки. Въ прочемъ все здѣсь благополучно и весело. Я весьма рада, что около Москвы вашимъ стараніемъ дороги отъ бездѣльниковъ очищены, чего я изъ послѣдняго вашего письма усмотрѣла. Я нынѣ по большой части водою ѣзжала. Левъ Александровичъ хочетъ писать къ князю Сергѣю Васильевичу [3]), чтобъ онъ другое мѣсто сыскалъ; говоритъ: морскіе у насъ лавочку перебили. Желаю вамъ веселиться, а особливо съ моими соколами. Князю Василію Михайловичу прошу кланяться; я чаю, онъ въ Васильевскомъ немало изъ пушекъ стрѣляетъ [4]). Я бъ и къ нему водою пріѣхала, да

---

[1]) Т.-е. со дня путешествія изъ Москвы въ Троицкую Лавру и въ Ростовъ на перенесеніе въ новую раку мощей Святителя Димитрія. П. Б.

[2]) Злоязычники въ шутку говорятъ.

[3]) Нарышкинъ къ князю Гагарину? П. Б.

[4]) Васильевское, на высокомъ берегу Москвы рѣки, близъ Воробьевыхъ горъ (впослѣдствіи Мамоновская дача), принадлежало князю В. М. Долгорукому, получившему позднѣе имя Крымскаго. П. Б.

далеко, о чемъ очень сожалѣю. Заставьте его ко мнѣ писать: спѣси ради, я не первая къ нему пишу, et employez tous les deux le style familier et non pas cérémonieux en m'écrivant; je vous en donne l'exemple. Je vous souhaite d'être d'aussi bonne humeur en me répondant que je suis en vous écrivant, et cela parce que je vous aime beaucoup [1]).

Екатерина.

Изъ Петергофа,
15 числа Іюля 1763".

20.

Графъ Петръ Семеновичъ. Извѣстно намъ, что маіорши Пелагеи Игнатьевой дѣла въ Вотчинной Коллегіи съ полковникомъ Иваномъ Игнатьевымъ же, и въ Судномъ Приказѣ съ Натальею Воейковою продолжаются восьмой годъ; и для того повелѣваемъ Сенатской Конторѣ оныя мѣста къ скорѣйшему тѣхъ дѣлъ окончанію и рѣшенію принудить.

«Екатерина».

Августа 4 дня 1763.
Санктпетербургъ.

21.

Графъ Петръ Семеновичъ. Извольте приказать Юрова содержать въ деревнѣ его подъ карауломъ, такъ какъ уже то нами конфирмовано, а для онаго караула опредѣлить изъ Московскаго баталіона двухъ или трехъ солдатъ безсмѣнно.

«Екатерина».

Августа 4 дня 1763 года.

22.

Графъ Петръ Семеновичъ. Представленное мнѣ отъ васъ Петра Лакостова [2]) письмо я разсматривала и, по содержанію въ томъ показуемаго, симъ даю мою резолюцію. Когда Шереметевъ [3]), съ прочими согласясь, дочь его въ замужество безчестнымъ образомъ подговорили и украли противъ Божескихъ и гражданскихъ правъ, такъ для чего же

---

[1]) И оба пишите слогомъ простымъ, а не велерѣчивымъ; я вамъ подаю въ томъ примѣръ. Желаю вамъ, отвѣчая мнѣ, быть въ томъ же добромъ нравѣ, какъ я пишучи къ вамъ, и это потому, что я васъ очень люблю.

[2]) Лакостовъ или Лакость (какъ онъ пишется въ другихъ бумагахъ) не сынъ ли извѣстнаго шута при дворѣ Анны Іоанновны? П. Б.

[3]) Ѳедоръ Владимировичъ Шереметевъ; потомства не оставилъ. Супруга его Марья Петровна, ур. Лакость (1735 — 1807), во второмъ бракѣ за Тютчевымъ, извѣстна учрежденіемъ богадѣльни въ Москвѣ, на Солянкѣ (у кн. Долгорукова, № 49). П. Б.

онъ по законамъ не ищетъ удовольствія? А о дочери, какъ уже и самъ объявляетъ, что ее простилъ, и чтобъ она теперь (хотя и не проситъ, изъ почтенія должнаго къ отцу), чрезъ лишаемое отъ него своего по правамъ принадлежащаго материнскаго имѣнія, огорченія и печали не чувствовала и помощи не желала, того и самъ Лакостовъ, ежели онъ честную совѣсть имѣетъ, не признать не можетъ. Но когда онъ того донынѣ добровольно не оказалъ и по сему не согласился: то я повторяю мое прежнее повелѣніе. Въ такомъ случаѣ объявите юстиціи, чтобъ оная въ доставленіи оной его дочери теперь получить по Божескимъ и гражданскимъ законамъ слѣдующее имѣніе учинила надлежащее рѣшеніе и исполненіе подъ вашимъ наблюдательствомъ, безъ продолженія.

«Екатерина».

Августа 13 дня 1763.
Санктъ-Петербургъ.

23.

„Санктъ-Петербургъ, Августа 13 ч. 1763.

Графъ Петръ Семеновичъ. Чрезъ зятя вашего [1]) я получила ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ его рекомендуете. Будьте увѣрены, что я всегда буду помнить, что онъ зять вашъ, а вы знаете сколь далеко простирается моя къ вамъ повѣренность. Прасковьѣ Юрьевнѣ прошу поклониться и тоже сказать въ отвѣтъ на ея ко мнѣ письмо.

О Петрѣ Салтыковѣ инова вамъ сказать еще не могу, какъ то, что, сколько мнѣ помнится, сыну и женѣ его отданы прежнія деревни, а ему возвращена одна та, въ которой онъ живетъ; а я отъ нихъ отнять не желаю нынѣ, прежде чѣмъ я увижу, чтó по насланному указу Сенатской Конторы сдѣлается въ воеводской канцеляріи того уѣзда, гдѣ его деревня. А естьли вы увидите, что отвѣтъ отъ того мѣста замѣшкается и тамъ ни суда, ни расправы не будетъ, то можете требовать воеводу самого къ Москвѣ къ отвѣту.

Вы Адаму Васильевичу жалуетесь que vous faites peu dans le Comtoir du Senat, quoique vous vous assembliez souvent [2]). А я думаю, что у васъ прокуроръ плохъ и канцелярскіе служители; car tandis qu'il était à Pétersbourg s'était la même chose au Comtoir: ils n'ont presque rien fait [3]), а особливо апелляціонныхъ они, во все время моего отбытія,

---

[1]) Ихъ было трое: П. Ѳ. Квашнинъ-Самаринъ, графъ А. И. Шуваловъ и князь В. Б. Голицынъ. П. Б.

[2]) Что вы мало дѣлаете въ Сенатской Конторѣ, хотя часто собираетесь.

[3]) Ибо, когда онъ былъ въ Петербургѣ, тоже самое происходило въ Конторѣ: они почти ничего не дѣлали, и я полагаю, что надо подумать о смѣнѣ вашего прокурора; онъ неряха.

лишь пять дѣлъ, сказываютъ, рѣшили, а въ Сенатѣ очень много рѣшено, et je crois qu'il faut penser à changer m. votre procureur qui est un неряха. Также Адамъ Васильевичъ [1]) мнѣ сказывалъ, что весьма много пустыхъ слуховъ на Москвѣ. Мое мнѣніе есть, чтобъ когда нибудь по вашему разсмотрѣнію отъ человѣка до человѣка, не сдѣлавъ изъ того бѣды, навѣдываться, отъ кого такой слухъ происходитъ, а автора онаго наказать по винѣ.

J'ai suivi vos conseils: j'ai quitté la mer et j'ai été deux fois à la chasse du faucon; mais s'est une horreur ici: il n'y a que des marais presque. Votre lettre m'a fait beaucoup de plaisir et m'a fort amusé. Je vous écrirai le plus souvent que je pourrai et toujours pour vous assurer de ma bienveillance [2]).

Екатерина».

24.

Всемилостивѣйшая Государыня.

На сихъ днях Итальянецъ Манфредини просилъ меня, чтобъ дозволить ему здѣсь въ Москвѣ съ Октября мѣсяца давать вольные маскарады; а какъ сія привилегія въ разсужденіи знатности города зависитъ отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія и власти, то я за долгъ почитаю, представя всеподданнѣйше о томъ Вашему Императорскому Величеству, испросить на то, естьли угодно будетъ, высокомонаршее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, пребывая впрочемъ съ глубочайшимъ респектомъ,

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ

Г. Петръ Салтыковъ.

Сентября 1 дня 1763.
Москва.

На полѣ сбоку резолюція Императрицы:

«Дозволяется, и впредъ всякіе спектакли и веселія отдаю на ваше разсужденіе учредить и дозволить. Екатерина».

25.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ письма вашего отъ 21 Августа я усмотрѣла, что вы въ добромъ здоровьѣ и на Москвѣ все благополучно, чему я весьма рада. У насъ и по всей земли великая тишина,

---

[1]) Олсуфьевъ. П. Б.

[2]) Я послѣдовала вашимъ совѣтамъ: покинула море и два раза была на соколиной охотѣ; но здѣсь ужасы: почти сплошное болото. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе и очень меня позабавило. Стану писать къ вамъ, сколь могу, чаще и всякій разъ, чтобы васъ увѣрить въ моемъ благоволеніи

и даже до Поляковъ: и тѣ между собою искусствомъ графа Кейзерлинга помирились. Прельстясь на хорошую погоду, взяла намѣреніе для отдохновенія ѣхать на пять дней въ Царское Село, но по-французскому говорятъ l'homme propose et Dieu dispose *): сего утра сдѣлалось ненастье, которое однакожъ меня не переупрямитъ; впрочемъ желаю вамъ здравствовать.

Екатерина

Сентября 5 дня 1763.

Прикажите, пожалуй, снять планъ въ Ярославлѣ тому мѣсту, которое называютъ Стрѣльна и построенъ воеводской домъ».

26.

Графъ Петръ Семеновичъ.

Изъ присланнаго вашего ко мнѣ представленія усмотрѣла, что объявленное вами маіору Лакостову о должномъ съ дочерью его Марьею Шереметевой въ подлежащихъ имѣніяхъ раздѣлѣ и ей отдачѣ мое повелѣніе привело его въ очувствованіе, и готовымъ себя оказалъ слѣдующее дочери его имѣніе отдать; но совѣтникъ Володимеръ Шереметевъ, (противъ желанія его Лакостова дочери, а своей невѣстки) того не принимаетъ, а требуетъ еще сверхъ надлежащаго, и не склонясь инако, хочетъ приказнымъ порядкомъ развестись, чего ради вы Юстицъ-колегіи мое предписанное повелѣніе и объявили, что я апробую: ибо оная колегія должна, превозмогая всякія съ обѣихъ сторонъ напрасныя затрудненія и несправедливо сплетаемыя претензіи, правосудно рѣшить, а при томъ уповаю, что и вы того, дабы невинность по единой чьей самовластной злобѣ противъ Божескихъ и гражданскихъ законовъ притѣснена и оный раздѣлъ напрасно продолжаемымъ былъ, не допустите.

«Екатерина».

Дня 25 Сентября
1763 году.

27.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Князя Александра Грузинскаго я отпустила по прошенію матери его на два года въ домъ свой. Но нынѣ изъ Ново-Сербіи ко мнѣ извѣстіе дошло, что оный князь сбирается съ оправданія Хорватова (отъ котораго не безъ подозрѣнія, что онъ подкупленъ) сюда ѣхать. И тако вы имѣете ему внушать, чтобъ онъ сюда не ѣхалъ, а естьли въ томъ найдете его неудержимымъ, то прикажите ему, чтобъ онъ остался на Москвѣ.

Екатерина.

Октября 9 ч. 1763".

*) Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

28.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Боюсь, чтобъ вы не назвали меня лѣнивою, что весьма давно къ вамъ не писала и что такъ давно отвѣта не было на ваши два доклада: они завалились между другими дѣлами; car vous savez que ma table a toujours l'air d' un bureau de procureur [1]). Новаго здѣсь ничего нѣту, окромѣ приложенный листъ. Многіе, какъ изъ онаго увидите, своевольно сговорились, en attendant que la maison des enfants trouvés soit ouverte, de nourrir quelquesuns. Strogonof en a déjà reçu deux et la comtesse Bruce un; mandez moi si chez vous il y a des bonnes âmes qui en font autant [2]). Они всѣ взяли по одному и по два, а иные и болѣе.

Впротчемъ здѣсь все благополучно, и прошу быть увѣрену, что какъ была, такъ и есмь къ вамъ добросклонна.

Екатерина.

24 Октября 1763".

29.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Слышно здѣсь, что на Москвѣ, у воротъ городскихъ, купцовъ и мастеровыхъ, людей съ бородами и въ Русскомъ платьѣ, ловятъ и сажаютъ подъ крауломъ, якобы для исполненія давняго указа о стрижкѣ бородъ и о ношеньи Нѣмецкаго платья; а болѣе, сказываютъ, то дѣлаютъ гарнизонные солдаты для взятки. А какъ нынѣ уже и безъ того кромѣ неимущихъ платье носятъ по нынѣшнему обыкновенію, того ради имѣйте старанье, чтобъ утѣсненій такихъ нескладныхъ никому учинено не было.

Екатерина.

Ноябрь 19 ч. 1763".

30.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Я сейчасъ получила письмо ваше, вашей руки писанное, отъ 1 ч. Ноября и приложенные при томъ репорты о дѣлѣ Дубровина. Слышу я, что бѣглый его сынъ въ Питербурхъ пріѣхалъ, откудова онъ имѣетъ высланъ быть немедленно; но непонятно для меня и изъ вашего письма не видно, что̀ васъ безпокоитъ, о чемъ сердечно

---

[1]) Потому что вы знаете, что столъ у меня вѣчно похожъ на прокурорскую конторку.

[2]) Пока Воспитательный Домъ еще не открытъ, кормить по нѣскольку человѣкъ. Строгановъ взялъ уже двухъ, графиня Брюсъ одного. Увѣдомьте меня, нѣтъ ли у васъ добрыхъ людей, которые бы поступили также.

сожалѣю, а съ моей стороны я васъ увѣряю, что я съ непремѣнной повѣренностію навсегда къ вамъ добросклонна.

Екатерина.

Ноябрь 22 ч. 1763. Изъ Царскаго Села".

31.

Графъ Петръ Семеновичъ. На полученный отъ Сенатской Конторы докладъ, чтобъ продать казенное строеніе, гдѣ прежде бывала Контора Тайныхъ Дѣлъ, я никакой теперь конфирмаціи дать не могу, доколѣ вы не объясните мнѣ письмомъ, что̀ тамо продавать: ибо я иного строенія тамо не полагаю, какъ только караульни, острогъ и нѣсколько казармъ, кои, кажется, напредъ для содержанія колодниковъ нужны быть могутъ.

«Екатерина».

С.-Петербургъ.
Декабря 4 день 1763 года.

32.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего И. В. Воспитательнаго Дома Опекунскій Совѣтъ представлялъ мнѣ и просилъ, чтобъ, взирая на Всемилостивѣйшее В. И. В. къ Воспитательному Дому щедрое благоволеніе, учинить къ зданію онаго вспомоществованіе такими казенными матеріалами, которые напрасно пропадаютъ, то-есть, изъ обвалившейся по Бѣлому городу во многихъ мѣстахъ стѣны и изъ разобранныхъ воротъ складенный и просто въ грудахъ лежащій кирпичъ, бѣлый камень и бутъ, сколько всего того собрать можно, приказать отпустить въ Воспитательный Домъ. А какъ оные матеріалы, вмѣсто того, чтобы, лежа на открытомъ воздухѣ безъ всякой пользы, истреблялися, могутъ быть употреблены къ общеполезному сему строенію съ замѣною немалаго кошта, то въ уваженіе сего, а больше въ разсужденіи В. И. В. на сіе богоугодное учрежденіе всемилостивѣйшаго соизволенія предложено отъ меня Московской Губернской Канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой все оное состоитъ, означенные требуемые матеріалы отпустить въ Воспитательный Домъ. О семъ В. И. В. всеподданнѣйше донеся, испрашиваю на то со всеглубочайшимъ респектомъ В. И. В. апробаціи.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Салтыковъ.

Декабря 22 день 1763.
Москва.

Съ боку собственноручная резолюція Императрицы: «*апробуется*».

1764.

33.

Графъ Петръ Семеновичъ. Приложенный при семъ въ Московскіе Сенатскіе департаменты указъ извольте до возвращенія камергера Ласунскаго у себя удержать. А какъ онъ во Москву пріѣдетъ, то, объявивъ его ему и вписавъ число, отдайте въ департаменты. Потомъ, для выключки его изъ службы, копію съ сего указа сообщите при вашихъ письмахъ, какъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, такъ и въ Придворную Контору. «Екатерина».

С.-Петербургъ.
Февраля 9 день 1764 года.

34.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Отъ 22 числа сего году Генваря мѣсяца, присланнымъ вашимъ ко мнѣ представленіемъ увѣдомляя, что Юстицъ-Коллегія, въ силу моего чрезъ васъ повеленія, о раздѣлѣ маіора Лакостова съ дочерью его Анною *) Шереметевою въ имѣніяхъ учинила приговоръ, но прежде приступленія по тому къ исполненію, вы, описывая онаго содержаніе, просите нашей апробаціи. А понеже я оное дѣло уже велѣла Юстицъ-Коллегіи подъ вашимъ наблюдательствомъ рѣшить по силѣ законовъ безъ продолженія, то нынѣ иной резолюціи отъ меня не слѣдуетъ какъ только о томъ же подтвердить.

Екатерина.

Февраля 11 ч. 1764".

35.

Графъ Петръ Семеновичъ. На представленіе ваше докладомъ отъ 5 числа сего Февраля, быть ли прежней Тайной Экспедиціи и за исключеніемъ коллежскаго совѣтника Хрущова и распредѣленіемъ бывшихъ при томъ канцелярскихъ служителей по другимъ Сената Московскаго департаментамъ, кому исправлять вступающія секретныя дѣла, повелѣваемъ, по нашей къ вамъ довѣренности и на основаніи даннаго вамъ въ прошломъ 1763 году Іюня 13 дня указа, по всѣмъ изъ разнымъ мѣстъ вступающимъ важнымъ дѣламъ, кои напредъ сего принадлежали до Тайной Канцеляріи, производство имѣть однимъ вамъ и употреблять къ тому по прежнему помянутаго совѣтника Хрущова. Такожъ опредѣлите къ сей Тайной Экспедиціи, «*или употребите къ тому изъ сенатскихъ*», потребное число канцелярскихъ служителей, кого вы

*) Выше (письмо 26-е) она названа Марьею. П. Б.

заблагоразсудите, и для того какъ оному коллежскому совѣтнику, такъ и имъ производить окладное, по чину каждаго, годовое жалованье изъ той же суммы, изъ которой оное донынѣ выдавалось.

«Екатерина».

Въ С.-Петербурхѣ
12 Февраля 1764.

36.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Какъ уже немалое тому время прошло, что указъ при высочайшемъ В. И. В. данномъ мнѣ повелѣніи отъ 9 Февраля сего года вложенный здѣшнимъ Сената департаментамъ объ отставкѣ отъ службы камергера и гвардіи капитана Ласунскаго за неприбытіемъ его въ Москву безъ дѣйствія остается, я же будучи неизвѣстенъ, скороль коммисія его кончится и не имѣя о немъ никакого слуху, не безъ основанія опасаюсь, чтобъ чрезъ то не подвергнуть себя высокомонаршему гнѣву, почему и осмѣливаюся В. И. В. о томъ всеподданнѣйше представить.

Всемилостивѣйшая Государыня. В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Салтыковъ.

Мая 6 день 1764 году.
Москва.

Съ боку приписка: «Обождите его пріѣздъ; лишь число впишите, въ которое объявленъ будетъ».

37.

Графъ Петръ Семеновичъ. На послѣдней Нѣмецкой почтѣ получено здѣсь вчера изъ Москвы въ приложенномъ при семъ кувертѣ письмо на Нѣмецкомъ языкѣ, никѣмъ не подписанное. Мы весьма желаемъ знать, кѣмъ оно писано, чего ради прикажите подъ рукою на почтовомъ дворѣ справиться, не записано-ли тамъ, отъ кого оное принесено; а буде по сему сочинителя онаго письма узнать не можно, то прикажите секретно присматривать, не принесетъ ли кто впредь такою рукою надписаннаго пакета, и естьли такой усмотрѣнъ будетъ, то, освѣдомясь пристойнымъ образомъ, отъ кого оно и не давая о томъ знать оному человѣку, насъ увѣдомите.

«Екатерина».

24 Маія 1764.
Санктпетербургъ.

38.

Графъ Петръ Семеновичъ. Письмо ваше отъ 28 Іюня я сего числа получила и за поздравленіе ваше благодарствую. Завтрашняго числа я намѣрена пріѣхать въ Ригу и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, паки возвращусь въ Петербургъ.

«Екатерина».

8 Іюля 1764
Мыза Ропъ.

39.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайше В. И. В. повелѣніе объ отставкѣ вовсе отъ воинской и статской службы дѣйствительнаго каммергера и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитана Михаила Ласунскаго съ чиномъ генералъ-поручика, по прибытіи его въ Москву сего Августа 2-го дня, со вписаніемъ во ономъ повелѣніи 26 числа прошедшаго Іюля, Московскимъ Сената департаментамъ, также и ему Ласунскому, объявлено, и копіи съ онаго въ означенный полкъ и въ Придворную Контору посланы. А какъ при отправленіи его въ порученную ему коммисію высочайшимъ В. И. В. указомъ предписано было, чтобъ онъ по окончаніи той коммисіи со всѣми дѣлами явился въ Петербургѣ въ Сенатѣ, то въ разсужденіи отставки его В. И. В. какъ повелѣть соизволите, привезенныя имъ по коммисіи дѣла въ С.-Петербургъ ли отправить, или въ Московскіе Сената департаменты принять. О томъ со всеглубочайшимъ респектомъ дерзаю испросить высочайшаго В. И. В. повелѣнія.

Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Салтыковъ.

Августа 3 дня 1764.
Москва.

Съ боку резолюція: «Принять оныя дѣла въ Московскіе сенатскіе департаменты».

40.

Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ письма вашего отъ 23 Сентября усмотрѣла я непристойные въ разсужденіи васъ поступки Юрьевскаго воеводы Гиневлева. При окончаніи его дѣла не оставлю я о томъ безъ разсмотрѣнія и надлежащаго вамъ удовольствія.

«Екатерина».

3 Октября 1764.
С.-Петербургъ.

41.

«Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. Слышу я, что на Москвѣ великое негодованіе противъ учрежденія инвалидовъ и говорятъ, будто комисія духовная ошиблась, не вычитая, сколько было въ монастырѣхъ отставныхъ солдатъ, и великое число оныхъ нынѣ осталось безъ хлѣба и пропитанія и менѣе половины ихъ вошло въ инвалидовъ. Возмите пожалуй изъ Коллегіи Экономіи извѣстій, сколько числомъ солдатъ опредѣлено было къ монастырямъ, сколько нынѣ въ инвалидахъ изъ оныхъ вошло, и сколько осталося сверхъ того по міру ходящихъ; также сколько ихъ на Москвѣ нынѣ. И естьли дѣйствительно тамъ, какъ эхо до меня дошло, нѣсколько тысячъ оныхъ, то прикажите имъ хотя по два рубли на человѣка дать на первый случай на счетъ кабинетный и обнадежьте ихъ, что я о сей ошибкѣ духовной комисіи разсмотрѣть не оставлю et du tout ditez moi bien sincérement ce qui en est de tout cela et ce que vous en entendez et répondez moi le plus tôt possible *).

Екатерина.

Октября 6 ч. 1764".

42.

Графъ Петръ Семеновичъ. Прислалъ ко мнѣ генералъ-поручикъ Данила Журавлевъ челобитну, въ которой проситъ, дабы ему дозволено было себѣ избирать наслѣдника. Извольте освѣдомиться у него, его ли рукою оная челобитна подписана и, есть ли его воля о наслѣдникѣ такова есть, то объявите ему, что я ему дозволяю волю его исполнить.

«Екатерина».

Октября 6 дня 1764 года
Санктпетербургъ.

Генералъ-порутчикъ Данила Журавлевъ.

1) Имяннымъ указомъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, за подписаніемъ Ея Величества собственныя руки 1742 года Ноября 25 дня, пожаловано ему въ вѣчное и потомственное владѣніе, когда онъ былъ въ лейбъ-компаніи, изъ отписныхъ бывшаго вице-канцлера Михаила Головкина деревень 543 души мужескаго полу въ Каширскомъ уѣздѣ, и въ Серпуховскомъ уѣздѣ пустошей; сіе недвижимое имѣніе за нимъ въ Вотчинной Коллегіи справлено и отказано; жены и дѣтей не имѣетъ.

---

*) И вообще скажите мнѣ по всей правдѣ, что тутъ такое и какъ вы это разумѣете, и отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе.

2) По старости и дряхлости своей принужденъ ежечасно помышлять о смерти, послѣ которой ко владѣнію тѣми деревнями дѣтей не имѣетъ; а другіе по родству ближніе наслѣдники, родные братья его Синодальнаго вѣдомства крестьяне Титъ и Иванъ, владѣть, въ силу указовъ, не могутъ. Онъ оставляетъ и утверждаетъ послѣ смерти своея въ томъ недвижимомъ имѣніи наслѣдникомъ племянника жены своей двора В. И. В. камеръ-фурьера съ рангомъ полковника Герасима Тихонова сына Крашенинникова, и для того всеподданнѣйше проситъ о всемилостивѣйшемъ повелѣніи отдать послѣ смерти его все недвижимое его имѣніе со всѣмъ что̀ въ ономъ есть въ вѣчное и потомственное владѣніе (не въ образецъ другимъ) вышеупомянутому племяннику его камеръ-фурьеру Крашенинникову съ тѣмъ, чтобъ онъ означеннымъ братьямъ Титу и Ивану и наслѣдникамъ ихъ давалъ каждому по сту, а обоимъ по двѣсти рублей на годъ всего двадцать лѣтъ. Григорій Тепловъ.

Съ боку резолюція Государыни: «Въ разсужденіи заслугъ его, не возбраняю учинить себѣ наслѣдника, на волѣ его».

Октября 6 день 1764 года.

43.

Графъ Петръ Семеновичъ. Приложенный при семъ указъ въ Московскіе Сенатскіе департаменты извольте удержать до возвращенія камергера Александра Рославлева у себя. А какъ онъ въ Москву пріѣдетъ, то, ему объявивъ и вписавъ число, отдайте въ департаменты. Потомъ для выключки его изъ службы копію съ него при вашемъ письмѣ сообщите лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ и въ Придворную Контору.

«Екатерина».

Отъ 17 Ноября 1764 года.
Санктпетербургъ.

44.

Графъ Петръ Семеновичъ. Естьли къ вамъ гвардіи капитанъ-поручикъ Николай Дурновъ пришлетъ отставныхъ солдатъ, то по прежнему моему указу прикажите немедленно имъ выдать каждому по два рубля, и буде изъ нихъ будутъ такіе, которые уже назначены въ инвалидные города, оныхъ тотчасъ выпроводить въ опредѣленныя мѣста, дабы они по Москвѣ шатаясь не нищенствовали. Впрочемъ оному Дурнову дѣлайте всякое пристойное вспоможеніе, естьли онъ отъ васъ онаго просить будетъ.

«Екатерина».

10 Ноября 1764 года
Санктпетербургъ.

45.

Графъ Петръ Семеновичъ. Княгиня Марья Оболенская присланнымъ ко мнѣ прошеніемъ объявляетъ: 1) что приданыхъ ея денегъ бывшая свекровь ея Наталья Нарышкина ей и понынѣ не возвратила. 2) Купленая на тѣ ея приданыя деньги деревня и понынѣ еще не продана. 3) Изъ имѣній послѣ мужа ея по законамъ подлежащей части ей не выдѣлено. 4) Данная ей отъ Нарышкиной Рязанская деревня, коею она до выдѣлу во всѣхъ мѣстахъ части и должна бы владѣть, приведена Нарышкиною въ непослушаніе и противность, и крестьяне ни въ чемъ ея не слушаютъ, и все чтò въ оной было, въ томъ числѣ и собственной ея скотъ, и прочее все обрано безъ остатка. 5) Сына своего она никогда не можетъ видѣть, ибо бывшая свекровь ея къ ней его не допускаетъ, и посылаемымъ отъ ней людямъ видѣть не даетъ, къ томужъ и содержитъ его весьма въ худомъ призрѣніи, и не только наукамъ, но и Россійской грамотѣ еще не обученъ.

А понеже даннымъ отъ меня 17 Апрѣля 1763 года указомъ Сенату велѣно уже оную Оболенскую во всемъ чтò по законамъ слѣдуетъ удовольствовать, то и не остается теперь иного, какъ только о скорѣйшемъ по оному исполненіи куда надлежитъ подтвердить, чего учинить вы и не оставите.

Чтóжъ принадлежитъ до ея сына, то хотя бабка его по крови и должна дать ему приличное роду его воспитаніе и возрастить такъ, чтобъ онъ и къ матери своей сохранялъ должное сыновнее почтеніе; однакожъ прикажите и опекунамъ, чтобъ и они о порядочномъ воспитаніи и обученіи его стараніе имѣли и матери видѣться съ нимъ не возбраняли.

«Екатерина».

9 Декабря 1764.
Царское Село.

46.

Графъ Петръ Семеновичъ. По прошенію вашему и въ разсужденіи порученныхъ вамъ многихъ дѣлъ, отъ присутствія въ Сенатѣ, по челобитчиковымъ «*токмо*» дѣламъ, мы васъ всемилостивѣйше увольняемъ.

«Екатерина».

9 Декабря 1764.
Царское-Село.

47.

Графъ Петръ Семеновичъ. Услыша я о несчастномъ состояніи дѣтей графа Андрея Михайловича Яфимовскаго, стала къ крайнему подвигнута сожалѣнію; и для того, извольте по полученіи сего взять ихъ, какъ сына такъ и обѣихъ дочерей и съ офицеромъ хорошаго поведенія отправить немедленно сюда, повелѣвъ тому офицеру, чтобъ онъ привезъ ихъ прямо въ домъ графа Мартына Карловича Скавронскаго, которому ко мнѣ ихъ представить приказано. «Извольте напередъ о семъ поговорить съ княгиней Прасковьей Павловной Гагариной, и вы услышите причины, по которымъ я принуждена такъ поступать, и условитесь съ ней какъ лутче сихъ безсчастныхъ избавить отъ рукъ безчеловѣчнаго отца; однако при томъ сохраните и то, чтобъ онъ на дѣтей не могъ имѣть подозрѣніе, дабы онъ хищнымъ какимъ-нибудь образомъ ихъ не лишилъ наслѣдства.

Екатерина».

Декабрь день 1764 года
С.-Петербургъ.

1765.

48.

Графъ Петръ Семеновичъ. По представленію вашему въ Военную Коллегію о выводѣ будущимъ лѣтомъ полковъ вашей дивизіи не на долгое время въ кампаментъ близъ Москвы, я оной Коллегіи о томъ докладъ конфирмовала. Я, будучи всегда увѣрена о ревности вашей и усердіи къ службѣ, и нынѣ съ удовольствіемъ вижу, что вы и въ семъ пунктѣ довѣренности моей къ вамъ соотвѣтствовать стараетесь.

Прикажите въ артиллерію и въ Воспитательный Домъ отпустить изъ крѣпостей стѣны Бѣлаго города столько матеріаловъ, сколько имъ на строеніе ихъ потребно.

Княжнѣ Менщиковой я приказала быть сюда, а естьли она васъ о подводахъ просить будетъ, то прикажите оными ее снабдить.

«Екатерина».

17 Января 1765.
С.-Петербургъ.

49.

Графъ Петръ Семеновичъ. По приложенному при семъ письму, по которому мнѣ было доложено, вы усмотрите, что вдова умершаго профессора Лери жалобу приноситъ, что патеры католицкіе тѣло ея мужа погребсти не хотятъ по обряду церковному затѣмъ, якобы онъ безъ пріобщенія Святыхъ Таинъ умеръ.

Я вамъ сіе дѣло рекомендую привести къ желаемому концу, уговоря къ тому моимъ словомъ патровъ католицкихъ.

«Екатерина».

Генваря 20 день 1765 года.
С.-Петербургъ.

50.

Графъ Петръ Семеновичъ. Ежели по слѣдствію о картошной запрещенной игрѣ между капитаномъ Савинковымъ и тѣми, кто съ нимъ игралъ, болѣе ничего не нашлось, какъ то только, что изъ репорта вашего я усматриваю, то извольте оное дѣло вовсе оставить, а требуемыя Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ капитана Савинскаго казенныя деньги, тысячу сто пятьдесятъ два *«рубли»* девяносто три копѣйки съ половиною, взыскать съ него неослабно и въ полкъ возвратить.

«Екатерина».

Февраля 9 день 1765 года.
Санктпетербургъ.

51.

Графъ Петръ Семеновичъ. Католицкой церкви суперіору Петру Анжело объявите моимъ именемъ, что мнѣ еще неизвѣстно, духовныя ли причины, или собственная его какая либо бывшая ссора и мщеніе не допускаютъ его погрести тѣло умершаго фрофессора Лери обрядомъ церковнымъ и дѣлалъ ли онъ патеръ и при комъ умершему, когда онъ живъ еще былъ, напоминаніе о неисправности его духовной. Сверхъ того и не пріобщался-ли тотъ профессоръ святыхъ таинъ въ другомъ какомъ мѣстѣ, чего, можетъ быть, Патеръ Анжелъ и знать за подлинно не можетъ. Для сихъ удалившихся отъ свѣдѣнія обстоятельствъ, которыхъ за смертію профессора накакимъ слѣдствіемъ уже дойти невозможно, довольствоваться теперь надлежитъ свидѣтельствомъ жены умершаго и всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ Лери былъ въ законѣ

католицкомъ. И для того прикажите моимъ именемъ патру Анжелу, чтобъ онъ тѣло умершаго Лери неотмѣнно схоронилъ по обряду своей церкви, ежели оное по сіе время еще не погребено. Такимъ же образомъ и впредъ извольте поступить въ случаяхъ подобныхъ. Впрочемъ секретно извольте навѣдаться о семъ патрѣ суперіорѣ, всегда ли онъ столь несговорчивъ, и нѣтъ ли нужды его другимъ перемѣнить, дабы, видя его теперешнее упрямство, не подать чрезъ него поводу католицкимъ у насъ попамъ власть свою духовную надъ ихъ прихожанами распространять по своимъ пристрастіямъ, что̀ наипаче въ ихъ законѣ имъ свойственно.

«Екатерина.

А естьли, паче чаянія, онъ за симъ еще заупрямится, то велите другому патеру тѣло схоронить».

Февраля 9 день 1765 года.
Санктъ-Петербургъ.

52.

Графъ Петръ Семеновичъ. Я вамъ симъ препоручаю консула, котораго я въ Гишпанію для моего купечества сдѣлала и котораго при семъ послала въ Москву и Ярославль, дабы онъ всѣ наши мануфактуры и фабрики осмотрѣлъ и свои примѣчанія объ нихъ сдѣлалъ. А вы не оставьте ему во всемъ томъ учинить вспоможеніе и постарайтеся, чтобъ онъ съ Московскимъ купечествомъ ознакомился.

«Екатерина».

Февраля 23 дня 1765 года
Санктъ-Петербургъ.

53.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Писали вы ко мнѣ на прошедшей недѣлѣ, что поймана большая воровская шайка; а здѣсь нынѣ слышно, будто въ той же шайкѣ пойманъ нѣкоторой дворянинъ именемъ Спѣшневъ, бывшій уже неодинožды атаманомъ. Естьли то правда, то прикажите розыскной, изслѣдовавъ по законамъ, окончить скорѣе, оставляя уже изысканія дальнѣйшихъ прежнихъ сихъ бездѣльниковъ дѣлъ, что̀ учинитъ лишь проволочку, дабы они, какъ прежде часто случалось, между тѣмъ не нашли бы способъ уйтить и новыхъ бѣдствъ роду человѣческому не нанесли.

Екатерина.

Февр. 24 ч. 1765“.

54.

Графъ Петръ Семеновичъ. По полученіи сего извольте поскорѣй справиться, сколько въ Москвѣ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ содержится по долгамъ, какъ казеннымъ, такъ и партикулярнымъ, колодниковъ, и за какую каждый именно сумму, а выправясь, пришлите ко мнѣ, не помѣшкавъ, обстоятельныя о томъ вѣдомости и имянные списки.

«Екатерина».

С.-Петербургъ.
Февраля 25 день 1765 года.

55.

Графъ Петръ Семеновичъ. По присланному отъ васъ реестру о содержащихся въ Москвѣ за долги колодникахъ, прикажите насчетъ кабинетской суммы заплатить за тѣхъ, кои въ казну меньше двухъ сотъ рублевъ должны, а за партикулярныхъ должниковъ за такихъ, кои должны меньше ста рублевъ, ихъ немедленно освободить. «Однакожъ въ тюрьмахъ не давайте знать, также и въ присутственныхъ «мѣстахъ, что-то чинится моимъ именемъ, дабы, на то надѣючись, «впредъ отъ платежа отбывать не стали. Поздравляю васъ съ праздникомъ.

«Екатерина».

4 Апрѣля 1765 г.
С.-Петербургъ.

56.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Я къ вамъ писала на прошедшей недѣлѣ *), какимъ образомъ поступить съ доносителемъ Ѳоминымъ, поставя и тогда его показанія за весьма неосновательныя; и послѣдній его доносъ подтверждаетъ сумнительство о первыхъ, и кажется, будтобы онъ спѣшилъ скорѣе быть наказаннымъ. Прикажите, чтобъ онъ написалъ, что̀ онъ о генералитетѣ и о васъ знаетъ и прислалъ сюда, а его прикажите покрѣпче держать. Причина тому та есть, что есть родъ роскольниковъ, которые берутъ на себя выдержать наказанія и для того входятъ въ разные доносы, а асобливо по праздникамъ, по постнымъ днямъ и въ прочія времена, какъ имъ покажется. Въ быв-

*) Этого письма не сохранилось. П. Б.

шей Тайной Канцеляріи тому примѣры многіе были. По первомъ о сей матеріи къ вамъ письмѣ, какъ сдѣланы будутъ о семъ человѣкѣ навѣдыванья, надѣюсь откроется, сколь все сіе презрѣнія достойно, и тогда означу жребій сего бездѣльника.

Екатерина.

Апрѣля 25 ч. 1765".

57.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Съ сожалѣніемъ видѣла я изъ послѣдняго вашего письма, сколь мало вы меня знаете; понеже вы опасаетеся, чтобъ скаредной доносъ извѣстнаго бездѣльника васъ не обносилъ у меня. Я о томъ и спрашивать бы не велѣла того человѣка, естьлибъ форма въ подобныхъ дѣлахъ для бо̀льшаго объясненья характера таковыхъ людей того не требовала. Прошу васъ сдѣлать мнѣ справедливость уничтожить въ умѣ вашемъ совершенно не токмо сего бездѣльнаго, но естьли и впредъ случится подобныхъ, и вѣрить, что я мою къ вамъ повѣренность, основанную на всей жизни и заслугахъ вашихъ, не отмѣню во всю мою жизнь; понеже я твердо знаю, что вашъ характеръ перемѣниться не можетъ, et sachez que si vous ne mépriserez pas les impertinences des foux et des sôts dont le bon Dieu même n'est pas exempt et si vous en aurez la moindre inquiétude, vous me ferez le plus grand tort [1]). Впрочемъ остаюсь нынѣ, какъ и всегда, къ вамъ съ неотмѣнной повѣренностью и дружбою.

Екатерина.

Какъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ здѣсь лагерь будетъ, а послѣ 15 ч. я сама тудажъ въ лагерь поѣду, то не пріѣдите ли вы сюда хотя недѣли на три? Все же здѣсь карусель будетъ. И такъ возмите мѣры, естьли ваше здоровье сію поѣздку вамъ дозволитъ, кому на время вашего отсутствія оставить городъ; mais si ce voyage vous fait la moindre incommodité, alors ne l'entreprenez pas [2]).

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ просилъ меня, чтобъ Иванъ Ларіоновичъ къ нему на нѣсколько недѣль въ Кимру, его Новго-

---

[1]) И знайте, что если вы не будете презирать нахальство сумасбродовъ и глупцовъ, не щадящихъ самаго Господа Бога и если будете сколько-нибудь безпокоиться отъ нихъ, вы, по моему, чрезвычайно ошибетесь.

[2]) Но если это путешествіе причинитъ вамъ малѣйшее неудобство, въ такомъ случаѣ не предпринимайте его.

родскую деревню *) для свиданія пріѣхалъ; того ради скажите оному сенатору, что я ему дозволяю съ Москвы туда ѣхать на мѣсяцъ».

Получено 1765. Марта 22.

58.

Секретное.

Графъ Петръ Семеновичъ. Извѣстно намъ, что Московской губерніи въ Козельскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Николая Голицына, въ селѣ Клесовѣ, въ домѣ крестьянина Ильи Обросимова, да того жъ уѣзда сенатора Желябовскаго въ селѣ Волосовѣ, у крестьянина Макея Степанова, бываютъ непозволенныя раскольническія сборища разныхъ деревень изъ крестьянъ и изъ купцовъ. А посему хотя и подлежало употребить къ искорененію тѣхъ сборищъ нѣкоторую строгость, но какъ они въ томъ еще не изобличены, да и существо сихъ сборищъ, если оныя и подлинно бываютъ, единственно происходитъ отъ развращеннаго ихъ о законѣ, по ихъ слабому смыслу, понятія: то сихъ ради обстоятельствъ, а болѣе по природному нашему милосердію, восхотѣли мы показанныхъ людей отъ того ихъ заблужденія отвратить, а не меньше чтобъ и другихъ слабаго смысла людей до такого жъ заблужденія не допустить, не употребляя строгости законовъ, а посредствомъ такимъ, чтобъ въ показанныя села ввести квартировать воинскія команды, напримѣръ по ротѣ, и расположить ихъ такъ, чтобъ и у показанныхъ крестьянъ непремѣнно постой былъ, но еще съ такою осторожностію, чтобъ у нихъ были поставлены хотя и изъ офицеровъ извѣстнаго и надежнаго поведенія. А чрезъ сей случай мы надѣемся, что такихъ сборищъ имъ дѣлать будетъ не можно; прочіе же въ городѣ Калугѣ обыватели восчувствуютъ въ постоѣ нѣкоторое облегченіе. Главному жъ надъ тѣми ротами командиру секретное дать наставленіе, чтобъ онъ собственною своею персоною безпримѣтнымъ образомъ и весьма секретно имѣлъ въ домахъ показанныхъ крестьянъ примѣчаніе, въ чемъ точно тѣ ихъ сборища состоятъ, и нѣтъ ли какихъ вредныхъ обществу ересей; и буде свѣдаетъ, то бъ, для донесенія намъ, васъ репортовалъ. Буде жъ, паче чаянія, реченные крестьяне иногда, по введеніи воинской команды, всѣмъ домомъ, тайно или явно, побѣгутъ: то въ такомъ случаѣ ихъ тотчасъ переловить и какъ бѣглецовъ отъ своего жилища, спрося только о причинѣ побѣга, держать до нашего указа подъ карауломъ. При семъ же необходимо въ данной инструкціи предписать и то, чтобъ

*) Государыня ошиблась: Кимра есть приволжское Тверское село. П. Б.

обывателямъ въ тѣхъ селахъ ни малѣйшаго оскорбленія отъ тѣхъ командъ чинено не было; такожъ кромѣ одного надъ тѣми ротами главнаго командира о причинѣ введенія въ оныя села тѣхъ ротъ ни подъ какимъ видомъ никому знать не давать.

А какъ мы о предписанныхъ сборищахъ получили репортъ отъ Московскаго губернатора Юшкова, то для лучшаго вашего свѣдѣнія, такъ какъ и для учиненія пристойнаго распоряженія, можете о всѣхъ по сему дѣлу обстоятельствахъ изъясненія истребовать отъ него.

«Екатерина».

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ.
Сентября въ 12 д. 1765 года.

59.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

От генерала-фельдмаршала сенатора и кавалера графа Салтыкова всеподданнѣйшій репортъ.

Прошедшаго Августа 2 числа сего году, въ городѣ Бѣжецкѣ, того города купецъ Тимоѳей Ребякинъ обрѣтающемуся при тамошней воеводской канцеляріи штатной роты подпоручику Салькову (который отъ той канцеляріи былъ употребленъ для смотрѣнія въ строеніи виннаго погреба) выбѣжавъ изъ кабака, между бранью, говорилъ слова такія, кто-де тебя дурака въ офицеры пожаловалъ, на томъ бы пятьдесятъ рублевъ доправилъ; въ чемъ тотъ Сальковъ и показанные отъ него свидѣтели по имянамъ, десять человѣкъ, будучи тамо, точно при слѣдствіи его Ребякина доказали.

А Ребякинъ сперва въ томъ запирался, а потомъ винился и показалъ, что тѣ слова выговорилъ онъ бывши весьма пьяный, въ ссорѣ съ объявленнымъ Сальковымъ, изъ легкомыслія, по простотѣ своей, безъ всякаго умыслу. И потому мною опредѣлено онаго Ребякина за объявленныя происшедшія отъ него въ пьянствѣ продерзкія слова, и чтобъ онъ впредъ отъ такихъ продерзостей и отъ пьянства имѣлъ воздержаніе, сверхъ того, что онъ по той продерзости содержанъ тамъ былъ подъ карауломъ безъ мала два мѣсяца, посадить нынѣ еще въ тюрьму на недѣлю и давать ему только хлѣбъ да воду, а по прошествіи того термина изъ-подъ караула его освободить. О чемъ въ Бѣжецкую воеводскую канцелярію и указъ посланъ. А я Вашему Императорскому Величеству о семъ всеподданнѣйше доношу во извѣстіе. Графъ Петръ Салтыковъ.

Октября 27 день 1765 году. Москва.

Съ боку приписка Императрицы: «Спасибо графу Петру Семеновичу, что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредъ такъ по-

ступать. En lisant ceci je mourrais de peur que vous n'eussiez fait fouetter ce pauvre homme, et en vérité toute sa faute ne consiste qu'à s'être fâché étant ivre et peut-etre que dans sa colère il avait raison; mais comme il n'est pas bien de dire des injures à un officier, cet homme est suffisamment puni. Que Dieu vous conserve et vous donne santé et gayeté [1]). О князѣ Грузинскомъ на той недѣли отвѣтствовать буду».

60.

«Monsieur le maréchal comte Soltikow. J'ai reçu des mains du prince Wolkonski la lettre et le cahier que vous m'avez envoyés. Je n'ai pas encore lu ce dernier, il est volumineux; mais votre lettre ma fait plaisir; car elle témoigne que vous étiez gay. Je suis bien aise que le peintre est ravisé de mourir: il nous aurait peut-être encore mis aux prises avec ces fichus Capucins. Son histoire et surtout la façon agréable dont vous la contez m'a beaucoup fait rire. Soyez assuré que rien ne me fera plus de plaisir que de vous savoir en santé et bien gay et content. Comme vous vous êtes servi d'un général en chef pour m'envoyer votre paquet, je vous rend la pareille: je charge de ceci le prince Galitzine, qui vous dira que je me porte bien et que je vous aime beaucoup. Caterine.

Avez-vous des divertissements, bals, mascarades, comédies etc. dans votre grande ville? Animez un peu ce carnaval, s'il dort.

A Pétersb. ce 27 de Nov. 1765 [2]).

---

[1]) Читая это, страхъ какъ боялась, не приказано ли вами было бить кнутомъ этого бѣднаго человѣка. По истинѣ, вся вина его въ томъ, что онъ разсердился, будучи пьянъ; и можетъ быть была у него причина къ гнѣву. Но какъ не слѣдуетъ наносить оскорбленія офицеру, то человѣкъ этотъ наказанъ уже достаточно. Да сохранитъ васъ Богъ и пошлетъ вамъ здоровья и веселости.

[2]) Господинъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Я получила изъ рукъ князя Волконскаго письмо и тетрадь, которыя вы мнѣ послали. Послѣднюю я еще не прочла, она велика; но письмо ваше доставило мнѣ удовольствіе, потому что оно свидѣтельствуетъ, что вы были веселы. Я весьма довольна, что живописецъ раздумалъ умереть, а то пожалуй онъ поссорилъ бы насъ еще разъ съ этими дрянными Капуцинами. Его исторія и особенно въ вашемъ забавномъ изложеніи, очень насмѣшила меня. Будьте увѣрены, что ничто не доставитъ мнѣ больше удовольствія какъ знать, что вы здоровы, веселы и довольны. Вы мнѣ переслали вашъ пакетъ черезъ генерала; во взаимство и я посылаю это черезъ князя Голицына, который вамъ скажетъ, что я здорова и васъ очень люблю. Екатерина. Бываютъ ли у васъ развлеченія, балы, маскарады, комедіи и пр. въ обширномъ вашемъ городѣ? Если карнавалъ дремлетъ, развеселите его. С.-Петерб. 27 Ноября 1765.

61.

Указъ нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Какъ регулярное хожденіе почтъ по всему государству не токмо нашимъ интересамъ, но и общенароднымъ поспѣшествуетъ, то мы не сумнѣваемся, что вы неоднократно сами усмотрѣли, сколь великъ недостатокъ во внутреннихъ почтовыхъ распоряженіяхъ, и сколь великая настоитъ нужда въ скорѣйшемъ оныхъ поправленіи. Для сего мы вознамѣрились вѣрное и скорое хожденіе почтъ во всемъ государствѣ обнадежить и учредить на твердомъ основаніи, какъ опредѣленіемъ на всѣхъ станціяхъ нарочныхъ и присяжныхъ комисаровъ, а въ городахъ почтмейстеровъ съ пристойнымъ числомъ лошадей, такъ и другими полезнѣйшими распоряженіями. Чего ради прикажите губернатору Московскому на всю Московскую губернію сдѣлать росписаніе станцій и гдѣ потребно назначить новыя, съ такимъ объясненіемъ, чтобъ видѣть можно было, сколько на каждую станцію лошадей поставить должно, и гдѣ именно онымъ, а въ городахъ почтовымъ конторамъ быть надлежитъ; такожъ, не найдутся ли въ Москвѣ и въ другихъ губерніи Московской мѣстахъ охотники къ опредѣленію въ комисары и почтмейстеры изъ отставныхъ проворныхъ субалтернъ-офицеровъ добраго поведенія и въ письменныхъ дѣлахъ знающихъ. О всемъ томъ онъ губернаторъ Московскій подалъ бы намъ свое мнѣніе, которое вы къ намъ пришлите съ приложеніемъ и вашего; а по полученіи таковыхъ извѣстій, вы снабжены будете отъ насъ неукоснительно дальнѣйшими наставленіями. При томъ не оставьте ему же губернатору подтвердить и о томъ, чтобъ онъ, изыскавъ въ губерніи Московской сколько можно вездѣ кратчайшій почтовый путь, представилъ намъ и удобнѣйшія средства къ поправленію большихъ дорогъ и всегдашнему оныхъ содержанію въ добромъ состояніи; ибо почта безъ того состоять исправная не можетъ, о чемъ и вы дадите намъ также свое мнѣніе.

«Екатерина».

Ноября 25 дня 1765 года.
Санктъ-Петербургъ.

62.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Позовите, пожалуй, къ себѣ Московскаго губернатора Юшкова и скажите ему, что скоро я его уже спасти не могу отъ праведнаго Сената на него неудовольствія. Ему съ прочими губернаторами на ряду приказано прислать удобнѣйшее росписаніе уѣздовъ и проч.; ото всѣхъ губернаторовъ присланы сіи

росписанія, а за нимъ нынѣ все производство сего дѣла въ Сенатѣ остановилось, и при герольдіи безчисленное число людей, ожидавъ свои мѣста, здѣсь проѣдаются и Богу на него жалуются; а онъ Юшковъ, я чаю, на Москвѣ только что изъ дома въ домъ скачетъ шестерней, имѣвъ весьма мало прилежанія къ своей должности, чѣмъ конечно мою милость не заслужитъ. Пожалуй, графъ, усовѣстите его и скажите все сіе ему словесно, а письмо мое не покажите ему. Il faut un peu apprendre à ce monsieur à se conduire comme il faut et pas à penser uniquement à ses plaisirs. Je suis au reste avec beaucoup d'amitié *).

Екатерина.

Декабря 6 ч. 1765".

63.

Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. Минувшаго Сентября отъ 12 числа даннымъ вамъ нашимъ указомъ (для прописанныхъ въ ономъ обстоятельствъ) повелѣли мы князя Голицына въ село Клесово ввести квартировать воинскую команду, числомъ до роты; но какъ о томъ, сколько въ ономъ селѣ дворовъ состоитъ, намъ было неизвѣстно, то и повелѣніе наше было въ оное село ввести до роты. А нынѣ увѣдомились мы, что въ томъ селѣ не болѣе какъ восемь дворовъ, а расположена рота, чѣмъ не только крестьяне изнуряются, но по малости покоевъ болѣе чувствуютъ крайнее отягощеніе солдаты. И сего ради повелѣваемъ число воинской команды въ предписанномъ селѣ Клесовѣ оставить такое, чтобъ ни обывателямъ большой тягости, а воинскимъ чинамъ отъ тѣсноты изнуренія не было; ибо въ томъ, чтобы тамо множество людей квартировало дальней нужды мы не находимъ. Впрочемъ мы нашею благосклонною милостію вамъ пребываемъ.

«Екатерина».

Декабря 29 дня 1765 года.
Санктъ-Петербургъ.

64.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ вашего письма отъ 2-го Генваря мнѣ пріятно было усмотрѣть, что гвардіи капитанъ поручикъ Титовъ

---

*) Надобно поучить этого господина, чтобъ онъ велъ себя какъ слѣдуетъ, а не думалъ бы только о своихъ удовольствіяхъ. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ съ большою дружбою.

намѣреніе взялъ учредить театральныя представленія. Я дозволяю на то употребить мой театръ со всѣми декораціями; но прежде всего прикажите осмотрѣть оный архитекторами, не худъ ли онъ; ибо ужъ лѣтъ двадцать пять построенъ, и можно ли его починить. А естьли можно чинить, то безъ дальней переписки сюда возмите, сколько потребно, изъ соляной суммы, да прикажите гофъ-интендантской безъ отлагательства чинить. А естьли чинить не можно, то нанимайте на моемъ коштѣ Локательевъ театръ до тѣхъ поръ, покамѣстъ мой возстановленъ будетъ. Естьли же вы мните, что Титова сбору нужно помочь, хотя онъ о томъ и не проситъ, то помогайте ему тысячъ до двухъ изъ соляной суммы; но о семъ прежде не объявите ему и никому, покамѣстъ не увидите въ томъ крайней надобности.

На прочіе пункты я соглашаюсь: изволь приступить къ исполненію. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

Генваря 8 ч. 1766.

Il fait aujourd'hui 25 degré de froid; j'ai les doigts touts engourdis et je me hâte de finir» *).

65.

Графъ Петръ Семеновичъ. Присланная къ намъ отъ васъ челобитная княгини Анны Грузинской при семъ возвращается. Извольте помянутой княгинѣ нашемъ именемъ объявить, что мы въ секвестръ деревень ея ни на какихъ кондиціяхъ, для уплаты долговъ ея, принять не можемъ; а она таковыя сдѣлки можетъ учинить съ должниками, ежели кто изъ нихъ на то согласится. На прошеніе же ея о разобраніи векселей правильныхъ съ неправильными рѣшеніе дать за излишнее почитаемъ, потому что въ вексельномъ уставѣ законъ на то есть ясный, по которому отъ насъ Главному Магистрату въ дѣлѣ ея поступать отъ Ноября 4-го прошлаго 1765 года уже повелѣно.

«Екатерина».

Генваря 23 дня
1766 года.

66.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Напишите пожалуй (для любопытства) къ князь Василью Ивановичу Мещерскому съ тѣмъ, что я, увидя,

---

*) Сегодня 25 градусовъ холоду; у меня совсѣмъ закоченѣли пальцы, и я спѣшу кончить.

что нынѣ въ Петербурхѣ настоитъ высокая цѣна въ хлѣбной продажѣ, приказала у него спросить, не продастъ ли онъ тысячи до пятидесяти четвертей и по какой цѣнѣ мнѣ, и что̀ скажетъ, о томъ отпишите ко мнѣ, и при томъ дайте ему знать, что то весьма мнѣ пріятно будетъ *).

Въ ожиданіи вашего отвѣта остаюсь къ вамъ благосклонна.

Екатерина.

Генваря 21 ч. 1766.

67.

Графъ Петръ Семеновичъ. Репортъ вашъ отъ 5-го и письмо отъ 19-го чиселъ сего мѣсяца о выводѣ по половинѣ роты изъ селъ Клесова и Волосова мы получили; изъ коихъ мы усматриваемъ, что по мнѣнію вашему оной воинской командѣ далѣе въ тѣхъ селахъ остаться нужды не находите; потому что капитанъ примѣтить до сего времени ничего не могъ за тѣмъ, что жители оныхъ селъ приведены командою въ осторожность. Мы посему восхотѣли изъяснить вамъ наши мысли, съ какимъ намѣреніемъ ту воинскую команду въ тѣ села мы ввести повелѣли. Извѣстная вамъ ересь для общенароднаго спокойствія есть не только гнусная, но и вредная; а какъ ею заражаются не инаково какъ по самому невѣжеству и глупости, посредствомъ другихъ, можетъ быть и коварныхъ, людей, то мы единственно къ сохраненію таковыхъ малосмысленныхъ отъ вѣчной погибели и къ доставленію спокойственной жизни сей способъ употребили для того, чтобы впредъ такіе коварные люди болѣе оныхъ простаковъ обольщать и сборища дѣлать не осмѣлились, что̀ уже теперь и въ самомъ дѣлѣ оказалось. А посему мы и надѣемся, что естьли оныя команды далѣе во оныхъ селахъ продолжатся, и жители не будутъ имѣть къ тому свободнаго способа, то познаютъ свое заблужденіе и, наконецъ, помощію Божіею сія ересь совсѣмъ истребится. А чтобъ сихъ проступковъ въ томъ по одному только слуху обличать, или безконечныя слѣдствія наводить, того мы не предпринимали. И сего ради повелѣваемъ во оныхъ селахъ командамъ по прежнему нашему указу на такомъ же основаніи остаться, съ тѣмъ однако, чтобъ оставлено было людей по числу покоевъ, дабы какъ обыватели, такъ и военные люди

---

*) Князь В. И. Мещерскій, женатый на внучкѣ боярина Матвѣева, велъ большое хозяйство въ Тверскомъ имѣніи своемъ селѣ Лотошинѣ, принадлежащемъ и нынѣ его потомкамъ. П. Б.

отъ тѣсноты покоевъ изнуренія не чувствовали. Впрочемъ мы благосклонною нашею милостію вамъ пребываемъ.

«Екатерина».

Генваря 26 дня 1766.
Санктпетербургъ.

68.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Какъ подрядъ съ купцомъ Спѣсивцовымъ очень дешевъ, то и скажите главному провіантской канцеляріи словесно, чтобъ береглись, чтобъ продавецъ не домѣшалъ въ муки гороховой муки. Сказываютъ, будто онъ прежде сего то иногда дѣлывалъ; mais que ceci reste entre nous. Je vous ai beaucoup d'obligation de ce que vous avez eu en moi la confiance de faire ce подрядъ sans perdre le tems. Je me hâte de vous répondre pour vous en remercier)[1]».

69.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Сказывалъ мнѣ графъ Петръ Александровичъ [2]) именемъ вашимъ, что у князь Василья Ивановича Мещерскаго имѣется въ Тверской провинціи до пятидесяти тысячъ четвертей хлѣба разнаго, а изъ вашего письма усмотрѣла, что онъ оный хлѣбъ мнѣ продаетъ по рублю за четверть, и такъ теперь узнать мнѣ остается, сколько каждаго хлѣба четвертей; а мнѣ болѣе нужно рожь, и оной хлѣбъ овинной или сыромолотной, и какъ далеко его деревни отъ водяной комуникаціи, чтобъ вести сюда въ Питербурхъ. Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта остаюсь съ доброжелательствомъ.

Екатерина.

С.-П. 15 ч.
Февраля 1766".

70.

Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ письма вашего извѣстно, что у князь Василья Ивановича Мещерскаго не больше 20 тысячъ четвертей хлѣба готоваго, который онъ продаетъ въ казенный магазинъ. Извольте его обнадежить, что тотъ весь хлѣбъ взятъ будетъ, и отъ главной полиціи въ Москвѣ по одному рублю за четверть заплочено будетъ

---

[1]) Но чтобъ это осталось между нами. Я вамъ очень обязана за то, что вы имѣли ко мнѣ довѣренность и сдѣлали этотъ подрядъ, не тратя времени. Спѣшу вамъ отвѣчать, чтобы васъ за то благодарить.

[2]) Румянцовъ, по матери своей племянникъ жены князя В. И. Мещерскаго. П. Б.

безъ малѣйшаго задержанія. А о пріемѣ того хлѣба чинится распоряженіе отъ генерала-полицеймейстера Чичерина. И чтобы по требованію его, кому тотъ пріемъ поручитъ, хлѣбъ отпускаемъ былъ безъ препятствія, о томъ извольте князь Мещерскому объявить. А дабы не утратить время въ перепискахъ, то посланные для пріему прямо въ вотчины его, князя Мещерскаго, отправлены будутъ, куда-бъ и отъ него для отдачи хлѣба ордеровано было-жъ-бы.

«Екатерина».

19 Февраля 1766.
С.-Петербургъ.

71.

„15 Марта 1766 года. С.-Петербургъ.

Графъ Петръ Семеновичъ. Чрезъ сіе даю вамъ знать, что я посылаю къ Москвѣ генерала-полицеймейстера для лутчаго усмотрѣнія тамошняго обширнаго города полицейскихъ недостатковъ, дабы по возвратномъ его пріѣздѣ сюда надлежащія поправленія въ полицейскихъ учрежденіяхъ можно было на мѣрѣ положить. И такъ извольте ему всякія вспоможенія дѣлать и увѣрены быть, что я всегда къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Прошу его жаловать».

72.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Какъ князь Василья Мещерской столь резонабеленъ былъ, что уступилъ мнѣ по рублю за четверть хлѣбъ свой, то я нахожу справедливо додать ему на каждой четверти, по чему въ томъ уѣздѣ розныя цѣны на хлѣба состоятъ, что̀ вы имѣете платить ему изъ соляной суммы, дабы генералу-полицеймейстеру дороже рубля оной хлѣбъ бы не сталъ, а князь Мещерской не имѣлъ убытокъ.

Екатерина».

73.

«Графъ Петръ Семеновичъ. На письмо ваше, чрезъ штафетъ мною полученное, имѣю отвѣтствовать вамъ. Что̀ до хлѣба князя Мещерскаго принадлежитъ, то ссылаюсь я на генерала-полицеймейстера и его о томъ распоряженія, понеже я ему тотъ въ полицейской магазинъ отдала; что̀ же касается до хлѣбной дороговизны и опасаемаго недостатка на

Москвѣ, то для осторожности прикажите чрезъ полицію тамо то дѣлать, что̀ о томъ здѣсь сдѣлано, о чемъ Николаю Ивановичу Чичерину отъ меня приказано къ вамъ сообщить, какъ-то взять со всѣхъ домовъ сказку, сколько хлѣба въ каждомъ домѣ и на долго-ли хватитъ, и послѣ примѣрно, исчисляя съ числомъ людей и по полномъ о томъ свѣдѣніи, можно будетъ должное сдѣлать распоряженіе. Впрочемъ, апробую ваше запрещеніе о невывозу хлѣба изъ города; только бы прибавить къ тому, чтобъ куда дозволено возить, и то бы не сдѣлано было безъ дозволенія полиціи, дабы узнать можно, много ли изъ города людей въ около лежащихъ мѣстахъ кормится.

Екатерина».

74.

Указъ нашему генералу-фельдмаршалу графу Салтыкову.

При семъ прилагается вамъ манифестъ съ приложеніями о дѣлѣ Жукова съ женою. Вы имѣете заблаговременно помянутыхъ убійцевъ перевести секретно ночью въ городъ Кремль и посадить въ такое заключенное мѣсто, изъ котораго бы вести можно было къ собору сихъ убійцевъ чрезъ Ивановскую площадь всенародно, а экзекуцію прочихъ сообщниковъ прикажите совершить особенно между днями покаянія Жукова и жены его.

«Екатерина».

Марта 24 дня 1766.
С.-Петербургъ.

75.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Приказала я отправить къ вамъ манифестъ и обрядъ покаянія матереубійцы Жукова. Написано, что за день всякій разъ публиковать, куда онъ веденъ будетъ. Но какъ статься можетъ, что народное стеченіе весьма велико будетъ, то думаю, что естьли вы повелите одиножды публиковать о томъ, что онъ къ четыремъ церквамъ въ означенные въ обрядѣ разные дни веденъ будетъ съ женою, то уже довольно. Сверхъ того старайтесь, чтобъ все чинно происходило, дабы сія церемонія желаемой мною ефектъ въ народѣ произвела.

Екатерина.

25 Марта 1766.
С.-Петербургъ.“

76.

Графъ Петръ Семеновичъ. Освѣдомьтесь доподлинно, не брюхата ли Жукова жена, потому что она вмѣстѣ съ мужемъ содержалась въ тюрьмѣ. И ежели найдете брюхатою, то можно ее къ покаянію возить на роспускахъ и дать какую ни есть обувь, чтобъ не зазнобить. А подъ рукою можете и объявлять другимъ, что вы сіе сдѣлали въ отмѣну противу предписаннаго обряда, по причинѣ той, что она непраздна.

‹Екатерина›.

Марта 26 дня 1766.
С.-Петербургъ.

77.

Графъ Петръ Семеновить. Получила я сегодня письмо, въ которомъ пишете, что села Покровскаго жители осмѣлились въ оборонѣ неуказной фабрики напасть на полицейскую обще съ Мануфактуръ-коллегіею посланную команду, которую и прибили. Прикажите: 1) генералу-полицеймейстеру Чичерину сдѣлать надъ тѣми Покровскими жителями наистрожайшее слѣдствіе и дабы они не предпринимали новой продерзости, начать тѣмъ, 2) чтобъ военную команду, только не болѣе роты, къ нимъ въ село ввести, объявя мой указъ управителю, и поставить гауптвахту на той неуказной фабрикѣ, а прочихъ солдатъ помѣстить велѣть по близъ лежащимъ той фабрики домамъ, и офицеру прикажите на-крѣпко, чтобъ сохранилъ въ той слободѣ тишину и добрый порядокъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда быть должно. А еслибъ онъ увидѣлъ, паче чаянія, себѣ сопротивленіе, то объявить можетъ, что онъ будетъ поступать съ противниками какъ съ злодѣями. Естьли-жъ и тутъ не послушаютъ, и инако ему укротить не можно, то онъ стрѣлять по нимъ власть имѣетъ, и для того у той команды ружья были бы съ пулями заряжены. Караульному же офицеру при Покровскомъ дворцѣ прикажите, въ случаѣ требованія, отъ гауптвахты той слободы помочь чинить. Однакожъ капитану приказать надлежитъ, чтобъ безъ крайности къ послѣднимъ средствамъ, то-есть къ стрѣльбѣ, не приступалъ, но крайне бы старался, чтобъ все съ возможною тишиною происходило. И для того выберите хорошаго и надежнаго офицера. 3) По скорѣйшемъ окончаніи того слѣдствія, къ которому полиція пригласить имѣетъ и одного члена Московской Дворцовой Конторы, прикажите человѣка два главныхъ зачинщиковъ высѣчь кнутомъ публично въ той же слободѣ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ драка происходила, а если внутри двора, то на улицѣ передъ онымъ, и со-

слать ихъ на каторгу; другихъ же винныхъ по мѣрѣ ихъ преступленія приговорить къ законному наказанію и потомъ намъ объ нихъ доложить; а всѣ домы въ томъ разбоѣ участіе имѣющіе штрафовать денежнымъ штрафомъ, естьли тяжелѣе не найдется въ законахъ. Селу же Покровскому быть отнынѣ въ вѣдомствѣ полицейскомъ въ томъ, что̀ до полиціи принадлежитъ, о чемъ вы имѣете дать знать куда надлежитъ по окончаніи слѣдствія. А дворцовую канцелярію увѣдомите по надлежащему о семъ происхожденіи.

‹Екатерина›.

Марта 27 дня 1766.
С.-Петербургъ.

78.

‹Графъ Петръ Семеновичъ. Желаю знать отъ васъ, почему винные поставщики хотятъ ставить на Москвѣ вино. По послѣднему торгу здѣсь уговорились сегодня поставить на всю сумму четыреста пятьдесятъ слишкомъ тысячъ по 79 коп.; а естьли на Москвѣ дороже ставятъ, то я принуждена буду согласиться на челобитья Донскихъ козаковъ, которые у меня просятъ ту поставку имъ отдать по 78 к. Такъ постарайтесь привести тамошную цѣну въ умѣренность, дабы дворяне остались при данномъ имъ преимуществѣ. Сообщите о томъ А. П. Мельгунову. Въ ожиданіи вашего отвѣта остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Марта 27 дня 1766".

79.

Графъ Петръ Семеновичъ. Письмо ваше отъ 13 числа сего мѣсяца касательно Россійскаго въ Москвѣ театра я получила. Полковникъ Титовъ подалъ мнѣ здѣсь примѣрное исчисленіе, по которому на содержаніе театра недостаетъ ежегодно близъ двухъ тысячъ рублевъ; а сей недостатокъ чаетъ онъ наградить тѣмъ, естьли вольные въ Москвѣ концерты и маскарады отдадутся въ его дирекцію. Я на сіе весьма согласна; но, не зная, какимъ образомъ и на долго-ли отъ васъ Итальянцамъ позволеніе о томъ дано, предоставляю вамъ сіе такъ распорядить, чтобъ и симъ послѣднимъ отъ того несправедливости не послѣдовало. Естьли показанные отъ васъ четыре человѣка изъ Московскаго Университета сами охоту и склонность имѣютъ быть актерами, то прикажите имъ остаться при театрѣ, и изъ Университета выключить.

‹Екатерина›.

29 Марта 1766.
С.-Петербургъ.

«А какъ полковникъ Титовъ здѣсь показалъ, что на театрѣ долгъ 1725 рублевъ, то дайте имъ взаймы оную сумму, которую имѣютъ заплатить изъ своего сбору по прошествіи года».

80.

Всемилостивѣйшая Государыня. В. И. В. всемилостивѣйше указать соизволили князю Мещерскому за взятый у него хлѣбъ, за каждую четверть въ прибавокъ рубля додать столько, чтобъ цѣна равна была той, по какой всякій хлѣбъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ получается.

Сіе высокомонаршее повелѣніе я для того исполнить въ скорости удержался, что всеподданнѣйше доносилъ о томъ В. И. В. Николай Ивановичь Чичеринъ. Такъ равномѣрно и я теперь всеподданнѣйше представить осмѣливаюсь, что князь Мещерскій и рублевою за четверть заплатою доволенъ быть можетъ, потому что изъ взятыхъ у него двадцати тысячъ четвертей всякаго хлѣба ржи не болѣе четырехъ тысячъ четвертей, прочее-жъ овесъ и ячмень, что́ большей платы не заслуживаетъ. И тако я пріемлю смѣлость всеподданнѣйше представить, не соизволите ли В. И. В., изъ милости, чѣмъ небольшимъ его пожаловать, и онъ всеконечно будетъ доволенъ, чувствуя особливое В. И. В. милосердіе, или прикажите мнѣ согласиться съ генералъ-полицеймейсторомъ. О семъ имѣю ожидать В. И. В. высочайшаго повелѣнія.

Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Салтыковъ.

Апрѣль 6 день 1766 г.
Москва.

На полѣ собственной рукой Императрицы: «Быть посему».

81.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Сейчасъ я получила приложенное письмо. Я не вѣдаю, кто сія барыня; но какъ она весьма притѣсненною себя почитаетъ и проситъ суда, то дабы скорѣе узнать ея сердечную печаль, прикажите безъ огласки ее къ себѣ призвать, а естьли у васъ на дому нельзя безъ огласки съ ней видѣться, то повидайтеся гдѣ вы заблагоразсудите и спросите у нея, въ чемъ ея обида и печаль состоятъ и, навѣдавшись обо всемъ, отпишите, пожалуй, ко мнѣ и ваше о томъ мнѣніе.

Екатерина.

Апр. 17 ч. 1766".

82.

Графъ Петръ Семеновичъ. Бывшій покойнаго графа Бестужева-Рюмина въ Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ домъ прикажите отдать графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, или кого онъ для принятія его пришлетъ; а ежели онъ чѣмъ занятъ, то прикажите немедленно его очистить, а между тѣмъ меня увѣдомте, въ чьемъ вѣдомствѣ онъ состоитъ и на которой улицѣ, дабы, имѣя объ немъ достаточное свѣдѣніе, по тому и указъ заготовить можно было.

«Екатерина».

12 Іюня 1766.
С.-Петербургъ.

83.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Планъ Коломенскаго дворца я приказала сдѣлать и сама къ тому програму сочинила; кой часъ поспѣетъ, къ вамъ присланъ будетъ. Впрочемъ, желая вамъ всякое благополучіе, пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Карусель нашъ весьма былъ хорошъ. Графъ Иванъ Петровичъ готовится чрезъ недѣлю при второмъ карусельскомъ представленіи первый прейсъ выигрывать. При первомъ, противъ всякаго чаянія, князь Иванъ Шаховской получилъ побѣду.

Іюль 1-го ч. 1766".

84.

Графъ Петръ Семеновичъ. Канцелярія строеній требуетъ отъ меня на исправленіе и починку Головинскаго и Кремлевскаго дворцовъ слишкомъ шестдесятъ тысячъ рублевъ; въ томъ числѣ, какъ вы усмотрите, многое въ приложенной при семъ вѣдомствѣ написано для одного только украшенія и убранства. А какъ я въ Москву ѣду не для великолѣпія, но для пользы государственной, то и въ пышности мнѣ нималой надобности нѣтъ. И потому я имъ въ сей суммѣ отказала, а за надежнѣе почла поручить вамъ сей трудъ, чтобъ вы подъ вашимъ главнымъ смотрѣніемъ приказали одинъ Головинскій дворецъ исправить такъ, чтобъ только безъ опасности въ него войти и жить можно было, безъ всякихъ ненужныхъ украшеній и позолотъ. Къ чему людей вы опредѣлить можете по вашему разсмотрѣнію, изъ вѣдомства ли кан-

целяріи строеній, или изъ другихъ мѣстъ; также и потребныя на то деньги извольте брать изъ соляной и изъ штатсъ-конторы пополамъ, и сколько на оное исправленіе издержано будетъ, меня увѣдомить. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.,

«Екатерина.

Театръ въ томъ же разумѣется».

19 Іюля 1766.
Петергофъ.

85.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Писали вы ко мнѣ, что на починку Головинскаго дворца семи тысячъ рублей весьма довольно; а нынѣ гофъ-интендантская требуетъ и вамъ смѣту подала еще на двадцать на семь тысячъ рублей для починки будто службъ. Я думаю, что оныя вновь дешевлѣ стали, et comme leur comptes ont déjà baissés de la moitié, je crois qu'en leurs donnant moins d'argent, vous les ferez encore baisser de la moitié. Ordonnez leur seulement чтобъ самое нужнѣйшее починили и исправили; car tout cela sont des comptes d'apoticaire qu'on me fait touts les jours, et quand je rabaisse ses comptes, ils se rangent à la raison et font pour moins d'argent tout ce qu'ils auraient fait avec les sommes considérables qu'ils demandaient. Le plan de la maison de Kolomensky viendra incessamment. Je suis, comme toujours, en vous faisant mille excuses des peines que je vous donne, avec beaucoup d'amitié.

Caterine.

Ce 7 d'août 1766.

L'année passée à pareille jour nous étions allés voir les порогъ du Wolxовъ *)».

86.

Графъ Петръ Семеновичъ. Содержащихся по дѣлу секундъ-маіора Коробова, жену его, попа, и прочихъ всѣхъ, кромѣ его самаго, при-

*) И какъ счеты ихъ спустились уже на половину, то я думаю, что, давъ меньше денегъ, вы ихъ заставите спустить еще на половину. Только прикажите имъ, чтобъ самое нужнѣйшее починили и исправили; потому что это все аптекарскіе счеты. Мнѣ такіе подаются ежедневно, и когда я ихъ сокращу, они дѣлаютъ на уменьшенныя деньги все тоже, что̀ сдѣлали бы на испрашиваемыя значительныя суммы. Планъ Коломенскаго дворца въ скоромъ времени будетъ доставленъ. Извините, пожалуйста, за то, что я васъ утруждаю. Остаюсь, какъ всегда, съ большою къ вамъ дружбою. Екатерина, 7 Августа 1766. Прошлаго года въ этотъ день мы ѣздили смотрѣть Волховскіе пороги.

кажите освободить, сдѣлавъ имъ прописанное въ мнѣніи вашемъ подтвержденіе, а его прикажите содержать впредъ до указа.

«Екатерина».

7 Августа 1766.
С.-Петербургъ.

87.

„Августа 10 ч. 1766.

Графъ Петръ Семеновичъ. При семъ посылаю къ вамъ планъ Коломенскаго дворца, которой сдѣланъ такъ, что весь почти дворъ въ немъ умѣститься можетъ. Возлѣ церкви на вашемъ планѣ означено подъ лит. Д. направо или налѣво; оное весьма мнѣ показалось по плану мѣсто способно построить дворецъ. И такъ теперь только желательно, чтобъ вмѣстѣ аптекарскіе счеты сдѣланы архитекторами не были. Обѣщайте, пожалуй, подъ рукою награжденіе отъ меня тому, кто дешевлѣ построитъ. Впрочемъ, въ ожиданіи вашего отвѣта, желаю вамъ здравствовать.

Екатерина».

88.

Графъ Петръ Семеновичъ. Репортъ вашъ и при томъ смѣты Коломенскому дворцу я получила. Всѣ ваши распоряженія о строеніи онаго я весьма апробую и дозволяю какъ фундаментъ онаго нынѣ начать, желая, чтобъ онъ, буде можно, нынѣшнею еще осенью окончень былъ, такъ и потребное число кирпичу отъ Воспитательнаго Дома взять заимообразно, ежели, какъ вы пишите, нынѣшнею порою у кирпичныхъ заводчиковъ готоваго будетъ недостаточно; съ тѣмъ однакожъ, чтобъ въ оный Воспитательный Домъ въ будущемъ году тожъ конечно число возвращено было, дабы и имъ иногда въ нужномъ строеніи остановки не сдѣлать. Я, съ удовольствіемъ видя, сколь рачительно вы какъ сего строенія, такъ и исправленія Головинскаго дворца трудъ на себя пріемлете, не сумнѣваюсь, что къ окончанію оныхъ работъ ничего возможнаго упущено не будетъ.

Пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

1 Сентября 1766.
С.-Петербургъ.

89.

Графъ Петръ Семеновичъ. Отставнаго поручика Петрова жена въ поданномъ мнѣ челобитьѣ пишетъ, что въ прошломъ 1757 году мужъ ея по корчемному дѣлу взятъ подъ караулъ, и деревни его отписаны; а по указу 1761 года Декабря 16-го дня, коимъ всѣ такіе прощены, и онъ освобожденъ, и деревни ему возвращены; а осталось только по тому дѣлу титулярнаго совѣтника Ивана Мясоѣдова въ собственной его обидѣ требованіе. Но и съ тѣмъ они нынѣ помирились, и мировую отъ него челобитную она при томъ прошеніи приложила, изъ коихъ мировую въ оригиналѣ, а съ другой копію я при семъ къ вамъ послать приказала. Нынѣжъ мужъ ея паки взятъ подъ караулъ и уже другой годъ въ Орловской провинціальной канцеляріи содержится, и мировой челобитной отъ него не принимаютъ. Чего ради увѣдомьте меня, какимъ образомъ оное дѣло паки стало гласно; ибо, естьли онъ подлинно уже былъ прощенъ, то и оставалось одно только партикулярное Мясоѣдова требованіе, а какъ и Мясоѣдовъ нынѣ отъ него удовольствованъ, то и надлежало бы оное дѣло совсѣмъ оставить. И такъ, буде оное дѣло подлинно такого состоянія, какъ просительница пишетъ, то-есть, буде мужъ ея былъ прощенъ, а Мясоѣдовъ своей обиды на немъ не ищетъ, то прикажите, принявъ оную мировую челобитную, его изъ-подъ караула освободить и дѣло сіе оставить. «А естьли чуть въ чемъ сумлѣніе вамъ покажется, то обо всемъ отпишите ко мнѣ.

Екатерина».

4 Сентября 1766.
С.-Петербургъ.

90.

Графъ Петръ Семеновичъ. Письмо ваше и при томъ смѣту Коломенскому дворцу я получила, изъ которой усмотрѣла, что оный станетъ въ пятьдесятъ три тысячи триста рублевъ. А какъ уже отъ меня къ вамъ отъ 1-го Сентября писано, чтобъ фундаментъ оному приказали начинать, то остается теперь по оной смѣтѣ ассигновать деньги, которыя и имѣете вы приказать, кому отъ васъ повелѣно будетъ, принимать отъ соляной и статсъ-конторы пополамъ. А понеже о службахъ въ присланныхъ отъ васъ планахъ упоминаемо не было, то надлежитъ и оныя приказать сдѣлать, а именно: кухню, которой планъ къ вамъ присланъ будетъ, конюшню на пятьдесятъ лошадей и сарай по пропорціи, что̀ все паки возлагая на ваше попеченіе, пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

7 Сентября 1766.
С.-Петербургъ.

91.

Графъ Петръ Семеновичъ. По полученіи сего прикажите губернатору Московскому, чтобъ онъ въ Москвѣ и по всей губерніи Московской освѣдомился: 1) сколько кожевныхъ фабрикъ или домовъ такихъ, въ которыхъ кожи выдѣлываютъ; 2) до запрещенія выпуска за-границу сырыхъ кожъ по какой цѣнѣ сырыя и невыдѣланныя кожи продавались, и по какой нынѣ продаются; 3) не остаются ли на рукахъ кожи сырыя по причинѣ той, что некому ихъ покупать, и какіе и изъ какихъ городовъ скупщики пріѣзжая оныя скупаютъ, или въ Москвѣ и во всей губерніи всѣ выдѣлываются безъ остатку; 4) также до запрещенія выпуску за-границу разныхъ сортовъ пряжи льняной, по какой цѣнѣ оная продавалась и по какой нынѣ продается во всей губерніи, и прибавляется ли оной противу прежняго вырабатыванія, и не остается ли оная на рукахъ? Собравши такія свѣдѣнія, пришлите къ намъ репортъ о томъ обстоятельный.

«Екатерина».

Сентября 13 дня 1766 г.
С.-Петербургъ.

92.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Сказывалъ мнѣ графъ Захаръ Гр. Чернышовъ, что вы находите полицейскую таксу на хлѣбъ на Москвѣ за безполезную; того для вы можете совершенно оную отмѣнить и перемѣнить, какъ вы сами за полезнѣе разсудите, для чего я не хотѣла пропустить сегодняшнюю почту, чтобъ къ вамъ о семъ не писать. Пребываю впрочемъ, какъ и всегда, доброжелательна.

Екатерина.

СПБ. Октября 2 ч. 1766".

93.

«Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. Дошло до моихъ ушей, что нѣкто, именемъ князь Александръ Васильевъ сынъ Хованской *) не пропускаетъ случай, чтобъ всѣ мои учрежденія и всѣхъ моихъ поступковъ не толковать злодѣйской дерзостію и дать имъ видъ совсѣмъ моимъ намѣреніямъ противный. Онъ прежде сего былъ во Франціи, но позабылъ,

*) † 1794. По матери своей, баронессѣ Шафировой, этотъ князь Хованскій былъ Еврейскаго происхожденія. П. Б.

знатно, что въ Парижѣ за то сажаютъ въ Бастилью, умалчивая о томъ, чтò за то прежде сего воспослѣдовало въ Россіи. Но какъ я склонности къ жестокости не имѣю, а нравъ свой для сего бездѣльника перемѣнить не намѣрена, того для призовите его къ себѣ и скажите ему отъ себя, что вы, вышеписаннаго услыша, оставляете о подлинности того изслѣдовать до времени, а между тѣмъ хотите ему дать примѣтить, чтобъ онъ могъ воздержаться впредъ; что подобнымъ поведеніемъ онъ доведетъ себя до такого края, гдѣ и воронъ костей его не сыщетъ. И послѣ сей короткой аудіенціи отпустите его домой, не принимая много оправданія отъ сего ябедника. Впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ весьма доброжелательна.

Екатерина.

СПБ. 29 ч. [1]) 1766.

Faites lui bien peur, afin qu'il retienne son abominable langue; car d'ailleurs je serai obligé de lui faire plus de mal que cette peur ne lui en causera [2])».

94.

Графъ Петръ Семеновичъ. Запишите въ Московскомъ Сенатѣ мой указъ, чтобъ по дѣлу отставнаго поручика Петрова въ отбитіи имъ у посланной команды корчемнаго вина немедленно заключена была въ Орловской провинціальной канцеляріи въ силу законовъ сентенція; ибо собственное признаніе его въ томъ кажется излишнимъ, когда какъ немалое число свидѣтелей, такъ и примиреніе его съ Мясоѣдовымъ, которому онъ (какъ жена его въ челобитьѣ своемъ пишетъ) далъ тысячу семьсотъ рублевъ, ясно доказываетъ его винность; а Сенатъ оную сентенцію съ приложеніемъ своего мнѣнія имѣетъ представить ко мнѣ.

‹Екатерина›.

9 Ноября 1766.
С.-Петербургъ.

95.

Графъ Петръ Семеновичъ. Отъ 2 числа сего мѣсяца пишите вы, что гофъ-интендантская контора требовала отъ васъ о возвращеніи

---

[2]) Постращайте его хорошенько, чтобъ онъ сдержалъ отвратительный свой языкъ; ибо иначе я должна буду сдѣлать ему больше зла, нежели сколько причинитъ ему эта острастка.

[1]) Мѣсяца въ подлинникѣ не означено. П. Б.

употребленныхъ ею изъ церковной суммы на канцелярскій расходъ четырехъ тысячъ трехъ сотъ семидесяти трехъ рублевъ, да на докончаніе починокъ зимняго Головинскаго дворца тысячи рублевъ, и на починку же Марліевскаго и Семеновскаго домовъ и прочее полуторы тысячи рублевъ, и что ей въ оныхъ деньгахъ, для прописанныхъ въ рапортахъ вашихъ резоновъ, отказали. Я учиненный вами ей отвѣтъ апробую; а сверхъ того подтвердите ей, чтобъ она впредъ отпускаемыя суммы употребляла на то только, на что онѣ отпущены, а не на посторонніе расходы.

«Екатерина».

20 Ноября 1766.
Царское Село.

96.

Графъ Петръ Семеновичъ. Прикажите, чтобъ Сиропитательному Дому въ Москвѣ не запрещали производить деревянное строеніе, ибо оное дѣлается только на время.

«Екатерина».

4 Декабря 1766.
С.-Петербургъ.

97.

Графъ Петръ Семеновичъ. Княгиня Дарья Грузинская проситъ меня, что опекуны по сіе время плана не сдѣлали, по которому долги ихъ платить надлежитъ и имъ самимъ извѣстный на прожитокъ доходъ изъ деревни опредѣленъ бы былъ, и что на сей годъ въ шесть мѣсяцовъ выдано имъ только на содержаніе триста пятьдесятъ рублей, отчего она платье съ себя принуждена продавать для повседневнаго пропитанія. Увѣдомьте меня, для чего по сіе время помянутый планъ не составленъ, и для чего толь малая и бѣдная сумма выдана на содержаніе. А при томъ сдѣлайте понужденіе, чтобъ сіе дѣло поскорѣе къ концу было бы приведено.

«Екатерина».

Декабря 4 дня 1766.
С.-Петербургъ.

98.

Monsieur le maréchal comte Soltikoff. J'ai reçu votre lettre, accompagnée de la requête d'une douzaine d'étourdis, qui demandent d' aller à Tiflis. Répondez leur, que leur requête a été trouvée trop folle pour m'être présentée à moi; mais que comme tout étranger ve-

nu en Russie était le maître d'en sortir quand bon lui semblerait, il dépendait d'eux de le faire. Donnez un passeport là ou l'on en demande. Voilà tout ce que j'ai à vous dire sur cette matière dont je ne peux pas autrement me mêler.

Je suis comme toujours, avec beaucoup d'affection

Caterine.

Ce 4 décembre 1766» [1]).

99.

Графъ Петръ Семеновичъ. Будучи всѣми вашими касательно до строенія Коломенскаго дворца распоряженіями довольна, желаю, чтобъ оконченъ онъ былъ не позже какъ къ Петрову дню. Внутри никакихъ богатыхъ украшеній дѣлать не надобно; а что̀ принадлежитъ до конюшни, то я, апробовавъ планъ, словесныя дала князю Макулову о томъ наставленія, равно какъ и о нѣкоторыхъ малыхъ передѣлкахъ въ Головинскомъ домѣ, препоручивъ ему оное все исправить, такъ какъ вы и онъ представляли. Чего ради и можете на Коломенскій дворецъ употребить, сверхъ издержанной суммы, еще до десяти тысячъ рублевъ; а передѣлки Головинскаго дома исправить по показаніямъ его, Макулова, изъ гофъ-интендантскихъ расходовъ. «Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина».

Въ 29 день Декабря 1766 г.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

100.

Графъ Петръ Семеновичъ. На строеніе въ Коломенскомъ конюшни и на починку старыхъ каменныхъ кухонъ и служебъ, извольте сколько потребно будетъ денегъ взять изъ тѣхъ же [2]), откуда вы и на строеніе всего дворца брали.

«Екатерина».

Въ 30 день Декабря 1766 г.
Въ С.-Петербургѣ.

---

[1]) Господинъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Я получила письмо ваше съ приложеніемъ прошенія дюжины шалуновъ, которые желаютъ ѣхать въ Тифлисъ. Отвѣчайте имъ, что прошеніе ихъ найдено слишкомъ глупымъ, чтобъ его представлять ко мнѣ, но что всякій иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію, воленъ изъ нея отбыть, когда ему угодно, и стало быть отъѣздъ зависитъ отъ нихъ. Дайте паспорты куда спрашиваютъ. Вотъ все, что̀ имѣю вамъ сказать по сему дѣлу, въ которое иначе не могу вмѣшиваться. Есмь, какъ всегда, съ большою къ вамъ любовію. Екатерина. 4 Декабря 1766.

[2]) Слова „тѣхъ же“ зачеркнуты Императрицею и собственноручно написано надъ строкою: *тѣхъ же мѣстъ*.

1767 годъ.

101.

Графъ Петръ Семеновичъ. Въ силу обнародованнаго въ 14 день прошедшаго Декабря мѣсяца манифеста о выборѣ депутатовъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія будутъ производиться оные выборы и въ Москвѣ. Но какъ, въ разсужденіи великія сего города обширности, статься можетъ, что и найдутся какія нибудь затрудненія или сумнительства, того для отсрочить можете оные выборы до моего къ вамъ прибытія, которое въ будущемъ Февралѣ мѣсяцѣ неотмѣнно послѣдуетъ; а потому и времени къ исполненію еще довольно останется.

«Екатерина».

3-го Января 1767.
С.-Петербургъ.

102.

Графъ Петръ Семеновичъ. На полученную мною отъ васъ сего числа на эстафетѣ реляцію, которою представляете, что вы по представленію къ вамъ главной провіантской канцеляріи приказали въ разсужденіи крайней надобности и за отбытіемъ изъ Москвы Сената пятаго департамента, о поставкѣ въ оную канцелярію провіанта (всего на тридцать на пять тысячъ на пять сотъ на восемъ рублевъ на семьдесятъ на пять копѣекъ) съ Московскимъ купцомъ Спѣсивцовымъ заключить контрактъ, симъ отвѣтствую, что я, усмотрѣвъ изъ представленія вашего надобность и казенную пользу, въ семъ подрядѣ, учиненное вами провіантской канцеляріи о семъ предложеніе симъ не только апробую, но и сей вашъ поступокъ съ удовольствіемъ увидѣла, о чемъ вы въ свое время и Сенату дайте знать.

«Екатерина».

3 Февраля 1767.
С.-Петербургъ.

103.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Я слышала отъ графа Григорья Орлова, что вы по комиссіи вашей имѣете много неудовольствія и иногда противъ воли вашей апробуете то, къ чему ваши сентименты не склонны, а со мной сумнѣваетесь изъясниться, чего я никогда не ждала: понеже вамъ небезъизвѣстно, что не фаверъ и случай у меня дѣла въ дѣй-

ство производятъ, но какъ единственной предметъ у меня общее благополучіе, вслѣдствіе сего каждому невозбранно имѣть до меня доступъ изъяснять мысли свои, коль паче человѣку такому, какъ вы по чину и заслугамъ вашимъ ни малаго препятства не нахожу. И такъ, естьли вы имѣете мнѣ что сказать, прошу во Вторникъ въ 11 часовъ пріѣхать, не опасаясь ничьего лица, понеже я господинъ; а моя мысль выше изъяснена, въ чемъ можете быть довольно увѣрены.

Екатерина.

Въ Понедѣльникъ въ Чистой. Поздравляю заговѣвшись на хрѣнъ и на рѣдьку и на бѣлую капусту»*).

104.

Графъ Петръ Семеновичъ. Даннымъ предъ симъ нашимъ указомъ, для извѣстныхъ намъ обстоятельствъ, повелѣли мы ввести въ отчины князя Голицына и сенатора Желябовскаго воинскія команды; но какъ доносили вы намъ, что тѣ команды ничего заслуживающаго уваженія примѣтить по бытности ихъ въ тѣхъ вотчинахъ не могли, то сего ради, и не меньше по настоянію въ воинскихъ служителяхъ при полку нужды, повелѣваемъ тѣ команды оттуда вывесть въ прежнія квартиры.

«Екатерина».

Данъ въ Москвѣ,
Марта 28 дня 1767 года.

105.

Графъ Петръ Семеновичъ. Прикажите созвать всѣхъ находящихся здѣсь архитекторовъ и имъ объявить, чтобъ они, осмотрѣвъ прилежно Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій (а наипаче сей послѣдній) соборы, сдѣлали между собой консиліумъ, какимъ образомъ разсуждаютъ они удобнѣе оныя исправить и въ прочное и безопасное состояніе привести и подали бы о томъ либо по общему согласію или по согласію нѣсколькихъ между собою, или же каждый порознь, свои проекты и смѣты, которые потомъ вы мнѣ представите.

«Екатерина.

А Архангельскій соборъ время не терпитъ».

24 Апрѣля 1767.
Москва.

---

*) Письмо безъ означенія времени, но можетъ быть отнесено ко времени пребыванія Екатерины въ Москвѣ Великимъ постомъ 1767 года. П. Б.

106.

Указъ нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Во время отсутствія нашего изъ Москвы въ Казань всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ имѣть въ семъ столичномъ городѣ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка и тишины. Чего ради о всѣхъ оставшихся въ немъ разныхъ командахъ получать вамъ потребное свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ на имя наше репорты, на всякія внезапныя происшествія давать наставленія и о томъ къ намъ доносить. Еликожъ принадлежать будетъ до гвардіи нашей полковъ, то имѣете съ главными оной командирами сноситься; а чтобъ отъ нихъ надлежащее и неукоснительное вспоможеніе вамъ дѣлано было, о томъ отъ насъ имъ особое повелѣніе дано.

«Екатерина».

27 Апрѣля 1767.
Москва.

107.

«Dieu sait ce qu'il faut croire de cette lettre. Je ne peux pas croire que мад. Наумовъ aye voulu faire violer cette fille. Je suis tentée de croire que tout cela ne sont que des micmacs de commère; mais enfin, sans donner de la jalousie à mad. votre épouse, donnez lui quelque part un honnête rendez-vous et demandez lui pourquoi et de quoi elle crie et pleure tant; mais n'en faites pus de bruit et écrivez moi bien doucement ce qui en est. Je vous incommode bien souvent de mon griffonage; prenez vous en à ma confiance dans votre droiture *)».

108.

«Monsieur le maréchal. Très-sensible, comme je vous l'ai fait dire hier, au malheur qui vient de vous arriver, je vous prie d'être assuré que telle heure que vous choisirez pour me parler, elles me seront toutes également agréables. Comme je n'ai point de superstition, vous

---

*) Богъ вѣдастъ, что нужно думать объ этомъ письмѣ. Мнѣ кажется невѣроятно, чтобы г-жа Наумова пожелала употребить насиліе надъ этою дѣвушкой. Я склонна счесть все это дѣломъ сплетней. Однако, не возбуждая ревности въ супругѣ вашей, устройте съ г-жею Наумовой гдѣ нибудь приличное свиданіе и спросите у ней, съ чего и о чемъ она такъ кричитъ и плачетъ. Но не разглашайте о томъ и потихоньку напишите мнѣ, что тутъ такое. Я почасту васъ тревожу моимъ бумагомараньемъ; да будетъ оно вамъ свидѣтельствомъ моего довѣрія къ прямотѣ вашей.

pouvez venir cet après-dîner. J'ai fait dire aux évêques de venir demain chez moi afin de ne point déranger la triste cérémonie d'aujord'hui. Il est vrai que je n'ai appris que ce matin, que l'heure que je leur avais marquée pour prendre congé de moi, les empêchait d' aller chez vous. Soyez assuré de mon amitié.

Caterine.

à dix heures [1])".

109.

«Петръ Семеновичъ. Я сейчасъ услышала, что Теплова люди, когда ихъ отправляли, говорили, что они безвинно сосланы. И тако велите оныхъ людей повернуть и разберите оное дѣло въ крайнемъ секретѣ и естьли они правы, то отпишите ко мнѣ, дабы я къ вамъ отпускныя для нихъ прислала; а естьли виноваты, то можно ихъ опять туда послать, куда они означены были. Екатерина».

110.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Прикажите Теплова людей освободить и дайте имъ паспорты съ прописаніемъ резолюціи тайной экспедиціи, что имъ жить гдѣ они сами похотятъ вольно, и бывшему хозяину до нихъ дѣла нѣтъ; а имъ скажите, что по ихъ доносу лишь одной пыткой правду узнать можно, а я не захотѣла допускать до кровопролитья и повелѣла замѣнить долгое ихъ тюремное заключеніе и ихъ уже болѣе не держать, а на Москвѣ и въ Петербурхѣ имъ не жить. Дайте имъ по нѣскольку денегъ на мой счетъ на дорогу.

Екатерина» [2]).

---

[1]) Господинъ фельдмаршалъ. Вчера посылала я къ вамъ сказать, какъ сочувствую вамъ въ несчастіи, васъ постигшемъ. Прошу васъ, будьте увѣрены, что какой бы часъ ни выбрали вы для бесѣды со мною, они будутъ всѣ одинаково мнѣ пріятны. Какъ я вовсе не суевѣрна, то вы можете прибыть сегодня послѣ обѣда. Архіереямъ велѣла я сказать, чтобъ они были ко мнѣ завтра, чтобъ не помѣшать сегодняшнему печальному обряду. И то сказать, я только сегодня утромъ узнала, что еслибы они прибыли прощаться со мною, то не поспѣли бы къ вамъ. Будьте увѣрены въ моей дружбѣ. Екатерина. въ десять часовъ.—Это письмо вѣроятно относится къ похоронамъ фельдмаршальши графини Салтыковой; по Росс. Род. Книгѣ князя Долгорукова, она скончалась въ 1767 году.

[2]) Эти два письма о людяхъ Теплова безъ означенія времени, и мы не знаемъ навѣрное, когда они писаны. Поступки знаменитаго Г. Н. Теплова съ его крестьянами отвратили отъ него Екатерину, и къ исходу своего поприща онъ уже не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. П. Б.

111.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Получа сіе, извольте содержащагося подъ карауломъ офицера Назарова выпустить изъ подъ караула и велѣть ему немедленно явиться у князя Вяземскаго или у Кузмина.

Екатерина».

112.

„Изъ Твери 30 ч. Апрѣля 1767.

Графъ Петръ Семеновичъ. Вчерашній вечеръ, въ девятомъ часу я сюда пріѣхала. Все благополучно, о чемъ васъ увѣдомляю. Завтра будемъ знать, какъ отселѣ тронемся. Изъ Клина я къ вамъ цыдулку уже послала о продолженіи моего пути. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Екатерина.

Къ Ивану Өедоровичу Глѣбову *) написала, чтобъ онъ свои письма ко мнѣ къ вамъ адресовалъ для пересылки ко мнѣ».

113.

„Не доѣзжая Усть-Мологи, Маія 8 ч. 1767.

Графъ Петръ Семеновичъ. Я надѣюсь, что каждый курьеръ довезъ до васъ извѣстіе о моемъ путешествіи. Вчерась первый скучный день былъ, ибо весь простояли за противной погодою на якорѣ; однакожъ мы всѣ здоровы и хотя близко двухъ тысячъ человѣкъ въ моей свитѣ, но въ госпиталѣ лишь пять человѣкъ, и тѣ больны слегка, и хотя вездѣ поставлены команды для смѣны слабымъ солдатамъ, кои на галерѣ, никто не хочетъ сойти, и всѣ сказываются здоровыми. Вчерашній день мы часто ввечеру говорили: дуй, дуй, вспоминая васъ. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать.

Екатерина».

114.

„Изъ Казани, Маія 30 ч. 1767 г.

Графъ Петръ Семеновичь. Изъ письма вашего отъ 24 ч. сего мѣсяца, мною полученнаго третьяго дня, я съ большимъ удовольствіемъ усмотрѣла, что Коломенскій дворецъ совсѣмъ къ Петрову дню поспѣетъ,

---

*) И. Ө. Глѣбовъ былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ. См. письма къ нему Екатерины Великой въ Русскомъ Архивѣ 1867.

за что вамъ благодарствую, а князя Макулова не оставлю безъ награжденія. Я рада, что сего честнаго человѣка узнала. Я надѣюсь быть съ вами между 15 и 20 число Іюня. Въ Субботу отселѣ поѣду водою до Синбирска, что̀ я уже почитаю часть обратнаго пути, а оттудова уже прямо къ Москвѣ.

Сердечно сожалѣю о смерти князя Мих. Козловскаго [1]). Прошу то сказать брату его. Я знаю, что жена и дѣти остались не въ лучшемъ состояніи, о чемъ прошу навѣдаться и мнѣ дать знать, дабы я посмотрѣла, чѣмъ имъ помочь. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Мы всѣ здоровы и здѣсь очень весело.

Екатерина».

115.

Графъ Петръ Семеновичъ. Слышала я, что кто-то невѣжда сегодня положилъ сѣна вмѣсто шара. Извольте завтра тѣмъ воспользоваться, и какъ всѣ соберутся, то или вы сами прочтете, или кому прикажете прочитать собранію отъ имени вашего, какъ отъ предводителя, при семъ приложенное напоминовеніе. А между тѣмъ прикажите офицерамъ, кои у ящиковъ, чтобъ они исподволь смотрѣли за шарами, и если увидятъ подобныя шалости, вамъ бы о томъ сказали.

«Екатерина.

Ne donnez à personne copie de cette pièce et ajoutez-y ou diminuez, ce qui vous semblera bon [2])».

Къ соблазну всего собранія усмотрѣно, что нѣкто невѣжа дерзнулъ при вчерашнемъ торжественномъ первомъ актѣ употребить неистовую и непристойную шалость, и клалъ сѣно вмѣсто бала. Я именемъ всего собранія даю ему знать то неудовольствіе, которое на него пало, и сей разъ, не изслѣдывая далѣе, кто онъ таковъ, довольствуюся тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему сей публичный при всѣхъ выговоръ, дабы онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти и стыда, которое онъ чувствовать долженъ, если онъ хотя мало благородства въ себѣ имѣетъ. А впредь не могу я отъ него скрыть, что я, если онъ не уймется, Московскаго уѣзда дворянству за непочтеніе, симъ невѣжею чинимое

---

[1]) Тайный совѣтникъ князь Михаилъ Семеновичъ Козловскій, женатый на Марьѣ Николаевнѣ Салтыковой (братъ ея, Николай Николаевичъ - родной дѣдъ Московскаго генералъ-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова), оставилъ восемь человѣкъ дѣтей.

[2]) Никому не давайте списывать этого, и прибавьте или убавьте, если найдете нужнымъ.

симъ и подобнымъ актомъ, также и собранію столь много почтенныхъ людей, по открытіи его имени, «предложу» къ выключенію его изъ собранія.

«Oh dit que c'est князь Александръ Хованской qui a fait cette impertinence. Ainsi il ne serait pas mauvais que, sans faire semblant de rien, cela lui soit dit en face, ce qui est fort aisé à arranger quand tout le monde sera encore debout *)».

116.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Хотя я къ вамъ на докладѣ о бабѣ, которая доносила на помѣщика и написала, чтобъ посадить на три дня на хлѣбъ и на воду, однако свободите ее отъ того наказанія для праздника, которымъ васъ поздравляю.

Екатерина.

Elle s'en ira où il lui plaira».

117.

Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ поданнаго отъ васъ экстракта о покраденныхъ Ингерманландскаго карабинернаго полку карабинеромъ Богдановымъ обще съ Новоторжскимъ купцомъ Иваномъ Дѣловымъ у проѣзжихъ чрезъ Торжокъ неизвѣстныхъ купцовъ, во время ночлега ихъ въ семъ городѣ, товарахъ усмотрѣли мы, что хотя оное еще въ 1765 году произошло, однакожъ никто хозяинъ онымъ товарамъ не явился, да и не видно изъ экстракта, есть ли на нихъ таможенныя печати. Чего ради прикажите ихъ осмотрѣть, и буде они найдутся въ таможнѣ явленными, то предложите, куда надлежитъ, о публикованіи, чтобъ хозяева оныхъ товаровъ, съ ясными на оныя доказательствами, явились отъ публикаціи чрезъ три мѣсяца. Естьли же они неклейменые, то прикажите оные товары, а именно тафты разныхъ цвѣтовъ восемь сотъ восемьдесятъ семь аршинъ двѣнадцать вершковъ, да чулковъ шелковыхъ бѣлыхъ тридцать одну пару, отослать въ Московскій Воспитательный Домъ.

«Екатерина».

29 Ноября 1767.
Москва.

---

*) Говорятъ, что дерзость эту сдѣлалъ князь Александръ Хованскій. Стало быть, не мѣшаетъ, какъ бы невзначай, сказать ему это прямо въ лицо, что̀ весьма легко сдѣлать, когда все собраніе будетъ еще на ногахъ. — См. объ этомъ князѣ выше, письмо 93-е. Письмо безъ означенія времени; оно писано въ день открытія славной комиссіи объ уложеніи, т. е. 31 Іюля 1767.

1768 годъ.

118.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Je crois vous faire plaisir en vous apprenant par celle-ci que je suis arrivée hier Mercredi vers les neuf heures du matin à Czarskoe Sélo, moi et ma suite, en parfaite santé. Je n'ai été vraiment en chemin que cinquant trois heures; car le restant nous nous sommes arrêtés pour dormir, manger et reposer tant maîtres que domestiques. Malgré le froid excessif qu'il a fait du Samedi au Mercredi, cependant tous les nez et oreilles de ma suite sont restés entiers. Je rends grâçes à Dieu d'un aussi heureux voyage et je vous en fait part comme d'une bonne nouvelle dont vous partagerez la joye avec moi. Je souhaite que cette lettre vous trouve en bonne santé et vous prie d'être assuré de la continuation inaltérable de mon amitié et de ma confiance.

Caterine.

A Czarskoe Sélo,
ce 24 janvier 1768.

Samedi j'entrerai en ville *)».

119.

Графъ Петръ Семеновичъ. Письмо ваше или репортъ отъ 29 Генваря о доносѣ Колышкина я сейчасъ получила, на что имѣю отвѣтствовать: 1) Доноситель Колышкинъ хотя и служилъ у меня, но человѣкъ весьма несостоятельной, пьяница, игрокъ и мотъ и ничѣмъ никогда не доволенъ; знакомство его обыкновенно съ людьми ему подобными. Но однакожъ, какъ сіе дѣло касается до безопасности, то извольте прежде отъ него требовать, имѣетъ ли онъ свидѣтелей (онъ

---

*) Господинъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Полагаю сдѣлать вамъ удовольствіе, симъ увѣдомляя, что вчера въ Середу, часовъ въ 9 утра, я и свита моя прибыли въ Царское Село въ совершенномъ здоровьѣ. И то сказать, я пробыла въ пути всего 53 часа; остальное время пошло на остановки, на спанье, ѣду и отдохновеніе, какъ господъ, такъ и слугъ. Не смотря на страшный холодъ съ Субботы до Середы, носы и уши у моей свиты остались цѣлы. Благодарю Бога за столь удачное путешествіе и увѣдомляю васъ о томъ, зная, что вы раздѣлите мое удовольствіе по поводу такого благополучія. Желаю, чтобы это письмо застало васъ въ добромъ здоровьѣ и прошу быть надежну въ неизмѣнномъ продолженіи моей дружбы и довѣренности. Екатерина. Царское Село, 24 Января 1768. Въ Субботу ѣду въ городъ.

не первый разъ въ доносителяхъ). 2) Прикажите Еропкина призвать и допросите его; естьли же свидѣтелей нѣту, то посадите «доносителя сперва на двое сутокъ безъ пищи и питія; когда же по прошествіи сего еще доносъ свой утверждать будетъ, то тогда равнымъ образомъ поступить имѣете и съ Еропкинымъ. Между тѣмъ же Колышкина спросите обстоятельно, когда именно Еропкинъ съ таковыми словами къ нему пріѣзжалъ, не былъ ли кто при томъ и съ чего онъ ему говорить началъ и въ разговорахъ, когда точно не называлъ своихъ сообщниковъ, то хотя по крайней мѣрѣ не давалъ ли какимъ образомъ и по примѣтамъ о комъ знать. Естьли же съ Колышкина стороны представятся о слышаніи упомянутыхъ отъ васъ словъ (всѣхъ, или хотя нѣкоторыхъ, только бъ оныя заключали важность) свидѣтели, то уже не сажая безъ пищи, а призвавъ Еропкина и онаго допрося, спросить, шлется ли на тѣхъ свидѣтелей и ежели пошлется, то допрося свидѣтелей, чтȯ оные покажутъ, на томъ и утвердиться слѣдуетъ. И естьли по допросамъ оказываться станетъ подобное показаніе, то вы не оставите съ своей стороны какъ нужныхъ сыскивая далѣе слѣдовать, такъ и тѣхъ, которыхъ дѣло касаться будетъ, содержать въ такой безопасности, которая при семъ дѣлѣ нужна. Однакожъ при всемъ семъ дѣлѣ употребите стараніе, чтобъ о семъ сколько возможно миновать слуховъ и толковъ; а чтȯ открываться будетъ, насъ почасту увѣдомлять. Извѣстно же, что и Еропкинъ человѣкъ къ пьянству, мотовству и ко всякимъ шалостямъ и продерзости склонный; тѣмъ болѣе, что уже приходитъ по мотовству своему до крайности. Колышкина безыменное письмо, присланное къ графу Гр. Григорьевичу, при семъ прилагается, дабы сличить иногда оное съ допросами. Всего мнѣ удивительнѣе, что разговоры Колышкина съ Еропкинымъ были въ бытности двора на Москвѣ, а г-нъ Колышкинъ выбралъ время моего отъѣзда къ доносу, «хотя велѣно не болѣе трехъ дней по законамъ мѣшкать.

Екатерина».

Февраля 2 дня 1768 года.
С.-Петербургъ.

Письмо Колышкина къ графу Г. Г. Орлову.

Ваше сіятельство!

По нынѣшнему состоянію моему не взыщите, батюшка, что я такъ глупо и безъименно вамъ доношу; но когда изслѣдуемо будетъ, то предъ вами явлюся, а нынѣ именемъ моимъ не могу доносить: первое, опасаюсь строгости; второе, не подумали бы изъ домогательства какого нибудь. Вамъ, милостивому государю, доношу въ осторожность, по пословицѣ деревенской: сверчка не будетъ, а мѣсто напоганитъ.

Умышляютъ на ваше сіятельство захватя допросить и убить до смерти. Вотъ, государь, ихъ умыселъ. А допрашивать, гдѣ находятся Ивана Антоныча братъ и сестра. Ей-ей не знаю, были ли у него братъ и сестра, или не были. И толкуютъ безсовѣстно во вредъ всему отечеству и къ пагубѣ, будто беззаконно Елисавета Петровна была Императрицей, потому что она и Анна Петровна будто до вѣнца прижиты; а отъ Іоанна Алексѣевича Анна Ивановна была законная наслѣдница отъ большаго брата П. А. Такъ извольте разсудить, куды подвергаютъ могущество своими лаями пустыми и злымъ умысломъ, и будто вы восемь человѣкъ погубили и бывшаго правителя задушили или уморили. Чертъ знаетъ что болтаютъ! Истинно, батюшка, дрожитъ рука какъ пишу; изъяснить не въ силахъ. Если вы по сему моему доносу, предложа нашей всеобщей Матери, учините строгой распросъ Ивану Васильеву сыну Еропкину, то можете узнать его сообщниковъ; ибо онъ и меня призывалъ къ тому беззаконно подъ пьяную руку. Наконецъ, всѣмъ заградятся уста глаголющимъ неправду. Пусть оно такъ пустое, однако злое болтанье. Однако я, предупреждая въ осторожность, вамъ сіе должное Ея Величества вѣрному рабу принужденнымъ себя нахожу упредить злой умыселъ и пустое оскорбленіе въ болтовнѣ; а вы, батюшка, ходите и ѣздите поосторожнѣе.

Надпись: Его сіятельству, милостивому государю, графу Григорію Григорьевичу Орлову, въ Петербургѣ.

120.

Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. Реляцію вашу отъ 7 числа сего мѣсяца о Колышкинѣ и Еропкинѣ и записку изъ допроса Колышкина мы получили; но какъ Еропкинъ еще не спрашиванъ, то теперь и никакой резолюціи дать нельзя. А какъ уже характеры Еропкина и Колышкина вамъ предъ симъ описаны, то вы того держаться не оставите. О Бердяевѣ же за нужное почитаю по тому-жъ дать вамъ свѣдѣніе: онъ человѣкъ наполненъ ябедой и дерзновеніемъ, смѣшаннымъ съ глупостію. Какъ же теперь, по многимъ его ябедническимъ дѣламъ отъ губернатора Головцына происходятъ разныя взысканія, то и вѣроятно, что онъ правленіемъ недоволенъ. Онъ помѣщикъ Вологодскій, гдѣ вся провинція отъ ябеды его страдала, и имѣетъ себѣ во всемъ подобнаго брата. Изъ отвѣта Колышкина видно, что Еропкинъ сказывалъ ему, что графами Орловыми 8 человѣкъ уже задавлены, то и не оставьте приложить изыскать отъ Еропкина, Колышкина и отъ кого слѣдовать будетъ, кто именно графами Орловыми восемь человѣкъ погублены, какъ и когда. Отставные кто именно идутъ опять въ службу, для исполненія показаннаго намѣренія, и кто именно 30 человѣкъ сей партіи; а потомъ, какъ Еропкинъ допрошенъ будетъ,

и окажется сумлѣніе или подозрѣніе по сему дѣлу на Бердяева, то и его взявъ допросить, и чтд открываться будетъ, почасту насъ увѣдомлять не оставьте. Впрочемъ съ нашею милостію благосклонны вамъ пребываемъ.

«Екатерина».

Февраля 14 дня 1768 г.
Санктъ-Петербургъ.

121.

Графъ Петръ Семеновичъ. Послѣднюю реляцію вашу отъ 12 сего мѣсяца получа, за нужное почитаю: 1) что какъ Еропкинъ ни въ чѣмъ противъ доноса Колышкина не признается, и отъ послѣдняго никакого доказательства не представлено, мнѣ же извѣстно, что находящійся при васъ по таковымъ дѣламъ коллежскій совѣтникъ Хрущовъ съ Еропкинымъ обязанъ недальнимъ свойствомъ, то и прикажите собственно ему, чтобъ онъ съ своей стороны постарался употребить всѣ силы и домогательства уговорить Еропкина къ открытію истины, кто именно въ его партіи состоитъ и кто изъ нихъ въ службу вступаютъ. «И иногда не всклепалъ ли онъ для хвастовства въ компаніи на себя, что у него шайка такая, хотя ея и не бывало». Между тѣмъ же полезно бъ было навѣдаться непримѣтнымъ образомъ и о друзьяхъ Еропкина, во время онаго ареста не примѣчено-ль было въ нихъ какого смущенія или же робости, и не было-ль какихъ подозрительныхъ съѣздовъ, о чемъ, кажется, и безъ всякой огласки развѣдать возможно. 2) Колышкину прикажите объявить, что какъ по доносу его Еропкинъ во всемъ запирается, и онъ его въ томъ ничѣмъ еще не изобличилъ, то и сыскивалъ бы вѣроятное къ уликѣ Еропкина доказательство, къ чему на размышленіе и дайте время, подтвердя при томъ, чтобъ онъ конечно таковое доказательство представилъ, въ противномъ случаѣ доносъ его по силѣ законовъ признанъ будетъ не только ложнымъ, но и имъ составленнымъ; почему и поступлено будетъ съ нимъ по всей строгости законовъ. 3) Спросить Колышкина и о томъ, что въ бытность мою еще въ Москвѣ онъ о семъ говорилъ съ камердинеромъ моимъ Сахаровымъ, сказывая ему, что его въ сообщество свое приглашаютъ Еропкинъ и Бердяевъ; въ доносѣ же отъ него къ вамъ и въ пополнительныхъ отвѣтахъ въ уговорѣ показанъ одинъ Еропкинъ, а о Бердяевѣ умолчано; такъ для чего-жъ онъ о семъ умолчалъ? Изъ сего и оказывается важное разнорѣчіе, которое тѣмъ болѣе доносъ его подвергаетъ сумлѣнію; почему и надлежитъ ему себя въ томъ совершенно очистить. Естьли же изъ сего выдетъ чтд касательно до

Бердяева, то можете онаго по тому же порядку взявъ допросить. А чтобъ не пропустить ничего такого, что́ бъ могло разрѣшить въ семъ дѣлѣ сумлѣніе, то можете при первомъ допросѣ Бердяева употребить сверхъ прочаго возможнаго къ изысканію истины и то, что якобы Еропкинъ и еще нѣкоторые изъ ихъ согласниковъ уже противъ доноса Колышкина признались и на него, яко на своего сообщника, во всемъ показываютъ. Въ случаѣ же и по сему запирательства, можно сказать, что съ Еропкинымъ и съ прочими даны будутъ очныя ставки, и что, ежели на оныхъ тѣ утвердятся, то тогда подвергнетъ онъ себя вящему осужденію, и что уже сіе вранье, которое теперь большаго уваженія не заслуживаетъ, почтется прямымъ злымъ намѣреніемъ, примѣчая при семъ допросѣ на душевныя его дѣйствія, не удастся ли симъ или таковымъ же вымысломъ узнать истину сего происшествія. 4) Спросить же Колышкина и о томъ, кому онъ именно о семъ дѣлѣ окромѣ васъ еще сказывалъ и для чего; ибо мнѣ извѣстно, что отъ него многимъ сообщено было, въ томъ числѣ и генералъ-рекетмейстеру Козлову. Убѣгайте, при производствѣ вышеписаннаго, всего могущаго по Москвѣ произвесть разные толки и распространить непристойные слухи; что̀ же по сему происходить будетъ, насъ, какъ и до сего, почасту увѣдомлять не оставьте. Между тѣмъ же употребите ваше примѣчаніе и на то, не происходитъ ли или же не будетъ ли и впредъ равныхъ сему происходить разглашеній. «Впрочемъ остаюсь къ вамъ съ *непремѣннымъ* доброжелательствомъ

Екатерина.

Февраля 18 дня 1768 г.

Что же Колышкинъ лживъ, то изъ того видно, что онъ сказывалъ Козлову, будто бы онъ ко мнѣ отправилъ штафетъ, что̀ однако не бывало, и будто бы онъ на Москвѣ живетъ для того, что ему отъ меня повѣрены всякія развѣдыванья; а я ни его и никого отъ роду не употребляла на подобное людей губство: ибо я ненавидую всякія сплетни и пустоши, отъ нихъ происходящія».

122.

Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. О содержащихся въ Москвѣ отставныхъ подполковникѣ Николаѣ Колышкинѣ и гвардіи поручикѣ Иванѣ Еропкинѣ повелѣваемъ учинить слѣдующее: 1) Хотя Колышкинъ о говореніи Еропкинымъ показанныхъ по дѣлу дерзостныхъ словъ и показываетъ, но Еропкинъ въ допросѣ и въ очной съ нимъ, Колышкинымъ, ставкѣ

въ говореніи тѣхъ словъ не признался, а онъ, Колышкинъ, кромѣ одного своего показанія не только свидѣтельствомъ, но и никакими неоспоримыми обстоятельствами не уличилъ; къ тому-жъ въ настоящее время настоящимъ образомъ не доносилъ, не имѣвъ въ доносѣ никакого препятствія; сверхъ же сего камердинеру Сахарову и другимъ разглашалъ о семъ своемъ доносѣ совсѣмъ инаково, нежели какъ въ первомъ своемъ допросѣ показывалъ; при разглашеніи-жъ сообщниковъ Еропкина называлъ и подполковника Бердяева, а въ допросѣ въ томъ отрекся; всего же болѣе, что и на Еропкина доносить началъ не изъ доброй своей воли и должности, но въ то время какъ онъ вами, въ говореніи имъ самимъ у Демидова въ домѣ дерзкихъ словъ, былъ спрашиванъ, и когда онъ у Демидова тѣ слова говорилъ, тогда о Еропкинѣ, чтобъ онъ тѣ слова слышалъ отъ него, не упоминалъ; а естьлибъ онъ, Колышкинъ, по доносу объ ономъ вами спрошенъ не былъ, то бъ отъ него на Еропкина и никогда донесено не было. И тако по всѣмъ симъ обстоятельствамъ онъ, Колышкинъ, остался въ семъ своемъ доносѣ и въ говореніи имъ у Демидова дерзостныхъ словъ виновенъ, за что по законамъ достоинъ онъ, Колышкинъ, тяжкому осужденію; но какъ изъ существа сего дѣла видно, что хотя тѣ дерзостныя слова и кажутся быть вымышленныя, то того точно утвердить не можно, ибо и Еропкинъ съ своей стороны ничего такого къ оправданію своему кромѣ одного запирательства не представилъ, чтó бы выводило его совершенно изъ подозрѣнія: то по сему и надлежало бы въ силу настоящихъ законовъ доходить до истины истязаніемъ; но какъ сіе болѣе сумнительное, нежели вѣрное средство, то мы по природному нашему о родѣ человѣческомъ сожалѣнію отъ того истязанія, равно и отъ тяжкаго осужденія, его, Колышкина, избавляемъ. А дабы онъ впредъ отъ такихъ неосновательныхъ и вѣры недостойныхъ доносовъ себя воздерживалъ, а не меньше по распутной своей жизни подобныхъ дерзостныхъ словъ вымышленно разглашать не отважился, повелѣваемъ ему жить въ деревняхъ своихъ и изъ оныхъ ни подъ какимъ видомъ во всю жизнь свою никуда не отлучаться, равно и въ тѣ мѣста, гдѣ мы присутствовать будемъ, не въѣзжать. Буде же деревень своихъ онъ не имѣетъ, то въ такомъ случаѣ послать его въ Тобольскъ, гдѣ тамошнему губернатору опредѣлить его въ службу, въ какую онъ по усмотрѣнію его способнымъ найдетъ; однакожъ съ тѣмъ, чтобъ его, Колышкина, оттуда внутрь Россіи ни для чего не отпускать, и въ отставку безъ нашего указа не отставлять, равно и доносовъ отъ него никакихъ не принимать.

2) Показанный поручикъ Еропкинъ, хотя противъ показанія Колышкина въ дерзостныхъ словахъ и не признается, но однакожъ

никакимъ неоспоримымъ обстоятельствомъ кромѣ запирательства своего доноса Колышкина не опровергнулъ, и его, какъ ложнаго на него доносителя, ничѣмъ не уличилъ, да и Колышкинъ доноса своего не отрицаетъ же; почему и состоитъ между ними споръ, который, какъ выше сказано, естьли бъ не защищало наше человѣколюбіе, то иначе онъ, Еропкинъ, отъ сего на него доноса оправдать себя не могъ, какъ посредствомъ розыска; но какъ сіе дѣло слѣдствіемъ оставляется безъ кровопролитія, то и остался онъ, Еропкинъ, въ говореніи показанныхъ по дѣлу словъ сумнителенъ. Почему и дабы иногда впредъ отъ него каковыхъ вредныхъ обществу словъ произойти не могло, наикрѣпчайше ему, Еропкину, нашимъ указомъ подтвердить, чтобъ въ то мѣсто гдѣ наше присутствіе будетъ отнюдь ни для чего ни подъ какимъ видомъ ни въѣзжалъ, а при томъ какъ совѣтникъ Хрущовъ съ нимъ обязанъ недальнимъ свойствомъ, то и велѣть оному, чтобъ онъ на всегдашнее время имѣлъ за нимъ, Еропкинымъ, безпримѣтнымъ образомъ примѣчаніе, не откроется-ль отъ него иногда впредъ какихъ либо преосудительныхъ и вредныхъ обществу поступковъ, и что̀ имъ примѣчено будетъ, то бы къ генералъ-прокурору князю Вяземскому репортовалъ секретно.

3) Колышкину же и Еропкину наикрѣпчайше подтвердить съ подписками, чтобъ они о семъ слѣдующемся о нихъ дѣлѣ во всю свою жизнь никому не сказывали и содержали секретно. Впрочемъ мы съ нашею милостію благосклонны вамъ пребываемъ. «Екатерина.

Что же Колышкинъ къ графу Орлову писалъ письмо, то оное за доносъ почесть нельзя; ибо письмо безъ имени, слѣдовательно болѣе похоже на подметное» *).

Марта 4 дня 1768.
Санктъ-Петербургъ.

123.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Вручителя сего посылаю къ Москвѣ для того, чтобъ онъ привезъ сюда въ Петербурхъ Анну Васильевну Лопухину. И для того извольте кого нибудь поумнѣе послать къ матери ея, гдѣ она живетъ, сказать, что по моему повелѣнію вы имѣете

---

*) 15 Декабря 1775, передъ отъѣздомъ двора изъ Москвы, ген. прокуроръ кн. Вяземскій писалъ Н. П. Архарову: „Отставнымъ подполковнику Николаю Колышкину и гвардіи поручику Ивану Еропкину, и именно Колышкину въ тѣ мѣста гдѣ Ея И. В. присутствіе будетъ отнюдь ни для чего во всю жизнь свою не въѣзжать и жить ему въ своихъ деревняхъ, а Еропкину во всю жизнь свою во дворцѣ Ея В—ва не являться.“ (Р. Архивъ 1864, стр. 881). Кажется, этотъ Колышкинъ въ 1762 г. посланъ былъ къ канцлеру графу Бестужеву объявить ему о восшествіи на престолъ Екатерины Великой. П.Б.

дочь отправить сюда въ Санктъ-Петербурхъ съ присланнымъ отъ меня гоффурьеромъ и чтобъ мать осталась на Москвѣ. Естьли же мать станетъ упрямиться и захочетъ съ дочерью ѣхать, то запретите матери выѣхать изъ города моимъ словомъ, а дочь пришлите, какъ бы то ни было. Естьли скажутъ, что она больна, то прикажите доктору осмотрѣть, можетъ ли Лопухина ѣхать безъ опасности въ жизни своей. Естьли же мать много будетъ кричать, то извольте ей приказать молчать моимъ словомъ.

Чтобъ все сіе вамъ не казалось странно, то я вамъ за конфиденцію открою, что мать дочь не отпускаетъ къ мужу и что мужъ меня письмомъ просилъ, чтобъ я ему отдала жену. Я нашла его просьбу столь справедливою и съ закономъ сходною, что отнюдь не могла въ томъ ему отказать; но матери не за чемъ о томъ знать. Въ подводахъ и во всемъ прочемъ извольте приказать гоффурьеру всякое вспоможеніе чинить. Что же сія сцена будетъ короче и безгласнѣе, тѣмъ лучше. Впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

С.-П.Б. Марта 6 ч. 1768".

124.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Позвольте открыть продушины, кои въ Кремлѣ закладены: Баженову нужно ходить по погребамъ. А естьли продушины не откроютъ, то задохнуться опасно; а ихъ заклалъ, сказываютъ, князь Ник. Ю. Трубецкой. Баженовъ самъ вамъ сказать можетъ обстоятельнѣе о семъ, сирѣчь гдѣ открыть нужно. А естьли изволите знать кто Баженовъ, то имѣю честь объявить, что Баженовъ тотъ артилерійской архитекторъ, которымъ я завладѣла для постройки Кремлевскаго дворца. Я здѣсь въ Царскомъ Селѣ уже седьмая недѣля живу и съ сыномъ, а по городу такая воспа, и та еще самая дурная, что разсудила за лучше здѣсь жить.

C'est de l'eau sur mon moulin que d'avoir un prétexte de rester à la campagne que j'aime autant et presque plus que v. e. Si elle va à Kolomensky, je la prie de se bien divertir et d'être assuré que je ne souhaite rien de plus que de vous savoir bien portant, gai et content.

Caterine *).

Маія 31 ч. 1768.

---

*) Мнѣ вполнѣ попутру имѣть предлогъ къ деревенской жизни, которую я люблю столько же и почти больше, нежели любите ваше сіятельство. Если бываете въ Коломенскомъ, прошу хорошенько развлекаться и быть увѣрену, что я ничего такъ не желаю, какъ знать про васъ, что вы здоровы, веселы и довольны. Екатерина.

Галактіонъ Ивановичъ мучитъ меня, чтобъ къ вамъ написать его поклонъ и чтобъ у васъ навѣдываться, гусарской полковникъ Сатинъ на Москвѣ ли; а естьли на Москвѣ, то просимъ двое, Галактіонъ да я, васъ ему сказать нашъ поклонъ» *).

125.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Какое мы распоряженіе сдѣлали о строеніи новаго Кремлевскаго дворца, о томъ повелѣнія отъ насъ даны куда надлежитъ, и учреждена въ Москвѣ особая для того строенія экспедиція. А вамъ повелѣваемъ отдать въ вѣдомство той экспедиціи тѣ строенія въ потѣшномъ дворцѣ, которыхъ отъ васъ оная экспедиція востребуетъ на первый случай, такожде и другія въ Кремлѣ къ ломкѣ по плану принадлежащія. И сверхъ того отдайте въ туже экспедицію, ежели потребуется, и старое Коломенское деревянное строеніе.

Іюля 1 дня 1768.
Петергофъ.

126.

„Monsieur le maréchal comte Soltikow. L'année passée, lors de mon séjour à Moscou, ayant remarqué que les melons qu'on vend en grande quantité sont abominables de goût, j'ai ordonné au général de la police de faire venir d'Astracan, d'Orenbourg et de la Nouvelle Russie des semences de melons des meilleures sortes et de les distribuer gratis, ce qu'il m'a assuré avoir exécuté ponctuellement, et il m'a assuré qu'on les prenait avec une sorte d'empressement. Je suis curieuse si les melons qu'on vend en sont devenus meilleurs dans la ville de Moscou. Vous me ferez plaisir, monsieur, de vous en informer et de me faire savoir ce qui en est.—Lundi passé j'ai été en mer et j'ai vu exercer la flotte sous les ordres du contre-amiral Seniavine, et c'est la première fois que je puis dire que la flotte a bien fait toutes les évolutions. Après avoir tout vu, je suis revenue à Péterhof ayant fait par eau en trente six heures cent cinquante werstes. Depuis avant-hier je suis ici à Gatschina, où j'ai vu avec plaisir la belle maison que le c-te Orlow y fait construire. Votre beau-fils m'y est venu trouver hier et s'en est retourné cette nuit. Par là vous voyez qu'il se porte bien. Adieu, monsieur le maréchal. Les faucons venus de Moscou ne vallent pas le diable. Cette année-ci vous allez à Kolomensky. Priez

*) Галактіонъ Ивановичъ былъ у Екатерины комнатный мальчикъ. См. Р. Арх. 1884, II, 210. П. Б.

Dieu pour nous et divertissez vous le mieux possible. Je suis toujours avec un amitié inaltérable.

Caterine.

à Gatschina, ce 23 juillet 1768 *)“.

127.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Усматривая изъ Сенатскихъ репортовъ въ разныхъ мѣстахъ въ соли недостатка, посылаю четырехъ офицеровъ гвардіи въ помочь соляной конторѣ. Они мною снабжены довольными наставленіями. Прошу съ вашей стороны помочь имъ при случаѣ ихъ требованій. Ихъ же комисія не секретная; однако и въ томъ нужды нѣту, чтобъ слухъ о недостаткѣ въ соли весьма разнесся. И такъ имъ предписано не таить и не разславить имъ порученное. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

Августа 21 ч. 1768 г.

Прикажите офицерамъ дать на прогоны денегъ и подорожныя».

128.

«Monsieur le maréchal comte Soltikof. Les printems qui vient j'attends ici à Pétersbourg le roy de Danemark, et pour cet effet

---

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Въ прошломъ году, въ бытность мою въ Москвѣ, замѣтивъ въ продажѣ много дынь отвратительнаго вкуса, я приказала оберъ-полицмейстеру выписать дынныхъ семянъ лучшихъ сортовъ изъ Астрахани, Оренбурга и Новой Россіи и раздавать ихъ даромъ. Онъ меня увѣрялъ, что въ точности исполнилъ мое порученіе и что сѣмена разбирались съ отмѣнною охотою. Мнѣ любопытно знать, лучше ли стали продаваемыя въ городѣ Москвѣ дыни. Вы, м. г., сдѣлаете мнѣ удовольствіе, если о томъ освѣдомитесь и мнѣ дадите знать.—Прошедшій Понедѣльникъ была я на морѣ и смотрѣла на упражненія флота подъ начальствомъ контръ-адмирала Сенявина, и теперь въ первый разъ могу сказать, что всѣ движенія флота происходили хорошо. Я все осмотрѣла и возвратилась въ Петергофъ, сдѣлавъ водою въ 36 часовъ 150 верстъ. Съ третьяго дня я здѣсь въ Гатчинѣ, гдѣ съ удовольствіемъ видѣла прекрасный домъ, воздвигаемый графомъ Орловымъ. Вчера былъ у меня въ немъ вашъ зять, обратно уѣхавшій эту ночь. Изъ этого вы видите, что онъ здоровъ. Прощайте, г-нъ фельдмаршалъ. Прибывшіе изъ Москвы соколы не первой статьи. Нынѣшній годъ вы бываете въ Коломенскомъ. Молитесь за насъ Богу и развлекайтесь какъ можно лучше. Я всегда съ неизмѣнною къ вамъ дружбою. Екатерина. Въ Гатчинѣ, 23 Іюля 1768.

j'aurai un camp, un caroussel et une fête sur l'au; mais comme dit l'autre, qu'il n'y a point de fête où il n'y a pas beaucoup de belles dames, et quoique assurément nous en avons ici, cependant, monsieur le maréchal, si vous vouliez bien ouvrir votre magasin, vous nous en fourniriez encore plus. Au moins faites moi le plaisir de m'envoyer tout de bon la liste de plus belles dames de Moscou. Je m'en fie à votre goût, et en tout cas je vous donne pous conseiller m. votre fils. Ayant cette liste, je choisirai et puis je leur ferai dire qu'elles me feront plaisir de venir passer ici la fin de may et tout le mois de juin, chose, je pense, qu'on ne me rufusera pas. Or donc, monsieur le maréchal, mettez vous en fonction; vous voilà autorisé à nous choisir des beautés et en attendant n'en faites pas de bruit. Je me porte au reste parfaitement bien et souhaite que vous en fassiez de même. Soyez assuré de mon amitié et confiance.

Caterine.

Czarskoe Sélo
ce 18 d'octobre 1768" *).

129.

Графъ Петръ Семеновичъ. Я, не имѣвъ оспы, естественно принуждена была о себѣ самой, такъ и о Великомъ Князѣ, при всѣхъ употребляемыхъ предосторожностяхъ, быть однакоже въ безпрестанномъ опасеніи. А особливо нынѣшняго лѣта, какъ она въ Петербургѣ весьма умножилась, почла я себя обязанною удалиться отъ онаго и вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Сіе побудило меня сдѣлать всѣмъ симъ опасеніямъ конецъ и привитіемъ себѣ

---

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Будущую весну жду я сюда въ Петербургъ Датскаго короля, и для того будутъ у меня лагерь, карусель и праздникъ на водахъ; но по его словамъ не бываетъ праздника, коль скоро нѣтъ изобилія въ красивыхъ женщинахъ, и хотя конечно таковыя здѣсь имѣются, но если вы, г-нъ фельдмаршалъ благоволите растворить вашъ магазинъ, то у насъ ихъ будетъ еще больше. Пожалуста пришлите мнѣ попросту списокъ лучшихъ Московскихъ красавицъ; я довѣряюсь вашему вкусу, и на всякій случай даю вамъ въ совѣтники вашего сына. По этому списку я сдѣлаю выборъ и велю сказать имъ, что онѣ доставятъ мнѣ удовольствіе, пріѣхавъ сюда къ исходу Мая и на весь Іюнь мѣсяцъ, въ чемъ, полагаю, не встрѣчу я отказа. И такъ, г-нъ фельдмаршалъ, принимайтесь за дѣло: вы теперь уполномочены выбирать для насъ красотъ. Покамѣстъ не разглашайте о томъ. Впрочемъ я вполнѣ здорова и желаю вамъ того же. Будьте увѣрены въ моей дружбѣ и довѣріи. Екатерина. Царское Село, 18 Октября 1768. Посѣщенія короля Датскаго не послѣдовало. П. Б.

оспы избавить какъ себя самое, такъ и все государство отъ безпокойной безъизвѣстности. Для того приказала я выписать изъ Англіи славнаго нынѣ въ прививаніи оспы доктора Димсдаля. Онъ, по пріѣздѣ своемъ сюда, многими счастливыми опытами совершенно доказалъ безошибочное свое знаніе въ семъ искусствѣ, а чрезъ то наиболѣе утвердяся я въ моемъ намѣреніи, приказала сего Октября 12 дня въ вечеру привить себѣ оспу. На другой день поутру поѣхала я въ Царское Село, дабы тѣмъ удобнѣе послѣдовать предписаннымъ отъ него правиламъ, то-есть чтобъ сколько возможно болѣе быть въ свободномъ воздухѣ, и потому каждый день я здѣсь или проѣзжалась, или прохаживалась, а 20-го числа начала оспа высыпать; теперь она уже надсыхаетъ. Все сіе время проводила я не только на ногахъ, но и всегда здорова и безъ малѣйшаго отягощенія кромѣ нѣкотораго малаго безпокойства, необходимаго въ сей болѣзни.

По признакамъ сей прививной оспы докторъ заключаетъ, что если бы я получила естественную оспу, то была бы она изъ наиопаснѣйшихъ. Итакъ, по благости Божіей избавясь теперь отъ всѣхъ страховъ, намѣрена я въ будущее Воскресеніе ѣхать въ городъ, чтобъ Всещедрому Богу молебнымъ пѣніемъ принести должное за это милосердіе благодареніе. Я сообщаю вамъ сіе счастливое происшествіе для того, чтобъ вы оное неправильнымъ иногда слухамъ противупоставлять могли. Пребываю впрочемъ, какъ и всегда, вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

27 Октября 1768
Царское Село.

130.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Возвратясь 1-го числа Ноября изъ Царскаго Села, гдѣ я имѣла оспу, во время которой мнѣ запрещено было производить дѣла, нашла я здѣсь полученныя извѣстія о заарестованіи моего резидента Обрѣскова въ Царѣ-градѣ. Таковой поступокъ не инако могъ мною принятъ быть какъ объявленіе войны, и такъ нашла я за необходимое приказать нашему войску собираться въ означенныя мѣста; команду же поручила я двумъ старшимъ генераламъ, то-есть главной арміи князю Голицыну, а другой графу Румянцову. Дай Боже первому счастье отцовское, а другому также всякое благополучіе. Естьлибъ я Турокъ боялась, то бы мой выборъ палъ несомнѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Салтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствъ сей войны я разсудила не обременять, но беречь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно

имѣющаго славы. Я совершенно увѣрена, что на кого изъ моихъ генераловъ ни палъ бы мой выборъ, всякой будетъ лутче суперника визиря, котораго непріятель нарядилъ. На начинщика Богъ! Богъ же видитъ, что я не начала. Не первой же разъ Россіи побѣждать своихъ враговъ; она оныхъ побѣждала и не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ находится. Итакъ и нынѣ отъ Божескаго милосердія и храбрости Его народа всего добраго ожидать должно. Впрочемъ остаюсь непремѣнно къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Въ пятые сутки изъ Петербурга всѣ приказанія повсюду разосланы были. Изволь теперь судить, мѣшкотны-ли мы.

Ноября 9 ч. 1768.

Сіе письмо можете объявить вмѣсто имяннаго указа».

131.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ артилерійской конторы репорта отъ 3 Ноября усмотрѣла я, что въ отправленіи орудій съ ихъ припасами на Москвѣ отъ Сената сдѣлана остановка въ подводахъ, ссылаяся на прежніе указы. Но какъ нынѣ не время для переписокъ, но нужда въ скорѣйшемъ исполненіи и отправленіи военныхъ всякихъ припасовъ, для того прикажите, чтобъ отнюдь не остановили и остановку не учинили никакому военному снаряду. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Ноября 11 ч. 1768 году».

132.

Графъ Петръ Семеновичъ. Отосланнаго изъ медицинской коллегіи доктора Петра Погорѣцкаго подъ карауломъ въ Сибирскій корпусъ прикажите изъ-подъ караула освободить и велите ему сюда обратно ѣхать въ Санктъ-Петербургъ съ присмотромъ отъ васъ; а естьли уже онъ выѣхалъ изъ Москвы, прикажите послать за нимъ вслѣдъ.

Екатерина».

Санктъ-Петербургъ
1768 года Ноября 16 дня.

133.

Графъ Петръ Семеновичъ. Въ началѣ будущей недѣли отправится въ Москву по желанію моему докторъ Димсдаль, который столь удачно прививалъ оспу мнѣ самой и Великому Князю. Намѣреніе мое въ посылкѣ его туда не иное, какъ только чтобъ прививаніе оспы, толь нужное и полезное для сбереженія рода человѣческаго отъ опасныхъ слѣдствій сей смертоносной болѣзни, когда она естественно приходитъ, въ государствѣ больше и больше распространить чрезъ открытіе счастливо испытанной методы сего въ самой Англіи славнаго доктора. Онъ будетъ препровождаемъ флота капитаномъ-поручикомъ Волчковымъ, который здѣсь чрезъ все время непрестанно находился и которому тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву приказано будетъ явиться у васъ; вамъ же чрезъ сіе поручаемъ не только приготовить для помянутаго доктора пристойный домъ со всѣми нужными уборами, но и въ бытность его въ Москвѣ содержать во всемъ на казенномъ иждивеніи, точно какъ онъ здѣсь содержанъ былъ, о чемъ васъ помянутый офицеръ увѣдомитъ, а сверхъ того и показывать ему еще отъ васъ, какъ человѣку извѣданной скромности и отличныхъ талантовъ, всевозможныя вспоможенія и въ произведеніи его практики, и въ препровожденіи остающагося отъ оной времени.

«Екатерина».

Въ Санктъ-Петербургѣ
9 Декабря 1768.

134.

Графъ Петръ Семеновичъ. Увѣдомилась я, что Прокофій Демидовъ продаетъ всѣ свои заводы и тѣмъ лишаетъ сыновей и внучатъ своихъ имѣнія. Вы призовите его къ себѣ и скажите ему, что мнѣ угодно будетъ, когда онъ каждаго изъ дѣтей своихъ наградитъ такою частью, отъ которой можно себя и семью свою пристойно содержать, при чемъ представьте несправедливость его, Демидова, въ семъ случаѣ поведенія, что онъ своимъ поступкомъ лишаетъ невинное потомство имѣнія ему принадлежащаго, и наконецъ, что если онъ не противъ законовъ, то онъ противу своей совѣсти поступаетъ. Я благонадежна остаюсь, что вы употребите всѣ ваши старанія, дабы его на вышесказанное склонить.

«Екатерина».

19 Декабря 1768 года.
С.-Петербургъ.

135.

Графъ Петръ Семеновичъ. На письмо ваше отъ 25 прошедшаго мѣсяца отвѣтствую. Купчую, которую Прокопій Демидовъ къ вамъ прислалъ на свои заводы, вы ему возвратите, однако съ тѣмъ, чтобъ онъ Демидовъ прежде обѣщанное своимъ дѣтямъ исполнилъ, какъ о томъ въ своемъ письмѣ къ вамъ упоминаетъ, и когда сіе самымъ дѣломъ будетъ исполнено, тогда уже дозвольте ему Демидову въ силу законовъ купчую на продаваемые имъ заводы Саввѣ Яковлеву совершить.

«Екатерина».

8 Генваря 1769 года.
С.-Петербургъ.

136.

Секретно.

Графъ Петръ Семеновичъ. Состоящій въ командѣ вашей поручикъ Михей Бѣлокоровкинъ, присланнымъ письмомъ къ графу Орлову, о нѣкоемъ заговорѣ противъ персоны нашей объявляя, проситъ, чтобъ онъ взятъ былъ къ намъ, для точнѣйшаго о всемъ показанія; но мы, привыкши уже къ таковымъ доносамъ, хотя съ одной стороны и не можемъ изъ сего заключить угрожающей намъ опасности, однакожъ чтобы медленіемъ, а болѣе небреженіемъ не подать иногда злонамѣреннымъ, естьли бы оные сыскались, къ вящему себя одобренію, а иногда и къ каковому-либо дерзостному предпріятію способа, за нужно почитаемъ, знавъ вашу къ намъ вѣрность и усердіе, препоручить вамъ, чтобъ вы, получа сіе, немедленно онаго Бѣлокоровкина и Ингерманландскаго пѣхотнаго полку капитана Алексѣя Васильева сына Черкасова, на котораго Бѣлокоровкинъ показываетъ, что онъ его склонялъ въ свое общество, сыскавъ, перваго сами спросили какъ о томъ, какой онъ знаетъ противъ персоны нашей умыселъ, въ чемъ оный состоитъ, и отъ кого именно, и какія имѣетъ намѣренія, сказавъ оному нашимъ имянемъ, что мы сіе вамъ ввѣрили, и чтобъ онъ конечно ни о чемъ не умолча вамъ объявилъ. Въ противномъ случаѣ малѣйшее его упрямство за коварный вымыселъ къ закрывательству злодѣевъ сочтено будетъ, тѣмъ еще съ вящею строгостію, что чрезъ таковое непослушаніе можетъ даться случай виннымъ къ побѣгу, а тогда уже вся строгость законовъ надъ нимъ исполнена быть слѣдуетъ; словомъ, привесть его до того, чтобъ онъ во всемъ безъ изъятія, о чемъ намѣренъ былъ намъ объявить и въ письмѣ къ графу Орлову упоминаетъ, что сдѣлана всему тому записка, оную и что

сверхъ того знаетъ вамъ объявилъ. И естьли вы усмотрите изъ его показанія дѣйствительную важность, а иногда и не терпящую ни малѣйшаго потерянія времени, то для лучшаго вспоможенія въ таковомъ производствѣ, призвавъ генералъ-поручика Мельгунова, съ нимъ главныхъ участниковъ или кого и изъ прочихъ за нужно почтете, прикажите взять подъ караулъ немедленно, дабы виновные не имѣли время скрыться, и производите слѣдствіе какъ наискорѣе, кратчайшею, но справедливѣйшею дорогою, какъ важность его показаній и обстоятельства того требовать будутъ, давъ знать намъ о первомъ его показаніи и о сообщникахъ умысла того же часа, съ нарочнымъ курьеромъ, а о продолжающемся слѣдствіи, если важность онаго требовать будетъ, увѣдомляйте съ эстафетами и по почтѣ. При всемъ же томъ не оставьте употребить возможно предосторожности, дабы не весьма нужнымъ, а большимъ числомъ забранныхъ или же особо какимъ обстоятельствомъ не сдѣлать въ толь обширномъ городѣ разглашенія или же смущенія и тревоги, что̀ мы, на ваше благоразуміе надѣясь, возлагаемъ. Если же по показанію Бѣлокоровкина откроется какое либо дѣло не такой важности, гдѣ какое вредное дѣйствіе предпринималось или пріуготовляемо было, и одно вранье словами безъ всякаго дѣйствія, или же хотя бы и заключало какую важность, но терпѣло время и никакою опасностію не угрожало: въ такомъ случаѣ, не призывая генералъ-поручика Мельгунова, вы своею персоною прикажите только показаннаго капитана Черкасова, какъ и самаго Бѣлокоровкина, допрося содержать подъ карауломъ, а насъ чрезъ нарочнаго о всемъ происшествіи какъ наискорѣе со мнѣніемъ вашимъ и о дальнѣйшемъ слѣдствіи увѣдомьте. Показанный Бѣлокоровкинъ самъ признаетъ вину свою, что онъ, миновавъ васъ, писалъ къ графу Орлову, какъ изъ приложеннаго у сего письма его (которое для лучшаго о всемъ вамъ свѣдѣнія у сего прилагается) усмотрите, и потому мы надѣемся, что вы, оставя ему учиненный имъ противъ васъ проступокъ, при слѣдствіи поступать будете, сколько важность его доноса касательно до нашего спокойствія требовать будетъ. При взятіи же по сему кого слѣдовать будетъ подъ караулъ, не оставьте приказать постараться забрать и какія сыщутся у забираемыхъ письма, которыя послѣ иногда служить могутъ ко изысканію истины и неизвѣстнаго еще злодѣйства.

«Однако при всемъ томъ мы надѣемся, что въ семъ дѣлѣ, какъ и во многихъ бывшихъ таковыхъ въ рукахъ нашихъ, и сей разъ гора мышь родитъ; и такъ вы, пожалуй, какъ возможно постарайтесь, чтобы шуму и разгласія избѣжать, сколь удобь возможно будетъ. Не за-

будьте тоже отписать, какой природы и поведенія какъ доносщикъ, такъ и капитанъ Черкасовъ.

Екатерина».

Февраля 4 ч. 1769 г.

137.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Приложенная справка о капитанѣ Черкасовѣ изъ Военной Коллегіи прислана. Сія еще болѣе меня подтверждаетъ во мнѣніи, что распутная жизнь болѣе всего причина будетъ вздорамъ, по которымъ я къ вамъ вчерашній день отправила куріера; а какъ сія справка вамъ нужна, то спѣшу оную къ вамъ отправить. Остаюсь впрочемъ къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Февраля 5 ч. 1769".

138.

Графъ Петръ Семеновичъ. При письмѣ вашемъ отъ 9-го числа сего мѣсяца получила я прошеніе отъ полковника Любисткова, коимъ онъ проситъ дозволенія учинить по смерти его въ имѣніи его наслѣдницами камеръ-юнферу Ольгу и Катерину Скороходовыхъ. Но какъ онъ человѣкъ весьма старый и лишенный зрѣнія, то для лучшаго въ семъ его завѣщаніи, прикажите изъ Юстицъ-коллегіи послать къ нему одного члена, и по оному его прошенію законнымъ порядкомъ спросить, подлинно ли онъ сего желаетъ, и нѣтъ ли у него законныхъ наслѣдниковъ, и допросъ его съ засвидѣтельствованіемъ, такъ какъ и его прошеніе, для того при семъ посланное, пришлите ко мнѣ.

«Екатерина».

18-го Февраля 1769.
С.-Петербургъ.

139.

Графъ Петръ Семеновичъ. Чрезъ сіе увѣдомляю васъ, что въ Пятницу на Масляницѣ пришла ко мнѣ лихорадка, которая и продолжалась нѣсколько дней, а нынѣ, слава Богу, совсѣмъ миновалась. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

5-го Марта 1769.
С.-Петербургъ.

140.

Графъ Петръ Семеновичъ. При семъ посылаю къ вамъ конфирмованное мною завѣщаніе полковника Любисткова и учиненный ему отъ Юстицъ-коллегіи допросъ, которые для исполненія отошлите отъ себя, куда надлежитъ. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

9-го Марта 1769.
С.-Петербургъ.

141.

Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ письма вашего отъ 19-го числа сего мѣсяца усмотрѣла я, что полковникъ Титовъ не въ состояніи болѣе продолжать въ Москвѣ Русскій спектакель, и актерамъ уже нѣсколько времени ничего не платитъ, а просятъ дозволенія содержать оный спектакель Италіянцы Бельмонти и Чужи, къ коимъ и многіе изъ актеровъ идти желаютъ. Чего ради спросите еще у полковника Титова, въ состояніи-ли онъ сей спектакель содержать, и если онъ признаетъ себя не въ состояніи къ содержанію онаго, то отдайте оный помянутымъ Италіянцамъ, съ тѣмъ однакоже, что бывшіе притомъ актеры могутъ идти къ нимъ добровольно, или избрать себѣ другую службу, и никакого бы имъ принужденія не было. На семъ основаніи можно позволить онымъ Италіянцамъ построить и деревянный театръ ихъ коштомъ, если каменнаго простроить не могутъ, и то на такомъ мѣстѣ, гдѣ полиція назначитъ. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною. «Екатерина».

30-го Марта 1769.
С.-Петербургъ.

142.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Вчерашній вечеръ получила я благополучное извѣстіе чрезъ генерала-адъютанта князя Александра Михайловича *) князя Прозоровскаго, что Богъ даровалъ арміи нашей знатную побѣду надъ 50-ю тыс. Турокъ подъ самымъ Хотинымъ. Лагерь Турецкой взятъ, и множество трофей, также и плѣнныхъ. Нашей потери почти что нѣту: ибо пушки непріятельскія чрезъ головы стрѣляли. Я сегодня пріѣзжала сюды для принесенія Богу благодаренія, что мы и дѣйствительно исполнили съ пушечной пальбою. Съ симъ благополучнымъ происшествіемъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ оте-

*) Вѣроятно это описка, и рѣчь идетъ о князѣ Александрѣ Александровичѣ Прозоровскомъ (впослѣдствіи фельдмаршалѣ). П. Б.

чества поздравляю. Я надѣюсь, чрезъ сіе много убавится у непріятеля охота драться безъ причины. Впрочемъ пребываю вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Маія 1 ч. 1769.

Народное о семъ веселье несказанно; и такъ думаю, что въ Катерингофѣ, куда сего вечера ѣдимъ, очень мало будетъ грустныхъ людей. Стрекаловъ вамъ впередъ сообщитъ обстоятельства въ подробности».

143.

„Изъ Петергофа, 16 ч. Іюня 1769.

Графъ Петръ Семеновичъ. Получила я чрезъ Александра Петровича Сумарокова прошеніе Бельмонти и Чинтія *), касающееся до Московскаго театра, которое при семъ прилагаю, и отвѣтные пункты на оное. Что же до Россійскихъ актеровъ касается, отъ коихъ два письма здѣсь же включены, прикажите у Титова спросить, не въ состояніи-ли онъ ихъ содержать и признается-ли онъ, что его ѳеатръ рушился, и въ случаѣ сего признанія дозволяйте акторамъ условиться съ Бельмонтіемъ и Чинтіемъ; а симъ дозволеніе или привилегію инако дать не можно, какъ вы изъ отвѣтныхъ пунктовъ усмотрите. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина».

144.

Графъ Петръ Семеновичъ. Дворцовые Александровской слободы крестьяне приносили мнѣ жалобу на бывшихъ у нихъ управителей и подъячихъ въ чинимыхъ имъ якобы притѣсненіяхъ и во взяткахъ, при чемъ какъ бывшими у нихъ слѣдователями, такъ и дворцовою канцеляріею и ея конторою почитаютъ себя неудовольствованными. Чего ради почла я за ближайшее средство для разобранія и окончанія сего дѣла послать въ помянутую слободу нарочнаго, который бы, взявъ изъ Московской Дворцовой Конторы все оное дѣло, тамъ на мѣстѣ жалобы ихъ и требованія по самой справедливости разсмотрѣлъ. Но какъ для сего потребенъ человѣкъ бывалый при такихъ дѣлахъ и проворный, котораго бы помянутые крестьяне ябедами своими провести не могли, то я поручаю вамъ выбрать такого по вашему разсмотрѣнію и туда отправить, приказавъ ему стараться какъ можно

---

*) Выше, въ письмѣ 141-мъ, онъ названъ Чужи. П. Б.

скорѣе изыскать, справедливы-ли ихъ жалобы или нѣтъ и что̀ имъ учинено будетъ, тогда ко мнѣ отпишите. Впрочемъ остаюсь, какъ и всегда, вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

7-го Сентября 1769.
Царское Село.

145.

Графъ Петръ Семеновичъ. Вчерашняго числа въ десятомъ часу вечеру получила я чрезъ ген.-маіора Ступишина радостное извѣстіе, что послѣ сильной нашей канонады по непріятельскомъ лагерѣ Турки не только въ великой конфузіи всѣ разбѣжались, но еще оставили всѣ свои полевыя пушки въ лагерѣ и городъ Хотинъ пустъ, въ которомъ, по занятіи онаго двумя гренадерскими полками, найдено сто восемьдесятъ пушекъ, да двадцать человѣкъ Турокъ больныхъ. Гренадерскіе же полки были переведены въ городъ на взятомъ у непріятеля разорванномъ мосту. Я сего утра ѣду въ Казанскую, чтобъ Всевышнему приносить вседолжное благодареніе за столь великія Его къ намъ милосердія. О чемъ не хотѣла оставить и къ вамъ отписать, дабы вы тоже учинить могли. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

«Екатерина».

Сентября 21 ч. 1769.

146.

Графъ Петръ Семеновичъ. Въ прошедшій Четвергъ было при дворѣ нашемъ празднество установленія военнаго ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ который день я знаки онаго на себя возложила; какая же при семъ церемонія была, то какъ съ оной, такъ и со статута здѣсь копіи прилагаются для вашего свѣдѣнія. Впрочемъ пребываю вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

1 Декабря 1769 г.
С.-Петербургъ.

147.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Прикажите, пожалуй, князю Макулову, чтобъ онъ отвѣтствовалъ на нижеслѣдующіе вопросы:

1) Какъ лѣсъ близокъ возлѣ палатъ Воробьевскихъ?

2) Дворики того дворца каменной ли стѣной обведены или нѣтъ?

3) Позади тѣхъ старыхъ палатъ есть ли вода или нѣту?

4) Естьли у него есть мѣстоположеніе на бумагѣ, то бы пожаловалъ прислалъ.

Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Не извольте заключать изъ сихъ вопросовъ, что ѣду къ Москвѣ: на умѣ нѣту» [1]).

1770 годъ.

148.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Afin que vous voyez que je me souviens des absens et que je ne néglige point de leur faire part de ce que me fait plaisir, je vous envoye copie d'une lettre de Trieste que le prince Galitzine, qui est à Vienne, vient d'envoyer ici.

Nous verrons si la confirmation répondra à ce premier avis; cependant l'homme qui a apporté cette nouvelle dit avoir vu ce qu'il a conté. Vous saurez ce que je recevrai. M-r Strekaloff a ordre de ne point vous laisser manquer de nouvelles. Dites moi comment il s'en acquitte, et soyez assuré de mon amitié.

Caterine.

A Czarskoye Sélo,
ce 26 d'avril 1770 [2])".

149.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Сего утра получила я курьера, который мнѣ привезъ приложенное извѣстіе, которое читано было предъ народомъ въ моей здѣшней церкви, а послѣ завтра поѣду для вторич-

---

[1]) Письмо безъ означенія времени. М. П. Погодинъ передавалъ намъ, что въ молодости своей онъ еще видѣлъ остатки этого дворца на Воробьевыхъ горахъ, въ которомъ нѣкогда жилъ Іоаннъ Грозный. Кто не знаетъ про несравненный видъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ? П. Б.

[2]) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Чтобы вамъ видѣть, какъ я помню про отсутствующихъ и забочусь о сообщеніи имъ того, чѣмъ я радуюсь, посылаю вамъ списокъ съ письма изъ Тріеста, которое прислалъ сюда князь Голицынъ, что̀ въ Вѣнѣ. Посмотримъ, какое будетъ подтвержденіе сему первому увѣдомленію. Человѣкъ, который привезъ эту новость, говоритъ, что былъ очевидцемъ того, что̀ онъ разсказываетъ. Вы узнаете о томъ, что̀ будетъ мнѣ присылаемо. Г-ну Стрекалову приказано не оставлять васъ безъ новостей. Скажите, какъ исполняетъ онъ это приказаніе, и будьте увѣрены въ моей дружбѣ. Екатерина. Царское Село, 26 Апрѣля 1769.

наго молебствія въ Петербургѣ. Вы можете себѣ представить, сколько я обрадована сими вѣдомостями. Спѣшу къ вамъ оныхъ сообщить и желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Маія 26 ч. 1770".

150.

„Маія 31 ч. 1770.

Графъ Петръ Семеновичъ. Прикажите, пожалуй, сдѣлать для меня планъ и фасадъ церкви дворцоваго села Алексѣевскаго, что̀ на Троицкой дорогѣ, по окончаніи котораго прошу прислать ко мнѣ. Впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Постороннія извѣстія подтверждаютъ взятіе городовъ Короны и Наварина въ Мореѣ, но еще подлинныхъ репортовъ нѣту. Чаю скоро, услышимъ, что и Эпиръ и Кандія зашумятъ; ибо графъ Алексѣй Орловъ вышелъ въ Дрогоместо въ Эпирѣ на берегъ и пошелъ съ войскомъ къ Лартѣ. А въ Кандію также нѣкоторой витязь пошелъ».

151.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Сегодня пріѣхала въ городъ изъ Петергофа, чтобъ приносить со всѣмъ народомъ вседолжное Богу благодареніе за дарованную намъ подъ предводительствомъ графа Румянцова совершенную побѣду 7 числа сего мѣсяца надъ врагомъ имени Христа Спасителя; въ какой же силѣ при томъ читанъ былъ листъ, при семъ прилагаю копію. Съ симъ происшествіемъ, чаю, и кампанія кончится въ Молдавіи; ибо невѣроятно, чтобъ визирь Дунай перешелъ, не имѣвъ болѣе какъ развѣ тысячъ двадцать, кои и такъ грозятъ его оставить. Поздравляя и васъ съ симъ празднествомъ, остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Іюля 20 ч. 1770 г.
Санктъ-Петербургъ".

152.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Какова была побѣда, о коей мы сегодня Богу приносили благодареніе, усмотрите изъ приложенной копіи съ реляціи г-на фельдмаршала графа Румянцова. Поздравляя васъ

съ симъ происшествіемъ и съ новымъ товарищемъ *), остаюсь, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Авг. 2 ч. 1770“.

153.

Божію милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу фельдмаршалу графу Салтыкову.

По причинѣ извѣстій, что въ пограничныхъ съ нами Польскихъ мѣстахъ оказывается заразительная болѣзнь, повелѣваемъ вамъ, для упрежденія, чтобъ сіе зло не вкралось въ средину имперіи нашей, учредить заставу въ Серпуховѣ на самой переправѣ чрезъ рѣку, и опредѣлить на оную лѣкаря, дабы всѣ ѣдущіе изъ Малой Россіи, кто бъ то ни былъ, тамъ остановленъ и окуриванъ былъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, Сентября 19 дня 1770 года.

‹Екатерина.

По всей границѣ приняты осторожности, а вышесказанное дѣлается въ разсужденіи Москвы›.

154.

‹Графъ Петръ Семеновичъ. Вчерашнее число я чрезъ мною того же часа пожалованнаго бригадира Броуна получила отъ графа Петра И. Панина пріятную вѣсть, что благостію Божіею и храбростію нашихъ войскъ городъ Бендеры штурмомъ завоеванъ съ ночи отъ 15 на 16. Съ симъ происшествіемъ я васъ поздравляю; чтò же при молебнѣ читано было сегодня во дворцѣ, съ того копію прилагаю и остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Октября 4 ч. 1770.

Принцъ Генрихъ Пруской сюда пріѣхалъ въ Пятницу›.

155.

„Октября 24 ч. 1770 года.

Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Le prince Henri de Prusse, qui présentement est ici, marque beaucoup de désir d'aller avec le

---

*) Т.-е. по фельдмаршальству. Другимъ товарищемъ былъ князь А. М. Голицынъ. П. Б.

premier traînage à Moscou. Il veut vous voir; il veut voir aussi cette ancienne capitale. Je ne lui refuserai point assurément ce voyage, si son désire continue. Cherchez, s'il vous plaît, d'avance un hôtel. Je pense qui celui des princes Kourakine, s'il n'est point endommagé, pourrait être bon; mais faites le examiner par un architecte *). И навѣдайтеся, не худы ли полы и потолки. А естьли не сей домъ, то сыщите другой; а въ Анненгофѣ отнюдь нельзя, вы сами знаете. Также въ городѣ не худо, чтобъ знали, дабы его угостить могли; онъ по вечерамъ не любитъ долго сидѣть. Я вамъ сіе пишу въ запасъ, а Бибиковъ уже послѣ съ вами перепишется.

Екатерина».

156.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Я къ вамъ писала о намѣреніи принца Прусскаго ѣхать къ Москвѣ. Если онъ въ семъ намѣреніи утвердится, и вы захотите ему дать маскарадъ, дабы онъ могъ видѣть наше людство разомъ, то можете на то употребить Анненгофскій дворецъ; но напередъ прикажите осмотрѣть его, каковъ онъ надеженъ и убранъ для одного дня. Принцъ же на первый взглядъ весьма холоденъ и нашей публикѣ, чаю, не понравится, а въ самомъ дѣлѣ онъ обходителенъ и любезенъ и теперь какъ со всѣми обошелся, то какъ бы вѣкъ жилъ. Желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Ноября 3 ч. 1770".

157.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Son altesse royale le prince Henry de Prusse partira d'ici le trois de décembre de notre style. Il ne prend avec lui que le lieutenant-général Bibicoff, qui est son приставъ, le major-général prussien c-te Hordt, qui était prisonnier chez nous pendant la dernière guerre, son chambellan Wrée et son adjudant. Or, il sera bon que vous sachiez comment nous nous conduisons ici avez ce prince afin que vous puissez vous règler à peu-près d'après notre exemple. Primo, il n'aime point les cérémonies, mais

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Находящійся теперь здѣсь принцъ Прусскій Генрихъ высказываетъ большое желаніе по первому санному пути ѣхать въ Москву. онъ хочетъ васъ видѣть, онъ хочетъ видѣть эту древнюю столицу. Если желаніе его не перемѣнится, я конечно не откажу ему въ этомъ путешествіи. Сдѣлайте милость, поищите за ранѣе помѣщеніе. Я думаю, что годится домъ князей Куракиныхъ, если онъ не испорченъ; но прикажите архитектору осмотрѣть его.

cependant on lui rend toutes les attentions dues à sa naissance et son mérite: sans que j'aye fait faire de повѣстки, tout le monde lui a rendu la première visite à l'heure qu'il a indiquée. Quant il entre pour la première fois dans la chambre, on se lève du jeu et puis on se rassoit. Il n'a rendu la visite ici à personne, pas même à l'ambassadeur d'Angleterre, qui a été le premier chez lui. Mais il va en visite quelquefois chez les dames, et quand on l'invite, il dîne et soupe en petite ou grande compagnie, comme l'on veut. On lui fait plaisir de le placer entre quelques dames aimables qui puissent l'entretenir. Ici madame votre fille a souvent occupé cette place. En un mot, monsieur le maréchal, je vous dis à vous et je vous prie de le dire à tout le monde, que plus on marquera d'attention et de politesse à ce prince pendant son court séjour à Moscou, plus on me fera plaisir. Dites cela entre autre au c-te Schérémeteff et ajoutez que c'est moi-même qui vous l'ai écrit. M-r Bibicoff et le c-te Schouvaloff vous diront toute sorte de circonstances sur son séjour ici, sur lequel vous voudrez bien règler le séjour de Moscou. Une de causes qui à engagé ce prince d'aller dans cette ancience capitale, c'est pour voir ce maréchal Soltikoff couvert de gloire par avoir vaincu le roy son frère, que ce prince aime et estime, malgré toutes le misères qu'on a débité sur cette amitié. Je dois vous dire encore, que l'abord du prince Henry est extrêmement froid, mais n'y regardez pas à ce froid; car il se dégourdit. Il a beaucoup d'esprit, et il est gai; il sait que monsieur le maréchal comte Soltikoff est aussi gai et aimable, quand il le veut. Je ne parle point des honneurs militaires: vous saurez comment tout cela s'est passé ici et comment cela doit être, sans que j'en fasse mention. Tâchez que le prince ne s'ennuye point; il aime à s'instruire et à voir; faites en sorte qu'il voye tout ce qu'il y a de remarquable. Enfin, monsieur le maréchal, j'espere que vous direz à tout le monde que la politesse et les attentions n'ont jamais nui à personne, et qu'on les fait encore plus pour donner bonne opinion de soi-même, que pour faire honneur aux autres. Je voudrais que ce prince dise en revenant à la maison: les Russes sont aussi polis qu'ils savent bien battre leurs ennemis. Vous connaisez mon patriotisme: je voudrais que notre nation brille par toutes les vertus militaires et civiles et que nous surpassions toutes les autres nations dans tous les genres. Adieu, monsieur le maréchal, portez-vous bien et soyez assuré de mon amitié.

Caterine.

Ce 23 nov. 1770 *)".

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Его королевское высочество принцъ Прусскій Генрихъ отправится отсюда 3 Декабря нашего стиля. Онъ беретъ съ собою

158.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Je viens de recevoir votre lettre du 4 novembre, dans laquelle vous me mandez qu'il n'y a que la maison du c-te Ivan Woronzoff qui soye convenable pour loger le prince Henri de Prusse; mais comme je crois que le susdit comte l'oc-

---

только ген.-лейтенанта Бибикова, который при немъ состоитъ приставомъ, Прусскаго ген.-маіора Гордта (что былъ у насъ въ плѣну во время послѣдней войны), своего камергера Врее и своего адъютанта. Лучше вамъ узнать, какъ мы обращаемся здѣсь съ этимъ принцемъ; сообразуясь съ нашимъ примѣромъ, можете поступать и вы. Во первыхъ, онъ не любитъ церемоній; однако ему воздаютъ всѣ почести, подобающія его рожденію и его достоинствамъ: я не приказывала разсылать повѣстки, и тѣмъ не менѣе всѣ сдѣлали ему первое посѣщеніе въ назначенный имъ часъ. Когда онъ входитъ въ первый разъ въ комнату, встаютъ отъ карточнаго стола и потомъ садятся. Онъ никому не отдалъ здѣсь визита, даже Англійскому послу, который былъ у него раньше всѣхъ. Но иногда онъ ѣздитъ къ дамамъ, и по приглашенію обѣдаетъ или ужинаетъ въ большомъ или маломъ обществѣ по произволу. Ему пріятно, когда его сажаютъ съ любезными женщинами, умѣющими его занимать. Дочь ваша была нѣсколько разъ въ числѣ ихъ. Словомъ, г-нъ фельдмаршалъ, говорю вамъ и прошу васъ передавать всѣмъ, что чѣмъ внимательнѣе и вѣжливѣе будутъ съ этимъ принцемъ въ кратковременное его пребываніе, тѣмъ мнѣ окажутъ больше удовольствія. Между прочимъ скажите о томъ графу Шереметеву, прибавивъ, что я сама о томъ пишу къ вамъ. Бибиковъ и Шуваловъ передадутъ вамъ подробности о здѣшнемъ его пребываніи и сообразно тому вы, пожалуста, поступайте и въ Москвѣ. Онъ захотѣлъ побывать въ этой древней столицѣ между прочимъ для того, чтобы видѣть фельдмаршала Салтыкова, который покрылъ себя славою, одержавъ побѣду надъ королемъ, его братомъ, а этого брата онъ любитъ и уважаетъ, вопреки глупостямъ, разглашаемымъ объ этой дружбѣ. Надо вамъ еще сказать, что съ перваго взгляда принцъ Генрихъ отличается чрезвычайною холодностью, но не ставьте въ счетъ эту холодность, потому что она оттаиваетъ. Онъ очень уменъ и веселъ; онъ знаетъ, что г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ также бываетъ веселъ и любезенъ, когда захочетъ. Я не упоминаю о воинскихъ почестяхъ: вы знаете, какія были оказаны ему здѣсь и какъ имъ должно быть. Постарайтесь, чтобъ принцъ не скучалъ. Онъ любознателенъ и охотникъ обогащаться свѣдѣніями. Устройте, чтобъ онъ могъ видѣть все достопримѣчательное. Наконецъ, г-нъ фельдмаршалъ, надѣюсь, что вы всѣмъ скажите, что вѣжливость и внимательность никогда никому не вредили, и что ими не столько воздаешь почета другимъ, какъ внушаешь о самомъ себѣ доброе мнѣніе. Я бы желала, чтобъ этотъ принцъ, возвратившись домой, сказалъ: Русскіе также вѣжливы, какъ и побѣдоносны. Вы знаете мою любовь къ отечеству; мнѣ хочется, чтобъ народъ нашъ славился всѣми воинскими и гражданскими доблестями и чтобъ мы во всѣхъ отношеніяхъ превосходили другихъ. Простите, г-нъ фельдмаршалъ, будьте здоровы и увѣрены въ моей дружбѣ. Екатерина. 23 Ноября 1770 года.

cupe lui-même, afin de lui éviter l'embarras de déloger, faites, s'il vous plaît, avant de déterminer si nous la prendrons, examiner la maison de la g-de maîtresse comtesse Woronzoff, qui est sur la Twerskoy. Si elle vous paraît bonne, décente et meublée, vous la louerez; si non, retenez celle du c-te Ivan Woronzoff. Je vous marquerai au juste le départ du prince; je crois qu'il a ecrit à Berlin pour se déterminer *). У насъ зимній путь сталъ, и стужа ужасная; и такъ чаю, что его путешествіе послѣ моихъ имянинъ мѣсто имѣть можетъ. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Ноября 10 ч. 1770".

159.

С.-Петербургъ, 14 Ноября 1770.

Графъ Петръ Семеновичъ. Хотя имѣла я уже извѣстія, что появившаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Украйнѣ заразительная болѣзнь, какъ скоро оказалась, такъ тотчасъ хорошимъ распоряженіемъ пресѣклась; но какъ еще въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ онаго совсѣмъ оная не истреблена, то потому и вслѣдствіе письма вашего отъ 8 сего мѣсяца, дабы воспрепятствовать сему злу вкрасться и въ Московскую губернію, посылаю къ вамъ изъ гвардіи шесть человѣкъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобъ вы распредѣлили изъ нихъ какъ въ Серпуховѣ, такъ и по всѣмъ другимъ по разсмотрѣнію вашему учрежденнымъ къ пресѣченію проѣзда безъ надлежащихъ осмотровъ мѣстамъ, снабдя всѣми нужными наставленіями и предписавъ имъ при томъ:

1) Чтобъ всѣ проѣзжающіе, какого бъ званія люди они ни были, чрезъ тѣ мѣста, гдѣ кто изъ тѣхъ офицеровъ находиться будетъ, не иначе пропускаемы были, какъ по увѣренію о себѣ письменными засвидѣтельствованіями, взятыми изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они отправлялись и чрезъ которыя проѣзжали, что въ тѣхъ мѣстахъ заразительная

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Я получила ваше письмо отъ 4 Ноября, въ которомъ вы меня увѣдомляете, что для помѣщенія принца Генриха пригоденъ только одинъ домъ—графа Ивана Воронцова. Но я думаю, что въ этомъ домѣ живетъ самъ помянутый графъ, и чтобы избавить его отъ затрудненія выбираться, прикажите, пожалуста, прежде чѣмъ рѣшить, беремъ ли мы его, посмотрѣть домъ оберъ-гофмейстерны графини Воронцовой, что на Тверской. Если онъ покажется вамъ хорошъ, приличенъ и убранъ, вы его наймете; въ противномъ случаѣ берите домъ графа Ивана Воронцова. Я васъ точно извѣщу, когда принцъ поѣдетъ. Кажется мнѣ, что онъ написалъ о томъ въ Берлинъ и ждетъ отвѣта.

болѣзнь не оказывалась; а тѣ, которые чрезъ зараженныя мѣста ѣхали, въ томъ, что они положенное время въ карантинѣ и гдѣ именно пробыли, послѣ чего удерживать каждаго еще и тамъ въ карантинѣ же, опредѣля оному двухсуточное или больше и меньше по предписанію вашему время, сообразуясь тому, кто откуда пріѣхалъ и какой кто имѣетъ о себѣ видъ.

2) При случаѣ всякихъ проходящихъ воинскихъ командъ и отправляемыхъ военноплѣнныхъ наблюдать равномѣрныя предосторожности, чтобъ всѣ карантинные обряды исполняемы быть должны безъ малѣйшаго упущенія.

3) Партикулярно же привозимыхъ плѣнныхъ и вещей отнюдь безъ выдержанія полнаго карантина не пропускать.

4) Проѣзжающихъ изъ армій курьеровъ хотя долгое время безъ крайней нужды въ тѣхъ учрежденныхъ мѣстахъ и не задерживать, но однакожъ каждаго изъ нихъ достаточно свидѣтельствовать и по осмотру въ неприкосновенности болѣзни останавливать ихъ тамъ по нѣскольку часовъ или сутокъ, въ которое время, какъ собственныя ихъ вещи и одежду прилежно окуривать, такъ всѣ будущія при нихъ депеши и другіе пакеты надлежащимъ образомъ въ укрусѣ обмачивать и потомъ на огнѣ куреніемъ обсушать, при отпускѣ же давать имъ билеты, гдѣ они и сколько времени задержаны были.

А какъ, можетъ быть, представится недостатокъ въ воинскихъ командахъ для опредѣленія при тѣхъ офицерахъ, то въ случаѣ давъ имъ хотя человѣка по три рядовыхъ изъ Великолуцкаго пѣхотнаго полку или отставнаго гвардіи баталіона, или же Московскаго гарнизона, приказать нарядить къ нимъ человѣкъ по двадцати или по тридцати изъ обывателей тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто находиться будетъ съ перемѣною, коихъ и учредить имъ на подобіе палочнаго караула. При томъ же снабжены они быть должны какъ нужными при осмотрѣ лѣкарями, которыхъ вы можете къ тому употребить изъ Московскаго гарнизону и изъ прочихъ находящихся въ Москвѣ, такъ и всѣми потребностями.

Вы не оставите равномѣрно надлежащихъ мѣръ принять и къ тому, чтобъ по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ строжайше того наблюдаемо было, дабы ни одинъ изъ проѣзжающихъ миновать не могъ тѣхъ опредѣленныхъ для карантиновъ мѣстъ, кои по разсмотрѣнію вашему назначены будутъ, и впрочемъ всякихъ способовъ употребить, какіе только въ возможности найдутся къ отвращенію всѣхъ случаевъ

вкрасться вредной той болѣзни въ Московскую губернію; меня же о томъ, что̀ происходить будетъ, почасту увѣдомлять.

«Екатерина.

Симъ офицерамъ дозволено взять съ собой по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ изъ гвардіи».

160.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Какъ я изъ письма вашего отъ 15 ч. Ноября усмотрѣла, что Аннегофской дворецъ никуда не годится, то ему конечно такъ и быть остается. Мое мнѣніе и не было, чтобъ мнѣ дать въ немъ маскарадъ; а думала только, не пригодятся ли нѣсколько большіе покои, зала и галерея вамъ, естьли вздумаете дѣлать маскарадъ, ибо они велики и много людей могутъ умѣстить. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Ноября 22 ч. 1770".

161.

Графъ Петръ Семеновичъ. Его королевское высочество принцъ Генрихъ отъѣзжаетъ отсюда въ Москву Декабря 3-го дня единственно, чтобъ видѣть старинный столичный нашъ городъ и все что̀ въ немъ достойно любопытства. Желаніе его при томъ есть то, чтобъ быть у васъ инкогнито, не имѣя на себѣ никакихъ знаковъ, дабы тѣмъ и себя не обезпокоить, и васъ удалить отъ всѣхъ церемоніальныхъ почестей, каковыхъ бы онъ ожидать могъ по обыкновенію. Чего ради мы вамъ и рекомендуемъ распорядить все заблаговременно слѣдующимъ образомъ: 1) Въ пріѣздѣ его никакихъ встрѣчь церемоніальныхъ не дѣлать. 2) Домъ графа Ивана Ларіоновича Воронцова кажется намъ выгоднѣйшимъ для пребыванія принца на сіе короткое время, и мы надѣемся, что хозяинъ не сочтетъ себѣ за безпокойство опростать оный. 3) Что касается до содержанія стола, въ томъ дворцовая наша канцелярія и придворная контора распорядка никакого отсюда сдѣлать не могутъ, не имѣя тамъ ничего; а рекомендуемъ вамъ пріискать, гдѣ можно, приличное къ столу серебро и прочее, и провизіи столовыя держать на нашъ счетъ наилучшія, которыя у васъ въ городѣ всегда покупкою сысканы быть могутъ, и по присланному отъ васъ счету заплачены отъ насъ будутъ. 4) Для экипажа сыщите отъ Московской конюшенной команды пристойную карету, а лошадей ямскихъ про-

мышлять будетъ генералъ-поручикъ Бибиковъ, который съ его высочествомъ отправится, такъ какъ и въ оба пути и въ Москвѣ въ домѣ пристойный порядокъ его же смотрѣнію мы поручили. Словомъ, ничто церемоніальное не надобно, а сколько возможно сохраните его высочеству свободу быть вояжиромъ партикулярнымъ и входить во всѣ, каковы на сіе время въ городѣ случиться могутъ, благопристойныя общества и увеселенія или и публичные спектакели; къ сему мы не сумнѣваемся, что непримѣтнымъ образомъ и жители города Москвы по внушенію вашему подадутъ сами поводъ. Прямое же угощеніе его высочеству состоять должно въ томъ, чтобъ все любопытства у насъ достойное видѣть онъ могъ, какъ напримѣръ: согласиться съ преосвященнымъ Московскимъ показать его высочеству соборныя наши церкви, патріаршую ризницу, печатный дворъ и ежели пожелаетъ видѣть лучшій какой монастырь въ городѣ, по тому обыкновенію какъ и прежде бывало угощеніе отъ духовныхъ для удовольствія любопытства знатныхъ пріѣзжихъ особъ. Потомъ надобно, чтобъ его высочество увидѣлъ Домъ Воспитательный во всемъ его установленіи и порядкѣ, а наконецъ Московскій университетъ и тѣ домы, въ которыхъ классы университетскіе, камора физическая и библіотека находятся. Но предостерегите, чтобъ ученые тамъ люди пріемъ сдѣлали такъ, какъ партикулярной знатной особѣ. «Мастерская палата и модель новаго дворца». Я думаю, что уже столько и модели новопроектированнаго Кремлевскаго дворца сдѣлано, что можно для полученія идеи о семъ строеніи оную показать. Мы не думаемъ, чтобъ болѣе пяти дней его высочество въ Москвѣ пробылъ, а потому и размѣряйте ваше угощеніе на сіе короткое время. Ежели же кто пожелаетъ изъ нашихъ чиновныхъ людей къ нему пріѣхать или его къ себѣ просить на угощеніе, то будетъ неизлишнее; но только бы не было никакой повѣстки ни о формальныхъ визитахъ, ни о трактаментахъ, а все сходствовало съ желаніемъ его высочества быть со всѣми и во всѣхъ компаніяхъ инкогнито. Чего ради и караулъ въ домѣ принца поставьте пристойный для охраненія дому, а не по характеру его особы. Впрочемъ мы полагаемся на ваше во всемъ наилучшее благоизобрѣтеніе и пребываемъ къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Ноября 23 дня 1770
Санктъ-Петербургъ.

162.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ двухъ писемъ, привезенныхъ нарочитыми курьерами, усмотрѣла я съ великимъ сожалѣніемъ изъ

перваго, что опасная болѣзнь вкралась въ Московскій госпиталь, что она уже съ мѣсяцъ какъ продолжается и что о томъ никто вамъ не репортовалъ и, наконецъ, что вы взяли всевозможныя осторожности, чтобъ далѣе сей вредъ не распространился. Изъ втораго же вашего письма увидѣла я, что всѣ вами взятыя мѣры въ дѣйствіе произведены, въ чемъ усердно вамъ помогаетъ оберъ-полицеймейстеръ и что по сю пору Богъ милостію покрылъ городъ и сохранилъ его отъ язвы.

Въ отвѣтъ на сіе имѣю вамъ сказать первое, что взятіе осторожности для отрѣзанія госпиталя и комуникаціи съ онымъ со стороны города кажутся достаточны, но для нанесенія сей опасной болѣзни изъ зараженныхъ Украинскихъ мѣстъ къ Москвѣ не можно довольно взять противныя осторожности. Въ семъ случаѣ весьма прилично будетъ сыскать способы, чтобъ пресѣчь многочисленные къ открытой со всѣхъ сторонъ столицы пути, оставя только открыто нѣсколько въѣздовъ въ городъ, на коихъ поставить заставы таковыя, кои бы не впускали въ городъ никакихъ людей безъ возовъ, ни снабденія отъ кордонныхъ офицеровъ пропускными билетами, а прочихъ отнюдь не впускать, въ городѣ же умножить велите публичные огни и въ нихъ велите жечь можжевельнику и другихъ матерій, кои въ подобныхъ случаяхъ въ употребленіи. Все сіе есть мнѣніе, изъ коего вы и Сенатъ Московской сдѣлаете лучшее употребленіе и, положа напередъ порядочное на мѣрѣ, прикажите самымъ дѣломъ исполнять. Еще же не худо бы было, чтобъ преосвященный Московскій означилъ нарочитыхъ поповъ, кои бы уже ни съ кѣмъ сообщенія не имѣли окромѣ съ зараженными для всякой церковной потребы. Генералъ-полицеймейстеръ сообщитъ оберъ-полицеймейстеру Московскому еще разныя осторожности, на коихъ ссылаюсь. Напослѣдокъ, прикажите отъ госпитальнаго генералъ-маіора требовать отвѣтъ, для чего онъ такъ долго таилъ отъ правительства, что язва въ его госпиталѣ. Жителей, естьли сіе приключеніе ихъ привело въ уныніе, всячески старайтеся ободрить. Милость Божія велика къ намъ; мы крѣпко должны надѣяться на Его всесильныя и явныя щедроты, что и сей мечъ мимо насъ пройдетъ, не зацѣпляя насъ. И такъ, полагаясь на чудеса Всевышняго въ началѣ и на ваши добрыя и твердыя распоряженія, уповаемъ отъ васъ получить въ скоромъ времени благополучныя извѣстія и остаемся съ бодрымъ духомъ, какъ имѣть прилично всякому христіанину и честному человѣку во всѣхъ опасностяхъ. Къ вамъ доброжелательная

Екатерина

Дек. 29 ч. 1770 г.“

1771 годъ.

163.

Графъ Петръ Семеновичъ. По полученіи сего призовите къ себѣ оберъ-кригсъ-комисара Познякова, да находящагося при сенатскомъ архивѣ регистратора Пятницкаго, которымъ объявите наше повелѣніе, дабы они безъ потерянія времени явились здѣсь каждый при своей командѣ.

«Екатерина».

8 Февраля 1771 года
С.-Петербургъ.

164.

Графъ Петръ Семеновичъ. По причинѣ доклада отъ Московскаго Сената о коллежскомъ секретарѣ Петрѣ Поповѣ, послала я нарочно въ Москву гвардіи сержанта съ тѣмъ, чтобъ онъ его сюда привезъ, и приказала для того прямо явиться ему у васъ; ибо я для скорѣйшаго доставленія обиженнымъ удовольствія заудобнѣе почла оное дѣло здѣсь рѣшить. Того ради прикажите его отдать оному сержанту, чтобъ онъ не мѣшкавъ его сюда привезъ; а какъ съ нимъ въ дорогѣ поступать, о томъ ему приказано. Впрочемъ пребываю вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

20 Февраля 1771
С.-Петербургъ.

165.

Графъ Петръ Семеновичъ. Съ удовольствіемъ увѣдомились мы изъ представленія вашего отъ 7-го сего мѣсяца, что вся опасность отъ заразительной болѣзни въ Москвѣ миновалась; и потому соизволяемъ, чтобъ вы приказали свесть караулъ отъ главнаго госпиталя; также сжечь сумнительные тамъ два покоя и все чтò въ нихъ есть, и построить вмѣсто ихъ новые. Раздѣленіе больныхъ по монастырямъ подвержено великимъ трудностямъ: правленіе госпиталя должно было бы тогда раздробить на столько частей, сколько монастырей занято будетъ, и разстроить тѣмъ учиненное о семъ положеніе; у насъ же нѣтъ при томъ и такого числа докторовъ и лѣкарей, чтобъ можно было распредѣлить ихъ во всѣ сіи частныя по монастырямъ госпитали. Правда, главная въ Москвѣ госпиталь не въ удобномъ построена

мѣстѣ; но какъ нѣтъ для нея другаго способнѣйшаго, то по нуждѣ и надобно оставить ее тамъ, какъ она есть, а велѣть только, чтобъ наблюдали въ ней возможную впредъ чистоту и лучшее имѣли попеченіе о больныхъ. Для упрежденія въ Москвѣ подобнаго несчастливаго приключенія вы можете дѣлать такія распоряженія, какія за нужно признаете, соглашая всегда государственную пользу съ пользою частныхъ людей, дабы и городъ отъ язвы охраненъ былъ, и никто не претерпѣлъ ни малѣйшаго вреда или убытка; и мы надѣемся, что вы, руководствуясь во всякомъ случаѣ благоразуміемъ и усердіемъ, исполните сіе во всемъ по желанію нашему. Впрочемъ пребываемъ мы къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ Петербургѣ,
22 Февраля 1771.

166.

Графъ Петръ Семеновичъ. По полученіи сего извольте призвать къ себѣ Алексѣя Демидову жену, которой и объявите наше повелѣніе, дабы она немедленно явилась здѣсь въ учрежденной отъ насъ комиссіи, по дѣлу мужа ея съ оберъ-кригсъ-кисаромъ Позняковымъ. Если же паче чаянія оная жена Демидова станетъ представлять, что она за имѣющимися у ней болѣзненными припадками ѣхать сюда не въ состояніи, то въ такомъ случаѣ имѣете вы послать къ ней доктора для освидѣтельствованія, подлинно ли она одержима такими припадками, кои ей отправиться въ путь препятствуютъ. Что̀ же по сему отъ васъ учинено будетъ, въ томъ имѣете намъ представить. И пребываемъ вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

17 Марта 1771 года
С.-Петербургъ.

167.

Графъ Петръ Семеновичъ. Въ репортѣ вашемъ о оказавшейся въ Москвѣ на суконномъ дворѣ болѣзни, хотя и написано, что вы оный дворъ приказали запереть, но какія предосторожности приняты съ тѣми сукнами, кои со времени начавшейся болѣзни сдѣланы, и гдѣ оныя нынѣ находятся, въ томъ же ли домѣ, или въ другихъ мѣстахъ, о томъ не изъяснено; чего ради увѣдомьте меня, какая въ томъ предосторожность взята: ибо, кажется, и объ нихъ надобно подумать. Впрочемъ остаюсь вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина.

Если товаръ выработанной на той фабрикѣ во время болѣзни положенъ въ одинъ магазинъ съ прочими товарами, то подвергните весь магазинъ карантину; естьли тотъ товаръ положенъ особо, то уже прочій товаръ не нужно будетъ положить въ карантинъ, а только однихъ сумнительныхъ».

17 Марта 1771
С.-Петербургъ.

168.

Графъ Петръ Семеновичъ. По представленію вашему отъ 7 сего мѣсяца соизволяемъ, чтобъ гонимый изъ Малой Россіи на продажу сюда и въ Москву скотъ, когда нѣтъ ужъ тамъ опасности отъ заразы, безъ задержанія на заставахъ пропускаемъ былъ; въ противномъ же случаѣ должно поступать съ онымъ по общимъ о карантинѣ предписаніямъ, но уменьшая однакожъ время онаго, дабы не причинить сею остановкою недостатка въ томъ въ нашихъ столицахъ. И пребываю къ вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ
22 Марта 1771 года.

169.

Графъ Петръ Семеновичъ. Изъ письма вашего отъ 21 числа сего Марта усмотрѣли мы съ крайнимъ сожалѣніемъ, что появившаяся въ Москвѣ прилипчивая болѣзнь распространяться начинаетъ, чего ради за нужно почли мы предписать вамъ слѣдующее: 1) Прикажите отвести въ нарочитомъ отъ Москвы разстояніи нѣсколько церквей, и при нихъ хоронить всѣхъ умершихъ, кто бы таковъ ни былъ, а внутри города не хоронить никого впредъ до указа. 2) Опредѣлить еще одинъ мужескій монастырь для таковыхъ больныхъ, и по примѣру Угрѣшскаго учредить въ немъ госпиталь съ потребнымъ числомъ медицинскихъ чиновъ. 3) Назначить третій монастырь, и прикажите публиковать въ городѣ, чтобъ бѣжавшіе съ большаго суконнаго двора фабричные немедленно всѣ явились для выдерживанія карантина или въ оный монастырь, или въ назначенный для того же отписный фабриканта Балашова домъ; естьли же послѣ публикаціи кто изъ нихъ по городу шатающійся найденъ будетъ, таковыхъ въ полиціи высѣчь плетьми и отсылать въ карантинъ: ибо они, скрываясь такимъ образомъ, разносятъ болѣзнь въ народѣ, который бы отъ оной скоро въ безопасность приведенъ былъ; потому что отъ правительства всѣ къ тому возмож-

ныя мѣры берутся, что̀ точно такъ и объяснить во всемъ городѣ. 4) Умирающихъ такою болѣзнію хоронить въ томъ платьѣ, въ коемъ они умерли, и онаго не оставлять. 5) Въ карантинахъ и госпиталяхъ употребить все стараніе, чтобъ въ съѣстныхъ припасахъ и во всемъ нужномъ ни малѣйшаго недостатка не было. 6) Но какъ однакоже съ одной стороны при таковыхъ трудныхъ распоряженіяхъ и предосторожностяхъ не можетъ вамъ инако какъ весьма тягостно быть, имѣвъ сверхъ того главное надъ всѣмъ надзираніе, и дабы вамъ время доставало съ потребною скоростію обратиться въ собраніи поспѣшныхъ свѣдѣній и въ принятіи по тому неупустительныхъ мѣръ для огражденія отъ приключившихся опасностей и успокоенія публики; съ другой же стороны, дабы и у оберъ-полицеймейстера время доставало поспѣть повсюду съ своими членами и служителями, какъ надобность и должность его востребуютъ; то разсудили мы за благо и за нужно при настоящихъ обстоятельствахъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе, а именно: опредѣлить подъ вашимъ главнымъ надзираніемъ такого человѣка, который бы на сей случай имѣлъ попеченіе о здравіи всего города, къ чему избрали мы нашего генералъ-поручика Еропкина по извѣстной намъ его усердности, повелѣвая Московскому оберъ-полицеймейстеру со всею его командою дѣлать ему всякое вспоможеніе. Ему же, г-ну Еропкину, придать достаточное число изъ членовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, откуда только отдѣлить возможно будетъ безъ сущей остановки теченія дѣлъ тѣхъ судебныхъ мѣстъ изъ чиновъ совѣтническихъ и ассессорскихъ. Г-на генералъ-поручика Еропкина должность имѣетъ состоять въ томъ, чтобъ охранять городъ отъ оказывающихся въ немъ прилипчивыхъ болѣзней съ употребленіемъ противъ оныхъ всего того, что̀ извѣстнымъ образомъ повсюду въ подобныхъ случаяхъ и приключеніяхъ употребляется. Онъ имѣетъ власть и долгъ, по совѣту съ вами и съ оберъ-полицеймейстеромъ, въ ономъ поступать по лучшему своему благоизобрѣтенію, и съ такимъ благоразуміемъ, дабы какъ съ одной стороны жители напрасно въ своихъ домашнихъ обращеніяхъ утѣсняемы не были, такъ бы съ другой и нужныя отъ него имъ предписуемыя предосторожности они могли исполнять и наблюдать. Оберъ-полицеймейстеръ во всемъ ономъ долженъ ему помогать и совѣтомъ, и дѣломъ; а дабы онъ могъ весь городъ вдругъ обозрѣвать, то распредѣлитъ онъ изъ упомянутыхъ членовъ судебныхъ мѣстъ по одному въ каждую часть, сколько ихъ нынѣ есть, или за нужное найдется учреждать, предписавъ всякому изъ нихъ имѣть о своей части свѣдѣнія каждый день, и чтобъ сверхъ того въ каждомъ дворѣ его части заболѣвшій освидѣтельствованъ былъ лѣкаремъ въ присутствіи его въ томъ домѣ. Посему и всѣ жи-

тельствующіе въ городѣ доктора и лѣкаря должны быть подъ особливымъ его, генерала-поручика, повелѣніемъ, такъ какъ и заболѣвшихъ отсылать въ опредѣленные госпитали, или сумнительныхъ въ карантины, отъ него же зависитъ. На случай же, отъ чего Боже сохрани, естьли бы настоящее опасаемое злоключеніе совершенно усилилось и распространилось въ разныхъ частяхъ города столь много, чтобъ востребовалось еще большее число нижнихъ служителей для содержанія порядка въ опредѣляемыхъ учрежденіяхъ, нежели бы въ томъ исправиться можно было одними полицейскими людьми; повелѣваемъ по такой крайней нуждѣ, безъ упущенія времени, сдѣлать особливый наборъ съ обывательскихъ дворовъ, хотя бы и изъ лучшихъ ихъ слугъ; но сего однакожъ безъ крайней необходимости не начинать. Изъ сего выписать дайте господину генералу-поручику Еропкину, что̀ ему здѣсь въ исполненіи предписано. Впрочемъ пребываемъ вамъ, какъ и всегда, доброжелательною.

«Екатерина».

25 Марта 1771 года.
С.-Петербургъ.

170.

Графъ Петръ Семеновичъ. Естьли жена Алексѣя Демидова не такъ больна, чтобъ ей нельзя было сюда ѣхать, то прикажите ей сдѣлать то безъ отлагательства; въ противномъ же случаѣ подвергнетъ она себя нашему гнѣву. Впрочемъ пребываемъ вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

Въ Санктпетербургѣ
31 Марта 1771.

171.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и пр. и пр. и пр.

Нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Къ великому сокрушенію увѣдомились мы изъ послѣднихъ реляцій вашихъ, что заразительная у васъ въ Москвѣ болѣзнь еще не истребляется, а паче, что она по свидѣтельству бывшихъ въ Молдавіи докторовъ весьма злаго качества. И хотя мы уповаемъ, что она принятыми понынѣ средствами искоренена будетъ въ самомъ ея началѣ; но естьли бы сіе зло, отъ чего Боже избави, и болѣе усилилось и дѣйствительно

уже по разнымъ домамъ въ городѣ и между разныхъ званій людей оказываться нàчало, находимъ мы за нужное предписать вамъ слѣдующіе пункты, кои вы употреблять имѣете въ такомъ случаѣ, яко уже крайнѣйшія средства въ разсужденіи столь важнаго по себѣ положенія внутри Имперіи того города, касательно до его коммуникаціи со всѣми другими мѣстами въ государствѣ по вашему тогда обще съ генераломъ-поручикомъ Еропкинымъ на мѣстѣ усмотрѣнію и поелику то нужно будетъ.

1) Установить карантинъ для всѣхъ изъ Москвы выѣзжающихъ, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, какъ по большимъ, такъ и по проселочнымъ дорогамъ. 2) Москву, ежели возможность есть, запереть и не впускать никого безъ дозволенія вашего. 3) Публиковать отъ Сената въ тѣхъ городахъ, кои отъ Москвы по большимъ дорогамъ въ девяноста или два девяноста верстахъ, что въ Москвѣ оказалась прилипчивая горячка и для того бъ всякаго званія люди остерегались въѣзжать въ тотъ городъ; а дабы знали идущіе туда изъ помянутыхъ или прочихъ городовъ со всякими нужными для жизни припасами обозы, то отдать въ тѣхъ городахъ приказы, чтобъ тѣ обозы останавливались въ семи верстахъ отъ Москвы, гдѣ они найдутъ повелѣніе отъ Московской полиціи *) и отъ тамошняго губернатора, куда онымъ обозамъ слѣдовать; и для того 4) Московская полиція обще съ губернаторомъ имѣетъ означить на каждой большой отъ Москвы дорогѣ внѣ города мѣсто, куда обозамъ съѣзжаться. Туда Московскимъ жителямъ приходить закупать то, въ чемъ имъ нужда и надобность, въ означенные дни и часы. О семъ въ городѣ полиція отъ себя, а губернаторъ въ губерніи публиковать имѣютъ. 5) На сихъ внѣ города мѣстахъ Московская полиція имѣетъ не только между покупщиками и продавцами разложить большіе огни и сдѣлать надолбы, но чтобъ и то осторожно было, чтобъ городскіе жители до пріѣзжихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ; деньги же обмакивать въ уксусѣ. Каждый такой торгъ долженъ отправляться въ присутствіи полицейской команды, коя будетъ смотрѣть, чтобъ вышеписанный и прочіе обряды, для безопасности незараженныхъ, совершенно сохранены были. Между тѣмъ же, чтобъ всякъ въ Москвѣ и въ околичностяхъ ея остерегался и бралъ лучшія къ безопасности своей мѣры, имѣете вы приказать именемъ нашимъ, чтобъ въ Московской, Владимирской, Переяславской

*) Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ былъ тогда Бахметевъ, котораго графъ Салтыковъ расхваливалъ Государынѣ въ письмѣ отъ 22-го Декабря 1770 г. См. Исторію Россіи Соловьева, т. XXIX-й, гдѣ напечатаны выдержки изъ всеподданнѣйшихъ донесеній графа Салтыкова за это время. П. Б.

и Крутицкой епархіяхъ отправляемы были по церквамъ молитвы по посылаемому нынѣ изъ Синода образцу, и при томъ читанъ былъ обнародованный въ концѣ прошлаго года о предосторожностяхъ отъ сей болѣзни манифестъ, также и посланные о томъ же отъ нашего Сената къ губернаторамъ пункты. Генералъ-поручикъ Еропкинъ, будучи опредѣленъ отъ насъ единственно для истребленія сей язвы и сохраненія здоровья жителей древней нашей столицы, долженъ потому наблюдать, чтобъ всѣ данныя и даваемыя о томъ предписанія исполняемы были и, соображаясь съ состояніемъ сей болѣзни, усугублять или уменьшать предосторожности и сроки карантиннаго времени; а въ семъ уваженіи и поручаемъ всѣ донынѣ учрежденныя около Москвы заставы въ его вѣдомство. Для равномѣрнаго предостереженія здѣшняго города отъ подобнаго несчастія опредѣлили мы нашего генерала-поручика графа Брюса и снабдили его нужными предписаніями, относительно до пріѣздовъ и провозовъ по разнымъ дорогамъ отъ Москвы въ здѣшнюю нашу столицу; а по сему и долженствуетъ онъ содержать исправное сношеніе съ генераломъ-поручикомъ Еропкинымъ, дабы по состоянію болѣзни въ Москвѣ и по тѣмъ дорогамъ нужныя предосторожности всегда были размѣряемы. Мы повелѣли уже учредить и заставы по всѣмъ изъ Москвы сюда дорогамъ, гдѣ всѣ ѣдущіе оттуда останавливаны, осматриваны и окуриваны будутъ, и ничего съ ними не будетъ сюда пропущено, кромѣ вседневно нужныхъ вещей. А дабы ѣдущіе сюда изъ другихъ мѣстъ для перемѣны лошадей въ Москву заѣзжать принуждены не были, повелѣваемъ вамъ вывесть почту за городъ въ такое мѣсто, которое бы совсѣмъ отъ него отдѣлено было, а при томъ и не причиняло большаго проѣзжавшимъ объѣзда. Но какъ не можно здѣсь обойтись безъ полученія изъ Москвы мундирныхъ вещей, то въ доставленіи ихъ сюда осторожности взяты быть должны по распорядку помянутыхъ особъ, къ сохраненію столицъ нашихъ опредѣленныхъ. Повелѣвая, наконецъ, сообщить съ сего копію генералу-поручику Еропкину, поручаемъ васъ покровительству Всевышняго и пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ. Марта 31 дня 1771 года.

«Екатерина».

Ямской канцеляріи прикажите, чтобъ она подорожныя не давала безъ вѣдома ген.-пор. Еропкина, который не инымъ велитъ выдать какъ тѣмъ, кои не имѣютъ ни заразы въ домахъ, ни сообщенія съ зараженными домами.

172.

„Ce 2 d'avril 1771.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Ordonnez, s'il vous plaît, à celui des chirurgiens qui est près de vos pestiférés que vous croirez le plus capable de se mettre au dessus des préjugés vulgaires de leur métier, de prendre quelques uns de ses pestiférés qui est sans espérance, et faites les mettre dans un endroit sec et froid. Ordonnez qu'on leur donne à boire de l'eau fraîche avec du vinaigre, et qu'on les frotte deux fois la journée, au moins avec de la glace et qu'on réitère ou diminue ces remèdes à mesure que l'on verra que le malade se rétablira ou qu'il empirera. Faites tenir ses essais secrets et mandez moi ce qui en sera au bout d'un certain temp. Portez-vous bien.

Caterine» *).

173.

Графъ Петръ Семеновичъ. Помышляя непрестанно о нынѣшнемъ Москвы состоянiи, нахожу я съ одной стороны, что всякiя публичныя во многомъ числѣ всякаго званiя людей собранiя въ мѣстахъ запертыхъ и покрытыхъ могутъ быть опасными въ разсужденiи прилипчивости болѣзни, а съ другой стороны, что пресѣченiе увеселенiй можетъ причинить унынiе: то и не лучше ли будетъ, если вы нужнымъ найдете запретить на нѣкоторое время маскарады и спектакли, и постарайтесь въ замѣну того умножить разныя увеселенiя на открытомъ воздухѣ, какъ то качели и прочее, къ чему и наступающее время способствуетъ. Гульбища особливо очень хороши и чаятельно наполнены будутъ людьми, если заведены будутъ тамъ разныя забавы. Еще

---

*) 2 Апрѣля 1771. Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Прикажите, пожалуста, тому изъ вашихъ хируpговъ, находящихся при зараженныхъ больныхъ, кого вы считаете наиболѣе способнымъ и выше обыкновенныхъ предразсудковъ ихъ ремесла, чтобъ онъ взялъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ безнадежно зараженныхъ, и помѣстите ихъ въ сухомъ и холодномъ мѣстѣ. Прикажите, чтобъ имъ давали пить холодную воду съ уксусомъ и не менѣе двухъ разъ на день терли ихъ льдомъ. Это средство надо возобновлять или уменьшать, по мѣрѣ того, будетъ ли больному легче или хуже. Никому не говорите про эти опыты и чрезъ нѣсколько времени увѣдомьте меня что̀ окажется. Будьте здоровы. Екатерина.

можно тутъ дѣлать и безвредные увеселительные огни, служащіе къ удовольствію зрителей и къ очищенію воздуха. Къ производству же того безсумлѣнно люди въ Москвѣ найдутся. Я дозволяю вамъ употребить на то и изъ казны по вашему разсмотрѣнію, главное мое желаніе будучи изыскивать способы къ уменьшенію дѣйства заразы, а средства симъ предписуемыя нерѣдко при таковыхъ обстоятельствахъ хорошіе успѣхи въ другихъ земляхъ производили. Впрочемъ пребываю доброжелательною.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.
12 Апрѣля 1771.

174.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. Prenez au comptoir de sel cinq cent roubles на счетъ кабинета et faites en présent au chirurgien Margraf pour la cure à la glace qu'il a fait à son malade, qui est, il paraît, convalescent, et faites dire à Margraf que si les évacuations de son malade n'ont pas été suffisantes de façon ou d'autre, qu'il tâche de l'évacuer et le nettoyer et qu'au reste il le traite présentement comme un convalescent à qui les forces paraissent manquer. Faites lui encore demander ce qu'il pense de cette façon de guérir la contagion en général et s'il la croit praticable ou non? Elle est toujours très-curieuse et doit donner à penser aux habiles gens du métier. Je suis comme toujours avec beaucoup d'amitié.

Caterine.

Ce 2 de may 1771 *).

У насъ морозъ сегодня и вчерась былъ. Каково-то у васъ?»

---

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Возьмите изъ соляной конторы 500 р. на счетъ кабинета и подарите ихъ хирургу Маргрфу за леченіе льдомъ, которое онъ производилъ надъ своимъ, кажется, выздоравливающимъ больнымъ, и скажите Маргрфу, что если выпачиваніе у его больнаго не было достаточно, пусть онъ его выпачиваетъ и вытираетъ, а впрочемъ пусть обращается съ нимъ теперь какъ съ выздоравливающимъ, но повидимому еще малосильнымъ. Еще спросите его, что̀ онъ думаетъ вообще объ этомъ способѣ лечить зараженныхъ, и почитаетъ ли онъ его примѣнимымъ или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ способъ этотъ очень любопытенъ и долженъ обратить на себя вниманіе искусныхъ врачей. Остаюсь, какъ и всегда, съ большою къ вамъ дружбою. Екатерина. 2 Мая 1771.

175.

«Monsieur le maréchal comte Soltikoff. J'ai passé avant-hier en allant de Czarscoe Sélo à Krasno Sélo devant Koriova, et j'y ai vu un magasin de beautés. Réellement je ne sais quel marchand y demeure, et il y a une grande quantité de femmes avec lui, les unes les plus jolies que les autres. Je crois que nous en avons vu plus de dix les unes mieux que les autres. J'ai pris sur moi de vous en faire part afin que vous voyez, comment on prospère dans votre village. J'ai trouvé aussi qu'il y a beaucoup plus de terres ensemencées que ci-devant et que les bois s'éclaircissent et les marais ce desséchent. Adieu, monsieur le maréchal. Depuis qu'Obreskoff est rélâché, nous commençons à voir un peu plus clair pour la paix. Je suis toujours avec beaucoup d'amitié.

Caterine.

à Krasno Selo, ce 18 juin 1771» *).

176.

Графъ Петръ Семеновичъ. По представленію вашему отъ 20 Іюня о принятыхъ въ комисаріатѣ съ большаго суконнаго двора суквахъ и каразеѣ, соизволяемъ мы, чтобъ оныя сперва въ воду обмочены были и вывѣтриваны во время шести недѣль, и чтобъ по прошествіи сего времени дозволили вы отпустить ихъ въ армію, или употребить инако по опредѣленію комисаріата. Вы имѣете также приказать, чтобы кои сіи сукна и казарею мочить и провѣшивать станутъ, выдержали послѣ того для предосторожности равномѣрный карантинъ. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ благосклонною.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.
19 Іюля 1771.

---

*) Г-нъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Третьяго дня, ѣдучи изъ Царскаго въ Красное Село и проѣзжая Коріово, я видѣла въ немъ магазинъ красотъ. Въ самомъ дѣлѣ не знаю, какой купецъ тамъ живетъ, но съ нимъ многое множество женщинъ, одна красивѣе другой. Мнѣ кажется, что мы ихъ видѣли болѣе десяти, сущихъ красавицъ. Я захотѣла довести о томъ до вашего свѣдѣнія, чтобы вамъ видѣть, какъ процвѣтаютъ въ вашей деревнѣ. Я нашла также, что засѣянныхъ полей, прочищеннаго лѣсу и осушенныхъ болотъ стало больше прежняго. Простите, г-нъ фельдмаршалъ. Съ тѣхъ поръ какъ выпустили Обрѣзкова, дѣло помаленьку разъясняется и наклонется къ миру. Я всегда къ вамъ съ большою дружбою. Екатерина. Красное Село, 18 Іюня 1771.

177.

Божіею милостію мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр. Нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

Изъ репорта нашего Сената Московскихъ департаментовъ отъ 6 Апрѣля усмотрѣли мы, что Сенатъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ обращавшимися къ лучшему, отложилъ публиковать въ народѣ пункты, предписанные на случай крайности въ рескриптѣ отъ насъ къ вамъ пущенномъ отъ 31 Марта. Мы, видя, что прилипчивая болѣзнь въ однихъ карантинныхъ монастыряхъ между едиными на суконной фабрикѣ заразившимися была, а далѣе не распространялась, сіе тогда приняли за благо; но, усмотря нынѣ, къ великому нашему сожалѣнію, изъ писемъ вашихъ къ намъ и генералъ-поручика Еропкина къ нашему генералъ-адъютанту Брюсу сообщеній, что сія болѣзнь и въ самомъ городѣ распространяется и умножается, за долгъ къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ почли, для пресѣченія сего вреда, прося въ началѣ помощи Всевышняго, предписать вамъ вторично, но съ нѣкоторою перемѣною.

1) Установить карантинъ для всѣхъ изъ Москвы выѣзжающихъ верстахъ въ тридцати отъ Москвы, какъ по большимъ, такъ и по проселочнымъ дорогамъ.

2) Москву, ежели возможно есть, запереть и не впускать никого безъ дозволенія вашего *).

3) Идущіе въ Москву изъ прочихъ городовъ со всякими для жизни нужными припасами обозы останавливать у землянаго вала, гдѣ городскимъ покупщикамъ приходить и закупать то, въ чемъ имъ нужда и надобность въ означенные часы и дни, и потомъ повозщиковъ отпустить во свояси, а въ городъ не впускать.

4) Полиція имѣетъ не только между покупщиками и продавцами разложить большіе огни и сдѣлать надолбы, но чтобъ и то остережено было, чтобъ городскіе жители до пріѣзжающихъ не дотрогивались и не смѣшивались вмѣстѣ; деньги же обмакивать въ уксусѣ. Каждый такой торгъ долженъ отправляться въ присутствіи полицейской команды.

---

*) Придумано было обнести всю Москву палисадникомъ или рогатками; но эту мѣру оказалось трудно исполнить. Графъ Салтыковъ нѣсколько разъ докладывалъ Государынѣ о невозможности оцѣпленій и слишкомъ строгихъ карантинныхъ мѣръ. Изъ XXIX тома Исторіи Россіи Соловьева видно, что Екатерина была несправедлива къ старому фельдмаршалу и что его напрасно винили въ бѣдствіяхъ, постигнувшихъ Москву въ 1771 году: полицейскія средства, находившіяся въ его распоряженіи, были слишкомъ ничтожны. П. Б.

А сверхъ сего какимъ наставленіемъ снабдили мы особенно нашего генералъ-поручика Еропкина, съ онаго здѣсь сообщаемъ вамъ копію для точнаго по ней съ вашей стороны исполненія, елико въ чемъ отъ вашей тамъ власти зависить долженствуетъ. По сему особливо и не оставите вы немедленно приказать откомандировать къ нему упомянутыхъ въ оной копіи шести человѣкъ исправнѣйшихъ офицеровъ со ста человѣками рядовыхъ изъ полку Великолуцкаго. Равномѣрно извольте вы съ сего нашего вамъ рескрипта отдать копію помянутому генералу-поручику Еропкину какъ для нужнаго ему свѣдѣнія, такъ и для того, дабы онъ все здѣсь относящееся вообще и по частямъ до его особливаго распоряженія и надзиранія принялъ, и сіе служило бъ ему самому собственнымъ отъ насъ предписаніемъ.

Извѣстно намъ стало, что нѣкоторые обыватели въ вашемъ мѣстѣ, избѣгая докторскихъ осмотровъ, не только утаиваютъ больныхъ въ своихъ жительствахъ, но и умершихъ потомъ тамо выкидываютъ изъ оныхъ на публичныя мѣста; а понеже такое злостное неповиновеніе навлекаетъ на все общество наибѣдственнѣйшія опасности, того для повелѣваемъ вамъ отъ Сената по имянному нашему указу строжайшимъ образомъ обнародовать во всемъ городѣ, чтобъ отнынѣ никто больше не дерзалъ на такое злостное и вредное нашихъ законовъ и установленій похищеніе; а если, не взирая на сіе строгое подтвержденіе, кто въ такомъ преступленіи будетъ открытъ и изобличенъ, или же хотя и въ свѣдѣніи объ ономъ будетъ доказанъ, таковой безъ всякаго монаршаго милосердія отдастся вѣчно въ каторжную работу.

Впрочемъ пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 20 Августа 1771 года.

«Екатерина».

178.

«Графъ Петръ Семеновичъ. Каково получено отъ графа Алексѣя Григорьевича изъ Архипелага извѣстіе, за которое мы Богу приносили 14 числа сего мѣсяца колѣнопреклонное благодареніе, усмотрите изъ приложеннаго печатнаго листа, съ которою викторіею рѣдко слыханною и васъ поздравляю. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Сентября 17 ч. 1771.

На другой день, то есть 15, была соборная панихида по государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, какъ первомъ виновникѣ нашей радости, основателѣ флота. Плодами его трудовъ мы пользуемся».

179.

Графъ Петръ Семеновичъ. По прошенію вашему отъ 13 ч. Сент., мы на нынѣшнее время васъ изъ Москвы по причинѣ продолжающейся тамъ прилипчивой болѣзни увольняемъ. «Екатерина».

20 Сентября 1771.
С.-Петербургъ.

Графъ Салтыковъ уѣхалъ (вѣроятно въ свое подмосковное помѣстьѣ Марфино) изъ зачумленной Москвы 14 Сентября, не дождавшись отвѣта на свое прошеніе (Соловьевъ XXIX, 159). Зараза проникла въ собственное его помѣщеніе (въ Кремлѣ); у Еропкина тоже заболѣла прислуга, и онъ просилъ, чтобъ его уволили отъ тяжкой его должности. Черезъ день начался бунтъ, и 16-го произошло убіеніе архіепископа Амвросія. 17-го Сентября фельдмаршалъ уже былъ опять въ Москвѣ.

На другой день послѣ этого письма генералъ-адъютанту графу Г. Г. Орлову велѣно было ѣхать въ Москву. (Бывшій подчиненный графа Петра Семеновича явился надъ нимъ командовать). Въ манифестѣ объ этомъ Екатерина говоритъ: „Видя прежалостное состояніе нашего города Москвы и что великое число народа мретъ отъ прилипчивой болѣзни, мы бы сами поспѣшно туда прибыть за долгъ званія нашего почли, еслибъ сей нашъ походъ, по теперешнимъ военнымъ обстоятельствамъ, самымъ дѣломъ за собою не повлекъ знатнаго разстройства и помѣшательства въ важныхъ дѣлахъ Имперіи нашей“. Передъ тѣмъ она писала Московскому Сенату: „Не съ унылымъ духомъ, но съ душою, наполненною памятствованіемъ о должности своей и любви къ государству, съ духомъ, который въ печали своей о теперешнихъ Московскихъ обстоятельствахъ не можетъ находить спокойствія и утѣшенія въ пустыхъ сожалѣніяхъ и воздыханіяхъ, но находитъ отраду, единственно ища съ бодростію и предписуя съ твердостью мѣры и осторожности, кои человѣческій смыслъ можетъ только привести въ память, для пресѣченія въ столицѣ пагубы рода человѣческаго“. П. Б.

180.

Нашему генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову. Мы нынѣ разсудили за благо васъ изъ Москвы уволить, и тамъ поручить команду нашему генералу, князю Михаилу Волконскому, о чемъ мы чрезъ сіе даемъ вамъ знать, оставаясь впрочемъ къ вамъ доброжелательны.

«Екатерина».

7 Ноября 1771.
С.-Петербургъ.

Недолго прожилъ графъ Салтыковъ послѣ своего несчастія: онъ скончался въ Декабрѣ 1772 г. въ Марфинѣ. Медлили воздать воинскія почести праху опальнаго вельможи; но графъ П. И. Панинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ полномъ парадѣ, въ Андреевской и Георгіевской лентахъ и, ставъ у гроба, вслухъ сказалъ: „Буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны“. Тогда только Московское начальство отрядило войска на похороны. Тѣло фельдмаршала погребено въ селѣ Никольскомъ, въ 20 верстахъ отъ Ярославля. П. Б.

ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О РОСЛАВЛЬСКОМЪ КОННОМЪ ПОЛКУ ИЛИ РЯЗАНСКИХЪ ДРАГУНАХЪ *).

Il y avait autrefois en Russie deux sortes de terres: les unes, appartenant aux gentilshommes en propre, étaient nommés leur patrimoine; les autres étaient distribuées à la cavallerie Russienne et leur servait de solde; elles étaient donc en succession lorsque le successeur du dernier mort était capable de servir. S'il n'y avait point de mâle, ces terres passaient aux filles pourvu que leurs maris remplîssent les charges de l'état attachés à ces terres. Cet arrangement dura jusqu'au tems où Pierre Premier commença à soudoyer ses troupes.

Lorsque le czar Alexis Michaelevitz conquit la province de Smolensk, beaucoup de gentilshommes de ce pays restèrent en Pologne. Le czar publia une déclaration après la conquête, que quiconque de ces gentilshommes ne retournerait après un certain tems dans ce pays, serait privé de ses biens. Peu revinrent, et ces terres furent confisquées au profit de la couronne. Le czar jugea à propos de disribuer ces terres à son armée. Elles étaient au nombre de 25.000 maisons de paysans; la plupart se trouvèrent dans le cercle ou district de Roslavl, ce qui donna le nom de régiment de Roslavl à cette cavalerie.

Pierre-le-Grand, lorsqu'il établit des troupes régulières, forma de ce régiment celui de dragons de Rézan, et repassant par Smolensk dans les circonstances les plus critiques de ses guerres avec la Suède, peu de tems avant la bataille de Poultava, il forma du reste des

---

*) Эта записка, въ собственноручномъ подлинникѣ, сохранилась вмѣстѣ съ напечатанными выше письмами въ бумагахъ графа П. С. Салтыкова. П. Б.

possesseurs de ces terres, pour veiller au frontières, *le fameux escadron de Roslavl*, qui n'eut point de gages, parce qu'il ne devait guères s'éloigner de ses possessions. Il est très-vraisemblable que cet établissement ne devait être que momentané.

Les choses en restèrent là, jusqu'en 1728 qu'un officier de l'état-major de cet escadron, dont on ne savait pas trop le nombre, ce plaignit au Sénat qu'il n'avait pas reçu les terres attachées à sa charge et que beaucoup d'autres étaient dans le même cas. Le Sénat établit une comission pour examiner ce désordre sur les lieux. Celle-ci, tantôt agissant avec activité, tantôt avec faiblesse, traîna jusqu'au tems de l'impératrice Élisabeth, quand le comte Pierre Schouvalov la remit en vigueur. En 1763 plusieurs officiers de cet escadron portèrent les mêmes plaintes (de ce qu'ils ne reçoivent pas ce qu'il leur était dû de ces terres destinées à leur entretien) à l'imp. Catherine II. Celle-ci envoya leurs plaintes au Sénat, qui ordonna au comte Fermor, gouverneur-général et au prince Koslovsky, gouverneur de Smolensk, d'obliger la comission établie de mettre fin à son ouvrage.

La comission de guerre, établie en 1763, d'un autre côté, revoyait et mettait en ordre tous les différens corps de troupes régulières et non-régulières; l'escadron de Smolensk était du nombre de ses dernières. On jugea à propos d'en former un régiment de milice et l'on invita le gouverneur-général d'assister aux conférences. Il assura et donna par écrit qu'il y avait déjà de retrouvés près de vingt mille maisons des terres données pour l'entretien de ces troupes qui avaient été usurpées et souvent laissées sans maître. La comission de guerre dressa un état du régiment de milice de Smolensk, qu'elle établissait sur le revenu de ces terres justement dévolu à la couronne, et le présenta à l'Impératrice pour que par sa signature il passa en loix. L'Impératrice le signa, et il fut mis à exécution en 1764.

An mois de may 1765 plusieurs gentilshommes de Smolensk présentèrent à l'Impératrice une supplique dans laquelle ils disaient que, parfaitement soumis à ses volontés, ils osaient la prier de vouloir bien elle-même prendre connaissance de leur état présent et passé; qu'ils avaient joui des terres qu'on venait de leur ôter comme d'un patrimoine acquis par le sang de leurs ancêtres, dont une loi de Pierre-le-Grand de 1714 et une autre de l'impératrice Anne de 1735 leur assuraient la possession (dans ces deux loix il est dit que les terres données autrefois à la milice ou cavalerie devaient à l'avenir être contées pour

possession et patrimoine des possesseurs actuels); que la province de Smolensk n'était pas exclusivement nommée dans ces deux loix; qu'ils espéraient tout de la justice de l'Impératrice pourvu qu'elle voulût bien elle-même juger leur affaire. L'Impératrice envoya ces placets au Sénat avec ordre d'examiner tous les documens sur lesquels s'était fondée la comission de guerre, en conséquence desquels la confirmation de l'Impératrice s'était ensuivie, prescrivant en même tems, qu'on ne perdît pas de vue l'état à venir de ces gentilshommes au cas que ses terres fussent perdues pour eux. Le Sénat révisa tous ses documens et trouva la loix très-claire en faveur de ces gentilshommes, la comission établie depuis tant d'années contraire à cette loix, et que d'informative elle était devenue exécutive et par conséquent abusive. Le Sénat fit rapport de ce qu'il avait trouvé à l'Impératrice, qui donna ordre à la comission de guerre de pourvoir à l'entretien du régiment de milice; parce que sans injustice l'on ne pouvait priver les possesseurs de terres du ci-devant escadron de Roslavl. La comission de guerre trouva très-aisément cette somme modique et dès qu'elle fut trouvée, l'Impératrice envoya ordre au Sénat de rendre ces terres à qui elles avaient été prises, de leur payer ce que la couronne en avait tiré, pendant qu'elle les avait possédé, chose que ces gentilshommes n'avaient pas demandé, mais qui était juste, et par cet ordre elle a anéanti trois de ses signatures, l'une au collège des guerre, l'autre sur l'état du régiment de milice, la troisième au Sénat en conséquence; mais aussi elle a fait justice».

Переводъ. Нѣкогда въ Россіи были двухъ родовъ земли: однѣ, принадлежавшія дворянамъ въ собственность, назывались ихъ вотчинами; другія раздавались Русской кавалеріи и служили ей вмѣсто жалованья; онѣ и переходили по наслѣдству, коль скоро наслѣдникъ послѣдняго умершаго былъ способенъ служить. Если не было мущинъ, земли эти поступали къ дочерямъ, лишь бы мужья ихъ исполняли государственныя обязанности, соединенныя съ этими землями. Это устройство продолжалось до того времени, когда Петръ Первый началъ платить войскамъ своимъ деньги.

По завоеваніи Смоленской области царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, многіе тамошніе дворяне остались въ Польшѣ. Царь обнародовалъ за тѣмъ, что кто изъ этихъ дворянъ по истеченіи извѣстнаго срока не возвратится домой, тотъ лишится своего имущества. Немногіе возвратились, и эти земли взяты въ пользу казны. Царь нашелъ удобнымъ раздать эти земли своему войску. Ихъ было 25 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, и по большей части онѣ находились въ округѣ или уѣздѣ Рославльскомъ, отчего эта конница получила названіе Рославльскаго полка.

Заводя регулярныя войска, Петръ Великій образовалъ изъ этого полка Рязанскихъ драгунъ. Не задолго до Полтавской баталіи, проѣзжая черезъ Смоленскъ въ наиболѣе тяжкихъ обстоятельствахъ войны своей съ Шведами, онъ устроилъ изъ остальныхъ владѣльцевъ этихъ земель *знаменитый Рославльскій эскадронъ* для пограничной охраны. Жалованья имъ не было, потому что уѣзжать изъ своихъ владѣній имъ не доводилось. Очень вѣроятно, что учрежденіе это было лишь временное.

Такъ это и оставалось до 1728 года, когда одинъ штабный офицеръ этого эскадрона (число котораго не было хорошо извѣстно) пожаловался Сенату на то, что онъ не получалъ земли, присвоенной его службѣ и что многіе другіе въ одинаковомъ съ нимъ положеніи. Сенатъ учредилъ коммиссію для разобранія этого безпорядка на мѣстѣ. Комиссія, то работая, то лѣнясь, проволочила дѣло до временъ императрицы Елисаветы, когда графъ Петръ Шуваловъ возбудилъ ее къ усиленной дѣятельности. Въ 1763 году многіе офицеры этого эскадрона подали такія же жалобы на неполученіе для содержанія своего назначенныхъ для того земель императрицѣ Екатеринѣ II-й. Сія послѣдняя отослала эти жалобы въ Сенатъ, который указалъ Смоленскому генералъ-губернатору графу Фермору и тамошнему губернатору князю Козловскому обязать учрежденную комиссію, чтобы она докончила свое дѣло.

Съ другой стороны, учрежденная въ 1763 году военная коммиссія разбирала и приводила въ порядокъ всѣ разнообразные корпуса регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ; въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Смоленскій эскадронъ. Найдено удобнымъ образовать изъ него милиціонный полкъ, и къ участію въ обсужденіи о томъ приглашенъ генералъ-губернаторъ. Онъ увѣрялъ и подалъ на письмѣ, что имъ уже розыскано около 20 тысячъ дворовъ, идущихъ на содержаніе этого войска, что землями злоупотребляли и часто онѣ оставались безъ владѣльца. Военная коммиссія составила штатъ милиціонному Смоленскому полку, учредивъ оный по доходу съ этихъ земель, поступающему въ казну, и представила Императрицѣ, дабы ея подписью штатъ этотъ обратился въ законъ. Императрица подписала, и штатъ введенъ съ 1764 года.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1765 года многіе Смоленскіе дворяне подали Императрицѣ прошеніе, въ которомъ изъясняли, что, вполнѣ покоряясь ея волѣ, они дерзаютъ просить ее, чтобы она благоволила сама освѣдомиться объ ихъ настоящемъ и прошедшемъ положеніи; что они пользовались отнятыми у нихъ землями, какъ вотчинами, пріобрѣтенными кровію ихъ предковъ; что владѣніе ими было утверждено указами Петра Великаго 1714 года и императрицы Анны 1735 года (въ этихъ двухъ указахъ значится, что земли, данныя нѣкогда милиціи или конному полку, должны впередъ считаться вотчинами настоящихъ владѣльцевъ); что Смоленская губернія не была исключительно именована въ этихъ двухъ указахъ и что они всего

надѣятся отъ правосудія Императрицы, лишь бы она благоволила сама разсмотрѣть ихъ дѣло. Императрица отослала эти прошенія въ Сенатъ съ приказаніемъ разслѣдовать всѣ документы, на которыхъ основалась военная комиссія и по которымъ послѣдовала конфирмація Императрицы. Въ тоже время она предписала, чтобы не было упущено изъ виду будущее положеніе этихъ дворянъ въ случаѣ, если они не получатъ этихъ земель. Сенатъ вновь разсмотрѣлъ всѣ эти документы и нашелъ, что указъ очень ясно говоритъ въ пользу дворянъ, а что комиссія, учрежденная со времени столь давняго, противорѣчила этому указу, и что изъ развѣдочной эта коммиссія сдѣлалась исполнительною и слѣдовательно злоупотребительною. Сенатъ подалъ о своихъ разысканіяхъ докладъ Императрицѣ, которая повелѣла военной комиссіи озаботиться содержаніемъ милиціоннаго полка, такъ какъ было бы несправедливо обдѣлять владѣльцевъ земель бывшаго Рославльскаго эскадрона. Военная комиссія безъ труда отыскала эти небольшія деньги, и какъ только онѣ были найдены, Императрица повелѣла Сенату возвратить земли тѣмъ, у кого онѣ были отняты и заплатить имъ полученное съ этихъ земель казною во время ея владѣнія ими, чего дворяне не просили, но что̀ было справедливо. Этимъ повелѣніемъ она уничтожила три свои подписи, одну на докладѣ военной комиссіи, другую на штатѣ милиціоннаго полка, третью на сенатскомъ докладѣ, который былъ послѣдствіемъ предъидущаго; но за то она оказала справедливость.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ГРАФУ СЕНЪ-ПРИ.

Monsieur de St.-Priest. Par la confiance que vous me témoignez dans la lettre que vous m'avez écrit en date de ce aujourd'huy, je vois que vous n'ignorez pas ma façon de penser à votre égard. C'est avec plaisir que dès demain vers midi, si votre santé vous le permet, j'espère faire votre connaissance personnelle à *Czarsko Sélo.*

Catherine.

Ce 28 juillet
1791.

Переводъ. Господинъ Сенъ-При. Въ письмѣ, которое вы ко мнѣ написали отъ сегодняшняго числа, выражено ваше ко мнѣ довѣріе, и я вижу изъ него, что вамъ извѣстно, какъ я про васъ думаю. Завтра, около полудня, если здоровье ваше вамъ позволитъ, я надѣюсь имѣть удовольствіе лично съ вами познакомиться въ *Царскомъ Селѣ.* Екатерина. 28 Іюля 1791.

Подлинникъ написанъ на большой четверткѣ почтовой бумаги и отличается полною свѣжестью. П. Б.

ЧЕРНОВЫЕ СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ НАБРОСКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Писаны незадолго до кончины.

Въ Государственномъ Архивѣ, X, № 366.

«Богу милующему, помогающему и благословляющему въ началѣ благодареніе, нелицемѣрно исповѣдуя истину, како въ 33-лѣтнемъ теченіи нашего царствованія Всемогущій, невѣдомыми и неиспытанными Своими судьбами, благоволилъ вельми часто непредвидимые человѣку случаи, опасности, вредныя затѣи и даже самыя несчастія обратить въ пользу и приращеніе Имперіи. Милосердіе Его и нынѣ призывая, просимъ, да продолжитъ милость Свою на насъ и любезныхъ подданныхъ нашихъ, и къ пользѣ оныхъ предпринимаемъ нынѣ слѣдующія необходимо нужныя постановленія для единообразія и способнѣйшаго теченія дѣлъ и разумныхъ узаконеній, учредивъ и постановивъ слѣдующее: глава первая. О Сенатѣ».

2.

Тамъ же, на отдѣльномъ листкѣ то карандашемъ, то чернилами.

«Сочинитель сихъ записокъ не имѣетъ свойства змѣй, вскормленныхъ за пазухой, но вѣкъ свой всегда тщился быть благодаренъ и исполнить долгъ благодарнаго сердца.

Похвальное не оставлять безъ похвалы,
Непохвальное безъ опороченья;
То дѣло не мое—добраго умалить доброты,
А порочнаго умножить дурноты".

3.

Екатерина пробовала переводить Иліаду, и въ Государственномъ Архивѣ сохраняются три листка ея опытовъ надъ первою пѣснію, съ помарками. Начинается такъ: «Пой, богиня, ярость Пелейдова Ахила». Въ концѣ: «Хрисей, испужався, послушался той, молча пошелъ къ берегу громкошумящаго моря. Уединенъ, бродящъ и шаткими шагами просилъ старикъ Аполлона, сына лѣпокудрявоволосой Латоны».

4.

Не Екатерина только, но и многіе ученые почитаютъ Скиѳовъ прямыми предками Русскихъ Славянъ. Новооткрытыя въ наши дни Керченскія древности сильно подтверждаютъ это предположеніе. Въ нижеслѣдующемъ черновомъ отрывкѣ Государыня, говоря о Скиѳахъ, изображаетъ Русскихъ людей, какъ любила она ихъ понимать.

«Олимпіасъ, мать Александра, была Скиѳской или Скитской природы.

Jamais l'univers ne produisit d'individu plus masle, plus posé, plus franc, plus humain, plus bienfaisant, plus généreux, plus officieux que le Scythe. Aucun homme ne l'égale en régularité de traits, en beauté de visage, en éclat de teint, quarrure, taille et hauteur, ayant communément les membres ou fort nourris ou très-nerveux et musculeux, la barbe épaise, les cheveux longs et touffus, naturellement éloigné de toute ruse et artifice: sa droiture et sa probité en abhorent les illicites ressorts. Il n'y a sur terre ni cavalier, ni fantassin, ni marinier, ni économe qui l'égale. Nul individu n'a plus de tendresse pour les enfants et ses proches. Il a une déférence innée pour ses parents et ses supérieurs; il est prompt, exact à obéir et fidèle.

Переводъ. На свѣтѣ нигдѣ нѣтъ существа болѣе мужскаго, болѣе основательнаго, откровеннаго, человѣколюбиваго, благотворительнаго, услужливаго, какъ Скиѳъ. Никто не сравнится съ нимъ правильностью очертаній, красотою лица, свѣжестью кожи, широтою спины, станомъ и ростомъ. Обыкновенно у него члены тѣла или очень откормленные или изобилуютъ нервами и мускулами. Борода густая, волосы долгіе и густые. Онъ по природѣ далекъ отъ хитростей и уловокъ; его прямота и честность не терпятъ пріемовъ непозволительныхъ. Нѣтъ на землѣ ни всадника, ни пѣхотинца, ни моряка, ни домохозяина, кто бы съ нимъ сравнялся. Никто съ такою нѣжностью не любитъ дѣтей и своихъ ближнихъ. У него прирожденное уваженіе къ родителямъ и къ высшимъ себя. Онъ скоръ, точенъ въ повиновеніи и въ вѣрности.

*

Эти золотыя строки писала Государыня, по истинѣ влюбленная въ свой народъ, писала про себя, въ тиши кабинета, не думая объ оглашеніи. Тутъ прямая разгадка нашихъ тогдашнихъ удачъ и успѣховъ.

Извлеченные нами изъ Государственнаго Архива Екатерининскіе отрывки всѣ относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія. П. Б.

ДВА РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. С. САЛТЫКОВУ О ВТОРИЧНОМЪ ЗАНЯТІИ ПРУССІИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

Этихъ двухъ раскриптовъ и приложеній къ нимъ въ подлинникахъ мы не имѣли. Сообщеніемъ ихъ (въ современныхъ спискахъ) обязаны мы княгинѣ М. А. Мещерской; они найдены въ богатомъ архивѣ роднаго ея прадѣда графа Петра Ивановича Панина, нѣкогда Кенигсбергскаго генералъ-губернатора и правителя находившейся въ Русскомъ владѣніи восточной Пруссіи. П. Б.

Копія съ рескрипта отправленнаго за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ къ господину генералу-фельдмаршалу графу Салтыкову въ 11-й день Іюля 1762 года.

Реляція ваша отъ 5-го сего Іюля исправно здѣсь получена, и мы со удовольствомъ усмотрѣли изъ оной тѣ распоряженія, которыя по полученіи указа нашего отъ 28-го минувшаго Іюня сдѣлали вы для войскъ нашихъ по настоящимъ обстоятельствамъ. Сіи распоряженія ваши, какъ и отправленные къ генераламъ графу Чернышову, графу Румянцову и Панину ордеры, всемилостивѣйше мы апробуемъ; но напротивъ того сожалѣемъ, что вы, не вѣдая о нашемъ намѣреніи (которое и королю Прусскому уже объявлено) заключенный съ нимъ недавно мирный трактатъ безъ нарушенія содержать, несходственно съ тѣмъ приказали въ королевствѣ Прусскомъ правленіе и прежніе посты нашими людьми занять, а пріѣхавшихъ туда Прусскихъ управителей генерально отрѣшить. Но какъ сіе у васъ подлинно сколь отъ невѣдѣнія, а толь паче отъ вашего усердія къ службѣ нашей произошло: то и не оставлено здѣсь оное для благопристойности поправить врученною Прусскому министру Гольцу запискою, съ которой при семъ копія прилагается. А понеже мы можемъ сумнѣ-

ваться, что теперь рѣшилось уже дѣло, и что корпусъ графа Чернышова дѣйствительно отъ короля Прусскаго не отпущенъ, или же насильственно задержанъ: то повелѣваемъ вамъ на оба случаи, въ послѣднемъ, королю письменно декларовать, а тоже и во всемъ королевствѣ Прусскомъ сдѣлать, что вы указъ имѣете сіе королевство такъ скоро возвратить, какъ графъ Чернышовъ отпущенъ будетъ. А буде король Прусской, не удерживая его Чернышова съ корпусомъ, отъ себя назадъ отпуститъ, то сколь скоро вы о томъ свѣдаете, безъ замедленія можете тогда все королевство Прусское отъ занятія свободить и поручить оное тамошнимъ управителямъ, а нашей арміи въ Россію слѣдовать велѣть, поступая въ томъ сходственно съ отправленными предъ симъ отъ насъ къ генераламъ графу Чернышову и Панину указами, съ которыхъ для обстоятельнаго вамъ извѣстія при семъ же копіи сообщаются.

Копія съ записки врученной королевско-Прусскому полномочному министру барону Гольцу въ 11-й день Іюля 1762 году.

Ея Императорское Величество твердо и непремѣнно намѣрена быть изволитъ какъ со всѣми чужестранными державами, такъ и съ его величествомъ королемъ Прусскимъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи, что̀ все и объявлено уже со стороны Ея Императорскаго Величества чрезъ генерала графа Чернышова, которому указъ данъ съ подчиненнымъ командѣ его корпусомъ возвратиться къ границамъ Россійской имперіи.

Но какъ нынѣ здѣсь отъ фельдмаршала графа Салтыкова получена нечаянная вѣдомость, что онъ поступилъ въ Прусскихъ земляхъ по незнанію прямыхъ обстоятельствъ на нѣкоторыя отмѣны и распоряженія, кои видъ подать могутъ, будто бы отмѣнились миролюбивыя Ея Императорскаго Величества, мнѣнія: того ради, по указу Ея Императорскаго Величества министерство имѣетъ честь объявить королевскому Прусскому министру, что Ея Императорское Величество Всероссійское миръ содержать изволитъ и будетъ, есть-ли только не будетъ со стороны его Прусскаго величества подано причины къ нарушенію онаго, а особенно насильственнымъ удержаніемъ корпуса графа Чернышова или нѣкоторой онаго части; и что въ надеждѣ свободнаго сему корпусу отпуску къ Россійскимъ границамъ фельдмаршалу Салтыкову указы посланы будутъ возставить все на прежнее основаніе.

Копія съ рескрипта отправленнаго за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ къ генералу-фельдмаршалу графу Салтыкову въ 18 день Іюля 1762 года.

Реляціи ваши двѣ отъ 8-го, одна отъ 10-го и послѣдняя отъ 11-го сего мѣсяца, мы исправно здѣсь получили со всѣми приложеніями, на которыя въ дополненіе отправленнаго уже къ вамъ рескрипта отъ 11-го сего жъ мѣсяца объявляемъ вамъ въ резолюцію высочайшее наше соизволеніе.

1) Что вы упоминаете о заводимой будто въ Польшѣ конфедераціи и что для того отъ короля Прусскаго великія деньги чрезъ резидента его во Гданскѣ пересылаются, то мы, не имѣя нималѣйшаго о томъ извѣстія отъ резидента нашего Ржичевскаго, а о переводѣ въ Польшу денегъ отъ резидента Ребиндера, весьма о такой заводимой конфедераціи сумнѣваемся. А хотя бъ и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые подкупленные Поляки имѣли къ тому склонность, мы совершенно надѣемся, что, по приближеніи изъ Шлезіи войскъ нашихъ къ Польскимъ землямъ и по вступленіи въ оныя на возвратномъ изъ Помераніи походѣ, тѣ безпокойныя Польскія головы всеконечно укротятся, и слѣдовательно употребленныя иногда королемъ Прусскимъ на то деньги останутся втунѣ и безъ всякаго дѣйствія.

2) Когда вы отъ генерала графа Чернышова извѣстіе получите, что онъ со всѣмъ ему подчиненнымъ корпусомъ войскъ нашихъ изъ Шлезіи въ обратной свой чрезъ Польшу къ нашимъ границамъ походъ выступилъ, въ такомъ случаѣ имѣете вы распоряженіе сдѣлать, чтобъ всѣ Прусскія земли возвращены были Прусскимъ управителямъ вслѣдствіе заключеннаго мирнаго трактата.

3) Всѣ тягости излишнія, коихъ съ собою взять и инако выслать невозможно будетъ, оставлять по разнымъ Прусскимъ крѣпостямъ и городамъ при небольшомъ числѣ воинскихъ командъ, на основаніи заключеннаго жъ трактата, требуя на то согласія и дозволенія отъ Прусскихъ управителей.

4) Генералъ-поручикъ Воейковъ въ публикованномъ въ Кенигсбергѣ манифестѣ весьма излишне упомянулъ о точномъ нашемъ повелѣніи, котораго никогда присылано не было. И такъ надлежитъ въ поправленіе того, когда только получите вы извѣстіе, что графъ Чернышовъ съ корпусомъ его изъ Шлезіи отпущенъ, новымъ манифестомъ въ Кенигсбергѣ публиковать, что Прусскіе жители отъ учиненной намъ въ вѣрности освобождаются, и что всѣ Прусскія земли отдаются его величеству королю Прусскому по прежнему, о чемъ не

оставите вы генерала-поручика Воейкова снабдить потребнымъ наставленіемъ и тогда же увѣдомить нашего министра князя Репнина.

5) Какъ по репорту къ вамъ отъ генерала графа Чернышова не останется больше никакого сумнительства въ томъ, что король Прусской отпуститъ его со всѣмъ подчиненнымъ ему корпусомъ, то надлежитъ вамъ обще съ нашимъ генералитетомъ сдѣлать росписаніе и маршрутъ чрезъ разныя дороги къ границамъ нашимъ, стараясь, буде возможно, чтобъ еще нынѣшнимъ лѣтомъ и прежде глубокой осени всѣ войска наши могли вступить въ границы наши. Сіе разумѣется въ Смоленскъ, Кіевъ и Лифляндію. Но ежели бъ Померанской корпусъ зачѣмъ либо въ нынѣшнее лѣто къ границамъ нашимъ паче чаянія возвратиться не могъ, то изъ онаго имѣете вы нѣкоторое число полковъ съ генералитетомъ оставить на Вислѣ съ строгимъ повелѣніемъ наблюдать наилучшую дисциплину, а послѣ оные полки могутъ зимою возвратиться въ границы наши чрезъ Польшу.

6) Для поставки по дорогамъ въ Польшѣ и Прусскихъ земляхъ потребныхъ для пропитанія войска припасовъ и фуража, надлежитъ соглашаться съ Польскими, а особливо съ Прусскими коммиссарами, и того отъ нихъ требовать, платя наличными деньгами или давая квитанціи, договариваясь между тѣмъ съ ними о цѣнѣ и постановляя оную буде можно тужъ, какую давали прежде сего при проходахъ войскъ нашихъ въ Пруссіи, въ чемъ елико возможно стараться обращать въ свою пользу содержаніе сепаратнаго артикула мирнаго трактата; а въ какой силѣ писано отъ насъ къ министру нашему при королѣ Прусскомъ генералу-майору князю Репнину, чтобъ онъ сдѣлалъ представленіе объ опредѣленіи помянутыхъ въ Пруссіи коммиссаровъ, то съ отправленнаго къ нему о томъ рескрипта слѣдуетъ при семъ копія для извѣстія вашего и чтобъ вы по тому дѣлу сношеніе съ нимъ имѣли.

7) Для облегченія возвратнаго похода войскъ нашихъ надлежитъ всѣ аммуничныя вещи, кои негодны и сроки имъ вышли, такожъ излишніе военные припасы распродать, а которые затѣмъ останутся и не будутъ стоить провоза, тѣ пожечь или какимъ другимъ образомъ истребить.

8) А какъ статься можетъ, что у возвращающихся въ Россію войскъ нашихъ будутъ оставаться тамошнія Польскія, Прусскія и другія чужія монеты, то имѣете вы сдѣлать распоряженіе отдать приказы по командамъ, что ежели пожелаютъ кто имѣющіяся у себя излишнія тамошнія деньги отдать въ казну нашу, тому дана будетъ ассигнація, по которой онъ или наслѣдники его въ Россіи здѣшними деньгами толикое жъ число получить могутъ. Сіе признаваемъ мы для того за нужно, чтобъ какъ вы въ необходимыхъ издержкахъ нѣкото-

рое вспоможеніе имѣть могли, такъ особливо чтобъ привозъ въ Россію такой худой монеты чрезъ то прекращенъ быть могъ.

9) По приложенной при семъ вѣдомости нашего кригсъ-коммиссаріата усмотрите вы, что въ число опредѣленныхъ на заграничную армію нашу на Генварь мѣсяцъ будущаго 1763 года 3,056,142 рублевъ переведено уже дѣйствительно въ оную милліонъ шесть сотъ тридцать тысячъ тридцать восемь рублевъ, да и остальныя деньги въ скоромъ времени переводимы будутъ. Мы потому надѣемся, что не будетъ у васъ въ деньгахъ недостатка; а между тѣмъ имѣете донесть намъ съ первымъ случаемъ, сколько при всей заграничной нашей арміи въ казнѣ нашей наличныхъ денегъ, дабы мы, зная о томъ, могли принимать надлежащія мѣры къ большему поспѣшенію того перевода.

10) Отдѣльные по сіе время корпусы подъ командою генераловъ графа Чернышова и Панина, по вступленіи ихъ въ Польшу, не имѣютъ болѣе именоваться такими корпусами, а соединить ихъ со всею арміею такъ, чтобъ они вошли въ генеральную вашу репортицію на возвратный маршъ. Какой же отправленъ отъ насъ къ генералу Панину указъ отъ сего жъ числа касательно предпріемлемыхъ распоряженій, служащихъ къ облегченію возвратнаго похода нашихъ войскъ, съ онаго для извѣстія вашего прилагается здѣсь копія. Впрочемъ полагаемся мы на дознанную ревность вашу къ службѣ нашей, что вы не пренебрежете все то учинить, чтò только можетъ служить къ облегченію и поспѣшенію возвратнаго похода нашихъ войскъ.

Указъ нашему генералу командующему въ арміи графу Чернышову.

Понеже желаніемъ всего народа, а паче Божіимъ всемогущимъ вспомоществованіемъ, мы вступили самодержавно на Всероссійскій престолъ, того ради вамъ чрезъ сіе объявивъ и полагаясь на ваше и всей вашей команды къ намъ усердіе, повелѣваемъ имянемъ самодержавнымъ нашего величества объявить торжественно его величеству королю Прусскому, что намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира. Но тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобъ вы, получа сіе, немедленно возвратилися со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію.

Ежели же его величество король Прусской въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы-цесаревы Римской. Чтò же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его

величествомъ королемъ Прусскимъ, то мы нашего императорскаго величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оной заключенный миръ съ его величествомъ продолжать будемъ свято и ненарушимо, доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ. Ежели же корпусъ вашъ еще съ арміею Прусскою не соединился, въ такомъ случаѣ вы имѣете письменно его величеству по вышеписанному декларацію учинить, а самимъ (какъ вамъ чрезъ сіе выше объявлено) возвращаться немедленно въ Россію.

P. S. При семъ посылаются манифесты и присяги, по которымъ вы ввѣренной вамъ командѣ немедленное объявленіе учинить и къ присягѣ привесть имѣете.

Въ С.-Петербургѣ, Іюня 28 дня 1762 году.

*

Божію милостію мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу-аншефу Петру Панину.

Въ прибавленіе къ тому, что̀ писано къ вамъ въ указѣ нашемъ отъ 28 минувшаго Іюня, чрезъ сіе дается вамъ знать, что въ тоже время отправили мы указъ къ нашему генералу графу Чернышову, дабы онъ съ находящимся въ командѣ его корпусомъ войскъ нашихъ, съ которымъ посланъ онъ въ соединеніе къ королю Прусскому, возвратился назадъ и слѣдовалъ бы въ Россію. (О чемъ для лучшаго усмотрѣнія съ того къ графу Чернышову посланнаго указа прилагается при семъ копія). Но понеже неможно еще узнать, не станетъ ли король Прусской подъ какими претекстами его, графа Чернышова, съ корпусомъ войскъ нашихъ при себѣ удерживать: того ради повелѣваемъ вамъ по полученіи сего указа, въ какомъ бы оный движеніи васъ не засталъ, содержать себя съ подчиненною вамъ арміею въ такой позиціи, чтобъ въ потребномъ иногда случаѣ вы помянутому графу Чернышову къ облегченію его возвратнаго похода способствовали, и для того вамъ такимъ образомъ въ маршѣ тянуться, чтобъ имѣть отъ него, графа Чернышова, подлинныя извѣстія, посылая за тѣмъ къ нему нарочныхъ курьеровъ. И ежели онъ съ корпусомъ своимъ удержанъ, или какіе знаки къ тому клонящіеся имъ примѣчены будутъ, почему онъ принужденъ найдется по близости соединиться съ вами или съ Австрійскимъ войскомъ, какъ то ему въ запасъ и предписано: въ такихъ обоихъ случаяхъ и вамъ походъ свой съ арміею не только совсѣмъ остановить, но и всѣ Прусскія земли, которыя

предъ симъ войсками нашими заняты были, а по силѣ заключеннаго съ королемъ Прусскимъ мирнаго трактата ему возвращены быть имѣютъ, взять вамъ въ поссесію, и контрибуцію съ нихъ собрать, а города и крѣпости въ оныхъ снабдить гарнизонами, сдѣлавъ при семъ случаѣ декларацію, что принуждено поступить на сію отмѣну мирнаго трактата во взаимство недружескаго поступка короля Прусскаго удержаніемъ противу воли нашей помянутаго графа Чернышова съ корпусомъ войокъ нашихъ. А ежели онъ, графъ Чернышовъ, отъ короля Прусскаго назадъ безъ всякаго препятствія отпущенъ будетъ и съ корпусомъ своимъ изъ Селезіи уже выйдетъ, то и вамъ съ арміею возвращаться въ Россію и поступать въ томъ по силѣ вышепомянутаго нашего отъ 28 Іюня указа. А для дальнѣйшаго наставленія и согласія между вами и графомъ Чернышовымъ вы имѣете немедленно отправить къ нему съ нарочнымъ курьеромъ копію съ сего рескрипта.

Находящуюся при вашихъ берегахъ Ревельскую эскадру подъ командою контръ-адмирала Спиридова возвратить въ Ревель, распорядя ея путь такимъ образомъ, чтобы онъ находящихся въ Помераніи и въ Пруссіи въ нашихъ лазаретахъ больныхъ взялъ съ собою.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Іюля 2 дня 1762 года.

Екатерина.

*

Божію милостію мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая *).

Нашему генералу-аншефу Панину.

Реляція ваша отъ 8 сего Іюля съ приложенными пунктами, на которые вы за нужно признали, въ разсужденіи находящагося въ командѣ вашей корпуса, требовать отъ насъ наставленія, исправно здѣсь получена; и мы чрезъ сіе вамъ объявляемъ всемилостивѣйшее наше соизволеніе.

1). Надлежитъ вамъ съ помянутымъ въ командѣ вашей находящимся корпусомъ, такъ какъ уже писано къ вамъ въ указѣ отъ 2-го сего Іюля, не выходя изъ принадлежащихъ королю Прусскому земель, остаться въ оныхъ до времени, пока генералъ графъ Чернышовъ съ подчиненнымъ ему корпусомъ войскъ нашихъ отъ короля Прусскаго отпущенъ будетъ и дѣйствительно въ обратно походъ въ Польшу пойдетъ, а между тѣмъ исподоволь приготовляться вамъ со всѣмъ корпусомъ къ возвращенію въ Россію. А когда графъ Чернышовъ съ корпусомъ по отпускѣ отъ короля Прусскаго на походѣ вступитъ въ

*) Полученъ въ ночи противъ 27 дня Іюля 1762 г. при деревнѣ Кувегеръ.

Польшу, тогда уже и вамъ съ корпусомъ вашимъ вступить въ полный маршъ, оставя Померанію и Прусскія земли.

2). Между тѣмъ же заблаговременно требовать вамъ наставленія отъ генерала фельдмаршала графа Салтыкова, какими разными дорогами и куда именно къ границамъ Россійскимъ полкамъ изъ находящихся въ командѣ вашей также и у графа Чернышова корпусовъ слѣдовать надобно, и ежели невозможно будетъ столько успѣть, чтобъ вся армія нынѣшнимъ лѣтомъ въ Россію выйтить могла, то кажется намъ, что можно напередъ обрѣтающимся на Вислѣ и въ Прусскомъ королевствѣ полкамъ выступить и чрезъ Курляндію слѣдовать въ Лифляндію и Эстляндію, а на ихъ мѣста по рѣкѣ Вислѣ, при опозданіи времени, расположить на винтеръ-квартиры нѣсколько выходящихъ изъ Помераніи полковъ, которые потомъ зимою при удобномъ времени уже и въ Россію выйтить могутъ. Однакожъ и сіе предоставляется наипаче общему вашему съ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ разсужденію, какъ въ томъ удобнѣе для сбереженія войскъ нашихъ отъ большаго изнуренія поступлено быть можетъ.

3). Что̀ до помянутыхъ отъ васъ присланныхъ пунктовъ особливо принадлежитъ, то первой изъ оныхъ рѣшеннымъ быть имѣетъ, когда вы съ корпусомъ, какъ выше писано, на время еще въ Помераніи остановитесь, а при выступленіи вашемъ оттуда землю и подданныхъ возвратить ихъ правительству.

4). А что крѣпость Кольбергская отъ генерала графа Румянцова на сіе время удержана была еще за нами, то хотя и несходно съ мирнымъ трактатомъ, однакожъ не худо кажется въ запасъ и въ ожиданіи прямыхъ обстоятельствъ графа Чернышова съ его корпусомъ. А впрочемъ апробуемъ мы, что и вы опредѣленному съ Прусской стороны для принятія той крѣпости баталіону рекомендовали въ мѣстечкѣ Трептовѣ пробыть, снабдѣвая провіантомъ изъ нашего магазина; но когда не будетъ болѣе нужды въ удержаніи сей Кольбергской крѣпости, т.-е. когда графъ Чернышовъ съ корпусомъ безпрепятственно въ Польшу войдетъ: тогда имѣете вы оную, ровно какъ выше писано и всю Померанію, по силѣ мирнаго трактата очистить и въ Кольбергъ Прусской гарнизонъ впустить. Но прежде исполненія онаго *), находящуюся въ той крѣпости нашу артилерію и всякую аммуницію отправить водою на судахъ въ Ригу, а въ случаѣ неимѣнія потребныхъ къ тому судовъ или другихъ какихъ неудобностей, за которыми совсѣмъ бы невозможно было сіе отправленіе сдѣлать, всѣ оныя тягости оставить въ Кольбергѣ въ надзираніи ихъ коменданта

---

*) Собственноручная прибавка Государыни, сбоку: „Постарайтесь, чтобъ не осталось артилеріи“.

Прусскаго съ роспискою, и съ такимъ обнадеженіемъ, чтобъ впредъ отпущены были въ Ригу на судахъ, которыя для того присланы будутъ.

5). И когда такимъ образомъ Кольбергская крѣпость отдана будетъ, въ тоже время надлежитъ вамъ и находящихся Прусскихъ офицеровъ съ командами и съ набранными ихъ рекрутами, которыхъ вы остановили въ ихъ мѣстахъ, освободить и дать имъ волю, гдѣ пребывать или куда идтить похотятъ. А при отдачѣ помянутой крѣпости въ разсужденіи находящейся въ оной артилеріи и аммуниціи поступить на такомъ основаніи, какъ вамъ отъ прежняго правительства резолюція дана была изъ бывшаго придворнаго совѣта; но артилерію мѣдную только ту Пруссакамъ не отдавать, которая намъ точно принадлежитъ.

6). Для пропитанія войскъ нашихъ, по представленію вашему, стараніе приложено будетъ у короля Прусскаго, дабы постановить умѣренныя цѣны за поставку провіанта и овса чрезъ комиссаровъ отъ земли, о чемъ къ полномочному министру генералъ-майору князю Репнину и указъ нашъ отправленъ, съ котораго прилагается копія, а вамъ о томъ же съ княземъ Репнинымъ сношеніе имѣть надобно. Но прежде въ соглашеніяхъ и переписвахъ о семъ немалое время чаятельно пройдетъ, а между тѣмъ иногда вамъ случай настанетъ по вышеозначенному Прусскія земли очистить и вамъ въ походъ выступить; то, дабы не имѣть войскамъ въ пропитаніи нужды, надлежитъ вамъ о поставкѣ по дорогамъ въ тѣхъ земляхъ, ровно какъ и въ Польшѣ, провіанта и фуража собственное ваше стараніе имѣть и не ожидая помянутаго съ Прусскимъ королемъ соглашенія, заблаговременно требовать и выписывать сію поставку отъ правительствъ какъ пристойно, и платить за оную наличными деньгами, или въ недостаткѣ денегъ давать квитанціи, постановляя съ ними цѣну умѣренную по обстоятельствамъ, въ чемъ сколько возможно обращать себѣ въ пользу сепаратной артикулъ мирнаго трактата.

7). Представленіе ваше, чтобы для облегченія похода вашего съ арміею, находящіеся при оной артилерійскіе и прочіе снаряды безъ потерянія времени зачать отправлять на судахъ въ Ригу, равно какъ и то, что вы намѣреніе приняли туда же отправлять больныхъ и инвалидовъ, мы всемилостивѣйше апробуемъ.

8). По шестому пункту вашего представленія служитъ къ дальнѣйшему вашему объясненію, что здѣсь по сіе время опредѣлено снабдѣвать ваши магазины до половины Августа. И такъ по выступленіи вашемъ съ корпусомъ изъ Помераніи, имѣете вы приказать остающійся за тѣмъ, что̀ при оной въ походъ взято быть можетъ, провіантъ и овесъ въ Кольбергѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ

продавать обывателямъ по какой возможно лутчей цѣнѣ, или ежели вы за лутче найдете согласиться чрезъ князя Репнина съ Прусскимъ дворомъ о поставкѣ на обмѣнъ онаго равномѣрнымъ числомъ для арміи нашей въ переди на походѣ ея по удобнымъ мѣстамъ.

Екатерина.

Копія съ рескрипта отправленнаго въ Берлинъ къ полномочному министру князю Репнину въ 11-й день Іюля 1762 году.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, получа извѣстіе о вступленіи нашемъ на Всероссійскій престолъ, между протчими сдѣланными распоряженіями взялъ попрежнему во владѣніе наше и всѣ Прусскія земли, кои уже возвращены были по силѣ заключеннаго мирнаго трактата королю Прусскому и правленіе которыхъ приняли было уже опредѣленныя къ тому отъ короля Прусскаго персоны.

Въ какой силѣ отправленъ о томъ къ помянутому фельдмаршалу отъ насъ указъ и какимъ образомъ повелѣли мы о томъ же знать дать Прусскому министру барону Гольцу, оное усмотрите вы изъ приложенныхъ при семъ копій съ указа къ графу Салтыкову и съ данной Гольцу записки.

Сходственно съ оными имѣете и вы поступки и отзывы ваши распоряжать, домогаясь, чтобы король Прусской графа Чернышова съ его корпусомъ отпустилъ, чего мы тѣмъ болѣе ожидаемъ, что бывшій Императоръ никакой конвенціи о перепущеніи того корпуса съ королемъ не постановилъ, а только изъ единой угодности безъ всякаго обязательства въ соединеніе съ нимъ отправилъ.

*

Вѣдомость колико на заграничную армію денежной казны на сей 762 будущаго 763 года по Генварь мѣсяцъ перевесть слѣдуетъ; въ то число переведено и перевесть осталось.

Перевесть опредѣлено:

На жалованье генералитету и полкамъ и на протчіе слѣдующіе расходы 1,954,634 р. На провіантскіе расходы 1,101,508 р. Итого 3,056,142 р. Да на заграничную артиллерію 565,672 р., которые отпускать велѣно изъ канцеляріи главной артилеріи *).

Въ оное число сего Іюля по 6-е переведено чрезъ вексели и разными случаи доставлено 1,630,038 р. 59 к., а дѣйствительно въ Данцигѣ и въ прочихъ мѣстахъ принято 1,086,100 р. За тѣмъ перевесть осталось 1,426,603 р. 41 копѣйка. Въ то число прислано изъ канцеляріи артилеріи 40,000 р. чрезъ вексели и переведено.

*) Цальмейстеромъ этой артилеріи былъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, впослѣдствіи князь. П. Б.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ КЪ ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

Что первый Самозванецъ не только думалъ избавиться отъ друзей своихъ Поляковъ, но и замышлялъ воевать съ Польшею (обстоятельство, очень важное для оцѣнки этого необыкновеннаго лица), объ этомъ до сихъ поръ извѣстно было только по упоминанію Голландскаго резидента Массы; въ Русскихъ же историческихъ памятникахъ такого извѣстія, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ не встрѣчалось.

Въ Тверскомъ Краснохолмскомъ монастырѣ уцѣлѣла такъ называемая „память", то-есть памятная хозяйственная записка, подтверждающая извѣстіе Массы. Эта „память" хранится нынѣ въ Музеѣ при Тверской губернской гимназіи, собранномъ трудами и неустанною заботою достопочтеннаго мѣстнаго дѣятеля А. К. Жизневскаго, которому выражаемъ глубокую нашу признательность за нижеслѣдующую выписку, любопытную и по означенію тогдашнихъ продовольственныхъ цѣнъ: отъ Краснаго Холма до Москвы слишкомъ четыреста верстъ; проводъ 35-ти лошадей, трехнедѣльная жизнь въ Москвѣ и обратный путь стоили всего 24 алтына. Во что̀ станетъ это теперь!

Монастырская поставка на войну прибыла въ Москву лишь за нѣсколько дней до убіенія Самозванца. П. Б.

Выписка изъ приходорасходныхъ книгъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря 1605—6 года. Расходная память о поѣздкѣ въ Москву, въ Маѣ мѣсяцѣ 1606 года, около Николина дня, съ монастырскими и волостными лошадьми для Польскаго похода. Эта память записана въ книгу вмѣстѣ съ другою памятью, между 31-го Мая и первымъ числомъ Іюля 1606 года.

«Ѣздили къ Москвѣ Никольскіе слуги Дмитрій Олсофьевъ, да Онтонъ Ивановъ съ монастырскими и съ волостными лошадьми, которыя велѣно прислати къ Москвѣ для Польсково походу, тридцать пять мереновъ. Расходъ у нихъ монастырскимъ казеннымъ деньгамъ

на монастырскія лошади на кормъ и на свой обиходъ. Къ Москвѣ ѣдучи, въ Кашинѣ куплено сѣна на шесть денегъ, да на Бѣлѣ-Городкѣ куплена осмина овса, дано гривна; квасу да яицъ двѣ деньги. Въ Карачуновѣ куплено сѣна лошадямъ на двѣ деньги, капусты на деньгу, квасу на полденьги. Въ Димитровѣ куплена осмина овса, лошадямъ монастырскимъ; дано четыре алтына съ деньгою. Въ деревнѣ въ Ереминѣ куплено лошадямъ сѣна два алтына на пять денегъ. На Москвѣ живучи, гоняли лошади на Москву на рѣку поити, и осталася лошадь монастырская, и ту лошадь боярскіе люди привели на земской дворъ: дано отъ записи шесть денегъ, да хоженого дано десять денегъ. Куплено обротей на лошадей на четыре деньги. Въ Николинъ день куплено рыбы на двѣ деньги. Да сторожу дано отъ монастырскихъ лошадей четыре деньги. Да на Москвѣ же куплено на монастырскія лошади сѣна на пять алтынъ на четыре деньги. Да куплено луку на полденьги. Въ Дмитровѣ, съ Москвы ѣдучи, куплено рыбы на двѣ деньги, молока на деньгу, калачъ, дано деньга. Въ Кашинѣ куплено мяса *) на двѣ деньги, хлѣба на четыре деньги.

И всего у нихъ въ расходѣ по ихъ памяти двадцать четыре алтына.

*

Обращаемъ на это извѣстіе вниманіе занимающихся исторіею смутнаго времени. Можетъ быть, выраженіе для „Польскаго походу“ значитъ здѣсь не для войны съ Польшею, а только для похода черезъ Польскія земли. Лжедимитрій входилъ въ сношенія съ Французскимъ королемъ Генрихомъ IV-мъ, замышляя изгнаніе Турокъ изъ Европы. П. Б.

---

*) Въ Кашинъ монастырскіе слуги прибыли на обратномъ пути уже разговѣвшись послѣ Петрова поста. П. Б.

ИЗЪ СТИХОТВОРНАГО СБОРНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

1. Посланіе М. А. Максимовича къ М. П. Погодину.

9 Марта 1872 г., Михайлова Гора.

ДРУЖЕСКОЕ ДЕВЯТОСТИШІЕ.

Друже Погодине, тайный совѣтникъ и явный подвижникъ
Руси святой и родныхъ для нея всѣхъ народовъ Славянскихъ,
Силой своей богатырской полвѣка ихъ жизнь ободрявшій,
Нынѣ довлѣющей славы и чести себѣ ужъ достигшій!
Жду не дождусь я услышать твое мнѣ крылатое слово;
Жду я увидѣть твой даръ мнѣ—Исторію Древнія Руси,
Весело, зычно тебѣ возглашаючи: многая лѣта,
Тихо и грустно себѣ повторяя слова Одиссея:
„О, для чего я не младъ и не силенъ, какъ въ прежніе годы!“

М. Максимовичъ.

2. Посланіе Н. М. Языкова къ А. С. Хомякову.

Прими ты мой поклонъ заздравный!
Тебѣ, возвышенный поэтъ
И совопросникъ достославный,
Желаю много, много лѣтъ
Стихомъ и прозой красоваться,
И цвѣсть красою чистыхъ дѣлъ!
Враги жъ твои да сокрушатся
Всѣ, всѣ: и тотъ, который смѣлъ,
Въ своемъ невѣдѣніи глупомъ,
Въ разгарѣ чувствъ, въ кипѣньи словъ,
Провозгласить бездушнымъ трупомъ
Русь нашихъ умныхъ праотцовъ.
Несчастный книжникъ! Онъ не слышитъ,
Что эта Русь не умерла,
Что у нея и сердце дышетъ,
И въ жилахъ кровь еще тепла;
Что, можетъ быть, она очнется
И встанетъ заново бодра!
О, какъ любезно встрепенется,
Тогда вся наша Нѣмчура:
Вся сволочь званыхъ и незваныхъ,
Дрянныхъ, прилипчивыхъ гостей,
И просвѣтителей поганыхъ,
И просвѣщенныхъ палачей!
Весь этотъ гнетъ ярма чужаго,
И этотъ подлый, гнусный цехъ,

Союзникъ бѣглаго портнаго,
Всѣ прочь и прочь! Долой ихъ всѣхъ!
Очнется, встанетъ Русь и съ бою
Свое завѣтное возметъ!
Да уничтожатся тобою
И общій нашъ недоброхотъ,
Творецъ безсмыслицъ вопіющихъ,
Онъ, тотъ преслѣдователь блохъ,
Явленій сущихъ и сосущихъ,
Тотъ юмористъ-идеологъ,
Всегда водяный и туманный,
Почтенный сѣятель клеветъ,
Начальникъ шайки безталанной;
И онъ, и весь его совѣтъ,
И нечестивый и безпутный,
И вся заморская ихъ голь,
Все пропади, какъ бредъ минутный,
Какъ мерзкій сонъ, какъ соръ и пыль!
А ты надежно правдѣ слѣдуй,
Востоку пламенно служи,
Своенародность проповѣдуй
И низлагай успѣхи лжи....

Мая 1 дня 1845. М.

3. Одно изъ послѣднихъ неизданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь, все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Это превосходное стихотвореніе написано несчастнымъ поэтомъ къ супругѣ его, не задолго передъ кончиною, когда занимала его мысль совсѣмъ покинуть Петербургъ и въ сельскомъ уединеніи села Михайловскаго найти пріютъ отъ удручавшихъ душу обстоятельствъ, встрѣчъ и отношеній. Въ Августѣ 1836 года восхваляетъ онъ сельское кладбище („Когда за городомъ задумчивъ я брожу"); осенью того же года проситъ друга своего Нащокина добыть ему пять тысячъ рублей, чтобы расплатиться съ долгами и выѣхать цѣлымъ домомъ въ деревню. Вѣроятно къ этому времени относятся и эти задушевные стихи. П. Б.

ДОПОЛНЕНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Упоминая о Сіонѣ, офицерѣ л.-гв. Литовскаго полка (Р. Архивъ 1885, III, 364), Н. Н. Муравьевъ записалъ въ 1818 году слухъ о томъ, что Сіонъ былъ изобличенъ въ передачѣ извѣстій непріятелю, что его будутъ разстрѣливать, что онъ исчезъ, прощенъ и оказался вовсе не измѣнникомъ. Отецъ Оде-де-Сіона былъ инспекторомъ Пажескаго Корпуса съ 1802 по 1827 г. Сынъ его Карлъ былъ камеръ-пажемъ и выпущенъ въ 1811 году въ л.-гв. Литовскій полкъ. Сіонъ продолжалъ службу и въ 1829 году, будучи маіоромъ, уволенъ къ статскимъ дѣламъ съ повышеніемъ чина.

Графъ Милорадовичъ.

*

Въ 5-мъ выпускѣ «Р. Архива» 1886 г. (стр. 129), въ статьѣ г-на Теобальда «Изъ давнихъ воспоминаній» сказано, что генералъ-лейтенантъ Соломка былъ генералъ-вагенмейстеромъ гвардейскаго корпуса и что онъ имѣлъ по Четвергамъ докладъ у его императорскаго высочества, главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Это не вѣрно: Аѳанасій Даниловичъ Соломка никогда не состоялъ при гвардейскомъ и гренадерскихъ корпусахъ, и докладовъ у его высочества Наслѣдника Цесаревича не имѣлъ. Онъ служилъ много лѣтъ при Императорской Главной Квартирѣ, и съ его смертью, въ 1872 году, званіе генералъ-вагенмейстера упразднено.

*

Въ 6-мъ выпускѣ Р. Архива 1886 г., въ «Представленіи князя Потемкина», издателя приводитъ въ недоумѣніе слово «бостель». Это Шведское слово boställe; оно означаетъ небольшое имѣніе, опредѣленное

отъ казны на содержаніе военнымъ или гражданскимъ чинамъ, иначе аренда. Изъ сего слѣдуетъ, что мнѣніе князя Потемкина, будто бы вся Финляндія состоитъ изъ небольшихъ помѣстьевъ (мызъ), розданныхъ милиціи, страдаетъ преувеличеніемъ.

А. Чумиковъ.

*

Въ 7-мъ выпускѣ Р. Архива нынѣшняго года, стр. 438, г. К. Б. спрашиваетъ, не ошибся ли я въ описаніи встрѣчи императора Александра Павловича съ Измайловскимъ полкомъ на возвратномъ пути изъ-за границы (въ 1821 г.), и не слѣдуетъ ли читать въ *Бѣшенковичахъ* вмѣсто *Бѣжаницахъ*?

Названіе мѣста упомянутой встрѣчи у меня совершенно вѣрно. Бѣжаницы—станція Псковской губерніи Новоржевскаго уѣзда, по старому Бѣлорусскому тракту. Съ этой станціи, осмотрѣвъ нашъ полкъ, Государь направился въ Петербургъ; а полкъ, слѣдуя далѣе на Югъ, имѣлъ дневку въ Великихъ Лукахъ, гдѣ праздновалъ храмовой праздникъ своей полковой церкви—Троицынъ день. Общій обѣдъ происходилъ въ домѣ, въ которомъ, на пути къ Бѣжаницамъ, Государь имѣлъ ночлегъ. Отъ Великихъ Лукъ до Сѣнно болѣе 250 верстъ. Тутъ полкъ расположился на квартирахъ и простоялъ что-то долго, помнится болѣе мѣсяца, до Сентября, когда гвардія сдвинута была къ Бѣшенковичамъ, на маневры. Отъ Бѣжаницъ до Сѣнно около 300 верстъ.

А. Гангебловъ.

*

Настоящее имя Грузинскаго князя, часто упоминаемаго въ Запискахъ Н. Н. Муравьева, есть *Севарсемидзе*.

(Сообщено М. А. Гамазовымъ).

ва графу М. Н. Муравьеву въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ. — Эпизоды изъ событій 1861—1864. Воспоминанія современника-очевидца. — Въ „вѣчную память“ объ Александрѣ архіепископѣ Виленскомъ. **Н. Н. Новикова** —Мнѣніе **митрополота Филарета** о посылкѣ церковныхъ древностей на Парижскую выставку.—Письма **В. А. Жуковскаго** къ императору Александру Николаевичу. 1850 г. — Письмо **В. А. Жуковскаго** къ графинѣ **Ю. Ѳ. Барановой** о сестрѣ Батюшкова.—Къ біографіи профессора Н. И. Надеждина.—**А. С. Хомяковъ** о К. Д. Кавелинѣ. -- Неизданное стихотвореніе **Ѳ. И. Тютчева.**—Письма **князя П. А. Вяземскаго** къ С. П. Шевыреву.—Критическія замѣтки **А. Л. Зиссермана.** - Владиміро-Маріинскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ.—Публичные концерты и балы въ столицахъ. **С. В. Танѣева.**—

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(Выпуски 9—12).

Воспоминанія **Петра Ивановича Полетики.** 1778—1849.—Письма **графа Ѳ. В. Ростопчина** къ графу П. А. Толстому въ 1812 году.— Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго** (1811, 1812 и 1813 годы).—Своеобразное мнѣніе **А. С. Шишкова** про „Общество Соревнователей“.— Изъ писемъ **Д. В. Полѣнова** о Греціи при королѣ Оттонѣ.—Замѣчанія на воспоминанія Л. Ѳ. Львова (Декабристы, ихъ разселеніе и жизнь въ Сибири) **И. В. Ефимова.**—Автобіографія **А. О. Дюгамеля.**—„Холмъ чести“ изъ воспоминаній **М. Я. Ольшевскаго.**—Венгерскій походъ 1849 года. Воспоминанія армейскаго офицера **А. Л. Верниковскаго.**— Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго.**—Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, записка о немъ его дочери **баронессы М. М. Медемъ** съ портретомъ.—Воспоминанія давнопрошедшаго **В. А. Кокорева.**—Дѣла давно минувшихъ дней. **Н. А. Рѣшетова.**— Эпизоды изъ событій 1861 — 1863 годовъ. Воспоминанія современника-очевидца.—Апологія графа Ѳ. Ѳ. Берга отъ Польскихъ навѣтовъ. **Теобальда.**—Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева: „Москвичамъ“ и отвѣтъ „Москвичей“.—Изъ частнаго письма о Герценѣ за послѣдніе годы его жизни.—Графиня Е. П. Ростопчина. **Старушки изъ степи.**—Замѣтка о Хомяковѣ **Н. П. Барсунова.** (Николай Павловичъ о стихотвореніи „Кіевъ“).—Публичные маскарады **С. В. Танѣева.**—С. О. Панютинъ. Некрологъ (переводъ съ Черногорскаго).

Цѣна каждой книгѣ по **три** рубля.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ НЕКРОПОЛЬ

или

СПРАВОЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ

(XVII и XVIII вѣковъ) по надгробнымъ надписямъ Петербургскихъ кладбищъ.

Составилъ **В. И. Саитовъ.**

М. 1883. Цѣна **ОДИНЪ** рубль, вѣсовыхъ за одинъ фунтъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ

(1842—1867).

Записки А. Л. Зиссермана.

Два тома. Цѣна за оба тома **3** р. **50** к. съ пересылкою **4** р.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ)" по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву" за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ
РУССКАГО АРХИВА 1885 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ ВЪ 12-ти ВЫПУСКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Выпуски 1—4).

Разсказы про Петра Великаго.—Три новыя письма **Вольтера**.—Записки **М. И. Антоновскаго** (Московскій Университетъ при Екатеринѣ.—Графъ И. Г. Чернышовъ.—Первыя судьбы Императорской Публичной Библіотеки).—**Графиня Фоссъ** про Александра Павловича и про Русскій дворъ (1802—1814). Со снимкомъ.—Стихи **лорда Байрона** о пожарѣ Москвы 1812 года.—Баронесса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ.—Переписка великаго князя **Константина Павловича** съ графомъ Бенкендорфомъ.—Два письма графа **С. С. Уварова** къ графу А. Х. Бенкендорфу про Московскій и Дерптскій университеты.—**Графъ Бенкендорфъ** о мнимомъ сумасшествіи Чадаева.—Автобіографія **А. О. Дюгамеля**. Съ портретомъ.-Воспоминанія **Леонида Ѳедоровича Львова**. 1837—1839.—Разсказы изъ недавней старины (преимущественно про Николая Павловича).—Николай Павловичъ и крестьянка-мать. **Архимандрита Леонида**.—Изъ путевыхъ замѣтокъ **В. А. Жуковскаго**.—Письма **В. А. Жуковскаго** къ императору **Александру Николаевичу**. 1848 и 1849.—Изъ записокъ стараго Преображенца. 1855—1856.—Кавказскія воспоминанія **А. Л. Зиссермана**. 1857.—Эпизоды изъ Польскаго возстанія 1861—1864. Воспоминанія современника-очевидца.—Славянскіе гости у Русскаго царя. (Изъ Записокъ **Миличевича**).—Воспоминаніе о Константинѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. **Н. Бицына**.—**Щепкинъ, Мочаловъ, Ленскій**.—Причины равновременной кончины Веневитинова. Статья **М. А. Веневитинова**.—Стихи **А. Н. Муравьева** про статую Аполлона Бельведерскаго.—Четверостишіе **Н. И. Греча**.—„Новая Свѣтлана". Породія, примѣненная къ Н. А. Полевому (1840).—Стихотвореніе барона **А. А. Дельвига**.—Два стиха **А. С. Пушкина**.—Русскія народныя пѣсни во Французскомъ переводѣ **А. С. Пушкина**.—Польская графиня про князя П. А. Вяземскаго.—Острословія **А. О. Арифельда**.—Орелъ съ его уѣздами. Стихи **С. А. Соболевскаго**.—Письма двухъ секундантовъ Лермонтова (**Глѣбова и князя Васильчикова**) къ Н. С. Мартынову.—Стихи **Н. Ф. Павлова** въ Московской долговой ямѣ.—Шуточная стихотворная хроника Московскаго университета.—Письмо **М. П. Погодина** къ издателю Русскаго Архива по поводу запрещенія Записки Карамзина о Древней и Новой Россіи.—Н. С Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо.—Декабристъ баронъ Розенъ о Эстляндскихъ дѣлахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(Выпуски 4—8).

Разсказы про Петра Великаго.—Двойной вѣроотступникъ (1739) **Д. И. Сапожникова**.—Письма **Екатерины Великой** къ И. И. Козлову.—**А. Т. Князевъ**, трудолюбецъ прошлаго вѣка. Статья **Н. П. Барсукова**.—Историческая справка, по поводу празднованія Орловскимъ дворянствомъ столѣтія дворянской грамоты. **Н. А. Ратынскаго**.—Жалованная грамота **Государыни Императрицы Екатерины Второй** дворянству.—Предложеніе **І. Н. Шатилова** по случаю столѣтней годовщины дворянской грамоты.—Много лѣтъ назадъ. **И. С. Листовскаго**—О декабристѣ Корниловичѣ.—Автобіографія **А. О. Дюгамеля**.—Дѣла давно минувшихъ дней. **Н. А. Рѣшетова**.—Воспоминанія сапёра. **И. М. Старицкаго**.—Секретныя показанія **графа А. А. Закревскаго** о нѣкоторыхъ Москвичахъ.—Кавказскія воспоминанія **А. Л. Зиссермана**.—Достопамятныя минуты въ моей жизни. Записка **А. И. Левшина**.—Гарибальди про Русскій народъ. Замѣтка **Н. Х. Весселя**. Со снимкомъ.—Записки **графа Дмитрія Николаевича Толстаго**.—Четыре записки **графа М. Н. Муравьева** о сѣверо-западномъ краѣ.—Стихи **Некрасо-**

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Ю. Н. БАРТЕНЕВА *).

Письмо къ князю А. Н. Голицыну.

26-го Октября (1836).

Теперь вечеръ; все спокойно; принимаюсь за перо, чтобъ побесѣдовать съ вами. Какую же тему избрать для настоящаго предмета провинціальной моей грамоты? Чего съ вами не переговорилъ я? Богословіе, литература, мистика, юморизмъ, философія, автобіографическія сцены, все было испробовано; до всего коснулась моя скрыпица, игравшая на всѣхъ ладахъ предъ вашимъ сіятельствомъ. Забавлялись-ли вы моею игрою, этого я не знаю; боюсь только, чтобъ не сказали вы того же обо мнѣ, что̀ вымолвилъ нѣкогда Олинъ, говоря о Шишковѣ: «я съ негодованіемъ слушалъ звукъ ветхой скрыпицы отверженнаго Полигимніею музыканта». Во всякомъ случаѣ самолюбіе пишущаго довѣрчиво. Выбираю за тему настоящаго посланія васъ самихъ, и смѣло пускаюсь въ путь. Мнѣ вздумалось разсказать вашему сіятельству два счастливыхъ дня въ моей жизни, два дня проведенныхъ въ кабинетѣ вашемъ. Это были достопамятныя Пятница и Воскресенье 22-го и 24-го Маія нынѣшняго 836 года. Но прежде чѣмъ примусь описывать, считаю за нужное представить вашему сіятельству предварительный краткій обзоръ или, такъ сказать, историческій очеркъ всѣхъ вашихъ словесныхъ ко мнѣ отношеній.

Я имѣлъ счастіе пользоваться сообществомъ вашего сіятельства, или имѣть съ вами, такъ сказать, пять только соприкосновеній. Первая полоса была въ 819 году; это было для меня время шарканья и поклоновъ предъ вашимъ сіятельствомъ. Рѣдко когда, во мзду тогдашнихъ гимнастическихъ моихъ продѣлокъ, я уловлялъ у васъ бѣглый

---

*) См. вторую книгу Р. Архива стр. 305. П. Б.

взоръ или одобрительную для себя улыбку; иногда даже нѣсколько односложныхъ очередныхъ словъ выкидывалось мнѣ налету, но и то, по напоминанію великодушнѣйшаго къ нашей братьѣ Василія Михайловича Попова. Обыкновенное труженическое наше поприще было портретная зала; кабинетъ же вашего сіятельства и гостиная были для насъ неприступными тогда terrae incognitae.

Вторая полоса образовалась для меня въ 821 году; надобно дополнить, что съ девятнадцатаго по этотъ годъ я имѣлъ постоянную переписку съ благодѣтельницею моею Александрой Петровной *), и на просторѣ выливалъ предъ нею мое сердце; по любви своей ко мнѣ, старушка часто говаривала обо мнѣ вашему сіятельству, иногда даже принимала на себя трудъ читать предъ вами и нѣкоторыя изъ моихъ писемъ; простыя, неподдѣльныя чувствованія, въ нихъ излагаемыя, какъ она въ послѣдствіи меня извѣстила, имѣли счастіе обратить ваше вниманіе. Подгорячивъ себя таковымъ предрасположеніемъ вашимъ въ мою пользу, я уже посмѣлѣе предсталъ предъ очи вашего сіятельства въ этомъ 821 году. Но вся моя воинская хитрость завоевать васъ, всѣ провинціальныя апроши къ сіятельной крѣпости ограничивались, увы, одною только залою, и однажды какъ-то гостиною **), гдѣ, хотя я и постоянно былъ

---

*) Хвостовой, занимавшейся мистицизмомъ и жившей потомъ долго въ Кіевѣ. Она извѣстна и какъ писательница. Существуетъ гравированный портретъ ея. П. Б.

**) Въ амбразурѣ окошка я стоялъ тогда съ однимъ незнакомымъ мнѣ толстякомъ. Всѣ мы были въ напряженномъ вниманіи, всѣ наблюдали хозяина дома, который, повидимому, очень занятъ тогда былъ съ кѣмъ-то разговоромъ въ углубленіи гостиной. На первомъ планѣ картины, какъ теперь помню, молодой графъ Шереметевъ въ длинныхъ ботфортахъ, въ камеръ-пажескомъ мундирѣ, стоялъ облокотившись на кресло и разговаривалъ съ сидящимъ вблизи мущиною; это былъ директоръ департамента Тургеневъ. Вдругъ нашъ князь Александръ Николаевичъ приподнимается съ софы, и вотъ по примѣру его сіятельства все встало, все вытянуло шеи, все сгруппилось въ маленькія кучки. Вижу, что князь бросаетъ бѣглый взоръ на наши окошки; я и толстякъ мой дрогнули, тѣмъ болѣе, что его сіятельство медленно, но прямо къ намъ сталъ подвигаться. Подойдя ко мнѣ, князь вымолвилъ въ полголоса: „Мнѣ очень нравится, что вы худощавы; я не люблю толстыхъ". Чтò онъ мнѣ сказать хотѣлъ чрезъ это, прямо не знаю, развѣ не это-ли, что сухая комплекція предполагаетъ господствованіе умственныхъ силъ, энергію, дѣятельность и какъ бы поглощаетъ физическія; по крайней мѣрѣ я такъ растолковалъ себѣ это слово князя. Неподалеку отъ меня стояла особа моего же званія, помнится мнѣ директоръ Тверскихъ училищъ, и какъ сей послѣдній умильно ни глядѣлъ на князя, но его сіятельство не думалъ на него обращать своего вниманія. Вдругъ вижу отдѣляется отъ одной ближайшей группы Василій Михайловичъ Поповъ и, какъ бы нечаянно приближаясь къ князю, шепчетъ ему что-то на ухо. Я сейчасъ же догадался, чтò

принимаемъ, но также постоянно содержимъ былъ въ почтительной дистанціи. Общія увѣренія въ благоволеніи, общія фразы ободренія, почаще улыбка, болѣе уже прояснявшаяся, болѣе милостивая. Вотъ все, что̀ заработалъ я у вашего сіятельства незабвенной памяти въ 821 году.

Наконецъ наступилъ 827 годъ: это было третье съ вами соприкосновеніе. Годъ этотъ былъ для меня удаченъ. Я квартировалъ тогда на Литейной, вы позволили мнѣ часто ходить къ себѣ. Въ то время чрезъ посредство благодѣтельнѣйшаго Александра Семеновича*) я добывалъ себѣ у Государя Императора большее жалованье. Ваше сіятельство примѣтно становились мягче, и даже однажды de propos délibéré обѣщали мнѣ мѣсто Рязанскаго почтмейстера. Впрочемъ, лишнихъ разговоровъ не было, но я входилъ уже въ вашъ кабинетъ.

Наступила четвертая полоса, 829 годъ. Я пріѣхалъ тогда въ Петербургъ съ покойнымъ другомъ моимъ Андреемъ Андреевичемъ. Предъ пріѣздомъ моимъ, т.-е. вскорѣ послѣ 827 года, у меня уже завязалась и переписка съ вами, тогда еще робкая, неопредѣлительная; ломая голову, чтобъ обратить вниманіе ваше, я вздумалъ составлять тогда для васъ иллюминованный каноникъ или молитвенникъ въ родѣ édition illustrée. Не одну сотню нарисованныхъ картинъ бралъ я смѣлость пересылать вамъ послѣдовательно; однажды даже вы мнѣ и написали, что остаетесь очень довольными. Это былъ для меня однако циклопическій трудъ, въ отношеніи къ средствамъ въ провинціи. 829 годъ былъ для меня климатерическою годиною: я удостоился имѣть чести обѣдать у вашего сіятельства въ Петергофѣ. Разговоръ вашъ сталъ разнообразнѣе, онъ явно принималъ уже сгибъ нѣкоторой полудовѣрчивости; въ то время впервыя сказали мнѣ вы о расположеніи вашемъ удалиться на южный берегъ теплой Тавриды и проч. Потомъ въ Петербургѣ сами призвать меня изволили къ себѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ**). Образовалась уже правильная causerie, предметы коей живо еще и теперь помню; товарища моего по службѣ, добраго старика Андрея Андреевича, также много обласкали; но здѣсь не мѣсто подробностямъ. Такое великодушное, кроткое поведеніе раскрыло еще болѣе поры сердца моего, и я рѣшительнѣе и игривѣе сталъ обозна-

---

это значило, и вотъ мой князь подходитъ къ директору и даритъ его парою ласковыхъ словъ. Я все тогда замѣчалъ внимательно, и немного не доставало, чтобъ сдѣлаться мнѣ въ ту пору самымъ ловкимъ придворнымъ, по крайней мѣрѣ status in statu двора его сіятельства.

*) Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія. Ю. Н. Бартеневъ служилъ тогда директоромъ Костромской гимназіи. П. Б.

**) Прянишниковымъ. П. Б.

чаться въ письмахъ моихъ къ вашему сіятельству. Чаще и чаще сталъ я имѣть счастіе удостоиваться и вашихъ отвѣтовъ. Богъ видѣлъ, какъ добросовѣстно, какъ постоянно, какъ, смѣю сказать, неутомимо преслѣдовалъ я васъ моими маленькими угожденіями, преслѣдовалъ, чтобъ обратить ваше вниманіе, вашу благосклонность; но вы, какъ богатый кладъ, не давались мнѣ въ обладаніе. Чего любовь моя ни придумывала, къ чему ни приражалась, какъ ни истощала всю свою изобрѣтательную способность, чтобъ хотя сколько-нибудь быть для васъ нечуждымъ; но нѣтъ, все не удавалось: грозный и непреоборимый Гибралтаръ не только что не сдавался, но даже близко и не подпускалъ къ себѣ. Видя свои неуспѣхи, имѣя причины и роптать на ваше сіятельство за остуду, я бросилъ надѣяться на князей, которыхъ не расположили ко мнѣ ни стихи, ни проза моя, и удалился въ деревню, съ тѣмъ чтобъ въ милой посредственности хвалиться своею философскою независимостію, забывая обо всѣхъ князьяхъ на свѣтѣ. Но болѣзнь жены моей меня выгнала изъ скучной и холодной деревни, нужда заставила искать службы, и вотъ я явился опять къ вамъ, настоящимъ провинціальнымъ Жилблазомъ. Чтó произошло между нами въ послѣднюю и пятую полосу времени, этого теперь я не скажу; ибо разсказамъ моимъ не было бы конца, а письмо становится длинно. Скажу только, ваше сіятельство, что въ этой пятой полосѣ жатва была обильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ; сердце мое стало шире, я выросъ, выросъ, сіятельный князь, въ нелицемѣрной моей къ вамъ любви и безпредѣльной преданности, съ которыми и пребыть честь имѣю, в. с., м. г., нижайшимъ слугою. Ю. Бартеневъ.

*

Мнѣніе князя объ апостолахъ и дарахъ церкви, которые и понынѣ не утратились. Примѣръ на Александрѣ въ 1814 годѣ. Характеристика тогдашняго сердца и мышленія Александрова. Прозрачность эта измѣняется по прошествіи времени. Князево мнѣніе, отъ чего она измѣнилась въ Государѣ. Вѣнскія дамы тому причиною. Рескриптъ къ Бородавкѣ. Князь не утерпѣлъ, чтобъ не замѣтить того Государю. Какъ принялъ это Государь.

Другой примѣръ даровъ на князѣ. –Госнеръ и его проповѣди. Обыкновеніе повторять ихъ предъ Кошелевымъ. Многолюдная публика въ церквахъ. Крещеніе Жида. Князь и Плещеева. Проникаціе въ проповѣдь говоренную на неизвѣстномъ языкѣ. Обильныя слезы Воззваніе Госнера запечатлѣваться духомъ и огнемъ. Кошелевъ захотѣлъ, чтобъ повторилось событіе. Не было успѣха.—Мнѣніе князево о молитвѣ: Отче нашъ. Почему онъ останавливается на колѣнкахъ:

князь не стыдится Христа и въ придворной церкви. Великіе князья повторяютъ это, но это въ нихъ пріостанавливается.—Большой выходъ. Какъ встрѣчалъ его Государь прежде, какъ нынѣ.—Князь догадывается, какъ въ нѣкоторомъ отношеніи Царь мыслитъ о немъ.—Александръ имѣлъ въ послѣдствіи двѣ манеры въ одно и тоже время: одну рѣчь съ князем, другую съ генералами.

*

Князь возвратился въ кабинетъ и я, съ болѣзнію сердца, приступилъ къ нему съ нѣкоторыми прошеніями, которыя случай или судьба наслали на меня безъ моей воли. Кажется, что я не погрѣшу здѣсь, если такъ выражусь. Просьба моя къ князю имѣла предметомъ трехъ несчастныхъ бѣдняковъ; два изъ оныхъ по моему добросовѣстному мнѣнію придавлены были мѣстною коллегіальностію, одинъ любомщеніемъ тайнаго совѣтничества. Начавъ рѣчь, я уже предварительно замѣтилъ, что князь готовъ былъ меня встрѣтить отпоромъ; мнѣ трудно было опровергать прямыя его указанія и косвенные доводы. Моя мелочность не выдерживала соприкосновенія громоносной князевой полемики. И это не потому, чтобы во имя истины и святаго человѣчества я не нашелъ нѣкоторыхъ резоновъ моимъ смиреннымъ представленіямъ, нѣтъ; но всякое слово вельможнаго антагониста, упадая съ такой высоты, могло и долженствовало для меня быть sans répliques.

Вотъ бѣглый, но вѣрный очеркъ словъ и правилъ князевыхъ. ‹Другъ мой›, сказалъ мнѣ князь, ‹надобно имѣть въ возможной полнотѣ всѣ свѣдѣнія о дѣлѣ, о которомъ сбираемся просить. Исключенный чиновникъ, по словамъ своимъ, всегда правъ. Это наиболѣе для меня сдѣлалось извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, когда я правилъ должность президента всѣхъ тюремныхъ обществъ въ Россіи. Спроси любаго изъ преступниковъ заключенныхъ въ тюрьму за самыя вопіющія беззаконія, и что́ же, всякій тебѣ отвѣчать станетъ, что онъ не виноватъ нисколько, что его обнесли и проч. Не такова уже натура человѣческая, продолжалъ князь, чтобъ рѣшилась добровольно повинить себя. Вотъ, напримѣръ, прежде былъ какой обычай, который однако нынѣ царствующимъ Императоромъ совсѣмъ уничтоженъ. Членамъ Государственнаго Совѣта позволено было принимать, по аппелляціоннымъ искамъ, отъ просителей записки, и я также получивалъ таковыя, но однако съ тою осторожностію, что требовалъ подобной же записки и отъ противной партіи. Я всегда, бывало, прочитывалъ и сравнивалъ эти записки между собою; и ты себѣ представить не можешь, продолжалъ князь, какой отъ того видъ получало дѣло въ моемъ

понятіи. Всякая записка, казалось мнѣ, трактовала вовсе о другомъ предметѣ, а не объ томъ общемъ имъ объимъ, который я имѣлъ въ виду. И не только нельзя было по этимъ запискамъ согласить дѣло, но даже онѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ сбивали всякое добросовѣстное о немъ толкованіе. Государь великую милость сдѣлалъ, утвердивши единожды, чтобы рѣшали дѣла въ Совѣтѣ по тѣмъ только даннымъ, какія тамъ собраны и не поддавались бы никакимъ частнымъ наведеніямъ. Посторонній или частный взглядъ на дѣло бываетъ часто взглядъ страстный, продолжалъ князь. Вотъ, напримѣръ, образовалась жандармская часть; особенно съ самаго начала графъ Бенкендорфъ то и дѣло, что бомбардировалъ меня секретными записками и указаніями на этотъ или другой предметъ, какъ гласила записка, повидимому, беззаконно рѣшенный. Сперва меня это очень безпокоило и даже стѣсняло, въ нѣкоторомъ смыслѣ, совѣсть мою; но рачительныя мѣстныя справки и выправки, наличные документы, такъ сказать, каждаго дѣла, переданные иногда давнымъ давно въ архивы и даже съ трудомъ отыскиваемые, ясно показывали мнѣ въ послѣдствіи, что гора всегда разражалась мышью. Да и самъ графъ неоднократно говаривалъ мнѣ, чтобъ я много уже о томъ и не безпокоился, и послѣ нѣкотораго начальническаго движенія узнать истину, еслибъ я счелъ это за нужное, увидя, что это все вздоръ, просто бы уничтожалъ и бросалъ таковыя записки, за добросовѣстность и вѣрность которыхъ и самъ графъ далеко себя отстранялъ, чтобъ поручиться. Всякое дѣло разсматривается въ департаментѣ; въ томъ же департаментѣ скопляется и все, что̀ принадлежитъ къ дѣлу. Пусть тамъ его и соображаютъ. Когда же, по разсмотрѣніи, рѣшатъ, и я утвержу, то вотъ и конецъ всему. Однажды изгнанный чиновникъ, какъ ни ропщи, принятъ и оправданъ быть не можетъ. Служба не богадѣльня и не лазаретъ. Частное сожалѣніе вызываетъ частное пособіе, но не болѣе. Если чиновникъ правъ, въ такомъ случаѣ виноватъ директоръ, и я такого директора не захочу уже при себѣ терпѣть ни минуты. Но если ропщущій субъектъ по своимъ только словамъ подразумѣвается и находитъ себя правымъ, то на этихъ ломкихъ данныхъ мнимую неправость своего директора я основывать не стану; ради таковыхъ причинъ я также не допущу въ себѣ зыбкости въ мысляхъ и не стану подозрѣніями унижать лице столь возвышенное въ своихъ служебныхъ отправленіяхъ и дѣйствіяхъ и которое я однажды къ себѣ приблизилъ и облекъ своимъ довѣріемъ. Эта crédibilité скрѣпляетъ даже высшія отношенія въ государствѣ; ею руководствуется самъ Императоръ въ прикосновеніяхъ съ своими министрами. Если министръ находится еще министромъ предъ лицемъ царевымъ, то это знакъ, что Государь

считаетъ его честнымъ сановникомъ, и что свѣтильникъ таковаго не погасъ еще предъ очами его, какъ бы толпа противное тому ни утверждала. Je suis censé, продолжалъ князь, считать и моего директора честнымъ: безъ этого внутренняго удовлетворенія онъ сегодня же слетѣлъ бы со своего мѣста. У меня былъ однажды въ этой категоріи нѣкто директоромъ Мартыновъ, когда я еще служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, и чтò же, я его съ двухъ разъ разглядѣлъ и просто отогналъ отъ себя, какъ негоднаго. Сожалѣю и объ тебѣ, возразилъ князь, что ты хлопочешь по такимъ предметамъ; знаю, что все это дѣлается изъ добраго побужденія, но пожалуста умѣрь себя. Меня, бывало, также прашивали о разныхъ предметахъ и приводили смѣшныя причины въ возможности успѣха. Вы часто бываете у Государя, продолжали таковые просители, сидите съ нимъ долго, говорите свободно о всякихъ матеріяхъ, то, при случаѣ, ваше сіятельство, могли бы и объ этомъ Его Величеству доложить или замолвить словцо. Но это не такъ легко, какъ думали эти господа просители. Нашъ Государь любитъ порядокъ и вовсе не жалуетъ, чтобъ кто бы говорилъ ему, такъ сказать, съ плеча, о дѣлахъ, которыя не въ вѣдомствѣ говорящаго и не касаются его обязанностей. Знаютъ, продолжалъ князь, что ты уменя часто бываешь, что я имѣю нѣкоторое къ тебѣ довѣріе, охотно и много съ тобою разговариваю. Вотъ этимъ-то и хотятъ воспользоваться. Обрати же на это вниманіе; ибо если это провѣдаетъ всегда густая фаланга искателей, то повѣрь, что тебѣ не дадутъ покоя и совсѣмъ завалятъ порученіями и требованіями. Повторяю, сказалъ князь, повторяю тебѣ свое увѣреніе, что ты дѣйствуешь по совѣсти, но впредъ удержись отъ этого. Когда я былъ еще оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, былъ новъ въ дѣлахъ и опасался сдѣлать промахъ, у меня былъ въ то время одинъ человѣкъ, къ которому я имѣлъ большую довѣренность, и этотъ человѣкъ безпрестанно канючилъ мнѣ своими домогательствами и наведеніями, по его устотрѣнію, меня на правду. Чтó же, какъ ты думаешь, я рѣшился съ нимъ разстаться, а по сему понимай! Пожалуста, впередъ вотъ дѣлай какъ: когда придутъ къ тебѣ просить о комъ или о чемъ нибудь, или явится самъ, такъ сказать, несправедливо обиженный, то давай таковому совѣтъ прямо писать ко мнѣ; если, не смотря на это, совѣстливость твоя все-таки зашевелится, то я этотъ грѣхъ принимаю на свою душу: пусть я, а не ты предъ Богомъ будешь въ отвѣтѣ, продолжалъ князь, улыбаясь. Что же касается до этого случая, что твой несправедливо обиженный проситъ суда и хотѣлъ бы, чтобъ дѣло перенесено было въ Сенатъ: то на это скажу тебѣ первое, что таковымъ образомъ изгнанные изъ службы всѣ бы захотѣли суда, и

осужденіямъ и изслѣдованіямъ не было бы и конца. Но правительство снисходительно: оно не слушаетъ подобныхъ возгласовъ и не спѣшитъ обвинять этихъ господъ, а просто ихъ увольняетъ и даетъ еще имъ въ добавокъ аттестаты. Государь далъ это право министрамъ, право, чтобъ они таковымъ образомъ, если только разсудятъ за нужное, увольняли всѣхъ неисправныхъ чиновниковъ, дабы отцамъ семействъ изъ оныхъ могла еще быть возможность пріютиться къ другому роду службы; иначе, безъ аттестатовъ, никуда ихъ не приняли бы. Оставь у меня записку объ этомъ бѣднякѣ; я прикажу, чтобъ въ департаментѣ сдѣлали новую о немъ справку. Главное, надобно узнать, за что̀ именно онъ былъ удаленъ, тогда и увидимъ все дѣло. Что же касается до Совѣта, гдѣ, по твоему, должны бы разбираться всѣ жалобы на несправедливыя рѣшенія и опущенія депертамента, то это уже мое дѣло, передавать ли таковыя дѣла Совѣту на разсмотрѣніе или не передавать. Что̀ предоставлю Совѣту, то пусть онъ и дѣлаетъ; когда ничего не передаю, пусть онъ бездѣйствуетъ. Впрочемъ, подумалъ я, и по смыслу словъ закона министерскій совѣтъ есть ничто иное, какъ психическая толчея, въ которую, естьли главноначальствующій подсыплетъ или подброситъ нѣсколько горстей прогорклыхъ департаментскихъ зеренъ, вотъ жернова тогда замелютъ, песты заколотятъ, ветхія крылья вѣтерановъ расходятся... Par dessus le marché вотъ, что̀ я тебѣ скажу, промолвилъ князь. Вижу, что тебѣ жаль бѣдняка; но хотя участи его перемѣнить нельзя, однако все-таки повторяю: я велю справиться на счетъ его поступка и рѣшенія департаментскаго, а между тѣмъ, на первый случай, сколько тебѣ надобно денегъ, чтобъ помочь ему? Повѣрь мнѣ, я охотно это исполню. Назначай, сколько? Ничего не надобно, ваше сіятельство, отвѣчалъ я князю. Бѣдный почтмейстеръ и его несчастное семейство не будутъ успокоены отъ временнаго пособія. Вотъ вамъ записка о немъ, дѣлайте что̀ хотите и какъ знаете.

Потомъ разговоръ завязался и о моихъ правахъ на первый разрядъ. Князь на это сказалъ, что уже этимъ дѣломъ занимается Гаврило Степановичъ, который и объявилъ князю, что будто я ему объ томъ уже говорилъ; но я не объяснялся съ нимъ вовсе и, не показавъ предварительно бумаги моему второму на землѣ провидѣнію, то есть князю, никогда не рѣшусь ни съ кѣмъ прежде о томъ говорить.

Остались три казуса накопленныхъ у меня дѣлъ для показанія князю. Первое о дочери одной бѣдной вдовы умершаго священника отъ холеры. Государыня чрезъ своего статсъ-секретаря Вилламова отказала помѣстить ее въ Смольный монастырь. Князь милостиво

вызвался вновь о томъ доложить Императрицѣ по ея возвращеніи изъ Москвы. Второе дѣло: бѣдный дьячекъ нашей почтамтской церкви и его многочисленное семейство желали бы нѣкотораго денежнаго пособія, и на это князь охотно согласился и даже самъ взялъ трудъ вписать въ свою памятную книжку имя, отчество и фамилію дьячка, чтобы сдѣлать ему возможно значительное пособіе. Наконецъ третье: сердцу моему нужно было потѣшить Костромскаго прокурора Протасьева. Старику захотѣлось звѣзды, а старикъ этотъ добрый старикъ. Я осмѣлился попросить милостиваго ходатайства ему у князя предъ министромъ юстиціи Дашковымъ, и для того прочиталъ изготовленную по сему случаю записку. Князь, со вниманіемъ выслушавъ записку, нашелъ, что въ ней были нѣкоторыя длинноты, и приказалъ мнѣ вновь ее переписать. Опасаясь, что мнѣ не удастся уже въ скоромъ времени опять попросить о томъ князя, и по внушенію пословицы: куй желѣзо покамѣстъ горячо, я оторвалъ излишне написанное и представилъ туже записку князю. Его сіятельство замѣтилъ, что въ этомъ оборванномъ видѣ записку неприлично передавать Дашкову и тутъ же сказалъ, къ величайшему моему удивленію, что онъ самъ ее перепишетъ и, отдавая министру юстиціи, отзовется о прокурорѣ, что онъ лично знаетъ старика Протасьева со стороны самой отличной. Мнѣ пріятно сдѣлать это для тебя, прибавилъ князь, и тѣмъ болѣе, что ты же знаешь всѣхъ этихъ людей, о которыхъ просишь. Что же касается до Сороконожки, или Куракина, то за это тебя благодарю усердно; истинно тебя много благодарю за это. Теперь прощай; передай мое нижайшее и усердное почтеніе женѣ твоей и тетушкѣ.

Окончаніе нашего разговора сдѣлалось для меня нѣсколько свѣтлѣе, тогда какъ начало онаго былъ совершенно огнистый шеолъ для моего духа, и не менѣе какъ тотъ шеолъ въ центрѣ земли, о которомъ недавно только что читали мы съ княземъ. Что̀ происходило тогда въ моемъ духѣ, когда я слушалъ первый soliloque его сіятельства! Что́ происходило въ моемъ сердцѣ, когда я видѣлъ въ послѣднихъ его дѣйствіяхъ эту, въ нѣкоторомъ смыслѣ, изысканную, но нѣжную методу одолжать меня!

О князь, думалъ я, или вы не изчерпали моего бѣднаго сердца, или взглядъ мой на Петербургскую службу былъ невѣренъ. Нѣтъ чистаго апоѳеоза въ мірѣ: вездѣ есть скорби; но вездѣ есть и отрада. Въ книгѣ Добротолюбіе припомнилъ я старое словцо: *радосто-печаліе*; съ этимъ-то радосто-печаліемъ поплелся и я отъ князя. Вышедши на вольный воздухъ и сѣвши въ скромную мою колымажку, тихонько отправился я во своияси. Воспоминаніе горячими письменами врѣзывало

слова княжескія въ мою душу. Правъ ли былъ князь, обнаруживая такія понятія; былъ ли и я правъ, настаивая на моихъ резонахъ? Здѣсь завязался нешуточный уже споръ между двумя соперничествующими во мнѣ сторонами, между разумичнымъ моимъ человѣкомъ и человѣкомъ умнымъ.

Разумичный человѣкъ. Эхъ, братецъ, охота тебѣ докучать князю своими настояніями! Ты видишь, какъ онъ все это принимаетъ; благо если менажируютъ тебя, остановись! Пользуйся тою мѣркою вниманія, какую даютъ, и не входи въ области тебѣ не принадлежащія. Vous êtes un intrus, любезный другъ, а думаешь видѣть вещи всѣхъ чище. Нельзя, чтобъ ты не замѣтилъ, какое князь тебѣ даетъ направленіе. Иди-же по этой половицѣ, которая тебѣ указана. Не послушаешь совѣта моего, увидишь, что будешь пѣнять самъ на себя. Гдѣ тебѣ переиначить складку ума и воли князевой, складку, сдѣланную въ продолженіе всей его огромной и продолжительной служебной карьеры, и которую онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже считаетъ своимъ эклектизмомъ? При томъ есть еще новая для тебя опасность, о которой ты и не подумалъ: тайная или заслоненная мысль князева была всегда та, чтобъ не быть никѣмъ водиму, кто бы таковъ онъ ни былъ. Эта его мысль есть у него мысль по превосходству, и вотъ, неужели ты не видишь, что и въ этомъ случаѣ квасной твой патріотизмъ и рыцарское ревнованіе залетаютъ слишкомъ далеко? Обрызгавъ другихъ своею мнительностію и думая, что она вдругъ осадитъ волю князеву и перемѣнитъ ее на противную, ты нехотя показываешь, что ты уже собираешься какъ бы водить его; по крайней мѣрѣ кліентель, окружающая князя, непремѣнно сдѣлаетъ это заключеніе; и каково бы оно ни было, оно всегда правильно, ибо въ службѣ нѣтъ другой логики.

Самолюбіе человѣческое, мой милый, очень тонко, и почему знать, что таковая твоя ревность къ истинѣ и справедливости не скрываетъ въ себѣ или частнаго чувства личной досады, или поисковъ на званіе почтамтскаго Аристида. Хорошо предъ другимъ кѣмъ либо, а не предъ княземъ выставлять такую алчбу твою къ служебной правдѣ; между тѣмъ какъ ячество, котораго такъ въ тебѣ много, оставлять за кулисами. Князя ты не поддѣнешь, любезный другъ: этотъ человѣкъ большую часть своей жизни посвятилъ, такъ сказать, на оглядку около себя. Самъ Промыслъ поставилъ его въ центрѣ этой обширной столичной лечебницы, гдѣ онъ могъ на досугѣ наблюдать и изучать всѣ категоріи болѣзней души человѣческой. А ты кто таковъ, чтобы могъ сказать что нибудь новое князю? Между тѣмъ нельзя тебѣ не замѣтить, что ты ему наскучиваешь; да и онъ уже тебѣ четыре раза о

томъ намекалъ. Эти намеки, зная систему и методу князя, зная какой вѣсъ онъ усвоиваетъ всѣмъ словамъ своимъ, суть уже не просто намеки, а предостереженіе или даже самыя угрозы. Кромѣ того, вотъ еще что тутъ есть, но о чемъ тебѣ одному только могу сказать, и то на ушко. Всмотрись-ка хорошенько въ своего князя! C'est un homme d'habitude, mon cher ami; навыки пустили большіе корни въ его сердцѣ; самочувствованіе утвердило его въ томъ, что, если онъ что сдѣлалъ, то уже сдѣланное имъ и обдумано; колебаться или дробиться въ рѣшеніяхъ однажды принятыхъ и утвержденныхъ лицомъ его званія, лицомъ, какъ ты и самъ знаешь, немаловажнымъ, значило бы проявить и предъ публикою, и предъ собою шаткую подвижность ума, незрѣлость и неувѣренность мышленія въ особѣ друга царева, мужа совѣта, вѣрной копіи боярина Матвѣева, не ожидавшаго и не желавшаго за дѣла своей справедливости мзды или награды, какъ бы она велика или славна ни была. Вглядись, говорю, въ князя: ты усмотришь, кромѣ навыковъ, которые такъ глубоко проборороздили все его существо; ты усмотришь, говорю, еще и лѣта смежныя съ недугами, смежныя съ неудобствами. Здѣсь князь похожъ на того Израильтянина, который уже переноситъ временную кущу свою на легкѣ; нѣтъ въ немъ той юной подвижности, потраченной имъ для подвиговъ службы и для двора; надобно даже имѣть бодрость въ физическихъ силахъ, чтобъ рѣшаться расшевеливать предъ собою всякую служебную помойную яму, этотъ клоакъ дѣлъ человѣческихъ, въ которую неоднократно, можетъ быть, сливали нечистоту и сгребали смрадный соръ. И повѣрь, другъ, что часто сливали въ эту яму, не столько по злобѣ или чему другому, сколько по немощи человѣческой, по незнанію дѣла, по неспособности. Знаю, что ты ригористъ и нападаешь на разумичнаго человѣка, вѣрнаго тебѣ доселѣ друга и товарища; но пожалѣй и его. Возьми съ одной стороны тысячи видоизмѣненій и предметовъ для соображенія, съ другой же немощи, недостатки, а иногда и усталость ума въ людяхъ, къ тому приставленныхъ; умѣй почтить въ этихъ послѣднихъ старинный тотъ адажъ, служащій и доселѣ мѣриломъ всѣхъ земнорожденныхъ: on fait ce qu'on peut, et non ce qu'on veut. Вотъ мои резоны; что ты на это мнѣ скажешь?

Умный человѣкъ. О, я тебѣ могу много сказать, господинъ филисофъ по стихіямъ міра; еще болѣе того: я покажу всѣ твои внушенія даже князю, и вотъ онъ самъ усмотритъ, что точка моего отправленія внѣ ихъ мнимой основательности. Сумма всѣхъ твоихъ доводовъ можетъ сложиться изъ этихъ немногихъ словъ Русской пословицы: носи епанчу по вѣтру. Вотъ та тема, на которую положилъ ты съ такою легкостію изложенія и съ такимъ обиліемъ сто и одну

варьяцію. Извѣстное правило (пусть все идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ, все равно) не можетъ быть мѣриломъ моихъ дѣйствій, дѣйствій, которыя я конечно прекращу, если то угодно будетъ князю. Да и какъ говорить мнѣ съ княземъ? Могу ли я свободно и не робѣя выражать предъ нимъ мои мысли, когда мнѣ надлежитъ доказывать собственно мнѣ принадлежащую теорію? Сказано и про Бога, что Онъ есть огнь поядающій и что неизрѣченное Его милосердіе стоитъ въ уровень и на одной степени со всеопровергающимъ Его ревнованіемъ. Князь есть тоже нѣкоторое подобіе для меня Бога, и въ этомъ случаѣ далеко, чтобъ это было богословскимъ для него комплиментомъ. Какъ мнѣ говорить князю, повторю, когда есть вещи, гдѣ я долженъ утверждать свою теорію?

Разумичный человѣкъ. Какія же бы это были вещи? Скажи: я нетерпѣливъ ихъ выслушивать.

Умный человѣкъ. Вотъ возмемъ напр. дѣло о бѣднякѣ N, и по необходимости: revenons à nos moutons. Оставимъ уже причину, почему губернскій начальникъ вытолкалъ его изъ службы; взглянемъ только на неправильность судопроизводства надъ нимъ высшей коллегіи, и что́ же мы усматриваемъ? Вопіющее и непростительное равнодушіе, чтобъ не сказать чего другаго. Организація департаментовъ составлена правительствомъ прекрасно; но я скажу на это словами же князя, или лучше словами Екатерины изложенными собственною рукою мудрой Императрицы въ записной ея дорожной книжкѣ, хранящейся нынѣ у князя; скажу, повторяю, этими священными словами, что нѣтъ пользы и въ самыхъ мудрыхъ законахъ, когда не соблюдаются нравы. Всякій департаментъ есть какъ бы маленькій гражданскій легіонъ, на манеръ Римскаго; разныя категоріи гражданскихъ устроеній приведены здѣсь къ общему знаменателю. Лица, отдѣльно дѣйствующія по разнымъ направленіямъ, споспѣшествуютъ совокупно къ единству цѣлаго; цѣлое же составляетъ отдѣльный міръ служебностей, которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, образуютъ и гражданское устройство цѣлой Имперіи. Въ департаментахъ каждый интегралъ власти опредѣленъ закономъ, всякое лицо имѣетъ и носитъ свое право. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько практическихъ аппликацій и приспособимъ ихъ къ каждому изъ департаментовъ; положимъ, что въ одномъ изъ оныхъ встрѣтился какой нибудь частный случай, хотя напримѣръ о какомъ нибудь чиновникѣ, котораго слѣдовало разсмотрѣть служебное поведеніе, и вообразимъ, что вслѣдствіе этого начальнику отдѣленія по слѣдственной части велѣно сообразить все дѣло. Онъ, добросовѣстно сдѣлавъ требуемое соображеніе, представляетъ мнѣніе на усмотрѣніе своего директора; еслибъ директоръ не согласился съ таковымъ изложеніемъ, то мнѣніе началь-

ника отдѣленія, съ изъясненіемъ своего, директоръ повергаетъ на высоконачальническое усмотрѣніе министра, и вотъ верховная уже власть всего вѣдомства зарѣшаетъ, какъ быть дѣлу. Если бы министръ нашелъ сомнѣніе въ предлагаемомъ ему отъ директора дѣлѣ, онъ имѣетъ всякое право передавать таковое въ Совѣтъ, разсматривающій и ревизующій, по волѣ министра, всѣ уклоненія департамента, когдабъ таковыя случились. Закономъ повелѣно, чтобъ мнѣніе первой эксплорацiи дѣла, т.-е. начальника отдѣленія, ни въ какомъ случаѣ не было уничтожаемо, кольми паче вырываемы бы были изъ онаго конечные результаты соображенія; ибо законъ предвидѣлъ, что предъ мощнымъ лицемъ министра могутъ предстать только три вида объясняющіе дѣло: то есть субъектъ обвиняемый и, можетъ быть, два различныя мнѣнія его судопроизводителей. Даже законъ хотѣлъ облегчить человѣческія дѣйствія самого министра, представляя ему три эти вида дѣла, изъ коихъ одно подставляется робкимъ голосомъ обвиняемаго въ свою защиту, второе перваго своего изслѣдователя, а третье и полуокончательное о томъ мнѣніе самого начальника департамента. Приложимъ эту теорію, не метафизическую, не грезу воспаленнаго воображенія, но существенную, составляющую одинъ изъ основныхъ законовъ нашей Имперіи, приложимъ, говорю, къ бѣдняку N, и тогда ясно увидимъ, что поступлено съ нимъ было самоуправно и нечисто. Директоръ точно представилъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ выгнать бѣдняка безъ оглядки изъ службы, но вмѣстѣ съ этимъ приложилъ ли онъ и противное ему мнѣніе начальника отдѣленія? Если приложилъ, то сказаны ли въ этомъ мнѣніи тѣ милостивыя слова, что по снисхожденію къ его бѣдному, при значительномъ семействѣ, состоянію, можно бы его опредѣлить на вакансію почтмейстерскаго помощника, какъ онъ и самъ того желаетъ (это точныя слова мнѣнія начальника отдѣленія)? Если слова эти сказаны, то доброта нашего князя непремѣнно бы подвинулась или ухватилась за это послѣднее мнѣніе, ибо оно въ пользу человѣка бѣднаго, столь близкаго его сердцу, и тогда нашъ несчастный труженикъ былъ бы спасенъ, жена его не умерла бы отъ горести, а бѣдное семейство не роптало бы ко Господу, Который всегда обращаетъ ропотъ этого рода въ грѣхъ, вопіющій на небо. Я сложилъ все это въ духѣ и осмѣлился сказать объ этомъ князю... Я не раскаиваюсь... Я не считаю уже за нужное говорить о другихъ двухъ случаяхъ.

Разумичный человѣкъ. Все бы хорошо, но точно лучше молчать.

Тутъ опять вновь хотѣлъ распространяться этотъ разумичный человѣкъ; но колясочка уже подъѣхала къ моему дому, и я съ радо-

сто-печаліемъ взошелъ въ Іосафатову мою долинку, въ темный свой кабинетецъ. Мысли мои были мрачны и унылы; но сердце горѣло и умъ мой былъ свѣтелъ, совершивъ подвигъ, за который не упрекала совѣсть.

*

Вскорѣ къ сестрицѣ *) пришелъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, нѣкогда любимый въ Россіи писатель, издатель «Русскаго Вѣстника», переводчикъ Юнговыхъ Ночей, слагатель отечественной исторіи, драматургъ, поэтъ и все чтó вамъ угодно. Разныя скорби, неудачи и несчастія выгнали его изъ службы и изъ Москвы, обремененнаго нищетою и многочисленнымъ семейством. Князь вступился въ положеніе бѣдняка и выпросилъ ему отъ щедротъ царскихъ значительный пенсіонъ. Нынѣ Глинка проживаетъ въ Петербургѣ и издаетъ свои Мемуары. Онъ оригиналъ и добрый брюзга; пригрѣтый солнышкомъ князева расположенія, онъ частенько открывалъ разныя поэтическія претензіи на милость царскую, и князь добродушно ему во всемъ способствовалъ, называя успѣхи ревностнаго своего покровительства особеннымъ счастіемъ Глинки, которое будто бы непосредственно текло на него отъ щедротъ Божіихъ, между тѣмъ какъ скрытый проводникъ этой ключевой воды былъ самъ князь. Старикъ обрадовался, нечаянно увидя своего благодѣтеля у сестры, и очень былъ радъ прочитать ему экспромтъ сердечнаго хваленія. Князь отпустилъ насъ по домамъ, позволивъ однако мнѣ зайти къ сестрицѣ, куда и самъ сбирался; ибо она по причинѣ болѣзни не выходила изъ своей комнаты.

*

Князь, чувствуя себя въ пріятномъ расположеніи духа, указалъ намъ на рукопись переплетенную по старосвѣтски. Рукопись эта есть дворцовая запись, въ которой обыкновенно ведутъ перечень внѣшнимъ происшествіямъ во дворцѣ случающимся: кто обѣдалъ, кто имѣлъ пріѣздъ, какія отправляемы были торжества и проч. и проч. Подобныя записи составляться стали со временъ Анны Іоанновны, и эта-то самая тетрадь и лежала предъ глазами князя.

Онъ имѣлъ духъ и терпѣніе исподоволь прочитывать всѣ эти записи со времени ихъ установленія до самыхъ свѣжихъ или новыхъ. Бывали такія книги этого содержанія, которыя только что однимъ именемъ его были наполняемы, особенно въ тѣхъ годахъ, гдѣ описывались происшествія Александровы; ибо petit comité тогдашняго времени или столы царскіе въ троемъ всегда вмѣщали и нашего князя...

*) Т.-е. къ сводной сестрѣ князя Голицына, дѣвицѣ Е. М. Кологривовой. П. Б.

Но у меня стала уставать рука, и я стяну мой разсказъ въ одни заглавія.—Почему эта дворцовая запись взята княземъ. Справка по ней о лѣтахъ Плещеевой. Свадьбы: герцога Лотарингскаго на дочери Римскаго императора; Нѣмецкаго какого-то барона на комъ-то. Князь разсказываетъ о старыхъ свадьбахъ, которыя уничтожились со вступленіемъ на престолъ Екатерины. Она велѣла, чтобъ показать обрядъ кому-то, сдѣлать одну образцовую такого рода свадьбу. Танецъ съ факелами, столъ, сѣдалище подъ балдахиномъ или наметомъ изъ цвѣтовъ. Молодый лѣзетъ по столу, дабы сорвать свадебный вѣнецъ изъ цвѣтовъ. Въ это время гости, какъ стадо журавлей, стоятъ въ вертикальномъ положеніи. Невѣстъ изъ фрейлинъ обыкновенно одѣваютъ сами императрицы. Слово шутихи Анны Даниловны Екатеринѣ, почему не поютъ молодой свадебныхъ пѣсенъ, отъ которыхъ бы она заплакала.—Павелъ въ Москвѣ.—Далматикъ, родъ стихаря. Воскрылія рукавовъ широкія, подолъ обшитъ жемчужною сѣткою; на груди крестъ и сзади также кресты жемчужные. Павелъ ходитъ по церквамъ. Манера его походки, представленная княземъ. Манера его сиповатаго голоса, тоже очень хорошо представленная княземъ. Репрезентація въ далматикѣ, подъ которымъ мундиръ и Прусскіе ботфорты. Слово Елисаветы князю на счетъ цѣлованія дамами руки у Павла; это уничтожено со времени Александра. Раболѣпство Волконскаго доставить Павлу какъ можно болѣе случаевъ, чтобъ цѣловали его руку. Сожалѣніе обнаруженное Государемъ, что у него рука не пухнетъ какъ у Екатерины отъ многихъ и частыхъ поцѣлуевъ. Эффектъ сидѣнія на престолѣ въ далматикѣ, мантіи со скипетромъ и державою въ рукахъ. Темпъ или комическо-граціозное тѣлодвиженіе Павла скипетромъ при соизволеніи принять аудіенцію. Грѣхъ случившійся съ одною дамою при представленіи: у нея спали фижмы въ то время, когда она цѣловала руку. Московскій дилетантъ, безобразная фигура подъ кличкою статскаго совѣтника, своею охотою вызывается подходить съ блюдами и кушаньемъ къ престолу, припадать на колѣно и передавать блюдо оберу, и весь этотъ трудъ для того, чтобъ сказали, что онъ участвовалъ въ обрядахъ коронованія.

*

Являюсь къ князю въ исходѣ перваго часа; между тѣмъ Василій Ѳедоровичъ Янъ ожидаетъ насъ въ пріемной комнатѣ. Князь не хотѣлъ со мною заняться обычнымъ дѣломъ, прежде чѣмъ не приметъ пришедшаго со мною. Каково ему покажется, если онъ будетъ насъ дожидаться? сказалъ князь. Князь встрѣтилъ Яна милостиво и откро-

венно. Предшествовавшая служба Яна подала поводъ къ разговору. Князь способствуетъ основанію въ Москвѣ Человѣколюбиваго Общества. Составляетъ до 800 проектовъ, воззваній къ дворянству. Это началось во время личнаго пребыванія князева въ Москвѣ въ 1817 году. Курьеры сейчасъ же разнесли всѣ воззванія по городу. Смѣшныя недоразумѣнія со стороны получившихъ таковыя письма отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Ошибки провинціальнаго опасенія съ самолюбіемъ; иногда жены служили совѣтомъ и проводникомъ въ пользу филантропіи. Результатъ тысяча рублей. Приношенія были по 2000 р. и болѣе. Одна особа просила князя посѣтить домъ ея; она показала ему два своихъ заведенія, мужеское и женское, которыя составила, дабы быть средствомъ къ прочному образованію дѣтей своихъ; она внесла 2000 р. Въ скоромъ времени сборъ простирался до 130 тысячь рублей.

Бойкость князева усвоить 30000 рублей купеческихъ денегъ, которыя приготовлены были на издержки предполагаемаго бала для императора Александра. Стачка объ этомъ предметѣ князева съ Царемъ. Балъ не существуетъ, и деньги поступаютъ къ князю. Князь дѣлаетъ предложеніе купечеству и, послѣ нѣкоторыхъ противорѣчій головы, сбирается еще купечествомъ на этотъ предметъ отъ восьми до десяти тысячъ. Разсказъ князя объ отставномъ штабсъ-капитанѣ, въ послѣдствіи вице-президентѣ Московскаго Человѣколюбиваго Общества. Отставный, онъ помѣщается въ комитетъ разбирать поступившія на имя царское челобитныя во время коронаціи вмѣстѣ съ покойными Кикинымъ и Дмитріевымъ. Синонимія наградъ: сообразно Владимирскому крестику—домашняя церковь; если въ уровень съ наградою Кикина, то таже церковь съ подвижнымъ антиминсомъ; если же сравнить награду съ пожалованною Дмитріеву (ибо всѣ трое имѣли одинакое служеніе), тогда слѣдуетъ церковь съ подвижнымъ антиминсомъ и уже переносная. Князь все это литерально довелъ до свѣдѣнія Государя, и дали просящему послѣднюю награду, т. е. высшую. Князь Серг. Мих. не умѣлъ сохранить этого достойнаго человѣка, который съ неутомимостію юноши обходилъ и обревизовывалъ по три квартала бѣдныхъ и дѣлалъ это за отсутствующихъ членовъ. —Библейское общество въ Россіи. Ревность членовъ Петербургскаго комитета; примѣры тому члены: Лѣнивцовъ и Тамара. Библейское общество уничтожается, и дѣла передаются Синоду. Это вызвало изъ Англіи одного квакера, который пріѣхалъ въ Петербургъ посмотрѣть на Государя. Образъ жизни квакера въ Петербургѣ. Нечаянныя его встрѣчи съ княземъ. Квакеръ говоритъ князю: Всякое дѣло Божіе производится здѣсь руками человѣческими; основаніе пропаганды библейской

конечно было гранитъ, т. е. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но воздвигаемое на немъ зданіе не всегда прочно слагаемо было: и крѣпкая плинѳа, и гнилой лѣсъ вносимы были въ эту духовную постройку. Здѣсь квакеръ хотѣлъ аллегоріею изобразить не всегда чистое побужденіе дѣйствователей въ этомъ благочестивомъ подвигѣ, но часто и игру мелкихъ расчетовъ человѣческаго честолюбія, облекающаго и подвигъ благочестія въ средство и пищу для страстей своихъ. Упало это построеніе, говоритъ квакеръ, и не сильтесь, благородный князь, поднимать или возобновлять его болѣе. Знайте, что дѣло Божеское тогда только упадаетъ по неисповѣдимому Его промыслу, когда произведетъ все, чтó нужно ему было сдѣлать въ племенахъ человѣческихъ; если усиленная и слѣпая воля людей и могла бы изъ разрушеннаго сдѣлать обновленіе и направить къ новому дѣйствію, но это усиленное направленіе было бы однимъ лишь пустоцвѣтомъ. Слово Божіе, идея Его, пущенная Имъ въ человѣчество, вѣрьте мнѣ, не возвратились предъ очи Его тощими; и это слово и эта идея у Господа уже болѣе не повторятся. Охранительный Его Промыслъ, найдетъ конечно въ сокровищницѣ своей премудрости тысячу равносильныхъ средствъ различить обычное обиліе даровъ своихъ; но явившееся по волѣ Его и по той же волѣ угаснувшее заведеніе не повторится болѣе въ Россіи. Таковъ уже законъ богоуправленія.

Князь докладываетъ не безъ опасенія о квакерѣ Государю. Александръ сказываетъ князю, что онъ получилъ объ немъ донесеніе отъ тайной полиціи. Государь принимаетъ квакера и часовъ около двухъ съ нимъ занимается. Отзывъ квакера о Государѣ. Подарокъ и требованіе подарка. Надпись карандашомъ мастикою у квакера. Вновь свиданіе у квакера съ Государемъ. Князь прощается съ квакеромъ. Пожатіе руки похожее на то, когда Англичане выходятъ боксомъ другъ противу друга. Разговоръ о Фотіи. Встрѣча Яна съ Фотіемъ. Припадокъ меланхолизма. Свиданіе въ Юрьевомъ монастырѣ. Тоскливая и сильная молитва. Холодный ореолъ похожій на электрическій или фосфорный. Трескъ невидимыхъ каменьевъ, какъ бы разсыпавшихся изъ мѣшка; дрожаніе или колебаніе окончинъ. Графиня Орлова убѣгаетъ отъ страха. Фотій кладетъ Яна навзничъ и спрашиваетъ, умеръ ли онъ. Мнѣніе князево о Фотіи. Авто-дафе письмà Александры Петр. Проклятіе, заклинаніе и забросъ онаго на люстру, въ послѣдствіи развѣяніе и праха письменнаго. Посѣщеніе Государемъ (*) въ прошломъ годѣ Юрьева монастыря, устройство монастыря и встрѣча Фотіемъ Государю. Запутывается въ своей мантіи, которую велѣли ему снять (цвѣтной подрясникъ), и протягиваетъ

(*) Т. е. Николаемъ Павловичемъ. П. Б.

свою лапу Государю. Государь не заходитъ въ его кельи. По пріѣздѣ въ Петербургъ дѣлается предписаніе об.-прокурору вытребовать Фотія въ Петербургъ и отдать его для науки, какъ встрѣчать Царя, намѣстнику здѣшней лавры Палладію.—Мысли князя о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Разсказъ о своемъ родномъ племянникѣ, почти обращенномъ іезуитами въ католицизмъ. Племянникъ на Пасхѣ гоститъ у Логина Ивановича Кутузова, дяди съ матерней стороны. Онъ не подходитъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье ко кресту. Объясненія дяди съ племянникомъ. Отсылаютъ мальчика къ князю. Объясненія съ княземъ. Казанская Богородица не настоящая. Фанатическія понятія мальчика. Князь объявляетъ ему, что уже болѣе не отправитъ его въ іезуитскій коллегіумъ. Мальчикъ ударяется притворно объ полъ. Требуетъ суда и мученическаго осужденія за имя папы. Князь отправляетъ его къ Кутузову и между тѣмъ доноситъ Государю и даетъ знать родителямъ. Князь призываетъ къ себѣ іезуитскаго генерала. Смѣшная апологія генерала, будто бы мальчикъ невольно увлекся католицизмомъ, желая обратить къ православію одного матераго ксендза изъ іезуитовъ, проживавшаго въ кастѣ до двадцати лѣтъ священникомъ. Родители недовольны мѣрами князя. Мать систематически растлѣваетъ юношу. Юноша притворяется и повѣреннымъ тайныхъ своихъ чувствъ дѣлаетъ князя. Князь направляетъ дѣйствіе родителей, но обличая однакожъ сдѣланой ему довѣренности. Родители не слушаютъ и отправляютъ юношу въ Римъ. Практическая жизнь духовенства въ Римѣ разочаровываетъ юношу отъ католицизма. Съ нимъ тоже случилось, что̀ съ Мартыномъ Лютеромъ. Филаретово сочиненіе: бесѣды православнаго съ неправославнымъ, сложено нарочно для этого случая.—Князь дѣлаетъ прелестный апологъ мнѣніямъ своимъ о разныхъ видахъ богопочтенія наружнаго. Вотъ, говоритъ онъ, одинъ почтенный старецъ, глава многочисленнаго семейства, собралъ нѣкогда своихъ дѣтей предъ очи свои. Любезныя дѣти, говоритъ имъ старецъ, берите отъ меня денегъ сколько хотите и купите на оныя извѣстное количество очищеннаго руна или волны убѣленной какъ снѣгъ. Я люблю волну, продолжалъ старецъ, изображающую мнѣ символъ смиренія и невинности человѣческой и хотѣлъ бы, чтобы вы, любезныя мои дѣти, сшили каждый для себя платье, какое кому по мысли; мнѣ нѣтъ нужды до покроя, но я желалъ бы только, чтобъ передняя часть тѣла вашего, чтобъ милая грудь ваша наглухо закрыта была этою очищенною и убѣленною какъ снѣгъ волною. Дѣти исполнили по приказанію старца, и всякій изъ нихъ сшилъ себѣ платье по своему хотѣнію и разумѣнію. Одинъ изъ сыновей покрылъ себя хитономъ важнымъ въ размѣ-

рахъ, величественнымъ въ покроѣ; другой счелъ за нужное сшить себѣ изъ волны кургузый Французскій сертучекъ; третій долгополый неуклюжій Англійскій бекешъ и приставилъ къ нему щетинистый воротникъ; четвертый сшилъ изъ шкуры нечистаго звѣря кургузую жакетку, это казалось ему полегче и показистѣе. Вотъ все семейство сошлось и собралось, наконецъ, въ свѣтлицу, пріуготовляясь на пиръ, обѣщанный послѣ обновъ мудрымъ ихъ отцомъ. Старецъ позамедлилъ немного выходомъ своимъ, дабы пригласить ихъ, а сыновья между тѣмъ осматривали другъ у друга различные свои костюмы; сперва просто смотрѣли, потомъ стали озираться, потомъ критиковать другъ у друга наряды, потомъ упрекать и смѣяться другъ надъ другомъ, а наконецъ, озлобившись и выдя изъ терпѣнія, уже пустились и драться между собою, раздирая и марая свои обновы. Наконецъ, отецъ выходитъ, пиръ готовъ, и дѣти, можетъ быть неумиротворенныя, всѣ совокупно садятся за трапезу со своимъ родителемъ. Дѣти, любезныя дѣти мои, сказалъ старецъ, замѣчаете-ли, что покрой платья вашего, для котораго вы столько надсадились, почти и не примѣченъ за общею трапезою; чистое руно на груди и сердцѣ вашемъ еще осталось, а это и было единственнымъ условіемъ моего родительскаго пожеланія; стоило-ли же вамъ такъ много заботиться и надрываться о различіи покроя? Что̀ князь хотѣлъ намъ сказать этою притчею, мы совершенно то поняли и не знали, чѣмъ любоваться, ловкимъ-ли апологомъ столь удачно развивавшимъ самобытную идею князя, или этимъ невыразимымъ простодушіемъ, этою очаровательною граціею, которыя князь умѣетъ придавать всѣмъ своимъ разсказамъ, когда онъ бываетъ одушевленъ и въ свободномъ расположеніи духа. Свѣтлая эта терпимость князя не есть у него индеферентизмъ, но она проистекаетъ просто изъ любящаго сердца, безъ претензіи на похвалу людскую, безъ требованія отъ толпы одобренія. Князь отпустилъ Яна съ доброхотствомъ и достоинствомъ, далъ ему прочитать любопытный переводъ Іова и вѣроятно наполнилъ сердце его свѣтлыми чувствами зародившейся къ нему преданности и глубокаго уваженія. По уходѣ Яна мы начали заниматься своимъ дѣломъ, т.-е. я сталъ читать князю три прошедшія меморіи, а его сіятельство слушать. Мои брульоны почти составляли восемь или девять листовъ мелкаго письма; это было трудненько и не для князя, а я еще имѣлъ гаменство неоднократно напоминать ему, чтобъ прилежнѣе слушалъ. Князь замѣтилъ мнѣ о нѣкоторыхъ моихъ несообразностяхъ, зачѣмъ напримѣръ вводить триніяльность и безъ того уже въ разумноженный разсказъ, не нужно было писать о жалованьи канцлера и тому подобную пустошь. Кажется, не нужно также, продолжалъ князь, и дѣлать столь продолжи-

тельную вытяжку изъ обычныхъ нашихъ чтеній: они вѣрны у тебя эти извлеченія, и я удивляюсь твоей способности, но они не могутъ не утомлять тебя, и во всякомъ случаѣ разсказъ ихъ праздненъ, ибо каждый можетъ прочитать объ этомъ въ печатныхъ книгахъ. Сперва я не согласился съ княземъ, но, сидя въ коляскѣ, я передумалъ мое мнѣніе и нашелъ замѣчаніе его дѣльнымъ и справедливымъ. Чтеніе между тѣмъ продолжалось; князь давалъ мнѣ знать, что пора мнѣ и обѣдать, спрашивая, въ которомъ часу это у насъ дѣлается, не осердится-ли жена моя на меня, что я такъ долго заставляю ее ждать и проч. и проч. Къ этой идеѣ князь подходилъ неоднажды и съ разныхъ сторонъ. На языкѣ княжескомъ это означало уже полное нетерпѣніе, но въ порывахъ моего авторскаго махіавелизма я и не думалъ замѣчать, какъ проголодавшійся темпераментъ моего ближняго страдалъ и отъ скуки, и отъ голода. Князь выносилъ это самоотверженіе съ рѣдкимъ стоицизмомъ и кротостью; наконецъ. желанная минута избавленія для него наступила, и вотъ его сіятельство въ тотъ же моментъ вскочилъ со стула, бросился искать своей палки и au beau milieu моего разсказа съ замѣтнымъ удовольствіемъ отпустилъ меня отъ себя. Нетерпѣніе его, возросшее въ maximum развитія, очевидно было и по тому, что рѣдкія и собственной руки его документальныя бумаги отдалъ мнѣ по моему требованію безъ всякаго отлагательства и противорѣчія. Такъ я усидѣлъ моего вельможнаго начальника; такъ Демьянова уха моя сдѣлалась ему приторна, и онъ буквально, по словамъ Крылова, схватилъ въ охапку только не кушакъ, а палку и въ туже минуту уѣхалъ на обѣдъ къ Нессельроде.— Здѣсь кстати замѣтить, что князь любитъ, какъ говаривала Екатерина Премудрая, всѣ роды, кромѣ скучнаго, и пропалъ я, если моя prolixité у него на одной полоскѣ со скукою. Вялость и скука противны ему и въ любезномъ ему человѣкѣ. Надобно было видѣть, какъ князь недавно, такъ сказать, перепугался, усмотря, что почтенный С. Н. Глинка не на шутку принялся разсказывать ему о болѣзни своихъ домочадцевъ.

*

Однажды случилось, что кто-то имѣлъ продолжительный разговоръ съ Павломъ (врядъ не Левашовъ-ли), но ничего изъ него не понялъ, а только лѣпился одиѣми лишь неопредѣлительными фразами и работалъ тѣлодвиженіями; точка съ запятою Павлова періода ограничивалась у царя поднятіемъ перстовъ въ верхъ, а у этого господина точка и тире означались опусканіемъ пальцевъ въ низъ. Вотъ къ этимъ собесѣдникамъ подходитъ Императрица, которой Павелъ гово-

ритъ, указывая впрочемъ своему собесѣднику: вотъ и она съ нами согласна. Еслибы по несчастію, сказывалъ этотъ собесѣдникъ князю, Государыня спросила бы меня или завела разговоръ со мною, я бы сгорѣлъ со стыда и охладѣлъ бы отъ страха, не зная, что̀ отвѣчать ей, ибо я совершенно не понималъ, что̀ разсказывалъ мнѣ Павелъ, хотя и долго говорилъ съ нимъ.—Въ Петергофѣ однажды отправлялись въ церковь, вдругъ киваетъ Павелъ князю, уже бывшему тогда камеръ-юнкеромъ и начинаетъ: Comment va le seigneur? Князь оробѣлъ.—Apparemment vous me boudez aussi comme tout le monde.—Князь справился, и все кончилось благополучно; это случилось за годъ до Московской его опалы.—Въ вечеръ, когда говорено было о блесткахъ, Павелъ получилъ анонимное письмо о лейбъ-гренадерскомъ полкѣ. Онъ ко всѣмъ придирался, ибо отставалъ тогда отъ Нелидовой и имѣлъ въ виду Чернышову.—Капризъ Павла къ актриссѣ Шевалье. Антреметтеръ князь Тюфякинъ. Она на содержаніи у Палена. Однажды Тюфякинъ шепнулъ на сценѣ Шевалье, и изгнаніе его было положено. Наговариваютъ Павлу. Исключаютъ изъ службы Тюфякина. Что ты у меня ничего не просишь? говоритъ Павелъ Александру. Александръ проситъ о Тюфякинѣ.—Сношенія князя съ Павломъ, когда еще былъ камеръ-пажемъ. Пародія епископа Арраскаго. Comment va mon seigneur? Прогуливается верхомъ съ Государемъ, и это въ 7 часовъ утра. Во время коронаціи въ Москвѣ производится въ камеръ-юнкеры. Желаніе Государя красоваться на парадѣ Московскомъ, ставя Семеновскій полкъ съ Александромъ въ захолустье. Павелъ входитъ нечаянно къ больному Александру во время присутствія князя.—Петергофскіе праздники. Прогулка князя въ верхнемъ саду съ Тюфякинымъ. Маскарадъ. Государь изъ кабинета, а князь предъ террасою балкона составляютъ изъ себя драматическіе эффекты. Князь благословляетъ Государя. Александръ и зрители террасы, равно и изъ-подъ террасы, недоумѣваютъ, что̀ за комедія происходитъ.—Французская кадриль. Павелъ остановился возлѣ князя. Заговорясь съ Государемъ, оставилъ Толстую, съ которою танцовалъ. Разсыпанныя крупныя и мелкія блестки; есть и мои, сказалъ князь. Не хорошо оставлять даму. Я желалъ бы быть косымъ, сказалъ князь. Я не люблю косыхъ, возразилъ Императоръ, я люблю прямыя дѣйствія въ людяхъ. Я радъ, что я не косъ, сказалъ князь. Не нужно было отвѣтствовать Государю, который любилъ иногда говорить энигмами или аллегоріею.—Государь отказываетъ и осерждается. Посылалъ дѣлать выговоръ Александру, который настаиваетъ о Тюфякинѣ. Павелъ отвѣчаетъ собственноручнымъ указомъ изъ Царскаго Села, въ которомъ назначена ссылка князю. Обо всемъ этомъ князь

получаетъ благовременно отъ Александра пространное увѣдомленіе. Отправляется къ генералъ-губернатору. Банальная фраза военнаго губернатора. Пріѣзжаютъ прощаться пріятели князя, въ томъ числѣ князь Дмитрій Владимировичъ. Сертучки Мальтійскіе. Письмо къ нему Александра. Смиренный домъ съ садомъ на Дѣвичьемъ полѣ. Возвращеніе изъ Москвы князя, не помню въ которомъ годѣ; встрѣчается генералъ-губернаторъ Московскій; вылѣзаетъ и его служебный образецъ изъ кибитки. Комендантъ Гессе добрякъ, но смѣшной оригиналъ. Однажды Павелъ, на Петербургскомъ дворцовомъ раутѣ, всталъ предъ княземъ и кѣмъ-то другимъ. «Мнѣ кажется, что я здѣсь въ безопасности».

*

Разговоръ нашъ начался о наградахъ; перемѣщеніе генералъ-адъютанта Головина изъ Варшавы въ главноначальствующіе надъ Грузіею подало поводъ князю сказать мнѣ нѣсколько любопытныхъ для современной исторіи подробностей объ этомъ довольно спѣшно идущемъ сановникѣ. Князь его лично знавалъ, и ему были открыты нѣкоторыя вещи, которыхъ толпа не подозрѣваетъ.

Головинъ, по мнѣнію князя, есть человѣкъ ума свѣтлаго, распорядительнаго, обдержимый волею энергическою, столь полезною въ управленіи. Но при таковыхъ счастливыхъ дарованіяхъ, въ немъ всегда замѣтна была какая-то жесткость, часто проявлявшаяся даже въ жестокость. Служа въ военной службѣ, онъ имѣлъ всю возможность оказывать жестокость свою надъ бѣдными солдатами; но не одни солдаты страдали, терпѣли много отъ оной и домочадцы, служители, управители; все это болѣе или менѣе претерпѣвало отъ его жестокости. Во времена еще блаженной памяти Александра случай навелъ Головина на извѣстную Татаринову, и вотъ эта женщина какъ-то умѣла усмирить львиное сердце Головина. Свидѣтели тому умиротворенные домочадцы, которые не могли довольно нарадоваться знакомству барина съ Татариновою; да и самъ Головинъ мнѣ даже признавался во первыхъ въ бывшей въ немъ жестокости, вовторыхъ въ умиротвореніи себя отъ совѣтовъ, внушеній и особеннаго водительства Татариновой. Эта госпожа была нѣкогда представительницею въ Петербургѣ секты такъ называемыхъ пророковъ или скопцовъ. Члены сего общества, чтобъ удержать вліяніе духа надъ плотію, должны были между прочимъ кружиться, но чего однакожъ Головинъ и не дѣлалъ, а начальница заставляла его вмѣсто того класть земные поклоны, которые онъ и исполнялъ: онъ клалъ таковыхъ поклоновъ, по его словамъ, тысячи

по три заразъ. Сперва мнѣ это было тяжело, говорилъ Головинъ князю, а потомъ я привыкъ, и мнѣ это отрадно и сладко казалось; въ себѣ же я чувствовалъ, что я становлюсь кротчае и мягче. Головинъ считался тогда на службѣ у великаго князя Николая Павловича, которому не нравилась близость его съ Татариновою; великій князь говорилъ объ этомъ императору Александру, тотъ призывалъ Головина, совѣтовалъ ему разъединиться съ Татариновою, сказывалъ ему, что недоволенъ тѣмъ братъ его и проч. Головинъ добросовѣстно признался Александру и въ своей бывшей жестокости, и въ той пользѣ, которую доставили душѣ знакомство и близкое его единеніе съ Татариновою. Государь, говорилъ Головинъ Александру, я по совѣсти не могу разстаться съ тою женщиною, которая была для меня видимымъ орудіемъ милосердствующаго о мнѣ Промысла. Великодушіе и справедливость Александра прекратили тотъ же разъ всѣ разысканія и спросы. Если ты точно и по совѣсти получаешь чрезъ посредство этой особы пользу душѣ своей, сказалъ ему Александръ, то я тебѣ позволяю продолжать съ нею знакомство и беру еще на себя упросить брата, чтобъ онъ не досадовалъ болѣе на тебя и не имѣлъ бы подозрѣнія. Дѣло тогда тѣмъ и кончилось. Головинъ продолжалъ и служить, и бить поклоны до вступленія на престолъ нынѣшняго Государя Императора. Николай, не знавшій достоинствъ Головина, вдругъ назначаетъ его генералъ-губернаторомъ въ Оренбургъ. Но Головину не хотѣлось разстаться съ Татариновою, и онъ не только что отказался отъ назначеннаго ему мѣста, но имѣлъ еще дерзновеніе подать Государю прошеніе, чтобъ уволить его и отъ генералъ-адъютантскаго званія. Не было примѣровъ, чтобъ отказывались отъ столь лестной для всѣхъ обязанности, каково генералъ-адъютантство при особѣ Императора. Государь увидѣлъ въ этомъ поступкѣ Головина и дерзость, и фанатизмъ; но онъ исполнилъ его желаніе, выпустилъ его въ отставку и сослалъ на житье въ Нарву. Головинъ отправился туда, можетъ быть съ веселымъ помысломъ исповѣдничества. Но время его образумѣло, и онъ успѣлъ и охолодиться, и одуматься.

Началась война съ Турками, и вотъ Головинъ пишетъ къ Государю письмо, гдѣ жалуется на недостатки, скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ и проситъ у Царя, какъ милости, позволенія вступить въ дѣйствующую армію противъ Турковъ. Государь охотно соглашается, даетъ ему позволеніе ѣхать въ армію, и вотъ Головинъ опять попадаетъ въ колею службы, которую однако съ честію отправляетъ во всю Турецкую кампанію. Государь остался имъ доволенъ и въ послѣдствіи назначилъ его въ Польшу, гдѣ онъ съ пользою занималъ и послѣднее свое званіе, изъ котораго теперь переведенъ волею Госу-

даря въ главноначальствующіе въ Грузію. Мнѣ извѣстно да и самъ Государь при мнѣ отзывался, что онъ доволенъ Варшавскою службою Головина. Одно что-то мнѣ только странно кажется въ Головинѣ, примолвилъ князь, что, бывши въ послѣдній разъ министромъ просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, ему вздумалось составить проектъ школьной инструкціи, гдѣ онъ рѣшился ввести въ школахъ обвѣтшалое, понудительное средство розги. По нынѣшнему времени это мнѣ кажется немножко и странно. Ничего тутъ нѣтъ страннаго, замѣтилъ я князю, а напротивъ дѣло очень хорошее: въ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ университетахъ не рѣдятъ дѣлать подобные инспекторскіе смотры даже самой аристократіи Англійской; а для нашихъ школьниковъ это даже необходимо.

*

Исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ Енгель предложилъ князю въ Государственномъ Совѣтѣ нѣсколько десятинъ земли чрезполосной, но это не состоялось; княгиня Анна Сергѣевна нашла землю около себя, на первый разъ десятинъ около одиннадцати, но оказалось менѣе; потомъ отъ Татаръ еще куплено десятинъ до двухъ; плачено по 1.000 рублей десятина. Чтобъ развести въ имѣньицѣ садъ, князь послалъ изъ Петербурга садовника Крамера, назначивъ ему значительное содержаніе. Теперь у него садовникомъ Французъ Савари.—У князя было имѣніе въ Тверской губерніи до 950 душъ, которое онъ продалъ Министерству Удѣловъ по 400 рубл. за душу. На постройку Кастеля и улучшеніе землицы князь употребилъ болѣе 100.000 рублей, продалъ свою Андреевскую бриллiантовую звѣзду, продавалъ нѣкоторыя подаренныя ему табакерки съ бриллiантами, другія табакерки передѣлывалъ, вынимая изъ оныхъ значительные бриллiанты для продажи.

*

Анна Сергѣевна Голицына, Александра Петровна Хвостова, старуха Криднерша, дочь ея баронесса Бергеймъ, графиня Гашетъ въ одномъ домѣ. Князь нечаянно заѣзжаетъ и видитъ всѣхъ больными. Алекс. Петр. охаетъ, графиня Гашетъ катается кубаремъ по полу; всѣмъ имъ дано крѣпкое врачевство Леруа. Проблематическое лице Гашетъ. Похожденія ея въ Дрезденѣ: поутру мущина, въ вечеру une dame fringante. Въ понятіяхъ княгини она diablesse, которую надобно обратить. Государь предупреждаетъ княгиню чрезъ князя и прямо говоритъ ей, что она шпіонъ. Княгиня держитъ Государю тотъ же

отвѣтъ съ прибавленіемъ, что она не боится никакого шпіонства. Я лично знавалъ графиню; двукратное мое посѣщеніе этой графини. Причины онаго: déjeuné fin и vin de paille. Сундукъ съ оружіемъ. Вѣнское производство цвѣтнаго стекла, выдѣлка изъ онаго чепчиковъ, перьевъ и разныхъ brinborions. Продажный дормезъ. Сила графини Гашетъ, токарный станокъ. Слухи и догадки, разговоръ ея съ Коленкуромъ. La fille de la Vendée и наконецъ извѣстная графиня Ламотъ-Фуке, похитившая вмѣстѣ съ Роганомъ склаважъ у королевы. Княгиня Анна Сергѣевна нашла возможность смирить графиню. Покупка княгинею дачи. Инвенція графини отдѣлать ее за полторы тысячи рублей. Первая комната съ еловыми шишками, другая покрытая мастикою. Эрмитажъ въ саду для графини. Октогонная беседка, выстраивающаяся подъ присмотромъ графини. Крестьянинъ ее не понимающій есть по ея мнѣнію un sacré bête russe. Сама работаетъ топоромъ. Ноттюрно на террассѣ беседки изъ Бергеймши и не знаю еще кого-то. Въ бесѣдкѣ Распятіе и притомъ такъ, что весь свѣтъ на него ударяетъ. Князь сиживалъ въ бесѣдкѣ и задумывался, слушая мелодическій и унылый гимнъ вечерній. Отношенія княгини къ Криднершѣ. Она poule mouillée въ присутствіи княгини; князь отвозитъ ее на дачу. Запрещеніе отъ Государя къ ней ѣздить. Тайное приказаніе Александра князю, чтобъ ѣздить и навѣщать Криднершу, между тѣмъ какъ царь съ важностію принималъ донесенія тайной полиціи, что князь ѣздитъ къ Криднершѣ. Тощій обѣдъ на дачѣ; нѣкоторая живость по предмету гастрономіи тогда, когда князь пріѣзживалъ на обѣдъ, и добродушное сознаніе въ томъ хозяйки дома. Французъ лакей три года безъ жалованья. Графиня Гашетъ умираетъ въ Бакчисараѣ и оставляетъ будто бы много денегъ банковыми билетами. Князь читалъ намъ письмо, полученное отъ графини Потемкиной съ приложеніемъ письма, полученнаго графинею изъ Вѣны отъ княгини Анны Сергѣевны, служащее отвѣтомъ на письмо къ ней графини. Когда Государь былъ въ Крымской виллѣ книгини Анны Сергѣевны, графиня по добросердечію своему имѣла благодушное дерзновеніе предложить Государю Императору, чтобъ онъ также надписалъ на стѣнѣ у княгини, какъ написалъ въ князевомъ Кастелѣ. Разумѣется, что Государь не согласился, и вотъ объ этомъ княгиня Анна Серг. и отвѣчаетъ графинѣ. Здѣсь надобно испросить у князя позволенія выбрать самые тексты письма, мое же дѣло изобразить общій характеръ переписки князевой съ княгинею. Князь любитъ оригинальность слога и энергію писемъ княгини. Иногда и даже часто прочитываетъ нѣкоторыя мѣста изъ этой переписки самому Государю. Однажды княгиня, поздравляя князя съ совершеннолѣтіемъ Це-

саревича, вдругъ проситъ ходатайства князя въ необыкновенномъ дѣлѣ и которое не менѣе состояло, какъ въ прощеніи одного государственнаго преступника и въ обратной выдачѣ конфискованнаго уже казною его имѣнія. Письмо написано было въ сильныхъ выраженіяхъ, и что же, князь нашъ не усумнился попробовать въ этомъ дѣлѣ, и великодушная милость увѣнчала полнымъ успѣхомъ великодушное предстательство князя. Князь обязанъ княгинѣ за устроеніе Кастеля.

Изъ Русскихъ Лафатера знавалъ и не одинъ Кошелевъ; съ нимъ былъ знакомъ и покойный канцлеръ Румянцовъ. Случалось князю разговаривать съ канцлеромъ о Лафатерѣ. Эти разговоры были по необходимости, ибо, сидя иногда съ Румянцовымъ въ пріемныхъ комнатахъ дворца и дожидаясь выхода Государя, князь не имѣлъ возможности уклониться отъ болѣе нежели праздныхъ разговоровъ Румянцова. Вотъ напримѣръ мнѣніе Румянцова о Лафатерѣ. Жалко мнѣ, говорилъ онъ князю, что этотъ человѣкъ, которому нельзя отказать въ умѣ, вѣрилъ всякому вздору; онъ бы могъ быть чѣмъ-нибудь поважнѣе, продолжалъ Румянцовъ; я видѣлъ, какъ его все уважало, какое обширное вліяніе могъ онъ имѣть на своихъ современниковъ. Да что̀ же бы ему дѣлать по вашему? сказалъ я графу. Мало ли что̀, возразилъ онъ мнѣ: при эдакомъ умѣ, могъ бы даже и новую религію составить; могъ бы обратить къ себѣ толпу и мало ли чего могъ бы надѣлать. Il s'est dépensé en petite monnaie. Странный былъ человѣкъ этотъ канцлеръ Румянцовъ; онъ часто мнѣ надоѣдалъ своими философскими разсужденіями. Мнѣ небезъизвѣстно, князь, говаривалъ онъ мнѣ, что вы мало-по-малу занимаетесь, какъ бы сказать, вотъ этими дѣлами религіозными; да ну какъ же вы при умѣ вашемъ можете принимать эту троичность въ Богѣ и проч. и проч? Признаюсь, что я такимъ вымысламъ вовсе не вѣрю, и даже мнѣ случилось объ этомъ разговаривать довольно долго съ одною Нѣмецкою принцессою, одною изъ умнѣйшихъ принцессъ; она совершенно во всемъ со мною была согласна; и что̀ такое за выдумки, что̀ за голубь въ Богѣ, что̀ за духъ? Г. графъ, отвѣтствовалъ я ему на его же ладъ. Святой Троицѣ отъ этого ни тепло ни холодно, утверждаете ли вы ее или отрицаете. Признаюсь, я никакого не имѣлъ созвучія съ Румянцовымъ, да и вообще ce n'était pas un homme de société, pas même l'homme d'affaire. Однажды странный онъ разсказывалъ мнѣ анекдотъ. Надобно тебѣ сказать, что Румянцовъ нѣкогда очень былъ хорошъ у Наполеона; вскорѣ послѣ Эрфуртскаго сейма Государь отправилъ его въ Парижъ, и вотъ онъ, ходя однажды съ Наполеономъ по комнатѣ, спросилъ его: Скажите мнѣ, Ваше Величество, кого вы избрали себѣ въ наслѣдника? Надобно тебѣ сказать, что Наполеонъ не бывъ тогда женатымъ на императр.

Маріи Луизѣ, назначилъ однако себѣ наслѣдника и, запечатавъ это назначеніе въ конвертъ, отдалъ его подъ строгое храненіе блюстительному своему сенату или можетъ быть и законодательному собранію. Въ самой даже Франціи ни тогда, ни послѣ не знали объ этомъ назначеніи, по крайней мѣрѣ это было не тайною для весьма немногихъ; во всякомъ случаѣ обстоятельство это было непріятнымъ напоминаніемъ бездѣтному императору, и спрашивать его о томъ было и неполитично, и даже неблагоразумно. Какъ же ты думаешь, что Наполеонъ отвѣчалъ ему. Вотъ вмѣсто отвѣта, императоръ какъ бы нечаянно ударилъ себя по лбу, думая что-то вспомнить и потомъ туже минуту наивно сказалъ ему: Знаете ли, г. графъ, вѣдь я забылъ кого я назначилъ наслѣдникомъ, ну совершенно изъ памяти вышло. Румянцовъ, продолжалъ князь, въ полной увѣренности оставался и тогда, какъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ, что Наполеонъ совершенно забылъ имя избраннаго имъ наслѣдника. Ну теперь ты можешь себѣ представить, что̀ такое былъ Румянцовъ. Противно мнѣ въ немъ было, что онъ, во время оно, s'est sacrifié pour ainsi dire à Napoléon. Было то несчастное времячко, когда блаженной памяти Александръ и самъ прилѣпился къ Наполеону; тотъ обаялъ было его своимъ мнимымъ величіемъ, и въ этихъ чувствахъ канцлеръ Румянцовъ крѣпко вистовалъ Государю. Извѣстно, что онъ говаривалъ императору Французовъ: Sire, j'ai une illusion, comme si j'étais votre sujet. Можно ли Русскому такъ забыться! Румянцовъ всегда былъ человѣкъ съ посредственными качествами, но желаніе его было однако вырости во что нибудь даже во времена Екатерины. Государыня попробовала его и велѣла написать ему какое-то изложеніе по части общаго взгляда на Россію; вотъ онъ и написалъ, да такъ написалъ, что Императрица принуждена была приказать Льву Кириловичу Разумовскому меморію его даже истребить въ самомъ архивѣ: такъ она была странна и несовмѣстна. Напримѣръ, я вспоминаю кое-что изъ его выраженій. Говоря про Россію, онъ называетъ ее брюхатою и проч. и проч. C'était un homme médiocre, сказалъ князь, заканчивая свой разговоръ о Румянцовѣ.

У насъ въ Россіи вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать и уловлять обрѣдѣлую истину, которая какъ феноменъ проявляется и исчезаетъ, вмѣсто того, чтобъ уловлять, говорю—тушатъ ее. Боятся подходить къ ней близко, видятъ даже въ томъ какой-то соблазнъ, потому только, что эта истина не въ одной рамкѣ съ избитыми нашими понятіями о натурѣ духа человѣческаго. Къ удивленію даже люди исполненные практическаго христіанства со всею доброю ихъ волею пугаются таковыхъ событій, уклоняются отъ оныхъ, всячески засло-

няютъ развитіе ихъ и обслѣдованіе и сжимаютъ ихъ, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ. Вотъ недалеко сказать, сама блаженной памяти императрица Марія Өедоровна, за практическое христіянство которой я могу торжественно поручиться, ибо сердце ея мнѣ было совершенно извѣстно, не была изъята подобныхъ опасеній. Слово мистицизмъ было синонимомъ зловѣщаго для нея слова; она опасалась и боялась всего, что̀ не подходило къ необыкновенной жизни, видимой формальности. Однажды, въ какомъ-то изъ публичныхъ ея заведеній, помнится въ институтѣ Марьинскомъ, приведены были дѣвочки въ церковь къ обѣднѣ. И когда, во время литургіи, царскія врата по обыкновенію были отворены, вдругъ одна изъ дѣвочекъ затряслась отъ радости или отъ испуга и бросилась съ крикомъ прямо къ вратамъ царскимъ; она увидѣла въ алтарѣ, на одной изъ сторонъ престола, стоящую покойную свою мать, которая къ ней обратилась и на нее смотрѣла. Когда объ этомъ донесли Государынѣ, она очень встревожилась, сочла это прилипчивымъ, болѣзненнымъ припадкомъ и тотъ же разъ, подъ благо̀виднымъ предлогомъ, велѣла удалить дѣвочку изъ заведенія и отдать ее на руки родственникамъ ея въ Петербургѣ, накрѣпко запретивъ и говорить о томъ. Но другое такое же, но еще съ бо́льшими развитіями событіе, какъ бы нарочно въ скорости же случилось, послѣ перваго, чтобъ убѣдить Марію въ тщетномъ напряженіи ея уничтожить подобныя проявленія. Въ Смольномъ монастырѣ, на дворянской половинѣ, вдругъ заболѣваетъ одна воспитанница; пособія врачей сейчасъ же встрѣтили ее въ началѣ недуга, но ничто не помогало; между тѣмъ воспитанница сама по себѣ впала въ какой-то сонъ пророчественный и громко говорила окружающимъ ее, что она еще болѣе разнеможется, что вскорѣ за этимъ лишится и зрѣнія, потеряетъ слухъ; что тщетно приставленные врачи будутъ лѣчить, ибо она никакой пользы отъ нихъ не получитъ; но чтобъ быть ей здоровою, въ чѣмъ однако она еще сомнѣвается, необходимо для нея исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ; но такъ какъ будущая глухота, чтобъ не помѣшала ей того исполнить, то для нея необходимо, чтобы священникъ, который будетъ ее исповѣдывать, пальцами рукъ своихъ взошелъ бы съ нею въ соприкосновеніе. Не всякій священникъ, говорила она, къ этому способенъ; всего менѣе нашъ законоучитель, продолжала она; но есть однако въ Петербургѣ одинъ таковый, который способенъ къ этому дѣлу и охотно на это рѣшится; здѣсь она назвала по имени этого священника, хотя въ бодрственномъ состояніи она никакого даже слѣда не имѣла знать священниковъ Петербургскихъ. Что же касается до медикаментовъ, которые бы могли быть ей полезными, то она также сдѣлала указаніе, что этого специфика

для нея искать надлежитъ не по аптекамъ, гдѣ его не найдутъ, но что именно у одного врача есть на дому, по опредѣлительнымъ словамъ ея, какая-то фіоль съ извѣстнымъ настоемъ, и что если ей этого дадутъ, то можетъ быть она при помощи Божіей и будетъ здорова. Проснувшись, дѣвочка ничего объ этомъ не помнила, но о сказанномъ ею начальница заведенія, извѣстная мадамъ Брейткопфъ, въ тотъ же разъ лично донесла Государынѣ. И тѣмъ болѣе обязана была Брейткопфъ это сдѣлать, что дѣвочкѣ точно стало дѣлаться такъ дурно, какъ она предсказала. Врачи заведенія нисколько не могли ей помочь, провѣщательныя вещи начали сбываться; зрѣніе совершенно притупилось вмѣстѣ съ проявленіемъ глухоты совершенной. Государыня всполошилась, выслушавши отъ начальницы таковое донесеніе. Ma chère madame Breitkopf. Qu'est ce que c'est que cela, comment faire? Au nom de Dieu, que cela ne fasse pas l'éclat! Результатъ всего этого, что Государыня не велѣла исполнять требуемаго дѣвочкою, дабы избѣжать городской молвы, соблазна, и все это для того, чтобъ не подумали, что въ заведеніяхъ у царицы дѣлаются или случаются необыкновенныя происшествія и проч. и проч. Дѣвочкѣ однакожъ становилось хуже и хуже, и она ясно и опредѣлительно во снѣ повторяла, что точно не переживетъ своей болѣзни, если ей не дадутъ тѣхъ пособій, которыхъ она прежде требовала. Брейткопфъ уже на себя взяла ослушаться Государыни и сдѣлала по требованіямъ дѣвочки: отыскала того священника, призвала назначеннаго врача, и вотъ дѣвочка наша выздоровѣла и стала опять по прежнему. Объ этомъ знало все заведеніе и не могло не говорить; сама Брейткопфъ разсказывала à qui veut entendre, несмотря даже на запрещеніе Государыни. Особенность событія, добросовѣстность нужная для засвидѣтельствованія истины, выводили въ нѣкоторомъ смыслѣ самую Брейткопфъ изъ ея свѣтскаго благоразумія; она не могла не говорить о томъ: такъ была поражена случившимся.

Письма къ князю А. Н. Голицыну изъ поѣздки въ Гапсаль (1839).

1.

14-го Іюня я сѣлъ въ свою докторскую каретку: провожатыхъ никого не было, вызывались было нѣкоторые худородные міра сего, но я откровенно сказалъ таковымъ Русскую пословицу: что дальные проводы, лишнія слезы. Будь я откупщикъ, будь я директоръ хотя какого-нибудь департамента, будь я вице-губернаторъ, или предсѣдатель гражданской палаты, коммерческаго суда и проч.: тогда служеб-

ный людъ, или людъ участливый заглушилъ бы меня восклицаніями, всегда на этотъ разъ готовыми, закурилъ бы меня табачнымъ дымомъ, забрызгалъ бы ароматомъ аи, или медвяною пѣнкою нашего роднаго Дона. Накрапалъ дождичекъ; вѣтеръ подымалъ облака пыли: я сидѣлъ прислонясь къ сторонкѣ кареты, и душа моя медленно развивала клубокъ изъ колючаго вервія. Что со мною будетъ, думалъ я, оставляя больную жену, единственнаго, можетъ быть, на землѣ друга, пожелавшаго всѣмъ сердцемъ провожать меня, умирающую старуху-тетку; что если старица окончитъ дни свои безъ меня, вынесутъ-ли этотъ случай разстроенныя нервы жены моей, еслибъ даже вынесло ея кроткое сердце, подкрѣпленное религіею и самопреданіемъ! Мыслей было много; всѣ онѣ были мрачны; онѣ спѣшно расползались по всему существу моему и холодили меня своимъ прикосновеніемъ.

Дорога до Кипени лѣсиста. Зелень деревъ, колеблемая вѣтромъ, утѣшала и даже укрѣпляла приглядѣлые глаза мои. Блѣдная зелень ржи, достигшей уже въ колосъ, волновалась роскошною зыбью; травы прекрасныя; вездѣ ароматъ, вездѣ жизнь, вездѣ движеніе. Я открылъ одно окошко въ каретѣ, на другое спустилъ шелковую занавѣску, и прохладный вѣтерокъ свѣялъ съ меня остатокъ мрачныхъ мыслей, освѣжилъ мою внутренность, навѣялъ радость и надежду. Доказательствомъ возстановленнаго мира въ дорожномъ существѣ моемъ можетъ послужить между прочимъ и то, что мой г. министръ финансовъ (такъ знаменитый Московскій врачъ Дядьковскій называлъ свой желудокъ) возвысилъ голосъ и доложилъ мнѣ о своей особѣ, т.-е. объ обѣдѣ.

2.

Гапсаль, 30-го Іюня 1839.

Мудрые изъ людей сравниваютъ человѣка съ Богомъ; по ихъ понятіямъ человѣкъ есть маленькій только божокъ, микротей, отраженіе Великаго Цѣлаго. Что у Великаго Цѣлаго составляетъ самобытное творчество, то у насъ замѣняетъ воображеніе. Великій Цѣлый, именуя вещь, вмѣстѣ и творитъ ее; малый, называя вещь, умѣетъ лишь ее вызвать отъ куда-то и представить предъ собою, иной смутно, другой живо, третій живѣе. Воображеніе человѣческое въ настоящемъ видѣ есть сила уже ослабшая и разстроенная, но она носитъ въ себѣ зародышъ или зерно великаго будущаго могущества и есть даръ по превосходству отъ Великаго даровъ Раздавателя.

Ваше сіятельство не любите однако воображенія, потому что опасаетесь фантазіи; еще болѣе, вы обижаете воображеніе, называя его

домашнею дурою, по словамъ вашимъ, наглою и часто безпокойною; если она безпокойна и выходитъ изъ предѣловъ приличія, кто же тутъ виноватъ, какъ не мы сами? Что же касается до меня, то она мнѣ теперь, право, задушевный товарищъ, точно мать родная. Никогда она для меня не была такъ любезна, какъ нынѣ. Въ теперешнемъ глубокомъ моемъ уединеніи, чего-то она мнѣ моя голубушка не показала, чего-то не разсказала. Вотъ вчера, напримѣръ, вдругъ перенесла она меня прямо къ вамъ въ кабинетъ; мы только что вышли изъ-за стола; дѣло все уже было сдѣлано, чарка Венгерскаго выпита, омовеніе устъ и рукъ покончено, послѣдній звукъ нашей сладкой. обычной мелодіи затихъ въ воздухѣ; ваше сіятельство мѣрною своею поступью уже выступали по гостиной и вели свою сестрицу, которая, не поспѣвая за вами, сдваивала шагъ... Въ дверяхъ залы мы споримъ съ Гавриломъ Степановичемъ въ великодушіи, кому предоставить первому отправиться изъ-за обѣда; но уже ваше сіятельство подходите къ кабинету, уже голова Михайлы выглядываетъ изъ-за дверей, чтобъ пріотворить ихъ поболѣе и пропустить сытую вашу особу на обычное мѣсто вашего сидѣнія.

Но прежде чѣмъ вы сѣли, вы подошли къ бюро; тамъ изъ извѣстнаго вамъ мѣста вы взяли что-то и, подходя къ моему стулу, молча и тихонько опустили мнѣ въ руку половину мятной конфетинки; уже низенькія мои кресла, нѣкогда достояніе любезнаго вамъ старца Всеволодскаго, придвинуты и стоятъ на своемъ мѣстѣ противъ вашего дивана; въ тоже время, ваше сіятельство изволили сѣсть на лѣво отъ того же дивана на первомъ или ближайшемъ креслѣ; ваша сестрица сѣла противъ васъ на маленькомъ канапе, а Гаврило Степановичъ помѣстился съ вами рядомъ, то-есть также налѣво отъ дивана, но поближе ко мнѣ; иногда и вы садитесь на это же кресло, но это не бываетъ такъ часто.

По кабинету вашего сіятельства все обстоитъ благополучно; новаго на этотъ разъ не имѣется, развѣ только то, что впущенъ свѣжій воздухъ; сторы снова опущены, хотя окошки и открыты; температура отъ 17 до 18 градусовъ тепла. Ваше сіятельство чувствуете себя въ бодромъ состояніи. Садясь, вы медленно и темписто вынимаете свою табакерку; и придись же, что на этотъ разъ и табакерка ваша, одна изъ любимыхъ, то-есть та самая, которая горитъ всѣми семью цвѣтами радуги. Ваше сіятельство медленно и упоительно начинаете нюхать свой табакъ. Послѣ стола какъ-то нюхается лучше: звѣриному человѣку засыпано корму, и наполненный стомахъ не завидуетъ и не мѣшаетъ прочимъ частямъ тѣла; ему теперь не до нихъ, слѣдова-

тельно по законамъ физіологіи притеченіе жизненныхъ духовъ къ носу бываетъ обильнѣе.

Ваше сіятельство отыскали на сей разъ апогей этого притеченія, и вотъ вы нюхаете, повторяю, живописно и упоительно: табакъ мараетъ ваши пальцы и богато сыплется на полъ. Я сказалъ, что вы бодренько себя чувствуете; нѣтъ, выраженіе мое неполно и потому неполно, что я замѣтилъ въ васъ ту мину, которая такъ идетъ къ лицу вашему, ибо въ немъ просвѣчивается и невольно обнаруживается нѣга сознанія добраго дѣла, въ тайнѣ совершеннаго; словомъ, ту мину, съ которою желалъ бы я, чтобы вы остались и на цѣлую вѣчность.—Право, не буду спать, говорите вы мнѣ, улыбаясь, и все выслушаю, что̀ ты мнѣ ни разскажешь; мнѣ и вредно послѣ обѣда спать; начинай: истинно не буду дремать, увидишь самъ. Мина добрая, надежная, подумалъ я самъ про себя; видно сегодня порождано довольно пансіонцевъ; или, можетъ быть, сошло удачно съ Государемъ, то-есть у него кѣмъ-то выпрошена какая-нибудь новая милость для бѣднаго.

Оговариваясь, какъ прилично разскащику, еще пристально взглянувъ на князя, чтобъ удостовѣриться въ бодрственномъ его состояніи, понюхавъ и самъ табачку, котораго, скажу мимоходомъ, князь уже у меня съ нѣкотораго времени не проситъ, хотя мой табакъ нисколько не уступаетъ въ добротѣ его собственному, я принимаюсь за длинный разсказъ. Извольте слушать.

Кажется уже прежде было говорено, что на станціи Кипени у меня былъ дурной обѣдъ. Не смотря на это, я покатился далѣе, и мнѣ сдается, что скорая ѣзда была слѣдствіемъ значительности моего почтоваго званія: смотрители на станціяхъ все прежніе почтальоны; иные обо мнѣ слыхали, иные видали. Задержки нигдѣ не было; лошадки добрыя, ямщики залихватскіе, и вотъ изъ Кипени тройка помчала меня во всю прыть конскую.

Удалы мчатъ, закинувъ гривы;
Земля дрожитъ, и пыль столбомъ;
Прощайте дни мои счастливы,
Прощай отеческій мой домъ!

Проговоривъ съ услажденіемъ эти старомодные стихи, я и не видалъ, какъ Морфей по-студенчески заключилъ меня въ свои объятія, и я проснулся уже на станціи Косковѣ, проѣхавъ 19-ть верстъ. Еще мелькнула 21-я верста, и я ступилъ на порогъ станціи Чирковицъ. Солнце уже стояло низенько, и я рѣшился здѣсь ночевать. Пока приготовляли мой чай, я долго ходилъ одинъ одинешенекъ по отдѣлен-

нымъ и уединеннымъ покоямъ царской половины; размышленія безъ образовъ и лицъ смутно толпились въ душѣ моей, я былъ расположенъ къ унынію и безпокойно провелъ ночь. 15-го Іюня, утромъ, накрапалъ дождичекъ, который однако не мѣшалъ мнѣ имѣть всѣ удобства въ каретѣ; заключившись въ ней, какъ Діогенъ въ свою бочку, я чувствовалъ себя одинокимъ и разъединеннымъ отъ земли и ея обитателей. Это чувствованіе не безъ роскоши; и я безъ скуки проѣхалъ станцію Ополье и въѣхалъ въ маленькій городокъ Ямбургъ, гдѣ ожидало меня хотя обыденное, но забавное происшествіе. Вотъ, ваше сіятельство, какъ это случилось.

Но прежде чѣмъ я начну разсказывать мой анекдотъ, мнѣ хочется бросить взглядъ на своихъ слушателей. И вопервыхъ, въ лицѣ Гаврила Степановича я замѣчаю какое-то номадное расположеніе; я именуя его Татарскимъ, а другіе бы сочли просто за разсѣяніе. Въ небольшихъ, но исполненныхъ огня глазкахъ Елисаветы Михайловны пробивается какое-то нетерпѣливое чувство; вѣрно не отъ скуки, подумалъ я (только что начинаю). Мнѣ показалось, что князь всѣхъ бодрѣе слушаетъ, но въ этотъ моментъ мое наблюденіе застигнуло особу его сіятельства сидящимъ не подъ прямымъ уже угломъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а нѣсколько въ косвенномъ наклоненіи, примѣрно градусовъ въ 60; вотъ и нога на ногу были у него дружно занесены, а это худой знакъ, подумалъ я, ибо ясно смекалъ, что князь не на шутку и классически приноравливается къ спанью.

Что же, ваше сіятельство, молвилъ я, прикажите-ли продолжать разсказывать?—Какъ же, какъ же, разсказывай; я слушаю, право, слушаю!—«Да зачѣмъ же вы глаза-то, князь, зажимаете?»—Право не сплю; такъ зажалъ: лучше какъ-то слышится; вниманіе болѣе сосредоточено; я право, все помню, что̀ ты мнѣ ни сказывалъ; вотъ пріѣхалъ въ Ямбургъ, говорилъ ты, ну что̀ же съ тобою?»... А вотъ что̀, ваше сіятельство. Подвезли меня къ трактиру; утренній моціонъ расположилъ меня къ аппетиту; взошедши на верхъ въ комнату, я увидѣлъ группу Петербургскихъ Нѣмцовъ и Нѣмокъ, плотно присѣвшихъ за завтракомъ. Мущины были взрослые кадеты изъ Горнаго Корпуса, а дамы ихъ сестрицы. Хорошо-ли приготовленъ супъ? спросилъ я Нѣмокъ; порядочно, отвѣчали онѣ мнѣ. Дай же, хозяйка, и мнѣ пообѣдать, вскричалъ я стенторовымъ голосомъ; между тѣмъ, велѣлъ вынуть мое дорожное вино и спокойно сѣлъ, ожидая своевременнаго и слѣдовательно болѣе смачнаго обѣда, ибо было два часа пополудни. И вотъ проходитъ четверть часа, нѣтъ обѣда; проходитъ и другая, нѣтъ также обѣда. Я начинаю уже сердиться, какъ, наконецъ, доморощенная трактирная Геба босикомъ, т.-е. служительница заведенія,

является ко мнѣ съ колоссальнымъ подносомъ, на которомъ въ романтическомъ безпорядкѣ стояли яства; я бросился на Русскія щи изъ капусты и вижу, что щи поданы испорченныя; можетъ быть во второй разъ разогрѣтыя. Подступилъ къ жаркому: цыпленокъ былъ не изжаренный, а такъ просто вяленый. Что̀ мнѣ оставалось дѣлать? Я позвалъ къ себѣ почтальона. Что̀, братъ, женатъ-ли ты? Женатъ, ваше высокоблагородіе. Если женатъ, то что̀ хозяйка твоя сегодня у тебя варила?—Лапшичку, ваше высокоблагородіе.—Сдѣлай же милость, лапка, дай мнѣ этой лапшички. Бравый почтальонъ не долго себя заставилъ ждать, сейчасъ явился съ тарелкою Русской лапши, горячей, съ искоркой, только что изъ печки; на закраинахъ тарелки отливалъ жирокъ, ароматный для обонянія, желанный для вида. Я, какъ Русскій человѣкъ, тотъ же часъ прикрупился къ Русскому блюду; но вотъ вижу вбѣгаетъ ко мнѣ косматая Нѣмка, у которой подбородокъ сходится съ носомъ (настоящіе патентованные Англійскіе щипцы, извѣстные подъ именемъ тупоносовъ); вмѣсто шлыка, сидѣлъ у нея на головѣ чепчикъ, что̀ въ простонародіи называютъ растягай, вся багровая отъ гнѣва и прямо ко мнѣ. Вмѣсто рѣчей полилась у пожилой Нѣмки какая-то импровизація Русскихъ и Нѣмецкихъ словъ. Я сперва подумалъ, не языкъ-ли это юной Германіи; но, видя, что она на меня сердится, положилъ ложку и, съ важностію чиновника особыхъ порученій, спросилъ ее: что̀ тебѣ, тетеря, надобно? Какъ вы смѣли, вскричала Нѣмка, еще болѣе, можетъ быть, возъярившаяся отъ моей клички, какъ вы смѣли приказать почтальону подать себѣ супу и притомъ въ комнатахъ царской гостинницы?—А ты какъ смѣешь кормить проѣзжающихъ гнилыми щами? Разговоръ у насъ былъ громкій; зрителями всего были кадеты Горнаго Корпуса и ихъ миловидныя родственницы; трактирная Геба, прижавшись въ уголокъ, не безъ интереса ожидала, чѣмъ кончится драма; почтальонъ, вытянувшись какъ струнка съ почтеньемъ, также ждалъ конца въ другой комнатѣ. Наконецъ я, взявъ на себя значительное лицо человѣка немаловажнаго, съ достоинствомъ и тишиною объявилъ Нѣмкѣ, чтобы шла за двери и оставила меня въ покоѣ. Она, засучивая рукава, пошла прочь, бормоча и грозя, что пожалуется и на меня и на почтальона г-ну Нарвскому почтъ-мейстеру. Только что непріятель ушелъ, подходитъ ко мнѣ почтальонъ. Ваше высокоблагородіе, не погубите меня: я не могъ не исполнить вашего приказанія; но эта фурія, чего она не наскажетъ почтъ-мейстеру!—Я не вижу тутъ ни мало вины твоей, мой другъ; могъ-ли ты не исполнить моего приказанія? Напротивъ, ты выигралъ, что я поѣлъ твоей лапши: вотъ тебѣ за это четвертакъ и вмѣстѣ мое знакомство, сказалъ я пріосанясь. Вскорѣ послѣ того

взволнованная (вѣроятно отъ огорченія, что порядочно не поколотили старую Нѣмку) трактирная Геба снова предъ меня предстала и принесла на-скоро приготовленнаго бульона, свѣжаго, прекраснаго. Съ каждымъ глоткомъ этого бульона я проглатывалъ и частичку своего гнѣва. И вотъ на исходѣ Израиля, вижу, что дверь моя тихонько отворяется; вижу, что сперва показываются концы чепчика-растегая, потомъ и самая фигура Нѣмки, но фигура уже умиротворенная, со взглядомъ робкимъ, съ тѣлодвиженіями болѣе милостивыми. Извините, ваше превосходительство, сказала она мнѣ, скорчивъ нѣжную улыбку, извините, что я немножко погорячилась: мы отъ этого, милостивый государь, хлѣбъ имѣемъ и проч. и проч. Полно, Нѣмка, сказалъ я; все уже давно кончено: бульонъ у тебя прекрасный, и болѣе толковать нечего. Вотъ тебѣ за твой обѣдъ, вотъ монета и твоей служанкѣ; прощай; на почтальона не сердись; нельзя же было ему меня ослушаться.

Такъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Почтальонъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, снова просилъ моего заступленія и объявилъ мнѣ, что онъ нѣкогда былъ моимъ сосѣдомъ, ибо жилъ въ одно время внизу подъ моею квартирою. Я вырвался, наконецъ отъ этой непріятной сцены и съ поспѣшностію отправился въ дальнѣйшій путь.—Не могъ не размышлять я, ваше сіятельство, о тщетѣ всего подлуннаго. Путь настоящей дороги сравнивалъ я съ путемъ жизни. И тотъ и другой, думалъ я, суть только случайныя проявленія въ міровой, вселенской жизни: если по пути жизни встрѣчаются неизбѣжныя несчастія, думалъ я, то по дорожному пути есть также относительныя скорби, есть комары, есть слѣпни, есть кое-что въ дорожныхъ тюфякахъ, есть сердитыя Нѣмки, есть.... Тутъ глубокій вздохъ вашего сіятельства, прервалъ нить моего разсказа; въ первомъ движеніи я обрадовался этому непритворному созвучію къ моему слову; но пооглядѣвшись хорошенько, вижу, что вздохъ вашъ былъ не слѣдствіемъ моей герееміады о дорогѣ, а просто произвольность сна, безмятежнаго, сладкаго, словомъ, сна невинныхъ и добродѣтельныхъ; взглянулъ на сестрицу, мѣсто ея пусто; взглянулъ на Гаврила Степановича, и се не бѣ. Вижу только себя и васъ; себя въ жару, въ состояніи воспаленія отъ геройскихъ моихъ подвиговъ, васъ сладко спавшаго и начинавшаго уже храпѣть отъ полноты удовольствія и удобной сіесты. Прощайте же, сіятельнѣйшій князь, спокойный вамъ сонъ; я будить васъ не буду.

11-го Іюля 1839. Г. Гапсаль.

3.

Въ Гапсаль я пріѣхалъ 24-го Іюня. Здѣсь завелся съ прошлаго Воскресенья, т.-е. 2-го Іюля, клубъ, гдѣ гудятъ три съ половиною хромыхъ скрыпки и рисуется штукъ до пяти или шести пріѣзжихъ примадоннъ. Старый Кноррингъ, хозяинъ мой, кружится еще какъ Сильфъ съ Гамадріадами и даже встрѣтилъ свой день рожденія днемъ открытія Гапсальскихъ торжествъ. Старцу въ прошлое Воскресенье стукнуло 63 года, но онъ еще не потерялъ каданса, который служитъ ему моціономъ для хорошаго спанья и можетъ быть средствомъ къ испаринѣ. Нѣмцы суть великіе штукъ-мейстеры: кромѣ главной цѣли въ жизни, у нихъ есть нѣсколько небольшихъ цѣлей, вѣроятно для разноса масти. Живши здѣсь, невольно вспоминаешь о желаніи Ермолова, который прашивалъ нѣкогда у блаженной памяти Александра І-го, чтобъ тотъ произвелъ его въ Нѣмцы.

4.

8-го Іюля 1839. Гапсаль.

Здѣсь, въ уединенномъ Гапсалѣ, нашелъ я полустарика барона Штакельберга, который нѣкогда былъ залетнымъ гусаромъ, а теперь прозябаетъ въ гниломъ мѣстечкѣ Великочухоніи. Мать графини Канкриной была родная сестра его матери, и онъ самъ воспитывался вмѣстѣ съ графинею; странно, что они другъ на друга даже и похожи, потому что оба толсты и оба нездоровы. Но это бы все ничтожно, еслибъ онъ нѣкогда въ жизни своей не служилъ съ моимъ братомъ и другомъ Александромъ Ивановичемъ Бартеневымъ въ одномъ полку, отъ чего я и принялъ смѣлость представить его благоволенію вашего сіятельства. Хочу почтить на живомъ другѣ драгоцѣнную память моего умершаго родственника и однофамильца. Отдайте, ваше сіятельство, эту записку Канкрину и устыдите его излишками вашего великодушія. Я здѣсь читаю Études de la nature Бернарденя; тамъ сказано про огонь, что онъ, распространяясь, тучнѣетъ: такъ и ваше сердце, сіятельнѣйшій князь, да расширяется болѣе и болѣе отъ дѣлъ любви, и если графы пользуются отъ вашихъ милостей, то бароны должны уже по справедливости заступить второе мѣсто.

Не гнѣвайтесь за скудость предметовъ и тощее ихъ изложеніе. Начнемъ со здѣшней церкви: она помѣщается въ небольшомъ каменномъ домѣ, служившемъ нѣкогда для пріема императора Павла І-го, или Екатерины ІІ-й. Въ Гапсалѣ называли его дворцомъ, но скорѣе комнатный садъ вашего сіятельства будетъ походить на пышные сады Версальскіе, чѣмъ этотъ bicoque на какой-нибудь дворецъ, пожалуй,

хотя Петровскаго острова. Колоколенька утверждена на небольшихъ деревянныхъ столбикахъ; благовѣстъ хотя не богатъ, но благозвученъ и когда ударяютъ во всѣ, то въ цѣломъ городкѣ ярко и звучно разносится православное благовѣстіе; однѣ лишь Нѣмецкія уши слушаютъ равнодушно призывный гласъ и идутъ мимо, не обращая вниманія. Въ церкви иконостасъ старинный Греческаго стиля, но испорченнаго; онъ взятъ изъ лазаретной церкви въ Ревелѣ. Странно событіе, случившееся съ этою церковью. Когда императоръ Николай посѣщалъ Ревель, то священникъ сей церкви долженствовалъ встрѣтить царя по установленному обычаю, то есть съ крестомъ. «Государь, взглянувши на церковь, не захотѣлъ идти ко кресту. Опасно здѣсь ходить, сказалъ онъ, можно быть задавлену; закрыть церковь на глухо и болѣе въ ней не служить.» И вотъ въ тотъ же самый день въ запертой и оставленной церкви упалъ потолокъ. Предвѣдѣніе царево спасло, можетъ быть, и его, и многихъ отъ опасности; между тѣмъ какъ до этого дня церковь кое-какъ лѣпилась, и въ ней ничего не падало.

Писаніе говоритъ: нѣтъ тайны, яже не откроется—поражающая и вмѣстѣ утѣшительная истина; что̀ мы хранимъ и считаемъ великою тайною, то, можетъ быть, сдѣлается со временемъ достояніемъ цѣлаго свѣта. Это маленькое предисловіе служитъ къ тому, что теперь по Германіи ходятъ нѣкоторыя печатныя свѣдѣнія изъ автобіографіи вашего сіятельства. Напечатанъ именно этотъ отрывокъ, въ которомъ изложены подробности обращенія къ христіанству Александра 1-го и какъ вы послужили средствомъ къ этому дѣлу. Но подробности сіи хотя затѣйливы, но не совсѣмъ вѣрны; впрочемъ, все относится къ похвалѣ священной особы Монарха и вашего сіятельства. Вмѣстѣ съ этимъ ходитъ нынѣ по Германіи напечатанное письмо вашего сіятельства къ Баварскому крестьянину Михелю; не знаю только, то ли, которое вы по милостивой довѣренности своей изволили мнѣ показывать. Журналъ, гдѣ напечатана эта скица вашей жизни, имѣетъ заглавіемъ: Der Pilger aus Sachsen, или Саксонскій Пилигримъ, № 8, изъ Дрездена, Суббота 23-го Февраля 1839, а письмо къ Михелю напечатано въ брошюрѣ: Der heiligste Name Jesus и пр. Журналъ и брошюра у меня уже въ рукахъ; болѣе того, я отдалъ и переводить эти статьи на Французскій языкъ и если Господь поможетъ, то съ будущею почтою постараюсь выслать къ вамъ и переводъ и печатный текстъ.

Незадолго я имѣлъ продолжительный разговоръ съ моею почтенною сосѣдкою, и все объ васъ; вотъ что̀ она открыла мнѣ въ непритворномъ чувствѣ своего благороднаго довѣрія. Мужъ мой, продолжала она, отъ многихъ трудовъ неусыпной и неперемежающейся службы имѣлъ несчастіе два раза впадать въ сильные недуги, которые на

одинъ только малый шагъ раздѣляли его отъ гроба. Придворные врачи, коихъ милость царская ежедневно присылала къ моему мужу, отчаявались уже въ его жизни. И вотъ въ одну изъ тѣхъ горестно торжественныхъ минутъ, гдѣ душа жаждетъ сказать последнее слово, вымолвить послѣдній совѣтъ, умирающій мужъ мой подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: кажется мнѣ, что я не переживу этой болѣзни, и если что̀ случится со мною, то вотъ тебѣ мое приказаніе: ни къ кому иному не ходи повергнуть свою участь осиротѣлой вдовы, какъ къ доброму князю Александру Николаевичу Голицыну. Я увѣренъ, что если можно этому человѣку что̀ сдѣлать въ твою пользу, то онъ все сдѣлаетъ... Вотъ какъ мужъ мой сказалъ мнѣ о вашемъ князѣ, продолжала почтенная сосѣдка, и эти слова, проговоренныя въ два различныя времени и на двухъ болѣзненныхъ одрахъ произнесенныя, когда мужъ мой отчаявался въ жизни, сказанныя тогда, когда онъ имѣлъ еще въ графѣ Сперанскомъ повидимому надежнаго начальника и сотоварища по службѣ, обязаннаго пещись о вдовѣ своего сослуживца, признаюсь, проникли глубоко въ мое сердце. Мужъ мой, по благости Божіей, выздоровѣлъ; Государь обогатилъ насъ своими щедротами, осыпалъ милостями, вниманіемъ; но голосъ моего мужа, когда онъ встрѣчалъ послѣднія минуты жизни, еще звѣнитъ въ встревоженномъ сердцѣ моемъ и болѣе и глубже нарѣзываетъ имя того, котораго указалъ другъ мой въ облегчителя моей бѣдной участи.

Это говорила мнѣ тайная совѣтница Балугьянская, и я съ радостнымъ увлеченіемъ сердца нѣжилъ свой слухъ похвалою столь трезвенною и христіанскою... Мнѣ это было такъ сладко слушать, какъ нѣкогда вамъ, по словамъ вашимъ, стоять за креслами Великой Екатерины и гордиться, что вѣрноподданническое сердце ваше принадлежитъ ей.

ЕЩЕ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. С. ГАНГЕБЛОВА.

Читатели „Русскаго Архива“ нынѣшняго года конечно оцѣнили прекрасныя воспоминанія Александра Семеновича Гангеблова: „Какъ я попалъ въ декабристы и что̀ за тѣмъ послѣдовало“ (выпускъ 6). Въ этихъ воспоминаніяхъ такъ много свѣжести и новизны, изложеніе такъ живо и умно, что нѣкоторые изъ сотрудниковъ нашихъ не хотѣли вѣрить ихъ подлинности и выражали намъ подозрѣніе, нѣтъ ли тутъ досужаго современнаго подлога. Имя Гангеблова совсѣмъ неизвѣстно было въ печати; про него знаютъ лишь весьма немногія лица въ Закавказьи. Мы обращались къ сенатору Н. П. Семенову (о дядьяхъ котораго говорится въ этихъ воспоминаніяхъ) съ вопросомъ, слыхалъ ли онъ когда про Гангеблова, и получили въ отвѣтъ, что покойный дядя его Михаилъ Николаевичъ Семеновъ всегда отзывался о Гангебловѣ, какъ о дорогомъ товарищѣ своей молодости.

На весьма понятное желаніе наше ближе познакомиться съ этимъ живымъ, дорогимъ остаткомъ давнопрошедшаго времени достопочтенный старецъ любезно отвѣчалъ намъ новою тетрадью своихъ повѣствованій, предпославъ имъ слѣдующее письмо. П. Б.

I.

Письмо къ издателю „Русскаго Архива“.

Позвольте принести вамъ мою искреннѣйшую благодарность за благосклонную оцѣнку моей статьи. Такого лестнаго о ней отзыва я никакъ не ожидалъ, не ожидалъ тѣмъ болѣе, что изложеніе оной далось мнѣ, можно сказать, даромъ: я диктовалъ, а писала чужая рука; мнѣ стоило только не уклоняться отъ правды въ моемъ разсказѣ — трудъ небольшой, трудъ отрицательный. Меня гораздо болѣе заботитъ выраженное вами желаніе получить отъ меня свѣдѣнія о «прошломъ», какъ моемъ собственно, такъ и того рода, къ которому принадлежитъ моя фамилія. Относительно этого послѣдняго обстоятельства, къ стыду моему, я долженъ признаться, что мнѣ почти ничего неизвѣстно.

Знаю только, что мои предки при Екатеринѣ, или еще прежде, вышли въ числѣ многихъ другихъ изъ Грузіи, что имъ дарованы были земли и крестьяне въ Полтавской губерніи, что мой дѣдъ со стороны отца, Егоръ Христофоровичъ, дослужился до маіорскаго чина и убитъ въ одну изъ Турецкихъ Екатерининскихъ войнъ; что его вдова, притѣсняемая изъ корыстныхъ видовъ богатыми сосѣдями (Базилевскими), принуждена была за сущій безцѣнокъ продать свое имущество и перебраться въ Петербургъ, гдѣ и жила маленькою пенсіей; она умерла въ 1814 году. Она была послѣдняя въ родѣ, говорившая еще по-грузински: мой отецъ роднаго своего языка уже не зналъ, и наше семейство совершенно обрусѣло. Сохранился на немъ лишь Грузинскій типъ.

Мой отецъ, Семенъ Егоровичъ, былъ шефомъ 12-го егерскаго полка, а по возвращеніи съ Суворовымъ изъ Италіи командовалъ бригадой (въ Крыму и на Кубани) въ дивизіи Дюка-де-Ришельё; въ одну изъ экспедицій противъ Горцевъ онъ былъ раненъ пулей въ ногу. Въ то время генералъ не то былъ что̀ теперь. Я помню, когда, бывало, мой отецъ объѣзжалъ свою бригаду (что̀ дѣлалъ иногда въ сопровожденіи своего семейства), то это путешествіе имѣло видъ какъ бы важнаго событія: огромная карета въ восемь почтовыхъ лошадей, а слѣдомъ за ней цѣлый обозъ разныхъ экипажей. Все это сопровождаемое роемъ казаковъ, мчалось во весь опоръ, а при въѣздѣ въ каждый городъ насъ ожидали воинскія и городскія власти.

Послѣ Бауценскаго сраженія (1813), вторично раненый, мой отецъ жилъ въ деревнѣ, гдѣ и умеръ въ 1827 году отъ раскрытія ранъ. Біографія его, мною составленная, была сообщена въ свое время издателю жизнеописаній генераловъ Отечественной войны, полковнику Висковатову и отпечатана особой тетрадью съ портретомъ покойнаго. Въ этой біографіи, между прочимъ, небезъинтересенъ разсказъ о Варшавскомъ бунтѣ при генералѣ Игельштрёмѣ.

Моя мать, Екатерина Спиридоновна, рожденная княжна Манвелова, по отцу Грузинка, по матери Сербка, изъ рода Чорбы. Чорба принадлежалъ къ числу тѣхъ Сербовъ, кои, бывъ тѣснимы за свою православную вѣру, выселились изъ Цесаріи въ Россію (Хорватъ, Текели, Шевичъ, Депрерадовичъ и др.). Они надѣлены были громадными земельными владѣніями и жили широко и роскошно. Наприм. въ домѣ у Текели (Петра Абрамовича) не только вся столовая посуда на нѣсколько сотъ персонъ, но соотвѣтственно тому и кухонная, а также и металлическій приборъ къ дверямъ, окнамъ и проч. состояли изъ массивнаго серебра; о шталмейстерской и егермейстерской части и говорить нечего.

Не смотря на такое богатство Цесарскихъ выходцевъ, жизнь ихъ не отличалась тонкостью вкусовъ: ѣли они сытно, но грубо, какъ были грубы ихъ желѣзные желудки; на самыхъ парадныхъ обѣдахъ подавали такія блюда какъ «холодная щука», «жареный гусь» и т. п., а роль заздравнаго вина играла Донская шипучка. Уже гораздо позднѣе, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Петръ Ѳедоровичъ Чорба (изъ втораго поколѣнія выходцевъ), въ то время старѣйшина въ родѣ, пытался произвести переворотъ къ новизнѣ: онъ получалъ какую-то газету, и въ его кабинетѣ стоялъ шкафъ съ книгами, чего прежде ни у кого изъ нихъ не бывало. Его резиденція Глинскъ (Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.) считалась столицею мѣстной свѣтскости. Но около этого времени въ сосѣдствѣ Петра Ѳедоровича явился новый богатый сосѣдъ, зять одного изъ выходцевъ Цесарскихъ, А. В. Касиновъ, съ новѣйшими тенденціями общежитія: онъ первый ввелъ въ употребленіе «Шампанское» и тѣмъ совершенно затмилъ боярскій блескъ Чорбы. Говорятъ, что этотъ послѣдній впалъ въ тяжкую болѣзнь и вскорѣ умеръ: онъ не могъ перенести побѣды надъ собою своего соперника.

Жили эти магнаты въ деревянныхъ домахъ незатѣйливой архитектуры; не менѣе того, дома эти они называли *дворцами* и имѣли при нихъ множество прислуги съ присвоеннымъ каждому дворцу мундиромъ и полувоеннымъ уставомъ. По вечерамъ, какъ только позволяла погода, самъ владѣлецъ съ гостями выходилъ на крыльцо къ «зарѣ»; многочисленная дворня съ хоромъ музыкантовъ и барабаномъ, построенная въ шеренгу, маршировала въ ту и другую сторону по обширному двору. Я еще засталъ такіе порядки въ домѣ послѣдняго изъ старыхъ Цесарцевъ, дѣда (по женскому колѣну) моей матери, полковника Лазаря Абрамовича Текели (младшаго брата генералъ-поручика Петра Абрамовича), къ которому наше семейство ѣзжало на поклонъ.

Теперь этого барства не осталось и тѣни: все разлетѣлось прахомъ, а иное расхищено и путемъ преступленій. Такъ наприм., послѣ смерти генералъ-поручика П. А. Текели опекуны надъ его единственнымъ сыномъ, не вполнѣ еще вступившимъ въ юношескій возрастъ, слишкомъ рано познакомили его съ возможными видами разврата и, можно сказать, развратомъ же его убили. Все это я знаю изъ разсказовъ моей матери, умершей 80 лѣтъ въ 1853 году.

Но у Лазаря Абрамовича Текели придворные обычаи являлись уже въ бѣдномъ, даже каррикатурномъ, видѣ, такъ какъ онъ, относительно, былъ небогатъ. У него было не болѣе какъ пять-шесть тысячъ десятинъ земли; къ тому же онъ, почти при 80-ти-лѣтней

старости, былъ совершенно слѣпъ. Выѣзжалъ Лазарь Абрамовичъ въ гости всегда парадно: въ огромной каретѣ, цугомъ, т.-е. шестеркою превосходныхъ кровныхъ лошадей, запряженныхъ въ пристяжь, въ Венгерской запряжи, съ султанчиками на головахъ, съ кучеромъ въ мундирѣ и шляпѣ и съ форейторомъ, который, за четверть версты въ каждое попутное селеніе, игралъ на трубѣ, что́, вмѣстѣ съ хлопаньемъ длиннѣйшаго бича въ рукахъ у кучера, возвѣщало барскій поѣздъ. Два рослыхъ гайдука, тоже въ мундирахъ, стояли на запяткахъ кареты. Эта карета съ Русской упряжью на 6 лошадей *когда-то* была Лазаремъ Абрамовичемъ выписана изъ Москвы за 150 рублей, что́ равнялось тогдашней цѣнѣ тысячи четвертей овса, такъ какъ четверть овса въ то время стоила 15 коп. Это я лично слышалъ отъ вдовы Лазаря Абрамовича, рожденной Чорбы, умершей въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Всѣ эти пришельцы изъ Цесаріи управляли своими владѣніями съ безпощаднымъ деспотизмомъ; они подчиняли своей волѣ не только своихъ крестьянъ, но и приходское духовенство. Священникъ начиналъ обѣдню не иначе какъ по приказанію владѣльца; мало того, онъ преклонялся предъ его властью и въ дѣлахъ совѣсти. Вотъ примѣръ, Лазарь Абрамовичъ выдавалъ насильно замужъ свою дочь за князя Уракова, помнится въ 1807 году; между тѣмъ сердце дѣвушки было занято другимъ предметомъ. Всѣ о ней жалѣли. Кто-то придумалъ средство спасти ее отъ предстоявшаго несчастія. Онъ ей посовѣтывалъ объявить всю правду священнику, когда тотъ, при вѣнчаніи, сдѣлаетъ установленный вопросъ, по своей-ли склонности идетъ она замужъ. Это ее успокоило; она твердо рѣшилась послѣдовать благому для нея совѣту. Насталъ день свадьбы, множество приглашенныхъ наполняло церковь, и вотъ начался чинъ вѣнчанія, а когда онъ кончился, то невѣста упала въ обморокъ. Произошла страшная суматоха, и оказалось, что Лазарь Абрамовичъ, стороною свѣдавшій о намѣреніи своей дочери протестовать противъ насилія, заранѣе приказалъ священнику обойти установленный вопросъ невѣстѣ. Бѣдную дѣвушку такъ и вывели изъ церкви не съ тѣмъ именемъ, котораго ожидало ея сердце. Наше семейство находилось въ числѣ свадебныхъ гостей, и, даромъ что мнѣ тогда было не болѣе шести лѣтъ, я живо помню все, что́ тогда происходило предъ моими глазами. Въ послѣдствіи Александра Лазаревна была за двумя мужьями; за послѣдняго изъ нихъ выходила она въ очень уже пожилыхъ лѣтахъ; это былъ извѣстный генералъ Александръ Андреевичъ Яхонтовъ, не моложе ея лѣтами.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что удивленіе ваше, когда вы въ первый разъ заслышали мою фамилію весьма естественно. Отецъ мой пользовался нѣкоторой извѣстностію по своему чину; но вопервыхъ, это было такъ давно, а вовторыхъ, престижъ генерала такъ упалъ съ тѣхъ поръ, что и эта скромная извѣстность могла заглохнуть, такъ какъ ни я, ни мои братья ни на какой общественной стезѣ не заявили о своемъ существованіи.

Въ напечатанной вами въ «Русскомъ Архивѣ» моей тетради первая глава представлена въ значительно сокращенномъ видѣ: въ ней не осталось и четвертой доли того, что̀ было первоначально написано; изъ нея выкинуто все, что̀ не отвѣчало прямо на вопросъ, которымъ озаглавлена моя рукопись. Урѣзки эти были мною сдѣланы по совѣту одного лица, которому я давалъ рукопись просмотрѣть. Напримѣръ, оцѣнщикъ мой находилъ излишнимъ то, что̀ говорено о моей школьной жизни, такъ какъ о матеріи, которою уже сотни страницъ наполнены въ журналахъ и которая всѣмъ надоѣла. Въ этомъ совѣтѣ я нашелъ нѣкоторую долю правды, хотя и не понималъ, почему даже и въ первоклассные журналы допускаются подробнѣйшія описанія весьма и весьма неприглядныхъ нравовъ въ семинаріяхъ, бурсахъ, гимназіяхъ и т. п. заведеніяхъ? Не потому ли, что они могутъ служить исторіи, какъ отраженіе нравовъ современнаго общества? Но въ такомъ разѣ почему же Пажескій Корпусъ, во многомъ отличавшійся отъ прочихъ военно-учебныхъ заведеній, лишается чести играть туже роль?

II.

Свѣдѣнія о дѣдѣ и родителѣ.

Предки Семена Егоровича Гангеблова были Грузинскіе дворяне. Когда въ 1739 году состоялся указъ императрицы Анны Іоанновны, коимъ приглашались изъ Грузіи желающіе опредѣлиться въ Русскую службу, то отецъ Семена Егоровича, Егоръ Христофоровичъ, съ семействомъ оставилъ въ числѣ прочихъ выходцевъ свое отечество. Онъ былъ опредѣленъ въ формировавшійся тогда Грузинскій гусарскій полкъ и надѣленъ, наравнѣ съ прочими выходцами, землею и крестьянами въ Малороссіи, гдѣ нынѣ мѣстечко Остапово въ Полтавской губерніи. Егоръ Христофоровичъ участвовалъ въ походахъ противъ Шведовъ, потомъ въ Семилѣтней войнѣ и при Екатеринѣ въ Турецкой. Убитъ въ сраженіи въ 1772 году въ чинѣ майора.

Семенъ Егоровичъ Гангебловъ родился 24-го Мая 1757 года въ Москвѣ, куда его мать переѣхала на жительство задолго еще до

смерти мужа. Пожалованное имѣніе, состоявшее изъ сорока дворовъ съ землею, господской усадьбой и угодіями, она продала за 600 рублей.

Удаленіе изъ службы Семена Егоровича, вслѣдствіе отставки за ранами, положило рѣзкую черту въ его жизни. Военная ея часть, почти съ отроческаго возраста и до старости, протекла среди многолюднаго круга отношеній, среди дѣятельности и дисциплины, освоила Семена Егоровича вполнѣ съ этими видами жизни и имѣла вліяніе на характеръ его по удаленіи въ деревню. Семенъ Егоровичъ не былъ богатъ настолько, чтобы по своему чину жить гдѣ-либо въ городѣ съ большимъ семействомъ. Принужденный заключиться въ деревнѣ, въ краѣ малонаселенномъ, онъ скучалъ отсутствіемъ большаго общества. Пользовавшись на службѣ, можно сказать, желѣзнымъ здоровьемъ, онъ лишенъ былъ возможности даже быть дѣятельнымъ хозяиномъ по причинѣ ранъ, отъ которыхъ онъ часто жестоко страдалъ, особливо въ послѣдніе годы жизни. Все это не могло не подѣйствовать на его характеръ, и онъ чаще бывалъ угрюмъ, чѣмъ спокоенъ и веселъ. Не смотря на это, помѣстные сосѣди и родственники, которыхъ кругъ былъ обширенъ, искренно любили и уважали Семена Егоровича. Не рѣдко случалось, что сосѣди прибѣгали къ его рѣшенію для покончанія своихъ споровъ. Нѣсколько разъ въ году къ нему съѣзжалось большое общество родныхъ и сосѣдей, проводившихъ у него по недѣлѣ и болѣе, причемъ онъ бывалъ отмѣнно привѣтливъ и умѣлъ обласкать всѣхъ и каждаго; но во всѣхъ случаяхъ не забывалъ и высоко ставилъ достоинство своего чина: не терпѣлъ никакого уклоненія отъ принятыхъ формъ. Случалось, что вовсе незнакомые съ Семеномъ Егоровичемъ полковые командиры близъ стоявшихъ войскъ, со всѣмъ обществомъ своихъ офицеровъ, пріѣзжали въ годовые праздники къ нему съ поздравленіемъ, хотя онъ уже и былъ въ отставкѣ. Такая вѣжливость всегда ему очень нравилась.

Любовь къ порядку никогда не покидала Семена Егоровича: въ деревенскомъ хозяйствѣ все у него шло на ладъ военной дисциплины. Справедливость онъ ставилъ выше доброты сердца, которую, если она безотчетна, называлъ «сусальнымъ золотомъ». Хвастовство было для него нестерпимо, а видъ пьянаго человѣка производилъ въ немъ почти физическое страданіе.

По свидѣтельству сверстниковъ Семена Егоровича, отъ самаго нѣжнаго возраста онъ глубоко былъ благочестивъ: всѣ посты, безъ исключенія, соблюдалъ строго, а въ важнѣйшіе постные дни и вовсе не употреблялъ онъ пищи. Величайшею заботою его было построеніе церкви въ деревнѣ. Это онъ называлъ «своимъ сладчайшимъ трудомъ». Семенъ Егоровичъ былъ не чуждъ предразсудковъ: «примѣты»

и «сны» имѣли для него значеніе въ дѣйствительной жизни. Онъ никогда не скрывалъ этой слабости, относя ее къ впечатлѣніямъ дѣтскаго возраста, утвердившимся разительными въ жизни его примѣрами; но въ дѣтяхъ своихъ онъ не хвалилъ подобнаго направленія и всячески старался предостерегать ихъ отъ суевѣрія.

Семенъ Егоровичъ никогда не живалъ въ избыткѣ. Въ 1770 году, его мать, отправляя его въ Петербургъ для опредѣленія на службу, «пожаловала ему», разъ на всегда, 25 рублей. Это сдѣлало его на всю жизнь бережливымъ, дѣятельнымъ и умѣреннымъ въ образѣ жизни. Онъ говаривалъ: «не могу понять, какъ человѣкъ съ здоровыми руками можетъ довести себя до нищенской бѣдности», а также, «какъ лекарь, при своей наукѣ, допускаетъ самого себя быть больнымъ». И зимою и лѣтомъ, онъ вставалъ въ четыре часа утра и тотчасъ одѣвался на цѣлый день.

Семенъ Егоровичъ обладалъ необыкновенною памятью мѣстности: гдѣ разъ онъ прошелъ или проѣхалъ, того мѣста во всю жизнь онъ помнилъ малѣйшія подробности. Открывать новые пути въ степныхъ мѣстахъ, среди которыхъ онъ жилъ, было вѣчною его заботою. Въ дорогѣ онъ вставалъ и подымалъ своихъ спутниковъ такъ рано, что часто совсѣмъ готовые въ путь они принуждены бывали дожидаться, когда начнетъ свѣтать.

Погибнуть отъ пушечнаго ядра онъ почиталъ лучшимъ родомъ смерти. Въ разговорѣ по поводу этого однажды онъ мнѣ сказалъ: «Вопервыхъ, ты умираешь безъ мученій, но не въ томъ дѣло: тутъ важны чувствованія, съ которыми душа предается Господу. Смерть убитаго ядромъ должна быть такъ мгновенна, что никакое страданіе не успѣетъ омрачить набожныхъ и патріотическихъ мыслей, а эти мысли во время сраженія наиболѣе возбуждены. Вспомнишь меня, когда Богъ благословитъ тебя быть въ дѣлѣ съ непріятелемъ».

Удивленіе Семена Егоровича къ великому характеру Суворова не имѣло границъ. Однажды, говоря о Суворовѣ, онъ заключилъ: «Словомъ сказать, онъ примѣръ совершенства для всѣхъ состояній. Кто хочетъ быть исправнымъ солдатомъ, знатнымъ вельможею, великимъ полководцемъ, искуснымъ дипломатомъ, добрымъ отцомъ семейства, радивымъ помѣщикомъ, даже благочестивымъ отшельникомъ—всѣ идите къ Суворову: онъ каждаго научитъ, какъ кому быть».

Сколь безгранично Семенъ Егоровичъ былъ преданъ верховной власти, видно изъ слѣдующаго. Онъ разсказывалъ какой-то анекдотъ про императора Павла; когда онъ кончилъ, одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что вѣрно же Государь сдѣлалъ это по ошибкѣ....— «Какъ смѣете это говорить!» вскричалъ онъ внѣ себя и потомъ, утих-

нувъ, спокойно сказалъ: «Монархъ никогда не ошибается. Одно что невозможно Государямъ—это ошибка».

Семенъ Егоровичъ не былъ словоохотенъ, но иногда разсказывалъ про давно-былое время. Замѣчательны обстоятельства спасенія его во время Варшавскаго бунта. Вотъ его разсказъ.

«Это было въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ (1794). Я возвращался изъ откомандировки въ главную квартиру, съ самыми сладкими ожиданіями повеселиться на праздникахъ. Въ Варшавѣ я имѣлъ много знакомыхъ. Кто, какъ я, хорошо говорилъ попольски, тотъ всегда былъ принимаемъ Поляками радушно. Домъ генеральши *** *) былъ для меня особенно пріятенъ; въ кругу ея общества я имѣлъ нѣсколько добрыхъ знакомцевъ, а сама почтенная старушка любила меня безъ памяти. Но тогда я и не воображалъ еще, какъ много со временемъ буду ей обязанъ....»

«Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Варшавѣ, тѣмъ болѣе замѣчалъ движенія по дорогѣ: множество Поляковъ разныхъ состояній, индѣ цѣлыми небольшими партіями, слѣдовали къ городу, пѣшіе, конные, въ щегольскихъ бричкахъ и другихъ экипажахъ; тутъ всего было. Ничего не подозрѣвая, я сначала приписалъ было это сборище близости праздниковъ; но когда сталъ въѣзжать въ заставу, то былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ: я вспомнилъ, что между всѣмъ этимъ множествомъ народа я не замѣтилъ ни женщинъ, ни дѣтей. Тотчасъ по пріѣздѣ, часу въ шестомъ вечера, явился я къ барону Игельстрёму. Онъ, выслушавъ мой рапортъ о командировкѣ, спросилъ: «что слышно новаго?» Я обстоятельно донесъ ему о томъ, что видѣлъ на возвратномъ пути. Генералъ засмѣялся и сказалъ: «видно, братецъ, и ты думаешь, что будетъ бунтъ; выкинь ты это изъ головы, да иди лучше отдыхай; а завтра я тебя потребую съ бумагами». Такое спокойствіе генерала не совсѣмъ меня разувѣрило. Я откланялся съ тѣмъ, чтобъ заняться составленіемъ отчета; но прежде мнѣ хотѣлось хоть на минуту повидаться съ «бабушкой», и я направился къ ея дому».

«Вмѣсто радостной, шумной встрѣчи я нашелъ у нихъ неожиданную тишину. Хозяйка казалась чрезвычайно разстроенной; дѣтей, противъ обыкновенія, при ней не было; два незнакомыя мнѣ лица сидѣли молча въ углу и важно на меня поглядывали. Даже мой пріятель Казимиръ, тутъ же бывшій, какъ будто боялся не обойтиться со мной холодно. Видя, что мой визитъ всѣхъ ихъ связываетъ, я подошелъ къ хозяйкѣ проститься. Рука ея дрожала. Ни она, ни Казимиръ

---

*) Отецъ называлъ ее „бабушкой“.

не вышли меня проводить. Всѣмъ этимъ я крайне былъ сконфуженъ и еще больше утвердился въ моихъ подозрѣніяхъ. Я поспѣшилъ домой».

«На улицахъ не было замѣтно ничего необыкновеннаго; народу казалось не болѣе какъ и всегда. Несмотря на это, часовому и деньщикамъ я отдалъ приказаніе держать ухо востро и тотчасъ дать мнѣ знать, ежели замѣтятъ какой-либо шумъ. Я просидѣлъ за бумагами до полуночи; наконецъ, до крайности уставши отъ дороги и отъ письменной работы, я кинулся на кровать. Тишина была мертвая; все вокругъ меня спало; я не могъ далѣе бороться со сномъ.... Вдругъ слышу, меня сильно дергаютъ за руку; это былъ мой Николай. «Извольте вставать, сударь, сказалъ онъ запыхавшись: изъ пушки выпалили, и въ городѣ поднялся шумъ». Не успѣлъ я вскочить и вымолвить слова, какъ у самаго окна часовой прокричалъ: «тревога! тревога!» Съ тѣмъ вмѣстѣ послышались вдалекѣ ружейные выстрѣлы. Думать было нечего. Въ торопяхъ я велѣлъ людямъ, что̀ успѣютъ изъ моихъ вещей сбросить въ хозяйскій погребъ *), а самъ, схвативши пистолетъ и саблю, опрометью бросился, чтобъ добраться до генерала. Я видѣлъ, какъ вслѣдъ за моимъ выходомъ Поляки ворвались въ мою квартиру; мои люди успѣли ускользнуть отъ нихъ, но не могли уже попасть на мой слѣдъ, и я потерялъ ихъ изъ виду. Только что хотѣлъ я поворотить за уголъ сосѣдняго дома, какъ наткнулся на Поляка. Онъ вдругъ остановился и, какъ будто вглядываясь, въ полголоса спросилъ: «кто это?» Я узналъ по голосу, съ кѣмъ имѣю дѣло (это былъ Казимиръ). Я назвалъ себя; онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, ухватившись за меня обѣими руками, сказалъ шепотомъ: «я бѣжалъ къ вамъ, бросайте все и пойдемъ; я укрою васъ у бабушки»....—Но, ради Бога, что̀ все это значитъ?»—Не время толковать; теперь ужъ нигдѣ не пройдете; положитесь на меня, если не хотите, чтобъ васъ зарѣзали какъ барана». И съ этимъ онъ, накинувъ на меня свой плащъ, увлекъ меня за собою, приказавъ говорить громко и по-польски. Толкаясь между мятежниками, мы пробѣжали нѣсколько незнакомыхъ мнѣ переулковъ и сквозныхъ дворовъ; наконецъ, калитка, въ которую онъ постучалъ эфесомъ сабли, отворилась; мы перешли небольшой задній дворъ, взбѣжали на лѣстницу двухъ-этажнаго дома, потомъ въ дверь, и я очутился лицомъ къ лицу съ моей доброй бабушкой. Видно было, что она ожидала насъ. Она обняла, цѣловала меня, дрожа всѣмъ тѣломъ и творя молитву; потомъ повела за собою, втолкнула въ небольшую комнату, гдѣ были собраны ея дѣти и, оста-

*) Хозяинъ былъ Нѣмецъ и вѣрно не зналъ о заговорѣ.

вивъ насъ въ темнотѣ, замкнула дверь на ключъ. Вскорѣ за тѣмъ, ватага бунтовщиковъ остановилась передъ домомъ и стала требовать выдачи Русскаго. Чтобъ ихъ удалить, имъ отвѣчали, что здѣсь никого изъ Русскихъ нѣтъ, что въ домѣ одни патріоты. Но не тутъ-то было. «Измѣна! измѣна!» завопило нѣсколько голосовъ: «мы знаемъ, что тутъ укрывается Москаль! Смерть Москалямъ! Смерть варварамъ». Вороты были выломаны; сволочь вторгнулась въ домъ и предалась грабежу. За стѣной у насъ слышались ужасный крикъ и грохотъ мебели. Дѣти въ страхѣ жались ко мнѣ... Нѣсколько времени спустя, все вдругъ пріутихло; послышался знакомый голосъ: то былъ опять мой благородный другъ Казимиръ. Онъ говорилъ повелительно, упрекалъ грабителей въ безчинствѣ, указывалъ на слезы супруги генерала-патріота, ручаясь, что она не потерпѣла бы врага отечества въ своемъ домѣ. «Стыдитесь, прибавилъ онъ, стыдитесь тратить столько силъ и времени на поискъ одного человѣка; идите лучше туда, куда васъ призываютъ честь и спасеніе отчизны!» Эта рѣчь не была напрасна: толпа затихла, выбралась на улицу, затянула патріотическую пѣснь и слилась съ общимъ волненіемъ».

«Бунтъ былъ уже въ разгарѣ. Народъ то запружалъ, то очищалъ улицу. Казимиръ не являлся. Моя хозяйка не хотѣла меня выпустить; она клялась, что скорѣе сама погибнетъ, чѣмъ согласится меня выдать. Но мнѣ невозможно было оставаться долѣе: ясно было, что наши войска не удержатся въ Варшавѣ и отступятъ. Что̀ дѣлать? На что̀ рѣшиться? Положеніе мое было ужасно»...

«Но милосердному Богу угодно было еще послать мнѣ надежду на избавленіе. Залпъ изъ нѣсколькихъ орудій раздался не вдалекѣ отъ насъ. Выстрѣлы повторялись; изъ окна видно было, что пальба происходила на одномъ и томъ же мѣстѣ. Нечего было медлить. Никакія убѣжденія не могли уже меня остановить. Уступая моей настойчивости, на меня надѣли тотъ же Казимировъ плащъ и Польскую шапку покойника-хозяина; предлагали мнѣ и платье его, но я отказался, полагая, что и видъ Русскаго мундира можетъ мнѣ пригодиться. Чтобъ отвратить всякое подозрѣніе, я рѣшился не брать съ собой оружія: взялъ только небольшую трость. Собравшись такимъ образомъ, я простился съ моей благодѣтельницей и, предавъ себя волѣ Провидѣнія, вышелъ изъ дому. Немного пройдя, я принужденъ былъ пристать къ небольшой партіи Поляковъ, которая слѣдовала, казалось, по моей дорогѣ; я шелъ разговаривая съ ними, но потомъ видя, что они перемѣнили направленіе, отдѣлился отъ нихъ и продолжалъ пробираться одинъ. Уже оставалось не болѣе 50 саженъ до батареи; но тутъ толпился народъ. Я зашелъ съ той стороны, куда обращены были наши

пушки и гдѣ на довольно далекомъ разстояніи народу не было. Чтобъ своими не быть принятымъ за Поляка и съ тѣмъ вмѣстѣ быть болѣе легкимъ на бѣгу, я сбросилъ плащъ и шапку и кинулся бѣжать, какъ на перекресткѣ былъ замѣченъ шайкой черни, которая со всѣми знаками самаго дикаго буйства стремилась изъ боковой улицы. Крики: «Москаль! Москаль!» и нѣсколько провизжавшихъ подлѣ меня пуль были послѣднимъ моимъ испытаніемъ: я прибавилъ шагу и достигъ Русской батареи, возсылая благодаренія моему Создателю за мое чудесное спасеніе и благословляя моихъ избавителей. На батареѣ я нашелъ двѣ роты егерей, изъ разныхъ командъ много штабъ и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ и нестроевыхъ. Безпорядокъ и смятеніе были ужасныя. Штабъ-офицеры, тутъ находившіеся, хотя и были всѣ старше меня, но съ общаго согласія предложили мнѣ принять надъ сборнымъ этимъ отрядомъ командованіе. Держаться долѣе было и безполезно, и невозможно: хотя до голоду было еще далеко, но все же у насъ не было ни сухаря, а главное—заряды были на исходѣ. Я тронулъ отрядъ съ мѣста, направляясь къ той сторонѣ, откуда слышалась канонада и, пробиваясь сквозь толпы бунтовщиковъ, которые со всѣхъ сторонъ на насъ напирали. Подаваясь очень медленно впередъ, мы такимъ образомъ достигли нашего главнаго отряда и примкнули къ нему. Баронъ Игельстрёмъ вывелъ насъ изъ Варшавы и направилъ къ Прусской границѣ. Я нѣсколько разъ писалъ къ моимъ спасителямъ, но мои письма оставались безъ отвѣта. Впослѣдствіи я узналъ что генеральша *** умерла вскорѣ послѣ того, а Казимиръ пропалъ безъ вѣсти во время бунта».

Семенъ Егоровичъ умеръ 1827 года въ Февралѣ мѣсяцѣ отъ раскрытія ранъ и похороненъ въ своемъ имѣніи Екатеринославской губерніи Верхнеднѣпровскаго уѣзда, въ селѣ Богодаровкѣ, въ оградѣ церкви во имя Св. Троицы.

III.

Изъ памяти.

Я и мой старшій братъ находились въ Одессѣ, въ училищѣ, бывшемъ прежде частнымъ пансіономъ; но когда основатель этого пансіона, Вольсей, задумалъ выѣхать изъ Россіи, то Дюкъ-де-Ришелье принялъ заведеніе его подъ свое покровительство.

Когда въ 1813 году насъ взяли изъ пансіона, называвшагося уже Ришельевскимъ институтомъ, то мы застали отца нашего дома. Онъ сильно страдалъ отъ своей раны. Тутъ мнѣ объявили, что осуще-

ствленіе царской милости пало на меня, такъ какъ изъ насъ троихъ братьевъ я наиболѣе подхожу къ возрасту для поступленія въ корпусъ (мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ) и что черезъ годъ съ небольшимъ я буду отправленъ въ Петербургъ съ одною знакомой помѣщицей, которая должна отвезти туда свою дочь для опредѣленія въ Смольный монастырь. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Въ назначенный срокъ, меня отвезли къ Марьѣ Ивановнѣ Шклеревичъ; а вскорѣ затѣмъ мы отправились. Путь по Бѣлорусскому тракту былъ чрезвычайно затруднителенъ. Дожди лились почти безпрестанно; болотные лѣса, а всего хуже бревенчатыя мостовыя, по которымъ экипажъ подвергался частымъ ломкамъ, заставлялъ насъ по цѣлому иногда дню не выходить изъ экипажа; мы успѣвали проѣзжать въ день не болѣе какъ по одной станціи и за тѣмъ останавливаться на ночлеги. На этихъ послѣднихъ, какъ бы для усугубленія мрачнаго настроенія духа, намъ разсказывали о бѣдствіяхъ недавняго еще бѣгства Французовъ. Цѣлыя двѣ недѣли тащились мы такимъ образомъ до Петербурга, куда прибыли поздно вечеромъ и остановились у старыхъ знакомыхъ Марьи Ивановны, Бабкиныхъ. На другой день, послѣ утренняго завтрака, на которомъ присутствовалъ и самъ хозяинъ, въ красномъ мундирѣ и бѣлыхъ штанахъ (онъ служилъ при дворѣ и спѣшилъ къ своей должности), Марья Ивановна нарядила меня въ мундирчикъ Ришельевскаго института и повезла сперва къ моей старушкѣ-теткѣ, отъ нея къ военному министру, князю Горчакову, а затѣмъ въ Пажескій Корпусъ, гдѣ и сдала его директору. Меня тотчасъ повели на «верхъ».

Такимъ образомъ, прибывъ въ Петербургъ и проѣхавъ по немъ лишь нѣсколько улицъ, и то въ закрытомъ экипажѣ, Петербурга я вовсе не видѣлъ; къ тому же я былъ истомленъ и какъ бы придавленъ продолжительнымъ и мрачнымъ путемъ по Бѣлорусскому тракту. Въ этотъ же день солнце свѣтило ярко. Послѣ этого легко себѣ представить, какое впечатлѣніе на меня произвели огромныя, съ высокими потолками залы, черезъ которыя меня вели и гдѣ было почти пусто, такъ какъ въ это время пажи находились въ классахъ. Мой вожатый провелъ меня черезъ нѣсколько классныхъ комнатъ полныхъ учащимися и сдалъ инспектору классовъ. Это былъ *) высокій, толстый, сѣдой какъ лунь старикъ. Онъ раскрылъ передо мной Французскую книгу, велѣлъ читать и, прослушавъ съ полстраницы, посадилъ меня между учениками сосѣдней комнаты; это былъ пятый классъ. Вскорѣ затѣмъ звонъ колокольчика возвѣстилъ окончаніе классовъ;

---

*) Полковникъ Оде-де-Сіонъ.

всѣ собрались въ рекреаціонную залу «на разводъ», а послѣ развода съ крикомъ, гвалтомъ и перегоняя другъ друга бросились бѣжать въ садъ. Ко мнѣ подошли нѣсколько, одного со мной возраста, дѣтей, обласкали меня и въ саду, усадивъ на скамью, стали меня знакомить съ моимъ новымъ положеніемъ. Это меня очень радовало: все же я имѣлъ руководителей, все же былъ не какъ въ лѣсу. Но не надолго была эта радость: являются три новые господина постарше меня, нѣсколько иначе одѣтые, съ фуражками инаго цвѣта, чѣмъ у другихъ. (Въ тѣхъ же сюртукахъ, но съ полами, назадъ пристегнутыми, съ отвороченными воротниками и въ фуражкахъ вывороченыхъ на изнанку). Они разгоняютъ моихъ маленькихъ друзей, объявляютъ мнѣ, что они зубные врачи и присланы отъ начальства осмотрѣть мои зубы, дабы по нимъ опредѣлить, способенъ ли я къ военной службѣ. Не долго думая, два изъ нихъ схватили меня, одинъ за голову, другой за руки, а третій, вынувъ изъ кармана какой-то инструментъ и велѣвъ мнѣ раскрыть ротъ, принялся по зубамъ моимъ хозяйничать и вскорѣ дохозяйничался до крови. Я плакалъ, кричалъ; на мой крикъ прибѣжалъ дежурный по корпусу камеръ-пажъ. Догадавшись въ чемъ дѣло, онъ распекъ и разогналъ моихъ дантистовъ; главнаго изъ нихъ оставилъ «безъ обѣда», а двухъ его помощниковъ безъ «жаркаго и пирожнаго». По удаленіи моихъ мучителей прежніе добрые мальчики не замедлили ко мнѣ возвратиться. Они меня успокоивали; они говорили, что это не болѣе какъ шутка, не болѣе какъ «испытаніе», да и испытаніе-то это обошлось мнѣ еще дешево: съ другими «новенькими» и не то бывало. Вонъ, напримѣръ, съ Сенъ-Лораномъ: того судомъ судили за какую-то будто бы неисправность въ его бумагахъ и приговорили опустить въ боченкѣ съ лѣстницы! Такъ и сдѣлали: заранѣе приготовивъ что̀ было нужно, судьи уложили его въ боченокъ, обмотавъ прежде голову полотенцомъ, боченокъ заколотили и, при крикахъ ура!, скатили съ деревянной лѣстницы, что̀ ведетъ въ нижній этажъ, т.-е. въ первое отдѣленіе.

Вскорѣ однакожъ я освоился съ моей обстановкой, не вдругъ конечно. Меня оставили въ покоѣ; находились еще безсердечные шалуны, готовые «пошпиговать» новичка, но сперва я всегда находилъ защитниковъ, а потомъ и самъ храбро отбивался и не давалъ себя въ обиду.

Спустя нѣсколько времени, я совсѣмъ привыкъ къ своей новой жизни, а одно обстоятельство не только заставило моихъ сверстниковъ меня полюбить, но и обратило ко мнѣ всеобщее доброе расположеніе. Прежде надо сказать, что въ корпусѣ я уже засталъ хоръ духовнаго пѣнія, составленный изъ голосовъ 15 или 18, подъ регент-

ствомъ старшаго изъ князей Гагариныхъ Павла *). Черезъ десять дней по моемъ вступленіи въ корпусъ, именно въ день храмоваго праздника нашей церкви, пѣніе у обѣдни отправлялось не домашними однакожъ пѣвчими, а приглашенъ былъ для этого лучшій въ то время въ столицѣ хоръ пѣвчихъ А. М. Дубенскаго. До этого времени я никогда не слыхалъ музыки, не имѣлъ понятія о томъ что̀ такое сочетаніе звуковъ, но съ той поры непрерывная струя гармоніи не покидала моей головы. Въ Воскресеніе той же недѣли, когда пажи были въ роспускѣ по домамъ, я уединился въ пустой рекреаціонной залѣ. Недавно слышанное мною хотѣло чѣмъ-нибудь выразиться, и я до того забылся, что и не слыхалъ, какъ меня подслушали. Узналъ про это Павелъ Гагаринъ и завербовалъ меня въ свой хоръ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался общимъ любимцемъ, сталъ еще смѣлѣе и какъ бы выбрался изъ лѣсу на просторъ.

Теперь, на такомъ далекомъ, по времени, разстояніи, недостатки въ тогдашнемъ устройствѣ Пажескаго Корпуса и въ заведенныхъ въ немъ порядкахъ становятся виднѣе. Начать съ помѣщенія. По части дортуаровъ одно изъ четырехъ «отдѣленій» личнаго состава воспитанниковъ занимало огромную залу, въ два свѣта, аршинъ пятнадцать, если не болѣе, вышиною; спальныя же комнаты прочихъ «отдѣленій» были на половину ниже; почти во всѣхъ нихъ живописные превосходной кисти плафоны, на большой части которыхъ краски сохранились во всей свѣжести. Все это могло бы еще сойти съ рукъ, но вотъ въ чемъ несообразность: сюжеты всѣхъ этихъ картинъ заимствованы изъ Миѳологіи, съ изображеніемъ фигуръ почти голыхъ, и это въ спальняхъ учебнаго заведенія. Непонятно, какъ такая аномалія не бросилась въ глаза такимъ ученымъ людямъ, какъ Клингеръ, попечитель корпуса, и его директоръ Гогель, которому не чужды были трактаты о воспитаніи *). Однажды графъ Коновницынъ, заступившій мѣсто Клингера, въ сопровожденіи директора и инспектора классовъ, вошелъ къ намъ въ классъ, когда каѳедру занималъ профессоръ Русской словесности Бутырскій. Какъ только графъ показался въ дверяхъ, Бутырскій, желавшій блеснуть декламаціей своихъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ловко польстить герою Отечественной войны, заставилъ Якова Ростовцева прочесть нѣсколько строфъ изъ поэмы «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ». Графъ слушалъ; когда дошло до стиховъ:

---

*) Это были сыновья, князя Ивана Алексѣевича.

*) И. Г. Гогель высоко цѣнилъ „Эмиля“. Это мнѣ сказывалъ впослѣдствіи его племянникъ камерпажъ Григорій Гогель.

„О всемогущее вино,
Веселіе героя!“

графъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе на неумѣстность восхваленія вину въ учебномъ заведеніи. Какъ видно, графъ Коновницынъ серьезно смотрѣлъ на нравственную сторону воспитанія; какимъ же образомъ онъ не обратилъ вниманія на плафоны въ дортуарахъ?

Кромѣ самого Государя, высшихъ надъ Пажескимъ Корпусомъ властей не было; а государь Александръ Павловичъ никогда въ этомъ корпусѣ не бывалъ.

Относительно пищи тотъ же недостатокъ, или вѣрнѣе сказать, излишество: насъ кормили слишкомъ жирно. Кто теперь повѣритъ, что къ обѣду и ужину подавалось по пяти блюдъ, и сверхъ того три раза въ недѣлю подавались пироги, а между тѣмъ чаю вовсе не полагалось. Вмѣсто чаю мы получали по такъ называемому францолю, а чай допускалось каждому имѣть свой. Изъ этого выходило щекотливое неравенство между товарищами: иной бѣднякъ (а ихъ было немало) грызъ свой сухой францоль, въ то время какъ его застольному сосѣду сервировался комфортабельный утренній завтракъ.

Личный составъ воспитанниковъ состоялъ изъ четырехъ отдѣленій пажескихъ и одного камерпажескаго. Отдѣленіями завѣдывали начальники изъ военныхъ, которыхъ не знаю какъ и титуловать: офицерами—нельзя, такъ какъ почти всѣ они были штабъ-офицеры; а какъ тѣми, такъ и другими нельзя назвать еще потому, что въ обученіи пажей фрунтовой службѣ они вовсе не принимали участія. За неимѣніемъ лучшаго, этимъ начальникамъ отдѣленія присвоимъ названіе *наставниковъ*. Въ помощники этимъ наставникамъ назначались *старшіе пажи*, по одному на отдѣленіе. Эти четыре наставника дежурили по корпусу поочередно, имѣя при себѣ для помощи одного изъ камерпажей. Камерпажи составляли особое отдѣленіе,—наставникомъ котораго былъ старшій «по чину» изъ наставниковъ; этотъ послѣдній завѣдывалъ всѣми порядками корпуса, равно и обученіемъ по фрунтовой части.

Всѣ начальники были не-Русскіе *). Они были люди очень хорошіе, но по степени образованія не совсѣмъ отвѣчали той роли, которую на себя приняли за исключеніемъ развѣ Клингенберга: этотъ человѣкъ родился какъ будто для того, чтобы справляться съ пажами; прочіе же не отличались способностью видѣть въ своихъ обязанностяхъ нѣчто большее чѣмъ выполненіе ежедневныхъ порядковъ корпусной

---

*) Одинъ Русскій вступилъ было въ корпусъ, но не долго тамъ прослужилъ.

жизни. Никогда не заводили они интимныхъ съ воспитанниками бесѣдъ о томъ, что ожидаетъ ихъ внѣ школы; не интересовались направленіемъ ихъ наклонностей, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ ихъ рукахъ; да еслибъ и заглянули въ которую либо изъ нихъ, то едва бы съумѣли опредѣлить, на сколько содержаніе ея полезно или вредно. Къ тому же, какъ скоро, въ 10 часовъ вечера, дежурный наставникъ «обошелъ рундомъ» дортуары, то считалъ свое дѣло законченнымъ и преспокойно отправлялся къ себѣ на квартиру, внѣ главнаго зданія корпуса. Дежурный по корпусу камерпажъ тоже уходилъ на свою «половину», отдѣленную отъ общихъ спаленъ нѣсколькими классными комнатами и рекреаціонной залой. Такимъ образомъ на ночь воспитанники предоставлялись самимъ себѣ, и тутъ то начинались разныя проказы. То являлись привидѣнія (половая щетка съ маскою на верху и накинутой простыней); то затѣваются похороны: тутъ и попъ въ ризѣ изъ одѣяла, съ крестомъ изъ картона и бумажнымъ кадиломъ, тутъ и дьячекъ, и пѣвчіе; они подкрадываются къ кому-либо изъ своихъ souffre-douleurs, берутся молча за ножки его кровати, подымаютъ сколь можно выше, и тогда разомъ раздается похоронная пѣснь, и процессія отправляется въ обходъ по дортуарамъ. Чаще всего, послѣ рунда, подымалась война подушками. Прекращать подобный безпорядокъ было некому: старшій пажъ или уже спалъ, или, какъ товарищъ, смотрѣлъ на это сквозь пальцы, а дежурный инвалидный солдатъ доносить боялся: пожалуй еще побьютъ!

Съ воцареніемъ Николая Павловича такія неурядицы, какъ я слышалъ впослѣдствіи, исчезли: дежурный наблюдатель не покидалъ дортуаровъ всю ночь, кочуя изъ одного въ другой; съ тѣмъ вмѣстѣ большая въ два свѣта зала, какъ я слышалъ, передѣлена потолкомъ на два этажа; плафоны сняты, и стѣны всѣхъ помѣщеній покрыты подъ одну краску, а обѣдъ и ужинъ сведены съ пяти на три блюда.

Учебная часть страдала едва ли не худшими недостатками. Начать съ того, что большая часть учителей, по своей внѣшности и своимъ пріемамъ, отзывались какою-то чудаковатостью, напрашивались на каррикатуру; а шалунамъ это и на-руку. Къ тому же, ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней любовь и уваженіе. Методъ изученія заключался въ тупомъ долбленіи наизусть; о какомъ либо приложеніи къ практикѣ и намеку не было; а потому, за весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобы что нибудь знать, а для того только, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась Исторія. Это было сухое перечисленіе голыхъ фактовъ, безъ упоминанія о правахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ

народной жизни. Къ тому же насъ учили только Русской и древней исторіи; объ исторіи Среднихъ Вѣковъ и новѣйшей мы и не слышали. Чѣмъ объяснить такой важный пробѣлъ? Объяснить это можно развѣ тѣмъ только, что, имѣя въ виду одно лишь свѣтское образованіе, находили достаточнымъ, если мы будемъ на столько свѣдущи въ Исторіи, чтобъ умѣть судить о произведеніяхъ искусствъ, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Неменьшее неудобство представлялось и въ лицѣ самаго инспектора классовъ. Въ немъ не было ничего Русскаго; вывезенный изъ Швейцаріи Суворовымъ для воспитанія сына, полковникъ Оде-де-Сіонъ, прослуживъ лѣтъ двадцать въ Русской службѣ, не умѣлъ двухъ словъ связать по-русски. Въ преподаваніи допускались упущенія непозволительныя, времени терялось много; напримѣръ, въ политическихъ наукахъ, которыя камерпажамъ преподавалъ на Французскомъ языкѣ Итальянецъ Триполи, у него учились весьма плохо; а подходилъ экзаменъ, учитель раздавалъ каждому по нѣскольку особыхъ вопросовъ, мы вызубривали на нихъ отвѣты, и экзаменъ проходилъ на славу. Изъ своихъ четырехъ часовъ Триполи первые два часа отдавалъ намъ на ничегодѣланіе, подъ предлогомъ *приготовленія* уроковъ, а самъ тѣмъ временемъ садился на каѳедру, углублялся въ самого себя, все что-то сочинялъ и, какъ истый Итальянецъ, отчаянно жестикулировалъ, шевеля губами и устремляя взоръ то туда, то сюда, какъ бы ловя вдохновеніе. Въ эти часы къ нему нерѣдко приходилъ старикъ Оде-де-Сіонъ, садился подлѣ него, и они по-долгу бесѣдовали полу-шопотомъ. Надо знать, что оба они принадлежали къ братству масоновъ, чего Триполи и не скрывалъ отъ насъ.

Риторики тоже никто не хотѣлъ знать. Профессоръ словесности предпринялъ было тотъ же маневръ: чтобы выпутаться изъ бѣды, онъ раздавалъ Риторику по клочкамъ; но ему это не удалось, и онъ былъ накрытъ en flagrant délit. Вотъ какъ это случилось. Прежде надо сказать, что въ классахъ ученики занимали мѣста по старшинству баловъ, полученныхъ каждымъ по извѣстному предмету, и потому каждые два часа, т. е. при каждой перемѣнѣ учителя, ученики разсаживались иначе. Къ несчастью, случилось такъ, что экзаменъ по математикѣ былъ оконченъ цѣлымъ часомъ ранѣе до выхода изъ классовъ. Дабы не терять времени, директоръ приказалъ позвать изъ сосѣдняго класса профессора словесности, чтобы начать экзаменъ по его предмету. Мы сидѣли по порядку *математическому*; а вѣдь у профессора списокъ, по которому онъ долженъ спрашивать, разсчитанъ на то, что вопросы отъ него будутъ слѣдовать по порядку *словесному*. Какъ тутъ быть? Видимъ, дѣло-то плохо! Вотъ мы между

собою переглянулись, перешепнулись и разомъ поднялись съ мѣстъ, чтобъ пересѣсть по *словесному*.

«Чтò это, что это?» спросилъ Иванъ Григорьевичъ, оторванный отъ своихъ бумагъ шумомъ нашего движенія.

— Надо, ваше превосходительство, по старшинству словесныхъ баловъ....

— «Сидите такъ, это все равно», повелѣлъ генералъ.

Минутку спустя, видимъ, что генералъ опять уткнулъ глаза свои въ бумаги, а профессоръ еще не является; мы рискнули снова на тотъ же подвигъ.

«Да говорятъ вамъ», грянулъ генералъ, «чтобы вы сидѣли смирно, по прежнему. Садитесь».

На это дверь отворяется, входитъ профессоръ. Онъ бодро поднялся на каѳедру, но тотчасъ же замѣчаетъ, что мы не «по его» сидимъ; поворачиваетъ голову къ директору и вкрадчиво что-то ему докладываетъ.

«Знаю, знаю», перебиваетъ его генералъ; «да вѣдь это все равно, начинайте Риторику».

Тутъ нечего дѣлать, надо было покориться. Растерянный профессоръ заглядываетъ въ свои замѣтки и возглашаетъ: «Господинъ такой-то!»

Господинъ такой-то встаетъ изъ середины аудиторіи, отвѣчаетъ на вопросъ, и отвѣчаетъ хорошо.

Затѣмъ: «Господинъ такой-то!» взываетъ профессоръ. Этотъ другой подымается съ задней лавки. Ничего, ладно отвѣтилъ.

«Да вы, Никита Ивановичъ», сказалъ съ досадой директоръ, «начинайте съ перваго сидящаго, потомъ спрашивайте втораго, и такъ дальше: иначе мы спутаемся».

И вотъ встаетъ первый —плохо! Встаетъ второй — почти молчаніе.... Одному по счастью попался «его вопросъ», и онъ отвѣчалъ бойко; затѣмъ опять плохо, плохо и такъ до конца....

Пораженіе полное!!... Генералъ мечетъ вопросительные взоры на профессора; этотъ какъ обомлѣлый молчитъ; Оде-де-Сіонъ и присутствующіе наставники тревожно шепчутся... Общее смятеніе!..

Чѣмъ же кончилась эта продѣлка? Да ничѣмъ; профессоръ остался на своемъ учительскомъ мѣстѣ въ корпусѣ.

Послѣ этого спрашиваю, чтò могъ юноша, вступающій на поприще жизни, чтò могъ онъ вынести изъ такой воспитательной сферы, гдѣ учителя—люди, которые по своимъ лѣтамъ и по своей самостоятельности присваиваютъ себѣ роль наставника, входятъ со своими питомцами въ подобныя стачки, для того только, чтобъ самимъ выйти

сухими изъ воды. Впрочемъ, въ прежнее время и не то еще бывало. Иванъ Григорьевичъ Гогель очень много исправилъ, но всего зла искоренить не могъ. Тутъ кстати упомянуть, что онъ же, председательствуя на экзаменахъ, производилъ ихъ съ величайшимъ терпѣніемъ, отъ высшихъ предметовъ до азбуки, и руководился безпристрастіемъ въ назначеніи баловъ.

Но что̀ значитъ сила обстоятельствъ! Тотъ же строго-правдивый Гогель впалъ однажды въ явную несправедливость и только отъ того, что одновременно занималъ двѣ разныя должности: съ одной стороны должность директора Пажескаго Корпуса, съ другой—предсѣдателя артилерійскаго ученаго комитета; въ первомъ случаѣ его начальникомъ былъ графъ Коновницынъ, въ послѣднемъ—великій князь Михаилъ Павловичъ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

По экзамену во второмъ, т.-е. верхнемъ, *пажескомъ* классѣ, я, по баламъ занялъ третье мѣсто съ конца; ниже меня сѣли А. Чевкинъ и Я. Ростовцевъ. Когда представили государю Александру Павловичу списокъ къ производству въ камеръ-пажи, Чевкинъ и Ростовцевъ были вычеркнуты, подъ тѣмъ предлогомъ, что ни у того ни у другаго не насчитывалось 900 баловъ. Изъ этого видно, что списокъ этотъ былъ внимательно Государемъ разсмотрѣнъ, а потому я отношу къ счастливой случайности, что и я не былъ изъ списка вычеркнутъ, такъ какъ въ поведеніи у меня не было полныхъ баловъ: три бала были убавлены за исторію мою съ наставникомъ Б. Е. Гине (о чемъ буду говорить дальше). Но на какомъ положеніи основывался Государь въ опредѣленіи не менѣе 900 баловъ, какъ крайняго предѣла къ производству, осталось неизвѣстнымъ. Въ прежнее время подобныхъ примѣровъ не встрѣчалось. Производилось въ камеръ-пажи столько, сколько требовалось для сохраненія комплекта, именно шестнадцать камеръ-пажей, по числу особъ царской фамиліи въ тотъ годъ: къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ шесть, къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ два и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ восемь. Такимъ образомъ оба вычеркнутые Государемъ произведены не были; но ихъ оставили въ камерпажескомъ классѣ для слушанія курса *).

---

*) Учащіеся раздѣлялись на семь классовъ; изъ нихъ шесть (отъ 1-го, младшаго до 2-го) состояли изъ пажей, и одинъ, 1-й классъ, изъ камерпажей Изъ втораго класса пажи, получившіе по экзамену 500 баловъ (съ поведеніемъ) выпускались въ армейскіе полки; въ артилерію же, въ инженеры или свиту предоставлялось выходить только тѣмъ изъ пажей, которые получили 750 баловъ. Въ гвардію всѣхъ родовъ оружія имѣли право поступать только камерпажи, получившіе 1000 баловъ. При распредѣленіи по наукамъ полныхъ баловъ имѣлось въ виду поощрять изученіе тѣхъ предметовъ, въ преподаваніи которыхъ постоянно замѣчается неуспѣхъ; такъ наприм. по Русской словесности полныхъ баловъ полагалось 60, по Французскому языку 80, по Нѣмецкому 100. При этомъ весьма натурально, что Нѣмцы не въ мѣру выигрывали противъ Русскихъ.

Мнѣ, мало знакомому съ Французскимъ и вовсе не знакомому съ Нѣмецкимъ языками, ежели и удавалось быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ, то это не иначе какъ въ хвостѣ переводимыхъ.

Между тѣмъ изъ пажей, которые не были лѣнтяями, составились маленькіе кружки отъ двухъ до четырехъ человѣкъ для приготовленія уроковъ. Еще съ третьяго класса сошлись въ такой кружокъ: графъ Пире́ (сынъ Французскаго генерала, командовавшаго кавалеріей у Наполеона, при высадкѣ его въ Каннахъ), я и К. Чевкинъ. Пире́ первый отъ насъ отдѣлился, поступивъ въ камеръ-пажи, а черезъ годъ, когда Чевкинъ и я перешли туда же, то Чевкинъ меня обогналъ.

Въ поведеніи мнѣ, съ четвертаго класса, стали давать полные балы (100), и такъ бы продолжалось до конца, еслибъ я не попалъ въ одну, относительно, важную затѣю. Вотъ въ чемъ дѣло. Наставникъ нашего третьяго отдѣленія подполковникъ Б. Е. Гине имѣлъ неудобство походить на героя Ламаншскаго: его небольшая голова на худомъ плоскомъ туловищѣ, его блѣдныя впалыя щеки, его маленькія подернутыя экзальтаціей глаза, наконецъ мѣшковатость его одежды при ботфортахъ, какъ бы съ футляромъ для мозолей, вся эта своеобразная внѣшность прежде всего напомнитъ вамъ знаменитаго рыцаря. Независимо отъ этого, Борисъ Егоровичъ человѣкъ истинно-почтенный; но имъ обладала, не по вкусу его питомцамъ, страсть давать наставленія, «нотаціи», какъ мы ихъ называли. Когда Борису Егоровичу нечего дѣлать, онъ призываетъ одного изъ насъ къ себѣ на квартиру и по́-часу и болѣе читаетъ скучнѣйшую мораль, съ примѣрами изъ Священнаго Писанія, и это въ такіе часы, когда другіе товарищи рѣзвятся и гуляютъ въ саду. «Не дѣлаетъ же этого никто другой изъ его сослуживцевъ!» разсуждали мы; «да къ тому же и наставлять по Священному Писанію, это не его дѣло: на то есть попъ, законоучитель! Пора съ этою канителью покончить». Такъ думали не дѣти, а взрослые, авторитетные въ отдѣленіи; а когда, за выбытіемъ по экзамену старшаго пажа, подошелъ день назначенія новаго, то заговорщики положили: если выборъ Гине падетъ на кого-либо изъ нихъ, то отказаться, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Я и еще двое не протестовали противъ такого рѣшенія, но и не опровергали его. Я надѣялся на то что авось сія чаша меня минуетъ.

На слѣдующее утро, когда мы, по привычкѣ, сами собою выстроились къ «молитвѣ», является Борисъ Егоровичъ (хотя въ этотъ день не ему слѣдовало дежурить по корпусу); онъ подходитъ прямо ко мнѣ и объявляетъ, что назначаетъ меня старшимъ пажемъ въ своемъ отдѣленіи. Я поблагодарилъ за честь, но отозвался, что не нахожу себя на то способнымъ.

— «Такъ я нахожу тебя способнымъ! вскричалъ онъ.

Видно, ему было уже извѣстно о заговорѣ. «Сейчасъ же прими должность», продолжалъ онъ.

Три раза громче и громче Гине повторялъ тоже приказаніе и три раза слышалъ тотъ же отъ меня отвѣтъ.

«А, такъ ты такъ!» разразился Гине. «Слѣдуй за мной!»

Въ сосѣднемъ отдѣленіи, въ большой залѣ, въ эту минуту распоряжался самъ Клингенбергъ передъ строемъ пажей. Гине представилъ меня ему какъ дерзкаго ослушника.

Карлъ Ѳеодоровичъ, какъ бы нехотя, въ полъ-голоса проговорилъ: «Если вы находите, Борисъ Егоровичъ, его такимъ-то, что̀ дѣлать, отведите его въ темную» *). Гине самъ меня повелъ туда и заперъ на ключъ, твердо произнеся: «Вотъ я посмотрю, какъ ты еще будешь упрямиться, какъ ты у меня не будешь старшимъ пажемъ!»

Гине навѣщалъ меня въ темной по утрамъ и вечерамъ, и просиживалъ часа по два «со своими нотаціями»; различныя формы убѣжденія, угрозы, ласки и даже просьбы переходили черезъ его уста. Такъ прошло три дня. На четвертый, мой тюремщикъ (солдатъ корпусной полиціи), вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водой (моимъ ужиномъ), принесъ мнѣ поллиста бумаги и карандашъ. Я написалъ къ К. Чевкину, моему тогда товарищу по репетированію уроковъ: «Не знаешь-ли, чѣмъ со мной думаютъ кончить, и дай совѣтъ, что̀ мнѣ дѣлать?»

Вотъ его отвѣтъ: «Какъ пажъ, совѣтую держаться; какъ другъ, совѣтую уступить. Это для тебя будетъ тѣмъ легче, что вмѣсто тебя старшимъ пажемъ назначенъ уже Ш—тъ, и уже распоряжается. Стало-быть, ты все-таки на своемъ устоишь: старшимъ пажемъ не будешь (надо знать, что этотъ Ш—тъ былъ одинъ изъ заговорщиковъ); тебя и начальство и товарищи очень жалѣютъ».

Приходитъ утромъ Гине. Только что онъ хотѣлъ начать говорить, я прервалъ его: «Борисъ Егоровичъ, я раздумалъ», началъ я; «я готовъ исполнить ваше приказаніе».

«Такъ теперь *я* не хочу», вскричалъ торжествующій наставникъ; «не хочу, чтобъ ты былъ у меня старшимъ пажемъ, и у меня ты никогда имъ не будешь».

За тѣмъ послѣ краткой *нотаціи*, онъ меня отвелъ въ мой классъ, и велѣлъ сѣсть на мое мѣсто. Тутъ я узналъ, что Ш—тъ безъ всякихъ отговорокъ принялъ должность.

Къ удивленію, я былъ встрѣченъ начальниками, какъ будто со мной не случилось ничего особеннаго; а когда кончился первый за

---

*) Высшая мѣра наказанія.

тѣмъ экзаменъ и объявлены вмѣстѣ съ тѣмъ и балы въ поведеніи, то я увидѣлъ, что начальство отнеслось ко мнѣ очень милостиво: за такой важный проступокъ изъ полныхъ баловъ въ поведеніи мнѣ убавлено было только три бала.

Выше я указалъ на невниманіе наставниковъ относительно нравственной стороны питомцевъ. Невниманіе это имѣло вредныя послѣдствія: въ молодые умы стали извнѣ вливаться вольнолюбивыя внушенія. Къ счастью еще, вливались они не широкой струей. Представителемъ ихъ былъ одинъ только пажъ, К—въ. Мудрено, чтобы у него между товарищами не было сторонниковъ; но ежели они и были, то по крайней мѣрѣ они держали себя скромно и не высказывали своихъ мнѣній. Въ это время къ К—ву пріѣзжалъ въ корпусъ Александръ Бестужевъ, котораго онъ выдавалъ за своего друга. Одновременно съ тѣмъ, между пажами составилось тайное общество, главою котораго былъ тотъ же К—въ. Въ сочлены себѣ онъ набиралъ наиболѣе парней рослыхъ и дюжихъ. Они собирались въ небольшой непроходной комнатѣ 4-го класса, и оттуда слышно бывало, что какъ бы произносятся рѣчи. Членовъ этой ассоціаціи мы въ насмѣшку называли, не знаю уже почему, *квилками*. Но квилки не унывали и продолжали свои сборища до тѣхъ поръ, пока эта затѣя не завершилась весьма плачевной катастрофой.

Одинъ изъ пажей, Арсеньевъ, отличался страннымъ характеромъ: не смотря на свои 15—16 лѣтъ, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ товарищей, не принималъ участія въ ихъ играхъ, никогда почти не смѣялся; учился онъ не бойко, но читалъ много (всегда Французское) и углублялся въ свои книги до самозабвенія. Товарищи очень его любили.

Однажды, во время классовъ, учитель, замѣтивъ, что Арсеньевъ читаетъ постороннюю книгу, сдѣлалъ ему замѣчаніе на неумѣстность его занятія. Тотъ отвѣчалъ сухо и продолжалъ читать. Учитель къ нему подошелъ и протянулъ руку за книгой, но Арсеньевъ книги не далъ; завязывается между ними споръ. Вдругъ вошелъ инспекторъ Оде-де-Сіонъ и, разобравъ въ чемъ дѣло, велѣлъ Арсеньеву выйти «въ уголъ», а такъ какъ тотъ все еще продолжалъ ворчать себѣ подъ-носъ, то Сіонъ приказалъ ему стать на колѣни. Арсеньевъ ослушался, и его повели въ темную.

Начальство посмотрѣло на это дѣло очень строго и положило наказать Арсеньева розгами; но заранѣе это рѣшеніе объявлено не было. Квилки, должно быть, про это пронюхали. Примѣровъ такой экзекуціи никогда не бывало; напротивъ, держалось повѣрье, что пажъ не можетъ быть высѣченъ иначе какъ по высочайшему повелѣнію.

Не припомню, на другой ли день по арестованіи Арсеньева, или нѣсколько спустя, къ разводу, въ рекреаціонную залу, явились кромѣ Клингенберга и всѣ прочіе корпусные чины, не исключая и Оде-де-Сіона. Не было только, какъ и всегда, директора [1]). Пажи стояли въ строю. Вводятъ Арсеньева; за нимъ вошли нѣсколько солдатъ [2]) съ розгами въ рукахъ. Арсеньеву объявляютъ, что онъ долженъ быть высѣченъ.

«Я не дамся!» вскричалъ энергично Арсеньевъ.

Солдатамъ велѣли исполнить экзекуцію. Завязалась борьба, какъ вдругъ К—въ съ крикомъ вырвался изъ фрунта, за нимъ его *квилки*, а затѣмъ почти весь строй пажей кинулся отбивать товарища. Произошла свалка, крикъ, гамъ невообразимые; старикъ Сіонъ грузно повалился на барабанъ [3]); досталось отчасти и другимъ, тутъ бывшимъ властямъ. Возня эта долго не унималась, пока Клингенбергъ не велѣлъ солдатамъ высвободить Арсеньева, подъ предлогомъ будто бы удалось дать ему два или три удара. Затѣмъ его и К—ва, какъ зачинщиковъ безпорядка, отправили «въ темную» и разсадили по разнымъ комнатамъ.

О происшествіи представили Государю.

Черезъ нѣсколько дней получена резолюція Государя, для исполненія которой къ разводу, на этотъ разъ, собрались всѣ власти корпуса, также и директоръ Гогель. Ввели К—ва; ему прочли резолюцію, въ которой было повелѣно: «Арсеньева, какъ уже разъ наказаннаго, вторично наказанью не подвергать; К—ва же, при всемъ разводѣ, наказать тринадцатью ударами розогъ».

«Волѣ Государя я покоряюсь», дрожа произнесъ К—въ, и экзекуція была исполнена. К—ва увели. Когда разводъ кончился, мы узнали, что ни Арсеньева, ни К—ва въ корпусѣ уже нѣтъ: ихъ увезли въ двухъ разныхъ телѣгахъ.

Что̀ сталось съ К—мъ, неизвѣстно. Про Арсеньева же было слышно, что онъ застрѣлился.

Всѣмъ намъ Арсеньева искренно было жаль; о К—вѣ же сокрушался едва ли не одинъ только нашъ профессоръ Русской словесности, какъ о погибшемъ будто бы поэтическомъ талантѣ. И въ самомъ дѣлѣ, К—въ, въ продолженіи цѣлаго года, отъ времени до времени представлялъ профессору «свои» стихотворенія. Мы горди-

---

[1]) По утрамъ, директоръ Пажескаго Корпуса, генералъ И. Г. Гогель присутствовалъ въ ученомъ артилерійскомъ комитетѣ, котораго онъ былъ председателемъ.

[2]) Инвалидной команды, составлявшей полицію корпуса. Ими командовалъ офицеръ, полицеймейстеръ корпуса.

[3]) Снятый барабанщикомъ, примкнувшимъ къ солдатамъ.

лись, что изъ среды насъ возникъ такой фениксъ; выраженія нашихъ восторговъ фениксъ нашъ принималъ съ достоинствомъ и корчилъ литератора. Года черезъ два послѣ того, Анна Петровна Бунина передала мнѣ книжку стихотвореній Межакова, полученную ею отъ самого автора и изданную въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Въ этой книжкѣ я нашелъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя К—въ выдавалъ за свои. Тутъ я вспомнилъ, что при послѣдней въ корпусѣ церемоніи «раздачи призовъ», нашъ либералъ торжественно подошелъ къ сонму начальниковъ и раздалъ имъ по крупно-напечатанному листу бумаги. Это былъ въ звучныхъ стихахъ, благодарственный гимнъ его воспитателямъ, гдѣ онъ восхвалилъ ихъ заслуги и добродѣтели. Нѣтъ сомнѣнія, что гимнъ этотъ написанъ былъ А. Бестужевымъ.

До сихъ поръ я не упоминалъ о воспитанникахъ корпуса, какъ о проказникахъ по преимуществу. Всѣхъ этихъ проказъ не перечислить, да и надобности въ томъ большой нѣтъ. Для характеристики же этой стороны пажескаго духа достаточно представить одинъ примѣръ его проявленія. Четвертый классъ, къ которому я тогда принадлежалъ, помѣщался въ небольшой непроходной комнатѣ; ея единственная дверь вела въ пятый классъ, гдѣ у насъ были друзья-соглядатаи: какъ только въ ихъ комнату входилъ начальникъ, такъ оттуда слышались или кашлянья или чиханья. Сигналы эти избавляли насъ отъ опасности быть застигнутыми врасплохъ. Изъ учителей самой подходящей жертвой для шалостей оказывался учитель Французскаго языка Лёльо (Loeuillet), старикъ за 75 л., вовсе не умѣвшій держать себя. Нашими шалостями и невниманіемъ къ его урокамъ мы довели его до такой крайности, что онъ заключилъ съ нами договоръ, въ силу котораго было соглашено, чтобы въ два его утреннихъ урока въ недѣлю *учиться*, а въ третій, послѣобѣденный—*веселиться*, для чего и назвать этотъ классъ «вечеринкой». Чтò только вытворялось на этихъ вечеринкахъ, уму непостижимо: произносились похвальныя въ честь старика рѣчи, пѣлись гимны, раздавались залпы отъ разомъ опущенныхъ крышекъ пюпитровъ; то и дѣло что съ разными кривляньями и прибаутками, попарно, подносились ему открытыя табакерки, изъ которыхъ онъ бралъ по щепоткѣ. И на все это старикъ преважно раскланивался. Подъ конецъ урока, ему представлялась табакерка (едва ли не съ тарелку величиной) съ портретомъ Рюрика, на которую указывали ему какъ на рѣдкій антикъ, ссылаясь, что когда эту табакерку показали учителю Исторіи, Струковскому и спросили: «Василій Ѳедоровичъ, похожъ Рюрикъ?» тотъ будто бы вскричалъ:—«Какъ теперь вижу!!...» Эти вечеринки обыкновенно за-

ключались обрядомъ *наполненія* изъ этого «Рюрика» трехъ табакерокъ Лёльо, которыя, надо думать, онъ нарочно для этого приносилъ.

Въ другихъ классахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ слушатели были ученики большаго возраста, проказъ было гораздо меньше, но все же безъ нихъ не обходилось. Даже и священника, человѣка серьезнаго, не щадили и, при случаѣ, хитро подымали на смѣхъ, напр. когда подъ его диктовку мы писали въ свои тетради. Онъ диктуетъ, мы пишемъ, повторяя въ полголоса послѣднее его слово, какъ бы давая знать, что оно уже написано, напримѣръ, онъ произноситъ: «.....во спасеніе души».

— ..... души, батюшка, души; повторяютъ пишущіе, возвышая голосъ.

Или: «...... бесѣдованія съ Богомъ».

— .... Съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, какъ бы напутствуютъ священника въ путь домой.

По Воскресеньямъ—затѣя своего рода. Въ церковь Мальтійскаго ордена *) съѣзжалась къ обѣдни вся католическая знать: посланники, Марья Антоновна, княгиня Четвертинская и проч. При разъѣздѣ изъ церкви, общество это всей толпой выходило на крыльцо, обращенное прямо противъ главнаго фасада корпуса. Чѣмъ бы же тутъ могли потѣшаться шалуны? А вотъ чѣмъ: вооружась зеркальцами, они, изъ своихъ солнцемъ освѣщенныхъ оконъ, наводили «зайчики» въ глаза дамамъ. При этомъ больше всего доставалось Марьѣ Антоновнѣ.

Но самую капитальную проказу сдѣлали пажи въ послѣдній годъ моей школьной жизни. Эта исторія надѣлала въ Петербургскомъ обществѣ много шуму, а католиковъ встревожила. Въ этой католической церкви Пажескаго Корпуса, среди темной Апрѣльской ночи, въ окнѣ надъ входной дверью церкви показалось яркое освѣщеніе. Часовой, первый усмотрѣвшій свѣтъ, далъ знать полицеймейстеру, тотъ привелъ свою команду; призвали и церковнаго старосту, до смерти перепуганнаго. Отворили дверь: двѣнадцать громадныхъ свѣчъ, по ту и другую сторону престола, горѣли полнымъ пламенемъ. Въ церкви не было ни души; бросились къ двумъ боковымъ дверямъ—обѣ онѣ оказались запертыми, какъ и всегда было, на-глухо. Поднялась тревога. Въ тотъ же день донесли объ этомъ происшествіи Государю. Разумѣется, подозрѣніе тотчасъ пало на пажей. Государь очень былъ разсерженъ и строжайше приказалъ открыть виновныхъ. Но какъ ни дѣятельно производилось слѣдствіе, оно было безуспѣшно. Говорили,

*) Находящуюся на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ корпуса.

что Государю было доложено, что церковный староста будто-бы самъ свѣчи зажегъ въ припадкѣ лунатизма. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Уже гораздо позже свершившагося чуда, о немъ между пажами глухо ходило слѣдующее преданіе. Но прежде надо сказать слова два о самой церкви. Ея лицевой фасадъ (со входной дверью и полукруглымъ надъ этою дверью окномъ) выходитъ на небольшой четыреугольный дворъ противъ главнаго зданія корпуса. Вправо и влѣво отъ церкви тянутся одноярусные флигеля, соединяющіе церковь съ двумя двуярусными боковыми крылами корпуса, въ которыхъ помѣщаются жилые покои воспитанниковъ. Карнизы между ярусами этихъ крышъ, покрытые желѣзомъ, доходятъ до крышъ одноярусныхъ флигелей, протягиваются до церкви и упираются (ежели память мнѣ не измѣняетъ) въ нижнюю окраину церковной крыши.

Четверо смѣльчаковъ (имена ихъ легенда умалчиваетъ) задумали эту шалость и исполнили ее энергично и осмотрительно. Для извѣданія топографіи мѣста, они, какъ только дежурный наставникъ (обойдя дортуары рундомъ) уходилъ къ себѣ на квартиру, вооружались потайными фонарями, перелѣзали черезъ окно, становились на карнизъ и по этой узкой стезѣ, на высотѣ не менѣе трехъ саженъ, иногда и въ дождь, достигали крыши однояруснаго флигеля; отсюда взбирались на крышу самой церкви, влѣзали черезъ слуховое окно на ея чердакъ и пускались на поискъ предугадываемой ими лѣстницы, которая должна вести къ одной изъ боковыхъ дверей церкви. Кромѣ лабиринта въ устройствѣ этой крыши, они наткнулись и на прямое препятствіе— на стѣну съ дверью, запертою извнѣ, и съ небольшимъ круглымъ, недалеко отъ нея застекленнымъ окномъ. Рамку со стекломъ они осторожно вынули; одинъ изъ нихъ пролѣзъ чрезъ окно и отодвинулъ засовъ, которымъ дверь была заперта. Это развязало руки нашимъ піонерамъ. Вскорѣ они открыли каменную лѣстницу, спускающуюся къ искомой двери. Она была заперта на ключъ. Послѣднія двѣ экспедиціи были примѣриваніемъ разныхъ ключей. Наконецъ подобрали ключъ и зажгли свѣчи. Кончивъ свое дѣло, смѣльчаки заперли за собою боковую дверь церкви. Стѣну на чердакѣ церкви, возвращаясь, они прошли черезъ дверь, оставивъ за собой одного изъ нихъ; тотъ заперъ дверь извнѣ засовомъ, пролѣзъ черезъ окно, а въ окно вставили стекольную раму; словомъ, привели все въ прежній порядокъ. Возвращались они съ этой послѣдней экспедиціи по мокрымъ отъ дождя крышамъ и карнизу.

*

Когда къ Паскевичу прискакалъ фельдъегерь съ фельдмаршальскимъ жезломъ, графъ Эриванскій, сидѣвшій въ ту минуту во власти

брадобрѣя, вскочилъ изъ-подъ бритвы и вскричалъ: «Теперь только я понимаю, что самыя лестныя награды—это чинъ прапорщика и чинъ фельдмаршала!» Странно, что Паскевичъ, который при императорѣ Павлѣ былъ камерпажемъ, забылъ про свое производство въ эту послѣднюю должность, а вспомнилъ про свой первый офицерскій чинъ. И въ самомъ дѣлѣ, для юноши, только что вступающаго въ свѣтъ, что̀ можетъ быть лестнѣе, какъ не тотъ первый шагъ на поприщѣ жизни, который, перенося въ міръ дотолѣ недоступный, разомъ приближаетъ къ особамъ царской фамиліи? А съ тѣмъ вмѣстѣ, сколько льготъ предоставляется при производствѣ изъ пажей! Даютъ шпагу, даютъ шпоры, даютъ золотые шевроны на фалды мундира, даютъ право показываться вездѣ въ городѣ безъ провожатаго, какъ самостоятельной личности! Въ послѣдствіи, какъ ни серьезничай иной изъ насъ, какъ ни называй все это ребячествомъ, но *тогда* такія преимущества всѣхъ насъ радовали, очень радовали.

Изъ камерпажей «половины» *) Маріи Θеодоровны двое каждое утро отправлялись во дворецъ, гдѣ нерѣдко служба ихъ и не требовалась или требовалась лишь на нѣсколько часовъ: остальное время эти камерпажи свободны были посѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ въ городѣ. Къ одиннадцати часамъ вечера они съѣзжались во дворецъ, но это для того только, чтобы сѣсть въ придворную карету и возвратиться въ корпусъ. Служба камерпажа заключалась въ томъ, чтобъ при «выходахъ», при парадныхъ обѣдахъ, фамильныхъ или съ гостями, на балахъ и прочихъ собраніяхъ, неотступно находиться при той особѣ царской фамиліи, къ которой онъ назначенъ; причемъ камерпажъ заранѣе снабжается изъ «камеръюнгферской» нѣкоторыми вещами—шалью, фишю и т. п. У Маріи Θеодоровны за всѣми вообще «столами» служили камерпажи за дамами и мущинами царской фамиліи. На «фамильныхъ» обѣдахъ (которыхъ бывало, помнится, по два на недѣлю) одинъ камерпажъ на половинѣ Государя, другой на половинѣ Императрицы *). На этихъ послѣднихъ обѣдахъ, кромѣ особъ царской фамиліи, присутствовали: ея гофмаршалъ баронъ Альбедиль и бывшая воспитательница Государя княгиня Ливинъ. Въ послѣдній годъ, къ обѣдамъ этого разряда стала являться Екатерина Ивановна Нелидова, неболь-

*) „Половинами“ назывались подраздѣленія двора: императрицѣ Маріѣ Θеодоровнѣ назначалось 8 камерпажей, императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ 6 и великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ 2. Камерпажи назначались спеціально къ домамъ царской фамиліи. Великій князь Михаилъ Павловичъ тогда не былъ еще женатъ, и потому на его „половину“ камерпажи не полагались. Камерпажи Маріи Θеодоровны начинали тѣмъ, что всѣ вмѣстѣ должны были ей представиться. При прочихъ двухъ дворахъ этого не было.

шаго роста, худенькая, но еще подвижная старушка. Разговоръ за фамильными обѣдами велся всегда оживленно, но вообще о предметахъ неважныхъ: о городскихъ новостяхъ, о повышеніяхъ по службѣ извѣстныхъ лицъ и т. п.; о политикѣ и несчастныхъ случаяхъ въ городѣ не было слова, равно какъ и о театрѣ, такъ какъ въ то время только Михаилъ Павловичъ бывалъ часто въ спектакляхъ. Между Государемъ и великими князьями не обходилось безъ разговоровъ о парадахъ, разводахъ и т. п. Однажды, незадолго до фамильнаго стола у императрицы, Государь пріѣхалъ, помнится, изъ Царскаго Села, гдѣ онъ присутствовалъ на разводномъ ученьи полка императора Австрійскаго. Государь былъ восхищенъ этимъ ученіемъ и, почти не умолкая, передавалъ великимъ князьямъ всѣ его подробности съ такимъ увлеченіемъ, что обѣ императрицы только улыбались, молча переглядываясь. Великіе князья слушали съ благоговѣніемъ.

Изъ двухъ великихъ князей Государь особенно благоволилъ къ старшему. Однажды мнѣ нужно было ждать въ одной изъ залъ. Входитъ Государь и направляется къ противуположной двери; еще онъ не дошелъ до нея, какъ въ нее вошли великіе князья. Государь взялъ подъ руку Николая Павловича и довольно долго водилъ его по залѣ, не переставая съ нимъ говорить. Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы, едва взглянувъ на Михаила Павловича, который во все время этого разговора оставался у двери, вытянувшись.

Камерпажи держали себя въ сторонѣ отъ «красныхъ», т.-е. отъ чиновъ нисшаго слоя дворцовой іерархіи (которымъ присвоенъ былъ красный мундиръ), хотя эти «красные» всѣ были люди чиновные. Они смотрѣли на насъ косо; мы, разумѣется, «въ усъ не дули». Это вотъ отчего: было въ обычаѣ, что приглашенныя къ обѣду лица, какъ только удалялась царская фамилія, брали со стола фрукты, дабы повезти своимъ семейнымъ гостинцу съ царскаго стола. Вотъ и мы присвоили себѣ такое же право, а на какомъ основаніи? Да такъ, по вольности дворянства! Были случаи, что «красные» жаловались на такой произволъ съ нашей стороны; но жалобы эти кончались ничѣмъ. Однажды камерфурьеръ принесъ жалобу оберъ-гофмаршалу Л. А. Нарышкину, жалобу, какъ надо думать, до того настоятельную, что едва мы сѣли за нашъ обѣдъ, къ намъ явился Левъ Александровичъ съ самимъ челобитчикомъ. По указаніи симъ послѣднимъ своего обидчика, Левъ Александровичъ самымъ вѣжливымъ тономъ замѣтилъ ему,

*) Для краткости, подъ названіемъ просто „императрица" будемъ подразумѣвать Марію Ѳеодоровну. Къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ камерпажи не требовались, за исключеніемъ развѣ торжественныхъ дней.

что обиженный имъ, г. Бабкинъ—полковничьяго чина и что онъ (оберъ-гофмаршалъ) желалъ бы, чтобъ это «недоразумѣніе» кончилось къ обоюдному удовлетворенію. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ушелъ, а за нимъ ушелъ и Бабкинъ; другихъ послѣдствій не было. Во время этой сцены «благопріобрѣтенный» трофей—великолѣпный ананасъ, окруженный персиками, красовался посреди нашего стола. Здѣсь кстати замѣтить, въ похвалу камерпажамъ, что подобныя благопріобрѣтенія мы позволяли себѣ только въ Петербургѣ; лѣтомъ же, когда дворъ проживалъ въ Павловскѣ, гдѣ у насъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, за нами этого не водилось: доказательство, что упомянутыя экспедиціи мотивировались въ насъ не грубымъ апетитомъ, а желаніемъ угодить гостинцемъ съ царскаго стола.

Въ Аничковскій дворецъ камерпажъ требовался только по Воскресеніямъ, для провожанія великой княгини къ обѣднѣ. Для этого онъ получалъ отъ камеръюнгферъ тоже фишю, шаль и т. п.; а также флаконъ съ какимъ-то спиртомъ. Выходили они, великій князь и великая княгиня, къ обѣднѣ за-просто: онъ въ сюртукѣ безъ эполетовъ, она въ утреннемъ нарядѣ. Николай Павловичъ становился у самаго клироса и пѣлъ своимъ высокимъ баритономъ; она большую часть обѣдни не вставала съ кресла. Она не могла переносить запахъ ладона, и потому въ Аничковской церкви никогда имъ не кадили.

Лѣтомъ, когда императрица и великая княгиня проживали въ Павловскѣ, туда отправлялись, на всюнедѣлю, по трое камерпажей: два къ императрицѣ и одинъ къ великой княгинѣ. Марія Ѳеодоровна выходила на прогулку въ восемь часовъ утра, сопровождаемая нерѣдко однимъ только камерпажемъ. Жизнь для насъ въ Павловскѣ была самая пріятная. Свобода полная: мы надъ собой не слышали никакого начальства; все окружавшее насъ отличалось изяществомъ, особенно Павловскій паркъ, воспѣтый поэтомъ, которому я покланялся, предъ которымъ благоговѣлъ. Съ Жуковскимъ мнѣ случалось сходиться въ одной небольшой залѣ, гдѣ должна была проходить великая княгиня; онъ и я сидѣли молча, по разнымъ угламъ; но одно уже то, что я видѣлъ себя съ нимъ наединѣ было для меня упоительно. Жуковскій былъ крайне необщителенъ съ тѣми изъ молодыхъ людей, которые его чѣмъ либо не интересовали исключительно: за это-то молодые гусарскіе офицеры *) его не долюбливали. Къ тому же Жуковскій вообще держалъ себя молчаливо: мнѣ ни разу не доводилось слышать какъ онъ говоритъ порусски; съ великой же княгиней онъ го-

*) Лейбъ-гусары квартировали въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ.

ворилъ всегда на Нѣмецкомъ языкѣ, котораго я не зналъ и двухъ словъ. За обѣдами тоже я не могъ его слышать, такъ какъ онъ занималъ мѣсто на концѣ стола, вмѣстѣ съ адъютантами великихъ князей.

Вечера Марія Ѳеодоровна обыкновенно проводила со «своими» въ прогулкахъ по парку, въ линейкахъ, при чемъ чай сервировался въ одномъ изъ павильоновъ парка, чаще всего въ Розовомъ павильонѣ. Когда же прогулкѣ препятствовала погода, то собирались въ большой залѣ нижняго этажа, обращенной окнами въ паркъ. Большею частью сама августѣйшая хозяйка вышивала въ пяльцахъ, слушая своего чтеца; прочіе тоже слушали или показывали видъ, что слушаютъ, хотя и были вольны заниматься кто чѣмъ хотѣлъ. При тихой погодѣ, пять большихъ выходящихъ на террасу оконъ-дверей оставлялись открыты, и къ нимъ смотрѣть на собраніе любопытные допускались почти безъ разбору (обыватели Павловска или пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ), съ однимъ лишь условіемъ, чтобы разговаривали не иначе какъ шепотомъ. Иногда такимъ образомъ собирались цѣлыя толпы и такъ близко къ окнамъ, что одни лишь пороги этихъ оконъ-дверей отдѣляли любопытныхъ отъ залы. Теперь не всѣ этому повѣрятъ. При началѣ собранія, какъ только всѣ усаживались на свои мѣста, Марія Ѳеодоровна въ полъ-голоса говорила камерпажамъ: «asseyez-vous»; это значило, что мы свободны до ужина, и мы уходили. Тутъ, ежели приходила фантазія попроказничать, мы вмѣшивались въ кучки любопытствующихъ, подслушивали иногда забавныя замѣчанія барынь на то, что у нихъ передъ глазами, и сшивали имъ юбки; однажды до того мы расшалились, что одного изъ гусарскихъ офицеровъ (Чорбу) втолкнули въ самую залу, и тотъ выбрался оттуда черезъ другое окно, перебѣжавъ къ нему на цыпкахъ. Этого бывшіе въ залѣ, да и сама августѣйшая хозяйка, не могли не замѣтить; но въ подобныхъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна была милостиво-снисходительна. Она прощала и болѣе рѣзкіе признаки неуваженія къ себѣ. Разъ молодые гусары, а съ ними, разумѣется и камерпажи, послѣ лишняго бокала, поздно ночью отправились гулять въ паркъ; они зашли въ цвѣтникъ, что передъ дворцомъ, и его попортили, измяли. Императрица, вышедши на обычную утреннюю прогулку, увидѣла этотъ безпорядокъ и была огорчена; встрѣтивъ тутъ же своего гофмаршала Альбедиля и узнавъ, что онъ строго взялся за открытіе виновниковъ такой дерзости, она запретила ему всякія разслѣдованія и приказала дѣло это считать забытымъ.

Въ одинъ тихій, ясный вечеръ, когда встали изъ-за ужина (а любопытныхъ у дверей уже не было), Марія Ѳеодоровна вышла на террасу и, полюбовавшись нѣсколько минутъ луною, велѣла бывшему

при ней камерпажу А. Ростовцову вызвать къ ней изъ залы Жуковскаго. «Не знаете, за чѣмъ?» спросилъ Жуковскій, поднимаясь съ мѣста.—Не знаю навѣрно, отвѣчалъ тотъ; а знаю, что что-то о лунѣ! «Охъ, ужъ мнѣ эта луна!» замѣтилъ поэтъ. Плодомъ этой довольно долгой созерцательной бесѣды поэта съ царицей былъ *Подробный отчетъ о лунѣ* съ его эпилогомъ, однимъ изъ очаровательнѣйшихъ созданій Жуковскаго.

Къ царицыну столу, за который ежедневно садилось «своихъ» персонъ двадцать пять - тридцать, приглашались изъ Петербурга по нѣскольку «гостей», и тутъ представлялся случай видѣть и слышать лицъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, напр. Кочубея, Сперанскаго, Карамзина и другихъ. Изо всѣхъ нихъ Кочубей выдавался величавостью осанки и необыкновеннымъ достоинствомъ, съ которымъ онъ себя держалъ. При мнѣ онъ въ Павловскѣ обѣдалъ одинъ только разъ, и только онъ одинъ, въ разговорѣ съ императрицей, называлъ ее «madame» тогда какъ всѣ прочіе относились къ ней не иначе какъ съ титуломъ «Votre Majesté». Но интереснѣе всего, когда бывалъ гостемъ Карамзинъ. Во весь обѣдъ бесѣда велась почти исключительно между нимъ и императрицей. Общій говоръ тогда стихалъ, всѣ слушали. Предметъ бесѣды не выходилъ изъ области нравственной философіи и религіи. Государыня говорила прекрасно и совершенно свободно; мысли лились изъ ея устъ какъ бы сами собою *) Карамзинъ выражался красно, но съ нѣкоторой натяжкой, съ нѣкоторымъ педантствомъ. Нечего и говорить, что рѣчь велась по-французски. —Фельдмаршала Сакена мнѣ удалось видѣть за обѣдомъ у Маріи Ѳеодоровны тоже одинъ только разъ; онъ сидѣлъ противъ нея и государя Александра Павловича, говорилъ много, очень много, и своею, едва уловимой комической мимикой и сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ былъ до того забавенъ, что Государь, сколько ни сдерживалъ себя, не вытерпѣлъ, наконецъ, и прыснулъ громкимъ смѣхомъ.

По вечерамъ, передъ дворцомъ въ Павловскѣ играла музыка до самой зари и составлялось небольшое гулянье. Я не любилъ никакихъ подобныхъ сборищъ, и какъ только бывалъ отъ службы свободенъ, чтò по вечерамъ рѣдко случалось, углублялся въ паркъ и бродилъ тамъ до самой ночи подъ настроеніемъ идеаловъ Жуковскаго.

---

*) Годъ спустя, когда на походѣ гвардіи мы обѣдали въ Гатчинѣ у императрицы, Маріи Ѳеодоровна впродолженіи всего стола говорила съ нашимъ полковымъ командиромъ порусски и говорила отмѣнно правильно и свободно, но нѣсколько съ Нѣмецкимъ акцентомъ.

Одна изъ такихъ прогулокъ, подъ конецъ Павловскаго сезона, стоила мнѣ дорого, благодаря безсовѣстности одной перезрѣлой дѣвы, которую, въ отместку ей, назову полнымъ ея именемъ: это фрейлина государыни Кочетова. Я ея почти не зналъ, никогда не взглядывалъ ей въ лицо, въ ея тусклый обликъ, среди ослѣпительнаго букета тогдашнихъ молодыхъ фрейлинъ. Вотъ чѣмъ я былъ ей одолженъ. По вечерамъ становилось уже свѣжо. Я надѣлъ шинель и отправился въ паркъ. Въ паркѣ никого не было; только далеко впереди виднѣлась какая-то женская фигура, и та вскорѣ исчезла,—куда? я не видѣлъ. Подхожу къ «памятнику Павла», поворачиваю въ садикъ памятника, какъ вдругъ оттуда выходитъ, мнѣ на встрѣчу, та самая женская фигура; она дѣлаетъ мнѣ реверансъ и произноситъ: «Bonjour, monsieur». Въ ней я узнаю Кочетову, и мы разошлись въ разныя стороны. Мнѣ показалась странной такая любезность со стороны той, съ которой, до того, я не перемолвилъ двухъ словъ. Тутъ же я о ней и забылъ. Домой я пришелъ въ одно время съ другимъ товарищемъ, и мы застали уже вернувшимся изъ дворца дежурнаго въ тотъ день А. Ростовцова.

«Господа, спросилъ Ростовцовъ, кто это изъ насъ напугалъ Кочетову?»

— Въ паркѣ я съ ней встрѣтился, сказалъ я; а напугалъ-ли я ее, про то не знаю.

«Чего тебѣ не знаю?! Альбедиль говоритъ, что ты за нею гнался, и что она на силу отъ тебя ушла», заключилъ тотъ.

Эта безсовѣстная выдумка сколько взбѣсила меня, столько же и испугала: Альбедиль не могъ скрыть этого отъ Государыни, онъ долженъ былъ докладывать ей обо всемъ, что́ дѣлается въ Павловскѣ, а чего добраго, сплётня эта, пожалуй, дойдетъ и до моей госпожи Александры Ѳеодоровны! Всю ночь я не смыкалъ глазъ. А какова Кочетова? Не подумала даже, что своею ложью могла испортить всю мою будущность, и изъ чего? Чтобъ только всѣ вѣдали, что она еще годится въ героини романическаго приключенія.

Настало утро. Иду во дворецъ ни живъ, ни мертвъ. Въ одной изъ комнатъ встрѣчаю Альбедиля; онъ на меня крѣпко косится, но молчитъ. Когда Государыня съ великой княгиней проходили черезъ комнату, гдѣ мы ихъ ожидали, Михаилъ Павловичъ, поровнявшись со мной, усмѣхнулся и мнѣ въ полголоса сказалъ: «Съ побѣдой!» Худо!!.. подумалъ я. Сѣли за столъ (расположенный глаголемъ); фрейлины всѣ вмѣстѣ сидѣли сбоку, у меня на виду; между ними и Кочетова. Она большую часть обѣда съ ними тараторила; онѣ шушукались, взглядывали на меня и смѣялись. Я былъ какъ на ножахъ. Къ довершенію

моего несчастія, великой княгинѣ пришла охота переговариваться знаками съ одной изъ фрейлинъ: она ей указываетъ на лѣвый рукавъ платья и прижимаетъ его къ груди, а та дѣлаетъ знакъ, что не понимаетъ. Великая княгиня, поворотивъ ко мнѣ голову: «Dites à la comtesse Samoïlow que c'est ma couleur favorite», приказала она. Ну, теперь-то я пропалъ! подумалъ я [1]. Пока я туда шелъ, у меня кружилась голова, рябило въ глазахъ. Я наклонился къ самому уже заранѣе настороженному ушку графини, навралъ ей чепуху, и когда повернулся, чтобы идти къ своему мѣсту, услышалъ за собой взрывъ молодаго смѣха. Вечеромъ, передъ выходомъ къ собранію, Михаилъ Павловичъ натѣшился вдоволь надъ моей «équipée», причемъ много присочинилъ, нисколько не стѣсняясь.

Въ первое затѣмъ Воскресенье, уже въ Аничковомъ дворцѣ, туда пріѣхалъ Михаилъ Павловичъ къ обѣдни. Когда проходили къ церкви, онъ, указывая на меня: «А ты не знаешь, что̀ у тебя за гусь этотъ господинъ», сказалъ онъ Николаю Павловичу и, отведя его въ сторону, говорилъ ему что-то, говорилъ скоро и кончилъ такою нескромной небылицей, что мое перо отказывается ее повторить. Николай Павловичъ прослушалъ эту шутку серіозно и не сказалъ ни слова. Это была моя послѣдняя пытка изъ-за Кочетовой.

Когда въ Павловскѣ мы были свободны отъ службы во дворцѣ, то разнообразили наше времяпровожденіе въ обществѣ гусарскихъ офицеровъ, особенно трехъ изъ нихъ: Шевича, Пашкова и моего родственника Чорбы, жившихъ вмѣстѣ. Въ иные дни, они трое и еще ихъ же товарищъ графъ Бобринскій приглашались на вечера къ императрицѣ, гдѣ танцовали.

По окончаніи экзаменовъ въ камерпажескомъ классѣ, у меня оказалось немного болѣе 1000 баловъ, слѣдовательно я имѣлъ право на выпускъ въ офицеры гвардіи. Ниже меня, послѣднее мѣсто въ классѣ занялъ Посниковъ; онъ до этой цифры нѣсколько баловъ не добралъ и долженъ былъ еще остаться въ корпусѣ. Замѣчательно, что этотъ Посниковъ прошелъ всѣ *пажескіе* классы съ большимъ отличіемъ и въ нѣсколькихъ изъ нихъ получалъ призы [2]; но, попавъ

---

[1]) Я былъ очень застѣнчивъ и нѣсколько заикался.

[2]) Призы—это подарки, коими были награждаемы, по два, первые по баламъ ученика въ каждомъ классѣ. Камерпажамъ въ этомъ случаѣ дарились дорожные несессеры рублей въ 400 асс.; въ пажескихъ классахъ призы давались менѣе и менѣе цѣнные, такъ что въ послѣднемъ они состояли или изъ ящика красокъ или изъ какой-нибудь книги. Раздача призовъ производились съ нѣкоторою торжественностью, въ присутствіи попечителя корпуса (онъ же и главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній).

въ камерпажи, вдругъ залѣнился и просидѣлъ тамъ три, если не четыре, года: никакъ не могъ натянуть себѣ ту цифру баловъ, которая давала право на производство въ офицеры, какъ ни хлопоталъ о томъ его отецъ, шталмейстеръ двора великаго князя Михаила Павловича.

Во все время бытности въ Пажескомъ Корпусѣ я не имѣлъ повода къ жалобѣ на отношенія ко мнѣ корпусныхъ властей; но при выпускѣ изъ корпуса со мной поступлено было крайне несправедливо, благодаря только тому, что у меня не было никакихъ покровителей. Насталъ день назначенія къ выпуску. Самъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній графъ Коновницынъ долженъ былъ пріѣхать и лично обойти «выпускныхъ» по списку, составленному директоромъ корпуса генераломъ Гогелемъ.

За полчаса, въ рекреаціонную залу является отъ Гогеля одинъ изъ наставниковъ Клугенъ и приказываетъ имѣющимъ право на выпускъ выстроиться по списку, который онъ будетъ читать. Каково же было мое удивленіе, когда мое имя онъ умолчалъ, а вмѣсто меня назвалъ Посникова! Я дѣлаю на это Клугену замѣчаніе; онъ отзывается тѣмъ, что меня въ спискѣ нѣтъ. Мы горячо заспорили, какъ вдругъ даютъ знать, что Коновницынъ уже въ сосѣдней комнатѣ. Клугенъ строго велитъ мнѣ выйти изъ залы, но я не двигаюсь съ мѣста и громко протестую. На это входитъ графъ съ большой свитой. Ему читаютъ списокъ; онъ подвигается по фрунту отъ одного изъ насъ къ другому и, когда поровнялся со мной, я его остановилъ жалобой, что я не знаю, за что я обойденъ. Указывая на Гогеля, Коновницынъ мнѣ замѣтилъ: «Вашей жалобой вы не должны были миновать нисшаго начальства» и, сказавъ это, пошелъ далѣе къ фрунту выпускныхъ пажей. Я, не владѣя собой, выбѣжалъ изъ залы и такъ сильно хлопнулъ дверью (тутъ же позади фронта), что графъ, какъ мнѣ говорили послѣ, вздрогнулъ, а Гогель, повернувшись къ Клингенбергу, сказалъ: «Вотъ вашъ хваленый!» Графъ уѣхалъ, а назначенныхъ къ выпуску распустили на этотъ день по домамъ.

Я былъ неутѣшенъ. Мой другъ, Гриша Гогель, племянникъ директора, назначенный тоже въ выпускъ, весь остальной день меня не оставлялъ. Мы съ нимъ столько мечтали, что никогда не разлучимся, что оба выйдемъ въ лейбъ-егерскій полкъ! Теперь всѣ планы наши рушились. Меня не могла конечно не тяготить потеря цѣлаго года по службѣ; но больше я былъ оскорбленъ открытой, вопіющей неправдой. Къ тому же я не могъ безъ ужаса вспомнить о томъ, что̀ подумаютъ обо мнѣ отецъ и мать, которыхъ, какъ только послѣ экзамена сочтены были балы, я извѣстилъ о предстоящемъ моемъ выпускѣ въ офицеры.

Ближайшее начальство, начиная съ Клингенберга, видимо было возмущено и на меня глядѣло съ нескрываемымъ сожалѣніемъ, но молчало. Но кто больше всѣхъ меня тронулъ своимъ открытымъ ко мнѣ участіемъ, такъ это добрый Борисъ Егоровичъ Гине, бывшій мой наставникъ. Онъ не могъ скрыть своего негодованія. Зазвавъ меня къ себѣ на квартиру, онъ старался меня утѣшить, и это съ такой искренностью, что и самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Тутъ не обошлось однакожъ безъ «нотаціи», были ссылки на Спасителя, Который страдалъ, но и прощалъ. Между прочимъ онъ выразилъ подозрѣніе, что тутъ должна скрываться какая-нибудь важная причина, коль скоро Иванъ Григорьевичъ (Гогель) позволилъ себѣ отступить отъ своихъ строгихъ правилъ справедливости.

На другой день, прежде чѣмъ будили пажей, я слышу, что меня кто-то толкаетъ. Это былъ Гриша, радостный, запыхавшійся. «Поздравляю, поздравляю, проговорилъ онъ: ты будешь тоже представленъ». И онъ мнѣ разсказалъ, что вечеромъ къ Татьянѣ Александровнѣ (женѣ И. Г. Гогеля) собралось дамское общество: Агаѳоклея Марковна Сухарева, графиня Булгари, m-me Квитка и еще кто-то. Шуму было много; только и разговора было, что про исторію со мной. А. М. Сухарева про нее знала еще утромъ черезъ сына (камерпажа, тоже назначеннаго въ выпускъ и отпущеннаго утромъ домой). Всѣ онѣ громко порицали несправедливость Ивана Григорьевича, и общее возбужденіе дошло до того, что когда изъ своего кабинета онъ вошелъ въ гостиную, всѣ онѣ на него накинулись съ упреками. Его атаковали, загнали въ уголъ и объявили, что не выпустятъ оттуда до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ честное слово, что поѣдетъ завтра же къ Коновницыну и не вернется домой, пока не впишетъ въ списокъ и меня. Иванъ Григорьевичъ сдался. Въ числѣ моихъ заступницъ были сестра его Амалія Григорьевна, а также сама супруга Ивана Григорьевича и дочь ихъ Александра Ивановна. Надо замѣтить, что ни одна изъ этихъ дамъ меня лично не знали.

Иванъ Григорьевичъ сдержалъ слово: въ тоже утро поѣхалъ къ графу Коновницыну, и какъ въ послѣдствіи мы узнали, послѣ нѣкоторыхъ съ нимъ объясненій, занесъ и меня въ списокъ.

Я забылъ сказать, что мои защитницы, при атакѣ Ивана Григорьевича, вымогли отъ него и признаніе причины, побудившей его замѣнить меня Посниковымъ. Это было сдѣлано въ угоду другому его начальнику, начальнику по артилеріи, великому князю Михаилу Павловичу. Великій князь, вѣроятно по внушенію старика Посникова, сказалъ И. Г. Гогелю, что желалъ бы видѣть сына своего шталмейстера офицеромъ гвардіи. Вотъ и только; но для такихъ служакъ, ка-

ковъ былъ И. Г. Гогель, желаніе начальника имѣетъ силу закона, особенно когда этотъ начальникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Великій Князь.

Камерпажу предоставлялось право свободнаго выбора полка, въ которомъ онъ желаетъ служить; но обоимъ великимъ князьямъ это не нравилось, и какъ только становилось извѣстно, что отъ выпускныхъ уже требуютъ, чтобъ для представленія Государю они заявили свои желанія на этотъ счетъ, великіе князья, полушутя, полустрого предупреждали насъ, чтобъ никто изъ насъ и не думалъ выходить въ ихъ полки. Не всѣ однакожъ камерпажи преклонялись предъ такими угрозами; иные твердо стояли на своемъ правѣ. Недоразумѣнія эти не совсѣмъ были еще улажены, какъ въ какой-то парадный день пришлось служить у обѣда мнѣ и еще тремъ камерпажамъ, въ томъ числѣ и графу Ламсдорфу. Только что встали изъ-за стола, Николай Павловичъ, повернувшись къ намъ, повторилъ свою угрозу: «Смотрите-жъ, объявилъ онъ, ко мнѣ—никто, и всѣмъ другимъ скажите отъ меня тоже. Да, сказалъ онъ посмотрѣвъ на меня, вѣдь ты служилъ при женѣ? Въ такомъ случаѣ приглашаю къ себѣ, въ Измайловскій». Возлѣ меня стоялъ Ламсдорфъ, сынъ бывшаго его воспитателя. «И тебя, Ламсдорфъ тоже; больше никого, всѣмъ объявите».

Послѣ этого мнѣ нельзя уже было выйдти иначе какъ въ Измайловскій полкъ.

Чѣмъ же камерпажи не угодили великимъ князьямъ? Замѣчаній, а тѣмъ болѣе выговоровъ, они намъ никогда не дѣлали и обращались съ нами всегда ласково. Одинъ только разъ Михаилъ Павловичъ отозвался о насъ неодобрительно, да и то ничѣмъ не пояснилъ своего неодобренія. Въ то время въ Павловскѣ находился молодой Прусскій принцъ *). Въ комнату, гдѣ мы ожидали Государыню, вошли принцъ и Михаилъ Павловичъ; послѣдній, указывая на насъ, сказалъ принцу: «Je vous recommande ces messieurs comme des gens gâtés, fort gâtés. Figurez vous: ils mangent ce que nous mangeons!» Такъ вотъ въ чемъ вся вина камерпажей.

*) Нынѣшній императоръ Вильгельмъ. П. Б.

ДРАГОМАНЪ.

Изъ Записокъ стараго дипломата*).

Посвящается памяти графа Сергія Семеновича Уварова.

„A dragoman is.. or at least ought to be the confidential friend and adviser of his minister." Rich.

Сидѣлъ я однажды, въ началѣ сороковыхъ годовъ, на одной изъ глухихъ почтовыхъ станцій южной Россіи въ ожиданіи лошадей, и чтобы чѣмъ-нибудь убить время, перелистывалъ станціонную шнуровую книгу. На одной страницѣ заинтересовала меня слѣдующая запись подорожной: *x, драгунъ императорской фамиліи въ Константинополь.* Я былъ въ недоумѣніи: чтó это за званіе, чинъ, должность? Но x, случайно, человѣкъ былъ мнѣ знакомый; я вспомнилъ, что онъ служитъ *драгаманомъ императорской миссіи* въ Константинополѣ и, разсудивъ, что такъ какъ, по книгѣ, x проѣзжалъ здѣсь во второмъ часу утра, что станціонный смотритель прочиталъ и записалъ его подорожную, конечно, въ просонкахъ, что къ тому же, онъ, вѣроятно, и сроду не слыхивалъ о какихъ-то тамъ драгоманахъ и миссіяхъ, дѣло для меня стало яснымъ.

Воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ мелькаетъ передо мною всякій разъ, когда я подумаю, что очень и очень немногіе въ нашемъ обществѣ лучше моего станціоннаго смотрителя знаютъ, чтò такое *драгоманъ*, какими чертами, наружными и внутренними, онъ отличается отъ прочихъ смертныхъ, въ чемъ заключаются его профессія, его обязанности, его заслуги.

Прежде всего надо объяснить происхожденіе самаго названія.

Тэрджюманъ, или, какъ нѣкоторые Арабы выговариваютъ *дэргюманъ*, слово Арабское и значитъ переводчикъ; отсюда *драгоманъ* (или

*) Мы много обязаны Николаю Платоновичу Барсукову за указаніе на эти любопытныя и важныя Записки. По его и нашей настоятельной просьбѣ достоуважаемый авторъ позволилъ намъ познакомить съ ними читателей „Русскаго Архива". П. Б.

drogman); отъ этого же слова происходитъ и truchement, собственно толмачъ (отъ Турецкаго дильмачъ). Такимъ образомъ, переводчиковъ Турки называютъ *тэрджюманами*, Европейцы - *драгоманами*; Персіяне же, для означенія переводчика, употребляютъ это Арабское слово въ иной грамматической формѣ: оно обращается у нихъ въ слово *мютерджимъ*.

Остановимся пока на Турціи, или собственно на Константинополѣ, этой колыбели драгомановъ.

Возникли драгоманы въ двухъ набосфорскихъ предмѣстіяхъ: въ Фанарѣ, гдѣ, послѣ паденія Константинополя, свила себѣ гнѣздо небольшая община, уцѣлѣвшая отъ народа, который нѣкогда господствовалъ здѣсь и процвѣталъ, и въ Перѣ-Галатѣ, этой колоніи Генуезцевъ, одно время вдоволь похозяйничавшихъ на берегу Золотаго Рога и оставившихъ здѣсь, послѣ своего удаленія, нѣсколько семействъ, какъ бы памятникомъ той первенствующей роли, которую нѣкогда они разыгрывали на Левантѣ.

Двѣ эти общины, представительницы религіозной розни, раздѣляющей большую часть христіанства, особенно на Востокѣ, на два враждебные лагеря, сошлись въ Константинополѣ на почвѣ одной и той же дѣятельности.

Съ прирожденными и той и другой умѣлостью и настойчивостью, обѣ онѣ, посреди развалинъ своего могущества, первая политическаго, вторая по преимуществу торговаго, отыскали общій путь къ пріобрѣтенію земныхъ благъ и относительнаго процвѣтанія. Варвары, очистивъ себѣ оружіемъ мѣсто въ Европѣ, очутились вдругъ посреди семьи образованныхъ народовъ, съ которыми имъ (послѣ неудачныхъ попытокъ притянуть ихъ къ ярму своему заодно съ Греками) приходилось дружить, входить въ международныя сношенія и сдѣлки. Для этого имъ нельзя было обойтись безъ толмачей. Фанаріоты первые явились съ предложеніемъ услугъ своихъ.

Принятые Портою на службу драгоманами, они съумѣли заставить ее высоко оцѣнить свои заслуги и наградить ихъ доступомъ къ господарству Дунайскихъ княжествъ. Высокій этотъ постъ переполнялъ золотомъ карманы избранныхъ Фанаріотовъ, какъ коренныхъ, такъ и офанаріотившихся выходцевъ Архипелага, Болгаріи, Молдо-Валахіи, и окружалъ ихъ самихъ блескомъ полновластнаго царька двухъ богатѣйшихъ провинцій имперіи.

Таками, между прочимъ, были представители фамилій: Панайотаки, Маврокордато, Кантемиры, Вогоридисы, Мавройени, Ипсиланти, Аргиропуло, Ханджери, Калимаки, Караджа, Бибеско, Суццо, Стурдза, Мурузи, Стирбеи, Кандакузены, Аристархи, Фотіадесы.

Если не всѣмъ изъ нихъ дано было достигнуть окончательной цѣли ихъ стремленій, то почти всѣ они, поочередно, исполняли обязанности, сначала, драгомана Порты, а затѣмъ драгомана адмиралтейства (*дивани-тэрсанэ-тэрджюманы*). Въ первой должности они какъ домашнимъ хозяйствомъ своимъ распоряжались политикою Имперіи и были, въ дѣйствительности, министрами иностранныхъ дѣлъ его султанскаго величества, награждавшаго ихъ, по временамъ, за вѣрную службу, почетнымъ шнуркомъ на шею. Должность же драгомана адмиралтейства доставляла имъ уже, какъ говоритъ Убичини, не менѣе 800 тысячъ франковъ дохода и прямо открывала дверь къ княжескому престолу *).

Передъ раболѣпнымъ гяуромъ-драгоманомъ дивана и тэрсанэ преклонялись сами правовѣрные. Чиновники Порты, являясь въ его присутствіе, останавливались въ ожиданіи приказаній у порога, или стояли со сложенными на груди руками, въ отдаленіи отъ софы, на которой онъ возсѣдалъ, дымя алмазами украшенный янтарь своего длиннаго чубука... и однимъ словомъ, иногда однимъ знакомъ, рѣшая участь, какъ своего брата-гяура, такъ зачастую и правовѣрнаго.

Высокое положеніе этихъ замѣчательныхъ людей, кредитъ, которымъ они пользовались въ Портѣ и даже въ самомъ *мабейнѣ* (при дворѣ), богатства, пріобрѣтавшіяся ими на драгоманской службѣ и въ княжествахъ, незамѣтно для нихъ самихъ и какъ бы противъ ихъ воли, подготовили почву возрожденія Греческой національности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и освобожденіе Греціи. Я сказалъ: противъ ихъ воли, такъ какъ многіе изъ нихъ слишкомъ дорожили своимъ положеніемъ, чтобы дѣйствовать въ противность интересамъ господъ своихъ.

Первыя Греческія школы въ Оттоманскихъ городахъ и провинціяхъ открыты были просвѣщеннымъ усердіемъ Фанаріотовъ и на ихъ пожертвованія. Изъ сѣмянъ, посѣянныхъ силлогусами (дружествами) въ этихъ школахъ, поднялась въ націи жажда къ просвѣщенію, разрослась торговля, охватившая всѣ берега Средиземнаго и Чернаго морей, выростали корабли за кораблями, составивъ собою, въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, громадный флотъ изъ 600 судовъ съ 6000 орудій и 17000 матросовъ, развелись между Греками капиталисты, въ свою очередь внесшіе щедрую лепту на національное дѣло, и наконецъ, поднялась Этерія, плоды которой у насъ на глазахъ *).

---

*) Ubicini: Lettres sur la Turquie, édit. 1854, T. III, p. 64.

*) Ubicini id., p. 79.

Греки, при этомъ, не безъ страха увидѣли вскорѣ, и именно послѣ своей революціи, что примѣръ ихъ не пропалъ даромъ для другихъ христіанъ Турціи, въ которыхъ они, не смотря на узы религіи, сожительства и рабства, ихъ соединявшія, не могли не видѣть своихъ будущихъ политическихъ соперниковъ и не одушевляться къ нимъ все большимъ и большимъ недоброхотствомъ. Тоже стремленіе къ просвѣщенію, тотъ же духъ національности, тѣже порывы къ самостоятельной жизни пробудили отъ вѣковаго сна Турецкихъ Славянъ и, развиваясь все болѣе и болѣе, поощрили Россію прійти и къ нимъ на помощь для освобожденія ихъ отъ Турецкой зависимости.

Нельзя не отдать справедливости Туркамъ. Они ничего не сдѣлали, чтобы, въ самомъ корнѣ, задушить эти зародыши своего паденія. Напротивъ, они, такъ-сказать, своими руками помогали ихъ произрастанію и спохватились только тогда, когда жатва была готова и когда для сбора ея сошлась *помога* изъ сѣверныхъ странъ и особенно изъ нашего отечества.

Начало Греческой революціи положило конецъ золотому вѣку Фанара, въ которомъ, такимъ образомъ, и затянулся окончательно гордіевъ узелъ роковаго Восточнаго вопроса.

Пойманные, такъ сказать, съ поличнымъ, Фанаріоты лишились довѣрія Порты и замѣщены были, въ должности драгомановъ, учениками ихъ въ наукѣ международной политики, природными Турками, переходившими съ этой ступени къ степени министровъ иностранныхъ дѣлъ и великихъ визирей, какъ напр. Решидъ, Фуадъ, Али, Сафветъ, Ахмедъ-Вефикъ и др.

Но въ 40-хъ годахъ я еще засталъ въ Константинополѣ слѣды дѣятельности этой отважной и талантливой фаланги Фанаріотовъ. Многія фамиліи еще сохранили на себѣ отблескъ своего прежняго процвѣтанія и барства. Нѣкоторыя изъ нихъ поставляютъ, изъ среды своей, и теперь князей на о-ва Самосъ и Критъ; нѣкоторыя и до сихъ поръ даютъ Портѣ визирей, министровъ, представителей въ Европѣ, какими мы видимъ Мусурусовъ, Савасовъ, Комненосовъ, Аристархи, Каратеодори. Многіе изъ Фанаріотовъ, еще долго послѣ удаленія своего съ должностей тэрсанэ-тэрджюмановъ, не прекращали своей драгоманской дѣятельности, хотя уже въ другой области.

Европейскія государства, не имѣвшія въ началѣ спеціально-приготовленныхъ драгомановъ, прибѣгали, для сношеній своихъ съ Турками, къ помощи туземныхъ христіанъ Европейскаго происхожденія. Это были уроженцы Перы и Галаты, въ большей части случаевъ, потомки тѣхъ Генуезскихъ фамилій, о которыхъ говорено было выше. Въ числѣ этихъ драгомановъ можно было насчитать нѣсколько про-

свѣщенныхъ и высокоталантливыхъ дѣятелей, оказавшихъ правительствамъ, которымъ они служили, несомнѣнно-важныя услуги. Таковыми были, между прочими, Досонъ, Пизани, Кирико, Франкини, Теста, Фонтонъ, Тимони и т. д.

Но наряду съ ними были также, и едва ли не въ большемъ числѣ противу первыхъ, личности низкопробныя, отличавшіяся, прежде всего, пронырствомъ, юркостью, назойливостью, тѣми, однимъ словомъ, характеристическими чертами, изъ которыхъ слагается представленіе о переносчикѣ и предателѣ.

Нельзя сказать, чтобы многіе изъ Фанаріотовъ далеко отставали отъ этихъ послѣднихъ своимъ обычаемъ. Въ знаменитомъ романѣ Хопа (Hope) «Анастазъ», Маврогени, первый драгоманъ и фаворитъ капудана-паши, бесѣдуя съ героемъ романа, въ своемъ Фанарскомъ домѣ, въ избыткѣ забавной откровенности, такъ описываетъ ему характеръ своихъ соотчичей — новѣйшихъ Грековъ вообще и Фанаріотовъ въ частности:... Quand le patriotisme, l'esprit public, la prééminence dans les arts, dans les siences, dans la littérature et dans la guerre étaient le chemin des honneurs, les Grecs brillaient au premier rang des patriotes, des héros, des peintres, des poètes et des philosophes; maintenant que l'astuce, la ruse, l'adulation et l'intrigue sont la seule route des distinctions, les Grecs sont... ce que vous les voyez.»

Желающему ближе ознакомиться съ характеромъ и бытомъ Фанаріотскихъ дѣятелей той эпохи и отношеній къ нимъ Турокъ я рекомендовалъ бы прочесть упомянутое здѣсь въ высшей степени любопытное сочиненіе Хопа. Фабула романа служитъ только канвою, на которой искусная и опытная рука талантливаго автора вывела вѣрную картину исторіи и этнографіи Турціи.

Таковы были первые дѣятели по драгоманской части.

Ужъ не этихъ ли достойныхъ уроженцевъ Перы и Фанара имѣлъ въ виду составитель плохаго, но всѣмъ извѣстнаго на Левантѣ двустишія:

In Pera sono tre malanni:
Peste, fuoco, dragomani....

Рѣшить не берусь, такъ какъ, кромѣ драгомановъ бѣлой кости, принадлежавшихъ къ хорошимъ мѣстнымъ семействамъ и служившихъ при разныхъ посольствахъ, Пера кипила, да конечно и теперь кипитъ другаго низшаго слоя драгоманами, этими толмачами-служителями, извѣстными подъ названіемъ «drogmans de place», предлагающими Европейскимъ и Американскимъ путешественникамъ по Турціи свои услуги въ качествѣ cicerоni. Бойкій народецъ этотъ, таран-

тящій на всевозможныхъ языкахъ, Восточныхъ и Европейскихъ, и немилосердно коверкающій эти послѣдніе, способенъ иногда, не меньше Польскаго Жидка-фактора, вывести туриста изъ всякаго терпѣнія своею непомѣрною суетливостью, назойливостью, болтливостью, цѣпкостью, невѣжествомъ; и потому я готовъ согласиться, что это и были тѣ драгоманы Перы, которыхъ имѣлъ въ виду неизвѣстный авторъ Италіянскаго двустишія.

Какъ бы-то ни было, но можно ли, въ самомъ дѣлѣ, объяснить себѣ то довѣріе, которымъ, въ продолженіе вѣковъ, пользовались со стороны Европейцевъ фамиліи, поставлявшія въ одно и тоже время членовъ своихъ драгоманами разнымъ посольствамъ, такъ что одинъ изъ нихъ служилъ, напримѣръ, Франціи, другой Россіи, третій Англіи и такъ далѣе?.. Можно ли было при такой разстановкѣ международныхъ посредниковъ, связанныхъ между собою родственными отношеніями, ожидать сохраненія дипломатической тайны? Можно ли было ручаться, что слово, сказанное довѣренному лицу въ одномъ посольствѣ, не повторится, черезъ брата или свата, въ сосѣднемъ *дружественномъ* посольствѣ, или, какъ по телеграфу, не перелетитъ въ *дружественную* Порту; что копіей секретной бумаги не подслужатся пріятелю, безъ вѣдома и противъ всякихъ разсчетовъ и намѣреній того, который только-что отправилъ подлинникъ къ своему двору съ особеннымъ курьеромъ?

Не особенная ли опасность была въ этомъ отношеніи для православной Россіи, этой недолюбливаемой и вѣчно подозрѣваемой въ козняхъ Россіи, когда подумаешь, что на Востокѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь католическая церковь, къ которой принадлежатъ Пероты, тѣсно связана съ политикою?

Трудная на глазъ загадка эта разрѣшается, однакоже, просто, а именно, тѣмъ условіемъ необходимости, на которое я указывалъ вначалѣ: тогда некѣмъ еще было на этой службѣ замѣнить Перотовъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ къ тому же своею талантливостью, своею ловкостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преданностью, отличавшими, какъ я сказалъ, избранныхъ членовъ этой колоніи, закупали Европейцевъ, служа въ ихъ глазахъ оправданіемъ того довѣрія, которое они распространяли до поры до времени и на всю Перу.

Такъ какъ, однакоже, довѣріе это было, говоря вообще, вынужденнымъ обстоятельствами и какъ, сверхъ того, Европейцамъ не разъ приходилось горько сожалѣть, что интересы ихъ подданныхъ и ихъ государства находятся въ рукахъ людей чужихъ, иноземцевъ, служившихъ имъ исключительно изъ однихъ личныхъ выгодъ: они были озабочены мыслью обзавестись строемъ своихъ собственныхъ спеціали-

стовъ, которые, на службѣ этой, могли бы замѣстить Левантинскихъ наемниковъ. Оставшіеся не у дѣлъ Фанаріотскіе драгоманы, вполнѣ и, быть можетъ, еще болѣе Перотовъ отвѣчавшіе потребности, могли предложить свои услуги, конечно, одному только вновь народившемуся Греческому королевству да Русскому правительству. Но ихъ уже было мало; а вскорѣ и сама Россія лишилась ихъ услугъ.

Принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ Европейскимъ правительствамъ дано было, наконецъ, достигнуть ихъ завѣтной цѣли: мѣстные драгоманы стали, мало по малу, сходить со сцены посольской службы въ Константинополѣ, и въ настоящее время, если нѣсколько человѣкъ изъ Перотовъ еще удержались на ней, то этимъ они обязаны силѣ не успѣвшихъ еще порваться вѣковыхъ связей среды своей съ Европейскими правительствами.

Но *замѣстить* драгомановъ Перы и Фанара своими собственными для Европейскихъ государствъ было сравнительно гораздо легче, чѣмъ *замѣнить* ихъ. Если несомнѣнно то, что происхожденіе новыхъ дѣятелей по этой части могло служить порукою въ ихъ благонадежности, то съ другой стороны драгоманамъ-Европейцамъ, *говоря вообще*, трудно достигнуть того совершенства подготовки къ этой дѣятельности, тѣхъ требуемыхъ ею ловкости и изворотливости, какими отличались драгоманы мѣстные.

Къ отправленію драгоманскихъ обязанностей Пероты и Фанаріоты готовились, можно сказать, съ самой колыбели. Глаза ребенка открывались прямо на восточную обстановку жизни, на одежды и пріемы Востока; въ ушахъ его раздавалась между другими и всего чаще Турецкая рѣчь; языкъ его заодно съ Греческими и Италіянскими пріучался произносить и слова Турецкія; онъ уже свободно лепеталъ ихъ прежде, чѣмъ его засадили за указку, и первымъ учителемъ его былъ мулла, чистокровный Османлы и не изъ дюжинныхъ. Послѣ уроковъ своихъ, ребенокъ бѣжалъ въ кабинетъ отца, гдѣ присутствовалъ при бесѣдѣ его съ чалмоносными посѣтителями, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчались Турецкіе сановники, ученые законовѣды; оттуда направлялся онъ на половину матери, которая принимала одну раскрашенную и разукрашенную кадыню за другою. И тамъ и здѣсь, между ложкою сухаго шербета, стаканомъ воды, трубкою и финджаномъ кофе, струилась звучная Турецкая рѣчь, сверкая искрами восточнаго остроумія, цитатъ изъ поэтовъ и народной мудрости Востока. Затѣмъ на дворѣ или на улицѣ, его ждали сверстники на половину Турчата, а потому и здѣсь, въ калейдоскопѣ дѣтскихъ игръ, Турецкіе узоры господствовали надъ Франкскими. Но вотъ ребенокъ придвигается къ юношескому возрасту; простаго муллу замѣнилъ при

немъ въ качествѣ учителя, важный улема, посвящавшій его въ таинства мусульманскаго права, высокой стилистики языка своего и данниковъ этого послѣдняго, языковъ Арабскаго и Персидскаго; катибъ—калиграфъ выправлялъ на всѣ лады почеркъ его калема; учители Эллинскаго, Французскаго и Италіянскаго языковъ, преподаватели другихъ предметовъ ждали своей очереди, чтобъ приложить свою печать къ умственному развитію будущаго драгомана.

Между книгами на всевозможныхъ языкахъ, въ библіотекѣ отца его первое мѣсто занимали дорогіе Восточные манускрипты и разнообразныя учебныя пособія; лица, посѣщавшія семейство, принадлежали къ высшему слою всѣхъ національностей, населявшихъ столицу; но между ними терся также и низшій людъ съ ветхими, котлообразными кавуками на головѣ, алкавшіе подачки шуты, прихлѣбатели, угодники, низкопоклонники, проныры, дальніе родственники хозяина, тайные его агенты, на его потребу шнырявшіе по прихожимъ Порты и конакамъ вельможъ, даже самаго скабейна, отыскивая новостей и сплетенъ. Словоохотные рты всей этой разношерстной ватаги полны были побасенокъ, анекдотовъ, подробностей о текущихъ тяжбахъ, закулисныхъ передержкахъ Порты, подходахъ къ ней со стороны агентовъ посольскихъ, тайнъ харемликовъ и селямликовъ, свѣдѣній объ Анатолійскихъ дэргбеяхъ, о Египетскихъ, Румелійскихъ и Сирійскихъ пашахъ, интимныхъ подробностей объ исторіи каждаго изъ нихъ отдѣльно, съ ихъ бунтами, военными экспедиціями, пожалуй даже объ отечествѣ того хлопка, изъ котораго свиты были шнурки, перетянувшіе ихъ въ вѣчность. Каждый изъ разсказщиковъ пользовался минутой, чтобы пощеголять собраннымъ матеріаломъ, блеснуть фейерверкомъ живописныхъ Турецкихъ выраженій, чѣмъ-нибудь удивить, чѣмъ-нибудь распотѣшить до слезъ хозяина и его собесѣдниковъ, чѣмъ-нибудь заслужить вниманіе вліятельнаго или денежнаго лица. Какая жатва для любознательности смышленаго юноши! Какъ при такой обстановкѣ, при богатствѣ такихъ живыхъ средствъ, не переполниться всестороннимъ знакомствомъ съ Востокомъ вообще и съ Турціей и ея языкомъ въ особенности!

Но воспитаніе будущаго драгомана довершалось по достиженіи имъ зрѣлыхъ лѣтъ, когда онъ, сначала вмѣстѣ съ отцомъ, а потомъ одинъ, принимался *тереть лицо свое о прахъ ногъ* пашей и беевъ, проникать въ пріемныя посольства, присматриваться къ дѣламъ, прислушиваться къ политическимъ разговорамъ, завязывать дружбу съ эфендіями, *милордами, синьорами,* вообще съ вліятельною молодежью, присутствовать, хоть бы и закулисно, при разбирательствѣ тяжбъ и судебныхъ приговорахъ.

Года черезъ два-три такой практики, онъ чувствовалъ уже на плечахъ своихъ присутствіе сильныхъ драгоманскихъ крыльевъ, и онъ расправлялъ ихъ и отважно летѣлъ по направленію къ предначертанной цѣли. Многіе изъ Фанаріотовъ оказывались при этомъ орлами и, руководимые звѣздою своею, опускались на княжескій престолъ Яссъ или Букарешта.

Престолъ княжескій, правда, для счастливца на немъ возсѣдавшаго, такъ же какъ и драгоманское кресло, нерѣдко обращался въ плаху; но это не мѣшало Фанаріотскимъ орламъ когтями и клювомъ оспаривать другъ у друга эту лакомую и въ тоже время роковую добычу.

Пероты, которымъ закрытъ былъ доступъ въ этотъ завѣтный міръ, довольствовались своимъ драгоманскимъ положеніемъ, которое доставляло имъ и почетъ, и защиту сильныхъ державъ, и связанныя съ нимъ льготы и привилегіи, и наконецъ средства удабривать и расширять поле своего благосостоянія.

Но вотъ и тѣ и другіе сошли, какъ мы видѣли, со сцены, уступивъ свое мѣсто новой группѣ дѣйствующихъ лицъ. Посмотримъ, какая разница между тѣмъ и другимъ персоналомъ.

Европѣ, въ особенности при несовершенствѣ ея учрежденій, посвященныхъ приготовленію драгомановъ, далеко не добиться такихъ блестящихъ въ этомъ отношеніи результатовъ, какіе давало драгоманское воспитаніе Фанаріотовъ и Перотовъ. Можно указать, какъ на исключеніе, на нѣсколько Европейцевъ, довольно близко подходившихъ къ этому идеалу; но они, какъ метеоры, достигнувъ полнаго развитія силъ своихъ, внезапно исчезали съ драгоманскаго горизонта. Нѣсколько лѣтъ службы на Востокѣ достаточно было талантливѣйшимъ изъ нихъ, чтобы пріобрѣсти ту опытность въ дѣлахъ, тѣ вообще практическія познанія, которыхъ только и не доставало имъ, чтобы оказывать важныя услуги своему отечеству; но одни изъ нихъ или навсегда покидали Востокъ, или вдругъ появлялись, тамъ и здѣсь, и къ тому еще очень часто на Европейскихъ постахъ, секретарями посольства, генеральными консулами, министрами-резидентами, посланниками, интернунціями; а драгоманскіе ряды пополняются все новыми, а потому и не вполнѣ созрѣвшими дѣятелями. Можетъ ли отъ такого порядка вещей не терпѣть эта служба, а вмѣстѣ съ этимъ и интересы, и самое достоинство государства, которыхъ касаются дѣла ей поручаемыя?

Постараюсь объяснить, гдѣ корень этихъ несообразностей и этого зла.

Тернистая чаща, черезъ которую молодой Европеецъ пробиваетъ себѣ путь къ драгоманскому посту на Востокѣ, не замѣтна для посторонняго глаза; она слишкомъ далека отъ него, а потому вся тяжесть труда, котораго требуетъ подобная работа, не можетъ быть взвѣшена со стороны; не можетъ быть оцѣнено по достоинству и то мужество, которымъ долженъ быть вооруженъ юноша, слѣдующій по этому пути честно, неукоснительно и настойчиво.

Представьте себѣ молодаго человѣка, съ дѣтства своего и до двадцатилѣтняго возраста томившагося надъ долбленіемъ уроковъ и напрягавшаго всѣ фибры своего вниманія и своей памяти и съ дипломомъ окончившаго гимназическій или даже академическій курсъ ученія. Ему ли не простительно желаніе дать своимъ мозгамъ отдыхъ отъ школьныхъ занятій, поспѣшно и навсегда раскланяться съ указкою, класною доскою, мѣломъ, тетрадками, учительскими требованіями и бѣжать на встрѣчу тѣхъ заманчивыхъ обѣщаній, которыми таровата жизнь въ его годы!

Нѣтъ, молодой человѣкъ задался мыслью посвятить себя драгоманской карьерѣ.

Но для этого надо ему отказаться отъ непосредственнаго пользованія тѣми правами, которыя предоставлены ему гимназическимъ или университетскимъ дипломомъ, отъ плаванья на всѣхъ парахъ по волнамъ общественныхъ удовольствій; ему надо для этого пересѣсть съ одной ученической скамьи на другую и *еще* на три, на четыре года обречь свои мозги на усиленное напряженіе, привязать себя къ класной доскѣ, къ мѣлу, къ тетрадямъ и подчиниться требованіямъ преподавателей иногда совершенно новыхъ для него предметовъ.

Я не буду распространяться о тѣхъ изъ числа подобныхъ храбрецовъ, которые, или убоясь премудрости, съ первыхъ же шаговъ обращаются вспять, или, достигнувъ цѣли окольными путями, отбываютъ свои обязанности черезъ пень да въ колоду, не стѣсняя себя ни чувствомъ собственнаго достоинства, ни долгомъ честнаго гражданина и слуги земли своей.

Остановлюсь на тѣхъ, которые, помощью исключительныхъ дарованій, умственнаго и нравственнаго развитія, стоически переносятъ всѣ трудности избраннаго ими пути и, ни на шагъ не уклоняясь въ сторону, своевременно достигаютъ выхода на служебное поприще съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, добытыхъ усидчивымъ трудомъ.

Мы ихъ видимъ затѣмъ на Востокѣ въ совершенно новомъ для нихъ мірѣ, борящимися съ новыми трудностями практическаго приложенія пріобрѣтенныхъ въ спеціальномъ курсѣ познаній, съ усвоеніемъ пріемовъ своихъ служебныхъ обязанностей, съ особенностями разно-

племенной среды, въ которой имъ приходится вращаться, съ нравами мѣстнаго народонаселенія, Турокъ вообще, и Порты съ ея безчисленными развѣтвленіями, въ частности, и мало ли еще съ чѣмъ. Ко всему этому разомъ имъ нельзя приглядѣться. Это не какая нибудь книга, въ которой всѣ случаи, всѣ предметы размѣщены по статьямъ и параграфамъ и которую можно было бы, поэтому, выучить наизустъ и.... успокоиться. На практикѣ, неожиданность играетъ главную роль, представляя въ новомъ свѣтѣ дѣло, повидимому самое простое; буква трактатовъ, капитуляцій, хатти-шерифовъ и самихъ законовъ не всегда способна разрѣшить тотъ или другой вопросъ, осложнившійся внезапно какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Поэтому, драгоману надо пріучить себя, по возможности, ко всякаго рода отвѣтамъ и возраженіямъ ex-prompto и ex-abrupto—и это на языкѣ, тонкости котораго далеко еще имъ не усвоены, на томъ самомъ языкѣ, которымъ такъ искусно фехтуетъ противная сторона, сановитый, надутый османлы, закалившійся въ тяжелыхъ бояхъ и наступающій на новичка съ насмѣшливою улыбкою полной увѣренности въ побѣдѣ. Молодой драгоманъ понимаетъ хорошо, что бой неравный, что ему надо вооружиться Олимпійскимъ терпѣніемъ и невозмутимостью и храбростью Баяра, чтобы парировать удары, ловко направленные, и не спасовать съ первой же атаки. Онъ видитъ, что интересы дѣла ему порученнаго, а съ ними вмѣстѣ и собственная его репутація и самая будущность, наконецъ, достоинство его страны, находятся въ неловкомъ, чтобы не сказать въ опасномъ, положеніи, и потому дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы, безъ особеннаго ущерба, выйти изъ единоборства. Но рѣдко оставляетъ онъ поле битвы безъ тяжелаго чувства, безъ недовольства собою, безъ неувѣренности въ томъ, такъ ли онъ понялъ ту или другую фразу своего противника, такъ ли онъ объяснилъ свои собственныя мысли. Дорогою, перебираетъ онъ въ памяти слова и фразы, которыя онъ употребилъ въ только что окончившемся разговорѣ, и которыхъ уже болѣе не воротить ему, и разрывается отъ досады, почему онъ вставилъ не то, а именно это слово или выраженіе! Досада эта, въ иныхъ случаяхъ, преслѣдуетъ его черезъ всю его жизнь.

Такова пытка, которой, изо дня въ день, подвергается начинающій драгоманъ, пока, чрезъ два-три года, а иногда и болѣе, онъ вдоволь не наупражняется, не понаберется опытности въ дѣлахъ, не изучитъ тонкостей языка, мѣстной ябеды, характера своихъ противниковъ, обычаевъ края. Разумѣется, чѣмъ пристальнѣе онъ работалъ на школьной скамьѣ, чѣмъ добросовѣстнѣе относился къ дѣлу, за которое взялся добровольно, чѣмъ внимательнѣе и настойчивѣе упражнялся на мѣстѣ въ практическомъ приложеніи вынесенныхъ имъ изъ

школы познаній, тѣмъ легче переносится имъ эта пытка, тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ и съ большею увѣренностью, тѣмъ съ большею пользою для себя и для дѣла, проходитъ онъ время этого искуса.

Когда, такимъ образомъ, силы его достаточно окрѣпли, онъ назначается вторымъ драгоманомъ посольства или миссіи и несетъ тяжелую лямку драгоманскую, таскаясь по всевозможнымъ присутственнымъ мѣстамъ и толкаясь между челядинцами, въ прихожихъ министровъ, кази-аскеровъ и другихъ вельможъ, въ ожиданіи своей очереди, присутствуя въ таможенныхъ, портовыхъ управленіяхъ, а главное, въ каторжномъ коммерческомъ судѣ и т. д. Одинъ тотъ, кто прошелъ черезъ подобное испытаніе, знаетъ, что терпѣнія выносить его хватитъ много, много, лѣтъ на десять. Нѣкоторые изъ Перотовъ, до глубокой старости, мирились съ нимъ; но это потому, что вопервыхъ, воспитаніе ихъ и подготовка давали имъ возможность легче выносить подобную жизнь, вовторыхъ, имъ было бы и трудно, послѣ долгихъ лѣтъ драгоманской службы, найти себѣ болѣе спокойное, болѣе выгодное, болѣе почетное занятіе, а добиться мѣста перваго драгомана удавалось очень немногимъ, какъ по крайней ограниченности открывавшихся вакандій, такъ и по важности самаго поста; наконецъ, въ третьихъ, онъ былъ у себя въ гнѣздѣ, посреди своего семейства, обширнаго круга родства, владѣлъ домами, причемъ имущественные интересы его ограждались покровительствомъ Европейской державы, которой онъ служилъ, не только отъ посягательствъ частныхъ лицъ, но и отъ всякаго вмѣшательства мѣстной власти и самого дѣйствія мѣстныхъ законовъ.

Второй драгоманъ изъ Европейцовъ совершенно другое дѣло: обжегшись, на первыхъ же шагахъ, крапивой своихъ сложныхъ обязанностей, и тѣхъ трудовъ, и того терпѣнія, которыхъ она неумолимо требуетъ, онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, пытается вырваться изъ своей кабалы на должность секретаря посольства. Secrétaire d'ambassade! Боже, какъ это хорошо звучитъ! Какъ это наряжаетъ и причесываетъ въ обществѣ молодаго человѣка! Какимъ ореоломъ это украшаетъ его мечтательную голову! И къ тому же, вѣдь это не черная, не усидчивая работа драгоманская. Ни бѣготни, ни суетни, ни обтаптыванія пороговъ, ни томительныхъ ожиданій очереди, ни безконечныхъ засѣданій, ни усилій для передачи, въ потѣ лица, мудрыхъ фразъ съ одного языка на другой безъ предварительнаго приготовленія, устно и письменно, ни работы для пріобрѣтенія новыхъ и новыхъ свѣдѣній по своей части на пользу службы; а главное никакой отвѣтственности! Оставимъ въ сторонѣ людей съ серьезнымъ образованіемъ, людей дѣла и труда; но кто не знаетъ, какимъ вообще

порядкомъ текутъ дни молодаго секретаря посольства. Спи себѣ до полудня; переписывай къ почтѣ бумажку, другую; а затѣмъ романы въ книгахъ и въ жизни, визиты, катанья, обѣды, вечера въ посольствахъ, зеленые столы, курьерскія поѣздки.... Это ли не житье! Это ли не розовые сны на яву! И потомъ, радужная перспектива высшихъ дипломатическихъ познаній.

Болѣе скромный въ своихъ желаніяхъ, болѣе терпѣливый, драгоманъ, утомленный безпардонною канителью своей службы, и наконецъ, въ весьма естественномъ желаніи подвинуться по службѣ впередъ, домогается консульскихъ мѣстъ на Востокѣ, которыя, понятно, никѣмъ другимъ и занимаемы быть не могутъ, съ пользою для службы, какъ драгоманами, хорошо и долго поработавшими по своей части и искусившимися въ дѣлахъ; а потому домогательства многихъ изъ нихъ не остаются безъ удовлетворенія; да и сами правительства, въ награду за хорошую, долголѣтнюю службу, собственной иниціативой, предоставляютъ имъ эти мѣста предпочтительно предъ назначеніемъ на нихъ иностранцевъ вообще, и Перотовъ въ особенности.

У насъ, поворотъ такой, также какъ и удаленіе иноземцевъ съ драгоманской службы, совершился, какъ бы въ послѣдствіе той жалобы, которая появилась въ книгѣ генерала Муравьева «Русскіе на Босфорѣ». «При Бутеневѣ», писалъ покойный Николай Николаевичъ, говоря о мѣстныхъ драгоманахъ, «текущія обыкновенныя дѣла идутъ тѣмъ же направленіемъ, какимъ всегда шли. Ни ему, и никому изъ будущихъ посланниковъ нашихъ при Портѣ, не предстоитъ измѣнить сего порядка, коего нити тянутся изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Оттуда только можетъ совершиться онъ рѣшительнымъ удаленіемъ людей подобнаго званія и происхожденія, занимающихъ нынѣ, къ стыду Россіи, также всѣ консульскія и вице-консульскія прибыльныя мѣста въ Левантѣ».

Сказанное мною о дѣятельности, значеніи и судьбѣ драгомановъ вообще принимаетъ особый смыслъ по примѣненію къ старшему драгоману, какъ проводнику переговоровъ по вопросамъ высшей политики, какъ руководителю служебной работы драгомановъ посольства.

Прежде всего, оставлю слово постороннему наблюдателю, обратившему на этотъ предметъ серіозное вниманіе во время пребыванія своего въ Константинополѣ въ тридцатыхъ годахъ. Американскій туристъ Ричъ, говоря въ своемъ сочиненіи: «Sketches of Turkey» о драгоманахъ, разумѣетъ болѣе всего старшихъ драгомановъ.

«Вести дѣла», говоритъ онъ на страницѣ 284, «чрезъ посредство третьяго лица, во всякомъ случаѣ, крайне непріятно; операція эта сопряжена съ частыми недоразумѣніями; переводчики всегда най-

дутъ возможность служить собственнымъ интересамъ, извративъ или по своему окрасивъ то, что̀ говорятъ обѣ стороны».

«Драгоманъ не есть, собственно, просто переводчикъ, какъ означаетъ самое названіе. Онъ есть, или, по крайней мѣрѣ долженъ бы быть (is... or at least ought to be) *довѣренный другъ и совѣтникъ своего министра.* Случается, и случаи эти довольно часты, что какое-нибудь очень серіозное или щекотливое домогательство начальника смягчается, при передачѣ черезъ переводчика, и поспѣшныя, необдуманныя выраженія измѣняются, а иногда и опускаются. При производствѣ переговоровъ, знакомство ихъ съ характеромъ главныхъ сановниковъ правительства и ихъ умѣнье согласовать дѣйствія свои съ истиною: tempora mollia fandi, дѣлаетъ услуги ихъ въ высшей степени важными».

Такова, дѣйствительно, сила, которою располагаетъ первый драгоманъ, какъ по безконтрольности своихъ спеціальныхъ знаній, такъ, вслѣдствіе этого, и по той безграничной довѣренности, въ которой не властенъ отказать ему представитель великой державы. Ошибись драгоманъ, не только въ словѣ, но даже въ интонаціи передаваемой имъ рѣчи, и ожидаемый успѣхъ переговора не достигнутъ, незамѣтно для представителя державы.

Нѣкоторымъ посланникамъ кажется, что продолжительное пребываніе въ краѣ, частыя бесѣды съ Турками, черезъ переводчика, достаточно пріучили глазъ ихъ и ухо, чтобы, по выраженію лица-ли собесѣдника, по нѣкоторымъ-ли часто повторяющимся словамъ Турецкой рѣчи, схватить смыслъ ея и самый умыселъ говорящаго. Я не оспориваю возможности, для посланника, пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ въ этомъ дѣлѣ и до нѣкоторой степени удерживать въ памяти личныя при разговорѣ впечатлѣнія, весьма пригодныя для обсужденія ихъ съ драгоманомъ въ послѣдствіи; но именно потому, что вполнѣ овладѣть подобною способностью ему не приведется никогда, осторожность требовала бы, чтобы онъ не принималъ свои наблюденія за основаніе какого-нибудь рѣшающаго дѣйствія. Мнѣ разсказывали, что одинъ изъ начальниковъ въ Туркестанѣ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ краѣ, сознавался, что, подведенный невѣжествомъ мѣстнаго толмача и ошибочностью собственнаго наблюденія, онъ чуть было, однажды, не велѣлъ повѣсить одного почетнаго и преданнаго намъ туземца!

Отправленіе драгоманскихъ обязанностей есть своего рода священнодѣйствіе. Драгоманъ, исполняя ее, отвѣтственъ только передъ Богомъ и своею совѣстью. Онъ не можетъ не сознавать, что промахъ съ его стороны, хотя бы и невольный, есть преступленіе, могущее повести къ пагубнымъ для его страны послѣдствіямъ; что одно слово

можетъ изъ traduttore сдѣлать его traditore. Онъ, какъ честный стрѣлокъ, долженъ сдать свое оружіе, если не чувствуетъ въ себѣ способности *всегда* бить навѣрняка.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ велика отвѣтственность драгомана и какъ велика заслуга передъ отечествомъ того изъ нихъ, который талантливо и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности.

А между тѣмъ, благодаря, быть можетъ вѣковымъ традиціямъ о мѣстныхъ драгоманахъ, Европейскіе драгоманы далеко не пользуются тѣмъ почетомъ и тѣмъ положеніемъ, которыхъ они заслуживали бы своими тяжело достающимися спеціальными познаніями, тѣмъ довѣріемъ, которымъ они облечены со стороны своихъ правительствъ, и тѣми, наконецъ, услугами, которыми эти послѣднія имъ обязаны.

Удивляться-ли послѣ этого, если первый драгоманъ, обогатившій себя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работы на этомъ посту, полнымъ знаніемъ дѣла и полною опытностью по своей части, а потому и способностью *служить съ наибольшею пользою для своего отечества*, изнемогая подъ бременемъ усиленной, продолжительной работы и умственнаго напряженія, не находя, наконецъ, надлежащаго для своего самолюбія удовлетворенія, начинаетъ тяготиться своею должностью и ищетъ болѣе выгоднаго для себя, болѣе покойнаго, болѣе виднаго мѣста?

Положеніе, очевидно, не нормальное. Непосредственная защита ихъ подданныхъ и ихъ вліяніе на Востокѣ, при настоящей обстановкѣ драгоманской части, то и дѣло выпадаетъ изъ наторѣлыхъ рукъ и переходитъ въ распоряженіе силъ, не успѣвшихъ еще окрѣпнуть и дозрѣть до надлежащаго, для дѣятельности этой, развитія.

Мнѣ, пожалуй, могутъ возразить банальнымъ замѣчаніемъ, что въ нынѣшнее время всѣ министры султана говорятъ пофранцузски и что поэтому можно бы обойтись безъ драгомановъ, которые, къ тому же, такъ дорого стоятъ. Но возраженія этого никогда не сдѣлаетъ человѣкъ, имѣющій вѣрное понятіе о настоящемъ положеніи дѣла. Вопервыхъ Турецкіе сановники и чиновники, съ которыми драгоманамъ приходится вести переговоры о важныхъ или текущихъ дѣлахъ, не всѣ говорятъ пофранцузски, да и далеко не всѣ говорящіе на этомъ языкѣ способны выдержать на немъ сколько нибудь серьозную бесѣду. Али, Сафветы, Решиды, Ахмедъ-Вефики составляли, въ мое время, блестящее исключеніе въ этомъ отношеніи. Вовторыхъ, дѣйствіе драгомана не ограничивается устною передачею объясненій; ему, то и дѣло, приводится, séance tenante, обнять смыслъ важной Турецкой бумаги, хитро написанной, уловить всѣ ея тонкости и междустрочія и передать ее представителю державы не ошибясь ни въ одномъ оборотѣ, не пропустивъ ни одного оттѣнка; затѣмъ, иногда тутъ же, на томъ же

языкѣ написать отвѣтъ своего начальника. Въ третьихъ, не вся мудрость заключается въ буквальной передачѣ Турецкой, Арабской или Персидской рѣчи на Европейскомъ языкѣ: для объясненія представителю державы многихъ вещей, имѣющихъ косвенную связь съ этою рѣчью, но въ тоже время и прямую съ самимъ дѣломъ, котораго рѣчь эта касается, драгоманъ долженъ иногда дополнить переводъ свой свѣдѣніями, собранными имъ черезъ свои связи съ туземцами, весьма не рѣдко объясняющимися только потурецки.

Можетъ ли, напримѣръ, Французскій языкъ служить орудіемъ переговоровъ при разбирательствѣ дѣла по мусульманскимъ законамъ, въ судѣ, состоящемъ изъ хранителей шаріата, при допросѣ Турка-простолюдина, при показаніяхъ свидѣтеля восточнаго происхожденія. Наконецъ, поле драгоманской дѣятельности не ограничивается Константинополемъ, Смирной, Александріей; веденію же дѣлъ въ Турецкихъ провинціяхъ Французскій языкъ плохой пособникъ.

Можетъ ли этотъ языкъ, какъ бы знакомство съ нимъ ни было, распространено между мусульманами, еслибы даже можно было предположить, что на немъ когда-нибудь заговорятъ всѣ Турки до послѣдняго простолюдина, можетъ ли, говорю, языкъ этотъ удовлетворить ежедневнымъ потребностямъ того учрежденія, назначеніе котораго заключается въ защитѣ, на Левантѣ, интересовъ Европейскаго государства и его подданныхъ? Достаточно ли, для огражденія этихъ интересовъ, понять объясненіе Турка, говорящаго съ вами не на своемъ языкѣ и быть имъ поняту! Одного неизвѣстнаго вамъ Турецкаго слова, сказаннаго въ вашемъ же присутствіи, своему подчиненному или товарищу Турецкимъ должностнымъ лицомъ, съ которымъ вы вели переговоры, совершенно довольно для того, чтобы дѣло было, по существу, рѣшено не въ вашу пользу. Вы, такимъ образомъ, можете выйти изъ совѣщанія съ увѣренностью въ успѣхѣ этого дѣла, тогда какъ въ дѣйствительности оно окончательно проиграно!

Коротко сказать, пока Турки будутъ между собою говорить и переписываться потурецки, чужеземныя правительства должны имѣть въ своемъ распоряженіи на Левантѣ агентовъ, *хорошо* владѣющихъ Турецкимъ языкомъ. Въ противномъ случаѣ, правительства, въ своихъ отношеніяхъ съ Турціей, оставляли бы интересы свои въ зависимости отъ доброй... вѣрнѣе сказать отъ недоброй воли Турецкаго чиновничества.

Наконецъ, султанъ, сей такъ называемый халифъ, хотя и зналъ бы Французской языкъ, едва ли когда-нибудь, по принципу и изъ важности Оттоманской, заговоритъ на немъ съ представителемъ Европейской державы, который по этому всегда будетъ нуждаться въ помощи драгомана.

Воспитать дѣятеля, который былъ бы способенъ исполнять всѣ эти обязанности не дано исключительно однѣмъ силамъ факультета. Изъ университета выходили и выходятъ замѣчательные оріенталисты, обогатившіе науку вкладами драгоцѣнныхъ трудовъ и открытій по своей части и съ блескомъ и величайшею пользою исполнявшіе и исполняющіе профессорскія обязанности; но всѣ эти силы не всегда достаточны, чтобы поставить студента на ту практическую почву, на которой вырабатываются исполнители драгоманской работы.

Вѣроятно, кому-либо изъ моихъ читателей извѣстенъ случай, показывающій наглядно, какъ далека въ этомъ отношеніи теорія отъ практики. Однажды профессоръ Восточныхъ языковъ, обязанный своими знаніями знаменитому оріенталисту барону Сильвестру-де-Саси, произнесъ по персидски привѣтственную рѣчь Персидскому принцу при посѣщеніи имъ училища, въ которомъ этотъ профессоръ былъ преподавателемъ. Выслушавъ съ терпѣніемъ и вѣжливостью многорѣчивое привѣтствіе ученаго оріенталиста, высокій посѣтитель обратился къ сопровождавшему его переводчику съ просьбою перевести ему рѣчь оратора на Персидскій языкъ.

Въ началѣ настоящаго вѣка, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, убѣждаясь, все болѣе и болѣе, въ необходимости завестись на Востокѣ драгоманами Русскаго происхожденія и образованія, и не находя въ факультетахъ Восточныхъ языковъ нашихъ университетовъ тѣхъ элементовъ, которые могли бы образовать студентовъ, готовыхъ для отправленія въ Турцію и Персію, учредило въ 1823 году при Азіятскомъ Департаментѣ учебное отдѣленіе Восточныхъ языковъ.

Но время вызываетъ новыя и новыя потребности и улучшенія. Отстаивая интересы свои на Востокѣ, религіозные и племенные, Россія съ тѣхъ поръ три раза вступала въ борьбу съ Турціею, расширяя все болѣе и болѣе кругъ отношеній своихъ къ ея христіанскимъ подданнымъ, а потому нуждалась бы въ драгоманахъ, владѣющихъ, не одними языками Турецкимъ или Персидскимъ, но и языками Славянъ, преимущественно Сербскимъ. Затѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, была упразднена наша духовная миссія въ Пекинѣ, поставлявшая замѣчательныхъ синологовъ для драгоманской службы, и потому, въ настоящее время мы должны въ самомъ Петербургѣ подготавливать, для надобностей нашей политики на Востокѣ, знатоковъ языка Китайскаго, также какъ и Маньчжурскаго, Калмыцкаго и др. А развѣ не нужны намъ драгоманы языка Японіи, въ слѣдствіе завязавшихся у насъ сношеній съ этою страною и сближенія ея съ Европою? Наконецъ, должны ли мы, при многомилліонномъ населеніи мусульманскихъ подданныхъ Россіи, вѣчно пренебрегать необходимостью завес-

тись строемъ служилыхъ оріенталистовъ для безчисленныхъ надобностей нашей внутренней администраціи?

Вотъ сколько драгомановъ потребно было бы на служеніе нашему отечеству.

А между тѣмъ общество наше и не вѣдаетъ, что̀ это за люди и какая намъ отъ нихъ польза; а тѣ изъ нашихъ *отцовъ пера*, которые случайно остановятся передъ драгоманами и вздумаютъ сказать о нихъ печатное слово, судятъ и рядятъ, не имѣя должнаго понятія ни о продолжительности той школы, черезъ которую драгоманъ долженъ пройти для полнаго развитія силъ своихъ на пользу службы, ни о его подвижнической жизни.

Позднѣйшая приписка.

26 Августа 1886 г.

Не вызываетъ ли все выше сказанное желанія, чтобъ осуществилась наконецъ мысль нашего знаменитаго государственнаго мужа, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова (памяти котораго, въ день столѣтней годовщины со дня его рожденія, мы и посвящаемъ настоящее наше разсужденіе) а именно, чтобы учреждена была у насъ, съ двумя отдѣлами, однимъ—чисто ученымъ, другимъ—практическимъ, Академія Восточныхъ языковъ?

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ.

I.

Константинъ Павловичъ Пауловичъ.

Въ городѣ Харьковѣ жили и умерли въ 60-хъ годахъ въ глубокой старости супруги: профессоръ Харьковскаго университета Константинъ Павловичъ Пауловичъ и жена его Прасковья Николаевна, урожденная Карпова, вышедшая за Пауловича вторымъ бракомъ будучи вдовою Боярскою. Рѣдко кого можно было встрѣтить изъ мѣстныхъ обитателей, кто бы не зналъ эту чету и не уважалъ почтенныхъ старичковъ Пауловичей. Въ высшемъ Харьковскомъ обществѣ Константина Павловича принимали съ особеннымъ вниманіемъ за его умъ и нравственныя качества, къ тому же онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ. У бывшихъ въ то время генералъ-губернаторовъ, князя Николая Андреевича Долгорукова, а потомъ у генерала Кокошкина онъ былъ принятъ, какъ свой близкій человѣкъ.

При основаніи Харьковскаго университета Константинъ Павловичъ прибылъ изъ Венгріи (родомъ онъ былъ Сербъ), получилъ въ Харьковскомъ университетѣ каѳедру по Римскому праву и читалъ лекціи болѣе 40 лѣтъ. Слушавшіе его студенты любили его за добродушіе и справедливость. Константинъ Павловичъ былъ отчасти оригиналенъ и нѣсколько разсѣянъ; разсказывали напримѣръ, что, когда онъ вышелъ въ отставку, то часто по привычкѣ приходилъ въ университетъ, чтобы читать лекціи, и только тогда замѣчалъ ошибку, когда заставалъ на каѳедрѣ другаго профессора.

Однажды Григорій Ѳедоровичъ Квитка (Грицко-Основьяненко), извѣстный Малороссійскій писатель, пригласилъ на деревенскій праздникъ въ свое имѣніе Основу, находящееся въ близкомъ разстояніи

отъ Харькова, знакомыхъ своихъ, въ томъ числѣ Константина Павловича и его супругу.

Они отправились въ каретѣ. До самой Основы, по дорогѣ, шедшей по глубокому песку, имъ пришлось ѣхать шагомъ. Вѣроятно равномѣрное движеніе экипажа подѣйствовало на Константина Павловича, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда карета остановилась у подъѣзда, то вышла всегда поспѣшная Прасковья Николаевна, а ихъ лакей, полупьяный Иванъ, не долго думая, захлопнулъ дверцы. Карета отъѣхала и кучеръ отпрягъ лошадей. Хозяева и знакомые встрѣтили Прасковью Николаевну и, не видя при ней Константина Павловича, стали спрашивать о немъ.

«Да онъ же пріѣхалъ со мной», отвѣчала Прасковья Николаевна. Между тѣмъ проходитъ много времени, а Константинъ Павловичъ не появляется. Желая удостовѣриться въ его пріѣздѣ, растолкали лакея Ивана, который также увѣрялъ, что баринъ пріѣхалъ. Начались поиски въ аллеяхъ, въ саду; но, такъ какъ нигдѣ его не находили, то явилось подозрѣніе, не утонулъ ли онъ въ рѣкѣ Основѣ, протекающей тутъ же въ саду. Словомъ сказать, всѣ пришли въ волненіе. Тогда одному изъ гостей, бывшему студенту, знавшему разсѣянность Константина Павловича, пришла мысль посмотрѣть, не остался ли онъ въ каретѣ. Когда его окликнули, онъ проговорилъ: «А? Что? Пріѣхали?» Ему разсказали, какъ всѣ были встревожены его продолжительнымъ отсутствіемъ, какъ вездѣ его искали, сообщили между прочимъ, что Прасковья Николаевна съ своей стороны настаивала, чтобы поискали его на деревнѣ, куда онъ, по своей склонности къ прекрасному полу, могъ отправиться любоваться на молодыхъ «дивчатъ», пѣсни которыхъ слышались издалека. «Странно, но можетъ быть», отвѣчалъ своей любимой поговоркой Константинъ Павловичъ. «Но, такъ какъ я заснулъ, слѣдовательно не ходилъ на деревню», прибавилъ онъ, какъ бы въ свое оправданіе.

Прасковья Николаевна была всегда очень ревнива. Вопреки своимъ почтеннымъ годамъ (ей было около 80-ти лѣтъ), она была еще свѣжа и здорова. Когда послѣ своего профессорства Константинъ Павловичъ получилъ должность члена совѣта въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ по хозяйственной части, то «бабушка», какъ всѣ ее звали, была этимъ очень недовольна, боясь за нравственность институтокъ, а главное за своего супруга. Нужно сказать, что Прасковья Николаевна не имѣла никакого основанія даже и въ молодые годы подозрѣвать мужа въ невѣрности: въ этомъ отношеніи онъ всегда былъ безупречный мужъ. Но дѣло въ томъ, что Константинъ Павловичъ, по присущей ему откровенности и наивности, считалъ непре-

мѣннымъ своимъ долгомъ сообщать законной своей супругѣ всѣ впечатлѣнія, какія ему приходилось испытывать при встрѣчѣ съ хорошенькими женщинами.

Когда Константинъ Павловичъ былъ профессоромъ въ университетѣ, въ тоже время былъ тамъ другой профессоръ Павловскій. Фамиліи нѣсколько схожія, и у обоихъ были лакеи Иваны. Однажды профессоръ Павловскій послалъ записку къ полицеймейстеру, состоявшему тогда на службѣ исключительно при университетѣ, съ просьбой прислать къ нему сторожей, чтобы взять изъ квартиры разбушевавшагося пьянаго лакея его Ивана и наказать его розгами, что было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. Полицеймейстеръ, исполняя приказаніе Павловскаго, посылаетъ за его Иваномъ; но сторожа вмѣсто Павловскаго отправляются къ Пауловичу, а, такъ какъ на бѣду Константина Павловича не было дома, то они безъ дальнихъ разговоровъ берутъ Ивана и доставляютъ его къ полицеймейстеру, который объясняетъ ему, что по приказанію его барина онъ долженъ быть наказанъ; затѣмъ, несмотря на энергичные протесты Ивана, ему влѣпили положенное число розогъ. Безвинно наказанный Иванъ, прибѣжавъ домой, куда Константинъ Павловичъ уже возвратился, спрашиваетъ барина, за что онъ приказалъ его наказать, чего прежде никогда съ нимъ не бывало? «Я этого не приказывалъ; ты вѣрно опять сегодня выпилъ лишнее», отвѣчалъ удивленный Константинъ Павловичъ. «Да, помилуйте»; вопилъ Иванъ, «меня такъ вздули, что я до сихъ поръ опомниться не могу; самъ полицеймейстеръ мнѣ сказалъ, что мой баринъ распорядился, чтобы меня отодрали за грубость и за пьянство».—«Странно, но можетъ быть», разсуждалъ Константинъ Павловичъ; но, такъ какъ полицеймейстеръ начальство, то онъ имѣлъ право тебя наказать». Съ этимъ вмѣстѣ однако Константинъ Павловичъ немедленно отправился къ полицеймейстеру за разъясненіемъ недоразумѣнія. Тамъ онъ встрѣтился съ профессоромъ Павловскимъ, который въ свою очередь пришелъ за объясненіемъ, почему не приходятъ взять его бушующаго Ивана. Непріятно удивленный полицеймейстеръ, когда разъяснилось дѣло, обратился къ Константину Павловичу съ извиненіями за происшедшую ошибку. «Да, это точно ошибка, какъ я вижу; но, какъ же ее поправить?» раздумывалъ Константинъ Павловичъ. Возвратившись домой, онъ подробно объяснилъ Ивану, что его выпороли по ошибкѣ сторожей; но, такъ какъ розогъ возвратить нельзя, то онъ находитъ возможнымъ допустить, чтобы Иванъ зачелъ эти розги впередъ за какую-нибудь будущую свою провинность.

Пауловичъ много писалъ. Его сочиненія отличались необыкновенными подробностями и плодовитостью, въ чемъ можно было удо-

стовѣриться по изданнымъ и напечатаннымъ двумъ объемистымъ томамъ, озаглавленнымъ *Путешествіе по Европѣ. Нѣчто о Лондонѣ*». Можно себѣ представить, сколько бы явилось томовъ его сочиненій, если только «*Нѣчто о Лондонѣ*» заняло два тома.

Во время лѣтнихъ каникулъ въ университетѣ Пауловичи имѣли обыкновеніе уѣзжать изъ Харькова за 90 верстъ въ деревню. Ежегодній переѣздъ въ продолженіи 50 лѣтъ туда и обратно совершался довольно патріархально: присылались двѣ пары воловъ, которыхъ запрягали въ карету, куда усаживались господа; для людей была особая воловая фура; всѣ отправлялись въ деревню Березовку, «*въ лоно природы*» какъ выражался Пауловичъ. Странствованіе продолжалось 3—4 дня; иногда они заѣзжали къ знакомымъ; дорогою волы кормились подножнымъ кормомъ; во время остановокъ люди варили въ котелкѣ кулешъ или галушки, господа кушали чай или довольствовались тѣми же кушаньями, прогуливались иногда по «лѣсочку», чтобы нарвать цвѣтовъ или ягодъ, ночевали въ полѣ подъ открытомъ небомъ и только въ случаѣ дождя влѣзали въ карету.

Путешествіе по Европѣ было у Константина Павловича завѣтной мечтой, но она долгое время оставалась невыполнимою единственно потому, что его супруга, будучи на 10 лѣтъ старше, не отпускала его. У нея были на это свои причины, но главная заключалась въ томъ, что она была убѣждена, что заграницей Константинъ Павловичъ развратится и измѣнитъ ей, чего она никакъ не хотѣла допустить. Какъ онъ ни разувѣрялъ, что этого случиться съ нимъ не можетъ, ссылаясь на свои немощи и почтенные года, но старуха слыхала, что за границей и этому горю пособляютъ, поэтому была упорна и настойчива, какъ истая Малоросска. Пауловичу было лѣтъ 70-ть, когда онъ рѣшился, во что бы ни стало, «*сдѣлать вояжъ за границу*», хотя бы то было противъ желанія жены. Въ то время въ Харьковѣ былъ губернскій предводитель князь В. П. Голицынъ (Рябчикъ); онъ-то и взялся устроить путешествіе Константина Павловича. Пользуясь особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Прасковьи Николаевны, онъ уговорилъ ее отпустить супруга съ нимъ только въ Петербургъ. Послѣ долгихъ колебаній согласіе было дано съ непремѣннымъ условіемъ, что она будетъ получать отъ мужа письма еженедѣльно. Такъ какъ отсутствіе князя Голицына предполагалось мѣсяцевъ на 6-ть или болѣе, то Пауловичъ разсчиталъ, что онъ можетъ въ это время побывать во многихъ городахъ Европы и возвратиться къ сроку; а чтобы въ точности исполнить обѣщаніе данное Прасковьи Николаевнѣ, онъ написалъ заранѣе въ Петербургѣ всѣ письма разомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы жена его получала ихъ по одному въ недѣлю; князю

же Голицыну поручилъ отправлять ихъ постепенно одно за другимъ въ извѣстные дни, для чего всѣ письма были сложены въ одну пачку и подобраны по порядку, какъ они должны были быть отправляемы. Въ нихъ подробно описывались Петербургскія впечатлѣнія, смотря по времени года, и разныя предполагаемыя новости. Прасковья Николаевна, хотя и скучала, но была довольна акуратностью мужа и съ удовольствіемъ разсказывала своимъ знакомымъ въ Харьковѣ, какія новости пишетъ ей Константинъ Павловичъ. (Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ). Вдругъ съ письмами Пауловича приключилось *нѣчто* неладное: на письменномъ столѣ у князя Голицына, гдѣ они лежали такъ тщательно подобранными, ихъ кто-то перевернулъ на другую сторону, вслѣдствіе чего Прасковья Николаевна еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ получила послѣднее письмо отъ 1-го Мая, изъ котораго узнала, что мужъ ея на дняхъ возвращается въ Харьковъ, чтобы воспользоваться прекрасными Майскими днями и отправиться «*въ лоно природы*», по обыкновенію въ свою Березовку. Такое несвоевременное извѣстіе крайне удивило и поразило Прасковью Николаевну: ей вообразилось, что Константинъ Павловичъ такъ завѣялся въ Петербургѣ, что сошелъ съ ума, почему и пишетъ такія несообразности. Она страшно волновалась и тревожилась, пока наконецъ кто-то изъ знакомыхъ, возвратившись изъ Петербурга, не объяснилъ ей, что тутъ кроется ошибка и что Константинъ Павловичъ выѣхалъ за границу. Во всю свою жизнь Прасковья Николаевна не могла простить мужу его обмана и была увѣрена, что онъ непремѣнно измѣнилъ ей во время своего путешествія по Европѣ. Забавно было слушать, когда по возвращеніи Константинъ Павловичъ разсказывалъ какой-нибудь эпизодъ изъ своего путешествія, при чемъ Прасковья Николаевна перебивала его и поправляла. Тогда Константинъ Павловичъ переставалъ разсказывать и, обращаясь къ ней со своей добродушной улыбкой, говорилъ: «Какъ ты можешь знать лучше меня, когда ты этого не видала?»—«Нѣтъ, нѣтъ», перебивала старуха, «ты все перепуталъ», и передавала иначе. «Странно, но можетъ-быть», соглашался Константинъ Павловичъ.

Прасковья Николаевна пережила своего мужа нѣсколькими годами и умерла, имѣя отъ роду свыше ста лѣтъ, оставаясь до конца въ полной памяти и совершенномъ здоровьи; но ей измѣняли глаза; не помогали и очки. Какъ-то, разсердившись на свою слѣпоту, она сбросила очки и къ удивленію своему замѣтила, что безъ нихъ она видитъ гораздо лучше, такъ что могла свободно читать, чего давно уже была лишена. Бываютъ же такія явленія! По неволѣ вспомнишь любимую поговорку Константина Павловича: «странно, но можетъ быть».

II.

Иванъ Николаевичъ Шидловскій.

Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Шидловскій опредѣлился на службу въ Петербургѣ въ Министерство Финансовъ, гдѣ служилъ недолго. Въ 1840 году онъ вышелъ въ отставку и поселился вмѣстѣ съ матерью и сестрою въ своемъ имѣніи, въ слободѣ Грушевкѣ, Бирючинскаго уѣзда. Личность Ивана Николаевича была во многихъ отношеніяхъ весьма примѣчательна и выдавалась изъ ряда обыкновенныхъ, начиная съ наружности: это былъ очень высокій, красивый мущина, съ прекраснымъ выраженіемъ въ глазахъ, внушавшій къ себѣ, при его свѣтломъ умѣ и хорошемъ образованіи, общее расположеніе. Главное, что̀ привлекало къ нему всѣхъ, было его замѣчательное краснорѣчіе. Онъ былъ идеалистъ, и любимой его темой для разговоровъ служили большею частію предметы отвлеченные; къ тому же онъ былъ поэтъ, писалъ стихи также легко и свободно, какъ говорилъ. Впечатлѣніе, производимое Иваномъ Николаевичемъ на слушателей, дѣйствовало обаятельно, что̀ я самъ на себѣ испыталъ, бывши въ то время 20-тилѣтнимъ юношей. Въ какое бы общество Шидловскій ни являлся, всюду онъ былъ желанный гость: всѣ, и старый и малый, съ удовольствіемъ слушали его задушевные разсказы; дамы же приходили отъ него въ восторгъ, не называя его иначе, какъ «нашъ Златоустъ». Онъ обладалъ удивительной памятью, отлично декламировалъ стихи, былъ страстный поклонникъ Пушкина и многія его стихотворенія зналъ наизусть. (Онъ говорилъ, что одной изъ главныхъ причинъ, почему онъ отправился на службу въ Петербургъ, было страстное желаніе видѣть Пушкина; но къ великому своему огорченію онъ не засталъ его въ живыхъ, а въ день своего пріѣзда увидалъ Пушкина во гробѣ).

По возвращеніи изъ Петербурга въ деревню Иванъ Николаевичъ Шидловскій часто пріѣзжалъ въ городъ Корочу къ своимъ братьямъ, служившимъ тогда въ Рижскомъ драгунскомъ полку, гдѣ служилъ и я. Его пріѣздъ для насъ молодежи составлялъ праздникъ; на офицерскихъ вечеринкахъ, въ которыхъ принималъ участіе Иванъ Николаевичъ, говорилось не объ однихъ возвышенныхъ предметахъ: остроты, каламбуры такъ и сыпались; тутъ же при всей компаніи слагались имъ стихи, не уступающіе Музѣ Баркова. При этомъ случалась и попойка, отъ которой Шидловскій никогда не отказывался, такъ что мало-по-малу она сдѣлалась для него необходимостью. Живя въ деревнѣ, Иванъ Николаевичъ, къ огорченію своей матери, совсѣмъ не

занимался хозяйствомъ. По временамъ онъ облекался въ странническую одежду, уходилъ изъ дома и посѣщалъ монастыри. Зная хорошо Священное Писаніе и богословіе, онъ увлекалъ монаховъ своими духовными бесѣдами, но при этомъ всегда оканчивалъ обильной выпивкой. Одно время Иванъ Николаевичъ поселился было на жительство въ одномъ изъ монастырей Воронежской губерніи; монахи этого монастыря, не исключая и настоятеля, не довольствуясь положенными красаулями, стали безъ мѣры, въ присутствіи Ивана Николаевича, злоупотреблять спиртными напитками. Тогда Воронежскій архіерей, приписывая такую неумѣренность присутствію Шидловскаго, запретилъ его принимать во всѣ монастыри своей епархіи.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидать Ивана Николаевича при довольно странной, но живописной обстановкѣ; это было весною, раннимъ утромъ, при восходѣ солнца, въ степи, на Муравскомъ шляхѣ, гдѣ стоялъ на границѣ Харьковской губерніи шинокъ *). Подъѣзжая къ нему, я увидалъ толпу крестьянъ, мущинъ и женщинъ, а посреди нихъ человѣка высокаго роста въ страннической одеждѣ, въ которомъ я немедленно узналъ Ивана Николаевича Шидловскаго. Онъ проповѣдывалъ Евангеліе, и толпа благоговѣйно его слушала: мущины стояли съ обнаженными головами, многія женщины плакали. Иванъ Николаевичъ прибылъ изъ своего имѣнія, с. Грушевки, верстъ за двадцать, зная навѣрно, что подлѣ этого шинка всегда найдутся слушатели изъ простаго народа, такъ какъ ему не въ первый разъ случалось бывать тамъ. Окончивши свою проповѣдь, Иванъ Николаевичъ обратился къ собравшимся кругомъ него людямъ со словами: «Православные, восхвалимъ Господа Бога», и запѣлъ зычнымъ голосомъ «Тебя, Бога хвалимъ!...» И толпа ему подтягивала... Не могу сказать, чтобы это былъ стройный хоръ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти собравшіеся люди прошедшую ночь справляли свадьбы; но было что-то умилительное въ этой картинѣ, въ этихъ простыхъ людяхъ, пѣвшихъ съ чувствомъ общую молитву. Подойдя къ Шидловскому, я выразилъ ему свое

---

*) Въ то время въ Харьковской губерніи была еще вольная продажа водки, а сосѣдпія съ ней Воронежская и Курская губерпіи по питейной части содержались откупщиками, гдѣ ими продавалась водка сквернаго качества по шести и болѣе рублей сер. за ведро, тогда какъ въ привилегированныхъ Малороссійскихъ уѣздахъ отличнаго качества водка въ шинкахъ стоила не дороже одного рубля за ведро. Вслѣдствіе этого крестьяне изъ сосѣднихъ селъ и деревень непривилегированныхъ губерній, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ и пить хорошую водку, но при томъ не быть корчемниками, пріѣзжали большими поѣздами и справляли въ ближайшихъ шинкахъ свадьбы на мѣстѣ.

удивленіе, что встрѣчаю его среди толпы въ такой обстановкѣ; но онъ мнѣ восторженно отвѣчалъ на это: «Поучать меньшихъ нашихъ братій Слову Божію есть мое истинное призваніе! Посмотри, какъ довольны и искренни эти добрые люди». Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ въ эту минуту подошелъ одинъ изъ крестьянъ, благодарилъ Ивана Николаевича за его поученія и притомъ умильно просилъ его выпить «посошокъ» на прощанье (такъ какъ всѣ люди, отпраздновавши свадьбы, собрались уѣзжать по домамъ) и поднесъ ему стаканчикъ водки. Не смотря на ранній часъ утра, Иванъ Николаевичъ не отказался отъ предложеннаго.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ Шидловскаго о его Петербургскихъ знакомыхъ, двухъ братьяхъ Достоевскихъ, тогда еще молодыхъ путейскихъ офицерахъ, еще ничѣмъ не заявившихъ себя въ литературѣ; особенно много говорилъ онъ объ одномъ изъ нихъ, именно о Ѳедорѣ Михайловичѣ, предугадывая въ немъ будущую знаменитость. Съ своей стороны Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій не забылъ Шидловскаго: въ своемъ «Дневникѣ Писателя» онъ вспоминаетъ о немъ, какъ о талантливомъ человѣкѣ.

Вотъ нѣсколько стихотвореній Ивана Николаевича Шидловскаго, сохранившихся у меня; они написаны имъ по возвращеніи изъ Петербурга въ деревню до 1843 года. Не вхожу въ оцѣнку этихъ произведеній; скажу только, что назадъ тому 45-ть лѣтъ они съ увлеченіемъ читались и выучивались наизусть его поклонниками, хотя и тогда казались нѣсколько восторженными, а нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ нихъ, своеобразными, но это приписывалось блистательной фантазіи и оригинальности поэта и выкупалось звучностью и мечтательнымъ направленіемъ въ то время распространеннымъ въ этомъ кругу. Иванъ Николаевичъ Шидловскій умеръ свыше сорока лѣтъ отъ роду.

Изъ стихотвореній И. Н. Шидловскаго.

1.

Покуда мысль моя со мной,
Пока способность восхищаться
Владѣетъ всей моей душой,
Пока надъ истиной святой
Я не могу не забываться;

Пока люблю я красоту,
Пока съ тревогою, съ томленьемъ
Лелѣю страстную мечту,
Пока я вѣрю въ чистоту
Души, съ глубокимъ умиленьемъ;

Пока во мнѣ ясна, жива
Первоверховная идея
Началотворца, Божества:
На счастье есть во мнѣ права,
Живу я жизнью Эмпирея!

Пусть буря страшная извнѣ
Грозитъ бѣдой опустошенья
Въ числѣ другихъ людей и мнѣ:
Въ моей душевной глубинѣ
Довольно якорей спасенья!

Я непремѣнно устою
Въ переворотахъ всякой бури;
Богъ, кормчій мой, стрежетъ ладью;
Звѣзду вожатую мою
Онъ теплитъ явно такъ въ лазури.

Онъ не къ Себѣ-ль ведетъ меня,
Отецъ, всемощный Покровитель?
Дождусь я радостнаго дня:
И вѣчность, время замѣня,
Отворитъ мнѣ свою обитель.

И тамъ, въ сіяющихъ дверяхъ
Меня пріемлющаго рая,
Я оглянусь съ тоской въ глазахъ,
Съ улыбкой скорбной на устахъ,
Проплытый путь благословляя.

И передъ новостью отрадъ
Смущаясь робкою душою,
Проситься вздумаю назадъ,
Прошедшимъ бурямъ стану радъ,
Вздохну о жизни со слезою.

1842, Декабря 6-го.

2.

Куда стремитесь вы, гульливыя станицы
Прозрачныхъ, бланжевыхъ, румяныхъ облаковъ?
Какія дольнія, безвѣстныя границы
Манятъ васъ ласково, какъ мать своихъ птенцовъ?

Вотъ на краю небесъ вы тѣсно состадились,
Остановившися въ раздумьи, и на васъ
Заката яркіе лучи переломились,
Сіяньемъ полося все небо, какъ атласъ.

И рядомъ бронзовымъ роскошныхъ изваяній,
Хитона Божьяго каймою накладной,
Вы мнѣ являетесь, и на крылахъ мечтаній
Я посылаю вамъ привѣтъ любви святой.

Но что̀ сдержало васъ? Надъ чѣмъ глубокой думой
Вы призадумались въ той ясной сторонѣ?
Не надъ Эльвиной-ли, къ кому мой духъ угрюмый
Стремится на яву, стремится и во снѣ?

О разскажите ей палящими громами,
Какъ я люблю ее, какъ мнѣ нужна она,
Чтобы, сродняся съ нею, сродниться съ небесами,
Чтобы въ ея любви сознать себя сполна.

И что̀ горитъ на васъ? Сіяніе-ль денницы,
Иль взоровъ огненныхъ Эльвининыхъ струи,
Тревожныхъ думъ ея чудесныя зарницы,
Душевной молніи несчетные рои?

3.

Звѣзда горитъ на небѣ ясномъ;
Она плѣнительна, нѣжна;
Въ ея сіяніи прекрасномъ
Тоска любви заключена,

Но для чего она сіяетъ,
Того не вѣдаетъ сама.
Не Богъ ли въ ней землѣ являетъ
Маякъ и чувства, и ума?

Что̀ ждетъ ее? Съ какою цѣлью,
Какой ей путь на небѣ данъ?
Ее пучиной или мелью
Искуситъ горній океанъ?

Или сама собой скучая,
Она сорвется, упадетъ,
Какъ съ глазъ Творца слеза святая,
И въ нашемъ мракѣ пропадетъ.

4.

О, для чего Тебя послалъ мнѣ Богъ?
Что̀ онъ сказалъ душѣ моей тобою?
Ты, дивная, не новый ли залогъ
На счастіе за дверью гробовою?

Довѣрчиво со мной сошлася ты
И назвала меня прозваньемъ дивнымъ,
И вкругъ тебя сплелись мои мечты
Съ волненіемъ и съ жаромъ непрерывнымъ.

Но станетъ ли, о ангелъ мой, тебя?
Вѣдь я волканъ! Огонь—моя стихія!
Захочешь ли, возможешь ли, любя,
Отвергнуть всѣ влеченія другія?

Я чувствовать иначе не могу,
Я не могу предаться вполовину:
Объятіемъ какъ молніей сожгу,
Лобзаніемъ изъ груди сердце выну...

О, полюби-жъ, не думая куда
Насъ поведетъ сочувствіе святое.
Что̀ жизнь и смерть? Какая въ нихъ нужда?
И здѣсь и тамъ насъ двое, вѣчно двое!

5.

Буря воетъ, громъ грохочетъ,
Небо вывалиться хочетъ;
По крутымъ его волнамъ
Пляшетъ пламя тамъ и сямъ;
То дробясь въ движеньи скоромъ,
Вдругъ разбрызнется узоромъ,
То исчезнетъ, то опять
Станетъ рыскать и скакать.

Ахъ, когда-бъ на крыльяхъ воли
Мнѣ изъ жизненной юдоли
Въ небеса откочевать,
Въ тучѣ мѣсто отобрать,
Тамъ вселиться, и порою
Прихотливою рукою
Громы чуткіе будить
Или съ Богомъ говорить!..

6.

Ни разстояніе, ни время
Все раздѣляя, все губя,
Моей любви святое бремя
Отвлечь не властно отъ тебя.

Моя душа ничто иное,
Какъ слѣдъ твой яркій, слѣдъ живой,
Твое присутствіе земное
Обозначающій собой.

Она, какъ коршунъ плотоядный,
Паря надъ жертвою его,
Повсюду ловитъ думой жадной
Мигъ пребыванья твоего.

III.

Сергѣй Михайловичъ Карповъ.

Въ своемъ имѣніи, с. Шорстовѣ, въ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ, жилъ извѣстный толстякъ-помѣщикъ Сергѣй Михайловичъ Карповъ, умершій въ началѣ 50-хъ годовъ, лѣтъ шестидесяти отъ роду. Кромѣ необыкновенной тучности, онъ обладалъ чудовищнымъ апетитомъ: ѣлъ онъ въ огромномъ количествѣ всякую снѣдь, на удивленіе всѣхъ его знавшихъ. При этомъ Карповъ былъ отличный разсказчикъ, балагуръ, шутилъ надъ своей толщиной и обжорствомъ, и иногда острилъ и не на свой счетъ, но всегда умно и необидно, за что всѣ его любили. Для удовлетворенія своего апетита Сергѣю Михайловичу, къ несчастію, часто приходилось занимать деньги: доходовъ съ имѣнія не хватало ему на хорошую и обильную ѣду. Всѣ его знавшіе утверждали, что онъ проѣлъ все свое состояніе, бывшее когда-то очень хорошимъ.

Когда Карповъ прибылъ въ Москву, чтобы заложить въ Опекунскомъ Совѣтѣ имѣніе, то ему поневолѣ приходилось обращать на себя вниманіе: какъ только выходилъ онъ изъ гостинницы на улицу, его немедленно окружала толпа любопытныхъ, желавшихъ поглядѣть на чудовищнаго толстяка. Чтобы избавиться отъ толпы, онъ обращался къ извощикамъ, но и тутъ встрѣчалъ препятствіе: осмотрѣвши сѣдока, извощики отказывались сажать его и опасались за цѣлость экипажа. Къ счастію, Карповъ пріѣхалъ изъ деревни въ своемъ испытанной прочности тарантасѣ; этотъ тарантасъ и служилъ ему для передвиженія по Москвѣ.

Въ то время въ Москвѣ славился Ново-Троицкій трактиръ по необыкновенно-большимъ порціямъ, такъ что одинъ обѣдъ вполнѣ удовлетворялъ двоихъ; туда-то на первый разъ и отправился Сергѣй Михайловичъ покушать. Посмотрѣвъ карточку, онъ приказалъ подать полный обѣдъ; окончивши его, потребовалъ другой съ начала; второй также былъ поглощенъ; когда же дошла очередь до третьяго, который уничтожался съ такой же быстротой, какъ и первые два, то всѣ бывшіе въ трактирѣ съ любопытствомъ окружили Карпова. Между ними находился и хозяинъ трактира; онъ почтительно предложилъ Сергѣю Михайловичу не платить за обѣды, но просилъ его жаловать къ нему обѣдать каждый день въ извѣстный часъ все время, пока онъ пробудетъ въ Москвѣ. Карповъ съ охотою согласился на такое безкорыстное предложеніе со стороны хозяина и акуратно посѣщалъ трактиръ. Конечно, трактирщикъ не остался въ убыткѣ: быстро разнесся по Москвѣ слухъ о невиданномъ толстякѣ, публика повалила въ трактиръ къ извѣстному часу, чтобы посмотрѣть на него. Карповъ былъ со всѣми любезенъ и разговорчивъ, шутилъ и острилъ по своему обыкновенію, чѣмъ доставлялъ двойное удовольствіе посѣтителямъ.

Фигура Карпова была необыкновенно оригинальна, въ особенности животъ, такъ что на ходу онъ никакъ не могъ видѣть своихъ ногъ, но съ этимъ вмѣстѣ двигался быстро и скоро; всѣ встрѣчавшіеся ему на пути люди по невольному побужденію давали ему широкую дорогу и смотрѣли на него, какъ на огромный, катящійся шаръ. Къ холоду онъ былъ не очень чувствителенъ, но лѣтомъ иногда простуживался: его донималъ въ жаркое время обильный потъ; вообще онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, лишь бы апетитъ его былъ удовлетворенъ.

Однажды, въ проѣздъ черезъ городъ Курскъ императрицы Александры Өеодоровны, Карповъ находился въ толпѣ, стоявшей передъ квартирою Императрицы. Выйдя на балконъ и замѣтивъ необыкновеннаго толстяка, Государыня пожелала посмотрѣть на него поближе и, узнавъ, что это Курскій помѣщикъ, приказала позвать его къ себѣ. Карповъ не замедлилъ явиться и, съ свойственной ему находчивостью, успѣлъ заинтересовать Императрицу своими разсказами, между прочимъ о томъ, какъ онъ много ѣстъ и что состояніе его приходитъ вслѣдствіе этого въ полное разстройство. Онъ разсчитывалъ, быть можетъ, на царскую щедроту. Однако его ожиданія не сбылись: Государыня дозволила ему только поцѣловать свою ручку.

IV.

Ссора сосѣдей.

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Коншинѣ, протянувшемся на нѣсколько верстъ по рѣчкѣ, находилось сряду нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ. Ближайшими сосѣдями между собой были вдова Марьяна Петровна Тинькова *) и Ѳедоръ Петровичъ Волковъ, помѣщикъ покрупнѣе. Всѣ поля Волкова находились по другую сторону рѣчки, а проѣздомъ къ нимъ служила плотина, принадлежавшая г-жѣ Тиньковой. Волковскіе крестьяне постоянно проѣзжали по ней безпрепятственно, пока между сосѣдями, какъ говорится, не пробѣжала черная кошка. Желая какъ нибудь насолить сосѣду, Марьяна Петровна вздумала запретить крестьянамъ Волкова ѣздить черезъ свою плотину, а между тѣмъ имъ какъ разъ пришло время сѣять поля, и когда они намѣревались, по обыкновенію, переѣхать черезъ плотину, то были остановлены людьми г-жи Тиньковой, которымъ дано было приказаніе не пропускать Волковскихъ людей. Объ этомъ затрудненіи тотчасъ же дали знать Ѳедору Петровичу. Онъ счелъ нужнымъ явиться лично и уже засталъ на плотинѣ самоё Марьяну Петровну въ воинственномъ настроеніи и оборонительномъ положеніи. Начинаются переговоры. Г-жа Тинькова не уступаетъ и категорически заявляетъ г-ну Волкову, что ни его, ни его мужиковъ черезъ свою плотину она не пропуститъ. Ѳедоръ Петровичъ, человѣкъ по виду скромный и тихій, старается миролюбиво объяснить ей, что онъ и его люди не птицы—летать не могутъ. Марьяна Петровна не внемлетъ никакимъ возраженіямъ и стоитъ на своемъ правѣ: «земля моя, не пущу, да и только!» Послѣ долгихъ пререканій Волковъ отдаетъ рѣшительное приказаніе своимъ людямъ ѣхать по плотинѣ. Какъ только они двинулись, Марьяна Петровна, довольно плотная дама, съ вытянутыми руками бросается на землю поперекъ довольно узкой плотины, такъ что не остается мѣста для проѣзда,—путь загражденъ! Волковъ, встрѣтивъ естественное препятствіе, распоряжается передвинуть Марьяну Петровну къ сторонкѣ вдоль плотины и попридержать на мѣстѣ, какъ она была въ лежачемъ положеніи. Напрасны были ея крики, что она дворянка и что никто къ ней не смѣетъ прикасаться; сила беретъ свое: приказаніе Волкова немедленно исполняется, путь очищенъ, и мужики благополучно проѣзжаютъ съ сохами и боронами, не задѣвая лежавшей.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1885 г., III, стр. 276: „Эпизоды при введеніи положенія 19 Февраля“.

Чтò было дѣлать беззащитной вдовѣ? Коварный сосѣда побѣдилъ ее на собственной землѣ. Находясь въ сильномъ волненіи и раздраженіи, Марьяна Петровна однако не потерялась: она немедленно поѣхала къ уѣздному предводителю просить заступничества, съ жалобою на г-на Волкова за содѣянныя насилія и чуть ли не убійство. Она явилась въ такомъ же разстроенномъ костюмѣ, какъ была на плотинѣ, и, чтобы болѣе возбудить къ себѣ сожалѣніе, съ испачканымъ лицомъ, казавшимся какъ бы избитымъ.

Зная нѣсколько крутой нравъ вдовы Марьяны Петровны Тиньковой, я пожелалъ узнать отъ г-на Волкова, чтò онъ скажетъ въ свое оправданіе. Ѳедоръ Петровичъ объяснилъ это происшествіе нѣсколько иначе, при чемъ находилъ въ жалобѣ много преувеличеній, хотя сознавался, что, когда почтенная Марьяна Петровна легла поперекъ плотины, то онъ приказалъ своимъ людямъ бережно переложить ее къ сторонкѣ, вдоль плотины, чтобы дать свободный проѣздъ крестьянамъ, почему въ костюмѣ Марьяны Петровны могло произойти нѣкоторое разстройство, такъ что чепчикъ, бывшій на головѣ, сбился на бекрень; но онъ, Ѳедоръ Петровичъ, со своей стороны, а также его люди, никакихъ побоевъ не наносили, сдѣлали же это передвиженіе по необходимости, чтобы не упустить времени посѣва.

Я старался склонить враждующія стороны къ примиренію, но его не послѣдовало за несогласіемъ г-жи Тиньковой, которая находила это преступленіе уголовнымъ, какъ посягательство на ея жизнь, а потому и подала просьбу въ Уѣздный Судъ о тяжкихъ истязаніяхъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ей г-мъ Волковымъ не словами, а дѣйствіемъ.

Долго разсматривалось и тянулось это дѣло въ Ново-Оскольскомъ Уѣздномъ Судѣ; производились слѣдствія, неоднократныя дознанія; но для суда необходимы были свидѣтельскія показанія о фактахъ, заявленныхъ г-жей Тиньковой, которыхъ никакъ не могли добыть, такъ какъ свидѣтели этого происшествія были исключительно крѣпостные люди съ той и съ другой стороны, которымъ по закону запрещалось давать показанія на судѣ за и противъ своихъ господъ. Судъ, постановляя рѣшеніе, нашелъ только въ отвѣтахъ г-на Волкова выраженія «чепчикъ на бекрень», которое онъ употребилъ на бумагѣ, не совсѣмъ почтительнымъ въ отношеніи дворянки Тиньковой, но статьи подходящей въ Сводѣ Законовъ для наказанія Волкова не нашлось, а потому опредѣлилъ: сдѣлать Волкову замѣчаніе за употребленное имъ выраженіе, а дѣло сдать въ архивъ, гдѣ оно и до сихъ поръ покоится для будущихъ историковъ.

V.

Сдача рекрута.

Въ рекрутскомъ присутствіи въ городѣ Старомъ-Осколѣ, гдѣ я находился предсѣдателемъ, мнѣ доложили, что меня спрашиваетъ одна дама, именно полковница Ч......на. Не имѣя въ помѣщеніи особой пріемной, я вышелъ къ ней въ единственную свободную комнату, прихожую, гдѣ дожидалась полковница. Я увидалъ передъ собой женщину среднихъ лѣтъ съ восточнымъ типомъ лица и выразительными черными глазами; она заявила, что желаетъ поставить рекрута въ зачетъ, чтобы получить квитанцію. Это право предоставлялось только мелкопомѣстнымъ дворянамъ, т.-е. владѣвшимъ менѣе 20 душъ крѣпостныхъ. Такіе владѣльцы по закону освобождались отъ поставки рекрутъ въ очередные наборы, но они могли отдавать своихъ людей въ рекруты во всякое время (для чего при Казенныхъ Палатахъ существовали постоянныя рекрутскія присутствія), получая за нихъ квитанціи, за которыя казна уплачивала по 300 рублей; эти же квитанціи продавались казною желающимъ освободиться отъ военной службы, состоящимъ на очереди, гораздо дороже, такъ что отъ того получался значительный доходъ.

Полковница объяснила мнѣ, что всѣ справки и бумаги у нея въ наличности, но только рекрутъ ея числится въ ревизскихъ сказкахъ по другой губерніи. Такъ какъ закономъ дозволялось принимать такихъ рекрутъ и изъ другихъ губерній, то я изъявилъ согласіе на пріемъ, вслѣдствіе чего она просила немедленно приступить къ освидѣтельствованію, и при этомъ присовокупила убѣдительнѣйшую просьбу дозволить ей лично присутствовать во время осмотра. Такое желаніе мнѣ показалось нѣсколько страннымъ въ томъ отношеніи, что вводятъ рекрутъ въ присутствіе совершенно нагихъ. Я старался увѣрить ее, что безъ всякаго сомнѣнія рекрутъ будетъ принятъ, если годенъ, такъ что ея личное присутствіе будетъ совершенно лишнее. «Ахъ, вы не знаете, какой это мошенникъ на всѣ штуки!» воскликнула полковница. «Онъ будетъ корчиться, притворяться, выдумыватъ себѣ какую нибудь болѣзнь, и его забракуютъ, какъ и было уже съ нимъ въ Воронежскомъ присутствіи, а при мнѣ онъ не посмѣетъ этого сдѣлать». Я еще ничего не успѣлъ отвѣчать на ея возраженія, какъ услышалъ сзади себя чей-то гробовой голосъ: «Не безпокойтесь, сударыня: послѣ такого житья, какое мнѣ было у васъ, я не стану ни корчиться, ни притворяться, а самъ буду просить присутствіе взять меня въ солдаты».

Оказалось, что г-жа Ч...... явилась не одна, а въ сопровожденіи своего лакея въ ливреѣ, державшаго въ рукахъ ея салопъ; онъ-то

и назначался въ рекруты. Черезъ десять минутъ онъ былъ принятъ; но полковницѣ не было дозволено присутствовать при осмотрѣ; она оставалась въ прихожей, съ волненіемъ ожидая услышать пріятное для нея слово «лобъ».

VI.

Избранныя слова.

Въ городѣ Новомъ-Осколѣ проживала въ своемъ домикѣ помѣщица изъ мелкопомѣстныхъ, вдова-маіорша Екатерина Антоновна Останевичъ. Она была замѣчательна тѣмъ, что обыкновенныя слова въ разговорѣ старалась замѣнять другими, по ея понятіямъ болѣе приличными; такъ напримѣръ: желая узнать у сосѣдки, много ли ея куры нанесли яицъ, она спрашивала: «Какой у васъ нынѣшній годъ урожай куриныхъ фруктовъ», считая почему-то неделикатнымъ слово «*яица*»; никогда не говорила слова «*стекло*», а всегда замѣняла его словомъ «*фрусталь*», хотя при этомъ хорошо сознавала, что слѣдуетъ сказать «*хрусталь*», но, такъ какъ считала букву «*херъ*» неприличной, то всегда замѣняла ее буквой «*фертъ*», вслѣдствіе чего «*хвостъ*» называла «*фостъ*», а ея собственный «*хуторъ Свистовка*» именовался «*футоръ Свистовка*». При произнесенномъ словѣ «*мельница*», водяная или вѣтряная, существовавшихъ на ея хуторѣ, она обыкновенно конфузилась, краснѣла и говорила: «Это мукомольни!» Такимъ образомъ измѣнялось, или замѣнялись у нея другими, множество словъ, что давало иногда всей фразѣ совершенно другой смыслъ, вслѣдствіе чего выходили смѣшныя недоразумѣнія. Кромѣ сего Екатерина Антоновна старалась говорить цвѣтистымъ слогомъ, даже о погодѣ; когда случалась дурная погода, она выражалась: «Какая сегодня коловратная погода!» О хорошей же выражалась кратко: «У насъ сегодня зефиръ-погода!» Когда ей приходилось попросить у кого-нибудь понюхать табаку, къ которому она по временамъ прибѣгала ради аристократизма, въ этомъ случаѣ у нея изливалась слѣдующая заученая фраза: «Позвольте оконечностямъ моихъ перстовъ вкрасться въ вашу табачную западню, дабы почерпнуть этого мельчайшаго порошка для возбужденія моего гумора».

Г-жа Останевичъ говорила всегда съ особенной интонаціей въ голосѣ, нѣсколько въ носъ, полагая, что такъ должны говорить аристократы; аристократкой же считала себя потому, что ея родной братъ Курдюмовъ («ея кумиръ», какъ она говорила), служившій въ драгунахъ, какъ хорошій фронтовикъ, попалъ въ образцовый полкъ, гдѣ за отличную верховую ѣзду и знаніе службы сдѣлался любимцемъ

великаго князя Михаила Павловича, былъ долгое время командиромъ образцоваго кавалерійскаго полка и дослужился до генеральскаго чина. Близкое родство съ генераломъ давало право сестрѣ воображать себя вполнѣ аристократкой и разсказывать своимъ уѣзднымъ знакомымъ, что̀ дѣлается при дворѣ, о чемъ, будто бы, пишетъ къ ней ея братъ; мечтала она даже о томъ, что дочери ея могутъ попасть во фрейлины. Мнѣ какъ-то разъ случилось встрѣтиться съ Екатериной Антоновной по возвращеніи моемъ изъ Петербурга у нашихъ общихъ знакомыхъ; при моемъ входѣ она стремительно подошла ко мнѣ съ реверансомъ и вопросомъ: «Прежде всего позвольте узнать, какъ здоровье Государя Императора?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, она спросила съ особеннымъ выраженіемъ, видѣлъ ли я ея брата. Я отвѣчалъ, что можетъ быть и видѣлъ его въ числѣ генераловъ на парадѣ, на который случайно попалъ, но достовѣрно сказать этого не могу, такъ какъ съ нимъ не знако̀мъ. «Ахъ, Боже мой», воскликнула Екатерина Антоновна, «какой *пронзительный пассажъ*! Вѣдь я ему писала, что вы будете въ Петербургѣ; вамъ стоило только пріѣхать къ нему и сказать, что вы меня знаете, и онъ нашелъ бы случай представить васъ ко двору: мнѣ хорошо извѣстно, что онъ находится въ большихъ *интимностяхъ* съ его высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; между нами сказать, они даже *на короткой ногѣ*».

Несмотря на свои немолодые годы, г-жа Остановичъ чувствовала себя свѣжей и интересной, одѣвалась въ платья яркихъ цвѣтовъ и любила съ увлеченіемъ танцовать легкіе танцы въ одно время со своими взрослыми дочерьми. Она разсказывала, что въ молодости увлекалась чтеніемъ страстныхъ романовъ; но, такъ какъ они вліяли на ея *кровообращеніе*, то она обратилась къ возвышенной поэзіи и читала исключительно стихи, «чтобы быть ближе къ природѣ», объясняла она. Своихъ дочерей заставляла она учить стихи наизустъ. Мнѣ довелось слышать однажды при лунномъ свѣтѣ декламацію ея дочери изъ Лермонтовскаго «Демона»; при нѣкоторыхъ сценахъ мать приходила въ неописанный восторгъ, бросалась цѣловать дочь, но при этомъ говорила: «Берегись демоновъ, это мущины!»

Между многими особенностями Екатерина Антоновна отличалась страстью къ скипидару; она приписывала ему чудодѣйственную силу для здоровья, а главное для сохраненія красоты, свѣжести и молодости. Не говоря уже о томъ, что всѣ полы и мебель въ ея домѣ были смазаны скипидаромъ, она употребляла его во всевозможныхъ видахъ: принимала въ капляхъ, мазалась имъ и умывалась скипидарной водой, тоже заставляла дѣлать и дочерей, чтобы быть свѣжими и неувядаемыми, показывая примѣръ на себѣ, какъ хорошо она сохранилась.

Барышни ея были дебелыя, и ихъ хорошенькія, свѣженькія личики доказывали, что онѣ дѣйствительно пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ, что̀, разумѣется, приписывалось дѣйствію «*талисмана-скипидара*».

Несмотря на скипидарный запахъ въ домѣ Екатерины Антоновны, уѣздная молодежъ съ удовольствіемъ стремилась попасть на ея *журъ-никсы*, гдѣ между прочимъ запрещалось играть въ карты, но дозволялись только *благородныя игры и пріятные танцы*, причемъ вначалѣ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія: вопервыхъ, уѣздные кавалеры не были обучены танцовальному искусству, а вовторыхъ негдѣ было достать музыки. Но мало по-малу затрудненія эти устранились, благодаря заботливости и любезности хозяйки: ею же самой кавалеры были обучены разнымъ танцамъ подъ молчанку, или подъ припѣвъ голосовъ танцующихъ. Но вскорѣ и послѣднее препятствіе уничтожилось съ появленіемъ въ городѣ вновь назначеннаго землемѣра, только что выпущеннаго изъ училища. Онъ былъ маленькаго роста, но шустрый и обладавшій музыкальными способностями, хотя не игравшій ни на какомъ извѣстномъ инструментѣ; тѣмъ не менѣе онъ былъ вполнѣ артистъ; правда, инструментъ его не имѣлъ музыкальнаго назначенія, такъ какъ это былъ простой гребешокъ съ продѣтыми между его зубьями бумажками: приставляя гребешокъ къ губамъ, артистъ выводилъ *гармонію звуковъ*; вальсы, кадрили, мазурки наигрывались *очаровательно*, и общество танцовало подъ звуки эти *даже съ тактомъ*», какъ говорила восхищенная Екатерина Антоновна.

Этому-то артисту-землемѣру суждено было, по словамъ г-жи Останевичъ, «*сдѣлаться демономъ*»: своимъ музыкальнымъ искусствомъ и аристократическими манерами онъ не только обратилъ вниманіе матери, но даже покорилъ сердце красивой ея дочери, читавшей стихи: они сочетались законнымъ бракомъ. Говорили, что скипидаръ и въ этомъ случаѣ оказалъ на землемѣра чудодѣйственную силу, превратившись въ «*фіалъ любви*» по любимому выраженію матушки.

Николай Рѣшетовъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА БѢЛЯЕВА КЪ А. Н. ПОПОВУ.

1.

2 Августа 1848 года.

Я выпросилъ у васъ адресъ, чтобы писать къ вамъ письма, и первое письмо начинается просьбою. Мнѣ бы лучше хотѣлось начать его сообщеніемъ открытія древнихъ документовъ по Русскому праву, ровно любимому вами и мной; но обстоятельства расположили дѣло иначе. *Въ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ при Московскихъ департаментахъ Сената открылась вакансія совѣтника*; должность эта по многимъ причинамъ мнѣ по сердцу и особенно потому, что я здѣсь могъ бы дѣйствовать свободно въ пользу науки; а документовъ въ Архивѣ тьма, такъ что разработка ихъ и приведеніе въ извѣстность могутъ занять всю дѣятельность моей жизни. Необходимая для васъ разборка Патріаршаго и другихъ церковныхъ приказовъ была бы первою моею обязанностію и отвѣтомъ на ваше ходатайство передъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ о помѣщеніи меня на вакансію совѣтника при Архивѣ старыхъ дѣлъ; о томъ также проситъ васъ Михайло Петровичъ *) въ своемъ письмѣ. Вообще всѣ ваши требованія по отысканію древнихъ актовъ въ Архивѣ, по занятіи мною должности совѣтника, могли бы быть исполняемы съ точностію и возможною быстротою, тѣмъ болѣе, что тогда я могъ бы дѣйствовать независимо и безъ просьбъ у другихъ, которыя обыкновенно не всегда исполняются и служатъ немалымъ препятствіемъ къ дѣлу.

---

*) Погодинъ.

2.

11 Ноября 1849 года.

Благодарю васъ за вниманіе къ моей грѣшной 3-й книгѣ «Временника»; вы вѣроятно теперь уже получили и 4-ю; прошу васъ дать судъ о моемъ Александрѣ Невскомъ. Вы говорите, что я тружусь для Общества почти одинъ. Что жъ дѣлать? Такова моя судьба въ этомъ дѣлѣ. Нельзя сказать, чтобы въ Обществѣ не было людей способныхъ трудиться; но они даромъ работать не хотятъ, а Обществу платить нечѣмъ. Я еще не сѣтовалъ бы, что мнѣ не помогаютъ; но вотъ грустно, что встрѣчаешь препятствія и неудовольствія даже въ настоящее время, а въ послѣдствіи не оберешься вздоровъ и, можетъ быть, порядочныхъ непріятностей за всѣ труды и хлопоты. Не знаю какъ покончить свое трехлѣтіе. Странно, я не искалъ секретарства и принялъ его только изъ уваженія къ Обществу; а на меня смотрятъ какъ на искавшаго сей должности и придираются къ бездѣлкамъ.

Вы спрашиваете меня, чѣмъ я занимаюсь? Часть моихъ занятій вы знаете, а сверхъ того теперь пишу трактатъ о нашихъ лѣтописяхъ, собственно объ ихъ различныхъ видахъ; это по моему мнѣнію необходимо при настоящемъ состояніи науки отечественной исторіи. Вы, можетъ быть, недовольны, что я не пишу подробныхъ отчетовъ о прочитанныхъ мною столбцахъ; виноватъ и еще виноватъ; но дѣло вотъ въ чемъ: я продолжаю читать столбцы и какъ скоро кончу, тогда уже напишу все подробно.

Вотъ еще новость: министръ юстиціи графъ Панинъ назначилъ какого-то коллежскаго совѣтника Волкова изъ департамента Министерства Юстиціи для способствованія и надзора за занятіями моими и Ундольскаго по разряднымъ книгамъ. Не знаю, самъ ли Панинъ догадался учинить это, или графъ Блудовъ, недовольный мною, просилъ его прислать надсмотрщика. Вамъ это можно узнать потихоньку, и я прошу васъ покорно, увѣдомьте меня, чтобы не попасть въ бѣду, не зная откуда громъ; а также нельзя ли сообщить, что̀ за человѣкъ этотъ Волковъ.

3.

18 Ноября 1849 года.

Былъ я въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и пересматривалъ статейные списки; они у нихъ начинаются съ 1488 года и есть очень много любопытныхъ; но, кажется, и это дѣло не обойдется безъ нашихъ Архивовъ, ибо по Малороссійскимъ дѣламъ и у насъ есть также ста-

тейные списки, слѣдовательно не лишнимъ будетъ воспользоваться и ими, особенно же ежели въ Иностранномъ Архивѣ они не окажутся на лицо. Князь Оболенскій предполагаетъ издавать свои списки по дворамъ, т.-е. отдѣльно списки Цесарскаго двора, Шведскаго, Польскаго, Испанскаго и другихъ. Но на мой взглядъ лучше бы было издать ихъ по царствованіямъ, т.-е. отдѣльно царствованіе Ивана III, Василья, Ивана IV, Θеодора, Бориса и другихъ. Таковое изданіе, кажется, болѣе познакомитъ насъ съ политикою каждаго государя, да и при томъ по царствованіямъ и справляться будетъ легче для изслѣдователей.

4.

21 Ноября 1849 года.

Отправляю къ вамъ мою брошюру Александръ Невскій. Погодинъ напечаталъ, что остался ею недоволенъ, но не объяснилъ почему; неужели это секретъ для рецензента. Странное дѣло! Я же ему сказалъ, что недоволенъ его Василькомъ, но не секретничалъ, а напрямки объявилъ, что въ его разсказѣ не видно Василька Ростиславича. Не знаю, правъ ли я. Прошу васъ теперь, какъ и прежде, сказать вашъ судъ о моемъ Невскомъ; это меня очень интересуетъ. Посылаю вамъ еще въ оттискахъ разные матеріалы, которые вы конечно прочли уже во «Временникѣ».

5.

1 Генваря 1850 г.

Я долго не писалъ къ вамъ и очень виноватъ въ этомъ, потому что за мною много долговъ передъ вами; это—извѣстія о прочтенныхъ мною столбцахъ и потомъ доставленіе копій со столбцовъ нужныхъ для изданія. Но уплату сихъ долговъ я еще не приготовилъ: переписано уже довольно, но еще не все провѣрено; головныя боли не дозволяютъ мнѣ долго заниматься по вечерамъ; кромѣ того есть заботы по службѣ и по изданію «Временника». Съ новаго года надѣюсь быть посвободнѣе, и тогда дѣло пойдетъ поскорѣе. Въ Генварѣ непремѣнно вышлю все, что̀ у меня переписано; а въ Февралѣ надѣюсь, что переписка будетъ покончена, чтеніе же столбцовъ покончу черезъ двѣ недѣли. Холодъ все не дозволяетъ мнѣ путемъ приниматься за нихъ.

Насъ все безпокоитъ предисловіе, гдѣ разумѣется не хочется помѣстить ни предположеній, ни гаданій. То что̀ я писалъ къ вамъ, то выбрано изъ самаго хода дѣлъ, а не по предположенію; мудрено указать, что̀, какъ и почему прежде сдѣлать, когда предки не оста-

вили намъ инструкцій прежней администраціи и когда нужно писать по дѣламъ часто неполнымъ и отрывочнымъ. Что это сдѣлалось такъ, а не иначе, по дѣламъ видно; а почему такъ сдѣлалось и гдѣ начало оставшихся у насъ нитей, именно не видать.

Отъ чиновниковъ дворцовой конторы я слышалъ, что прежній начальникъ ея г. Валуевъ послѣ 1812 года много книгъ и дѣлъ Дворцоваго Приказа отправилъ въ свою деревню. Нельзя ли какъ отыскать этихъ книгъ у родственниковъ покойнаго Валуева въ хламу съ разнымъ старьемъ? Можетъ быть, тогда бы нашлось и нѣсколько офиціальныхъ дворцовыхъ записокъ. Какъ говорятъ, г. Валуевъ зналъ толкъ въ старыхъ книгахъ и бумагахъ; можетъ быть, онъ и думалъ изъ нихъ сдѣлать что-либо годное.

Что книги подобныя книгѣ 183 года составлялись въ Приказѣ Большаго Дворца, на это есть довольно ясные факты; это — записки дьяковъ Большаго Дворца, присылаемыя въ Разрядъ для составленія разныхъ придворныхъ церемоній; я ихъ пришлю къ вамъ при слѣдующихъ столбцахъ. Изъ этихъ записокъ видно, что разныя придворныя церемоніи составлялись собственно въ Приказѣ Большаго Дворца; тамъ же писались и разные наряды на службу отъ лица государя; а въ Разрядъ посылались для приведенія въ исполненіе.

Объ офиціальности книги 183 года говоритъ самый почеркъ письма; для увѣренности я вамъ пришлю и фамилію дворцоваго дьяка, который писалъ ее; это ясно изъ многихъ дьячихъ отписокъ.

Вы говорите, что книга 183 года должна быть мѣркою достоинства прочихъ книгъ, которыя войдутъ въ изданіе; это совершенная правда. И прочія книги къ ней относятся:—*частныя*, какъ выборки, дѣлаемыя составителями для своихъ частныхъ цѣлей; *архивныя же*,— какъ части дворцовыхъ распоряженій, начинавшіяся вверху въ Приказѣ Большаго Дворца и оканчивавшіяся въ Разрядѣ, какъ главномъ распорядительномъ вѣдомствѣ по службѣ вообще, и слѣдовательно принадлежащія какъ дворцовымъ запискамъ, такъ и разряднымъ книгамъ; напр. назначеніе воеводъ по городамъ и начальниковъ въ приказы и т. п. Это иначе и быть не могло: лица сіи назначались государемъ во дворцѣ и вносились въ книги Дворцоваго Приказа, откуда при запискѣ дворцоваго дьяка отсылались въ Разрядъ для занесенія въ разрядныя книги, на чтò есть много указаній въ столбцахъ.

Но кромѣ того въ разрядныхъ дѣлахъ сохранились и такія распоряженія, которыя не могли входить въ составъ разрядныхъ книгъ и поступали въ Разрядъ изъ Приказа Большаго Дворца или только для вѣдома, т.-е. для занесенія въ боярскіе списки и другія годичныя вѣдомости, или для высылки лицъ по придворному назначенію, на чтò

есть указанія, кажется, въ одномъ изъ столбцовъ, присланныхъ къ вамъ, гдѣ означены квартиры бояръ, окольничихъ, стольниковъ, дворянъ и проч. (на Яузѣ, на Покровкѣ, на Тверской и подобн.) для высылки на службу по дворцовому наряду, или для руководства разряднымъ дьякамъ, которые вообще назначались при церемоніяхъ въ мѣстные распорядители или церемоніймейстеры, на что̀ можно видѣть нѣсколько указаній, какъ въ книгѣ 183 года, такъ и въ присланныхъ къ вамъ копіяхъ со столбцовъ, гдѣ разрядные дьяки дѣлали смотры назначеннымъ въ церемоніи людямъ, а также разставляли по мѣстамъ назначенныхъ изъ Приказа Большаго Дворца; а также встрѣчаются отписки къ боярамъ и окольничимъ для приглашенія по придворнымъ назначеніямъ. Таковыя-то распоряженія, присылаемыя изъ Приказа Большаго Дворца и принадлежащія собственно дворцовымъ запискамъ, не могли уже войти въ разрядныя книги и уцѣлѣли только въ столбцахъ, а частію перешли въ записныя книги вмѣстѣ съ прочими дѣлами, выходившими не изъ Приказа Большаго Дворца.

Безъ сомнѣнія въ Разрядъ не все поступало изъ Приказа Большаго Дворца; многое начиналось и оканчивалось въ этомъ Приказѣ, а иное посылалось въ другіе приказы мимо Разряда; а посему столбцы разряднаго Архива не могутъ вполнѣ замѣнить книгъ Приказа Большаго Дворца; они составляютъ только ихъ части, расположенныя даже по своей системѣ, а не по той, каковую бы они должны имѣть въ дворцовыхъ запискахъ; но тѣмъ не менѣе части сіи офиціальныя и не подлежащія сомнѣнію.

Вамъ нужны свѣдѣнія о книгахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара въ 737 году; теперь сихъ книгъ у меня нѣтъ, но завтра же возьму ихъ изъ Архива и что̀ нужно будетъ извлечь изъ нихъ, извлеку и доставлю къ вамъ безъ замедленія.

Мнѣ очень пріятно, что мой Невскій вамъ понравился; его одобряютъ многіе. Относительно же татарщины скажу вамъ, что здѣсь я, можетъ быть, и пересолилъ; но дѣло вотъ въ чемъ: на этотъ предметъ никто не обращаетъ вниманія; отдѣлать же мнѣ его поотчетливѣе было некогда, а потому я пустилъ это дѣло какъ вопросъ, ожидая опроверженій, но только дѣльныхъ, а не голословныхъ, какъ изволятъ писать «Отечественныя Записки», которыя, идя точь въ точь по слѣдамъ разруганнаго ими Погодина, диктаторски поговариваютъ: *это не такъ.* На такія рецензіи отвѣчать нечего: онѣ сами опровергаютъ себя.

Вы, Александръ Николаевичъ, принимаете, кажется, сильное участіе въ «Сѣверномъ Обозрѣніи», которое теперь обязательно идетъ впередъ; ежели можно и удобно, я бы написалъ туда статью, хоть по указанію редакціи, или какая мнѣ попадетъ подъ руку. У меня

можетъ быть готовъ черезъ мѣсяцъ или раньше *Михаилъ Черниговскій*. А то гнѣздится въ головѣ статья: *Князья между собою во время татарщины*. Ежели увѣдомите меня, то я пущусь впередъ и къ третьей книжкѣ какъ разъ поспѣю, а можетъ быть и ко второй.

6.

26 Генваря 1850 года.

Относительно статейныхъ списковъ скажу вамъ, что князь Оболенскій, кажется, не сѣтуетъ на измѣненіе его плана; онъ имъ не дорожитъ: главное для него, чтобы, какъ ни на есть, только бы онъ участвовалъ въ изданіи и чтобы это было извѣстно. Пересматривая дѣла въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ съ цѣлію лучше познакомиться съ статейными списками, по указанію Н. В. Калачева, я видѣлъ въ дѣлахъ наказы, которые давались отъ Московскаго двора своимъ посламъ при отправленіи ихъ за-границу. Пересмотрѣвши нѣкоторыя изъ нихъ и сообразивши дѣло, я нахожу, что при изданіи статейныхъ списковъ необходимо издать и сіи наказы, сколько ихъ есть. Они очень интересны своими подробностями, живо представляютъ дипломатію тогдашняго Московскаго двора, объясняютъ дѣйствія Московскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ и могутъ служить повѣркою для того, на сколько успѣвали Московскіе послы по своимъ наказамъ и въ чемъ не успѣвали и отступали отъ наказовъ. Наказы сіи сохранились не всѣ и находятся отдѣльно отъ статейныхъ списковъ, собственно въ дѣлахъ объ отправленіи Московскихъ пословъ къ разнымъ дворамъ.

Вы очень хорошо сдѣлаете, ежели вытребуете у князя Оболенскаго какъ реестры всѣмъ статейнымъ спискамъ, такъ и описи дѣламъ объ отправленіи Московскихъ пословъ къ разнымъ дворамъ. По симъ описямъ вы можете видѣть, гдѣ есть наказы, чтобы ихъ переписывали по вашему указанію. Только прошу васъ, не говорите, что я здѣсь участвую: въ противномъ случаѣ мнѣ мудрено будетъ ладить съ Оболенскимъ, а слѣдовательно и съ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ. А ежели угодно, я самъ наведу Оболенскаго на эту мысль; тогда безъ сомнѣнія онъ будетъ радъ воспользоваться указаніемъ и постарается исполнить дѣло съ тщательностію.

7.

23 Апрѣля 1850 года.

Отъ души благодарю васъ за присланный первый томъ Дворцовыхъ Разрядовъ; книга вышла очень занимательна и издана именно

такимъ образомъ, какъ нужно издавать историческіе памятники, и какъ у насъ до сей поры еще не издавали. Исполать вашему знанію этого дѣла и вашему истинно-ученому трудолюбію. Я только желалъ, чтобы изданіе было такимъ, какимъ оно вышло, но никакъ не ждалъ, чтобы можно было сдѣлать такъ, печатая нѣкоторые документы заглазно, не имѣя подъ руками подлинниковъ; вы сдѣлали просто почти невозможное. Другіе не могутъ знать всѣхъ трудностей, какія вы побѣдили; мнѣ же, какъ участнику нѣкоторымъ образомъ въ дѣлѣ, это очень понятно, и я по чувству любителя древнихъ памятниковъ смѣло благодарю васъ вторично за вашъ добросовѣстный и истинно-ученый трудъ, и буду благодарить всегда, а также вполнѣ убѣжденъ, что и всѣ занимающіеся Русскою исторіею будутъ вамъ благодарны за ваше превосходное изданіе.

Предисловіе, предпосланное вами въ настоящемъ томѣ, на мой взглядъ очень удовлетворительно; больше, кажется, нельзя было и сказать; не писать же въ самомъ дѣлѣ диссертацію о дворцовыхъ разрядахъ, которой здѣсь и не мѣсто и которую въ настоящее время за недостаткомъ наличныхъ памятниковъ нельзя еще и писать.

8.

11 Мая 1850 года.

Первое слово къ вамъ моя искренняя благодарность за ваше доброе извѣщеніе и тутъ же вмѣстѣ, какъ я вполнѣ убѣжденъ, за ваше сильное предстательство у графа Димитрія Николаевича о исходатайствованіи мнѣ высочайшей награды. Мои сочлены, Ивановъ и Ундольскій, также благодарятъ васъ за ваше ходатайство о нихъ. Ваше послѣднее письмо меня обрадовало, но не вполнѣ: дивлюсь не надивлюсь, да чтожъ такое ваша награда! Вы за другихъ животъ кладете, а о себѣ чуть чуть не позабыли. Ежели бы можно было, пѣшкомъ бы пошелъ въ Петербургъ, чтобы выпросить вамъ хоть Владимира на шею. Вы въ настоящемъ дѣлѣ все—начало и конецъ, вы душа дѣла, и вамъ бы слѣдовало воспользоваться его плодами по преимуществу. Впрочемъ дѣло еще не кончено, и жду не дождусь, когда мнѣ Богъ приведетъ порадоваться вашими наградами, которыя вамъ принадлежатъ безспорно и неотъемлемо.

9.

14 Іюля 1850 года.

Мнѣ пришло на мысль отписать къ вамъ, Александръ Николаевичъ, знаете ли что̀. По свидѣтельству Нестора въ слѣдующемъ

1851 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ будетъ юбилей тысячелѣтія Россіи; нельзя ли его будетъ соединить съ юбилеемъ императорскаго двадцатипятилѣтія? Это было бы что-то историческое и значительное. Вы очень бы хорошо сдѣлали, ежели бы сообщили эту мысль графу Дмитрію Николаевичу. У Нестора сказано: «Въ лѣто 6360 (1852) индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, начася прозывать Руска земля»; а 852 годъ Сентябрскій какъ разъ приходится въ Сентябрѣ 851 года Генварскаго; слѣдовательно тысячелѣтіе Россіи въ 1851 году въ Сентябрѣ.

10.

12 Сентября 1850 года.

Вы въ письмѣ вашемъ отъ 2-го Сентября спрашиваете: «почему напечатанные вами не суть статейные списки, а посольскія дѣла?» На это отвѣчаю вамъ, сколько могу судить по нашимъ книгамъ и по книгамъ, видѣннымъ мною въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и по разнымъ печатнымъ статейнымъ спискамъ. Статейными списками у насъ въ старину офиціально назывались подробные журналы Русскихъ пословъ и посланниковъ при чужестранныхъ дворахъ. Это можно видѣть во всѣхъ статейныхъ спискахъ, изданныхъ по офиціальнымъ рукописямъ. Напримѣръ списокъ о посольствѣ Тяпкина въ Крымъ офиціально озаглавленъ такъ: «Списокъ съ статейнаго списка Великаго Государя Его Царскаго Величества посланниковъ: стольника и полковника и намѣстника Переяславскаго Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, писанъ со словъ, черезъ огонь, въ Царевѣ Борисовѣ городѣ, въ нынѣшнемъ въ 189 году Маія въ день». А въ концѣ того же списка послѣ подробнаго журнала посольства написано: «А которыя Великаго Государя грамоты присланы къ намъ съ подъячими и съ толмачи въ разныхъ числѣхъ, и тѣхъ его государевыхъ грамотъ въ сей статейной списокъ не внесено для того, что противъ тѣхъ всѣхъ его государскихъ грамотъ отъ насъ посланниковъ въ Посольскій Приказъ писано. А сей списокъ закрѣпилъ я Никита съ обчаго совѣта большаго моего товарища стольника Василья Тяпкина». Ясно, что это статейный списокъ, и другаго названія ему дать нельзя; а по содержанію его вы можете судить и о другихъ статейныхъ спискахъ. При томъ замѣчаніе, что государевы грамоты въ статейный списокъ не писаны потому, что на нихъ даны отвѣты особо, показываетъ, что въ иныхъ спискахъ могутъ встрѣчаться и государевы грамоты, на которыя послы не давали отвѣтовъ особо.

Или, подобныя офиціальныя названія мы видимъ въ статейныхъ спискахъ, помѣщенныхъ въ IV части Древн. Рос. Вивліоѳики; напри-

мѣръ Племянникова, Салтыкова, Морозова, Чемоданова, Лихачева, Потемкина и даже Байкова въ Китай, который неправильно названъ путешествіемъ, очевидно потому, что издатель печаталъ его съ какой-то старой рукописи изъ собственной библіотеки, въ которой или вовсе не было заглавія, или офиціальное названіе статейнаго списка было замѣнено произвольнымъ названіемъ путешествія.

Это вамъ печатныя доказательства о правильности названія статейныхъ списковъ, а вотъ для примѣра и письменное. Въ офиціальной книгѣ Малороссійскаго Приказа, хранящейся въ Разрядномъ Архивѣ и содержащей въ себѣ разныя дѣла, относящіяся до Малороссіи за 7182 годъ, на листѣ 172, сказано въ красной строкѣ: *Статейный списокъ*. И вслѣдъ за тѣмъ начинается самый списокъ. А потомъ идутъ въ той же книгѣ другія дѣла подъ иными названіями; такъ и во многихъ другихъ книгахъ Малороссійскаго Приказа. Слѣдовательно журналы Русскихъ пословъ офиціально назывались статейными списками, а не иначе.

Но записки или журналы о пребываніи иностранныхъ пословъ въ Москвѣ, веденные въ Посольскомъ Приказѣ, сколько я могу судить по книгамъ Малороссійскаго Приказа, не назывались офиціально статейными списками, а носили названіе пріѣзда и отпуска пословъ. Напримѣръ въ книгѣ Малороссійскаго Приказа за 184 годъ на листѣ 317 озаглавлено: «184 года Генваря въ 12 день пріѣздъ къ Москвѣ посланцевъ Петра Дорошенка, тестя его Павла Яненка съ товарищи 47 человѣкъ, да кошеваго атамана Ивана Сѣрка, Максима Щербака съ товарищи жъ 45 человѣкъ съ Турскими санжаки. И отпускъ ихъ въ Курскъ къ боярину и воеводамъ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи Генваря жъ въ 23 день». А далѣе идетъ разсказъ о прибытіи посланцовъ, какъ у васъ въ описаніи посольства Герберштейна и другихъ. Потомъ идетъ подробное описаніе пребыванія посланцовъ въ Москвѣ, ихъ представленія къ Царю, переговоры и переписки и, наконецъ, отпускъ въ такомъ же порядкѣ и формѣ, какъ въ описаніи напечатаннаго уже вами посольства Герберштейнова и другихъ иностранныхъ пословъ.

Слѣдовательно настоящая, согласная съ офиціальными древними памятниками кличка издаваемыхъ вами книгъ, будетъ такова: «*Статейные списки Московскихъ пословъ при чужестранныхъ дворахъ и пріѣзды и отпуски иностранныхъ пословъ въ Москвѣ*». Называть же ихъ посольскими несправедливо, ибо къ посольскимъ дѣламъ относятся и расходныя книги пословъ, и ихъ челобитныя, и разныя отписки не относящіяся рѣшительно къ статейнымъ спискамъ, и разныя распоряженія Посольскаго Приказа, которыя конечно вы не будете

печатать въ настоящемъ изданіи. Князь Оболенскій и Ивановъ судятъ объ этомъ дѣлѣ только по своимъ, большею частію перепутаннымъ и сшитымъ при Миллерѣ и Бантышѣ-Каменскомъ дѣламъ, гдѣ, какъ я поразсмотрѣлъ ихъ поближе, страшный безпорядокъ. Вотъ для образца состояніе документовъ о посольствѣ Милославскаго въ Турцію. Документы сіи въ ихъ Архивѣ хранятся въ четырехъ отдѣльныхъ волюмахъ: 1-е между статейными списками помѣщена приходо-расходная книга о расходѣ Милославскимъ соболиной казны во время посольства; потомъ въ такъ называемыхъ ими (кажется произвольно) посольскихъ дѣлахъ находятся три вязки: подъ № 1 прежде всего помѣщенъ наказъ царскій, данный Милославскому при отпускѣ на посольство; наказъ этотъ собранъ изъ гнилыхъ столбцовъ, и много перебитъ и смѣшанъ; далѣе въ той же вязкѣ помѣщены: а) отписки пословъ съ Воронежа отъ 11 числа Августа, где они пишутъ, что идутъ изъ Воронежа обратно въ Москву и съ ними Турскій посолъ; b) другая отписка ихъ же, что они только пришли на Воронежъ отъ 2 Августа; с) государева грамота о томъ, чтобы послы спѣшили въ Москву; d) государева грамота о дачѣ посламъ подводъ; е) другая грамота о дачѣ проводниковъ; f) отписка пословъ, въ коей требуютъ назначить срокъ, когда явиться въ Москву; g) отписка Урусова о подводахъ; i) отписка Ѳедора Милославскаго о томъ, что онъ повстрѣчалъ пословъ у Пронска; k) еще двѣ отписки пословъ съ дороги; l) роспись соболиной казны, отправленной съ послами въ Турцію на продажу; m) два указа стряпчему Аничкову о принятіи у пословъ привезенной казны; n) распросы думнаго дьяка Кудрявцова и отвѣты пословъ о томъ, какъ ихъ принимали въ Турціи, при чемъ въ концѣ сказано: «о томъ-де писано подлинно въ статейномъ спискѣ»; о) роспись что̀ послано съ послы государевой казны въ поминки султану и въ жалованье его ближнимъ людямъ, что̀ сей казны осталось за расходомъ; р) челобитная кречетниковъ, бывшихъ съ послами въ Турціи, о выдачѣ имъ поденнаго корма и указъ объ этомъ; q) распросъ у пословъ о выкупленныхъ въ Крыму плѣнникахъ; r) челобитье переводчика, бывшаго съ послами о прибавкѣ ему помѣстнаго и денежнаго жалованья; и такъ далѣе еще десятка полтора подобныхъ бумагъ.

Въ вязкѣ подъ № 2 сперва помѣщенъ статейный списокъ Милославскаго безъ начала съ пропусками и перемѣшанный, расклеенный изъ столбца; а послѣ статейнаго списка пришита отписка Василья Львова о провожаніи Турецкаго гонца за рубежъ. А въ 3-й вязкѣ связанъ также статейный списокъ Милославскаго, который въ подписи, сдѣланной при Миллерѣ, названъ сокращеннымъ, а на самомъ дѣлѣ это тотъ же списокъ, который и въ 2-й вязкѣ, только безъ начала и

и конца, съ множествомъ пропусковъ, и чрезвычайно перепутанъ.

Изъ этого одного образчика, составленнаго по подлиннымъ вязкамъ, называемымъ въ Архивѣ посольскими дѣлами, вы теперь ясно можете видѣть, чтò такое посольскія дѣла, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и можно ли ими назвать то, чтò вы теперь издаете. Положимъ даже, что это названіе—*посольскія дѣла*—древнее и официальное, составленное еще въ Посольскомъ Приказѣ; допустимъ и то, что вся, только что исчисленная мною, смѣсь бумагъ, въ древности, именно составляла посольскія дѣла, которыя подшивались или подклеивались одно подъ другое, то и тогда еще издаваемое вами нельзя назвать посольскими дѣлами: ибо вы издаете не всю эту кучу, а только выборки изъ нея, имѣющіе и въ этой кучѣ свое особое названіе, именно статейные списки, пріѣзды и отпуски пословъ.

Я, кажется, доказалъ; но вы еще, можетъ быть, задумаетесь вотъ надъ чѣмъ. Есть слухи, какъ утверждаютъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, что статейными списками назывались только *рѣчи пословъ, ихъ переговоры и пріѣздъ ко двору*; я этого досконально не знаю; да намъ какое до этого дѣло? Положимъ, что слухи справедливы; но мы знаемъ, что цѣлые журналы посольствъ Тяпкина, Милославскаго, Чемоданова, Морозова и другихъ названы официально статейными списками, слѣдовательно ихъ и нельзя кликать инымъ названіемъ; знаемъ также, что записки о чужестранныхъ посольствахъ въ Москвѣ официально назывались пріѣздами и отпусками пословъ, значитъ за ними и должно остаться это официальное названіе.

Вотъ требованныя вами мои соображенія о статейныхъ спискахъ; судите о нихъ, какъ хотите, а мнѣ кажется, что я думаю правильно. Извините, что замѣшкался отвѣтомъ: нужно было кой-что прочесть и порыться въ Архивѣ, чтобы не говорить на-обумъ; вѣдь пріискавши факты, какъ-то говорится надежнѣе.

Теперь моя покорнѣйшая просьба до васъ, Александръ Николаевичъ; очень совѣстно мнѣ докучать вамъ своими просьбами, вы и безъ того дѣлаете для меня много, я вашъ постоянный должникъ; но съ обстоятельствами не сговоришь. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ нашемъ служебномъ углу древностей чтò годъ то новость; теперь министръ хлопочетъ переформировать наши штаты и особенно сократить ихъ, и моя должность, какъ я видѣлъ уже въ проектѣ, уничтожается; слѣдовательно, хочешь не хочешь, а ищи другой службы. А теперь есть въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ три праздныхъ вакансіи цензоровъ, которыя рѣшительно зависятъ отъ министра народнаго просвѣщенія Нельзя ли какъ нибудь объ этомъ попросить графа Димитрія

Николаевича? Онъ, можетъ быть, вступится въ мое положеніе и попроситъ князя Ширинскаго-Шихматова опредѣлить меня на одну изъ праздныхъ цензорскихъ вакансій въ Москвѣ.

Вы пишете въ послѣднемъ письмѣ, чтобы я поспѣшилъ вамъ выслать статью о географическихъ свѣдѣніяхъ на Руси; статья эта у меня позатянулась, и тѣмъ болѣе, что по первому вашему письму, гдѣ вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній столь дѣльныхъ на мой вкусъ, я рѣшился передѣлать вновь и то, что̀ написалъ; теперь дѣло вошло въ свою колею, и я черезъ мѣсяцъ надѣюсь его кончить. Относительно книги объ описаніи Дона скажу вамъ, что собственно книгу выслать нельзя; но я ее прочту внимательно и подробно опишу, и ежели изъ моей описи найдете, что она занимательна и идетъ къ дѣлу, то велю списать и самую книгу.

11.

30-го Октября 1850 года.

Хотѣлъ отвѣчать на всѣ ваши пункты удовлетворительно; но къ сожалѣнію моему еще ничего не готово; и какъ ни бьюсь, какъ ни сижу ночи, а покончить еще не могу; даже досидѣлся до того, что съ недѣлю не могъ и садиться: стулъ для меня былъ что-то въ родѣ раскаленной сковороды. Географическія свѣдѣнія меня просто затянули. Планъ, по которому писано начало, такъ широкъ и труденъ, что всего сочиненія скоро никакъ не кончишь. Я еще не добрался и до конца XIV вѣка; успѣлъ только кончить Сѣверовосточную Русь и татарщину и указалъ на знакомство Приднѣпровской и Приднѣстровской Руси съ географіею чужеземною. Теперь пишу географію Приднѣпровья и Приднѣстровья, которая чрезвычайно запутана; впрочемъ у ее уже обдумалъ и обслѣдилъ и надѣюсь кончить въ недѣлю. Вѣка XV, XVI и XVII хотя очень обширны по своимъ источникамъ, но сколько я ихъ понимаю, будутъ не такъ затруднительны, и главное дѣло, кажется, во множествѣ письма, особенно когда подойдутъ офиціальные географическо-статистическіе матеріалы, которыхъ у насъ очень много въ XVII вѣкѣ. О хлѣбныхъ цѣнахъ у меня есть извѣстія съ 1724 по 1767 годъ, и я какъ скоро кончу географическую статью, то немедленно примусь за таблицы и пришлю ихъ къ вамъ.

Ваша статья о Третьякѣ Васильевѣ объяснилась; этотъ Третьякъ — тотъ самый Тренька, который въ 1660 году былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь и писалъ челобитныя на неправильное печатаніе церковныхъ книгъ. О немъ есть извѣстія въ Востоковскомъ каталогѣ на стр. 553. Какъ бы хорошо было достать челобитныя въ Румянцовскомъ Музеѣ и напечатать; онѣ бы какъ разъ поспѣли къ слѣдующей

книжкѣ «Временника». О предложеніи васъ въ члены нашего Общества я сдѣлалъ уже приступъ; но такъ какъ въ Обществѣ въ первое засѣданіе по случаю обѣда князю Вяземскому было только два члена, то председатель отложилъ выборъ до слѣдующаго засѣданія, которое будетъ черезъ недѣлю.

Не знаю, читали ли вы сборникъ актовъ печатаемыхъ въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ; тамъ есть замѣчательныя уголовныя дѣла до Уложенія; ежели они вамъ нужны, то я спишу и пришлю къ вамъ. Вы вѣроятно уже получили 8-ю книгу «Временника»; какъ бы мнѣ хотѣлось знать вашъ судъ о моей статьѣ *Русская земля до Рюрика.* Еще меня занимаетъ предполагаемый вами сборникъ; какъ-то онъ идетъ впередъ? Ежели вамъ угодно, я пришлю въ него свою статью: «Князь Михаилъ Александровичъ Тверской», личность одна изъ первыхъ въ XIV вѣкѣ. Наши журналы по какимъ-то капризамъ не благоволятъ къ біографіямъ; но по моему мнѣнію безъ предварительныхъ біографій нельзя писать исторію, въ которой была бы видна жизнь и характеръ хотя главныхъ двигателей.

Благодарю васъ отъ всей души, и не знаю, какъ выразить мою благодарность, за ваше участіе въ моемъ дѣлѣ относительно князя Ширинскаго-Шихматова. Успѣхъ зависитъ не отъ насъ; но ваше вниманіе къ моей просьбѣ заставляетъ меня каждый день молиться о васъ Богу, чтобы Онъ благословилъ васъ здоровьемъ и успѣхами въ вашей доброй жизни.

Никоновская лѣтопись, посланная вами 4-го Сентября, наконецъ, пришла ко мнѣ 24 Октября. Я вамъ очень благодаренъ за эту присылку; моя скудная библіотека теперь имѣетъ такую книгу, которой въ Москвѣ купить нельзя и которая очень нужна для моихъ работъ.

Къ вамъ въ Петербургъ пріѣхалъ мой двоюродный братъ Илья Васильевичъ Бѣляевъ, который и доставляетъ вамъ сіе письмо. Не знаю, по обстоятельствамъ, долго-ли онъ пробудетъ въ Петербургѣ; но ему очень хотѣлось познакомиться съ вами, и я покорнѣйше прошу васъ принять въ число вашихъ знакомыхъ этого молодаго человѣка; онъ любитъ науку и по своимъ способностямъ подаетъ хорошую надежду, и я думаю, что вы найдете его человѣкомъ стоющимъ вниманія.

12.

17 Іюля 1852 года.

Вуколъ Михайловичъ Ундольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я по обычаю пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ между прочимъ подаетъ мнѣ одинъ сборникъ и говоритъ, что

здѣсь есть слово о Мамаевомъ побоищѣ. Читаю слово, и что же! Чудная вещь, слово вовсе неизвѣстное, и просто за просто почти цѣликомъ слово о полку Игоревѣ, подлаженное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка; слѣдовательно Слово о полку Игоревѣ было давно извѣстно Русскимъ людямъ; мы только несчастные до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому слову. Чтобы скорѣй подѣлиться счастливою находкою съ публикою, я выпросилъ у Вукола Михайловича дозволеніе напечатать слово во «Временникѣ», и оно въ первыхъ числахъ Августа выйдетъ въ свѣтъ; а чтобы скорѣе подѣлиться съ вами дорогою для меня находкою, посылаю вамъ слово въ корректурномъ листѣ. Читайте и разсудите сами, какова вещь на ваши глаза; а я отъ нея безъ памяти. Вѣроятно и графъ Дмитрій Николаевичъ будетъ интересоваться этою находкою; ибо его, кажется, занимаетъ Слово о полку Игоревѣ. Вуколъ Мухайловичъ и еще накупилъ довольно книгъ очевь замѣчательныхъ и между прочимъ Новый Завѣтъ на Голандскомъ и Русскомъ языкѣ, извѣстный Петровскій. Пріѣзжайте посмотрѣть въ Москву, а впрочемъ я не замедлю напечатать все что̀ найду въ покупкѣ Вукола Михайловича подходящимъ на мою стать; хозяинъ согласенъ на это и, какъ знатокъ, обѣщается помогать мнѣ.

А вотъ у меня до васъ и просьба: я переправилъ къ вамъ вашу статью объ *уголовномъ судопроизводствѣ* и жду, когда вы ее возвратите для напечатанія во «Временникѣ». И еще есть до васъ просьбица: вы обѣщались похлопотать о долгѣ нашего Общества у министра народнаго просвѣщенія; только дѣло какъ идетъ, у насъ неизвѣстно. Хлопоталъ я достать копію съ отношенія попечителя къ министру; но у попечителя это въ какомъ-то секретѣ, и достать нельзя ни изъ канцеляріи, ни самъ не даетъ. А что̀ вашъ царь Өедоръ Алексѣевичъ? Вы вѣроятно много уже приготовили, и не открылось ли какихъ новостей въ этомъ дѣлѣ? А о Стенькѣ Разинѣ вѣрно всѣ столбцы изъ Разряда перешли къ Коробанову.

13.

21 Октября 1852 года.

Сообщаю вамъ новость въ моихъ дѣлахъ: меня принимаютъ въ Московскій университетъ для занятія каѳедры исторіи Русскаго законодательства; факультетъ и попечитель изъявили свое согласіе, сколько я могъ замѣтить, очень радушно. Но я съ своей стороны, соглашаясь занять каѳедру, въ тоже время желалъ бы удержать и

настоящую свою должность по Архиву; ибо архивные документы, какъ источникъ исторіи права, необходимы для преподавателя исторіи Русскаго законодательства. Въ этомъ убѣждены и попечитель и факультетъ и желаютъ, чтобы, занимая каѳедру, я въ тоже время не оставлялъ и архивной службы. Я почти убѣжденъ, что и министръ народнаго просвѣщенія не будетъ сему противорѣчить; по крайней мѣрѣ это мнѣ обѣщаютъ; но не знаю, какъ на это взглянетъ министръ юстиціи графъ Панинъ, а въ немъ-то все и дѣло. На дняхъ попечитель пошлетъ къ нему отношеніе съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ мнѣ исправлять должность адъюнкта по каѳедрѣ исторіи Русскаго законодательства, не оставляя службы при Архивѣ. Дозволеніе конечно возможно и неубыточно для архивной службы, ибо въ университетѣ за мною будетъ только четыре часа въ недѣлю; но Богъ знаетъ, какъ рѣшитъ это дѣло графъ Панинъ.

А чтобы Панинъ рѣшилъ это дѣло въ мою пользу, нужно, чтобы за меня замолвлено было словечко лицомъ, имѣющимъ могущественное вліяніе на графа Панина; таковымъ лицомъ по собственному моему опыту былъ и есть графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. А посему я осмѣливаюсь прибѣгнуть съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, Александръ Николаевичъ: не оставьте меня вашимъ благотворительнымъ ходатайствомъ у графа Дмитрія Николаевича, чтобы онъ замолвилъ обо мнѣ словечко у графа Панина. Безъ васъ я какъ рыба безъ воды.

14.

30 Декабря 1852 года.

На дняхъ я прочелъ присланный при вашемъ отношеніи IV томъ Записокъ Археологическаго Общества, изданный подъ вашею редакціею. Признаюсь, вы шутить не любите и выпускаете не книжки, какъ дѣлалось до васъ, а книги и книги почтенныя, которыя расшевелятъ хоть кого. И я многогрѣшный думаю опять пуститься въ нумизматику, и ежели вамъ будетъ угодно, то скропаю статейку о томъ, что на Руси и до XIV столѣтія умѣли дѣлать свои монеты, а не пробавлялись Нѣмецкими да Арабскими, какъ изволитъ разсказывать г. Кене въ своей огромной статьѣ: «Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI и XII столѣтій, найденныхъ въ Россіи». Статья его во многихъ отношеніяхъ прекрасная и поучительная; я ее прочелъ съ наслажденіемъ; только одного не понимаю, какимъ образомъ г-нъ Кене, не обращая вниманія ни на свидѣтельства нашихъ лѣтописей, ни на позднѣйшія Русскія изслѣдованія, рѣшается бездоказательно

утверждать, что до XIV столѣтія у насъ не было своихъ монетъ, что мы переняли монетное искусство у Татаръ и что монеты Ярослава, Владимира, Святополка, принадлежатъ какимъ-то Южно-Славянскимъ князьямъ. Неужели нашей исторіи суждено вѣкъ бороться съ недоброжелательными и явно-ложными вымыслами людей, которымъ чуждо и ненавистно все Русское? Я хотѣлъ бы даже громыхнуть рецензію въ «Москвитянинѣ», но не рѣшусь на это безъ вашего разрѣшенія, и прошу вашего совѣта: что̀ лучше—написать ли въ Археологическое Общество статью съ опроверженіемъ мнѣній Кене, или пустить противъ него рецензію въ «Москвитянинѣ?»

15.

26 Іюня 1853 года.

Отъ графа Дмитрія Николаевича Блудова прислано отношеніе къ председателю Историческаго Общества Александру Дмитріевичу Черткову, въ коемъ графъ прописываетъ, что Государю Императору благоугодно было дозволить печатаніе Литовскаго Статута 1588 и 1529 годовъ и даже Волынскаго Статута 1566 года. Я при семъ прошу покорно почтить меня разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ недоумѣній въ семъ дѣлѣ. Графъ Дмитрій Николаевичъ въ своемъ отношеніи пишетъ, что онъ предоставляетъ себѣ впослѣдствіи сообщить нѣкоторыя мысли и замѣчанія, представившіяся ему, какъ при разсмотрѣніи образцоваго листа новаго изданія статута 1588 года, такъ и рукописи, въ коей содержится текстъ статута 1529 года и введенія къ оному. Обѣщанныя графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ замѣчанія будутъ очень важны и драгоцѣнны при новомъ изданіи статутовъ, и я буду ждать ихъ, какъ голодный хлѣба. Но вотъ вопросы, въ которыхъ я прошу вашего разрѣшенія: 1-е. Могу ли я до полученія замѣчаній приступить къ печатанію статута 1588 года, или замѣчанія сіи будутъ относиться къ порядку и формѣ печатанія, я и слѣдовательно долженъ дожидаться ихъ? 2-е. Рукописи для изданія Волынскаго статута 1566 года я не имѣю въ виду въ Москвѣ, а посему покорнѣйше прошу походатайствовать о высылкѣ ея въ Общество, ежели она есть во II-мъ Отдѣленіи канцеляріи; она будетъ переписана въ самомъ скоромъ времени и возвращена въ совершенной сохранности; и 3-е, наконецъ, дозволено ли мнѣ будетъ написать предисловіе къ изданію всѣхъ трехъ статутовъ и долженъ ли я представить оное на разсмотрѣніе графу Дмитрію Николаевичу. или можно будетъ напечатать его съ разрѣшенія Московской цензуры?

16.

20 Января 1855 года.

Поздравляю васъ съ совершившимся столѣтіемъ Московскаго университета. Книгу, присланную вами для университетской библіотеки, я представилъ при бумагѣ ректору университета.

Относительно частныхъ разрядныхъ книгъ, я, по плану, одобренному графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, постоянно работаю надъ ними съ Сентября мѣсяца. Но работа страшная; ибо, не смотря на одинаковый характеръ книгъ, въ нихъ множество варіантовъ и при томъ такихъ, которые представляютъ цѣлыя службы непохожими другъ на друга; каждую книгу приходится прочесть разъ по двадцати и больше. Для бòльшаго удобства я теперь работаю по царствованіямъ, т.-е. каждое царствованіе прочитываю отдѣльно по всѣмъ книгамъ одного характера и свожу варіанты, такъ чтобы въ случаѣ требованія для печати у меня всегда была готова часть оригинала съ варіантами.

Въ Москвѣ я подалъ графу Дмитрію Николаевичу по его приказанію записку объ изданіи законодательныхъ памятниковъ, вышедшихъ на Руси до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Интересно бы было знать, какая участь сей записки; понравилась ли она графу Дмитрію Николаевичу?

Университетскій столѣтній юбилей прошелъ очень хорошо; посетителей было множество; воспитанники университета, кажется, помнятъ объ немъ; пріятно было встрѣтить на этомъ праздникѣ такихъ товарищей, которыхъ не встрѣчалъ со дня окончанія курса. Были молодцы даже изъ Камчатки. Университетскій праздникъ, какъ говорятъ, понравился и Американскому Сеймуру, и будто бы онъ желаетъ присылать молодыхъ Американцевъ учиться въ Москву.

17.

Москва, 1856 года, Февраля 6-го дня.

Вы сожалѣете о Грановскомъ. Жаль его и всѣмъ, кто его зналъ сколько нибудь; онъ многое дѣлалъ и еще бы многое могъ сдѣлать впослѣдствіи; таковые люди, какъ покойный Тимоѳей Николаевичъ, не могутъ не быть уважаемы. Но его мнимые пріятели, увы, изъ рукъ вонъ. Они подняли по случаю его смерти страшный гвалтъ; сплетнямъ и толкамъ конца нѣтъ. Наканунѣ похоронъ прислали Шевыреву два ругательныхъ безъименныхъ письма, требуя, чтобы онъ

не говорилъ рѣчи надъ покойнымъ, хотя Шевыревъ и не думалъ говорить; прислали также безъименное письмо университетскому священнику передъ самою обѣднею, тоже требуя, чтобы не говорилъ рѣчи при гробѣ; распустили слухи, что митрополитъ не дозволяетъ отпѣвать покойнаго и запретилъ семинарскому ректору быть на погребеніи и говорить рѣчь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого ничего не было: митрополитъ вовсе на думалъ лишать Грановскаго христіанскаго погребенія, а семинарскій ректоръ служилъ обѣдню, отпѣвалъ покойнаго и провожалъ до могилы; не говорилъ же при погребеніи рѣчи потому, что не былъ знакóмъ съ покойникомъ, а отнюдь не по запрещенію митрополита, какъ это я знаю отъ самого ректора. Но я бы долго не кончилъ, ежели бы сталъ разсказывать о всѣхъ сплетняхъ и толкахъ по случаю смерти Тимоѳея Николаевича, которые продолжаются до сихъ поръ. Добрые люди, которые занимаются этимъ прекраснымъ дѣломъ, кажется, не столько думаютъ о покойномъ, сколько о томъ, чтобы толками объ немъ побольше разгласить о себѣ. Я уже не разъ говорилъ тому или другому изъ панегиристовъ, что дѣло не въ панигирикахъ, что нужно скорѣе издать его лекціи и другіе, какіе есть, труды; что это лучшее воспоминаніе о покойномъ. На это дѣло хотя и выбрались желающіе, но начинаютъ его изданіемъ того, чтò уже напечатано, изданіе же ненапечатанныхъ трудовъ покойника откладываютъ въ дальній ящикъ, ссылаясь на то, что нѣтъ въ сборѣ лекцій и даже поговариваютъ, что не совсѣмъ нужно ихъ печатать *).

18.

29 Января 1857 года.

Посылаю вамъ, по обѣщанію, двѣ книжки, и рекомендую доставителя сихъ книгъ, Сергѣя Михайловича Шпилевскаго, вѣроятнаго будущаго сочинителя многихъ дѣльныхъ книгъ въ Русскомъ направленіи; это нашъ первый кандидатъ, не родовикъ и не западникъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о дозволеніи издавать ему *Молву*, еженедѣльную газету. Чтò можно, пособите ему совѣтомъ и знаком-

*) Онѣ такъ и до сихъ поръ не напечатаны; а теперь къ тому прошло, кажется, и время. Сомнѣваемся, чтобы сохранились у кого вполнѣ записанныя эти обаятельныя лекціи. Стенографіи въ то время не было въ Москвѣ; да и сама стенографія не могла бы передать необыкновенную прелесть изложенія: въ очарованіи, которое производилъ этотъ великій художникъ устнаго слова, участвовали и голосъ его, и сердечная вкрадчивость произношенія, и вся его сочувственная внѣшность. П. Б.

ствомъ съ нужными людьми; а на хлопоты онъ готовъ на какія угодно, лишь бы добиться предположенной цѣли: онъ человѣкъ рѣдкаго трудолюбія и рѣдкой впечатлительности и горячности къ дѣлу. Константинъ Сергѣевичъ и даже Сергѣй Тимоѳѣевичъ *) съ нимъ очень поладили и надѣятся успѣха отъ его предпріятія общаго всѣмъ и для всѣхъ нужнаго; надѣюсь, что и вы найдете его человѣкомъ потребнымъ для дѣла.

19.

6 Января 1859 года.

Я уже писалъ вамъ прежде, что частныя разрядныя книги раздѣляются на два главныхъ отдѣла. Однѣ изъ нихъ какія-то полуофиціальныя; онѣ всѣ очень сходны другъ съ другомъ и представляютъ мало варіантовъ и вообще начинаются походомъ великаго князя Ивана Васильевича III-го на Новгородъ; онѣ мною приготовлены къ изданію до 1566 года. Но какъ онѣ по началу своему гораздо моложе другаго отдѣла книгъ, начинающагося вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ и по содержанію менѣе подробны и интересны: то графу Дмитрію Николаевичу угодно напередъ издать отдѣлъ книгъ, начинающійся Дм. Ив. Донскимъ, что̀ дѣйствительно такъ и должно быть; но этотъ-то отдѣлъ и нельзя подвинуть скоро, и я ближе Сентября настоящаго года не могу прислать его, хотя онъ и доведенъ у меня почти до половины.

На чередѣ моихъ занятій на нынѣшній годъ стоитъ исторія крестьянства въ Россіи, которую я почти и кончилъ; это будетъ книга листовъ на 25 печатныхъ; начало ея уже печатается, и вы увидите его въ первой книгѣ «Русской Бесѣды» нынѣшняго года. Въ этомъ трудѣ своемъ конечно я не судья; но могу только сказать, что мнѣ посчастливилось разобрать множество никому еще неизвѣстныхъ матеріаловъ, относящихся къ сему предмету. Напримѣръ, печатно намъ извѣстны десятка полтора порядныхъ крестьянскихъ записей; а я прочелъ ихъ болѣе ста только за время отъ Уложенія 1649 года до единодержавія Петра Великаго. Кромѣ того я имѣю нѣсколько господскихъ приказовъ управляющимъ и старостамъ, въ которыхъ наглядно изображаются отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ въ разное время. У меня также есть довольно кабальныхъ и поступныхъ записей, въ которыхъ проливается яркій свѣтъ на общественное значеніе крестьянъ: такъ одна поступная, записанная въ 1686 году въ приказной

---

*) Аксаковы.

избѣ, свидѣтельствуетъ, что владѣльческіе крестьяне имѣли своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, покупали ихъ и продавали, не спрашиваясь своихъ владѣльцовъ. Вообще матеріалы, находящіеся у меня подъ руками, раскрываютъ даже въ печатныхъ памятникахъ много такого, чего прежде нельзя было видѣть. Еще у меня просится на бѣлый свѣтъ статья о степеняхъ порабощенія въ древней Россіи: предметъ весьма любопытный, и матеріальцовъ таки понабралось; только не знаю, какъ успѣю справиться съ ними.

Я вамъ очень благодаренъ, Александръ Николаевичъ, что вы говорите обо мнѣ иногда съ нашимъ командиромъ Е. П. Ковалевскимъ; это крайне для меня нужно, ибо нѣкоторые люди, которымъ не по душѣ мои труды, постарались очернить меня передъ нимъ, или что-то въ этомъ родѣ, какъ по крайней мѣрѣ я могу судить по сравненію его отношеній ко мнѣ въ первое время попечительства и въ послѣднее время. Правду сказать, я самъ виноватъ въ этомъ, ибо искательствовать не умѣю; а у насъ есть на это большіе мастера. Прошу васъ покорно и впредъ замолвить за меня словечко-другое у его превосходительства, чѣмъ меня крайне обяжете.

20.

Вы мнѣ сообщаете очень пріятную вѣсть, что нынѣшнее лѣто будете жить въ Москвѣ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ; и я вамъ отвѣчаю вѣстію же, хотя не очень важною, но для нашего общаго дѣла полезною. У васъ въ Петербургѣ есть въ частныхъ рукахъ довольно большая разрядная книга роду князей Крапоткиныхъ; она находится у дворянина Евстафія Павловича фонъ-Клостермана, живущаго у церкви Владимирской Божіей Матери въ Поварскомъ переулкѣ, въ домѣ Мониной, подъ № 87, въ квартирѣ г-жи Долговой. Онъ предлагаетъ ее купить нашему Обществу. Ежели вы ея еще не видали, то я думаю, не дурно бы было взглянуть на нее и поговорить объ уступкѣ или для Общества, или для коммиссіи печатанія разрядныхъ книгъ: для меня все равно, только бы книга не затерялась. Вы можете придти къ Клостерману по препорученію Общества, или какъ знаете и какъ найдете лучше; я уже писалъ къ нему отъ Общества, чтобъ онъ объявилъ цѣну.

P. S. Переписку дьяка Третьякова я уже напечаталъ и съ вашимъ предисловіемъ, гдѣ упомянулъ и о челобитной; книгу вы, должно быть, получите на этой недѣлѣ. Географическихъ свѣдѣній я еще не посылалъ въ Петербургъ, ибо сижу за составленіемъ картъ. Для меня бы нужна была и первая тетрадь, ибо и къ ней должно написать карту.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ КЪ ГРАФУ П. С. САЛТЫКОВУ,

напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ сего года.

№ 13. Письмо это относится не къ 1763, а къ 1767 году, такъ какъ изъ камеръ-фурьерскаго журнала за этотъ годъ видно, что Императрица, на пути изъ Москвы, пріѣхала въ Клинъ въ Воскресенье, 29 Апрѣля, въ 5-мъ часу утра. Сама Императрица ссылается на это письмо въ письмѣ № 112.

№ 49 и 51. Письма эти объясняютъ одно остававшееся донынѣ темнымъ мѣсто въ письмѣ Императрицы къ Вольтеру отъ 11 (22) Августа 1765 г. (Oeuvres de Voltaire, ed. Beuchot, t. 62, № 4463). Вотъ оно: Les capucins qu'on tolère à Moscou, car la tolérance est générale dans cet empire (il n'y a que les jésuites qui ne sont pas soufferts), s'etant opiniâtrés cet hiver à ne vouloir pas enterrer un Français qui était mort subitement, sous prétexte qu'il n'avait pas reçu les sacrements, Abraham Chaumeix fit un factum contre eux pour leur prouver qu'ils devaient enterrer un mort. Mais ce factum, ni deux réquisitions du gouverneur ne purent porter ces pères à obéir. A la fin on leur dit de choisir: ou de passer la frontière, ou d'enterrer ce Français. Ils partirent, et j'envoyai d'ici des Augustins plus dociles, qui, voyant qu'il n'y avait pas à badiner, firent tout ce qu'on voulut *).

---

*) Капуцины, которыхъ терпятъ въ Москвѣ, потому что терпимость въ здѣшней имперіи общая (не допускаются только іезуиты), этою зимою упорно не соглашались похоронить одного Француза, умершаго внезапно, потому что онъ не причащался. Абраамъ Шоме составилъ противъ нихъ записку въ доказательство, что они должны были похоронить мертвеца. Отцы стояли на своемъ, не смотря на эту записку и на двукратныя требованія губернатора. Наконецъ имъ было объявлено, чтобы выбирали одно изъ двухъ: либо похоронили этого Француза, либо выѣзжали за границу. Они выѣхали, и я послала отсюда Августиновъ, болѣе сговорчивыхъ, которые, видя, что болтать нечего, исполнили, чего отъ нихъ желали.

О профессорѣ Лери см. Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета, I, 455.

№ 108. Письмо это относится къ 18 Января 1768 г. (канунъ отъѣзда Императрицы изъ Москвы). Въ этотъ день, какъ сказано въ камерфурьерскомъ журналѣ, предъ полуднемъ въ 11-мъ часу собрались въ аудіенцъ-камеру Св. Сvнода члены; а какъ Е. И. В. въ ту камеру прибыть соизволила, то помянутые члены приносили Ея Величеству подданнѣйшія поклоненія, съ желаніемъ благополучнаго путешествія, при поднесеніи отъ нихъ хлѣба и соли и св. иконы, причемъ архіепископъ Амвросій говорилъ привѣтственную рѣчь. Е. И. В., пожаловавъ членовъ къ рукѣ, возвратилась во внутренніе свои апартаменты.

№ 124. Съ этимъ письмомъ, гдѣ упоминается о мальчикѣ Галактіонѣ Ивановичѣ, любопытно сравнить письмо Императрицы къ полковнику Сатину отъ 2 Апрѣля 1769 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., стр. 0449.

№ 142. Начало этого письма слѣдуетъ понимать такъ, что извѣстіе о побѣдѣ подъ Хотинымъ привезъ князь Прозоровскій, генералъ-адъютантъ князя Александра Михайловича (будущаго фельдмаршала) Голицына.

Д. К.

С.-Петербургъ.
12 Сентября 1886 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ МЕДОКСОВЪ.

I.

М. г. Въ фельетонѣ газеты „Новое Время“ отъ 7-го Іюня сего года, за № 3688, помѣщенъ выводъ изъ замѣтки, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, о бывшемъ содержателѣ Московскаго театра Михаилѣ Георгіевичѣ Медоксѣ, при чемъ сказано, что „Медоксъ былъ попросту Еврей, и что это сдѣлалось извѣстно, когда всплыли наружу штуки и подлоги сына Медокса, Романа; и что одинъ городничій, во время розысковъ этого бѣглаго героя, превратилъ, по великому своему безграмотству, имя Романъ въ слово баронъ, и донесъ, что барона Медокса у нихъ въ Мышкинѣ, сколько ни искали, не оказалось (было это въ двадцатыхъ годахъ), но всѣ другіе историческіе источники прямо говорятъ о Жидѣ Медоксѣ“.

Считая тонъ этой выдержки оскорбительнымъ для рода Медоксовъ, а въ томъ числѣ и для меня, а въ особенности для памяти покойнаго дѣда моего Михаила Медокса, прошу напечатать слѣдующее возраженіе.

Дѣдъ мой, бывшій содержатель Московскаго театра, Михаилъ Георгіевичъ Медоксъ, не былъ не только что „Жидомъ“, но никогда не былъ и Евреемъ, на что я имѣю сохранившіяся у меня документальныя доказательства, а именно: 1) въ указѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской (Екатерины II-й)... „Содержателямъ Московскаго театра, его сіятельству князю Петру Урусову и Англичанину Михайлѣ Медоксу отъ 1-го Декабря 1777 г.“, Медоксъ значится Англичаниномъ; 2) въ документѣ отъ 31-го Января 1805 г. за подписью императора Александра I-го, Михаилъ Медоксъ называется Англичаниномъ; 3) изъ паспорта, даннаго въ С.-Петербургѣ, его Великобританскаго королевскаго величества, отъ генеральнаго консула Степана Шарпа, отъ 7-го Января 1797 г. подъ № 11, видно, что Медоксъ, подданный Великобританскаго короля, по націи Англичанинъ; 4) въ купчихъ крѣпостяхъ, на купленныя Михаиломъ Медоксомъ недвижимыя имущества въ Москвѣ отъ „князь Ивана княжъ Иванова сына Лобанова-Ростовскаго въ 1777 г., и отъ князь Петра, княжъ Васильева сына Урусова въ 1780 г., Медоксъ значится Англичаниномъ, и, кромѣ того,

я имѣю сотни документовъ, относящихся до Михаила Медокса и его театра, въ которыхъ значится, что онъ Англичанинъ. Такимъ образомъ безусловно ложно, что Медоксъ былъ Еврей и, наоборотъ, совершенно вѣрно, что Медоксъ былъ Англичанинъ.

Что же касается до Романа Медокса, 14 лѣтъ просидѣвшаго въ крѣпости за составленіе въ 1812 году Кавказско-горскаго ополченія, а за окончаніемъ слѣдствія освобожденнаго изъ крѣпости и отданнаго подъ надзоръ полиціи, то таковой могъ розыскиваться по Россіи въ 1827 году, но не за подлоги и разныя штуки, какъ сказано въ фельетонѣ „Новаго Времени", а за отлучку изъ-подъ надзора безъ надлежащаго разрѣшенія. Подробная записка о составленіи Романомъ Медоксомъ Кавказско-горскаго ополченія напечатана въ журналѣ „Русская Старина" за Декабрь 1879 г. Романъ Медоксъ былъ не „Жидъ", а какъ видно изъ упомянутой записки, въ 1812 году имѣлъ чинъ корнета и былъ адъютантомъ у атамана Донскихъ казаковъ графа Платова.

Фамилія Медоксъ хотя и не имѣетъ баронскаго титула, но указомъ Правительствующаго Сената по департаменту герольдіи отъ 9-го Октября 1867 года утверждена въ потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ.

На замѣтку о Медоксѣ, напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ", нельзя смотрѣть какъ на историческую справку о умершихъ лицахъ рода Медоксовъ, а по безусловной ложности ея выводовъ и глумительному тону надо смотрѣть какъ на оскорбительную выходку противъ живыхъ, для мнимой безотвѣтственности прикрытую именами умершихъ. Неизвѣстный, написавшій замѣтку въ „Русскомъ Архивѣ", видимо самъ совѣстился своихъ дѣйствій, ибо не позволилъ себѣ написать подъ замѣткою своей фамиліи.

(Изъ Новаго Времени).

II.

Только правдивый, безпристрастный и добросовѣстно-освѣщенный матеріалъ, долженъ служить вкладомъ для исторіи; а потому я считаю должнымъ возстановить истину относительно тѣхъ Медоксовъ, о которыхъ въ шестой книгѣ „Русскаго Архива" за сей 1886 годъ, помѣщена замѣтка, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи Русскаго театра".

Ни бывшій содержатель Московскаго театра Михаилъ Георгіевичъ Медоксъ, ни сынъ его Романъ, никогда не были ни Жидами, ни Евреями. Изъ массы документовъ, относящихся до Михаила Медокса, видно, что онъ былъ Англичанинъ. Такъ напримѣръ: въ документѣ за подписью императора Александра I, отъ 31 Января 1805 года, Михаилъ Медоксъ называется Англичаниномъ; въ указѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской (Екатерины II) содержателямъ Московскаго театра, его сіятельству князю Петру Урусову и Англичанину Михаилу Медоксу, отъ 1-го Декабря 1777 года, Медоксъ значится Англичаниномъ; въ паспортѣ дан-

номъ въ С.-Петербургѣ, его Великобританскаго королевскаго величества отъ генеральнаго консула Степана Шарпа, Января 7 дня 1797 года подъ № 11, Медоксъ значится по націи Англичанинъ, подданный Великобританскаго короля; въ купчихъ крѣпостяхъ, на купленныя Михаиломъ Медоксомъ, недвижимыя имущества въ Москвѣ *), отъ лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистра князя Ивана, княжъ Иванова сына Лобанова-Ростовскаго въ 1777 году и отъ прокурора князь Петра, княжъ Васильева сына Урусова въ 1780 году,—Медоксъ тоже значится Англичаниномъ. Такимъ образомъ является безусловно невѣрнымъ, что Медоксъ былъ Еврей и наоборотъ представляется доказаннымъ и вѣрнымъ, что *Медоксъ былъ Англичанинъ.*

По аристократически-барской Москвѣ не могли ходить слухи, что родъ „Медоксовъ переселился въ Россію давнымъ-давно, еще при Стюартахъ", такъ какъ Московской аристократіи не могло быть неизвѣстнымъ, что Михаилъ Медоксъ, пріѣхавши изъ Англіи въ 1766 году, чрезъ посредство Англійскаго посланника милорда Макартнея и графа Никиты Ивановича Панина, былъ назначенъ преподавателемъ математическихъ наукъ къ наслѣднику Русскаго престола цесаревичу Павлу Петровичу, а впослѣдствіи сдѣлался учредителемъ и владѣльцемъ Московскихъ театровъ. Какъ пріѣздъ въ Россію Михаила Медокса, такъ и дѣятельность его на обоихъ вышеупомянутыхъ поприщахъ, были такъ сказать на памяти и на глазахъ Московской аристократіи того времени, и слѣдовательно относительно Медокса ничего темнаго и загадочнаго быть не могло.

У Михаила Медокса было не два сына и не одна дочь, а 6 сыновей и столько же дочерей, изъ коихъ Василій въ 1831 году умеръ въ Варшавѣ, состоя въ чинѣ полковника по особымъ порученіямъ, при фельдмаршалѣ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ князѣ Варшавскомъ **). Павелъ, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, служилъ адъютантомъ при дежурномъ генералѣ дѣйствующей арміи. Иванъ служилъ гражданскимъ чиновникомъ военнаго вѣдомства; Александръ и Георгій, будучи болѣзненными, умерли не служа; а Романъ, какъ видно изъ записки о составленіи Кавказко-горскаго ополченія въ 1812 году, помѣщенной въ журналѣ „Русская Старина" за 1879 годъ, въ чинѣ корнета былъ адъютантомъ у атамана Донскихъ казаковъ графа Платова. Дочери Медокса вышли замужъ: за капитанъ-лейтенанта Кожина, штабсъ-капитана Замятнина, поручиковъ Гаевскаго и Степанова и надворнаго совѣтника Иванова. И сыновья, и дочери—всѣ теперь покойники.

Графъ Бенкендорфъ не только что не выяснилъ предъ императоромъ Николаемъ шаткости и подложности дворянскаго происхожденія Медоксовъ, но даже и не могъ этого выяснить; ибо независимо отъ происхожденія, они имѣли права на потомственное дворянство по чинамъ своимъ. Въ царство-

---

*) Гдѣ имъ были построены театральныя зданія, занимавшія пространство въ 2.490 кубическихъ саженъ.

**) См. № 31 Русскаго Инвалида отъ 5 Февраля 1832 г.

ваніе императора Николая. 16 Января 1826 года, Медоксамъ дана грамота на потомственное дворянство, а 9 Октября 1867 года указомъ Правительствующаго Сената по департаменту герольдіи, родъ Медоксовъ утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ.

О причинахъ, почему графъ Бенкендорфъ называлъ Романа Медокса Жидомъ, Романъ въ письмѣ своемъ къ брату Павлу, писанному изъ Шлиссельбургской крѣпости 26 Февраля 1843 года, говоритъ слѣдующее: „Спроси законы, чтò значитъ преступникъ, и ты увидишь, что не поднадаю ни подъ который пунктъ. Въ 1827 году ты мнѣ сказалъ, что освободили съ большими осторожностями; изъ Вятки я уѣхалъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго беззаконія. А какъ искали! Теперь тоже нѣтъ ничего важнаго, нѣтъ ни одного слова такъ называемаго оскорбленія царскаго величества, нѣтъ совершенно ничего ни противъ Государя, ни противъ монархіи; почему же ставятъ такъ съ рогами? Englishman... не имѣли права держать 14 лѣтъ безъ суда; боятся ухода за границу и сраму отъ умѣющаго хорошо писать. Вотъ почему 1828 года назвали Англ. Ж. Теперь я отставной и никакъ не подлежу вѣдомству военнаго министра, а сюда присланъ при бумагѣ Чернышова. Чтò это значитъ? Мнѣ сдѣлали подлѣйшее порученіе: послали въ Москву шпіономъ, единственно для этого возвративъ изъ Сибири, по рекомендаціи генералъ-губернатора Лавинскаго; тщетно отговаривавшись, принужденный взяться, я погулялъ въ Москвѣ и скрылся (тоже безъ преступленія). Все это дѣло дѣлалось съ Бенкендорфомъ въ кабинетѣ одинъ на одинъ, вовсе безъ прикосновенія Чернышова. Проникни маску. Не время распространяться“.

Пусть всякій безпристрастный читатель самъ сдѣлаетъ выводъ изъ сопоставленныхъ матеріаловъ.

Романъ Медоксъ „разыгралъ роль чуть ли не флигель-адъютанта“, какъ говоритъ авторъ упомянутой замѣтки, вовсе не послѣ 1828 года, а какъ видно изъ дѣла, хранящагося въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, въ 1812 году (см. „Русскую Старину“ за 1882 г., стр. 621).

Русскій дворянинъ **К. Медоксъ.**

С. Вечеславово.
29 Августа 1886 года.

*

Смѣемъ увѣрить автора этихъ опроверженій, что, печатая статью „къ исторіи Русскаго театра“, мы вовсе не знали о существованіи потомковъ М. Г. Медокса, что намъ и на мысль не приходило нанести кому либо оскорбленіе, и что негодованіе его должно обратиться исключительно на графа А. Х. Бенкендорфа. П. Б.

АНЕКДОТЫ О ГЕНЕРАЛѢ ѲЕДОРЕНКѢ.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, комендантомъ Новогеоргіевской крѣпости былъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ *Ѳедоренко*, Малороссъ, корчившій изъ себя оригинала, но въ сущности остроумный, добрый и честный человѣкъ. Императоръ Николай очень любилъ его.

Случилось, что Ѳедоренко, вызванный въ Петербургъ, оставался тамъ до Пасхи. Государь пожаловалъ ему къ этому дню орденъ Бѣлаго Орла. По принятому обычаю, Ѳедоренкѣ слѣдовало быть у свѣтлой заутрени въ Зимнемъ дворцѣ въ лентѣ этого ордена, присланной ему наканунѣ; но Ѳедоренко явился въ Анненской лентѣ. Государь замѣтилъ это и, полагая, что Ѳедоренко не знаетъ еще о наградѣ, спросилъ его христосуясь:

— Я тебѣ далъ Бѣлаго Орла. Ты получилъ его?

— Получывъ, ваше велычество; да чимъ я его буду кормыты?

Государь разсмѣялся и назначилъ Ѳедоренкѣ аренду по чину на 12 лѣтъ.

Въ другой разъ, Государь посовѣтовалъ ему посмотрѣть вновь преобразованное Артиллерійское Училище. Надобно замѣтить, что, незадолго передъ тѣмъ, сынъ Ѳедоренки былъ почему-то уволенъ изъ этого училища.

— А чого я туды пойду, отвѣчалъ Ѳедоренко Государю, колы оттуля Хведоренкивъ выгоняютъ?

Изъ Варшавы былъ командированъ въ Новогеоргіевскъ молодой офицеръ съ партіею новобранцевъ. Явясь къ коменданту, онъ представилъ ему партію. Ѳедоренко нашелъ ее въ отличномъ порядкѣ; новобранцы понравились ему. Онъ поблагодарилъ офицера и пригласилъ къ себѣ на чай. За вторымъ стаканомъ Ѳедоренко сказалъ:

— А щожъ, *капитанъ*, вѣдь вѣрно скоро будете маіоромъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство, далеко мнѣ еще до маіора: я только прапорщикъ.

Ѳедоренко вскочилъ.

— Якъ? Прапорщикъ? А звиздочка, звиздочка гдѣ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, не наколол̀ъ.

— Прапорщикъ! Такъ вы прапорщикъ! Я жъ думавъ, що капитанъ! Да я ныколы еще въ жизни съ прапорщикамы чаю не пивъ! Вонъ!

И прапорщикъ убрался, не допивъ чаю.

Ѳедоренко жилъ въ большой дружбѣ съ землякомъ своимъ, начальникомъ 4-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ *Малиновскимъ*. Предъ отъѣздомъ послѣдняго въ Малороссію, Ѳедоренко просилъ его привезти ему Малороссійскаго сала. Малиновскій, по возвращеніи въ Варшаву, послалъ Ѳедоренкѣ нѣсколько фунтовъ отличнаго сала, чрезъ старшаго адъютанта своего штабсъ-капитана Байбакова, также Малороссіянина (Байбака). До выѣзда въ Новогеоргіевскъ, Байбаковъ, съ собравшимися товарищами, попробовалъ сала; всѣ кушали и хвалили. По прибытіи въ Новогеоргіевскъ также нашлись товарищи, которые начали пробовать и хвалить сало и допробовались до того, что остатки стыдно было уже передавать Ѳедоренкѣ, и Байбаковъ привезъ ихъ къ себѣ въ Варшаву. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Малиновскій пріѣхалъ въ Новогеоргіевскъ инспектировать Бѣлозерскій полкъ и взялъ съ собою Байбакова. За обѣдомъ у Ѳедоренки хозяинъ спросилъ Малиновскаго:

— А щожъ, земляче, ты обѣщавъ мини прывезты нашого украиньскаго сала: такъ ты его прывизъ?

— Какъ? Развѣ ты не получилъ? Я послалъ его къ тебѣ черезъ Байбакова! Николай Филимоновичъ, ты куда же дѣвалъ сало?

Байбаковъ всталъ, покраснѣлъ какъ вареный ракъ, переминался съ ноги на ногу и ничего не могъ отвѣчать.

— Ду́рный же ты, ду́рный, земляче! сказалъ Ѳедоренко, обращаясь къ Малиновскому. Нашовъ кому довирыты сало! Хохлу! Чы-жъ ты думавъ, що винъ его не зъисць? Винъ его зъивъ! Зъивъ! На тее винъ и хохолъ, щобъ сало іивъ!

Вскорѣ послѣ пожалованія извѣстному Кавказскому герою *Евдокимову* графскаго достоинства, за столомъ у главнокомандующаго въ Варшавѣ, зашла рѣчь объ этомъ пожалованіи. Кто-то изъ генераловъ замѣтилъ, что Евдокимову весьма лестно было дослужиться до графа отъ нижняго чина.

— Для Евдокимова слово *графъ* совсѣмъ не рѣдкость, отвѣчалъ на это Ѳедоренко: у него одинъ братъ Ев*графъ*, другой топо*графъ*, а третій лито*графъ*.

Теобальдъ.

НАДПИСЬ НА КОЛОННѢ ВОЗДВИГНУТОЙ ВЪ ГОРОДѢ РИГѢ ВЪ ПАМЯТЬ 1812-1814 ГОДОВЪ.

Мысль объ этомъ памятникѣ (одномъ изъ самыхъ раннихъ, воздвигнутыхъ по поводу величайшаго событія новой Европейской исторіи) принадлежитъ тогдашнему Рижскому губернатору, маркизу Паулуччи, хотя иностранцу происхожденіемъ, но понимавшему отлично значеніе и прямыя выгоды государства, которому онъ служилъ. Читатели „Русскаго Архива" (1886, II, 109) помнятъ, что по поводу этого памятника и надписи на немъ маркизъ Паулуччи, въ Іюнѣ 1814 года (именно въ то время, когда Александръ Павловичъ, послѣ слишкомъ полуторогодоваго отсутствія, возвращался въ Россію, побѣдителемъ Наполеона и миротворцемъ Европы) входилъ въ переписку съ Сардинскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ графомъ Местромъ. Сему-ли послѣднему принадлежитъ печатаемая здѣсь надпись, навѣрное намъ неизвѣстно; думаемъ, что нѣтъ.

Въ Латинскомъ текстѣ надписи, не соотвѣтствующемъ Русскому, сказано, что памятникъ воздвигнутъ на средства Рижскихъ купцовъ. Въ то время не одни купцы, но и дворяне Рижскіе желали вновь обратить на себя милостивое вниманіе побѣдоноснаго Русскаго Государя, такъ какъ во время нашествія Наполеона многіе тамошніе жители измѣняли Россіи (о прощеніи ихъ есть указъ въ Полномъ Собраніи Законовъ). За сообщеніе надписи обязаны мы просвѣщенному вниманію г-на нынѣшняго Рижскаго губернатора Михаила Алексѣевича Зиновьева. П. Б.

На одной сторонѣ:

Силы двадцати царствъ и народовъ
съ мечемъ и огнемъ вторглись въ Россію
и
пали въ смерть и въ плѣнъ.
Россія,
поразя губителя,
расторгала узы Европы.

Александръ Первый
побѣдоносною десницей
возвратилъ имъ и утвердилъ
Царямъ царства, законы народамъ.
Л. 1814.

На другой сторонѣ:

Saeva nec saeculis unquam audita
Crassante tirannide
Quum jam ferali saeviente bello
Europaea cognatio pene evanesceret
Alexander I Ruth. Imp.
Ne populorum commercia penitus interciderent,
Mente et armis intercessit.
Rigani negociatores
Publicae libertatis adsertae mon. hoc
Aere collata P. P.
Suavissimi principis nomen famamque
sincero lapide seris nepotibus
lamendaturi
A. R. S. MDCCCXIV
Humanissimi imper. XIV.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ нынѣшнемъ году напечатана въ Лейпцигѣ брошюра, отличающаяся хвастливымъ задоромъ изложенія. Она касается трехъ нашихъ губерній Курляндской, Лифляндской и Эстляндской *) и носитъ слѣдующее завзятое названіе: Ein verlorener Posten deutschen Geistes, deutscher Sitte und Cultur, von Hans Brackmann-Fleckenstein, Cand. rer. histor. Leipzig. 51 стр. Это одинъ изъ тѣхъ беззастѣнчивыхъ навѣтовъ и доносовъ Европѣ на варварскую политику Россіи въ единственномъ якобы «культурномъ» ея уголкѣ—Прибалтійскомъ краѣ, которыми, къ стыду нашихъ Нѣмецкихъ подданныхъ, наполняютъ они Германскую печать. Нѣмецкіе обыватели этихъ губерній, закрывъ глаза на то, что они своимъ политическимъ, гражданскимъ, хозяйственнымъ бытіемъ, своимъ благосостояніемъ вполнѣ обязаны милости, добротѣ и благодушію Русскаго народа и его верховныхъ вождей, забывая, что самыя особенности края и привиллегіи правящихъ въ немъ дворянъ не болѣе какъ незаслуженная съ ихъ стороны щедрота Русскихъ монарховъ—вопіютъ передъ Европой объ Азіатскомъ варварствѣ Русскаго государства, о необходимости борьбы со своими благодѣтелями и взываютъ къ патріотическому чувству Германской имперіи для поддержки въ этой борьбѣ.

Эта черствость благородныхъ рыцарей къ пріютившей ихъ и облагодѣтельствовавшей державѣ есть прискорбная, характерная особенность во всей исторіи нашей Нѣмецкой окраины, которая испоконъ вѣку передавалась въ лицѣ правящаго класса тому, кто больше посулитъ, кто дороже дастъ. Тоже самое происходило во времена Орденскаго, Датскаго, Шведскаго, Польскаго владычествъ. Раскройте хоть Исторію Карамзина.

---

*) Двѣ послѣднія губерніи въ твердое царствованіе Екатерины назывались *Рижскою* и *Ревельскою*. Отчего бы не возобновить этихъ названій? Въ 1860-хъ годахъ, въ одной распространенной газетѣ нѣкоторое время печаталось такъ; но цензурное вѣдомство, по внушенію Нѣмцевъ, воспрепятствовало тому. Имя — дѣло важное. Нашими поблажками мы только вредимъ всему населенію этихъ губерній. Выраженія *Балтійскій*, *Балтіецъ* суть клички отчужденія отъ Россіи, гибельнаго прежде всего для высшаго тамошняго сословія, легкомысленные представители котораго рѣдко обращаютъ трезвый взглядъ назадъ и позабываютъ сравнить свое положеніе со временами Шведскаго и Польскаго владычествъ.

Для «Русскаго Архива, не такъ важны въ названной брошюрѣ новыя доказательства пресловутой преданности «Балтійскаго» рыцарства Русскому престолу, какъ интересны сообщенныя авторомъ, въ заключеніе его желчныхъ выходокъ противъ Россіи, свѣдѣнія о происхожденіи тѣхъ рыцарскихъ родовъ, которые и до сихъ поръ пользуются отмѣнно-широкими правами въ Русскомъ государствѣ.

Изъ верхней и нижней Германіи, Вестфаліи, Фризена и Голштиніи произошли главнѣйшіе роды, а именно: Мейндорфъ-Икскюли, Буксгевдены, Фонъ-деръ-Ховены, Стали фонъ-Гольштейны, Фитингофы, Штакельберги, Плетенберги, Кнорринги, Брюнинги, Фонъ-деръ-Реке, Бэры, Засы, Гойнингенъ-Гюне, Тизенгаузены, Анрепы, Вольфъ-Людинггаузены, Палены и др. Изъ южной Германіи — Зальцы, Фонъ-цуръ-Мюлены, Крюднеры, Транзее. Изъ средней Германіи—Герсдорфы, Зейдлицы, Клейсты, Шлиппенбахи, Фюрстенберги, Рокштули. Изъ сѣверо-восточной Германіи—Мантейфели, Врангели и пр.

Но не одна Германія ссудила Прибалтійскій край «лучшими своими сынами». Скандинавія удѣлила нашей Прибалтійской окраинѣ слѣдующія фамиліи: Стенбокъ, Экспарре, Игельштрёмъ; Великобританія: Лаудонъ, Левисъ-офъ-Менаръ, Барклай-де-Толли, О'Рурkъ; Франція: Колонги, де-ла-Тробе, Вильбоа, Де-ла-Кроа, Де-ла-Гарди; Испанія—Перейра и Лопецъ. Ливены происходятъ отъ мѣстныхъ древнихъ обывателей. Сколько намъ извѣстно, изъ чистыхъ Эстонцевъ достигъ высокаго положенія побѣдитель Пугачева генералъ Михельсонъ. Столь страшныя нынѣ всему міру фамиліи Бисмарка и Мольтке тоже числятся въ числѣ Балтійскихъ уроженцевъ. Россія дала, по словамъ автора брошюры, Барановыхъ и Насакиныхъ.

Острословіе И. П. Мятлева.

Надпись внутри шляпы И. П. Мятлева, приклеенная ко дну.

Въ одномъ пріятельскомъ домѣ Мятлеву надоѣло, что сынъ хозяина, юркій мальчикъ, часто бралъ его щегольскую шляпу и забавлялся ею. Однажды Мятлевъ отнялъ у него свою шляпу и, показавъ во внутрь ея, велѣлъ прочитать чтó тамъ написано для предосторожности, чтобы другіе не обмѣнили шляпы.

Я Мятлева Ивана,
А не твоя, болвана.
Свою ты прежде поищи:
Твои, я чай, пожиже щи.

Стихотвореніе С. А. Соболевскаго.

На засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности.

1859.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ *),
Я также былъ библіофилъ!
И свой народъ я, какъ гостинцемъ,
Статейками не разъ дарилъ.
Но чтò въ статейку ни поставь я,
А все лицомъ ударюсь въ грязь!
Проклятая библіографья
Никакъ, никакъ мнѣ не далась.

*

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ Аркадьи ферму я завелъ,
Уютный домикъ съ мезонинцемъ,
Дворъ для овецъ и улья пчелъ.
Топить и домъ, и мезонинецъ
Не нужно покупать мнѣ дровъ:
На это мнѣ пришлетъ въ гостинецъ
Свои изданья Пустячковъ.

*

Я не бывалъ Аркадскимъ принцемъ,
Но у вельможныхъ у господъ
Въ смиреньи былъ я челядинцемъ,
И очищалъ я имъ проходъ.
И надувалъ я очень много
И многихъ, милые, изъ васъ.
Авось ли Господа я Бога
Надую тоже въ смертный часъ!

Хоромъ всѣ прочіе.

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ Любителяхъ я засѣдалъ.
Всѣхъ просимъ: нами, какъ звѣринцемъ,
Любуйтеся, великъ и малъ.
Какіе всѣ мы Купидоны!
Кто Антиной, кто Аполлонъ!
Почтожъ, беременныя жены,
Отъ насъ мужья васъ гонятъ вонъ??

---

*) Тогда въ Москвѣ часто давали оперу-балетъ „Орфей въ аду" гдѣ есть припѣвы: „Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ". П. Б.

за графу М. Н. Муравьеву въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ. — Эпизоды изъ событій 1861—1864. Воспоминанія современника-очевидца. — Въ „вѣчную память" объ Александрѣ архіепископѣ Виленскомъ. **Н. Н. Новикова**.—Мнѣніе митрополита Филарета о посылкѣ церковныхъ древностей на Парижскую выставку.—Письма **В. А. Жуковскаго** къ императору Александру Николаевичу. 1850 г. — Письмо **В. А. Жуковскаго** къ графинѣ **Ю. Ѳ. Барановой** о сестрѣ Батюшкова.—Къ біографіи профессора Н. И. Надеждина.—**А. С. Хомяковъ** о К. Д. Кавелинѣ. — Неизданное стихотвореніе **Ѳ. И. Тютчева**.—Письма **князя П. А. Вяземскаго** къ С. П. Шевыреву.—Критическія замѣтки **А. Л. Зиссермана**. — Владиміро-Маріинскій пріютъ на озерѣ Мстинѣ.—Публичные концерты и балы въ столицахъ. **С. В. Танѣева**.—

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(Выпуски 9—12).

Воспоминанія **Петра Ивановича Полетики**. 1778—1849.—Письма **графа Ѳ. В. Ростопчина** къ графу П. А. Толстому въ 1812 году.—Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго** (1811, 1812 и 1813 годы).—Своеобразное мнѣніе **А. С. Шишкова** про „Общество Соревнователей".—Изъ писемъ **Д. В. Полѣнова** о Греціи при королѣ Оттонѣ.—Замѣчанія на воспоминанія Л. Ѳ. Львова (Декабристы, ихъ разселеніе и жизнь въ Сибири) **И. В. Ефимова**.—Автобіографія **А. О. Дюгамеля**.—„Холмъ чести" изъ воспоминаній **М. Я. Ольшевскаго**.—Венгерскій походъ 1849 года. Воспоминанія армейскаго офицера **А. Л. Верниковскаго**.—Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго**.—Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, записка о немъ его дочери **баронессы М. М. Медемъ** съ портретомъ.—Воспоминанія давнопрошедшаго **В. А. Кокорева**.—Дѣла давно минувшихъ дней. **Н. А. Рѣшетова**.—Эпизоды изъ событій 1861 — 1863 годовъ. Воспоминанія современника-очевидца.—Апологія графа Ѳ. Ѳ. Берга отъ Польскихъ навѣтовъ. **Теобальда**.—Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева: „Москвичамъ" и отвѣтъ „Москвичей".—Изъ частнаго письма о Герценѣ за послѣдніе годы его жизни.—Графиня Е. П. Ростопчина. **Старушки изъ степи**.—Замѣтка о Хомяковѣ **Н. П. Барсунова**. (Николай Павловичъ о стихотвореніи „Кіевъ").—Публичные маскарады **С. В. Танѣева**.—С. О. Панютинъ. Некрологъ (переводъ съ Черногорскаго).

Цѣна каждой книгѣ по **три** рубля, съ пересылкою.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ НЕКРОПОЛЬ

или

СПРАВОЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ

(XVII и XVIII вѣковъ) по надгробнымъ надписямъ Петербургскихъ кладбищъ.

Составилъ **В. И. Саитовъ**.

М. 1883. Цѣна **ОДИНЪ** рубль, вѣсовыхъ за одинъ фунтъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ

(1842—1867).

Записки А. Л. Зиссермана.

Два тома. Цѣна за оба тома **3** р. **50** к. съ пересылкою **4** р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ, **двѣнадцать разъ** въ годъ, книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая, составляющими три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются тамъ же, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается тамъ же по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Кат[illegible]
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ДЕСЯТИ ВЫПУСКОВЪ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

О КОНЧИНѢ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ *).

Уважая дѣльныя и убѣдительныя доказательства г. Погодина касательно до невинности царя Бориса въ мнимомъ убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича [1]), присовокупимъ мы къ нимъ еще и наши которыя ускользнули отъ наблюденія сего дѣеиспытателя.

Въ X томѣ Исторіи Государства Россійскаго, на 138 страницѣ напечатано: «Собравъ духовенство и гражданъ», онъ (князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный съ окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ отъ царя Ѳеодора Іоанновича изслѣдовать о кончинѣ Царевича въ Угличъ) «спросилъ у нихъ: *Какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололь самъ себя?* Единодушно, единогласно иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши отвѣтствовали: *Царевичъ убіенъ своими рабами, Михаиломъ Битяговскимъ съ клевретами, по волѣ Бориса Годунова*». Въ 239 примѣчаніи къ симъ словамъ, покойный г. исторіографъ ссылается на *Никоновскую* и *Ростовскую* лѣтописи. Послѣдней мы не имѣемъ; а въ первой—части VIII на страницѣ 19—дѣйствительно вотъ что: «Князь же Василей нача распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ» (Царевичъ Димитрій); «они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юнше, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михаила Битяговскаго по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники». Но въ сей же самой лѣтописи выше, на страницахъ 17 и 18, объясняется убіеніе Царевича

---

*) Статья эта первоначально появилась въ 12-й кн. „Вѣстника Европы“ 1830 года. За указаніе на нее обязаны мы профессору В. С. Иконникову. П. Б.

[1]) См. „Московскаго Вѣстника“ 1829 года части III статью *Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія.*

Димитрія такимъ образомъ. «Той же злодѣй Данилко Волоховъ пріятъ его праведного за руку и рече ему сіе: у тебя Государя новое ожерельецо. Онъ же ему отвѣща и глагола тихимъ гласомъ, и подня ему выю свою, и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Онъ же окаянніи, аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведного по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица [2]), видя пагубу Государя своего, паде на немъ и нача кричати; той же окаянный Данилко поверже ножъ свои побѣже. Союжникижъ его Данилко Битяговской да Микитка Качаловъ начаша ее бити, едва живу оставиша, праведного же у нея отняша, и заклаша аки агнца нескверна, юнца осмолѣтна» [3]).

Въ семъ повѣствованіи двѣ лжи: а) Волоховъ назывался Осипомъ, а не Даниломъ [4]); б) сама кормилица Тучкова, въ своемъ допросѣ, отнюдь не показала, чтобы ее били [5]); и одна истина, что при умерщвленіи Царевича не было совсѣмъ Михаила Битяговскаго. Послѣднею ясно доказывается ложь перваго изъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ извѣстій. Можно ли же—имѣя предъ собою слѣдственное

---

[2]) Ирина Тучкова, а не *Жданова*, какъ напечатано Исторіи Государства Россійскаго на страницѣ 132 упомянутаго тома.

[3]) Въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ на страницѣ 24 описано сіе обстоятельство исправнѣе, а именно: „Той же злодѣй Данилко (не Осипъ) Волоховъ пріятъ его праведнаго за руку: сіе у тебя Государя новое ожерельецо. Онъ же ему отвѣща, и подня ему шею свою и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Онъ же окаянный, аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведнаго по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу Государя, паде на немъ и нача кричати. Той же окаянный Данилко Битяговской, да Никитка Качаловъ начаша ее бити и едва живу оставиша, праведнаго же у ней отняша и заколоша аки агнца нескверна, юнца осмолѣтна“.

[4]) Въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича, произведенномъ въ Угличѣ по повелѣнію Государя царя Ѳеодора Іоанновича, бояриномъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, окольничьимъ Андреемъ Петровичемъ Клешнинымъ и дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинымъ, которое напечатано въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ II, 103: „И для чево онъ (слѣдователи спрашивали Михаила Нагова) велѣлъ убити Михаила Битяговскаго и Михаилова сына Данила и Микиту Качалова и Данила Третьякова и *Осипа* Волохова и посадскихъ людей и Михаиловыхъ людей Битяговскаго и *Осиповыхъ* Волохова“.

[5]) Въ Слѣдственномъ дѣлѣ, стр. 108: „И Жданова жена (мужъ ея назывался Жданомъ) Тучкова, Царевичева кормилица, Орина, сказала, что ходилъ Царевичъ Дмитрей въ Суботу по двору, игралъ съ жилцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на Царевича болѣзнь черная; а у него втѣноры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она Царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея Царевича на рукахъ не стало“. Вотъ все показаніе Тучковой.

дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія, гдѣ допросы подписаны руками допрашиваемыхъ [6]) — ссылаться на упомянутыя, явно лживыя, увѣдомленія людей неизвѣстныхъ, краснослововъ, которые, сдобривая еще слова свои, употребляютъ Священное Писаніе всуе [7])? «Истина тѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ украшеннѣе, и тѣмъ милѣе, чѣмъ простѣе; *на правду мало словъ*, гласитъ старая пословица», писалъ къ намъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ блюстителей отечественнаго нашего дѣеиспытанія.

Въ томъ же X томѣ Исторіи Государства Россійскаго, на страницахъ 139 и 140, напечатано: «Сію нелѣпость» (что Царевичъ Димитрій, начавъ играть съ жильцами на дворѣ ножемъ въ тычку, получилъ припадокъ черной болѣзни, которою онъ одержимъ былъ прежде, проткнулъ себѣ горло ножемъ) «утвердили своею подписью Воскресенскій архимандритъ Ѳеодоритъ, два игумена и духовникъ Нагихъ». Но для чего умолчано здѣсь о подписи роднаго дяди Царевича Григорія Ѳеодоровича Нагова, брата вдовствующей царицы Маріи? Вотъ что о семъ въ слѣдственномъ дѣлѣ: «И Григорей Ѳедоровъ сынъ Нагово въ розпросѣ сказалъ, что дѣялось тѣмъ обычаемъ. Маія въ 15 день, въ Суботу, поѣхали они, Михаило братъ его, да онъ Григорей, въ себѣ на подворье обѣдать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и они чаяли, что загорѣлося и прибѣжали на дворъ, ажно Царевичъ Дмитрей лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучей болѣзни, что̀ и прежъ того болѣзнь была, а какъ они пришли, а Царевичъ еще живъ былъ и при нихъ преставился. А Михаило Битяговской былъ у себя на подворьѣ и прискакалъ къ царицѣ на дворъ, и на дворъ прибѣжали многіе люди посадскіе и посошные и почали говорить, не вѣдомо кто, что будто зарѣзали Царевича Дмитрія Михаиловъ сынъ Битяговскаго Данило, да Осипъ Волоховъ, да Микита Качаловъ; а Михаило Битяговской учалъ разговаривать, и посадскіе люди кинулися за Михаиломъ Битяговскимъ, и Михаило убѣжалъ въ брусяную избу на дворѣ, и посадскіе люди выломали двери и Михаила выволокли и тутъ его убили до смерти,

---

[6]) См. слѣдственное дѣло, показанное выше.

[7]) Напримѣръ въ Никон. Лѣтоп. VIII, 16, 17: „и вниде дьяволъ въ единаго отъ нихъ (братіи и друзей Клешнина) предстоящимъ (въ Лѣтоп. о мног. мятеж. стр. 22: „предстоящихъ") рекомый Михаило Битяговской и яки же воиде сатана во Іюду Скаріотскаго иде ко Іюдеомъ глаголя, что ми хощете дати и я вамъ предамъ Исуса, тако и сей окаянный Михаилъ"... „Сіяжъ окаянная мамка Волохова речѣ праведному (Царевичу Димитрію) лестію, аки змія прельстивъ Еву"... Тоже самое и въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ на стр. 22, 23.

а Данила Третьякова тутъ же съ Михаиломъ убили вмѣстѣ; а сына Михаилова Данила Битяговскаго и Микиту Качалова убили въ дьячьей въ разрядной избѣ; а Осипа Волохова привели къ царицѣ вверхъ къ церкви къ Спасу, и тутъ его передъ царицею убили до смерти; а людей Михаиловыхъ Битяговскаго четырехъ человѣкъ и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ, гдѣ ково изымали, убили чернью не вѣдомо гдѣ; и того онъ не вѣдаетъ, про што тѣхъ людей побили. А людей они посадскихъ сбирали для князя Василья Ивановича Шуйскаго, да для Ондрея Петровича Клешнина, да Елизарья Вылузгина; а блюлись отъ Государя опалы, чтобъ кто Царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ-де и звонить учалъ пономарь, Огурцомъ зовутъ. А вчерась-де во Вторникъ, Мая въ 19 день [8]), братъ его Михаило Нагой велѣлъ городовому прикащику Русину Ракову сбирати ножи, и велѣлъ курячью кровь кровавити, да велѣлъ палицу желѣзную добыть; и тѣ ножи и палицу велѣлъ братъ его Михаило Нагой покласти на тѣ люди, которые побиты, на Осипа Волохова, да на Данилу на Михаилова сына Битяговскаго, да на Микиту на Качалова, да на Данилу на Третьякова для того, что-де будто се тѣ люди Царевича Димитрея зарѣзали». Къ подлинному допросу руки приложены такъ: «къ сѣмъ рѣчемъ Григорей руку ложилъ; а въ тѣ поры былъ у спросу Воскресенской архимандритъ Ѳедоритъ и къ тѣмъ рѣчемъ и руку приложилъ; къ сѣмъ рѣчемъ отецъ духовной Григорья Нагово Царекостянтиновской попъ Богданъ руку приложилъ» [9]).

Сiе показанiе Нагова, допросы Царевичевыхъ кормилицы Ирины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой [10]), не подозрѣваемыхъ ни въ какихъ связяхъ съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ и бывшихъ самовидицами кончины Димитрiя, также объявленiя мальчиковъ-жильцовъ, игравшихъ тогда съ Димитрiемъ, изъ коихъ одинъ былъ Тучковой, а другой Колобовой [11]), даютъ неоспоримую силу

---

[8]) Ошибка: должно бы сказать *въ 18 день*.

[9]) Изъ слѣдствен. дѣла стр. 104, 104.

[10]) См. выше № 5. Въ слѣдствен. дѣла стр. 108: „А постельница Самоилова жена, Марья (см. ниже № 11) сказала: Царевичъ Дмитрей ходилъ въ Суботу по двору и тѣшился съ жилцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черной недугъ, и его бросило о землю; а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся“.

[11]) Въ слѣдственномъ дѣлѣ стр. 107, 108: „А жилцы Царевичевы, которые играли съ Царевичемъ Петрушка Самоиловъ сынъ Колобова, Баженко Неждановъ сынъ Тучкова, Івашко Івановъ сынъ Красенскаго, Гришка Ондреевъ сынъ Козловскаго, сказали: игралъ-де Царевичъ въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучей недугъ и набросился на ножъ“.

истины нижеслѣдующимъ словамъ мамки Царевичевой Василисы Волоховой и Угличскаго городоваго прикащика Русина Ракова, а именно:

«И вдова Василиса Волохова въ розпросѣ сказала, что разболѣлся Царевичъ Дмитрей въ Середу нынѣшняго 99 [12]) году, Маія въ 12 день, падучею болѣзнью, и въ Пятницу-де и ему маленько стало полегче, и Царица-де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтра въ Суботу, пришотчи отъ обѣдни, Царица велѣла Царевичю на дворъ итить гулять; а съ Царевичемъ были: она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки жильцы, да постельница Марья Самоилова, а игралъ Царевичъ ножикомъ. И тутъ на Царевича пришла опять тажъ чорная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ Царевичъ самъ себя ножемъ поколол ъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучей недугъ, и онъ поколол ъ сваею [13]) и матерь свою Царицу Марью; а въ другорядъ на него была тажъ болѣзнь передъ великимъ днемъ [14]), и Царевичъ объѣлъ руки Ондрѣевѣ дочкѣ Нагово, одва у него Ондрѣеву дочь Нагово отняли. И какъ Царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножомъ, и Царица Марья сбѣжала на дворъ и почала ее Василису Царица Марья бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, и почала ей Василисѣ приговаривать, что будто де сынъ ея Василисинъ Осипъ съ Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ Царевича Димитрія зарѣзали [15]). И она Василиса почала ей бить челомъ, чтобъ велѣла Царица дати сыскъ праведной, а сынъ ея и на дворѣ не бывалъ. И Царица-де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бити по бокамъ Григорью Нагово, и тутъ ее только чуть живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе люди посадскіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и Царица-де Марья велѣла ее Василису взяти посадскимъ людемъ, и мужики-де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее

---

[12]) То-есть 7099 отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова 1591.

[13]) То-есть свайкою, которою и нынѣ играютъ простолюдины.

[14]) Или Пасхою.

[15]) Михаилъ Нагой одинъ только въ допросѣ показалъ: „А Царевича зарѣз... (прочія буквы стерлись) Осипъ Волоховъ, да Микита Качаловъ, да Данило Битяговской;“ но нигдѣ не упомянулъ объ имени Бориса Годунова и о подозрѣніи на него; см. Слѣдствен. дѣло стр. 103.

держали передъ Царицею. И прибѣжалъ-де на дворъ Михаило Битяговской, и началъ былъ разговаривать посадскимъ людемъ и Михаилу Нагому; и Царица-де Марья и Михаило Нагой велѣли убити Михаила Битяговскаго и Михаилова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова; а говорила-де Царица міру: то-де душегубцы Царевичю. А сынъ ее (Волоховой) Осипъ въ тѣ поры былъ у себя; и какъ началъ шумъ быть великой, и сынъ ея Осипъ прибѣжалъ къ Михаиловѣ женѣ Битяговскаго, и тутъ его и поимали посадскіе люди и привели его еще жива предъ Царицу, и Михаилову жену Битяговскаго съ дочерми передъ Царицу жъ привели. И Царица-де міру молыла: то-де и убойца Царевичю сынъ ея Осипъ Волоховъ, и сына ея Осипа тутъ до смерти и убили; а убивъ и прохолкали, что̀ надъ заицемъ. А человѣкъ сына ея (Васкою звали), и онъ кинулся и палъ на сынѣ ея на Осипѣ, чтобъ его не убили до смерти, и человѣка его Васку тутожъ надъ сыномъ ея убили; а другово человѣка Василисина убили, что увидѣлъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на нее положилъ свою шапку, и посадскіе люди за то его убили до смертижъ. Да была женочка уродливая у Михаила у Битяговскаго и хаживала отъ Михаила къ Ондрѣю (Александровичу) къ Нагому, и сказали про нее Царицѣ Марьѣ, и Царица ей велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила къ Царицѣ; и какъ Царевичу смерть сталася, и Царица и ту жонку, послѣ того два дни спустя, велѣла добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка Царевича портила» [16]).

Вышеозначенный Русинъ Раковъ въ просьбѣ своей пишетъ [17]): «Великому господину пресвятѣйшему митрополиту Галасею Сарскому и Подонскому и Крутицкому бьетъ челомъ и плачется Углѣцкой городовой прикащикъ Русинецъ Раковъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 99 году, Маія въ 15 день, въ Суботу, на шестомъ часу дни [18]), тѣшился Государь Царевичъ у себя на дворѣ съ жилцы своими съ робятки, тыкалъ, государь, ножемъ. И въ тѣ поры на него пришла падучая немочь, и за-

---

[16]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 106, 107. И такъ били не Тучкову, кормилицу Царевича, а мамку его, Волохову, и не Даніилъ Битяговскій съ Качаловымъ, а Царица Марія съ братомъ своимъ Григоріемъ Нагимъ. Какъ же полагаться на краснослововъ-лѣтописцевъ, которые спутались и въ именахъ, и въ событіяхъ?

[17]) Слѣдственное дѣло стр. 121: „а ему (Геласію) тоё челобитную далъ на Угличѣ городовой приказчикъ Русинъ Раковъ“. И такъ была тамъ еще и духовная особа. Допросъ Русина Ракова, въ слѣдствен. дѣлѣ на стр. 106, сходный въ главномъ съ сею просьбою, не помѣстили мы здѣсь для того, что нѣсколько строкъ изъ него вырвано и нѣсколько строкъ отъ ветхости изгладилось.

[18]) Въ десятомъ пополуночи.

шибло, государь, его о землю и учало его бити; да какъ-де его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ во [19]) государь, и умеръ. У учулъ, государь, язъ въ городѣ звонъ, и язъ, государь, прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на Царевичевѣ; а Михаило Битяговской, да сынъ его Данило, да Микита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да ихъ люди лежатъ побиты. И я, государь, прибѣжалъ къ Спасу, и меня, государь, Михаило да Григорей Нагіе изымали; а Михаило, государь, мертво піянъ; и привели, государь, меня къ цѣлованью, и одново, государь, дни велѣли мнѣ крестъ шестья цѣловать, будс ты нашъ. А Михаила Битяговсково да и сына ево велѣлъ убить язъ (Михаилъ Нагой); а Микиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей ихъ велѣлъ побити я же для тово, что они у меня отымали Михаила Битяговскова съ сыномъ. И послѣ, государь, тово въ первый Вторникъ [20]) вечеру, приказалъ Михаило человѣку своему Тимохѣ, велѣлъ принести куря живой, въ другомъ часу ночи [21]), вшелъ въ дьячью избу, а меня послалъ въ рядъ ножовъ имать, и я съ собою взялъ посадсково человѣка Кондрашу оловянишника и взялъ въ ряду два ножа, у Ѳили у дегтярника ножъ, а другой ножъ у посадсковожъ человѣка у Василья у Ильина, а ножъ мнѣ далъ да саблю Григорей Нагой. И послалъ меня Михаило Нагой на Михаиловъ дворъ Битяговсково, да со мною послалъ Спасково соборново попа Степана, да посадскихъ людей Третьяка Ворожейкина, да Кондрашу оловянишника, а велѣлъ мнѣ искати въ Михаиловѣ повалушѣ [22]) палицы жѣлезной, и язъ нашелъ и къ нему принесъ; и онъ, государь, меня послалъ въ дьячью избу, и велѣлъ мнѣ взять сторожа Овдокима, да взялъ язъ посадсково человѣка Васку Малаѳеева; да мнѣ же велѣлъ изъ дьячьи избы въ чюланѣ курица зарѣзать и кровь въ тазъ выпустить; и ножи и палицу кровью измазали, и Михаило мнѣ Нагой приказалъ класти къ Михаилу Битяговскому ножъ, Осипу Волохову палицу, Данилу Третьякову [23]) саблю, Михаилову человѣку Битяговскому Ивану Кузмину самопалъ [24]), Михаиловужъ человѣку Павлу ножъ, Василисину человѣку Васкѣ самопалъ; а велѣлъ, государь, убити Михаило Нагой Михаила Битяговскаго

---

[19]) Отъ того.

[20]) Маія 18.

[21]) Въ десятомъ пополудни.

[22]) Спальной.

[23]) О которомъ въ лѣтописяхъ и не упоминается.

[24]) Пистолетъ или ружье съ замкомъ.

съ сыномъ по недружбѣ, многажды съ нимъ бранивался про Осударево дѣло, и въ тотъ день съ нимъ бранился о посохѣ [25]), что велѣлъ Государь съ нихъ взять посохи пятдесятъ человѣкъ подъ городъ подъ гуляй [26]). И онъ (Михаилъ Нагой), государь, посохи не далъ; и Михаило, государь, Нагой, напился піянъ, да велѣлъ убити Михаила Битяговскова съ сыномъ; а Микита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да и ихъ люди учали отъимать, и онъ ихъ велѣлъ побити тутожъ. Пресвятѣйшій государь митрополитъ, самъ пожалуй, а Осударю буди печальникъ, чтобы мнѣ холопу Государеву подлѣ виноватыхъ въ опалѣ не быть въ казни; государь пресвятѣйшій митрополитъ, смилуйся пожалуя!» [27])

Для чего же приказалъ Михаилъ Нагой положить упомянутое оружіе на тѣла убитыхъ по его велѣнію? «И Русинъ Раковъ сказалъ (въ своемъ допросѣ, теперь изгладившемся нѣсколько отъ ветхости), что велѣл...хаило Нагой на побитыхъ лю.....лицу и сабля и самои.... ти..... того, что будто се тѣ люди Царевича Дмитрія убили» [28]).

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ рѣчей слѣдственнаго дѣла объ убіеніи Царевича Димитрія и лѣтописныхъ повѣствованій обнаруживаются вотъ какія обстоятельства:

Маія 12 дня 1591 года, въ Середу, занемогъ Царевичъ Димитрій Іоанновичъ прежнею своею падучею болѣзнію; а въ Пятницу (Маія 14) сдѣлалось ему полегче. Мать его Царица Марія (урожденная Нагая), пошла съ нимъ къ обѣднѣ; возвратившись, дозволила ему погулять на дворѣ; и на другій день (Маія 15), пришедши отъ обѣдни, пустила его опять на дворъ прогуляться съ мамкою Василисою Волоховою, кормилицею Ириною Тучковою и постельницею Марьею Колобовою. На заднемъ дворѣ (если не прежде) явились къ Царевичу четыре мальчика-жильцы: Петръ Колобовъ, Баженъ Туч-

---

[25]) Рекрутахъ.

[26]) Подвижное укрѣпленіе, возимое при войскѣ.

[27]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 121, 122. См. также ниже № 35. Вотъ и еще свидѣтельство, что Михаилъ Нагой былъ пьянъ, когда случилась кончина Царевича; въ просьбѣ разсыльщиковъ Угличскихъ къ царю Θеодору Іоанновичу, того же дѣла на стр. 118: „и прискочилъ, Государь, съ сво двора къ Царицѣ на дворъ Михаило Нагой пьянъ на конѣ“... Сей братъ Царицынъ заперся во всѣхъ доносимыхъ на него приказаніяхъ; см. въ томъ же дѣлѣ, стр. 103.

[28]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 106. Означенныя точками снова изгладились.

ковъ, Иванъ Красенскій, Григорій Козловскій [29]) и стали съ нимъ играть ножемъ въ тычку [30]).

Вдругъ падучая ударила опять Царевича. Онъ упалъ и наткнулся горломъ на ножъ, держимый имъ въ рукахъ; но уязвилъ себя не очень сильно: ибо Григорій Нагой засталъ его еще живаго. Кормилица, вскрикнувъ, взяла біющагося и отъ раны и отъ падучей болѣзни Димитрія къ себѣ на руки. Услышавъ крикъ, выбѣжала Царица на дворъ и вмѣсто Тучковой (дѣйствительно виноватой, по неосторожности) начала бить полѣномъ мамку Василису Волохову, клепля сына ея Осипа въ убійствѣ Царевича. Ударили въ набатъ на колокольнѣ соборной Спасской церкви [31]); сбѣжался народъ, пріѣхали и братья Царицыны, пьяный Михаилъ и Григорій Нагіе. Изъ нихъ первый имѣлъ личное неудовольствіе на дьяка Михаила Битяговскаго, блюстителя города и дворца Царицына [32]); а оба родовое—на Бориса Годунова [33]).

---

[29]) Слѣдственнаго дѣла на стр. 108: „И князь Василій (Шуйскій) и Ондрей (Клешнинъ) и Елизарій (Вылузгинъ) спрашивали жилцовъ Петрушки Колобова съ тоаврищи“ (см. выше № 11): „да Осипъ Василисинъ сынъ Волоховъ да Данило Михайловъ сынъ Битяговскаго втѣпоры за Царевичемъ были-ли? И жилцы Петрушка Колобовъ съ товарищи сказали: были за Царевичемъ втѣпоры толко они четыре человѣка жилцовъ, да кормилица, да постельница (по этому и мамка Волохова находилась въ отдаленіи, что видно изъ словъ Тучковой *не уберегла*, см. выше № 5); а Осипа Волохова и Данила Михайлова сына Битяговскаго втѣпоры съ Царевичемъ не было и за Царевичемъ не хаживали“.

[30]) Игра въ тычку простонародныхъ мальчишекъ: очертятъ маленькое пространство на землѣ и бросаютъ въ оное тычмя ножикъ (какъ свайку въ кольцо); кто не попадетъ, тотъ подвергается какой-нибудь повинности игры.

[31]) По чьему приказанію, точно неизвѣстно; вотъ что въ слѣдственномъ дѣлѣ на стр. 109; „и Царякостянтиновской пономарь, вдовой попъ (которымъ тогда запрещалось священнодѣйствовать) Өедотъ Өонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ, въ разпросѣ сказалъ: какъ Царевича Дмитрея не стало, а онъ втѣпоры былъ дома, а зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ; и какъ прибѣжалъ къ церквѣ къ Спасу и к.... му встрѣчу бѣжитъ кормового дворца стряпчей Субота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ Колоколъ звонити, да ударилъ ево въ шею і велѣлъ ему сильно звонити; а говорилъ ему Субота передъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить Царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ“. Вѣроятно она же приказаза звонить и Кузнецову.

[32]) Никонов. VIII, 17: „И велѣлъ (Годуновъ) имъ (Михаилу Битяговскому съ сыномъ и Качалову) вѣдѣти на Угличѣ все“; тоже и въ Лѣтописи о мног. мятеж. стр. 22. См. еще выше просьбу Ракова. Субота Протоповъ на очной ставкѣ съ Огурцомъ показалъ:

Время удобное къ отмщенію наступило, тѣмъ болѣе, что прибѣжавшій дьякъ сталъ уговаривать бѣснующійся народъ. Царица и пьяный братъ ея не усумнились провозгласить упомянутаго Битяговскаго участникомъ, а сына его Даніила товарищемъ Осипа Волохова въ убіеніи Царевича, содѣянномъ по наущенію (будто) Бориса Годунова, и Михаилъ Нагой велѣлъ умертвить мнимыхъ виновниковъ. Остервенившаяся чернь кинулась за дьякомъ; выломала двери у брусяной избы, гдѣ онъ заперся съ Даніиломъ Третьяковымъ и убила ихъ обоихъ. Тогда же мятежники бросились въ дьячью разрядную избу (или канцелярію, гдѣ недавно присутствовалъ убитый дьякъ) за Даніиломъ Битяговскимъ, умертвили его, Никиту Качалова и другихъ, вступившихся за дьяка и мамку, а Осипа Волохова убили въ церкви при

„и Михаило Нагой велѣлъ убити Михаила Битяговскаго; а была у нихъ межъ собя прежъ того брань за то, что Михаило Нагои у Михаила Битяговскаго прашивалъ, сверхъ Государева указу, денегъ изъ казны и Михаило, ему отказалъ"... Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 109. Въ показаніи подъячаго (то-есть помощника дьякова) Третьячка Десятого (того же дѣла) на стр. 117: „и я Третьячко вшолъ въ избу" (разрядную, дьячью) „ажно коробенка моя разламана, а вынято изъ нея Государевыхъ денегъ дватцать рублевъ, были приготовлены на Царицынъ и Царевичевъ расходъ". Слѣдственно дьякъ Битяговскій, какъ начальникъ, завѣдывалъ и дворцомъ.

[33]) Въ степенной книгѣ Латухина (см. Истор. Госуд. Россійск. IX, примѣч. 618), „Царь Іоаннъ Вас. притязаетъ себѣ въ послѣднее супружество дѣву, именемъ Марію, дщерь вельможи нѣкоего Ѳеодора Нагаго; и тако сей Ѳеодоръ, да братъ его Аѳанасій начаша наносити Царю на Бориса Годунова, яко онъ Борисъ у него Государя въ близости пребываетъ, а за оскорбленіе Царево" (за какое? Въ Латухинской же степенной книгѣ въ Истор. Госуд. Россійск. IX, примѣч. 611: „въ тоже убо время нѣкто ближній отъ вельможъ Царевыхъ",—Іоанна Василіевича—„Борисъ Ѳеод. Годуновъ, дерзнулъ внити во внутреннія кровы Царевы просити отъ уязвленія благовѣрнаго Царевича Іоанна"—умерщвленнаго тогда нечаянно отцемъ своимъ—"... Видѣвъ же сіе дерзновеніе Борисово, Государь наполнился ярости, велій на него гнѣвъ возложи и истязаніе многое сотвори и лютыми ранами его уязви") „достойную честь ему не приноситъ и не доброхотствуетъ. Тогда Государь паки на Бориса возъярився и внезапу пріиде къ нему на дворъ, мняше въ себѣ, яко истинна суть реченная о немъ. Въ то время Борисъ веліимъ страхомъ объятъ и едва отъ немощи своея изыде въ срѣтеніе Царю. Государь же вопрошаше Бориса о скорби его, и со гнѣвомъ на него взираше, раны же своя показати ему веляше. Онъ же повелѣніе Государево исполняетъ и болѣзненныя своя раны Царю обнажаетъ, яко отъ тяжести тоя скорби на обоихъ (бокахъ) и на персѣхъ заволоки себѣ сотвори, изъ нихъ же всегда гной исхождаше, и тѣмъ болѣзни своей облегченіе пріимаше. Тогда Государь, видѣвъ оболгана Бориса и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ моя язвы Великія Перми купецкаго чина человѣкъ, именуемый

Царицѣ Маріи [34]). Три дня спустя послѣ сего происшествія (Маія 18), Михаилъ Нагой, ожидая Шуйскаго съ товарищами, понялъ ясно всю важность своего преступленія и, страшась мести правительства, взялся за хитрость, дабы оправдать себя, то-есть: убѣдилъ городоваго Угличскаго прикащика Русина Ракова набрать разнаго оружія, велѣлъ заколоть курицу, намазать оное ея кровью [35]) и раскласть на тѣла убитыхъ народомъ, какъ доказательство, что они умертвили Царевича. Дѣлая сіе распоряженіе, Михаилъ Нагой вѣроятно былъ опять пьянъ: ибо трезвый хитрецъ, сколько ни безразсудный, не приказалъ бы мазать кровью палицу и самопалы, зная, что Царевичъ зарѣзанъ, или положить палицу на тѣло Осипа Волохова, обвиняемаго въ зарѣзаніи Царевича.

Вотъ происшествіе, которое наши лѣтописцы переиначили совершенно нелѣпыми своими преданіями, желая, можетъ статься, болѣе доказать святость Царевича Димитрія и не понимая того, что она утвердилась не ложью и не клеветою, но нетлѣніемъ его мощей и чудесами, отъ нихъ происходившими. Симъ преданіямъ послѣдовали новые дѣеписатели: князь Хилковъ [36]), князь Щербатовъ [37]) Голиковъ [38]) и даже ученый Миллеръ [39]). Пусть ихъ можно еще сколько

Строгановъ"... „Оболгателю же Өеодору Нагихъ (отцу Михайлову и Григорьеву) тому же лекарю Строгоновыхъ повелѣ Государь во тѣхъ же мѣстѣхъ, на бокахъ (и персѣхъ) за оболганіе его заволоки сотворити и кромѣ (безъ) болѣзни".

[34]) Въ показаніи Воскресенскаго архимандрита Өеодорита, слѣдственное дѣло стр. 110: „а Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ архимандритѣ и при игуменѣ Савватѣѣ, къ церкви къ Спасу передъ Царицу, только чють жива, и тутъ ево, передъ Царицею, прибили до смерти".

[35]) Въ дополненіе къ упомянутому выше въ просьбѣ Русина Ракова Слѣдственное дѣло стр. 116: „А дьячьи избы сторожъ Овдокимко Михаиловъ сказалъ: какъ побили Михаила Битяговскаго и сына его, иныхъ людей въ Суботу; и послѣ того, три дни спустя, во Вторникъ, послышали про князя Василья и про Ондрея и про Елизарья, и пришедъ въ дьячью избу городовой прикащикъ Русинъ Раковъ, да Михаиловъ человѣкъ Нагово Тимоха, а принесъ Тимоха курицу живую, да два самопала, да пять ножевъ, да палицу желѣзную, и велѣли ему Овдокиму курицу зарѣзати, и онъ Овдокимко курицу зарѣзалъ и кровь спустилъ въ тазъ и тою кровью велѣли мазати самопалы и ножи и палицу. А Васка Малаѳеевъ сказалъ, что онъ съ Русинымъ съ Раковымъ пищали и палицу и ножи кровью куречью мазалъ; и тѣ ножи и пищали и палицу на побитыхъ людей Русинъ Раковъ положилъ".

[36]) См. его Ядра Россійской Исторіи кн. IV стр. 257.

[37]) См. его Россійской Исторіи XI 294—297.

[38]) См. его Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго I, 36, 37.

[39]) См. его Sammlung Russischer Geschichte V, 52—54.

нибудь извинить незнаніемъ вышеозначеннаго слѣдственнаго дѣла; но чѣмъ оправдаются тѣ, кои, имѣя оное передъ глазами своими, руководствуясь даже имъ, отважились порочить (или участіемъ въ богопротивномъ убіеніи царственнаго отрока, или сокрытіемъ сего убіенія), память Годунова и Шуйскаго, нѣкогда знаменитыхъ вельможъ и послѣ достойныхъ царей Россіи? Тѣ, кои дерзнули употребить на счетъ ихъ бранныя слова, оскорбительныя и частному, малозначительному человѣку?

Какого наилучшаго Государя въ свѣтѣ память можетъ остаться послѣ сего невредимою? Долгъ благомыслящаго Россіянина есть уважать законныхъ Самодержцевъ своихъ, даже и по ихъ кончинѣ.

Николай Арцыбышевъ.

ПОЛЬСКОЕ ПОКАЗАНІЕ О ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

Одинъ изъ Польскихъ хроникёровъ XVII вѣка, современникъ нашему «Смутному Времени», Павелъ Пясецкій епископъ Перемышльскій (въ Галиціи), жившій между 1579—1648 г., въ своей хроникѣ (существуетъ у насъ и *Славянскій* переводъ части оной), говоря о появленіи Димитрія Самозванца, хотя и не рѣшается *открыто* заявить, что и его «появленіе» есть дѣло іезуитовъ, но за то довольно *прозрачно* намекаетъ на это, называя Лжедимитрія «выходцемъ изъ Москвы, воспитаннымъ въ Польской Руси». *Кѣмъ*? Онъ оставляетъ догадываться о томъ самимъ читателямъ, и хотя спѣшитъ оговориться («если его сказаніе справедливо»), но этимъ самымъ еще яснѣе становится, кого онъ здѣсь разумѣетъ.

Вотъ что именно пишетъ Пясецкій (на стр. 179—181) въ своей «Хроникѣ» о появленіи Самозванца въ Польшѣ *).

Въ томъ же 1604 году завязался въ Польшѣ узелъ долголѣтней «Московской» войны. Какой-то *Димитрій*, выходецъ изъ Москвы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ шатавшійся по Польской Руси и служившій при дворахъ тамошнихъ пановъ, разсказывалъ долгія повѣсти о своемъ происхожденіи отъ великаго Московскаго князя и своемъ спасеніи отъ сѣтей, которыя были раскинуты для его погибели, и наконецъ нашелъ словамъ своимъ вѣру, а дѣлу покровительство. Приключенія свои (истинныя или вымышленныя, это дѣло неизвѣстное) онъ разсказывалъ такимъ образомъ. Иванъ Васильевичъ Великій Князь Московскій, оставилъ по себѣ двухъ сыновей; изъ нихъ Ѳеодоръ перворродный и уже возрастный вступилъ послѣ отца на тронъ; Димитрій же, родившійся въ поздней старости отца, воспитывался подъ надзоромъ матери не

*) Объ его „Хроникѣ“, писанной на Латинскомъ языкѣ (Польскій переводъ изд. въ Краковѣ въ 1870 г.) въ Исторіи Польской литературы (т. II) Феликсъ Бентковскій выражается, „что она писана съ большою смѣлостію любящаго правду историка; что въ ней много находится вещей для разъясненія царствованія Сигизмунда III. А такъ какъ Пясецкій выставляетъ при разныхъ обстоятельствахъ вредное вліяніе членовъ іезуитскаго ордена, не только на самого короля, но на благо цѣлаго Польскаго народа, то черезъ это онъ, Пясецкій, навлекъ на себя ненависть многихъ особъ, (прибавимъ: заявленную и въ предисловіи къ переводу его хроники на Польскій языкъ).

подалеку отъ столицы, въ Углицкомъ замкѣ. Когда Өедоръ, слабый здоровьемъ отъ рожденія, устранился отъ дѣлъ правленія, Борисъ Гуденовъ (Годуновъ), великій конюшій государства, сестра котораго была замужемъ за Өеодоромъ, по старанію той же сестры своей, держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія. Прельстившись сладостію власти, онъ вознамѣрился присвоить ее себѣ. Тронъ для него былъ не очень недоступенъ, когда Өеодоръ, удрученный болѣзнями и еще менѣе способный оставить наслѣдника, вскорѣ долженъ былъ умереть бездѣтнымъ. Дѣло шло лишь о погубленіи юноши Димитрія. А потому Гуденовъ приказалъ умертвить его подосланнымъ отъ него замаскированнымъ злодѣямъ; но предувѣдомленная о семъ мать Димитрія, вмѣсто сына, уложила спать въ его ложе другаго равнаго ему возрастомъ мальчика и, боясь жестокости Борисовой, допустила умертвить онаго, а Димитрій съ однимъ изъ его дядекъ, посвященнымъ въ тайну, отправила тайкомъ въ безопасное мѣсто. Борисъ для сокрытія исполненнаго злодѣянія распустилъ молву, будто бы Димитрій умеръ отъ мороваго повѣтрія, а мать его, заключенную въ монастырь, суровыми угрозами принудилъ подтвердить это, хотя Димитрій тѣмъ временемъ (если вѣрно сказаніе) воспитывался въ Польской Руси. Вскорѣ потомъ умеръ Өеодоръ, и когда изъ рода великокняжескаго не осталось ни одного потомка, кромѣ Никиты Романова, дальняго, по матерней крови, племянника, Борисъ съ помощію бояръ, благосклонность которыхъ снискалъ онъ еще при жизни Өеодора, безъ затрудненія сталъ самодержцемъ. Но Димитрій, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, заявилъ знатность своего рода и различныя перемѣны судьбы своей. Сначала повѣсть его обращали въ смѣхъ; когда же онъ потомъ подтвердилъ ее многими вѣрными доводами и наружными примѣтами, то между иными панами удалось ему уговорить къ поддержкѣ его дѣла Сандомирскаго воеводу Юрія Мнишка. Онъ заключилъ съ нимъ договоръ, что когда онъ вступитъ на Московскій престолъ, то возметъ себѣ въ жены дочь его Марину, а понесенныя на все это предпріятіе издержки возвратитъ съ лихвою. Тогда воевода съ величайшей поспѣшностью сталъ собирать войско и взялъ къ себѣ въ товарищи князя Константина Острожскаго, также и другихъ пановъ, которые на свой собственный счетъ собрали значительный отрядъ войска. Съ нимъ Димитрій, въ концѣ того же года, и вторгнулся въ Московскіе предѣлы, имѣя замыселъ взойти на отеческій тронъ, что̀ ему довольно счастливо и удалось, если бы конецъ соотвѣтствовалъ началу, о чемъ смотри ниже. Дѣйствительно отъ этого въ государствѣ Московскомъ наступали великія перемѣны.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

ОТЗЫВЪ ГРИБОѢДОВА ОБЪ ЕГО КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Письмо къ П. А. Катенину.

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ. Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою ожили въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей: не уважая ни искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?—Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ. Мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію. Дѣвушка, сама неглупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ слишкомъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противурѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ. Его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то, что онъ немножко повыше прочихъ. Сначала онъ веселъ, и это порокъ: *Шутить и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?* Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ; что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсятъ; но все-таки: *Не человѣкъ, змѣя!* А послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаѳемѣ: *Унизитъ радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!* Не терпитъ подлости: *Ахъ! Боже мой, онъ карбонарій!* Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій; никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ. Голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ; притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется. Онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована на счетъ своего Сахара Медовича *).

---

*) Т.-е. Софья на счетъ Молчалина. П. Б.

Что же можетъ быть полнѣе этого? «Сцены связаны произвольно». Также какъ въ натурѣ всякихъ событій мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «*Характеры портретны*». Да! И я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его. Портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи. Въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу; въ моей картинѣ не одной не найдешь.

Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что̀ выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился, и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Исаковымъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ въ дворянствѣ, Мнимый Больной—портреты, и превосходные; Скупецъ—антропосъ собственной фабрики и несносенъ. «*Дарованія болѣе нежели искусства*»—самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея. Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытерженнаго, пріобрѣтеннаго по̀томъ и сидѣніемъ, искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости; въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силѣ: тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости; но чѣмъ ихъ менѣе, спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *Nugae difficiles* *). Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно.

*

Василій Николаевичъ Пахомовъ (внучатный племянникъ Катенина) подарилъ письмо это К. С. Шидловскому, которымъ принесено оно въ даръ Московскому драматическому театру Корша. На подлинникѣ нѣтъ означенія времени, ни подписи; но принадлежность его Грибоѣдову подтверждается сличеніемъ почерка съ другими Грибоѣдовскими рукописями. Письмо это было уже напечатано въ журналѣ „Всемірный Трудъ" 1868 года, № 2-й. П. Б.

---

*) Кривлянья несносны.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1818-й годъ.

Январь.

1-го я всталъ поздно и пошелъ съ поздравленіями къ Алексѣю Петровичу, который былъ дома, въ кругу трехъ или четырехъ своихъ; онъ былъ весьма веселъ. Отъ него пошелъ я къ Вельяминову.

Я былъ званъ на обѣдъ къ Попову, который праздновалъ имянины своего отца. Обѣдъ былъ прекраснѣйшій. Өеофилактъ тутъ же былъ; за обѣдомъ онъ велѣлъ діакону своему пѣть Алексѣю Петровичу многолѣтіе. Пѣвчіе и музыканты подхватили, всѣ закричали ура, и крикъ сдѣлался жестокій. Пили его здоровье. Өеофилактъ былъ нѣсколько подгулявши, и генералъ нашъ тоже. Послѣ обѣда велѣли пѣвчимъ пѣсни Русскія пѣть, и архіерей самъ мѣру показывалъ имъ. Шумъ, крикъ, музыка, пѣсни, барабаны, трубы гремѣли безостановочно до третьяго часа утра. Архіерейскихъ пѣвчихъ всѣхъ почти Поповъ нарѣзалъ, и самъ съ ними важно подпилъ. Только пѣвчіе діаконы поодиночкѣ все уходили; когда же мы простились съ Поповымъ, то нашли добрую часть пѣвчихъ и діаконовъ расположенною на улицѣ за воротами въ глубокомъ снѣ. Ихъ подняли и погнали домой; дорогой они шли и другъ о друга стукались.

3-го. Въ шесть часовъ вечера начался театръ. По желанію Алексѣя Петровича пригласили многихъ Грузинъ; играли сперва *Стряпчаго* и потомъ *Живаго Покойника*. Играли очень порядочно; отличались особенно Боборыкинъ, Сухановъ, Головалевъ, Бергъ, Бебутовъ и Майвалдовъ.

*) См. Р. Архивъ сего года, выпускъ 5-й. П. Б.

6-го. Съ десяти часовъ утра я пустился гулять, исходилъ весь городъ и, наконецъ, пришелъ къ Унгерну, откуда смотрѣлъ водоосвященіе на Іорданѣ. Обѣдалъ я нечаяннымъ образомъ у Майвалдова, гдѣ сыгралъ четыре игры въ шахматы съ Ключинымъ, аудиторомъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Онъ былъ при Ртищевѣ въ большой силѣ и управлялъ всѣми дѣлами. Ртищевъ былъ добрый, но слабый человѣкъ: онъ позволялъ всевозможныя злоупотребленія; упущеніе было ужасное по дѣламъ, взятки вездѣ брали, и Ключинъ особливо. Онъ даже затерялъ многія дѣла съ намѣреніемъ и женился, наконецъ, на горничной дѣвкѣ г-жи Ртищевой. Набивъ себѣ карманъ, онъ уѣхалъ отсюда, когда Алексѣй Петровичъ прибылъ; но Ермоловъ вытащилъ его изъ Россіи и за наказаніе опредѣлилъ его аудиторомъ въ полкъ. Теперь онъ смиренъ, тихъ. Прежде, говорятъ, къ нему приступа не было.

7-го. Послѣ обѣда я пошелъ къ Шегриманову и взялъ у него первый урокъ Турецкаго языка. Образъ ученья его мнѣ очень нравится; я съ нимъ занялся часа полтора и выучился почти связывать буквы. Я не нашелъ большой трудности въ письмѣ Арабскомъ, какъ всѣ говорятъ; напротивъ того, учащемуся гораздо легче разобрать Татарское письмо, нежели дурной почеркъ Европейскій. Татары же пишутъ довольно медленно и хорошо. Главное дѣло la généralisation *) во всякомъ ученіи. Тотъ, кто не ищетъ порядка общаго въ наукѣ, постигаетъ ее съ трудомъ; но приведя всѣ правила подъ общій порядокъ, весьма немудрено постигнуть ее въ скоромъ времени, особливо Татарское письмо, которое имѣетъ правила очень хорошія.

Ночевалъ я у Василья Бебутова.

9-го. Въ десятомъ часу пришелъ мой человѣкъ къ Петру Николаевичу и разбудилъ меня, сказавъ, что Ивановъ съ Боборыкинымъ поѣхали на съемку, по дорогѣ отъ Тифлиса въ Нафтлугъ, гдѣ Алексѣй Петровичъ намѣревается построить крѣпость и сдѣлать военный городъ. Я поскакалъ за городъ и нашелъ всѣхъ офицеровъ нашихъ, собранныхъ около мензулы моей. Ивановъ понятія не имѣетъ о мензульной съемкѣ: до 12-го часа бился на одномъ мѣстѣ и ничего не сдѣлалъ. Когда я пріѣхалъ, онъ сказалъ, что препоручаетъ мнѣ начатую съемку и спросилъ меня, нуженъ-ли онъ мнѣ? Я объявилъ ему, что мнѣ крайне пріятно было бы, еслибъ онъ взялся наносить ситуацію, на что̀ онъ согласился. Я ему сіе потому предложилъ, чтобы не отвѣчать послѣ за нанесеніе ситуаціи: ибо работа сія неопредѣленная, а онъ можетъ придраться къ одному штриху, тогда какъ я бы за вѣр-

*) Обобщеніе. П. Б.

ность ручаться сталъ. И такъ я началъ съемку, а онъ обрисовывалъ; но какіе оказались недостатки въ бѣдномъ Ивановѣ по части познаній, требуемыхъ отъ офицера генеральнаго штаба! Онъ слѣдовалъ смиренно за мной и надумаетъ вдругъ, что онъ старшій, остановитъ всю связь работы и возметъ точку какую-нибудь ни къ селу, ни къ городу; потомъ, оставя ее, въ другую бросится сторону, желая такимъ образомъ маленькими измѣреніями соблюсти величайшую вѣрность. Я его оставлялъ въ такихъ случаяхъ и, когда онъ чувствовалъ себя не въ состояніи продолжать, я опять принимался за старую перевязку своей съемки, бросая его точки. Ивановъ никакъ не вѣритъ, чтобы можно мензулой снимать безъ цѣпи, не понимаетъ, какимъ образомъ точки опредѣляются засѣчками посредствомъ подобныхъ треугольниковъ и всякій разъ останавливался, чтобы повѣрять цѣпью и удивлялся, когда находилъ, что работа вѣрна. Однако же мы его крѣпко обидѣли и огорчили на съемкѣ тѣмъ, что съѣли весь его завтракъ и всю водку выпили, о чемъ онъ погоревалъ.

Въ сумерки мы возвратились домой. Я пробылъ съ часъ у Иванова, который взялъ скрипку и показалъ мнѣ опытъ своего искусства. Онъ прекрасно играетъ и вѣрно и, что̀ меня удивляетъ, со вкусомъ, чего я не ожидалъ отъ человѣка невоспитаннаго.

11—15-го я былъ на съемкѣ, проводя въ полѣ весь день отъ семи часовъ утра до захожденія солнца. Ивановъ теперь хорошо понимаетъ съемку и ведетъ себя очень хорошо, много трудится и необыкновенно учтивъ. Унгернъ началъ дѣлать нивеллировку своимъ уровнемъ, и работа очень успѣшно идетъ.

23-го я пробылъ цѣлый день на съемкѣ и возвратился домой, когда уже свѣчи поданы были. Я засталъ своего Артемья пьянаго, и какъ сіе съ нимъ почти каждый день случается, то и отправилъ я его въ полицію для полученія 25-ти ударовъ палками.

25-го я былъ на съемкѣ цѣлый день, ввечеру были у меня Воейковъ, Бергъ и сынъ Роттіерса. Ивановъ опять началъ блажить, онъ не даетъ Воейкову формуляра, который ему необходимо нуженъ для перевода его въ полкъ. Ивановъ желаетъ симъ поступкомъ власть свою показать и, не смѣя прямымъ путемъ отказать, принялся за ложь: увѣряетъ Воейкова, что князь Волконскій ему написалъ выговоръ за то, что онъ далъ формуляры Щербинину и Лачинову.

26-го я заготовилъ для Воейкова письмо къ батюшкѣ, въ которомъ я описываю его самымъ лучшимъ образомъ, какъ онъ сего заслуживаетъ. Потомъ написалъ я ему бумагу въ артель нашу, дабы онъ въ оной былъ принятъ какъ старый пріятель.

Бумага сія слѣдующаго содержанія:

Постоянство всякому члену священной артели.

ДРУЖБА. — ПРАВОТА.

Тебѣ, брату моему, листъ сей показываетъ Николай Воейковъ, который заслужилъ его въ моихъ глазахъ мыслями и поступками, сходными съ правилами знаменующими насъ. Да каждый изъ васъ ударитъ въ колоколъ, да соберется вѣче наше, да прочтутъ сіе писаніе въ думѣ нашей. Тамъ его вы испытайте и, буде слова мои окажутся справедливыми, удостойте его всѣми правами, которыми пользуется почтенная братія наша. Тогда да назовется онъ членомъ священнаго братства нашего; примите его въ бесѣду вашу и просвѣщайте.

Обѣдалъ я у Роттіерса. Подобной торы еще свѣтъ не производилъ. Онъ всѣхъ надуваетъ, обманываетъ и хочетъ меня тоже надуть. Прислалъ ко мнѣ нѣсколько дней тому назадъ Турецкій пистолетъ, очень порядочный; онъ мнѣ его продаетъ, а я не покупаю его, а держу въ закладѣ за книгу, которую онъ мнѣ обѣщался дать въ размѣнъ за камень, который я нашелъ въ полѣ и выдалъ ему за окаменѣлый хлѣбъ. Съ Жидомъ надобно Жидомъ быть. Теперь я вымѣнялъ у него Лезгинское знамя на куфическую монету. Я въ состояніи чортъ знаетъ что̀ сдѣлать, чтобъ обмануть его.

Воейкова провожалъ я съ Боборыкинымъ до рѣки Веры за карантинъ. Намъ жаль было разстаться съ хорошимъ, милымъ товарищемъ и офицеромъ.

Въ ночи съ 28-го на 29-е пріѣхалъ сюда фельдъегерь съ извѣстіемъ о производствѣ Вельяминова въ генералъ-маіоры, о назначеніи брата его сюда въ дивизіонные командиры, о производствѣ Унгерна, Каховскаго и прочихъ. А о посольскихъ ни слова, какъ будто бы ихъ на свѣтѣ не бывало. Я не могу еще повѣрить, чтобы главнокомандующему ничего не дали за такое великое дѣло. Неужели бы Государь былъ не признателенъ къ Алексѣю Петровичу за столь высокую услугу, оказанную имъ отечеству и сопряженную съ большими трудами и опасностью?

1-го Февраля я провелъ утро у Петра Николаевича, который сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ 8-му Егерскому полку идти изъ Крыма на линію для предполагаемой войны съ Чеченцами и что Чеченцы, узнавъ о приготовленіяхъ нашихъ, убираются въ горы, гдѣ голодъ заставитъ ихъ скоро выйдти на равнину и просить у насъ службы. Тогда обратятъ ихъ въ казаки. Кажется, что начертаніе сіе должно исполниться.

Я обѣдалъ у Француза съ Розеномъ, который разсказалъ мнѣ о разныхъ непріятныхъ происшествіяхъ, случившихся недавно у нихъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Ему должно быть весьма грустно жить въ обществѣ пьяницъ и людей безъ воспитанія, изъ коихъ весь полкъ безъ исключенія составленъ.

5-го. Послѣ обѣда собралось множество народа у главнокомандующаго для устроенія Тифлисскаго Библейскаго Общества по желанію Государя. Собрано было много подписокъ. Тѣ, которые подписались на ежегодное внесеніе, суть члены Общества, въ томъ числѣ и я. Я подписался на ежегодное внесеніе 25 рублей. Ахундъ здѣшній, или духовный начальникъ Магометанской вѣры, также подписался и выбранъ былъ въ директоры. Экзархъ всей Грузіи Ѳеофилактъ тутъ присутствовалъ и съ Алексѣемъ Петровичемъ выбиралъ директоровъ и президентовъ. Послѣ выборовъ Алексѣй Петровичъ сѣлъ съ нами въ цхру играть, и я домой воротился въ три часа утра, выигравъ семь абазовъ.

6-го я обѣдалъ дома, на вечеръ былъ званъ Бебутовымъ въ баню съ Боборыкинымъ. Туда должны были придти Петръ Николаевичъ и князь Горчаковъ. Я долженъ былъ привести человѣкъ 10 музыкантовъ, которые бы играли подъ сводами въ то время, какъ мы купались и нѣжились; словомъ, должно было роскошествовать. Но Петръ Николаевичъ не пріѣхалъ, потому что снѣгъ большой пошелъ, музыку въ банѣ отмѣнили, и мы пошли втроемъ; съ нами было еще человѣка четыре здѣшнихъ князей. Терлись, мылись и купались часа два; я по обыкновенію своему велѣлъ себя ломать парильщику, по обычаю Азіатскому и, насладившись всевозможной роскошью, вышелъ въ предбанникъ, гдѣ курилъ кальянъ, растянувшись на постланныхъ коврахъ и подушкахъ. Когда всѣ изъ воды вышли, то стали пить чай, ужинать и въ карты играть. Во 2-мъ часу пополуночи я поѣхалъ домой съ Боборыкинымъ и рѣшился впередъ избѣгать общества здѣшнихъ князей, которые по необразованію и глупости своей обращаются какъ будто въ кабакѣ. Я изъ уваженія къ Бебутову, у котораго я былъ гостемъ, не съѣздилъ палкой по головѣ нѣсколько разъ князя Аргутинскаго: единое средство для усмиренія ихъ.

11-го я провелъ утро у Иванова и кончилъ обрисовку перваго листа моей съемки. Вступивъ въ разговоръ съ Ивановымъ, я имѣлъ еще случай увѣриться въ нищемъ состояніи его умственныхъ способностей. Я говорилъ ему, что, можетъ быть, будетъ онъ на дняхъ произведенъ въ генералы по общему производству посольскихъ чиновниковъ. Онъ отвѣчалъ, что рѣшительно не желаетъ сего чина. «Вы сами согласитесь съ этимъ, Николай Николаевичъ», продолжалъ онъ, «генеральскій чинъ требуетъ слишкомъ много наружнаго и внутренняго, а я, къ несчастію моему, не имѣю ни того, ни другаго». Я едва отъ смѣха удержался. Потомъ завелась у насъ рѣчь о работахъ, произведенныхъ чиновниками въ посольствѣ. Его ужасно безпокоитъ общество, учрежденное тогда мною и Худобашевымъ для

описанія Персіи. «Виноватъ ли я, Григорій Тимоѳеевичъ», говорилъ я ему, «что вы не хотѣли повѣрять мнѣ ничего по службѣ. Сколько разъ просилъ я васъ сдѣлать меня участникомъ въ вашихъ занятіяхъ.»—«Вы обществомъ занимались, и потому вамъ не для чего было по службѣ заниматься.»—«Я вамъ, кажется, нѣсколько разъ говорилъ, что въ обществѣ я занимался частно, а что, если служба требовала бы у меня цѣлый день, то бы я обществомъ занялся ночью или оставилъ бы оное».—Я общество очень хвалю; самъ для того не вступилъ въ оное, потому что Алексѣй Петровичъ хотѣлъ приказать мнѣ вступить въ оное, а что приглашенія я никакого не имѣлъ.—«Алексѣй Петровичъ подписался членомъ, какъ и всѣ прочіе, и потому не могъ приказывать вамъ сего. Что же касается до приглашенія, то вы не отопретесь отъ того, что я васъ три раза просилъ отъ имени всѣхъ вступить въ оное».—Правда, и я сожалѣлъ, что оно рушилось.—«Оно не рушилось, всѣ статьи у меня». Ивановъ удивился.—У васъ? продолжалъ онъ, ну такъ вы можете оправдаться славнѣйшимъ образомъ передъ начальствомъ, издавъ ихъ.—«Я никогда не буду такъ подлъ, чтобы пользоваться трудами товарищей своихъ; оправдываться же я не имѣю нужды, потому что по службѣ я ни въ чемъ не виноватъ и сомнѣваюсь, чтобы вы могли меня въ чемъ бы то ни было обвинить».—Справедливо, вы не виноваты; но мнѣ генералъ никакихъ средствъ не давалъ для исполненія моей обязанности; онъ едва позволилъ мнѣ нанять на свой счетъ дурнаго переводчика.—«Развѣ вы забыли, какъ я вамъ въ Тифлисѣ еще до выѣзда нашего предлагалъ себя и товарищей своихъ, чтобы вмѣстѣ платить переводчику.» Да, конечно, это правда, но онъ не могъ бы всѣмъ услужить.—«Что̀ до того за дѣло? Вы видѣли добрую волю нашу и сколь мы желали заниматься».—Генералъ на меня былъ сердитъ; я не могу забыть, какъ онъ, узнавъ въ Шангелабадѣ, что у насъ въ палаткѣ поймали фалангу, сказалъ: «Я думалъ, что въ этой палаткѣ живутъ только три фаланги, а ихъ вышло четыре». Когда я увидѣлъ такую ребяческую глупость въ немъ и такое низкое подозрѣніе на почтеннѣйшаго человѣка, который имѣлъ бы двадцать благороднѣйшихъ средствъ показать полковнику свое неудовольствіе, я замолчалъ и сѣлъ за работу. Ивановъ все бурлилъ. Зачѣмъ меня сравнивать, говорилъ онъ, съ симъ ядовитымъ звѣремъ? Я, кажется, еще никому зла не дѣлалъ.—«Правда, думалъ я, про себя, а развѣ....»

12-го. Ввечеру я былъ на балѣ, который дворянство давало Алексѣю Петровичу. Балъ былъ въ Горстубакскомъ домѣ главнокомандующаго и отзывался скудностью и скупостью, тогда какъ все дворянство сложилось для сего. Комнаты не имѣли никакого убранства,

освѣщеніе было весьма плохое, ужинъ средственный и вина неотличны. Грузины цѣлую недѣлю хлопотали о семъ балѣ, собрали 1050 р. сер. и не издержали половины сего. Всякій изъ нихъ, внесшій малую долю свою, имѣлъ право кричать изъ абаза и счеты вести. Церемонімейстерами были Авессаломъ Бебутовъ, Баратовъ, уѣздный маршалъ, Василій Бебутовъ, Шіомъ Тумановъ и Аргутинскій. Всѣ Тифлисскія дамы на балѣ были. Изъ порядочныхъ была одна жена Эйхфельдена, начальника горной части. Прочія представляли какихъ-то фурій, бѣснующихся тѣлодвиженіями, и, по здѣшнему обыкновенію, пущались въ неприличные разговоры. Были и недурныя собою женщины, въ томъ числѣ Габашвильша, стройная и прекрасная молодая женщина, но безъ дальняго обращенія; Лубкина, высокая, стройная, но глупая рожа, сидитъ колѣна накрестъ, танцуетъ безъ перчатокъ съ грязными руками. Но всѣхъ уморительнѣе была Роттіерсша. Алексѣй Петровичъ прозвалъ ее Медузой, и нельзя ей лучшаго имени дать: старая, худая, гадкая, маленькая, она пущается во всѣ танцы, не умѣя шага ступить, спотыкается, прыгаетъ, присядаетъ и потѣетъ. Въ кавалерахъ отличались слѣдующіе: Энгольмъ, съ совершенными отечественными ухватками, т.-е. Жидовскими,—неотлучный рыцарь Роттіерсши. Каховскій, вѣчно въ ссорѣ съ мѣрой, съ презабавными дерганіями; онъ упалъ и, чтобы загладить вину свою, просилъ опять даму свою Эйхфельдшу на слѣдующій танецъ, но получилъ отказъ и съ досады пошелъ играть въ цхру, гдѣ онъ обыкновенно отличается крикомъ за абазы.... Сонинъ, увѣренный, что онъ въ ловкости никому не уступитъ; танцуя лягаетъ, плюетъ, хохочетъ неблагопристойнымъ образомъ и, разсказывая дамамъ преглупыя вещи, самъ помираетъ со смѣху; впрочемъ совершенно увѣренъ, что Тифлисское женское общество совсѣмъ не изъ послѣднихъ. Вновь прибывшій инженерный прапорщикъ, затянутый въ три погибели, морда впередъ, и кулакъ подъ бокъ. Онъ съ Сонинымъ взаимно уважаютъ другъ въ другѣ ловкость и стараются перенимать одинъ у другаго. Артилерійскій какой-то прапорщикъ, который держится порядочно, но едва ощупаетъ женскую руку и двинется, какъ сгорбится и не знаетъ мѣры натугѣ своей; онъ хватъ, и Сонинъ хватъ, и инженеръ-прапорщикъ тоже хватъ. Всѣ три хваты, и каждый въ своемъ родѣ. Самойловъ по обыкновенію своему отличался ловкостью и благородной осанкой. Коцебу тоже, чего я никакъ отъ него не ожидалъ.

Я пришелъ домой сегодня въ пять часовъ утра. Вчерашняго числа уѣхалъ изъ Тифлиса Поповъ, командированный въ Крымъ съ препорученіемъ къ Ланжерону; онъ везетъ къ нему бумаги, по кото-

рымъ 8-й Егерскій полкъ долженъ идти на линію, для зачатія войны съ Чеченцами; нѣкоторые баталіоны Грузинскаго корпуса также получили повелѣніе идти къ Кизляру.

Ввечеру я получилъ посылки изъ Москвы, трехугольную шляпу, карандаши, сургучъ и прочія мелочи; также получилъ я двѣ круглыя шляпы, которыя я обѣщался въ Таврисъ послать къ Англинскому офицеру Monteith, который на обмѣнъ долженъ прислать мнѣ книги, выписанныя изъ Англіи; книги должны идти черезъ Петербургъ, а я объ нихъ еще никакого извѣстія не имѣю.

15-го я не поѣхалъ на съемку по причинѣ вѣтра. Впрочемъ вотъ уже три или четыре дня какъ сдѣлалась весенняя погода: въ полѣ уже цвѣты начали показываться. Я былъ на званомъ обѣдѣ у князя Чавчавадзева, который праздновалъ свой полковничій чинъ. За обѣдомъ многіе подпили. Всѣ хохотали, кричали, и генералъ Загорскій, надѣвъ на себя Грузинскую шапку, пустился въ пляску. Но самая сильная тамаша происходила въ маленькой комнатѣ, въ которой обѣдали Горчаковъ, комендантъ Анненковъ, Каховскій, Боборыкинъ и я. Дѣло вотъ въ чемъ состояло. Петръ Николаевичъ затѣялъ нѣсколько дней тому назадъ дать балъ, не зная самъ кому: то онъ говорилъ, что балъ сей для Алексѣя Петровича, то для Грузинскаго дворянства. Онъ назвалъ себя, съ согласія нѣкоторыхъ, директоромъ и сдѣлалъ подписку, по которой желающіе участвовать должны вносить не болѣе 25 рубл. ассигнаціями. Третьяго дня заставили Горчакова и Боборыкина подписаться. Вчера же за обѣдомъ я завелъ рѣчь о семъ и объявилъ, что намъ ни къ какой стати не слѣдуетъ благодарить баломъ Грузинское дворянство, которое праздникъ давало не намъ, а генералу, а что, если балъ сей дѣлается для Алексѣя Петровича, то надобно въ складчину давать больше 25 рубл., чтобы сдѣлать нѣчто порядочное и что въ послѣднемъ случаѣ гораздо лучше дождаться, чтобы Алексѣя Петровича произвели въ полные генералы. Еще я находилъ, что весьма нехорошо сдѣлали, назначивъ директора, распорядясь для праздника безъ согласія или мнѣнія тѣхъ соучастниковъ, которые на то имѣли равное право; что хотя бы всѣ единогласно просили Петра Николаевича быть директоромъ, то все-таки должно было соблюсти правила благопристойности и учтивости тамъ, гдѣ сношенія наши выходятъ уже не частныя, а общія. Горчаковъ и Боборыкинъ за меня спорили. Петръ Николаевичъ не хотѣлъ дѣла понять, разсердился и сказалъ мнѣ нѣсколько непріятностей, объявивъ, что безъ насъ они легко обойдутся, что первые затѣйщики бала были въ правѣ выбрать безъ нашего спроса директора, а что впрочемъ онъ намъ представляетъ подписку съ вышесказанными условіями. Я

ему отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я внесу деньги, а не подпишусь, потому что голоса не имѣю, а что тогда онъ обязанъ мнѣ дать за мои деньги поѣсть и даму танцовать, если мнѣ вздумается; что въ такомъ случаѣ я принимаю сей балъ за *шустеръ-клубъ* и приду въ самое время танцевъ съ 25 рубл. и требованіемъ. Петръ Николаевичъ былъ подпивши и посердился на меня; однакоже я его увѣрялъ, что онъ сегодня будетъ иначе думать. Между тѣмъ комендантъ нализался и хотѣлъ заступиться за Ермолова. Онъ тѣмъ началъ, что сталъ *тыкать* Горчакова, который сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ говоритъ неучтиво. Комендантъ отвѣчалъ ему грубо. Горчаковъ ему сказалъ, что онъ слова сіи приписываетъ нездоровому его состоянію. Тотъ ему сказалъ еще грубостей; но Горчаковъ, видя, что А. по природѣ не будучи человѣкъ весьма умный, а еще болѣе въ то время пьянъ, не отвѣчалъ ему, и дѣло такъ кончилось.

Но всѣхъ забавнѣе былъ Сонинъ, который избранъ былъ строителемъ для бала. Никто объ немъ не упоминалъ, онъ симъ обидѣлся, и ему послышалось, что я и Боборыкинъ споримъ за него; онъ вступился за себя, называя себя обиженнымъ, напоминая театръ, гдѣ онъ также строилъ полъ. Сіе произвело только сильный смѣхъ, и все дѣло кончилось шутками; однакоже ничего не рѣшили. Говорятъ, что листъ для подписки изорванъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ изъ Петербурга фельдъ-егерь и не привезъ ничего занимательнаго для насъ. Онъ привезъ съ собой одного лейбъ-уланскаго корнета Якубовича, котораго перевели тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ за то, что онъ былъ секундантомъ кавалергардскаго офицера Шереметева на поединкѣ его съ Завадовскимъ. Шереметевъ былъ убитъ, Завадовскаго простили, а секунданта наказали.

16-го. Докторъ Миллеръ былъ у меня поутру и вырѣзывалъ у меня изъ горла наростъ, который уже больше десяти дней какъ процвѣталъ; сіе самое помѣшало мнѣ на съемку ѣхать. Вчера я получилъ письма, одно отъ батюшки, другое отъ сестры Лизы Полторацкой, и третье отъ Воейкова. Братъ Андрей, маленькій Бѣлосельскій и Озеровъ также писали ко мнѣ, прося меня, чтобы я имъ прислалъ по Черкесскому платью.

17-го. Вчера началась по обыкновенію здѣшнему на масляницѣ тамаша или игрища. Всѣ жители Тифлиса собираются за городомъ и дерутся деревянными саблями и каменьями, причемъ каждый годъ убивается нѣсколько человѣкъ и доброе число увѣчится. Мальчики же собираются на улицахъ съ знаменами и бубнами и просятъ у проходящихъ денегъ. Вотъ народныя игрища здѣшнія; они знаменуютъ нѣ-

которымъ образомъ нравы и расположенія Грузинъ. Деньги должны непремѣнно входить въ сіи игры, и лучшихъ фамилій князья ходятъ за городъ толпою драться; сыновья же ихъ милостыню просятъ нахальнымъ образомъ и не оставляютъ сего средства доставать деньги, хотя имъ часто и весьма часто отъ Русскихъ удары попадаются.

Каховскій вчера ввечеру отличился. Какая привязанность къ деньгамъ, какія рѣчи радостныя при выигрышѣ, какая скорбь при проигрышѣ!... Какой шумъ онъ за двадцать копѣекъ подымаетъ! Его прозвали Каховскимъ-Цхринскимъ, по пристрастію, которое онъ имѣетъ къ карточной игрѣ цхрѣ.

Вчера я просилъ Петра Николаевича внести за меня 25 рубл. въ складчину для бала: лучше, пускай, онъ будетъ явно виноватъ, нежели бы стали меня подозрѣвать въ упрямствѣ.

20-го. Я былъ разбуженъ Бергомъ, прибывшимъ 19-го числа изъ Эривани. Отъ меня онъ побѣжалъ къ Алексѣю Петровичу оправдаться въ его мнѣніи. Генералъ читалъ въ какомъ-то журналѣ письмо изъ Тифлиса, въ которомъ городъ здѣшній крѣпко ругаютъ. Кто-то сказалъ Алексѣю Петровичу, что это Бергъ написалъ; оно и вѣроятно было, судя по дорогѣ, по которой Бергъ въ Тифлисъ пріѣхалъ. Генералъ посердился, сказалъ, что такимъ письмомъ можно отвратить желающихъ сюда на службу пріѣхать, и, что надобно кому-нибудь изъ насъ истребить въ журналѣ сочинителя сего письма. Бергъ объяснился съ генераломъ и оправдался.

22-го. Я получилъ письмо отъ брата Александра, который пишетъ мнѣ, что онъ былъ арестованъ Государемъ въ крещенскій парадъ за сдѣланную ошибку четырьмя унтеръ-офицерами, послѣ чего онъ подалъ прошеніе въ отставку; ему прошеніе возвратили; онъ рапортовался больнымъ, дабы въ Сентябрѣ подать новую просьбу; лекарямъ не велѣли ему давать свидѣтельства о болѣзни, но онъ не менѣе того рѣшился дождаться Сентября мѣсяца и оставить службу. Братъ прислалъ мнѣ также письмо къ Алексѣю Петровичу. Опасаясь, чтобы въ ономъ не было чего касательно меня, я распечаталъ письмо и прочелъ оное. Братъ пишетъ генералу, что слухъ носится, что его скоро произведутъ въ полные генералы, послѣ чего, выхваляя его высокія качества, напоминая ему о Кульмскомъ сраженіи, онъ даетъ генералу чувствовать, сколь ему пріятно было бы служить подъ начальствомъ его. Письмо сіе содержитъ множество похвалы, хотя и истинной; но Алексѣй Петровичъ ея не любитъ и могъ бы счесть сіе письмо за присланное къ нему по моей просьбѣ, чтобы напомнить ему о себѣ, и потому я совѣтовался съ Боборыкинымъ, не зная, отдать ли оное генералу или нѣтъ. Къ тому же братъ писалъ сіе

письмо въ минуту отчаянія, и оно наполнено выраженіями, кои могли бы не понравиться генералу. Я не въ правѣ, конечно, былъ распечатать письмо; но оно отъ брата, и я сіе дѣлаю изъ любви къ нему.

Боборыкинъ получилъ извѣстіе, что въ Москвѣ носится слухъ, будто бы, въ пребываніе наше въ Султаніи, старшій сынъ шаха Магмедъ-али-Мирза прибылъ съ 40.000 войскъ, и что посолъ, испугавшись сего, возвратился такъ скоро назадъ. Великій Ермоловъ нашъ имѣетъ много непріятелей, которые, не любя отечества своего, стараются замарать его.

23-го. Я пошелъ поутру къ Петру Николаевичу, чтобы спросить у него совѣта о письмѣ братниномъ. Онъ мнѣ присовѣтовалъ отдать его генералу, что̀ я и сдѣлалъ. Я разсказалъ генералу несчастье, случившееся съ братомъ. Алексѣй Петровичъ принималъ участіе въ немъ и сказалъ: «Пускай же онъ теперь въ Грузію путешественникомъ пріѣзжаетъ». Я отвѣчалъ, что братъ весьма счастливъ былъ бы здѣсь служить. Алексѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ при семъ два случая подобныхъ, которые онъ имѣлъ. На одномъ изъ Франкфуртскихъ парадовъ ему велѣно было арестовать дивизіоннаго начальника Удома, что̀ онъ отказался сдѣлать, и когда Великій Князь или Государь повторили ему повелѣніе сіе сдѣлать, то онъ отвѣчалъ, что онъ пришлетъ свою собственную шпагу, и что тогда онъ не будетъ никогда имѣть подлости ее назадъ взять. И дѣло такъ осталось! «Также, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ Розенъ заступиться за брата твоего; но онъ сего не сдѣлалъ».—«Розенъ нѣсколько дней передъ симъ былъ въ ссорѣ съ братомъ», отвѣчалъ я.—«Что̀ нужды», продолжалъ почтенный Алексѣй Петровичъ, «ссора сія не должна бы препятствовать ему въ семъ поступкѣ. Когда мы въ 1815 году вступили въ Парижъ парадомъ, продолжалъ Ермоловъ, я командовалъ корпусомъ, и Государь приказалъ мнѣ арестовать на Англинской гаубтвахтѣ двухъ полковыхъ командировъ за то, что несчастный какой-то взводъ съ ноги сбился.—«Государь, сказалъ я, полковники сіи отличнѣйшіе офицеры, уважьте службу ихъ, а особливо не посылайте ихъ на иностранную гаубтвахту: у васъ есть Сибирь, крѣпость»—«Исполняйте долгъ свой», закричалъ Государь, и я замолчалъ, но не арестовалъ полковниковъ, думая, что это также пройдетъ. Въ случаѣ еслибъ Государь спросилъ объ нихъ, у меня заготовленъ былъ отвѣтъ, что они повели полки свои на квартиры въ селенія. Ввечеру Государь спросилъ у князя Волконскаго, арестованы ли полковники, и, какъ ихъ на гаубтвахтѣ не было, то онъ раскричался на Волконскаго и стращалъ его самого арестомъ. Волконскій, испугавшись, послалъ адъютантовъ своихъ отыскивать меня по всему Парижу

меня нашли въ театрѣ. Адъютантъ Христомъ Богомъ умаливалъ меня, чтобы я расписался въ полученіи записки Волконскаго; я принужденъ былъ выдти въ фойе и тамъ росписался. На другой день я пробовалъ просить Государя; не помогло: я получилъ отказъ, и принужденъ былъ арестовать полковниковъ на Англинской гаубтвахтѣ».

Какъ не обожать великаго Алексѣя Петровича!

Ввечеру я былъ на балѣ, въ которомъ самъ участвовалъ 25 рублями. Убранство комнатъ было прекрасное, и балъ веселый. Я не танцовалъ, имѣлъ случай познакомиться съ генеральшей Ахвердовой, Прасковьей Николаевной *); она кажется мнѣ женщина весьма почтенная и умная.

24-го я обѣдалъ дома, ввечеру былъ званъ на балъ, который давалъ самъ Алексѣй Петровичъ. Народа было немного, и балъ сей весьма хвалятъ. Послѣ ужина Алексѣй Петровичъ объявилъ Landsturm или поголовное вооруженіе всѣхъ молодыхъ и старыхъ для танцованія экосеса. Онъ самъ танцовалъ и очень хорошо. За что̀ онъ ни возмется, онъ все хорошо дѣлаетъ.

25-го я былъ званъ на постный обѣдъ къ князю Шіому Туманову, у котораго даже рыбы не было. Ввечеру я былъ у генеральши Ахвердовой, гдѣ игралъ на клавикордахъ; я съ часъ около нихъ сидѣлъ и былъ ими такъ обрадованъ, что не могъ ничего вспомнить. Не видя столь долгое время порядочнаго общества, какъ мнѣ оное странно показалось!

27-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, который былъ очень любезенъ и веселъ: онъ мнѣ обѣщался дать 1000 рубл. въ займы до Октября мѣсяца и позволилъ мнѣ взять къ себѣ клавикорды его, когда генеральша Ахвердова уѣдетъ; онѣ теперь у нея находятся.

Вчера Боборыкину досталось отъ генерала, но весьма напрасно; впрочемъ выговоры Алексѣя Петровича были болѣе похожи на ласки, и ему самому такъ совѣстно было, что онъ цѣлый вечеръ искалъ самъ случая развеселить Боборыкина и такъ сказать *подличилъ передъ нимъ*; но онъ разсердился порядкомъ на Горчакова, котораго къ счастью тутъ не было. Вотъ въ чемъ дѣло состояло. На послѣднихъ балахъ самъ Алексѣй Петровичъ, желая посмѣяться надъ Горчаковымъ, потому что онъ волочится за Мерлиной, подослалъ Каховскаго къ ней, чтобы возродить ревность Горчакова. Горчаковъ дѣло смекнулъ, предупредилъ Мерлину, которая осмѣяла Каховскаго, увѣ-

---

*) Урожденной Арсеньевой. См. письма къ ней А. С. Грибоѣдова въ Р. Архивѣ 1881, II, 177 Ея падчерица была потомъ первою супругою Н.Н. Муравьева-Карскаго. П. Б.

реннаго въ удачѣ своего предпріятія и говорящаго непозволительныя рѣчи на счетъ Горчакова. Наконецъ, когда Каховскаго огорошили, онъ пошелъ жаловаться Алексѣю Петровичу на Горчакова, и Горчаковъ получилъ черезъ Мадатова замѣчаніе отъ имени генерала. Вчера же несчастный Боборыкинъ, который въ семъ дѣлѣ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, также попался, потому что онъ былъ свидѣтелемъ происшествія. Каховскій наговорилъ на него, и Алексѣй Петровичъ, самъ затѣявши дѣло и увидя неудачу его, увѣрилъ себя, что Горчаковъ точно ревнуетъ и обижаетъ Каховскаго, вступился за подлеца и наговорилъ множество непріятныхъ словъ на счетъ Горчакова. Я не понимаю поступка генерала: должно простить его горячности, а, вѣрно, онъ послѣ самъ дѣло разсудитъ и поправитъ его. Какъ я было обманулся въ Каховскомъ въ первые дни нашего знакомства съ нимъ!

Вчера ввечеру былъ еще у генерала одинъ Итальянецъ, котораго недавно сюда казаки доставили. Поймали его въ Имеретіи и сочли за шпіона. Итальянецъ сей набитый дуракъ и шутъ, путешествовалъ въ Египтѣ, скитается вездѣ безъ денегъ, безъ всего и хочетъ опредѣлиться лѣкаремъ у сардаря Эриванскаго; но Алексѣй Петровичъ его отсюда не выпускаетъ, потому что онъ отличный шутъ. Вчера онъ поднесъ генералу рисунокъ пресмѣшной, въ которомъ имя Ермолова написано на флагѣ, прикрѣпленномъ къ сломанному столпу; деревья добродѣтели и чести по сторонамъ растутъ, и къ сему приложено нѣсколько пребѣднѣйшихъ стиховъ. Онъ все самъ толковалъ. Итальянецъ сей носитъ въ штанахъ подъ бантомъ собраніе разныхъ камней, съ росписаніемъ, отъ какой они болѣзни лечутъ; камни сіи самые простые, а онъ ихъ цѣнитъ сотнями червонцевъ. Между прочимъ есть у него маленькій кусочекъ горнаго хрусталя, который онъ считаетъ за алмазъ и держитъ его въ послѣднемъ отдѣленіи... Надъ нимъ посмѣялись и отпустили. Онъ обѣщался сдѣлать подобныя картины и стихи для Государя и для Государыни.

1-го Марта. Я пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ предался чувству уваженія, которое вселяетъ во всякаго, даже мыслящаго человѣка церковный обрядъ, особливо на сей первой недѣлѣ Великаго поста служба весьма занимательна. Екзархъ вчера самъ служилъ, пѣвчіе очень порядочно пѣли.

2-го я кончилъ совершенно съемку, работалъ какъ бѣшеный, метался по горамъ и кончилъ еще довольно рано.

5-го. Артилерійскія казармы со слободкой обставили цѣпью часовыхъ, кои не выпускали и не впускали туда ни одного человѣка изъ предосторожности къ чумѣ, отъ которой умерло четыре человѣка. Въ число заключенныхъ попались генералъ Мерлинъ съ женой и Гор-

чаковъ. Ввечеру была сильная гроза, что я въ Тифлисѣ еще въ первый разъ видѣлъ. Въ семь часовъ я пошелъ къ Эйхфельду и пробылъ у него по неволѣ до четвертаго или пятаго часа утра.

6-го. Слухи о чумѣ оказались ложными. Докторъ Миллеръ ѣздилъ свидѣтельствовать окарантинованныхъ и не нашелъ никакого признака сей болѣзни, послѣ чего всѣхъ выпустили.

Ввечеру я былъ у Курганова, который просилъ меня поправить замѣчанія, написанныя имъ во время путешествія его изъ Кизляра къ Лезгинцамъ въ 1816 году: онъ былъ посланъ отъ нашего двора къ царевичу Александру, чтобы уговорить его ѣхать въ Петербургъ: ему не удалось, и онъ мѣсяцъ просидѣлъ въ оковахъ. Мы начали чтеніе его записокъ, которыя довольно занимательны. Ошибокъ въ нихъ много; но я никогда не ожидалъ, чтобы человѣкъ, не получившій съ младенчества воспитанія, ничему не учившійся, могъ такъ хорошо изобразить свое путешествіе и замѣчанія. Позже я пошелъ къ Самойлову, у котораго очень долго сидѣлъ и игралъ.

8-го ввечеру я пошелъ къ фельдъ-егерскому капитану Стабушу и условился съ нимъ объ отправленіи съ ѣдущимъ фельдъ-егеремъ посылки къ батюшкѣ, изъ четырехъ барсовыхъ шкуръ состоящей. Потомъ побылъ я у Курганова, у котораго пересматривалъ записки. Братъ его Ѳома Осиповичъ Кургановъ тутъ же былъ. Онъ знаетъ очень хорошо Армянскій языкъ и много читалъ на семъ языкѣ; мы съ нимъ долго говорили о царствѣ Армянскомъ, и въ доказательство, что въ царствѣ семъ въ древнія времена процвѣтали науки, онъ мнѣ показалъ Армянскую геометрію весьма древнюю.

9-го. Бергъ устроилъ у меня эолову арфу; вѣтръ былъ очень хорошій, и божественные звуки сего орудія такъ впечатлѣлись въ моей памяти или въ моемъ воображеніи, что цѣлый день мнѣ казалось я слышалъ ихъ.

Я былъ у Горчакова, гдѣ были собраны нѣкоторые изъ нашихъ. Передъ обѣдомъ стрѣляли въ цѣль изъ пистолета, и я всѣхъ лучше попалъ. На вечеръ я былъ званъ къ Петру Николаевичу, который давалъ вечеринку; онъ имѣетъ даръ убрать комнаты со вкусомъ и дѣлать сіи вечеринки весьма пріятными; у него были клавикорды генеральскіе, и я шесть часовъ битыхъ не отходилъ отъ нихъ.

12-го я обѣдалъ дома; послѣ обѣда пошелъ къ Шегриманову и началъ съ нимъ дѣлать Россійско-Турецкій лексиконъ. Отъ него пошелъ я къ Курганову, а вечеръ провелъ я у генерала князя Мадатова, у котораго были собраны нѣкоторыя дамы здѣшнія. Хотѣли танцовать и просили меня остаться съ тѣмъ, чтобы играть имъ на клавикордахъ; но Алексѣй Петровичъ помѣшалъ сему: онъ сказалъ,

что могутъ танцовать, когда онъ уйдетъ, и остался нарочно до трехъ часовъ утра, выпроводивъ всѣхъ дамъ, и я напрасно просидѣлъ такъ поздно. Алексѣй Петровичъ заставилъ всѣхъ дамъ играть въ веревочку и продержалъ ихъ два часа за игрой сей, что̀ имъ весьма надоѣло.

Съ мѣсяцъ тому назадъ я обѣдалъ у князя Чавчавадзева, и подлѣ меня сидѣла одна родственница его, вышедшая замужъ за какого-то Орбеліанова. Ей не больше 16-го года, она рѣдкой красоты и большая кокетка. Вчера, идя къ Шегриманову, я ее встрѣтилъ; она шла съ какими-то старухами. Узнавъ меня, она остановилась, раскрыла чадру свою и, улыбнувшись, оглядывалась; но она сіе такъ ловко сдѣлала и показала такое чудесное лицо, что я не могъ не изумиться. Такое кокетство и такую ловкость весьма странно въ Грузинкѣ увидѣть.

15—18. Я игралъ оба нотурны Фильдовы съ валторной и фаготомъ; они шли очень хорошо. Я не могу надивиться красотѣ сей музыки. Унгернъ сидѣлъ у меня, и мы долго разговаривали о Бергѣ. Бергъ путешественникъ и въ журналѣ своемъ не то пишетъ, что̀ видитъ, а то, что̀ чувствуетъ; сіе отъ того происходитъ, что онъ не обязанъ видѣть, и онъ скитается безъ службы лучшіе года свои, издерживаетъ въ путешествіяхъ большія деньги и не извлекаетъ отъ оныхъ никакой пользы себѣ.

19-го. Поутру уѣхалъ изъ Тифлиса на линію генералъ-маіоръ Ахвердовъ съ семействомъ. Ввечеру пріѣхалъ фельдъ-егерь и привезъ Алексѣю Петровичу извѣстіе о производствѣ его въ генералы отъ инфантеріи. Извѣстіе сіе насъ всѣхъ крайне обрадовало, а меня особливо: меня радовало въ семъ производствѣ благо отечества и удовольствіе великаго генерала нашего. Я пошелъ поздравить его; у него много народа было, и онъ игралъ въ бостонъ. Онъ привѣтилъ меня, пожавъ мнѣ руку и поцѣловавъ меня.

Петръ Николаевичъ получилъ письмо отъ Щербинина, въ которомъ онъ извѣщаетъ его, что онъ попалъ въ большіе люди: онъ ѣдетъ съ Государемъ въ Варшаву и оттуда въ Молдавію, и по письму его должно думать, что онъ будетъ очень близокъ къ Царю и скоро флигель-адъютантомъ сдѣлается.

20-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича и, спустя часъ послѣ обѣда, пошелъ домой, чтобы приготовиться къ вечеру, ибо у насъ назначена была музыка. Я не хотѣлъ, чтобы былъ у меня лишній народъ, который бы шумѣлъ и не давалъ намъ играть, и потому звалъ только Иванова, Прибыля, Петра Николаевича, Дубновича, товарища его Гусева, Унгерна, Василья Бебутова и Головалева. Пока я еще

дѣлалъ репетицію, пришли ко мнѣ Бергъ и Самойловъ. Первый ужасный говорунъ, а второй любитъ пошумѣть; они начали мнѣ мѣшать, и потому я отправилъ музыкантовъ, приказавъ имъ черезъ часъ приходить, а самъ спрятался на галерею, приказавъ гостямъ сказать, что я ушелъ со двора; они посидѣли съ полчаса и ушли. Во второмъ часу началась музыка. Я игралъ Lodoisky на клавикордахъ со скрипкой, фаготомъ и валторной; послѣ этого Дубневичъ игралъ Родева квартетъ на скрипкѣ съ тѣми же инструментами. Наконецъ я сыгралъ два ноттурно Фильдовыхъ съ вальдгорномъ и фаготомъ. Тѣмъ еще былъ вечеръ лучше, что Ивановъ не пришелъ, подозрѣвая, что у насъ общество, и что въ ономъ дѣлается заговоръ.

21-го. Возвратясь домой, я получилъ письмо изъ Тавриса отъ Англинскаго капитана Гарта. Онъ мнѣ присылаетъ приказъ, выданный Аббасъ-мирзой баталіону Русскихъ бѣглыхъ. Въ семъ приказѣ позволяютъ желающимъ изъ онаго возвратиться въ Россію. Гартъ пишетъ ко мнѣ, что приказъ сей, выданный 2-го Марта (16-го Февраля) былъ читанъ въ присутствіи его Русскимъ, и что вызвалось только два охотника возвратиться въ Россію; что послѣ еще одинъ пришелъ, который во время чтенія находился въ госпиталѣ. Гартъ продолжаетъ: «Пожелавшимъ симъ возвратиться выдано, по приказанію Аббасъ-мирзы, въ награжденіе двухмѣсячное жалованье и теплое платье на дорогу; но еще сто человѣкъ сего баталіона въ откомандировкѣ и не были допрошены. Аббасъ-мирза уѣхалъ въ Тегеранъ и приказалъ мнѣ отпускать бѣглыхъ Русскихъ. Пока я сіе пишу, еще пришло шесть человѣкъ, которые объявили желаніе оставить насъ; и такъ всего ихъ девять человѣкъ, изъ коихъ одинъ прежде два раза былъ отпущенъ и два раза возвращался къ намъ. Я желаю, чтобы вы сіе письмо довели до свѣдѣнія главнокомандующаго, дабы его превосходительство увѣрился, что мы ничего не дѣлаемъ для удержанія вашихъ подданныхъ у себя» и пр. Письмо сіе довольно глупо и неловко написано. Отобравъ какихъ-нибудь мошенниковъ, которые будутъ подговаривать другихъ солдатъ нашихъ къ побѣгу, Аббасъ-мирза прислалъ ихъ сюда, чтобы показать Алексѣю Петровичу, что онъ ищетъ сообразоваться съ желаніемъ нашимъ. Политика ребячья! Я показывалъ сіе письмо и приказъ Бековичу, который сказалъ мнѣ, что вчера пріѣхалъ изъ Тавриса посланецъ съ девятью сими солдатами и что Аббасъ-мирза пишетъ къ генералу, что онъ уѣхалъ въ Тегеранъ по требованію шаха, который приказываетъ ему умножить число сарбазовъ и что онъ ѣдетъ къ отцу своему для полученія на то казны.

29-го я былъ поутру у Курганова. Онъ имѣлъ просьбу, какъ сего можно было впередъ ожидать отъ Армянина. Онъ запутанъ въ измѣнѣ одного Бастамова, который съ нимъ ѣздилъ къ Лезгинамъ для вывоза оттуда Александра-царевича въ Петербургъ. Кургановъ получилъ сіе препорученіе слѣдующимъ образомъ. Онъ, въ бытность здѣсь Ртищева, выѣхалъ безо всякихъ видовъ изъ Тифлиса въ Петербургъ и выдалъ себя тамъ за принадлежащаго къ штату главнокомандующаго въ Грузіи; не знаю, какими происками онъ добился, что ему дали тамъ кучу денегъ и отправили его отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ царевичу. Экспедиція его не удалась и, по его словамъ, онъ сидѣлъ тамъ мѣсяцъ въ цѣпяхъ, по причинѣ измѣны сего Бастамова, который былъ съ нимъ и теперь содержится здѣсь въ крѣпости. Алексѣй Петровичъ посылалъ за Кургановымъ третьяго дня и, узнавъ, что онъ при смерти боленъ, велѣлъ ему сказать черезъ коменданта, что, если онъ подлая тварь не издохнетъ, то онъ его уморитъ. Генералъ вѣрно имѣетъ причины на сіе. Я все сіе послѣ узналъ отъ Сонина, къ которому я зашелъ отъ больнаго. Когда же я у него былъ вчера, то онъ хотѣлъ меня запутать въ свои дѣла и, не объяснивъ мнѣ дѣла, сказалъ, что онъ былъ обиженъ по службѣ нѣсколько разъ и теперь такъ несчастливъ, что, когда его главнокомандующій призываетъ, онъ лежитъ при смерти и не можетъ идти, и потому проситъ меня, чтобы я взялъ участіе въ его положеніи и молвилъ слово о его представленіи Вельяминову. Но, зная нравъ здѣшнихъ Армянъ, я былъ остороженъ, ничего не обѣщалъ, а сказалъ, что посовѣтуюсь съ племянникомъ его Василіемъ Бебутовымъ, и пошелъ отъ него къ Сонину, который мнѣ объяснилъ дѣло.

Получилъ письмо отъ Воейкова отъ 7-го Марта изъ Москвы, куда онъ 4-го прибылъ. Между прочимъ пишетъ онъ мнѣ, что Государь сказалъ про брата Александра, когда онъ подалъ просьбу въ отставку: «Мнѣ надобно съ Муравьевымъ помириться».

Ивановъ получилъ повелѣніе отъ Алексѣя Петровича начать разграничиваніе съ Персіею, какъ скоро Персидскій дворъ сего потребуетъ. Ему предоставленъ выборъ офицеровъ, и онъ просилъ меня помочь ему въ составленіи плана сихъ занятій.

2-го Апрѣля. Я всталъ въ половинѣ шестаго часа и поѣхалъ къ Бебутову, откуда мы отправили свои постели на катерахъ въ Душетъ, ибо мы хотѣли проводить отъѣзжающаго на линію Алексѣя Петровича. Часовъ въ девять утра Алексѣй Петровичъ отправился на дрожкахъ, въ сопровожденіи многихъ генераловъ и офицеровъ и дворянства Тифлисскаго. За рѣкой Верой онъ остановился и простился со всѣми, сказавъ каждому привѣтливое слово. Иванову онъ препоручилъ

брата своего Сергѣя Николаевича *), который долженъ сюда скоро прибыть. Онъ также меня подозвалъ и сказалъ мнѣ: «*И ты, братъ Николай, отправляешься*».—«Я васъ до Душета провожу».—«Нѣтъ, братъ, я говорю про нынѣшнее лѣто».—«Я уже знаю, ваше в—ство, что я за границу поѣду и съ удовольствіемъ проведу лѣто въ занятіяхъ».—«Еще не то, братъ; у меня уже суда готовы, помнишь?»—«Какъ не помнить, и особенно счастливъ буду, если вы довѣрите мнѣ сіе препорученіе. Итакъ я надѣюсь, что вы меня скоро къ себѣ потребуете на линію».—«Непремѣнно».

Губернаторъ Сталь, Горчаковъ, Бебутовъ и я, мы проводили Алексѣя Петровича до казачьяго поста Артисхари, гдѣ позавтракали. Губернскій предводитель дворянства, г.-м. князь Багратіонъ, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и привезъ славнѣйшаго Карталинскаго вина. Пробывъ тутъ съ часъ или полтора, мы отмѣнили съ Бебутовымъ свою поѣздку до Душета и простились съ Алексѣй Петровичемъ, который при прощаніи еще повторилъ мнѣ, что онъ меня скоро потребуетъ на линію, для командированія меня за Каспійское море. Какія чудесныя мѣста мы проѣзжали, какая удивительная природа, какіе виды, какой климатъ! Надобно отдать справедливость Грузіи, что здѣсь былъ бы земной рай, еслибы жители не были діаволы. Подъѣзжая къ Мцхету, мы вездѣ видѣли остатки монастырей и величественнѣйшія развалины строеній. Я ѣхалъ съ протопопомъ Мцхетинскимъ, и онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ про обширность и величіе древней сей столицы Колхиды. Теперь видны вездѣ остатки; но въ Мцхетѣ осталось только дворовъ тридцать обывательскихъ и двѣ огромныя церкви, замѣчательныя своей древностію, величіемъ и красотой; одна изъ нихъ построена была учителемъ, а другая по тому же образцу ученикомъ. Хотя меня протопопъ увѣрялъ, что зданія сіи построены во время введенія христіанской вѣры въ Грузіи, но я думаю, что они должны быть древнѣе сего; ибо, войдя въ церковь, я видѣлъ много изображеній идолопоклонниковъ, которыя теперь, по невѣжеству духовенства здѣшняго, считаются за изображенія святыхъ. На одной стѣнѣ написано весьма дурно празднество: пляшущія женщины держатся за руки, одна изъ нихъ имѣетъ въ правой рукѣ родъ трещетки, кастаньетъ, другая бьетъ въ барабанъ; дѣйствіе происходитъ на берегу моря, на коемъ видно множество кораблей, и посреди оныхъ семиглавый сфинксъ; въ углу написана большая голова, испускающая лучи изо рта, какъ изображаютъ дующаго Эола. Видно, что живопись сію хотѣли истре-

*) Т.-е. двоюроднаго брата. П. Б.

бить, потому что штукатурка, на которой она находится, вся избита съ намѣреніемъ; но изображенія остались. На одномъ углу однакоже превратили идолопоклонническія изображенія въ изображенія святыхъ, надъ головами коихъ находятся Славянскія надписи, которыя хотя и весьма ясны, но я не могъ разобрать ихъ. Вѣроятно, что многія буквы особеннаго рода и можетъ быть даже совсѣмъ не-Славянскія. Я вошелъ въ алтарь, гдѣ нашелъ также много надписей Славянскихъ; образа написаны на стѣнѣ и должны быть весьма древніе; одинъ изъ нихъ изображаетъ святаго, у ногъ котораго лежитъ сѣкира; подлѣ написано дерево; святой сей держитъ скрижаль съ Славянскою надписью, которую я также разобрать не могъ; но священникъ сказалъ мнѣ, что въ Евангеліи Матвѣя, въ третьей главѣ, въ 10-мъ стихѣ, упомянуто нѣчто о сѣкирѣ и древѣ. Теперь въ сію минуту я справлялся о семъ въ Евангеліи Славянскомъ и нашелъ слова Іоанна Крестителя, проповѣдующаго въ степи: *уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ*. Когда мнѣ опять удастся въ Мцхетѣ побывать, то я посмотрю сію надпись и узнаю, на Славянскомъ-ли она языкѣ. Я видѣлъ еще нѣсколько изображеній идолопоклонническихъ на стѣнахъ, и также гробницы царей Грузинскихъ. Нельзя удержаться отъ восхищенія, произведеннаго огромностью сводовъ и древностію сего зданія. Снаружи и внутри все украшено искуснѣйшими барельефами. Церковь построена изъ тесаннаго дикаго камня и, вѣрно, зданіе сіе имѣетъ себѣ мало подобныхъ. Оставшіеся теперь жители въ Мцхетѣ имѣютъ дурное имя не быть гостепріимными, такъ что въ Грузіи вошло въ пословицу, когда кто другому зла желаетъ, сказать ему: *Дай Богъ, чтобы тебя дорогою застала ночь въ Мцхетѣ*. Около Мцхета въ скалахъ видно много пещеръ, которыя я непремѣнно намѣренъ осмотрѣть.

Мы переѣхали черезъ Куру по древнѣйшему мосту, построенному, какъ говорятъ, Помпеемъ Великимъ. Оный идетъ чрезъ островъ, на коемъ построены, для защиты моста, двѣ каменныя башни, похожія фигурой своей на башни Римскія, судя по рисункамъ Chevalier Folard; однако онѣ не имѣютъ mâchicoulis *) и довольно малы.

4-го. Поутру былъ у меня Ивановъ. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ въ первый разъ у вице-губернатора с. с. Семена Васильевича Васильева. Столъ былъ постный и весьма пакостный. Старикъ Васильевъ—немилосердый говорунъ, тянетъ рѣчи свои, вставляетъ много другихъ предложеній, которыя обѣщается послѣ начать и кончить къ ужасу слушателей. Часто среди разговора протяжнаго онъ обращается къ слугѣ и, кивая на него головой, ругаетъ его. Васильевъ—не

*) Зубчатыя забрала для верженія камней и стрѣльбы. П. Б.

одинъ въ своемъ родѣ: такихъ стариковъ очень много, но я не умѣю ихъ здѣсь описать. Они красно стелятъ, краснобаи, говоруны и лгуны; готовы прослезиться всякій часъ; всѣ у нихъ благодѣтели, всѣхъ знаютъ по имени и по отчеству, а если не упомнятъ, то называютъ всѣхъ родственниковъ его и гдѣ онъ служилъ, когда произведенъ былъ, когда женился, когда тесть его скончался и пр.

Послѣ обѣда пришелъ къ нему контръ-адмиралъ Веселаго и началъ его бранить самымъ жестокимъ образомъ. Васильевъ защищался, но весьма слабо и, наконецъ, сказалъ Веселаго, что онъ самъ начнетъ ему грубости говорить. Веселаго вспылилъ и отвѣчалъ ему, что онъ сего не позволитъ и что, притопнувъ ногой, заставитъ его молчать. Я думаю, что у нихъ потомъ завязалась славная сшибка; я ушелъ съ Ивановымъ и не слыхалъ ея. Дѣло, кажется, вотъ въ чемъ состояло.

Каспійской флотиліи отпускаютъ жалованье ханскими абазами по пяти на рубль, а сухопутнымъ войскамъ въ Грузіи Тифлисскими абазами. Ханскіе абазы хуже Тифлисскихъ и, вмѣсто 4 рубл. ассигнаціями, составляютъ только 3 рубл. 15 коп. Веселаго хотѣлъ о томъ просить Алексѣя Петровича и, полагая, что нынче также, какъ и при Ртищевѣ, всѣ дѣла надобно дѣлать черезъ посредничество окружающихъ главнокомандующаго, просилъ о томъ Могилевскаго и Васильева, которые, не знаю по какимъ причинамъ, дѣло тянули и передъ самымъ отъѣздомъ Алексѣя Петровича объявили Веселаго, что безъ главнокомандующаго нельзя сего дѣла рѣшить. Веселаго поторопился сказать сіе Алексѣю Петровичу передъ отъѣздомъ и получилъ въ отвѣтъ, что для чего онъ только теперь до свѣдѣнія сіе дѣло довелъ и больше ничего. Кажется, что сіе понудило его напасть на вице-губернатора и разбранить его.

7-го. Я узналъ по приказамъ, что братъ Михайло отпущенъ на Кавказскія воды и въ Крымъ для излеченія ранъ отъ 1-го Марта по 1-е Сентября. Вѣроятно, что намѣреніе его будетъ сюда пріѣхать для навѣщенія меня. Желая отвратить путешествіе его черезъ горы, которое могло бы разстроить его здоровье, а еще болѣе не желая видѣть никого изъ близкихъ своихъ для избѣжанія соблазна къ возвращенію въ Россію, я писалъ къ Боборыкину на линію и заклиналъ его дружбой, чтобы онъ брата въ Тифлисъ не пускалъ.

Пришедши домой, я нашелъ двери запертыми на ключъ, и никого изъ людей моихъ не было дома; но скоро я узналъ, что Артемій мой въ полиціи; я туда пошелъ и нашелъ его. Вотъ за что̀ онъ попался. Отъ наружныхъ дверей моей квартиры проведена веревка къ колокольчику, наверху висящему, дабы ночью, когда двери заперты, можно было пришедшему дать знать о себѣ; всякую ночь Грузины

приходятъ шалить и стучатъ въ колокольчикъ, и потому я людамъ приказалъ схватить одного изъ нихъ и привести его ко мнѣ. Вчера во время отсутствія моего трое Грузинъ, прогуливаясь, зазвонили мимоходомъ въ мой колокольчикъ. Артемій выбѣжалъ и сталъ съ виновнаго снимать бурку, чтобы его примѣта у насъ осталась. Грузинъ ударилъ его въ ухо, мой буланой схватилъ дубинообразную мою плеть и откаталъ Грузина, который пошелъ въ полицію, и тамъ оказалось, что это былъ какой-то князь Циціановъ. Артемій самовольно съ нимъ въ полицію пошелъ. Увидя его и распросивъ обстоятельно, я пошелъ къ полиціймейстеру Каханову, который велѣлъ выпустить моего человѣка. Княжеская бурка осталась у меня и сегодня отправляется въ полицію. Я видѣлъ и князя, который больше похожъ на водовоза. Къ стыду здѣшняго дворянства Грузинскаго, такихъ князей здѣсь сотни, и они ни во что̀ не считаютъ понесенные ими удары.

8-го. Я началъ обучать Русской граматикѣ меньшаго брата Василія Бебутова, Павла. Онъ мальчикъ острый и понятливый; ему теперь 12 лѣтъ.

Отобѣдавъ дома съ Унгерномъ, я пошелъ къ Шагриманову, гдѣ познакомился съ здѣшнимъ ахундомъ или начальникомъ Магометанской вѣры; онъ человѣкъ весьма умный и ученый поазіатски, т. е. знаетъ весьма хорошо восточные языки. Ввечеру я прогуливался въ саду главнокомандующаго и поймалъ тамъ фалангу, упадшую въ бассейнъ; я послалъ ее домой и уморилъ въ водкѣ, раздразнивъ ее порядочно. Насѣкомое сіе весьма злое и кидается съ бѣшенствомъ на тѣхъ, которые его дразнятъ. Сей родъ фалангъ особенный; онѣ имѣютъ передъ головой двѣ короткія руки съ пятью пальцами и когтями на каждой; ухватясь ими за предметъ, фаланга подноситъ оный ко рту, буде въ силахъ, а буде нѣтъ, сама вытягивается и ужаливаетъ четырьмя зубцами, испускающими самый сильный ядъ. Такихъ точно фалангъ я убилъ двѣ на себѣ въ Персіи, лежа раздѣтый на постелѣ. Одну я успѣлъ сначала казнить, но другая ушла сперва подъ подушку Василія Бебутова, который въ то время подлѣ меня спалъ; боясь загнать ее подъ одѣяло къ нему, я ударилъ съ противной стороны по подушкѣ, и фаланга опять побѣжала черезъ меня; однакоже я тутъ успѣлъ убить ее.

16-го. Я познакомился съ Ѳеофилактомъ. Онъ меня часа два продержалъ у себя, и мы разговаривали на счетъ правленія въ Россіи. Ѳеофилактъ человѣкъ весьма умный, ученый, начитанный и говоритъ прекрасно: объ чемъ бы мы ни начали говорить, онъ вездѣ показываетъ особенныя познанія. Онъ узналъ, что я племянникъ Николая Ми-

хайловича Мордвинова, съ которымъ онъ весьма знакомъ, и просилъ меня посѣщать его.

20-го. Я получилъ вчера письмо отъ Бурцова; онъ извѣщаетъ меня, что братъ Михайло женится въ нынѣшнемъ году на дочери Шереметевой, у которой воспитывается сестра наша. Извѣстіе сіе меня крайне удивило.

Ввечеру у меня былъ Ѳома Кургановъ, который сбирается помочь мнѣ въ предпринимаемомъ мною трудѣ перевести Малькольма сочиненіе «Исторія Персіи» на Русскій языкъ. Я намѣренъ дополнять книгу сію замѣчаніями, которыя почерпну изъ Армянскихъ писателей и многихъ другихъ, присоединяя къ сему мои собственныя замѣчанія.

30-го. Я познакомился поутру съ человѣкомъ занимательнымъ, а именно съ дядей переводчика Шемира. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, жилъ въ Багдадѣ и въ другихъ мѣстахъ Персіи. Онъ ни слова порусски не знаетъ, а весьма хорошо потурецки; такъ что, слушая его разсказы объ его путешествіяхъ, я принужденъ былъ внимать и привыкать къ Турецкому языку.

1-го Мая я былъ позванъ на обѣдъ генералъ-маіоромъ Пестелемъ; онъ давалъ обѣдъ въ казенномъ саду. Погода была прекрасная, и садъ весьма хорошъ, такъ что вечеръ былъ очень хорошо проведенъ; музыка играла подъ деревьями. Довольно странно, что во время игры иволга сѣла на сосѣднее дерево и пѣла весьма согласно съ флейтъ-пиколемъ. Ввечеру Ѳеофилактъ пришелъ прогуливаться въ садъ; я встрѣтилъ его; онъ ласковымъ образомъ упрекалъ меня, что я къ нему не хожу. Онъ вошелъ въ палатку и сѣлъ подлѣ дамъ, посадилъ меня подлѣ себя и началъ разговоръ о поединкахъ. Сообразно съ саномъ своимъ, онъ охулялъ обычай сей. Я и Горчаковъ были совершенно согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что обычай сей остался еще отъ варварскихъ временъ, но что, живя въ обществѣ, надобно сообразоваться съ обычаями онаго и часто принимать меньшее зло для избѣжанія бо́льшаго. Наумовъ вступилъ въ споръ, и какъ онъ немного смыслитъ по сей части, то и былъ тотчасъ же огорошенъ; онъ сталъ, наконецъ, упираться на Ѳеофилакта, который давно слушалъ меня съ улыбкой единомыслія. Чтобы совершенно поразить всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгнули подъ крылышко высокопреосвященнаго, я обратилъ рѣчь къ нему сими словами: «Долго ли еще будете вы противорѣчить моимъ мнѣніямъ? Вы видите ихъ совершенно согласными съ вашими. Я признаю обычай сей за весьма дурной, но на меня сіи господа нападаютъ, сами не зная за что̀, и потому мнѣ ничего больше дѣлать не осталось, какъ прибѣгнуть подъ покровительство вашего высокопреосвященства. Увѣрьте сихъ господъ, что я правъ; они не

хотятъ понять меня, а я вижу, что вы одинако мыслите со мной». Ѳеофилактъ улыбнулся и далъ почувствовать справедливость моихъ словъ. Однако я къ нему на дняхъ пойду и упрекну ему въ томъ, что онъ меня такъ долго мучилъ словами совершенно противными тѣмъ, которыя я отъ него слышалъ, когда мы разъ два часа вмѣстѣ провели наединѣ въ кабинетѣ его.

Ввечеру я заходилъ къ Роттіерсу: какой купецъ, какой Жидъ, какой Армяшка и какой Нѣмецъ!

5-го я былъ у обѣдни; во время оной Могилевскій сказалъ мнѣ, что Алексѣй Петровичъ прислалъ къ нимъ въ канцелярію письмо, писанное поанглійски изъ Моздока въ Таврисъ отъ патеровъ іезуитовъ къ Линдесею, и Алексѣй Петровичъ приказалъ письмо сіе распечатать и прочесть, чтобы узнать, нѣтъ ли въ ономъ чего касательно политики. Отъ обѣдни я пошелъ къ Ѳеофилакту; у него было много народа. Василій Ивановичъ Вороновъ отличался по обыкновенному своимъ велерѣчіемъ, кричаніемъ и споромъ, утверждая, что для исправленія нравовъ военныхъ должно въ церкви каждое Воскресенье послѣ обѣдни говорить проповѣдь.

7-го я былъ свидѣтелемъ одного весьма обиднаго происшествія для каждаго Русскаго, въ Грузіи живущаго. Я видѣлъ, какъ четыре Имеретина несли на носилкахъ тѣло одного умершаго коллежскаго ассесора; онъ былъ просто въ рубашкѣ и покрытъ мундиромъ. Ему вырыли яму и безъ всякаго обряда христіанскаго, безъ гроба, его зарыли въ землю. Онъ сюда пріѣхалъ на службу, но не получилъ мѣста, жилъ одинъ въ бѣдности, заболѣлъ, просился въ госпиталь, ему отказали, никто за нимъ не ходилъ, и на дняхъ его нашли мертваго въ постелѣ. Полиціймейстеръ приказалъ Имеретинамъ зарыть его.

Я просилъ Якубовича участвовать въ моихъ занятіяхъ касательно свѣдѣній, сбираемыхъ мною для описанія Грузіи, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ описаніе Кахетіи, на что̀ онъ охотно согласился.

12-го. Пріѣхалъ къ намъ Воейковъ изъ Москвы и привезъ мнѣ множество писемъ, нѣкоторыя посылки и денегъ. Батюшкино письмо меня весьма тронуло. Я видѣлъ въ ономъ самыя нѣжныя чувства ко мнѣ и привязанность. Отъ Александра я получилъ письмо и нѣсколько посланій. Онъ изображаетъ мнѣ несчастное положеніе, въ которомъ находится отечество наше, и представляетъ мнѣ тѣ бѣды, которыя оному предстоятъ.

14-го. Ввечеру было у меня собраніе тѣхъ господъ, которые помогаютъ мнѣ дѣлать выписки изъ Грузинскихъ писателей для Исторіи Персіи. Ѳома Кургановъ прочелъ прекрасныя записки, заключающія свѣдѣнія, неизвѣстныя Европейцамъ. Онъ весьма много трудился для

собиранія оныхъ. Мирза Ибрагимъ, человѣкъ съ большими восточными свѣдѣніями, кажется, пренебрегаетъ симъ: записки его ничего не значущи, тогда какъ онъ гораздо больше насъ могъ бы написать, и то надобно было его сколько разъ просить. Присутствовали еще старшій сынъ мирзы Ибрагима, князь Григорій Бебутовъ и Сумбатовъ. По прочтеніи записокъ я предложилъ господамъ составить общество, желая воскресить то, которое у насъ въ Персіи составлено было; всѣ охотно согласились, но кажется, что мирза Ибрагимъ отъ насъ отстанетъ.

17-го. Я хожу каждый день къ Турецкому учителю, потому что онъ сбирается черезъ двѣ недѣли ѣхать въ Кахетію на все лѣто. Я вижу самъ успѣхи свои: вчера я началъ переводить на Турецкій языкъ и перевелъ съ помощью учителя и лексикона маленькую сказку. Утро мое занято передѣлываніемъ на бѣло съемки моей; работа сія мнѣ страшно надоѣла, и я хочу за нее прилежно присѣсть, чтобы скорѣе ее кончить. Итакъ мнѣ всего остается на свои занятія только послѣобѣденное время, въ которое я долженъ ходить къ учителю, повторять уроки, заниматься записками о Персіи и прогуливаться: ибо безъ сего послѣдняго никакъ бы силъ не стало. Ужъ и то начали у меня глаза болѣть отъ занятій. Поутру, даже въ то самое время, какъ я занимаюсь своимъ планомъ, я учу еще чтенію маленькаго Бебутова, коего лѣность и невниманіе часто принужденъ наказывать.

1-го Іюня. Часу въ первомъ, отпустивъ гостей, я легъ благополучно спать, какъ пришелъ ко мнѣ писарь отъ Иванова съ секретной бумагой: по препорученію Вельяминова приказывалъ мнѣ Ивановъ, чтобы я съ полученія сего отправился въ Шамшадальскую дистанцію для слѣдующаго предмета. Главный приставъ той дистанціи подполковникъ Водарскій донесъ главнокомандующему, что Татары его выступили на кочевье и ожидали только прибытія султана ихъ Нассеба, чтобы бѣжать за границу, вслѣдствіе чего онъ просилъ начальство взять мѣры для удержанія ихъ силой въ повиновеніи. Вельяминовъ приказалъ изъ Елисаветполя идти одной ротѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка съ орудіемъ на урочище Шагъ-Дагъ, а двумъ егерскимъ ротамъ идти изъ Квеши на смѣну первой роты; къ сему отряду приказано было еще прикомандировать 80 казаковъ. Я былъ избранъ для распоряженія сими войсками и занятія ущелій и дорогъ, могущихъ способствовать къ побѣгу жителей. Бѣжать уже собирались не одни только Шамшадальскіе Татары, но даже и Елисаветпольскіе и Карабагскіе. Надлежало потому выбрать такое мѣсто, гдѣ всѣ дороги сіи сходятся; построить, если нужно, шанецъ, учредить караулы, секретные пикеты и разъѣзды и, въ случаѣ нападенія, принять непріятеля должнымъ образомъ. Я въ 4 часа утра всталъ,

велѣлъ укладывать чемоданы, а самъ пошелъ къ Вельяминову, который меня принялъ весьма ласково, далъ мнѣ наставленіе словесное и полную власть распоряжаться какъ мнѣ будетъ угодно, говоря, что онъ совершенно надѣется на меня. Наумовъ вручилъ мнѣ три летучія карты для посылки рапортовъ къ главнокомандующему. Военный губернаторъ Сталь потребовалъ меня къ себѣ передъ отъѣздомъ моимъ и самымъ благороднымъ образомъ вручилъ мнѣ записку, сказавъ: Г. Муравьевъ, васъ посылаютъ къ какому-то урочищу Шагъ-Дагу, которое вамъ не больше извѣстно какъ начальству; можетъ быть мѣсто сіе не нужно занимать, а вотъ записка весьма вѣрная, которая вамъ покажетъ тѣ урочища, которыя могутъ служить къ исполненію воли начальства. Я весьма благодарилъ Сталя за его ласку и благорасположеніе ко мнѣ. Отобѣдалъ дома и послалъ сказать Унгерну, что я вечеръ у него проведу и потомъ отправлюсь. Мы точно у него собрались. Всѣ удивлялись внезапному отъѣзду моему тѣмъ болѣе, что никто не зналъ, куда и зачѣмъ я ѣду. Дѣло сіе скрытно должно было быть, потому чтобы Шамшадальскій Нассебъ-султанъ не провѣдалъ о движеніи войскъ и не сдѣлалъ бы отчаяннаго удара...

5-го Іюня, предъ сумерками я пріѣхалъ къ главному приставу Водарскому. Обнимая его, я сказалъ ему на ухо, что пріѣхалъ къ нему за дѣломъ; между тѣмъ я разгласилъ, что пріѣхалъ къ нему въ гости. Нассебъ-султанъ тотчасъ прибѣжалъ, выговаривая приставу, зачѣмъ онъ не извѣстилъ его о такомъ дорогомъ гостѣ. Изъ словъ султана можно было видѣть, что онъ уже былъ увѣдомленъ о всѣхъ заготовленіяхъ, сдѣланныхъ нами для удержанія его отъ побѣга. Когда всѣ разошлись изъ кибитки, я далъ приставу прочесть всѣ бумаги, и мы стали разговаривать съ нимъ на счетъ сего происшествія. Его извѣстилъ о намѣреніи Татаръ бѣжать одинъ Армянинъ по имени Калантаръ; доказательствомъ сему служило то, что Татары нынѣшній годъ, противъ обыкновенія своего, забрали съ собой хлѣба на два мѣсяца на кочевье. Причина намѣренія ихъ та, что имъ объявили права ихъ, т. е. крестьянъ обратили въ казну, султану опредѣлили во владѣніе только 20 дворовъ, а агаллары всѣ остались на сушѣ. Простой народъ былъ бы весьма доволенъ сими постановленіями; но султанъ и агаллары увѣряютъ ихъ, что съ нихъ хотятъ рекрутовъ брать и тѣмъ смущаютъ ихъ. Какъ уже давно догадывались о намѣреніи Татаръ, то и былъ посланъ по дистанціямъ 9-го егерскаго полка маіоръ Лисаневичъ съ офицерами для узнанія духа народнаго. Лисаневичъ самъ теперь находится въ Казахской дистанціи, а на кочевье Тарчай былъ присланъ поручикъ князь Орбеліановъ, Грузинъ, кото-

рому главный приставъ не совѣтовалъ мнѣ довѣрять. Многіе увѣряли, что слухъ о побѣгѣ Татаръ былъ совершенно пустой; но мнѣ противное показалось...

19-го я уже садился верхомъ, какъ прискакалъ ко мнѣ казакъ изъ Салагловъ съ бумагой. Я распечаталъ ее; одно было письмо отъ П. Н. Ермолова-изъ Кизляра, въ которомъ онъ давалъ мнѣ разныя свѣдѣнія на счетъ линіи; второе было предписаніе отъ г.-л. Вельяминова, которое отравило совершенно все удовольствіе, на которое я надѣялся возвращаясь въ Тифлисъ. Я ожидалъ, что похвалятъ меня за хорошія распоряженія мои, за стараніе, за трудъ, и что̀ же вышло? Вельяминовъ отвѣчаетъ мнѣ на рапортъ, посланный къ нему съ Сатанахача. Въ семъ рапортѣ, кромѣ другихъ предметовъ, я доносилъ ему: 1) что намѣреніе Шамшадальцевъ было бѣжать въ Нахичевань и что войскъ у меня недостаточно было для занятія тѣхъ мѣстъ, на что̀ мнѣ въ отвѣтъ дано: что-де препорученность вашего высокоблагородія не простирается на Нахичеванскія дороги. 2) Я доносилъ, что отрядъ находится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жителей нѣтъ, а потому прошу начальство, чтобы оно предписало окружнымъ начальникамъ, чтобы они выслали свои обывательскіе караулы къ старшему въ отрядѣ находящемуся, дабы они могли служить ему проводниками въ разъѣздахъ и командировкахъ. На сіе въ отвѣтъ я получилъ, что самъ могу требовать проводниковъ. Я самъ ихъ долженъ требовать, то́гда какъ окружные начальники не были даже предувѣдомлены о прибытіи моемъ въ ихъ округи! 3) Я доносилъ, что, въ случаѣ нападенія отъ Татаръ, всѣ дороги, ведущія къ магазейнамъ нашимъ въ Караклисъ и Елисаветполь, могутъ быть отрѣзаны, что войско тогда останется безъ продовольствія, и потому я предлагалъ устроить временный магазейнъ при Сатанахачѣ. На сіе въ отвѣтъ я получилъ, что жителямъ еще война сія не объявлена.

Получивши сію бумагу, я тотчасъ возъимѣлъ подозрѣніе на Иванова, что она его работы и что Вельяминовъ по слабости подписалъ ее. Я поскакалъ въ Тифлисъ взбѣшенный. Но какъ я пріѣхалъ въ обѣденное время, то, не въѣзжая еще въ заставу, я остановился у Татарскихъ бань и вымылся. Оттуда по обѣщанію своему заѣхалъ я къ Унгерну, котораго дома не засталъ, а отъ Унгерна проѣхалъ домой, гдѣ отдохнулъ съ часъ, одѣлся и пошелъ къ Иванову. Я донесъ ему сперва о сдѣланномъ мною, потомъ сказалъ ему, что въ награду за сіе меня обидѣли послѣдней бумагой. Ивановъ показалъ видъ удивленнаго. Какъ, что̀ такое? спросилъ онъ. Я ему показалъ предписаніе Вельяминова, которому онъ много удивлялся. Наконецъ, я сказалъ ему, что сейчасъ же иду къ Вельяминову оправдываться и просить у него

объясненія, почему онъ мнѣ такъ обидно отвѣчалъ? Мой Ивановъ перепугался. Извините меня, Николай Николаевичъ, сказалъ онъ мнѣ, вамъ правду если сказать, такъ я эту бумагу написалъ; но божусь вамъ, я только написалъ слова Вельяминова. Я пошелъ къ Вельяминову, который меня принялъ такъ холодно, какъ будто бы я никакого препорученія не имѣлъ. Я сталъ оправдываться. За Карабагскія дороги, возразилъ онъ, Карабагскій ханъ отвѣчаетъ. Я увидѣлъ, что съ Вельяминовымъ нечего толковать; видѣлъ, что онъ казенный генералъ, ищущій не пользы, а отвѣтственности на подчиненныхъ, и потому я ему нѣсколько разъ повторилъ, что я поступилъ въ донесеніи своемъ согласно съ долгомъ моимъ, впрочемъ, что распоряженія *его* и что я виноватъ не останусь. Онъ промолвилъ «да», и только. Однако я ему жаловался на Донскаго казачьяго полковника Денисова, который не выставилъ надлежащаго числа казаковъ, и онъ приказалъ мнѣ идти къ Наумову и сказать ему, чтобы онъ послалъ о томъ запросъ къ Денисову. Я былъ крайне уставши, однако пошелъ, нашелъ Наумова на ученіи и объявилъ ему приказаніе Вельяминова.

20-го. Я поутру пошелъ къ Сталю, благодарилъ его за записку, данную мнѣ имъ передъ отъѣздомъ моимъ, старался обратить вниманіе его къ дѣлу Водарскаго; но онъ не главнокомандующій. Онъ выслушалъ меня, долго разспрашивалъ и говорилъ со мной. Я сталъ было намекать ему о послѣднемъ предписаніи Вельяминова, но онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Видя его осторожность, и я замолчалъ.

21-го. Вчера узналъ я, что сюда ѣдетъ 500 семей колонистовъ, которые не требуютъ никакого вспомоществованія отъ казны, даже конвоя. Добрые Нѣмцы сіи нашли гдѣ-то въ Библіи, что имъ надобно сюда переселиться, и ѣдутъ съ полнымъ увѣреніемъ быть счастливыми здѣсь. Вчера уѣхалъ отсюда прибывшій депутатъ отъ нихъ къ Сталю; онъ до Моздока ѣхалъ въ каретѣ. За обѣдомъ у губернатора я видѣлъ отставнаго артилерійскаго офицера, пріѣхавшаго сюда съ депутатами колонистовъ. Сей кажется мнѣ большой дуракъ, колонисты тоже странные люди. Ихъ 500 семей выѣхало изъ Виртемберга. Они увѣрились, что ѣдутъ сюда по пророчеству Библіи и что черезъ десять лѣтъ ихъ пребыванія здѣсь будетъ свѣтопреставленіе. Розенъ поѣхалъ показывать имъ земли.

1-го Іюля. Едва я успѣлъ кончить планъ свой съемки за Курой, какъ казакъ принесъ ко мнѣ предписаніе отъ Иванова, за подписаніемъ Вельяминова. Въ семъ предписаніи велѣно мнѣ отправляться въ Карабагъ, въ Шушу, а оттуда въ Тативу, гдѣ расположены двѣ роты 9-го егерскаго полка. Г.-м. князь Мадатовъ доноситъ, что изъ Шамшадалъ не идетъ другихъ дорогъ чрез Карабагъ за границу,

какъ чрезъ Горячія Воды, куда выставлена одна рота. Мнѣ приказали осмотрѣть, правда ли это, и изустно сказано, что въ семъ случаѣ Мадатову не весьма довѣряютъ и полагаютъ, что онъ другихъ дорогъ не признаетъ для того единственно, чтобы ему имѣть эту роту въ прикрытіи на Горячихъ Водахъ. Послѣ я долженъ обозрѣть разстояніе между Горячими Водами и озеромъ Гокча и устроить разъѣзды для усиленія постовъ. По моему представленію, командировали еще одну роту 17-го егерскаго полка къ разрушенному городу Шахъ-Назару.

Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы Бергъ со мной ѣхалъ, потому что одному весьма скучно было бы; но я не зналъ, какимъ образомъ сдѣлать сіе, потому что бумага моя была секретная. Хотя и всѣмъ извѣстно было куда и зачѣмъ я ѣду, но я могъ получить неудовольствіе отъ Иванова, и потому мы рѣшили, чтобы Бергъ пошелъ къ Иванову и разными побочными разговорами вынудилъ бы Иванова самого разсказать ему, куда я ѣду и предложить ему ѣхать со мной, чтò и случилось. Бергъ пошелъ къ Иванову, и послѣ долгаго разговора Ивановъ предложилъ ему со мной ѣхать. Я частнымъ образомъ слышалъ, что по границѣ нашей въ той сторонѣ разъѣзжаетъ одинъ Англинской офицеръ изъ Тавриса, для предварительнаго узнанія границъ и спрашивалъ у Сталя совѣта, чтò мнѣ съ нимъ дѣлать, если встрѣчусь? Губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что если сей Англичанинъ думать будетъ, что онъ въ Персидскихъ границахъ, я буду думать, что въ Русскихъ, то что я правъ долженъ быть.

3-го. Я сѣлъ верхомъ съ Бергомъ въ 11 часовъ вечера и прибылъ 4-го до разсвѣта въ Соганлугъ, гдѣ уснулъ до восхожденія солнца. Рано поутру мы выѣхали изъ Соганлуга и послѣ полудня остановились на Салаглинскомъ посту, для пережданія жаровъ. Ввечеру мы выѣхали и встрѣтили ночью Розена, возвращающагося съ колонистами изъ Елисаветполя. Имъ чрезвычайно понравилась Ганжинская равнина. Я съ ними разговаривалъ; имъ здѣшній климатъ не кажется тягостнымъ; они хотятъ поселить по 50 или по 100 семейныхъ на каждой изъ рѣчекъ, протекающихъ чрезъ казачьи посты и обѣщаются выписать еще 500 семействъ, буде имъ сію землю отдадутъ. Кажется, Нѣмцы сіи, изъ Виртемберга выѣхавшіе, составляютъ особую секту; у нихъ пасторовъ нѣтъ, ихъ ведетъ какой-то крестьянинъ съ Библіей въ рукахъ, увѣряя ихъ, что Священное Писаніе повелѣваетъ имъ переселиться въ страну ближе къ Іерусалиму лежащую, что черезъ 10 лѣтъ будетъ свѣтопреставленіе и тогда они всѣ въ раю будутъ. Будучи въ полномъ увѣреніи въ истинѣ сего, они бросили отечество свое и странствуютъ, отыскивая обѣтованную землю и воспѣвая молитвенныя пѣсни по три раза въ день. Государь пода-

рилъ имъ по 1000 р. на каждое семейство. Они построили себѣ на сіи деньги обозъ и теперь уже переправляются черезъ Кавказскія горы.

5-го числа мы пріѣхали передъ вечеромъ въ Шамхоръ и видѣли знаменитый столпъ, построенный Тимуръ-Ленгомъ. Въ Елисаветполѣ, 6-го, я пошелъ къ полковнику Крылову, который окружный начальникъ въ Елисаветпольскомъ округѣ, тотъ самый Крыловъ, который былъ главнымъ приставомъ въ Боргалинской дистанціи. Онъ принялъ меня очень ласково и просилъ переѣхать къ нему, что̀ я и сдѣлалъ съ товарищемъ своимъ Бергомъ. Крыловъ водилъ меня по городу, показывалъ базаръ, который прекрасно выстроенъ; площадь передъ базаромъ необыкновенной красоты. Я нигдѣ не видалъ столь восхитительнаго мѣстоположенія и вмѣстѣ величественнаго; никакія гулянья ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, и Тюльери въ Парижѣ не могутъ сравняться съ симъ мѣстомъ. Городъ весьма обширенъ, состоитъ изъ садовъ; обывательскіе же дома выстроены въ срединѣ оныхъ. Зелень чудесная и строенія порядочныя, крѣпость хорошо выстроена, стѣны оной высоки, башни, ворота внушаютъ почтеніе къ симъ мѣстамъ, обагреннымъ кровію Русскихъ, которые крѣпость штурмомъ брали, когда Елисаветполь было еще ханствомъ Ганжинскимъ. Я также видѣлъ мечеть—удивительное зданіе. Я любовался искусству Азіатцевъ въ строеніи, въ которомъ они многимъ превзошли Европейцевъ.

7-го числа я выѣхалъ изъ Ганжи. Нельзя было не выздоровѣть, побывавъ въ Шахъ-Булагѣ. Природа надѣлила всѣми богатствами земной рай сей. Не упоминая здѣсь о плодородіи, о садахъ, о водахъ сего мѣста, для описанія которыхъ перо мое слишкомъ слабо, я только скажу, что нравственныя и тѣлесныя силы мои ожили при воззрѣніи на прелестнѣйшіе виды. Воздухъ, которымъ я дышалъ, былъ самый пріятный и душистый отъ безчисленнаго множества плодовитыхъ деревьевъ, плодовъ и цвѣтовъ разныхъ родовъ. Выѣхавъ изъ палимыхъ зноемъ равнинъ, я былъ у подошвы горъ; прохладный вѣтерокъ вѣялъ, я пилъ воду холодную, свѣтлую какъ хрусталь, истекающую изъ скалъ. Со всѣхъ сторонъ были башни, за̀мки, мечети, занимательныя своею красотой, древностью и строеніемъ. Еслибъ такой край былъ населенъ Европейцами, кто бы согласился разстаться съ онымъ? Но полно мнѣ восхищаться: я никогда не буду въ силахъ описать душевную радость и пріятное уныніе, которыя вселяютъ подобныя мѣста. Казачій постъ состоитъ въ крѣпости, прекрасно выстроенной отцемъ Карабагскаго хана, Мекти-Кули-Ибрагимомъ. Тутъ скончался недавно г.-м. Загорскій на дорогѣ изъ Тифлиса въ Ахъ-Угланъ, для осмотра 9-го егерскаго полка.

9-го. Въ Шушу я пріѣхалъ послѣ полудня. Городъ больше похожъ на Европейскій, нежели на Азіатскій; дома всѣ наружные и покрыты деревянными кровлями. Городъ выстроенъ на высокомъ мѣстѣ, климатъ здѣсь холодный. Шуша есть столичный городъ Карабагскаго ханства, въ коемъ ханъ называется Мекти-Кули, а управляющій онымъ и всѣми ханствами въ Грузіи г.-м. князь Мадатовъ.

Народъ Карабагскій тоже не спокоенъ. Здѣсь считается до 15,000 семействъ, коихъ часть Армянъ; но сіи послѣдніе весьма угнетены Татарами, которые господствуютъ здѣсь. Доходы отъ сей обширной и богатой области простираются до 8000 червонцевъ; но по словамъ князя Мадатова они могли бы до одного милліона простираться, еслибъ область сія не управлялась ханомъ и была бы непосредственно подъ Русскимъ правленіемъ. Мекти-Кули-ханъ къ намъ не приверженъ, имѣетъ тайную переписку съ Персіянами и возмущаетъ народъ противъ насъ. Онъ имѣлъ бы несчетныя богатства, но расточаетъ все на любимцевъ своихъ. Между прочими любимцами его есть одинъ Рустамъ-бекъ, котораго онъ взялъ изъ пастуховъ, надавалъ ему деревень и полную власть. Рустамъ-бекъ сей—злодѣй, дѣлаетъ что̀ хочетъ. Однако правительство наше взяло мѣры, чтобы сему хану не наслѣдовали братья по смерти его, а чтобы ханство досталось намъ. Я былъ весьма ласково принятъ Мадатовымъ и остановился у него въ домѣ.

10-го. Мы ѣздили верхомъ осматривать окрестности города. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ неприступными скалами вышиною саженъ въ 150, съ коихъ сталкивали преступниковъ во времена самовластнаго ханскаго правленія; съ четвертой стороны сдѣлана стѣна длиною въ нѣсколько верстъ. Подъ одной изъ вышеупомянутыхъ скалъ выстроенъ замокъ съ крѣпостію, въ которомъ находились ханскія сокровища и жены его во время бунтовъ. Распрашивая жителей о положеніи различныхъ мѣстъ, я имѣлъ случай видѣть, сколь невѣрны наши карты.

Мы всѣ пили чай у здѣшняго коменданта маіора Дистерло. Онъ Курляндецъ родомъ, ѣздилъ недавно въ отпускъ и женился на Нѣмкѣ въ Митавѣ, привезъ сюда жену свою; но она прямая Нѣмка. Бергъ такъ и ходитъ около нея.

Вечеръ я провелъ у Мадатова и читалъ ему бумаги свои касательно первой командировки моей. Онъ также объяснилъ мнѣ образъ мыслей и связи здѣшнихъ старшинъ и какія мѣры должно взять въ случаѣ возмущеній, и я нашелъ въ немъ того, чего не ожидалъ. Я полагалъ, что онъ ничего больше какъ шутъ или дюжинный генералъ, который съ однимъ эскадрономъ врубился въ непріятельскую армію. Совсѣмъ нѣтъ, онъ распорядителенъ, благоразуменъ, какъ должно быть въ его чинѣ и званіи; притомъ знаніе нрава народнаго даетъ ему

большое преимущество передъ Русскими приставами, коимъ здѣшніе жители совершенно чужды. Онъ мнѣ также показывалъ переписку свою съ Алексѣемъ Петровичемъ, который къ нему имѣетъ большую довѣренность, даромъ что онъ съ нимъ всегда шутилъ въ Тифлисѣ.

Еще долженъ я упомянуть о занимательномъ предметѣ въ здѣшнемъ краю, о которомъ я прежде не зналъ, а именно о плодородіи. На берегахъ Куры оно столь сильно, что жители не пашутъ земли: рѣка разливается, потопляетъ поля и оставляетъ послѣ трещины въ землѣ; жители бросаютъ по сему полю сѣмена, и хлѣбъ у нихъ родится самъ 200 и самъ 250.

11-го. По сдѣланному договору съ княземъ Мадатовымъ мы остались въ Шушѣ. Бергъ кончилъ планъ Карабага, а я объѣздилъ окрестности города и снялъ оныя наскоро. Ввечеру за ужиномъ мы смѣялись до умора. Князь Мадатовъ разсказывалъ намъ, какъ полковникъ Донскаго войска Золотаревъ окрестилъ въ Греческое исповѣданіе Итальянца Ферари, который въ Тифлисѣ у насъ былъ шутомъ. Ферари сумасшедшій Венеціянецъ, служилъ помощникомъ цирюльника подлекаря, лекаря короля Неаполитанскаго. Возвратившись изъ похода въ Венецію, онъ сошелъ съ ума, пустился путешествовать, былъ въ Египтѣ. Онъ лечилъ глупыхъ Азіатцевъ чудотворными камнями, которые онъ по рѣкамъ собираетъ и носитъ за бантомъ въ штанахъ. Судьба его занесла въ Анатолію, гдѣ онъ надоѣлъ Туркамъ. Турки высадили его на берегъ въ Имеретію, судно удалилось, и онъ пришелъ на козачій постъ, гдѣ козаки, видя его пристрастіе къ рѣдкимъ каменьямъ, продали ему кусокъ горнаго хрусталя за алмазъ, взяли съ него послѣдніе пять червонцевъ, назвали его шпіономъ и привели въ Тифлисъ. Алексѣй Петровичъ открылъ въ немъ отличныя способности къ званію шута, нарекъ его такимъ и держалъ его съ мѣсяцъ въ Тифлисѣ, въ которое время онъ роздалъ всѣмъ генераламъ царства и королевства. Наконецъ, когда онъ всѣмъ порядочно надоѣлъ, главнокомандующій далъ ему по желанію его открытый листъ, яко господину доктору, для проѣзда въ Персію. Аббасъ-мирза принялъ его въ Таврисѣ, но, видя, что онъ сумасшедшій, приказалъ его обратно къ намъ отправить. Ферари привезли въ Карабагъ, въ Шушу къ Мадатову, всего въ оружіи одѣтаго и выдающаго себя за повѣреннаго Алексѣя Петровича. Мадатовъ зналъ его и, посмѣявшись надъ нимъ, отправилъ его въ Ахъ-угланъ, гдѣ стоитъ 9-й егерскій полкъ и Золотарева Донской казачій. Подполковникъ Реутъ и Золотаревъ приняли слова его за истинныя. Онъ выдалъ себя за сына Алексѣя Петровича; ему повѣрили. Онъ пожелалъ окреститься въ нашу вѣру, его окрестили и отправили въ Баку. Онъ поѣдетъ моремъ въ Астра-

ханъ, оттуда намѣревается проѣхать къ Алексѣю Петровичу, для сообщенія ему важнѣйшихъ тайнъ. Мы смѣялись надъ легковѣріемъ Золотарева, который тутъ присутствовалъ. Мадатовъ умѣлъ прикрасить происшествія сіи разными забавными приключеніями, которыя веселили насъ цѣлый вечеръ.

12-го мы отправились изъ Шуши и прибыли въ Яглу-Булакъ. Князь Мадатовъ разсказывалъ намъ о правленіи въ Карабагѣ. Во времена Ртищева здѣшніе беки доставали себѣ Русскіе чины черезъ посредничество Могилевскаго, который собралъ отъ нихъ большія деньги за то и выхлопоталъ имъ большія жалованья. Съ тѣхъ поръ беки сіи нѣсколько разъ были въ агахъ въ Персіи, а по возвращеніи своемъ пользовались тѣми же правами отъ нашего правительства. Теперь люди сіи получаютъ большія жалованья отъ насъ и ничего не дѣлаютъ кромѣ какъ бунтуютъ народъ. Князь Мадатовъ нѣсколько разъ представлялъ Алексѣю Петровичу, чтобы ихъ лишить жалованья; ибо изъ 8.000 червонцевъ годоваго дохода, получаемаго нами отъ Карабага, около 3.000 выходитъ на жалованье. Но главнокомандующій хочетъ еще помедлить, дабы внезапными мѣрами не отвратить народъ отъ насъ. Хотя бы народъ и весьма доволенъ былъ, еслибъ уничтожили власти хановъ и бековъ, но онъ имѣетъ къ нимъ довѣренность и слушаетъ внушенія ихъ.—14-го, день моего рожденія, мы дневали у Ханларъ-аги. Ввечеру я читалъ вслухъ нѣсколько изъ перевода, сдѣланнаго Кургановымъ изъ Армянской исторіи.

15-го мы отправились къ Горячимъ Водамъ. Онѣ весьма горячи, вытекаютъ изъ скалы въ большомъ изобиліи. Докторъ нашъ Зоровъ негусто смыслитъ по сей части. Сколько я могъ увидѣть, мнѣ показалось, что воды сіи заключаютъ купоросъ и селитру; горячія онѣ имѣютъ вкусъ соленый, а простылыя кислый, но весьма непріятный. Сюда пріѣзжаетъ каждый годъ по нѣскольку тысячъ Татаръ и лѣчатся. Они больше трехъ разъ не купаются, послѣ чего ложатся, потѣютъ, напьются сей воды и уѣзжаютъ на другой же день. Каковы же должны быть свойства сихъ водъ, когда послѣ трехъ ваннъ больные выздоравливаютъ? Всѣ возможныя болѣзни здѣсь проходятъ. Еслибъ обдѣлать ванны сіи и завести тутъ чистоту и порядокъ, то бы отъ сихъ водъ могла большая польза произойти; но Татары сіи совершенно дики, не заботятся о пользѣ общей, а въ водахъ сихъ видятъ нѣчто чудеснаго, нѣчто сверхъестественнаго. Въ тотъ же вечеръ мы работали съ солдатами, дабы очистить одну ванну для насъ.

16-го. Вьюки наши прибыли, мы пошли купаться въ ваннахъ; но вода столь горяча была, что давъ ей выстояться около получаса, я не могъ болѣе минуты въ оной просидѣть. Я выскочилъ изъ воды,

легъ и приказалъ себя весьма тепло накрыть, чтò произвело во мнѣ сильную испарину. Мадатовъ и Золотаревъ купались почти въ теплой водѣ. Мы всѣ потѣли съ часъ и возвратились домой чай пить.

Ввечеру мы разговаривали довольно долго съ княземъ Мадатовымъ. Я разсказывалъ ему ссору нашу съ Ивановымъ и причины, по которымъ меня не произвели. Я удивился, когда услышалъ изъ-подъ усовъ Мадатова разсужденія достойныя философа. Онъ мнѣ говорилъ, что конечно случай сей для меня весьма прискорбенъ долженъ быть, но что я долженъ скрыть свои неудовольствія, дабы не дать непріятелямъ своимъ радоваться моему прискорбію, а что когда Ермоловъ воротится съ линіи, то я долженъ просить у него объясненія, зачѣмъ я такимъ образомъ обиженъ предъ товарищами.

17-го. Мадатовъ разсказывалъ намъ одно происшествіе, переданное ему недавно приставомъ Нухинскаго или Шехинскаго ханства маіоромъ Баратовымъ, который увѣрялъ его въ истинѣ онаго. Тому съ мѣсяцъ какъ на берегахъ Куры, на большой равнинѣ, показалась огромная змѣя бѣлаго цвѣта. За ней шло множество змѣй разныхъ родовъ. Ей навстрѣчу вышла другая змѣя такой же величины, но совершенно краснаго цвѣта, тоже въ сопровожденіи малыхъ змѣй. Началось сраженіе, въ которомъ малыя змѣи дѣлали ужасные прыжки и передушили множество между собою. Наконецъ, большія двѣ змѣи схватились, и бѣлая задушила красную, которую подхватили и унесли съ поля сраженія. Тогда третья змѣя, взобравшись на скалу, испустила ужасный свистъ, послѣ котораго всѣ змѣи разбѣжались. Мадатовъ воспользовался симъ разсказомъ, чтобы увѣрить жителей, что бѣлый змѣй былъ нашъ *Бѣлый Царь*, а красный былъ *Персидскій Шахъ*; ибо Персіянъ называютъ Кизилъ-башами или красно-головыми. Происшествіе сіе вѣроятно ложное, но можетъ сдѣлать большое вліяніе на Татаръ.

21-го. Мы смотрѣли разоренную Армянскую церковь, называющуюся *Золъ*. Я удивлялся красотѣ и твердости зданія, мелкой рѣзьбѣ, которою покрыты камни. Калантаръ прочиталъ одну надпись, по которой мы узнали, что тутъ похороненъ какой-то Армянскій царь весьма давно; но Калантаръ не мастеръ былъ читать, и мы не могли много узнать изъ любопытныхъ надписей. Въ сводѣ церкви былъ ходъ, въ который нельзя было иначе попасть какъ въ одно небольшое отверстіе весьма высокое; лѣстницы у насъ не было, и я употребилъ то средство, которымъ Римляне лазили на стѣну въ крѣпость. Я поставилъ внизу трехъ казаковъ, имъ на плечи двухъ, а симъ послѣднимъ одного, который влѣзъ въ отверстіе, но испугавшись темноты воротился. Церковь окружена большимъ кладбищемъ, на коемъ вид-

ны были величественные памятники, какъ-то камни необыкновенной величины прекрасно выточенные и обдѣланные въ барельефахъ и надписяхъ; иные памятники состояли изъ столбовъ, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго камня вышиною сажени въ полторы, а толщиною въ полъ-аршина; столбы сіи стояли на пьедесталахъ, карнизы были очень хорошо выдѣланы, а на верху столбовъ изъ того же самаго камня были сдѣланы вазы Греческаго вкуса.

До казачьяго поста намъ уже не болѣе двухъ верстъ оставалось; мы занимались разсматриваніемъ зданія, какъ вдругъ наши казаки закричали и сѣли на коней; мы за ними поскакали; ибо казаки съ поста гнали медвѣдя къ намъ навстрѣчу. Я схватилъ казачью пику, и мы окружили медвѣдя, который скрылся въ кустахъ, на берегу Гили растущихъ. Казачья лошадь моя была весьма плохая и едва везла меня; я предложилъ спѣшиться и атаковать медвѣдя въ кустахъ; но какъ никто не хотѣлъ сего сдѣлать, то я остался верхомъ. Казаки начали въ кусты стрѣлять, и медвѣдь оттуда выскочилъ. Онъ былъ огромный. Оглянувшись на всѣ стороны, онъ бросился на меня, ибо я ближе всѣхъ къ нему былъ, и я едва успѣлъ оборотить свою лошадь и уѣхать отъ него, потому что казаки всѣ врознь ударились. Медвѣдь пошелъ по рѣчкѣ внизъ; я въ слѣдъ за нимъ переправился на правый берегъ и слѣдовалъ рядомъ съ нимъ, саженяхъ въ четырехъ отъ него. Медвѣдь имѣлъ уже двѣ раны пулями, ибо его съ самаго утра гоняли. Я хотѣлъ довершить побѣду, ударивъ его хорошенько пикой, но онъ опять выскочилъ изъ воды и бросился на меня, такъ что я въ другой разъ едва успѣлъ отъ него отъѣхать. Между тѣмъ Водарскій зарядилъ ружье свое, выстрѣлилъ и попалъ медвѣдю въ спину; вслѣдъ за симъ мой казакъ тоже выстрѣлилъ изъ ружья, попалъ медвѣдю въ бокъ и убилъ его. Медвѣдь былъ столь великъ, что два казака съ трудомъ его могли на берегъ вытащить. Во все сіе время Бергъ пропадалъ; онъ сказалъ мнѣ послѣ, что онъ сзади пистолетъ заряжалъ. Увидѣвши медвѣдя растянутаго у ногъ нашихъ, онъ весьма удивился и какъ до него понятія весьма поздно доходятъ, то онъ разспрашивалъ о приключеніяхъ и смерти медвѣдя съ любопытствомъ, когда ему уже пороли брюхо ножемъ.

Убивши медвѣдя, мы поѣхали на постъ, осмотрѣли мѣсто и рѣшились возвратиться лѣвымъ берегомъ рѣки Гили, черезъ Эриванскія владѣнія. Мы остановились закусить на берегу озера, при разоренной Армянской церкви, которую я назначилъ подъ магазейнъ. Въ сей церкви есть каменный столпикъ странныхъ свойствъ: по оному можно угадывать, исполнятся или нѣтъ желанія проѣзжаго. Задумавъ что-нибудь, надобно взять камушекъ и приставить оный въ столпу: если

желаніе исполниться должно, то камень къ столпу прилипнетъ; если нѣтъ, то оный отвалится. Татары такъ увѣрены въ чудесныхъ свойствахъ сего столпа, что когда они ѣздятъ на рыбную ловлю, то всегда стараются узнать о благополучной или неблагополучной ловлѣ своей у сего столпа. Водарскій самъ вѣрилъ сему, ибо когда онъ прежде тутъ проѣзжалъ, то онъ самъ загадывалъ, и камень его прилипалъ къ столпу. Я также полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ состоитъ дѣло; камни мои не прилипали сначала, но вскорѣ я увидѣлъ, что на столпу семъ было нѣчто клейкое, которое придерживало камень въ иныхъ мѣстахъ, и всѣ мои камни стали прилипать: на столпу вороны вили гнѣзда и замарали оный каломъ своимъ. Но Бергъ по праву путешественника дѣлалъ другія заключенія. Онъ сталъ увѣрять пристава, что въ сей церкви дѣлались жертвоприношенія, что онъ навѣрное знаетъ, что жители обмазывали столпъ кровью жертвъ и что отъ того онъ получилъ сію клейкость. Мы посмѣялись предразсудкамъ Татаръ и догадкамъ путешественника...

25-го. Я имѣлъ отъ пристава письмо къ Армянскому архіерею, кочующему въ горахъ, дабы быть хорошо принятымъ на ночлегѣ; но едва я сталъ подыматься на Мургузъ какъ встрѣтилъ архіерея: онъ ѣхалъ къ приставу съ плодами въ подарокъ. Я ему показалъ письмо отъ пристава. Архіерей былъ больше похожъ на мужика, чѣмъ на священную особу; я съ нимъ изъяснялся потурецки. Безъ дальнихъ оборотовъ архіерей поѣхалъ проводникомъ впереди. Мы въ тотъ день немного отъѣхали и ночевали за Мургузомъ внизу у рѣки; архіерей досталъ намъ барана и взамѣнъ выпилъ у меня половину рома моего, не забывая и водки.

26-го мы поѣхали дальше. Архіерей ѣхалъ весьма медленно, на каждомъ кочевьѣ останавливался, благословлялъ Армянъ, такъ что я разсердился и поѣхалъ отъ него впередъ; онъ послалъ меня воротить, ибо на каждомъ кочевьѣ смѣнялъ по одной лошади, а я ему послалъ сказать, чтобы онъ лошадей впередъ за мной послалъ, и остановился отдыхать у его кочевья, отъ котораго онъ меня старался отвести. Архіерей скоро самъ прискакалъ, угощалъ насъ огурцами, смѣнилъ нашихъ лошадей, и я весьма радъ былъ съ нимъ проститься.

27-го. Я увидѣлъ огни Тифлисскіе съ такимъ удовольствіемъ, какъ бы я увидѣлъ огни въ домѣ отца моего.

28-го поутру я явился къ Иванову и спросилъ у него, на чье имя онъ прикажетъ мнѣ подать рапортъ и представить работу; онъ приказалъ сіе сдѣлать на имя Вельяминова. Я явился къ Вельяминову и былъ обласканъ имъ.

Итакъ нынѣшняя командировка удалась мнѣ лучше первой.

29-го я началъ работу свою обдѣлываніемъ плана дороги отъ Шуши до озера Гокча или Севанга и описаній.

1-го Августа. Я представилъ сперва работу свою Иванову и потомъ Вельяминову, который поблагодарилъ меня и просилъ сдѣлать еще одинъ экземпляръ плана дороги, дабы послать оный къ Алексѣю Петровичу.

Въ отсутствіе мое пріѣхалъ сюда Хойскій ханъ изъ Персіи. Онъ ведетъ жеребцовъ въ подарокъ къ Государю и, кажется, имѣетъ къ нему тайныя препорученія отъ Персидскаго двора; можетъ быть, что шахъ хочетъ просить Карабагъ себѣ обратно, мимо Алексѣя Петровича. Ханъ сей продѣлалъ разныя штуки съ Вельяминовымъ, напр. онъ три дня сряду не хотѣлъ идти къ нему, ожидая отъ него перваго визита; но Вельяминовъ не сдался, къ нему не пошелъ, и когда ханъ согласился къ нему первый идти, то Вельяминовъ три дня его не принималъ. Жеребцы, которыхъ онъ къ Государю въ подарокъ ведетъ, весьма посредственны; они стоятъ у Бебутова на дворѣ. Бебутовъ позвалъ къ себѣ одного изъ называющихся чиновниками хана и выдающаго себя за сарбазскаго полковника. Самозванецъ-полковникъ сей получилъ на дняхъ пятьсотъ ударовъ палками по пятамъ отъ своего хана. Я его въ Персіи видалъ и узналъ его. Онъ просто слуга Аббасъ-мирзы, знаетъ нѣсколько по-русски и потому былъ посланъ къ посольству, дабы служить шпіономъ; но Боборыкинъ его еще въ Эривани узналъ и объявилъ объ немъ Алексѣю Петровичу, который, желая показать Аббасъ-мирзѣ, сколько мало онъ его боится, нарочно ругалъ его при семъ шпіонѣ и послѣ велѣлъ прогнать его.

Содержаніе хана стоитъ намъ здѣсь каждый день до сорока рублей серебромъ, но ханъ изъ сего промышляетъ. Ему назначили было тридцать рубл. сер. получать на день, онъ отъ нихъ отказался и требовалъ, чтобы ему все натурой выдавали. На то согласились, и онъ подалъ записку о томъ, что̀ ему нужно, такъ что онъ получаетъ на 40 рубл. сер. въ день: онъ не можетъ половину того съѣсть; кромѣ того не кормитъ людей своихъ, продаетъ провизію и обираетъ у людей деньги. Промыселъ достойный Персидскаго посланца!

Царь Георгій былъ послѣдній въ Грузіи. Человѣкъ сей заботился больше о своемъ желудкѣ, чѣмъ объ отечествѣ своемъ и продалъ оное Русскимъ. Онъ былъ весьма золъ. Князь Бебутовъ былъ тогда мишь-карбашемъ при немъ или оберъ-егермейстеромъ и служилъ при одномъ изъ его сыновей, котораго онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Георгій жилъ въ домѣ у Бебутовыхъ. Разъ онъ позвалъ мишь-карбаша къ себѣ; дорогой его предупредили, что царь хочетъ ему глаза выколоть. Бебутовъ испугался, не зналъ на что рѣшиться, идти-ли

къ нему или нѣтъ? Наконецъ онъ рѣшился идти и предстать предъ царя своего, изнеможеннаго роскошной и нѣжной жизнію и болѣзнями. Бебутовъ былъ больше мертвъ, нежели живъ. Ты, я чаю, весьма оскорбишься, закричалъ ему Георгій грознымъ голосомъ, если я тебя куда-нибудь пошлю?—Мой долгъ и мои желанія въ томъ состоятъ, чтобы пролить кровь свою за ваше величество.—Поѣзжай же сейчасъ въ Елисаветполь къ Джаватъ-хану, объяви ему о славныхъ побѣдахъ, одержанныхъ Русскими надъ Лезгинами и скажи ему, что если онъ мнѣ подарковъ не пришлетъ, то я и за него примусь. Бебутовъ радъ былъ удрать, выѣхалъ немедленно изъ Тифлиса и остался у Джаватъ-хана Ганжинскаго; ибо онъ узналъ навѣрное, что намѣреніе Георгія было выколоть ему глаза. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ къ нему человѣкъ, посланный отъ жены его, съ запиской вшитой въ потникѣ сѣдла. Записка сія содержала слѣдующія слова: Пріѣзжай, хищная птица наша умерла. Бебутовъ немедленно оставляетъ Джаватъ-хана, прискакиваетъ, въ Крагъ-Салаглы и узнаетъ, что Георгій цѣлые сутки лежалъ въ обморокѣ и опять ожилъ. Встрѣтившіеся съ нимъ поздравляютъ его со столь радостнымъ извѣстіемъ; но Бебутовъ вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Тифлисъ, поворотилъ налѣво, въ Казахи, гдѣ онъ три дня прожилъ и узналъ, наконецъ, навѣрное, что Георгій во второй разъ рѣшительно умеръ и не воскреснетъ больше. Тогда онъ возвратился въ Тифлисъ. Происшествіе сіе можетъ дать малое понятіе о правленіи царей Азійскихъ...

7-го, я уже началъ заниматься по прежнему. Вчера ввечеру былъ у меня Ѳома Кургановъ, и мы читали презанимательныя записки его, содержащія Армянскую исторію вкратцѣ. Кургановъ весьма хорошо сообразилъ ее и представилъ весьма внятно всю исторію Арменіи на нѣсколькихъ страницахъ.

8-го ввечеру былъ у Унгерна, гдѣ мы имѣли разговоръ на счетъ злоупотребленій, нынѣ во времена Алексѣя Петровича существующихъ. Они столь велики, какъ еще никогда не были: никогда столько взятокъ не брали какъ нынче. Ермоловъ видитъ все, но позволяетъ себѣ наушничать и часто оправдываетъ и обласкиваетъ виноватаго. Напр. полковникъ Ладинскій, человѣкъ извѣстный своимъ корыстолюбивымъ нравомъ, плутовствами и злодѣяніями во времена Ртищева, теперь любимецъ генерала; полковникъ Екимовъ тоже каналья и тоже любимъ; полковникъ Пузыревскій, злодѣй и корыстолюбивый, также любимъ и проч., когда о порядочныхъ людяхъ и знать не хотятъ. А сему причиною Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, къ которому всѣ сіи народы подбиваются. Вельяминовъ же дѣлаетъ изъ Алексѣя Петровича что́ хочетъ. Столь долгое пребываніе главнокомандующаго на Сунджѣ

подаетъ мысль, что ему Грузія надоѣла и что онъ хочетъ отъ дѣлъ отвязаться, отъ чего злоупотребленія увеличиваются, и народъ ропщетъ.

Кахетинскому бунту были причиною Русскіе, послѣ чего наказаны были тѣ изъ Грузинъ, которые невинны были, а виноватые всѣ откупились и получили чины, кресты и большія жалованья, такъ что сами Грузины говорятъ въ насмѣшку, что тотъ, который полковника зарѣзалъ, тотъ самъ теперь полковникъ, который маіора зарѣзалъ, тотъ маіоръ, который капитана зарѣзалъ, тотъ капитанъ.

По всему нынѣ видимому кажется, что будетъ новый бунтъ.

Мы также говорили о безчестномъ поступкѣ Русскаго правительства съ Соломономъ, царемъ Имеретинскимъ. Войска наши заняли Имеретію, и Соломону предложили ѣхать въ Петербургъ, на чтò онъ согласился только тогда, когда посланный къ нему Могилевскій далъ ему клятву на Евангеліи, что ему никакого зла не будетъ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Соломона сажаютъ подъ караулъ, и онъ, боясь, чтобы съ нимъ чего другаго не сдѣлали, ушелъ въ Турцію, за чтò комендантъ, караульный офицеръ и дежурный были разжалованы въ солдаты, а дивизіонный генералъ Розенъ былъ подъ судомъ. Головаловъ разсуждалъ весьма обыкновеннымъ образомъ и называлъ Грузинъ измѣнниками, не входя въ разсмотрѣніе злодѣяній, которыя мы съ ними дѣлали. Онъ также обвинялъ поступокъ царицы Грузинской, которая своеручно убила кинжаломъ генерала Лазарева, который пришелъ къ ней объявить, что она должна ѣхать съ нимъ въ Петербургъ немедленно и хотѣлъ употребить насиліе, когда она отказывалась отъ сего путешествія. Поступокъ сей можно бы назвать геройскимъ. Чтò остается дѣлать царицѣ, которую хотятъ съ престола свергнуть? Но мы привыкли думать, что Грузины насъ любить должны, и потому называемъ ихъ измѣнниками, мучаемъ ихъ, вѣшаемъ и сквозь строй гоняемъ невинныхъ.

Я ужиналъ у мишь-карбаша; у него были князь Шіошъ Тумановъ и Ѳома Кургановъ. Мы разговаривали о древней исторіи Грузіи и законахъ ея. Кургановъ назвалъ одинъ законъ, который еще теперь въ Имеретіи въ употребленіи. Оный существовалъ и въ Европѣ въ рыцарскія времена. Раскаливали желѣзный крестъ на огнѣ и клали его на руку тяжущихся; они должны были три шага съ онымъ сдѣлать и бросить его передъ судьями. Тогда имъ надѣвали на руки мѣшки, кои припечатывали къ рукѣ и послѣ трехъ дней свидѣтельствовали у нихъ руки; тотъ, у котораго оставался слабѣйшій знакъ обожженія, считался правымъ. Испытаніе сіе дѣлалось еще другимъ образомъ: искатели должны были вынуть желѣзный крестъ изъ кипящей воды, послѣ того руки ихъ также запечатывались въ мѣшки.

Послѣ того разговоръ зашелъ у насъ о правленіи Русскихъ въ Грузіи. Злоупотребленій здѣсь множество. Алексѣй Петровичъ смотритъ на оныя сквозь пальцы, или не знаетъ объ оныхъ. Всякій управляющій какой-нибудь частью присвоиваетъ себѣ неограниченную власть и дѣлаетъ что̀ ему вздумается. По словамъ Грузинъ, Ѳеофилактъ не упущаетъ случая, а на полиційместера Каханова весь Тифлисъ до такой степени озлобленъ, что жители въ состояніи его ночью упрятать куда-нибудь. Кахановъ однако славно заправляетъ дѣлами полиціи, расширяетъ улицы и строитъ дома, не взирая на разореніе жителей, ибо онъ заставляетъ нищихъ строить двухъ-этажные дома. Для лучшаго исполненія возложенной на него должности власть ему дана неограниченная, и онъ часто пользуется ею, чтобы притѣснять жителей. Просьбы на него подаваемыя уничтожаются безъ всякаго разсмотрѣнія начальствомъ.

11-го. Ввечеру пріѣхалъ Василій Бебутовъ отъ Алексѣя Петровича сюда для провожанія прибывшаго хана въ Петербургъ.

12-го Бебутовъ вручилъ мнѣ бриліантовый перстень и бумагу отъ Алексѣя Петровича, въ которой онъ объявляетъ мнѣ высочайшее благоволеніе отъ Государя за посольство. Бумага мнѣ особенно пріятна была, потому что генералъ кончаетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ весьма пріятно надѣяться, что сія монаршая милость послужитъ вамъ къ вящшему на пользу службы усердію, которымъ и поставите вы меня въ обязанность ходатайствовать у престола Государя Императора о достойномъ васъ вознагражденіи». Не ясно-ли тутъ сказано, что онъ чувствуетъ обиду мою и вознаграждаетъ меня?

Бебутовъ извѣстилъ меня о дѣлахъ, на линіи происходящихъ. Чеченцы въ большихъ силахъ нападаютъ на насъ; у нихъ до 4000 войскъ, и у насъ до 11 тыс.; но они всегда отбиты съ большимъ урономъ. Въ одномъ изъ такихъ сраженій мы сдѣлали 114 пушечныхъ выстрѣловъ и побили у нихъ болѣе 20 человѣкъ, тогда какъ съ нашей стороны только двое раненыхъ.

14-го. Съ Сунджи пришло извѣстіе о новомъ сраженіи, въ которомъ Чеченцы напали въ большихъ силахъ на одну колонну нашу. Генералъ Вельяминовъ былъ посланъ на выручку оной и освободилъ ее. Сраженіе происходило на чистомъ полѣ; множество Чеченцевъ побито картечью, другіе бѣжали, разсыпались по лѣсамъ и теперь совершенно исчезли. Съ нашей стороны убитыхъ нѣтъ, а раненыхъ четыре солдата и маіоръ Грековъ.

На первыхъ дняхъ прибытія Алексѣя Петровича къ лагерю на Сунджѣ, Чеченцы вырѣзали нѣсколько Донскихъ козаковъ, стоявшихъ на пикетѣ. Съ Донскими казаками всегда такія вещи случаются, ибо

нѣтъ войска оплошнѣе, лѣнивѣе, безпечнѣе и презрительнѣе ихъ. Ермоловъ жестоко наказалъ остальныхъ казаковъ плетьми, потомъ выславъ всѣхъ изъ кибитки, призвалъ къ себѣ Донскаго офицера, бывшаго на посту. Тебя плетьми бить нельзя, сказалъ онъ ему, потому что ты офицеръ; такъ вотъ же тебѣ! Ермоловъ схватилъ его за чупрунъ одной рукой, а другой избилъ его по чемъ ни попало, потомъ сбилъ его съ ногъ, потопталъ и, выкинувъ изъ кибитки, кликнулъ адъютанта Лещенко, которому велѣлъ яму вырыть, дабы сего офицера живаго въ оную зарыть. Сысоевъ упросилъ Алексѣя Петровича, который бы вѣрно сего не сдѣлалъ, хотя уже и яму рыли. Офицера сего изъ службы за то выключили. Алексѣй Петровичъ по примѣру князя Циціанова нѣсколько разъ продѣлывалъ такія операціи съ Грузинами.—Изъ писемъ, полученныхъ вчера Воейковымъ, я узналъ, что старшій братъ мой Александръ помолвленъ на Шаховской и уѣхалъ съ ней въ Петербургъ....

28-го поутру уѣхалъ отсюда князь Василій Бебутовъ съ прибывшимъ Персидскимъ ханомъ. Я съ нимъ отправилъ моего Артемья, который на службу не годенъ по пьянству и по слѣпотѣ своей. Я ему выпрошу у отца моего волю, которую онъ заслужилъ своей вѣрностью и усердіемъ.

Ввечеру я былъ у Шахубатова, бывшаго здѣсь нѣкогда полиціймейстеромъ, и читалъ у него отрывки изъ рукописной исторіи Грузіи, которую онъ недавно кончилъ. Видно, что онъ много трудился, ибо Грузинскія лѣтописи представляли только однѣ небылицы, въ коихъ даже лѣта не были выставлены. Шахубатовъ избралъ истину, привелъ ее въ надлежащій порядокъ и дожидается прибытія Алексѣя Петровича, чтобы ему представить сію книгу и просить позволенія напечатать оную. Слогъ могъ бы гораздо получше быть, но Шахубатовъ упрямъ и не любитъ слушать совѣтовъ.

1-го Сентября. Третьяго дня я узналъ, что Александръ-царевичъ, ради побѣга коего, изъ предосторожности, вся Грузія была усыпана козаками (на Курѣ всѣ броды были заняты и учреждены были поминутные разъѣзды) пробрался въ Ахалцыхъ съ 24 человѣками мимо полковника Ладинскаго, котораго я полагаю въ части и въ заговорѣ съ тѣми изъ жителей, которые подкуплены были для пропуска царевича *). Но если Ладинскій, какъ вѣроятно по душѣ его и по прежнимъ поступкамъ, виноватъ: онъ все-таки выпутается, сдѣлаетъ другихъ виноватыми и получитъ еще награжденіе за одного князя Агатова, который ѣхалъ за царевичемъ, у котораго лошадь пристала и котораго Ладинскій принужденъ былъ взять и прислать въ Тифлисъ. Поведеніе

*) См. въ Р. Архивѣ 1878, II, 300 предписаніе Вельяминова Ладинскому о царевичѣ. П. Б.

Ладинскаго въ семъ случаѣ довольно ясно доказываетъ, что онъ сговорился съ царевичемъ пропустить его. Нельзя однако человѣка обвинить въ такомъ преступленіи, не имѣя на то вѣрнѣйшихъ доказательствъ; но, зная подлость Ладинскаго, я лично готовъ сему вѣрить. Не знаю теперь, какимъ образомъ царевичъ будетъ Персіянами принятъ; ибо я знаю, что въ мирномъ договорѣ съ ними сказано въ секретной статьѣ, что если Персіяне примутъ его, то сіе сочтутъ за объявленіе войны съ ихъ стороны.

2-го. Слухъ пронесся, что три музыканта стояли у духана; духанщикъ указалъ имъ одного человѣка, говоря, что онъ есть Александръ царевичъ; музыканты хотѣли поймать его, но онъ ушелъ. Тотчасъ повелѣнія даны были по всѣмъ заставамъ не выпущать простаго народа изъ города; но не менѣе того я самъ видѣлъ, какъ всякій свободенъ былъ идти, куда ему заблагоразсудится.

3-го. Ввечеру былъ у меня Головалевъ и разсказывалъ, какимъ образомъ царевичъ проѣхалъ мимо самой квартиры Донскаго полковника Табунщикова, которому за шесть часовъ до сего дано было знать о проѣздѣ царевича и о всѣхъ примѣтахъ его, самымъ подробнымъ образомъ. Когда царевичъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, онъ, узнавъ, что то былъ сомнительный человѣкъ, послалъ одного козака воротить его; но царевичъ объявилъ козаку, чтобы онъ не безпокоился о томъ, ибо онъ скоро уже будетъ въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ. Оплошность и безпечіе нынѣшнихъ Донскихъ козаковъ въ Грузіи можетъ вступить въ пословицу.

10-го. Я началъ у Иванова новую работу: почтовую карту всей Грузіи, которую отъ него князь Волконскій требуетъ.

Донскаго полковника Табунщикова Алексѣй Петровичъ удалилъ отъ полка за то, что онъ пропустилъ царевича.

12-го. Я узналъ вчера, что три полка: 9-й егерскій, 17-й егерскій и Тифлисскій пѣхотный получили приказаніе быть готовымъ къ выступленію въ походъ; ибо получены извѣстія, что Мекти-Кули-ханъ Карабагскій хочетъ взбунтоваться со своими подданными. Командиръ всего отряда сего будетъ генералъ-маіоръ фонъ-Краббе.

13-го. Я пришелъ домой довольно поздно. Только что я успѣлъ раздѣться, какъ услышалъ женскій вой на дворѣ и повторенныя слова: *мокуди*, *мокуди*, что значитъ умерла или умеръ. Я выбѣжалъ и увидѣлъ свою сосѣдку въ ужасномъ отчаяніи; она рвала на себѣ волосы, билась въ грудь, въ лице. У нея умерла дочь ея, дѣвочка 16 лѣтъ, прекрасная собой, которая уже мѣсяца съ три какъ хворала. Ее залечили Грузинскіе лекаря. Я всякій день смотрѣлъ на несчастную сію

въ маленькое окошко изъ чулана и видѣлъ каждый день, какъ она постепенно истаевала.

14-го. Воздвиженіе. Я хотѣлъ было къ обѣднѣ идти; но мнѣ помѣшали двое похоронъ, которые мимо меня пронесли, изъ коихъ одни были похороны моей сосѣдки; тутъ и Армянскій архимандритъ Нерсесъ былъ. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на принужденныя кривлянія родственниковъ и на плакальщицъ.

Вчера я получилъ бумагу отъ Иванова для принятія дѣлъ отъ него по квартирмейстерской части: онъ самъ ѣдетъ къ Донскому полковнику Табунщикову для изслѣдованія дѣла, какимъ образомъ проѣхалъ мимо него Александръ-царевичъ, и дѣлаетъ большую тайну изъ сего.

15-го. Коцебу тоже вчера уѣхалъ въ Ганжу и дальше, для дѣланія астрономическихъ наблюденій. Я явился къ Вельяминову, который велѣлъ мнѣ заняться размѣщеніемъ въ городѣ прибывшихъ трехъ баталіоновъ изъ лагеря. Я по сему дѣлу ходилъ къ Дренякину, ихъ бригадному командиру, и нашелъ его больнаго, лежащаго въ несказанномъ свинствѣ и нищетѣ. Онъ былъ окруженъ штабъ-офицерами сихъ баталіоновъ, которыхъ онъ даже не посадилъ; онъ вралъ ужасную дичь: говорилъ мнѣ, что для размѣщенія солдатъ по квартирамъ должно измѣрить длину и ширину сакли, вычислить квадратное содержаніе оной и раздѣлить послѣ того сакли по баталіонамъ. Дренякинъ насмѣшилъ насъ всѣхъ. Я узналъ вчера отъ адъютанта его Степанова, что деньщикъ его пишетъ къ нему рапорты о числѣ оставшихся подковъ и гвоздей, о числѣ подкованныхъ ногъ у лошадей и пр.

16-го. Я цѣлое утро бѣгалъ съ квартиргерами вступившихъ баталіоновъ, которые не могли умѣститься, потому что гарнизоны занимали множество квартиръ. Я представилъ генералу, и онъ согласился вывести гарнизонъ въ селеніе Навтлугъ и приказалъ возвратить полковымъ штабъ-офицерамъ ихъ квартиры, которыя во время отсутствія ихъ были заняты посторонними людьми. Я объявилъ сіе полиціймейстеру, который отвѣчалъ мнѣ, что генералъ не имѣетъ права входить въ распоряженія квартиръ, и сталъ мнѣ давать наставленія касательно моей должности. Я принужденъ былъ заставить его молчать, напомня ему, что не ему меня учить.

17-го. Я наканунѣ представилъ генералу о выводѣ гарнизоннаго баталіона за городъ и говорилъ ему еще о нѣкоторыхъ другихъ перемѣнамъ касательно квартиръ. Онъ на все согласился. Опираясь на томъ, я сдѣлалъ свои распоряженія и расположилъ баталіоны. Вчера я узналъ, что генералъ все отмѣнилъ, потому что гарнизонныхъ никто принимать не хочетъ на постой за воровство и грабежъ

ихъ. Генерала кто-то отговорилъ. Я поѣхалъ къ нему съ Наумовымъ, и онъ опять все перемѣнилъ по моему....

1-го. Октября. Я получилъ письма изъ крѣпости Грозной отъ Петра Николаевича, отъ Боборыкина, Бековича и Лещенко; они поздравляютъ меня съ производствомъ въ капитаны въ приказахъ отъ 30-го Августа. Алексѣй Петровичъ самъ приписываетъ мнѣ въ письмѣ Петра Николаевича, поздравляетъ меня и кончаетъ сими словами: Ради стараться въ пользу вашу!!!—Ввечеру зашелъ ко мнѣ неожиданнымъ образомъ Ѳеофилактъ; онъ тоже поздравилъ меня и долго разговаривалъ. Самолюбіе его неограниченное, а въ спорахъ онъ разсуждаетъ часто криво единственно для того, чтобы поддержать сказанное имъ.

2-го поутру комендантъ сказалъ мнѣ, что недавно прислано въ Грузію пять крестьянъ помѣщичьихъ Тамбовской губерніи. Сіи люди были въ солдаты сданы, но не хотятъ служить; ихъ уже нѣсколько разъ кнутомъ сѣкли и сквозь строй гнали, но они отдаютъ себя охотно на самыя жестокія мученія и на смерть, дабы не служить. Отпустите насъ, говорятъ они, и не троньте насъ; мы никого трогать не будемъ. Всѣ люди равны, и Государь тотъ же человѣкъ какъ и мы; зачѣмъ мы будемъ ему подати платить, зачѣмъ я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войнѣ человѣка мнѣ не сдѣлавшаго никакого зла? Вы можете насъ по кускамъ рѣзать, а мы не перемѣнимъ своихъ мыслей, не надѣнемъ шинели и не будемъ пайка ѣсть. Тотъ который надъ нами сжалится, дастъ намъ милостыню, а казеннаго мы ничего не имѣли и имѣть не хотимъ. Вотъ слова сихъ мужиковъ, которые увѣряютъ, что имъ подобныхъ есть множество въ Россіи. Ихъ четыре раза водили въ Комитетъ Министровъ и, наконецъ, рѣшились о томъ представить Государю, который приказалъ для поправленія отправить ихъ въ Грузію и предписалъ главнокомандующему доносить ему ежемѣсячно о постепенныхъ успѣхахъ для приведенія сихъ крестьянъ къ настоящимъ мыслямъ.

7-го. Якубовичъ разсказалъ мнѣ въ подробности поединокъ Шереметева въ Петербургѣ. Шереметевъ былъ убитъ Завадовскимъ, а Якубовичу тогда должно было стрѣляться съ Грибоѣдовымъ за тоже дѣло. У нихъ были пистолеты въ рукахъ; но, увидя смерть Шереметева, Завадовскій и Грибоѣдовъ отказались стрѣляться. Якубовичъ съ досады выстрѣлилъ по Завадовскому и прострѣлилъ ему шляпу. За сіе онъ былъ сосланъ въ Грузію. Теперь ѣдетъ черезъ Грузію въ Персію Грибоѣдовъ. Якубовичъ хочетъ съ нимъ стрѣляться и повѣрилъ сіе мнѣ и Унгерну. Онъ не зоветъ насъ въ секунданты, зная, чему они подвергаются со стороны правительства, но желаетъ, чтобы мы шагахъ въ двадцати находились и помогли бы раненному. Я совѣто-

вался на сей счетъ съ Унгерномъ, и мы не находимъ въ Тифлисѣ мѣста удобнаго для сего. Грибоѣдовъ ѣдетъ сюда потому, что онъ находится при Мазаровичѣ, который назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Персидскомъ дворѣ. Мазаровичу положено при семъ мѣстѣ 3.000 червонцевъ жалованья, кромѣ экстраординарной суммы.

8-го. Послѣ обѣда ходилъ въ садъ, дабы найти мѣсто удобное для поединка Якубовича. Вечеръ провелъ у меня Якубовичъ. Его образъ мыслей на счетъ многихъ предметовъ мнѣ очень понравился.

21-го. Якубовичъ объявилъ намъ, что Грибоѣдовъ, съ которымъ онъ долженъ стрѣляться, пріѣхалъ, что онъ съ нимъ переговорилъ и нашелъ его согласнымъ кончить начатое дѣло. Якубовичъ просилъ меня быть секундантомъ. Я не долженъ былъ отказаться, и мы условились, какимъ образомъ сіе сдѣлать. Положили стрѣляться имъ у Талызина на квартирѣ.

22-го я обѣдалъ у Француза и видѣлъ Грибоѣдова. Человѣкъ весьма умный и начитанный, но онъ мнѣ показался слишкомъ занятъ собой. Секундантъ его маленькій человѣкъ; не знаю, кто онъ такой. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ сюда одинъ капитанъ Быковъ, л.-г. Павловскаго полка, для выбора людей въ гвардію. Ввечеру Грибоѣдовъ съ секундантомъ и Якубовичемъ пришли ко мнѣ, дабы устроить поединокъ какъ должно. Грибоѣдова секундантъ предлагалъ имъ сперва мириться, говоря, что первый долгъ секундантовъ состоитъ въ томъ, чтобы помирить ихъ. Я отвѣчалъ ему, что я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, что меня призвали тогда какъ уже положено было драться, слѣдственно Якубовичъ самъ знаетъ, обижена-ли его честь. И мы начали условливаться; но тотъ вывелъ меня въ другую комнату и просилъ меня опять стараться о примиреніи ихъ, говоря, что онъ познакомился въ Москвѣ съ матерью Грибоѣдова, которая просила его стараться сколько возможно остановить сей поединокъ, который она предвидѣла, и слѣдственно, что долгъ заставлялъ его сіе дѣлать. Между тѣмъ Якубовичъ въ другой комнатѣ началъ съ Грибоѣдовымъ спорить довольно громко. Я рознялъ ихъ и, выведя Якубовича, сдѣлалъ ему предложенія о примиреніи; но онъ ихъ слышать не хотѣлъ. Грибоѣдовъ вышелъ къ намъ и сказалъ Якубовичу, что онъ самъ его никогда не обижалъ. Якубовичъ на то согласился. «А я такъ обиженъ вами; почему же вы не хотите оставить сего дѣла?»—Я обѣщался честнымъ словомъ покойнику Шереметеву при смерти его, что отомщу за него на васъ и на Завадовскомъ.—Вы поносили меня вездѣ».—Поносилъ и долженъ былъ сіе сдѣлать до этихъ поръ; но теперь я вижу, что вы поступили какъ благородный человѣкъ; я уважаю вашъ поступокъ; но не менѣе того долженъ кончить начатое дѣло и сдержать слово

свое, покойнику данное.—«Если такъ, такъ гг. секунданты пущай рѣшатъ дѣло». Я предлагалъ драться у Якубовича на квартирѣ, съ шестью шагами между барьерами, и съ однимъ шагомъ назадъ для каждаго; но секундантъ Грибоѣдова на то не согласился, говоря, что Якубовичъ, можетъ, приметался уже стрѣлять въ своей комнатѣ.

Я согласился сдѣлать все дѣло въ полѣ; но для того надобно было достать бричку, лошадей, уговорить лекаря. Амбургеръ, секундантъ Грибоѣдова, взялся достать бричку у братьевъ Мазаровичей и нанять лошадей. Онъ побѣжалъ къ нимъ, а я къ Миллеру, который сперва подумалъ, что его въ секунданты звали, смѣшался сперва и не хотѣлъ согласиться; но когда онъ узналъ, что его просили только помочь раненному, онъ тотчасъ согласился и обѣщался мнѣ на другое утро дожидаться меня. Амбургеръ съ своей стороны досталъ бричку. Всѣ опять у меня собрались, отужинали, были веселы, дружны, разговаривали, смѣялись, такъ что ничего на поединокъ похожаго не было. Желая облегчить поединокъ (какъ то былъ мой долгъ), я задержалъ Унгерна и Якубовича у себя, послѣ того какъ всѣ ушли, и предлагалъ Якубовичу кончить все при двухъ выстрѣлахъ, не смотря на то, будетъ-ли кто раненъ, и взять восемь шаговъ между барьерами. Но онъ никакъ не согласился на мое предложеніе, и я принужденъ былъ остаться при прежнихъ правилахъ.

23-го я всталъ рано и поѣхалъ за селеніе Куки отыскивать удобнаго мѣста для поединка. Я нашелъ Татарскую могилу, мимо которой шла дорога въ Кахетію; у сей дороги былъ оврагъ, въ которомъ можно было хорошо скрыться. Тутъ я назначилъ быть поединку. Я воротился къ Грибоѣдову въ трактиръ, гдѣ онъ остановился, сказалъ Амбургеру, чтобы они не выѣзжали прежде моего возвращенія къ нимъ, вымѣрилъ съ нимъ количество пороху, которое должно было положить въ пистолеты и пошелъ къ Якубовичу, а отъ него къ Миллеру; но Миллера я не засталъ дома. Я побѣжалъ въ военный госпиталь, нашелъ его тамъ и сказалъ ему, что ему уже отправляться пора. Мы съ нимъ условились, что онъ прежде всѣхъ поѣдетъ въ Куки въ военный госпиталь, что онъ тамъ дождется, пока я проѣду и поѣдетъ въ лагерь къ колонистамъ, откуда онъ будетъ смотрѣть къ монументу, и какъ скоро я покажусь верхомъ изъ оврага, онъ поскачетъ къ намъ. Якубовичу я сказалъ, чтобы онъ отправлялся пѣшкомъ къ мѣсту, спрятался бы за монументъ и не выходилъ бы оттуда, пока я его не позову. Амбургеру съ Грибоѣдовымъ я сказалъ, чтобы они въ бричкѣ ѣхали и взяли бы съ собой свои пистолеты. Я самъ поѣхалъ верхомъ, увидѣлъ Миллера, поставилъ бричку за горой и повелъ Грибоѣдова съ секундантомъ. Я полагалъ, что Якубовичъ,

который видѣлъ куда бричка поѣхала, пойдетъ за ней; но онъ пошелъ къ монументу и спрятался за оный. Я забылъ, что ему велѣлъ туда идти, и когда Грибоѣдовъ спросилъ у меня гдѣ онъ, я поскакалъ изъ оврага и, вспомня, что онъ за памятникомъ, позвалъ его; но Миллеръ принялъ сіе за знакъ, подумалъ, что ему выѣзжать пора и тронулся, но онъ не примѣтилъ оврага, въ который я опять въѣхалъ, и проскакалъ въ горы.

Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцевъ, удалились на нѣсколько шаговъ. Они были безъ сюртуковъ. Якубовичъ тотчасъ подвинулся къ своему барьеру смѣлымъ шагомъ и дожидался выстрѣла Грибоѣдова. Грибоѣдовъ подвинулся на два шага; они простояли одну минуту въ семъ положеніи. Наконецъ Якубовичъ, вышедши изъ терпѣнія, выстрѣлилъ. Онъ метилъ въ ногу, потому что не хотѣлъ убить Грибоѣдова; но пуля попала ему въ лѣвую кисть руки [1]). Грибоѣдовъ приподнялъ окровавленную руку свою, показалъ ее намъ и навелъ пистолетъ на Якубовича. Онъ имѣлъ все право подвинуться къ барьеру; но, примѣтя, что Якубовичъ метилъ ему въ ногу, онъ не захотѣлъ воспользоваться предстоящимъ ему преимуществомъ: онъ не подвинулся и выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла у Якубовича подъ самымъ затылкомъ и ударилась въ землю; она такъ близко пролетѣла, что Якубовичъ полагалъ себя раненнымъ: онъ схватился за затылокъ, посмотрѣлъ свою руку, однако крови не было. Грибоѣдовъ послѣ сказалъ намъ, что онъ цѣлился Якубовичу въ голову и хотѣлъ убить его, но что это не было первое его намѣреніе, когда онъ на мѣсто сталъ. Когда все кончилось, мы подбѣжали къ раненному, который сказалъ: O sort injuste! [2]). Онъ не жаловался и не показывалъ вида, что онъ страдаетъ. Я поскакалъ за Миллеромъ, его въ колоніи не было; я поѣхалъ въ горы, увидѣлъ его вдали и окликнулъ; онъ пріѣхалъ къ намъ, перевязалъ слегка рану и уѣхалъ. Раненнаго положили въ бричку, и все отправилось ко мнѣ. Тотъ день Грибоѣдовъ провелъ у меня; рана его не опасна была, и Миллеръ далъ намъ надежду, что онъ въ короткое время выздоровѣетъ. Дабы скрыть поединокъ, мы условились сказать, что мы были на охотѣ, что Грибоѣдовъ съ лошади свалился и что лошадь наступила ему ногой на руку. Якубовичъ теперь бываетъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и, по обращенію ихъ другъ съ другомъ никто бы не подумалъ, что они стрѣлялись. Я думаю, что еще никогда не было подобнаго поединка: совершенное хладнокровіе во всѣхъ четырехъ насъ, ни одного непрі-

[1]) Говорятъ, будто Якубовичъ воскликнулъ: „По крайней мѣрѣ играть перестанешь!" Грибоѣдовъ лишился одного пальца на рукѣ, что не помѣшало ему по прежнему отлично играть на фортепьянахъ.—Н. Н. Муравьевъ былъ тоже пьянистъ. П. Б.

[2]) О несправедливая судьба!

ятнаго слова между Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ; напротивъ того, до самой той минуты какъ стали къ барьеру, они разговаривали между собою и послѣ того, когда секунданты ихъ побѣжали за лекаремъ, Грибоѣдовъ лежалъ на рукахъ у Якубовича. Въ самое время поединка я страдалъ за Якубовича, но любовался его осанкою и смѣлостью: видъ его былъ мужественъ, великъ, особливо въ ту минуту, какъ онъ послѣ своего выстрѣла ожидалъ вѣрной смерти, сложа руки.

25-го. Грибоѣдовъ перешелъ поутру на другую квартиру. Слухъ о поединкѣ разнесся и дошелъ до Наумова. Никого больше въ томъ нельзя подозрѣвать кромѣ капитана Быкова, который стоялъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ; но Наумовъ ничего не знаетъ навѣрное. Его мучитъ любопытство: ему бы хотѣлось, чтобы мы всѣ къ нему пришли, повинились бы въ своемъ проступкѣ; тогда онъ принялъ бы на себя видъ покровителя и, пожуривши насъ за молодость, взялся бы поправить все дѣло, которое не требуетъ поправленія. Ему весьма обидно показалось, что мы сего не сдѣлали; онъ напалъ на бѣднаго Талызина, не смѣя на другаго напасть, наговорилъ ему непріятностей и обвинялъ его въ обманѣ. Ты долженъ былъ все знать, потому что ты вмѣстѣ съ Якубовичемъ жилъ; для чего ты мнѣ ничего не сказалъ и не говоришь? Бѣдный Талызинъ клялся ему, что онъ ничего не знаетъ. Тогда Наумовъ позвалъ къ себѣ Якубовича, хотѣлъ изъ него все вывѣдать самымъ глупымъ образомъ, но ошибся. Онъ сталъ увѣрять Якубовича, что онъ все знаетъ. Если вы все знаете, отвѣчалъ ему Якубовичъ, такъ зачѣмъ же спрашиваете вы меня? А я вамъ говорю, что поединка не было и что слухи эти пустые. Весьма примѣтно, что Наумовъ еще недавно имѣетъ такую власть; онъ хочетъ ее выказать; его любопытство мучаетъ, и онъ хотѣлъ бы быть въ состояніи разсказывать всѣмъ на ухо обстоятельства сего поединка, но ему не удалось и не удастся. Вечеръ мы провели у Грибоѣдова. Наумовъ посылалъ меня къ себѣ просить; я пошелъ къ нему, но не засталъ его дома.

26-го Наумовъ прислалъ сказать Якубовичу, что полковникъ Наумовъ приказываетъ ему выѣхать изъ города, а что Сергѣй Александровичъ позволяетъ ему до вечера 27-го числа въ Тифлисѣ остаться. Наумовъ симъ подтверждаетъ то, что̀ я объ немъ выше написалъ.

27-го ввечеру Якубовичъ уѣхалъ на Карагачъ въ полкъ. Про раву Грибоѣдова распущено множество слуховъ. Унгернъ слышалъ вчера, что пуля ударила его въ ладонь и вылетѣла въ локоть.

10-го Ноября. Послѣ обѣдни я былъ у Ѳеофилакта, который торжествуетъ указомъ Синода для отобранія на 500 р. сер. съ садовъ церковныхъ, которые были въ залогѣ въ частныхъ рукахъ за долги. Это продолженіе исторіи Туманова, у котораго онъ съ церковными слу-

жителями насильно отнялъ садъ и который по сему предмету на него жаловался. Өеофилактъ сказалъ мнѣ, что ему велѣно возвратить просьбу назадъ; напротивъ того, Могилевскій говорилъ мнѣ вчера же, что Өеофилактъ напрасно торжествуетъ, что ему никогда не позволятъ ограбить такимъ образомъ всю Грузію, а что Туманову просьба возвращена только потому, что она не по формѣ написана; что указъ Синода ничего не значитъ и можетъ не быть приведенъ въ исполненіе, потому что долгъ правительства состоитъ въ томъ, чтобы защищать гражданъ отъ кого бы то ни было.

13-го. Вчера Миллеръ видѣлъ меня у Головалева и спросилъ меня, не примѣтилъ-ли я чего-нибудь въ Ивановѣ. Вчера, когда Миллеръ совѣтовалъ ему прогуливаться ходить, «я не могу», отвѣчалъ Ивановъ: «меня всѣ примѣчаютъ; я не могу дома оставить множество бумагъ, которыя тотчасъ будутъ унесены злоумышленниками моими. Они мнѣ спать по ночамъ не даютъ, ходятъ по крышкѣ и провертываютъ въ потолкѣ дырки, дабы видѣть, что̀ я дѣлаю».

Я узналъ вчера, что Алексѣй Петровичъ находится съ войскомъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ селеніи Тарки.

14-го поутру Ивановъ послалъ ко мнѣ писаря просить меня, чтобы я обработалъ двѣ бумаги, полученныя имъ. Я пришелъ къ нему спросить его, какой онъ прикажетъ отвѣтъ на сіи бумаги дать. Онъ занимался сими бумагами и самъ тоже рисовалъ какой-то планъ. Миллеръ пришелъ къ нему. Ивановъ чувствовалъ себя легче и хотѣлъ со двора ѣхать прогуливаться. Я понесъ бумаги къ Вельяминову, чтобы подписать ихъ, и зашелъ домой, чтобы переодѣться; но вдругъ я получаю записку отъ Енгольма, писанную карандашемъ, слѣдующаго содержанія: «Ради Бога, приходите скорѣе къ полковнику Иванову; Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается». Я побѣжалъ и нашелъ его распростертаго на полу, въ крови своей; голова его была насквозь прострѣлена, а разорванный пистолетъ на нѣсколько кусковъ былъ въ рукахъ человѣка его. Тотчасъ послали за лѣкарями; но уже нечего было дѣлать. Онъ прожилъ болѣе часа послѣ сего удара, но былъ безъ чувствъ и имѣлъ конвульсіи. Когда я отъ него ушелъ, онъ услалъ своихъ людей на базаръ за покупками, кромѣ одного, который оставался въ передней, заперся между двумя дверьми, припервъ послѣднюю за собой; зарядилъ пистолетъ нѣсколькими зарядами, взялъ съ собою табакерку съ порохомъ, для насыпленія на затравку въ случаѣ осѣчки, и выстрѣлилъ себѣ въ голову. Оставшійся человѣкъ искалъ его по комнатамъ, но не могъ найти его; наконецъ онъ отворилъ двери, за которыми несчастный Ивановъ находился, и вытащилъ его оттуда безъ чувствъ. Дренякинъ въ то самое время мимо

ѣхалъ, лошадь его испугалась отъ удара и чуть было его въ ровъ не скйнула; онъ первый прибѣжалъ къ Иванову и нашелъ его въ такомъ положеніи. Я побѣжалъ тотчасъ къ Вельяминову и объявилъ ему случившееся. Онъ нѣсколько потерялся и, какъ мнѣ кажется, подозрѣвалъ меня, что я его на поединкѣ убилъ; но наконецъ онъ образумился, подписалъ бумаги и велѣлъ мнѣ привести Наумова къ убившемуся. Когда я пришелъ на квартиру его, уже множество народа было собравшись около тѣла. Мы тотчасъ запечатали всѣ вещи покойника печатью Наумова и моей. Послѣ того я пошелъ къ Ѳеофилакту просить его, чтобы онъ позволилъ похоронить покойника со всѣми почестьми, на что́ онъ согласился, если Вельяминовъ напишетъ къ нему отношеніе, что сіе въ сумасшествіи случилось, что̀ точно и правда была. Ввечеру я получилъ предписаніе отъ Вельяминова принять должность Иванова и вмѣстѣ съ комендантомъ и полицеймейстеромъ описать всѣ его вещи, принять къ себѣ казенныя, а собственныя его предоставить коменданту.

Хотя мнѣ Ивановъ старался зло сдѣлать въ свою жизнь, и я всегда былъ бы радъ разстаться съ нимъ и всегда желалъ, чтобы онъ уѣхалъ отсюда; но мнѣ чрезвычайно прискорбно, что сіе такъ несчастливо случилось. Я давно простилъ ему обиды сдѣланныя мнѣ и готовъ бы прослужить вѣкъ подъ его начальствомъ, лучше чѣмъ видѣть такой случай. Я всегда приписывалъ его дурные поступки несчастному, подозрительному нраву его. Но главною причиною сего поступка, кажется мнѣ, была непріятная бумага, которую онъ недавно, не знаю отъ кого, получилъ.

15-го. Я хлопоталъ и бѣгалъ съ утра до вечера, для устроенія похоронъ. Попы не хотѣли бы сего дѣлать; тогда я прибѣгнулъ къ Ѳеофилакту, который приказалъ нарядить одного архимандрита.

16-го были похороны. Генералъ Вельяминовъ присутствовалъ на оныхъ. Народа было много, и церемонія дѣлалась весьма пышно; но дождь и грязь испортили все дѣло и были причиною, что она не имѣла того блеска, который долженъ бы при семъ случаѣ быть.

Ввечеру я началъ пересматривать нѣкоторыя бумаги Иванова и нашелъ ихъ въ большомъ порядкѣ.

17-го. Вчера приступилъ я къ описи имѣнія Иванова съ комендантомъ и полицеймейстеромъ. У насъ было зачалось споромъ съ полицеймейстеромъ; ибо онъ говорилъ, что по праву полицеймейстера онъ будетъ смотрѣть всѣ секретныя бумаги покойнаго, а я его увѣрялъ, что онъ ни одной изъ нихъ не увидитъ. Мы нашли много денегъ и платья у Иванова; бумагъ я еще не перебиралъ. Въ шкатулкѣ его нашли четвертку бумаги, на которой написана была мо-

литва его рукой. Содержаніе сей молитвы показываетъ человѣка, коего разсудокъ былъ въ безпорядкѣ.

19-го. Я цѣлый день занимался переборкой бумагъ Иванова, нашелъ частныя письма, писанныя къ нему отъ пріятелей, писемъ же отъ родственниковъ его никакихъ не было (вѣроятно онъ ихъ всѣ сжегъ). Я нашелъ у него много занимательныхъ записокъ о Грузіи.

20-го. Разсматривая дѣла посольскія и бумаги, писанныя Ивановымъ къ князю Волконскому и Алексѣю Петровичу, я имѣлъ случай видѣть, сколь онъ былъ несправедливъ противъ меня, какую онъ злобу питалъ ко мнѣ, къ Бабарыкину и къ Воейкову. Онъ именно былъ причиною, что насъ не произвели.

21-го. Пришло извѣстіе, что Алексѣй Петровичъ выѣхалъ 9-го числа изъ Наурской станицы. Вчера Вельяминовъ давалъ большой обѣдъ въ новомъ домѣ главнокомандующаго.

Я ходилъ вчера съ докладомъ о нѣкоторыхъ бумагахъ къ генералу и весьма удивился, когда получилъ отъ него распечатанную бумагу на имя Иванова отъ Селявина, при которой посылался рескриптъ отъ Прусскаго короля къ Рененкампфу на орденъ. Генералъ уже прочелъ бумагу и написалъ на ней рѣшеніе. Послѣ выслушанія ея я его спросилъ, кто эту бумагу распечаталъ. Это-съ я-съ, отвѣчалъ старикъ изумившись; да я, ей Богу, не знаю, какъ она ко мнѣ попалась, мнѣ ее полицеймейстеръ принесъ. Я побѣжалъ тотчасъ на почту и представилъ почтмейстеру, сколько онъ дурно сдѣлалъ, что отступилъ отъ данныхъ ему правилъ; а отъ него я побѣжалъ въ полицію и при всемъ присутствіи сказалъ ему съ угрозой, чтобы онъ впредъ не осмѣливался брать чужія бумаги. Это я отъ генерала буду слышать, а не отъ васъ.—Отъ генерала генераломъ, отвѣчалъ я, а я васъ буду тоже учить какъ себя вести.—Я этого не принимаю отъ васъ.—А я вамъ такъ говорю, и вы слышите; впрочемъ принимаете ли вы или нѣтъ, мнѣ все равно: мнѣ довольно того, что вы все слышали.

22-го. Я поутру пошелъ съ бумагами къ генералу; въ то время пришелъ туда и полицеймейстеръ. Зачѣмъ вы о сю пору не отвели еще квартиру, о которой я вамъ уже два предписанія сдѣлалъ? спросилъ у него генералъ.—Я отвелъ, в. п., отвѣчалъ полицеймейстеръ.—Какъ же вы мнѣ говорите, что вамъ еще не отвели ее? сказалъ генералъ, обратившись ко мнѣ?—Мнѣ не отводили ея, отвѣчалъ я. Отвели сказалъ полицеймейстеръ. Меня взорвало. Аполлонъ Васильевичъ, сказалъ я ему, зачѣмъ вы мнѣ такихъ вещей не осмѣливаетесь сказать наединѣ, а говорите ихъ при генералѣ, когда почтеніе къ его превосходительству удерживаетъ меня отъ того, чтò бы вамъ сказать должно? Господинъ капитанъ не будетъ лгать, закричалъ генералъ, вонъ

ступайте отъ меня. Полицеймейстеръ убѣжалъ.—Я сѣлъ завтракать съ генераломъ, а послѣ завтрака побѣжалъ отыскивать Каханова и нашелъ его въ полиціи сидящаго противъ зерцала. Я вошелъ скоро и, расположась на первыхъ креслахъ, сказалъ ему громко въ присутствіи всѣхъ: «Аполлонъ Васильевичъ, вы, кажется мнѣ, бѣгаете отъ меня и прячетесь; то я васъ у генерала вижу, то передъ зерцаломъ, гдѣ должное почтеніе запрещаетъ мнѣ сказать вамъ то, что̀ слѣдуетъ за ваше поведеніе и для чего не стало бы можетъ быть словаря бранословія».—Я, сударь, отъ васъ этого не принимаю.—«Такъ на что̀ же у васъ уши? Слушайте!»—Вы этого не въ правѣ здѣсь говорить; запишите въ журналъ эти слова, г. секретарь!—«Пишите сколько вамъ покажется; а я вамъ говорю, что вы боитесь изъ этой комнаты выйдти, потому что вы знаете, что́ я съ вами въ другой сдѣлаю».—Запишите въ журналъ!—«Пишите, да радуйтесь своей осторожности, которая васъ привела подъ покровительство зерцала».

23-го. Рененкампфъ, узнавши о моемъ происшествіи съ полицеймейстеромъ, прислалъ ко мнѣ записку, въ которой предлагаетъ себя на все что̀ мнѣ угодно будетъ, чтобы участвовать въ семъ приключеніи; я былъ у него ввечеру и благодарилъ его за такой благородный поступокъ. Отъ него я зашелъ къ старику Бебутову, который сказалъ мнѣ весьма острое слово на счетъ полицеймейстера. Около Эривани, говоритъ онъ, живутъ люди, которые имѣютъ совершенно особый законъ: они вѣрятъ Богу и не проклинаютъ діавола, дабы онъ имъ зла не дѣлалъ. И такъ діаволъ нашелъ себѣ мѣсто, гдѣ его не проклинаютъ, а Кахановъ не умѣлъ себѣ такого мѣста найдти.

Отъ Бебутова я пошелъ къ Вельяминову и, разсказавъ ему все случившееся между мной и полицеймейстеромъ, сказалъ ему, что Кахановъ подалъ на меня просьбу. Такой подлый человѣкъ просить не смѣетъ, отвѣчалъ мнѣ генералъ. Я остался у генерала ужинать и провелъ съ нимъ время очень пріятнымъ образомъ.

24-го. Сегодня я обѣдалъ у барона Вреде и провелъ часть вечера у Ахвердовыхъ.

25-го. Я пошелъ поутру къ генералу Вельяминову и выпросилъ у него позволеніе для Рененкампфа и Воейкова ѣхать впередъ на встрѣчу Алексѣю Петровичу. Я пошелъ къ обѣднѣ; во время оной пришло извѣстіе, что Алексѣй Петровичъ близко Тифлиса. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ пріѣхалъ въ два часа пополудни, а съ нимъ Верховской, Самойловъ, Лищенко, Рыхлевскій, Петръ Николаевичъ; а Алексѣй Петровичъ остался на Артисховскомъ посту, дабы въѣхать въ городъ ночью, чтобы избавиться отъ встрѣчъ. Онъ пріѣхалъ въ 7-мъ часу, заперся съ Иваномъ Александровичемъ и за-

нимался съ нимъ часа полтора, послѣ чего онъ вышелъ къ намъ. Насъ было человѣкъ 10 изъ домашнихъ его; онъ принялъ насъ очень ласково, всѣхъ поодиночкѣ, обнялъ и восхитилъ насъ. Вечеръ я провелъ у главнокомандующаго и сидѣлъ у Петра Николаевича до 2-го часа ночи. Онъ мнѣ разсказывалъ разныя происшествія по службѣ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что Алексѣй Петровичъ очень сердится на Якубовича за случившійся поединокъ и совѣтовалъ мнѣ чрезъ Грибоѣдова попросить Мазаровича, чтобы онъ объяснилъ дѣло генералу и устроилъ бы оное такъ, чтобы онъ не сердился и оставилъ бы оное.

28-го. Я обѣдалъ у Ивана Александровича Вельяминова, который послѣ обѣда сказалъ мнѣ, что полицеймейстеръ подавалъ ему на меня просьбу черезъ Ховена, но что онъ возвратилъ ее. Я благодарилъ его за сіе. Впрочемъ, сказалъ я ему, я не боюсь ябедъ полицеймейстера, потому что я правъ; но мнѣ весьма прискорбно было бы связаться съ человѣкомъ такого рода.

Ввечеру я пошелъ къ Алексѣю Петровичу; но онъ не показывался, и я просидѣлъ до 12-го часа у Петра Николаевича съ Самойловымъ и Розеномъ. У насъ зашелъ большой споръ объ Каховскомъ; Петръ Николаевичъ защищалъ его.

29-го. Ввечеру зашелъ къ Стабушу, который стоитъ съ Шишковымъ, племянникомъ Александра Семеновича Шишкова, который переведенъ недавно въ Кабардинскій пѣхотный полкъ.

31-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, вечеръ провелъ до полуночи у Грибоѣдова и встрѣтилъ у него новый годъ. Ужинъ былъ прекрасный, и всѣ нѣсколько подпили. Краузе показывалъ разныя штуки.

(Продолженіе будетъ).

АРХИВЪ ГРАФА ИГЕЛЬСТРОМА.

I.

Отставной генералъ-лейтенантъ Георгій Александровичъ Игельстромъ благосклонно сообщилъ мнѣ бумаги покойнаго его дѣда графа Іосифа Андреевича Игельстрома, извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго времени, хранящіяся въ семейномъ его архивѣ, въ помѣстьѣ Луніи близъ Дерпта.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ относятся до управленія Игельстромомъ намѣстничествомъ Симбирско-Уфимскимъ, до Верельскаго мирнаго договора, заключеннаго съ Шведскимъ правительствомъ 3-го Августа 1790 г., и до возмущенія въ Варшавѣ 6-го Апрѣля 1794 г. Въ настоящей книжкѣ Русскаго Архива печатаются документы о Симбирско-Уфимскомъ намѣстничествѣ.

Игельстромъ былъ сынъ Лифляндскаго дворянина. Онъ родился въ 1737 г., поступилъ въ военную службу и, бывши въ корпусѣ графа Румянцова, получилъ въ 1762 г. чинъ подполковника; потомъ служилъ въ Польшѣ, подъ начальствомъ князя Репнина и содѣйствовалъ ему въ 1764 г. при избраніи на Польскій престолъ Станислава Понятовскаго, захвативъ ловкимъ образомъ Краковскаго епископа Каэтана Солтыка, графа Ржевускаго и другихъ. Въ первую Турецкую войну, въ 1770 г., Игельстромъ участвовалъ въ покореніи княземъ Репнинымъ крѣпости Киліи и въ особенности отличился взятіемъ крѣпости Аккермана, за что̀ получилъ орденъ Георгія 3-й степени. Въ 1784 г., по порученію князя Потемкина, онъ нашелъ и искусно арестовалъ Крымскаго хана Шагинъ-гирея, которымъ было недовольно наше правительство. Съ тѣхъ поръ онъ попалъ въ милость Потемкина и назначенъ былъ въ 1784 г. намѣстникомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ. Въ этой должности онъ остался до 1792 г.

Служившій подъ его начальствомъ въ Уфѣ Мертваго характеризируетъ его такъ: „Назначенъ къ намъ былъ генералъ-губернаторомъ Нѣмецъ, со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра:

влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно-гордый, щедрый и въ тоже время скупой, охотникъ наряжаться и видѣть предъ собою нарядныхъ, затѣвать великія дѣла, представлять малыя великими, и покровительствовать всѣмъ страждующимъ“ *).

Исключительною программою дѣятельности Игельстрома въ этомъ краѣ было охраненіе предѣловъ Имперіи отъ набѣговъ Киргизовъ. Въ Апрѣлѣ 1785 г. онъ получилъ предписаніе немедленно отправиться во ввѣренныя ему губерніи, осмотрѣть ихъ, а осенью пріѣхать въ Петербургъ для личнаго о нихъ доклада Императрицѣ.

Онъ началъ съ того, что захватилъ нѣсколько непокорныхъ Киргизскихъ султановъ и послалъ ихъ въ Петербургъ, что̀ тогда было очень кстати, потому что Киргизы взяли въ плѣнъ небольшой нашъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ секундъ-маіора Рештейнера.

Средствомъ для постепеннаго обращенія кочующаго и тогда воинственнаго магометанскаго народонаселенія къ осѣдлости и пріохоченію его къ мирной гражданственности избрано было построеніе городовъ и въ нихъ мечетей со школами, которыя привлекали бы къ себѣ магометанъ.

Система эта была вѣрна въ основаніи, но съ самаго же начала испорчена была въ способахъ ея исполненія отъ незнанія, вѣроятно, этнографическихъ и религіозныхъ особенностей разныхъ инородцевъ, обитающихъ на нашей восточной окраинѣ. Киргизы исповѣдуютъ магометанскую вѣру, такъ сказать, безсознательно; эти дѣти природы-магометане большею частію только по имени; въ нихъ нѣтъ никакого религіознаго фанатизма; они не имѣютъ даже своего духовенства; нѣтъ у нихъ не только литературы, но даже алфавита. Совсѣмъ иное магометане Казанскіе: это наслѣдники Арабскаго просвѣщенія съ древнею и богатою литературою, съ вѣковымъ алкоранскимъ фанатизмомъ. Что же дѣлаетъ тогдашняя администрація? Она призываетъ фанатическихъ Казанскихъ муллъ въ Киргизскія степи, что̀ естественно должно было нафанатизировать Киргизовъ, привлечь ихъ къ татарству и отвлечь отъ Русской цивилизаціи. Да какой степени Татары составляютъ особый замкнутый міръ и какъ они чуждаются европеизма, видно изъ того, что и теперь вы не найдете ни одного Татарина въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ встрѣтите вь нихъ всевозможныхъ инородцевъ: и Калмыковъ, и Чувашей, и самихъ Киргизовъ. Могли ли Казанскіе Татарскіе муллы быть проводниками Русскаго просвѣщенія въ Киргизскія степи? А они-то именно и были для того предназначены.

Барону Игельстрому поручено было снестись съ Казанскимъ намѣстникомъ княземъ Платономъ Степановичемъ Мещерскимъ, выписать изъ Казани муллъ, предоставить имъ открытыя при мечетяхъ школы и быть въ нихъ преподавателями. Магометанское духовенство такъ мало было тогда извѣстно правительству, что оно думало употребить его ору-

*) Русскій Архивъ 1867, приложеніе, стр. 39.

діемъ для проведенія Русской грамотности въ Киргизскія школы: велѣно было ввести въ нихъ преподаваніе по нормальнымъ правиламъ только-что возникавшихъ тогда Русскихъ народныхъ училищъ, переведены на Киргизское нарѣчіе издававшіеся тогда для нихъ учебники Коммиссіею народныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго, употребивъ для того тѣхъ муллъ, которые переводили на этотъ языкъ Учрежденія о губерніяхъ, и издать эти учебники Киргизскимъ текстомъ съ Русскимъ переводомъ. Мысль благая, но неисполнимая потому именно, что для нея не было исполнителей. Вспомнимъ, что въ послѣднее время, въ семидесятыхъ годахъ, Казанскіе Татары чуть не взбунтовали магометанское народонаселеніе Казанской губерніи по поводу распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія о введеніи обученія Русскаго языка въ школахъ и медресе, увѣряя Татаръ, будто бы Русское правительство стремится этимъ способомъ обратить ихъ въ Православіе. Можно себѣ представить, съ какою готовностію эти муллы стали бы распространять Русскую грамотность въ Киргизскихъ степяхъ вѣкъ тому назадъ!

Игельстромъ обратился къ Завадовскому за совѣтомъ, какъ слѣдуетъ учреждать такія училища, а вмѣстѣ и съ просьбою приказать перевести въ Петербургѣ учебныя книги не на Киргизское нарѣчіе, какъ указывала Императрица, а на чистый Татарскій языкъ, „который“, прибавлялъ онъ, „отъ Киргизскаго немного отмѣненъ, не вмѣшивая словъ Персидскихъ или Арабскихъ“. Принятіе такого предложенія равносильно было бы систематическому отатаренію Киргизовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игельстромъ сообщалъ, что онъ предполагаетъ отправить муллъ, предназначенныхъ для учительства, въ ближайшія Русскія народныя училища, для ознакомленія ихъ съ системою преподаванія. На это Завадовскій отвѣчалъ 4-го Января 1787 года, что „Коммиссія по преложенію учебныхъ книгъ на Татарскій языкъ здѣсь хорошихъ переводчиковъ не знаетъ, и какъ дѣло сіе возложено на собственное его попеченіе, то отъ него зависить будетъ и выборъ способныхъ къ тому людей, ежели переводившихъ Учрежденія употребить не разсудитъ, ради примѣчаемыхъ имъ неисправностей; что переложеніе книгъ начаться естественно долженствуетъ тѣхъ, какъ прежде нужныхъ, т.-е. классовъ перваго и втораго; что образъ, коимъ онъ ко исполненію повелѣнія сего приступить намѣренъ, есть самый лучшій, т.-е. дабы назначаемыхъ въ учители муллъ отправить напередъ въ ближайшія Россійскія народныя училища, гдѣ бы они знанія къ тому потребныя снискать себѣ могли: ибо между тѣмъ какъ нужнѣйшія книги будутъ переводимы, люди къ должностямъ учительскимъ опредѣляемые пріобрѣтутъ нужныя имъ знанія, и когда для первыхъ двухъ все поспѣетъ, тогда можно оныя открывать, не дожидаясь классовъ 3-го и 4-го, кои, гдѣ надобно, прибавить будетъ можно послѣ, и что впрочемъ Уставъ народнымъ училищамъ всѣ нужныя къ сему наставленія въ себѣ заключаетъ“ *).

---

*) Дѣла Коммиссіи объ учрежденіи училищъ въ архивѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

Проектъ этотъ остался безъ исполненія.

Другое болѣе дѣйствительное и практическое средство къ уменьшенію замкнутости кочующаго народонаселенія и къ сближенію его съ Русскими началами состояло въ ослабленіи власти господствовавшихъ надъ нимъ хановъ и въ подчиненія его общей администраціи. Поэтому положено было раздѣлить Киргизскую орду на три части съ отдѣльными для каждой части ханами, для того, „чтобы каждый изъ таковыхъ хановъ не былъ силенъ въ ордѣ", и дабы Киргизкайсацкія орды управлялись не однимъ ханомъ, но разными начальниками, зависящими отъ главнаго въ томъ краѣ командира; посредствомъ такого раздѣленія удобнѣе содержать ихъ въ тишинѣ и укрощать самовольство и набѣги, къ коимъ сіи народы склонны". Имѣлось даже въ виду вовсе упразднить ханское достоинство и замѣнить хановъ правленіемъ старшинъ изъ главнѣйшихъ родовъ; но по тогдашнимъ обстоятельствамъ это еще было преждевременно.

За то, эти старшины вошли въ составъ учрежденнаго въ Оренбургѣ Пограничнаго Суда, а также во вновь созданныя народныя Киргизскія управы. Къ сожалѣнію, въ эти послѣднія попали также муллы, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями: „для однихъ письменныхъ дѣлъ", сказано въ предписаніи, „употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ".

7-го Сентября 1787 года объявлена была война Турціи, и первою заботою правительства въ этомъ краѣ было предупредить возможное возбужденіе магометанскаго фанатизма среди Киргизскаго народонаселенія. Опасенія эти были основательны: оказалось, что черезъ два года послѣ объявленія войны, Турки старались произвести возстаніе Киргизовъ посредствомъ Бухарскаго хана, а Бухара, какъ извѣстно, для магометанъ тоже, что̀ Римъ для католиковъ. Но это имъ не удалось. „Приказано было", пишетъ Мертваго, „подъ видомъ ревизіи присутственныхъ мѣстъ отправить по губерніи надежныхъ чиновниковъ, которымъ поручить, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго края, дать наставленія уѣзднымъ начальникамъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и въ случаѣ прибытія Бухарцевъ, препятствуя исполненію ихъ замысловъ, такъ поступать, чтобы не дать повода къ подозрѣнію и не возмущать права народныя. Это важное порученіе дано было мнѣ и одному моему пріятелю; я долженъ былъ объѣхать семь, а онъ шесть округовъ".

По мысли Игельстрома учреждены были въ началѣ 1788 года полки изъ Башкиръ и Мещеряковъ, и два такіе полка, по пятисотъ человѣкъ каждый, посланы въ Петербургъ и употреблены противъ Шведовъ, а потомъ велѣно было сформировать еще одинъ такой полкъ и держать его въ резервѣ.

—

Въ царствованіе императрицы Екатерины стали составляться топографическія описанія намѣстничествъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были напе-

чатаны, именно въ 1781 г. Тульскаго, въ 1785 г. Калужскаго, въ 1786 г. Курскаго и въ 1788 г. Харьковскаго. Во всѣ губерніи разосланы были отъ Кабинета Ея Величества запросные пункты или форма, по которымъ должны были излагаться эти описанія. По этимъ рубрикамъ написаны были въ 1785 и 1786 г. топографическія описанія губерній Симбирской и Уфимской, которыя не были напечатаны. Симбирская губернія была составлена въ 1780 г. изъ частей губерній Казанской, Оренбургской и Пензенской, а Уфимская—въ 1782 г. изъ Оренбургской съ прибавленіемъ небольшой части отъ Казанской губерніи. Въ Симбирской губерніи учреждено было семь новыхъ городовъ, а въ Уфимской—восемь. Въ составъ Симбирской губерніи входила Самара, а Уфимской—Оренбургъ. Уфимская губернія усѣяна была тогда крѣпостцами для защиты отъ Киргизскихъ набѣговъ; ихъ насчитывалось въ ней до 24-хъ. Въ смыслѣ хозяйственнаго отношенія заслуживаетъ вниманія въ этомъ описаніи то, что уже въ то время, кромѣ сохи, употреблялся для обработки земли плугъ на лошадяхъ.

Графъ Дмитрій Толстой.

Имянныя повелѣнія отъ покойной Государыни *).

1.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 5-го 1785 года.

Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Въ дополненіе данныхъ предмѣстникамъ вашимъ наставленій, по доходящимъ къ намъ извѣстіямъ о чинимыхъ Киргизцами, подданными нашими, другимъ нашимъ подданнымъ частыхъ набѣгахъ и воровствахъ, мы находимъ надобнымъ, чтобъ вы, по прибытіи въ губерніи вамъ ввѣренныя, сдѣлали чрезъ письма ваши къ начальникамъ сей орды и чрезъ опубликованіе открытыхъ листовъ вашихъ строгое запрещеніе, дабы впредъ сіи своевольные народы не отваживались чинить подобныхъ набѣговъ, ибо въ случаѣ непослушанія поступлено будетъ съ ними какъ съ преступниками и нарушителями покоя, по всей жестокости законовъ, а напротивъ, обѣщая послушнымъ исходатайствованіе отъ престола нашего прощенія за прошедшія ихъ воровства; да и дѣйствительно на такомъ основаніи надлежитъ учредить ваше съ ними поведеніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина **).

*) Всѣ они не въ подлинникахъ, а въ современныхъ спискахъ.

**) Въ дальнѣйшихъ письмахъ опускаются одинакія во всѣхъ начала и окончанія. П. Б.

2.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 5-го 1785.

Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго исполненія намѣреній нашихъ обезпечить границы Уфимскаго намѣстничества и обуздать своевольную Киргизскую орду, мы находимъ необходимо нужнымъ, чтобъ вы тотчасъ въ губерніи вамъ порученныя отправилися и, все къ тому относящееся на мѣстѣ осмотря, ознакомяся съ начальниками той орды и внуша имъ все то, чтò было уже предписано предмѣстнику вашему *) въ рескриптѣ нашемъ отъ 2-го Маія 1784 года, какъ съ нарочнымъ доставили намъ подробныя обо всемъ свѣдѣнія и ваши примѣчанія, такъ и въ случаѣ надобности могли слѣдующей осени сюда для обстоятельнѣйшаго донесенія пріѣхать. Въ помянутомъ рескриптѣ нашемъ и въ другихъ повелѣніяхъ нашихъ, тамошнимъ начальникамъ данныхъ, найдете вы достаточныя предписанія на многія обстоятельства; а впрочемъ дальнѣйшія наставленія наши будутъ зависѣть отъ тѣхъ свѣдѣній, кои вы пріобрѣтете на мѣстѣ. Въ приведеніи всего въ доброе устройство мы полагаемся на ваше усердіе къ службѣ и искусство.

3.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7-го 1785.

Уфимскаго намѣстничества Сеитова посада ахуна Мухамета-Джанъ-Гуссеина, по его способности, имѣете употреблять въ дѣла тамошнія пограничныя и во внѣшнія посылки по усмотрѣнію вашему. О производеніи ему жалованья по сту по пятидесяти рублей на годъ, покуда онъ въ службѣ нашей будетъ обращаться добропорядочно, дано наше повелѣніе; а впрочемъ вы можете обнадежить его, что по мѣрѣ усердія и исправности его удостоится онъ дальнѣйшей нашей милости.

4.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 4-го 1785.

Донесенія ваши изъ Оренбурга отъ 14-го Іюня я получила съ удовольствіемъ. Пріемля за благо распоряженія ваши о приведеніи въ безопасность границы тамошней, увѣрена я, что вашимъ радѣніемъ пресѣчены будутъ въ семъ краѣ всѣ бывшія до сего безпокойства. Присылка сюда взятыхъ Киргизскихъ султановъ тѣмъ болѣе нужна, что она конечно устрашитъ хана и прочихъ и убѣдитъ ихъ воздер-

*) Якиму Ивановичу Апухтину (1783—1785). П. Б.

жаться отъ подобныхъ своевольствъ. Сверхъ того, всякія увѣщанія и угрозы чрезъ сихъ взятыхъ въ свое время удобнѣе употреблены быть могутъ. Между тѣмъ вы можете отъ себя внушить хану и его родственникамъ, что прощеніе означенныхъ султановъ зависѣть будетъ отъ воздержанія ихъ чинить воровскіе набѣги, и что впредъ за всякое своевольство виновные пойманы и по всей строгости у насъ наказаны будутъ.

5.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 5-го 1785.

Происшествіе, случившееся съ отряженнымъ отъ васъ секундъ-маіоромъ Рештейнеромъ, тѣмъ болѣе непріятно, что оно можетъ послужить къ ободренію своевольныхъ Киргизцовъ не однимъ воровствомъ, какъ прежде, упражняться, но безъ страха покушаться и противъ постовъ тамошнихъ. Для сего весьма нужно, чтобъ вы запретили отдѣлять въ отдаленности такихъ мелкихъ партій, и чтобъ какъ скоро вы успѣете собрать войска тамошнія и составить новыя въ образѣ приличномъ и надежномъ, употребили сильныя мѣры къ ускромленію сихъ мятежниковъ. Между тѣмъ непристойнымъ мы почитаемъ теперь входить съ Нурали-ханомъ въ сношеніе о пристроеніи сына его въ ханскомъ званіи къ Трухменцамъ, о дачѣ власти другому его сыну, и повелѣваемъ не только сіе остановить, но и жалованье производимое хану удержать, написавъ къ нему отъ васъ въ самыхъ сильныхъ израженіяхъ, что нападеніе на секундъ-маіора Рештейнера есть поступокъ сущихъ бунтовщиковъ, которыхъ вы имѣете долгъ и власть наказывать; что вы требуете возвращенія немедленно всѣхъ захваченныхъ; что до того времени не будетъ отпускаемо хану жалованье, и что въ случаѣ дальняго упорства ихъ въ томъ вы примете мѣры яко противу сущихъ возмутителей. Естьли они станутъ предлагать о размѣнѣ маіора на султана нашими взятаго, вы скажите имъ наотрѣзъ, что сіе мѣста имѣть не можетъ и что снискивать имъ себѣ прощеніе и свободу султановъ ихъ и другихъ инако нельзя, какъ принесеніемъ раскаянія въ ихъ злодѣяніяхъ и присылкою помянутаго маіора со всѣми захваченными ими. А буде ханъ станетъ отговариваться, что захватившіе ихъ ему не повинуются, то и сему не внемля, сказать ему, что вы отъ него, какъ главнаго въ ордѣ ихъ, взыскиваете того, и что его есть дѣло силою принудить своихъ подчиненныхъ удовлетворить вашему требованію; инако же вы никакимъ его увѣреніямъ цѣны не даете и самого его къ числу тѣхъ же мятежниковъ причисляете. Какія дѣйствія имѣть будутъ ваши изъясненія, донести намъ съ нарочнымъ.

6.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 22-го 1785.

По содержанію послѣднихъ донесеній вашихъ ссылаемся мы на предыдущее наше повелѣніе отъ 5-го сего Августа о взятіи надлежащихъ осторожностей противъ воровства и Киргизскихъ набѣговъ, не посылая малыхъ партій, кои бы они разбивать или захватывать могли, и о пріуготовленіи порученныхъ вамъ средствъ, чтобъ въ свое время сильнѣйшія мѣры употребить къ ихъ наказанію и усмиренію. Между тѣмъ нужно, чтобъ вы постаралися у лежащихъ къ границѣ селеній, или и въ другихъ мѣстахъ по лучшему вашему усмотрѣнію, сдѣлать редуты для охраненія предѣловъ и для того, дабы посты ваши имѣли на случай надобный всегда готовое мѣсто къ защищенію себя и жителей и чрезъ то подкрѣпленіе между ними было бы удобнѣе. Чтò же принадлежитъ до отзывовъ ханскихъ и другихъ начальствующихъ въ ордѣ, вы дадите имъ знать, что доколѣ не возвратятъ они людей взятыхъ ими, вы никакого имъ удовлетворенія не учините по ихъ требованіямъ; тѣмъ же временемъ успѣете войти въ ближайшее познаніе положенія сей орды и ея начальниковъ.

7.

Въ С.Петербургѣ, Сентября 4-го 1785.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6-го Августа, что построенныя для подданныхъ нашихъ магометанскаго закона мечети въ крѣпости Троицкой и въ Оренбургѣ открыты, не сумнѣваемся, что таковое сооруженіе мѣстъ для публичной молитвы привлечетъ и прочихъ въ близости кочующихъ или обитающихъ къ границамъ нашимъ; а сіе и можетъ послужить со временемъ способомъ къ воздержанію ихъ отъ своевольствъ лучше всякихъ строгихъ мѣръ. Вслѣдствіе того нужно есть. *Первое*, при помянутыхъ мечетяхъ построить Татарскія школы по примѣру Казанскихъ, и тутъ же завести караванъ-сараи или гостинные дворы казенные для выгоды торгующихъ магометанъ. *Второе*, мечети обвести каменнымъ заборомъ, освѣдомяся у Татаръ, какъ то пристойнѣе по ихъ обычаю. *Третье*, гдѣ же вновь слѣдуетъ построить мечети и особливо въ такихъ мѣстахъ, кои удобнѣе другихъ посѣщаемы быть могутъ, стараться оныя такъ расположить, чтобъ хотя и до тысячи пяти сотъ человѣкъ въ нихъ вмѣститься могло, считая напримѣръ пространство ихъ до двадцати или до двадцати пяти саженъ. О людяхъ, потребныхъ для Татарскихъ школъ, не оставьте снестися съ нашимъ генераломъ и Казанскимъ генераломъ-губернаторомъ княземъ Мещерскимъ.

8.

Божію милостію мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу-поручику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Разныя представленія ваши о дѣлахъ пограничныхъ края управленію вашему ввѣреннаго мы получили исправно. За благо пріемля радѣніе ваше о приведеніи онаго въ безопасность и объ усмиреніи народовъ своевольныхъ, мы апробуемъ учиненныя вами посылки и отзывы въ Меньшую Киргизъ-Кайсацкую орду, такъ какъ и всѣ ваши распоряженія; и сверхъ того по содержанію представленій вашихъ поспѣшаемъ дать вамъ слѣдующія предписанія.

Первое. Снабдѣніе разныхъ родовъ Киргизскихъ муллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ; почему вы и старайтеся опредѣлить оныхъ, истребовавъ изъ Казанскихъ Татаръ людей надежныхъ, давъ имъ потребныя наставленія къ удержанію Киргизовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ. Симъ мулламъ вы можете при посылкѣ ихъ произвесть небольшую денежную дачу, а при томъ, по мѣрѣ вѣрности и тщанія въ исполненіи на нихъ возлагаемаго по службѣ нашей, обнадежить и бо́льшимъ награжденіемъ.

Второе. Ссоры и драки, которыя Киргизцы могутъ имѣть съ Каракалпаками, Хивинцами или тому подобными народами, буде они только границъ нашихъ на касаются, уважать не надлежитъ; но не меньше не слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ давать имъ какое либо подкрѣпленіе или ободреніе; а естьли бы Каракалпаки или другіе народы въ подданство наше вступить искали, въ такомъ случаѣ, указывая вамъ на наставленія предмѣстнику вашему данныя въ рескриптѣ нашемъ отъ 2 Маія 1784 года, считаемъ мы нужнымъ, ссоры между сими народами прекращать и убѣждать ихъ, чтобъ они ихъ предоставляли разбору выбираемыхъ отъ нихъ депутатовъ подъ смотрѣніемъ вашимъ.

Третье. Отложеніе толь многихъ родовъ Киргизскихъ отъ повиновенія Нурали-хану нимало не почитаемъ мы предосудительнымъ для интересовъ нашихъ: ибо, естьли бы сей ханъ и не столько самъ участвовалъ въ набѣгахъ и воровствахъ, сколько многія околичности его въ подозрѣніе приводятъ, то уже одна оплошность его, потеря имъ всякой довѣренности у народа своего и, наконецъ, оказанное имъ не одинъ разъ уклоненіе отъ свиданья съ предмѣстникомъ вашимъ, дѣла-

ютъ его для насъ неполезнымъ и ненадежнымъ. Вы не оставьте однакожъ сдѣлать еще опытъ надъ прямыми его расположеніями, приглася его, тожe и брата его, Эрали-султана, на свиданье съ вами. Тутъ вы ближе сами всѣхъ ихъ разсмотрите и удобнѣе заключать можете, что̀ сходственнѣе для интересовъ нашихъ и безпечности края тамошняго: оставить ли его на ханствѣ, стараясь примирить съ несогласными, или же удовлетворить ихъ прошенію, представя намъ съ мнѣніемъ вашимъ, съ донесеніемъ при томъ, сильнѣйшая ли и многочисленнѣйшая часть отложилася отъ хана, или же еще бо̀льшая остается послушною ему и его братьямъ и дѣтямъ; а между тѣмъ конечно для насъ выгоднѣе будетъ нынѣшнее раздѣленія сея орды, особливо же естьли начальники родовъ станутъ привыкать къ безпосредственному руководству нашихъ главныхъ тамъ начальниковъ военныхъ.

Четвертое. Естьли Нурали-ханъ и другіе султаны будутъ упорствовать или уклоняться отъ пріѣзда на свиданье съ вами, въ такомъ случаѣ вы можете дать имъ восчувствовать, что они признаются сущими ослушниками и недостойными никакого покровительства; напротивъ того, буде они призыву вашему не преминутъ послѣдовать и въ ожиданіи рѣшенія всего сего дѣла станутъ повторять прошеніе, ханомъ уже внесенное, о дозволеніи имъ убѣжища подъ защитою которой либо изъ крѣпостей нашихъ: вы не оставьте удовлетворить таковому требованію, взявъ всѣ нужныя мѣры предосторожности не только къ охраненію границы отъ своевольства сего хищнаго народа, но и къ обузданію его поколику удобно; отдаляя однакожъ при семъ ласковымъ съ ними поведеніемъ все то, что̀ притѣсненіемъ почесться и къ основательнымъ жалобамъ поводъ дать можетъ; а въ случаѣ жалобъ доставляя скорую справедливость и поступая съ приличающимися изъ нашихъ виновныхъ по строгости законовъ.

Пятое. Весьма нужно, чтобъ вы приложили всемѣрное стараніе ваше развѣдать о представляемомъ вами къ избранію въ ханы Киргизъ-Кайсацкой орды Каибъ-ханѣ, какого онъ происхожденія и свойствъ, гдѣ находится, и поколику на него можно бы было положиться; и ежели вы разсудите за благо, чрезъ конфидентовъ вашихъ, или же чрезъ старшинъ его избрать желающихъ, сдѣлать ему пристойнымъ образомъ внушеніе, чтобъ онъ съ вами искалъ знакомства и учиня присягу на вѣрное намъ подданство, чрезъ посредство ваше могъ удостоиться нашей милости и покровительства.

Шестое. Старшинамъ и прочимъ учинившимъ присягу въ вѣрномъ намъ подданствѣ и обязавшимся удержаться и другихъ удерживать отъ набѣговъ, воровства и прочихъ своевольствъ, скажите отъ имени

нашего, что раскаяніе и исправленіе ихъ, вами ко престолу нашему донесенныя, мы всемилостивѣйше приняли и что точнымъ исполненіемъ ихъ присяги заслужатъ они нашу монаршую милость и благоволеніе, въ первое чему доказательство прикажете возвратить имъ захваченныхъ у нихъ людей, исключая тѣхъ, кои хану самому и его подвластнымъ принадлежатъ. Притомъ весьма нужно согласить ихъ, убѣдя собственною ихъ пользою, отдѣлить нѣкоторое число людей изъ каждаго рода на службу какъ для охраненія границъ нашихъ, такъ и для ихъ обезпеченія, кои, пребывая впрочемъ въ ихъ кочевьяхъ, во время употребленія ихъ на службу будутъ пользоваться жалованьемъ изъ казны нашей наравнѣ съ прочими нерегулярными войсками, а по мѣрѣ усердія, исправности и воздержанія отъ своевольствъ и особыя выгоды получать будутъ. Потребна однакожъ тутъ осторожность, чтобъ сіи народы не возмнили, по легкомыслію ихъ, что ихъ въ службу набирать и неволею къ тому принуждать хотятъ; но чтобъ они собстенною выгодою къ тому поощрены были, въ чемъ мы на искусство ваше полагаемся.

Седьмое. Все чтò относится до общаго суда, изъ Россійскихъ и сихъ народовъ составляемаго, содержанія отъ главнѣйшихъ родовъ ихъ повѣренныхъ и прочаго, въ рескриптѣ нашемъ Маія 2-го 1784 года предмѣстнику вашему предписано, также чтò и вамъ послѣ того о мечетяхъ и школахъ отъ насъ повелѣно, и здѣсь подтверждаемъ, бывъ увѣрены, что вы потщитеся привести въ исполненіе сіи предписанія на пользу службы нашей.

Осьмое. Но при всѣхъ сихъ распоряженіяхъ политическихъ всемѣрно надлежитъ, во первыхъ, сохранять должную осторожность на границѣ, не дая полной вѣры обѣщаніямъ старшинъ Киргизскихъ и ихъ подчиненныхъ; второе, приводя войски тамошнія, да и вообще все чтò къ оборонѣ касается, въ исправность и то состояніе, какъ отъ насъ и по волѣ нашей отъ главнаго военнаго вашего начальства предписано; и, наконецъ, третіе, дѣлая пріуготовленія къ укрѣпленію себя на рѣкѣ Эмбѣ и къ дѣйствительнѣйшему обузданію тамошнихъ своевольныхъ народовъ, о чемъ не умедлите прислать мнѣніе и планъ ваши, дабы мы завременно могли снабдить васъ какъ рѣшительными повелѣніями нашими, такъ и всѣмъ, чтò для исполненія сего потребнаго быть можетъ. Меньше мы ожидать можемъ какого либо волнованія отъ Киргизцовъ при наступленіи времени къ производству сего въ дѣйство, поелику самъ ханъ проситъ убѣжища въ крѣпостяхъ тамошнихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина. Данъ въ С. П. Б., Ноября 27 дня 1785 г.

9.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 27-го 1785.

Пріѣхавшаго въ Оренбургъ Бухарца, сына бывшаго предъ симъ при дворѣ нашемъ посланникомъ Бухарскаго Бія-ир-назара, повелѣваемъ препроводить сюда со всею его свитою, адресовавъ въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ которой какъ о пріемѣ, такъ и о содержаніи его здѣсь надлежащія распоряженія учинены будутъ. Впрочемъ отправленіе помянутаго Бухарца сдѣлать не въ видѣ посланника, за коваго онъ себя объявляетъ и въ чемъ по изъясненію вашему встрѣчается нѣкоторое сомнѣніе, но въ образѣ только чиновника, доставя ему въ семъ пути всѣ нужныя выгоды и пособія и опредѣля къ нему человѣка надежнаго и исправнаго, который за обращеніемъ и разговорами его и прочихъ его товарищей могъ бы имѣть непримѣтнымъ образомъ наблюденіе, и какъ васъ въ пути увѣдомить, такъ и министерству нашему донести подробно.

10.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 12-го 1785.

По полученіи новыхъ извѣстій о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся до Бухарца Мухаметъ-шерифа, пріѣхавшаго въ Оренбургъ подъ именемъ посланника, котораго предписали уже мы вамъ препроводить въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, подтверждаемъ вамъ поспѣшить сколь возможно отправленіемъ его сюда и опредѣленіемъ весьма надежнаго пристава для наблюденія въ пути, но скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ, дабы отъ него и его свиты не произошло чего либо непристойнаго.

11.

Въ С.-Петербургѣ, Марта 9-го 1786.

Принявъ за благо отвѣтъ вами сдѣланный Нурали-хану, мы признаемъ за нужное, дабы вы къ тому присовокупили въ отзывѣ вашемъ къ помянутому хану, что вмѣсто посылки тысячи человѣкъ для его охраненія онъ самъ для безопасности своей пріѣхать можетъ въ Оренбургъ.

12.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 3-го 1786.

Донесенія ваши отъ 10 Маія мы получили тѣмъ съ вящимъ удовольствіемъ, поколику видимъ, что дѣла пограничнаго края вамъ ввѣреннаго вашимъ усердіемъ, радѣніемъ и искусствомъ приходятъ въ видимое поправленіе. Мы увѣрены, что вы съ тою же ревностію станете продолжать ваши неусыпныя старанія объ утвержденіи безопасности границъ, огражденіи подданныхъ нашихъ отъ набѣговъ и хищеній Киргизскихъ, о приласканіи подвластныхъ намъ дикихъ народовъ и о введеніи въ нихъ возможнаго порядка. А потому, пріемля за благо посылку отъ васъ сдѣланную въ Меньшую Киргизкайсацкую орду адъютанта вашего князя Черкасскаго и ахуна Мухамедъ-Джана-Гуссеина, немалую пользу въ дѣлахъ принесшую, спѣшимъ симъ объявить волю нашу на разныя ваши представленія.

Первое. Учинившимъ присягу въ вѣрномъ намъ подданствѣ султанамъ и начальникамъ Киргизскимъ дайте знать, что по полученіи нами вашего донесенія о семъ новомъ доказательствѣ ихъ вѣрности къ престолу нашему возложили мы на васъ обнадежить ихъ о нашихъ къ нимъ милости и благоволеніи, кои и ощутятъ они во всякомъ случаѣ въ полной мѣрѣ, доколѣ сохранятъ непоколебимо ту вѣрность при совершенномъ воздержаніи отъ шалостей и нападеній на прочихъ подданныхъ нашихъ.

Второе. Въ слѣдъ за симъ снабдѣны вы будете по требованію вашему всѣмъ потребнымъ для награжденія достойнѣйшихъ изъ Киргизскихъ начальниковъ, въ чемъ и поступите по лучшему вашему усмотрѣнію, какъ того польза службы нашей взыскивать будетъ.

Третіе. Киргизскихъ султановъ, брата Нурали-хана Айчувана и сына Икюзь-али повелѣли мы по сдѣланіи имъ увѣщеванія о воздержаніи отъ всякой продерзости подъ страхомъ неизбѣжнаго наказанія и по взятіи письменнаго обязательства въ томъ, отправить къ вамъ, оставляя на усмотрѣніе ваше, когда и какимъ образомъ дать имъ дѣйствительную свободу и отпустить въ ихъ народъ.

Четвертое. Раздѣленіе степи для Киргизцовъ сперва на три части и построеніе тамъ городовъ, такожъ гдѣ прилично для главнѣйшихъ ихъ родовъ мечетей, школъ и гостинныхъ дворовъ, весьма полезны и нужны; и чѣмъ скорѣе вы къ сему приступите, тѣмъ болѣе намъ пріятно будетъ.

Пятое. Всемѣрно надлежитъ стараться Нурали-хана согласить пріѣхать въ Оренбургъ, а потомъ учтивымъ и пристойнымъ образомъ взять его въ Уфу, гдѣ и удержать подъ предлогомъ собственной его

безопасности, доколѣ дѣла тамошнія придутъ въ порядокъ и, смотря по обстоятельствамъ, дальнѣйшее наше соизволеніе послѣдуетъ.

Шестое. Выборъ новаго хана мы стольже невыгоднымъ находимъ, какъ и начальство нынѣшняго; и для того сіе всячески отдалять. Но дабы не произвести въ Киргизцахъ подозрѣнія, что будто бы хотятъ ихъ притѣснить въ управленіи, должно совѣтовать имъ имѣть для добраго порядка правленіе, состоящее въ ихъ же лучшихъ старшинахъ изъ главнѣйшихъ родовъ; а когда станутъ отзываться о дозволеніи выбрать хана, то внушать имъ, что покуда настоящій живъ, неудобно къ тому приступить, со временемъ же сіе лучше утвердить можно.

Седьмое. Присылку ко двору нашему депутатовъ отъ учинившихъ намъ присягу Киргизскихъ старшинъ и народа вы можете дозволить и таковыхъ депутатовъ съ надлежащею выгодою ихъ препроводить въ столицу нашу.

Осьмое. Требуемыхъ Уральскою войсковою канцеляріею за освобожденныхъ изъ подъ стражи Киргизцовъ трехъ сотъ осьмидести рублей съ копѣйками не взыскивать съ народа Киргизскаго, а возвратить въ ту канцелярію изъ суммы Оренбургской пограничной экспедиціи.

Девятое. Содержащихся подъ стражею въ Уральскѣ Киргизцовъ освободить. Что же принадлежитъ до возвращенія Киргизцамъ захваченнаго у нихъ и упоминаемаго въ реляціи вашей Ивана Буянола, въ томъ неинако поступить какъ по собственному его желанію, спрося, хочетъ ли онъ къ отцу своему возвратиться или остаться между Уральскими казаками; а въ разсужденіи притязаній сего войска на Киргизцахъ старайтеся, чтобъ излишнія мѣста не имѣли, и чтобъ всякія напрасныя привязки и корыстолюбивые виды дѣламъ до общаго добра и спокойствія того края касающимся не вредили и не препятствовали.

Десятое. Должность Пограничнаго Суда, впредъ до указа въ Оренбургѣ учреждаемаго, имѣетъ ограничена быть въ разборѣ однихъ судныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ съ Киргизцами случающихся; а до управленія симъ народомъ власть его не простирается. Число присутствующихъ въ ономъ уже назначено и хотя въ томъ наименованъ одинъ изъ султановъ по тогдашнему еще начальству Нурали-хана; но буде старшины и народъ выбрать султана не пожелаютъ, мѣсто его занять другимъ изъ начальниковъ почетнѣйшимъ. Нѣтъ надобности, чтобъ всѣ засѣдатели вмѣстѣ присутствовали и судили, но разумѣется, что каждые изъ нихъ по дѣламъ равныхъ своихъ разбираютъ и рѣшатъ; въ уголовныхъ же дѣлахъ относительно утвержденія приговоровъ и исполненія по рѣшеніямъ наблюдать те

чтò предписано по Учрежденіямъ нашимъ въ главѣ IV-й о должности государева намѣстника, въ статьѣ 86.

Первоенадесять. Заведеніе расправъ въ народѣ Киргизскомъ мы почитаемъ полезнымъ; но на первое время довольно когда оныя изъ нихъ самихъ, сходно мнѣнію вашему, составлены будутъ. А развѣ для однихъ письменныхъ дѣлъ употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ; но и тутъ надобна осторожность, чтобъ не подвергнуть ихъ опасности, по своевольству Киргизцовъ. Впрочемъ жалованье симъ расправамъ назначаемое довольно сильно будетъ утвердить Киргизцовъ въ принятіи и сохраненіи ихъ. Расправамъ онымъ состоять подъ апелляціею Пограничнаго Суда, въ Оренбургѣ учреждаемаго.

Второенадесять. На содержаніе того суда и расправъ, такожъ и старшинъ при васъ будущихъ, деньги указали мы отпустить вамъ по тому, какъ вы назначили; но хотя жалованье сельскіе засѣдатели будутъ получать наровнѣ съ Киргизцами, не могутъ они однакожъ пользоваться никакими степенями заурядъ, а должны почитаемы быть какъ въ Учрежденіяхъ нашихъ главы II-й въ статьѣ 58 сказано.

Третіенадесять. Заводимые въ степи города надлежитъ стараться прежде всего обрыть рвомъ и укрѣпить земляннымъ валомъ, дабы и работы въ нихъ безпечнѣе производимы и оборона на случай воровскихъ покушеній удобнѣе найдена быть могла; но при всемъ семъ наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ толь дикихъ народовъ не потревожить и не отвратить. Потому во внушеніяхъ имъ о пользѣ и надобности сихъ городовъ и о нуждѣ впредъ для охраненія ихъ далѣе построить города или укрѣпленія поступить съ осмотрительностью, чтò вамъ по пребыванію вашему на мѣстѣ гораздо способнѣе предвидѣть, и такъ въ томъ изворотиться, какъ лучше для службы нашей и спокойствія края вамъ ввѣреннаго сходнѣе.

13.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 4-го 1786.

По содержанію донесеній вашихъ отъ 14-го Маія позволяемъ вамъ начать строеніе мечети съ школою и гостиннаго двора, употребя въ число показанной по смѣтѣ суммы пятидесяти шести тысячъ трехъ сотъ сорока рублей съ копѣйками, наличныя оставшіяся деньги десять тысячъ двѣсти четыре рубли съ копѣйками; а остальные не преминемъ назначить къ отпуску съ будущаго года. О жалованьи же, какое опредѣлить слѣдуетъ мулламъ и абызамъ при мечетяхъ для Киргизцовъ, за труды въ обученіи дѣтей ихъ, мы будемъ ожидать мнѣнія вашего.

14.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 31-го 1786.

Получивъ донесеніе ваше отъ 6-го сего Іюля, въ разрѣшеніе онаго предписываемъ вамъ. *Первое*, жалованье Нурали-хану, съ прошлаго года удержанное, выдать. *Второе*, на содержаніе какъ сего хана, такъ и находящихся при немъ султановъ, старшинъ и служителей потребныя по вашему названію деньги по триста по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ производить, получа на то нынѣ десять тысячъ рублей отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго и сносяся съ нимъ о доставленіи вамъ впередъ надобной для сего предмета суммы. *Третіе*, открытые листы въ орду разослать на такомъ основаніи, какъ сказано въ 6-мъ пунктѣ указа нашего отъ 3-го Іюня сего года вамъ даннаго.

15.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 3-го 1786.

По поводу двухъ послѣднихъ донесеній вашихъ отъ 15-го минувшаго Іюля изъявляемъ вамъ волю нашу въ слѣдующемъ.

Первое. Письма Нурали-хана къ его дѣтямъ и отъ дѣтей къ нему пересылать безпрепятственно, поколику не найдется въ нихъ ничего интересамъ нашимъ противнаго и спокойствію тамошняго края вреднаго.

Второе. Соображаясь съ состояніемъ Средней Киргизской орды, Худайменды - султану и Даутбаю-Батырю-順ныбекъ-Тарханову сыну опредѣлить жалованье по разсмотрѣнію вашему, и объ отпускѣ онаго снестися съ нашимъ д. т. с. и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, на томъ основаніи, какъ о деньгахъ на содержаніе Нурали-хана и султановъ при немъ находящихся въ указѣ нашемъ отъ 31-го Іюля вамъ сказано.

Третіе. Относительно просимаго Худайменды-султаномъ отвода земли можно отмѣрить оную внизъ къ границѣ и пріурочить рѣками, отобравъ однакожъ предварительно свѣдѣніе о числѣ Киргизцовъ на оную переходящихъ и какимъ образомъ желаютъ они пользоваться землею: ибо, естьли они намѣрены сдѣлать на ней прочное поселеніе, въ такомъ случаѣ надлежитъ подать имъ всякое ободреніе и нѣкоторое еще пособіе изъ казны къ построенію домовъ и заведенію хозяйственному, полагая примѣрно на дворъ или семью отъ десяти и до двадцати рублей.

Въ заключеніе сего не можемъ мы оставить безъ примѣчанія, что въ отвѣтѣ вашемъ помянутому Худайменды-султану, сдѣланное

между прочимъ изреченіе касательно Нурали-хана, «что вы не оставите къ пользѣ его употребить всѣ возможныя старанія и по благорасположенію вашему къ нему готовы вы во всемъ ему способствовать и помощь подать», въ семъ народѣ, наклонномъ къ безпокойствамъ, можетъ родить заключеніе, будто бы вы предполагаете дать какое-либо пособіе сему хану противу отложившихся отъ него старшинъ и подвластныхъ имъ, а сіе самое и обратится иногда вопреки тишинѣ въ тамошней сторонѣ вами утверждаемой; но впрочемъ мы на усердіе и искусство ваше надѣемся, что подобныя послѣдствія вами заранѣе предусмотрѣны и отвращены будутъ.

16.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 9-го 1786.

Находящемуся при васъ для употребленія по дѣламъ пограничнымъ и другимъ тамошнимъ ахуну Мухамедъ-Джанъ-Гуссеину, въ разсужденіи засвидѣтельствованной вами усердной его службы, покуда онъ въ ней обращаться будетъ добропорядочно, повелѣваемъ производить жалованья по триста рублей на годъ.

17.

Въ С.-Петебургѣ, Ноября 12-го 1786.

Получивъ послѣднія донесенія ваши отъ 15-го Октября, мы не можемъ не изъявить вамъ удовольствія нашего за стараніе съ какимъ входите вы въ дѣла тамошняго края, предуспѣвъ открыть Пограничный Судъ для спокойствія народовъ Киргизскихъ толико нужный и полезный, въ чемъ сами они со временемъ совершенно удостовѣриться могутъ. Отдавая справедливость усердію вашему къ службѣ нашей и награждая труды подчиненныхъ вашихъ, о коихъ вы предстательствуете, всемилостивѣйше пожаловали мы находящагося Оренбургской экспедиціи при пограничныхъ дѣлахъ надворнаго совѣтника Петра Чучалова въ коллежскіе совѣтники, Уфимской второй Нижней Расправы судью коллежскаго ассесора Мендіяры-Бекчурина въ надворные совѣтники, и Оренбургскаго корпуса оберъ-аудитора Ивана Фризеля въ секундъ-маіоры, оставляя ихъ при прежнихъ мѣстахъ и должностяхъ; находящемуся же при васъ ахуну Мухамедъ-Джанъ-Гуссеину къ получаемому имъ по триста рублей жалованью повелѣваемъ прибавить еще по двѣсти рублей на годъ, соизволяя при томъ, чтобъ онъ именовался въ тамошнемъ краю первымъ ахуномъ. Впрочемъ мы надѣемся, что вы не замедлите и прочія относительно

Киргизскаго народа предположенія наши привести въ дѣйство и исполненіе, въ чемъ на вашу ревность и искусство полагаемся. Между тѣмъ въ разрѣшеніе представленій вашихъ соизволяемъ.

Первое, чтобъ вы, по усматриваемой вами надобности въ разсужденіи обширности орды учредить болѣе нежели три расправы, представили мнѣніе, въ какомъ родѣ и въ коликомъ точно числѣ сіи расправы прибавить нужно, предполагая правиломъ принаравливаться къ Учрежденіямъ нашимъ о управленіи губерній въ числѣ душъ для составленія уѣзда назначенныхъ.

Второе, хотя не сдѣлали вы лишняго, оказавъ ласковость Наибъ-султану и обнадежа его нашею милостію, которою конечно онъ и воспользоваться можетъ, буде сохранитъ должную къ Имперіи нашей преданность и вѣрность; однакожъ не можемъ мы ни избранія его въ ханы, учиненнаго нѣкоторыми изъ родовъ Киргизскихъ, подтвердить, ни позволить, чтобъ кто-либо другой въ сіе достоинство выбранъ былъ. Почему вы старайтесь при всякомъ случаѣ отклонять желанія о томъ старшинъ и народа, основывая резоны свои на силѣ прежнихъ нашихъ предписаній. Но буде бы необходимость обстоятельствъ потребовала достоинство хана въ ордѣ возстановить, то и въ такомъ случаѣ полезнѣе держаться прежняго мнѣнія о умноженіи ихъ числа и чтобъ каждый изъ таковыхъ хановъ не былъ силенъ въ ордѣ и зависѣлъ отъ васъ, какъ и прочіе подчиненные вамъ въ губерніи и по уѣздамъ.

Третіе, какъ предписано уже отъ насъ устроить при мечетяхъ школы, то и принять мѣры къ скорѣйшему введенію тамо ученія по нормальнымъ правиламъ, заимствуя оныя изъ Устава народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи нами апробованнаго, и снесяся о томъ съ Коммиссіею о народныхъ училищахъ; для переводу же потребныхъ къ тому книгъ употребить тѣхъ муллъ, которые переводили Учрежденія наши, или и другихъ людей по вашему усмотрѣнію способныхъ, съ наблюденіемъ токмо, дабы учебныя книги печатались на ихъ языкѣ вмѣстѣ съ Россійскимъ.

Четвертое, поелику многія полезныя предложенія Киргизцамъ дѣлаемыя оставляютъ они безъ исполненія до возвращенія Сырымъ-Батыря, къ руководству коего имѣютъ они полную вѣру и который по собственному вашему свидѣтельству преимущественно другихъ достоинъ нашего покровительства, то не упустите сильнѣйшимъ образомъ дать восчувствовать Эрали-султану, что дальнѣйшее задержаніе имъ помянутаго Сырымъ-Батыря подвигнетъ на него праведный нашъ гнѣвъ, и всемѣрно настоять, дабы онъ немедленно его отпустилъ въ орду свободно и безвредно.

Пятое, усугубить колико можно бдѣніе по линіи о пресѣченіи набѣговъ Киргизскихъ въ границы наши, и приложить стараніе, дабы вновь на таковое злодѣйство покусившіеся непремѣнно отысканы и наказаны, а захваченные ими люди и лошади возвращены были.

18.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 28-го 1786.

Прибывшихъ въ Оренбургъ Киргизскихъ депутатовъ, по случаю отсутствія нашего изъ здѣшней столицы, повелѣваемъ препроводить къ намъ въ Кіевъ, распорядя отправленіе ихъ такъ, чтобъ они поспѣли туда прежде нежели наступитъ время къ продолженію дальняго нашего путешествія; въ Кіевъ же мы считаемъ прибыть 25-го Генваря и остаться тамъ до вскрытія водъ, полагая оное примѣрно въ первыхъ числахъ Апрѣля.

19.

Въ Царскомъ Селѣ, Генваря 5-го 1787.

На донесеніе ваше о письмѣ къ вамъ присланномъ Средней Киргизскайсацкой орды отъ Вали-хана, почитаемъ мы за нужное дать вамъ знать, что отвѣтъ вами сдѣланный весьма основателенъ, и остается только отклонить Вали-хана отъ посылки къ двору нашему какого либо изъ его братьевъ какъ въ разсужденіи того, что дѣла Меньшой орды до него не касаются, такъ и по случаю предпріятаго нами путешествія въ полуденный край Имперіи, которое продолжится немалое время.

20.

Въ Кіевѣ, Апрѣля 21-го 1787.

Киргизкайсацкой Меньшей орды султанъ съ старшинами и первыми изъ ихъ рода, въ качествѣ депутатовъ здѣсь бывшіе, удостоились предстать намъ и при семъ случаѣ взнесли всеподданнѣйшія ихъ прошенія, по разсмотрѣніи коихъ повелѣваемъ вамъ.

Первое, взятыхъ у нихъ въ прежнія времена плѣнниковъ ихъ возвратить имъ, исключая такихъ только, кои бы приняли уже вѣру православнаго нашего исповѣданія, и особливо когда они приложатъ стараніе о возвращеніи захваченныхъ ихъ однородцами Россійскихъ.

Второе, назначеніе имъ удобныхъ мѣстъ для содержанія скота въ зимнее время зависѣть будетъ отъ лучшаго вашего усмотрѣнія,

предохраняя какъ ихъ самихъ отъ всякаго имъ притѣсненія и озлобленія, такъ и взявъ всѣ нужныя осторожности къ предупрежденію съ ихъ стороны какого-либо безпорядка по благовременному сношенію съ окрестными генералами-губернаторами по силѣ прежнихъ нашихъ о томъ предписаній.

Третіе, въ случающихся между ими распряхъ и обоюдныхъ жалобахъ доставлять имъ посредствомъ учрежденнаго Пограничнаго Суда скорое и справедливое удовольствіе.

Четвертое, стараться снабдить ихъ потребнымъ числомъ изъ людей достойныхъ извѣстнаго поведенія и въ вѣрности испытанныхъ, каковыхъ можно имѣть изъ Казанской губерніи, по сношенію съ тамошнимъ генераломъ-губернаторомъ.

Пятое, при всякомъ случаѣ не только словомъ удостовѣрять, но и дѣломъ доказывать, что настоящее ихъ положеніе, соблюденіе общаго покоя и тишины и сохраненіе намъ подданнической вѣрности и повиновенія суть единыя средства удобныя возвести народъ сей на верхъ блаженства и удостоиться вящшаго нашего покровительства и благоволенія. Впрочемъ, что̀ касается до тѣхъ старшинъ, о коихъ вы списокъ прислали къ нашему гофмейстеру графу Безбородко, рекомендуя ихъ какъ отличныхъ къ награжденію, мы желали бы знать напередъ, въ чемъ вы оное полагаете; и по полученіи о томъ мнѣнія вашего не преминемъ снабдить васъ повелѣніемъ.

21.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 20-го 1787.

По содержанію донесенія вашего отъ 28-го Іюля можно заключать, сколь малую надежду полагать надлежитъ на Эрали-султана Киргизскаго, на котораго сверхъ уклоненія его освободить Сырымъ-Батыря и новыя еще открываются подозрѣнія. Естьли вы по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію найдете, что захваты сего султана, освобожденіе Сырымъ-Батыря послѣдовать и многія затѣмъ слѣдующія распоряженія гораздо лучше сдѣланы быть могутъ, а притомъ и возможность къ тому окажется чрезъ Уральскихъ казаковъ: то и не оставьте приказать произвесть оное въ дѣйство, употребя всѣ нужныя предосторожности.

22.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 10-го 1787.

Секретно.

Нашему генералъ-порутчику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Сверхъ предписаннаго въ указѣ нашемъ къ вамъ о наблюденіи порядка и тишины въ губерніяхъ вамъ ввѣренныхъ и о надлежащей осторожности въ разсужденіи подвластныхъ намъ народовъ въ тѣхъ губерніяхъ или близъ оныхъ обитающихъ или кочующихъ, мы находимъ нужнымъ присовокупить, дабы вы обратили вниманіе ваше и имѣли самоприлежнѣйшее надзираніе, чтобъ въ тѣхъ народахъ не могли случиться каковыя либо непріязненныя намъ подсылки и вредныя внушенія или разглашенія отъ единовѣрныхъ имъ или отъ другихъ злонамѣренныхъ, и буде бы въ томъ подозрительные люди оказалися, таковыхъ брать для законнаго изслѣдованія и по осужденіи наказанія, наблюдая жъ однако, чтобъ тутъ напрасныя прицѣпки, притѣсненія и другаго рода злоупотребленія мѣста имѣть не могли; вредныя же внушенія или разглашенія стараться испровергать и зло въ самомъ началѣ пресѣкать средствами, поколику возможно кроткими, увѣдомляя насъ благовременно о всемъ и въ подробности. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

23.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 10-го 1787.

Нашему генералу-поручику правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Изъ манифеста нашего въ 7-й день сего Сентября даннаго извѣстны вы, какимъ вѣроломнымъ и неистовымъ образомъ Порта Оттоманская объявила намъ войну и тѣмъ побудила насъ обратить оружіе наше на оборону православной церкви и достоинства Имперіи нашей. Мы хотя увѣрены, что вы и всегда не преставали имѣть по ввѣреннымъ вамъ намѣстничествамъ должное радѣніе о сохраненіи надлежащаго порядка и тишины; но отъ избытка осторожности не можемъ оставить на настоящее время, чтобъ не подтвердить вамъ объ усугубленіи со стороны вашей таковаго наблюденія и о предписаніи настоящимъ подъ начальствомъ вашимъ комендантамъ, городничимъ, земскимъ исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, дабы они имѣли недреманное ихъ бдѣніе, чтобъ въ вѣдомствѣ каждаго изъ нихъ ничто доброму устройству несогласное и общественной тишинѣ противное не происходило, чтобъ всякъ изъ нихъ другъ другу по дѣламъ службы нашей и пользы общей подавалъ руку помощи, чтобъ о всемъ къ тому относящемся начальство свое увѣдомляли немедленно и въ чемъ слѣдуетъ и гдѣ разрѣшеніе начальства нужно, требовали онаго для лучшаго надзиранія въ прехожденіи помянутыми чинами служенія

ихъ и въ исполненіи вышеписаннаго. Еслибы другія важнѣйшія дѣла вамъ не дозволяли самолично осматривать губерніи вамъ порученныя, вы можете возлагать сіе на губернаторовъ и на другихъ чиновниковъ, коихъ отлучка не причинитъ въ теченіи прочихъ дѣлъ остановки. Относительно подвластныхъ намъ народовъ въ губерніяхъ вами управляемыхъ или близъ оныхъ обитающихъ и кочующихъ, не оставьте наблюдать всевозможную осторожность, не позволяя имъ приключать обиды и притѣсненія, въ коихъ должно давать имъ законную управу; но и не допуская ихъ притомъ до хищеній, къ каковымъ многіе развращенные между ними сродны, и всякое своевольство заранѣе упреждая и пресѣкая. О состояніи намѣстничествъ вамъ ввѣренныхъ вы долженствуете присылать къ вамъ по прежнему дважды въ мѣсяцъ рапорты, изъясняя въ нихъ всякое происшествіе, которое могло бы заслуживать вниманіе, смотря же по важности и кромѣ того времени, да иногда и съ нарочными таковыя донесенія буде надобно доставляя. Впрочемъ гдѣ польза государственная востребуетъ обязаны вы съ окрестными генералами-губернаторами или правящами должность, а въ небытность ихъ съ губернаторами производить сношеніе и другъ другу взаимно подавать руку пособія къ сохраненію порядка, исполненія законовъ и удержанію спокойства и безопасности общественной. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

24.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 27-го 1787.

Секретно.

Нашему генералу-поручику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Для свѣдѣнія вашего препровождая у сего копію указа нашего, къ правящему должность Кавказскаго губернатора посланнаго, о прилежномъ наблюденіи за народами по ввѣренной ему губерніи пребывающими магометанскаго закона и о предосторожности противу всякой ихъ колеблемости, повелѣваемъ исполнять и наблюдать со стороны вашей все тутъ предписанное, поколику оное до васъ и губерній вамъ ввѣренныхъ относится. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

Копія. *Секретно.*

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 27-го 1787.

Нашему статскому совѣтнику, правящему должность Кавказскаго губернатора Алексѣеву.

По доходящимъ къ намъ извѣстіямъ, что Порта Оттоманская старается усилить войска свои противъ границъ нашихъ Кубанскихъ и Кавказскихъ, мы находимъ за нужное вновь подтвердить вамъ о всеприлежномъ наблюденіи за разными народами магометанскаго закона въ губерніи вамъ ввѣренной пребывающими, дабы между ними тишина и всевозможный порядокъ сохраняемы, подсылки отъ единовѣрныхъ имъ къ Турецкой сторонѣ прилѣпившихся и всякая связь съ ними благовременно отвращаемы были и ни малѣйшей колеблемости отъ сихъ народовъ не происходило, для чего нужно вамъ имѣть сношеніе съ командующимъ корпусами войскъ нашихъ на Кубани и Кавказскимъ или же въ случаѣ отдаленія его по надобностямъ военнымъ съ тѣми, кто ближайшими къ границамъ нашимъ отрядами командовать будетъ, о чемъ и дали мы знать нашему генералу-фельдмаршалу князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому, дабы сіи начальники войскъ отъ него наставлены были извѣщать о надобномъ къ предосторожности васъ и прочихъ ближайшими губерніями управляющихъ, а въ случаѣ нужды подать всемѣрное пособіе къ удержанію спокойствія и безопасности внутренней. Не меньше потребно усугубить примѣчаніе и за Киргизкайсаками на случай прихода ихъ для зимовья на луговую сторону рѣки Волги, имѣя тутъ частое сношеніе съ генералами-поручиками, правящими должность генераловъ-губернаторовъ Уфимскаго и Симбирскаго барономъ Игельстромомъ и Саратовскаго и Воронежскаго Чертковымъ. Сверхъ сего соизволяемъ, чтобъ вы намъ представили, поколику достаточны у васъ способы къ сохраненію желаемаго между сими народами устройства и охраненію прочихъ подданныхъ нашихъ отъ хищенія и другаго вреда своевольными изъ оныхъ причиняемаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

25.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 11-го 1787.

Жалованье опредѣленное отъ насъ Средней Киргизъ-Кайсацкой орды султану Худай-Мендѣ по смерти его повелѣваемъ производить Меньшей орды Каибъ-султану, покуда онъ въ вѣрности и благонамѣренныхъ къ намъ расположеніяхъ пребудетъ.

26.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 27-го 1787.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6-го сего мѣсяца содержаніе отвѣта даннаго вами султанамъ, старшинамъ и народу Киргизкайсац-

кой Средней орды десяти родовъ, управляемыхъ Тагиръ-султаномъ, въ разсужденіи желанія ихъ по случаю смерти сего султана отдаться начальству старшаго его сына Айчуванъ-султана, мы апробуемъ оный и соизволяемъ, чтобъ помянутый Айчуванъ-султанъ, объ усердіи коего и добромъ расположеніи къ нашей сторонѣ вы свидѣтельствуете, утвержденъ былъ начальникомъ надъ родами въ управленіи отца его бывшими, тѣмъ болѣе, что сіе согласно и съ извѣстными вамъ нашими предположеніями, дабы Киргизкайсацкія орды управлялись не однимъ ханомъ, но разными начальниками, зависящими отъ нашего главнаго въ томъ краѣ командира, и что посредствомъ такого раздѣленія удобнѣе содержать ихъ въ тишинѣ и укрощать самовольства и набѣги, къ коимъ сіи народы склонны. Относительно прошенія Маметъ-султана пріѣхать сюда, въ томъ ему не препятствовать и въ отправленіи его подать съ вашей стороны всякое пособіе. Что же касается до прочихъ пунктовъ желанія сего султана, оные по полученіи отъ васъ мнѣнія послѣ разрѣшены быть могутъ.

27.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 7-го 1787.

Донесенія ваши отъ 9-го Ноября, съ нарочнымъ присланныя, мы получили исправно. Пріемля за благо все произведенное вами въ дѣйство для пользы и спокойствія подвластныхъ намъ Киргизскихъ народовъ и для утвержденія безопасности тамошняго края попеченію вашему ввѣреннаго, въ разрѣшеніе разныхъ представленій вашихъ предписываемъ вамъ слѣдующее.

Первое, открытіе въ Меньшей Киргизкайсацкой ордѣ трехъ расправъ и штатъ онымъ отъ васъ представленный, мы всемилостивѣйше апробуемъ, равно какъ и опредѣленіе главныхъ и родовыхъ старшинъ, предоставляя на лучшее ваше усмотрѣніе пользы, надобности и времени, прибавить еще трехъ главныхъ и десяти родовыхъ старшинъ въ Алимуменской, Баулинской и Семиродской главные роды, и по таковому положенію на жалованье всѣмъ главнымъ и родовымъ старшинамъ и на содержаніе трехъ расправъ въ ордѣ учрежденныхъ, указали мы нашему д. т. с. и генералу-прокурору князю Вяземскому отпускать ежегодно денегъ по четыре тысячи четыреста рублей серебряною монетою, да хлѣба по сту по шестидесяти одной четверти, о чемъ вы съ своей стороны съ нимъ сношеніе имѣть не оставьте; выдачу же вами таковаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не въ зачетъ за годъ, для поощренія сихъ людей къ вящшему усердію, мы утверждаемъ.

Второе, въ разсужденіи многихъ султановъ къ новому преобразованію орды не приставшихъ и по причинѣ потерянія прежней власти своей недовольныхъ мы будемъ ожидать отъ васъ представленія тѣхъ средствъ, кои вы обѣщаете изыскать къ успокоенію и привлеченію и ихъ въ единомысліе съ прочими благонамѣренными, почитая, что добровольное склоненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ службу здѣшнюю, гдѣ бы они могли быть опредѣляемы къ тамошнимъ нерегулярнымъ или жъ и къ другимъ войскамъ, а по времени и случаямъ ободряемы повышеніемъ чинами, послужило бы непослѣднимъ способомъ къ привязанію ихъ къ намъ и къ приласканію самыхъ недовольныхъ.

Третіе, султана Каиба родному брату Карабай-султану за усердную его службу производить жалованья по двѣсти рублей на годъ, покуда онъ въ вѣрности пребудетъ, удаляяся самъ и воздерживая подчиненныхъ своихъ отъ всякихъ своевольствъ и хищенія.

Четвертое, присылка депутатовъ Киргизскихъ отъ всѣхъ родовъ избираемыхъ намъ благоугодна, и вы можете отправленіе ихъ всѣхъ сорока человѣкъ распорядить такимъ образомъ, чтобъ они въ дорогѣ не потерпѣли, ни отъ нихъ какихъ безпорядковъ не произошло, увѣдомя насъ, къ которому времени и сколько точно ихъ числомъ сюда прибудетъ. дабы о принятіи и помѣщеніи ихъ здѣсь заранѣе учрежденіе сдѣлано быть могло.

Пятое, заслуги Сырымъ-Батыря и подвиги его въ ордѣ на пользу общую произведенные пребудутъ всегда во всемилостивѣйшемъ нашемъ уваженіи, которое объявите вы ему и при нынѣшнемъ случаѣ, увѣря его, что мы не инако какъ съ монаршимъ благоволеніемъ приняли письмо его, свидѣтельствующее продолжительное его къ намъ и Имперіи нашей усердіе и преданность.

Шестое, относительно извѣстій сообщенныхъ вами въ письмѣ къ гофмейстеру нашему графу Безбородко о неблагонамѣреніи къ намъ Бухарцовъ, мы почитаемъ, что представляемыя вами для предосторожности отъ того мѣры, особливо въ настоящее время, весьма полезны не только противу покушеній Бухарскихъ, но и для обузданія самихъ Киргизкайсаковъ. Не отрицаемъ мы, что въ числѣ таковыхъ полезныхъ способовъ есть изъ главныхъ укомплектованіе гарнизоновъ Оренбургскихъ; но какъ учиненное уже росписаніе рекрутъ изъ послѣдняго набора для армій нашихъ противъ непріятеля дѣйствующихъ не позволяетъ теперь тѣмъ гарнизонамъ таковаго усиленія сдѣлать рекрутами: то покуда оное въ другое время совершится и доколѣ еще не видно въ самихъ Киргизкайсакахъ никакихъ злыхъ умысловъ, мы возлагаемъ на ваше усердіе и искусство, не найдете ли вы удобности по крайней мѣрѣ между тѣмъ для нужной въ крѣпостяхъ стражи,

вмѣсто полевыхъ регулярныхъ войскъ, употребить тамошнихъ казаковъ, считаемыхъ въ немаломъ количествѣ, хотя съ производеніемъ употребляемымъ въ таковую дѣйствительную службу жалованья противъ прочихъ нерегулярныхъ войскъ. Для усиленія же корпуса вамъ ввѣреннаго конницею позволяемъ вамъ составить полкъ изъ добровольно вступающихъ въ службу Башкирцовъ и Мещеряковъ на основаніи прочихъ казачьихъ полковъ; и сколько на содержаніе сего полку потребно суммы, намъ донести, дабы объ отпускѣ ея въ ваше распоряженіе могли мы кому надлежитъ дать повелѣніе. Равнымъ образомъ не оставимъ распорядить, какъ скоро время и способность дозволятъ, чтобъ прокормленіе войскъ нашихъ и снабдѣніе оныхъ на случай дальнѣйшаго движенія обезпечить заведеніемъ на линіи запаснаго магазейна.

Впрочемъ всѣ вышеписанныя мѣры не инако употреблять вы должны, какъ въ прилежномъ соображеніи положенія наставшей войны, поколику осторожность теперешнему случаю потребная дозволитъ производить въ дѣйство, отлагая изъ того, что̀ по усмотрѣнію вашему оказалося бы невмѣстнымъ на сей разъ до удобнѣйшей поры и избѣгая касаться средствъ, хотя полезныхъ въ самомъ существѣ тому народу, но ежели оныя подавать бы могли поводъ къ крайнему неудовольству и волнованію, въ чемъ мы на собственное ваше усердіе, искусство и осторожность полагаемся.

28.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 7-го 1787.

Сверхъ доставленныхъ отъ васъ съ нарочнымъ увѣдомленій о разныхъ благоустройствахъ въ ордѣ Киргизкайсацкой получили мы донесенія ваши о сохраненіи во все теченіе настоящаго года тишины со стороны сея орды, объ успѣхахъ въ торговлѣ, о приращеніи таможенныхъ доходовъ и о прочемъ. Мы пріемлемъ съ особливымъ благоволеніемъ ваши усердныя о всемъ томъ старанія и отъ продолженія оныхъ надѣемся еще и вящаго спокойствія и порядка въ томъ краѣ. Снабдивъ васъ рѣшеніемъ нашимъ по прочимъ вашимъ представленіямъ, осталося намъ здѣсь предписать вамъ: *первое*, объ употребленіи всемѣрныхъ вашихъ настояній, дабы обнадеженія вамъ данныя отъ Киргизцовъ о возвращеніи товаровъ изъ каравановъ прежде ими пограбленныхъ на дѣлѣ и безъ отлагательства исполнены были, и *второе*, чтобъ для отвращенія Башкирцовъ отъ кражи скота у Киргизцовъ препоручили вы имамамъ ихъ дѣлать при случаяхъ удобныхъ приличныя увѣщеванія.

29.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7-го 1788.

По представленію вашему указали мы д. т. с. и генералу-прокурору князю Вяземскому доставить вамъ, на отправленіе сюда Киргизскихъ депутатовъ, десять тысячъ рублей, въ дополненіе той суммы, какая въ Оренбургской пограничныхъ дѣлъ экспедиціи на лицо нынѣ состоитъ, дабы не сдѣлать оскудѣнія и для прочихъ тамъ нужныхъ расходовъ.

30.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 19-го 1788.

Для надобности службы нашей въ здѣшнемъ краѣ повелѣваемъ вамъ назначить тысячу Башкиръ надежныхъ и доброконныхъ, раздѣля ихъ въ два полка и пріуготовя такъ, чтобъ по первому за симъ нашему указу оные могли сюда отправиться; причемъ даемъ вамъ знать, что какъ скоро оные изъ жилищъ своихъ выдутъ, то и должны будутъ получать жалованье, провіантъ и фуражъ противъ Донскихъ казаковъ.

31.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 25-го 1788.

Вы уже извѣстны отъ генерала-поручика правящаго должность генералъ-губернатора Воронежскаго и Саратовскаго Черткова о учиненной Киргизкайсаками на рѣчкѣ Царевкѣ продерзости разбитіемъ хуторовъ, захваченіемъ людей и отогнаніемъ скота; почему и повелѣваемъ вамъ предписать кому слѣдуетъ о употребленіи всевозможнаго старанія, дабы таковые преступники переловлены и для поступленія съ ними по строгости законовъ надлежащему суду преданы, а захваченные люди, скотъ и прочее имѣніе конечно возвращены были, въ чемъ учрежденные отъ васъ въ Киргизкайсацкой ордѣ расправы и родовые старшины обязаны всемѣрно приложить попеченіе.

32.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 2-го 1788.

Донесенія ваши отъ 7 Маія мы получили и по содержанію оныхъ даемъ вамъ знать, что о сношеніи Турковъ съ Бухарцами и о возбужденіи сихъ послѣднихъ къ поднятію противу насъ оружія мы уже

имѣли и съ другой стороны извѣстія; на благоразуміе однакожъ и осторожность вашу полагаемся, что вы не упустите ничего того, что̀ можетъ служить къ сохраненію въ томъ краю прежняго спокойствія и къ недопущенію всякимъ вреднымъ послѣдствіямъ. О наполненіи войскъ полевыхъ Оренбургскаго корпуса и гарнизоновъ тамошнихъ учинены уже достаточныя распоряженія; но что̀ касается до представляемаго вами соединенія корпусовъ Сибирскаго и Оренбургскаго, сего мы не можемъ принять за благо, ибо состояніе границы Сибирской требуетъ также особаго уваженія и распоряженія по мѣстному усмотрѣнію тамошняго начальства; командующіе же обоими сими корпусами и безъ соединенія оныхъ долженствуютъ о всемъ, что̀ касается на пользу службы, сноситься между собою и въ случаѣ надобномъ подавать другъ другу руку помощи.

33.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 17-го 1788.

Въ слѣдствіе указа нашего отъ 19 Апрѣля къ вамъ посланнаго повелѣваемъ назначенные два полка или тысячу человѣкъ Башкирцовъ отправить тотъ часъ сюда, придавъ имъ, для наблюденія порядка, воздержанія ихъ отъ своевольствъ и доставленія имъ нужнаго, изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ число неизлишнее по вашему разсмотрѣнію и предписавъ слѣдовать по маршруту отъ васъ присланному. Деньгами потребными на слѣдованіе ихъ снабдите изъ тамошнихъ кригсъ-комисарской и провіантской коммисій, въ коихъ расчетъ учиненъ будетъ немедленно нашимъ д. т. с. и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ. Впрочемъ полагаемся мы на ваше усердіе къ службѣ нашей, что тутъ выбраны будутъ изъ Башкирцовъ люди къ употребленію надежнѣйшіе.

34.

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 6-го 1788.

По содержанію донесенія вашего отъ 31-го Маія въ резолюцію предписываемъ: что принятіе отправляемаго ко двору нашему отъ Бухарскаго правительства посланника въ настоящемъ положеніи дѣлъ можетъ быть полезно; и для того когда сей посланникъ прибудетъ въ Оренбургъ, доставя ему всѣ потребныя выгоды къ безпрепятственному продолженію пути, препроводите его сюда со всѣми осторожностями, какія по благопризнанію вашему могутъ быть нужны, учредя притомъ трактъ его отъ Оренбурга чрезъ Симбирскъ, Нижній-Новго-

родъ на Москву и снесяся съ генералами-губернаторами и правящими ту должность лежащихъ на семъ трактѣ губерній, дабы и съ ихъ стороны къ принятію и препровожденію далѣе сего посланника благовремянныя распоряженія сдѣланы были.

35.

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 19-го 1788.

По выкомандированіи сюда двухъ полковъ Башкирскихъ повелѣваемъ собрать вновь еще одинъ таковой же полкъ изъ пятьсотъ человѣкъ Башкирцовъ и имѣть ихъ всегда въ резервѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и отряженные въ собраніи состояли, дабы изъ нихъ можно было какъ сюда посланные полки наполнять въ случаѣ убыли, такъ и имѣть тамъ въ готовности для умноженія по мѣрѣ надобности въ другихъ мѣстахъ легкихъ войскъ. Сіи на службу назначенные Башкирцы, долженствуютъ получать содержаніе казенное на основаніи прежнихъ о томъ указовъ нашихъ.

36.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 26-го 1788.

Видѣвши изъ донесеній вашихъ отъ 6 и 27 Сентября перемѣну прежняго поведенія Киргизской Меньшой орды Эрали-султана, который имѣетъ нынѣ благонамѣренное къ намъ расположеніе и проситъ какъ о позволеніи ему отправить сюда нѣсколько человѣкъ депутатовъ, такъ объ отпускѣ въ орду брата его Нурали-хана, повелѣваемъ вамъ: чтò касается до первой просьбы Эрали-султана, въ оной его совершенно удовлетворить и въ отправленіи къ намъ избранныхъ отъ него депутатовъ подать всякое зависящее отъ васъ пособіе по примѣру другихъ подобныхъ присылокъ; относительно же возвращенія въ орду Нурали-хана, мы желаемъ, чтобъ вы доставили намъ точное ваше мнѣніе, не можетъ ли быть для насъ неудобнымъ и неполезнымъ, естьли помянутый ханъ отпущенъ будетъ; а при томъ соизволяемъ, чтобъ вы впредь по таковымъ дѣламъ представленія для удобнѣйшаго ихъ здѣсь разрѣшенія присылали съ присовокупленіемъ своего разсужденія.

37.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 18-го 1789.

Изъ рапорта вашего отъ 23 Ноября съ вѣдомостьми о всемъ происшедшемъ въ минувшемъ 1788 году со стороны Киргизцовъ на

верхней и нижней Уральскихъ линіяхъ и о успѣхѣ торга, происходившаго между Россійскимъ купечествомъ, Бухарскимъ, Хивинскимъ и Киргизкайсацкимъ народами, видимъ мы съ удовольствіемъ благоуспѣшность прилагаемаго вами старанія о выручѳніи захваченныхъ Киргизцами подданныхъ здѣшнихъ. Отдавая въ томъ должную справедливость усердію и попеченію вашему, мы признали за нужное предписать вамъ, чтобы вы продолжали употреблять всѣ возможныя мѣры къ такому выручѳнію и къ пресѣченію впредъ подобныхъ со стороны Киргизцовъ продерзостей.

38.

Въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 30-го 1789.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 28-го Марта поступокъ, коимъ остановили вы исполненіе изданнаго своевольно въ Меньшой Киргизкайсацкой ордѣ отъ Каибъ-султана узаконенія, апробуемъ оный, соизволяя и на произведеніе въ дѣйство мнѣнія вашего о снабдѣніи того народа нужными законами; поелику же вамъ свойство и обычай его болѣе извѣстны, то и возлагаемъ на попеченіе ваше приказать составить выписку приличныхъ къ тому законовъ, соображаяся съ родомъ случающихся тамо преступленій и тяжебъ и оную къ намъ представить на апробацію.

39.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 25-го 1789.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 18-го Сентября, какой сдѣлали вы отвѣтъ Киргизкайсацкой Меньшой орды старшинѣ и Баулинской расправы засѣдателю Суфрѣ бею по случаю полученнаго Киргизцами отъ Бухарскаго Аталына письма, возмущающаго Киргизскій народъ къ поднятію противу имперіи нашей оружія въ пользу непріятеля нашего Порты Оттоманской, находимъ содержаніе того отвѣта весьма приличнымъ, равно какъ и прочія распоряженія ваши по сему случаю учиненныя полезными, которыя и пріемлемъ за благо. Но притомъ нужно есть, чтобъ вы, имѣя въ командѣ своей немалой корпусъ войскъ нашихъ, учредили и по сей части нужныя мѣры осторожности, а для взятья таковыхъ же сообщили и Кавказскому губернатору на случай кочеванія зимой въ тамошнихъ предѣлахъ Киргизкайсаковъ; о чемъ не оставьте также снестися заранѣе и съ главнокомандующимъ Кавказскою нашею арміею генераломъ графомъ Салтыковымъ, дабы повсюду надобная осторожность принята была не только

на уничтоженіе замысловъ враговъ нашихъ, но и на обращеніе оныхъ въ собственную ихъ погибель. Впрочемъ нужно, чтобъ вы о пограничныхъ обстоятельствахъ, кои требуютъ осторожности военной и связи между частями войскъ нашихъ, помянутаго генерала извѣщали.

40.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 13-го 1791.

Четвертаго дня въ вечеру къ особливому удовольствію нашему получили мы отъ генерала фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго извѣстіе о подписаніи прелиминарныхъ артикуловъ мирныхъ между Имперіею нашею и Портою Оттоманскою, которое въ приложеніи при семъ вамъ сообщаемъ, пребывая вамъ благосклонны.

41.

Въ разсужденіи, что главная провіантская канцелярія по отдаленности губерній, вамъ ввѣренныхъ, не можетъ сама распоряжать заготовленіемъ провіанта и фуража для войскъ въ нихъ находящихся, возлагаемъ отъ нынѣ впредъ на васъ, въ отсутствіи же вашемъ на губернаторовъ, сходственно съ учрежденіями нашими, попеченіе о таковомъ заготовленіи провіанта и фуража въ означенныхъ губерніяхъ и о доставленіи его куда надлежитъ, съ тѣмъ, чтобъ вы съ казенною палатою производили оное по сношенію съ главною провіантскою канцеляріею о количествѣ потребнаго и о деньгахъ за то изъ суммъ на сіе опредѣленныхъ, съ наблюденіемъ всевозможнаго хозяйства посредствомъ добровольныхъ закупокъ или же подрядовъ, какимъ образомъ для казны выгоднѣе, отвращая всякое тутъ злоупотребленіе или притѣсненіе для жителей и учреждая недостатокъ въ пропитаніи войскъ тамошнихъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКАГО.

Эти воспоминанія писаны въ 1836 году, въ то время, когда готовился памятникъ на Бородинскомъ полѣ, уже воздвигнута была передъ Зимнимъ дворцомъ Александровская колона, и въ одной изъ залъ царскаго жилища собрана портретная галлерея славныхъ участниковъ великой борьбы. Молодость Государя Николая Павловича протекла подъ обаяніемъ „грозы двѣнадцатаго года“, ея предварительныхъ раскатовъ и послѣдующей славы. Воцарившись, онъ дѣятельно озаботился увѣковѣченіемъ этой всемірно-исторической эпохи, при томъ не однимъ воздвиженіемъ вещественныхъ памятниковъ, но и собираніемъ всякаго рода повѣствованій. По его волѣ приступлено было А. И. Данилевскимъ къ написанію Исторіи Отечественной войны, для которой и доставлялись со всѣхъ сторонъ даровитому, трудолюбивому, хотя и не безпристрастному историку, памятныя записки. Къ числу ихъ принадлежатъ и нижеслѣдующія воспоминанія, изложенныя въ видѣ письма къ Данилевскому.

Авторъ, извѣстный драматическій писатель Александръ Александровичъ Шаховской (1777—1846) въ это время уже окончилъ свое писательское поприще, успѣвъ вывести на Русскую сцену

Своихъ комедій шумный рой,

и спокойно доживалъ вѣкъ въ Москвѣ. Тетрадь его, въ современномъ спискѣ, сохранилась въ замкѣ Фаллѣ, между бумагами графа А. Х. Бенкендорфа, которому, какъ старому товарищу (молодые годы обоихъ протекали за театральными кулисами, и Бенкендорфъ привезъ изъ Парижа славную мамзель Жоржъ), она вѣроятно была доставлена самимъ авторомъ, передающимъ живыя и любопытныя подробности и объ его участіи въ событіяхъ 1812 года. Приносимъ благодарность нашу внучатному племяннику автора, г-ну Ревельскому губернатору князю Сергѣю Владимировичу Шаховскому и внуку графа Бенкендорфа, князю П. Г. Волконскому за дозволеніе вновь обнародовать эти любопытныя воспоминанія. П. Б.

*

Ваше превосходительство желали знать, что̀ я видѣлъ, слышалъ, думалъ и чувствовалъ, во время вступленія нашего въ очищенную отъ непріятеля Москву, и я всею душею радъ исполнить желаніе ваше. Хотя давность, лѣта и скорби одряхлили мою память; но чув-

ствую, что священный огонь, запалившій въ 1812 году Русскія сердца, не вовсе потухъ, и авось вспыхи его, пробуждая давнишнія ощущенія и проясняя прошедшее, помогутъ мнѣ удовлетворить любопытство ваше.

Я случился въ Твери, при возвращеніи чрезъ нее покойнаго Государя Императора изъ арміи и Москвы въ Петербургъ, и имѣлъ счастіе первый изъ принадлежавшихъ ко двору вступить съ высочайшаго соизволенія въ Тверскія дружины. 15-го Августа начался поуѣздно наборъ ополченія; а передъ вечеромъ 30-го Августа полкъ мой первый выступилъ изъ Твери къ Москвѣ. Когда онъ построился четвероугольникомъ для принесенія съ колѣнопреклоненіемъ молебствія Богу браней, хлѣбные амбары за гостиннымъ дворомъ загорѣлись, и пожаръ быстро распространился, однако не прервалъ нашего священнаго обряда. Молебствіе кончилось. Соборный протоіерей окропилъ новыхъ воиновъ святою водою; весь полкъ довольно порядочно зашелъ повзводно; два барабанщика, взятые изъ пересыльныхъ плѣнныхъ Нѣмцовъ, ударили походъ. Тутъ, съ твердою вѣрою, но не безъ тщеславнаго воспоминанія, я повторилъ воинскій крикъ предка моего Мстислава Храбраго: «*Съ нами Богъ!*» [1]) Его громогласно подхватили всѣ дружины, и мы, съ Богомъ, выступили изъ пылавшей за нами Твери, навстрѣчу ужаснѣйшему пожару, очистившему и осіявшему заревомъ вѣчной славы нашу Святую Русь.

Остановясь для осмотра на походѣ дружинъ, я не успѣлъ пропустить мимо себя двухъ баталіоновъ, какъ Приволжскіе пѣсельники впереди перваго (Кашинскаго), съ кларнетомъ и двумя гобоями отданныхъ въ ополченіе господскихъ музыкантовъ, грянули дружно: «*Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*». Пѣсня мигомъ оживила не однихъ холостыхъ ребятъ, но и отцевъ семействъ, съ которыми они только успѣли слезно проститься, и недавно понурые крестьяне бодро зашагали храбрыми воинами за Царя и Отечество. Каждый изъ молодцевъ готовъ былъ поднять на зубки товарища своего, горемычно повѣсившаго голову, и заушить всякаго чужеземца. Этотъ скорый переходъ изъ унынія въ храброваніе не удивитъ васъ: вы вѣрно видали, какъ плаксиваго рекрута одна солдатская шапка превращаетъ въ удальца, часто начинающаго военную службу побоями своего отдатчика. Таковъ Русской обычай, и это внезапное дѣйствіе перемѣны платья, ка-

---

[1]) Князья Шаховскіе прямо происходятъ отъ Рюрика. П. Б.

жется, оправдываетъ наружное преобразованіе Петра Перваго, сохранявшаго впрочемъ самобытное свойство своего народа.

Остановясь на дневку въ Клину, мы услышали отъ выѣздцовъ изъ Москвы, что непріятель въ нее вступаетъ. Ополченное молодечество не хотѣло вѣрить этимъ несбыточнымъ, особливо послѣ Бородинскаго сраженія, вѣстямъ, и вѣстовщики, разруганные лгунами и трусами, едва не были отпотчиваны нашими ратниками, какъ отдатчики рекрутъ. Но въ ночи дальнее зарево широко зардѣлось съ прямаго направленія отъ Москвы: Русскія вѣщія сердца замерли, и вскорѣ прискакавшій къ намъ съ приказаніемъ остановить насъ, гдѣ застанетъ, увѣрилъ въ ужасной истинѣ. Она, какъ Крещенскій морозъ, ледѣнила наши члены; мы, отъ стыда за нашу родину, не смѣли взглянуть другъ на друга, и, кажется, лучше бы желали провалиться сквозь землю, чѣмъ носить на ней позоръ Русскаго имени. Но благовѣстъ къ обѣднѣ заставилъ всѣхъ перекреститься и молча войти въ церковь. Я никогда не забуду этой минуты, въ которую жизнь моя казалась мнѣ нестерпимымъ поношеніемъ; но какъ начальникъ, обязанный не показывать робкаго унынія моимъ подчиненнымъ, я, стараясь придумывать, чѣмъ бы ихъ ободрить, самъ ободрился: вспомнилъ о Пожарскомъ и, при выходѣ изъ церкви, воскликнулъ «Россія не въ Москвѣ!» Это слово произвело сильное дѣйствіе уже не на театральной сценѣ, а въ настоящемъ бытѣ, повторенное, ровно чрезъ 200 лѣтъ, на попираемой врагами Русской землѣ. Мрачныя думы прояснились, воображеніе оживилось, каждый изъ ополченныхъ дворянъ началъ по своему предугадывать, разсуждать, соображать бывшее съ настоящимъ и, наконецъ, неизмѣнная надежда на Бога, Государя и Русскую непотдатливость, быстро одушевила всѣ дружины, и чрезъ часъ, при Московскомъ заревѣ, раздались пѣсни Тверскихъ воиновъ и Клинскихъ ямщиковъ; а старые солдаты, приданные къ дружинѣ для обученія ратниковъ, сидя на завалинахъ избъ, съ досады на новобранцевъ, не отстоявшихъ первопрестольнаго города, пустились разсказывать о славныхъ походахъ Суворова, при которомъ они этихъ же Французовъ, какъ куръ, душили въ чужой, дальней землѣ.

Отставной корнетъ Постельниковъ, бывшій за баталіоннаго адъютанта, хватски отрапортовалъ мнѣ, что кручина спала съ удалыхъ головъ, какъ съ гуся вода, и между помѣщиковъ-офицеровъ по прежнему составились бостонцы и банчики, въ ожиданіи что̀ прикажутъ дѣлать, куда поведутъ и гдѣ Господь приведетъ подраться съ злодѣями.

Вы знаете, что, по взятіи непріятелемъ Москвы, Тверское ополченіе поступило подъ начальство генералъ-адъютанта барона Винцингероде, отрѣзаннаго съ своимъ отрядомъ отъ арміи и оставшагося на

Петербургской дорогѣ. Я получилъ отъ него приказъ явиться къ нему въ Подсолнечное, гдѣ былъ встрѣченъ моими молодыми пріятелями, нынѣшнимъ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ и Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Ихъ бодрая веселость разбудила и мою; а разсказы о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ фельдмаршала, сколько можно было, меня успокоили. Послѣ обѣда, къ которому было прислано съ изобиліемъ всякаго съѣстнаго запаса, садовыхъ и оранжерейныхъ плодовъ изъ разныхъ подмосковныхъ, я вышелъ на улицу, гдѣ увидѣлъ ямскую сходку, столпившуюся около старика, который, уткнувъ сѣдую бороду о длинную палку, что-то толковалъ молодежи; а на мой вопросъ, о чемъ у нихъ идутъ поговорки, отвѣчалъ: «Да все о матушкѣ Москвѣ.—«Что же вы думаете?»—«Да вотъ пока ее матушку супостаты не взяли, такъ думалось и то и се; а теперь думать нечего. Ужъ хуже чему быть?.. И только бъ батюшка нашъ Государь милосердый, дай Богъ ему много лѣтъ царствовать, не смирился съ злодѣемъ, то ему у насъ не сдобровать. Святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину, и мы всѣ шапками замечемъ, аль своими тѣлами задавимъ супостата». Въ это время баронъ Винцингероде подошелъ къ намъ. Я ему перевелъ крестьянскія рѣчи, и онъ, схвативъ меня съ привычнымъ ему судорожнымъ движеніемъ за руку, сказалъ: «Я только одного желаю, чтобъ вельможи наши думали какъ эти крестьяне. Сегодня же напишу къ Императору ихъ слова. О! я увѣренъ, что онъ никакъ не помирится съ Бонапарте, и Россія будетъ гробомъ его». Я тогда вспомнилъ говоренное мнѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, покойнымъ инженернымъ генераломъ Л. Л. Карбонье, что Наполеоново торжество продолжится, пока онъ будетъ воевать съ арміями, а не съ народомъ. Гишпанія и Россія оправдали нынче очень древнюю истину, что народы покоряются не руками, а словами.

Мнѣ поручено было начальство надъ авангардомъ ополченія, расположеннымъ между Клиномъ и Тверью, и надзоръ за провожденіемъ плѣнныхъ, которыхъ одинъ отрядъ барона Винцингероде, состоявшій едва ли изъ 2500 человѣкъ, переслалъ до 6000 захваченныхъ около Москвы и даже въ самыхъ Московскихъ огородахъ (куда они, за недостаткомъ хлѣба, ходили вырывать картофель.) Не знаю, отъ кого вышелъ переданный мнѣ приказъ: имѣть особое попеченіе о Гишпанцахъ, почему въ Завидовѣ я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ [1]). Хозяйка ея, стоя на колѣняхъ, омывала раненую ногу пожи-

---

[1]) Лѣтомъ 1812 года, въ Великихъ Лукахъ, Россія заключила оборонительный союзъ съ Испаніею. П. Б.

лаго полоненника; увидя меня, она испугалась, вскочила и стала извиняться, что взмилилась надъ супостатомъ, который чай не по охотѣ оставилъ жену и дѣтокъ. Разумѣется, что я не побранилъ ея. Однажды (это было въ Воскресенье и въ самый часъ обѣдни) привели въ Городню кучу нахватанныхъ въ плѣнъ разнородцевъ. Случившіеся между ними Кроаты нашего исповѣданія остановились и стали креститься на церковь по нашему. Ихъ окружили крестьяне и, понявъ изъ Славянскаго нарѣчія, что они захватомъ взяты на войну противъ Россіи, тотчасъ нанесли имъ папушниковъ, пироговъ, и ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ въ Тверь. Вотъ природное свойство Русскихъ и дѣйствіе нашей всетерпящей церкви, основанной на христіанской любви, а не на страхѣ, внушаемомъ папскимъ душевластіемъ.

Но тѣже сердца, которыя радушно готовы помогать страждущимъ, закипали яростію при видѣ вражеской силы и поруганія церквей. Тогда уже иноземецъ, идущій противъ Бога и Святой Руси, переставалъ казаться имъ человѣкомъ. Графъ Бенкендорфъ разсказывалъ, что онъ, отправясь въ Волоколамскъ для захвата тамъ Французскихъ фуражировъ, уже не нашелъ въ городѣ ни непріятелей, ни Русскихъ: одни въ расплохъ перерѣзаны или сожжены въ домахъ, а другіе, т.-е. собравшіеся на удальство крестьяне, скрылись. Онъ однакожъ узналъ отъ явившагося къ нему, что, между прочихъ раздѣлокъ съ злодѣями, служанка казначея заколола поварскимъ ножемъ двухъ Французскихъ подлипалъ, ворвавшихся одинъ послѣ другаго въ чуланъ, гдѣ она спряталась. Помнится, онъ же, или братъ его Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (новый нашъ партизанъ, промѣнявшій перо на саблю для защиты отечества), узнавъ въ Волоколамской отчинѣ княгини Голицыной, что крестьяне спасли изъ ея дома все богатое имущество и Французы не могли допытаться, куда они его спрятали, спрашивалъ ихъ: «Вѣрно вамъ хорошо было жить за княгинею?»—«Нѣтъ», отвѣчали они; «насланные ею всякіе иноземцы для науки и экономіи разорили насъ въ конецъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя жаловали нашихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ намъ грѣшно отдать супостату наслѣдство его дѣтокъ». Вотъ такова преданность къ господамъ тѣхъ, кого надѣялся Наполеонъ взбунтовать своими прокламаціями. Храбрые Сычевскіе крестьяне, отчины графа Панина и другихъ немелкопомѣстныхъ дворянъ, вооружились чѣмъ попало и, составя мѣстное ополченіе, въ родѣ Гишпанскихъ Гверильясовъ, подъ начальствомъ уѣзднаго предводителя Богуславскаго, не давали по своей округѣ прохода мелкимъ непріятельскимъ отрядамъ, дрались безпощадно пѣшіе и на коняхъ, и я слышалъ ужасныя

дѣйствія ихъ народной мести. Но не это ли (пусть и варварство) помогло Русскому Царю сорвать поносныя цѣпи слишкомъ своекорыстнаго просвѣщенія? У насъ встрѣчали Наполеонцевъ не съ хлѣбомъ и солью, а съ топоромъ и рогатиной; однакоже наши войска, артиллерія, флотъ и учебныя заведенія не уступятъ въ благообразіи, устройствѣ и военномъ дѣлѣ ничьимъ въ свѣтѣ; наши столицы красивѣе всѣхъ другихъ, и въ нихъ большія общества блестятъ роскошью просвѣщенія, если не больше, то вѣрно не меньше прочихъ. А со всѣмъ тѣмъ наши чужелюбцы хлопочутъ о какомъ-то европействѣ; неужели объ умствованіяхъ и перемудреніяхъ, вовлекшихъ Европу въ порабощеніе, изъ котораго мы же выручили ее нашей кровью? Извините это отступленіе отъ обѣщаннаго вамъ разсказа. Вы знаете, что отъ избытка сердца уста глаголятъ, а старость болтлива. Но возвратимся къ опозоренной и сожженной Москвѣ.

Скача безпрестанно взадъ и впередъ на праздныхъ тогда почтовыхъ по Тверской дорогѣ, я пріѣхалъ въ Чашниково, гдѣ остановилась главная квартира барона Винцингероде, въ тотъ самый день какъ Французы, чтобъ скрыть отъ его отряда (который они, какъ я узналъ изъ перехваченныхъ бумагъ, считали сильнымъ корпусомъ) выступленіе свое изъ Москвы, выслали противъ нашего авангарда, находившагося тогда во Всесвятскомъ, нѣсколько эскадроновъ изъ разныхъ полковъ, тотчасъ прогнанныхъ козаками подъ начальствомъ молодца Иловайскаго и спасенныхъ отъ совершеннаго истребленія дѣйствіемъ пушекъ, поставленныхъ на пригородномъ острогѣ. Въѣхавъ въ Чашниково, я встрѣтилъ нѣсколько Нѣмецкихъ фигуръ въ изорванныхъ сюртукахъ, очень важно несшихъ духовые инструменты, и еще не успѣлъ спросить, откуда взялись эти чудаки, какъ остановившій меня графъ Бенкендорфъ разсказалъ, что они приведены были къ нему какъ непріятельскіе музыканты, но оказались очень пріятельскими, а именно: барона Фитингофа. Онъ себя и ихъ изъ Риги переселилъ въ Москву, самъ уѣхалъ отъ непріятеля, а ихъ оставилъ на произволъ судьбы, которая сдѣлала изъ нихъ оркестръ Французскаго театра, оставшагося въ Москвѣ; а когда оголодавшимъ Французамъ пришло не до музыки, то ихъ съ хлѣба долой выслали изъ Москвы, и теперь они, изъ кушанья, составляютъ столовую гармонію при бивакахъ генеральской квартиры и исполняютъ свою должность съ большимъ усердіемъ. Войдя въ избу, гдѣ присталъ баронъ Винцингероде, я услышалъ вдругъ отъ всѣхъ бывшихъ въ ней о побѣдахъ Витгенштейна и о Тарутинскомъ сраженіи, котораго подробности, не имѣя прямаго сообщенія съ арміей, никто не могъ знать; но всѣ довольно вѣрно угадывали его слѣдствія, т.-е. скорый выходъ Наполеона изъ Москвы,

а естьли фельдмаршалъ успѣетъ его погнать по той же дорогѣ, по которой онъ пришелъ, то конечную гибель его войска, и звали ему на встрѣчу нашу слишкомъ запоздалую осень.

Передъ обѣдомъ наши партизаны привели плѣннаго непріятельскаго коммисара. Баронъ Винцингероде, скрѣпя сердце, пригласилъ еще перваго Француза къ своему столу. Мы съ графомъ Бенкендорфомъ посадили его между собою и подливали ему съ обѣихъ сторонъ вина, посланнаго изъ Парижа для Наполеона и отбитаго отрядомъ майора Пренделя (напоминавшаго вахмистра Бранта, котораго живо представилъ въ своемъ лучшемъ романѣ Пиго-Лебрень). Плѣнный коммисаръ, изъ національной гордости, или чтобы намъ пустить, какъ говорятъ Французы, пыль въ глаза, превозносилъ великія доблести воинственнаго императора, спасшаго свое отечество отъ ужасовъ безначалія; но, послѣ многихъ осушенныхъ бокаловъ, началъ пробалтываться и, наконецъ, развеселенный роднымъ виномъ, разхрабренный своимъ республиканскимъ Марсельезомъ (который, помнится, по приказанію Л. А. Нарышкина, заиграли наши Нѣмцы) и разодолженный нашей радушной бесѣдой, захохоталъ и сказалъ: «Я вижу, господа, что вы люди благовоспитанные и умные, такъ отъ васъ не утаишь, что императоръ Бонапарте, конечно, славенъ и полезенъ, но только для себя, а не для Франціи, въ которой скоро, отъ преждевременныхъ конскрипцій, не будетъ ни одного молодаго человѣка, и ему придется населять ее своими Корсиканцами и Итальянцами». In vino veritas! [3]) вскричалъ графъ Бенкендорфъ; мы засмѣялись, а Французъ еще больше расхохотался. Кто-то вошелъ и сказалъ, что козаки привезли коляску съ хорошенькой женщиной и дитятею. Мы бросились посмотрѣть эту необыкновенную добычу и только сошли съ крыльца, какъ услышали за собою визгливый крикъ: Ah! ma femme! а изъ коляски: Ah! mon mari! и тотчасъ увидѣли мужа и жену обнимающихъ очень миленькаго ребенка. Коммисаръ былъ схваченъ при выѣздѣ изъ Москвы на встрѣчу женѣ, которую ожидалъ изъ Польши; а жена попалась въ полонъ вмѣстѣ съ провожатыми своими на Смоленской дорогѣ. Извѣстно, что Наполеонъ тащилъ за своею арміею другую армію разнаго рода ремесленниковъ, маркитантовъ, женщинъ, дѣтей, которыми, какъ почти всѣ они были увѣрены, хотѣлъ населить и просвѣтить Россію. По крайней мѣрѣ множество Французскаго сброда обоего пола нахватано нашими козаками. Однакожъ, надобно отдать справедливость Донцамъ: они не обирали женщинъ, изъ уваженія ли къ прекрасному

---

[3]) Въ винѣ правда.

полу, или отъ того, что уже тогда довольно нажились и чужимъ, и Русскимъ добромъ, котораго лучше таможенной стражи не пропускали за границу, и почти все, что захватили непріятели въ Москвѣ, отправилось на Донъ.

Нѣкоторые чиновники полиціи, вышедшіе изъ Москвы, переряженные ходили въ нее и приносили разныя извѣстія барону Винцингероде. На другой день пріѣзда моего въ Чашниково, они его увѣдомили, что Наполеонъ намѣренъ взорвать Кремль. Оставшись послѣ ужина одинъ съ барономъ, я съ ужасомъ сказалъ ему, что взрывъ Кремля, гдѣ покоются мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ Палладіумомъ. Сердце генерала, быстро воспаляемое благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ измѣнился въ лицѣ и, вскоча со стула, вскрикнулъ: «Нѣтъ, Бонапарте не взорветъ Кремля. Я завтра дамъ ему знать, что естьли хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся къ намъ Французы будутъ повѣшены». На другой день, какъ вы подробно знаете изъ письма Л. А. Нарышкина, нашъ отрядной начальникъ самъ въѣхалъ съ нимъ въ оставленную Наполеономъ Москву, былъ схваченъ и потомъ избавленъ отъ смерти удальствомъ нынѣшняго графа Чернышова. Кажется, я не обманываюсь, полагая причиною, пусть и безразсуднаго смѣльства барона Винцингероде наслѣдственную запальчивость его рыцарскаго характера, которая затушила въ умѣ его все, кромѣ мысли, что спасеніемъ Кремля отъ взрыва онъ спасетъ Русскихъ отъ унынія и сохранитъ имъ ихъ святыню. Любовь и благодарность къ нашему Государю и Отечеству почти равнялись въ немъ съ ненавистію къ Наполеону и Французамъ, разорившимъ его родину и лишившимъ его самого родовыхъ правъ и достоянія. Непримиримый врагъ революціи и ея приверженцевъ, онъ, какъ я слышалъ отъ Л. А. Нарышкина, сказалъ въ глаза называемому имъ Бонапарте: «Я служилъ всегда тѣмъ государямъ, которые объявлялись вашими врагами, и искалъ вездѣ Французскихъ пуль». Признаюсь, я долго винилъ себя, что, можетъ быть, моимъ ужасомъ возбудилъ пагубную для него мысль; но почти неимовѣрное спасеніе ревностнаго поборника нашей святыни успокоило мою совѣсть, и я больше прежняго увѣрился, что порывъ души, восторженной усердіемъ къ Церкви, Царю и Отечеству, не можетъ и нечаянно произвести зла, и что доколѣ сохранится въ Русскихъ сердцахъ вѣра къ небесной и усердіе къ сей земной Троицѣ, то ничто въ мірѣ не одолѣетъ могущества Россіи.

Еще разъ прошу извинить мое отступленіе; но, слишкомъ 40 лѣтъ драматическій писатель, говоря языкомъ страстей, я на 60-мъ году не могу отстать отъ долгой привычки. Впрочемъ мнѣ невозможно обой-

тись безъ отступленій, наводящихъ меня на прямой путь. Начиная письмо мое, я отчаивался удовлетворить, какъ желалъ, ваше любопытство: въ головѣ моей мелькали отрывками нѣкоторыя воспоминанія; но когда они отозвались въ душѣ и закипятили въ ней родимыя чувства, пылавшія въ дни тяжкаго испытанія нашего, тогда туманъ, подернувшій давно прошедшее, началъ разсѣеваться. Нерѣдко забывая видѣнное мною вчера и вдругъ воспоминая нѣкогда сильно чувствуемое, я убѣдился, что человѣкъ имѣетъ двѣ памяти: одну тѣлесную или органическую, какую мы замѣчаемъ во всѣхъ животныхъ, а другую свышевдохновенную, которую богословы называютъ силою души, и она-то помогаетъ мнѣ въ изображеніи пробужденнаго ею же времени.

Мы ожидали въ Чашниковѣ къ обѣду возвращенія барона Винцингероде и Нарышкина; замедленіе ихъ очень насъ безпокоило; смерклось, но ихъ еще нѣтъ. Я задремалъ одинъ въ свѣтелкѣ, гдѣ пріютился къ Нарышкину, какъ графъ Бенкендорфъ вбѣжалъ и отъ горести едва могъ разсказать о беззаконномъ захватѣ нашего душевно любимаго начальника, а вмѣстѣ съ нимъ и милаго товарища. Потомъ онъ приказалъ бригадѣ своей, состоявшей изъ эскадроновъ лейбъ-козаковъ и Изюмскихъ гусаръ, выступить къ Москвѣ; мы же сами поѣхали впередъ. Увидя издали прежнее сіяніе золотыхъ главъ Русской святыни, уцѣлѣвшей отъ пожара и взрыва, я перекрестился и воскликнулъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ Его!» И этимъ душевнымъ возгласомъ начато извѣстное вамъ обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго, который, какъ старшій, вступилъ въ начальство нашего отряда.

При въѣздѣ, на погорѣлищѣ царской столицы, мы увидѣли подлѣ Каретнаго ряда, первозажженнаго безкорыстною доблестію Русскихъ, старуху, выходившую изъ новыхъ развалинъ; она, взглянувъ на насъ, вскрикнула: «А!.... Русскіе!»... и въ изступленіи радости, перекрестясь, она поклонилась намъ въ землю. Это полоумное изъявленіе сильнаго радушія заставило насъ улыбнуться, хотя слезы сверкали на глазахъ нашихъ, увидя съ Тверскаго вала чрезъ пепелище, уставленное печными трубами и немногими остовами каменныхъ домовъ и церквей, даже Калужскіе ворота! Но по Тверской улицѣ уцѣлѣло нѣсколько палатъ, и мы нашли въ комнатахъ одного купца, котораго имени не помню, нашего внезапнаго начальника.

Графъ Бенкендорфъ и я тотчасъ принялись за дѣло. Онъ поѣхалъ къ Воспитательному Дому, гдѣ нужна была скорая помощь оставленнымъ въ немъ безъ пищи воспитанникамъ и Русскимъ раненымъ офицерамъ; а я въ Китай-городъ и Кремль, гдѣ еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій. Изъ находящихся у васъ дѣловыхъ бумагъ вы знаете главныя обстоятельства занятія

Москвы и важнѣйшія слѣдствія варварскаго мщенія просвѣщеннаго повелителя почти всей чуждой намъ Европы. И такъ мнѣ остается только разсказать вамъ видѣнныя мною подробности.

Съ небольшимъ конвоемъ козаковъ и двумя вѣстовыми Изюмскаго полка, я подъѣхалъ къ Иверскимъ воротамъ и вошелъ въ нихъ мимо опустѣлой часовни, въ которой за два мѣсяца предъ тѣмъ я слышалъ слезныя молитвы о избавленіи Россіи отъ вражескаго вторженія. (Въ самыхъ воротахъ я почти споткнулся на тѣло, судя по мундиру, Испанца, убитаго, по словамъ полицейскаго чиновника, его драгунами, за что я не похвалилъ его невидимыхъ драгунъ). За воротами, зажженная отъ близкаго взрыва стѣны или непріятелемъ казенная палата еще горѣла [4]). Торопясь войти въ Кремль и найдя Спасскіе ворота заваленными изнутри замка, а Никольскіе загроможденными отъ взрыва ближней стѣны, я принужденъ былъ вкарабкаться съ помощію двухъ гусаръ, по грудамъ развалинъ, и закричалъ на козаковъ, остановленныхъ мыслію, что можетъ быть еще могутъ вспыхнуть взрывы, изъ которыхъ послѣдній они не очень давно слышали; но увидя меня сходящаго въ Кремль, они бросились и мигомъ очутились, уже прежде меня, предъ догоравшимъ дворцомъ и Грановитой Палатой. При сходѣ моемъ въ Кремль уже совсѣмъ смерклось, и древнее зданіе, гдѣ я праздновалъ при священномъ вѣнчаніи двухъ императоровъ нашихъ, какъ потухающая свѣча, еще ярко вспыхивало и, повременно освѣщая мрачную окрестность, показало мнѣ чудесное спасеніе храмовъ Божіихъ, вкругъ которыхъ и даже прикосновенное къ нимъ строеніе сгорѣло или догорало. Огромная пристройка къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него и на его подножіи; а онъ, стоя также величественно (какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ въ голодное время) будто насмѣхался надъ безплодною яростію варварства XIX вѣка.

Занявшись распоряженіемъ къ прерванію, сколько можно было, пожара, я просилъ явившагося ко мнѣ, Богъ знаетъ откуда и какъ, инженернаго офицера [5]) осмотрѣть, нѣтъ ли еще гдѣ огнепроводовъ, не-

---

[4]) Вѣроятно то прекрасное, допетровское зданіе, которое допустили разрушить въ прошлое царствованіе и на мѣстѣ котораго высится нынѣ Историческій Музей. П. Б.

[5]) Надобно замѣтить, что во время нашей народной войны, все кипѣло усердіемъ, какъ будто само собою отыскивалось, двигалось, переносилось и поспѣвало гдѣ было нужно. Вездѣ царствовали какой-то самодѣльной порядокъ, повиновеніе и исправность. Въ 1812 году у насъ недоставало войска, чтобъ удержать вторженіе соединенныхъ силъ почти всей Европы; а въ 1813 году, приведя кадры набранной въ Ригѣ дивизіи въ запасную армію, я слышалъ отъ ея главнаго начальника, что ему некуда помѣщать из-

задавленныхъ взрывами; поставилъ часовыхъ къ главнымъ соборамъ, послалъ привести караулъ, и въ хлопотахъ не замѣтилъ тогда, что крестъ съ Ивана Великаго былъ снятъ, также какъ и деревянный Московскій гербъ съ крыши Сената, на трофеи взятія Москвы; но хвала Всевышнему, ни одна изъ добычъ Кремлевскихъ не перенеслась за предѣлы Россіи, а памятникъ ея чистой славы, воздвигнутый христолюбивымъ императоромъ, въ общій всѣмъ христіанскимъ церквамъ день Пасхи, въ Парижѣ, на лобномъ мѣстѣ богоотступленія и цареубійства, не изгладится вѣками изъ скрижалей бытія.

Возвратясь изъ Кремля въ квартиру генерала Иловайскаго, я уже нашелъ въ ней графа Бенкендорфа, успѣвшаго осмотрѣть весь кварталъ Воспитательнаго Дома, привести въ устройство госпиталь, найти пищу три дня голодавшимъ воспитанникамъ и не только нашимъ, но и непріятельскимъ раненнымъ, заставить тотчасъ убрать тѣла ихъ товарищей, валявшіяся по корридорамъ и лѣстницамъ [1]); отрядить своихъ офицеровъ съ явившимися уже въ мундирахъ Московскими полицейскими для осмотра и вспоможенія, въ другихъ больницахъ для запечатанія разныхъ зданій сохраненныхъ стоявшими въ нихъ и для учрежденія карауловъ на заставахъ, изъ полковъ расположенныхъ по бывшимъ нѣкогда городскимъ валамъ. Москва, освѣщенная тогда вокругъ бивачными огнями, представляла чудное, несообразное ни съ чѣмъ зрѣлище. Мертвую тишину ея прерывали охриплый крикъ часовыхъ, ржаніе лошадей и топотъ разъѣздовъ, никакъ не напоминавшихъ той столичной суеты и жизни, которыя еще недавно въ ней повсемѣстно слышались. Я, какъ начальникъ пѣшаго казачьяго полка, командуя точно пѣшими казаками, написалъ съ общаго совѣта, какъ членъ Русской Академіи, рапортъ къ Государю; а какъ восторженный милосердіемъ Божіимъ поэтъ и учредитель зрѣлищъ сдѣлалъ распоряженіе торжественнаго благодаренія Господу браней, долженствовавшаго произвести сильное дѣйствіе въ душахъ всѣхъ оставшихся, вступившихъ и уже собиравшихся въ Москву.

Изнуренные самымъ дѣятельнымъ днемъ, мы съ графомъ Бенкендорфомъ бросились въ заднемъ покоѣ на покрытое коврами сѣно, оставя старшаго генерала въ гостинной комнатѣ у освѣщеннаго до-

---

лишнихъ для военныхъ дѣйствій 150,000 чел. пѣхоты, кромѣ конницы и артилеріи, совершенно всѣмъ снабженныхъ и готовыхъ къ сраженію. И это сотворилось въ то самое время, когда непріятель проникъ въ сердце нашей имперіи и открылъ, едвали ей самой извѣстныя, силы и средства ея.

[1]) Мнѣ показывали въ комнатахъ, гдѣ лежали раненные Французы, трупы умершихъ, между ними приставленные къ печкамъ и нарумяненные кирпичемъ: вотъ до чего дошло циническое кощунство, порожденное богоотступной революціей!

гаромъ пожара и биваками окна. Надежда наша заснуть непробуднымъ сномъ была разрушена неожиданными вопросами начальника сторожевыхъ казаковъ. Отдѣленный отъ насъ только деревянной стѣною, ген. Иловайскій громко спросилъ сперва меня, какъ я думаю, не возвратятся ли опять Французы въ Москву. Я ему отвѣчалъ отрицательно. Потомъ онъ повторилъ тотъ же вопросъ, только въ другихъ словахъ, моему заснувшему сосѣду; тотъ отвѣчалъ почти также, какъ и я. Немного погодя возобновились подобные же распросы, по прежней очереди; но, видя, что односложные отвѣты наши не удовлетворяютъ вопросителя, мы наконецъ рѣшились не слышать и не отвѣчать и, закутавши головы, заснули до возвращенія разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ для осмотра и приведенія въ дѣйство нужныхъ распоряженій.

Тогда, вскоча полуодѣтые и накинувъ поскорѣе мундиры, мы пустились по вчерашнему каждый въ свою сторону. Подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, я удивился, увидя на немъ казака, стоявшаго съ пикой подлѣ плачущей и довольно порядочно одѣтой, хотя и босой, дѣвушки (Французы обоего пола, нуждаясь въ обуви, разули всѣхъ оставшихся въ Москвѣ). Я спросилъ, что это значитъ? и узналъ отъ плачущей дѣвушки, что она дочь Нѣмца-професора, который, не говоря чисто по-русски, не смѣлъ выйти изъ Москвы, чтобъ его не приняли, какъ и случалось, за непріятельскаго шпіона [1]), и пришла просить хлѣба для больнаго отца у Русскихъ; какой-то начальникъ тотчасъ далъ ей папушникъ, но, услыша топотъ нашихъ лошадей, побѣжалъ въ Кремль и приказалъ своему казаку ея не пускать. Я догадался, что это должна быть любезность Татарина Ельмурзина, командовавшаго Кремлевскими караулами, велѣлъ отпустить дѣвушку, обѣщавъ прислать все нужное ея семейству, пошелъ въ очищенные Спасскіе ворота, но увидя на нихъ незамѣченный мною ввечеру образъ въ позолоченной ризѣ съ висящею передъ нимъ серебряною лампадой въ совершенной цѣлости, не вдругъ повѣрилъ глазамъ моимъ, и отъ какой-то безотчетной радости у меня сорвалось съ языка приказаніе, не знаю кому, чтобъ тотчасъ затеплили лампаду. По выходѣ моемъ изъ Кремля, я увидѣлъ, что сказанное мною наобумъ было кѣмъ-то въ точности исполнено, и лампада попрежнему теплилась; но я ужъ вамъ замѣтилъ, что въ это время сильнаго напряженія Русскаго толка, смѣтливости и досужества, все какъ будто само собою дѣлалось, а собравшимся послѣ меня на площади народомъ распущенъ слухъ, будто лампада Спас-

---

[1]) Этотъ же страхъ удержалъ въ Москвѣ многихъ Нѣмецкихъ ремесленниковъ; они принуждены были работать на непріятелей изъ хлѣба и добродушно дѣлились имъ съ немощными Русскими, скрывавшимися въ ихъ жилищахъ.

скихъ воротъ не угасла во все пребываніе непріятеля въ Москвѣ, и что онъ пораженный этимъ чудомъ не смѣлъ дотронуться до иконы. Хотя мнѣ и очень извѣстно, что лампада угасла; а все-таки не знаю, какимъ образомъ икона и прочіе найденные мною въ Кремлѣ священные предметы нашего вѣрованія уцѣлѣли отъ самаго безбожнаго грабительства. Не постигая этой чудесности, но убѣжденный невидимо во всемъ и вездѣ ощущаемымъ мною Вышнимъ Промысломъ, я принужденъ сказать, какъ мудрецъ Сократъ: *знаю, что ничего не знаю*, и, чувствуя свыше положенный предѣлъ умственному, такъ же какъ и вещественному зрѣнію, не ищу проникать за него, чтобы вовсе не ослѣпнуть и не дать себя видѣть слѣпцамъ, о которыхъ говорилъ Божественный Просвѣтитель всего человѣка. Благоговѣйное сознаніе въ невѣжествѣ моемъ предъ Спасскими воротами еще сильнѣе повторилось, когда я нашелъ на Никольскихъ уцѣлѣвшій образъ подъ стекломъ и висящую предъ нимъ на тонкой цѣпочкѣ лампадку, хотя большое пространство стѣны и самыхъ воротъ, почти вплоть до образа, было взорвано. Но возвратимся въ Кремль. Въ немъ первый встрѣтилъ меня любезникъ Ельмурзинъ, и на вопросъ, зачѣмъ онъ отдалъ подъ караулъ профессорскую дочь? онъ отвѣчалъ: «я изъ жалости хотѣлъ напоить ее сбитнемъ!» Посовѣтовавъ ему не быть впредъ такъ жалостливу, я поручилъ вошедшимъ за мною монаху и священнику, не помню какого полка, осмотрѣвъ главные соборы, привести сколько можно въ порядокъ, что̀ въ нихъ еще сохранилось священнаго и, запретя часовымъ впускать народъ въ церкви, пошелъ осмотрѣть слѣдствія взрыва и пожара, который, какъ вамъ извѣстно, истребя все жилище людей, не прикоснулся храмовъ Божіихъ, хотя старая церковь Спаса на Бору была заметана опламененными выбросками горѣвшаго надъ ней зданія, а внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора зауглились. Словомъ, все посвященное Богу не истребилось ничѣмъ, кромѣ прямаго святотатства рукъ человѣческихъ; но и онѣ, кажется, отшиблись нетлѣнными мощами св. митрополита Іоны. По входѣ моемъ въ Успенскій соборъ, я нашелъ въ немъ посланнаго моего монаха (патріаршаго ризничаго). Онъ покрывалъ пеленою тѣло святителя и, указавъ на его обитую серебромъ раку, съ которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвѣчникъ и саблю, лежавшія на землѣ, сказалъ: «Вы видите, что все это цѣло, когда въ соборѣ не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни; я нашелъ святыя мощи выброшенными на помостъ, они также невредимы какъ въ день успенія чудотворца, кромѣ вражескаго разруба святительской выи, кажется, этой саблей. Безъ сомнѣнія чудотворецъ поразилъ ужасомъ безбожниковъ, и они не дерзнули ни къ

чему прикоснуться». Я точно видѣлъ все мнѣ сказанное: открытое лицо и руки святаго были совершенно цѣлы, и я съ благоговѣніемъ къ нимъ приложился. Въ продолженіи войны, разспрашивая многихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ Наполеоновой гвардіи, я не могъ однакожъ ничего узнать о причинѣ сего единственнаго во всѣхъ соборахъ уцѣлѣнія: все прочее было ограблено и разрушено. Рака св. митрополита Филиппа не существовала, и мы, собравъ обнаженные отъ одежды и самаго тѣла останки его, положили на голый престолъ предѣла. Гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митр. Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана. Я не имѣлъ ни досуга, ни дерзновенія спуститься внизъ, но послѣ узналъ, что съ того времени мощи открылись, согласно предсказаніямъ, слышаннымъ задолго до нашествія Наполеона, отъ митрополита Платона, *что мощи святителя Петра должны открыться только тогда, когда враги возмутъ Москву.* Въ Успенскомъ соборѣ отъ самаго купола, кромѣ принадлежащаго къ ракѣ св. Іоны, не осталось ни лоскута металла, ни ткани. Досчатыя надгробія могилъ Московскихъ архипастырей были обнажены; но одно только изъ нихъ изрублено, и именно патріарха Гермогена, и это заставляетъ меня думать, что въ Успенскомъ храмѣ помѣщались Наполеоновы гвардейскіе уланы и что тоже буйство, которое подняло руку убійцъ на служителя Божія, благословлявшаго возстаніе Русской земли на ея губителей, чрезъ двѣсти лѣтъ, посрамилось храброваніемъ надъ утлыми досками, прикрывающими его могилу. Сіе видимое сближеніе 1612 съ 1812 же годомъ проблеснуло въ памяти моей всегдашную судьбу нашего отечества. Небесный Царь, укоренившій въ немъ православную церковь и во всѣ времена ущедрявшій его мудрыми единовластителями [8]), неоднократно наказуя, явно миловалъ вѣрный ему народъ. Не Всевышній-ли Промыслъ, наложа Татарское иго на раздробленную Русскую землю, соединилъ ее въ цѣлое государство? Не Онъ-ли, попустя коварный захватъ Москвы и измѣну призванныхъ на помощь противъ насъ же самихъ сосѣдей нашихъ, примирилъ внутреннія вражды? Не Его-ли благимъ наитіемъ съединодушилось избраніе царя Михаила Θеодоровича, и все государство его слилось въ краеугольный камень,

---

[8]) По хронологическому сравненію прочихъ Европейскихъ государей съ нашими самодержцами, вы увидите чрезвычайное преимущество нашихъ. Во Франціи съ Карла Великаго до Наполеона начтется пять мудрыхъ государей, въ томъ числѣ и поруганный нынче всѣми писателями Людовикъ XI-й. А у насъ съ Рюрика до нашего времени не сыщется больше пяти такихъ, которыхъ владычество всею Россіею можно почесть, по ихъ неспособности, несчастнымъ временемъ. Исторія Германіи, Англіи, Италіи, Испаніи и прочія гораздо скуднѣе нашей благотворительными вѣнценосцами.

о который разбились и военная доблесть Карла XII-го, и великость властолюбія Наполеона, отвергшаго и опытъ Шведскаго героя, и благоразумную политику Татаръ, оказывавшихъ уваженіе къ нашей святынѣ. Каждый шагъ Наполеоновыхъ Европейцевъ въ Россіи былъ ознаменованъ грабительствомъ и святотатствомъ; однако должно сказать, что въ Кремлѣ, кромѣ сплошнаго ободранія церквей, я могу только представить одно явно умышленное богохульство: въ алтарь Казанскаго собора втащена была мертвая лошадь и положена на мѣсто выброшеннаго престола. Правда, что въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино [9]), была набросана рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и Оружейной Палаты, между прочимъ двѣ обнаженныя чучелы, представлявшія старинныхъ латниковъ, а большая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы, ибо кромѣ гвардіи никто не былъ впускаемъ при Наполеонѣ въ Кремль. Въ Чудовѣ монастырѣ не оставалось раки св. Алексія: она была вынесена и спрятана Русскимъ благочестіемъ, также какъ и мощи св. царевича Димитрія, и я нашелъ въ гробницѣ его только одну хлопчатую бумагу.

По очищеніи церквей Божіихъ отъ хлама, я запечаталъ ихъ моей печатью, до возвращенія духовенства и, вышедъ изъ Кремля, былъ удивленъ уже не небеснымъ, а земнымъ промысломъ: наваленныхъ въ Кремлевскомъ рву и валявшихся по улицамъ человѣческихъ тѣлъ и конской падали не стало. Подмосковные крестьяне, конечно самые досужіе и смѣтливые, но за то самые развратные и корыстолюбивые во всей Россіи, увѣрясь въ выходѣ непріятеля изъ Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступленія, пріѣхали на возахъ, чтобы захватить недограбленное. Но графъ Бенкендорфъ разчелъ иначе: онъ приказалъ взвалить на ихъ возы тѣла и падаль и вывезти за городъ, на удобныя для похоронъ или истребленія мѣста̀, чѣмъ избавилъ Москву отъ заразы, жителей ея отъ крестьянскаго грабежа, а крестьянъ отъ грѣха. Но естьли подмосковная промышленность встрѣтила неудачу въ дурномъ намѣреніи, то она успѣла въ добромъ. Я нашелъ на площади противъ дома главнокомандующаго цѣлую ярмарку. Она была уставлена телѣгами съ мукой, овсомъ, сѣномъ, печеными хлѣбами,

---

[9]) Въ Архангельскомъ соборѣ и именно въ алтарѣ его, г-жа Оберъ-Шальме, бывшая долгое время поставщица Французскихъ модъ для Московскаго барства, снабжавшая нашихъ щеголей и щеголихъ всякими заморскими товарами изъ огромнаго магазина своего (нынѣ домъ Обидина, въ Глинищенскомъ переулкѣ, между Тверской и Большой Дмитровкой), въ правленіе старика графа Гудовича игравшая большую роль въ Москвѣ и сдѣлавшаяся по вступленіи Наполеона въ Москву приближеннымъ къ нему лицомъ, придумала устроить кухню для великаго императора! П. Б.

папушниками, сайками, калачами, самоварами съ сбитнемъ, даже разной обувью, и ясно показывала, что около Москвы не было пропитанія только непріятелямъ. И къ народной чести надобно замѣтить, что цѣна на съѣстные припасы ни мало не возвысилась противъ прежней; а изобиліе безпрерывно умножалось по мѣрѣ наполненія опустѣлой Москвы. Объѣзжая правую сторону обширнаго пепелища, я заѣхалъ въ уцѣлѣвшій домъ Познякова [10]), гдѣ жилъ вице-король Италіи и давались оставшимися въ Москвѣ Французскими актерами спектакли. При въѣздѣ моемъ на большой дворъ, обоняніе мое было поражено ужаснымъ запахомъ, а глаза отвратительнымъ видомъ нѣсколькихъ уже давно издохшихъ лошадей и всякой мерзостной нечистоты. Во внутренности дома не только все уцѣлѣло, но еще было нанесено множество фортепьянъ и не принадлежащихъ къ нему зеркалъ и мебелей, а за сценою домашняго театра брошены остатки священническихъ ризъ, изъ которыхъ выкроены кафтаны и костюмы для комедій, разгонявшихъ тоску жертвъ Наполеонова властолюбія.

Проѣздя почти до вечера по городской пустынѣ, я пріѣхалъ къ Иловайскому, гдѣ уже шумѣло многолюдное собраніе вступившихъ, пріѣхавшихъ и отыскавшихся въ Москвѣ. Первый поздоровался со мною Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, бывшій тогда адъютантомъ всегда близкаго къ непріятелю графа Милорадовича. Онъ, посланный имъ пробраться къ Москвѣ, чтобъ узнать въ ней о дѣйствіяхъ непріятеля, прямо въѣхалъ къ друзьямъ и обрадовалъ насъ извѣстіями о торжествующей уже арміи. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ бывшій потомъ камергеромъ и губернаторомъ Кривцовъ, разсказывали намъ, что̀ могли знать о Наполеонѣ, т.-е, что онъ остановился сперва въ домѣ главнокомандующаго, перебрался отъ пожара въ Петровской дворецъ, и потомъ плотно загородился съ своей старой гвардіей въ Кремлѣ отъ шумнаго ропота голодающихъ Французовъ. Онъ имъ издалека еще показывалъ Москву, какъ вѣнецъ ихъ трудовъ, обѣщалъ въ ней довольствіе, обогащеніе и самый прибыльный миръ, котораго они давно требовали и который онъ, въ тогдашнее время, столько же долженъ былъ полюбить, сколько нашъ Императоръ и Русскіе возненавидѣть. Я помню, что баронъ Винцингероде показывалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ называлъ миръ съ Наполеономъ политическимъ рабствомъ и внутренней враждой. Разсказъ старика Тутолмина, оставшагося начальникомъ Воспитательнаго Дома съ малолѣтной частью его питомцевъ, ограничивался представленіемъ его къ

---

[10]) На Большой Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, нынѣ Ю. А. Воейковой. П. Б.

Наполеону, стоявшему предъ каминомъ, и переводнымъ съ нимъ разговоромъ, который заключался въ вопросахъ. «Кто остался въ Воспитательномъ Домѣ?»—Малолѣтныя.—«Нѣтъ ли въ немъ помѣщенія для лазарета?»—Найдется довольно.—И еще нѣсколько словъ, удовлетворившихъ старика Тутолмина [11]). Онъ хотя разсказывалъ одно и тоже особо всякому, кто входилъ въ комнату, однако не могу точно всего припомнить; но увѣренъ, что изъ 1,001 старикова разсказа нѣсколько до васъ дошло. Движущійся остовъ престарѣлаго генералъ-поручика Сипягина, схваченнаго Французами при запоздаломъ выѣздѣ его изъ Москвы, по обыкновенію ихъ, разутаго и принужденнаго нѣсколько времени въ телѣжкѣ возить землю для укрѣпленія Кремля, разжалобилъ всѣхъ собѣсѣдниковъ. Но отставной шталмейстеръ Загряжской никого не умилилъ: хотя онъ и не былъ, какъ разнесся слухъ, въ Наполеоновой службѣ, но по прежней будто пріязни съ Коленкуромъ, въ добромъ здоровьи оставался подъ его покровительствомъ въ чужой Москвѣ, для сохраненія своего имущества, а можетъ быть и для благопріобрѣтенія къ нему, въ случаѣ мира, имъ однимъ изъ Русскихъ желаемаго.

Я забылъ сообщить вамъ нѣчто достойное наблюденія. При нашемъ въѣздѣ въ Москву, къ намъ явился книгопродавецъ Рисъ и разсказывалъ, что, принужденный остаться при своей лавкѣ и вдругъ услыша издали трубы и барабаны, вышелъ на улицу; его схватили, представили Наполеону, помнится у Дорогомиловскаго моста, и вотъ ихъ разговоръ: «Кто ты?»—Французскій книгопродавецъ. «А!... стало мой подданный».—Да, но давнишній житель Москвы.—«Гдѣ Растопчинъ?... Выѣхалъ.—«Гдѣ Московское городское правительство? (Magistrat)—Также выѣхало. «Кто же остался въ Москвѣ?» Никого изъ Русскихъ.—«Быть не можетъ!» Рисъ, кажется, поклялся въ истинѣ своихъ показаній. Тогда Наполеонъ нахмурилъ брови и, простоявъ довольно долго въ глубокой думѣ, наконецъ, какъ бы рѣшась на очень опасное дѣло, вскрикнулъ: маршъ! впередъ! Но этотъ маршъ, какъ я потомъ слышалъ отъ плѣннаго племянника и адъютанта маршала Бертье, походилъ не на торжественное шествіе побѣдителей, а на погребальный ходъ за покойникомъ.

Послѣ обѣда мы перебрались, съ корпусной канцеляріею, ввѣренною моему надзору, въ домъ князя Бѣлосельскаго [12]), гдѣ жилъ мар-

---

[11]) Старикъ Тутолминъ, кажется, представлялъ себѣ Наполеона такимъ же страшилищемъ какъ Французы побѣдоноснаго Суворова. Такъ его улыбка и довольно ласковый видъ произвели надъ нимъ тоже дѣйствіе, какъ роза посланная Суворовымъ съ выпущеннымъ изъ плѣна генераломъ Викторомъ молодой женѣ его произвела надъ Парижанами.

[12]) Нынѣ Мальміеля, на углу Тверской и Козицкаго переулка. П. Б.

шалъ Бессьеръ и въ которомъ величественная зала и библіотека, вѣроятно, маршальскою свитою превратились въ безымянное между порядочными людьми мѣсто. Намъ очистили на другомъ концѣ дома княгинины комнаты; тамъ, сидя у камина и разговорясь, о чемъ тогда только и говорилось, пустились мы въ предузнаніе слѣдствій оканчиваемой Наполеономъ, а начинаемой нами войны. Надобно вамъ знать, что Дорогобужской дворянинъ Богдановичъ, служившій капитаномъ въ Смоленскихъ командахъ, нѣкогда охотою составленныхъ противъ Пугачева, вышедшій съ той поры въ отставку и сохранившій тогдашній мундиръ свой, т.-е. синюю куртку съ алой выпушкой, при вступленіи непріятеля въ Великороссійскія границы, сѣлъ на коня съ своими двумя слугами, присталъ къ отряду барона Винцингероде, прилѣпился къ графу Бенкендорфу и, перейдя съ нами на новоселье, сидѣлъ въ круговинкѣ у камина. Онъ долго ничего не выпускалъ изъ своего рта, кромѣ табачнаго дыма; наконецъ, оторвавъ отъ него огромную трубку и ударивъ по саблѣ, гордо сказалъ: «Я эту дуру сниму только въ Парижѣ!» Мы улыбнулись такому неожиданному пророчеству; однакожъ пророкъ точно снялъ свою непраздную дуру въ Парижѣ. Я думаю, что онъ оттого вѣрнѣе насъ предузналъ волю Небеснаго Промысла, что мы судили по земнымъ разчетамъ и по понятіямъ иноземныхъ воспитателей нашихъ, а онъ просто по Русской вѣрѣ, уповая на святость нашей православной церкви, на всемогущество Русскаго царя и твердую грудь Русскаго народа.

Вы конечно не подумаете, чтобы я, пожертвовавъ всѣми выгодами представлявшимися мнѣ, въ жизни моей, любви къ отечественному просвѣщенію и страсти къ свободнымъ художествамъ, захотѣлъ быть проповѣдникомъ невѣжества; нѣтъ, я очень знаю, что не телѣсная, а умственная сила человѣка, покоряетъ ему не только свирѣпыхъ животныхъ, но разнородныя произведенія природы и самыя стихіи. Я твердо увѣренъ, что одно только просвѣщеніе укрѣпляетъ государства и возводитъ людей къ высокой цѣли ихъ земнаго бытія; но я хочу прочнаго просвѣщенія сообразнаго народному самобыту, образованія не искажающаго его природныхъ красотъ и знаній не сбивающихъ насъ съ Русскаго толка; требую отъ наставниковъ нашего юношества наукъ полезныхъ общему дѣлу, а не траты свѣжей памяти его на повтореніе пустословныхъ умствованій, ни къ чему, ни намъ и никому не служащихъ; добиваюсь отъ писателей нашихъ творенія вдохновеннаго собственно ихъ Русскимъ геніемъ, или сочиненій извлеченныхъ изъ кореннаго свойства ихъ родины, но не буквальнаго перевода, часто непонятаго ими чужемыслія, вредящаго нашимъ искони благочестивымъ нравамъ и искажающаго на чужой ладъ нашъ

пока еще, богатый, сильный, благоразумный языкъ. Молю Бога, чтобъ здравопросвѣщенная Россія, ни въ словесности, ни въ какихъ изящныхъ искусствахъ, знаніяхъ, полезныхъ ремеслахъ, промышленности и досужествѣ, не уступала никому въ мірѣ и оставалась все-таки Россіею, которая отдѣльнымъ самобытомъ, огромностію своихъ силъ и пространствомъ земли уже не только Европейское государство, но значительная часть всего свѣта. Итакъ она, чтобы сплотить себя въ одно цѣлое тѣло, обязана соединять съ своимъ самобытствомъ всѣ ея разнообразныя пріобрѣтенія, укоренить прочное и свое образованіе, внушающее единомысліе и единодушіе. Сверхъ того Россія должна быть единственною и прямою просвѣтительницею полудикихъ ордъ обладаемыхъ ею, до чего никогда не достигнетъ, довольствуясь только подражаніемъ и переимчивостію: ей необходимо нужно основать и укоренить на своей вѣрѣ, на своихъ законахъ, на своей народности и на своемъ языкѣ, политическое и нравственное достояніе свое; о чемъ, слава Богу, нынѣ видимо печется правительство наше, сосредоточенное въ священной власти сильнаго волею и народолюбиваго Государя. Вотъ опять отступленіе отъ разсказа моего; но воспоминаніе о томъ, что̀ я готовился вамъ сообщить, увлекло меня.

Къ третьему дню нашего пребыванія въ Москвѣ уже все было пріискано, принаровлено и готово для благодарственнаго молебствія. Одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ нашлась удобною къ совершенію Божественной литургіи. Французы, изъ всегдашняго уваженія къ прекрасному полу, исполнили просьбу оставшихся въ монастырѣ, хотя только престарѣлыхъ, монахинь и учтиво не осквернили въ немъ храма Божія. Нѣсколько священниковъ отыскались; но серебряные сосуды были вывезены; и кто-то, сохранившій древній стеклянный, явился съ нимъ къ досужему земляку моему, подполковнику Кедрину, которому я поручилъ хлопотать о исполненіи придуманнаго мною сильнаго дѣйствія, нѣсколько въ сценическомъ родѣ. Этотъ радушный человѣкъ былъ, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, изъ числа тѣхъ проворныхъ людей, которыхъ, какъ говаривалъ графъ П. А. Паленъ, не встрѣтишь нигдѣ кромѣ Россіи. Вся жизнь ихъ безпрестанная скачка верхомъ или въ тележкѣ; единственное желаніе ихъ все отыскать, всѣмъ услужить и вездѣ поспѣть. Я только намекнулъ досужему земляку моему, какъ оживить для торжественнаго молебствія замерлую Москву, и все было сдѣлано. На всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ явились звонари, церковники, мѣщане, посадскіе мальчики, и ожидали условленной повѣсти. Прежде 9 часовъ ударилъ большой колоколъ Страстнаго монастыря, и вдругъ широко раздался благовѣстъ по всей погорѣлой обширности Москвы. Вѣрно тогда не было никого,

чье бы сердце не воздрогнуло, на чьихъ глазахъ не навернулись слезы, и кто бы перекрестился не только по одной привычкѣ. Москва будто ожила, когда повсемѣстно загудѣли милые ей колокола, которыми она искони тѣшилась и славилась [13]). Передъ входомъ нашимъ въ монастырь, дворъ его, переходы, паперть и церковь были уже наполнены богомольцами, и вся тогдашняя столица Всероссійскихъ царей втѣснилась въ одно не очень обширное зданіе. Сильный трезвонъ, заколебавшій Московское поднебесье, усилилъ ожиданное мною дѣйствіе; всѣ какъ будто встрепенулись, и конечно съ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Θеодоровича не было ни одной обѣдни пѣтой въ Москвѣ съ такимъ умиленіемъ и слушанной съ такимъ благочестіемъ; но когда, по ея окончаніи, священный клиръ возгласилъ передъ царскими дверями: «Царю Небесный, Утѣшителю!» всѣ наполнявшіе монастырское зданіе, начальники, воины, дворяне, купцы, народъ, Русскіе и иностранцы, православные и разновѣрные, даже Башкирцы и Калмыки, пали на колѣни, и хоръ рыданій смѣшался съ священнымъ пѣніемъ, всемѣстнымъ трезвономъ колоколовъ и, помнится, пальбою, какихъ-то пушекъ. Богъ привелъ меня, ровно за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, быть свидѣтелемъ въ Ахенѣ очень умилительнаго дѣйствія первой обѣдни, пѣтой послѣ Французской революціи, въ древнемъ соборѣ, гдѣ короновался Карлъ Великій. Я, хотя иностранецъ и другаго исповѣданія, не могъ безъ слезъ видѣть усерднаго моленія старыхъ католиковъ и женщинъ, сохранившихъ въ сердцахъ своихъ Господа Бога и вѣру, во время безпримѣрнаго богоотступленія, превратившаго Божіи храмы въ магазины и воспрещавшаго исполнять христіанскій долгъ. Но я тогда соучаствовалъ, какъ человѣкъ и христіанинъ, въ чужой радости; а въ Москвѣ, очищенной отъ непріятелей, духъ мой былъ выше всего, что̀ можетъ постигнуть и чувствовать еще тѣлесный человѣкъ. Мнѣ случалось иногда въ піитическомъ изступленіи отторгаться отъ земли, не видать, не слыхать, не понимать что̀ вокругъ меня происходило, и даже въ дни грусти и оскорбленія наслаждаться минутами невещественной жизни поэта. Но тогда, въ уединенномъ покоѣ, одинокая душа моя отдѣлялась отъ людства, восторгъ мой отчуждалъ меня отъ моихъ ближнихъ; а тутъ, въ свѣтломъ велелѣпіи Русскаго святилища, душа моя, слiянная въ отечественный ликъ, торжественно возносилась къ Источнику общаго спасенія, общей радости; она какъ бы осязала соприсущное ей Божество Спасителя, Чьимъ

---

[13]) Огромный колоколъ Вестминстерскаго собора вылитъ въ Москвѣ, что̀ доказываетъ его Русская надпись.

милосердіемъ къ нашей родинѣ, исторгая изъ плѣна первопрестольный градъ моихъ государей, уцѣлѣла въ пламени наша святыня и возсіяла изъ пепла Русская слава. Я только въ эту минуту почувствовалъ всю силу благодарности къ произведшему меня на свѣтъ человѣкомъ, христіаниномъ и Русскимъ. Въ сей истинно-Божій часъ, не только умиленныя просвѣщеніемъ, но и закаленныя въ непріятельской крови или очерствленныя старовѣрствомъ сердца вспыхнули священнымъ огнемъ богодохновенія, также пламенно, какъ сердце стихотворца, которому однакожъ 40-лѣтняя привычка говорить, и не совсѣмъ безъ успѣха, языкомъ страстей не помогаетъ вполнѣ изъяснить то, что̀ въ немъ тогда происходило, хотя чрезъ 24 года тогдашнія ощущенія еще сильно отзываются въ его душевной памяти.

Усиліе оживотворить торжественный день нашего спасенія такъ взволновало и животную, и духовную память мою, что я пропустилъ разсказанное намъ на другой день вступленія графомъ Бенкендорфомъ. Онъ рано поутру поѣхалъ въ Спасскія казармы, служившія больницею Русскихъ и Французовъ, изъ которыхъ по его распоряженію уже начали вывозить больныхъ въ полусожженный Петровскій дворецъ. При входѣ въ казармы, онъ былъ пораженъ убійственнымъ зловоніемъ и нашелъ между страждущихъ и умирающихъ полусогнившіе трупы, коихъ съѣденныя смертностію мышцы уже не скрѣпляли распадающихъ членовъ, и они, при усиліи подымавшихъ тѣла, отъ нихъ отрывались. Ужасъ и омерзѣніе, произведенные этимъ, болѣе чѣмъ варварскимъ презрѣніемъ къ человѣку, преслѣдовали цѣлый день добродушнаго сострадальца полумертвецамъ, просящимъ жизни почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и онъ только тогда отдохнулъ, когда послѣ полудни удостовѣрился, что всѣ больные были перенесены и перевезены по его назначенію, и имъ подавали возможную тогда помощь, подъ бдительнымъ надзоромъ полковника Орловскаго и подполковника Оленина.

На другой день запахъ Французскаго пребыванія въ залѣ и библіотекѣ, проходя въ наши комнаты, выгналъ насъ изъ палатъ князя Бѣлосельскаго въ домъ моихъ родственниковъ, который напоминалъ намъ вечера, въ немъ радостно проведенные, во время коронаціи покойнаго императора. У меня также вышло изъ головы, въ этой или прежней квартирѣ остановился у насъ прежній нашъ сослуживецъ генералъ-адъютантъ графъ Сенъ-При, присланный фельдмаршаломъ для начальства нашимъ отрядомъ; однакоже не истратилась изъ сердца тогдашняя утѣха моего самолюбія. Графъ сказывалъ, и при всѣхъ, что фельдмаршалъ, прочтя присланное къ нему обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго и зная уже, что я вошелъ въ Тверское ополченіе, сказалъ: «А! Шаховской въ Москвѣ», и этотъ лестный

отзывъ, безсмертнаго мудростію полководца очень обрадовалъ мое авторство. Къ слову объ авторствѣ, я не могу утерпѣть, чтобы не сообщить вамъ, какъ меня вскорѣ послѣ того поддѣло авторство, только не мое. Фельдъегерь, присланный отъ военнаго министра, подалъ мнѣ толстый пакетъ. Судя по письму А. С. Шишкова и по Высочайшему благоволенію къ нашимъ дѣйствіямъ, я ожидалъ найти въ немъ звѣздное или, по крайней мѣрѣ, крестное одобреніе моей, отдѣльной отъ ополченія, службы; но, развернувъ пакетъ не безъ сердечнаго трепета, я увидѣлъ въ немъ... чтò вы думаете?... кипу печатныхъ стиховъ графа Хвостова, который былъ, къ моему несчастію, зятемъ министра и нашимъ сочленомъ въ Русской Академіи, а потому прислалъ мнѣ 120 экземпляровъ радостной оды своей на освобожденіе Москвы. Вы можете себѣ представить, какъ обрадовала меня эта радостная ода, и только то утѣшило, что никого не было въ комнатѣ; стало-быть, никто не видалъ забавнаго для другихъ измѣненія лица моего.

Прибытіе изъ Твери по Высочайшему повелѣнію нынѣшняго графа Голенищева-Кутузова [14]) для принятія въ команду отряда перемѣнило еще начальника, и я по вступленіи его остался въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ дождаться графа Растопчина, чтобъ изустно объяснить ему все найденное и сдѣланное съ выступленія непріятеля.

Явившійся оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ съ своими подчиненными снялъ печати и часовыхъ, охранявшихъ строенія, въ которыхъ были склады разныхъ уцѣлѣвшихъ вещей и запасовъ. Я не помню, чѣмъ Французы наполнили палаты графа Растопчина, князя Куракина и нѣкоторыя другія, но не забылъ, что оберъ-церемоніймейстера Валуева были превращены въ свѣчной магазинъ, а магазинъ Шальме [15]) пополнился многими сносами съ Кузнецкаго моста. По снятіи печати и осмотрѣ этого дома, въ которомъ жилъ Лейтъ (родившійся въ Архангельскѣ, путешествовавшій съ Лаперузомъ, бывшій Французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и Наполеоновымъ префектомъ въ Москвѣ), оберъ-полицейместеръ нашелъ въ комнатахъ г-жи Шальме все въ большомъ безпорядкѣ: накрытый столъ и на немъ полуразрѣзанный кусокъ говядины, съ воткнутою въ него вилкою. Эти явные признаки торопливаго выѣзда жильцовъ, въ томъ числѣ и начальника

---

[14]) Идя съ нами къ обѣдни въ Страстной монастырь, онъ замѣтилъ на углу ограды, изъ приваленнаго къ ней дрязга, высунувшуюся ногу человѣческую, и открылось, что тутъ были заметаны чѣмъ попало тѣла шести Московскихъ мѣщанъ, схваченныхъ, обвиненныхъ въ зажигательствѣ и повѣшенныхъ на фонаряхъ подлѣ Тверскихъ воротъ.

[15]) См. выше примѣч. 9-е. П. Б.

города, доказываютъ, что Наполеона вовсе неожиданно выпугнуло изъ Москвы Тарутинское дѣло, и что надежда на позорный для Россіи миръ длилася въ немъ хитростію старой лисицы, какъ, говорятъ, онъ называлъ нашего мудраго полководца.—Въ тотъ же день объѣзжая Москву съ г-мъ Ивашкинымъ, мы взобрались кое-какъ въ развалины сгорѣвшей залы Благороднаго Собранія. Вздыхая о прошедшемъ ея великолѣпіи и не воображая еще нынѣшняго, я почувствовалъ, что нога моя уткнулась въ нѣчто твердое, высунувшееся концомъ изъ груды щебня и, наклонясь, увидѣлъ палецъ мѣдной руки. Тотчасъ полицейскіе, привыкшіе вырывать всякія поклажи, открыли бронзовую статую Екатерины II-й. Вы можете себѣ представить, какъ я восхитился, видя, что этотъ памятникъ благодарности Русскаго дворянства, за дополненіе благодѣянія Петра III-го, не достался Наполеону. Богъ его не допустилъ никакой явной добычей ознаменовать въ Парижѣ плѣненіе Москвы, опалившей своимъ собственнымъ пожаромъ крылья его фортуны, которыхъ уже не могъ отростить и уцѣлѣвшій геній его.—Поѣхавъ отъ собранія по тогдашней топи, а нынѣшней прекрасной площади, мы между обломковъ, завалившихъ дворъ Университета, увидѣли бѣлый будто мраморный бюстъ; но прикосновеніе къ нему открыло, что это верхняя часть человѣческаго тѣла, вѣроятно выброшенная въ извѣстной смѣси Кремлевскимъ взрывомъ.

Меня обрадовалъ пріѣздъ Московскаго гражданскаго губернатора Николая Васильевича Обрѣзкова, очень умнаго и любезнаго человѣка, который, по хорошему знакомству нашему, захотѣлъ остановиться въ одномъ домѣ со мною. Я отъ него узналъ многія обстоятельства происшествія, предварившія входъ непріятеля; между прочемъ о горючемъ шарѣ, который долго и тайно приготовляли въ подмосковной князя Репнина. Нѣсколько оставшихся отъ него, начиненныхъ горючимъ веществомъ бумажныхъ трубокъ были выставлены уликою въ зажигательствѣ Москвы несчастныхъ, схваченныхъ и повѣшенныхъ по военному Наполеонову суду, давно извѣстному на Руси подъ именемъ Шемякина. Намъ принесли сторублевыя ассигнаціи Французской работы, которыя отъ настоящихъ мы могли только отличить по выгравированной подписи. Я слышалъ, что фабрика или заводъ этого бездѣльства находился въ Кёнигштейнѣ, куда до самаго освобожденія Саксоніи отъ Наполеоновскаго ига никого не впускали; но я увѣренъ совершенно только въ томъ, что повелитель почти всего западнаго материка Европы промышлялъ фальшивыми ассигнаціями [16]).

---

[16]) Самъ Тьеръ не отрицаетъ, что Наполеонъ прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. Онъ не оправдываетъ ея, но старается облегчить вину своего героя тѣмъ, что вѣдь Англичане

Наконецъ, графъ Растопчинъ въѣхалъ въ колясочныхъ дрожкахъ на пепелище оставленной имъ, хотя и опустѣлой, но еще прекрасной Москвы. Я встрѣтилъ его у церкви Василія Блаженнаго, какъ прежній его знакомецъ, стихами Крюковскаго:

И пеплъ родимыхъ стѣнъ потомству возвѣститъ,
Что славу Россъ свою всѣхъ выше благъ цѣнитъ.

Онъ, кажется, отнеся эти стихи, и ненапрасно, къ себѣ, обнялъ меня, какъ обнимаются единокровные на прародительскомъ кладбищѣ. Мы обходили сперва Кремль, гдѣ онъ приказалъ оставить мои печати до возвращенія преосвященнаго Августина, потомъ объѣхали часть города, и уже вечеромъ мы вошли въ уцѣлѣвшій домъ его и пробесѣдовали втроемъ съ Н. В. Обрѣзковымъ всю ночь. Я донесъ главнокомандующему въ Москвѣ обо всемъ, чтò онъ желалъ знать; но какъ тогдашнее сочувствіе всѣхъ Русскихъ сближало и дальнѣйшія чиновныя разстоянія, то разговоръ нашъ сдѣлался почти пріятельскимъ. Графъ Растопчинъ съ самодовольствіемъ говорилъ и о томъ истинно славномъ дѣлѣ (отъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ печатно отрекся въ Парижѣ), почти съ такимъ же самодовольствіемъ прочелъ мнѣ черновое письмо свое къ фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру словъ или каламбуръ, въ упрекъ фельдмаршалу, что онъ *своимъ покоемъ очень безпокоитъ всю Россію.* Лицо мое, болтливое не меньше языка и пера, не скрыло отъ него, чего бъ, изъ учтивости, словами я ему не сказалъ. Большіе глаза графа Растопчина, искавшіе можетъ-быть моей улыбки, опустились вдругъ на недочитанное письмо, и сочинитель его захотѣлъ объяснить мнѣ, что онъ неоднократно ѣздилъ въ лагерь и, какъ главнокомандующій въ Москвѣ, требовалъ видѣть главнокомандующаго арміею; но ему отвѣчали каждый разъ, что его сіятельство только изволилъ успокоиться и не приказалъ никого къ себѣ принимать, а потому онъ былъ вынужденъ хотя письменно объяснить не только названному имъ княземъ Невидимкой, но и всей Россіи, какъ онъ чувствовалъ и думалъ. Зная, что списки этого письма ходили по арміи, и графскій каламбуръ повторялся шопотомъ въ ея главной квартирѣ, я самъ нашелся вынужденнымъ объяснить языкомъ болтовню моего лица, т.-е., что упрекъ фельдмаршалу, такъ остроумно выраженный знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, могъ вредить довѣренности подчиненныхъ къ

же, воюя съ Франціею, наводняли ее фальшивыми бумажками. Нашъ ученый историкъ войны 1812 года, въ тупости своей и угодничествѣ, совсѣмъ отрицалъ существованіе Русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, изготовленныхъ Наполеономъ! П. Б.

начальнику, отъ котораго зависѣла судьба Россіи. «Но этотъ начальникъ», возразилъ графъ, «долженъ былъ имѣть довѣренность къ другому начальнику, удостоенному довѣренности самого Государя». Я представилъ его сіятельству, что фельдмаршалъ, какъ извѣстно, держался правилъ великаго полководца, не хотѣвшаго, чтобъ и подушка, на которой онъ спалъ, знала его намѣренія. Графъ нашелъ это правило Аннибала совсѣмъ неумѣстнымъ съ человѣкомъ, на котораго фельдмаршалъ могъ и долженъ былъ полагаться. И потому-то, мнѣ кажется, отвѣчалъ я, уже улыбнувшись, ему не было нужды съ вами видѣться. Удивленный моимъ отвѣтомъ и улыбкой, онъ спросилъ: «А это почему?»—«Потому же, почему Суворовъ предъ Измаильскимъ приступомъ, приказывая дежурному генералу обойти начальниковъ колоннъ, одному растолковать, другому разсказать, Рибасу намекнуть, примолвилъ: а генералъ Кутузовъ и Рибаса обманетъ. Такъ, стало, и говорить ему не было нужды».

Примѣръ подѣйствовалъ, и я спросилъ болѣе развеселившагося однодомца моего Николая Васильевича: «Еслибъ фельдмаршалъ и цѣлые сутки протолковалъ съ графомъ, то могло-ли отъ того что-нибудь сдѣлаться лучше и удивительнѣе бывшаго? Москва преспокойно и безъ всякой суматохи опустѣла, никто въ дорогѣ не умеръ съ голода, никого не ограбили, всѣ доѣхали благополучно, куда кто хотѣлъ, и изъ 180.000 Московскихъ жителей насилу отыскали одного, да и то Француза, чтобъ объявить Наполеону, перебравшему большую часть Европейскихъ столицъ, неимовѣрную для него новость, за что Московскій главнокомандующій удостоился отъ него ругательствъ, которыя онъ вѣрно не промѣняетъ на оды и не графа Хвостова». Тутъ не вовсе безпристрастные слушатели мои разсмѣялись, а старшій прибавилъ, что Наполеонъ не только удостоилъ его своихъ ругательствъ, но и пронырствъ, приказавъ непремѣнно отстаивать домъ его, чтобъ внушить противъ него подозрѣніе въ предосторожностяхъ взятыхъ имъ для сохраненія своей собственности будто отъ распоряженнаго имъ же пожара; но хозяинъ сохраненнаго дома доказалъ цѣлому свѣту свою безкорыстность, сожегши самъ принадлежащую ему прекрасную подмосковную.

Это воспоминаніе истинно-безкорыстнаго и прямо-Русскаго подвига совершенно развеселило графа, и онъ, съ его обыкновенною любезностію, пустился, по своему, въ разсказы слышанныхъ или видѣнныхъ имъ проказныхъ случаевъ по выѣздѣ изъ Москвы, откуда, какъ онъ мнѣ замѣтилъ, благополучно доѣхали кто куда хотѣлъ всѣ совершенно-Русскіе; а съ иностранцами и полу-Русскими случались маленькія непріятности, и къ нему представляли связанныхъ, а иныхъ

и растрепанныхъ знакомыхъ ему учителей и даже чиновниковъ, и будто привели на веревочкѣ одного сентиментальнаго поэта и Московскаго бальнаго щеголя, говорившихъ между собою о блѣдной лунѣ и о Кузнецкомъ мостѣ по-французски. Николай Васильевичъ къ этому прибавилъ, что и въ арміи казаки подстрѣлили одного адъютанта, принявъ по Французскому разговору его съ товарищемъ за непріятеля. «Знаете-ли, прервалъ графъ, что слухи о подобныхъ непріятностяхъ съ иноязычниками едва не уморили вывезеннаго съ моею канцеляріей изъ Москвы общаго пріятеля нашего, славнаго Италиянскаго живописца, но не очень угомоннаго Русскаго помѣщика, философа Тончи [17])? Ужасъ быть убитымъ крестьянами, а можетъ быть и слугами своими, распалилъ пламенное воображеніе и загналъ его въ лѣсъ. Вся канцелярія моя, не зная куда онъ дѣвался, пустилась съ казаками и крестьянами отыскивать его по дорогѣ и въ лѣсу; начали аукать, кричать, кликать. Онъ, слыша со всѣхъ сторонъ свое имя, совершенно рехнулся, и уже отысканный и приведенный въ домъ, отъ страха, чтобъ его не убили, самъ чуть не зарѣзался бритвою; къ счастію, успѣли ему помочь, успокоить, наконецъ совсѣмъ образумѣли, и онъ, въ память своего спасенія и уцѣлѣнія, обѣщался написать запрестольный образъ для соборной Владимирской церкви». Потомъ графъ Растопчинъ разсказалъ между прочаго Русскаго своедѣлья, что онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мородёровъ, веденныхъ вооруженными въ ихъ же оружіи мужиками, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной чрезъ плечо сверхъ Французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она ихъ старостиха Василиса и хотя ея женское дѣло, а она на свою руку охулки не положила. На вопросъ, много-ли они перевели бусурманской саранчи, Василиса за всѣхъ отвѣчала: «Таки ихъ посильно мѣсто передушила наша вотчина; да та бѣда, что сперва наши съ глупа боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ и только что отъ нихъ хоронились; а какъ узнали,

[17]) Вотъ какъ самъ Тончи объясняетъ причину его сумашествія. Отославъ за долго по совѣту графа Растопчина жену свою, урожденную княжну Гагарину, въ Рязань, онъ остался въ домѣ графа, который обѣщалъ его, когда нужно будетъ, отправить къ ней. Непріятель близко, Москва пустѣетъ. Тончи въ страхѣ приходитъ къ графу и напоминаетъ его обѣщаніе. Графу было не до Тончи; онъ отвѣчаетъ: вы будете отправлены куда надо, и при немъ грозно приказываетъ своему правителю канцеляріи г-ну Руничу взять его съ собою. Эта необыкновенная суровость поражаетъ Итальянца; встревоженное воображеніе представляетъ ему, что его хотятъ отправить въ Сибирь и когда Руничъ повезъ его не по Рязанской дорогѣ, ужасъ ссылки довелъ его до изступленія. Онъ бѣжалъ въ лѣсъ и проч.

что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить на кого нападутъ врасплохъ; только, видишь, начальники не вѣрили мужицкимъ разсказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы видѣли ваше усердіе и промыслъ, то берите больше въ полонъ супостатовъ и кого намъ живаго представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ [18]). Вотъ тутъ наши и взялись за умъ. Какъ заслышали этихъ супостатовъ, притаилися по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось таки довольно винца и пивца; вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ деревню, да позарясь на бѣлую избу, взошли въ нее гурьбой, отыскали хмѣльное, ружья къ сторонѣ, и ну бражничать, да и ошалѣли. Тутъ, выждя ночи, наши нагрянули, и ну работать; кто заборахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, тѣхъ живьемъ привели къ вашей милости, чтобъ товаръ лицомъ продать».

Николай Васильевичъ прибавилъ къ графскому разсказу донесенное ему исправникомъ. Вечеромъ взошла въ деревню шайка Французовъ; а какъ, вслѣдствіе приказа земскаго начальства, по всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они дали вѣсть крестьянамъ; тѣ спрятались куда знали. Усталые мародёры забрались въ избу на ночлегъ, мужики обѣщались выстроить хозяину новую, да около полуночи подослали въ подклѣть мальчика прислушать, что̀ дѣлаютъ незваные гости? Храпятъ! Крестьяне, благословясь, потихоньку подкрались, приперли бревенцомъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и потѣшили свою душеньку крикомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ Святой Руси.

Эта крестьянская потѣха, отъ которой какъ говорится, меня по кожѣ подернулъ морозъ, перебросила разговоръ къ тогдашнимъ, единственнымъ сподвижникамъ нашимъ Испанцамъ. Мы, сравнивая ихъ народную войну съ нашею, были поражены чудеснымъ сходствомъ судьбы и свойства двухъ народовъ, живущихъ совершенно въ различныхъ климатахъ и на противоположныхъ концахъ Европы [19]). Разговорясь о Русскомъ бытѣ, графъ съ

---

[18]) Фельдмаршалъ, чтобъ унять крестьянъ отъ ужасныхъ убійствъ попадавшихъ къ нимъ въ руки непріятелей, приказалъ это обвѣстить по отчинамъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ давать награды.

[19]) Испанцы, покоренные Маврами, какъ мы Татарами, сохранили свой самобытъ, уничтожили также покорителей и усиліемъ противъ нихъ соединили раздѣленное отечество свое. Они также какъ и мы всячески истребляли общихъ намъ и всей Европѣ враговъ. Они отличались такою же какъ и мы привязанностію къ церкви и родинѣ. Послѣ насъ никто меньше ихъ не служитъ и не подданствуетъ чужимъ государямъ. Въ Гамбургѣ жена Американскаго консула, родившаяся въ Лиссабонѣ, зная нѣкоторые голоса Малороссійскихъ думокъ, увѣряла, что онѣ напоминаютъ Испанскія и Португальскія народныя пѣсни. Послѣ того въ Неаполѣ, на вечерѣ у Французскаго посла, природная

улыбкою спросилъ меня, что я думаю о его обнародованіяхъ? Не хотя оскорбить самолюбіе сочинителя или согрѣшить противъ моей совѣсти, я объяснилъ, что нахожу въ нихъ хорошаго; то-есть, что они, писанныя точно простонароднымъ слогомъ, должны были дѣйствовать въ нижнихъ сословіяхъ сильнѣе и вѣрнѣе высокопарнаго ораторства; что, читая ихъ, Русскія сердца запалялись молодечествомъ; но умолчалъ, что площадной языкъ черни казался мнѣ не вовсе приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ. Хотя графъ Растопчинъ въ этомъ могъ бы оправдаться предположеніемъ, что просвѣщенные люди не имѣли надобности въ его побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый имъ честью и любовью къ отечеству; можетъ быть онъ такъ и думалъ; но, кажется, хотѣлъ своими площадными обнародованіями возбудить старорусскій духъ Московской черни противъ новомыслія полупросвѣщенной молодежи. Это я замѣтилъ изъ объясненія его поступка съ купецкимъ сыномъ Верещагинымъ, обучавшимся иностраннымъ языкамъ въ Московскомъ университетѣ, «гдѣ давно уже мартинистъ Шварцъ и недавно Нѣмецкій философъ Буле трудились заводить Русскій умъ за чужой разумъ и не взмилить нашъ православный бытъ. Угорѣвшій отъ чада новопросвѣщенія, купчикъ Верещагинъ пустился переводить, толковать и распускать въ народѣ Наполеоновы прокламаціи, когда онъ самъ ужъ былъ подъ Москвою, гдѣ начали проявляться другіе Верещагины и верещать по заморскому; то должно было, чтобъ узнать своихъ и показать чужимъ Русскую ненависть къ ихъ соблазнамъ, предать одного народной казни и ея ужасомъ, если не образумить, то хотя устрашить прочихъ сумасбродовъ». Я не сталъ возражать противъ жестокости казни къ которой иногда принуждаютъ и очень сострадательныхъ народоправителей время, обстоятельства и необходимость примѣра; хотя не нахожу разъяренія черни средствомъ свойственнымъ законному правительству.

Проведя всю ночь въ неумолчной бесѣдѣ, я уже при дневномъ свѣтѣ простился, и навсегда, съ графомъ Растопчинымъ, за которымъ безпристрастное потомство, надѣюсь, утвердитъ почетное мѣсто въ Исторіи 1812 года, какъ современники отдаютъ справедливость его, замысло-

---

Испанка, вышедшая за Итальянскаго маркиза, котораго имени я не могъ затвердить, пѣніемъ своихъ отечественныхъ романсовъ удостовѣрила меня въ удивительномъ сходствѣ напѣва ихъ съ нашимъ Украинскимъ; понтоминный танецъ важной фанданки очень сближается выразительностію и тѣлодвиженіемъ съ Русской степной пляской. Нельзя не согласиться, что Испанія была и тогда во многомъ похожа на Россію, но только какъ приободрившаяся старуха на здоровую и свѣжую молодицу. Испанія уже заблекла, а Россія еще процвѣтаетъ.

ватому, хотя и невсегда добродушному острословію, изъ котораго во Франціи сдѣлали бъ цѣлую Растопчіану. Между прочихъ его замысловатостей замѣчательна едвали не послѣдняя его шутка: въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ, гдѣ всѣ освистывали дурнаго дебютанта, онъ одинъ апплодировалъ и отвѣчалъ спросившимъ его, что̀ это значитъ: «боюсь, какъ сгонятъ его съ театра, то онъ къ намъ отправится въ учители». Но, слава Богу, нынче трудно этому случиться.

Чтобъ вамъ не показалось нѣсколько неестественнымъ такое подробное припомненіе моего разговора съ графомъ Растопчинымъ, я долженъ объяснить, что онъ недавно возобновился въ моей памяти попавшимся мнѣ между старыми бумагами началомъ письма моего къ покойному графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу. Этотъ самый незлобивый, доброхотный, честный и русолюбивый человѣкъ любилъ иногда особливо со мною спорить и въ слѣдствіе противурѣчія моей давнишней увѣренности, что Наполеонъ можетъ ворваться въ Россію, но цѣлый не вырвется изъ нея и моего же мнѣнія о графѣ Растопчинѣ, я, по возвращеніи въ полкъ, принялся было писать къ нему, но за хлопотами и скорымъ походомъ не дописалъ и не послалъ письма, котораго уцѣлѣвшій листокъ мнѣ теперь пригодился. Но пора кончить мой утомительный разсказъ выѣздомъ изъ Москвы.

Держась буквально Корнеліева изрѣченія: Faites votre devoir et laissez faire les dieux [20]), я почелъ моею обязанностію не оставлять ополченія, въ которое судьба меня привела, и возвратился въ полкъ, которымъ начальствовалъ по избранію моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ; но не могу утаить, что гонка непріятеля изъ Москвы, по дорогѣ нераззоренной произвела нравственную перемѣну въ нѣкоторыхъ избирателяхъ моихъ. Они, какъ оказалось на дѣлѣ, раздѣлялись на природныхъ дворянъ въ старинномъ смыслѣ этого слова [21]) и на помѣщиковъ, схватившихъ кое какъ офицерскіе чины или добравшихся по приказамъ даже до 9-го класса и купившихъ на промышленныя деньги деревни. Первые, припомня въ ополченіи прежнюю воинскую службу и внушенныя ею чувства народной чести, охотно шли въ походъ и рады были подраться съ непріятелемъ; а нѣкоторые изъ вторыхъ, вступя ретиво въ ополченіе, служили усердно, пока отдавался въ ихъ Русскихъ сердцахъ воспалительный крикъ: нашихъ бьютъ; когда же наши стали бить, то смекнувъ, что незваннымъ гостямъ у насъ не водъ и почтя военное служеніе свое на защиту отечества

---

[20]) Т.-е. Исполняйте свой долгъ и предоставляйте дѣйствовать богамъ.

[21]) Въ старину званіе родоваго дворянина означало не только принадлежащихъ къ княжескимъ и царскимъ дворамъ, но и простыхъ воиновъ, служившихъ изъ рода въ родъ въ ихъ полкахъ.

уже конченнымъ, старались отлынять подъ разными предлогами отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ и на зиму убраться въ теплые хоромы свои. Кромѣ сихъ главныхъ раздѣленій на ополченныхъ дворянъ и помѣщиковъ, были еще два разряда. Одинъ—отставныхъ офицеровъ, проживавшихъ въ губерніи; услыша, что непріятель сильно идетъ на Россію, они по старой привычкѣ тотчасъ прямо явились на службу царю и отечеству и не думали покидать ее, пока война совсѣмъ не кончилась. Второй—молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, воспитанныхъ въ губернскихъ училищахъ и не успѣвшихъ еще оподъячиться. Они рады были случаю вырваться изъ-за приказныхъ столовъ и сдѣлаться, какъ говорится въ нижнихъ сословіяхъ, людьми. Офицерскіе мундиры ихъ тотчасъ омолодечили; но, не имѣя денегъ и не зная благородныхъ игръ въ карты, они, отчужденные помѣщиками, прильнули къ дворянамъ, сдружились съ бывшими военнослужащими и потомъ съ ними вмѣстѣ вступили въ кадры дивизіи, набранной изъ жалкихъ Остзейскихъ рекрутъ, которыхъ подъ моимъ начальствомъ довели въ порядкѣ, исправности и цѣлости въ Варшаву.

При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, уже въ самомъ концѣ Октября, показался первый снѣгъ и, по выступленіи ополченія вслѣдъ за арміей, начался запоздавшій холодъ; но еще при переправѣ нашей въ Зубцовѣ черезъ Волгу я принужденъ былъ пропускать мимо себя весь полкъ по одному человѣку чрезъ наложенныя по полыньямъ доски и не находилъ нигдѣ недостатка въ жизненныхъ припасахъ: стало-быть, непріятель, вопреки иностраннымъ писателямъ, погибъ не отъ холода и голода; ибо тамъ, гдѣ побѣжденные сыты, побѣдитель не можетъ быть безъ хлѣба, и во всѣхъ покоренныхъ Наполеономъ земляхъ не войска его, а жители ихъ мерли голодной смертью. Онъ долженъ былъ знать, что Русская зима начинается въ срединѣ Французской осени, и по крайней мѣрѣ противу нея запастись шубами, что̀ легко было сдѣлать завоевателю тамъ, гдѣ нищіе безъ нихъ зимою не ходятъ. Но чтобы, не взирая на эти ощутительныя доказательства истинной причины гибели нашихъ враговъ, они не могли всклепать на морозы дѣло пламенной любви къ вѣрѣ, царю и отечеству, Богу угодно было продлить въ Россіи теплоту до того, что въ этотъ годъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ непріятель, два раза косили луга [22]).

[22]) Показаніе очень важное и не принятое до сихъ поръ къ соображенію ни Русскими, ни иностранными историками, продолжающими вѣрить Наполеону, который на выступленіе свое изъ Россія приказалъ выбить медаль съ изображеніемъ воина, гонимаго Эоломъ. П. Б.

Вотъ кажется все, что̀ я могъ припомнить къ исполненію вашего желанія. Чувствую и признаюсь, что мое письмо слишкомъ многословно; но, право, я по возможности хотѣлъ очистить и окоротить, да не могъ. Торопясь сообщить вамъ все, что̀ большею частію чрезъ сердце проходило мнѣ въ голову, я боялся, чтобъ какое нибудь новое горе не помѣшало мнѣ навсегда кончить начатое. Но, слава Богу, я успѣлъ кое-какъ удовлетворить ваше любопытство, не безполезное даже и для самаго меня. Я вамъ благодаренъ за часы, которые, воспоминаніемъ хотя тяжкаго, но славнаго времени, извлекали меня изъ одуренія, нагнаннаго на воображеніе мое горестями и каверзами вцѣпившейся въ меня ябеды [23]). Если я наскучилъ вамъ собою, то право не отъ самолюбія. Я только желалъ и желаю одного, чтобъ опытность моя не пропала даромъ, и увѣренъ, что извлеченное вами изъ моего многословія послужитъ хотя нѣсколько къ указанію истинныхъ причинъ прочнаго возвышенія нашего отечества.

---

[23]) Что̀ за обстоятельства, на которыя намекаетъ здѣсь князь А. А. Шаховской, намъ неизвѣстно. Не разумѣлъ ли онъ тутъ своей тяжбы съ Пассеками по наслѣдству князя Кантемира? Тяжба эта тянулась цѣлые десятки лѣтъ и, сколько знаемъ, кончилась мировою, по которой часть громаднаго наслѣдства досталась и князьямъ Шаховскимъ. П. Б.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО КЪ КНЯГИНѢ СОФІИ СЕРГѢЕВНѢ МЕЩЕРСКОЙ.

Предлагаемое вниманію историковъ письмо Александра Благословеннаго, написанное изъ Троппау, принадлежитъ къ послѣднему десятилѣтію его царствованія и ясно выражаетъ религіозное настроеніе Императора. Это послѣднее десятилѣтіе его жизни возбуждаетъ въ нашей печати строгія сужденія. По поводу этихъ сужденій мы вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность напомнить соотечественникамъ безпристрастныя и краснорѣчивыя слова князя П. А. Вяземскаго, котораго богато одаренная природа вмѣщала въ себѣ и талантъ глубокомысленнаго историка. Еще Гоголь замѣтилъ, что въ князѣ Вяземскомъ „слышенъ въ одно и тоже время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни,—словомъ всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ; и если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, то можно сказать почти навѣрное, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа“.

„Александръ“, повѣствуетъ князь Вяземскій, „въ послѣднее десятилѣтіе уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ годовъ. Онъ прошелъ школу событій и тяжкихъ испытаній. Либеральные помыслы его и молодыя сочувствія болѣзненно были затронуты и потрясены грубою дѣйствительностью. Заграничныя революціонныя движенія, домашній бунтъ Семеновскаго полка, неурядицы, строптивыя замашки Варшавскаго сейма, на который еще такъ недавно онъ полагалъ лучшія свои упованія, догадки и болѣе чѣмъ догадки о томъ, что и въ Россіи замышлялось что-то недоброе, всѣ эти признаки, болѣзненные симптомы, совокупившіеся въ одно цѣлое, не могли не отразиться сильно на впечатлительномъ умѣ Александра. Въ Александрѣ не могло уже быть прежней бодрости и самонадѣянности. Онъ вынужденъ былъ сознаться, что добро не легко совершается, что въ самихъ людяхъ часто встрѣчается какое-то необдуманное, тупое противо-

дѣйствіе, парализующее лучшіе помыслы, лучшія заботы о пользѣ и благоденствіи ихъ... Тяжки должны быть эти разочарованія и суровыя отрезвленія. Александръ ихъ испыталъ: онъ извѣдалъ всю ихъ уязвительность и горечь. Строгіе судьи, умозрительные и безпощадные, могутъ, конечно, сказать, что человѣкъ съ твердою волею, одаренный могуществомъ духа, долженъ всегда оставаться выше подобныхъ житейскихъ невзгодъ и сопротивленій. Можетъ быть. Но мы не чувствуемъ въ себѣ достаточной силы, чтобы пристать къ этимъ строгимъ приговорамъ. Мы полагаемъ, что если и были ошибки, то многія изъ нихъ были искуплены подобными испытаніями и подобнымъ горемъ. Мы здѣсь не осмѣливаемся судить: мы можемъ только сострадать".

Но „какъ не старайся скептическая, а болѣе всего мѣщанская и будничная исторіографія понизить величавость Исторіи и стереть съ нея блескъ поэтической дѣйствительности, все же не успѣетъ она въ своемъ иконоборствѣ. Народная любовь сохранитъ иконы и праздники свои. Она съ гордостью будетъ помнить и перечитывать нѣкоторыя праздничныя и эпическія страницы бытописанія своего. Что ни говори, но Александръ I-й вплелъ такую яркую и незабвенную страницу въ нашу народную исторію". (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. СПБ. 1882 года, VII, 425—464*).

Строки, посвященныя митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Михаилу, даютъ намъ утѣшительное свидѣтельство, что святители Русской церкви, держась преданія своихъ древнихъ, святыхъ и приснопамятныхъ предшественниковъ, не чуждались такъ называемаго *общества* и не противопоставляли его *народу*. Они не дѣлили людей на аристократовъ и демократовъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Тѣ и другіе въ глазахъ ихъ были люди Божіи, „чающіе Христова утѣшенія". Тѣ чувства, которыя питалъ императоръ Александръ къ митрополиту, питаетъ въ душѣ своей къ своимъ помазаннымъ святителямъ и каждый православный христіанинъ.

И дай Богъ, чтобы это святое чувство, не оскудѣвая, пребывало въ сердцахъ православныхъ, „дондеже свѣтъ стоитъ и солнце сіяетъ".

Являющійся нынѣ въ свѣтъ историческій документъ сообщенъ намъ Анастасіею Николаевною Мальцевою съ правомъ его обнародовать. Самый же подлинникъ, по снятіи съ него съ дипломатическою точностью списка, какъ драгоцѣнный царскій автографъ, внесенъ Анастасіею Николаевною въ Императорскую Публичную Библіотеку, для вѣчнаго тамъ храненія.

Николай Барсуковъ.

27 Сентября 1886 года.
Село Михайловское,
Московской губ. Подольскаго уѣзда.

Troppau, le 23 Oct. 1820.

Je m'empresse de vous remercier, madame [1]), pour votre lettre du 8 Octobre, que j'ai reçue il y a trois jours. Je l'ai lue avec le plus grand intérêt. Ce que vous me dites sur la manière dont cette Divine Providence vous a fait reconnaître un tort qui se cachait en vous, m'a servi d'une nouvelle preuve d'une vérité, que j'ai été si souvent dans le cas de reconnaître pour moi-même.— Heureux ceux qui observent attentivement des sensations de ce genre et qui se hâtent de se conformer et de suivre des directions pareilles.—Remerciez mille fois le Métropolite [2]) pour son souvenir et surtout pour sa bénédiction, que je

---

[1]) Княгиня Софія Сергѣевна Мещерская, изъ рода Всеволожскихъ, род. 19 Ноября 1775 г., скончалась 4 Октября 1848 г., была второю супругою князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго. У нихъ дѣти: 1) князь Сергѣй Ивановичъ, женатый на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной, родной сестрѣ Татьяны Борисовны Потемкиной; 2) князь Николай Ивановичъ, женатый на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой; 3) князь Петръ Ивановичъ былъ женатъ два раза, первая жена—дочь графа С. П. Румянцова, Екатерина Серг. Кагульская, вторая Екатерина Николаевна Карамзина; 4) княжна Софія Ивановна (другъ Чадаева) 5) княжна Марія Ивановна, въ замужествѣ за Иваномъ Николаевичемъ Гончаровымъ; 6) князь Василій Ивановичъ, женатый на баронессѣ Фитингофъ. Княгиня С. С. Мещерская, какъ извѣстно, пользовалась въ свое время большимъ значеніемъ при тогдашнемъ дворѣ. Скончалась въ Москвѣ. Погребеніе совершалъ самъ митрополитъ Московскій Филаретъ и, въ день погребенія княгини, митрополитъ сказалъ А. Н. Муравьеву: „Я дѣйствительно любилъ и уважалъ княгиню, и она, кажется, была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ." Письма къ ней преосвященнаго Иннокентія епископа Пензенскаго и Саратовскаго (1817—1819) напечатаны въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1874 г. кн. 4-я.

[2]) Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, родился въ селѣ Топорковѣ, Богородскаго уѣзда Московской епархіи и былъ сынъ тамошняго церковнаго причетника. Скончался въ Александро-Невской Лаврѣ 24 Марта 1821 года и погребенъ въ алтарѣ построенной его попеченіями церкви Святаго Духа. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Семинаріи Свято Троицой Сергіевской Лавры. Докончилъ свое образованіе въ Филологической Семинаріи при Московскомъ Дружескомъ Ученомъ Обществѣ. Съ 1785 года священствовалъ при церкви Іоанна Воина, въ Москвѣ, гдѣ благоговѣйнымъ служеніемъ и проповѣдываніемъ Слова Божія снискалъ себѣ любовь народную. Въ 1797 году вызванъ императоромъ Павломъ I въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ числѣ придворныхъ пресвитеровъ. Въ 1799 году овдовѣлъ и въ томъ же году постриженъ въ монашество, въ присутствіи двора, въ Гатчинской придворной церкви, произведенъ въ санъ архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря и сдѣланъ членомъ Святѣйшаго

ne reçois jamais de sa part sans la plus vive émotion, étant persuadé que c'est une bénédiction de Plus Haut que la sienne qu'il me transmet, parce qu'il en demande la puissance *avec foi* à ce Sauveur qu' on invoque jamais inutilement. Dites lui que j'ai plus besoin que jamais de cette *bénédiction bienfaisante* et de toutes ses *prières*, parce que nous sommes occupés ici à une besogne des plus importantes, mais des plus difficiles [3]). Il s'agit de porter remède contre *l'empire du mal* qui s'étend avec célérité et par tous les *moyens occultes* dont se sert le *génie satanique* qui le dirige.—Ce remède que nous cherhons, hélas, est au-dessus de notre chétif pouvoir humain. Le Sauveur Seul par le pouvoir de Sa parole Divine peut fournir ce moyen. Invoquons Le donc de toute la plénitude, de toute la ferveur de nos coeurs, pour qu'Il daigne répandre son Esprit Saint sur nous et nous faire marcher dans la voye qui seule peut Lui plaire et qui seule peut nous conduire au salut. Les prières d'un être comme le métropolite sont immenses quand des coeurs remplis de *Foi* y ont recours avec ce sentiment de conviction dans leur éfficacité; et c'est bien mon cas vis-à-vis de lui. J'ai lu avec la plus grande attention le second chapître de l'Apocalypse [4]) que vous me

---

Сvнода. Въ 1802 году рукоположенъ во епископа Старорусскаго. Съ 1803 года епископъ, а затѣмъ архіепископъ Черниговскій. Съ 26 Марта 1818 года и до блаженной кончины митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. По отзывамъ современниковъ митрополитъ Михаилъ былъ сострадателенъ и всѣмъ доступенъ, въ обхожденіи отличался евангельскою простотою. Ненавидѣлъ духа приказнаго, особенно въ начальникахъ. Тяжбы и ссоры между духовными лицами любилъ прекращать увѣщаніями. По отзыву знаменитаго историка Русской Церкви, архіепископа Черниговскаго Филарета, *Наставленія* митрополита Михаила „назидательны, драгоцѣнны и важны въ высокой степени."

[3]) Троппау—городъ въ Богеміи, въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1820 года, прославился конгрессомъ, на которомъ Францъ I, Фридрихъ Вильгельмъ III и Александръ I, члены Священнаго Союза, съѣхались вторично (первый разъ въ 1818 г. въ Ахенѣ) для совѣщанія о Европейскихъ дѣлахъ, въ виду волненія умовъ въ Германскихъ университетахъ, ознаменовавшагося (въ Мартѣ этого года) убіеніемъ Русскаго политическаго агента въ Карлсруэ Августа Коцебу; онъ погибъ отъ руки студента Занда.

[4]) Въ этой главѣ *Апокалипсиса* между прочимъ начертано: „Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ, и терпѣніе твое, и яко не можеши носити злыхъ *и искусилъ еси глаголющыяся быти апостолы, и не суть; и обрѣлъ еси ихъ лживыхъ*" (2, 2). „Но имамъ на тя мало, яко оставляеши женѣ Іезавели, *глаголющей себе быти пророчицу, учити и льстити моя рабы* любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую". (2, 20).

recommandez. Quoique je le conaissais à peu près par coeur et qu'il n'y a pas très-longtems que je l'avais lu, je l'ai relu encore. Ah! je ne sçais pas le quel des reproches peut-il mieux s'appliquer à moi; mais ce que je sçais très-bien, c'est que plus j'avance dans la vie et plus je reconnais combien je suis chétif, faible et enclin à tout espèce de mal, et que ce n'est que la miséricorde de ce Divin Sauveur *seule* qui me préserve encore d'être plus mauvais.

Autant les nouvelles que vous m'avez données sur vos fils et sur votre fille aînée m'ont fait plaisir, autant ce que vous me dites sur la petite m'a affligé. Quelle peut donc être la cause de ce qui lui est arrivé? Vous devriez consulter cependant quelque habile médecin, comme Müller ou Stoffreguen; car il ne faut pas perdre de tems avec des symptomes pareils.

En concience vous ne devriez plus douter, que n'importe quel gîte vous aurez, que je viendrai toujours vous voir, si Dieu m'accorde vie et santé. Cela sera à vous à juger si je suis toujours resté le même; du moins je puis vous garantir que je n'ai nulle envie de changer excepté en ce que le Sauveur me fait reconnaître de défauts et de péchés en mon chétif individu et sur les quels il est du devoir de tout Chrétien de tâcher de se corriger.

Pour vous parler aussi peu que possible d'argent, je vous dirai que mon homme vous remettra la moitié de ce qui reste et l'autre dans un mois de tems.

Adieu, madame, conservez moi vos bons sentimens et vos prières et soyez convaincue de tout l'attachement que je vous porte. A.

Переводъ.

Троппау, 23 Октября 1820.

Спѣшу поблагодарить васъ, княгиня, за ваше письмо отъ 8 Октября, полученное мною три дня тому назадъ. Я прочелъ его съ величайшимъ вниманіемъ. Разсказъ вашъ о томъ, какимъ образомъ Божественное Провидѣніе заставило васъ сознать погрѣшность, въ васъ кроющуюся, послужилъ мнѣ новымъ доказательствомъ истины, которую такъ часто случалось мнѣ признавать на самомъ себѣ. Счастливы тѣ, которые тщательно вникаютъ въ чувствованія этого рода, спѣшатъ сообразоваться съ ними и слѣдовать ихъ направленію. Тысячу разъ поблагодарите митрополита за его память, а въ особенности за его благословеніе, которое я никогда не принимаю отъ него иначе, какъ съ живѣйшимъ душевнымъ ощущеніемъ, будучи убѣжденъ, что получаемое отъ него—есть благословеніе Вышняго, такъ какъ дѣйствую-

щую силу его онъ испрашиваетъ съ *вѣрою* у Спасителя, Котораго никогда не призываютъ вотще. Скажите ему, что я болѣе чѣмъ когда либо нуждаюсь въ этомъ *благотворномъ благословеніи и въ его молитвахъ,* потому что мы заняты здѣсь однимъ изъ самыхъ важныхъ, но и трудныхъ дѣлъ. Дѣло это заключается въ томъ, чтобы изыскать цѣлебное средство противу *господства зла*, распространяющагося быстро и всѣми *тайными путями*, къ которымъ прибѣгаетъ *сатанинскій духъ*, имъ управляющій. Искомое нами врачеваніе увы! превыше нашей немощной человѣческой силы. Одинъ Спаситель, силою Своего Божественнаго Слова, можетъ даровать это средство. Призовемъ же Его отъ всей полноты и со всею горячностью нашихъ сердецъ, да ниспошлетъ Онъ на насъ Духа Всесвятаго и да наставитъ насъ слѣдовать по тому пути, который одинъ Ему угоденъ и который одинъ можетъ привести насъ къ спасенію. Сила молитвъ существа такого какъ митрополитъ безпредѣльна, когда сердца, преисполненныя вѣрою, прибѣгаютъ къ нимъ со всѣмъ чувствомъ убѣжденія въ ихъ дѣйствительности, и я нахожусь предъ нимъ въ такомъ именно положеніи.

Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ вторую главу Апокалипсиса, на которую вы мнѣ указываете. Хотя я ее зналъ почти наизустъ и еще читалъ не очень давно, но перечиталъ еще разъ. Ахъ, не знаю, какого упрека я наиболѣе заслуживаю; но знаю хорошо, что чѣмъ болѣе подвигаюсь на жизненномъ пути, тѣмъ болѣе сознаю насколько я немощенъ, слабъ и склоненъ ко всякому злу и что одно только милосердіе Божественнаго Спасителя предохраняетъ меня, чтобъ не сдѣлаться еще болѣе дурнымъ. Насколько сообщаемыя мнѣ вами вѣсти о вашихъ сыновьяхъ и о старшей дочери меня порадовали, настолько же то, что вы мнѣ говорите о младшей, меня опечалило. Какая же причина того, что съ ней произошло? Вамъ слѣдовало бы, однако, переговорить съ какимъ нибудь искуснымъ врачемъ, напримѣръ съ Миллеромъ или Штофрегеномъ, такъ какъ при подобныхъ явленіяхъ не слѣдуетъ терять времени.—По совѣсти, вы не должны были болѣе сомнѣваться, что, въ какомъ бы помѣщеніи вы ни жили, я всегда навѣщу васъ, если Богъ мнѣ даруетъ жизни и здоровья. Предоставляю вамъ рѣшить, остался ли я такимъ же какимъ былъ; могу, по крайней мѣрѣ, увѣрить васъ, что не имѣю ни малѣйшаго желанія измѣниться за исключеніемъ указуемыхъ Спасителемъ пороковъ и недостатковъ въ моемъ немощномъ существѣ, объ исправленіи которыхъ долгъ каждаго Христіанина заботиться. Чтобы говорить какъ можно менѣе о деньгахъ, скажу лишь, что довѣренный мой передастъ вамъ половину оставшагося, другую же половину черезъ мѣсяцъ. Прощайте, княгиня, сохраните мнѣ ваши добрыя чувства и ваши молитвы и будьте убѣждены во всей моей привязанности къ вамъ. А.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА МОРДВИНОВА КЪ ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

1832—1837.

Печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ внукомъ графа Бенкендорфа княземъ Петромъ Григорьевичемъ Волконскимъ. Письма 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 13 писаны по-французски и слѣдуютъ здѣсь въ Русскомъ переводѣ.

Горестной памяти Третье Отдѣленіе имѣло первоначальною своею цѣлью отирать слезы несчастныхъ людей, терпящихъ отъ противорѣчивости нашего законодательства и обличать передъ Государемъ злоупотребленія должностныхъ лицъ. Но съ теченіемъ времени перемерли честные люди, въ родѣ его начальника А. Н. Мордвинова и Степана Васильевича Перфильева, въ рукахъ которыхъ находились дѣла этого вѣдомства, и въ послѣдніе годы прошлаго царствованія прочное гнѣздо свило себѣ въ Третьемъ Отдѣленіи враждебное Россіи направленіе, сѣявшее смуту и промышлявшее запугиваньемъ, что̀ и побудило покойнаго Государя 6 Августа 1880 г. упразднить его. П. Б.

1.

Ваше высокопревосходительство!

Представляемое при семъ письмо графа Нессельроде, съ приложеніемъ письма къ нему г-на Пушкина, доставлено было въ канцелярію въ Воскресенье, т.-е. на другой день отъѣзда Ревельской почты, и потому не могъ я онаго отправить прежде сегодняшняго дня. Гости ваши измѣнили вамъ по причинѣ, какъ здѣсь говорятъ, что *холера на морѣ.* Земная наша холера продолжаетъ идти ровнымъ шагомъ: заболѣваетъ въ день человѣкъ 5, 4, 7, и наконецъ вчера заболѣло 10; но всѣ здѣсь совершенно спокойны, и никто о холерѣ не помышляетъ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ, и погода все по старому, все идетъ дождь; поселяне тужатъ, что невозможно съ полей убирать хлѣба. Надѣюсь, что, по возвращеніи сюда, ваше высокопревосходительство не найдете уже здѣсь извѣстную вамъ Валевникову. Кажется, что дня черезъ два отправится она въ Полтаву. Отправленіе ея съ фельдъегеремъ въ Управу Благочинія ее очень смягчило, и она соглашается ѣхать; но остается еще превозмочь многія затрудненія. Князь Варшавскій увѣдомилъ, что одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ убійцъ происходившей въ Варшавѣ, въ Августѣ 1831 года, рѣзни пойманъ и преданъ суду. Онъ пришелъ въ Царство Польское изъ Галиціи, переодѣтый крестьяниномъ. Фамилія его Чарномскій; онъ былъ подпоручикомъ. Судя по газетамъ, Донъ-Педро совсѣмъ уничтоженъ; пишутъ, что его разбили, и что онъ принужденъ былъ сѣсть на свои корабли. Куда-то поѣдетъ?

Желая вашему высокопревосходительству многаго удовольствія въ прекрасномъ вашемъ Фаллѣ, имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочтеніемъ и преданностію покорнѣйшій слуга

Александръ Мордвиновъ.

17-го Августа 1832.

2.

Я видѣлъ графа Нессельроде, который поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что съ вашего отъѣзда не получено никакихъ новостей изъ-за границы. Ничего еще не рѣшено относительно генерала Муравьева, который теперь здѣсь и на иголкахъ *). Ему со всѣхъ сторонъ, подъ величайшимъ секретомъ, шепчутъ, что онъ получитъ отличное, чудесное назначеніе; но какъ время тянется, то онъ начинаетъ опасаться, что кто нибудь станетъ ему поперекъ дороги. Въ особенности подозрителенъ для него графъ Орловъ; но дня черезъ два или три дѣло выяснится.

Со вчерашняго дня между гвардейскими офицерами ходитъ слухъ о войнѣ. Я полагаю, что поводомъ къ этому слуху близкая возможность столкновенія между Голандіею и Бельгіею.

Ея Величество Императрица въ добромъ здоровьи, и все спокойно. Свѣдѣнія о Варшавѣ, полученныя со вчерашнимъ курьеромъ, не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго; они касаются только Поляковъ, которые собираются ѣхать изъ Франціи въ Алжиръ. Но частныя извѣстія изъ Варшавы поистинѣ отвратительны. Поляки и Польки совсѣмъ завладѣли управленіемъ. Образовалось что-то въ родѣ женскаго обще-

*) Говорится о предстоявшей посылкѣ къ Мегметъ-Али. Н. Н. Муравьевъ былъ двоюроднымъ братомъ А. Н. Мордвинову. П. Б.

ства подъ предсѣдательствомъ г-жи Собаньской, продолжающей имѣть большую силу надъ графомъ Виттомъ. Благодаря этому, главныя мѣста предоставляются Полякамъ, и именно тѣмъ, которые наиболѣе участвовали въ мятежѣ. Остальныхъ не призываютъ къ дѣлу, и они жалуются, что оставлены въ покоѣ. Новости эти не съ вѣтру, а вѣрны вполнѣ. Очень печально, а кто виноватъ? Одинъ человѣкъ. Смѣните его кѣмъ либо другимъ, кто смыслитъ въ дѣлахъ управленія и умѣетъ держать себя самостоятельно, и все пойдетъ гораздо лучше, и намъ нечего будетъ такъ тревожиться на счетъ Польши.

Посылаю вамъ при семъ газеты, нѣсколько бумагъ и письмо изъ Тульчина. Трюфли отправлены съ ящикомъ. Примите и пр.

С.-Петербургъ, 19 Октября 1832.

3.

Сегодня утромъ призывалъ меня къ себѣ Государь и передалъ мнѣ сочиненіе объ императорѣ Александрѣ. Оно запрещено здѣсь, и однако читается въ городѣ. Его Величество поручилъ мнѣ постараться, чтобы тѣ экземпляры, про которые я могу узнать, были изъяты изъ обращенія. За тѣмъ Государь спрашивалъ что́ мнѣ извѣстно о Прудзинскомъ и приказалъ тщательно наблюдать за нимъ. Я, съ своей стороны, доложилъ Государю нѣкоторыя подробности о настроеніи умовъ въ Новогородскихъ военныхъ поселеніяхъ, о плохомъ содержаніи и плохой пищѣ гренадерскаго корпуса, недавно пришедшаго въ Новгородъ и о неприличномъ и жестокомъ обращеніи съ людьми, каковое позволяетъ себѣ генералъ Набоковъ. Пріѣхавшій надняхъ изъ Новгорода полковникъ Григоровъ сообщилъ мнѣ про все это. Назначеніе Муравьева должно быть рѣшено сегодня вечеромъ.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1832.

4.

Я не писалъ къ вамъ со вчерашнею почтою, предоставляя себѣ эту честь сегодня черезъ г-на Львова, который ѣдетъ къ вамъ сегодня вечеромъ.

Вотъ уже пять дней, какъ я совсѣмъ боленъ, чему я не придалъ бы никакого значенія, еслибы Государю не угодно было именно теперь поручить мнѣ нѣкоторыя дѣла. Боюсь, что болѣзнь воспрепятствуетъ мнѣ исполнить повелѣнія Его Величества съ надлежащею точностью и скоростью. Государь изволилъ еще разъ призывать меня къ себѣ и передалъ мнѣ революціонную книжечку или прокламацію, которую неизвѣстный человѣкъ бросилъ въ темнотѣ солдату, находив-

шемуся въ караулѣ у Екатерининскаго Института. Отыскать этого человѣка можно лишь случаемъ, потому что указаній не имѣется никакихъ. Затѣмъ надѣлала у насъ шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая въ продажу. Заглавіе ея: *Русскія сказки казака Луганскаго.* Книжка напечатана самымъ простымъ слогомъ, вполнѣ приспособленнымъ для низшихъ классовъ, для купцовъ, солдатъ и прислуги. Въ ней содержатся насмѣшки надъ правительствомъ, жалобы на горестное положеніе солдата и пр. Я принялъ смѣлость поднести ее Его Величеству, который приказалъ арестовать сочинителя и взять его бумаги для разсмотрѣнія. Я теперь занимаюсь этими бумагами *).

Сію минуту получаю приказаніе черезъ два часа быть у Государя. Я не счелъ возможнымъ отозваться, что я боленъ, такъ какъ еще не слегъ въ постель; но чувствую страшную слабость.

Четвергъ, 7 Октября 1832.

5.

Графъ Нессельроде, котораго я сейчасъ видѣлъ, поручаетъ мнѣ передать вамъ, что онъ получилъ самыя удовлетворительныя извѣстія о дѣлахъ Бельгійскихъ. Дѣло уладится безъ шуму и безъ оружія, потому что Голандскій король согласенъ на свободное плаваніе по Шельдѣ. Если дипломатіи посчастливится привести всю эту исторію къ полюбовному соглашенію, то она поистинѣ много выиграетъ въ общемъ уваженіи. А нечего сказать, она таки не давала себѣ покоя: семьдесятъ протоколовъ, изъ которыхъ не одинъ еще не выполненъ.

Отъѣздъ Муравьева совсѣмъ рѣшенъ; онъ даже получилъ инструкцію, но еще не былъ у Государя. Графъ Нессельроде говорилъ мнѣ нынче, что Муравьевъ отправится черезъ два или три дни.

Вчера Государь былъ не такъ здоровъ и, какъ мнѣ говорили, приказывалъ ставить себѣ піявки къ головѣ.

У насъ уже три дни, какъ стоитъ великолѣпная осенняя погода: легкій морозецъ при яркомъ солнцѣ. Надѣюсь, что вы пользуетесь этою благодатью въ вашихъ готическихъ сооруженіяхъ и наслаждаетесь полнымъ здоровьемъ.

Графъ Апраксинъ еще здѣсь задержанъ на нѣсколько дней семейными дѣлами.

С.-Петербургъ, 29 Октября 1832.

---

*) Этотъ арестъ послужилъ къ извѣстности В. И. Даля: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ В. А. Перовскій взялъ его съ собою въ Оренбургъ правителемъ своей канцеляріи. П. Б.

6.

Вчера Государь получилъ извѣстіе, которое, какъ говорятъ, очень его тронуло. Внезапно скончался графъ Сухтеленъ, Оренбургскій военный губернаторъ. Апоплексическій ударъ поразилъ его въ то время, какъ онъ подписывалъ бумаги. Это великая утрата для края, въ которомъ оставалось ему еще столько устроить, и я полагаю, что замѣнить его будетъ весьма нелегко. По моему мнѣнію, туда лучше всѣхъ годился бы генералъ Горголи. Генералъ Эссенъ невѣроятно какъ возится съ дѣломъ объ игрокахъ: онъ присылаетъ мнѣ бумагу за бумагою, и я вынужденъ представить завтра Государю огромную записку по этому предмету для того, чтобы можно было составить окончательное опредѣленіе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ боленъ. У него нарывъ въ горлѣ, уже прорвавшійся. Говорятъ, что онъ не будетъ выѣзжать въ теченіе всей Святой Недѣли.

На этихъ дняхъ, по близости отъ меня, случилось убійство: убита служанка, въ отсутствіе своей барыни, причемъ похищены всѣ бывшія въ домѣ деньги. Не знаю навѣрное, сысканъ ли убійца.

Вотъ наши невеселыя новости; но теперь же Страстная недѣля; надо полагать, что Святая насъ порадуетъ. Христосъ воскресе!

1-го Апрѣля 1833.

7.

Пожары здѣсь не прекращаются. Третьяго дни и вчера было по одному еще, оба возлѣ Знаменской церкви. Полиція дѣйствовала исправно и помѣшала огню распространиться, не смотря на то, что третьяго дня былъ сильный вѣтеръ. Послѣднія извѣстія изъ Польши незначительны. По письмамъ бѣжавшихъ Поляковъ видно, что господа эти очень пріуныли. Они жалуются на свое несчастное положеніе и на то, что Нѣмцы выражаютъ имъ мало сочувствія. «Даже во Франкфуртѣ (говорится въ одномъ письмѣ) Полякамъ пришлось ими руководить; изъ этого ты видишь, что Нѣмецкій народъ еще не приготовленъ. Въ этихъ письмахъ упомянуто, что генералъ Дембинскій, Хшановскій, Бернардъ Потоцкій и Ладиславъ Замойскій отправились къ Ибрагиму-пашѣ. Изъ нѣкоторыхъ писемъ оказывается, что захваченъ одинъ Полякъ, пытавшійся умертвить короля Французовъ. Здѣсь все спокойно; но признаюсь, пребываніе Государя въ Петергофѣ мнѣ кажется не совсѣмъ безопаснымъ. Дубельтъ передастъ вамъ подробности о встрѣчѣ Государя одинъ на одинъ съ Полякомъ.

Посылаю вамъ только одну бумагу для Великаго Князя, много газетъ и письмо графа Воронцова, очень замѣчательное.

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1833.

8.

На сихъ дняхъ получено увѣдомленіе Виленскаго военнаго губернатора, князя Долгорукова *) о схваченномъ въ Вильнѣ Полякѣ *Шиманскомъ.* Сей Шиманскій оказался изъ числа отправленныхъ изъ Франціи Поляковъ, для произведенія возмущенія въ Польскихъ нашихъ губерніяхъ. Въ отобранномъ отъ него показаніи изложена вся система, по которой существующій во Франціи Польскій Комитетъ дѣйствуетъ. Также показалъ онъ имена другихъ его сообщниковъ и проч. Все сіе представлялъ я Государю, и по случаю того Его Величеству угодно было меня потребовать къ себѣ на Елагинъ островъ и удостоить меня изустными своими по предмету сего дѣла приказаніями, которыя мною тогда же и исполнены. Сверхъ того, Его Величество изволилъ приказать мнѣ, дабы на Елагиномъ островѣ каждый день находились два конные Черкеса въ полномъ вооруженіи. И съ того времени какъ за Его Величествомъ, такъ и за Императрицею, во время ихъ прогулокъ по островамъ, слѣдуетъ Черкесъ верхомъ. Слава Богу, что Государь изволитъ принимать предосторожности въ огражденіе безопасности своей. По крайней мѣрѣ теперь не такъ страшно.

Бывъ у Государя, я замѣтилъ, что Его Величество съ великою живостью говоритъ о замыслахъ Поляковъ и о пособіи, которое имъ оказывается во Франціи. Онъ приказалъ мнѣ тотчасъ всѣ полученныя отъ князя Долгорукова бумаги показать графу Нессельроде, а потомъ и копіи съ оныхъ ему передать и намѣревался войти въ сношеніе по сему предмету съ Французскимъ правительствомъ и настоятельно требовать изгнанія Поляковъ изъ Франціи. Графъ Нессельроде мнѣ сказывалъ, что и самъ Louis Philippe, какъ пишетъ Pozzo di Borgo, того желаетъ, но вѣроятно не имѣетъ достаточно для сего власти. Несчастное правительство!

Прусскій принцъ Альбертъ прибылъ вчера утромъ. Сегодня или завтра Государь возвращается въ Петергофъ. Во время прогулокъ Его Величества въ Петергофѣ, ни на одну минуту не теряютъ его изъ виду, и ни одинъ посторонній человѣкъ не имѣетъ возможности приблизиться къ Его Величеству наединѣ.

Государь довольно долго изволилъ со мною говорить. Всего писать неудобно. По возвращеніи вашего сіятельства, буду имѣть честь о всемъ вамъ доложить.

7-го Іюня 1833.

---

*) Князя Николая Андреевича (которымъ позднѣе тоже овладѣли Поляки). П. Б.

9.

Сегодня представляю вашему сіятельству много бумагъ къ подписанію, ибо я предвижу, что возращеніе ваше сюда будетъ немногимъ предшествовать отъѣзду вашему съ Государемъ Императоромъ, и потому вамъ здѣсь вѣроятно будетъ не очень свободно заниматься бумагами. У насъ здѣсь особенно новаго ничего нѣтъ. Сейчасъ министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ какого-то Француза, взятаго по подозрѣнію въ Курскѣ; но я не успѣлъ еще и бумаги о немъ прочитать.—Не знаю, слышали-ли ваше сіятельство, что генералъ-адъютантъ Демидовъ на Кавказскихъ водахъ умеръ; но мнѣ такъ сказывали, и, говорятъ, опился минеральною водою.

28 Іюля 1833.

10.

Изъ посылаемыхъ у сего газетъ ваше сіятельство изволите увидѣть, что Lafayette наконецъ умеръ. Давно ему пора. По случаю погребенія его было въ Парижѣ собрано 50 т. войска, и за тѣмъ дѣло сіе кончено совершенно тихо. Письма отъ вашего *cher ami* ничего примѣчательнаго не заключаютъ. Шиманскій завтра утромъ отправляется въ Кронштадтъ. Вчера видѣлъ я генерала Лѣсовскаго; онъ въ чрезвычайномъ огорченіи или, лучше сказать, въ иступленіи, что оставленъ еще на нѣсколько недѣль въ забытьи. Новаго у насъ ничего нѣтъ.

24 Мая 1834.

11.

Имѣю честь представить при семъ вашему сіятельству нѣкоторыя бумаги къ подисанію, письма и газеты, которыя и изволите получить съ полковникомъ Дубельтомъ.

На прибывшемъ сюда 28-го Мая пароходѣ «Николай I-й» пріѣхалъ Виртембергскій подданный купецъ *Ритнеръ*, о которомъ получено было изъ Варшавы свѣдѣніе, что онъ есть агентъ революціонной пропаганды и котораго велѣно задержать и осмотрѣть его бумаги. Сей Ритнеръ сейчасъ явился въ канцелярію для полученія контръ-марки, и я приступилъ къ исполненію даннаго мнѣ приказанія. О томъ чтò окажется, будетъ представлено Государю. Полковникъ Пановъ удачно дѣйствуетъ къ обнаруженію здѣсь продажи запрещенныхъ иностранныхъ книгъ. Завтра полагаю представить о семъ Государю и испросить приказанія Его Величества лавки *) запереть и, продавцовъ аре-

*) Три лавки въ Гостинномъ дворѣ.

стовавъ, учинить имъ въ III-мъ Отдѣленіи допросъ. Это дѣло можетъ вести къ обширнымъ открытіямъ по предмету распространенія запрещенныхъ книгъ. Боюсь, чтобъ не попался Belisard [1]).

Государь 1-го Іюля изволитъ ѣхать въ Петергофъ, гдѣ, говорятъ, пробудетъ до 16-го числа, а тамъ опять переѣдетъ на Елагинъ островъ. Извѣстный вашему сіятельству князь Голицынъ [2]) съ разрѣшенія Государя, отпущенъ на жительство въ имѣніе Потемкиной *Гостилицы*, съ тѣмъ, чтобъ находился тамъ безвыѣздно на поручительствѣ Потемкиной. Это, кажется, она ему выпросила.

Ваше сіятельство теперь вѣроятно въ вашемъ прелестномъ Фаллѣ находитесь въ полномъ наслажденіи. Погода прелестная; но въ городѣ очень, очень знойно. Извѣстія на счетъ произрастанія хлѣбовъ довольно благопріятны. Съ Кавказской линіи отъ нашего штабъ-офицера получены хорошія свѣдѣнія: хлѣба и травы растутъ.

30 Мая 1834.

12.

Зная, сколь драгоцѣнны для вашего сіятельства немногіе свободные дни, проводимые вами въ прелестномъ вашемъ Фаллѣ, я не смѣлъ васъ обременять пустыми моими письмами, а бумагъ вамъ не посылалъ, потому что не встрѣтилось ничего важнаго, заслуживающаго особеннаго вашего вниманія. У насъ здѣсь все благополучно. О новостяхъ иностранныхъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ представляемыхъ г. Сахтынскимъ газетъ; но и тамъ мало занимательнаго, кромѣ успѣховъ Карлистовъ въ Испаніи.

Нашъ cher ami [3]) равномѣрно ничего любопытнаго не пишетъ. Видно только изъ его писемъ, Филиппъ крѣпко борется противъ своихъ министровъ, которые желаютъ помогать королевѣ Испанской. Одинъ Мезонъ держитъ сторону короля и стращаетъ прочихъ нашимъ Государемъ, упираясь на томъ, что ему извѣстно расположеніе по сему предмету Его Величества.

Вчера начались маневры, по окончаніи которыхъ Государь, какъ сказываютъ, опять на нѣкоторое время изволитъ переѣхать на Елагинъ островъ, чтобы принцу Голандскому показывать городъ.

7-го Іюня 1835.

---

[1]) Подъ этимъ именемъ, кажется, надо разумѣть проживавшаго въ Парижѣ Якова Николаевича Толстова. П. Б.

[2]) Петербургскій книгопродавецъ. П. Б.

[3]) Князь Николай Борисовичъ Голицынъ, извѣстный музыкантъ и писатель. П. Б.

13.

Графъ Воронцовъ здѣсь третій день. Онъ непремѣнно хочетъ навѣстить васъ въ Фаллѣ; я же лишенъ этого удовольствія. Дубельтъ доложитъ вамъ, почему именно, и я думаю, что вы одобрите мои доводы. У меня есть нѣсколько дѣлъ, а другія предвидятся, такъ что я не могу просить у Государя позволенія уѣхать. Его Величество въ отличномъ здоровьи и сегодня переѣзжаетъ въ Петергофъ. Приходятъ отличныя извѣстія о путешествіи Великаго Князя Наслѣдника. Это по истинѣ тріумфальное шествіе. Всюду принимаютъ его съ отмѣннымъ восторгомъ. Донесенія о томъ приходятъ къ намъ безпрестанно, но Государь не придаетъ имъ большой цѣны. Ему желательно, чтобы извѣстія были самыя краткія. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ онъ не совсѣмъ правъ; ибо вообще публикѣ пріятно было бы читать про всеобщую народную преданность къ Наслѣднику и про любовь, которую онъ къ себѣ внушаетъ повсюду.

Извѣстная вамъ г-жа Сукини опять принялась за свои мерзкія безъименныя письма, и мнѣ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько вразумить ее. Государь приказалъ мнѣ, чтобъ я постарался достать уликъ противъ нея. Теперь я этимъ занятъ и, можетъ быть, буду имѣть удачу.

Здѣсь давно уже занимаются дѣломъ г-жи Татариновой. Его передавали и объяснили на всякіе лады. Теперь оно кончено, и больше не говорятъ про него. Все ихъ общество въ настоящее время разсѣяно. Главныя лица разосланы по монастырямъ. Забавно, что въ домѣ у нихъ найдена бронзовая позолоченая статуя старика князя Александра Голицына, отличной работы, на подставкѣ съ символическими знаками. Повидимому онъ считался покровителемъ этого почтеннаго сборища.

На этотъ разъ не имѣю ничего больше сообщить вамъ, развѣ о томъ, что послу Дюргаму, говорятъ, данъ Андреевскій орденъ.

С.-Петербургъ 1 Іюня 1837.

14.

По приказанію Государя Императора, имѣю честь представить при семъ вашему сіятельству Французскій переводъ статьи объ Остзейскихъ губерніяхъ, назначенной къ напечатанію въ газетѣ «Allgemeine Zeitung, но цензурою не пропущенной. На семъ переводѣ рукою Его Величества написано: *Стоило бы узнать, кто это писалъ. Пошлите графу Бенкендорфу на прочтеніе, поручивъ ему показать это кому знаетъ.* Мнѣ неизвѣстно, отъ кого Государь изволилъ получить эту статью, но полагаю, что чрезъ бар. Швейцера ближе бы всего можно узнать о сочинителѣ ея. Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе совершенно

оправились и пріѣхали къ намъ въ прежнемъ вашемъ положеніи. Я въ особенности съ большимъ нетерпѣніемъ этого ожидаю. Sans vous notre partie commence à se démoraliser: nous commençons à avoir la main un peu dure. Je fais mon possible, mais je suis si peu de chose et n'ai point de voix au chapitre. Parmi l'entourage de l' Empereur on s'occupe beaucoup à savoir, si vous serez de force à accompagner Sa Majesté dons son voyage. Cela intrigue beaucoup de monde; cela fait aussi intriguer quelques personnes, et je crois que celui, qui vous écrit la lettre ci-jointe, malgré son apparente franchise un peu brutale, n'est pas le moins actif dans cette occasion *).

Наслѣдникъ благополучно продолжаетъ свое путешествіе. Появленіе его въ Сибири есть вещь совершенно новая, необычайная для сего края, гдѣ еще никогда никто изъ Царскаго Дома не бывалъ. Ходатайство Его Высочества обратилось и на нѣкоторыхъ государственныхъ преступниковъ. Вчера послѣдовало повелѣніе объ опредѣленіи на Кавказъ рядовыми: Нарышкина, Розена, Фохта, Лорера и Лихарева. Всѣ они были поселены въ Курганѣ. Это важный для нихъ шагъ и конечно большая милость. Одоевскаго также назначили на Кавказъ, но это по письму его къ вашему сіяельству, которое я представлялъ Государю.

24-го Іюня 1837.

15.

Сюда съѣзжаются теперь гражданскіе губернаторы, назначенные для совѣщанія относительно новаго управленія казенными крестьянами; Пещуровъ, Муравьевъ и Гамалей уже пріѣхали. Все люди умные, дѣльные и знающіе хорошо бытъ крестьянъ; слѣдовательно, можно надѣяться, что къ этому важному дѣлу будетъ приступлено съ должною осмотрительностію, съ надлежащимъ благоразуміемъ, не опрометчиво; иначе могли бы надѣлать тревоги. Казенные крестьяне народъ буйный, разгульный. При этихъ перемѣнахъ легко могутъ они быть вовлечены неблагонамѣренными людьми въ безпорядки. Генералъ Киселевъ человѣкъ умный, но не имѣетъ, я полагаю, основательныхъ свѣдѣній о внутреннемъ управленіи, и притомъ расположенъ, кажется,

---

*) Въ ваше отсутствіе вѣдомство наше начинаетъ портиться: мы начинаемъ быть крѣпки на руку. Я дѣлаю что̀ могу, но я значу слишкомъ мало и не имѣю рѣшительнаго голоса. Лица, окружающія Государя, заботливо стараются узнать, въ состояніи ли вы будете сопровождать его въ предстоящемъ путешествіи. Это многихъ занимаетъ; нѣкоторыя лица также интригуютъ, и я полагаю, что то лицо, котораго письмо къ вамъ здѣсь прилагается, принадлежитъ къ числу наиболѣе занятыхъ этимъ вопросомъ, вопреки кажущейся нѣсколько грубоватой его откровенности.

дѣйствовать быстро. А потому весьма полезно будетъ хладное противудѣйствіе назначенныхъ совѣщателей.

18-го Сентября 1837.

16.

(Безъ числа).

Во Вторникъ, 10-го сего Августа, по отходѣ уже почты въ Ревель, получены бумаги отъ Государя изъ Ковно, отъ 7-го Августа. Для выигранія времени къ исполненію Высочайшихъ повелѣній я рѣшился вскрыть пакетъ, на имя вашего сіятельства адресованный, и оказавшуюся въ немъ, въ числѣ прочихъ докладовъ, записку вашу съ собственноручными на ней Его Величества отмѣтками при семъ честь имѣю представить. Исполнительная бумага на счетъ бывшаго священника Романова, котораго Его Величество изволилъ повелѣть содержать отдѣльно, равномѣрно у сего представляется. Не знаю, не побраните-ли ваше сіятельство меня, что я вскрылъ пакетъ отъ Его Величества, и прошу вашего разрѣшенія, какъ на будущее время мнѣ въ подобныхъ случаяхъ поступать.

Сюда прибылъ изъ Симбирска подполковникъ корпуса жандармовъ Стоговъ. Я съ нимъ много говорилъ на счетъ донесеній его объ удѣльномъ управленіи, и долженъ признаться вашему сіятельству, что нахожу въ немъ человѣка по крайней мѣрѣ весьма благороднаго и начинаю сомнѣваться въ истинѣ всего того, чтò написалъ Перовскій. Разсказы Стогова тѣмъ болѣе еще убѣждаютъ меня въ точномъ существованіи многихъ злоупотребленій по удѣльному управленію въ Симбирской губерніи, что разсказы сіи во многомъ сходны съ тѣмъ, чтò мнѣ говорилъ Симбирскій губернаторъ Хомутовъ, съ тою разностію, что Хомутовъ гораздо воздержнѣе, а Стоговъ рѣшительнѣе и откровеннѣе изъяснялся. Онъ тотчасъ по прибытіи своемъ написалъ свое объясненіе противъ донесенія Перовскаго. Объясненія сего я не видалъ, но по словамъ его сужу, что оно должно быть разительно. Генералъ Дубельтъ вѣроятно съ нынѣшнею почтою ихъ вамъ представитъ. Вся эта суматоха вѣроятно будетъ имѣть ту пользу, что удѣльное начальство обратитъ еще большее вниманіе на своихъ чиновниковъ; но жаль того, что ваше сіятельство лишитесь, можетъ быть, хорошаго штабъ-офицера. Подполковникъ Стоговъ мнѣ говорилъ, что обстоятельства его никакъ не позволяютъ ему служить въ Вильнѣ, куда онъ нынѣ переведенъ, и что онъ по сей причинѣ вынужденъ будетъ, къ крайнему своему сожалѣнію, оставить корпусъ жандармовъ. Смѣю думать, что сохраненіе сего штабъ-офицера было бы для службы весьма полезно. Здѣсь носятся слухи, будто-бы князь Варшавскій ѣдетъ за границу и что на его мѣсто назначается графъ Толь.

СТРАННОЕ ОБВИНЕНІЕ.

Кто читалъ все, когда либо писанное мною о Кавказѣ и тамошнихъ дѣлахъ, вѣроятно не могъ не замѣтить, что я создалъ себѣ изъ поклоненія генералу Евдокимову нѣчто въ родѣ особаго культа. Съ 1851 года, когда я былъ переведенъ на службу въ Дагестанскій полкъ, гдѣ еще свѣжи были всѣ слѣды командованія полкомъ Николая Ивановича Евдокимова и гдѣ я засталъ двухъ близкихъ его родственниковъ, ставшихъ моими товарищами, личность его не переставала меня интересовать и возбуждать особое уваженіе, даже болѣе—удивленіе. Проведя самъ юношескіе годы въ горахъ, среди полудикихъ людей, наслушавшись разсказовъ о различныхъ происшествіяхъ самаго героически-воинственнаго характера, пропитавшись, нѣкоторымъ образомъ, всею дико-воинственною поэзіею Кавказа, я, само собою, не могъ не воспылать особымъ сочувствіемъ къ человѣку, подвиги котораго совершенно соотвѣтствовали моему юношески-восторженному настроенію. Когда же, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, судьба привела меня очутиться въ ближайшемъ подчиненіи этого самаго, заочно столь почитаемаго мною человѣка, когда въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, безразлучно находясь при немъ въ качествѣ исполнителя его приказаній, въ эпоху покоренія Чечни, я узналъ его вполнѣ, уже не какъ обыкновеннаго офицера, отличавшагося изумительною отвагою, смѣтливостью и находчивостью, а какъ генерала, двигающаго десятками тысячъ войскъ, выполняющаго главную задачу того времени на Кавказѣ: тогда мое поклоненіе ему стало незыблимымъ. Я выкапывалъ изъ архива все, что̀ могло дать матеріалъ для ознакомленія въ печати съ именемъ Евдокимова; въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ „Современникѣ", въ разныхъ газетахъ, въ той или другой формѣ, это имя стояло у меня на первомъ планѣ; я отстаивалъ его отъ нападокъ главнокомандовавшаго Головина, отъ не совсѣмъ правильныхъ отношеній генерала Фези; я изобличалъ сплетни и росказни по поводу проѣзда въ 1850 году покойнаго Государя по правому флангу Кавказской линіи; я по собственной инщіативѣ привѣтствовалъ гр. Евдокимова рѣчью, когда съ нимъ, уходившимъ на покой, прощались представители войскъ Кубанской области, и въ этой рѣчи, безъ льстивыхъ выраженій, очертилъ всю важность его заслугъ государству. Живя за границей и прочитавъ печальное извѣстіе о безвременной кончинѣ Николая Ивановича, я тотчасъ же напечаталъ въ издаваемой тогда г. Трубниковымъ большой политической газетѣ краткій некрологъ, въ которомъ, если не ошибаюсь, единственно я опять воздалъ дань великимъ заслугахъ покойнаго. Наконецъ, коснувшись въ моихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ болѣе подробно эпохи покоренія Кавказа и того значенія, какое въ этомъ отношеніи имѣлъ графъ Евдокимовъ, я прямо поставилъ его наряду съ княземъ Барятинскимъ, покорителемъ Кавказа и высказалъ, что государство должно ему поставить па-

мятникъ; при этомъ доставилъ въ редакцію „Русскаго Архива“ портретъ, снятый съ хранящейся у меня карточки съ своеручною подписью покойнаго *), все въ видахъ распространенія по Россіи извѣстности Евдокимова. И все это писалось или говорилось мною, когда я или вовсе не былъ подчиненнымъ Н. И. или онъ уже не служилъ, или отошелъ въ лучшій міръ.

Словомъ, какъ я сказалъ выше, поклоненіе г-лу Евдокимову составляло для меня нѣкоторымъ образомъ культъ, особую спеціальность. Въ Петербургѣ, когда мнѣ случалось попадать въ кругъ высокопоставленныхъ старыхъ Кавказцевъ, меня такъ и встрѣчали: „а, поклонникъ Евдокимова!“ Къ крайнему сожалѣнію, въ тѣже старыя времена на Кавказѣ, когда дѣйствовалъ Н. И. Евдокимовъ, а впослѣдствіи и по всей Россіи, утвердилась молва о небезупречныхъ распоряженіяхъ покойнаго въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ казенными расходами. О существованіи такой молвы знали всѣ—и власти, и подчиненные, и публика. Откуда взялась молва, на чемъ она была основана, почему именно въ отношеніи Ник. Ив. такъ настойчиво ее распространяли, положительно сказать нельзя; но всеобщая молва была, и никто этого опровергнуть не съумѣетъ, ибо сохранились достаточно вѣскія письменныя данныя, именно по поводу этой молвы,—не говоря о многихъ живыхъ еще современникахъ. Вотъ именно это обстоятельство и побудило меня, описывая великія дѣла и подвиги моего героя, упомянуть и о той слабой сторонѣ, о которой такъ много трубили, чтобы читатели моихъ писаній не сказали: „можно ли вѣрить человѣку, который хочетъ выставить какого-то ангела во плоти, безгрѣшнаго, святаго, совершенство? Выставить военнаго генерала, мірянина, нечуждаго—какъ всѣ люди на свѣтѣ—разныхъ слабостей, идеаломъ, вписать его чуть не въ житія святыхъ?...“ Но упомянулъ я объ этой молвѣ не какъ обвинитель, а болѣе какъ защитникъ. Я не отвергалъ вполнѣ, но отчасти сомнѣвался и приводилъ массу смягчающихъ обстоятельствъ, даже оправдывающихъ; я прямо и рѣзко ставилъ вопросъ: кто же не дѣлалъ того же въ тѣ времена, и почему такъ настойчиво на одного обрушиваться?

Пусть со вниманіемъ прочитавшій все мною писанное безпристрастно скажетъ: есть ли гдѣ нибудь тѣнь желанія обвинять, опорочить, унизить? Не напротивъ ли, не къ защитѣ ли отъ нападокъ, не съ упрекомъ ли къ нападающимъ, не къ восхваленію и возвеличенію ли все у меня направлено? Можетъ быть, я провинился въ томъ, что вскользь упомянулъ о нѣкоторомъ вредѣ вліянія родственныхъ сферъ покойнаго и—inde ira et lacrimae...

Вдругъ находится читатель, который считаетъ своею обязанностью „на старости лѣтъ взяться за перо“ (какая скромность со стороны человѣка, проведшаго всю жизнь съ перомъ въ рукахъ!) и выступить съ *защитою* графа Евдокимова *противъ меня* (?!) Состоящій по Кубанскому казачьему войску генералъ-маіоръ Кравцовъ, въ „Русской Старинѣ“ за Іюнь и Іюль 1886 г., что̀ называется, „обработалъ“ меня на славу.

---

*) Портретъ этотъ приложенъ къ 1-й книгѣ Р. Архива 1885 г.

Я ничего не имѣю противъ всякой полемики, противъ указанія ошибокъ, противъ опроверженія ложныхъ взглядовъ и т. д. Не ошибается никогда тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И какой бы ограниченный человѣкъ я ни былъ, все же непогрѣшимымъ считать себя не думаю. Нужно только, чтобы полемика не прибѣгала къ извращеніямъ смысла, къ подтасовкамъ и—это главное—по возможности держалась въ предѣлахъ приличія. Дѣло вовсе не въ „обработкѣ" литературнаго противника лично, въ инсинуаціяхъ на него, а въ опроверженіи писаннаго имъ, если оно ложно, въ доказательствѣ противнаго тому—что̀ онъ говоритъ. Я, по крайней мѣрѣ, всегда держался такихъ правилъ въ полемикѣ, не отступлю отъ нихъ и теперь и не послѣдую за г. Кравцовымъ въ его пріемахъ.

Г. Кравцовъ (см. стр. 564, Іюнь. „Р. Старина") говоритъ, что по прибытіи князя Барятинскаго осенью 1856 г. на Кавказъ, онъ вызвалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру ген. Евдокимова, и тамъ былъ рѣшенъ въ главныхъ чертахъ планъ *покоренія Кавказа*, при дѣятельномъ участіи Евдокимова. „Это признавали естественнымъ, такъ какъ Евдокимовъ зналъ *этотъ край* лучше, чѣмъ баронъ Врангель, командовавшій *въ немъ* войсками и присутствовавшій на совѣщаніи, да и самъ князь Барятинскій, а свѣтлый умъ Ник. Ивановича давно уже изучилъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны непріятеля, что̀ все было извѣстно князю Барятинскому."

Во всемъ этомъ періодѣ не вижу рѣшительно никакого смысла. Если рѣчь шла о планѣ покоренія Кавказа, то какъ же тутъ вяжется фраза „Евдокимовъ зналъ *тотъ* край лучше чѣмъ Врангель, командовавшій *въ немъ* войсками?" Развѣ Врангель командовалъ войсками всего Кавказа? Или, что̀ значитъ: да и самъ кн. Барятинскій, а свѣтлый умъ Ник. Ив. давно уже изучилъ и т. д.? Не понимаю. Можетъ быть крупная опечатка?

Я былъ тогда въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ съ ген. Евдокимовымъ и могу увѣрить г. Кравцова, что въ совѣщаніяхъ принималъ участіе командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ князь Григорій Дмитріевичъ Орбельянъ, а не баронъ Врангель, находившійся въ то время въ Петербургѣ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи. (Собственно Дагестанъ не менѣе Евдокимова хорошо былъ извѣстенъ и кн. Орбельяну, какъ очень долго, съ оберъ-офицерскихъ чиновъ, въ разныхъ должностяхъ тамъ прослужившему.) Само собою, на совѣщаніяхъ я не присутствовалъ, но очень хорошо помню слова Ник. Ивановича, что рѣшено прежде всего главныя дѣйствія вести на Лѣвомъ крылѣ, окончательно покорить Чечню и связать оконечности Дагестана съ Лѣвымъ крыломъ прочными сообщеніями. Все это было весьма важно и, при успѣшномъ исполненіи, приближало къ цѣли; но только весною 1857 г., когда князь Барятинскій посѣтилъ Лѣвое крыло и въ Аухѣ (опять же съ ген. Евдокимовымъ и кн. Орбельяномъ) имѣлъ совѣщаніе, были рѣшены дальнѣйшіе шаги въ наступленіи на Восточный Кавказъ съ трехъ сторонъ; хотя и тогда, до выполненія предположенныхъ приготовительныхъ задачъ, особенно до покоренія Чечни, едвали была возможность опредѣлить окончательный планъ покоренія Восточнаго Кавказа. Это была

задача гораздо болѣе сложная, вслѣдствіе единства власти Шамиля и сосѣдства мусульманскаго населенія, чѣмъ покореніе Западнаго Кавказа.

(На стр. 129. Іюль,) г-нъ Кравцовъ говоритъ: „Извѣстно на Кавказѣ всѣмъ, что на изъявленную въ 1859 году генералу Филипсону покорность Абадзеховъ, присягнувшихъ будто бы на вѣчное подданство и подписавшихся на присяжномъ листѣ, смотрѣли всѣ, *а въ томъ числѣ и кн. Барятинскій*, съ полнымъ недовѣріемъ. Напротивъ, г. Зиссерманъ, въ примѣчаніи своемъ на посмертныя Записки Филипсона, которыя поручала ему редакція „Архива" разсмотрѣть, какъ компетентному судьѣ Кавказскихъ дѣлъ (какое заблужденіе!), выразилъ мнѣніе, въ ущербъ своему благодѣтелю гр. Евдокимову, будто покореніемъ помянутаго народа достигнуты важные результаты на Кавказѣ, значительно облегчившіе его покореніе."

Во 1-хъ, никогда редакція „Русск. Архива" не передавала мнѣ на разсмотрѣніе Записокъ Филипсона; во 2-хъ, считаетъ ли меня редакція компетентнымъ въ Кавказскихъ дѣлахъ, не знаю: никогда объ этомъ ни съ кѣмъ не говорилъ, ничего объ этомъ не слышалъ. Въ 3-хъ, язвительное восклицаніе „какое заблужденіе!" принимаю съ полною покорностью предъ приговоромъ столь компетентнаго человѣка, какъ высокоуважаемый г. Кравцовъ, изучившій Кавказъ на громадномъ пространствѣ отъ Баталпашинска чрезъ Александровъ до Ставрополя и обратно. Въ 4-хъ, гдѣ это г. Кравцовъ вычиталъ, что я говорилъ о покореніи Филипсономъ Абадзеховъ? Предо мною лежитъ № 3 „Р. Архива" за 1884 годъ, гдѣ помѣщена моя замѣтка: „къ Запискамъ Г. И. Филипсона." Читаю и перечитываю, но ни единаго слова объ этомъ не нахожу. Я указалъ, напротивъ, на нѣсколько ошибокъ въ воспоминаніяхъ ген. Филипсона и вскользь, общими словами, упомянулъ, что кн. Барятинскій вынужденъ былъ передать покореніе Западнаго Кавказа въ энергическія руки гр. Евдокимова; ибо, при всемъ уваженіи къ ген. Филипсону, князь не могъ не видѣть, что весьма значительныя военныя средства, данныя ему въ 1860—1861 гг., не привели къ тѣмъ результатамъ, какихъ слѣдовало ожидать; но что тѣмъ не менѣе четырехлѣтнее командованіе г. Филипсона на Западномъ Кавказѣ было важнымъ подготовительнымъ періодомъ для окончательнаго покоренія Кавказа. Гдѣ же тутъ выражено мнѣніе въ *ущербъ* (!) моего *благодѣтеля* (!) о важныхъ результатахъ отъ изъявленія покорности Абадзехами? И что это за ущербъ? Какъ будто между Филипсономъ и Евдокимовымъ идетъ какое-то состязаніе, процесъ, о томъ кто покоритель Кавказа, и я выступаю въ роли судьи въ ущербъ одному, и въ прибыль другому!.. Каждому свое. Никто, никогда не думалъ приписывать ген. Филипсону роли покорителя Кавказа, менѣе всего самъ онъ приписывалъ себѣ что либо подобное; вездѣ и постоянно, напротивъ, приписываю я это гр. Евдокимову, а г. Кравцовъ, вообразивъ меня въ числѣ противниковъ Н. И., съумѣлъ прочитать въ моей замѣткѣ то, о чемъ тамъ и помина нѣтъ.

Я однако догадываюсь, какимъ образомъ г. Кравцовъ попалъ въ этотъ просакъ. Въ той же книгѣ „Р. Архива" есть другая замѣтка по поводу вос-

поминаній Г. И. Филипсона, въ которой между прочимъ говорится о важной заслугѣ его Кавказскому краю покореніемъ въ 1859 г. Абадзеховъ, что̀ и выражено въ рескриптѣ ему на орденъ Св. Александра Невскаго. Замѣтка эта совершенно неизвѣстнаго мнѣ автора и, къ тому же, вѣроятно не близко знакомаго съ Кавказомъ. Я никогда безъ полной подписи ничего въ журналахъ не печатаю. Еслибы г. Кравцовъ внимательнѣе читалъ эти, такъ непонравившіяся ему примѣчанія, то уже по одной крупной ошибкѣ, въ нихъ бросающейся въ глаза, долженъ бы видѣть, что я не могъ быть ихъ авторомъ: тамъ говорится и повторяется не разъ, что „въ 1859 г. покоренъ *Западный* Кавказъ, а Филипсонъ, какъ командующій войсками *Восточнаго*, составилъ проектъ о покореніи этой части „и проч. Не допускаю, чтобы г. Кравцовъ такъ далеко отвергалъ мою компетентность и полагалъ, что я даже не знаю гдѣ Восточный и гдѣ Западный Кавказъ и гдѣ командовалъ Филипсонъ. О важности значенія присяги Абадзеховъ я здѣсь распространяться не буду. Я самъ никогда подобнымъ присягамъ никакого значенія не придавалъ и такой взглядъ основывалъ на изученіи исторіи нашихъ многолѣтнихъ дѣйствій на Кавказѣ. Я зналъ, какъ почти наканунѣ общаго возстанія всего Дагестана въ 1843 году „многіе народы приняли присягу на вѣрность,“ какъ въ 1837 г., въ Тилитлѣ, даже самъ Шамиль принялъ такую присягу, и аманатовъ выдавали. Азіятцы покоряются не подписями на присяжныхъ листахъ ... Г. Кравцовъ, очевидно читавшій мною писанное, долженъ бы имѣть въ виду этотъ взглядъ мой и усумниться въ возможности съ моей стороны такихъ противорѣчій, еслибы онъ приступилъ къ своей статьѣ не съ заранѣе опредѣленною заднею мыслью „обработать“ во что бы ни-стало.

Однако при этомъ нельзя не сдѣлать нодого замѣчанія: во многихъ мѣстахъ г Кравцовъ ссылается на рескрипты и награды, какъ на неопровержимыя доказательства, подтверждающія его слова. Хорошо; нельзя же у такихъ актовъ отнимать значеніе. Но, въ такомъ случаѣ, почему же рескрипты и награды одному лицу служатъ доказательствомъ дѣйствительныхъ заслугъ, а для другаго они этого значенія не имѣютъ? Вѣдь генералу Филипсону въ рескриптѣ на орденъ Св. Александра Невскаго сказано, что это за покореніе Абадзеховъ и важныя заслуги, оказанныя Кавказскому краю. Вѣдь выходъ къ намъ Магометъ-Эмина, при изъявленіи покорности Абадзехами, и отправленіе его въ Петербургъ произвели тамъ немалый эфектъ и вызвали пожалованіе князю Барятинскому фельдмаршальскаго жезла; слѣдовательно, придавалось этому эпизоду, т. е. покорности Абадзеховъ, большое значеніе?..

Г. Кравцовъ находитъ вообще чѣмъ-то пошлымъ съ моей стороны основываться на бумажныхъ фактахъ; онъ самъ не держится такого пріема въ изложеніи событій, принадлежащихъ исторіи, и говоритъ, напримѣръ, рѣшительно, что на изъявленіе Абадзехами покорности въ 1859 году смотрѣли всѣ, *въ томъ числѣ и князь Барятинскій*, съ недовѣріемъ. Между тѣмъ князь, въ своемъ письмѣ къ Государю, отъ 28 Ноября 1859 г. изъ Тиф-

лиса, писалъ слѣдующее: „Я весьма счастливъ, имѣя возможность, предъ моимъ пріѣздомъ въ С.-Петербургъ, довести до свѣдѣнія Вашего Величества о *великомъ дѣлѣ*, совершившемся на Правомъ крылѣ Кавказа. Магометъ-Эминъ со своими Абадзехами, въ числѣ 100 т. душъ, покорились скипетру Вашему. Этотъ *великій успѣхъ* есть послѣдствіе хорошихъ распоряженій и неутомимаго усердія генералъ-лейтенанта Филипсона. По желанію Магометъ-Эмина быть осчастливленнымъ лично повергнуться къ стопамъ Вашего Величества, я отправляю его сейчасъ въ Петербургъ. Позволяю себѣ думать, что это *произведетъ чрезвычайный эфектъ между всѣми племенами Кавказа*; ибо хотя онъ не пользовался такою всемірною извѣстностью какъ Шамиль, однако *Кавказъ, Турція и наши западные друзья достаточно знакомы съ этимъ грознымъ именемъ.* Мнѣ нечего распространяться, какъ я счастливъ, имѣя возможность увѣрить сегодня Ваше Величество, что мы *приближаемся къ концу*, который самъ по себѣ уже обезсмертитъ Ваше царствованіе. Позволяю себѣ просить Ваше Величество о награжденіи ген. Филипсона орденомъ св. Александра Невскаго и не оставить подчиненныя ему войска безъ знаковъ Вашего благоволенія“ *).

Это было писано за годъ до назначенія графа Евдокимова на Правое крыло. Нужны ли послѣ этого коментаріи? Итакъ, по выводамъ г. Кравцова, всѣ, даже князь Барятинскій, не придавали присягѣ Абадзеховъ никакого значенія, а только я силился доказывать это въ ущербъ гр. Евдокимову; на дѣлѣ же происходитъ совершенно обратно: я не придавалъ этому особаго значенія и нигдѣ объ этомъ не упомянулъ; другіе же и князь Барятинскій называли это великимъ успѣхомъ, приближеніемъ конца...

(Стр. 130 Іюль.) Г. Кравцовъ говоритъ: „Подобно М. П. Ольшевскому, но гораздо рѣшительнѣе г. Зиссерманъ усиливается доказать мнимую основательность своихъ личныхъ разсужденій, клонящихся къ значительному умаленію заслугъ гр. Евдокимова (?!) тѣмъ, что будто бы онъ дѣйствовалъ при покореніи Западнаго Кавказа по какимъ-то „*старымъ*“ проектамъ, составленнымъ другими лицами еще *въ 1857 году* (1857—1862 около пяти лѣтъ, и уже старые?); что ни мысль о выселеніи Черкесовъ и колонизаціи этого края казаками, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленная, не принадлежала гр. Евдокимову, а что все это было выработано за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область. И это свое мнѣніе г. Зиссерманъ основываетъ главнымъ образомъ на изученіи какихъ-то бумажныхъ фактовъ, а не на живомъ дѣлѣ“. Въ подтвержденіе этого обвиненія г. Кравцовъ ссылается на мою Исторію Кабардинскаго полка, томъ 3, стр. 372 и 443.

Развертываю указанную 372 стр., а для большей ясности и 371-ю Исторіи Кабард. полка и читаю: „Дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ въ 1860 г. (по предположеніямъ кн. Барятинскаго, представленнымъ чрезъ военнаго министра Государю) должны были продолжаться *по тому же плану*, *какъ*

*) Переводъ съ Французскаго.

вообще въ послѣдніе годы; слѣдовало довершить казачье поселеніе между Кубанью и Бѣлой, упрочить передовыя линіи Бѣлорѣченскую и Адагумскую, для чего имѣть два отряда“. Это говорилъ я не какъ мое разсужденіе, а выписывалъ изъ представленія главнокомандующаго военному министру отъ 13-го Ноября 1859 года, и г. Кравцовъ укоряетъ меня, что я основываю свои мнѣнія на *какихъ-то* бумажныхъ фактахъ. Итакъ, представленія главнокомандующаго Государю *какіе-то* бумажные факты! Дальше, приводя невозможность предпринять что нибудь со стороны моря, вслѣдствіе слабости тогда нашихъ морскихъ силъ, я указываю на общеизвѣстныя Англо-турецкія интриги, на ихъ агентовъ и разныхъ авантюристовъ, усилившихъ свою дѣятельность на Восточномъ берегу Чернаго моря и снабжавшихъ горцевъ боевыми средствами, что̀ возбуждало среди этихъ легковѣрныхъ людей надежды на близкую помощь Европы. Это и было причиной гибели всего почти Черкескаго племени; ибо, не согласившись выселиться на плоскость подъ наше управленіе, они, послѣ страшныхъ потерь въ борьбѣ съ Русскими войсками, съ нуждою, тифомъ и оспой, припертые къ морю, рѣшились переселиться въ Турцію, гдѣ ихъ постигла ужасная судьба. Такимъ образомъ, враги Россіи оказали ей, противъ своего желанія, громадную услугу: избавили насъ отъ полумилліоннаго населенія, покорность котораго, въ теченіе еще многихъ лѣтъ, была бы весьма проблематической, требовала бы большихъ заботъ и расходовъ, и—самое важное—при первой войнѣ, въ которой Черное море оказалось бы въ рукахъ непріятеля, достаточно было высадки небольшаго иноземнаго десанта, чтобы возмутить Черкескія племена, что̀ легко могло отозваться и на Восточномъ Кавказѣ, и поставить насъ въ крайне-затруднительное положеніе. (Событія 1877 года вполнѣ оправдали подобныя опасенія, и хорошо, что на берегахъ Кубани не было этого полумиліона Черкесовъ...)

Въ виду подобной возможности, князь Барятинскій еще въ 1857 году представилъ Государю записку Д. А. Милютина о неизбѣжности занятія всего пространства Западнаго Кавказа, по обѣимъ сторонамъ хребта, вооруженнымъ казачьимъ населеніемъ, съ учрежденіемъ опорныхъ пунктовъ и обезпеченныхъ путей сообщенія; туземное же населеніе водворить на плодородныхъ мѣстахъ лѣваго берега Кубани, подъ надзоромъ и управленіемъ нашей администраціи. Записка эта, лично доложенная Государю Д. А. Милютинымъ, встрѣтила одобреніе Его Величества. Особый комитетъ, состоявшій изъ министровъ и весьма высокопоставленныхъ государственныхъ дѣятелей, разсматривалъ ее въ Петербургѣ, находилъ изложенныя въ ней мѣры полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и „не ставить ихъ въ отчаянное положеніе“. А г-нъ Кравцовъ презрительно называетъ такіе документы *какими-то* бумажными фактами!..

Итакъ, главная цѣль дѣйствій за Кубанью заключалась въ вынужденіи туземнаго населенія покориться и выходить на указываемыя ему мѣста, или же тѣснить его постепенно съ плоскости въ горы, заселяя остав-

ляемыя ими мѣста казачьими станицами; наконецъ, вытѣснить туземцевъ изъ горъ къ морю, а затѣмъ, если не пожелаютъ принять предложенныхъ условій, то оказать имъ помощь къ переселенію въ Турцію, а горную полосу и морской берегъ тоже занять подъ казачьи поселенія.

Само собою, близко знакомыя съ мѣстными условіями лица, стоявшія во главѣ Кавказскаго управленія, желали послѣдняго, т.-е. выселенія горцевъ въ Турцію, какъ единственнаго средства упрочить спокойное владѣніе Западнымъ Кавказомъ; но прямо это не высказывалось, въ виду такихъ взглядовъ, какіе выразились въ вышеприведенномъ мнѣніи комитета: „не ставить горцевъ въ отчаянное положеніе", и въ разныхъ высокогуманныхъ запискахъ, исходившихъ отъ нашего посольства въ Константинополѣ, отъ атамана Донскаго войска г-ла Хомутова, отъ графа Коцебу и другихъ лицъ. Все это препровождалось для соображенія къ кн. Барятинскому. Д. А. Милютинъ на каждый пунктъ обширныхъ записокъ дѣлалъ мѣткія, убѣдительныя поясненія, разбивавшія мечтательно-гуманныя разглагольствованія, въ виду неотложной государственной необходимости...

Эти записки, предположенія, соображенія и рѣшенія происходили въ 1857—58 гг. когда генералъ Евдокимовъ былъ начальникомъ войскъ Лѣваго крыла и усиленно работалъ надъ покореніемъ Чечни; когда еще нельзя было опредѣлить времени покоренія Восточнаго Кавказа и никому въ голову не приходила мысль о переводѣ Николая Ивановича на Правое крыло; поэтому, никто къ нему по дѣламъ Западнаго Кавказа не относился. Имѣлъ-ли я послѣ этого основаніе сказать, что ни мысль о выселеніи Черкесовъ и о колонизаціи всего края казаками, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, не принадлежали ему, ибо были выработаны за нѣсколько лѣтъ до его назначенія главнымъ начальникомъ Кубанскаго края? Да и сказалъ я это больше съ цѣлью оправдать покойнаго графа Евдокимова отъ обвиненій въ жестокомъ безсердечіи, въ чемъ его упрекали не только заграничныя газеты, не только разныя высокопоставленныя лица за глаза, но и въ глаза, въ бытность его въ 1864 году въ столицѣ. (Это ясно высказано мною на стр. 372 Исторіи Кабардинскаго полка, но г-нъ Кравцовъ объ этомъ умалчиваетъ).

Конечно, никто не станетъ спорить, что отъ наилучшихъ плановъ до дѣйствительнаго ихъ осуществленія еще очень далеко, и потому-то я и говорилъ, что „князь Барятинскій вынужденъ былъ передать дѣло покоренія Западнаго Кавказа въ энергическія руки геніальнаго исполнителя и организатора всѣхъ подробностей этого плана; что заслуга графа Евдокимова предъ государствомъ по истинѣ велика и Русская исторія должна считать своею обязанностью не забывать имени Евдокимова на тѣхъ своихъ страницахъ, которыя будутъ повѣствовать о покореніи Кавказа".

И вдругъ г-нъ Кравцовъ все это считаетъ съ моей стороны умаленіемъ заслугъ графа Евдокимова, ущербомъ его славѣ! Какъ будто его заслуги, его слава, сами по себѣ такъ ничтожны, что ихъ необходимо искусственно увеличивать, приписывая ему то, что̀ было предположеніемъ дру-

гихъ? Удивительный пріемъ!.. Я достаточно зналъ покойнаго графа Николая Ивановича и могу увѣрить г-на Кравцова, что онъ вовсе не поблагодарилъ бы его за такое излишнее рвеніе.

Эпизодъ о переселеніи казаковъ цѣлыми полками на передовыя линіи и о возникшихъ по этому случаю волненіяхъ среди Хоперскихъ и бывшихъ Черноморскихъ казаковъ, разсказанъ г-мъ Кравцовымъ не совсѣмъ такъ, какъ это было; но говорить объ этомъ теперь еще не время.

На стр. 131-й г-нъ Кравцовъ указываетъ на происходящую якобы въ моихъ доказательствахъ путаницу, потому что я мысль о колонизаціи Западнаго Кавказа казаками не приписывалъ графу Евдокимову, а между тѣмъ говорилъ, что проектъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ графомъ въ 1860 году и доложенъ лично князю Барятинскому въ Тифлисѣ. „Путаница эта", прибавляетъ язвительно г-нъ Кравцовъ, „произошла отъ того, что все это составляетъ не болѣе, какъ вымыселъ автора".

Никакой путаницы у меня нѣтъ. Что *мысль* о выселеніи Черкесовъ и заселеніи казаками была выражена и одобрена еще въ 1857 году, уже достаточно ясно указано выше; а что *проектъ положенія о переселеніи казаковъ* былъ составленъ графомъ Евдокимовымъ и доложенъ князю Барятинскому въ Февралѣ или Мартѣ 1861 года (не *1860*, это простая опечатка) совершенно вѣрно. Дѣло въ томъ, что г-нъ Кравцовъ смѣшиваетъ двѣ совершенно разныя вещи: *идею съ положеніемъ* о приведеніи ея въ исполненіе, а тутъ разница большая. Мысль, идея, можетъ выразиться въ нѣсколькихъ словахъ; когда же она получитъ санкцію той высшей власти, отъ которой зависитъ разрѣшить ея исполненіе, тогда составляется проектъ положенія, какъ привести ее въ исполненіе, разработываются подробности, указанія и руководства для исполнителей. Напримѣръ, генералъ Муравьевъ имѣлъ предположеніе выселить всѣхъ Чеченцевъ на Манычъ. Еслибы эта мысль встрѣтила одобреніе Государя и ее повелѣно было бы привести въ исполненіе, хотя бы и г-лу Евдокимову, то, само собою, послѣдній составилъ бы предварительно положеніе объ этомъ, по утвержденіи котораго и приступилъ бы къ исполненію; но самая мысль все-таки осталась бы Муравьевскою, а не Евдокимовскою, и ничуть не умаляла бы заслугъ исполнителя. Тоже случилось и здѣсь: мысль о вытѣсненіи горцевъ Западнаго Кавказа и заселеніи казаками была проведена до назначенія графа Евдокимова на Правое крыло. Какъ человѣкъ умный, отлично знавшій Кавказъ, онъ, само собою, раздѣлялъ этотъ взглядъ и на совѣщаніяхъ во Владикавказѣ, осенью 1860 года, прямо поставилъ вопросъ о вытѣсненіи горцевъ въ Турцію, вмѣсто маскированнаго предположенія о выселеніи ихъ на плоскость. Кн. Барятинскій, въ душѣ желавшій того же, въ виду вышеприведенныхъ Петербургскихъ взглядовъ, не могъ прямо приказывать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, но развязалъ гр. Евдокимову руки, увѣренный, что при предстоявшей поѣздкѣ въ Петербургъ съумѣетъ убѣдить Государя въ неизбѣжности такой системы, тѣмъ болѣе, что на добровольное соглашеніе горцевъ выселиться на плоскость не имѣлось почти надежды.

Приступивъ къ исполненію этого дѣла, графъ Евдокимовъ поручилъ составленіе положенія о заселеніи Закубанскаго края своему начальнику штаба, генералу Забудскому и докладывалъ его, какъ выше сказано, въ Тифлисѣ князю Барятинскому, весною 1861 года. Это я говорю положительно, ибо былъ тогда въ Тифлисѣ, нѣсколько разъ заходилъ въ Европейскую гостинницу, гдѣ останавливался графъ, и заставалъ за работой начальника его походной канцеляріи Грачева, который, на мой вопросъ, что это онъ такъ усердно пишетъ, отвѣчалъ: вотъ все возимся съ передѣлкой положенія о переселеніи казаковъ, съ правилами вознагражденія ихъ за оставляемые въ старыхъ станицахъ сады, мельницы и проч.—Вслѣдъ затѣмъ графъ Евдокимовъ уѣхалъ въ Ставрополь, князь Барятинскій больной за границу; а между тѣмъ произошли извѣстныя волненія казаковъ, вызвавшія рескриптъ Государя на имя графа Евдокимова и новое положеніе о переселеніи казаковъ уже не цѣлыми полками, а на другихъ основаніяхъ.

Гдѣ же тутъ путаница или вымыселъ съ моей стороны?

Г-нъ Кравцовъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ, что заселеніе казаками происходило отъ временъ Іоанна Грознаго и ничего новаго въ себѣ не заключало. Совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что прежде дѣлалось это постепенно, десятками лѣтъ, по мѣрѣ занятія нами мѣстъ и ухода горцевъ на другія, гдѣ они еще могли найти пропитаніе и гдѣ они наконецъ осѣлись; а тутъ нужно было въ кратчайшій срокъ вытѣснить къ морю полумилліонное населеніе и водворить 150 тыс. казаковъ и Русскихъ крестьянъ, частью въ мѣстностяхъ, несвойственныхъ привычкамъ Русскаго человѣка; нужно было разбить укоренившееся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ убѣжденіе въ необходимости лишь покорить Черкесовъ, а не выгнать совсѣмъ... Это и было главною мыслью записки Д. А. Милютина, основанной на извѣстномъ предположеніи генерала Вельяминова, записки, которую г-нъ Кравцовъ причисляетъ къ разряду разныхъ пустыхъ проектовъ покоренія Кавказа и совѣтуетъ объ нихъ лучше помолчать!..

Г-нъ Кравцовъ бросаетъ въ меня обвиненіемъ, что я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ назвалъ графа Евдокимова „хамомъ, кантонистомъ“ и т. п. и въ доказательство приводитъ выписку изъ написаннаго мною въ „Р. Архивѣ“.

Откровенно признаюсь, ничѣмъ г-нъ Кравцовъ въ своей статьѣ меня не оскорбилъ, хотя желаніе къ этому проглядываетъ тамъ съ достаточною ясностью, только однимъ этимъ обвиненіемъ. Даже со стороны г-на Кравцова не ожидалъ я такого извращенія смысла моихъ словъ! Ни одинъ грамотный человѣкъ, прочитавъ написанное мною объ графѣ Евдокимовѣ, не откажется подтвердить, что это обвиненіе просто клевета. Нужно только читать безъ всякой задней мысли и не выхватывать словъ по желанію.

Вотъ мои слова (стр. 98 „Р. Арх.“, кн. I, 1885): „Чему же приписать такія злорадно враждебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Во-первыхъ, низкое происхожденіе, „выскочка“, что почти никогда не прощается людямъ, особенно если они своими талантами выдаются изъ толпы. Въ человѣчествѣ, чтобы тамъ ни говорили, дурныя стороны преобладаютъ надъ

хорошими, и зависть, злорадство, готовность нагадить ближнему, ради собственнаго мелкаго дряннаго интереса пренебречь крупными, общественными—были и будутъ всегда царить. Поэтому и Евдокимову—„кантонисту, хаму", не прощались ни его превосходительный титулъ, ни его извѣстность. Даже въ Петербургѣ, когда онъ въ первый разъ, въ 1864 году, поѣхалъ туда, былъ обласканъ покойнымъ Государемъ, дежурилъ у него и пр., высокопоставленныя придворныя лица не могли воздержаться отъ запусканія шпилекъ". Далѣе слѣдуетъ разсказъ о подобныхъ шпилькахъ, разсказъ, основанный на словахъ самого покойнаго графа, передавшаго мнѣ и еще нѣкоторыя, но ненапечатанныя мною по независящимъ обстоятельствамъ.

Если вышеприведенныя мною слова привести въ связь со всѣмъ, написаннымъ на нѣсколькихъ страницахъ прежде (стр. 80—98 „Р. Арх." I. 1885), не говоря вообще о писанномъ въ разныхъ изданіяхъ и Исторіи Кабардинскаго полка, то всякому станетъ ясно, что слова: „кантонисту, хаму, выскочкѣ", принадлежатъ не мнѣ, а той враждебной Евдокимову кликѣ, бывшей къ нему въ злорадно враждебныхъ отношеніяхъ, къ которой я обращался съ вопросомъ, чему приписать такія отношенія, и въ укоръ имъ бросалъ эти грубыя слова.

Г-нъ Кравцовъ не могъ не понимать этаго: онъ вѣдь самъ говоритъ, что у графа Евдокимова было много враговъ. Что же, по его мнѣнію, эти враги величали графа нѣжно, похвальными словами? Понятно, злорадство, зависть тѣмъ и выражались, что подобные эпитеты слѣдовали рядомъ съ именемъ человѣка, къ которому относились враждебно. Такъ всегда бывало и такъ будетъ, пока существуетъ человѣчество съ его недостатками и страстями. Вотъ, напримѣръ, г-нъ Кравцовъ, повидимому не принадлежащій къ моимъ друзьямъ, ка̀къ говоритъ онъ въ кругу своихъ знакомыхъ, безъ стѣсненія, обо мнѣ? Воображаю! Даже для печати онъ очевидно не поскупился въ этомъ отношеніи, такъ что почтенная редакція „Русской Старины" сочла за лучшее пропустить цѣлыя страницы... Очень можетъ быть, что г-нъ Кравцовъ скажетъ: если такъ, то нужно было эти слова: „хамъ, кантонистъ", обозначить ковычками. Они у меня въ рукописи и были, также, какъ и надъ словомъ „выскочка"; а отсутствіе ихъ въ печати есть простой корректурный пропускъ. Но это и значенія не имѣетъ; ибо всякій безпристрастный читатель и такъ не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ смыслѣ.

Еще примѣръ. Я говорю: „еслибы, благодаря графу Евдокимову, война сократилась даже только на одинъ годъ, то и тогда" и т. д. А г-нъ Кравцовъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „нѣтъ, г-нъ Зиссерманъ, не на одинъ годъ, а на десять лѣтъ" и т. д. Успокойтесь, пожалуйста, я пойду дальше васъ: еслибы въ 1856 году князь Барятинскій не былъ назначенъ главнокомандующимъ, еслибы онъ не избралъ своимъ главнымъ помощникомъ графа Евдокимова, то, кто знаетъ, можетъ быть мы и теперь еще воевали бы на Кавказѣ. Но зачѣмъ же извращать чужія слова!

Я коснулся вопроса о памятникѣ графу Евдокимову на мѣстахъ его главной дѣятельности, т.-е. въ Веденѣ или Грозной; а г-нъ Кравцовъ на-

ходитъ умѣстнѣе ставить памятникъ въ Пятигорскѣ, потому что это центральный пунктъ, и тамъ бываетъ большой съѣздъ. Не могу съ этимъ согласиться. Мало-ли гдѣ бываетъ большой съѣздъ! Скорѣе всего во Владикавказѣ, самое названіе котораго соотвѣтствуетъ постановкѣ памятника человѣку, осуществившему главнѣйшимъ образомъ дѣйствительное владѣніе Кавказомъ. Притомъ же Владикавказъ областной городъ, на рельсовомъ сообщеніи Россіи съ Закавказьемъ, городъ съ большою будущностью.

Я упомянулъ о памятникѣ на могилѣ графа Евдокимова въ Пятигорскѣ и находилъ его хотя и дорогимъ, но не совсѣмъ удачнымъ: закрытая часовня, весьма мало замѣтная, въ которую не всегда можно проникнуть; бюстъ же, въ ней поставленный, очень мало схожъ съ покойнымъ. Я желалъ бы, чтобы памятникъ обращалъ на себя больше вниманія, чтобы пріѣзжіе военные люди спрашивали и узнавали, какъ этотъ человѣкъ своими великими заслугами достигъ высшихъ степеней и проч. Г-ну Кравцову это не понравилось, и онъ заявляетъ, что я, какъ лютеранинъ, не могу понимать, какіе памятники ставятся православнымъ людямъ. Итакъ, чтобы судить о сходствѣ бюста или красотѣ памятника, нужно принадлежать къ извѣстному исповѣданію. Теорія новая: примемъ ее къ свѣдѣнію.

Г-нъ Кравцовъ выступилъ также защитникомъ всѣхъ командировъ военныхъ частей былаго времени (кромѣ меня, конечно) и очень кстати привелъ въ доказательство много *живыхъ* высокопоставленныхъ, начальствующихъ лицъ. На эту тему я ни въ какую полемику входить не намѣренъ и остаюсь при своемъ мнѣніи. Что же касается всего, лично до меня относящагося, то ограничусь нѣсколькими словами: мы съ г-мъ Кравцовымъ такіе незначительные люди, что ни современники, ни тѣмъ паче потомство нами интересоваться не могутъ, и потому, гдѣ рѣчь идетъ о лицахъ историческихъ, намъ перемывкою своего грязнаго бѣлья (а у кого же его нѣтъ?) заниматься не приходится.... Dixi et animam levavi.

А. Зиссерманъ.

Октябрь 1886.

ПОПРАВКИ И МЕЛОЧИ.

1.

Въ 8-мъ выпускѣ Русскаго Архива, нынѣшняго года, г-нъ Кедровъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя выраженія въ Сказаніи Авраамія Палицына теперь непонятны, и между прочимъ на стр. 519 пишетъ, что изъ лавры отправлены были три мниха, подъ двѣми лошади кари, а подъ третьимъ стреката. Послѣднее слово напечатано курсивомъ; очевидно г. Кедровъ считаетъ это слово устарѣвшимъ и непонятнымъ. Между тѣмъ это названіе сохранилось и доселѣ: стрекатою лошадью называется родъ пѣгихъ лошадей, гдѣ мелкія пятна густо разсѣяны по бѣлой шерсти.

Николай Палибинъ.

Тифлисъ.

2.

На стр. 217 (въ 10-й кн. Р. Архива 1886) въ строкѣ 21-й сверху пропущены слова: „Для Европейскихъ правительствъ“.

3.

Извѣстный писатель, авторъ прекрасной книги „Плѣнницы у Шамиля“ Евграфъ Алексѣевичъ Вердеревскій въ послѣдніе годы жизни страдалъ умопомѣшательствомъ. Пришло извѣстіе о смерти любимой его невѣстки, молодой, даровитой женщины. Услыхавъ о томъ, несчастный поэтъ вдругъ очнулся и произнесъ:

Однимъ цвѣткомъ земля біднѣе стала,
Одной звѣздой богаче небеса.

и вслѣдъ за тѣмъ впалъ въ прежнее состояніе.

4.

Недавно скончавшійся графъ Бейстъ пользовался нѣкогда громкою извѣстностью, будучи *Саксонскимъ* министромъ. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ въ дѣйствіяхъ Бейста видѣлъ довольно легкомыслія. Объ этомъ говорили въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ послѣ обѣда. Кто-то, принимая кофейную чашку отличнаго Саксонскаго фарфора, сталъ любоваться ея легкостью. En fait de Saxe léger il n'y a que Beist, замѣтилъ Тютчевъ. (По части Саксонской легкости нѣтъ выше Бейста).

5.

Спросили Пушкина на одномъ вечерѣ про барыню, съ которой онъ долго разговаривалъ, какъ онъ ее находитъ, умна ли она?—„Не знаю“ отвѣчалъ Пушкинъ очень строго и безъ желанія поострить (въ чемъ онъ бывалъ грѣшенъ): вѣдь я съ ней говорилъ по-французски“.

6.

Въ шестидесятыхъ годахъ, во время одного изъ студенческихъ волненій въ Московскомъ университетѣ, студенты цѣлою толпою двинулись на Тверскую площадь предъявлять свои жалобы генералъ-губернатору П. А. Тучкову. Ихъ провожало множество народа запрудившаго и улицу, и площадь. По улицѣ ѣхалъ извѣстный писатель Н. Ф. Павловъ въ открытой пролеткѣ, держа въ рукахъ свою великолѣпную палку съ огромнымъ набалдашникомъ, по обыкновенію важный и чопорно-прибранный. Ѣхать дальше сдѣлалось невозможно за многолюдствомъ. Подходитъ къ Павлову какая-то старушка. „Кого это, батюшка, хоронятъ?“—„Науку, матушка, науку“, отвѣчаетъ Павловъ, кивая величавою головою.—„Царство ей небесное!“ умильно говоритъ старушка и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

скаго къ А. Н. Попову.—Къ біографіи В. М. Ундольскаго. Записка его матери.—Сто восемьдесятъ писемъ **императрицы Екатерины Великой** къ фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову. 1762—1771. Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями.—Записка **императрицы Екатерины Великой** о Рославльскомъ конномъ полку или о Рязанскихъ драгунахъ.—Письмо **императрицы Екатерины Великой** къ графу Сенъ-При. 1791.—Черновые собственноручные наброски **императрицы Екатерины Великой**, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ: а) проектъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ; б) о направленіи своей дѣятельности; в) опытъ перевода Иліады; г) характеристика Русскаго человѣка.—Два рескрипта **императрицы Екатерины Великой** къ фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову 1762 года, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками съ приложеніями.—Изъ стихотворнаго сборника стараго времени: 1) Посланіе **М. А. Максимовича** къ М. П. Погодину. 2) Посланіе **Н. М. Языкова** къ **А. С. Хомякову**. 3) Одно изъ послѣднихъ неизданныхъ стихотвореній **А. С. Пушкина**.—Замѣтки, дополненія и поправки.—Изъ Записокъ **Ю. Н. Бартенева**.—Еще изъ воспоминаній **А. С. Гангеблова**: I. Письмо къ издателю „Русскаго Архива". II. Свѣдѣнія о дѣдѣ и родителѣ. III. Изъ памяти. (Пажи въ царствованіе Александра Павловича).—Драгоманъ, его значеніе и воспитаніе. Изъ Записокъ стараго дипломата.—Люди и дѣла давно минувшихъ дней: Константинъ Павловичъ Пауловичъ. II. Иванъ Николаевичъ Шидловскій. Изъ стихотвореній И. Н. Шидловскаго. III. Сергѣй Михайловичъ Карповъ. IV. Ссора сосѣдей. V. Сдача рекрута. VI. Избранныя слова. **Н. А. Рѣшетова**.—Изъ писемъ **Ивана Дмитріевича Бѣляева** къ **А. Н. Попову**.—Замѣтки по поводу писемъ Императрицы Екатерины Великой къ графу П. С. Салтыкову. **Д. Ѳ. К.**—Происхожденіе Медоксовъ, два опроверженія **К. П. Медокса**.—Анекдоты о генералѣ Ѳедоренкѣ. **Теобальда**.—Надпись на колоннѣ въ городѣ Ригѣ въ память 1812—1814 годовъ.—Библіографическая замѣтка (о происхожденіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дворянъ).—Острословіе **И. П. Мятлева**.—Стихотвореніе **С. А. Соболевскаго** на Общество Любителей Россійской Словесности. 1859.

Годовая цѣна «Русскаго Архива» 1886 года съ пересылкою—**девять** рублей.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ НЕКРОПОЛЬ

или

СПРАВОЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ

(XVII и XVIII вѣковъ) по надгробнымъ надписямъ Петербургскихъ кладбищъ.

Составилъ **В. И. Саитовъ**.

М. 1883. Цѣна **ОДИНЪ** рубль, вѣсовыхъ за одинъ фунтъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ

(1842—1867).

Записки А. Л. Зиссермана.

Два тома. Цѣна за оба тома **3** р. **50** к. съ пересылкою **4** р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ, **двѣнадцать разъ** въ годъ, книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая, составляющими три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884, 1885 и 1886 получаются тамъ же, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву" за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается тамъ же по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

12.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1887 г. **РУССКОЕ ДѢЛО** Годъ 2-й.

выходящую БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Ко второму году изданія „Русскаго Дѣла“ его положеніе и задачи, кажется намъ, достаточно опредѣлились. Сотрудникъ и помощникъ покойнаго И. С. Аксакова, выступившій съ прямымъ и часто рѣзкимъ словомъ *правды* и ставшій въ самое независимое положеніе относительно всякихъ партій и теченій, не могъ встрѣтить ничего, кромѣ молчаливой злобы, почти ненависти, со стороны газетныхъ главарей, воображающихъ себя руководителями общественнаго мнѣнія. Но за то на его долю выпали горячія симпатіи тѣхъ, кто истомился духомъ среди газетной лжи и кривляній, кто гордую вѣру, независимость и прямоту *русской* мысли ставитъ выше всего. Для тѣхъ да раздается наше слово!

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ доставкой и пересылкой.	Безъ доставки.
За годъ	8 р.	7 р.
За полгода . .	5 р.	4 р.

Подписавшіеся до 1-го Января 1887 года получатъ *безплатно* книгу въ 20 печатныхъ листовъ „Московскій Сборникъ“, которая выйдетъ въ свѣтъ въ Декабрѣ.

Адресъ редакціи и конторы: **Москва, Большая Дмитровка, д. Солодовникова.**

Редакторъ-издатель
Сергѣй ШАРАПОВЪ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1819-й годъ.

1-го Января Я провелъ вечеръ на балѣ у Алексѣя Петровича. Балъ былъ довольно пышный. Всего мнѣ больше на ономъ понравились Грузинки, которыя удивили меня несказанною красотою своей.

2-го я обѣдалъ у Алексѣя Петровича и послѣ обѣда сидѣлъ у него до шести часовъ вечера въ кабинетѣ. Мы разговаривали очень долго о новыхъ колонистахъ, которые сюда прибыли, о ереси ихъ и о безпечности сихъ людей, о преимуществахъ, которыхъ они требуютъ и какимъ образомъ Государь принялъ ихъ. Алексѣй Петровичъ былъ очень любезенъ и ласковъ; онъ далъ мнѣ новыя книги на счетъ Арменіи, привезенныя ему изъ Парижа.

4-го я занимался все утро сдачею дѣлъ Верховскому.

11-го я былъ у Алексѣя Петровича, который говорилъ очень долго о раздѣленіи Польши съ такимъ краснорѣчіемъ и съ такими познаніями, что мы всѣ удивлялись и заслушались его. Грибоѣдовъ продѣлываетъ съ нимъ всѣ тѣже самыя штуки, которыя онъ со мной дѣлалъ и надуваетъ Алексѣя Петровича, который вѣрно полагаетъ (въ немъ) пространныя и глубокія свѣдѣнія. Грибоѣдовъ уменъ и умѣетъ такъ осторожно дѣйствовать, что всѣ рѣчи его двусмысленны, и онъ тогда только даетъ утвердительное мнѣніе свое, когда Алексѣй Петровичъ свое скажетъ, такъ что никогда ему не противорѣчитъ и повторяетъ слова Алексѣя Петровича: всѣ думаютъ, что онъ прежде тотъ предметъ также хорошо зналъ. Я уже былъ надутъ имъ и видѣлъ ходъ его дѣйствій.

16-го. Мнѣ кажется, Грибоѣдовъ придирается ко мнѣ, и что у насъ не обойдется ладно. Вчера обѣдалъ я въ трактирѣ, и Грибоѣдовъ

---

*) См. выше, стр. 289.

тоже. Пришелъ туда тотъ самый толстый Степановъ, съ которымъ я разъ видѣлся на его квартирѣ и который отказался отъ своихъ словъ и просилъ извиненія. Грибоѣдовъ не зналъ его. Увидя его, онъ спросилъ меня, та ли это особа, про которую прежде говорено было и которой я побоялся. Какъ побоялся, сказалъ я; кого я буду бояться? —Да его наружность страшна.—Она можетъ быть страшна для васъ, но совсѣмъ не для меня. Меня очень разсердило сіе маленькое происшествіе. Я дождался, пока Степановъ ушелъ и потомъ, подозвавъ къ себѣ Амбургера, спросилъ у него громко при всѣхъ, слышалъ-ли онъ сужденіе Грибоѣдова, который находитъ наружность Степанова грозною? Грибоѣдовъ нѣсколько потерялся и не умѣлъ иначе поправиться, какъ сказавъ, что онъ ее грозною потому находитъ, что Степановъ громаденъ. Тѣмъ и кончилось. Грибоѣдовъ почувствовалъ свою ошибку и все вертѣлся около меня.

18-го. Вчера я получилъ благодарность въ приказахъ отъ Алексѣя Петровича за искусное расположеніе войскъ на границѣ Персіи для удержанія кочующихъ народовъ и доставленіе нужныхъ замѣчаній.

22-го я обѣдалъ у Алексѣя Петровича. Грибоѣдовъ отличался глупѣйшею лестью и враками. Я не понимаю, какъ Алексѣй Петровичъ можетъ такъ долго ошибаться въ немъ. Онъ, кажется, къ нему еще очень хорошо расположенъ, и мнѣ кажется сіе за счастіе, что Грибоѣдовъ не остается въ Тифлисѣ, а уѣзжаетъ съ Мазаровичемъ.

28-го. Уѣхалъ отсюда съ Мазаровичемъ въ Персію къ великому удовольствію всѣхъ Грибоѣдовъ, который умѣлъ заслужить всеобщую нелюбовь. Мнѣ кажется, однакоже, что Алексѣй Петровичъ не ошибся на его счетъ. Онъ препоручилъ Грибоѣдову сдѣлать описаніе случившемуся здѣсь землетрясенію для помѣщенія онаго въ вѣдомости. Грибоѣдовъ написалъ ужасную штуку: Куринскіе льды съ ревомъ поколебались, треснули и стремились къ пучинѣ; тутъ былъ и громъ, и трескъ, и стукъ, и страхъ, и разбѣжавшіеся жители, и опустѣлый городъ; землетрясеніе пять минутъ продолжалось и пр. пр. пр , и все написано такъ лживо и такъ нескладно, что было больше похоже на *силлогизмъ человѣческаго преслѣдованія.* Я узналъ, что Алексѣй Петровичъ премного его благодарилъ за сіе и расхваливалъ его; по отъѣздѣ же Грибоѣдова онъ приказалъ Могилевскому пересочинить все сіе съизнова.

29-го. Вчера Якубовичъ просилъ меня прочесть ему описаніе моихъ собственныхъ приключеній и, лежа въ постелѣ, я ему первую часть прочелъ, пропуская въ оной тѣ мѣста, которыя относились до описанія нравовъ и до моихъ занимательныхъ происшествій, кои должны быть въ тайнѣ содержимы.

11-го Февраля. Послѣ обѣда былъ у меня новый Турецкій учитель Алаверди и далъ мнѣ первый урокъ.

Ввечеру былъ я на балѣ, который давалъ генералъ-маіоръ Древнякинъ и познакомился тамъ со вновь пріѣхавшимъ полковникомъ командиромъ 15-го егерскаго полка Пузыревскимъ.

15-го. Увидясь съ П. Н. Ермоловымъ, я упрекнулъ ему въ одномъ поступкѣ его. По возвращеніи изъ посольства онъ получилъ отъ меня записки, веденныя обществомъ, давъ мнѣ честное слово, что никто оныя не увидитъ. Я знаю людей, которымъ онъ давалъ читать; но что̀ всего непріятнѣе для меня это, что на дняхъ онъ далъ Алексѣю Петровичу описаніе Персидской конницы для отсылки оной Государю при описаніи пѣхоты, сдѣланномъ Петромъ Николаевичемъ. Всего лучше, что Петръ Николаевичъ самъ объявляетъ мнѣ сіе съ радостію; но когда я ему представилъ, что онъ не долженъ былъ своего слова нарушать, онъ же еще на меня разсердился, говоря, что я еще буду долго трудиться и все втунѣ, потому что во всѣхъ журналахъ о Персіи печатаютъ. Я не боюсь этихъ пустыхъ листовъ, потому, что я цѣлую книгу пишу и еслибъ она и черезъ четыре года кончилась, то ее никакъ не могутъ затмить отрывки въ журналахъ; но мнѣ чрезвычайно прискорбно видѣть труды свои пропадающими отъ того, что Петръ Николаевичъ распоряжается чужимъ и не сдерживаетъ слова своего. Онъ на меня разсердился и обѣщался мнѣ все назадъ прислать.

26-го. Начали мы съ Верховскимъ сравнивать нынѣшнее правленіе въ Грузіи съ предыдущимъ правленіемъ Ртищева, про которое теперь такъ много кричатъ и ругаются, называя однако самого Ртищева добрымъ человѣкомъ и обвиняя только окружавшихъ его, которые брали взятки. Я представилъ Верховскому слѣдующее: отдавая полную справедливость великимъ качествамъ Алексѣя Петровича, я увѣренъ, что по отъѣздѣ его будутъ еще хуже про его правленіе въ Грузіи говорить, чѣмъ про Ртищева, когда даже и теперь всѣ осмѣливаются жаловаться и роптать. Жители города Тифлиса угнетены ужаснымъ образомъ, самымъ низкимъ изъ людей, полицеймейстеромъ Кахановымъ. Онъ явныхъ взятокъ не беретъ, но имѣетъ другія средства, освобождая отъ постоя тѣхъ, которымъ постой слѣдуетъ, за то единственно, что̀ они ему предлагаютъ и если не платятъ ему явно денегъ, то откупились тѣмъ, что выстроили ему домъ. У бѣдныхъ людей отнимаются земли для расширенія улицы, а напротивъ живущаго богатаго не трогаютъ. Нищихъ, имѣющихъ едва убѣжище въ землянкѣ, заставляютъ выстраивать двухъ-этажные дома, дабы тѣмъ показать стараніе свое главнокомандующему въ обстраиваніи города,

между тѣмъ какъ вмѣсто домовъ выстроены однѣ только переднія стѣны въ два этажа, и бѣдный хозяинъ, не имѣя чѣмъ заднія стѣны построить, живетъ за передней стѣной на дворѣ. Кахановъ, человѣкъ изгнанный изъ Астрахани за воровство и подлѣйшіе поступки, пріѣзжаетъ въ Тифлисъ безъ гроша денегъ и вскорѣ начинаетъ жить самымъ роскошнымъ образомъ, угнетая жителей и, выказывая себя ложью, сплетнями, доносами и неправдами, получаетъ довѣренность главнокомандующаго, который заслуживаетъ всеобщее уваженіе и долженъ бы имѣть всеобщую любовь.

Ѳеофилактъ, эксархъ Грузіи, отбираетъ у здѣшнихъ помѣщиковъ виноградные сады ихъ, которые они разсадили на землѣ принадлежащей церкви и которая, бывъ издавна во владѣніи церковныхъ крестьянъ, отдавалась въ залогъ дворянству за долги крестьянъ церковныхъ. Теперь залоги сіи отбираются, и говорятъ, что крестьяне не имѣли права распоряжаться церковнымъ имѣніемъ. Пускай бы сіе такъ и было (хотя сіе и сдѣлалось еще при царяхъ, когда не совершали купчихъ или векселей); но зачѣмъ же помѣщикъ, лишаясь своего капитала, долженъ лишиться и пользы отъ трудовъ своихъ, которыми онъ обработалъ сію землю, и какое право имѣетъ Ѳеофилактъ насильственной рукой, безъ дозволенія правительства, сбирать виноградъ въ чужихъ садахъ? Не имѣютъ ли жители въ семъ случаѣ большое право роптать?

Господинъ Наумовъ, дежурный штабъ-офицеръ, представляя изъ себя Честодума и давая себѣ черезъ то право всѣмъ говорить, особливо подчиненнымъ своимъ, превеликія дерзости (которыя тѣ изъ подлости называютъ изліяніемъ честности и правоты), не упущаетъ случая, чтобы не воспользоваться обстоятельствами. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда деньгами не пользуется или по крайней мѣрѣ невѣроятно; но онъ имѣетъ двадцать случаевъ достать оныхъ разными оборотами, какъ-то, давая жалованье офицерамъ червонцами, тогда какъ оно имъ ассигнаціями отпускается и пр. Такимъ образомъ сбираетъ онъ суммы, изъ которыхъ строитъ себѣ квартиры, дѣлаетъ мебели себѣ и пріятелямъ своимъ, набирая мастеровыхъ даромъ изъ полковъ.

А. А. Вельяминовъ, любимецъ Алексѣя Петровича, для удовлетворенія своего самолюбія и дабы не признаться, что онъ ошибся, отличивъ подлеца Энегольма, моритъ въ крѣпости несчастнаго Гордѣева безъ всякаго обличенія его вины, по одному глупому и нелѣпому доносу гнуснаго, сумасшедшаго и пьянаго Энегольма. Между тѣмъ въ присутственныхъ мѣстахъ штатскіе чиновники берутъ взятки (какъ я слышалъ) по прежнему.

Что же будутъ говорить объ Алексѣѣ Петровичѣ по отъѣздѣ его, о немъ, который долженъ быть, по свойствамъ своимъ, обожаемъ всѣми? Зачѣмъ такъ крѣпко уничтожать Ртищева?

28-го. Я остался обѣдать у Верховскаго, и послѣ обѣда мы продолжали третьяднишній разговоръ. Въ 10-мъ часу пошелъ я къ знакомымъ; ночь была прекрасная. Я никого не нашелъ дома; зашелъ въ трактиръ и засталъ тамъ Розена за ужиномъ. Тотъ же самый разговоръ завелся между нами, и онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторые поступки Алексѣя Александровича; они доказываютъ такую злость, отъ которой человѣчество содрогнуться должно.

1-го Марта. У меня былъ Климовскій, съ которымъ мы вспоминали прежніе походы наши въ Германіи и Франціи. Вчера обѣдали со мною Миллеръ и Коцебу, и они говорили мнѣ про извѣстнаго крестьянина Мюллера, который предсказалъ Прусскому королю всѣ политическіе обороты и сраженія, которые о сю пору случились. Прусскій король тогда сдѣлалъ ему подарокъ и былъ въ перепискѣ съ нимъ. Теперь сей самый Мюллеръ издаетъ листки, въ которыхъ онъ предсказываетъ, что Наполеонъ уйдетъ съ острова Св. Елены и будетъ разбитъ между Эльзасомъ и Лотарингіею, гдѣ его возмутъ и съ двумя генералами его присудятъ къ смерти и казнятъ; что на семъ мѣстѣ будетъ построенъ городъ, который величіемъ превзойдетъ всѣ прочіе города и въ которомъ каждый годъ четыре государя Европы будутъ собираться на конгрессъ. Предсказаніе сіе мнѣ весьма страннымъ показалось; но такъ какъ сей Мюллеръ предсказалъ уже Лейпцигское и Ватерлоское сраженія, называя самыя мѣста, гдѣ оныя случились; то я, будучи любопытенъ видѣть исполнится ли сіе видѣніе Мюллера, записалъ оное для памяти.

3-го. Я поутру получилъ предписаніе отъ Алексѣя Александровича, въ которомъ сказано мнѣ, чтобы я, во избѣжаніе напрасной переписки, всегда самъ доставлялъ въ казенную экспедицію должныя мною деньги 25 р. въ Библейское Общество. Колкой образъ писанія меня огорчилъ, и я пошелъ къ Верховскому показать ему сію бумагу. Онъ обѣщался постараться отыскать причины и корень сего. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича и, увидясь съ Вельяминовымъ, котораго душа моя не терпитъ съ нѣкотораго времени, хотѣлъ было объясниться съ нимъ насчетъ сего предписанія. Онъ съ веселымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ, что и онъ самъ нынѣшній годъ забылъ послать деньги, и я увидѣлъ, что не онъ искалъ сдѣлать мнѣ неудовольствіе, а я полагаю на Наумова, у котораго бумага сія сочинялась.

6-го. Въ 1813 или 1812 году, когда учреждалось Нижегородское ополченіе, отецъ мой, будучи начальникомъ главнаго штаба у графа

Петра Александровича Толстаго, долженъ былъ ѣхать въ Симбирскъ для увѣщеванія, кажется, дворянства вступить въ службу, потому что оно все отказалось. Я слышалъ, что отецъ мой, пришедши въ дворянское собраніе навеселѣ и разругавъ предводителя ихъ графа Толстаго, ударилъ его саблей и разрубилъ ему носъ за то, что онъ вступался за дворянство, которое отецъ мой уничтожилъ въ рѣчи своей за нерадѣніе къ отечеству. Вчера за столомъ, Толстой, разспрашивая меня о моихъ родныхъ, между прочимъ сказалъ мнѣ: Это вѣрно братецъ вашъ былъ въ 1812 году въ Симбирскѣ.—Нѣтъ, отецъ мой.—Онъ тогда былъ только полковникъ и молодой человѣкъ.—Отецъ мой не старъ и точно тогда былъ только полковникомъ.—Ну такъ вашъ батюшка разрубилъ моему батюшкѣ носъ; вы знаете это? — Слышалъ что-то подобное, но не знаю, какъ сіе случилось.—Онъ вынималъ саблю, да какъ-то и задѣлъ моего батюшку нечаянно.

Мнѣ сей разговоръ совсѣмъ непріятенъ былъ; потому что, не зная, какъ сіе случилось, я весьма хорошо знаю, что отецъ мой былъ въ то время навеселѣ, и Толстой могъ бы спросту мнѣ сіе напомнить, и тогда бы пошла у насъ тамаша.

10-го. Верховскій сказалъ мнѣ, чтобы я готовился ѣхать къ Петру Николаевичу въ Загорѣжи на съемку мѣста, выбраннаго для построенія казармъ.

12-го. Я пошелъ къ Алексѣю Петровичу, дабы принять приказанія его къ Петру Николаевичу. Онъ объяснилъ мнѣ, какого рода караулы будутъ въ Загорѣжяхъ и показалъ мнѣ привезенный ему недавно изъ Франціи кругомѣръ для привязыванія къ колесу, весьма простой и удобной.

13-го. Я отправился изъ Тифлиса часовъ въ 11 утра, оставивъ свою мензулу у маіора Тихоцкаго, который ее послѣ на повозкѣ прислалъ въ Загорѣжи. Казакъ, который со мной ѣхалъ, сбился съ дороги, и я довольно поздно пріѣхалъ въ Сартагалы, гдѣ видѣлъ колоніи колонистовъ, прибывшихъ еще во время пребыванія посольства въ Персіи. Кутузовъ, который иногда исполнялъ должность главнокомандующаго въ Грузіи, затѣялъ строить колонистамъ дома съ колоннами, какихъ во всемъ Тифлисѣ нѣтъ; собрали множество солдатъ въ Сартагалы, начали строить. Солдаты отъ трудовъ и отъ дурнаго содержанія стали занемогать; колонія сія еще о сю пору не выстроена, а стоитъ уже почти 1000 человѣкамъ солдатъ жизни.

Передъ самымъ вечеромъ я прибылъ къ Петру Николаевичу, который мнѣ очень обрадовался. 14-го онъ водилъ меня въ свой лазаретъ въ которомъ умираетъ много больныхъ, отъ послѣдствія Сартагальскихъ и прочихъ работъ, втораго баталіона, которой такъ ослабъ,

что не можетъ выставить болѣе 240-хъ человѣкъ подъ ружье. Я познакомился съ маіоромъ Швецовымъ, храбрымъ и славнымъ офицеромъ, которой былъ два года въ плѣну у Чеченцовъ. Я также видѣлъ всѣхъ офицеровъ, которые могутъ быть весьма хорошіе служивые, но совсѣмъ безъ воспитанія и невѣжи. Они увидѣли какъ-то у меня Иліаду на Англійскомъ языкѣ, увѣрились, что это по-французски и дали одному изъ своихъ читать и переводить, которой зналъ по-французски. Тотъ, взявъ книгу, сказалъ, что это происшествія двухъ людей, которыя назывались одинъ Гомеръ, а другой Иліадъ, и сталъ читать книгу, уча товарищей своихъ Французскому произношенію, и они остались увѣрены, что чтецъ ихъ по-французски знаетъ. Я стоялъ, отворотившись, и боялся взглянуть на нихъ, чтобы не расхохотаться.

Петръ Николаевичъ совсѣмъ противное. Имѣя отличныя правила и хорошія познанія, онъ, кажется мнѣ, не для службы сотворенъ, тѣмъ меньше для того, чтобы быть полковымъ командиромъ въ полку, гдѣ все старые и опытные офицеры. Онъ хлопочетъ, приказываетъ, переприказываетъ, ничего не прикажетъ, разсказываетъ про походы, мечется изъ угла въ уголъ, и малѣйшее приказаніе свое считаетъ за нововведеніе, могущее весьма послужить къ просвѣщенію или образованію полка. Между тѣмъ, крича цѣлый день, онъ ровно ничего не дѣлаетъ и не даетъ другимъ ничего дѣлать.

Ввечеру я съ нимъ имѣлъ весьма долгой разговоръ насчетъ окружающихъ Алексѣя Петровича, кампаніи Чеченской и управленія Грузіи. Я ему представлялъ, сколь нѣкоторыя вещи предосудительны. Онъ не хотѣлъ вѣрить мнѣ и спорилъ. Въ доказательство несправедливости его сужденій я приведу одно мнѣніе его на счетъ работъ, произведенныхъ здѣсь все лѣто солдатами, которымъ въ сутки давали 5 или 10 копѣекъ. Онъ увѣрялъ меня, что отъ того солдаты разбогатѣли и поздоровѣли, тогда какъ они на работѣ изнашивали болѣе сапогъ нежели сколько имъ доставить могла сія мелкая плата.

15-го. Петръ Николаевичъ не пускалъ меня на съемку, представляя себѣ, что намъ также мало занятій въ Тифлисѣ, какъ ему въ полку.

16-го. Наконецъ, онъ поѣхалъ со мной въ селеніе Кашму на горѣ, гдѣ стоитъ подполковникъ Фирсовъ съ артиллерійской ротой. Мнѣ слѣдовало начать съемку мѣстоположенія Уджармы или Мухравали, выбраннаго для построенія казармъ; но день сей опять пропалъ, и я ничего не началъ. Съ нами были маіоръ Швецовъ, подполковникъ князь Абхазовъ и Змѣевъ, молодой человѣкъ съ воспитаніемъ, который былъ невинно выключенъ изъ службы и опредѣлился въ Грузинскій гренадерскій полкъ рядовымъ.

17-го. Я началъ работу. Возвратясь ночевать въ Кашму, я уговорилъ Петра Николаевича остаться еще на ночь съ нами. Ввечеру опять у насъ былъ горячій разговоръ на счетъ просвѣщенія и словесности Азіятцевъ, которое Петръ Николаевичъ опровергалъ, не зная онаго, ни языка, ни книгъ, которыя существуютъ, а больше потому, что обычаи Азіятцевъ несхожи съ нашими.

Избранное мѣстоположеніе я нашелъ удобнымъ и сдѣлалъ по прибытіи моемъ въ Загорѣжи описаніе онаго.

21-го я отправился отъ Петра Николаевича въ Тифлисъ въ 11 часовъ утра, поблагодаривъ его за всѣ ласки его. Я ѣхалъ прекраснѣйшими мѣстами между большихъ селеній и обработанныхъ садовъ. Я пріѣхалъ ввечеру въ Тифлисъ и явился къ Верховскому. Я получилъ изъ Россіи письма. Христіани пишетъ ко мнѣ весьма непріятное извѣстіе, что дѣла моего отца такъ запутались, что недостаетъ у него доходовъ на уплату процентовъ. Вслѣдствіе сего я рѣшился перемѣнить свой образъ жизни, отмѣнивъ все безъ чего обойтись можно. Я совѣтывался вчера на сей счетъ съ Унгерномъ, который говорилъ, что мнѣ непремѣнно надобно ѣхать въ Москву и приняться за устроеніе имѣнія; но онъ не знаетъ другихъ обстоятельствъ моихъ, по которымъ сія поѣздка для меня невозможна.

22-го. Я узналъ, что Алексѣй Петровичъ просилъ у Государя цѣлую дивизію въ Грузію для усмиренія Дагестана. Не знаю, отказано-ли ему или нѣтъ, только всѣ замѣчаютъ, что онъ съ нѣкотораго времени не веселъ сталъ. Сысоевъ говорилъ мнѣ, что генералъ недавно узналъ о дурномъ успѣхѣ генерала Пестеля въ Дагестанѣ, который представилъ дѣло свое побѣдой надъ 60.000 Лезгинъ; на мѣсто того, онъ былъ разбитъ 500-ми, дѣлалъ всякія мерзости, насильничалъ женщинъ, потерялъ цѣлый баталіонъ. Бергъ, несчастный путешественникъ, дѣлалъ у него всѣ диспозиціи. Надобно ожидать новыхъ дѣйствій нынѣшнее лѣто. Теперь на мѣсто Пестеля посланъ въ Дагестанъ генералъ Вреде, который вѣрно лучше дѣлами тамошними управитъ.

27-го Я былъ ввечеру у Цинамегорова и просилъ старика достать мнѣ отъ Хевсуринцовъ или Тушинцовъ (между коими у него есть много пріятелей) полное Римское вооруженіе, какихъ у сихъ народовъ много. Я просилъ его также выпросить у отца Ипатія Васильяна (отца и брата того Васильяна, котораго я зналъ въ л.-гв. уланскомъ полку) нѣсколько древнихъ рукописей на счетъ Грузіи. У сего отца Игнатія собрано почти все, что̀ существуетъ на Грузинскомъ языкѣ. Цинамегоровъ обѣщался мнѣ исполнить мою просьбу.

Ввечеру я былъ у Ховена. Я слышалъ вперво́й, что онъ сказалъ порядочную вещь. Онъ жаловался на неустройство Грузіи, на малыя

средства, которыя онъ имѣетъ и пр., и сказалъ: «Это удивительно! Хотятъ, чтобы здѣшній народъ благословлялъ Россійское правленіе, тогда какъ употребляютъ всевозможныя средства для угнетенія ихъ».

31-го. Я началъ говѣть на сей послѣдней недѣлѣ поста и былъ вчера у заутрени и обѣдни въ церкви училища, а обѣдалъ у Верховскаго, которому опять дали рисовать нѣсколько сабельныхъ ручекъ. Вотъ эгоизмъ Вельяминова, который, зная дурное состояніе одного оставшагося глаза Верховскаго и множество заботъ его по службѣ, по коей ежедневно поступаютъ къ нему новыя требованія, безпрерывно посылаетъ за нимъ и занимаетъ его рисовкою сабельныхъ ручекъ: работа мелкая, пестрая, медленная и для одной только прихоти служащая. Вельяминовъ приказалъ еще двухъ изъ воспитанниковъ нашихъ отдать въ ученіе къ переплетчику, который на него работаетъ: хотятъ изо всѣхъ себѣ сдѣлать мастеровыхъ. Я объ таковыхъ и подобныхъ поступкахъ Вельяминова вчера ввечеру дома говорилъ съ Воейковымъ, и заключилъ, что люди окружающіе Алексѣя Петровича, не имѣя большаго состоянія, никогда не имѣли случая такъ жить и, обрадовавшись случаю, давшему имъ неограниченную власть, не знаютъ уже, что̀ и выдумать, дабы, жертвуя общимъ благомъ, удовлетворить свои прихоти. Мы также говорили о перемѣнѣ въ обращеніи Алексѣя Петровича съ нами, о дурномъ расположеніи ко мнѣ Вельяминова, и Воейковъ совѣтывалъ мнѣ ѣхать въ Россію для поправленія дѣлъ батюшкиныхъ.

3-го Апрѣля я пріобщался Святыхъ Таинъ въ церкви училища у Цинамегорова.

4-го. Ввечеру я пошелъ къ мирзѣ Ибрагиму, дабы учиться у него, и засталъ тамъ Исмаила, хана Шекинскаго. Человѣкъ сей воспитывался въ Тифлисскомъ училищѣ и имѣетъ обращеніе Европейское. Онъ имѣетъ чинъ генералъ-маіора, пользуется 80.000 червонцами годоваго оклада и первый врагъ Русскихъ. Онъ нѣсколько разъ сбирался бѣжать въ Персію, но его останавливали ради его драгоцѣнностей, которыя онъ особо вести захотѣлъ. Если же онъ отправился бы со своими деньгами, то его бы остановили, отправили въ Сибирь, а деньги и доходы обратили бы въ казну. Цѣль правительства состоитъ въ томъ, чтобы его истребить и сдѣлать изъ ханства его Русскую область. Звѣрства, которыя онъ въ ханствѣ дѣлаетъ, доставили ему ненависть его подданныхъ; наприм. обыкновенныя наказанія его суть: обрѣзать носъ, уши, выколоть глаза, вырвать зубы и вколотить ихъ въ голову и проч. Однакоже я никогда не видалъ, чтобы человѣкъ былъ приведенъ въ большее униженіе, какъ сей ханъ Исмаилъ. Ненавидя Русскихъ, онъ дрожитъ почти отъ страха при

воззрѣніи на одного изъ нихъ и подличаетъ ужаснымъ образомъ; напримѣръ, онъ вчера увѣрялъ меня, что гораздо лучше цѣловать ноги у послѣдняго Русскаго солдата, чѣмъ управлять ханствомъ въ Азіи, потому что народъ Азіятскій подлый и необразованный и т. д., полагая въ своей бараньей головѣ въ самомъ дѣлѣ надуть меня сими словами. Видя, что я занимаюсь изученіемъ Турецкаго языка, онъ предложилъ доставить мнѣ лучшія книги изъ своего ханства и выпросилъ у меня кальяннаго табаку. Я думаю, врядъ ли онъ свое слово сдержитъ.

5-го Апрѣля. Святая недѣля. Почта пришла, наконецъ, привезла намъ разныя извѣстія: Верховскій произведенъ въ полковники, Вельяминовъ получилъ Владимира на шею, вмѣсто 1-й степени Анны, къ которой онъ былъ представленъ; Лещенко Владимира въ петлицу; Рыхлевскій Анну на шею, Сухановъ Владимира на шею и пр. Я получилъ 4.000 р. отъ батюшки.

Послѣ заутрени мы всѣ пошли съ Алексѣемъ Петровичемъ къ Ѳеофилакту, у котораго начались разныя поздравленія, выученныя наизустъ и говоренныя ему архимандритомъ, разными фрачниками и пѣвчими его. Ему подносили самую гнусную лесть, которую онъ принималъ съ удовольствіемъ. Разсказы были тоже довольно глупы и смѣшны. Отъ него я пошелъ къ Верховскому и къ Ивану Александровичу. Алексѣй Петровичъ не принималъ.

8-го. Поутру я былъ у Алексѣя Вельяминова, который говорилъ, что сюда на лѣто ждутъ Государя.

10-го. Я былъ на званомъ обѣдѣ у Алексѣя Петровича. Ввечеру былъ на балѣ, который давалъ князь Мадатовъ въ домѣ училища. Было множество Грузинскихъ дамъ, кои безпримѣрной красотой своей обворожили меня. Нельзя видѣть хладнокровно такое собраніе совершенствъ, и наши дамы смотрятъ изъ зависти на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

12-го. Вчера пришло извѣстіе, что Верховскій утвержденъ оберъ-квартирмейстеромъ при отдѣльномъ Грузинскомъ корпусѣ.

13-го. Я обѣдалъ вчера у князя Димитрія Захаровича Орбельяни. Послѣ обѣда я ходилъ съ нимъ на ристалище, которое было передъ домомъ главнокомандующаго. Молодые князья здѣшніе и Татары Шекинскіе отличались ловкостію и проворствомъ, бросаніемъ джирита и стрѣльбой на славныхъ жеребцахъ. Зрѣлище было прекрасное и напоминало рыцарскія времена.

17-го. Ввечеру пришелъ ко мнѣ Верховскій съ извѣстіемъ, что онъ во Вторникъ ѣдетъ во Владикавказъ; вслѣдъ за нимъ поѣдетъ Вельяминовъ. Я въ скоромъ времени тоже отправлюсь въ Трухменію.

20-го. Ввечеру былъ на балѣ, который давалъ Исмаилъ ханъ Шекинскій. Довольно странно было видѣть Татарина, пустившагося въ Польскій. Кажется, что Алексѣй Александровичъ нашелъ себѣ другаго Энегольма: онъ завелъ дружбу съ пьяницей Мармонтомъ.

21-го. Я принялъ поутру должность Верховскаго, который ѣдетъ сегодня на линію. Мнѣ хлопотъ довольно будетъ. Кромѣ веденія порядка дѣлъ, я долженъ обработывать съемку; да сверхъ всего сего еще по предложенію Наумова Алексѣй Александровичъ беретъ съ собой писаря нашего на линію. Неудовольствія начинаются, но я утѣшаюсь той надеждой, что меня пошлютъ скоро въ Трухменію, чѣмъ избавлюсь я отъ должности непріятной по причинѣ жадности и соблюденія личныхъ пользъ людей, окружающихъ Алексѣя Петровича.

22-го. Я пошелъ къ Алексѣю Петровичу и спросилъ у него, буду ли я употребленъ нынѣшнее лѣто въ Трухменію. Онъ мнѣ обѣщался сіе непремѣнно черезъ мѣсяцъ. «Теперь», сказалъ онъ, «чинятъ судно, и я дожидаюсь подарковъ изъ Петербурга». Онъ мнѣ приказалъ шить Армянское платье. Армянинъ Астраханской, который уже разъ въ Хивѣ былъ, приходилъ вчера къ генералу и говорилъ съ нимъ. Онъ со мною поѣдетъ, и мы будемъ тамъ въ видѣ торговщиковъ.

24-го. Я ходилъ поутру на Авлабаръ къ ректору здѣшняго училища, архимандриту Иринею и просилъ его, дабы онъ приказалъ учителямъ своимъ перевести для меня Персидскую грамматику съ Латинскаго на Русскій. Я ее досталъ у Шегриманова. Ректоръ обѣщался мнѣ сіе сдѣлать.

28-го. Я былъ все утро занятъ бумажными дѣлами нашими, которыя были въ нѣкоторомъ упущеніи у Верховскаго. Вечеръ я дома провелъ; у меня былъ Армянинъ Муратовъ, которому Алексѣй Петровичъ приказалъ сочинить вѣдомость тѣхъ вещей, которыя намъ для подарковъ нужны будутъ, и Муратовъ пришелъ ее сочинять ко мнѣ.

18-го Мая. Вельяминовъ позвалъ меня и приказалъ изготовить предписаніе, дабы войска пошли для занятія двухъ концовъ Гокчайскаго озера, по прошлогоднему, для охраненія кочевья Татаръ.

20-го. Всѣ наши офицеры пошли къ Алексѣю Петровичу просить его, дабы онъ сдѣлалъ намъ милость избавить насъ отъ Энегольма. Генералъ старался все въ шутку обратить, называлъ Энегольма сумасшедшимъ, просилъ меня ждать каникулъ, дабы онъ совершенно взбѣсился. Словомъ, Алексѣй Петровичъ отступался отъ насъ и сѣлъ за столъ; но послѣ обѣда мы къ нему опять приступили до того, что онъ началъ сердиться и спросилъ у меня съ жаромъ: «Не хотите ли вы со мной погвардейски поступать, господа? Не хотите ли вы съ меня росписки взять, что я его сдѣлаю солдатомъ? Для чего вы думаете,

что я не взялъ уже своихъ мѣръ на сей счетъ? Неужели вы не знаете, что я съ подлецами служить не люблю?» продолжалъ онъ смягчаясь. Тутъ мы разсказали генералу всѣ мерзости Энегольма, прося его, чтобы, по отъѣздѣ моемъ, Энегольмъ не поступилъ на мое мѣсто, такъ какъ онъ старшій остается. Генералъ намъ сіе обѣщался и все старался шутками отдѣлаться, ибо онъ видѣлъ, что мы твердо рѣшились не терпѣть Энегольма въ нашемъ мундирѣ.

21-го. Случилось происшествіе очень непріятное. Самойловъ вздумалъ сдѣлать прощальную вечеринку для отъѣзда Боборыкина. Онъ пригласилъ всѣхъ къ Французу въ трактиръ, гдѣ, по обыкновенію, начался шумъ, возня, пѣніе и питье. Я едва лишь зашелъ, увидѣлъ, что въ такомъ обществѣ ничего добраго произойти не можетъ и ушелъ оттуда. Когда уже нѣсколько выпили, начали всѣ нападать на Шишкова самымъ нехорошимъ образомъ. Шишковъ часа два отсмѣивался и отвѣчалъ скромно; когда же ему больше терпѣть нельзя было, онъ напалъ на Гордѣева, который одинъ молчалъ, сказавъ ему, что только имъ двоимъ извѣстно, сколькимъ Гордѣевъ обязанъ Беклемишеву. Сіе сдѣлано было для того, что въ тотъ же вечеръ на моихъ глазахъ, на квартирѣ у Шишкова, Гордѣевъ дурачилъ Беклемишева въ лицо, увѣряя, что за домомъ главнокомандующаго въ горѣ нашлась какая-то ужасная пещера, въ которой онъ собралъ множество занимательныхъ рукописей. Шишковъ же имѣетъ тѣсную связь съ Беклемишевымъ, который опять заводитъ тѣже самыя общества и хотѣлъ его втереть въ оныя. Шишковъ смекнулъ дѣло, но самъ говорилъ въ тайнѣ Воейкову, что Беклемишевъ ему нуженъ, потому что онъ къ нему приводитъ людей, которыхъ онъ обыгрываетъ. Сія самая связь причиною, что Шишковъ хотѣлъ отмстить Гордѣеву. Онъ вызвалъ его на поединокъ. Тутъ всѣ напали на Шишкова съизнова, въ особенности Боборыкинъ, котораго Шишковъ тоже вызвалъ; но Боборыкинъ ему отвѣчалъ весьма глупо, что не прежде онъ будетъ съ нимъ драться, пока Алексѣй Петровичъ у него секундантомъ не будетъ, на что Шишковъ наговорилъ ему тысячу грубостей и колкостей, которыя у Боборыкина между ушей прошли. Такъ какъ всѣ вступились за Гордѣева, то Шишковъ вызвалъ всѣхъ, а въ особенности Ренненкампфа, который сказалъ въ полголоса Боборыкину, что Шишкова надо высѣчь, какъ ребенка. Боборыкинъ согласился и ушелъ домой. Тутъ опять всѣ пристали къ Шишкову и заставили его просить прощенія у Гордѣева, что онъ весьма благороднымъ образомъ сдѣлалъ; но такъ какъ его принудить хотѣли предъ Ренненкампфомъ также извиниться, то онъ заупрямился и поклялся, что онъ непремѣнно съ нимъ раздѣлается. Боборыкинъ,

который большею частію былъ причиною сего безпорядка, больше всѣхъ шумѣлъ и прибавлялъ горячку Шишкова.

22-го. Я ничего не зналъ о всемъ, какъ поутру рано пришли ко мнѣ Боборыкинъ, Гордѣевъ и Воейковъ и объявили мнѣ все. Я отправился къ Ренненкампфу и уговорилъ его какъ нибудь оттерпѣться и не горячиться съ Шишковымъ, ради Гордѣева, котораго поединокъ бы совершенно погубилъ и ради начатаго нами дѣла противъ Энегольма, стараться помириться хотя бы на тотъ только день. Самойловъ, который всю ночь сидѣлъ у Шишкова и уговаривалъ его извиниться, не могъ ничего сдѣлать, и всѣ явились у Ренненкампфа. Шишковъ предложилъ поединокъ. Ренненкампфъ, скрывая свою досаду, послѣ нѣсколько жаркаго разговора, предложилъ миръ Шишкову. Они помирились притворно и, вышедши въ другую комнату, условились дѣло кончить послѣ. Гордѣевъ былъ спасенъ; но несчастный Ренненкампфъ былъ внѣ себя: онъ рвалъ на себѣ волосы. Его удержали только мои слова: я не оспаривалъ, что онъ долженъ иначе кончить сіе дѣло на другой день; но увѣрялъ его въ уваженіи, которое онъ пріобрѣлъ отъ товарищей за такое важное пожертвованіе.

Боборыкинъ въ сей день уѣхалъ на линію.

Ввечеру я пошелъ къ Самойлову. Примѣтя поутру, что Шишковъ былъ расположенъ кончить сіе дѣло извиненіемъ, я уговорилъ Самойлова отправиться къ Шишкову и уговорить его на другой день рано явиться къ Ренненкампфу съ полнымъ извиненіемъ. Противъ всякаго чаянія Самойлову удалось. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ 12 часу ночи съ симъ радостнымъ извѣстіемъ. Между тѣмъ я сдѣлалъ Гордѣеву большое наставленіе за его неосторожное поведеніе и продолженіе старыхъ связей.

23-го. Поутру Шишковъ пришелъ къ Ренненкампфу и, исполнивъ въ полной мѣрѣ предпринятое, онъ извинился какъ нельзя лучше, и всѣ примирились.

24-го. Коцебу у меня былъ и разсказалъ мнѣ все начало сего происшествія, которое по словамъ его иначе было. Я спрашивалъ у Воейкова и узналъ, что Коцебу справедливо говорилъ, что Боборыкинъ главная причина всѣхъ неудовольствій. Я на сей счетъ писалъ вчера къ Боборыкину жестокое письмо, которое вѣрно дало ему почувствовать его вину, хотя и не сознаться въ оной.

27-го. Съ самаго утра до 11 часовъ вечера я былъ занятъ бумагами безъ отдыха. Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ изготовить нѣкоторые маршруты изъ Херсони, Симферополя и прочихъ мѣстъ до Георгіевска. Онъ мнѣ не сказалъ для кого; но вѣроятно сіе дѣлается для войскъ, которыя ему Государь изъ Россіи назначилъ.

28-го. Я провелъ утро по обыкновенному въ чертежной, отпустивъ Воейкова и Гордѣева въ Борчалинскую дистанцію на 12 дней для собранія рукописей по монастырямъ.

29-го. Воейковъ и Гордѣевъ потащили съ собою старика Аршакова въ Ахпатской монастырь. Не знаю, удастся ли имъ исполнить предначертанное для увезенія рукописей. Гордѣевъ взялъ съ собою множество рома, дабы напоить архимандритовъ, отъ которыхъ онъ хочетъ достать книги.

31-го. 30-го пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса Амбургеръ съ депешами отъ Мазаровича. Онъ мнѣ отдалъ двѣ книги Малькольма Исторію Персіи, которая изъ Индіи выписана, и письмо отъ Монкейта, приславшаго оную. Онъ проситъ меня, чтобы я нашелъ здѣсь мѣсто для сына его 4-хъ-лѣтняго, прижитаго съ Армянкой въ Тавризѣ. Вечеръ провелъ у меня Амбургеръ, и я кажется выманилъ у него славную Персидскую граматику съ Англійскимъ. Мы съ нимъ долго говорили о Персіи, о которой онъ весьма здраво судитъ. Онъ мнѣ говорилъ на счетъ дѣйствій Мазаровича въ Персіи, что братья его совершенно пустились безъ стыда въ торги и таскаются по базарамъ для закупки товаровъ, которые они намѣрены продать въ Россіи. Поведеніе такое, кажется, неприлично Русскому повѣренному въ дѣлахъ.

1-го Іюня. Я былъ у обѣдни; меня оттуда позвали къ Алексѣю Петровичу, который велѣлъ мнѣ написать одну бумагу къ вице-адмиралу Грейгу и двѣ къ полковникамъ Байкову и Прегарѣ, командирамъ 43 и 45 егерскихъ полковъ, которые въ Крыму расположены. Въ бумагахъ сихъ предписано послѣднимъ двумъ выступать въ походъ на Кавказскую линію, а первому изготовить имъ суда для переправы чрезъ проливъ Керчь-Еникольскій. Алексѣй Петровичъ далъ записку для изготовленія маршрутовъ еще другимъ 8-ми полкамъ, всего 10-ти полкамъ и 2 ротамъ артилеріи, которые идутъ на укомплектованіе здѣшняго корпуса. Государь отказалъ ему въ прибавленіи числа полковъ въ Грузію, но приказалъ здѣшніе полки сдѣлать въ 3.900 человѣкъ комплектныхъ. Алексѣй Петровичъ объяснилъ мнѣ, какимъ онъ образомъ намѣренъ употребить сіи войска и справиться съ ханами. Онъ мнѣ сообщилъ множество занимательныхъ вещей. Я ему сказалъ, что мы догадались о томъ, что Государь далъ ему войскъ, изъ лица его. «Это удивительно», сказалъ онъ мнѣ, «мнѣ кажется, что я все нахмурившись ходилъ». Онъ читалъ мнѣ представленное имъ Государю предположеніе для одежды здѣшняго солдата. Корпусъ нашъ нынѣ усиливается 26-ю тысячами, кои поступятъ въ здѣшніе полки, которые примутъ названія пришедшихъ; а кадры ихъ возвратятся съ здѣшними названіями. Полки, идущіе сюда, суть пѣхотные: Апшеронскій, Тенгин-

скій, Навагинскій, Ширванскій, Куринскій и Мингрельскій, а егерскіе: 41, 42, 43 и 45; артилерійскія роты: № 51 и № 52.

Ввечеру я опять былъ у генерала и представлялъ ему работу воспитанниковъ. Онъ былъ очень доволенъ и приказалъ ихъ сегодня привести къ себѣ. Я также просилъ объ учителѣ ихъ піонерномъ унтеръ-офицерѣ Дивильковскомъ, котораго онъ приказалъ представить въ офицеры.

2-го. Поутру я послалъ воспитанниковъ съ Рененкампфомъ къ Алексѣю Петровичу, который имъ сдѣлалъ подарокъ и объ учителѣ ихъ унтеръ-офицерѣ Дивильковскомъ піонерномъ приказалъ представить въ офицеры.

4-го. Поутру я получилъ черезъ одного Армянина Гамазова письмо отъ Воейкова и Гордѣева, которымъ они увѣдомляютъ меня о добромъ успѣхѣ своего предпріятія. Сей самый Гамазовъ звалъ меня ввечеру къ себѣ, для разобранія множества книгъ и рукописей, которыя лежатъ въ подвалѣ подъ одной церковью; но я не могъ къ нему придти по случаю многихъ занятій моихъ. Я возвратился изъ чертежной въ 10-мъ часу вечера и былъ занятъ бумагами, для откомандированія 6 ротъ въ Шамшадальскую дистанцію по сдѣлавшемуся тамъ возмущенію. Султана Шамшадальскаго и Мустафу-агу-Казахскаго вчера же отправили въ Георгіевскъ. Подполковнику Тихоцкому, которой будетъ командиръ всего отряда, предписано дѣйствовать наступательно и истреблять жителей безъ пощады, если онъ увидитъ точное ихъ рѣшеніе бѣжать или напасть на тѣ посты наши, которые на Гокчаѣ стоятъ.

5-го. Гамазовъ имѣетъ славный домъ и много книгъ; я у него познакомился съ мирзой Исмаиломъ, молодымъ Татариномъ, прекраснымъ собою, съ обращеніемъ и знающимъ языки.

7-го. Съ утра меня опять потащили къ Алексѣю Петровичу; надобно было остановить Тихоцкаго, смѣнить его 5 тяжелыхъ орудій на два легкихъ и сдѣлать другія распоряженія для его похода. Сему, кажется, причиной былъ Ладинскій, который третьго дня ввечеру пріѣхалъ и привезъ лучшія извѣстія. Между тѣмъ орудіе, которое изъ Елисаветполя пошло по маршруту, данному мною, не могло пройти той дорогой. Горчаковъ тутъ былъ; онъ тотчасъ сказалъ Алексѣю Петровичу, что онъ сіе напередъ зналъ и что по сей дорогѣ орудію никакимъ образомъ идти нельзя. Меня сіе чрезвычайно огорчило, особливо то, что Горчаковъ не въ свое дѣло мѣшался и дѣлалъ мнѣ вредъ. Алексѣй Петровичъ былъ столь снисходителенъ, что не сдѣлалъ мнѣ выговора за то; но я весьма хорошо почувствовалъ свою ошибку, хотя я въ оной безвинно виноватъ, ибо я не обязанъ знать дорогъ въ землѣ совсѣмъ неизвѣстной.

Рѣчь шла объ недостаткѣ въ полевыхъ орудіяхъ. Я напомнилъ генералу, что у насъ въ Карабагѣ есть 6 казачьихъ легкихъ орудій и, не зная, что оныя состоятъ въ вѣдѣніи генералъ-маіора Ахвердова, я сказалъ генералу, что не знаю, будутъ ли они въ состояніи въ скоромъ времени выступить, потому что, я слышалъ, что они не въ совершенной исправности. Ахвердовъ сказалъ, что они напротивъ того весьма въ состояніи двинуться. Я увидѣлъ, что неосторожно сказалъ. Ахвердовъ хотѣлъ отмстить мнѣ; я утверждалъ, что дорога, по которой орудіе пошло, не есть непроходимая. Генералъ сомнѣвался въ томъ. Ахвердовъ воспользовался симъ и сказалъ Алексѣю Петровичу, что онъ найдетъ одного офицера расторопнаго, человѣка обстоятельнаго, у котораго онъ сіе распроситъ и навѣрное узнаетъ. Меня взорвало. «Ваше превосходительство», отвѣчалъ я ему, «въ такихъ случаяхъ ничего нѣтъ легче, какъ назвать дорогу сію непроходимою; сіе есть самое вѣрное средство избѣжать отвѣтственности и ничего не сдѣлать; но когда я утверждалъ, что по сей дорогѣ орудіе пройти можетъ, такъ это то значитъ, что еслибъ послали меня провести оное, то бы я прошелъ съ орудіемъ». Генералу сіе понравилось; онъ отвѣчалъ: «Ты правду говоришь, что такимъ образомъ всего вѣрнѣе отвѣтственности избѣжать; вѣрю тоже, что орудіе протащить можно, но сіе очень долго продлится». Ахвердовъ замолчалъ; однакоже я ввечеру засталъ его въ кузницѣ артилерійской: тамъ ковали лафеты для новыхъ 3-хъ фунтовыхъ орудій, которыя посылаются на смѣну пяти батарейныхъ. Я извинился передъ нимъ въ томъ, что я неосторожно опорочилъ казачью артилерію, не знавъ, что она подъ его начальствомъ состоитъ.

10-го. Воейковъ и Гордѣевъ привезли мнѣ 12 книгъ Армянскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ.

11-го. Я послалъ поутру за Ѳомой Кургановымъ, который смотрѣлъ Армянскія книги. Онъ нашелъ ихъ весьма рѣдкими, древними; даже нѣкоторыя изъ книгъ имѣютъ болѣе тысячи лѣтъ. Ввечеру былъ у меня мирза Ибрагимъ, который чрезвычайно хвалилъ Турецкія и Персидскія книги, привезенныя Гордѣевымъ.

12-го. Былъ у меня маіоръ Пономаревъ, Елисаветпольскій окружный начальникъ, который ѣдетъ со мною въ Трухменію.

Ввечеру, довольно поздно, генералъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ меня и Пономарева, отдалъ бумаги Могилевскому для доставленія оныхъ къ намъ и намъ словесное далъ наставленіе.

13-го. Я все утро, даже до 7 часовъ вечера, былъ занятъ сдачею должности Коцебу. Сдачу я кончилъ совершенно. Повечеру мнѣ опять прислали работу: сдѣлать маршруты. Къ тому времени нагрянуло ко мнѣ

множество народа и ничего дѣлать не давали. Вчера поутру я получилъ предписаніе отъ Алексѣя Петровича. Оно слѣдующаго содержанія:

Гвардейскаго генеральнаго штаба господину капитану и кавалеру Муравьеву.

Назначивъ экспедицію къ Трухменскимъ берегамъ, всѣ порученія, относящіяся до обитающихъ на ономъ народовъ, возложилъ я на состоящаго по арміи маіора и кавалера Пономарева. Вмѣстѣ съ нимъ отправляетесь и ваше высокоблагородіе, и обязанности ваши состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Выборъ удобнаго мѣста на самомъ берегу моря для построенія крѣпостцы, въ которой долженъ быть складъ нашихъ товаровъ. Мѣсто сіе не должно быть слишкомъ близко ко владѣніямъ Персидскимъ, дабы не возбудить опасенія противъ насъ; ни близко къ Хорасану, дабы караваны съ товарами, которые впослѣдствіи правдоподобно къ намъ обратятся, не подвергнуть нападеніямъ народа хищнаго. Главнѣйшее затрудненіе въ выборѣ мѣста происходить будетъ отъ недостатка прѣсной воды, и на изысканіе оной должно быть обращено всетщательное вниманіе, ибо всякій другой порокъ въ самомъ мѣстоположеніи можетъ при утвержденіи крѣпостцы быть исправленъ искусствомъ.

Въ выборѣ мѣста должно имѣть въ виду самый лучшій путь отъ него до Хивы, дабы не впасть въ мѣста непроходимыя или совершенно безводныя; впрочемъ, если на всемъ пространствѣ будутъ, хотя изрѣдка, источники или копани, то сего весьма достаточно для каравановъ, по извѣстному способу запасаться водою и потому что караваны отправляются на верблюдахъ.

2) Господину маіору Пономареву поручено удостовѣриться, можно ли будетъ, не подвергаясь опасности, предпринять путь въ Хиву. Если нѣсколько человѣкъ лучшихъ Трухменскихъ фамилій, взятые въ залогъ, могутъ въ томъ обезпечить, то исполненіе сего важнаго предпріятія возлагаю я на ваше высокоблагородіе. Господинъ маіоръ Пономаревъ будетъ знать время, когда то сдѣлать удобно, и отъ него зависѣть будетъ ваше отправленіе. Вы получите отъ имени моего письмо къ Хивинскому хану и приличные подарки. Въ сношеніяхъ съ нимъ внушить ему, что вы посланы собственно отъ меня; но Государю Императору донесено будетъ подробно о томъ пріемѣ, который имъ оказанъ будетъ; что впрочемъ не смѣлъ бы я отправить васъ, если бы не зналъ, что Великій Государь Россійскій желаетъ дружбы и добраго согласія между обоими народами.

Отъ ловкости въ обхожденіи вашемъ можно обѣщать немалые успѣхи, и знаніе ваше въ Татарскомъ языкѣ много способствовать вамъ будетъ. Не смотрите, какъ Европеецъ, на средства лести: между народами Азіятскими употребленіе онаго обыкновенное, и вы имѣете выгоду не страшиться быть расточительнымъ въ ономъ.

3) Если невозможно будетъ предпринять путь въ Хиву, опредѣленный при экспедиціи Армянинъ Петровичъ, имѣющій знакомство между Трухмен-

цами, доставитъ вамъ случай быть между ними, и вамъ поручаю я употребить стараніе извѣдать: a) Какія силы сего народа въ военномъ отношеніи? Какого рода употребляемое между ними оружіе? Не имѣютъ ли они недостатка въ порохѣ? Имѣютъ ли они понятіе объ артилеріи и въ войнахъ противъ сосѣдей желали ли бы употребленія оной? Можно ли будетъ изъ нихъ самихъ составить, по крайней мѣрѣ, нужную прислугу для нѣкотораго числа орудій? b) Изслѣдовать расположеніе ихъ къ Персіянамъ. Прошедшая съ ними война дала многіе случаи заключать о враждѣ, между ними существующей. Каковы отношенія ихъ къ жителямъ Хорасана, и нѣтъ ли вражды, обыкновенной между сосѣдей? Принимаютъ ли они участіе въ войнѣ Хорасана противъ Персіи и вспомоществуютъ ли первому освободиться отъ ига Персіянъ? Какого рода пособіе даютъ они Хорасанцамъ и что̀ служитъ имъ условіемъ?

Ваше высокоблагородіе можете сдѣлать другія полезныя изслѣдованія, къ которымъ можетъ дать поводъ ваше между ними пребываніе болѣе, нежели что̀ могу я предписать, а паче о народѣ совершенно намъ неизвѣстномъ. Я отъ способностей вашихъ и отъ усердія могу себѣ обѣщать, что не останутся безплодными дѣлаемыя усилія войти съ Трухменскимъ народомъ въ пріязненныя сношенія, и что доставленными свѣдѣніями облегчите вы пути къ будущимъ правительства предпріятіямъ.

Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ.

№ 64.
Іюня 13 дня 1819.
Тифлисъ.

14-го. Обѣдалъ у Француза съ Пономаревымъ. Намъ сдѣлано положеніе столовыхъ денегъ ежемѣсячно: ему по 100, а мнѣ по 75 р. серебромъ.

16-го. Я былъ поутру у Алексѣя Петровича, который меня обласкалъ такимъ образомъ, что я былъ тронутъ. Онъ прощался со мной, обнималъ меня, благословлялъ, хвалилъ, говоря Ивану Вельяминову о моихъ достоинствахъ, о рвеніи и пр. Старика сіе такъ тронуло, что онъ самъ бросился обнимать меня. Алексѣй Петровичъ утѣшилъ меня тѣмъ, что онъ сказалъ мнѣ, что онъ совершенно ничего не ожидаетъ отъ поѣздки нынѣшняго года и что сколь бы мы мало ни сдѣлали, ему все будетъ много казаться.

Остающіяся вещи мои въ Тифлисѣ я отдалъ на сохраненіе Бебутовымъ и написалъ къ Верховскому, какимъ образомъ онъ долженъ распоряжаться моимъ имуществомъ, если я не возвращусь.

17-го. По желанію Пономарева мы отслужили въ Сіонѣ обѣдню и молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ для совершенія счастливаго путешествія.

Алексѣй Петровичъ уѣхалъ на Кавказскую линію въ 6-мъ часу вечера. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ послалъ ко мнѣ записки на Французскомъ языкѣ, кажется, писанныя Мазаровичемъ, о Хивинскомъ и Трухменскомъ народахъ. Ввечеру я заходилъ къ Пономареву, который ѣдетъ особо отъ меня въ Елисаветполь. Я провелъ ночь у Воейкова и не могъ глазъ сомкнуть до самаго разсвѣта.

18-го. Простившись съ товарищами своими, я отправился изъ Тифлиса. Штабсъ-капитанъ Ренненкампфъ провожалъ меня до половины дороги къ Соганлугскому посту, гдѣ я нашелъ Пономарева, выѣхавшаго за полчаса до меня изъ города. Въ тотъ день я продолжалъ путь до станціи Салаглы, гдѣ я нашелъ опять Пономарева на ночлегѣ и отрядъ войсковаго старшины Табунщикова, изъ 250 казаковъ состоящій, сведенный изъ всѣхъ казачьихъ полковъ, въ Грузіи расположенныхъ. Отрядъ сей шелъ въ Дагестанъ для дѣйствованія противу Лезгинъ. Я не могъ уснуть во всю ночь.

19-го. Вставши съ разсвѣтомъ, я пошелъ съ Пономаревымъ къ Табунщикову, который—престранная штука. Онъ простой казакъ съ весьма невыгодной наружностью и даетъ себѣ видъ самой нѣжной, молодой особы: принимаетъ капли, пьетъ кислоты (купоросную), спрыскивается духами (гривенными), выговариваетъ слова совсѣмъ особо, думая придать болѣе нѣжности звуку, разсказываетъ все объ ученыхъ вещахъ, видѣнныхъ имъ въ чужихъ краяхъ. Притомъ онъ любитъ поговорить, и онъ насъ задержалъ до 10 часа утра. Мы уѣхали. Въ тотъ день я прибылъ ночевать на Таузскій постъ; ужасный проливной дождь меня совсѣмъ замочилъ.

20-го. Жаръ былъ очень сильный; не взирая на то, я ѣхалъ цѣлый день и прибылъ ввечеру въ Елисаветополь, прекраснѣйшій городъ, состоящій изъ лучшихъ садовъ, ограды коихъ составляютъ улицы и площади, а дома находятся въ срединѣ оныхъ. Было уже поздно, когда я пріѣхалъ, и потому я не ходилъ къ Пономареву. Я остановился въ предмѣстьи, называемомъ Килиса-Кянтъ, что̀ на правомъ берегу рѣки Ганжинки, у бывшаго прежде хозяина моего, полковника Джіораева. Онъ принялъ меня съ несказанною и нелицемѣрною радостью и со всевозможнымъ гостепріимствомъ. Онъ Грузинъ. Армянинъ бы не сдѣлалъ сего.

21-го. Я познакомился съ семействомъ Пономарева. Старшей дочери его лѣтъ 17; она не дурна собою; вторая нездорова и, кажется мнѣ, очень умная дѣвочка. Кромѣ сего у него еще есть третья дочь и два сына. Жена и мать его еще живы; въ семействѣ семъ, кажется, царствуетъ всеобщее согласіе и взаимная любовь. Онъ хорошій отецъ. Видя взаимныя дружбу и ласки ихъ, я часто сожалѣлъ, что они въ

бѣдности, хотя они на нее не жалуются, а соблюдають всѣ правила гостепріимства.

Передъ обѣдомъ сюда пріѣхалъ изъ Шуши князь Мадатовъ съ адъютантомъ своимъ; онъ тотчасъ же и поѣхалъ въ Тифлисъ и, какъ кажется, будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ командовать отрядомъ въ Дагестанѣ. Мадатовъ мнѣ сказывалъ, что недавно нашли близъ Чанахчей въ Карабагѣ гробъ, въ которомъ лежали разныя древнія вещи, какъ-то мечъ, кольца и пр. Вещи сіи остались въ Шушѣ, но онъ мнѣ подарилъ ихъ.

Плѣшковъ мнѣ сказалъ довольно пріятную вѣсть объ орудіи, за которое я было съ Ахвердовымъ поссорился передъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса, и объ которомъ Горчаковъ такъ неосторожно сказалъ Алексѣю Петровичу, что онъ напередъ зналъ, что орудіе сіе не можетъ пройти по той дорогѣ, по которой оному данъ маршрутъ. Плѣшковъ сказалъ, что орудіе сіе даже и не видало назначенной ему мною дороги, что оно дошло только до Амерловъ, оттуда приставъ воротилъ оное, полагая дорогу сію непроходимою; что онъ самъ не говорилъ Горчакову, что дорога сія непроходима, но что она только затруднительна въ двухъ мѣстахъ, и что онъ самъ прежде по сей дорогѣ съ орудіями хаживалъ. Я напишу все сіе къ Рененкампфу, дабы оправдать себя въ глазахъ начальства.

23-го. Я былъ званъ на завтракъ къ Крылову. Идучи туда, я встрѣтился съ Шеншинымъ, который пришелъ сюда съ командою изъ отряда Тихоцкаго, на озерѣ расположеннаго, для принятія провіанта. Онъ сказалъ мнѣ, что и Тихоцкій и Вадарскій ужасно трусятъ, тогда какъ ни малѣйшей опасности со стороны Татаръ не предстоитъ. Они плачутъ, оба вмѣстѣ имѣя 7 полныхъ ротъ пѣхоты и 200 казаковъ.

Послѣ завтрака я пошелъ къ Ивану Алексѣевичу Яновскому, гдѣ познакомился со здѣшнимъ комендантомъ 17-го егерскаго полка маіоромъ Жилинковымъ. Плѣшковъ водилъ меня по всей здѣшней крѣпости и разсказывалъ мнѣ, какимъ образомъ ее штурмовали; показывалъ батарею, на которой убили Джаватъ-хана; орудія его еще теперь на бастіонахъ стоятъ. Крѣпость приходитъ въ разрушеніе, а въ серединѣ оной видны остатки пышныхъ домовъ ханскихъ; между прочимъ видѣлъ я мортиру огромной величины, на которой написано нашими цифрами 1703. Прочая надпись Русская, но нельзя было ее разобрать. Вѣроятно, что мортира сія попалась въ руки Персіянъ, во время похода Петра Великаго къ Дербенту. Подъ здѣшней крѣпостью есть подземельные ходы, которые совсѣмъ завалены. Жители увѣряютъ, что въ нихъ хранится множество драгоцѣнностей, которыя были закиданы въ оныя во время штурма. Главное же сокровище хана храни-

лось въ землѣ въ саду его, что внѣ крѣпости. Сынъ его, спасшійся отъ штурма и бѣжавшій въ Эривань, еще теперь живъ; онъ пріѣзжалъ сюда недавно тайкомъ, открылъ сокровища и уѣхалъ. Я измѣрялъ вчера съ крѣпости одно чинаровое дерево, корень коего раздѣлился на пять частей; корень сей имѣетъ въ окружности 4½ сажени.

25-го. Вчера видѣлъ я одного арестанта Русскаго, который, будучи капельмейстеромъ въ Суздальскомъ полку, бѣжалъ въ Чечню прошлаго года, оттуда къ Лезгинамъ и, наконецъ, былъ проданъ Мустафѣ-хану Ширванскому отъ котораго онъ опять бѣжалъ въ Нуху, былъ схваченъ и приведенъ подъ карауломъ сюда. Онъ снова скрылся, обворовавъ здѣшнихъ жителей, называясь Чеченцомъ. Человѣкъ чрезвычайно бойкой и, въ теченіи такого короткаго времени, онъ выучился говорить потурецки и поперсидски.

Съ прибытія моего сюда, я былъ каждый день свидѣтелемъ словеснаго суда, который производится съ утра до вечера окружнымъ начальникомъ на дворѣ его: Татары и Армяне одинъ за другимъ приходятъ съ самыми ябедническими просьбами и по сей части имѣютъ гораздо болѣе смышленности, чѣмъ наши приказные. Сему выучили ихъ наши же Русскіе и наше правленіе, котораго долгія и продолжительныя рѣшенія совсѣмъ несообразны съ житіемъ и обычаями здѣшняго народа. На сей счетъ имѣлъ я вчера ввечеру долгій разговоръ съ Понамаревымъ; мы осуждали мѣры, принимаемыя Алексѣемъ Петровичемъ и злоупотребленія, которыя въ его бытность появились сильнѣе, нежели когда-либо и которыхъ сдѣлали врагами нашими непримиримыми вообще всѣхъ жителей здѣшнихъ, равно какъ Грузинъ, Армянъ и Татаръ; причиной сему болѣе окружающіе генерала, которые ищутъ болѣе своей собственной пользы, чѣмъ пользы службы, и которые, не любя великихъ качествъ его, пользуются его беззаботностію о семъ краю, а онъ ему уже слишкомъ надоѣлъ. Мы также перебрали всѣхъ подлецовъ, окружающихъ почтеннаго Алексѣя Петровича нашего.

Вчера дочь Максима Ивановича пѣла Италиянскую арію se m'abandonni mio dolce amore. Она, кажется, добрая дѣвка; жаль, что бѣдное состояніе ея будетъ, можетъ быть, причиною, что она себѣ жениха не скоро найдетъ. Максимъ Ивановичъ Понамаревъ мнѣ нравится; мнѣ кажется, что онъ имѣетъ прямыя правила и благородныя чувства, при томъ этотъ человѣкъ одаренъ хорошимъ умомъ.

27. Я созвалъ къ себѣ гостей. Ввечеру были у меня Пономаревъ, Крыловъ, Плѣшковъ, полицеймейстеръ и засѣдатель; сидѣли до перваго

часа. Мы замѣтили вчера комету, которая показалась на Сѣверо-Западѣ; хвостъ оной весьма великъ.

28-го. Ввечеру Крыловъ звалъ меня на ужинъ, которой онъ давалъ здѣшнему Армянскому обществу при прощаніи; онъ сегодня хочетъ ѣхать въ Россію, ибо совершенно сдалъ уже должность свою Понамареву, которой ее сдалъ коменданту маіору Жилинкову. Мы пришли въ садъ и нашли всѣхъ старшинъ Армянскихъ собранными; они ужинали около большаго дерева, на землѣ, а для насъ поставленъ былъ столъ. Во время ужина играла Азіатская музыка, изъ балалайки и постушьяго рожка состоящая; только никогда наши халуи и пастухи не будутъ въ состояніи произвести такого шума и такъ тревожить наши уши нескладными безъ связи и гармоніи проницательными звуками, какъ сіи ослы, которые восхищались другъ передъ другомъ до того, что обнимались и цѣловались: имъ нравится одинъ шумъ и громъ, и чѣмъ игрунъ задорнѣе надуваетъ, тѣмъ имъ лучше кажется. Ериванскій сердарь, женивъ недавно сына своего, не могъ сдѣлать свадьбы безъ сего живодера; онъ узналъ о пребываніи его въ Елисаветполѣ и послалъ за нимъ. Тотъ справилъ свадьбу и пируху, и хотѣлъ возвратиться домой; но, узнавши, что сердарь силою его удержать хотѣлъ у себя, онъ направилъ лыжи и безъ всякой платы бѣжалъ сюда. Безчеловѣчная музыка сія провожала насъ до квартиръ нашихъ, версты съ полторы, а Крылова и Плѣшкова до крѣпости, гдѣ они раскланялись. Я сегодня узналъ, что комендантъ Жилинковъ, нѣсколько помѣшанный, услышавъ ночью сію музыку за стѣною крѣпости, испугался, полагая, что войска мимо идутъ или что крѣпость въ осадѣ, и арестовалъ дежурнаго; узнавъ же о настоящей причинѣ сей музыки, сегодня онъ намѣренъ представить о томъ главнокомандующему на Крылова и Плѣшкова. Вчерашній ужинъ нашъ весьма былъ похожъ на сходбище разбойниковъ, дѣлящихъ въ лѣсу ночью при свѣтѣ факеловъ добычу свою, или на привидѣніе, изображающее собраніе стариковъ и мудрецовъ прежнихъ вѣковъ, бесѣдующихъ о временахъ и записывающихъ въ книгу судебъ участи смертныхъ. Бѣлобородые старшины, коихъ было до 40 человѣкъ, недвижимо просидѣли три часа на своихъ мѣстахъ и молчаливо привставали съ важностію только тогда, какъ пили наше здоровье. Тутъ я познакомился съ здѣшнимъ Армяниномъ архимандритомъ, который звалъ меня сегодня къ себѣ на угощеніе.

29-го. Я зашелъ въ зорхану или здѣшнее училище бойцовъ. Меня первое ошибъ тяжелый духъ пота, текущаго градомъ съ 8-ми или 10-ти Татаръ, раздѣтыхъ на голо, подвязанныхъ только платкомъ и дѣйствующихъ важнѣйшимъ образомъ въ глубокой ямѣ. Ловкость,

проворство и сила сихъ людей неимовѣрны. Я бросилъ имъ рубль серебромъ, и они порядкомъ расходились. Учитель ихъ, который у нихъ въ большомъ уваженіи, кричитъ, поправляетъ ихъ въ борьбѣ, показываетъ имъ правила, какъ наши фехтмейстеры въ сальдармахъ. Послѣ всякаго наставленія ученикъ кланяется ему въ ноги и цѣлуетъ его руку. У нихъ множество дѣлалось престранныхъ тѣлодвиженій, которыя описать трудно. Самое лучшее было, какъ подъ звукомъ бубенъ и барабановъ, всѣ схватили претолстыя и тяжелыя дубины, выточенныя съ рукоятками, и стали двигать оными надъ головами и за плечами, но такъ искусно, скоро и долго, что я удивился. Зрѣлище сіе довольно походило на пляску діаволовъ въ аду, какъ въ Донъ-Жуанѣ представляютъ. Одинъ или двое кричали во весь голосъ молитвы, въ которыхъ упоминали часто о Богѣ, Магометѣ и Аліи; другіе пѣли Персидскія пѣсни. Всѣ зрители въ ладоши хлопали, барабаны, бубны, и одинъ голый діаволъ, который схватилъ огромный лукъ съ желѣзной тетевой, обвѣшанный кольцами и колокольчиками, началъ кричать, плясать, ударять себя симъ орудіемъ, дѣлая самыя ужасныя тѣлодвиженія: шумъ, крикъ, стукъ, пѣніе, все сіе производило весьма странную гармонію, коей мѣра мало по малу ускорялась и отъ коей борцы не отставали. Наконецъ, она сдѣлалась такъ скора, что учитель едва могъ поспѣвать двигать своими тяжелыми палицами за оной. Обычай сей давно существуетъ въ Азійскихъ краяхъ, и мнѣ кажется, что онъ весьма полезенъ, развязывая человѣка, который отъ сего пріобрѣтаетъ силу. Уроки сіи продолжаются 40 дней сряду, послѣ котораго времени ученикъ приходитъ въ большое разслабленіе. Окончивши курсъ ученія, онъ поправляетъ себя умѣренной пищей и, буде охота опять припадетъ ему къ сему занятію, онъ опять 40 дней сряду учится. Говорятъ, что въ Бакѣ есть пять такихъ Зорхановъ весьма обширныхъ. Слово зорхана значитъ мѣстопребываніе или хранилище силы.

30-го. Я сдѣлалъ вечеринку, на которой были Понамаревъ, Плѣшковъ, Крыловъ, лекарь и еще пріѣзжій сюда шутъ, нѣкто по фамиліи Принцъ, который родомъ Шведъ и носитъ орденъ Меча, служилъ въ Персидскомъ пѣхотномъ полку поручикомъ теперь въ отставкѣ, выдаетъ себя за врача, собираетъ травы и живетъ шарлатанстномъ. Онъ былъ очень милъ вчера, плясалъ и пѣлъ, и кончилось тѣмъ, что сказалъ непріятное слово хозяину моему Джіораеву. Мы подговорили хозяина вынуть на него кинжалъ. Принцъ крайне испугался и, вставъ на колѣни, просилъ извиненія. Тутъ начали его Лезгинами и выстрѣлами пугать до того, что онъ со страху чуть не умеръ. Наконецъ, я скрылся съ однимъ Грузиномъ у моста и, когда онъ проходилъ, вы-

стрѣлилъ по немъ. Онъ побѣжалъ, но его нагнали и связали. Во второмъ часу все кончилось, и мы отпустили несчастнаго Принца.

1-го Іюля мы ввечеру отправились изъ Елизаветполя. Въ Мингичаурѣ мы переправились черезъ рѣку Куру на паромѣ. Страна, представлявшая до сихъ поръ одну голую степь, покрытую солончаками, принимаетъ отсюда совсѣмъ иной видъ. Самые берега Куры уже прекрасны; они обросли съ обѣихъ сторонъ рощами и садами, въ коихъ поселены Армяне. Переправясь, мы все постепенно отдалялись отъ рѣки. Съ лѣвой стороны были голыя горы, объ которыя лучи солнечные ударяли и палили насъ зноемъ, съ правой стороны простиралась плодороднѣйшая, обширная, населенная и обработанная равнина. Между прочимъ ѣхали мы черезъ развалины бывшаго порядочнаго города, называвшагося Арешви, о построеніи коего мнѣ не у кого было освѣдомиться.

Ввечеру, сидя съ Понамаревымъ, я объяснилъ ему причины, побудившія меня оставить отечество свое. Онъ объяснилъ мнѣ бѣдное положеніе свое и то малое вниманіе, которое начальство обращаетъ на него. Онъ обремененъ огромнымъ семействомъ, уже пятнадцать лѣтъ служитъ маіоромъ, человѣкъ честный, что̀ доказываетъ привязанность всѣхъ жителей знающихъ его, особливо тѣхъ, которые подъ его начальствомъ находились. Пробывши довольно долго окружнымъ начальникомъ въ Кубѣ, онъ былъ оклеветанъ передъ Алексѣемъ Петровичемъ генераломъ Хатунцовымъ и вытребованъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ въ разлукѣ отъ своего семейства провелъ десять мѣсяцевъ безъ всякаго дѣла и мѣста. Наконецъ, по оправданіи, ему дали мѣсто пристава при Исмаилѣ-ханѣ Шекинскомъ въ Нухѣ. Пономаревъ тогда получилъ предписаніе отъ главнокомандовавшаго отравить хана. Отъ сего онъ отказался. Его перемѣстили окружнымъ начальникомъ въ Елисаветполь, а на мѣсто его назначили 9-го егерскаго полка маіора Дистерло. Пономаревъ снова потащился изъ Нухи со всѣмъ семействомъ своимъ въ Елисаветполь; переѣзды сіи его совсѣмъ разорили.

3-го. Я выѣхалъ изъ Тургана весьма рано. Мы прибыли на ночлегъ въ Новую Шемаху. Новая Шемаха была недавно столицей Мустафы хана Ширванскаго, котораго предки издревле жили въ Старой Шемахѣ, лежащей за горами. Большая же часть народа пребываетъ почти всегда на равнинѣ около Новой Шемахи, гдѣ плодородіе удивительное и пашней множество. По сей-то причинѣ, опасаясь, чтобы народъ его не сдѣлалъ безпокойства за глазами, Мустафа ханъ оставилъ древнюю столицу свою и построилъ городъ на равнинѣ, гдѣ онъ уже совсѣмъ было завелся. Когда же узналъ онъ, что народъ его селится опять въ горахъ повыше, въ Фитагѣ, то онъ принужденъ былъ

оставить мѣстопребываніе свое и устроился въ Фитагѣ, гдѣ ему удобнѣе быть въ сношеніяхъ съ Лезгинами, гдѣ онъ безопаснѣе отъ Русскихъ и откуда можетъ имѣть скрытныя сношенія съ Персіей. Говорятъ, что новый городъ сей прекрасно устроенъ и многолюденъ; приступъ къ оному очень затруднителенъ. Тамъ онъ даетъ убѣжище бѣглымъ Русскимъ солдатамъ и перепущаетъ ихъ въ Персію. Мустафа ханъ, отдавшись добровольно въ подданство Россіи, потому что онъ постигъ силу ея, держалъ о сю пору политику, которая доказываетъ его умъ и хитрость. Онъ вѣчно наблюдалъ середину между Персіянами и нами: первыхъ стращалъ нами, а насъ всегда держалъ въ уваженіи къ себѣ, потому что у насъ никогда не было достаточно войскъ для укрощенія власти и надменности хановъ. Между тѣмъ Мустафа видѣлъ, что ему гораздо легче состоять въ подданствѣ у Русскихъ, чѣмъ у Персіянъ, и онъ соблюдалъ посему нѣкоторую вѣрность къ нашему правительству. При немъ о сю пору находится Русскій приставъ, который живетъ въ Сагьянахъ, Армянскомъ селеніи не далеко отъ Фитага лежащемъ. Теперь приставъ сей Севастопольскаго пѣхотнаго полка капитанъ Макаевъ. Въ Новой Шемахѣ остался теперь только одинъ казачій постъ. Мы тутъ ночевали.

4-го числа, проѣхавъ верстъ семь равниной, мы стали подыматься на крутыя горы, раздѣляющія насъ отъ Старой Шемахи. Переѣздъ былъ не великъ, но лошади наши такъ пристали, что мы только къ вечеру прибыли на станцію. Обширная, богатая равнина осталась у ногъ нашихъ. Горизонтъ оной сливался съ небомъ. Горы, по которымъ мы ѣхали, представляли также прекраснѣйшій видъ, множество Армянскихъ селеній разбросано по ущельямъ и вершинамъ. Народъ вездѣ былъ на жатвѣ, и хлѣбные стога окружали селенія во множествѣ. Лошади наши до такой степени пристали, что мы принуждены были нанять буйволовъ, дабы дотащить бричку свою до родника, находящагося на половинѣ дороги. Жаръ и насъ измучилъ. Я бросился къ холодному роднику, который мнѣ показался той живой водой, которую въ сказкахъ описываютъ. Родникъ сей обстроенъ каменнымъ храмикомъ; отъ сего мѣста до самой Шемахи много такихъ родниковъ съ прекрасной водой, что̀ доказываетъ древнее населеніе сего мѣста.

Старая Шемаха или Когнешаръ, т.-е. Кегнеширъ, что̀ значитъ древній городъ, открывается верстахъ въ трехъ, не доѣзжая оной. Развалины обширны и величественны. Бани, мечети, палаты и крѣпость еще о сю пору внушаютъ уваженіе къ строителю сей столицы, которая полагается весьма древней. Дворецъ ханскій лежитъ на высотѣ и, такъ сказать, паритъ взоромъ надъ памятниками древности. Почтовый дворъ расположенъ въ караванъ-сараѣ прекрасно выстроенномъ. Цитадель

находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ крѣпости. Тамъ есть глубокая пещера, въ которой по разсказамъ старожиловъ похоронена какая-то царь-дѣвица Лютра, строительница сей цитадели. Съ ней будто похоронены безчисленныя сокровища, которыя Мустафа хотѣлъ отрыть, на каковой предметъ посыланы были туда люди; но дѣва не допустила ихъ до себя. Мнѣ нельзя было самому туда идти по причинѣ поздняго времени, но по возвращеніи своемъ я намѣренъ непремѣнно посѣтить сіи пещеры.

Въ полдень, сидючи около родника въ горахъ Шамахинскихъ, я разговаривалъ со всѣми прохожими, которые приходили утолять жажду свою. Между прочимъ приходилъ одинъ изъ приближенныхъ слугъ Мустафы хана, который говорилъ мнѣ, что онъ наряжаетъ въ числѣ пятисотъ человѣкъ конницу, которую Мустафа представляетъ по требованію Русскаго правительства. Я полагаю, что отрядъ сей, соединясь съ Табунщиковымъ, пойдетъ подъ начальствомъ князя Мадатова въ Кубу противъ Лезгинъ.

Обширная и плодородная равнина, о которой я упоминалъ, есть та самая, въ которой добывается наибольшее количество шелку Шемаханскаго, вывозимаго во всѣ земли.

5-го. Мы выѣхали изъ Старой Шемахи и проѣхали только двѣ станціи. Страна имѣетъ совершенно другой видъ: степь, горы, изрѣдка кочевья; но вездѣ остатки населеній, городовъ и зданій. Мы обѣдали на Морозинскомъ посту, гдѣ были угощаемы постовымъ казачьимъ офицеромъ, поселившимся тутъ съ молодой женой своей и ребенкомъ. Ночевали мы въ глубокой балкѣ: такъ называется казачій постъ, расположенный въ безводной и неплодородной степи.

6-го числа, выѣхавъ очень рано, мы пріѣхали на Арбатскій постъ, расположенный въ весьма исправной и хорошо выстроенной крѣпостцѣ. Тутъ мы застали фуру свою съ подарками, которую отправили впередъ. Тутъ тоже нашли мы опять Табунщикова, который, минуя Баку, шелъ прямо на Кубу; мы у него обѣдали. Богъ знаетъ о чемъ онъ намъ не говорилъ. Въ Арбатѣ нагнала меня летучая изъ Тифлиса съ рапортомъ на мое имя; но рапортъ сей заключалъ только письма, изъ коихъ одно изъ Парижа. Раненкампфъ извѣщаетъ меня, что два баталіона и двѣнадцать орудій идутъ изъ Шулаверы для разогнанія 8.000-й партіи Лезгинъ, туда прибывшихъ. Кажется мнѣ, что у нихъ тамъ послѣ моего отъѣзда не совсѣмъ ладно идетъ.

Послѣднія станціи Максимъ Ивановичъ началъ надоѣдать мнѣ своей трусостію: чуть услышитъ онъ самый легкій спускъ, сейчасъ соскочитъ съ брички, велитъ ее тормозить и начнетъ со своимъ человѣкомъ ругаться. Человѣкъ его на козлахъ правитъ коренными;

ему сколько доставалось! Ты ѣздить не умѣешь, мошенникъ; ты возжи распустилъ; вишь лошади несутъ, бричку разобьетъ. Ужо тебя, каналья! Это я всю дорогу слышалъ, а человѣкъ отвѣчалъ ему довольно грубо или насмѣшкой. Старинный вѣкъ!

Послѣдній переѣздъ нашъ къ Бакѣ былъ тридцать верстъ. Когда мы поднялись на высоту, намъ открылись море, крѣпость и суда. Крѣпость имѣетъ величественный видъ, обширна и въ исправности. По прибытіи нашемъ комендантъ л.-гв. кирасирскаго полка полковникъ Павелъ Моисеевичъ Меликовъ и прочіе знакомые Пономарева собрались всѣ на нашу квартиру и чѣмъ кто могъ старались услужить намъ, такъ что черезъ часъ у насъ уже былъ собранъ ужинъ. Въ тотъ же вечеръ еще явился къ намъ Армянинъ Муратовъ, который назначенъ Алексѣемъ Петровичемъ для поѣздки со мной въ Хиву.

Съ 7-го числа началось настоящее несносное пребываніе мое въ Бакѣ. Пономаревъ человѣкъ стараго вѣка; у насъ съ утра до вечера не переводятся гости, которые добрые гостепріимные люди, но *мары*. Пономаревъ все съ ними толкуетъ и тащитъ меня то обѣдать, то на ужинъ, то на чай къ нимъ, и цѣлый день у насъ даромъ пропадаетъ, а тутъ еще наливочка за наливочкой, до двадцати разъ водки выпить, да чайку съ прибавочкой, такъ что старикъ мой домой навеселѣ приходитъ. Ему это все нравится, и онъ удивляется, что я стараюсь удаляться отъ сего и занимаюсь. Мнѣ надобно пройти Шуберта, дабы быть въ состояніи наблюдать широты; но ни за что приняться нельзя. Я здѣсь познакомился съ человѣками до двадцати, которыхъ я по имени и по отечеству знаю, а фамиліи никакъ. Суда уже давно готовы, а дѣло все откладывается со дня на день. Мы запасаемся провіантомъ и взяли изъ гарнизона тридцать человѣкъ при офицерѣ, которые будутъ съ нами слѣдовать. Максимъ Ивановичъ также взялъ къ себѣ въ письмоводители одного статскаго чиновника Александра Степановича Полетаева.

7-го числа мы явились къ коменданту и обѣдали у него. Мы также познакомились съ морскими офицерами. Мы ѣдемъ на двухъ судахъ, изъ коихъ первое, корветъ 20-пушечный, пришелъ сюда изъ Астрахани подъ начальствомъ лейтенанта Александра Васильевича Коробки, человѣка опытнаго, но слѣпаго и пьянаго. Кажется, что по сей самой причинѣ его смѣнили и ввѣрили начальство надъ корветомъ лейтенанту Григорію Гавриловичу Басаргину. Человѣкъ видный собою, какъ говорятъ, хорошій офицеръ. Корветъ его называется «Казань». Другое судно, шкоутъ купеческій, по имени «Поликарпъ»; оно не вооружено и будетъ везти команду нашу и всѣ излишнія тягости.

Имъ командуетъ лейтенантъ Аполлонъ Ѳедоровичъ Остолоповъ. Еще два мичмана, священникъ, лекарь, артельщикъ, штурманъ 14-го класса; всего же будетъ на немъ людей 140.

Городъ Баку окруженъ двойной крѣпостной стѣной съ башнями, амбразурами и орудіями. Окрестности онаго гористы и совершенно голы. Крѣпость нуждается въ водѣ и дровахъ. Вообще положеніе оной совсѣмъ не выгодно. Улицы здѣсь узки, строенія высоки, но довольно опрятны. Жителей много. Базаръ порядоченъ, и караванъ-сараи хороши, торговля идетъ съ Астраханью значительная. Сами обыватели нынче строютъ здѣсь суда. Въ Бакѣ, на берегу моря, есть высокая башня, называющаяся Дѣвичей башней; по разсказамъ жителей она получила сіе названіе отъ слѣдующаго происшествія. Въ древнія времена одинъ владѣтельный ханъ здѣшній влюбился въ родную дочь свою и требовалъ отъ нея, чтобы она продалась ему. По долгомъ сопротивленіи дочь согласилась; но притворное согласіе ея было сопряжено съ тѣмъ условіемъ, чтобы отецъ выстроилъ высокую башню на берегу моря, въ которой она рѣшилась обезчестить себя. Ханъ выстроилъ башню въ весьма короткое время, дочь сама повела его на верхъ и, показавъ ему вышину оной надъ моремъ, въ то самое время, какъ онъ нагнулся, чтобы посмотрѣть море, столкнула его въ пропасть и сама за нимъ бросилась. Я все сбираюсь взойти на эту башню; но мнѣ не удается: гости одолѣли меня. Надо бы также исходить подземелья, которыя надъ всѣмъ городомъ находятся. Надобно бы еще увидѣть огнеслуженіе Индѣйцевъ при нефтяныхъ колодцахъ, гдѣ горитъ неугасимый огонь. Колодцы сіи въ 18-ти верстахъ отъ города.

8-го числа мы обѣдали у плацъ-маіора Троицкаго пѣхотнаго полка маіора Аѳанасьева. Добрый мужикъ и жена его все подчуютъ наливочками да наливочками и говорятъ по-русски точно какъ наши кирасиры, перемѣняя *у* въ *в*, *о* въ *у* и пр., *устали* вмѣсто *встали*, *вбилъ* вмѣсто *убилъ*. Въ тотъ же вечеръ морскіе офицеры пригласили насъ на корветъ, откуда поѣхали мы на берегъ за городъ къ домику, называющемуся морскими банями. Мы тамъ провели вечеръ и были свидѣтелями сильнаго сраженія между четырьмя фалангами и болѣе двадцати скорпіоновъ, которыхъ тамъ множество. Ихъ набрали и посадили въ мѣдный тазъ. Мы плыли около развалинъ большаго караванъ-сарая, скрытаго подъ водой въ разстояніи полверсты отъ берега. Изъ воды показываются одни только башни. Непонятно, какъ зданіе сіе могло туда попасть; надобно полагать, что море съ тѣхъ поръ прибыло. Глубины въ семъ мѣстѣ три сажени. Я слышалъ здѣсь, что замѣчено, будто море всякія тридцать лѣтъ перемѣняетъ берега свои

прибылью или убылью. Весь край здѣшній достоинъ большаго разсмотрѣнія по горючему нефтяному свойству земли и по большимъ развалинамъ зданій, коихъ вездѣ много и кои служить бы могли историческими памятниками.

9-го числа. Я оставался нарочно дома обѣдать, чтобы успѣть что нибудь сдѣлать; но опять не удалось: гости!

11-го. Была у насъ жестокая тамаша. Мы отправились по приглашенію морскихъ офицеровъ обѣдать къ нимъ на корветъ. Обѣдали, пили, и въ 4 часа все уже было кончено. Я предлагалъ Пономареву возвратиться домой; но ему тамъ понравилось. Онъ остался пировать со мной до 12 часовъ ночи: пальба, пѣсни, крикъ, все шло своимъ порядкомъ, а старика моего все нарѣзывали. Пришелъ попъ эскадронный, который тутъ же началъ пить и пѣть. Пока онъ пилъ съ Максимомъ Ивановичемъ, мнѣ все подносили и наливали; но я, скинувъ трубку съ длиннаго чубука, пропущалъ все подъ столъ въ чубукъ. Наконецъ, когда Максимъ Ивановичъ уже порядочно подтянулъ, онъ, сколько могъ, въ полголоса говоритъ: пали, пей! и цѣловалъ меня. Если я отъ него отходилъ, то онъ посылалъ за мной и божился мнѣ на ухо, что Александръ Андреевичъ Жоховъ (командиръ эскадры въ Астрахани) прекрасный человѣкъ. Отъ Пономарева меня все въ сторону отзывалъ артилерійскій офицеръ, который увѣрялъ меня, что Андрей Михайловичъ Бурчужинскій (командиръ Бакинскаго гарнизона) прекраснѣйшій человѣкъ. Я имъ охотно вѣрилъ; но мнѣ надобно было подумать, какъ бы съ судна уйти. Басаргинъ не приказывалъ меня отпускать. Пономаревъ сознался, что не можетъ ѣхать, и мы его уложили спать. Басаргинъ приказалъ подвести катеръ, и я уѣхалъ.

12-го. Я узналъ отъ Петровича настоящую причину, по которой отрѣшили Коробку отъ командованія корвета. Это было не за пьянство, какъ то говорятъ, а за то, что начальникъ его Лихаревъ въ Астрахани, когда уже Коробка хотѣлъ съ якоря подняться въ Баку, прислалъ къ нему 500 четвертей муки для торговли съ Трухменцами; но Коробка отказался отъ сего, опасаясь, чтобы главнокомандующій о томъ не узналъ. Лихаревъ смѣнилъ его.

13-го ввечеру шкоутъ «Поликарпъ» отправился на островъ Сару съ высадной командой нашей для заготовленія дровъ и налитія себя водой.

14-го, въ день моего рожденія, мы сдѣлали тамашу, т.-е. къ намъ собрался весь городъ на саклю, и мы сдѣлали имъ попойку и ужинъ. Что̀ за народъ! Что̀ за жизнь! Что̀ за разговоръ! Одинъ маіоръ Бурчужинскій называется у нихъ балагуромъ и безъ него будто обществу скучно; а у него только одна шутка и есть: какая-то непри-

личная, съ которой онъ вѣчно на священника нападаетъ, и всѣ хохочутъ.

17-го. Мы были на завтракѣ у одного почтеннаго здѣшняго Армянина Вартана Хичетуровича Вартанова. Къ вечеру мы едва собрались, потому что я прятался отъ подчиваній, отъ которыхъ я началъ было занемогать въ Баку. Пономаревъ гдѣ-то еще побывалъ, и кое-какъ собрались у штабсъ-капитана Андреева, откуда переѣхали совершенно на корветъ «Казань въ 10-мъ часу вечера.

18-го. Послѣ долгихъ прощаній и изліяній мы, наконецъ, разстались со скучной Бакой. Въ пять или шесть часовъ вечера мы снялись съ якоря, направляя путь свой къ острову Сарѣ. Вѣтеръ былъ N и довольно свѣжій. Плаваніе наше началось очень успѣшно. Сколько я ни удерживался, я не могъ не испытать на себѣ общаго недуга садящихся въ первый разъ на судно.

20-го по утру открылся намъ островъ Сара, и въ 12-мъ часу мы бросили якорь въ рейдѣ. Сошедши на берегъ, мы обѣдали у здѣшняго эскадроннаго командира капитанъ-лейтенанта Семена Александровича Николаева: человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, женившійся на 12-ти лѣтней дѣвчонкѣ, дочери штурмана. Островъ Сара имѣетъ видъ полукружія и около восьми верстъ въ длину. Грунтъ онаго ракуша, на которой наши Русскіе поселились, пообстроились по возможности и посадили ивочку. Большая же часть острова покрыта камышами.

Командиръ нашего шкоута «Поликарпъ» прибылъ сюда за два дни до насъ. Лейтенанту Остолопову, кажется, не очень хочется идти на Трухменскій берегъ. Онъ жалуется то на открывавшуюся течь, то на недостатокъ припасовъ и матеріаловъ, какъ будто бы его портъ Астраханскій не снабдилъ всѣмъ нужнымъ на плаваніе. Теперь остановка выходитъ за дровами, и господа флотскіе поминутно противорѣчатъ себѣ въ томъ. Басаргинъ говорилъ, что ему надобно въ Сару заѣхать за дровами. Побывъ здѣсь и посмотря хуторъ свой, онъ сталъ говорить, что у него дровъ достаточно, но бывъ еще на островѣ онъ снова сталъ жаловаться на неимѣніе дровъ. Остолоповъ говорилъ, что онъ здѣсь 1500 плахъ дровъ получилъ; теперь онъ говоритъ, что ему надобно въ Ленкорань за дровами. Всѣ ли обстоятельства возродили во мнѣ подозрѣнія, которыя я вчера объяснилъ Максиму Ивановичу. Такъ какъ флотскіе офицеры всегда торговали пропускомъ мѣдныхъ денегъ за границу, то не для того ли они пристали сюда, чтобы ихъ сдать Николаеву? Не для того ли Остолоповъ ѣдетъ въ Ленкорань, и не для того ли онъ жалуется на течь, чтобы, отставъ отъ насъ, пристать къ Персидскому берегу и спустить мѣдь?

Коробкѣ было отказано отъ командованія нашимъ корветомъ за то, что онъ не хотѣлъ взять на оный 500 четвертей муки для торговыхъ оборотовъ съ Трухменцами, что строжайше запрещено главнокомандующимъ, дабы корыстолюбіемъ не отвратить сихъ народовъ отъ Русскихъ; не находится ли теперь мука сія на нашемъ корветѣ? Меня болѣе еще въ томъ удостовѣряютъ двусмысленныя слова нашего катернаго кормчаго, который везъ насъ вчера съ берега. Кромѣ Пономарева и меня никого на суднѣ не было и, когда я его спросилъ о числѣ дровъ имѣющемся на нашемъ корветѣ, то онъ сказалъ хитрымъ образомъ: Дровъ-то довольно, да далеко заложены. И такъ Максимъ Ивановичъ взялъ мѣры, чтобы не дать совершиться сему подлому торгу. Онъ приказалъ дежурному офицеру нашему, на шкоутѣ съ командой расположенному, наблюдать тайнымъ образомъ за Остолоповымъ; мы же посмотримъ, что будетъ дѣлаться на корветѣ.

21—23. Мы простояли на якорѣ. Дождь шелъ очень сильный. Ввечеру отецъ Тимофей и Армянинъ Петровичъ прибыли изъ Ленкорани. Въ тотъ же день я отправилъ на островъ въ госпиталь деньщика Верховскаго, который занемогъ сильной горячкой; а меня схватила очень сильная лихорадка, которой третій пароксизмъ былъ вчера.

24-го. Въ 7 часовъ утра мы снялись съ якоря при свѣжемъ NO.

25 и 26-го насъ мочилъ безпрерывно сильный дождь. Качка меня также безпокоила; въ лихорадочные дни я крѣпко страдалъ и пробылъ трое сутокъ безъ всякой пищи. Вчера ввечеру только началъ по немногу ѣсть. Тогда же погода прояснилась, ночь была прекрасная; зыбь совсѣмъ унялась, и сдѣлался штиль. Мы подвигались по четверти узла въ часъ. Главныя забавы наши состояли въ мирзѣ Магометѣ-Ассанѣ нашемъ и Петровичѣ. Первый долго повиновался закону своему и не хотѣлъ нашего кушанья ѣсть, но, наконецъ сраженный голодомъ, онъ согласился на нашу пищу. Армянинъ Петровичъ бѣсилъ его, не давая ему молиться; а Петровича бѣсили мы, разспрашивая его о берегахъ и сбивая его въ названіяхъ. Онъ насъ также забавлялъ разсказами о какомъ-то Джадукярѣ или колдунѣ, котораго онъ будто видѣлъ въ Трухменіи, когда былъ туда посыланъ Ртищевымъ для вывоза пословъ. Джадукяръ сей пріѣхалъ будто изъ Китая и жилъ въ шести дняхъ ѣзды отъ берега. Разсказы его о двуглавомъ верблюдѣ и большомъ ежѣ веселятъ насъ всю дорогу, а онъ сердится, когда ему не вѣрятъ.

Общество наше состоитъ изъ лейтенанта Григорія Гавриловича Васаргина, капитана корвета, человѣка съ нѣкоторымъ воспитаніемъ, умнаго и основательнаго. Наружность его пріятная, и онъ во всемъ похожъ на Англійскаго лорда. Лейтенантъ Алексѣй Максимовичъ

Юрьевъ, котораго одна радость въ томъ состоитъ, чтобы лазить по мачтамъ, хлопотать и кричать. Мичманъ Николай Өедоровичъ Ивановъ, молодой малый весьма порядочный. Штабъ-лѣкарь Павелъ Прохоровичъ Формицинъ, молодой малый со свѣдѣніями, коего наружность совершенно соотвѣтствуетъ фамиліи. Артилерійскій унтеръ-лейтенантъ Иванъ Степановичъ Линицкій; онъ освобожденъ отъ всякой службы ради должности артельщика, которую онъ исполняетъ весьма искусно. Его прозвали маткой. Онъ имѣетъ большія странности, женоподобенъ и глухъ, что̀ наводитъ на него довольно часто насмѣшки, коимъ также причиною простота его. Отецъ Тимоѳей, человѣкъ простой, но пріятный въ обществѣ, служитъ очень хорошо, а въ пріятельскомъ кругу умѣетъ повеселиться и подвеселить другихъ. Штурманъ и шкиперъ составляютъ особой корпусъ. Письмоводитель Пономарева Александръ Степановичъ Полетаевъ, смирный, хорошій малый, котораго лысина могла бы замѣнить искусственный горизонтъ въ наблюденіяхъ высоты свѣтилъ секстантомъ. Корветъ нашъ называется «Казанью», имѣетъ 18 коронадъ; на немъ до 160 человѣкъ. Онъ только второй годъ въ морѣ; построеніе его хвалятъ. Онъ легокъ на ходу и имѣетъ всѣ удобства для хорошаго плаванія.

28-го. Мы увидѣли Трухменскій берегъ, который мы приняли за такъ называемый Бѣлый бугоръ. Онъ имѣетъ видъ продолговатый и направленіе къ NO; оконечность онаго, прилежащая къ берегу, пониже. Мы остановились на якорѣ верстахъ въ семи отъ берега, на глубинѣ $4^1/_2$ саженъ. Смотря съ марса въ зрительныя трубы, намъ снилось видѣть кибитки Трухменцевъ на берегу, и мы предположили на другой день высадить Армянина Петровича на берегъ для приведенія къ намъ Трухменцевъ, а меня для обозрѣнія берега.

29-го. Спустили съ корвета 12-ти весельный барказъ, который вооружили 12-ти фунтовой коронадой, двумя фалконетами и шестью ружейными матросами. Всего насъ было на баркасѣ 24 человѣка, а какъ мы полагали въ тотъ же вечеръ возвратиться на корветъ, то мы взяли съ собой сухарей и воды только на одинъ день. Проплывъ на веслахъ часа полтора, мы бросили дрекъ саженяхъ въ 30-ти отъ берега по причинѣ малой глубины. Мы перенесли ружья и платье свое на берегъ. Саженяхъ въ 10-ти отъ воды были песчаные бугры, нанесенные вѣтромъ, по коимъ росъ бурьянникъ. Взлѣзши на одинъ изъ сихъ бугровъ, я увидѣлъ въ трубку, что мнимый Бѣлый бугоръ есть цѣлая гора, которая должна зависѣть отъ другой цѣпи горъ. Повидимому она лежала верстахъ въ 10-ти отъ насъ и казалась отдѣлена отъ насъ моремъ. И такъ мы считали себя на острову. Я послѣ узналъ, что кажущееся намъ море ни что иное было какъ со-

леная степь или высохшее соленое озеро, на поверхности коего окристализированная соль такъ блистала отъ солнца и казалась въ волненіи отъ пара, произведеннаго теплотой или сгущеніемъ воздуха. Положено было мнѣ отъ сего мѣста идти къ Сѣверу для отысканія култука или залива, въ которомъ скрываются Трухменскіе киржимы. По словамъ артилерійскаго унтеръ офицера Добрычева, Петровича и одного матроса Агѣева, которые прежде здѣсь бывали, я рѣшился искать залива сего южнѣе, подвигаясь къ Астрабаду. Къ тому, въ той сторонѣ должна была находиться рѣка. И такъ я пошелъ берегомъ съ четырьмя ружейными и Петровичемъ, неся самъ свой штуцеръ на спинѣ; а лейтенантъ Юрьевъ равнялся на баркасѣ, съ остальнымъ народомъ, плывя около берега. Прежде нежели пуститься въ походъ, я вырылъ на берегу колодезь, коего вода оказалась соленой.

Прошедши верстъ 15 по берегу, по слѣдамъ верблюжьимъ, коннымъ и босыхъ ногъ, я увидѣлъ за кустомъ шестъ, на которомъ навязанъ былъ флюгерокъ. Я увѣрился вскорѣ, что это долженъ быть Киржимъ Трухменской, стоящій въ заливѣ, и сталъ красться къ нему изъ-за кустовъ; но вмѣсто того я увидѣлъ песчаный бугоръ, на которомъ собрано было множество сухихъ травъ и среди коего стояла высокая жердь съ флюгеромъ. Меня сіе очень огорчило. Я мучился цѣлый день въ пескѣ, на солнцѣ, и ничего не открылъ. Уже 3-й часъ пополудни былъ, и я рѣшился возвратиться на корветъ, оставя Петровича для отысканія кочевья Трухменскаго. Мы собрались; но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ съ моря. Отплывъ съ полверсты отъ берега, мы никакъ болѣе впередъ подвинуться не могли. Народъ измучился; волна заливала насъ, и я увидѣлъ на лицѣ Юрьева и матросовъ, что они не были покойны. Не знавъ опасности морской, я молчалъ; но Юрьевъ самъ мнѣ предложилъ возвратиться. Я предоставилъ сіе на его волю, и мы опять привалили къ берегу на ночлегъ.

Первая мысль, которая меня поразила, была та, что бурунъ могъ недѣлю продлиться, а мы безъ хлѣба и безъ воды были. Дѣлать же было нечего. Къ тому, я не могъ быть совершенно спокоенъ со стороны нападеній отъ Трухменцевъ. Я вытащилъ оба фальконета на берегъ, занялъ два бугра, обвелся цѣпью и расположился ночевать. Песокъ засыпалъ намъ глаза и уши. Ночь мы раздѣлили съ Юрьевымъ пополамъ, чтобъ обхаживать часовыхъ. Мы зажгли Трухменской шалашъ, дабы дать извѣстіе о себѣ на корветъ. Я вырылъ еще два колодца; но вода въ оныхъ такъ была солона, что ее въ ротъ нельзя было взять. Ввечеру Петровичъ возвратился къ намъ, не найдя ни одной живой души на берегу. Такимъ образомъ мы провели всю ночь на берегу въ пескахъ, усталые и томимые сильной жаждой.

30-го числа, къ сожалѣнію нашему, буранъ не уменьшался. Сухари приходили къ концу, а жажда прибавлялась. Люди наши стали употреблять морскую воду, обмакивая въ оную остальные сухари свои. Мы были въ крайности. Я рѣшился идти въ степь къ видѣннымъ вдали буграмъ, въ надеждѣ найти кочевье или прѣсную воду, приказавъ Юрьеву передвинуть лагерь ближе къ берегу, болѣе въ кучу собраться и оставить только одинъ передовой пикетъ. Я собрался идти, какъ вдругъ увидѣли мы, что баркасъ нашъ совсѣмъ затопило; всѣ бросились въ волны. Коронада оставалась на баркасѣ; ее выбросили за бортъ и съ трудомъ перетащили судно на берегъ. Оно было нѣсколько повреждено. Послѣ сего я взялъ свой штуцеръ на плечо и пошелъ въ степь съ артилерійскимъ унтеръ-офицеромъ, съ Петровичемъ, 4-мя ружейными и двумя лопатниками. Я шелъ версты четыре сыпучими песками, измучился, но рѣшился добиться бугровъ дальнихъ, какъ вдругъ мы стали вязнуть, очутились по колѣна въ черной иловатой землѣ, среди обширнаго высохшаго соленаго озера. Тутъ я увѣрился въ оптическомъ обманѣ, который производятъ сіи озера. Сколько разъ мнѣ вдали казалось видѣть воду и людей по берегу оной; но вмѣсто людей выходили кусты, а я самъ вязнулъ въ мнимыхъ заливахъ. Я принужденъ былъ возвратиться. На обратномъ пути я еще вырылъ три колодца, но вода вездѣ была соленая. Тутъ я испыталъ средство, слыханное мною въ Персіи: для скорѣйшаго скопленія воды въ колодцахъ—стрѣлять въ яму. Оно мнѣ хорошо удалось, но недоставило той воды, которая мнѣ была нужна.

Возвратившись къ берегу, я началъ испытывать вывариваніе морской воды. Котла у насъ не было. Я велѣлъ раскалить нѣсколько ядеръ и пустить ихъ въ ведро соленой воды: вода вскипѣла, дала пѣну, но вкуса не перемѣнила. Пологая, что известь будетъ вбирать въ себя соль во время кипѣнія, я приказалъ набрать раковинъ и растолочить ихъ, положивъ оныя въ ведро, пустилъ опять нѣсколько раскаленныхъ ядеръ въ оную, но толку никакого не было. И такъ я рѣшился сидѣть у моря и ждать погоды.

Ввечеру Юрьеву вздумалось, облегчивъ баркасъ совершенно, послать его къ корвету. Онъ хотѣлъ самъ ѣхать; но я ему замѣтилъ, что ему не слѣдъ было бросать орудій на берегу, и что мое присутствіе на корветѣ гораздо нужнѣе его; слѣдственно, если которому изъ насъ ѣхать, то мнѣ слѣдовало; а что впрочемъ, не желая оставить товарищу одному переносить горе, я охотно останусь съ нимъ. И такъ положили отправить унтеръ-офицера съ гребцами.

31-го числа, съ восхожденіемъ луны, баркасъ былъ отправленъ къ корвету. Волненіе нѣсколько начинало утихать. Я написалъ каран-

дашомъ записку къ Пономареву, чтобы намъ прислали средства къ продовольствію, прибавивъ еще, что, въ случаѣ какого-либо несчастія, я отправлюсь пѣшкомъ въ Астрабадъ.

До полдня баркасъ возвратился; намъ прислали продовольствія только на одинъ завтракъ, и я получилъ письмо отъ Пономарева, которымъ онъ меня просилъ убѣдительно возвратиться скорѣе. Къ оному времени стало тише; мы нагрузили баркасъ и по двухъ-или трехчасовомъ плаваніи прибыли къ корвету.

По сдѣланнымъ наблюденіямъ высоты солнца и вычисленной мною широтѣ оказалось, что мы стояли подъ 37° 42′ 37″, 80 сѣверной широты; по картѣ графа Войновича, приложенной къ описанію его путешествія по симъ берегамъ, оказалось, что мы точно передъ Бѣлымъ бугромъ; но по картѣ, по которой слѣдуютъ мореходцы, мы стояли гораздо сѣвернѣе и потому заключили, что мы у Зеленаго бугра. Насъ болѣе въ семъ увѣряло то, что Астрабадскихъ горъ не было видно, и слѣдственно мы заключили, что находимся въ большомъ отдаленіи отъ Астрабада. И такъ мы рѣшились спускаться къ югу для отысканія Бѣлаго бугра и въ тотъ же вечеръ снялись съ якоря.

1-го Августа, поутру, за службой, сказали намъ, что три киржима Трухменскихъ показались около берега. Мы вышли на палубу и увидѣли ихъ. Они плыли на парусахъ къ Сѣверу. Намъ надобно было хотя одинъ изъ нихъ остановить, дабы залучить къ себѣ кого-нибудь, и потому сдѣлали одинъ холостой выстрѣлъ изъ коронады. Но они, не понявъ знака нашего, спѣшили уплыть. По нимъ пустили два ядра, которыя не долетѣли. Наконецъ спустили шестерку съ вооруженными людьми и Петровичемъ. Судно наше едва успѣло отрѣзать дорогу послѣднему киржиму, который, видя себя захваченнымъ, причалилъ къ берегу. Народъ, находившійся на ономъ, изъ 5 мущинъ и 3 женщинъ состоявшій, бросился на берегъ и въ кусты бѣжать. Наши также на берегъ выбрались. Петровичъ остановилъ одного Трухменца и увѣрилъ его въ дружескихъ расположеніяхъ нашихъ (вопреки того, что Юрьевъ, посланный на шестеркѣ, имѣлъ неосторожность пустить по нимъ три ружейныхъ пули, которыя, къ счастію, никого не задѣли). Народъ воротился изъ кустовъ и просилъ помилованія. Ихъ увѣрили, что зла никакого имъ не причинятъ и взяли хозяина послѣдняго киржима на судно, отпустя прочихъ. Девлетъ-Али прибылъ на судно, ему было 57 лѣтъ отъ роду. Оказалось, что онъ не изъ самаго простаго сословія. Его ласкали и подчивали; но онъ все намъ мало довѣрялъ, полагая себя въ плѣну, былъ грустенъ и ожидалъ несчастной участи себѣ. По сдѣланнымъ нами разспросамъ, оказалось, что мы прибыли

точно къ Бѣлому бугру. Серебряный бугоръ нѣсколько южнѣе лежитъ. Кочевье сихъ плававшихъ Трухменцевъ находилось между двумя буграми, на берегу моря, и мѣсто онаго называется Гассанъ-кули. Тутъ у нихъ 200 кибитокъ, коихъ старшина—Кіатъ-Ага, бывшій посланникомъ въ 1812 или 1813 гг. у Ртищева. Скотъ сихъ Трухменцевъ пасется около самаго Серебрянаго бугра; сами же они тутъ жительство имѣютъ потому, что въ семъ мѣстѣ есть удобное пристанище для киржимовъ, на чемъ основанъ весь промыселъ ихъ. Водой они довольствуются изъ рѣчки Гюргенъ-чая, которая у Серебрянаго Бугра впадаетъ въ море, и до которой отъ нихъ полсутокъ ѣзды. Отъ Гюргенъ-чая же до Астрабада одинъ день ѣзды, на которомъ разстояніи находится еще одна рѣка по имени Кодже-Нефесъ. Девлетъ-Али говорилъ мнѣ о многихъ развалинахъ большихъ городовъ, лежащихъ въ Трухменіи, между прочимъ объ одномъ при Серебрянномъ Бугрѣ. Построеніе его приписываютъ Искендеру или Александру Великому. Султанъ-ханъ Джадукяръ (колдунъ), о которомъ намъ Петровичъ такъ часто говорилъ, находился уже въ Хивѣ, куда онъ бѣжалъ отъ Персіянъ, съ которыми у нихъ въ 1813 г. война прекратилась. По отвѣтамъ Девлетъ-Али, мнѣ казалось, что Трухменскій народъ не имѣетъ общаго верховнаго владѣтеля, но что они раздѣлены на поколѣнія, изъ коихъ каждое имѣетъ своего старшину. Девлетъ-Али не могъ мнѣ болѣе пяти таковыхъ старшинъ назвать и говорилъ, что ихъ, кромѣ сихъ, въ Трухменіи много. Онъ намъ также говорилъ, что Хивинцы были всегда въ большой дружбѣ и частыхъ сношеніяхъ съ ними, и что отъ нихъ до Хивы конному человѣку 15 дней ѣзды. Болѣе свѣдѣній мы не могли добиться отъ Девлетъ-Али. Онъ чрезвычайно безпокоился, видя себя въ кругу чужихъ, и желалъ все на берегъ выдти, обѣщаясь прислать къ намъ Кіатъ-Агу. Сіе самое понудило насъ бросить якорь противъ того мѣста, гдѣ ему казалось, что должно находиться кочевье его. Малая глубина принудила насъ остановиться такъ далеко отъ берега, что мы его не видимъ.

Ввечеру, при общемъ совѣтѣ, Максимъ Ивановичъ положилъ высадить на берегъ Девлетъ-Али и Петровича для привезенія къ намъ Кіата, котораго мы будемъ ожидать противъ Серебряннаго бугра, гдѣ намъ удобно будетъ водой налиться и гдѣ мы надѣемся ближе стать къ берегу, слѣдственно имѣть удобнѣйшія сношенія съ Трухменцами и найти то мѣсто, которое предполагаемъ избрать для построенія крѣпостцы.

2-го. Мы простояли до вечера на якорѣ, ожидая тихой погоды для отправленія Петровича на берегъ съ Девлетъ-Аліемъ. Передъ вечеромъ мы рѣшились идти къ Серебряному бугру, откуда должно быть

отправленіе мое въ Хиву, и мы тронулись вопреки жалобъ Девлета, который пологалъ, что его въ плѣнъ въ Астрахань увозятъ. Ночью мы видѣли два зарева на берегу, которые, говорилъ намъ Девлетъ-Али, не что иное, какъ горящая сухая трава. Мы стали на якорь.

3-го. Поднявшись поутру съ якоря, мы прибыли въ 7 часовъ утра противъ Серебрянаго бугра. Шкоутъ, отправившійся прежде насъ изъ Сары, уже три дня какъ тамъ находился. Командиръ онаго лейтенантъ Остолоповъ немедленно прибылъ къ намъ и привезъ съ собой старшину кочевья, расположеннаго при семъ бугрѣ, Назаръ-Мергена. Наружность его пріятная, но кажется, что нравы его не соотвѣтствуютъ оной. По сдѣланнымъ нами разспросамъ узнали мы, что въ семъ аулѣ заключается до 200 кибитокъ, которыя имѣютъ здѣсь постоянное жилье свое. Они сѣютъ хлѣбъ и, кажется, живутъ въ довольствіи. Мы угощали Назаръ-Мергена, и онъ взялся доставить Петровича къ Кіатъ-Агѣ, который находился на ярмаркѣ ихъ или на торгахъ съ Персіянами. Кажется, что Трухменцы не имѣютъ общаго начальника, и всякій аулъ повинуется своему старшинѣ; кажется, что Кіатъ у Трухменцовъ значущая особа, которой повинуются нѣсколько старшинъ (когда имъ вздумается повиноваться). Они говорятъ, что Богъ ихъ начальникъ и питаютъ непримиримую вражду къ Персіянамъ. Кажется, что простота нравовъ Трухменцовъ не соотвѣтствуетъ простотѣ ихъ въ обхожденіи. Они привязаны къ деньгамъ. Вскорѣ прибыло къ намъ человѣкъ восемь Трухменцевъ, которыхъ мы накормили пловомъ и угащивали. Когда же дѣло дошло до отправленія Петровича къ Кіату, то Назаръ-Мерганъ, согласившійся прежде сдѣлать сіе за три червонца, былъ сбитъ какимъ-то кривымъ, сталъ просить пять червонцевъ и, наконецъ, десять. Пономаревъ, выведенный изъ терпѣнія сими канальями, разругалъ ихъ и прогналъ всѣхъ съ корвета кромѣ Назаръ-Мергена, который однакоже не взялся доставить Петровича къ Кіату, ссылаясь на Девлетъ-Али. Девлетъ-Али охотно за сіе взялся. Ему сдѣлали дрянной подарокъ, на который у Назара глаза разбѣгались. Ему подарили тоже два кремня и фунтъ пороху, и въ тотъ же вечеръ Петровичъ отправился на берегъ съ Девлетъ-Аліемъ.

Серебрянный бугоръ имѣетъ видъ съ моря небольшаго возвышенія, на которомъ, какъ говорятъ Трухменцы, есть развалины бывшаго города. Они называютъ его Гюшимъ-Тепе. По сдѣланному мною наблюденію, я нашелъ широту сего бугра равняющуюся=37°—5',--22'', 82.

4-го. Я поѣхалъ поутру на шкоутъ, откуда отправился на бударкѣ съ Остолоповымъ для изслѣдованія и обозрѣнія рѣки Гюргенъчая, коей устье лежитъ верстахъ въ трехъ южнѣе Серебреннаго бугра.

Шкоутная лодка, вооруженная двумя фальконетами, пушкой и десятью солдатами, слѣдовала за мной. Не доходя съ версту или верстъ двухъ до берега, лодка принуждена была остановиться за недостаткомъ глубины, а бударку накренили матросы и притащили на себѣ почти до самаго берега. Тутъ мы пересѣли въ обывательскій куласъ или выдолбленное дерево, которое тѣже люди на себѣ привезли въ устье рѣки, и по ней мы поднялись около двухъ верстъ. Рѣчка Гюргенъ болотиста, дно оной вязкое, ширины она имѣетъ отъ 3 до 6 саженъ. Берега ея болотисты. Такъ продолжается далеко въ обѣ стороны. Берега заросли травой въ вышину около $1^1/_2$ аршина; вода имѣетъ вкусъ нѣсколько соленый и особливо пахнетъ болотомъ. Теченіе рѣки очень слабое. Она лѣтомъ часто пересыхаетъ, но никогда не бываетъ совершенно безъ воды. Поднявшись около двухъ верстъ вверхъ, я нашелъ бахчу Трухменцевъ и поля ихъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка имѣетъ больше сажени глубины. Берега оной повыше и сухіе; но сухобрегій перешеекъ сей не имѣетъ болѣе 100 или 200 саженъ, а тамъ рѣчка опять болотомъ бѣжитъ. На семъ перешейкѣ жители имѣютъ бродъ, перегониваютъ стада свои на пастьбу и ѣздятъ черезъ сіе мѣсто въ Астрабадъ. Съ сего мѣста Серебрянный бугоръ былъ хорошо видѣнъ и лежалъ на 33° NW, въ трехъ верстахъ отъ брода. Предметъ поѣздки моей былъ избраніе удобнаго мѣста для построенія крѣпостцы. Я сіе мѣсто не призналъ удобное по положенію онаго между болотами и предположилъ осмотрѣть на другой день Серебряный Бугоръ, который возвышеннѣе и на которомъ развалины бывшей крѣпости доказываютъ удобства для поселенія, а какъ чрезъ сей бродъ идетъ дорога въ Астрабадъ, то тутъ должно бы имѣть маленькій шанецъ, который прикрывалъ бы бугоръ и воду.

Я нашелъ около сего мѣста нѣсколько Трухменцевъ, съ которыми я пробылъ часа два и разговаривалъ. Они просили меня, чтобы я къ нимъ въ аулъ пошелъ; но я не сдѣлалъ сего, отложивъ посѣщеніе сіе до другаго дня. Они говорили мнѣ, что всѣ желаютъ, чтобы Русскіе возобновили раззоренную крѣпость на Серебрянномъ бугрѣ. Послѣ сего, говорили они, мы хотѣли бы Персіянамъ отплатить за ихъ грабежи. Наши Трухменскія головы глупы, продолжали они; мы хотѣли бы сами построить крѣпость, да не умѣемъ; когда же у насъ войско сбирается, то насъ гораздо болѣе 10.000 бываетъ, и тогда мы бьемъ Персіянъ. Пять лѣтъ тому назадъ мы разбили ихъ сарбазовъ неподалеку отъ сего мѣста и много побрали скота. Я ихъ спросилъ, не желали ли бы они имѣть орудій отъ насъ; они крайне обрадовались и, смотря другъ на друга, щелкали языкомъ, изъявляя свое удовольствіе.

Съ Хивой они имѣютъ частыя сношенія и увѣряютъ, что пять или шесть человѣкъ безопасно могутъ туда ѣхать. Хива, по словамъ ихъ, большой городъ, коего владѣтельный ханъ имѣетъ большія сокровища. Трухменцы запахиваютъ много земли. Хлѣбородіе у нихъ очень прибыльное; скотоводства много; они сами дѣлаютъ порохъ и, кажется, нуждаются только въ издѣліяхъ искусственныхъ. Лѣсъ лежитъ неподалеку отъ рѣчки, верстахъ въ пятнадцати. По словамъ ихъ, онъ обширенъ, деревья прямыя, толстыя, высокія и, кажется, годныя къ строенію. Лѣсъ сей лежитъ въ сторонѣ Астрабада. Они сказали мнѣ, что Петровичъ отправился наканунѣ къ Кіату, на киржимѣ, въ сопровожденіи Девлетъ-Али и двухъ жителей ихъ аула. Проведши съ ними около двухъ часовъ, я приказалъ втащить къ намъ бударку вверхъ по рѣчкѣ и ввечеру прибылъ обратно на корветъ.

5-го. Поутру была послана со шкоута лодка на берегъ, для привезенія къ намъ Назаръ-Мергена и главнѣйшихъ особъ аула. Лодка прибыла къ корвету передъ обѣдомъ и привезла съ собой одного старшину, называющагося Девлетъ-Али-ханомъ. Назаръ-Мергенъ скрывалъ его наканунѣ отъ насъ въ ожиданіи получить подарокъ, который ему былъ назначенъ. Ханъ же сказалъ намъ, что онъ для того не ѣздилъ къ намъ, что обычай ихъ запрещаетъ ханамъ безъ зову въ гости ѣхать. Настоящая же причина сего была та, что онъ не смѣлъ вступать въ сношенія съ нами, опасаясь Персіянъ, отъ которыхъ онъ былъ жалованъ ханомъ. Девлетъ-Али-ханъ умнѣе другихъ Трухменцевъ. Онъ служилъ въ войскѣ Аги-Магомедъ-хана и былъ на разграбленіи Тифлиса. Нынче онъ оставилъ Фатъ-Али-шаха и принятъ былъ старшиной въ своей родинѣ. Впрочемъ мы отъ него немного болѣе чѣмъ отъ другихъ допытались. Онъ также не признаетъ особой власти надъ Трухменцами и, кажется, болѣе расположенъ къ Персіянамъ, чѣмъ къ Русскимъ. Однако мы дознались названій главныхъ старшинъ, въ числѣ коихъ онъ помѣстилъ и себя, Кіатъ-Агу изъ аула Гуссейнъ-Кули, Таганъ-Колиджъ-хана изъ селенія Герей-Тепе, Мирзу-хана изъ того же селенія; Коджамъ-Кули-бея и Таганъ-Кали изъ Атрека.

Рѣчка Атрекъ течетъ въ двухъ миляхъ сѣвернѣе Гюргена. Аулы расположены по симъ двумъ рѣкамъ вверхъ; на Гюргенѣ же по всему теченію его видны развалины городовъ и крѣпостей.

Пономаревъ написалъ къ вышеупомянутымъ особамъ письма и вручилъ ихъ Девлетъ-Али-хану для доставленія. Онъ просилъ ихъ прибыть, дабы сообщить имъ препорученія, которыя онъ имѣетъ отъ своего начальства къ нимъ. Хана подарили кускомъ парчи, а Назаръ-Мергенъ остался у насъ залогомъ на корветѣ.

Ввечеру Назаръ-Мергенъ сказалъ мнѣ, что Девлетъ-Али-ханъ говорилъ имъ, что къ нынѣшней осени прибудетъ сюда множество кораблей нашихъ съ войскомъ и пушками, чего они очень боялись. Онъ также крѣпко завидовалъ подарку сдѣланному хану и какъ онъ его не видалъ, то все допытывался отъ насъ узнать, чѣмъ его подарили.

6-го. Прибылъ къ намъ Петровичъ съ Кіатъ-Агой. Кіатъ сей былъ въ числѣ посланниковъ Трухменскихъ въ Грузіи при Ртищевѣ. Онъ порядочнѣе прочихъ соотчичей своихъ, но также не имѣетъ понятія о какой-либо верховной власти, управляющей ими. Султанъ-ханъ, бывшій главный надъ ними, бѣжавшій въ Хиву отъ Персіянъ, управлялъ ими, но не имѣлъ на то никакихъ особенныхъ правъ, какъ то что онъ ихъ умнѣе былъ. Онъ, кажется, самъ родомъ съ предѣловъ Китая или Индѣецъ и занимался колдовствомъ; по сему называли его Джадукяромъ.

Когда Пономаревъ объяснилъ отчасти Кіатъ-Агѣ намѣренія нашего начальства, то онъ долго противился, напоминая о ихъ посланствѣ при Ртищевѣ и какимъ образомъ ихъ обманули. «Мы послѣ того, говорилъ онъ, долго терпѣли за сіе отъ Персіянъ, которыхъ мы теперь нѣкоторымъ образомъ считаемся подданными. Хотя и часто грабимъ ихъ; но они сильнѣе насъ, и сами насъ грабятъ. Я же потерялъ по возвращеніи своемъ много довѣренности въ народѣ. Впрочемъ, если ваши намѣренія искренни, я опять готовъ служить вамъ; но вы гораздо болѣе успѣете въ Челекеняхъ, гдѣ у меня родственники и гдѣ мѣсто на берегу удобнѣе для вашего предположеннаго заведенія: оттуда въ Хиву 15 дней ѣзды; тамъ и люди Султанъ-хана, съ которыми бы я отправилъ вашего чиновника въ Хиву. Я самъ готовъ съ вами въ Челекени ѣхать».

Того же числа я поѣхалъ на берегъ къ Серебрянному бугру, а оттуда пошелъ въ аулъ къ Девлетъ-Али-хану въ гости. Я увидѣлъ, что предполагаемый нами бугоръ не что иное какъ стѣна большаго зданія, коего восточная сторона со степи занессна пескомъ, что̀ дѣлаетъ его нѣсколько похожимъ на бугоръ. На семъ наносномъ пескѣ у жителей разведена небольшая бахча. Отъ сей же стѣны къ морю видны развалины множества строеній. Отъ сего мѣста до аула болѣе полуверсты. Я оставилъ прикрытіе свое, изъ 12-ти человѣкъ состоявшее, за ауломъ, а самъ пошелъ къ хану, который меня принялъ очень ласково. Множество народа собралось въ его кибитку, гдѣ и жена его сидѣла. Онъ меня подчивалъ кислымъ молокомъ и хлѣбомъ, и просилъ меня ввести солдатъ въ аулъ, что̀ я и сдѣлалъ. Мирза-ханъ, къ которому Пономаревъ посылалъ письмо и который прибылъ

въ аулъ, навѣстилъ меня у Девлетъ-Али-хана и хотѣлъ со мной ѣхать на судно; но послѣ того раздумалъ, говоря, что онъ дождется прибытія прочихъ трехъ званыхъ особъ.

Ханъ просилъ меня показать ему, какъ наши солдаты ружьями играютъ, народъ говорилъ: мы слыхали прежде отъ стариковъ, что Русскіе такъ выучены, что когда одинъ топнетъ ногой, то и 300 человѣкъ разомъ топнутъ, и желаемъ посмотрѣть сіе. Я велѣлъ сдѣлать маленькое ученіе съ пальбой, что̀ ихъ весьма удивило.

Кибитки Трухменцовъ сдѣланы на подобіе кибитокъ Татарскихъ въ Грузіи. Жерди или чубуки обводятся камышевымъ плетнемъ и накрываются войлоками. Женщины ихъ не скрываются. Черты лица ихъ пріятны и довольно нѣжны. Одежда ихъ состоитъ изъ цвѣтныхъ шароваръ, длинной красной рубахи и головнаго убора, сдѣланнаго на подобіе Русскихъ кокошниковъ, только вдвое или втрое больше. Кокошникъ сей сидитъ на самой маковкѣ головы и убранъ по состоянію мужа золотомъ или серебромъ; волоса же, изъ подъ онаго на лбу видные, расчесаны очень опрятно на двѣ стороны и сплетены сзади большой косой.

Когда я возвратился на корветъ, Кіатъ-Али не было: онъ уѣхалъ на берегъ, для привезенія изъ ауловъ прибывшихъ хановъ.

7-го. Я отправился по утру опять къ Серебрянному бугру съ лопатами, ломами и рабочими людьми, дабы порыться въ развалинахъ и найти какую-нибудь монету, по которой бы можно заключить о времени построенія сего. Надобно было отвести вниманіе Трухменцовъ отъ бугра, и для того высадилъ я сперва на берегъ пѣхотную команду съ офицеромъ и барабанщикомъ. Команда пошла къ аулу учиться, а я началъ свои изысканія. О сю пору я еще не могу истолковать себѣ, что̀ такое на семъ мѣстѣ было. Серебряной бугоръ, какъ я выше сказалъ, не что иное какъ прежняя стѣна большаго зданія или крѣпости, занесенная пескомъ съ восточной стороны; но въ самой сей стѣнѣ я нашелъ могилы и отрылъ нѣсколько скелетовъ человѣческихъ, похороненныхъ по мусульманскому обряду, т. е. положенныхъ бокомъ и головой къ Сѣверо-востоку. Я предположилъ, что тѣла сіи позднѣйшаго времени, похоронены Трухменцами. Стѣна, о которой я упоминалъ, имѣетъ около 100 или болѣе саженей въ длину; она построена изъ хорошаго жженаго кирпича, коимъ выложено по три ряда. Кирпичи сдѣланы на подобіе Грузинскихъ, т.-е. имѣютъ въ толщину не болѣе вершка, квадратны, бока имѣютъ вершковъ пять. По четвертому ряду идутъ кирпичи похожіе на Русскіе. Подъ стѣной сей нашелъ я невеликой сводъ, въ которомъ рылся, но кромѣ разбитаго посуднаго стекла и уголья я ничего не нашелъ. Отъ сей стѣны къ

морю продолжается мысъ, который вдается сажень на 70 въ море и въ ширину гораздо обширнѣе длины стѣны. Сей мысъ кажется мнѣ выстроенный; ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я нашелъ стѣны домовъ, круглыхъ башень и площадки, выложенныя весьма правильно изъ большаго квадратнаго кирпича, коего бокъ въ поларшина длины. Мѣсто сіе завалено обломками кирпичей, которые еще простираются по дну моря на разстояніи 30 или 40 сажень. Но меня удивило то, что остатки сіи не имѣютъ вида развалинъ стѣны, ни мало не возвышаются надъ горизонтомъ и одна другой не выше. Но онѣ какъ бы бритвой срѣзаны, и потому я заключилъ, что зданія сіи провалились отъ землетрясенія на подобіе Керванъ-Сарая, находящагося въ Бакинскомъ рейдѣ и что я ходилъ не по полу оныхъ, а по крышамъ. Жители находили здѣсь много серебряныхъ и золотыхъ монетъ и говорятъ, что крѣпость сія построена была Русскими, вѣроятно, они полагаютъ, морскимъ разбойникомъ Стенькой Разинымъ; но предположеніе сіе несправедливо, ибо извѣстно, что Разинъ никогда на восточномъ берегу Каспійскаго моря не бывалъ; и что Русскіе прежде владычествовали на семъ берегу. Я сталъ разрывать внутренность одной изъ круглыхъ башень, но не нашелъ ничего кромѣ множества битой посуды стеклянной и каменной. Фигура одного штофа, на коемъ горлышко съ плечами, совсѣмъ не похожа на фигуру Русскихъ штофовъ Я бы продолжалъ поиски свои и дорылся бы до основанія сей башни, еслибы сильный жаръ не измучилъ работниковъ.

Возвратившись къ корвету, я нашелъ на ономъ опять прибывшаго Кіатъ-Агу, съ сыномъ и нѣкіимъ Ноубетъ-ханомъ, который былъ посланъ съ берегу повѣреннымъ отъ собравшихся старшинъ и хановъ. Они же сами говорили, что боялись на корветъ ѣхать, потому что къ нимъ пріѣхало изъ Астрабада 6 лазутчиковъ изъ Персіянъ для узнанія, какія сношенія заводятся между ними и нашими военными судами.

Ноубетъ-ханъ также нѣсколько разъ напоминалъ намъ, какъ мы ихъ обманули въ 1813 г. и не дали имъ обѣщанной помощи, а приняли ихъ пословъ какъ собакъ, въ Гюлистанѣ, гдѣ Ртищевъ заключилъ миръ съ Персіянами и отослали ихъ назадъ со стыдомъ. Пономаревъ старался всячески увѣрять ихъ въ мирности нашихъ намѣреній; но Ноубетъ-Ханъ намъ плохо вѣрилъ и не обѣщался намъ привести собравшихся на берегу хановъ. Однако ихъ ввечеру опять отправили на берегъ съ Петровичемъ, дабы склонить хановъ къ пріѣзду. Назаръ-Мергена отпустили, а на мѣсто его въ аманатахъ или залогахъ остался сынъ Кіатъ-Аги Якши-Мегмедъ, молодой человѣкъ лѣтъ 18.

Соберутся ли ханы къ намъ на корветъ или нѣтъ, мы поѣдемъ съ Кіатомъ и его сыномъ къ Балканскому заливу въ Челекени и будемъ тамъ счастья искать. Здѣсь мѣсто не удобное для построенія предполагаемаго нами: бугра нѣтъ, вода не хороша, и слишкомъ близкое разстояніе къ Астрабаду можетъ навести сомнѣніе Персіянамъ. Побѣги могутъ быть очень сильны. Да и самые жители здѣшніе по сосѣдству своему съ Персіянами оперсіянились.

Вчера капитаны судовъ нашихъ, кажется, поссорились. Басаргинъ передавалъ Остолопова на корветъ, для экзаменованія офицеровъ. Остолоповъ отвѣчалъ Басаргину со шкоута, что онъ засвидѣтельствуетъ атестацію Басаргина и что потому экзамены безъ него могутъ дѣлаться, и самъ поѣхалъ со мной на берегъ. Басаргинъ разсердился и, знавши объ отсутствіи Остолопова, требовалъ его на корветъ сигналомъ, послѣ того выстрѣлилъ въ пушку, въ знакъ выговора. Остолоповъ не послушался и, возвратившись на судно, остался у себя. Сіе разсердило Басаргина, который сдѣлалъ нѣсколько неудовольствій своимъ мичманамъ и Полетаеву, который по тихому нраву своему не отвѣчалъ Басаргину. Басаргинъ раскапризничился и дулся весь вечеръ.

Передъ вечеромъ мы снялись съ якоря и потянулись около полуверсты далѣе въ море, дабы стать на 4 сажени глубины.

8-го. По сдѣланному мною вторично наблюденію широта здѣшняго мѣста равняется 37°—1—36° 03. Читая вчера описаніе путешествія Россійской эскадры подъ командою Войновича въ Астрабадъ и по восточному берегу Каспійскаго моря въ 1782 г., я нашелъ описаніе его Серебрянаго бугра совершенно несогласнымъ съ тѣмъ что̀ я видѣлъ.

Передъ вечеромъ прибылъ на корветъ Петровичъ и привелъ съ собой Таганъ-Колиджъ-хана, къ которому тоже было послано пригласительное письмо отъ Пономарева. Собравшіеся старшины ауловъ, называющіеся ханами, никакъ не хотятъ вмѣстѣ сюда собраться. Они, кажется, боятся насъ, пріѣзжаютъ поодиночкѣ и просятъ открытія тайны или намѣренія нашего, охуляя власть другихъ. Намъ кажется, что вся ихъ цѣль въ томъ только состоитъ, чтобы получить подарки и поѣсть плову; дальнѣйшихъ видовъ они не имѣютъ и не въ состояніи постичь выгодъ соотечественниковъ своихъ. Я не могъ никакъ допытаться о числѣ старшинъ, имѣющихся въ народѣ и о числѣ ауловъ. Много очень много, отвѣчаютъ они; а сколько, мы счесть не умѣемъ. Съ такимъ безтолковымъ народомъ дѣлать нечего. Они точно дурно расположены къ Персіянамъ, и правительство наше, кажется, должно бы безъ всякихъ договоровъ, избравъ на берегу удобное мѣсто, не спрашиваясь никого, начать строеніе крѣпости и, назвавъ

одного изъ нихъ Трухменскимъ ханомъ, поддерживать его. Могутъ ли быть средства для переговоровъ съ народомъ жаднымъ, который едва повинуется своимъ старшинамъ, коимъ числа нѣтъ?

Таганъ-Колиджъ-ханъ обѣщался намъ уговаривать прочихъ хановъ вмѣстѣ прибыть на корветъ; но онъ, кажется, обманулъ насъ, поѣлъ и отправился. Съ нимъ опять поѣхалъ Петровичъ на берегъ.

9-го. Вслѣдствіе неудовольствія, происшедшаго между капитанами нашихъ двухъ судовъ, Остолоповъ подалъ рапортъ о невозможности ему слѣдовать далѣе, по причинѣ увеличивающейся течи въ его шкоутѣ. Басаргинъ говорилъ Пономареву, что онъ не можетъ отправить судно одно въ такомъ положеніи и что онъ самъ обязанъ конвоировать оное, почему Пономаревъ просилъ меня сегодня ѣхать на шкоутъ и уговорить Остолопова слѣдовать за нами, дабы вся экспедиція наша не разстроилась.

Ввечеру Петровичъ возвратился съ берегу и привезъ съ собою Кіатъ-Агу, Назаръ-Мергена и Девлетъ-Али. Переговоры наши съ ними въ тотъ вечеръ совершенно ничего не рѣшили. Кіатъ хотѣлъ одинъ имѣть довѣренность начальства нашего, и въ самомъ дѣлѣ онъ, мнѣ кажется, оную болѣе другихъ заслуживаетъ, какъ привязанностью своею къ Русскимъ, такъ и большею ловкостью. Онъ говорилъ намъ: «Если вы хотите узнать о Персіянахъ, то говорите съ Таганъ-Колиджъ-ханомъ; если же о Трухменцахъ, то говорите со мной».

10-го. Мы получили отъ Кіата нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ Трухменскаго народа. Трухменцы дѣлятся на три поколѣнія. Іомутъ называется то поколѣніе, которое поселилось около береговъ. Оно имѣетъ до 40,000 семействъ. Трухменцы поколѣнія Кекленъ въ такомъ же количествѣ; они прилежатъ къ Хорасану и граничатъ съ Іомутомъ. Трухменцы поколѣнія Теке имѣютъ болѣе 50,000 семействъ. Они, кажется, поселились къ Сѣверу отъ Кеклена, къ Востоку отъ Іомута, къ Югу отъ Хивы и къ Западу отъ Бухары. Іомуты въ ссорѣ съ тѣми двумя поколѣніями и таскаютъ другъ у друга людей, которыми торгуютъ. Серебрянный бугоръ по словамъ Кіата и другихъ Трухменцевъ точно былъ островъ, такъ какъ и Войновичъ объ немъ пишетъ; но не болѣе 5 или 6 лѣтъ тому какъ море отошло, и островъ соединился съ твердой землей. Рѣка Атрекъ течетъ въ пяти агачахъ сѣвернѣе отъ Гюргена. Селенія или кочевья расположены вверхъ по симъ двумъ рѣкамъ.

Кіатъ сказалъ намъ, что слухъ носится, будто Султанъ-ханъ, бѣжавшій въ Хиву отъ Персіянъ, намѣревается нынѣшней зимой сдѣлать нападеніе въ Персидскія границы.

11-го. Я отправился рано по утру на берегъ съ Кіатомъ для произведенія съемки на Серебрянномъ бугрѣ. Я снялъ сколько возможно берегъ компасомъ отъ бугра до рѣчки Гюргена и, поднявшись нѣсколько вверхъ по оной, я нашелъ другую, текущую съ Сѣвера и впадающую въ оную. Вторая рѣчка сія обросла съ береговъ камышомъ и по словамъ Кіата течетъ по тому самому мѣсту, гдѣ былъ рукавъ морской, отдѣлявшій Серебрянный бугоръ отъ твердой земли. Кіатъ сказалъ мнѣ также, что люди наши, ѣздящіе за водой, были бы осторожнѣе и не расходились бы по одиночкѣ, потому что Персіяне подкупили Трухменцевъ въ другихъ аулахъ, чтобы они засѣли въ камыши и стрѣляли по нашимъ. Я еще узналъ отъ него, что Мирза-ханъ и Таганъ-Колиджъ-ханъ, уѣхавшіе отсюда, прислали съ человѣкомъ сказать ему, что если мы ихъ нѣсколько подождемъ, то они будутъ къ намъ на судно. Мирза-Ханъ у Трухменцовъ важная особа; онъ славится у нихъ храбростью и начальствуетъ во время войны противъ Персіянъ надъ войсками.

Я кончилъ съемку свою часу во 2-мъ послѣ полдня; жаръ былъ несносный. Я пришелъ отдохнуть въ аулъ. Девлетъ-Али-ханъ принялъ меня очень ласково. Назаръ-Мергенъ, котораго я посѣтилъ, также ничего болѣе какъ самый простой человѣкъ, не постигающій никакой пользы народа своего, ищущій только нажраться у насъ пловомъ, и готовый сорвать грошъ какъ съ гостя, такъ и съ непріятеля, алчный къ деньгамъ и скупой. Послѣ него пошелъ я къ Колиджъ-беку, который, кажется, всѣхъ умнѣе въ аулѣ и управляетъ совершенно ханомъ. Обращеніе его образованнѣе прочихъ, и онъ, кажется, готовъ принять нашу сторону.

Кіата повидимому не терпятъ въ семъ аулѣ, потому что онъ въ сношеніи съ нами. Онъ собирался вчера ввечеру ѣхать съ Петровичемъ къ Мирзѣ-хану для приглашенія его къ намъ.

Будучи вчера на шкоутѣ, я узналъ отъ Остолопова, что настоящая причина, что онъ подалъ рапортъ о невозможности ему далѣе слѣдовать была въ личныхъ неудовольствіяхъ его съ Басаргинымъ. Онъ показалъ мнѣ двѣ весьма грубыя бумаги, которыя ему Басаргинъ по сему случаю писалъ. Я не могъ склонить Остолопова оставить сіе; онъ ссылается на то, что онъ уже имѣлъ такого рода дѣла съ Басаргинымъ въ Бакѣ и что онъ ему тогда простилъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Басаргинъ былъ за такого рода ябедническія дѣла высланъ изъ Сары въ Баку, и что о поведеніи его было объявлено ему Николаевымъ, начальникомъ эскадры, на шканцахъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ.

Басаргинъ донесъ Пономареву о рапортѣ Остолопова. Пономаревъ отвѣчалъ, что онъ надѣется отъ рвенія Остолопова, что онъ отъ кор-

вета не отстанетъ, и что впрочемъ неисправность шкоута должна пасть на морское начальство, которое оный отправляло.

Кіатъ сказывалъ мнѣ, что Бѣлый бугоръ хотя и называется на Трухменскомъ языкѣ Ахъ-Тепе, но настоящее названіе его есть Ахъ-Батлаукъ, что̀ значитъ *бѣлое топкое мѣсто*, или названіе сіе происходитъ отъ имени болотной травы; называющейся и порусски батлаукомъ. На горѣ сей или Бѣломъ бугрѣ есть колодезь или природная яма, въ которой вѣчно кипитъ соленая вода.

17-го. Петровичъ возвратился на корветъ и привезъ съ собою Кіата, Девлетъ-Али-хана и Коджамъ-Кули-бея, главнаго старшину. Мирза-ханъ и Таганъ-Колиджъ-ханъ присылали своихъ людей въ аулъ просить насъ, дабы мы съ судами подождали ихъ; они хотѣли выбрать удобное время, дабы прибыть къ намъ, не навлекая на себя подозрѣнія Персіянъ. Однакоже Пономаревъ, не дожидаясь ихъ, приступилъ къ дѣлу. Онъ предложилъ симъ тремъ старшинамъ отправить Кіата посломъ къ главнокомандующему и, давъ ему полную довѣренность, снабдить его письмами къ Пономареву и къ Алексѣю Петровичу, въ которыхъ бы они просили покровительства Русскаго правительства противъ Персіянъ и въ которыхъ бы изъявили душевное удовольствіе свое предоставить намъ избраніе по всему берегу отъ Серебрянаго бугра до Балканскаго залива удобнаго мѣста для складки товаровъ. Они съ радостью приняли наше предложеніе и хотѣли къ сему всѣхъ старшинъ склонить, также и кази своего, или верховную духовную особу, которую они, по словамъ ихъ, чтутъ какъ царя всего Іомутскаго поколѣнія. И потому мирзѣ, находящемуся при насъ, приказано было перевести на Трухменской языкъ три бумаги, написанныя на Русскомъ Пономаревымъ. Первая—письмо къ нему; вторая—довѣренность Кіату, а третья—письмо къ главнокомандующему. Бумаги сіи намѣревалися мы отдать старшинамъ, дабы они приложили къ нимъ печати свои. Затрудненіе теперь въ томъ: Кіатъ и Петровичъ должны съ нами ѣхать въ Челекени, дабы не замедлить отправленіе мое въ Хиву, а кромѣ Кіата мы не находимъ человѣка способнаго и расположеннаго ходатайствовать для приглашенія къ подпискѣ сихъ бумагъ прочими старшинами.

Въ разговорахъ съ Кіатомъ мы узнали вчера, что у подошвы Бѣлаго бугра находятся колодцы съ прѣсной водой; когда же мы спрашивали его, какимъ образомъ они сбираются на войну противъ Персіянъ, то онъ отвѣчалъ намъ: «Если Персіяне нападутъ на Девлетъ-Али-хана, то другіе придутъ къ нему на помощь и такъ обоюдно; а начальникомъ у насъ храбрѣйшій или тотъ, который впередъ бросится, тогда всѣ за нимъ и слѣдуютъ».

Пономаревъ приказалъ мирзѣ прочесть вышеупомянутыя три бумаги въ присутствіи Девлетъ-Али-хана и Кіата, которымъ онѣ очень понравились. Они обѣщались подписать ихъ или засвидѣтельствовать приложеніемъ пальца. Кіатъ же взялся развезти бумаги къ прочимъ старшинамъ Трухменскаго народа поколѣнія Іомута, дабы пригласить ихъ къ подписанію оныхъ, въ чемъ онъ надѣялся успѣть въ теченіи четырехъ дней. И такъ мы рѣшились, высадя его на берегъ, дожидаться его возвращенія въ Гассанъ-кули.

Власть хановъ здѣсь не есть наслѣдственная и даже не законная: они жалованы Персидскимъ дворомъ, и имъ повинуются иногда изъ уваженія къ ихъ уму или поведенію. Впрочемъ крѣпостныхъ они не имѣютъ, а земля ихъ обработывается собственными ихъ невольниками, купленными или захваченными въ плѣнъ; власть же Акъ-сахкаловъ или избранныхъ народомъ старшинъ, кажется, значительнѣе и родовая, будо родственники умершаго старшины своимъ добрымъ поведеніемъ заслуживаютъ довѣренность народную.

19-го. Мы цѣлый день продержали Трухменцовъ на суднѣ. Сильный вѣтеръ не позволялъ намъ высадить ихъ на берегъ. Имъ сдѣланы были подарки, послѣ которыхъ они, кажется, гораздо охотнѣе намѣревались подписать бумаги.

Мы предположили идти въ Красноводскій заливъ, что̀ въ Балканѣ и, пригласивъ тамошнихъ старшинъ къ подпискѣ сихъ же бумагъ, заняться моимъ отправленіемъ въ Хиву.

22-го. Вчера корветскіе матросы ѣздили на берегъ, и тамъ сдѣлалась у нихъ драка съ Трухменцами за куласы, которые они брали безъ спросу у хозяевъ и разснастили. Дѣло доходило до ножей, и съ трудомъ могли Трухменцовъ унять чрезъ посредничество Атеке, слуги Кіата. Матросы, выѣзжая на берегъ, кажется, обращались недружелюбно съ народомъ и выводили Трухменцовъ изъ терпѣнія. Петровичъ, яко Армянинъ, обманывалъ ихъ, бралъ съ нихъ деньги на покупки и не платилъ имъ.

Девлетъ-Али-хана власть оказалась ничтожной: народъ упрекаетъ ему въ подаркахъ, которые онъ отъ насъ получилъ. Петровичъ извѣстилъ насъ, что Кіатъ уже возвратился въ Гассанъ-Кули, гдѣ онъ дожидается нашего прибытія. Мирза-ханъ же, котораго мы не могли залучить къ себѣ на судно, будто пріѣхалъ сказать, что если его еще позовутъ, то онъ прибудетъ сюда. Изъ всего видно, что онъ, боясь Персіянъ, удаляется отъ насъ. Пономаревъ написалъ къ нему, къ Таганъ-Колиджъ-хану и къ Ноубетъ-хану письма, въ которыхъ онъ, изъявляя свое сожалѣніе о томъ, что не переговорилъ съ ними,

приглашаетъ ихъ прибыть къ Красноводску въ Балканской заливъ для свиданія.

23-го. Петровичъ былъ отправленъ на берегъ для расплаты съ Трухменцами за нѣкоторыя вещи у нихъ взятыя; но онъ вмѣсто того поѣхалъ въ Обу-Гургинъ къ Мурзѣ-хану, для приглашенія его на судно. Вѣроятно поѣздка его будетъ напрасная, и онъ насъ здѣсь только задерживаетъ. Поутру шкоутъ снялся съ якоря и пошелъ къ Красноводскому заливу; но по причинѣ сдѣлавшейся тиши онъ принужденъ былъ остановиться въ виду насъ, не отойдя болѣе 6 верстъ.

25-го. Я поѣхалъ на берегъ, дабы узнать о Петровичѣ. Подъѣзжая къ бугру, я его встрѣтилъ на кириджѣ, плывущаго къ корвету. Онъ прибылъ еще наканунѣ очень рано въ Обу и не ѣхалъ на корветъ. Погонявши его порядочно за его ослушаніе и глупость, я вышелъ съ нимъ на берегъ. Изъ словъ его ничего нельзя было порядочнаго узнать: безтолковость его безпримѣрная. Кажется мнѣ, что онъ не дальше ѣздилъ, какъ до поля Колиджъ-бега, который его провожалъ. За нимъ вслѣдъ прибылъ къ Серебряному бугру старикъ посланецъ отъ Мирзы-хана, котораго я никакъ не могъ уговорить ѣхать со мной на корветъ. Дрянной старичишка, въ котораго Петровичъ вѣруетъ, стоитъ горой за Таганъ-Колиджъ-хана, котораго онъ называетъ верховнымъ владѣльцемъ всей Трухменіи, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы получить подарокъ, а всѣ старшины Трухменцевъ не болѣе обыкновеннаго простаго семьянина значутъ. Онъ все повторяетъ мнѣ: «Слушайте моихъ словъ и помните мои совѣты, и вы увидите, что все дѣло на ладъ пойдетъ». Увидя, что онъ имѣетъ такую же баранью голову, какъ и прочіе соотечественники его, я бросилъ его; однако я узналъ, что ему запрещено было ѣхать на судно къ намъ, дабы не возбудить подозрѣнія Персіянъ.

Должно ли вѣрить словамъ Петровича, который увѣрялъ меня, что пѣшій Персіянинъ Мустафа-ханъ, приближенный и любимецъ Астрабадскаго Мекши-Кули-хана, заселяетъ деревню близъ Гюргина и содержитъ всѣхъ сосѣдственныхъ Трухменцевъ, въ томъ числѣ и Мирзу-хана, въ страхѣ, и будто бы онъ черезъ вышеупомянутаго старика приказалъ сказать намъ, что если мы желаемъ видѣться съ старшинами Трухменскими, то бы мы объявили ему причину прибытія нашего, наши намѣренія, и что тогда онъ вышлетъ къ намъ тѣхъ людей, которые намъ нужны?

Я видѣлся въ Оби съ Девлетъ-Али-ханомъ, который сказалъ мнѣ, что Кіатъ, бывши у Мирзы-хана съ нашими бумагами, взялъ у него печать его и повезъ ее въ Гассанъ-Кули, гдѣ долженъ находиться, по его приглашенію кази или верховная духовная особа ихъ.

Кіатъ долженъ еще былъ 24-го числа прибыть въ Гассанъ-кули. Девлетъ-Али-ханъ, получивши подарки наши, боится народа своего (столь велика власть хановъ), скрывается отъ своихъ и извивается передъ ними. Онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобы сняться съ якоря поскорѣе и ѣхать въ Гассанъ-кули, гдѣ насъ Кіатъ дожидается, а между тѣмъ послать Петровича къ Колиджъ-хану съ подарками, дабы выманить у него печать. Всѣ сіи старшины столь мало значутъ, что одинъ другому не довѣряютъ: то они такого-то назовутъ начальникомъ, то говорятъ, что онъ ничего не значитъ. Всѣ они имѣютъ пустыя головы. Кіатъ всѣхъ ихъ больше знаетъ и толковѣе, хотя онъ не занимаетъ ни одного мѣста и не носитъ никакого почетнаго названія.—Распростившись съ Девлетъ-Али-ханомъ, который уже въ четвертый разъ предлагалъ съ усердіемъ подарокъ, въ принятіи коего ему въ первый разъ отказали за невозможностью везти его (а именно жеребца), я поѣхалъ на корветъ, который между тѣмъ уже снялся съ якоря. Я повезъ съ собой Колиджъ-бега, брата Девлетъ-Али-хана и одного родственника Кіата. Ихъ подарили. Родственникъ же Кіата сказалъ намъ, что Трухменцы, въ сосѣдствѣ Персіянъ поселившіяся, повинуются имъ; живущіе же на Атрекѣ и далѣе къ Сѣверу не признаютъ ихъ власти. Вообще нельзя разобрать ихъ, кто у нихъ начальникъ, потому что его нѣтъ: повинуются кто кому хочетъ. Отправивши родственника Кіата на берегъ, мы приказали ему ѣхать немедленно къ Гассанъ-кули и извѣстить его о скоромъ прибытіи нашемъ.

Еслибы до нынѣшней поѣздки нашей намъ извѣстны были нравы и правленіе Трухменцевъ, то вѣрно бы главнокомандующій принялъ другія мѣры для заведенія пристани на ихъ берегу. Спрашиваться здѣсь некого: они и не подумаютъ противиться сему; они не постигаютъ, какого мы отъ нихъ на сей предметъ согласія требуемъ. Подписанныя старшинами бумаги ничего не значутъ, ибо власть ихъ ничтожная; да и отказаться имъ отъ подписи своей ничего не значитъ. Заведеніе такого рода можетъ принести намъ пользу въ случаѣ войны съ Персіянами. Нѣтъ ничего легче какъ завоеваніе Астрабада, но для торговли оно ничего не будетъ значить. Трухменецъ не въ состояніи постичь, что̀ такое торговля; онъ продастъ заваленный коврикъ и постарается украсть вещенку какую-нибудь. Виды его далѣе сего не простираются. Нравы Трухменцевъ не имѣютъ той строгости, которая сохраняется между Кавказскими народами. Нищій народъ сей не имѣетъ понятія о гостепріимствѣ. Онъ алченъ къ деньгамъ и изъ бездѣлицы готовъ сдѣлать всякаго рода низости. Повиновенія они не знаютъ, потому что у нихъ нѣтъ человѣка, которому бы повиноваться можно. Если же сыщется между ними кто поумнѣе (какъ-то Султанъ-ханъ

былъ), то они слушаются его, не зная сами почему, и посему всякій Русскій можетъ легко надъ ними верхъ взять. Онъ можетъ среди нихъ одинъ, безъ оружія, кричать бранить, ругать, и я думаю даже бить ихъ за дѣло, не боясь ничего. Объ общей пользѣ своей они понятія не имѣютъ, а всякій для себя желаетъ что-нибудь получить. Для сего они себя часто называютъ старшинами, а сосѣдъ придетъ и разругаетъ ихъ, называя себя старшимъ. Они другъ другу завидуютъ за полученные подарки. О стыдѣ они никакого понятія не имѣютъ.

Трухменцы говорятъ Татарскимъ языкомъ, схожимъ совершенно съ нашимъ Казанскимъ; грамотныхъ у нихъ кромѣ мулловъ никого нѣтъ. Закона они магометанскаго, секты Омаровой. Они исполняютъ въ точности молитвы свои, но кажется о законѣ своемъ понятія не имѣютъ. О простотѣ ихѣ можно имѣть нѣкоторое понятіе по слѣдующему примѣру. Будучи у насъ на суднѣ, они удивлялись силѣ нашего пороха, говоря, что тотъ который они сами дѣлаютъ, никуда негодится; они просили насъ сказать, какимъ образомъ мы свой порохъ дѣлаемъ. Имъ сказали, что уголь, сѣру и селитру мы разводимъ на водкѣ. Старшина ихъ Назаръ-Мергенъ повѣрилъ сему, купилъ у маттросовъ водки, и насъ увѣряли ѣздившіе на берегъ матросы, что они видѣли, какъ Трухменцы пороховыя лепешки дѣлали на водкѣ, кладя по ровной части угля, селитры и сѣры.

Они роста высокаго и широкоплечіе, бороды имѣютъ мало, окладъ лица ихъ большею частью Калмыковатый. Женщины ихъ довольно нѣжныя, имѣютъ черты и стройны. Одежда ихъ мущинъ Персидская; женщины же ихъ носятъ на головахъ высокіе кокошники краснаго цвѣта, обвѣшанные серебряными монетами. Женщины зачесываютъ волосы со тщаніемъ; сзади волосы сплетаются косой со множествомъ серебряныхъ гремушекъ, которыя висятъ очень низко. Другаго же платья кромѣ красныхъ длинныхъ рубахъ они не имѣютъ. Когда я шелъ въ аулъ, то женщины были очень просто одѣты; когда же я возвращался, то онѣ сидѣли у своихъ кибитокъ въ полномъ нарядѣ. Кибитки Трухменскія ничѣмъ не разнствуютъ отъ Калмыцкихъ.

Жители Гассанъ-Кули промышляютъ дѣланіемъ ковровъ, кои весьма изрядны. У нихъ есть нѣкоторые мастеровые и серебрянники, умѣющіе чеканить монету, которую навѣшиваютъ на себя женщины для украшенія. Музыка ихъ состоитъ изъ двухструнной балалайки, которая ничѣмъ почти отъ Русской не различествуетъ, и строятъ они ее въ кварту.

26-го. Мы прибыли на рейдъ при Гассанъ-кули.

27-го. Понамаревъ поѣхалъ со мной на берегъ, взявши съ собою довольное количество подарковъ. Мы были встрѣчены Кіатомъ, который шелъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей аула. Для насъ приготовлена была особая кибитка, убранная порядочными коврами. Въ Гассанъ-кули считается до 150 кибитокъ. Тутъ строятся киржимы, для которыхъ лѣсъ привозится съ Серебрянаго бугра. Мы видѣли также слѣды окопа, сдѣланнаго за нѣсколько лѣтъ передъ симъ Кіатомъ для защищенія себя отъ нападенія Кекленовъ, которыхъ они, кажется, боятся. Названіе Гассанъ-кули происходитъ отъ имени одного предка ихъ, который издревле на семъ мѣстѣ поселился. Мѣсто сіе прежде составляло островъ; теперь же островъ сей соединился съ сѣверной стороны съ твердой землей, и вышелъ по восточной сторонѣ полуострова заливъ, имѣющій въ ширину до шести верстъ, а въ глубину до 12-ти. Направленіе залива и полуострова съ Сѣвера на Югъ. Полуостровъ имѣетъ въ ширину поболѣе полуверсты и простирается отъ Оби еще версты на три къ Югу. Противъ селенія, по направленію OSO, за заливомъ впадаетъ въ оной рѣчка Атрекъ, на которой находится много кочевыхъ селеній Трухменскихъ того же поколѣнія Іомутъ. Изъ сей рѣчки Гассанъ-кули довольствуется водой.

По прибытіи нашемъ Кіатъ старался занять насъ играми Трухменцовъ. Стрѣляли въ цѣль изъ пищалей и изъ луковъ, боролись, бѣгали. Все сіе дѣлалось за деньги, которыхъ Понамаревъ не берегъ, и жители бросались съ большимъ рвеніемъ. Они крайне привязаны къ деньгамъ, и за деньги, кажется, готовы женъ своихъ продать. Оружія ихъ бѣдныя и никуда негодныя, порохъ слабый, а стрѣлять они совсѣмъ не искусны. Многіе изъ нихъ одѣваются очень порядочно. Жизнь они ведутъ совершенно праздную, и потому надобно полагать, что продажа нефти и соли, которую они берутъ съ Нефтянаго острова и доставляютъ въ Персію, должна давать имъ большія выгоды. Они ежегодно продаютъ до 2000 пудовъ оной. Соляная ломка и нефтяной промыслъ принадлежитъ Балканскимъ жителямъ; но Гассанъ-кулинскіе покупаютъ оные и берутъ барышъ за одно доставленіе въ Персію, а потому у нихъ довольное число киржимовъ. Хлѣбопашество ихъ и скотоводство вверхъ по рѣкамъ Атреку и Гюргену. Кромѣ сего, они еще покупаютъ хлѣбъ изъ Персіи. Полуостровъ же ихъ ничего не производитъ кромѣ арбузовъ. Рыбныя ловли ихъ съ нѣкотораго времени въ половину уменьшились. Зимой ловятъ они лебедей, съ коихъ они добываютъ большое количество пуху. На берегу бываетъ во всякое время множество куликовъ, которыхъ они называютъ чилукъ и кышъ-калдакъ. Звѣри водящіеся въ степи и камышахъ Атрека суть волки, лисицы, джейраны, кабаны, чакалы и пр.

Кашеваръ нашъ, Трухменецъ Атеке, слуга Кіата, съ Серебрянаго бугра, оставался въ нашей кибиткѣ ночевать и по примѣру соотечественниковъ своихъ пустился тоже въ великіе люди. Онъ долго шепталъ со мной и старался увѣрить меня въ достоинствахъ своихъ, объявляя мнѣ намѣреніе свое быть посломъ у насъ и говоря мнѣ, что кромѣ его и Кіата никто не постигаетъ намѣреній Русскихъ; но его собственное намѣреніе не далѣе простиралось какъ къ тому, чтобы получить червонецъ или два за труды свои. Онъ мнѣ сказывалъ, что Султанъ-ханъ былъ никто иной какъ дервишъ, пришедшій изъ Мекки съ товарищемъ и изгнанный изъ Персіи. Они называютъ его Китайцомъ. Будучи озлобленъ противъ Персіянъ, онъ склонилъ Трухменцовъ къ войнѣ съ Персіянами, давалъ имъ хорошіе совѣты, былъ безкорыстенъ въ раздѣлѣ грабежа и тѣмъ получилъ довѣренность народа, который признавалъ его власть.

28-го. Ввечеру прибылъ съ Атрека Петровичъ и привезъ съ собою кази и Коджамъ-Кули-бая. Кази молодой человѣкъ, но пользуется общею довѣренностію, потому что званіе сіе наслѣдственное, и что отецъ его былъ всѣми почтенъ. Подарки скоро сдѣлали его весьма хорошо расположеннымъ къ намъ. Кіатъ показалъ намъ данныя ему бумаги отъ Понамарева; на нихъ уже были приложены печати главнѣйшихъ особъ. Но Понамаревъ хотѣлъ непремѣнно знать общее мнѣніе на счетъ сей всѣхъ Трухменцовъ и потому, собравъ всѣхъ старшинъ въ присутствіи кази и Кіата, спрашивалъ ихъ, согласны ли они избрать Кіата посломъ. Голосъ ихъ былъ общій и согласіе совершенное.—Собраніе сіе было 29-го числа.

За симъ пошли подарки. Кіатъ не хотѣлъ, чтобы Миръ-Сейдъ-Хаджи-Магомедъ и Тангри-Кули, прозванный сардаремъ по храбрости его, получили оные. Списокъ почетнымъ людямъ былъ сдѣланъ не Кіатомъ; а онъ, кажется, многимъ уже впередъ обѣщался доставить подарки. Безмѣрное честолюбіе побудило его уговорить сперва Илъ-Мегемета и Хана-Гелди ничего не принимать и не ходить къ намъ. Послѣ сего, когда мы съ Кіатомъ объяснились и согласились одарить избранныхъ имъ, онъ привелъ сихъ двухъ особъ. Изъ оныхъ первый отказался отъ подарка, говоря, что онъ слишкомъ малъ. Понамаревъ имѣлъ слабость перемѣнить его, и даже полученный подарокъ какимъ-то оборваннымъ муллою былъ возвращенъ. Выведенный изъ терпѣнія Понамаревъ принужденъ былъ приняться за брань. Онъ разругалъ всѣхъ старшинъ въ глаза, и въ мигъ спала въ сихъ дикихъ людяхъ раждающаяся гордость: они сдѣлались смирны какъ овцы.

Средство сіе необходимо нужно съ Азіятцами. Глупый народъ сей робокъ передъ тѣмъ, кто бойчѣе его, хотя бы и самое большое

превосходство силъ на ихъ сторонѣ было. Послѣ сего было въ аулѣ тихо и порядочно по прежнему.

30-го числа вѣтеръ нѣсколько стихъ, и мы добились корвета ввечеру послѣ четырехчасоваго плаванія. Мы привезли съ собою Кіата, который никому не хотѣлъ позволить раздѣлить его труды или, лучше сказать, быть участникомъ въ награжденіяхъ и довѣренности, которыхъ онъ отъ нашего начальства ожидаетъ. Цѣль его быть властителемъ всей Трухменіи, и онъ сего заслуживаетъ. Партія его не терпитъ Персіянъ; противная же состоитъ изъ людей имѣвшихъ связи и знакомство въ Астрабадѣ. Вообще они всѣ боятся Персіянъ, хотя и грабятъ ихъ.

31-го. Мы снялись съ якоря и шли цѣлый день лавиромъ.

1-го Сентября. Мы принуждены были бросить якорь поутру противъ Зеленаго бугра. Зеленый бугоръ имѣетъ видъ конуса, поперешникъ основанія коего въ три раза больше высоты бугра; на немъ есть такая же яма съ кипящей морской водой, испускающей сильный запахъ, какъ и на Бѣломъ бугрѣ, и потому онъ называется Трухменцами Бартлаукомъ; но они называютъ его Гёгъ-Бартлаукъ. Гёгъ значитъ голубой или небеснаго цвѣта. Нѣсколько посѣвернѣе сего бугра, на самомъ берегу моря, есть древняя мечеть, которая называется Мама-Казъ или дѣвичьи сосцы.

Кіатъ имѣетъ отъ отца своего еще названіе Устадъ, что̀ значитъ мастеръ. Онъ былъ сперва сѣдельникомъ, потомъ кузнецомъ, послѣ серебряникомъ, а наконецъ сдѣлался купцомъ и пользуется всеобщимъ уваженіемъ прибрежныхъ Трухменцевъ.

2-го. Около полудня мы увидѣли Нефтяной островъ. Огурчинскій оставался у насъ въ лѣвой сторонѣ; мы его не видали по причинѣ низменности береговъ его и отдаленія. Въѣхавши въ рейдъ, составленный островомъ Нефтянымъ и идущей отъ него цѣпью бугровъ, возвышающихся въ морѣ, по восточной сторонѣ, я сдѣлалъ наблюденіе высоты солнца и нашелъ широту 39° 10′ 20″, 82.

Островъ Нефтяной, такъ какъ и вышеупомянутые бугры, представляется издали большими возвышеніями желтаго цвѣта; почва земли оныхъ есть желтый песокъ.

Я съѣздилъ съ Понамаревымъ въ аулъ; тутъ не болѣе пятнадцати кибитокъ, которыя издавна уже поселились и промышляютъ нефтью и озерной солью, за ними пріѣзжаютъ сюда Трухменцы, отъ Гассанъ-Кули и Серебрянаго бугра. Произведенія сіи продаются въ Астрабадѣ. Ключи нефтяные лежатъ за горами; тамъ находится еще нѣсколько семействъ расположенныхъ селеніями въ разныхъ мѣстахъ, такъ что всего по словамъ жителей считается до 100 домовъ на семъ

островѣ. Поколѣнія они Шереба. Воду пьютъ хорошую изъ колодцевъ; въ путеописаніи же графа Войновича сказано, что за дурнымъ вкусомъ оной жители мѣшаютъ съ оной верблюжье молоко. Скотоводство внутри острова, гдѣ имѣется нѣсколько пастбищъ; но рогатаго скота на семъ островѣ не водится, и только верблюды и бараны. Тамъ растетъ также мелкій дровяной лѣсъ, которымъ обыватели отапливаются въ зимнее время. Зима, по словамъ ихъ, бываетъ очень холодна. Пристанище для киржимовъ передъ ауломъ очень хорошее; оно еще прикрыто косой, идущей параллельно берегу съ восточной стороны, но и самый рейдъ для большихъ судовъ очень удобенъ и спокоенъ; якорныя стоянки вездѣ хорошія. Мы взяли съ берега двухъ Трухменцевъ для указанія намъ пути къ Красноводскому мысу.

Нѣкоторые изъ жителей помнятъ еще графа Войновича, котораго они называютъ графомъ-ханомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ бумагу отъ графа, кажется, охранный листъ, которымъ запрещается прибывающимъ Астраханскимъ промышленникамъ обижать жителей. Они обѣщались намъ привести сей листъ въ Красноводскъ.

3-го. Мы снялись съ разсвѣтомъ съ якоря и направили путь свой на SSW, къ проливу между островами Дервишемъ и Огурчинскимъ или Айдакомъ. Глубина часто измѣнялась по причинѣ косъ идущихъ отъ Дервиша; мы даже разъ ударились килемъ объ одну изъ сихъ косъ. Сдѣлавъ четыре гальса, мы легли на якорь, потому что ночь насъ застала. Басаргинъ полагалъ, что мы вышли уже изъ пролива, стояли въ открытомъ морѣ, и что намъ на другой день только останется идти однимъ гальсомъ прямо къ Красноводску. Огурчинскій островъ былъ у насъ въ виду. Наономъ примѣтенъ съ сѣверной стороны памятникъ. По словамъ Кіата, памятникъ сей состоитъ изъ четырехъ деревьевъ связанныхъ вмѣстѣ и имѣющихъ до трехъ саженъ вышины, построенъ лѣтъ десять тому назадъ въ честь одного дервиша, который тутъ имѣлъ въ прежніе годы свое жилище и ушелъ въ Мекку. На семъ мѣстѣ Трухменцы завели свое кладбище, памятникъ же служитъ имъ маякомъ. Лѣтомъ островъ Огурчинскій необитаемъ, на немъ пасутся только бараны безъ пастуховъ; на зиму же нѣсколько жителей туда перекочевываютъ. Воды прѣсной на семъ островѣ нѣтъ, а Трухменцы замѣняютъ оную морскимъ льдомъ, котораго вода теряетъ горечь и соль. Я вчера узналъ отъ Кіата, что степные джейраны живутъ по два и по три мѣсяца безъ воды. Не знаю, вѣрить-ли сему сказанію; извѣстно впрочемъ, что въ степяхъ сихъ ни прѣсныхъ, ни соляныхъ водъ нѣтъ.

7-го. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли Красноводскія горы, снялись съ якоря и не знаю на какой глубинѣ пошли въ море. Поднялся силь-

ный остовой вѣтеръ, который продержалъ насъ въ дрейфѣ и отнесъ насъ далеко въ море. Мы шли разными гальсами, отводящими насъ отъ Красноводска. Не зная морской службы, я не могу осуживать сихъ движеній; но мнѣ кажется явно, что все сіе дѣлается съ намѣреніемъ Басаргинымъ, который хочетъ увѣрить насъ, что вѣтеръ ему не позволяетъ зайти въ Красноводскій заливъ, дабы, испытавъ терпѣніе Понамарева, склонить его на предложеніе возвратиться въ Баку. Онъ крѣпко ошибается въ своемъ разсчетѣ, если таковъ разсчетъ его; а мы между тѣмъ время теряемъ. Слова штурмана и офицеровъ, отъ которыхъ я любопытствовалъ получить объясненіе на сей счетъ, утверждаютъ мое мнѣніе, а всего больше капризный нравъ нашего капитана, которому Понамаревъ слишкомъ много позволяетъ.

10-го. Предъ полуднемъ мы прибыли въ Красноводскій заливъ и легли противъ горъ, называемыхъ Оогъ. Здѣсь по всему берегу имѣются кочевья и колодцы съ хорошей прѣсной водой. Коса Красноводская закрываетъ насъ со стороны моря. Сей сѣверный берегъ Балканскаго залива гористый и частью состоитъ изъ каменныхъ горъ. Заливъ сей весьма спокойный для судовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемому заведенію предстоитъ здѣсь гораздо болѣе выгодъ, нежели въ которомъ либо изъ видѣнныхъ нами мѣстахъ. Дровяной лѣсъ можно добывать съ острововъ Челекени и Дарджи, и говорятъ, что строевой растетъ при вершинѣ Балканскаго залива на горахъ. По пріѣздѣ нашемъ Кіатъ былъ спущенъ на берегъ для приведенія къ намъ человѣка, съ которымъ мнѣ надобно отправиться въ Хиву.

11-го. Мы всѣ съѣзжали на берегъ. Вода въ колодцѣ здѣсь очень хорошая. Колодецъ построенъ съ тщаніемъ изъ камня. Я ходилъ въ горы на охоту.

12-го. Съ разсвѣтомъ я опять отправился на берегъ, пошелъ съ ружьемъ въ горы за куропатками. Охота моя была довольно счастлива. Горы прилежащія въ семъ мѣстѣ къ берегу круты. Взобравшись на оныя, я видѣлъ довольно хорошо мѣстоположеніе. Мы лежимъ на якорѣ противъ мыса, который перерѣзанъ двумя небольшими цѣпями каменныхъ горъ. За оными идетъ долина, которая простирается къ Юго-Востоку до моря, а къ Юго-Западу до Красноводской косы, на которой никакихъ возвышеній нѣтъ. За сей долиной опять каменный обрывъ, который составляетъ берегъ пространной степи, ведущей къ Хивѣ. Красноводская коса имѣетъ до 4 верстъ въ поперечникѣ и до 6 часовъ хода въ длину. Сіе я узналъ по разсказамъ жителей. На сихъ дняхъ отправляются въ Хиву караваны съ рыбьимъ клеемъ и коврами.

13-го. Червадарь, который меня повезетъ въ Хиву, прибылъ на берегъ; но Кіатъ не привозитъ его сюда пока не соберутся всѣ старшины здѣшнихъ ауловъ, чтобы вдругъ все дѣло кончить. Я укладывалъ свои вещи и подарки для поѣздки въ Хиву.

Вотъ содержаніе письма Алексѣя Петровича къ Хивинскому Мегмедъ-Рагимъ-хану.

Высокославной, могущественной и пресчастливѣйшей Россійской имперіи главнокомандующій въ Астрахани, въ Грузіи и надъ всѣми народами обитающими отъ береговъ Чернаго до предѣловъ Каспійскаго моря, дружелюбно привѣтствуя высокостепеннаго и знаменитѣйшаго обладателя Хивинскія земли, желаю многолѣтняго здравія и всѣхъ радостей. Честь имѣю при томъ объявить, что торговля, привлекающая Хивинцовъ въ Астрахань, давно уже познакомила меня съ подвластнымъ вамъ народомъ, извѣстнымъ храбростью своею, великодушіемъ и добронравіемъ. Восхищенный же сверхъ того славою, повсюду распространяющеюся, о высокихъ достоинствахъ вашихъ, мудрости и отличающихъ особу вашу добродѣтеляхъ, я съ удовольствіемъ пожелалъ войти въ ближайшее съ вашимъ высокостепенствомъ знакомство и возстановить дружескія сношенія; почему чрезъ сіе письмо, въ благополучное время къ вамъ писанное, открывая между нами двери дружбы и добраго согласія, весьма пріятно мнѣ надѣяться, что черезъ оныя, при взаимномъ соотвѣтствіи вашемъ моимъ искреннимъ расположеніямъ, проложится счастливый путь для вашихъ подвластныхъ къ ближайшему достиженію преимущественнѣйшихъ выгодъ по торговлѣ съ Россіею и къ вящему утвержденію взаимной пріязни, основанной на доброй вѣрѣ. Податель сего письма, имѣющій отъ меня словесныя къ вамъ порученія, будетъ имѣть честь лично удостовѣрить ваше высокостепенство въ желаніи моемъ изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія нашего неразрывной пріязнію. Онъ же обязанъ будетъ, по возвращеніи своемъ, донести мнѣ о пріемѣ, коимъ отъ васъ удостоенъ будетъ и о взаимныхъ расположеніяхъ вашего высокостепенства, дабы я и на будущій годъ могъ имѣть удовольствіе отправить къ вамъ своего посланнаго съ дружественнымъ привѣтствіемъ и съ засвидѣтельствованіемъ моего особливѣйшаго почтенія. Впрочемъ, прося Бога да украситъ дни жизни вашей блистательною славою и неизмѣняемымъ благополучіемъ, честь имѣю пребыть искренно вамъ усердный и доброжелательный

генералъ Ермоловъ.

3-го Іюня 1819 г. Тифлисъ.

Понамаревъ посылаетъ со мной письмо къ Хивинскому хану слѣдующаго содержанія:

Высокостепенному, высокопочтенному и знаменитѣйшему обладателю Хивинскія земли желаю много лѣтъ здравствовать. Высокославной, могу-

щественной и пресчастливѣйшей Россійской имперіи главнокомандующій въ Астрахани, въ Грузіи и надъ всѣми народами обитающими отъ береговъ Чернаго и до предѣловъ Каспійскаго моря Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, желая съ живущими при берегѣ Каспійскаго моря Трухменцами завести торговую связь, послалъ меня къ нимъ. Связь сія тѣмъ болѣе увеличиться можетъ, когда ваше высокостепенство соедините желаніе свое съ намѣреніемъ нашего главнокомандующаго. Тогда совершенно осчастливите народъ, заслуживающій высокаго обоюднаго покровительства, что̀ всего легче учинить, когда чрезъ землю ихъ позволите вашему народу привозить свои товары къ Балканскому заливу, куда и Россійскіе купцы пріѣзжать будутъ. Чрезъ сіе, кромѣ того, что караваны скорѣе доходить будутъ въ Астрахань, но главное избѣгнутъ тѣхъ грабительствъ и притѣсненій, какія терпѣвали они проходя Киргизкайсацкія орды. Уже давно Россійскій народъ знакòмъ съ вашимъ и всегда въ связи дружеской находится; для того главнокомандующій и счелъ за нужное отправить къ вамъ особаго своего чиновника Николая Николаевича Муравьева, засвидѣтельствовать столь знаменитому владѣтелю Хивинскія земли свое искреннее уваженіе и сверхъ того поручилъ ему и словесно отъ себя разныя дѣла вамъ объявить. Я, радуясь сему случаю, поспѣшаю отправленіемъ сего чиновника къ вамъ, чрезъ котораго свидѣтельствую вашему высокостепенству мое униженнѣйшее почтеніе, желая искренно, дабы, въ благополучное время владѣнія вашего, толико славное, взаимное дружеское сношеніе связалось цѣпью сплетенною изъ розъ неувядаемыхъ и восхвалено пѣснями громогласныхъ соловьевъ изъ царства всѣхъ утѣхъ и райскихъ наслажденій. Имѣю честь остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Маіоръ Понамаревъ.

14-го. Собрались на судно главныя старшины Трухменцевъ на Балканскомъ заливѣ кочующихъ, коихъ имена суть слѣдующія: Мулла-Каибъ, Гекимъ-Али-бай, Ніазъ-Булатъ-бай, Магмедъ-Ніазъ-Мергенъ, Миръ-сеидъ (прибывшій изъ Гассанъ-Кули), Таганъ-Ніазъ и Кюлъ-Яршихъ (хозяинъ колодца на берегу противъ нашей якорной стоянки). Они просидѣли цѣлый день на суднѣ безъ всякаго дѣла и къ вечеру поздно возвратились на берегъ. 15-го Понамаревъ съѣхалъ со мной на берегъ, гдѣ было приготовлено угощеніе для сихъ же старшинъ. Послѣ того пошли игры, борьба и стрѣльба. День опять даромъ пропалъ. Старшины недовольны тѣмъ, что ихъ понапрасну держатъ и хотѣли возвратиться каждый къ своему мѣсту. Понамаревъ никакого ни приказанія, ни отвѣта не далъ имъ, и еслибы не Кіатъ, то бы ничего не было сдѣлано.

Червадарь мой или тотъ который брался меня доставить въ Хиву, отказался, и Кіатъ послалъ отыскивать другаго. Сей послѣдній, по имени Сеидъ, прибылъ вчера на берегъ.

Вотъ содержаніе бумаги, которую Понамаревъ заготовилъ къ моему отъѣзду въ Хиву.

Елисаветпольскаго окружнаго начальника маіора Понамарева гвардейскаго генеральнаго штаба господину капитану и кавалеру Муравьеву 4-му. Не видя никакого болѣе препятствія къ слѣдованію вашему въ Хиву по предначертанію данному вашему высокоблагородію отъ главнокомандующаго генералъ-отъ-инфантеріи и кавалера Ермолова, почему не останавливаясь ни на чемъ по отправленію сему, благоволите пріуготовиться къ предлежащему вамъ пути. Хотя же вы и снабжены отъ главнокомандующаго повелѣніемъ нужнымъ для руководства вашего, какъ вести себя въ Хивѣ относительно тамошняго хана и какія должно дѣлать замѣчанія по пути ведущему въ Хиву, однако я нахожу еще къ сему присовокупить и отъ себя слѣдующее.

1-е. По завѣренію всѣхъ вообще Трухменцовъ нынѣ въ Хивѣ владѣлецъ Мехмедъ-Рагимъ-ханъ человѣкъ благомыслящій, радѣющій о пользѣ своего народа и къ Іомутцамъ расположенъ хорошо. Тому вѣрнымъ доказательствомъ служитъ безпрестанное хожденіе каравановъ въ Хиву и оттоль къ сему поколѣнію, и даже существуютъ между ними частныя сношенія; то безъ всякаго сомнѣнія, ханъ, по представленіи вашемъ ему съ выгодной стороны взаимныхъ выгодъ по торговлѣ, къ чему нынѣ обстоятельства сами собою благопріятствуютъ, уповательно не захочетъ выпустить изъ вида своего оныхъ.

2-е. Хивинскаго хана и народа его торговля должна улучшиться ощутительнымъ образомъ, когда онъ приметъ съ полною довѣренностію предложеніе, толь искренно ему предлагаемое со стороны Россійскаго главнаго начальства. Караваны же совершенно обезпечены будутъ отъ всякихъ унизительныхъ покушеній, когда обратятся оные къ предназначенному мѣсту, которое преимущественно нахожу по всему Трухменскому берегу при Балканскомъ заливѣ; ибо оное собственно для Хивинцевъ выгоднѣйшее есть съ одной стороны потому, что на проѣздъ отъ Хивы до избраннаго мѣста потребно мало время и не будутъ подвергнуты тѣмъ хищничествамъ, какія съ ними случаются проѣзжая Киркизкайсацкія орды, а съ другой могутъ входить большія судна и стоять въ заливѣ безъ опасности. Слѣдовательно толь явныхъ выгодъ для себя не захотятъ торговые люди изъ вида своего выпустить, а покровительство Россійскаго главнаго начальства и Хивинскаго хана должно ихъ совершить увѣрить въ прочной выгодѣ торговли ихъ. На предметъ сей, если время и обстоятельства вамъ позволятъ свести знакомство съ значущими купцами, то всего лучше объясниться съ ними можно, которые, понявъ пользу свою, могутъ и со стороны своей содѣйствовать къ склоненію ихъ правительства къ видамъ нашимъ.

3-е. Лице ваше совершенно обезпечено со стороны Трухменцевъ по пути въ Хиву и обратно; ибо извѣстный вамъ Кіатъ-ага, избранный по-

вѣреннымъ отъ лучшихъ и достойнѣйшихъ старшинъ Іомутскаго поколѣнія, находится при мнѣ, содѣйствіемъ коего путь вашъ находится въ безопасности.

4-е. Соглашаясь на похвальныя качества Хивинскаго хана, можно ожидать и желаемыхъ успѣховъ въ предпріятіи. Въ такомъ разѣ, когда достигнете своей цѣли, то не излишнее будетъ со стороны вашей употребить средства къ склоненію его, дабы онъ отправилъ отъ себя къ главнокомандующему своего чиновника для положенія мѣръ къ учрежденію торговли. Но если ханъ на сіе не рѣшится, тогда по крайней мѣрѣ пусть бы отправилъ онъ таковаго хотя ко мнѣ. Сіе и потому бы было весьма хорошо, что обратный вашъ путь былъ бы въ совершенной безопасности отъ всякихъ покушеній.

5-е. Я буду ожидать васъ въ Балканскомъ заливѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь корветъ находится. Если однако встрѣтится съ вами какое-либо непредвидѣнное обстоятельство, то сыщите средство дать мнѣ знать письменно о настоящемъ положеніи вашемъ, безъ чего никакому слуху вѣрить я не буду. Но какъ переписка въ семъ случаѣ быть можетъ вынужденная, то на таковой предметъ я нахожу за нужное положить между нами для тайнаго нашего свѣдѣнія особые знаки, кои означать будутъ: *первый* въ концѣ строки маленькая краткая черта — *благополучный путь и хорошій въ дѣлахъ успѣхъ; второй* толстая черта тамъ же — сомнѣнія въ дѣлахъ и во всемъ; *третій* змѣйкою ~~ *все худо и не ждать васъ болѣе.*

6-е. Такъ какъ на корветѣ морской провизіи оказывается мало по причинѣ той, что шкоутъ „Св. Поликарпъ“ еще не прибылъ сюда, то можетъ быть нужно будетъ отлучиться въ Баку или Сару для принятія онаго. Въ такомъ разѣ, буде вы прибудете къ сему мѣсту и не увидите корвета на якорѣ, то должны будете отъ сего мѣста не отлучаться, но дожидаться у прибрежныхъ сихъ кибитокъ возвращенія моего.

7-е. Имѣющееся у меня письмо главнокомандующаго къ Хивинскому хану, и другое отъ меня къ нему же, при семъ влагаю для врученія его высокостепенству. Экстраординарныя вещи имѣете принять отъ меня по особой вѣдомости, равно и сумму изъ четырехъ сотъ червонцевъ. О израсходованіи оныхъ должны будете представить отчетъ по свиданіи со мной, для чего и прилагаю двѣ шнуровыя книги за печатью и подписомъ моимъ.

8-е. При васъ быть имѣетъ Армянинъ Иванъ Муратовъ, который долженъ быть въ непосредственной отъ васъ зависимости, за усердіе и расторопность коего можете наградить по усмотрѣнію вашему.

Въ заключеніе сего мнѣ не остается болѣе ничего желать какъ только скораго и счастливаго окончанія всѣхъ порученій, отъ вышняго начальства на ваше высокоблагородіе возлагаемыхъ.

Маіоръ Понамаревъ.

14-го Сентября 1819 г. № 21. Корветъ Казань въ Красноводскомъ заливѣ.

16. Кіатъ опять привезъ всѣхъ вышеупомянутыхъ старшинъ на корветъ. Они приложили пальцы къ письмамъ отъ Трухменскаго народа къ Понамареву и главнокомандующему, и мулла Каибъ засвидѣтельствовалъ ихъ согласіе, послѣ чего сдѣланы имъ были подарки. Между тѣмъ я сторговался съ Сеидомъ. Онъ отправляется 21 числа сего мѣсяца въ Хиву или, по ихъ счисленію, 12 числа мѣсяца 30 Зыхидже. Онъ порядился меня везти туда и обратно за 40 червонцевъ, коихъ половину я ему въ задатокъ далъ.

Шкоутъ «Поликарпъ», везущій намъ провіантъ, еще сюда не прибылъ; полагаютъ, что онъ воротился въ Сару по причинѣ течи, открывшейся въ ономъ, и корветъ останется безъ продовольствія. Онъ можетъ быть дойдетъ до Баку, а зимой, за противными вѣтрами, не въ состояніи будетъ возвратиться, и я долженъ буду зимовать у Трухменцевъ. Я предлагалъ Понамареву для личной безопасности моей оставить въ такомъ случаѣ на берегу Кіата и взять его сына въ залогъ; но онъ на сіе не соглашается, не желая съ пустыми руками воротиться къ главнокомандующему. Нерѣшимость Понамарева очень тяжко для меня видѣть; онъ тѣмъ даетъ сильный поводъ и Басаргину ослушиваться. Сего же послѣдняго правила довольно скотообразны въ обращеніи, и всякій посторонній сочтетъ скорѣе его начальникомъ Понамарева. Сія самая нерѣшительность простирается и въ дѣлахъ съ Трухменцами, отъ чего уже не разъ мы теряли по нѣскольку сутокъ времени.

17. Я поѣхалъ на берегъ, чтобы купить лошадь, которую привели для продажи. Просили 125 реаловъ или 250 р. за дрянную старую маленькую лошадь, которая болѣе 30 р. не стоитъ. Я отказалъ ее и рѣшился ѣхать на верблюдахъ.

Вчера Атеке, проводникъ нашъ изъ Нефтянаго острова, поѣхалъ на кириджѣ отыскивать шкоутъ. Пріѣхавшая изъ Астрабада лодка не видала его. Надобно полагать, что онъ возвратился въ Сару, а мы безъ хлѣба. Сегодня я отправлюсь на берегъ совсѣмъ для предпринятія пути своего. Корветъ долженъ будетъ уйти въ Баку за провіантомъ. Если оттуда Понамаревъ отправится въ Тифлись, тогда я имѣю добрую надежду прозимовать на берегу Трухменскомъ.

Во время поѣздки моей въ Хиву, я продолжалъ записки сіи въ особой тетради, мѣшая оныя на трехъ иностранныхъ языкахъ, дабы

въ случаѣ еслибы я былъ ограбленъ и бумаги мои попались къ Хивинскому хану, то бы онъ посредствомъ имѣющихся въ Хивѣ Русскихъ не могъ разобрать оныхъ. Но и тѣ самыя записки я могъ только вести до половины дороги въ Хиву; остальное время, видя подозрѣніе, которое на меня имѣли, я принужденъ былъ имѣть листъ бумаги съ карандашомъ въ шапкѣ своей для записыванія видѣннаго мною и происшествій самымъ простымъ образомъ, основывая все почти на памяти. Съ сихъ-то записокъ я буду теперь стараться сдѣлать подробное описаніе моему путешествію.

18-го числа ввечеру я уже совсѣмъ былъ готовъ къ отъѣзду, какъ мы получили извѣстіе о нашемъ шкоутѣ «Поликарпѣ» чрезъ прибывшее къ намъ гребное судно съ него. Шкоутъ оставался, за противными вѣтрами, у береговъ близъ острововъ Челекени и Огурчинскаго и нуждался прѣсной водой. Корветъ нашъ, между тѣмъ, нуждаясь въ хлѣбѣ, долженъ былъ, по общему совѣту, послѣ отправленія моего въ Хиву, идти въ Баку. Извѣстіе о шкоутѣ перемѣнило наше рѣшеніе. Гребное судно было тотчасъ возвращено обратно въ путь съ двумя бочками гнилой тухлой воды и предписаніемъ къ лейтенанту Остолопову не медлить прибытіемъ въ Красноводскъ. Въ тотъ же самый вечеръ я съѣхалъ на берегъ и ночевалъ въ прибрежныхъ двухъ кибиткахъ у старика Кюлъ-Яршихъ-софи. Меня проводили на берегъ священникъ нашъ, лейтенантъ Линицкій и мичманъ Юрьевъ. Я имѣлъ весьма мало надежды возвратиться, но былъ довольно покоенъ: ибо уже сдѣлалъ первый шагъ къ исполненію той трудной обязанности, которую я на себя взялъ и безъ исполненія которой мнѣ казалось, что я не смѣлъ показаться предъ главнокомандующимъ, передъ знакомыми и товарищами моими.

*

Извлеченіе изъ этихъ путевыхъ записокъ Н. Н. Муравьева было издано особою книгою подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 годахъ, гвард. г. штаба капитана Николая Муравьева, посланнаго въ сіи страны для переговоровъ. М. въ тип. Семена 1822“. 4-ка, 2 части, 179 и 144 стр.

Приводимъ здѣсь предисловіе къ этой книгѣ (переведенной на Европейскіе языки и теперь рѣдкой), въ которомъ выражена общая задача этой поѣздки, предпринятой съ малыми средствами и богатой послѣдствіями.

Господину главнокомандующему въ Грузіи, генералу-отъ-инфантеріи и кавалеру Алексѣю Петровичу Ермолову угодно было послать

экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, дабы склонить Туркменовъ по онымъ обитающихъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею. Намѣреніе господина главнокомандующаго было устроить на тѣхъ берегахъ пристань, въ которой купеческія суда наши могли бы лежать спокойно на якорѣ и безопасно складывать товары свои, почему и предполагалъ устроить для сего небольшую крѣпость.

Порученіе сіе клонилось къ исполненію видовъ императора Петра Великаго, который желалъ установить чрезъ обширныя степи, называемыя нами *Татаріею*, постоянную торговлю съ *Индіею*. Исполинское намѣреніе сіе рушилось тогда съ умерщвленіемъ князя Бековича, ходившаго съ отрядомъ въ Хиву и погибшаго тамъ съ войскомъ. Нарушивъ договоры и клятвы, по коимъ князь явился въ лагерь къ Хивинцамъ, они схватили его, принудили подъ предлогомъ недостатка въ продовольствіи на столь значительное количество войска расположить отрядъ по селеніямъ и, пользуясь таковымъ раздробленіемъ силъ его, перерѣзали всѣхъ и самого его умертвили мученически. Прочія войска, высаженныя еще кромѣ того въ трехъ мѣстахъ на берегъ Каспійскаго моря, именно: въ *Мангышлакѣ*, *Александръ-Баѣ* и *Красноводскѣ* принуждены были отплыть обратно въ Астрахань, оставивъ начатыя ими укрѣпленія. Несчастная участь Бековича показала хищническія и коварныя расположенія Хивинцевъ, и съ тѣхъ поръ правительство наше не возобновляло сего предпріятія.

Для совершенія онаго должно было сперва завести связи съ Туркменами, народомъ кочевымъ, разбойническимъ, безъ промышленности, почти безъ нравственности, и по различію вѣроисповѣданій, издревле непримиримымъ во враждѣ съ Персіянами.

Въ 1813 году, бывшій главнокомандующій въ Грузіи, господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ посылалъ въ Туркменію Дербентскаго купца Армянина Ивана Муратова, который, прежде занимаясь торговлею съ *Астрабадомъ*, имѣлъ знакомство въ тѣхъ странахъ. Муратовъ передалъ предложенія Николая Ѳедоровича Ртищева нѣкоему *Султанъ-хану*, который, въ то время предводительствуя племенами Туркменскими и ополчивъ оныя, наносилъ Персіянамъ значительный вредъ. *Султанъ-ханъ*, въ надеждѣ сдѣлаться со временемъ законнымъ повелителемъ необузданныхъ Туркменовъ, былъ чрезвычайно порадованъ обѣщанному покровительству отъ нашего главнокомандующаго и послалъ къ нему своихъ пословъ изъ людей почетныхъ и старшинъ, испрашивая на первый случай милостиваго только воззрѣ-

нія правительства нашего на положеніе Туркменовъ (коихъ Персіяне наказывали за ихъ воровства и грабежи).

Къ несчастію его, послы Туркменскіе, въ числѣ коихъ былъ *Кіатъ-ага* (о которомъ въ продолженіи путешествія моего будетъ часто упомянуто), застали главнокомандующаго въ *Гюлистанскомъ* лагерѣ, что̀ въ *Карабагѣ*, въ то самое время, когда онъ заключалъ мирные договоры съ *Абулъ-Гуссейнъ-ханомъ*, полномочнымъ и довѣреннымъ чиновникомъ отъ Персидскаго двора. *Абулъ-Гуссейнъ-ханъ*, знавши, сколь Туркмены, поддержанные Россіею, могутъ быть опасны для его отечества, требовалъ, чтобы правительство наше не входило съ ними ни въ какія сношенія. Главнокомандующій на сіе согласился и, прилично подаривъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ Туркменскій былъ очень огорченъ сею неудачею и, не будучи болѣе въ силахъ противиться Персіянамъ, покорился имъ, давъ залоги вѣрности; тѣ же изъ Туркменовъ, которые не хотѣли принять ига сосѣдей, удалились къ *Балканскому заливу*, въ мѣста неприступныя для Персіянъ, или въ Хиву, гдѣ ихъ принялъ нынѣшній *Мегмедъ-Рагимъ-ханъ*, жесточайшій врагъ *Каджаровъ* *). Султанъ-ханъ къ нему же удалился и до сихъ поръ въ Хивѣ находится.

Исполненіе намѣренія своего вступить въ дружескія сношенія съ Туркменами г-нъ главнокомандующій возложилъ на Елисаветпольскаго окружнаго начальника г-на маіора Понамарева; а мнѣ, какъ офицеру генеральнаго штаба, поручено было, обозрѣвъ съ нимъ вмѣстѣ Восточные берега Каспійскаго моря, слѣдовать въ Хиву для сношенія съ владѣтелемъ оной и описанія того края. По сему поводу я былъ на берегахъ Туркменскихъ и въ Хивѣ.

Записки сіи были ведены мною тайно и для себя, въ сохраненіе видимаго памятника благости спасшаго меня Провидѣнія.

Возвратясь въ отечество, многіе любопытствовали получить нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о странѣ мною посѣщенной, такъ и о приключеніяхъ моего странствованія. Записки мои были не въ порядкѣ и сдѣланы только для прочтенія роднымъ и малому числу друзей; но желаніе многихъ видѣть записки сіи напечатанными заставило меня рѣшиться издать ихъ въ свѣтъ. Я излагаю просто все что̀ видѣлъ и могъ узнать. Заключенному мало средствъ познавать край, особенно среди подозрительнаго народа. Я сдѣлалъ все что̀ могъ. Желаніе мое

---

*) Нынѣ царствующая фамилія въ Персіи.

было быть полезнымъ. Видѣнное мною и сдѣланное описываю какъ было, не желая дѣлать книги. Соотечественникамъ судить о моихъ дѣйствіяхъ, а моя обязанность посвятить имъ свои труды.

Въ продолженіи сихъ записокъ я часто называю лица, которыя кажутся незначительными; но я почелъ себя обязаннымъ сіе сдѣлать, дабы впередъ облегчить пути нашего правительства въ случаѣ какого нибудь предпріятія въ семъ краѣ. Особы, которыхъ я называлъ, имѣютъ связи въ той странѣ и, знавши имена ихъ и нравъ, посланный будетъ уже нѣсколько знакомъ съ тамошними чиновниками; ибо большая часть изъ нихъ занимаютъ довольно значительныя должности.

*

„Путешествіе въ Туркменію и Хиву“ посвящено отцу сочинителя „его превосходительству Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю Московскаго учебнаго заведенія для Россійскаго юношества господину генералъ-маіору и кавалеру“. Выписываемъ посвятительныя строки: „Желаніе исполнить мой долгъ одушевляло меня въ трудномъ моемъ путешествіи, рука Провидѣнія подала силы ослабѣвшему. И привязанность къ Отечеству, и вѣру въ небесное покровительство внушило мнѣ попеченіе родительское. Да будетъ же и слабый трудъ сей озаренъ именемъ почитаемаго отца и соревнователя просвѣщенія. Всепокорнѣйшій сынъ Николай Муравьевъ“. Къ книгѣ приложенъ большой атласъ въ листъ, съ портретами, видами, планами, таблицами, общею и подробною картами и пр.

Будучи уже старцемъ, Н. Н. Муравьевъ выражалъ недовольство этою книгою. Неоднократно говорилъ онъ намъ о томъ, прибавляя, что книга печаталась заглазно, и на изданіе ея въ свѣтъ онъ согласился только для того, чтобы доставить удовольствіе своему родителю. Въ „Русскомъ Архивѣ“ достопамятное странствованіе молодаго офицера печатается и будетъ продолжаться печатаніемъ съ подлинной рукописи. П. Б.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ АЛЕКСІАНО.

Аттестатъ.

По указу Ея Императорскаго Величества данъ сей господину флота капитанъ-лейтенанту и Святаго Георгія четвертаго класса кавалеру Панаіоти Алексіану въ томъ, что вступилъ онъ въ службу Ея Императорскаго Величества въ 1769 году въ Февралѣ мѣсяцѣ въ Ливорнѣ, и того жъ года употребленъ былъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ для сыску пилотовъ, которыхъ они обще съ нимъ и нашли, и по отправленіи оныхъ съ братомъ его ко флоту, препоручено ему было покупать порохъ, свинецъ и другія военныя вещи, кои отправляемы имъ были на разныхъ Греческихъ судахъ въ Левантъ. А по исправленія онаго въ 770 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ посаженъ былъ на корабль Ростиславъ, на которомъ и прибылъ ко флоту. И во время сраженія и сожженія Турецкаго флота подъ Чесмою находился при ономъ, гдѣ показывалъ храбрость и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и обще съ братомъ своимъ вывелъ Турецкую полугалеру. И въ ономъ же году въ Іюлѣ мѣсяцѣ находился въ островѣ Лемносѣ и имѣлъ у себя подъ командою до двухъ сотъ Грековъ сухопутныхъ и держалъ форпосты до снятія всего десанта. А послѣ препорученъ ему былъ въ команду фрегатъ Св. Павелъ, коимъ онъ во все время бытности его въ тамошнихъ мѣстахъ командовалъ самъ и, во время слѣдованія его въ портъ Аузу, спасъ встрѣтившійся ему одинъ Французской купеческій корабль отъ нападенія на него двухъ Дульциніотскихъ шебекъ, коего онъ взялъ на буксиръ и привелъ въ портъ Аузу. Въ 771 году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, на томъ же фрегатѣ отъ господина адмирала и кавалера Спиридова, подъ командою господина бригадира Барша, посланъ онъ былъ между островов Патмоса и Леро для занятія тамо прохода къ Дарданеламъ Турецкихъ и прочихъ судовъ, везущихъ разныя вещи, грузъ и съѣстные припасы, гдѣ по случаю въ добычу онъ получилъ два Турецкія вооруженныя судна, одно малое, а другое о десяти пушкахъ и тридцать человѣкъ Турокъ, на которыхъ судахъ посаженъ былъ христіанскій народъ изъ Кандіи для продажи. Да еще взяты имъ три Французскія судна, ѣдущія съ Турецкимъ провіантомъ для отвозу въ Константинополь и въ Салонику.

А въ Мартѣ мѣсяцѣ, на островѣ Леро, взята имъ была одна крѣпость, изъ коей въ добычу получилъ порохъ, ядра и прочее военное оружіе; а оставшіеся въ крѣпости большія пушки, заклепавъ, оставилъ, и все вышеписанное, какъ суда такъ и плѣнники доставлены были въ портъ Аузу. А изъ порта Аузы въ томъ же году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ опредѣленъ былъ подъ команду въ эскадру господина бригадира Борисова къ Натолійскимъ берегамъ, гдѣ отъ него употребляемъ былъ въ разныя посылки, и подъ островомъ Станчо сжегъ Турецкой военный корабль и взялъ въ плѣнъ въ разныя числы на островѣ Кассѣ двѣ полугалеры разбойничьи со всею на нихъ артилерію и съ людьми на каждой по сороку человѣкъ, да четыре трекатора Турецкихъ. А въ Сентябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ отъ него жъ господина бригадира Борисова съ небольшою эскадрою изъ Греческихъ судовъ по западную сторону острова Станчо подъ крѣпость Цефало, гдѣ, сдѣлавъ десантъ и оною крѣпостью завладѣвъ, взялъ въ добычу одинадцать пушекъ, два флага, да Турокъ мужеска и женска полу до шестидесяти человѣкъ. А въ 772 году въ Февралѣ мѣсяцѣ съ данной ему эскадрою отъ него жъ господина Борисова посланъ былъ подъ крѣпость Родосъ, гдѣ взялъ Турецкой трекаторъ съ десятью пушками и тридцатью человѣками Турокъ, которой нагруженъ былъ корабельнымъ лѣсомъ, также одну поляку, которая слѣдовала въ Анатолію для забранія военныхъ людей къ перевозу въ Родосъ для подкрѣпленія крѣпости, и одну фелюгу, которая также послана была отъ Зефиръ-паши съ канатомъ и парусами для укомплектованія Турецкихъ фрегатовъ, строющихся въ Бузрумѣ; а потомъ взялъ въ призъ Турецкой провіантъ, везенной на Французскихъ шести судахъ изъ Салоники и Кандіи въ Константинополь. Также посыланъ былъ иногда на Анатолической берегъ, гдѣ имѣлъ сраженіе съ Турками и всегда одерживалъ побѣду. Въ бытность флота въ Миконѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, посланъ былъ отъ меня въ Дарданелы для отвозу въ первую армію и обратно во флотъ двухъ курьеровъ. А въ Октябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ отъ меня въ Сирію для помощи Али-бею и Шекъ-Дагеру, и въ Анатолію для прочихъ случаевъ; а оттуда отправленъ былъ подъ крѣпость Даміатъ, гдѣ находились два Турецкія судна, кои были вооружены военными людьми и намѣрены были ѣхать въ крѣпость Яфу для помощи противъ Али-бея, который состоялъ тогда въ осадѣ то онъ Панаіоти Алексіано со оными судами имѣлъ сраженіе и одно изъ оныхъ сжегъ, а другое загнато на берегъ; а отъ оной крѣпости слѣдуя въ городъ Яфу, встрѣтилъ двѣ Турецкія поляки вооруженныя и съ войскомъ, которыя намѣрены были ѣхать въ Яфу противъ Али-бея и на которыхъ находилось два бея, одинъ Селимъ-

бей, одинъ янычаръ-ага и еще четыре аги, двѣсти пятьдесятъ янычаръ, пятнадцать пушекъ, разной воинской амуниціи, флаговъ пять, целенковъ шесть, барабановъ четыре и разные трофеи, что онъ, видя намѣреніе ихъ, въ Яфу слѣдованіе пресѣкъ и обратилъ ихъ назадъ. И въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ подъ городъ Яфу, и по соединеніи съ Али-беемъ и Шекъ-Дагеромъ препоручили они ему въ команду и свои суда; а какъ Али-бей съ берегу, такъ и онъ съ порученныхъ ему судовъ и съ своей эскадры имѣли баталію противъ крѣпости Яфы, до тѣхъ поръ, когда заключена была капитуляція, и Али-бей обратно получилъ крѣпость; а онъ съ своей эскадрою, съ даннымъ ему ко мнѣ отъ Али-бея письмомъ и двумя призами и плѣнники возвратился къ флоту въ Миконъ. Въ 773 году въ Маіѣ мѣсяцѣ, командированъ онъ былъ изъ порта Аузы съ своимъ фрегатомъ и семью Греческими судами, вооруженными до трехъ сотъ человѣкъ Грековъ, для десанта въ городъ Берутъ и, соединясь въ островѣ Миконѣ съ капитаномъ Кожуховымъ, отправились въ городъ Берутъ, гдѣ будучи оной и атаковали, которой послѣ и отданъ былъ на капитуляцію. Въ 774 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, изъ порта Аузы отъ господина вицъ-адмирала и кавалера Елманова, на своемъ фрегатѣ съ двумя полугалерами, посланъ былъ до Дарданелей и оттуда около Румелисскихъ береговъ и въ заливъ Декаридія, гдѣ по батареямъ производилъ изъ пушекъ стрѣльбу и высаживаніемъ десанта великій вредъ причинялъ непріятелю. Напослѣдокъ въ заливѣ Декаридіи состоящая крѣпость по многимъ супротивленіямъ была имъ взята, причемъ находящійся въ оной гарнизонъ, состоящій изъ пятидесяти одного человѣка безъ оружія, отпущенъ на капитуляцію, а въ добычу взято шестнадцать пушекъ, въ томъ числѣ большихъ мѣдныхъ двѣ, пороху, ядеръ, пистолетъ, ружей, топоровъ и ножей немалое число, притомъ и четыре фелюки, нагруженныя досками и желѣзомъ; а оставшія фелюки, домы и прочее все предано огню. А при возвратѣ его ко флоту, встрѣтилось ему семь полугалеръ и двѣ бригантины съ сикурсомъ для подкрѣпленія вышепомянутой крѣпости, то онъ принужденъ былъ и со оными имѣть баталію, изъ которыхъ судовъ одно загнано на берегъ, а прочія обращены въ бѣгство; а вышеписанная добыча доставлена вся ко флоту. Во все жъ время продолжаемой службы подъ командою моею велъ себя какъ храброму и искусному офицеру надлежитъ и всѣ поручаемыя ему дѣла исполнялъ съ полнымъ прилежаніемъ и усердіемъ, поведенія хорошаго и къ произвожденію достоинъ. Москва, Іюня 24-го дня 1777 года. Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменской,

(Съ подлинника, сообщеннаго роднымъ внукомъ героя Екатериненскихъ временъ, Николаемъ Николаевичемъ Алексіано).

АРХИВЪ ГРАФА ИГЕЛЬСТРОМА *).

II.

Указы императора Павла Петровича.

Въ 1790 году Екатерина отозвала графа Игельстрома съ Сибирско-Уфимскаго намѣстничества, и 3-го Августа этого года онъ подписалъ Верельскій мирный договоръ нашъ съ Швеціею. Повидимому это былъ человѣкъ весьма находчивый и подвижный, и не будетъ, кажется, ошибкою сравнить его съ покойнымъ фельдмаршаломъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ. Въ 1791 году былъ онъ посломъ въ Швеціи, потомъ намѣстникомъ Псковскимъ, въ 1793 г. ген.-губернаторомъ Кіевскимъ и съ этой должности назначенъ командовать войсками въ Варшавѣ, гдѣ произошло при немъ повальное избіеніе Русскихъ, 6 Апрѣля 1794 года. Онъ жилъ безъ должности въ Ригѣ, когда скончалась разочаровавшаяся въ немъ Екатерина. Павелъ Петровичъ, немедленно по воцареніи, произвелъ его въ генералы-отъ-инфантеріи и 1-го Декабря 1797 года назначилъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ ему снова пришлось править тѣмъ краемъ, и къ этому времени относятся нижеслѣдующіе указы, характерные и живописующіе тогдашнее положеніе дѣлъ. Обычныя начала и окончанія писемъ, для краткости, опускаются. П. Б.

1.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 10-го 1796.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Игельстромъ. Давъ уже повелѣніе наше о немѣдленномъ собраніи къ своимъ полкамъ и командамъ тѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, кои, по злоупотребленіямъ до сего вкравшимся, находилися въ приватныхъ услугахъ по дерев-

*) См. выше стр. 341.

нямъ, дачамъ и домамъ, такъ какъ и излишнихъ сверхъ положеннаго числа деньщиковъ, нужнымъ почитаемъ чрезъ сіе подтвердить всѣмъ инспекторамъ, въ томъ числѣ и вамъ, дабы въ дивизіи вами командуемой вышеизображенное повелѣніе наше въ самой точности и безъ малѣйшаго замедленія исполнено было, что̀ мы возлагаемъ на особенное ваше наблюденіе и взысканіе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

2.

S-t Pétersbourg, ce 5 Janvier 1797.

Vous me ferez le plaisir, mon cher général, de m'informer de ce qui se passe chez vous directement par des lettres à moi, de même que des arrangemens militaires par rapport à vos troupes.

Votre affectionné Paul.

Vous aurez la bonté de ne vous adresser au collège et à son président que dans les cas énoncés dans le règlement; dans tous les autres vous m'écrirez en droiture. P. *).

Переводъ. Спб. 5 Января 1797. Вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, любезный генералъ, извѣщая меня прямо письмами ко мнѣ о томъ, что̀ у васъ происходитъ, равно и о военныхъ распоряженіяхъ касательно вашихъ войскъ. Любящій васъ Павелъ. Будьте добры, обращайтесь въ коллегію и къ ея президенту только въ тѣхъ случаяхъ, которые означены въ уставѣ; во всѣхъ остальныхъ пишите ко мнѣ прямо. П.

3.

Петербургъ, Января 17-го 1797.

Получа извѣстіе отъ губернатора Алябьева о набѣгѣ Киргизцовъ въ границы, требую о семъ отъ васъ увѣдомленія и для чего мнѣ о семъ отъ васъ не донесено, причемъ вамъ поручаю завести съ ихъ ордами сношеніе о дружбѣ и согласіи, тѣмъ болѣе, что они прежде вызывались сами о присылкѣ ко мнѣ депутатовъ. Въ прочемъ смотрите, чтобъ обыкновенныхъ съ нашей стороны имъ притѣсненій и взятокъ не было, чѣмъ и отымете у нихъ случай къ неудовольствію, а у меня къ непріятному взысканію. Прошу васъ въ исполненіи своей должности взять примѣръ съ тѣхъ, кто единственно лишь ею занимается. Вамъ благосклонный Павелъ.

Сіе сообщить и прочимъ у васъ служащимъ. Алябьевъ же, можетъ быть, думалъ симъ выслужиться.

---

*) Это не указъ, а письмо, писанное передъ отъѣздомъ Игельстрома къ должности. Оно доставлено намъ отъ г-на Распопова. П. Б.

4.

С.-Петербургъ, Февраля 7-го 1797.

Усматриваю я, что во всѣхъ полкахъ разныхъ чиновъ люди въ отлучкѣ и для сего предписываю вамъ, собравъ со всѣхъ полковъ дивизіи вашей обстоятельныя свѣдѣнія поимянно каждаго чина, кто, куда, когда и почему при полку не находится, препроводить списки сіи ко мнѣ.

5.

С.-Петербургъ, Февраля 12-го 1797.

Донесенія ваши отъ 30-го Генваря получа, не принимаю на апробацію мѣры вами принятыя по случаю требованія Уфимскаго губернатора князя Баратаева, и вы напрасно посылали всѣ сіи команды. Теперь уже все кончилось въ Перми, гдѣ должны остаться на непремѣнныхъ квартирахъ гренадерскія роты Екатеринбургскаго мушкатерскаго полка.

6.

С.Петербургъ, Февраля 21-го 1797.

Видѣвъ изъ рапорта вашего отъ 8 сего мѣсяца происшествіе случившееся на Кизильской дистанціи, нахожу весьма похвальнымъ поведеніе въ семъ дѣлѣ коменданта той дистанціи подполковника Бранта и адъютанта полка его Микулина. Первому объявите мое благоволеніе, а послѣдняго приказалъ я повысить въ слѣдующій чинъ, оставя его при прежней адъютантской должности; чиновникамъ же Тептярскаго полку и Башкирскимъ, бывшимъ въ дѣлѣ противъ Киргизскихъ воровъ, выдайте не въ зачетъ третное жалованье, а нижнимъ чинамъ какъ регулярныхъ, такъ и нерегулярныхъ войскъ по рублю на человѣка. Впрочемъ примѣчаю вамъ, чтобъ капраловъ впредъ именовать младшими унтеръ-офицерами, какъ въ военномъ уставѣ сказано.

7.

С.-Петербургъ, Февраля 23-го 1797.

Апробую то, что вы, взявъ подъ свое управленіе дѣла пограничныя и вѣдѣніе гарнизоновъ по всѣмъ крѣпостямъ линіи и прочихъ военныхъ народовъ въ тамошнемъ краѣ обитающихъ, предоставили гражданскому правительству дѣла до ихъ домостроительства касаю-

щіяся. Нужно также, чтобъ вы и во внутреннее правленіе и распоряженіе полковъ не входили, развѣ только по тѣмъ частямъ, кои до инспекціи относятся, на точномъ основаніи воинскаго устава. Равнымъ образомъ одобряемъ подтвержденіе, которое вы дали полкамъ Оренбургскому драгунскому и Рыльскому мушкетерскому о скорѣйшемъ ихъ переформированіи. Между тѣмъ поспѣшите увѣдомить насъ о числѣ, сколько и гдѣ именно изъ Оренбургскихъ гарнизонныхъ батальоновъ по всей дистанціи вашей надобно расположить людей, полагая, что въ самомъ Оренбургѣ нужно имѣть не менѣе двухъ баталіоновъ.

Присылку депутатовъ отъ Киргискайсацкой Меньшой орды хана и народа мы дозволяемъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ вы такъ оную распорядили, дабы сіи депутаты къ 15-му Апрѣля могли пріѣхать въ Москву; но ежели они къ тому времени не поспѣютъ, въ такомъ случаѣ должно ихъ отправить въ С.-Петербургъ и чтобы они тамъ были не прежде Іюля мѣсяца.

Что касается до пріѣхавшихъ въ Оренбургъ Бухарскихъ посланцовъ, вы должны непремѣнно настоять, чтобъ они представили вамъ грамоту, съ коею они присланы и въ разсмотрѣніи которой поступите по наставленію вамъ данному еще въ 1792 г. Буде же сіи посланцы не исполнятъ вашего требованія, то объявить имъ наотрѣзъ, что они не только въ столицу нашу пропущены не будутъ, но что и въ границахъ нашихъ терпимы быть не могутъ.

8.

От 1-го Марта 1797, С.-Петербургъ.

За то, что вы принимаете рапорты отъ комендантовъ и называете ихъ по старому обряду оберъ-комендантами, вамъ дѣлается выговоръ.

9.

Павловское, 8 Марта 1797.

Въ донесеніи вашемъ отъ 17 Февраля увидѣлъ я, что вы, означая Трейденова полку баталіонъ, называете его первымъ. Сему быть не должно, а называть всегда какъ баталіонъ, такъ и роту имянемъ его и ея командира.

10.

Валдай, Марта 11-го 1797.

Совѣтую вамъ расположить единожды навсегда войска такъ, чтобъ ихъ не передвигать. Весьма меня удивляетъ, что въ бытность

вашу здѣсь мнѣ о семъ не докладывали. Теперь остается вамъ расположеніе такъ сдѣлать и прислать на апробацію, чтобъ каждый полкъ стоялъ всегда на своемъ мѣстѣ, а переходили бы лишь команды по случаю надобности или набѣга. Мое мнѣніе, чтобъ вы по нѣскольку ротъ или по ротѣ по крайней мѣрѣ имѣли, а не менѣе въ одномъ мѣстѣ, тоже и конные полки поэскадронно гдѣ удобно. Что же касается до артилеріи, то приказано уже дать ее департаменту, какъ и лошадей; то удивляюсь, какъ вамъ могло въ мысль взойти брать строевыхъ, тоже и людей къ пушкамъ отъ пѣхоты. О артилеріи распорядите также и пришлите ко мнѣ росписаніе. Долженъ вамъ примѣтить, что я вижу изъ пустаго вашего письма, что вы весьма стараго держитеся и ищите на старое натягивать, то и предостерегаю, что сіе со мною не пойдетъ. Вамъ кромѣ воли моей дороги нѣтъ.

Здѣсь долженъ примѣтить, чтобъ полки всѣ имѣли на учебное время по уставу сборныя мѣста для каждаго, то и думаю удобнѣе не трогать съ ихъ положенныхъ непремѣнныхъ квартиръ, а весною и осенью на удобныя времена сводить на тѣ рандеву, о которыхъ отъ васъ ожидаю увѣдомленія.

11.

Москва, Апрѣля 16-го 1797 г.

Препровождая при семъ въ оригиналѣ прошеніе, дошедшее къ намъ Оренбургской губерніи отъ Татаръ чрезъ повѣреннаго ихъ Смаилова, съ жалобою на разныя притѣсненія чинимыя имъ отъ Оренбургскихъ чиновниковъ по случаю неправильной покупки надворнымъ совѣтникомъ Толбузинымъ принадлежащей просителямъ земли, повелѣваемъ вамъ, разсмотря сію жалобу, доставить обиженнымъ защиту и удовлетвореніе, поколику оное имъ по законамъ и справедливости слѣдуетъ.

12.

Въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, Апрѣля 24-го 1797.

Изъ находящихся въ губерніи вамъ ввѣренной казенныхъ строеній, тѣ которые за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ, останутся праздны, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ или на шпитали и тому подобное, донеся намъ, гдѣ такія и на что имянно употреблены будутъ.

13.

Москва, Апрѣля 30-го 1797.

Въ подтвержденіе прежде даннаго повелѣнія, всѣхъ воинскихъ чиновъ опредѣляющихся въ службу или удостоенныхъ повышенія по

оной, какого бы чина и званія ни были, приводить къ присягѣ всякій разъ, не иначе какъ подъ знаменами, наблюдая при томъ, чтобъ приводимый къ присягѣ, имѣя распростертую вверхъ руку, другою держался бы за знамя.

14.

Минскъ, 9-го Мая 1797.

По донесенію вашему отъ 14 Апрѣля Фонова гарнизоннаго полку унтеръ-офицеръ Скалогузовъ жалуется въ оной же полкъ въ аудиторы; но впредь вы подобныхъ сему представленій не дѣлайте, ибо они предоставляются по порядку службы шефамъ полковъ.

15.

Янишки, 20 Маія 1797.

Уфимскаго мушкетерскаго полку шефъ генералъ-маіоръ Богдановъ за неприбытіе до сихъ поръ полку изъ службы исключается, а на мѣсто его опредѣляется въ оной полкъ шефомъ графъ Ланжеронъ.

16.

Въ Павловскомъ, Іюня 10-го 1797.

Рапортъ вашъ отъ 19 минувшаго Маія мы получили. Ссылаясь на указъ нашъ данный вамъ отъ 29 Апрѣля объ управленіи Киргискайсацкой Меньшой орды, доколѣ новый ханъ избранъ будетъ, находимъ, что изъ всѣхъ партій, на которыя теперь по увѣдомленію вашему орда раздѣлилась, самая благомыслящая есть та, которая, оставаясь спокойною, ожидаетъ отъ нашей воли рѣшенія жребія своего. Начальникамъ и старшинамъ сей партіи объявите наше благоволеніе. Впрочемъ мы полагаемъ, что тишина народа тамошняго самымъ лучшимъ образомъ сохранена будетъ, естьли добровольный и нимало непринужденный выборъ хана имъ самимъ предоставится, и для того поручаемъ мы вамъ сдѣлать къ тому надлежащія приготовленія и распоряженія и о послѣдующемъ въ свое время намъ донести.

17.

Въ Павловскомъ, Іюня 15-го 1797.

Дошедшую до меня жалобу Оренбургскаго драгунскаго полку отъ рядоваго Степанова на капитана Ранева препровождаю къ вамъ

въ оригиналѣ, поручая вамъ изыскать справедливость оной безъ всякой огласки такимъ образомъ, чтобъ не подать другимъ поводу и принять мѣры къ унятію безпорядковъ, естьли какіе подлинно тамъ найдутся.

18.

Въ Павловскомъ, Іюля 28-го 1797.

Представленіе ваше отъ 7 сего мѣсяца о средствахъ могущихъ на будущее время пресѣчь безпорядки и взаимныя претензіи между Киргизкайсаковъ съ одной и Калмыкъ, такожъ Татаръ Астраханскаго вѣдомства съ другой стороны и возстановить при тамошнихъ границахъ обоюдное спокойствіе и тишину, я пріемлю съ благоволеніемъ и, апробуя оное во всемъ его пространствѣ, возлагаю на попеченіе ваше мѣры вами представляемыя привести въ дѣятельное исполненіе.

19.

Въ Гатчинѣ, Сентября 4-го 1797.

Дошло до свѣдѣнія нашего, что на Оренбургской линіи форпосты и маяки не въ лучшей исправности находятся, что на первыхъ людей мало, а послѣдніе очень низки, такъ что бродягами нерѣдко захватывается и увлекается въ плѣнъ и самъ караульный, почему жители тамошніе, выходящіе изъ селеній въ поле для работъ, производятъ оныя не безъ опасности. Мы поручаемъ вамъ приказать кому слѣдуетъ удостовѣриться на мѣстѣ о таковыхъ неудобствахъ и естьли подлинно оныя найдутся, то къ отвращенію ихъ принять нужныя мѣры по лучшему вашему усмотрѣнію.

20.

Гатчино, Сентября 17-го 1797.

Такъ какъ пришло время отставки и перемѣщенія къ штатскимъ дѣламъ, слѣдственно большая часть прошеній дошла, а остальныя должны уже быть поданы, то для точнаго моего свѣдѣнія и укомплектованія по штату полковъ офицерами, съ полученія сего, истребуйте для доставленія ко мнѣ со всевозможною поспѣшностью отъ всѣхъ шефовъ инспекціи вашей слѣдующіе списки: 1-й штабъ и оберъ-офицерамъ со старшинствомъ ихъ по полку, означа комплектныхъ и сверхкомплектныхъ. 2-й съ росписаніемъ штабъ и оберъ-офицеровъ поротно. 3-й о состоящихъ въ каждомъ полку ваканціяхъ, представя на оныя

къ произвожденію и ежели не по старшинству, то означить, по какой причинѣ старшіе не удостоиваются.

21.

Гатчино, Сентября 21-го 1797.

Получа рапортъ отъ подполковника Эртеля о успѣхахъ и о порядкѣ службы полку вашего, изъявляю вамъ за труды ваши и усердіе мое благоволеніе. Изслѣдовавъ, пришлите къ свѣдѣнію моему, отъ чего находящіяся въ крѣпостяхъ Нижнеозерной и Разсыпной роты полку Дьякова не получали никакой аммуниціи, которыхъ и удовольствовать немедленно, и отъ чего сіе произошло?

22.

Гатчино, Октября 13-го 1797.

По рапорту вашему отъ 22 Сентября предписываю дѣло о самовольномъ завладѣніи помѣщиками Можаровыми у Башкирцовъ Булярской волости земель изслѣдовать и съ виновными поступить по законамъ, а обиженнымъ доставить справедливое удовлетвореніе, что̀ и возлагаю на ваше наблюденіе.

23.

Гатчино, Октября 12-го 1797.

По представленію вашему отъ 22-го Сентября, Рыльскаго мушкетерскаго полку прапорщика Шетнева за лѣность и выдуманную лживую исторію о странныхъ съ нимъ приключеніяхъ судить военнымъ судомъ и написать безъ выслуги въ рядовые.

24.

Гатчино, Октября 26-го 1797.

Донесенія ваши отъ 6 Октября я получилъ. Похваляю разсужденіе ваше сдѣланное о офицерахъ молодаго Баденскаго мушкетерскаго полку, кои нынѣ опредѣлены въ гарнизонной Трейденовъ полкъ. Представленные вами въ Рыльской мушкетерской полкъ изъ унтеръ-офицеровъ: въ квартермистры Рудаковъ, въ аудиторы Морозовъ утверждены сего жъ числа. Оберъ-аудиторъ будетъ къ вамъ присланъ изъ генералъ-аудиторіата для исправленія по части вашей дѣлъ. Представьте еще въ адъютанты одного изъ офицеровъ полковъ инспекціи

вашей. Просящаго увольненія отъ службы Уфимскаго изъ Тептярей казачьего полка походнаго полковника Мусина, ежели нѣтъ препятствій, отставить; а на его мѣсто выбрать изъ онаго жъ войска другаго.

25.

Въ Гатчинѣ, Октября 28-го 1797.

Извѣстный вамъ маіоръ султанъ Ширгази поданнымъ мнѣ прошеніемъ, у сего въ оригиналѣ приложеннымъ, изъявилъ желаніе быть отправлену въ Оренбургъ для употребленія его тамъ въ случаѣ надобности по Киргизскимъ дѣламъ, которыя онъ и прежде исправлялъ съ успѣхомъ. Я, находя, что онъ и въ самомъ дѣлѣ полезнѣе быть можетъ у васъ нежели оставаясь здѣсь безъ всякаго служенія, самого его къ вамъ симъ препровождаю.

26.

Въ Гатчинѣ, Октября 31-го 1797.

Возвращая при семъ представленную отъ васъ выписку изъ слѣдствія произведеннаго вами по дошедшей ко мнѣ отъ казака Скобелкина, назвавшагося повѣреннымъ Оренбургскаго казацкаго войска отъ Исецкихъ казаковъ жалобѣ, которая оказалась во всѣхъ частяхъ ложною, повелѣваю вамъ какъ надъ помянутымъ Скобелкинымъ, такъ и надъ всѣми тѣми, кои съ нимъ были по сему дѣлу въ соучастіи и его на таковой дерзской поступокъ поощряли, нарядить судъ и съ виновными поступить по законамъ, а мнѣ въ свое время объ ономъ донести.

27.

Въ Гатчинѣ, Ноября 3-го 1797 года.

Полученное мною изъ Умани отъ бывшаго Польскаго порутчика Боржека прошеніе съ жалобою на генерала-маіора и Уфимскаго мушкатерскаго полку шефа Ланжерона *) за похищеніе жены его, при семъ въ оригиналѣ съ переводомъ препровождаю на ваше разсмотрѣніе.

28.

Гатчино, Ноября 3-го 1797.

Донесеніе ваше отъ 13 Октября я получилъ. Каракульской крѣпости коменданту генералу-маіору барону Мейендорфу, за высыланіе

*) Каковъ Французъ-то! См. ниже указъ 37-й. П. Б.

въ степь и за-границу команды, сдѣлать отъ имени моего выговоръ. Адъютанту генералъ-маіора Ланжерона оставаться при немъ въ сей должности въ прапорщичьемъ чинѣ. Доставленіе дровъ войскамъ входитъ въ общее положеніе, кое теперь дѣлается; а вы до того времени, нанимая военныхъ людей вольною цѣною, можете способомъ ихъ заготовлять и доставлять потребное число дровъ. Представленіе ваше объ отводѣ степей для Киргизцовъ и о переводѣ Калмыковъ на рѣчку Узень во всей его силѣ апробую. За присланную отъ васъ карту изъявляю мое благоволеніе. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ полковъ инспекціи вашей находятся роты на непремѣнныхъ квартирахъ или и команды въ отдаленности отъ штабъ-квартиры ихъ полковъ, учредите гофшпитали, опредѣля къ каждому по подлекарю или по лекарскому ученику, имѣя смотрѣніе, чтобы полковые лекари нѣсколько разъ въ году оные вновь учрежденные гофшпитали объѣзжали и рапортовали васъ, въ какомъ они найдены ими будутъ состояніи.

29.

Въ Гатчинѣ, Ноября 5-го 1797 года.

Дошедшее ко мнѣ прошеніе Башкирскаго юртоваго старшины Абдрахманова объ издержанныхъ имъ на постройку по повелѣнію бывшаго Уфимскаго губернскаго правленія почтовыхъ домовъ собственныхъ его деньгахъ, которыхъ по многимъ исканіямъ отъ тамошняго начальства понынѣ ему не возвращено, препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналѣ для надлежащаго разсмотрѣнія и доставленія просителю справедливаго удовлетворенія по законамъ.

30.

Въ Санктпетербургѣ, Ноября 12-го 1797.

Полученное мною изъ Оренбурга отъ коллежскаго асессора Васильева прошеніе о пожалованіи ему, оставшемуся безъ мѣста, для содержанія съ семействомъ небольшаго участка земли, лежащей близъ Оренбурга и отдаваемой въ оброкъ только по шестнадцати рублей на годъ, препровождаю къ вамъ въ оригиналѣ, для надлежащаго сей просьбы на мѣстѣ разсмотрѣнія и представленія мнѣ вашего по оной мнѣнія.

31.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 29-го 1797.

По рапорту вашему и по слѣдствію вами произведенному вижу я совершенно пустое дѣло, которое Верхне-озерной крѣпости комен-

давтъ подполковникъ Кульневъ доноситъ на генералъ-маіора и Орской крѣпости коменданта Фока; и для того повелѣваю дѣло сіе, яко незаслуживающее никакого уваженія, предать забвенію.

32.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 15-го 1797 г.

Вамъ конечно уже извѣстно происшествіе случившееся съ отправленною изъ Оренбурга въ Москву 24-го минувшаго Ноября почтою, которая въ шести верстахъ отъ Оренбурга разбита, посланныя на ней деньги до двѣнадцати тысячъ рублей похищены и почталіонъ, провожавшій ее, смертельно израненъ. Въ слѣдствіе сего нужнымъ нахожу предписать вамъ, чтобъ вы всемѣрное приложили стараніе разыскать сіе дѣло подробно, открыть злодѣевъ, переловить ихъ, деньги возвратить почтѣ и виновныхъ по всей строгости законовъ наказать. А между тѣмъ какъ къ поимкѣ сихъ грабителей, такъ и вообще къ искорененію воровъ употребить Уральскихъ казаковъ и чрезъ разъѣзды ихъ обезопасить дороги, дабы оныя совершенно очищены были отъ подобныхъ приключеній. Ожидаю объ успѣхѣ въ томъ вашего донесенія.

33.

С.-Петербургъ, Декабря 30-го 1797.

Донесеніе ваше отъ 14-го Декабря я получилъ и за сдѣланную вами инспекцію изъявляю вамъ мое благоволеніе. Въ слѣдствіе представленій вашихъ все относительное къ обозамъ, шанцовымъ инструментамъ и ружьямъ препровождено къ генералъ-лейтенанту Вязмитинову для принятія мѣръ къ скорѣйшему доставленію всѣхъ оныхъ вещей въ полки инспекціи вашей. Апробуя докладъ вашъ объ опредѣленіи малолѣтнихъ дѣтей поселенныхъ пахотныхъ солдатъ въ Оренбургской губерніи на укомплектованіе полковъ дивизіи Оренбургской, приказалъ я сдѣлать для сего положеніе, не требуя рослыхъ изъ нихъ въ полки лейбъ-гвардіи. За усердіе и ревность къ службѣ жалую кавалерами ордена Святыя Анны 2-го класса: генералъ-маіоровъ Ангелара, Фока, подполковника Лютова и Кабритова полку маіора Гартонга, который производится и въ подполковники. Въ полки Ангеларовъ и бывшій Карштейна опредѣлены будутъ оберъ-офицеры изъ сверхкомплектныхъ въ полкахъ мушкетерскихъ. Полковникъ Карштейнъ отставляется генералъ-маіоромъ съ ношеніемъ мундира и съ

пенсіономъ половиннаго жалованья; а на мѣсто его въ шефы полку и коменданты опредѣляется генералъ-маіоръ Винклеръ, бывшій въ Томскомъ мушкетерскомъ полку полковникомъ. Полковникъ Дьяковъ отставляется тѣмъ же чиномъ, а на мѣсто его въ коменданты и въ шефы въ гарнизонный полкъ опредѣляется Углицкаго мушкетерскаго полку полковникъ Кнышевъ. Капитанъ Сухановъ за пьянство, такъ же порутчикъ Бурцовъ, подпоручики Мощицкій и Сыробоярскій, а капитанъ Мацкій за употребленіе военныхъ людей въ собственную работу, исключаются изъ службы. Капитаны Пекуринъ и Козминъ увольняются отъ службы съ пенсіономъ получаемаго ими жалованья. Рядоваго Корсакова, лишеннаго чиновъ за неспособность къ фрунтовой службѣ, написать въ извощики.

34.

С.-Петербургъ, Декабря 31-го 1797.

Вслѣдствіе донесенія вашего о дурномъ состояніи обоза и инструмента поступившаго въ Екатеринбургской мушкетерской полкъ изъ бывшаго 5-го Сибирскаго баталіона отъ командира подполковника, что нынѣ Ширванскаго мушкатерскаго полку полковникъ графъ Ивеличъ, истребовавъ его, отдать въ Оренбургѣ подъ военный судъ, для взысканія за обозъ и инструментъ денегъ и узнанія причины дурнаго состоянія оныхъ.

35.

С.-Петербургъ, Генваря 17-го 1798 г.

Повторяя вамъ повелѣніе данное отъ 3-го Ноября объ отводѣ степей для кочеванія Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды по апробованному представленію вашему, предписываю имѣть смотрѣніе, дабы оной народъ не преходилъ опредѣленныя границы.

36.

С.-Петербургъ, Генваря 25-го 1798 года.

Уважая усердную службу муфтія магометанскаго закона въ Казанской, Оренбургской и другихъ ближнихъ губерніяхъ Мугамета-Джана-Гуссейнова, пожаловали мы ему, въ знакъ монаршаго нашего благоволенія, соболью шубу, опредѣляя окладъ ему наравнѣ съ Таврическимъ муфтіемъ и, сверхъ того, повелѣвая выдать ему на покупку дома въ Оренбургѣ четыре тысячи рублей, о чемъ и данъ указъ нашему государственному казначею.

37.

С.-Петербургъ, Февраля 1-го 1798.

Вслѣдствіе донесенія вашего о разбирательствѣ просьбы поручика Боржека на генералъ-маіора Ланжерона, оное дѣло оставить такъ, потому что оно по существу своему не заслуживаетъ моего рѣшенія.

38.

С.-Петербургъ, Февраля 8-го 1798 г.

Вслѣдствіе рапорта вашего, отъ 19 минувшаго Генваря, повелѣваемъ состоящую близъ Оренбурга въ казенномъ вѣдомствѣ землю двѣсти сорокъ двѣ десятины, отдаваемую въ оброкъ по шестнадцати рублей на годъ, отдать во владѣніе коллежскому ассессору Васильеву съ полученіемъ отъ него въ казну ежегодно теперешней оброчной цѣны по шестнадцати рублей безъ переторжки.

39.

С.-Петербургъ, Февраля 16-го 1798.

Назнача полкамъ мушкатерскимъ вашей инспекціи, Уфимскому, Рыльскому и Екатеринбургскому быть въ Казани къ 25 Маія, куда и сами вы имѣете быть, препоручаю вамъ сдѣлать должныя предписанія онымъ полкамъ о времени ихъ выступленія изъ непремѣнныхъ своихъ квартиръ, дабы оныя непремѣнно прибыли къ 25 числу Маія въ выше писанное мѣсто; а какія вы сдѣлаете предписанія онымъ полкамъ, донесите мнѣ.

40.

Въ С.-Петербургѣ, Марта 12-го 1798 г.

Обращая вниманіе наше къ представленнымъ отъ Астраханскаго гражданскаго начальства невыгодамъ, каковыя произойти могутъ изъ ежегоднаго перепуска Киргизъ-кайсацкой Меньшой орды на здѣшнюю сторону рѣки Урала для паствы въ зимніе мѣсяцы скота, какъ-то: 1) находящіяся на луговой сторонѣ рѣки Волги постоянныя жилища Калмыковъ и въ особенности главнаго ихъ ламы Орочи и владѣльца князя Тюменя, переводясь отъ Рынь-Песковъ на безплодную за рѣкою Узенью степь, не имѣя защиты, паствы для скота и подвергаясь набѣгамъ Киргизъ-Кайсаковъ, принуждены будутъ оставить дальнѣйшее переселеніе и тѣмъ лишиться должны немалыхъ иждивеній; 2) Кон-

дровскіе Татары, живущіе зимою и лѣтомъ близъ Рынь-песковъ и около Каспійскаго моря, ставъ среди Киргизцовъ, обнажаются всякой отъ нихъ защиты и теряютъ послѣднее убѣжище, и 3) главные рыбные промыслы, выстроенныя для нихъ ватаги со множествомъ всякаго людей въ рыболовствѣ упражняющихся, владѣльческія имѣнія, по берегамъ Каспійскаго моря и по рѣкамъ Ахтубѣ и Волгѣ до самаго Царицына лежащія, купеческія заведенія, два Татарскія и государственныхъ крестьянъ селенія и цѣлый городъ Красной-Яръ, бывъ оставлены безъ всякаго прикрытія отъ хищничества Киргизъ-Кайсаковъ, подвергаются совершенной опасности, повелѣваемъ вамъ: Киргизцовъ оныхъ помѣстить между Самары и Уральска; если же и здѣсь для нихъ невыгодно или для мѣстныхъ тамошнихъ обитателей также произойти можетъ опасность, то оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ.

41.

С.-Петербургъ. Апрѣля 3-го 1798 г.

Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 9-го Марта о препорученномъ отъ васъ дѣлѣ пограничной таможни директору Долгополову, которое дѣло ежели не будетъ помѣхою въ должности уже ему препорученной, то вы его можете и впредъ употреблять. Что жъ касается до воспрещенія сдѣланнаго ему отъ Комерцъ-коллегіи входить въ дѣла до Киргизскаго народа касающіяся, то сіе я думаю не иное что значило, какъ чтобы онъ, безъ особливаго повелѣнія самъ собою входя въ ихъ дѣла, не сдѣлалъ упущенія въ своей должности.

Примѣчанія

На присланное отъ господина генерала отъ инфантеріи барона Игельстрома описаніе Оренбургской линіи.

Изъ описанія Оренбургской линіи видно, что стража по оной вообще достаточна и содержится такъ, какъ надобно, и долговременные опыты довольно доказали, что сими учрежденіями граница совершенно безопасна отъ сосѣдей. Ежели когда и врывались Киргизцы и нынѣ еще въ иныя мѣста ворвутся, то причина не линія и недостатокъ стражи по оной, но слабость или частныхъ начальниковъ, или худыхъ войскъ по форпостамъ разставленныхъ. Сію слабость самъ замѣчаетъ господинъ генералъ и откуда она происходитъ, изъясняетъ въ особливой запискѣ. Изъ главныхъ причинъ поставляетъ онъ: 1) злоупотребленіе при нарядахъ со стороны Башкирскаго правленія обще съ земскими исправниками 2) отдаленность казачьихъ жилищъ отъ линіи, и 3) недовольно устроенное домоводство казаковъ.

Отъ злоупотребленія при нарядахъ со стороны Башкирскихъ старшинъ и земскихъ исправниковъ происходитъ то, что высылаются по большей части бѣдные и неимущіе, слѣдственно неисправные ни оружіемъ, ни лошадьми и часто вовсе неспособные къ военной службѣ, ибо богатые и лучшіе откупаются. Отъ отдаленности казачьихъ жилищъ отъ линіи происходитъ, что придутъ на линію по недостатку корму съ изнуренными и на службу неспособными лошадьми, даже оныхъ лишаются, не доходя до оной. И отъ нехорошаго устроеннаго домоводства казаковъ происходитъ, что часто наряжается бѣдной и неисправной ни оружіемъ, ни лошадью и, по несмотрѣнію въ его отсутствіи за хозяйствомъ, придетъ въ совершенную бѣдность.

Противъ злоупотребленія въ нарядахъ господинъ генералъ предполагаетъ способъ въ уполномоченіи юртовыхъ начальниковъ и старшинъ какъ у Башкирцовъ, такъ и у казаковъ и крѣпкое наблюденіе, чтобъ всякой по своей очереди былъ наряжаемъ на линейную службу, несмотря ни на какіе предлоги. Противъ отдаленности казаковъ отъ линіи, чтобъ были на дорогу снабжаемы отъ всего общества путевымъ продовольствіемъ. И противъ худаго домоводства казаковъ прилежное смотрѣніе начальниковъ за лѣнивыми, нерадивыми или безпутными и подаваніе помощи по хозяйству отсутственнымъ по службѣ казакамъ.

На сіе замѣчаемъ слѣдующее:

1). Сдѣлать точное исчисленіе Башкирцовъ, Казаковъ и Калмыковъ о состояніи нести службу, считая по лѣтамъ отъ 20 до 50 лѣтъ, раздѣлить ихъ по кантонамъ и въ разсужденіи нарядовъ наблюдать крѣпко, чтобы ближніе кантоны отправляли службу по ближней имъ дистанціи на линіи.

2) Самую линію въ разсужденіи службы по кантонамъ раздѣлить на пять дистанцій: 1) отъ Усть-Уйской крѣпости до Верхъ-Уральской, 2) отъ Верхъ-Уральской до Орской; 3) отъ Орской до Оренбурга; 4) отъ Оренбурга до города Урала; 5) отъ города Урала до Гурьева.

3) Учредить и уполномочить въ каждомъ кантонѣ главнаго начальника, который обще съ юртовыми начальниками и земскими исправниками дѣлаетъ наряды по предписанному порядку. Въ Казачьихъ, Башкирскихъ и Калмыцкихъ кантонахъ сей начальникъ долженъ быть чиновникъ.

4) По дистанціямъ по линіи учредить походнаго начальника, который наряженныхъ отъ кантоновъ принимаетъ и на службу ведетъ и за неисправность ихъ непосредственно отвѣчаетъ.

5) Снабдѣвать отряженныхъ на службу путевымъ продовольствіемъ отъ общества, раскладывая тягость на всѣхъ, даже и на командированныхъ.

6) Для улегченія сей тягости учредить отъ каждаго кантона до линіи станціи или пристанища по удобнымъ мѣстамъ и въ сихъ мѣстахъ заготовлять нужное количество сѣна на оба пути, хотя съ помощію другихъ обывателей; а дабы все сіе происходило съ надлежащимъ порядкомъ, то всегда при сихъ командахъ долженъ быть начальникъ, которому и вести счетъ.

7) Имѣть кантоннымъ начальникамъ прилежное бдѣніе, чтобы хозяйство отряженныхъ на службу не было упущено и имъ смотря по состоянію каждаго была помощь дана, особливо во время жатвы и сѣнокоса; равно за лѣнивыми и безпутными имѣть смотрѣніе и ихъ принуждать къ лучшему хозяйству.

8) Завести во всѣхъ кантонахъ слесарнаго мастера и двухъ учениковъ; а въ Уральскомъ войскѣ таковыхъ три и шесть учениковъ для нужной починки ружьевъ. Таковые мастера и ученики съ принадлежащими инструментами на первой случай будутъ даны отъ казны; но содержаніе будетъ отъ кантоновъ, равно и ученики въ будущемъ времени.

9) Упущеніе по дистанціи Уральскаго войска, которое воинствомъ и исправностью всегда отличалося, строго взыскивать на начальникахъ и къ тому взять надлежащія мѣры.

10) Нѣкоторые посты по 4-й дистанціи, какъ рубежной и Кинделинской, перенести на удобнѣйшія мѣста и устроить между Генварцовымъ и Иртецкимъ новой на показанномъ мѣстѣ.

Уповательно, вышеписаннымъ учрежденіемъ Оренбургская линія навсегда будетъ безопасна, и тягость содержанія оной гораздо менѣе чувствительна, нежели нынѣ.

42.

Получено 27-го Сентября.

По поднесенной намъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ запискѣ, составленной ею изъ словеснаго представленія порученнаго нѣкоторымъ изъ депутатовъ, прибывшихъ къ нашему двору Меньшей Киргизкайсацкой орды отъ хана и народа, вами сюда отправленныхъ, и по особому прошенію тоя орды народа, тѣмижъ депутатами намъ поданному, съ коихъ слѣдуетъ при семъ списки, повелѣваемъ развѣдать и, изслѣдовавъ объ означенномъ въ запискѣ Батырѣ Сырымѣ-Датовѣ, буде онъ подлинно ту орду по видамъ своимъ приводитъ въ безпокойство, и буде онъ подлинно къ убійству Ишимъ-хана подговорилъ сообщниковъ своихъ Утягула, Сагыра и Ахъ-Мегемеда, изыскавъ способъ, не тревожа орды, внезапно схватить, что сдѣлать и съ по-

мянутыми убійцами и, заключа ихъ подъ караулъ, намъ донести. Относительно же прошенія Айчувакъ-хана о постройкѣ укрѣпленій по близости Урала, ежели дѣйствительная настоитъ въ томъ надобность, имѣете осмотрѣтъ тѣ мѣста и удобность ихъ и, сдѣлавъ смѣту какой суммы назначаемыя укрѣпленія стоить могутъ, намъ представить. Особому же прошенію Киргизъ-Кайсакскаго народа о кочеваніи на мѣстечкѣ Нарымъ-Кумы, по разсмотрѣнію, удовлетворить, сколько безопасность самыхъ Россіянъ то позволить можетъ, распоряжая также и отдачу Киргизъ-Кайсакамъ покупаемыхъ ими Бухарцовъ, Персіянъ и Хивинцовъ убѣгающихъ отъ рабства въ предѣлы Имперіи нашей, когда по отысканіи доказано будетъ, что они подлинно куплены ими Киргизъ-Кайсаками и Греческаго православнаго исповѣдыванія вѣры не приняли; тѣжъ кои оное приняли или принять пожелаютъ всегда долженствуютъ оставаться въъ нашемъ подданствѣ.

Въ Гатчинѣ, Августа 23-го 1798.

43.

С.-Петербургъ, Ноября 2-го 1798.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Игельстромъ. Отставивъ васъ отъ службы и назначивъ уже на мѣсто ваше генералъ-маіора Бахметьева, съ удивленіемъ получилъ еще отъ васъ донесеніе.

Павелъ.

Сообщено графомъ Д. А. Толстымъ.

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

VII. Михаилъ Александровичъ Офросимовъ.

Когда Михаилъ Александровичъ Офросимовъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, двери его дома были открыты для всѣхъ, кто имѣлъ въ немъ какую бы то ни было надобность. Съ этимъ вмѣстѣ онъ держалъ себя необыкновенно просто, входилъ въ положеніе каждаго просителя и старался быть ему полезенъ: это былъ вполнѣ добрый и благонамѣренный Русскій человѣкъ, всѣми любимый и уважаемый.

Однажды М. А. Офросимовъ пожелалъ посѣтить Дворянскій клубъ, гдѣ онъ состоялъ, какъ генералъ-губернаторъ, почетнымъ членомъ. Старшины клуба были предувѣдомлены объ его намѣреніи и, желая доставить ему что либо пріятное, пригласили въ клубъ на этотъ вечеръ изъ оперной труппы пѣвца Владиславлева, обладавшаго въ то время прекраснымъ голосомъ. Владиславлевъ съ чувствомъ пропѣлъ романсъ, когда-то сочиненный Михаиломъ Александровичемъ и положенный на музыку Алябьевымъ. Такое вниманіе со стороны старшинъ, а главное самъ романсъ, видимо напомнившій М. А. Офросимову давно прошедшее, привели его въ восторгъ, и на глазахъ у него показались слезы; онъ всѣхъ горячо благодарилъ и многихъ цѣловалъ за сочувствіе къ нему.

Считаю не безъинтереснымъ помѣстить слова романса, тѣмъ болѣе, что въ свое время между любителями онъ имѣлъ большой успѣхъ и въ музыкальномъ отношеніи.

Коварный другъ, но сердцу милый,
Я далъ обѣтъ забыть твой ковъ,
Мои мечты, мою любовь,
Забыть все то, что̀ въ жизни льстило!

---

*) См. выше, стр. 221.

Молилъ тебя не нарушать
Отрадный міръ уединенья;
Но ты, жестокая, опять
Мои тревожишь сновидѣнья!
Когда любви моей святой
Тебѣ внимать не приказали:
Оставь меня скорбѣть душой;
Ты не поймешь моей печали!

Этотъ романсъ имѣлъ свою исторію по разсказамъ самого Офросимова. Когда-то въ молодости, Михаилъ Александровичъ былъ влюбленъ въ дѣвушку изъ высшаго общества; замѣчая и въ ней склонность, онъ сдѣлалъ предложеніе; но родители ея отказали ему, тогда только капитану, потому что, кромѣ службы, онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. Михаилъ Александровичъ съ горечью въ сердцѣ перенесъ отказъ, и у него вылился изъ глубины души этотъ сердечный романсъ. Черезъ нѣкоторое время М. А. Офросимовъ сдѣлалъ предложеніе другой дѣвушкѣ изъ купеческой среды, а съ этимъ вмѣстѣ неожиданно получилъ большое наслѣдство въ тысячу душъ крестьянъ и при нихъ отличное имѣніе. Узнавъ о наслѣдствѣ, родители перваго предмета его любви были не прочь выдать за Офросимова свою дочь, о чемъ и было ему стороною сообщено; но, несмотря на свою страстную любовь, Михаилъ Александровичъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго имъ второй невѣстѣ, женился на ней и жилъ съ ней счастливо.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ М. А. Офросимова и былъ къ нему особенно внимателенъ. Сослуживцы Офросимова разсказываютъ, что, когда онъ командовалъ гвардейской дивизіей, то однажды Николай Павловичъ былъ особенно доволенъ смотромъ этой дивизіи. По окончаніи ученія Государь подъѣхалъ къ Офросимову, благодарилъ его за службу и между прочимъ милостиво сказалъ: «Дай мнѣ поцѣловать твою мордочку»... и потянулся исполнить свое желаніе; но случилось, что у Офросимова растегнулись въ то время чешуйки подъ каскою, а такъ какъ ему хотѣлось быть по формѣ, то онъ въ волненіи торопился застегнуть ихъ и (какъ это обыкновенно случается при такой спѣшности) ему не удавалось это скоро исполнить, чрезъ что поцѣлуй замедлился и могъ выйти неудачнымъ, въ особенности, если принять въ соображеніе, что Государь и генералъ были верхами, и лошади ихъ не стояли покойно. Тогда Николай Павловичъ милостиво повторилъ: «Да цѣлуй же!» Эта сцена не прошла незамѣченной для всѣхъ бывшихъ на смотру и еще болѣе убѣдила окружающихъ въ расположеніи Государя къ Офросимову.

Михаилъ Александровичъ Офросимовъ не долго оставался Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Неожиданно для Москвичей онъ получилъ другое назначеніе—состоять при особѣ Его Величества-Императора Александра Николаевича *); но вскорѣ Офросимовъ заболѣлъ и умеръ, оставивъ послѣ себя самыя искреннія воспоминанія для всѣхъ его знавшихъ. Мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

VIII. Петръ Ивановичъ Фроловъ.

Бывшій Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, во время своего управленія, поступалъ иногда съ нѣкоторыми Московскими обывателями не только безъ всякихъ церемоній (хотя его и называли въ шутку «Китайцемъ»), но самымъ деспотическимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, одного моднаго дамскаго парикмахера-Француза онъ приказалъ высѣчь розгами и выслать изъ Москвы за то, что онъ продавалъ дамамъ какіе-то механическіе аппараты, не совсѣмъ идущіе къ туалетнымъ принадлежностямъ. Такъ распорядился онъ съ Французомъ. Но въ Москвѣ жилъ небогатый отставной флотскій офицеръ Петръ Ивановичъ Фроловъ; этого самаго Фролова Закревскій сослалъ административнымъ порядкомъ въ городъ Колу, Архангельской губерніи, объявивъ ему, что онъ ссылается за излишнюю болтовню. Самъ по себѣ Фроловъ былъ очень пріятный собесѣдникъ, умѣвшій мѣтко поострить, къ тому же дамскій угодникъ. Онъ былъ принятъ во многихъ домахъ, куда являлся большею частію къ обѣду; но его ни въ какомъ случаѣ нельзя было заподозрить въ политической неблагонадежности, а скорѣе можно было причислить къ кваснымъ патріотамъ того времени, въ родѣ: «Мы молъ, шапками закидаемъ»... и т. п. Москвичи, знавшіе Фролова, были удивлены такимъ строгимъ распоряженіемъ генералъ-губернатора и объясняли его личнымъ недоброжелательствомъ графа Закревскаго къ Фролову, который иногда, ради красна словца, между знакомыми, указывалъ на смѣшныя стороны графа и чуть ли не первый прозвалъ его «Китайцемъ».

Въ ссылкѣ Фроловъ пробылъ года два. По возвращеніи, уже въ послѣдствіи, когда графа Закревскаго уволили, Фроловъ началъ часто бывать у него; его радушно принимали и съ удовольствіемъ слушали его *болтовню*, за которую когда-то онъ такъ дорого поплатился, и

*) Эта внезапная перемѣна назначенія, глубоко огорчившая Офросимова, была въ связи съ тогдашними политическими затѣями нѣкоторыхъ Москвичей (графа А. С. Уварова и другихъ), осмѣянными въ стихахъ Соболевскаго (см. „Р. Архивъ“ 1881. II, 494). П. Б.

разсказы о томъ, что̀ дѣлается по Москвѣ, такъ что въ скоромъ времени Фроловъ сдѣлался у графа Закревскаго домашнимъ человѣкомъ. Иногда Петръ Ивановичъ говаривалъ въ шутку, что онъ придумываетъ, какъ бы отомстить графу за свою ссылку въ Колу, на что̀ графъ съ любезностью отвѣчалъ, что онъ уже убѣдился, какой Петръ Ивановичъ истинный христіанинъ, такъ какъ платитъ за зло добромъ.

Между тѣмъ графъ Закревскій отправился за границу; поѣхалъ туда по обыкновенію и Фроловъ. Они встрѣтились, кажется, во Флоренціи, гдѣ Закревскій вскорѣ умеръ. Жена и дочь покойнаго пожелали похоронить его въ Россіи, въ имѣніи его Ивановскомъ, Подольскаго уѣзда, близъ Москвы; но сами они сопровождать его тѣло не рѣшились, а упросили Петра Ивановича Фролова принять на себя этотъ трудъ—доставить гробъ по мѣсту назначенія и похоронить, какъ слѣдуетъ. Сдѣланы были надлежащія распоряженія, и Петру Ивановичу выданы деньги на дорожные расходы. Доѣхавъ до Берлина, Фроловъ остановился въ лучшей гостиницѣ и зажилъ на широкую ногу, благо въ гостинницѣ узнали, что онъ сопровождаетъ хотя и мертвую, но важную персону, вслѣдствіе чего исполняли всѣ его требованія. Можетъ быть, Фролову вспомнилось его житье-бытье въ Колѣ, гдѣ онъ холодалъ и голодалъ; ему захотѣлось въ Берлинѣ вознаградить себя хотя временнымъ комфортомъ, и онъ зажилъ въ свое удовольствіе. Черезъ недѣлю-другую оказалось, что данныхъ ему графинею Закревской денегъ остается слишкомъ мало, чтобы доѣхать до Россіи, да вдобавокъ онъ еще задолжалъ въ гостинницѣ. Тогда Фроловъ вошелъ въ соглашеніе съ гостинникомъ, предложивъ ему взять въ залогъ гробъ съ тѣломъ графа Закревскаго и съ накладными при немъ документами, какъ вѣрное обезпеченіе въ исправномъ платежѣ. Сдѣлка состоялась; залогодержатель обязанъ былъ еще выдать нѣкоторую сумму денегъ для его отправленія въ Россію. Еще до выѣзда своего изъ Берлина Фроловъ, желая быть аккуратнымъ, увѣдомилъ графиню Закревскую, что его нервы и финансы такъ разстроились, что далѣе сопровождать тѣло своего друга—ея мужа онъ не можетъ, о чемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ спѣшитъ ее увѣдомить, чтобъ она приняла свои мѣры. Разумѣется, графинѣ Закревской ничего болѣе не оставалось, какъ поспѣшить выкупить дорогой для нея залогъ.

Узнавъ объ этомъ казусѣ, многіе знакомые Фролова, шутя, спрашивали его, не изъ мщенія ли онъ заложилъ графа Закревскаго въ Берлинѣ, такъ какъ прежде слыхали о его намѣреніи отомстить когда-нибудь графу за ссылку. Но Фроловъ отрицалъ въ себѣ это чувство, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилъ онъ, «мертвые срама не имутъ»; поступилъ же онъ такъ по необходимости, такъ какъ ему была вы-

дана недостаточная сумма денегъ на дорогу, для того, чтобы съ должными почестями и пышностью, какъ ему хотѣлось и какъ бы слѣдовало, доставить тѣло знаменитаго сановника, бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, узнавъ его многія достоинства.

Послѣднее время своей жизни П. И. Фроловъ былъ при плохихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Ему помогалъ тогда бывшій его сослуживецъ по флоту Московскій викарій, преосвященный Леонидъ. Не смотря на скудость средствъ, Фроловъ отправился въ послѣдній разъ за границу; въ Ниццѣ онъ лишилъ себя жизни, какъ сообщили газеты, оставивъ записку, въ которой просилъ бывшее при немъ носильное платье и нѣсколько вещей продать и заплатить квартирной его хозяйкѣ, такъ какъ другаго имущества у него никакого нигдѣ болѣе не оставалось. Видѣвшіе Фролова послѣдніе дни въ Ниццѣ, по обыкновенію веселаго и беззаботнаго, никакъ не могли предположить, что онъ рѣшится на самоубійство.

Когда я узналъ о внезапной смерти П. И. Фролова, мнѣ припомнился одинъ эпизодъ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ саду «Эрмитажъ» (тогда его содержалъ Морель) было назначено большое гулянье, и въ афишахъ объявлено, что П. И. Фроловъ поднимется на воздушномъ шарѣ вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ. Воздушное путешествіе было въ то время еще вновѣ для Москвичей, тѣмъ болѣе, что предпринималось оно съ извѣстнымъ въ Москвѣ лицомъ. День былъ праздничный; народу собралось такое множество, что въ саду «Эрмитажъ», тогда еще очень обширномъ, было положительно тѣсно; толпа групировалась большею частью кругомъ того мѣста, гдѣ шаръ наполняли газомъ. П. И. Фроловъ, какъ дѣйствующее лицо, находился тутъ же подлѣ лодочки, въ которую онъ долженъ былъ сѣсть, и на него преимущественно было обращено вниманіе публики. Слышались разные толки; предлагались даже пари, полетитъ Фроловъ или нѣтъ. Въ числѣ зрителей было много знакомыхъ Фролова; нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности дамы, не совѣтовали ему пускаться въ такое опасное путешествіе, не будучи увѣреннымъ, что онъ возвратится здравымъ и невредимымъ. Фроловъ громогласно ораторствовалъ, что ежели ему и случится сломать себѣ шею, то этимъ онъ никого не обидитъ, умереть же когда-нибудь да нужно и т. д. Многіе удивлялись его отважности и рѣшительности.

Наконецъ, шаръ наполнился газомъ; вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ въ лодочку становится П. И. Фроловъ; ему желаютъ благополучнаго возвращенія, дамы махаютъ платками и бросаютъ ему букеты; онъ во всѣ стороны любезно раскланивается, а дамамъ, по обыкно-

венію, говоритъ любезности. Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія, шаръ не поднимается. Тогда, послѣ нѣкотораго смятенія, воздухоплаватель объявляетъ публикѣ, что, такъ какъ двухъ пассажировъ шаръ поднять не можетъ, то онъ долженъ летѣть одинъ. Фроловъ горячо протестуетъ, но, по необходимости, долженъ выдти изъ лодочки, послѣ чего шаръ тихо поднялся.

Въ это время толпа съ угрозою надвигается на Фролова. Многіе бранятъ его за то, что онъ не полетѣлъ, и кричатъ ему, что онъ ихъ обманулъ. Фроловъ оправдывается, но его не хотятъ слушать и продолжаютъ подступать, повидимому съ тѣмъ, чтобы раздѣлаться по-своему; но на счастье его на выручку явился полицеймейстеръ Н. И. Огаревъ, который своей мощной фигурой и внушительными распоряженіями удержалъ толпу отъ насилія, и сконфуженный Фроловъ успѣлъ удалиться.

IX. Святогорскій монастырь.

Святогорскій монастырь находится въ Харьковской губерніи Изюмскаго уѣзда на берегу рѣки Донца. Окруженный мѣловыми горами и вѣковыми лѣсами, въ той вообще ровной и степной мѣстности, монастырь съ окрестностями представляетъ исключеніе по своему необыкновенно красивому мѣстоположенію и кругомъ растущему хвойному лѣсу, который на Югѣ Россіи большая рѣдкость.

Въ царствованіе Екатерины II-й, въ 1778 году, Святогорскій монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь, а имущество монастыря, земля съ лѣсомъ въ 27 тысячъ десятинъ и съ 2.000 душъ крестьянъ, поступило въ казну. Затѣмъ имѣніе это перешло во владѣніе свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, отъ котораго дошло въ послѣдствіи къ Александру Михайловичу Потемкину, мужу Татьяны Борисовны, урожденной княжны Голицыной.

Въ 1844 году стараніями и ходатайствомъ Татьяны Борисовны, съ высочайшаго соизволенія, былъ возобновленъ Святогорскій мужской монастырь, для чего владѣльцемъ было пожертвовано 70 десятинъ вѣковаго лѣса, окружающаго обитель, а супругою его 10 тыс. рублей.

Разрѣшеніе возобновить эту обитель послѣдовало съ ограниченнымъ числомъ по штату монашествующей братіи, всего 24 человѣка, и при этомъ данъ въ руководство строгій уставъ монастырей Аѳонской горы со многими особенностями въ богослуженіи и образѣ жизни монаховъ, по которому, между прочимъ, никто изъ монашеской братіи не долженъ имѣть при себѣ ни прислуги, ни вещей, кольми паче денегъ. Въ уставѣ объ этомъ говорится такъ: «Неприличнаго уставу

общежитія стяжанія никто да не имѣетъ отъ вещей и денегъ; всѣмъ бо нужнымъ, отъ настоятеля и до послушника, кійждо снабдѣвается изъ общей казны монастырской. Аще же будетъ оскудѣніе въ обители, всѣ равно да претерпѣваютъ скудость съ благодареніемъ».

Лѣтомъ 1853 года я посѣтилъ Святыя Горы. Въ это время настоятелемъ монастыря былъ отецъ Арсеній, въ мірѣ Елецкій купецъ. При немъ, въ сравнительно-короткое время съ возобновленія монастыря, сдѣланы были значительныя постройки: соборъ, гостинница для пріѣзжащихъ, церковь на горѣ, каменная лѣстница надъ пещерами, сооруженная на пожертвованныя г-жею Мальцевой деньги (15 тысячъ рублей), разныя хозяйственныя зданія и помѣщенія для живущихъ въ обители, которыхъ тогда было не 24 человѣка, какъ положено по штату, а до 400 человѣкъ, видныхъ и здоровыхъ людей. Старыхъ между ними было мало. Въ церквахъ, во время службы, которая продолжалась необыкновенно долго, бывало не болѣе 10—15 монаховъ; остальные же всѣ были заняты работами въ разныхъ заведеніяхъ монастыря.

Когда я осматривалъ монастырское хозяйство, то былъ удивленъ порядкомъ и благоустройствомъ, какіе существовали тамъ. Видно было, что всѣмъ руководила умѣлая рука: огороды, пасѣки, скотные дворы и т. п., все было въ прекрасномъ видѣ и не на показъ только, а въ дѣйствительности. Тутъ же были разныя мастерскія, гдѣ приготовлялись одежда и обувь для братіи и производились мастерства. Рабочими были исключительно монахи и послушники, которые, конечно, ничего не получали за работу, а довольствовались отъ монастыря пищею и одеждою, не имѣя никакой собственности, какъ и слѣдовало по ихъ уставу.

Нужно отдать полную справедливость строителю и настоятелю этого монастыря, отцу Арсенію: онъ былъ неутомимъ въ своей дѣятельности, и монастырь ему много обязанъ; въ такой сравнительно короткій срокъ, онъ привелъ его въ блистательное состояніе. Также изумительна была его ловкость въ собираніи пожертвованій отъ богатыхъ лицъ въ столицахъ и другихъ мѣстахъ, къ которымъ онъ обращался; но еще болѣе нужно было удивляться его умѣнью управлять монашествующею братіею, которая, большею частію, состояла изъ разныхъ пришельцевъ, странниковъ и даже, какъ говорили, бѣглыхъ господскихъ людей, названныхъ другими именами, вслѣдствіе чего владѣльцамъ ихъ трудно было ихъ разыскать. Правда, настоятель съ ними не церемонился и поступалъ деспотически: назначаемыя имъ наказанія за провинности и проступки были не въ духѣ кротости, а очень строгія; но все это сносилось терпѣливо и не выходило изъ стѣнъ монастыря. Больше всего боялась эта безпріютная братія изгнанія изъ мо-

настыря, что̀ было очень легко сдѣлать архимандриту, такъ какъ многія лица не были пострижены, а были послушниками и находились на испытаніи, которое продолжалось по усмотрѣнію отца Арсенія.

Но за то, когда отцу Арсенію было нужно, по какимъ-либо его соображеніямъ, похлопотать за кого-нибудь изъ своихъ братій, онъ дѣйствовалъ энергично, въ чемъ мнѣ самому пришлось убѣдиться по одному случаю. Это было въ томъ же 1853 году осенью. Я былъ назначенъ предсѣдателемъ въ рекрутское присутствіе въ городѣ Корочѣ для пріема рекрутъ. Въ это-то время заѣхалъ ко мнѣ отецъ Арсеній проѣздомъ изъ Петербурга, сдѣлавъ при этомъ верстъ шестьдесятъ крюку. Послѣ разныхъ любезностей и привѣтствій, онъ приступилъ ко мнѣ съ убѣдительнѣйшей просьбой, заключавшейся въ томъ, чтобы освободить отъ рекрутства одного государственнаго крестьянина села Скараднàго, Старо-Оскольскаго уѣзда, который, какъ оказалось, находился въ Святогорской обители въ числѣ послушниковъ, а своимъ сельскимъ начальствомъ вытребованъ изъ монастыря для представленія въ рекрутское присутствіе. По словамъ отца Арсенія этотъ крестьянинъ обладалъ необыкновенно-хорошимъ басомъ и могъ бы быть хоть протодіакономъ, такъ что, лишившись его, трудно будетъ подыскать ему подобнаго. Но общество государственныхъ крестьянъ, откуда происходилъ этотъ басъ, смотрѣло иначе: не видя въ немъ полезнаго члена, оно пожелало отдать его въ солдаты, какъ неплательщика податей.

Еще до пріѣзда отца Арсенія, я получилъ письмо отъ Т. Б. Потемкиной о томъ же монахѣ-басѣ съ просьбою освободить этого послушника отъ рекрутства. Понятно, я не могъ забраковать этого рекрута безъ всякой причины, что̀ и старался объяснить при свиданіи отцу Арсенію. Но онъ твердилъ свое, пытаясь, въ свою очередь, доказать мнѣ, что хотя въ этомъ басѣ и нѣтъ никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, такъ какъ онъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ, но для меня ничего не стоитъ освободить одного человѣка, который, говоря по совѣсти, вовсе не имѣетъ призванія къ военной службѣ, а склоненъ къ монашеской жизни, такъ что нельзя и надѣяться, чтобы изъ него вышелъ хорошій воинъ. Словомъ сказать, архимандритъ приставалъ ко мнѣ нестерпимо.

Много было мнѣ труда, чтобы избавиться отъ докучливаго просителя. По отъѣздѣ его изъ города Корочи представленъ былъ для освидѣтельствованія въ рекрутское присутствіе этотъ самый крестьянинъ-послушникъ. По наружному виду это былъ необыкновенно-здоровый и плотный мущина, такъ что съ перваго взгляда не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ будетъ «годенъ». Но каково же было

мое удивленіе, когда осматривавшій его докторъ громко заявилъ, что онъ пораженъ въ сильной степени дурною болѣзнью! Таковыхъ зараженныхъ не только нельзя было принимать въ рекруты, а, на основаніи тогда дѣйствовавшей инструкціи для пріема рекрутъ, всякаго отправлять немедленно въ больницу для излѣченія на счетъ общества, изъ котораго онъ происходилъ. Сначала я подумалъ, не усиленныя ли просьбы отца Арсенія подѣйствовали на доктора и заставили открыть въ немъ такую болѣзнь. Тотчасъ же мною былъ приглашенъ другой докторъ, который разрѣшилъ сомнѣніе, показавъ тоже, что и первый; да и всѣ мы, члены рекрутскаго присутствія, могли наглядно убѣдиться въ этомъ. Исполнилось желаніе отца Арсенія: рекрутъ былъ забракованъ, но немедленно отправленъ въ больницу для излѣченія, къ великому неудовольствію общества государственныхъ крестьянъ, которымъ не только не удалось сбыть въ рекруты никуда негоднаго человѣка, да вдобавокъ пришлось еще платить за его лѣченіе въ больницѣ.

Попалъ-ли этотъ басъ обратно въ Святогорскій монастырь, мнѣ осталось неизвѣстно.

X. Помѣщичьи и государственные крестьяне до 1861 года.

Я никогда не былъ сторонникомъ крѣпостнаго права; напротивъ, считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось при введеніи Положенія въ 1861 году быть хотя скромнымъ участникомъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но съ этимъ вмѣстѣ не могу не высказать правды, касающейся этого предмета, взятой прямо изъ жизни того времени. Бытъ и состояніе помѣщичьихъ крестьянъ были отнюдь не такъ дурны и ужасны, какъ многіе, не жившіе въ деревнѣ и не знавшіе ихъ жизни, объ этомъ представляли, и какъ описываютъ ихъ теперь. Изъ разсказовъ этихъ можно вывести заключеніе, что помѣщики какъ будто только тѣмъ и занимались, что сѣкли своихъ крестьянъ и производили надъ ними разныя безчинства, въ подкрѣпленіе чего съ большой точностью приводятся только безобразныя дѣянія разныхъ самодуровъ, злоупотреблявшихъ своею властью, но при этомъ не обращается должнаго вниманія на общее благосостояніе всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ при освобожденіи въ 1861-мъ году было въ Россіи болѣе 13-ти миліоновъ мужескаго пола душъ.

Нельзя отвергать, что между помѣщиками и крестьянами существовала нѣкоторая связь, которая заимно скрѣпляла и поддерживала ихъ хорошія отношенія между собой. Извѣстно, что по закону кре-

стьяне принадлежали помѣщику и были его гражданскою неотъемлемою собственностью. Каждый владѣлецъ, что бы то ни было, по присущему всякому человѣку желанію пріобрѣтенія и сохраненія своей собственности, старается оберегать свое достояніе, заключается ли оно въ землѣ или въ другой недвижимости, а тѣмъ болѣе въ живыхъ существахъ, доставлявшихъ ему тогда всѣ выгоды своими работами, а своимъ существованіемъ сообщавшихъ ему многія сословныя преимущества. Въ видахъ своей же пользы, помимо гуманнаго чувства, каждому помѣщику было несомнѣнно выгодно, чтобы его крестьяне жили хорошо и зажиточно. Всякій разсчетливый хозяинъ, чтобы не допустить свое имѣніе до упадка и разоренія, помогалъ крестьянамъ въ ихъ нуждахъ, выдавая въ случаѣ надобности лошадей, скотъ и прочіе необходимые предметы, составлявшіе потребность въ хозяйствѣ. Во время неурожайныхъ годовъ помѣщичьи крестьяне продовольствовались изъ запасныхъ магазиновъ, тогда повсемѣстно существовавшихъ, и при недостаткѣ содержались на средства помѣщика. Вообще крестьяне были увѣрены, что при всякихъ напастяхъ и бѣдствіяхъ они найдутъ защиту и покровительство, и что баринъ не оставитъ ихъ и поможетъ, что и бывало на самомъ дѣлѣ. Земская полиція не касалась помѣщичьихъ крестьянъ, за все отвѣчалъ помѣщикъ; всѣ повинности, разлагавшіяся по количеству владѣемыхъ душъ, взыскивались съ владѣльца имѣнія, а въ случаѣ недоимки продавалось имущество помѣщика, но ни въ какомъ случаѣ не крестьянское. Тягловые крестьяне, т.-е. надѣленные землей, обязаны были работать на помѣщика три дня въ недѣлю, а оброчные—платить положенный оброкъ, чего только и могъ требовать помѣщикъ. Я не говорю о злоупотребленіяхъ. Онѣ, разумѣется, были и въ этомъ отношеніи; но ихъ должно считать исключеніемъ *).

Оброчнымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, которыхъ къ 1861 году въ Россіи было на половину, ежели не болѣе, жилось еще льготнѣе,

*) Въ день коронаціи императора Павла I-го Апрѣля 5-го дня 1797 года былъ объявленъ высочайшій манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что, удостоившись воспріять Священное Мѵропомазаніе и вѣнчаніе на прародительскомъ престолѣ, императоръ Павелъ почитаетъ долгомъ своимъ передъ Творцомъ повелѣть, чтобы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работѣ и чтобы оные только три дня въ недѣлю работали на помѣщика, а остальное время на себя, потому что для сельскихъ издѣлій остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, поровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, при добромъ распоряженіи достаточны на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

чѣмъ хлѣбопашцамъ, въ особенности въ большихъ имѣніяхъ, какъ напримѣръ у графа Шереметева и другихъ крупныхъ владѣльцевъ, доказательствомъ чего могло служить богатство этихъ крестьянъ. Многіе крестьяне изъ такихъ имѣній торговали по гильдейскимъ свидѣтельствомъ и при всемъ томъ не желали откупаться на волю. Помѣщичьи крестьяне не имѣли права пріобрѣтать землю на свое имя; они покупали ее не иначе, какъ на имя своего помѣщика и пользовались ей, какъ своею неотъемлемою собственностью. Бывали примѣры, что крестьяне, по добровольному соглашенію между собой, за имѣніе, назначенное въ продажу, взносили недоимку въ Опекунскій Совѣтъ, чтобы не быть проданными съ аукціона другому помѣщику, не желая разставаться съ своимъ бариномъ, который по какимъ-либо случайностямъ дѣлался неисправнымъ въ уплатѣ своего долга. Пьянство было положительно менѣе распространено у помѣщичьихъ крестьянъ, нежели у государственныхъ, что̀ хорошо было извѣстно тогдашнимъ виннымъ откупщикамъ: за уѣзды, при равномъ народонаселеніи, но гдѣ жило больше государственныхъ крестьянъ, нежели помѣщичьихъ, наносилось при торгахъ откупной суммы гораздо больше въ разсчетѣ на бо́льшее употребленіе вина, въ чемъ откупщики не ошибались, и разсчетъ ихъ оказывался вѣрнымъ.

Если между помѣщиками встрѣчались иногда люди недостойные и безнравственные, то они не могли долго оставаться безнаказанными: противъ нихъ принимались правительствомъ энергичныя мѣры, а имѣнія ихъ отбирались въ опеку. Въ особенности въ царствованіе императора Николая Павловича они являлись рѣдкимъ исключеніемъ. Могу привести въ примѣръ Курскую губернію, гдѣ въ 15-ти уѣздахъ, въ продолженіе 16-ти лѣтъ до 1861 года, въ общемъ собраніи гг. предводителей и депутатовъ разсматривалось только три дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти: одно изъ нихъ, по Путивльскому уѣзду, о жестокомъ обращеніи помѣщицы со своими горничными дѣвушками (имѣніе это немедленно было взято въ опеку, также какъ и прочія по другимъ обстоятельствамъ). Уѣзднымъ предводителямъ вмѣнялось въ непремѣнную ихъ обязанность наблюдать за помѣщиками своего уѣзда, чтобы они не злоупотребляли своей властью, а при встрѣчавшихся жестокостяхъ принимать надлежащія мѣры; въ противномъ случаѣ сами предводители подвергались отвѣтственности. Всѣ такія постановленія были изложены въ именномъ указѣ императора Александра I-го 1819 года, который и служилъ руководствомъ. Указъ этотъ постоянно напоминался должностнымъ лицамъ.

При освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 году государственныхъ крестьянъ считалось гораздо больше; но, какъ они жили

тогда при своемъ самоуправленіи, или лучше сказать при управленіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, то о нихъ мало было извѣстно. И въ литературѣ и въ обществѣ только разсуждали и говорили, что о крѣпостныхъ, а государственныхъ крестьянъ оставляли въ сторонѣ, предполагая, что они благоденствуютъ, главнымъ образомъ потому что они *вольные*, а помѣщичьи *подневольные*.

При учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ крестьянамъ дано было самоуправленіе, въ которомъ однако общество не принимало нисколько участія; все зависѣло отъ ихъ начальства, заведеннаго въ большомъ числѣ, начиная съ сельскаго старшины: сборщики податей, волостные головы съ писарями и проч., а во главѣ властей въ уѣздахъ окружные начальники съ помощниками, уполномоченные ревизоры и т. д. Всѣ они нимало не заботились объ общественныхъ интересахъ крестьянъ, а занимались срочными донесеніями въ Палату, главное же взысканіемъ недоимокъ съ крестьянъ, на что только и обращалось вниманіе, такъ какъ по исправному взысканію недоимокъ оцѣнивалась служебная дѣятельность чиновниковъ. Въ самомъ обществѣ являлась страшная неурядица: всѣ порядочные крестьяне и домохозяева на сходы не ходили; народились міроѣды, которые заправляли всѣмъ міромъ, находясь подъ защитою начальства, которое покровительствовало имъ, какъ нужнымъ людямъ. Всякія несправедливости завѣдомо допускались и прикрывались, такъ что всевозможныя злоупотребленія въ крестьянскихъ обществахъ входили въ нравы и обычаи и развращали народъ. Нечего и говорить, что такой порядокъ не могъ служить къ благосостоянію крестьянъ *).

До освобожденія крестьянъ я жилъ постоянно въ деревнѣ, въ Курской губерніи, Ново-Оскольскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломѣстномъ; тутъ же жили государственные крестьяне, которыхъ было болѣе 1000 душъ. Мнѣ часто приходилось имѣть съ ними сношенія, какъ съ сосѣдями, нанимать ихъ на свои работы и т. п.; а они, въ свою очередь, обращались ко мнѣ также по своимъ деревенскимъ нуждамъ, иногда даже просто за совѣтомъ. Чтобы не быть голословнымъ, припомню изъ ихъ общественной жизни нѣкоторые случаи, можетъ быть сами по себѣ незначительные, но могущіе дать вѣрное понятіе объ ихъ житьѣ-бытьѣ того времени.

Въ селѣ Бѣломѣстномъ у государственныхъ крестьянъ, какъ и во всѣхъ селахъ, была построена расправа, служившая имъ для раз-

*) Не даромъ Хомяковъ писалъ про заводителя этихъ порядковъ графа Киселева: „чтобъ ему ни дна, ни покрышки". П. Б.

ныхъ общественныхъ надобностей, напримѣръ для пріѣзда чиновниковъ по служебнымъ дѣламъ; тутъ же засѣдало сельское ихъ начальство. Это была довольно обширная, сравнительно-чистая комната съ перегородкой, съ нѣкоторой мебелью, со шкафами для бумагъ и со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, а черезъ сѣни въ одной же связи находилась холодная, отвратительно-грязная комната безъ пола съ однимъ окномъ: это собственно и была расправа, потому что туда сажали крестьянъ подъ арестъ, а чаще сѣкли розгами неплательщиковъ податей и другихъ провинившихся.

Какъ-то въ селѣ случилась покража: съ неубраннаго еще поля было увезено два воза овса изъ стоявшихъ копенъ; хозяева на мѣстѣ настигли вора и доставили его съ поличнымъ въ расправу. Воръ оказался государственнымъ крестьяниномъ того же села, звавшійся по уличному Васька Балабаевъ. Нужно замѣтить, что это былъ мужикъ довольно богатый, при этомъ первый крикунъ и горланъ на сходкахъ, считался въ своемъ обществѣ міроѣдомъ, слѣдовательно въ общественныхъ дѣлахъ человѣкомъ вліятельнымъ. Однако сельское начальство, при всемъ своемъ желаніи защитить его, почему-то не нашло возможнымъ скрыть такого явнаго воровства. Дали знать въ волость; на другой день прибылъ волостной голова чинить судъ и расправу; по его приказанію подлѣ расправы былъ собранъ сельскій сходъ, которому голова объявилъ, что за воровство овса слѣдуетъ Балабаева наказать розгами, кромѣ сего взыскать штрафъ на общественныя нужды. При этомъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ возникли протесты въ защиту Балабаева, ежели не вовсе объ избавленіи отъ наказанія, то по крайней мѣрѣ въ меньшемъ количествѣ розогъ и рублей, назначенныхъ головою; но праведный судья-голова настоялъ на своемъ, отобралъ у схода руки,—слѣдовательно приговоръ былъ утвержденъ. Нужно было приступить къ исполненію. Голова отправился въ холодную, гдѣ находился подъ арестомъ Балабаевъ, чтобы объявить ему рѣшеніе схода. Какіе за тѣмъ происходили между ними разговоры, никто того не слыхалъ; только немедленнаго наказанія не послѣдовало. Сначала голова распорядился послать за крестьяниномъ Сысоемъ Замараевымъ, человѣкомъ смирнымъ и работящимъ, но бѣднымъ. Когда Сысой явился, то его также отправили въ холодную, и только тогда, въ присутствіи головы, начали экзекуцію, однако вовсе не надъ воромъ Васькой Балабаевымъ, какъ было утверждено сходомъ, а надъ Сысоемъ Замараевымъ, объявивъ ему, что за нимъ числится недоимка, почему его слѣдуетъ пороть, какъ неплательщика. Въ то время, какъ Сысоя хлестали розгами, отсчитывая громогласно удары, Васька Балабаевъ, находившійся

тутъ же, неистово кричалъ, давая этимъ знать, что сѣкутъ будто бы его; голосъ же его хорошо былъ извѣстенъ мужикамъ, такъ какъ онъ всегда горланилъ на сходкахъ. Вскорѣ послѣ наказанія Сысой, встрѣтившись съ мной, повѣдалъ мнѣ свое горе, сѣтуя не на то, что его несправедливо отодрали (по его соображеніямъ нужно же было исполнить приговоръ схода и пороть кого нибудь), а на то, что ему выпала такая *линія.*

«Отчего же не наказали Балабаева?» спросилъ я.—«Да онъ же откупился у головы»... И по отвѣту Сысоя можно было заключить, что иначе и быть не могло.

Когда я разсказалъ это происшествіе бывшему въ то время окружному начальнику Мерлину, то онъ увѣрялъ меня, что такой несправедливости голова Жмуцкій не могъ допустить, такъ какъ онъ считается самымъ честнымъ и исправнымъ головою, тѣмъ болѣе, что онъ ему докладывалъ о воровствѣ овса и о примѣрномъ наказаніи крестьянина Балабаева.

«Что оно было *примѣрнымъ* для Балабаева», отвѣчалъ я, «съ этимъ я согласенъ; но что оно былъ *дѣйствительнымъ* для Сысоя Замараева, въ этомъ я также не сомнѣваюсь».

При каждой расправѣ полагалось отъ общества имѣть десятскаго, который могъ бы служить проѣзжавшимъ чиновникамъ для разсылокъ и по другимъ надобностямъ. Сельское начальство нашло возможнымъ возложить эту обязанность на бабъ, такъ что сотскому поручалось назначать по очереди въ дневалки бабъ, вмѣсто десятскихъ. Это распоряженіе ввелось въ обычай и аккуратно исполнялось. Въ селѣ Бѣломѣстномъ была чрезвычайно красивая женщина изъ государственныхъ крестьянокъ, прозванная мѣстными жителями «Катька-краля»; она была замужемъ за небогатымъ мужикомъ, малымъ смирнымъ и непьющимъ. Катька также была баба смирная, работящая и пользовалась репутаціей неприступной красавицы. На бѣду ее замѣтили проѣзжавшіе чиновники, и этого было достаточо, чтобы Катька часто не въ очередь попадала на дежурство, въ особенности, ежели ожидался пріѣздъ какого нибудь начальства поважнѣе: повинность, отъ которой отказываться было нельзя. По этому обстоятельству мнѣ случилось услышать разговоръ, происходившій между мужемъ этой красавицы и сельскимъ сотскимъ, который, встрѣтивъ перваго, приказывалъ ему прислать жену въ расправу въ дневалки. «Чего такъ часто, Миронычъ, требуешь мою Катьку? Чередка не ея: она только третьяго дня отбыла у становаго, а надысь у межеваго, съ недѣлю тому у помощника, а теперь опять за нее... Мало ли у насъ молодыхъ бабъ!»

«Я и самъ смекаю, что чередка не ея», отвѣчалъ сотскій, «да начальство приказало: слышно, пріѣдетъ лѣсничій; онъ намъ будетъ отводить участки, такъ его нужно ублаготворить». Послѣ такого аргумента Катькинъ мужъ болѣе не возражалъ, а обѣщался прислать жену въ расправу.

Возмутившись такимъ приказомъ, я обратился къ Катькиному мужу съ укоромъ: какъ ему не стыдно завѣдомо позволять женѣ распутничать. «Вѣрно ты ея не любишь», замѣтилъ я, «если торгуешь ею».—«Какъ не любить», возразилъ онъ, «она у меня славная, работящая, за что ея не любить! А что вы думаете, что я ею торгую, такъ это напрасно: да ежели она принесетъ мнѣ что нибудь, или сама что получитъ, такъ я ее до смерти исколочу», взволнованнымъ голосомъ прибавилъ мужикъ.— «Такъ зачѣмъ же ты позволяешь ей ходить въ расправу?»—«А чтожъ подѣлаешь съ нашимъ начальствомъ? Я было въ прошломъ году заартачился, сталъ посылать за мѣсто нея мать, такъ голова меня такъ вздулъ, какъ будто за недоимку... Ну, а теперь помалкиваетъ; а еще, когда встрѣтитъ меня, все Катьку мою похваляетъ и говоритъ, что она его не разъ передъ начальствомъ вызволяла».

Бѣдная Катька-краля! Она была Бѣломѣстенской Гетерой не по призванію, а въ силу общественнаго своего положенія обязана была выполнять натуральную повинность отъ общества государственныхъ крестьянъ.

Ни въ чемъ такъ не было замѣтно явныхъ злоупотребленій въ управленіи государственныхъ крестьянъ, какъ при рекрутскихъ наборахъ, не смотря на то, что Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ при сдачѣ рекрутъ была введена жеребьевая система. Большею частью зажиточные крестьяне различными путями имѣли возможность откупаться отъ рекрутской, въ то время тяжелой, повинности; а бѣднымъ, не смотря на то, что нѣкоторые были иногда одиночки, часто приходилось идти на 25-лѣтнюю службу. Для этого въ ходъ пускались разные подвохи, напримѣръ общественные приговоры, составленные за могарычи тѣми же міроѣдами, разумѣется, не безъ вѣдома начальства, принимавшаго въ ихъ дѣлахъ живое участіе, ради собственной наживы. Всякій рекрутскій наборъ причинялъ крестьянскому населенію много горя и обходился имъ очень дорого. Крестьяне, имѣвшіе сыновей, еще заранѣе, во время ихъ малолѣтства, заботились накопить денегъ, чтобы со временемъ имѣть возможность откупиться отъ рекрутчины. Но за то ихъ начальство ожидало наборовъ, какъ манны небесной. Многіе окружные начальники, которымъ поручался ближайшій надзоръ

за правильной постановкой рекрутъ отъ государственныхъ крестьянъ, наживали большое состояніе; они старались передъ своимъ начальствомъ только о томъ, чтобы быть исправными и выставить въ назначенный срокъ безнедоимочно всѣхъ рекрутъ; но имъ было рѣшительно все равно, Петръ или Иванъ идетъ въ солдаты, и они нимало не заботились, что отъ неправильной сдачи рекрутъ могли быть разорены многія семейства.

Мнѣ указывали въ Москвѣ на одну личность съ Нѣмецкой фамиліей, долго служившую окружнымъ начальникомъ въ одной изъ отдаленныхъ губерній, населенной преимущественно государственными крестьянами. Онъ жилъ уже на покоѣ отъ понесенныхъ трудовъ на службѣ, причемъ всѣмъ было извѣстно, что онъ обладалъ значительнымъ капиталомъ, который добылъ исключительно служебною дѣятельностью. Между прочими его дѣяніями обращаетъ на себя вниманіе сочиненный имъ рекрутскій наборъ изъ женщинъ. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сдѣлано было распоряженіе завести по деревнямъ повивальныхъ бабокъ (повитухъ); для этой цѣли окружнымъ начальникамъ было предписано палатой доставить изъ уѣзда въ губернскій городъ нѣсколько крестьянокъ для обученія ихъ повивальному искусству. При этомъ отъ министерства было разослано печатное наставленіе, въ которомъ, между прочимъ, значилось, что крестьянки должны быть крѣпкаго сложенія, здоровыя и извѣстныхъ лѣтъ и т. п.; приблизительно требовались такія же тѣлесныя качества, какъ и въ рекрутскомъ уставѣ для принятія въ солдаты. Акуратный окружный начальникъ не оставилъ безъ вниманія такихъ требованій и распустилъ по уѣзду слухъ, что изъ дѣвокъ назначается рекрутскій наборъ для отсылки ихъ на службу въ далекій край и т. п. нелѣпости. Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело такое извѣстіе въ сельскомъ населеніи, да еще вдобавокъ въ глухой мѣстности, отстоящей отъ губернскаго города чуть ли не на 300 верстъ! Ретивый окружный начальникъ, не теряя времени, чтобы исполнить предписаніе начальства, немедленно приступилъ къ призыву и осмотру крестьянокъ, наблюдая тѣже пріемы, какъ и въ наборахъ, и браковалъ, или назначалъ на службу по своему усмотрѣнію, а въ концѣ концовъ, когда наступилъ срокъ, отправилъ въ городъ 3—4-хъ дѣвокъ. Эта операція доставила ему отъ богатаго населенія того уѣзда до 20 тысячъ рубл. Однако это была его послѣдняя лебединая пѣсня на служебномъ поприщѣ: вскорѣ онъ вышелъ въ чистую отставку и благодушествовалъ въ Москвѣ, изображая изъ себя важную персону съ туго набитымъ карманомъ.

XI. Воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Однажды императоръ Александръ Николаевичъ ѣхалъ по почтовой дорогѣ изъ города Харькова на городъ Полтаву. Ему приходилось проѣзжать уѣздный городъ Валки. Почтовая станція, гдѣ перемѣнялись лошади въ императорскихъ экипажахъ, находилась подъ горою, на подъемѣ отъ станціи въ гору, между обывательскими домами, гдѣ былъ крутой поворотъ. На этомъ мѣстѣ, по неловкости ямщика, одинъ экипажъ опрокинулся, и сидѣвшій въ немъ генералъ-адъютантъ вывалился и получилъ ушибъ настолько сильный, что ему сдѣлалось дурно. Его немедленно перенесли въ ближайшій домикъ, какъ оказалось, въ квартиру мѣстнаго городничаго. Вскорѣ по тому же направленію проѣзжалъ Государь. Узнавъ о происшествіи, онъ пожелалъ лично увидѣть больнаго. При входѣ въ низенькія комнаты, ему представилась весьма бѣдная обстановка, тускло освѣщенная сальнымъ огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку и стоявшимъ въ прихожей; тутъ же присутствовала какая-то невзрачная женщина, одѣтая по-домашнему, какъ видно прислуга городничаго. Въ другой комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, было немногимъ лучше, если не считать за украшенія разставленныхъ по комнатѣ большихъ бутылей съ наливками и настойками, заготовляемыми въ прокъ по мѣстному обыкновенію. При больномъ уже находился докторъ Енохинъ *), сопровождавшій Императора во всѣхъ его путешествіяхъ, который и доложилъ ему, что ушибъ не представляетъ опасности для здоровья. Поговоря съ больнымъ, Государь вышелъ на улицу, чтобъ продолжать свой путь, но

---

*) Въ 1836-мъ году императоръ Николай Павловичъ, ѣхавшій ночью близъ города Чембаръ, переломилъ себѣ ключицу; его понесли лошади и опрокинули коляску. Сопровождавшій его придворный докторъ уѣхалъ впередъ; Государь по необходимости долженъ былъ остановиться въ г. Чембарахъ, гдѣ къ нему позванъ былъ уѣздный врачъ Енохинъ, который подалъ ему первое медицинское пособіе и сдѣлалъ довольно искусную перевязку на ключицѣ. Черезъ нѣсколько часовъ возвратившійся лейбъ-медикъ Императора нашелъ, что перевязка сдѣлана превосходно, и помощь больному была подана правильно. Благодаря этому случаю, уѣздный врачъ Енохинъ былъ опредѣленъ придворнымъ докторомъ къ Наслѣднику Престола, при которомъ онъ оставался и во время его царствованія, до своей смерти. Докторъ Енохинъ былъ сынъ небогатаго священника изъ г. Новаго-Оскола, гдѣ у него былъ родной братъ слѣпой; у этого послѣдняго было нѣсколько сыновей, которымъ дядя ихъ, лейбъ-медикъ Енохинъ, доставилъ средства къ образованію и, какъ говорится, повывелъ всѣхъ въ люди; одинъ изъ нихъ также былъ уѣзднымъ врачомъ въ г. Новомъ-Осколѣ.

въ прихожей былъ встрѣченъ хозяиномъ квартиры—городничимъ, поспѣшившимъ прибѣжать со станціи, гдѣ онъ находился. Обратившись къ нему, Государь сказалъ: «Какъ же ты плохо живешь!»—По моимъ средствамъ лучше не могу, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ отставной воинъ. Государь тутъ же распорядился выдать городничему достаточную сумму денегъ для лучшей обстановки.

*

Въ 1861-мъ году императоръ Александръ Николаевичъ пріѣхалъ въ городъ Курскъ и остановился въ губернаторскомъ домѣ. По выходѣ Государя изъ коляски было замѣтно, что все лицо и одежда его были покрыты густой пылью отъ шоссейной дороги, по которой онъ ѣхалъ изъ г. Орла. Войдя въ комнаты, Государь остановился въ первой залѣ, разговаривая со встрѣтившими его мѣстными властями, губернаторомъ В. И. Деномъ и другими лицами. Увидавъ проходившаго въ то время камеръ-лакея, который несъ дорожныя вещи, Государь сказалъ: «Яковъ, дай умыться!» Вскорѣ показался Яковъ съ рукомойникомъ въ рукахъ и, обращаясь къ сторонѣ, гдѣ стоялъ Государь, довольно громко проговорилъ: «Готово». Но Государь продолжалъ разговоръ съ губернскимъ предводителемъ Н. Я. Скарятинымъ и не обратилъ вниманія на «готово». Между тѣмъ въ дверяхъ, куда надлежало ему идти, снова показывается камеръ-лакей, но уже безъ рукомойника. Увидя его, Александръ Николаевичъ повторилъ: «Яковъ, умыться!» Нужно было видѣть и слышать, съ какимъ недовольнымъ видомъ и какимъ грубымъ тономъ, возвыся голосъ, отвѣчалъ Яковъ: «Да я уже говорилъ, что готово». Такой грубый отвѣтъ камеръ-лакея, обращенный къ Императору, удивилъ всѣхъ находившихся въ залѣ, о чемъ по отъѣздѣ Государя много толковали и между прочимъ высказывали предположеніе, что ежели бы какому-нибудь «барину» такъ отвѣчалъ лакей, какъ Яковъ Государю, то это не прошло бы ему даромъ, несмотря на то, что это случилось въ знаменательный годъ освобожденія крѣпостныхъ.

На другой день, по пріѣздѣ Государя, къ высочайшему столу были приглашены мѣстныя власти, въ томъ числѣ архіерей и высшіе военные чины. Во время обѣда Александръ Николаевичъ сидѣлъ за общимъ столомъ, былъ очень веселъ и со многими разговаривалъ. Въ сервировкѣ стола Курскими обитателями былъ замѣчена нѣкоторая особенность, не ускользнувшая отъ вниманія: кромѣ въ изобиліи разставленныхъ по столу винъ, между каждыми двумя приборами стояло

еще по бутылкѣ откупореннаго Шампанскаго. Государь не разъ обращался къ своимъ придворнымъ, сидѣвшимъ между приглашенными, предлагая угощать своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда были поданы отличныя сигары, такъ что нѣкоторые некурящіе брали ихъ на память о царскомъ угощеніи. Послѣ стола Государь скоро собрался уѣзжать; тотъ же камеръ-лакей Яковъ захлопнулъ дверцу его коляски, полѣзъ на свое мѣсто въ будку, придѣланную сзади экипажа и усѣлся въ ней. Тогда, невидимо для Государя, но на виду у всей провожавшей его толпы народа, другимъ камеръ-лакеемъ поданы были Якову двѣ бутылки Шампанскаго, повидимому оставшіяся отъ обѣда, которыя онъ бережно поставилъ въ боковой баулъ, послѣ чего скомандовалъ: «Трогай!» и коляска двинулась. Одинъ изъ зрителей, стоявшій у подъѣзда и видѣвшій эту продѣлку, съ завистью замѣтилъ: «Хорошо быть царскимъ лакеемъ. И въ дорогу-то онъ отправляется не съ однимъ *посошкомъ*, а съ двумя.»

Н. Рѣшетовъ.

18-го Октября 1886 года.

БОРЬБА ЗА СТАРШИНСТВО ВЪ ЧИНѢ.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.
Пословица.

Въ Страстную Субботу 1846 года, было объявлено по Виленскому гарнизону приказаніе командира втораго пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Купріянова, чтобы всѣ генералы, штабъ-и оберъ-офицеры, свободные отъ должностей, собрались къ свѣтлой заутрени и обѣднѣ въ дворцовую церковь и по окончаніи богослуженія, по приглашенію генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Мирковича, пожаловали бы къ нему разговляться.

Приказаніе было исполнено: церковь оказалась набитою биткомъ.

Генералы Купріяновъ и Мирковичъ стояли впереди всѣхъ и очень дружески разговаривали.

Кончилась свѣтлая заутреня. Священникъ вышелъ съ крестомъ. Оба генерала подошли рядомъ. Священникъ затруднился, кому первому подать крестъ. Но колебаніе долго не длилось, и онъ предпочелъ хозяина гостю, подавъ крестъ сперва Мирковичу, а потомъ Купріянову, послѣ чего оба они дружески похристосовались и продолжали также дружески бесѣдовать.

Между тѣмъ, Купріяновъ сказалъ на ухо своему начальнику штаба: «объявите всѣмъ военнымъ, что по окончаніи обѣдни я приглашаю ихъ разговляться ко мнѣ».

Полковые командиры передали намъ приглашеніе, и всѣ мы изъ церкви отправились къ корпусному командиру, который весьма любезно угощалъ насъ, особенно прапорщиковъ.

Это было первое пораженіе, нанесенное Купріяновымъ Мирковичу, за то, что послѣдній, будучи въ чинѣ моложе Купріянова, прежде него приложился ко кресту.

Во время разговѣнія, корпусный командиръ собралъ генераловъ и сказалъ имъ: «Сегодня въ 5 ч. пополудни у генералъ-губернатора обѣдъ. Прошу приглашенныхъ генераловъ быть на обѣдѣ въ маленькихъ мундирахъ и собраться ко мнѣ, чтобъ поѣхать вмѣстѣ».

«Маленькимъ мундиромъ» назывался въ то время вицъ-мундиръ, т.-е. безъ шитья, при длинныхъ черныхъ брюкахъ.

Такъ и сдѣлалось. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ гостей въ полной парадной формѣ, въ лентѣ, при шарфѣ, въ лосинахъ и ботфортахъ и крайне былъ пораженъ, увидя генераловъ въ обыкновенной формѣ, безъ лентъ и шарфовъ, тѣмъ болѣе, что Купріяновъ, въ первый день Пасхи, не имѣлъ права выряжать своихъ генераловъ въ такую форму.

Это былъ второй ударъ, нанесенный Купріяновымъ Мирковичу.

Но онъ не удовольствовался этими двумя ударами и вознамѣрился нанести третій.

По возвращеніи съ обѣда, онъ пожаловался на Мирковича главнокомандующему арміею генералъ-фельдмаршалу князю Паскевичу и просилъ его разрѣшить вопросъ: кто первый долженъ подходить къ кресту, генералъ-губернаторъ или корпусный командиръ, если они состоятъ въ однихъ чинахъ?

Почему главнокомандующій придалъ важность этому вопросу и не вымылъ голову Купріянову за неуживчивость и обремененіе начальства пустыми вопросами, неизвѣстно. Довольно того, что онъ не взялъ на себя рѣшеніе этого вопроса, а представилъ къ военному министру.

Князь Чернышовъ передалъ вопросъ въ комитетъ для составленія воинскаго устава; но и тамъ не пришли ни къ какому заключенію и возвратили военному министру вопросъ не-разрѣшеннымъ. Неизвѣстно, почему князь Чернышовъ самъ не вошелъ по этому вопросу съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ Николай Павловичъ, на докладѣ главнокомандующаго гвардей-

скимъ и гренадерскимъ корпусами Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, изволилъ написать собственноручно:

«Къ кресту подходитъ старшій въ чинѣ».

Объ этой высочайшей волѣ было объявлено въ приказѣ по военному вѣдомству въ Іюнѣ 1846 года.

1-го Іюля того же года, въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ Виленскомъ Николаевскомъ соборѣ было архіерейское служеніе. Мирковичъ и Купріяновъ по обыкновенію стояли впереди, и послѣдній предвкушалъ удовольствіе подойти къ кресту первымъ.

Послѣ многолѣтія, когда покойный преосвященный Іосифъ началъ подходить съ крестомъ, Купріяновъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но вдругъ.... о ужасъ!... его слегка отстранилъ комендантъ города Вильны генералъ отъ-инфантеріи Есаковъ, и какъ старшій чиномъ, первый приложился къ кресту.

Сюрпризъ этотъ былъ тѣмъ неожиданнѣе для Купріянова, что Есаковъ никогда не высовывался впередъ, стоялъ всегда гдѣ-то назади и къ кресту подходилъ послѣдній; тутъ же ему захотѣлось приказъ военнаго министра исполнить съ точностію.

Всего этого я былъ очевидцемъ.

Теобальдъ.

ПОПРАВКА О ГЕНЕРАЛѢ ѲЕДОРЕНКО.

Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива" сего года г-нъ Теобальдъ помѣстилъ нѣсколько анекдотовъ про моего отца генерала Ѳедоренко, и въ числѣ прочихъ о Бѣломъ Орлѣ и арендѣ.

Какъ видно, г-нъ Теобальдъ не зналъ моего отца лично и поэтому приписалъ ему анекдотъ, случившійся съ другимъ генераломъ мнѣ извѣстнымъ.

Отецъ мой, пользовавшись особеннымъ милостивымъ росположеніемъ въ Бозѣ почившаго императора Николая, при безпредѣльной преданности ему, считалъ величайшею наградою всякое вниманіе Государя. По своему характеру и извѣстному безкорыстію никогда не осмѣлился бы онъ выпрашивать себѣ наградъ, получивъ бо́льшую часть ихъ за военныя отличія. Орденъ Бѣлаго Орла пожалованъ ему въ 1852 году по случаю юбилея пятидесятилѣтней службы; онъ состоялъ тогда комендантомъ Ново-Георгіевской крѣпости. Два года передъ тѣмъ, разбитый параличемъ, по особенной милости Государя Императора, онъ оставленъ комендантомъ съ назначеніемъ ему помощникомъ г-ла Ивина. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ приказалъ мнѣ наканунѣ, 29-го Іюля, явиться къ нему утромъ

(въ это время я состоялъ адъютантомъ въ штабѣ его свѣтлости) и вручилъ мнѣ знакъ ордена Бѣлаго Орла и лестный рескриптъ, заранѣе присланные Государемъ, дабы я немедленно отвезъ эту награду въ Ново-Георгіевскъ.

Аренду же отецъ мой получилъ въ числѣ нѣсколькихъ наградъ за взятіе Варшавы (значитъ 21 годъ ранѣе) въ чинѣ генералъ-маіора, бывши начальникомъ 2-й артилерійской дивизіи, которая громила на полкартечный выстрѣлъ Вольскія укрѣпленія.

Отставной полковникъ **Михаилъ Ѳедоренко.**

Варшава,
1886 Октября 22-го дня.

ПРИКАЗЪ

войскамъ гвардейскаго отряда, состоявшаго подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Константина Павловича.

Въ Александріи, близъ Петергофа, 21 Іюня 1831.

Храбрые воины! Многолѣтняя служба ваша подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича всегда сопровождалась пламеннымъ усердіемъ и непоколебимою вѣрностію, достойными истинныхъ сыновъ отечества. Полки ваши, обязанные Его Высочеству своимъ существованіемъ и отличнымъ устройствомъ, вполнѣ оправдали искреннюю заботливость и особенное усердіе, коими Его Высочество постоянно васъ удостоивалъ. Въ то время когда пламень бунта возгорѣлся въ Варшавѣ, когда толпа изверговъ, забывъ долгъ присяги, забывъ все священное для христіанина и вѣрноподданнаго, обнаружила злодѣйскіе умыслы на особу Его Высочества, вы единодушно собрались къ знаменамъ вашимъ и, готовясь кровію своею защитить начальника и благодѣтеля вашего, показали столько же непоколебимой вѣрности къ престолу и отечеству, сколько личной любви и преданности къ Его Высочеству. Послѣ выступленія изъ Варшавы, вы, преодолѣвая всѣ трудности и недостатки, бодро слѣдовали за своимъ начальникомъ въ предѣлы отечества. Здѣсь, соединясь съ храбрыми товарищами вашими, шедшими на усмиреніе мятежниковъ, вы ревностно исполняли всѣ назначенія начальства, и два полка ваши, лейбъ-гвардіи уланскій Его Высочества Цесаревича и Волынскій, равно и обѣ батареи, при первой встрѣчѣ съ мятежниками 13 Февраля и 7 Іюня,

отличною храбростію, мужествомъ и твердостію, стяжали полное одобреніе начальства и особенное мое благоволеніе. Промыслу Всевышшняго угодно было, чтобы я непосредственно послѣ радостной вѣсти о новыхъ подвигахъ нашего воинства подъ Вильною, въ коихъ и вы участвовали, получилъ скорбное извѣстіе о кончинѣ Его Высочества Цесаревича, любезнѣйшаго моего брата, а вашего начальника и благодѣтеля. Сокрушаясь о сей потерѣ, я посылаю къ вамъ флигель-адъютанта моего полковника графа Толстаго, чтобы лично извѣстить васъ о горестной потерѣ, насъ постигшей, и изъявить вамъ особенную мою признательность за долговременную, вѣрную и ревностную службу вашу подъ начальствомъ Его Высочества, равно какъ и твердое мое упованіе, что и на будущее время всѣ вы потщитесь на полѣ чести пріобрѣсть еще болѣе правъ на мое благоволеніе и признательность. Храбрые воины! Вы лишились непосредственнаго начальника, вамъ благодѣтельствовавшаго; но служба ваша останется незабвенною предъ вашимъ Государемъ и отечествомъ. Продолжайте служить съ такимъ же отличіемъ, и благоволеніе мое къ вамъ пребудетъ навсегда неизмѣннымъ.

На подлинномъ написано собственной Его Императорскаго Величества рукою: Николай.

(Сообщено М. М. Похвисневымъ).

СКАЗКА О ЖИВЫХЪ МЕРТВЕЦАХЪ.

Граждане по чину, по навыку въ службѣ витіи,
Два зрѣлые мужа судили о благѣ Россіи;

И такъ были плавны, умны и блестящи ихъ рѣчи,
Какъ будто они говорили на вѣчѣ.

По мнѣнью ихъ общество станетъ на прочныхъ основахъ
При старыхъ началахъ, съ прибавкою къ онымъ изъ новыхъ

И съ тѣмъ, чтобы къ знанью законовъ и догматовъ вѣры,
Не медля принять надлежащія мѣры.

Чтобъ не былъ начальникъ источникомъ золъ и напастей,
Въ народѣ потребно развить уваженіе къ власти;

Полезно бы ложь и пороки преслѣдовать гласно,
Но такъ, чтобъ не было это опасно.

Потомъ безъ сомнѣнья появится, съ помощью Бога,
Въ чиновникахъ честность, въ бумагахъ изящество слога,

И общее будетъ тогда благоденствіе близко,
Когда сократится въ судахъ переписка.

Лишь долгая опытность въ службѣ и практика въ жизни
Помогутъ устройству порядка въ любезной отчизнѣ;

Стремленье жъ людей молодыхъ хоть разумно и честно,
Но въ дѣлѣ семъ важномъ совсѣмъ неумѣстно....

Они продолжали еще излагать свои мнѣнья,
Какъ прямо предъ ними явилося вдругъ привидѣнье....

Ихъ волосы дыбомъ, дрожащія подняты длани,
Прилипнулъ языкъ онѣмѣвшій къ гортани!

И къ нимъ обратило видѣніе слово такое:
„Оставьте живущихъ, о зрѣлые мужи, въ покоѣ!

Но пусть изъ васъ каждый, будь сказано вамъ не въ обиду,
Отслужитъ одинъ по другомъ панихиду!“

Исчезло видѣнье, и жутко имъ стало обоимъ,
И были ихъ члены объяты морозомъ и зноемъ...

Пригрезилось имъ или вправду, не знаю я... То-есть
Быть можетъ видѣнье, а можетъ быть совѣсть.

Потомъ они стали въ себя приходить понемногу;
Тотъ руку тихонько подыметъ, тотъ выдвинетъ ногу,

И въ знакъ что осталась свобода ихъ тѣлодвиженьямъ,
Расшаркались другъ передъ другомъ съ почтеньемъ.

Расстались... Но тайная долго ихъ грызла досада,
Затѣмъ, что не знали чему удивляться имъ надо:

(Такъ были ихъ мнѣнья и чувства смѣшны, но правдивы)
Тому ли что мертвы, тому ли что живы?

(Изъ стихотворнаго сборника 1858 года).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1. Сынъ ближняго боярина А. Л. Ордина-Нащокина.

Во второй книжкѣ „Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1885 годъ помѣщены два акта изъ рукописей Е. В. Барсова—это: 1) грамота царя Алексѣя Михайловича въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь о ссылкѣ *воина* Нащокина въ монастырь подъ начало и отписка о томъ же Кириллова монастыря въ Розрядъ. Въ этихъ актахъ рѣчь идетъ безъ сомнѣнія о *Воинѣ* Нащокинѣ (*воинъ*—такъ поставлено и въ общемъ оглавленіи той же книжки), сынѣ извѣстнаго ближняго боярина царя Алексѣя Михайловича Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, и въ этомъ отношеніи они представляютъ интересный историческій матеріалъ.

Напомнимъ вкратцѣ обстоятельства, вызвавшія означенную ссылку [1]).

Въ самый критическій моментъ дипломатическихъ переговоровъ съ Шведами (1660), Ординъ-Нащокинъ былъ пораженъ неожиданнымъ и печальнымъ извѣстіемъ о бѣгствѣ его единственнаго сына *Воина* за границу. Отецъ позаботился дать ему приличное образованіе: Воинъ учился у плѣнныхъ Поляковъ, отъ которыхъ наслышался разсказовъ о прелестяхъ заграничной жизни и Польской свободы. Плоды подобнаго увлеченія въ свое время сказались на молодыхъ людяхъ, отправленныхъ за границу при Борисѣ Годуновѣ и не возвратившихся въ Россію [2]); на князѣ Ив. Хворостининѣ, человѣкѣ близкомъ къ первому Самозванцу, впавшемъ въ политическую и религіозную ересь и потерпѣвшемъ за это ссылку. Котошихинъ, недовольный Московскими порядками, бѣжитъ сначала въ Польшу, а потомъ въ Швецію. Такимъ образомъ, подобныя явленія не были новостью. Между тѣмъ отличное по тому времени воспитаніе молодаго Нащокина обратило на него вниманіе правительства. Въ отсутствіе отца, онъ занимаетъ его мѣсто въ городѣ Дмитріевѣ, ведетъ иностранную кореспонденцію, переписывается по дѣламъ съ своимъ отцомъ и съ Государемъ, не разъ приглашается на тайныя совѣщанія къ послѣднему и вообще пользуется его по-

---

[1]) Подробности см. въ нашихъ статьяхъ: „Ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ“ (Русская Старина 1883 г.).

[2]) Въ теченіе царствованія Михаила Ѳеодоровича ихъ неоднократно хотѣли взять обратно и пристроить къ посольскимъ дѣламъ; но изъ донесеній видно, что въ Англіи „привели ихъ въ свою вѣру: одного поставили въ попы въ Лондонѣ“; другой былъ королевскимъ секретаремъ въ Ирландіи; еще двое находились по торговымъ дѣламъ въ Индіи (Соловьевъ, VIII, примѣч. 39, IX, 87, 123—124, 185, 191—192). Изъ посланныхъ въ другія мѣста одинъ служилъ переводчикомъ при Делагарди; прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества (Буссовъ, 18 и примѣч.).

кровительствомъ. Но, побывавъ снова въ Москвѣ, онъ не взлюбилъ тамошнихъ порядковъ и, возвращаясь оттуда съ порученіемъ къ отцу и съ значительною суммою денегъ, уѣхалъ къ Польскому королю въ Данцигъ, который отправилъ его оттуда къ Нѣмецкому императору, а потомъ во Францію. Страшно поразила эта вѣсть отца; враги его измѣну молодаго Нащокина причитали къ нему самому, и онъ ожидалъ, по тогдашнему обычаю, собственной опалы, а потому сталъ уже проситься въ отставку.

Но Алексѣй Михайловичъ, напротивъ, написалъ отцу утѣшительное письмо, въ которомъ успокоивалъ его жену, а относительно проступка сына выражался такъ: „Онъ человѣкъ молодой, хочетъ созданія Владыки и творенія рукъ Его видѣть на этомъ свѣтѣ, какъ и птица, которая летаетъ туда и сюда и, *полетавъ довольно, опять къ своему гнѣзду возвращается*“. Однако, въ тайномъ наказѣ посланному Царь говорилъ, чтобы отецъ разыскалъ сына и предлагалъ дать за него отъ 5.000 до 10,000 рубл.; а если его поймать нельзя и отцу будетъ нужно, то „сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ Великаго Государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями“. Впрочемъ былъ данъ наказъ говорить объ этомъ весьма осторожно „соображаясь съ рѣчами отца“. Обрадованный этимъ отецъ спѣшилъ поблагодарить за вниманіе Государя, но отвѣчалъ, что платить деньги за поимку сына не стоитъ, а за такую неправду онъ и самъ пропадетъ.

Изъ современной переписки видно, что Алексѣй Михайловичъ не успокоился на дружескомъ письмѣ къ Ордину-Нащокину объ сынѣ. Царю хотѣлось, чтобы послѣдній возвратился въ Россію, о чемъ былъ данъ тайный наказъ Псковскому воеводѣ кн. Ѳ. Ѳ. Долгорукову (уже 29-го Авг. 1665), а Русскому переводчику въ Ригѣ Якову Ренингу передано было письмо къ сыну Нащокина съ предложеніемъ переписки, которая должна была пересылаться въ Москву *). Ему обѣщаны были прощеніе и царская милость. Дѣйствительно вскорѣ затѣмъ Воинъ Нащокинъ возвратился въ Москву.

Къ этому именно времени и относится монастырская переписка о немъ. *8-го Сентября 1667 г.* виновный былъ отправленъ въ монастырь съ боярскимъ сыномъ Степаномъ Ярышкинымъ, причемъ монастырскимъ властямъ былъ данъ слѣд. наказъ: „И вы бы Воина у нево Степана приняли и отдали ево старцу доброму, и держали подъ крѣпкимъ началомъ *до нашего государева указу*, и велѣли ему къ церкви приходити по вся дни; а пищу и питье велѣли ему давать братскую, и береженье къ нему держали, чтобъ онъ изъ монастыря никуды не ушелъ и дурна какова надъ собою не учинилъ. А въ которомъ числѣ въ тотъ монастырь сынъ боярскій Степанъ съ нимъ Воиномъ пріѣдетъ, и вы бы о томъ писали къ намъ Великому Го-

---

*) Записки Русск. Арх. Общ. по отд. Русск. и Слав. археол., II, 767—769; Соловьевъ, XI, 239—241. Между тѣмъ Воинъ Нащокинъ успѣлъ побывать съ Русскимъ посольствомъ, къ которому онъ явился, въ Копенгагенѣ и Голландіи.

сударю съ нимъ же Степаномъ". Монастырскія власти донесли въ Москву о принятіи Воина Нащокина 24-го Сентября.

Конечно такую опалу по тому времени нельзя назвать суровою [1]). Въ боярскихъ книгахъ Воинъ Ординъ-Нащокинъ значится въ званіи стольника *съ 1668* по *1676 г.* [2]). Бывшій въ это время въ Москвѣ Рейтенфельсъ замѣчаетъ о немъ: „Онъ говоритъ свободно по-французски, по-нѣмецки и на другихъ языкахъ; но познанія скорѣе служили ему препятствіемъ, нежели рекомендаціею при повышеніяхъ". Вѣрнѣе, что на его судьбу имѣло вліяніе бѣгство за границу. Нѣсколько позже онъ состоялъ воеводою въ Галичѣ до 1678 [3]). Въ 1680 году встрѣчается извѣстіе о немъ, по дѣлу о продажѣ имъ вотчины своей жены [4]). Воинъ Ординъ-Нащокинъ потомства не оставилъ [5]). Любопытно, что старинная повѣсть о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Нардина-Нащокина Аннушкѣ съ именемъ послѣдняго соединяетъ идею о болѣе свободныхъ общественныхъ отношеніяхъ [6]).

2. Н. С. Арцыбышевъ и Н. Г. Устряловъ.

Въ послѣсловіи *Н. М. Павлова* къ статьѣ „Правда о Лжедимитріи" (Русскій Архивъ 1886, № 8) сообщается весьма любопытный фактъ по поводу печатанія „Повѣствованія о Россіи" Арцыбышева, одного изъ противниковъ Карамзина въ Русской исторіографіи. „Когда Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ" издавало сводъ Арцыбышева, разсказывалъ автору означенной статьи покойный М. П. Погодинъ, въ это самое время я былъ секретаремъ; изданіе „Повѣствованія о Россіи" лежало на мнѣ. Помню, какую подняли тревогу изъ-за того мѣста, гдѣ описывалось 15-е Мая 1591 года. Задержали было всю книгу. Пришлось перепечатывать листъ. Который листъ напечатанъ и вставленъ теперь, это уже другой: настоящій, съ текстомъ самого Арцыбышева, былъ отобранъ и уничтоженъ. Я только сохранилъ себѣ на память одинъ экземпляръ и потомъ вклеилъ его у себя въ книгахъ". Но, при всемъ желаніи отыскать этотъ экземпляръ, Погодинъ не нашелъ его тогда (стр. 601).

III-й томъ „Повѣствованія" Арцыбышева былъ отпечатанъ въ 1843 году и въ данномъ мѣстѣ (стр. 20—27) представляетъ весьма сжатый разсказъ въ текстѣ и обширныя извлеченія изъ *слѣдственнаго дѣла* объ Угличскомъ событіи—въ примѣчаніяхъ, съ видимымъ предпочтеніемъ „оффиціаль-

---

[1]) Ссылка Хворостинина въ Кирилловъ монастырь называется не наказаніемъ, а лишь „исправленіемъ" (Соловьевъ, IX, 459).

[2]) Алфав. Указ. боярскихъ книгъ, М. 1853, 308.

[3]) Дополн. къ Акт. историч. IX, № 229.

[4]) Ключевскій, Боярская Дума, 487—88.

[5]) Родосл. книга, изд. „Русской Старины", I, 265.

[6]) „Москвитянинъ" 1853, I, 3—16; III, 81—82. Въ оффиціальныхъ актахъ фамилія Ордина писалась также *Ардинъ*.

наго документа“ (20, 24—25). Какъ извѣстно, Арцыбышевъ задался вообще мыслію воспроизвести въ своемъ „Повѣствованіи о Россіи“ по возможности точную передачу источниковъ въ безъискусственномъ изложеніи, въ текстѣ, и сводъ самыхъ данныхъ въ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и свидѣтельствахъ—въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ въ способѣ и формѣ обработки онъ представляетъ прямую противоположность Карамзину, а въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ замѣчаній на исторію послѣдняго обнаруживаетъ и нѣсколько иные пріемы въ отношеніи къ источникамъ. Такъ, въ 1821 г., Арцыбышевъ напечаталъ статью: „О степени довѣрія къ исторіи, сочиненной кн. Курбскимъ“ (Вѣстникъ Европы, ч. CXVIII, №№ 13—16), въ которой подрываетъ значеніе послѣдней какъ непреложнаго источника для исторіи Ивана IV-го, какимъ считалъ ее Карамзинъ. Въ статьѣ „О свойствахъ царя Іоанна Васильевича“ (Вѣст. Евр. 1821, CXX, №№ 17—20), авторъ обнаруживаетъ стремленіе критически отнестись къ объясненію характера Ивана Грознаго. Тому же вопросу посвящена статья о мнѣніи Леклерка объ Иванѣ Грозномъ, который, не смотря на свою враждебность къ Россіи, старался объяснить характеръ царя и не повѣрилъ многимъ извѣстіямъ о его жестокостяхъ, причемъ опять имѣется въ виду Карамзинъ. Въ послѣдствіи Арцыбышевъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ еще нѣсколько статей, относящихся къ критикѣ Исторіи Карамзина. Одна изъ нихъ касается извѣстій Таубе и Крузе объ Иванѣ Грозномъ, на которыхъ между прочимъ основывался Карамзинъ въ своемъ описаніи казней послѣдняго. Рецензентъ не придаетъ значенія этимъ даннымъ, такъ какъ Таубе и Крузе были Ливонцы, озлобленные на царя за его дѣйствія въ Ливоніи, а потомъ, будучи обласканы имъ, все-таки измѣнили и даже выступили противъ Россіи (1829, №№ 17—20). Въ небольшой статьѣ о кончинѣ Ивана Грознаго, авторъ старался опровергнуть извѣстіе о трагической смерти царя, описанной Горсеемъ *), которымъ воспользовался Карамзинъ, и противополагаетъ ему Русскія извѣстія, описывающія спокойную кончину царя (Вѣст. Евр. 1830, №№ 9—12). Въ статьѣ „О кончинѣ царевича Димитрія“ (Вѣст. Евр. 1830, №№ 9—12, стр. 241—266) Арцыбышевъ разбираетъ слѣдственное дѣло и приходитъ къ выводамъ, вытекающимъ изъ этого послѣдняго. Статья эта служитъ опять возраженіемъ противъ излишняго довѣрія Карамзина къ лѣтописнымъ повѣствованіямъ, въ ущербъ документальнымъ даннымъ, и „дополненіемъ къ дѣльнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ Погодина (Моск. Вѣстн. 1829, ч. III, Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія) касательно до невинности царя Бориса въ убіеніи царевича Димитрія“ [1]). Такимъ образомъ, настоящая статья, напечатанная задолго до выхода въ свѣтъ „Повѣствованія“ (авторъ умеръ 27 Авг. 1841 г.) вполнѣ можетъ вознаградить за потерю уничтоженнаго листа въ этомъ послѣднемъ, какъ увидимъ ниже. И въ настоящей

*) Любопытно сопоставленіе Арцыбышевымъ разсказа Горсея съ повѣствованіемъ Светонія о смерти Юлія Цезаря (рѣчь идетъ о предсказаніи). „Англичанинъ Горсей перемѣнилъ только старую басню на новый ладъ“, замѣчаетъ авторъ.

статьѣ авторъ высказываетъ то правило бытописанія, которому онъ самъ старался слѣдовать: „истина тѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ украшеннѣе, и тѣмъ милѣе, чѣмъ простѣе“.

Въ 1828 и 1829 гг. Арцыбышевъ сталъ помѣщать въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ свои примѣчанія на Исторію Карамзина, въ систематическомъ порядкѣ и успѣлъ напечатать ихъ на I-й и II-й томы, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются хотя и мелкія, но весьма полезныя указанія, а также интересно замѣчаніе о подражаніи Карамзина Юму какъ въ формѣ изложенія, такъ и во внѣшнемъ распредѣленіи отдѣльныхъ частей его труда [1]).

Впрочемъ Погодинъ разсказалъ въ своей бесѣдѣ съ г-мъ Павловымъ только половину исторіи съ уничтоженнымъ листомъ III-го тома „Повѣствованія“ Арцыбышева; другая половина ея воспроизведена на страницахъ недавно вышедшихъ „Протоколовъ засѣданій Археографической Коммиссіи 1841—1849 гг.“ (вып. II, С.-Петерб. 1886, стр. 2—4), изъ которыхъ, кромѣ того, видно, кто принималъ ближайшее участіе въ судьбѣ этого листа. Вотъ это мѣсто: „Засѣданіе 10-го Января 1841 года. Читано слѣдующее донесеніе члена *Устрялова* [2]). По порученію коммиссіи, разсмотрѣвъ присланный *изъ Московскаго цензурнаго комитета корректурный листъ* 3-го тома Исторіи г-на Арцыбышева, заключающій въ себѣ повѣствованіе о смерти царевича Димитрія Угличскаго, я нахожу, что авторъ въ основаніе своего разсказа принялъ одно только слѣдственное дѣло, напечатанное во 2-мъ томѣ Румянцовскаго Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, оставивъ безъ вниманія всѣ другія современныя свидѣтельства, представляющія смерть царевича въ иномъ видѣ“ [3]). „Хотя слѣдственное дѣло есть актъ весьма важный, по крайней мѣрѣ въ высшей степени любопытный (продолжаетъ Устряловъ) тѣмъ не менѣе нельзя полагаться на него исключительно и безусловно, какъ поступилъ авторъ: ибо тотъ же самый Шуйскій, который производилъ слѣдствіе и доносилъ царю Ѳеодору Іоанновичу, что Димитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, вступивъ на престолъ, объявилъ всенародно манифестомъ, что Царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ по волѣ Бориса Годунова. Такимъ образомъ естественно раждается

---

[1]) По поводу сообщенія покойнаго Погодина о странномъ переворотѣ въ мнѣніи Карамзина о Борисѣ Годуновѣ (Р. Арх. 1886, № 8, 599) весьма любопытно было бы обстоятельное ознакомленіе съ рукописями самого исторіографа, какъ это дѣлалось и дѣлается напр. относительно другихъ писателей: Пушкина, Гоголя и т. п.

[2]) Въ „выпискахъ изъ протоколовъ Археогр. Коммиссіи“, которыя въ свое время печатались въ „Журн. Мин. Народ. Просв. (1841, Мартъ, засѣд. 10-го Января), это мѣсто, какъ видно, было опущено.

[3]) Это еще болѣе подкрѣпляетъ насъ въ томъ, что роковой листъ былъ весьма близокъ по изложенію къ статьѣ Арцыбышева о томъ же предметѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ Нѣтъ-ли его въ дѣлахъ Москов. Цензурн. Комитета?

вопросъ, которое же изъ двухъ его показаній было истинное? Отвѣчать на сей вопросъ *не такъ трудно*, какъ многіе полагаютъ. Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда все трепетало предъ грознымъ временщикомъ; да и не легко было обнаружить участіе его въ злодѣйскомъ умерщвленіи Царевича юридическимъ образомъ за смертію клевретовъ его, растерзанныхъ народомъ на мѣстѣ злодѣянія. Совсѣмъ иныя были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцею Димитрія: тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину, и тѣмъ болѣе долженъ былъ открыться, что вся Россія давно убѣждена была въ преступномъ дѣлѣ Бориса Годунова, который восшествіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти Царевича. Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, своихъ и чужеземныхъ, какъ гласъ народа, служитъ самымъ громкимъ обвиненіемъ Годунова, по крайней мѣрѣ наводитъ на него сильное подозрѣніе. Авторъ оставилъ безъ вниманія всѣ сіи обстоятельства, даже не упомянулъ о манифестѣ Шуйскаго и, основавшись на одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ очевидно въ угожденіе Борису Годунову, изложилъ столь важное событіе одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики. Конечно, каждый воленъ смотрѣть на происшествія съ той или съ другой стороны; но какъ въ семъ случаѣ одностороннее воззрѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ (*что̀ уже и случилось при напечатаніи означенной статьи въ Вѣстникѣ Европы*), то я и полагаю *исправить* повѣствованіе Арцыбышева о смерти Царевича Димитрія такимъ образомъ. По принятому автором плану, надобно составить сводъ изъ современныхъ сказаній, объяснивъ положительно, что если нѣкоторыя обстоятельства, повѣствуемыя лѣтописцами, могутъ быть подвержены сомнѣнію, то несомнительно главное изъ нихъ—убіеніе Димитрія *клевретами Годунова.* Послѣ того можно помѣстить перечень слѣдственнаго дѣла въ настоящемъ видѣ его, исключивъ однако всѣ примѣчанія автора, *которыя клонятся къ оправданію Бориса Годунова* и присовокупивъ въ заключеніе то, что̀ неоднократно говорилъ самъ Шуйскій, по вступленіи на престолъ, о смерти Царевича, между прочимъ въ окружной грамотѣ 2-го Іюня 1606 г.". „Коммиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Устрялова, *опредѣлила*: представить на усмотрѣніе его высокопревосходительства *) предполагаемое *исправленіе* въ книгѣ г. Арцыбышева".

Но, какъ видно, въ книгѣ эти исправленія были сдѣланы болѣе просто, чѣмъ требовалъ того рецензентъ. Конечно, въ настоящее время ни статья Арцыбышева, ни изложеніе дѣла въ его „Повѣствованіи" не представляютъ особеннаго интереса и имѣютъ лишь значеніе въ связи съ другими его статьями, обнаруживающими критическое отношеніе автора къ Исторіи Карамзина, уже одно разногласіе съ которымъ въ то время

---

*) Т. е. министра народнаго просвѣщенія.

могло навлечь непріятности и редактору журнала, и автору статей, со стороны безусловныхъ почитателей исторіографа [1]).

Замѣчательно, однако, что самъ Устряловъ, какъ ни настаивалъ на измѣненіи указаннаго листа, въ своемъ разборѣ „розыска" по Углицкому дѣлу, напечатанномъ при „Сказаніяхъ современниковъ о Д. Самозванцѣ" [2]), совсѣмъ *иначе* судитъ и о Борисѣ Годуновѣ, и о слѣдственномъ дѣлѣ. Разобравъ означенный актъ, онъ замѣчаетъ: „По крайней мѣрѣ Углицкій розыскъ не наводитъ *и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова*" (3-е изд. II, стр. 280); а, представивъ разборъ Русскихъ и иностранныхъ извѣстій, онъ заключаетъ свое изслѣдованіе такимъ выводомъ: „Сообразивъ *всѣ показанія* свидѣтелей, вникнувъ во *всѣ* обстоятельства времени, *каждый* вѣроятно согласится, что Годуновъ *если не совсѣмъ* правъ, по крайней мѣрѣ *не кругомъ виноватъ*, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, *можетъ быть* [3]), только по стеченію обстоятельствъ" (288) [4]). Отзывъ же Устрялова о лѣтописныхъ свидѣтельствахъ въ данномъ случаѣ не менѣе строгъ, если даже не болѣе, чѣмъ самого Арцыбышева (287). Заслуживаетъ также вниманія, что нѣкоторые писатели о Борисѣ Годуновѣ, слѣдуя въ разборѣ дѣла 1591 г. Устрялову, въ своихъ выводахъ склонялись къ мнѣнію Арцыбышева [5]), хотя одно изъ другихъ не вытекаетъ. Упомянемъ, наконецъ, что Арцыбышевъ и въ то время, и въ послѣдствіи имѣлъ своихъ поклонниковъ, которые отдавали ему безусловное предпочтеніе передъ Карамзинымъ [6]).

В. Иконниковъ.

---

[1]) См. напр. Моск. Вѣст. 1828, № 24. Московскій Телеграфъ 1833, ч. XLIV, 429—457.

[2]) „Сказанія современниковъ о Д. Самозванцѣ" вышли въ 1831—34; 1837 и 1859 гг.

[3]) Курсивъ у автора.

[4]) Оффиціальное распоряженіе 1850 г. относительно одного выраженія въ „Начерт. Русской Исторіи" Устрялова, см. въ Русской Старинѣ, 1871, гл. III, 393—394. Мѣсто это: „Источникомъ этого потрясенія (смутной эпохи) было странное событіе, доселѣ еще вполнѣ не разгаданное" и проч., должно было подлежать исключенію при слѣдующемъ изданіи книги, а пока особому объясненію относительно участія (Бориса Годунова) что опять показываетъ, что Устряловъ иначе относился къ этому послѣднему. Распоряженіе это принадлежитъ тому же кн. Ширинскому, который былъ предсѣдателемъ Коммиссіи въ 1841 г., когда Устряловъ разсматривалъ листъ изъ III тома Повѣствованія Арцыбышева.

[5]) См. „Русск. Старина", 1875, т. XIV, стр. 82, 86. „Вѣстникъ Европы" 1880, т. I, стр. 146 (любопытное сопоставленіе Арцыбышева и Карамзина въ письмѣ живописца Иванова къ Шевыреву, съ точки зрѣнія художественнаго интереса ихъ трудовъ).

[6]) Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, А. *Краевскаго*, Спб. 1836, стр. 31—37; Очеркъ историч. изслѣдов. о царѣ Борисѣ Годуновѣ, писалъ Ник. *Полозовъ*, Москва, 1858, стр. 63—99 и др. Послѣдняя книжка не имѣетъ научнаго значенія.

АПОЛОГІЯ А. И. РУНОВСКАГО.

Прочитавъ „Кавказскія Воспоминанія“ г-на Зиссермана, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года, мы, родныя сестры А. И. Руновскаго, не можемъ оставить ихъ безъ возраженія.

Аполлонъ Ивановичъ Руновскій былъ причастенъ привычкамъ и слабостямъ обще-человѣческимъ, отъ которыхъ не совсѣмъ былъ свободенъ и самъ г-нъ Зиссерманъ, по собственному его сознанію: „Я“, пишетъ онъ, „по крайней мѣрѣ во-время опомнился и вотъ уже болѣе 25-ти лѣтъ отъ всякихъ азартныхъ игръ отрѣшился“; но онъ, Руновскій, „картъ нигдѣ не оставлялъ“. Руновскій игралъ въ карты, какъ принято въ обществѣ и между высокопоставленными лицами всего цивилизованнаго міра.

„Женившись молодымъ офицеромъ“, далѣе вспоминаетъ г-нъ Зиссерманъ, „пришлось ему заботиться о средствахъ къ жизни и искать спокойнаго мѣста...“ Это невѣрно: получивъ нѣсколько почетныхъ ранъ и долго пролежавъ въ госпиталѣ, Руновскій не могъ уже нести фронтовую службу гораздо прежде женитьбы своей.

„Руновскій былъ заклятый врагъ денегъ и бралъ ихъ для того, чтобы проигрывать и транжирить самымъ неразсчетливымъ и легкомысленнымъ образомъ. Кромѣ того, по добротѣ и широтѣ Славянской натуры никому ни въ чемъ не отказывалъ...“ Жестокое обвиненіе брошено на мертваго такъ слегка и мимоходомъ!... И кто изъ его добрыхъ товарищей не испыталъ на себѣ благотворнаго вліянія этой доброй, широкой натуры?...

„Когда совершенно неожиданно надъ нимъ стряслась бѣда, въ видѣ увольненія безъ прошенія отъ службы за какой-то сущій пустякъ, а не за злоупотребленіе, Руновскій остался безъ всякихъ средствъ. Евдокимовъ зачислилъ его въ Навагинскій полкъ...“ Причина этого увольнененія ясно изображена въ статьѣ, о которой упоминаетъ г-нъ Зиссерманъ: *Человѣкъ съ честными намѣреніями*. Самъ израненный, самъ извѣдавшій невзгоды и тяготы боевой жизни, Руновскій дни и ночи бодрствовалъ надъ ранеными и больными въ госпиталѣ, котораго онъ былъ смотрителемъ и требовалъ выдачи всего, что̀ по закону полагалось для ихъ содержанія и успокоенія. Это не

понравилось нѣкоторымъ личностямъ, вслѣдствіе чего и состоялось его увольненіе втихомолку отъ тѣхъ, кто могъ бы помѣшать.

„...Затѣмъ опять онъ поступилъ на спокойное мѣсто смотрителемъ госпиталя во Владикавказѣ; но не надолго... Не знаю, по собственному-ли желанію, онъ былъ опять зачисленъ по арміи и отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ очутился сотрудникомъ новаго „Военнаго Сборника“, въ которомъ дебютировалъ статьею: *Человѣкъ съ честными намѣреніями*, и талантливо разсказалъ свои коммиссаріатскія похожденія. Статья обратила на себя вниманіе...“

Военный министръ Сухозанетъ называлъ эту статью своею настольною книгою, чтобъ справляться съ нею для полученія вѣрныхъ свѣдѣній и проникся такимъ довѣріемъ къ ея автору, что вызвалъ его къ себѣ и уволенному отъ смотрительства Кавказскимъ госпиталемъ далъ порученіе осмотрѣть Петербургскіе госпитали и доставить ему настоящія свѣдѣнія.

„...Когда въ 1859 году привезли въ Петербургъ плѣннаго Шамиля, рѣшено было назначить особаго пристава для присмотра за нимъ. По чьей-то рекомендаціи выборъ палъ на того же Руновскаго, и онъ въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ отлично исполнялъ свою обязанность, былъ любимъ старымъ имамомъ и всею его семьею, писалъ разныя статьи о Шамилѣ, горскихъ обычаяхъ и пр...“ Не по чьей-то рекомендаціи, а по предложенію военнаго министра, убѣдившагося въ талантливости и правдивости Руновскаго изъ добросовѣстнаго исполненія данныхъ ему порученій и по соглашенію съ княземъ Барятинскимъ.

„Въ 1861—1862 года, вдругъ капитанъ Руновскій является на Кавказъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, вслѣдъ затѣмъ переводится въ гвардію, остается въ томъ же званіи при Великомъ Князѣ намѣстникѣ Кавказскомъ, разъѣзжаетъ по краю съ особыми порученіями. Какова метаморфоза!.. Возлагались на Руновскаго важныя слѣдствія, казусныя дѣла и важныя командировки, болѣе гражданскаго характера. Не знаю гдѣ, по какому дѣлу что-то сорвалось, и Руновскій въ чинѣ уже полковника былъ отчисленъ по арміи и опять очутился ни съ чѣмъ. Послѣ онъ отправился въ Ташкентъ въ распоряженіе Кауфмана, служилъ тамъ, какъ я слышалъ, съ пользою, содѣйствовалъ къ устройству городскаго управленія, былъ представленъ къ производству въ генералы, но заболѣлъ и умеръ. Картъ нигдѣ не оставлялъ, всегда былъ добродушенъ, веселъ, большой охотникъ острить, цитировать Гоголевскія забавныя изреченія и проч. Этому способному, богато-одаренному человѣку недостало немного больше образованія, начитанности, немного больше силы воли и выдержки, чтобы, не погружаясь въ госпитальные омуты, оказаться виднымъ административнымъ дѣятелемъ на Кавказѣ и оставить послѣ себя болѣе свѣтлую память“.

Память Аполлона Ивановича всегда и осталась свѣтлою для благородныхъ людей, знавшихъ и любившихъ его, и „метаморфоза его армейской службы въ гвардейскую“ была признана не чудомъ, а справедливою оцѣн-

кою высшаго начальства, награждавшаго его честную и полезную службу Царю и Отечеству.

Если г-нъ Зиссерманъ желалъ сказать основательное слово объ умершемъ, то слѣдовало бы ему заглянуть въ его формулярный списокъ: тогда онъ увидѣлъ бы, сколько лѣтъ, начиная съ 18-лѣтняго возраста, Руновскій посвятилъ службѣ на Кавказѣ, въ какихъ экспедиціяхъ онъ участвовалъ, славясь беззавѣтною храбростью и самоотверженіемъ, сколько разъ былъ раненъ въ бою: тогда не показалось бы г-ну Зиссерману чудомъ милостивое вниманіе, которымъ удостоивали Руновскаго высокіе цѣнители заслугъ Русскаго солдата.

И развѣ можно писать такъ *слегка*, мимоходомъ, исторію жизни даже своихъ враговъ? Всѣ же воспоминанія о Руновскомъ у г-на Зиссермана испещрены туманными догадками. Да, немало надо способностей, таланта и заслугъ, чтобъ человѣку, не имѣвшему ни протекціи, ни богатства, ни родства, обратить на себя общее вниманіе.

А. И. Руновскій воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ и въ послѣдствіи, по сродной ему способности, самъ заботился о развитіи своемъ чтеніемъ и изученіемъ лучшихъ авторовъ, былъ много начитанъ, писалъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, но въ вѣчной борьбѣ съ невзгодами и опасностями, не имѣлъ ни времени, ни средствъ научиться иностраннымъ языкамъ, что̀ было немалою помѣхою въ его общественной жизни. Онъ участвовалъ во многихъ славныхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ, испыталъ немало невзгодъ и бурь въ житейскомъ морѣ, много страдалъ отъ ранъ, но до конца жизни сохранялъ искреннюю вѣру въ Бога, любовь къ ближнему, непоколебимую преданность Царю и Отечеству. Всегда, даже въ самыя тяжелыя невзгоды, онъ отличался спокойнымъ и веселымъ настроеніемъ духа, можетъ быть потому что никогда не зналъ зависти, всегда радовался видя добро въ ближнемъ, всегда готовъ былъ обѣлять своею добротою промахи другаго, не умѣлъ никого чернить, не умѣлъ и выставлять своихъ заслугъ на показъ; словомъ, это была настоящая Русская душа, спокойная увѣренностью, что исполняетъ свой долгъ.

Память Руновскаго свѣтла для знавшихъ и любившихъ его.

Сестры покойнаго А. И. Руновскаго.

Н. Х. КЕТЧЕРЪ.

(† 12-го октября 1886).

Вотъ нѣсколько свѣдѣній о покойномъ Н. Х. Кетчерѣ, которыя были записаны мною отъ него лично (28 Сентября 1878 года).

Дѣдъ Кетчера имѣлъ домъ въ Стокгольмѣ и былъ посланъ отъ правительства Шведскаго въ Германію усовершенствоваться въ приготовленіи хирургическихъ инструментовъ. Въ Берлинѣ узналъ о томъ посолъ имп. Елисаветы и склонилъ Кетчера перейти въ Русскую службу. Кетчеромъ основанъ существующій до сихъ поръ въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову инструментальный заводъ. Старикъ и умеръ начальствуя этимъ заводомъ; онъ имѣлъ Русскую деревню и своихъ крѣпостныхъ. Сына своего обучилъ онъ тому же искусству, и этотъ сынъ сдѣлался начальникомъ Московскаго инструментальнаго завода (упраздненнаго лѣтъ 20 назадъ). Заводъ сначала помѣщался гдѣ нынѣ Прѣсненская часть, и тамъ, въ 1808 году, родился Кетчеръ отъ втораго брака своего отца на простой Русской женщинѣ Бѣловой. (Отъ перваго брака была дочь за Долговымъ).

Любопытенъ младшій братъ его отца, памятный многимъ своими кутожами. Онъ служилъ въ военной службѣ, и еще при Павлѣ изъ Кремлевскаго караула отправлялся въ трактиры, куда нарочно съѣзжались смотрѣть на подвиги его пьянства и озорничества. У него и его собутыльниковъ былъ пріютъ въ селѣ Перовѣ у священника. Однажды, когда всякія штуки уже надоѣли, товарищи говорятъ ему: «Что же ты замолкъ, душа Кетчеръ, потѣшь насъ!» У священника было нѣсколько взрослыхъ дочерей. Кетчеръ велитъ привести ихъ и поставить рядомъ. Не долго думая, онъ выбралъ изъ нихъ одну и закричалъ отцу: «Веди насъ въ церковь и вѣнчай!» Такъ онъ и женился на поповнѣ, но до конца не прекратилъ безпутной жизни.

Позволяемъ себѣ привести изъ «Русскихъ Вѣдомостей» (отъ 16 Октября) рѣчь, сказанную Б. Н. Чичеринымъ на его могилѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ историческою могилою Грановскаго.

«Мы хоронимъ одного изъ послѣднихъ представителей старой Москвы, который въ ней родился и жилъ почти неотлучно съ самаго начала нынѣшняго столѣтія. Его воспоминанія восходили къ 1812 году; въ зрѣломъ возрастѣ онъ пережилъ лучшую эпоху умственнаго движенія сороковыхъ годовъ, когда всюду, и въ литературѣ, и на университетской каѳедрѣ, и въ гостиныхъ, кипѣли умственные интересы и происходили блистательныя ристалища славянофиловъ и западниковъ. Кетчеръ былъ другомъ Грановскаго, Бѣлинскаго, Боткина, Герцена, Кавелина, Соловьева. Въ этой блестящей средѣ онъ не выдавался яркимъ талантомъ, но онъ былъ близокъ всѣмъ. Его живая, чистая, высоконравственная натура, его неуклонное прямодушіе, его безпредѣльная доброта и всегдашняя готовность служить друзьямъ всѣми зависящими отъ него средствами дѣлали его дорогимъ для всякаго, кто сквозь нѣсколько шероховатую оболочку умѣлъ цѣнить и любить внутренняго человѣка».

«Кетчеръ пережилъ и другую хорошую для Москвы эпоху, время возрожденія Русскаго общества въ началѣ прошедшаго царствованія, время пылкихъ надеждъ и зарождающейся свободы. Онъ принималъ горячее участіе во всѣхъ вопросахъ дня, и въ литературныхъ спорахъ, и въ дѣлахъ новаго городскаго самоуправленія. Но здѣсь онъ явился уже не тѣмъ Кетчеромъ, какого знали прежде. Въ оппозиціонное время сороковыхъ годовъ онъ былъ въ числѣ самыхъ крайнихъ: онъ менѣе всего могъ мириться съ господствовавшими тогда порядками. Когда же настала пора преобразованій, онъ съ своимъ глубокимъ здравымъ смысломъ понялъ, что тутъ крайнія мнѣнія неумѣстны, что для упроченія преобразованій нужны прежде всего умѣренность и воздержаніе. И Кетчеръ сталъ въ ряды умѣренныхъ, благословляя Царя, который вывелъ изъ крѣпостнаго состоянія десятки милліоновъ Русскихъ людей и по всей Русской землѣ насадилъ учрежденія, проникнутыя духомъ свободы. Однако лѣта брали свое, а съ другой стороны, и литература, и жизнь приняли теченіе, которое не могло его удовлетворить. Кетчеръ на это не роптал; онъ говорилъ, что нечего роптать на жизнь, когда на своемъ вѣку зналъ лучшихъ людей и видѣлъ хорошія времена. Новыя теченія понудили его только удалиться изъ общественной жизни и замкнуться въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Порой еще, въ общественныхъ собраніяхъ, за бокаломъ вина, раздавался громкій, знакомый Москвичамъ хохотъ. Но наконецъ и хохотъ умолкъ, и къ бокалу онъ сталъ равнодушенъ. Чистая лам-

пада мало-по-малу угасала. Одно, что̀ въ немъ никогда не угасло и къ чему онъ никогда не сдѣлался равнодушнымъ, это—дружба. Своихъ друзей, и старыхъ и новыхъ, онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, и они платили ему тѣмъ же. Когда, бывало, этотъ представитель отжившаго поколѣнія пріѣдетъ въ дружескій домъ и сядетъ на обычное свое мѣсто, уже одно его молчаливое присутствіе разливало вокругъ него какое-то теплое и отрадное чувство. За то друзья его не забудутъ, и покинутое имъ мѣсто останется пусто. Прощай, вѣрный другъ, добрый товарищъ и старыхъ, и молодыхъ! Да почіешь ты съ миромъ, также какъ и жилъ. Намъ, старымъ твоимъ друзьямъ, недолго уже придется тебя поминать. До свиданія, до недалекаго уже свиданія, тамъ, въ лонѣ вѣчной благости, гдѣ чистая твоя душа найдетъ подобающее ей жилище».

Н. Х. Кетчеръ былъ достопамятнымъ явленіемъ Москвы и не умретъ въ ея преданіяхъ. Про него можно написать цѣлую книгу, полную любопытныхъ эпизодовъ нашей общественной, умственной и литературной жизни. П. Б.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ ТЮТЧЕВА *).

Радостно привѣтствуемъ это на дняхъ появившееся изданіе, въ которомъ давно нуждалась наша словесность: оно наконецъ, по возможности, полное; а странно было, что до сихъ поръ мы не имѣли полнаго собранія сочиненій такого писателя какъ Ѳ. И. Тютчевъ. Его лучезарная голова—въ неувядаемомъ вѣнкѣ живой поэзіи; высокій строй его мыслей, безпредѣльная широта его сочувствій, что-то вѣщее, бывшее въ Тютчевѣ, не умрутъ, пока сохранится на землѣ Русское слово и Русское имя. Тютчевъ оставилъ немного произведеній; но почти каждое изъ нихъ до сихъ поръ свѣжо и содержательно, производитъ живое впечатлѣніе, будитъ въ читателѣ изящную мысль. Это философъ и въ тоже время высокій художникъ. Въ 1848 году, когда Ламартинъ, нѣкогда мечтательный поэтъ и другъ природы, предался дѣятельности политической и сдѣлался президентомъ Французской республики, Тютчевъ писалъ про него:

Какъ онъ любилъ родныя ели
Своей Савойи дорогой,
Какъ мелодически шумѣли
Ихъ вѣтви надъ его главой.
Ихъ мракъ торжественно-угрюмый
И дикій заунывный шумъ
Какою сладостною думой
Его обворожали умъ...

Или вотъ напр. что писалъ Тютчевъ уже, старый и хворый, на седьмомъ десяткѣ лѣтъ:

Когда дряхлѣющія силы
Намъ начинаютъ измѣнять,
И мы должны какъ старожилы
Пришельцамъ новымъ мѣсто дать:

---

*) С.-Петербургъ 1886. Большая 8-ка, 584 стр., съ портретомъ и снимками почерка. Цѣна 2 р.

Спаси тогда насъ добрый геній
Отъ малодушныхъ укоризнъ,
Отъ клеветы, отъ озлобленій
На измѣняющую жизнь;

Отъ чувства затаенной злости
На новый современный міръ,
Гдѣ новые садятся гости
За уготованный имъ пиръ;

Ото всего, что̀ тѣмъ задорнѣй
Чѣмъ глубже крылось съ давнихъ поръ —
И старческой любви позорнѣй
Сварливый старческій задоръ.

Отъ желчи горькаго сознанья,
Что насъ потокъ ужъ не несетъ
И что другія есть призванья,
Другіе вызваны впередъ.

Эти стихи, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ появляются въ печати (стр. 219), и такихъ новыхъ или доселѣ не собранныхъ стихотвореній въ настоящемъ изданіи насчитывается до 30-ти. Кромѣ того тутъ же помѣщены переводы Тютчева изъ иностранныхъ поэтовъ и прозаическія статьи его на Французскомъ языкѣ и въ Русскихъ переводахъ изъ нашего «Русскаго Архива» (гдѣ эти переводы появились вполнѣ). Хорошій переводъ Тютчева — дѣло большей литературной заслуги, и этотъ трудъ приняли на себя для трехъ статей Ѳ. И. Тимирязевъ, а для четвертой («Папство и Римскій вопросъ») — В. Н. Лясковскій.

Къ сожалѣнію, изданіе вышло безъ предисловія и необходимыхъ примѣчаній. Мы не можемъ также одобрить самаго плана въ распредѣленіи стихотвореній. По нашему мнѣнію, только политическіе стихи Тютчева должно печатать въ порядкѣ времени: это художественная, отзывчивая лѣтопись; для остальныхъ хронологическое распредѣленіе не важно, тѣмъ болѣе, что точной хронологіи соблюсти нельзя, такъ что и въ нынѣшнемъ изданіи много стихотвореній огульно отнесено къ молодой порѣ, за невозможностью опредѣлить время ихъ написанія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно принадлежатъ къ полной возмужалости его Музы. Намъ кажется, что гораздо сподручнѣе для читателя имѣть стихи Тютчева распредѣленные по содержанію, какъ издаются Шиллеръ, Гете, Гейне и другіе Европейскіе поэты. Конечно выдержать строго это распредѣленіе очень трудно по свойственной Тютчеву художественной зыбкости. Въ описаніяхъ

природы, въ раскрытіи тайнъ человѣческаго сердца, это поэтъ психологъ, знатокъ глубокихъ, можно сказать, космическихъ ощущеній, вѣдомыхъ каждому, но иной разъ едва уловимыхъ. Издатель обязанъ облегчить читателю пользованіе книгою. Вы вспомнили какой нибудь стихъ, тонкой чеканки и прихотливаго узора (а таковы они именно у Тютчева), и вамъ хочется прочитать снова самое стихотвореніе: въ настоящемъ изданіи найти искомое труднѣе, чѣмъ въ изданіяхъ предъидущихъ (предназначавшихся впрочемъ исключительно для большинства читателей и съ этою цѣлью отданныхъ въ продажу по общедоступной цѣнѣ). Роскоши нынѣшняго изданія не соотвѣтствуетъ геліотипія портрета. Несравненно лучше ея гравюра на стали, приложенная къ «Русскому Архиву» 1874 года и воспроизведенная недавно при отдѣльномъ изданіи біографіи, написанной И. С. Аксаковымъ.

Новый издатель проститъ намъ еще нѣсколько замѣчаній. Къ чему не вполнѣ означены лица, къ которымъ обращены иныя стихотворенія? Такъ напр. читателю важно знать, что прекрасные стихи Memento (стр. 237) писаны про императрицу Александру Ѳедоровну. Въ стихахъ на взятіе Варшавы (стр. 86) пропущено очень вѣское четверостишіе во 2-й строфѣ, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» и въ двухъ общедоступныхъ изданіяхъ. На стр. 101-й простая опечатка *насъ* вмѣсто *васъ* измѣняетъ смыслъ удивительнаго стихотворенія, въ которомъ невѣрно напечатанъ и 3-й стихъ. При стихахъ на смерть Пушкина, внизу, поставлены день и годъ его кончины, какъ будто стихи эти тогда же именно въ Петербургѣ и писаны; тогда какъ Тютчевъ 29 Января 1837 года находился въ чужихъ краяхъ. Послѣдній стихъ въ «Русской Географіи» (стр. 141) не понятенъ безъ объясненія, котораго, къ сожалѣнію, не дано. Въ стихахъ на пріѣздъ въ Петербургъ Государыни Императрицы слѣдовало поправить ошибку прежнихъ изданій, т.-е. напечатать *Дагмарина* недѣля, а не *Дагмарова*.

Эти недосмотры исправятся въ изданіяхъ слѣдующихъ; а мы увѣрены, что ихъ будетъ много. Теперь же поблагодаримъ издателя за превосходную книгу, которой нельзя довольно начитаться. Общество во всѣхъ отношеніяхъ выигрываетъ, пріучаясь дорожить такими произведеніями, въ которыхъ рѣшительно не встрѣтишь заполоняющей печать нашу пошлости. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

РУССКАГО АРХИВА

1886 года *).

*) Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива 1886 года составляютъ три книги, каждая со своимъ счетомъ страницъ. Римскія цыфры указателя означаютъ книгу, Арабскія — страницу. П. Б.

*

*

*

*

*

*

ПОПРАВКА.

Къ стр. 500-й. Графиня А. Ѳ. Закревская тѣло своего супруга возвратила изъ Берлина въ Италію и похоронила близъ Флоренціи. Н. Р.

ОПЕЧАТКИ:

На 288-й стр. 5-я строка снизу напечатано К. С Шидловскому, слѣдуетъ читать *К. С. Шиловскому.*

На стр. 416-й перепутаны номера примѣчаній.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

(выпускъ 9, 10, 11 и 12).

Открыта подписка на 1887 годъ.

XVIII годъ. **„НИВА“** XVIII годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ,

выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“,

(около 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлья, 400 выкроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ,

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 4 р.

Съ доставкою въ С.-Петерб. 5 „ 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ черезъ Отд. Конт. „Нивы“ у Н. Печковской 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и друг. город. и мѣстечкахъ Имперіи .... 6 „

За границу .... 8 „

„НИВА“, вступая въ восемнадцатый годъ изданія, въ теченіе всего этого ряда годовъ неизмѣнно сохраняла характеръ истинно-русскаго журнала для семейнаго чтенія. Этому долголѣтнему традиціонному направленію „НИВА“ останется вѣрною и на будущее время, улучшая при этомъ внѣшній видъ и внутреннее содержаніе журнала.

Главною нашею преміей на будущій 1887 годъ будетъ большая олеографическая картина (печатанная масляными красками), подъ названіемъ:

Бабушкина сказка.

Оригиналъ картины для „НИВЫ“ написанъ нашимъ знаменитымъ художникомъ, профессоромъ К. Е. МАКОВСКИМЪ.

Для будущаго 1887 года мы заготовили массу художественно-выполненныхъ гравюръ лучшихъ художниковъ и граверовъ и рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, а именно:

„СКОВРОНСКІЕ“, истор. романъ въ 2-хъ част., изъ временъ Екатерины I (1725 г.) графа Е. А. САЛІАСА.

„ВАНЗАМІЯ“, святочный разсказъ Н. Д. АХШАРУМОВА.

„МОЙ СОБРАТЪ“, разсказъ Вс. КРЕСТОВСКАГО.

„ЗВѢЗДА ПАДУЧАЯ“, романъ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

„КАВКАЗСКІЙ ЛЕГІОНЪ“, историч. повѣсть изъ временъ 1812 г., В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ.

„МОНИЧКА“, повѣсть Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА).

„СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА“, повѣсть Н. В. УСПЕНСКАГО.

„НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ“, „ЗА ДУПЕЛЯМИ“, два разсказа К. ТХОРЖЕВСКАГО.

„СТРАННЫЯ ПИСЬМА“, разсказъ К. БОРОЗДИНА.

„СКИТАЛЕЦЪ“, разсказъ изъ сибирскихъ воспоминаній, А. Я. МАКСИМОВА.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи. Невскій Проспектъ, д. № 6.

С.-Петербургъ. Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**